

Дж. В. Дрэперъ.

801-18

429

M 173
1157

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ
М. В. Лучицкой,
подъ редакціей
проф. И. В. Лучицкаго.

ИЗДАНИЕ 2-е.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. Иогансона.
Кіевъ—Харьковъ.

Дж. В. Дрэперъ.

ИСТОРІЯ
УМСТВЕННАГО—РАЗВИТІЯ
ЕВРОПЫ

Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія М. В. Лучицкой,
подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго.

К. 1895 г. Цѣна за 2 тома 1 руб. 50 к.

Новый переводъ блестящаго произведенія проф. Дж. В. Дрэпера, появившагося на многихъ иностранныхъ языкахъ и выдержавшаго 4 изданія на русскомъ, сдѣланъ съ послѣдняго, тщательно пересмотрѣннаго и дополненнаго изданія англійскаго подлинника. Оригинальная и смѣлая попытка новаго освѣщенія культурной исторіи, попытка привести данныя, представляемыя умственной жизнью Европы, въ согласіе съ фізіологическими принципами и этимъ объяснить правильный ходъ цивилизаціи обратила на себя серьезное вниманіе и завоевала прочную почву въ наукѣ. Благодаря такому способу изслѣдованія, исторія представляется намъ въ совершенно новомъ видѣ; мы получаемъ болѣе справедливую и точную оцѣнку мыслей и побужденій человѣчества въ послѣдовательные ряды вѣковъ. Талантливый историкъ задается вопросомъ, движется ли процессія народовъ, подобно фантазмагоріямъ сна, безъ причины и порядка, или же это заранѣе определенное, торжественное шествіе, къ которому все должны присоединиться, которое ни на минуту не останавливается, а неуклонно подвигается впередъ, встрѣчая на своемъ пути и претерпѣвая непреодолимый рядъ событий. Отвѣтъ получается—что социальный прогрессъ находится всецѣло подъ управленіемъ естественнаго закона, подобно физическому развитію организма. Жизнь отдѣльнаго индивидуума представляетъ въ миниатюрѣ жизнь націй—человѣкъ является прототипомъ общества, индивидуальное его развитіе типичнымъ образцомъ социальнаго. Народы въ физическомъ и духовномъ отношеніи, представляя собой агрегаты отдѣльныхъ единицъ, подобно имъ, подвергаются соответственнымъ измѣненіямъ и проходятъ черезъ фазы: младенчество, дѣтство, юношество, зрѣлость, старость и смерть. Авторъ, посвятившій много лѣтъ жизни излагаемому имъ предмету, съ критической тонкостью проводитъ свои взгляды, хотя они, по его словамъ, и являются оскорбительными для гордости нашего вѣка, задѣваютъ многіе его предразсудки и интересы.

1124

ИСТОРІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ.

Дж. В. Дрэперъ.

M $\frac{173}{167}$.

ИСТОРИЯ
УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ
ЕВРОПЫ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

М. В. Лучицкой,

подъ редакціей

проф. И. В. Лучицкаго.

ИЗДАНИЕ 2-е.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Югансона.

Кіевъ—Харьковъ.

ИСТОРИЯ

УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ЕВРОПЫ

Доволено цензурою. Кіевъ, 5 іюля 1896 года.

2014333913

р 9379 - 35

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклевская улица, домъ № 22-й.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.		СТР.
Предисловіе		I
ГЛАВА I.		
Объ управленія природы закономъ		1
ГЛАВА II.		
Объ Европѣ: ея топографія и этнографія		18
ГЛАВА III.		
Отступленіе: индусская теологія и египетская цивилизація		44
ГЛАВА IV.		
Греческій вѣкъ изслѣдованія		74
ГЛАВА V.		
Греческій вѣкъ вѣры		112
ГЛАВА VI.		
Греческій вѣкъ разума		134
ГЛАВА VII.		
Греческій вѣкъ умственной дрихлости		162
ГЛАВА VIII.		
Отступленіе: объ исторіи и философскихъ вліяніяхъ Рима		187
ГЛАВА IX.		
Европейскій вѣкъ изслѣдованія		208
ГЛАВА X.		
Европейскій вѣкъ вѣры		232
ГЛАВА XI.		
Преждевременный конецъ вѣка вѣры на востокѣ		243
ГЛАВА XII.		
Вѣкъ вѣры на западѣ		260
ГЛАВА XIII.		
Отступленіе: переходъ арабовъ въ ихъ вѣкъ разума		286
ГЛАВА XIV.		
Вѣкъ вѣры на западѣ (Продолженіе)		309

ТОМЪ II.

	СТР.
Г Л А В А I.	
Вѣкъ вѣры на западѣ (Продолженіе)	329
Г Л А В А II.	
Вѣкъ вѣры на западѣ (Продолженіе)	349
Г Л А В А III.	
Вѣкъ вѣры на западѣ (Продолженіе)	388
Г Л А В А IV.	
Вѣкъ вѣры на западѣ (Окончаніе)	409
Г Л А В А V.	
Приближеніе вѣка разума въ Европѣ	445
Г Л А В А VI.	
Приближеніе вѣка разума въ Европѣ (Продолженіе)	475
Г Л А В А VII.	
Вѣкъ вѣры въ Англіи	504
Г Л А В А VIII.	
Европейскій вѣкъ разума	521
Г Л А В А IX.	
Европейскій вѣкъ разума (Продолженіе)	552
Г Л А В А X.	
Европейскій вѣкъ разума (Продолженіе)	585
Г Л А В А XI.	
Европейскій вѣкъ разума (Окончаніе)	607
Г Л А В А XII.	
Будущее Европы.—Заключеніе	627

Предисловіе.

На засѣданіи «Британскаго общества для развитія наукъ», состоявшемся въ Оксфордѣ въ 1860 г., я прочелъ изложеніе фізіологическихъ взглядовъ на умственный прогрессъ Европы, заключающихся въ настоящемъ сочиненіи, и заявилъ, что историческія доказательства будутъ приведены мною впоследствии.

Настоящее произведеніе заключаетъ въ себѣ эти историческія доказательства. Оно должно служить дополненіемъ къ моей книгѣ *Физиологія человека*, въ которой человекъ разсматривается какъ индивидуумъ. Здѣсь же онъ разсматривается въ его общественныхъ отношеніяхъ.

Но читатель найдетъ также, надѣюсь, что здѣсь исторія развитія идей и мнѣній излагается съ точки зрѣнія, которой до сихъ поръ пренебрегали. Существуютъ два метода обсужденія философскихъ вопросовъ—историческій и научный. Многія вещи, которыя при чисто литературной обработкѣ предмета остаются на заднемъ планѣ, получаютъ внезапно громадное значеніе, если мы начнемъ разсматривать ихъ въ научномъ отношеніи. А я пользовался именно этимъ послѣднимъ методомъ.

Общественный прогрессъ находится всецѣло подъ управленіемъ естественнаго закона, подобно физическому развитію организма. Жизнь каждаго отдѣльнаго индивидуума представляетъ въ миниатюрѣ жизнь націи. Настоящая книга написана главнымъ образомъ съ цѣлью доказать именно эти положенія.

Мнѣ кажется, что никто до настоящаго времени не дѣлалъ попытки привести данныя, представляемыя умственною исторіею Европы, въ согласіе съ фізіологическими началами, и этимъ путемъ объяснить правильный прогрессъ цивилизаціи; подобнымъ же образомъ никто не группировалъ факты, доставляемые другими отраслями знанія, такъ чтобы дать намъ возможность уяснить себѣ условія, при которыхъ совершается этотъ прогрессъ. Эти философскіе недостатки я и старался пополнить на слѣдующихъ страницахъ.

Благодаря такому способу изслѣдованія, исторія, разсматриваемая через посредство физиологій, представляется намъ въ совершенно новомъ видѣ. Мы получаемъ болѣе справедливую и точную оцѣнку мыслей и побуждений челоука въ послѣдовательные ряды вѣковъ.

Въ предисловіи ко второму изданію моей *Физиологій*, изданной въ 1858 г., упоминалось, что эта книга была написана въ 1856 г. Если я сдѣлалъ въ ней кое-какія измѣненія, то лишь съ цѣлью представить все изложеніе въ болѣе сжатомъ видѣ. Но обсужденіе различныхъ научныхъ вопросовъ, напр., вопроса о происхожденіи видовъ, который привлекъ къ себѣ недавно въ такой сильной степени вниманіе общества, было оставлено мною нетронутымъ, такъ что излагаемые въ настоящемъ изданіи принципы тѣ же, какіе были представлены въ прежнемъ изданіи 1856 г.

Плю-Йоркъ 1861 г.

Предисловіе къ пересмотрѣнному изданію.

Въ виду многихъ переизданій настоящаго сочиненія и многочисленныхъ переводовъ его, появившихся на всевозможныхъ иностранныхъ языкахъ—французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, польскомъ, сербскомъ и т. д., я былъ поставленъ въ необходимость тщательно пересмотрѣть его и сдѣлать необходимыя, съ моей точки зрѣнія, дополненія къ нему. Поэтому я надѣюсь, что моя книга будетъ по-прежнему пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ и симпатіею общества.

Ноябрь 1875.

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА I.

Объ управленіи природы закономъ.

Предметъ настоящаго сочиненія.—Представляемая имъ затрудненія.—Постепенное развитіе идеи объ управленіи природы закономъ.—Она подтверждается мало по малу астрономическими, метеорологическими и физиологическими открытіями.—Примѣры, взятые изъ законовъ Кеплера, изъ пассатныхъ вѣтровъ, изъ переселеній птицъ, изъ уравновѣшенія растительной и животной жизни, изъ измѣненій видовъ и ихъ устойчивости.

Человѣкъ, какъ отдѣльный индивидуумъ, составляетъ эмблему обществъ, націй и челоучества во всей его совокупности. Въ нихъ замѣчаются такія же эпохи жизни, какъ у него, и они такъ же точно находятся подъ вліяніемъ физическихъ условій, а слѣдовательно подъ вліяніемъ законовъ.

Планъ настоящаго сочиненія.—Умственная исторія Греціи.—Ея пять характеристическихъ вѣковъ.—Умственная исторія Европы.

Величіе ученія, что міръ управляется закономъ.

Въ настоящемъ сочиненіи я намѣренъ разсмотрѣть, какимъ образомъ развивалась въ Европѣ цивилизація, насколько это развитіе было случайно и насколько оно опредѣлялось первобытнымъ закономъ.

Двигается ли впередъ процессія народовъ во времени, подобно фантазмагоріямъ сна, безъ причины и порядка, или же это заранее опредѣленное, торжественное шествіе, къ которому всѣ должны присоединиться, которое ни на минуту не останавливается, а неудержимо движется впередъ, встрѣчая на своемъ пути и претерпѣвая непреодолимый рядъ событій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать, изслѣдуя съ философскою точки зрѣнія умственную и политическую исторію націй. Но какъ трудно справиться съ тою массою фактовъ, которые необходимо собрать для этого, разобратъ въ такомъ громадномъ накопленіи матеріала, уяснить все это! Какъ трудно остановить свой выборъ на дѣйствительныхъ представителяхъ движенія, показать наиболѣе выдающіеся моменты ихъ дѣятельности, удовлетворительно обрисовать такую грандіозную и сложную драму, какъ европейская жизнь. Хотя съ одной стороны предметъ этотъ представляется въ видѣ научной задачи,—и въ этомъ

именно послѣднемъ смыслѣ я и намѣренъ разсматривать его,—но съ другой стороны онъ переходитъ въ благородную эпопею—жизнь человечества, его борьбу и его отдыхъ, его стремленія и его цѣль.

Человѣкъ является прототипомъ общества. Индивидуальное развитіе является типичнымъ образцомъ соціальнаго прогресса.

Одни утверждали, что человѣческія дѣла опредѣляются всецѣло свободными дѣйствіями людей; другіе, что Провидѣніе направляетъ каждый шагъ шагъ; третьи, что все событія заранѣе предопредѣлены судьбою. Мы должны опредѣлить, насколько много истины заключаетъ въ себѣ каждое изъ этихъ мнѣній.

Жизнь индивидуальнаго человѣка представляетъ смѣшанный характеръ. Она отчасти подчиняется внушеніямъ свободной воли человѣка и свободной воли его окружающихъ, отчасти находится подъ владѣтельствомъ закона. Человѣкъ незамѣтно измѣняетъ свои взгляды на относительную силу каждаго изъ этихъ вліяній, по мѣрѣ того, какъ проходитъ черезъ послѣдовательныя ступени развитія. Полный въ юности увѣренности въ своихъ силахъ, онъ воображаетъ, что очень и очень многое зависитъ лично отъ него; разочаровавшись въ своихъ силахъ въ старости, онъ думаетъ наоборотъ. По мѣрѣ того, какъ время идетъ и исчезаютъ увлеченія юнаго воображенія, онъ научается исправлять свои сангвиничные взгляды и суживать предѣлы своихъ желаній. Въ концѣ концовъ дѣйствительная жизнь срываетъ повязку съ его глазъ, и на склонѣ лѣтъ въ душу его закрадывается грустное убѣжденіе въ тщетѣ человѣческихъ надеждъ. То, чего онъ достигъ, мало похоже на то, чего онъ желалъ достигнуть. Онъ видитъ, что высшая сила воспользовалась имъ для неизвѣстныхъ цѣлей, что онъ былъ введенъ въ міръ помимо своего сознанія и удаляется изъ него противъ своей собственной воли.

Тотъ, кто занимался изученіемъ физической и умственной исторіи человѣка, какъ отдѣльнаго индивидуума, легко замѣтитъ, въ какой изумительной степени она прообразуетъ собою исторію общества. Равновѣсіе и движеніе впередъ человечества представляютъ чисто физиологическія явленія. Однако, нельзя не колебаться при выраженіи такого рода мнѣній, такъ какъ оно является какъ бы оскорбительнымъ для гордости нашего вѣка, задѣваетъ его многіе предразсудки и интересы. Авторъ, задавшій мыслью посвятить многіе годы труда изслѣдованію этого предмета, нуждается въ серьезной поддержкѣ всѣхъ лицъ, дорожащихъ истиною,—и, принимая во вниманіе размѣры и важность этого предмета, произведеніе его, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, должно быть крайне несовершенно и потребуетъ всей снисходительности и даже великодушія критики.

Въ дикомъ періодѣ, когда умъ его находится въ младенческомъ состояніи, человѣкъ переноситъ на природу свои понятія о себѣ самомъ и, воображая, что все его дѣйствія опредѣляются только его собственнымъ желаніемъ, считаетъ, что все происходящія вокругъ него событія зависятъ отъ произвола высшей, невидимой силы. Міръ представляется ему устроеннымъ на подобіе

Смѣшанный характеръ индивидуальной жизни.

Она служитъ прообразомъ общественной жизни.

его самого. Онъ склоненъ естественно къ суевѣрью, и все странное, могущественное или грандіозное наполняетъ его воображеніе страхомъ. Все такого рода предметы являются только видѣніями проявленіями внутренняго, обитающаго въ нихъ духа, а стѣдовательно заслуживаютъ его почитанія.

Послѣ того какъ разумъ, съ помощью опыта, уничтожаетъ въ немъ мало по малу эти ложные взгляды на окружающіе предметы, онъ продолжаетъ держаться тѣхъ же понятій во всемъ, что касается предметовъ болѣе отдаленныхъ. Въ разстояніи звѣздъ отъ насъ и ихъ неудержимыхъ движеній онъ находитъ доказательства существованія сверхъестественнаго, и воображаетъ, что въ каждомъ изъ этихъ сіяющихъ тѣлъ живетъ управляющій имъ геній. Фазисъ умственнаго развитія, черезъ который онъ проходитъ, позволяетъ ему вѣрить въ то, что планеты оказываютъ вліяніе на него самого.

Но, подобно тому, какъ разумъ выводитъ его изъ состоянія фетишизма, онъ въ свое время выводитъ его и изъ состоянія звѣздопоклонства. Быть можетъ, онъ не безъ жалѣнія расстаётся съ созданными имъ мифологическими формами; потому что много времени спустя послѣ того, какъ онъ убѣждается, что планеты не болѣе, какъ сіяющія точки, не имѣющія на него никакого вліянія, онъ продолжаетъ поклоняться геніямъ, которые, согласно его болѣе раннимъ понятіямъ, оживляли ихъ,—а иногда возводитъ ихъ на степень безсмертныхъ боговъ.

Говоря философскимъ языкомъ, онъ постепенно замѣняетъ свое первобытное ученіе о свободной волѣ ученіемъ о законѣ. Подобно тому, какъ паденіе камня, теченіе рѣки, движеніе тѣни, шепелье листьевъ объяснялись физическими причинами, тѣми же причинами началъ объясняться и движеніе звѣздъ. Въ все возрастающаго, онъ открываетъ господство закона. Духи, геніи и боги, постепенно возбуждавшіе въ немъ страхъ и почитаніе, опредѣлявшіе событія согласно внушеніямъ своихъ страстей или своихъ прихотей, замѣняются, наконецъ, высокимъ понятіемъ о единомъ Всемогущемъ Существовѣ, которое управляетъ міромъ согласно съ разумомъ, а стѣдовательно и согласно съ закономъ.

Такимъ образомъ, ученіе объ управленіи міра закономъ все расширяется, пока не охватываетъ, наконецъ, все явленія природы. Столѣтія два тому назадъ ученіе это приобрѣло громадную силу вслѣдствіе открытія Ньютона, доказавшаго, что Кеплеровы законы, на основаніи которыхъ совершаются движенія планетъ, вытекаютъ, какъ математическая необходимость, изъ весьма простаго матеріальнаго условія и что сложныя движенія солнечной системы не могутъ быть другими, чѣмъ какими они суть. Немногія лица, читавшія въ прекрасной геометріи *Principia* доказательства этого факта, видѣли, какіе грандіозные философскіе выводы вытекаютъ неизбѣжно изъ этого научнаго открытія. А теперь изслѣдованіе вида неба въ прошлые вѣка и все предсказанія о его будущемъ видѣ основываются, въ сущности, на томъ принципѣ, что свободная воля никогда не вмѣшивается въ управ-

вленіе міромъ и что гигантскій механизмъ движется въ согласіи съ математическимъ закономъ.

То же можно сказать въ частности и относительно земли: тѣмъ ^{и къ земнымъ и къ инстинктамъ:} больше понимаемъ мы причины текущихъ событій, тѣмъ яснѣе видимъ, что онѣ являются результатомъ физическихъ условий, а слѣдовательно результатами закона. Приведемъ только одинъ примѣръ изъ многихъ, которые представляются намъ, — вѣтры. Они вошли въ поговорку за свою измѣчивость; кто можетъ сказать, откуда они приходятъ и куда уходятъ. Если существуетъ явленіе, которое носитъ на себѣ причудливый характеръ произвола, такъ это, безспорно, вѣтры. Но мы горько ошибаемся, думая, что атмосферическія явленія случайны. Гдѣ провести разграничительную линію между вѣчными пассатными вѣтрами, которые, зародившись отъ хорошо извѣстныхъ физическихъ причинъ, проносятся, подобно дуновенію судьбы, медленно и торжественно надъ Тихимъ океаномъ, и тѣмъ вѣчно мѣняющими свое направленіе порывами вѣтра, въ которые они превращаются въ болѣе сѣверныхъ и южныхъ областяхъ, — порывами, которые приходятъ какъ будто безъ причины и не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ? Въ какой широтѣ кончается область физическихъ явленій и начинается область сверхъестественнаго?

Всѣ міровыя явленія суть результаты дѣйствія закона. Всѣ движенія на небѣ и на землѣ служатъ для насъ новыми доказательствами того, что міръ управляется закономъ.

Но если мы дѣйствительно признаемъ, что все во вселенной подчиняется закону, начиная отъ пылинки, кружащейся въ солнечномъ лучѣ, и кончая многочисленными звѣздами, обращающимися одна вокругъ другой, согласимся ли мы довести наши принципы до крайнихъ ихъ послѣдствій и признать, что законъ дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ какъ среди живыхъ существъ, такъ и среди безжизненныхъ, какъ въ органическомъ, такъ и въ неорганическомъ мірѣ? Какія показанія даетъ намъ на этотъ счетъ физиологія?

Физиологія прошла черезъ тѣ же ступени развитія, что и физика. Первоначально признавали, что одушевленные существа не подчинены высшимъ влияніямъ и что въ особенности человекъ совершенно не зависитъ отъ силъ, управляющихъ міромъ, въ которомъ онъ живетъ. Говорили, что, кромѣ того невещественнаго принципа — души, который отличаетъ его отъ всѣхъ его одушевленныхъ товарищей и дѣлаетъ его нравственнымъ и отвѣтственнымъ существомъ, ему принадлежитъ еще и другой невещественный принципъ, жизненная сила, которая обуславливаетъ всѣ различныя явленія, происходящія въ немъ.

Но когда открыли, что сердце человека устроено согласно ^{въ частности и къ человеку:} признаннымъ законамъ гидравлики и что большіе сердечные каналы снабжены обыкновенными механическими приспособленіями, клапанами; что глазъ устроенъ на основаніи самыхъ утонченныхъ началъ оптики, что его роговая оболочка, хрусталикъ и влага собираютъ лучи для составленія изображенія, что его радужная оболочка, подобно діафрагмѣ телескопа или микро-

скопа, отражаетъ прямые лучи и, такимъ образомъ, регулируетъ то количество свѣта, которое можетъ быть воспринято глазомъ; что ухо воспринимаетъ звуки помощью трехъ особыхъ органовъ: барабанной перепонки для силы звука, улитки для тона, полукруглыхъ каналовъ для качества звука; когда было дознано, что воздухъ, введенный въ большое дыхательное горло помощью подыманія діафрагмы, вызваннаго атмосфернымъ давленіемъ, проводится, согласно физическимъ законамъ, до крайнихъ клѣточекъ легкихъ и оттуда въ кровь, производя химическія измѣненія во всей системѣ, выдѣляя тепло и обуславливая всѣ отправления органической жизни; когда такого рода факты и многіе другіе были выдвинуты впередъ новѣйшею физиологіею, — пришлось съ полною очевидностью рѣшить, что одушевленные существа не составляютъ исключенія изъ общаго правила и что органическія отправления являются также результатами дѣйствія физическихъ причинъ.

Если, такимъ образомъ, эти естественные дѣятели принимаютъ участіе въ отправленияхъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ индивидуальной жизни, то не дѣйствуютъ ли они подобнымъ же образомъ и въ соціальной жизни?

Развѣ обширная, лишенная тѣни пустыня не имѣетъ никакого влиянія на нравы кочующихъ племенъ, располагающихъ на ней свои палатки, — развѣ плодородная равнина не ^{къ соціальной и индивидуальной жизни.} представляетъ никакой связи со стадами и пастушескою жизнью, — горныя твердыни съ мужествомъ тѣхъ, кто такъ часто защищаютъ ихъ, — а море со страстью къ приключеніямъ? И въ самомъ дѣлѣ, развѣ всѣ наши расчеты на прочность общественныхъ учреждений не вытекаютъ изъ увѣренности въ прочность окружающихъ физическихъ условий? Со времени Бодена, издавнаго, триста лѣтъ тому назадъ, свое сочиненіе *De Republica*, признаны были слѣдующіе принципы: законы природы не могутъ быть подчинены волѣ человека, а правительство должно находиться въ соответствіи съ климатомъ. Эти соображенія привели его къ заключенію, что сила составляетъ характеристическую принадлежность сѣверныхъ націй, разумъ — среднихъ, а суевѣріе — южныхъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ солнце пересѣкаетъ экваторъ, расточая свои лучи болѣе обильно на сѣверное полушаріе. Слѣдомъ за нимъ распространяются по направленію къ полюсу и волны зелени. Роскошь растительности прямо пропорціональна силѣ солнечнаго свѣта. И животный міръ подчиняется дѣйствію солнца. Побуждаемая теплотою или привлекаемая ею, перелетныя птицы начинаютъ свои ежегодныя переселенія, подвигаясь шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ развитіемъ растительности на землѣ. ^{Вліяніе времени года на животныхъ и растенія.} Когда лѣто оканчивается, движеніе впередъ свѣта и жизни замѣняется отступленіемъ, и, въ свою очередь, южное полушаріе представляетъ то же поразительное явленіе. Разъ въ годъ пульсируетъ жизнь на землѣ; за усиленною дѣятельностью жизненныхъ силъ слѣдуетъ разрушеніе. Но что за причина этого? Причина эта чисто механическая. Ось земли наклонена къ плоскости ея орбиты во время вращенія вокругъ солнца.

Пусть это удивительное явление и его объяснение послужат намъ урокомъ; пусть оно заставитъ насъ глубоко проникнуться сознаниемъ значенія физическихъ дѣятелей и физическихъ законовъ. Они обуславливаютъ жизнь и смерть челоѵка, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и члена общества. Высшія событія сплетаются съ нашею природою; ихъ періодичность создаетъ періодичность и въ насъ. День и ночь состоятъ въ тѣсной связи съ нашимъ пробужденіемъ и нашимъ сномъ; зима и лѣто опредѣляютъ циклы нашей жизни.

Лица, обращающія вниманіе на эти условія, должны были убѣдиться, что возможность существованія челоѵка на землѣ зависитъ отъ условій чисто матеріальнаго свойства. Такъ какъ жизнь можетъ поддерживаться только въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ температуры, то наша планета должна обязательно находиться на опредѣленномъ разстояніи отъ источника свѣта и тепла—солнца, а форма ея орбиты должна быть настолько мало эксцентрична, чтобы приближаться возможно ближе къ кругу. Если бы масса ея была больше или меньше, чѣмъ какою она есть въ дѣйствительности, то всѣхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ на ея поверхности былъ бы совершенно инымъ; но абсолютный вѣсъ составляетъ одинъ изъ первичныхъ элементовъ органическаго строенія. Измѣненіе во времени ея суточного вращенія, опредѣляющаго длину ночи и дня, сопровождалось бы обязательно соответствующимъ измѣненіемъ въ періодичныхъ отправленияхъ нервной системы животныхъ; измѣненіе въ ея вращеніи вокругъ солнца, опредѣляющемъ продолжительность года, имѣло бы также громадное значеніе. Если бы годъ былъ короче, мы жили бы быстрѣе и умирали бы скорѣе.

Въ настоящее время обязанность регулировать экономію земного шара и управлять ею возложена на естественныхъ дѣятелей. Черезъ посредство теплоты происходитъ распредѣленіе классовъ растений. Благодаря взаимнымъ ихъ отношеніямъ къ воздуху, животныя и растения уравниваются, и ни одинъ изъ этихъ классовъ не получаетъ преобладанія надъ другимъ. И все это совершается автоматически.

То же можно сказать и относительно прошлаго органической жизни. Извлеченіе углерода изъ воздуха и включеніе его въ составъ земной поверхности составляютъ главную эпоху въ органической жизни земли, обуславливая возможность появленія теплокровныхъ и болѣе разумныхъ животныхъ классовъ. Это важное событіе обязано своимъ происхожденіемъ вліянію солнечныхъ лучей. И подобно тому, какъ эти вліянія приводятъ къ появленію новыхъ организмовъ, они приводятъ такимъ же образомъ и къ ихъ исчезновенію. Изъ цѣлой мірады исчезнувшихъ видовъ каждый, несомнѣнно, столкнулся съ матеріальными условіями, несомѣстными съ его существованіемъ. Даже теперь паденіе на полградуса средней температуры данной широты привело бы за собою исчезновеніе формъ болѣе теплаго климата и появленіе формъ болѣе холоднаго. Затемнѣніе солнечныхъ лучей на

Индивидуальное существованіе зависитъ отъ физическихъ условій.

Животныя и растительныя живыя уравниваются матеріальными условіями.

Они же обуславливаютъ появленіе и исчезновеніе различныхъ животныхъ и растений.

нѣсколько лѣтъ вызвало бы перераспредѣленіе животныхъ и растеній на всей землѣ; многія совершенно исчезли бы, а повсюду на сцену выступили бы новыя пришельцы.

Устойчивость органическихъ формъ зависитъ всецѣло отъ неизмѣнности матеріальныхъ условій, при которыхъ имъ приходится жить. Всякое измѣненіе въ нихъ, какъ бы оно ни было незначительно, привело бы къ соответствующему измѣненію формъ. Тенеренная устойчивость въ организациі міра составляетъ прямое послѣдствіе физическаго равновѣсія, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ никакихъ измѣненій въ средней температурѣ, въ годичномъ количествѣ свѣта, въ составѣ воздуха, въ распредѣленіи воды, въ океаническихъ и атмосферическихъ теченіяхъ и т. п. дѣятеляхъ. Но если одно изъ этихъ или изъ сотни другихъ явленій претерпитъ измѣненіе, то часть фантастическое ученіе о неизмѣняемости видовъ покажется намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Органической міръ, на нашъ взглядъ, отдыхаетъ, находится въ покоѣ, потому что онъ достигъ до состоянія равновѣсія. Шаръ можетъ навсегда оставаться недвижимымъ на горизонтальномъ столѣ; но положите его на слабо наклоненную плоскость, и онъ быстро скатится внизъ. Что сказали бы мы о томъ челоѵкѣ, который, разсматривая его въ состояніи покоя, началъ бы утверждать, что шару невозможно двинуться?

Тотъ, кто не видитъ никакого различія между рысакомъ и шотландскимъ пони, между бантамской и шангайской курицею, борзою собакою и пуделемъ, кто совершенно отрицаетъ возможность вліять на виды и видеть въ безконечной смѣнѣ вымершихъ формъ, древнее существованіе которыхъ онъ принужденъ признать, доказательство постоянного вмѣшательства созидющей силы,—забываетъ, что міровыя явленія вытекаютъ одно изъ другого съ строго опредѣленною преемственностью; одно событіе слѣдуетъ непременно за другимъ, образуя, такимъ образомъ, цѣпь, каждое звено котораго тѣсно связано съ предыдущимъ и поддерживаетъ послѣдующее. Физическія вліянія слѣдуютъ, такимъ образомъ, одно за другимъ, и, находясь другъ къ другу въ отношеніяхъ причины и слѣдствія, являются въ отношеніи всего органическаго міра въ положеніи причинъ, между тѣмъ какъ послѣдній представляетъ слѣдствіе, увѣковѣчивая и воплощая въ себѣ порядокъ преемственности, существующій между физическими явленіями. Такъ, въ древнія времена, о которыхъ мы упоминали, солнечный свѣтъ, дѣйствуя на листья растений, измѣнялъ химической составъ атмосферы, обуславливалъ скопленіе въ ней болѣе энергическаго элемента, уменьшалъ механическое давленіе и измѣнялъ количество испареній, подымавшихся съ моря,—цѣлый рядъ событій, такъ необходимо слѣдовавшихъ одно за другимъ, что мы можемъ предвидѣть порядокъ, въ которомъ они будутъ совершаться, и оказывавшихъ, въ свою очередь, вліяніе на растительную и животную жизнь. Естественныя вліянія, видоизмѣняясь, такимъ образомъ, совершенно правильно, управляли ботани-

Устойчивость органическихъ формъ зависитъ всецѣло отъ неизмѣнности матеріальныхъ условій.

Правильная преемственность условій сопровождается органическими переѣнами.

ческими явлениями и заставляли ихъ постепенно подвергаться соответственнымъ измѣненіямъ. Правильное чередованіе однихъ явлений повторялось въ правильномъ чередованіи другихъ. То же имѣло мѣсто и въ животномъ царствѣ; извѣстныя измѣненія въ матеріальныхъ условіяхъ повторяются въ органическихъ явленіяхъ—въ силѣ движенія, въ жизненной энергіи, въ умственной силѣ.

Замѣчая такую правильную смѣну явленій, мы не должны приписывать ее непосредственному вмѣшательству, мудрому предопредѣленію, а должны прежде всего разсмотрѣть, насколько она зависитъ отъ мировыхъ матеріальныхъ условій, дѣйствующихъ въ точномъ, заранѣе опредѣленномъ порядкѣ, при чемъ мы должны всегда твердо помнить, что правильная смѣна неорганическихъ явленій необходимо влечетъ за собою и правильное и соответствующее развитіе органической жизни.

Въ этомъ ученіи о вліяніи физическихъ дѣятелей на органическія формы я не признаю никакихъ исключеній, даже и относительно человѣка. Различныя виды его въ различныхъ странахъ являются необходимыми слѣдствіями этихъ вліяній.

Тотъ, кто защищаетъ ученіе о единствѣ человѣческой расы, принужденъ признать абсолютное вліяніе такихъ дѣятелей на организацию человѣка, въ виду ужь одного того, что первоначальный типъ принялъ самыя различныя виды въ различныхъ частяхъ свѣта, повидимому, въ полномъ соответствіи съ климатомъ и съ другими чисто матеріальными обстоятельствами. Къ послѣднимъ незачѣмъ прибавлять образъ жизни, такъ какъ онъ возникаетъ изъ нихъ.

Ученіе о единствѣ приводитъ къ естественному выводу о верховномъ вліяніи физическихъ дѣятелей на видъ и организацию человѣка, иначе какъ объяснить тотъ фактъ, что люди, происходящіе все изъ одного рода, обнаруживаютъ такое громадное различіе въ цвѣтѣ лица, въ формѣ черепа? Опытъ гласитъ, что все эти измѣненія совершаются крайне медленно, а никакъ не внезапно; они являются слѣдствіемъ постепеннаго накопленія и служатъ новымъ доказательствомъ справедливости ученія, которое гласитъ, что національный типъ не долженъ никоимъ образомъ считаться чѣмъ-то опредѣленнымъ, законченнымъ, а что его кажущаяся неподвижность происходитъ влѣдствіе достиженія имъ извѣстнаго соответствія съ условіями, вліяющими на него. Измѣните условія, и типъ немедленно измѣнится. Поэтому, повторяю я, тотъ, кто является сторонникомъ ученія о единствѣ человѣческой расы, долженъ, на основаніи теперешняго состоянія человѣчества въ различныхъ частяхъ земной поверхности, признать и необходимо вытекающій изъ него выводъ,—именно, всеобъемлющее вліяніе физическихъ дѣятелей, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, которые возникли, благодаря цивилизаци и вѣковому прогрессу націй, вѣковому ихъ стремленію притти въ соответствіе съ окружающими ихъ условіями.

Къ такому же заключенію придетъ и сторонникъ происхожденія различныхъ расъ изъ различныхъ центровъ. Такъ что и то, и

другое ученіе приведуть къ одинаковымъ выводамъ, къ признанію переходнаго характера техническихъ формъ, ихъ превращенія и уничтоженія.

Измѣненія въ человѣческихъ видахъ лучше всего простѣдить при изслѣдованіи народовъ въ южномъ или сѣверномъ направленіи; результатъ получился бы тотъ же, какъ если бы эмигрантъ переходилъ медленно по меридіану; но дѣло приняло бы совершенно иной видъ, если бы движеніе совершалось по параллели широты. Въ послѣднемъ направленіи измѣненія въ климатѣ гораздо менѣе ощутительны и зависятъ гораздо больше отъ географическихъ причинъ, чѣмъ отъ астрономическихъ. При эмиграціяхъ такого рода никогда не происходитъ такого быстраго измѣненія во вѣншемъ видѣ, въ цвѣтѣ лица, въ умственныхъ качествахъ, какъ при перваго рода эмиграціяхъ. Такъ, хотя средняя температура Европы возвышается при слѣдованіи изъ Польши во Францію, главнымъ образомъ, благодаря вліянію великаго атлантическаго теченія, переносящаго тепло отъ Мексиканскаго залива и тропическаго океана, но это возвышеніе несравненно болѣе слабо, чѣмъ при прохожденіи того же разстоянія въ южномъ направленіи. Съ помощью цивилизаци человѣку гораздо легче избѣгать затрудненій, возникающихъ отъ измѣненій вдоль параллели широты, чѣмъ вдоль меридіана, по той простой причинѣ, что эти измѣненія менѣе значительны.

Этимъ вліяніямъ подвергаются не только цвѣтъ кожи, но и развитіе черепа, а слѣдовательно и умственная сила. Различія въ климатѣ обуславливаютъ различія въ нравахъ и обычаяхъ, т. е. различія въ характерѣ цивилизаци.

Эти факты заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ такого рода различія тѣсно связаны съ политическими результатами. Если однородность составляетъ одинъ изъ элементовъ силы, то государства, расположенныя въ восточномъ и западномъ направленіи, должны быть гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ, которыя тянутся отъ сѣвера къ югу. Я думаю, что это было одной изъ самыхъ важныхъ причинъ величія Рима и его прочности и въ значительной степени облегчало трудъ управления для его императоровъ, которые нерѣдко попадали въ весьма затруднительное положеніе. Въ западномъ и восточномъ направленіи существуетъ естественное стремленіе къ однородности, а въ сѣверномъ и южномъ къ различію и антагонизму, и управление, при этихъ послѣднихъ условіяхъ, потребуетъ всегда самой высокой государственной мудрости.

Переходныя формы, какія можетъ произвести животный типъ при передвиженіи съ сѣвера на югъ и обратно, гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ при передвиженіи съ востока на западъ и обратно. Хотя эти послѣднія формы являются чисто переходными по отношенію къ типу, отъ котораго онѣ произошли, но онѣ постоянны по отношенію къ мѣстности, въ которой онѣ возникаютъ, такъ какъ являются, въ сущности, воплощеніемъ ея физическихъ вліяній. слѣдовательно, пока эти вліянія остаются безъ перемѣны, не мѣняется и форма, выработанная при

ихъ содѣйствіи. Для такой постоянной формы въ отношеніи чело-
вѣка мы можемъ принять наименованіе этническаго элемента.

Поэтому этнической элементъ носить необходимо зависимый
Условія названіе-
ннн этническаго
элемента. характеръ; его прочность обуславливается полнымъ со-
отвѣтствіемъ его съ окружающимъ. Все, что затрогиваетъ
это соотвѣтствіе, затрогиваетъ и его самого.

Эти разсужденія приводятъ насъ отъ индивидуальнаго чело-
вѣка къ группѣ людей, или націямъ. Въ расахъ людей
замѣчается такой же прогрессъ, какъ и въ отдѣльныхъ
Прогрессъ на-
цій подобенъ
прогрессу ин-
дивидуумовъ. человѣческихъ индивидуумахъ.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ замѣчаются мысли
и дѣйствія, характеризующія собою извѣстный періодъ жизни. Мы
узнаемъ шумныя игры дѣтства, трудолюбивую дѣятельность зрѣлаго
возраста, ворчливую слабость старости. Мы выражаемъ удивленіе,
когда видимъ дѣйствія, не соотвѣтствующія данной эпохѣ жизни. И
это относится въ равной степени какъ къ индивидуумамъ, такъ и
къ націямъ. Развитие индивидуальной жизни прообразуетъ собою
ходъ развитія расъ, въ небольшомъ масштабѣ представляя по-
слѣднее.

Группы людей, или націй, подвергаются тѣмъ же случайно-
стямъ и совершаютъ тѣ же циклы, что и индивидуумы.

Нѣкоторые едва переживаютъ дѣтство, нѣкоторые внезапно
погибаютъ, другія умираютъ отъ старости. Въ этомъ
смѣшеніи событій невозможно найти законъ, руководя-
щій ими, и вполнѣ яено продемонстрировать его. Каждая
изъ этихъ группъ можетъ въ данный моментъ пред-
Общества, по-
добно семьямъ,
заклюаютъ въ
себѣ членовъ
на различныхъ
степеняхъ раз-
витія. ставлять различныя степени развитія, подобно тому, какъ

въ семьяхъ мы видимъ молодыхъ людей, людей среднихъ лѣтъ и
стариковъ. Такъ, въ Европѣ мы видимъ, въ различныхъ ея частяхъ,
общества, стояція на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія, —
здѣсь безпокойная цивилизація Франціи и Англій, тамъ неразвитость
и неподвижность Лапландіи. Въ виду этого смѣшенія, весьма трудно,
повидимому, опредѣлить истинное движеніе впередъ всего конти-
нента, въ особенности въ отдаленные и послѣдовательные періоды
времени. Кромѣ того, въ одной и той же націи различныя сосуще-
ствующіе классы общества, образованные и необразованные, лѣтныя
и дѣятельныя, богатые и бѣдные, просвѣщенные и суевѣрные, пред-
ставляютъ одновременныя, но совершенно различныя ступени раз-
витія. Одни могли значительно подвинуться впередъ, другіе едва
тронулись съ мѣста. Какъ же опредѣлить, въ такомъ случаѣ, дѣй-
ствительное положеніе дѣлъ? Который изъ этихъ классовъ считать
самымъ дѣйствительнымъ и совершеннымъ типомъ?

Хотя опредѣлить это весьма трудно, но невозможнаго въ
этомъ ничего нѣтъ. При разрѣшеніи этой задачи надо поступать
совершенно такимъ же образомъ, какъ и при опредѣленіи развитія
семьи, состоящей изъ лицъ всѣхъ возрастовъ, отъ дѣтства до глу-
бокой старости. Каждый членъ такой семьи слѣдуетъ по опредѣлен-
ному пути, хотя нѣкоторые изъ нихъ, безвременно погибшіе, и не
дойдутъ до конца его. Одинъ можетъ ослабѣть въ дѣтствѣ несчаст-

наго случая, другой по болѣзни; но, взвѣсивъ все прошлыя и на-
стоящія обстоятельства жизни каждаго изъ нихъ, мы поймемъ ха-
рактеръ общаго имъ всеѣмъ поступательнаго движенія. Нѣкоторые
изъ членовъ разсматриваемой семьи могутъ быть болѣе пригодны
для удовлетворительнаго объясненія этого движенія, чѣмъ другіе,
потому что они являются болѣе типичными его представителями
или дальне подвинулись впередъ въ своемъ развитіи.

Также точно и въ семьѣ изъ многихъ націй нныя болѣе
зрѣлыя, другія менѣ развитыя, нныя умираютъ въ ран-
немъ возрастѣ, другія истощены глубокою старостью; все
образованный
классъ является
истиннымъ пред-
ставителемъ об-
щества. обладаютъ своими отличительными, характеристичными
особенностями.

Между родственниками существуютъ всегда различія, съ ка-
кой стороны ихъ ни разсматривать — съ умственной или физиче-
ской. Тѣмъ не менѣ каждый изъ нихъ объясняетъ, по мѣрѣ сво-
ихъ силъ, путь, по которому слѣдуютъ все; но одни объясняютъ его
въ большей степени, другіе въ меньшей. Поэтому образованный,
руководящій классъ является всегда истиннымъ представителемъ
государства. Онъ прошелъ шагъ за шагомъ черезъ все нижнія
ступени развитія и достигъ наибольшаго апогея сравнительно съ
другими.

Въ индивидуумѣ жизнь поддерживается только постояннымъ
образованіемъ и разрушеніемъ органическихъ частицъ; Обиавъ частицъ
и смерть — усло-
вія индивиду-
альной жизни. ни одна часть системы не остается неподвижною, все
постоянно мѣняется.

Вѣдѣствіе этого смерть является необходимымъ условіемъ
жизни, и чѣмъ энергичнѣе отправление извѣстной части организма,
или, при сравненіи между собою различныхъ животныхъ, чѣмъ
дѣятельнѣе ихъ образъ жизни, тѣмъ сильнѣе трата и тѣмъ чаще
происходитъ разрушеніе составныхъ частицъ.

Разрушенію частицъ въ индивидуумѣ соотвѣтствуетъ въ націи
смерть индивидуумовъ, составляющихъ ея интегральную часть. Въ
обоихъ случаяхъ, въ весьма незначительный періодъ вре-
мени, происходитъ полная перемѣна въ отдѣльныхъ ча-
стяхъ, несмотря на то, что вся система, составляющая
сумму этихъ отдѣльныхъ частей, не утрачиваетъ своего
тождества. Каждая частица или каждое лицо возникаетъ, испол-
няетъ то, что ему было предназначено, и затѣмъ исчезаетъ, иногда
совершенно незамѣченнымъ. Происхожденію, жизни и смерти орга-
нической частицы въ отдѣльной личности соотвѣтствуютъ происхо-
жденіе, жизнь и смерть личности въ націи. Питаніе и разрушеніе
въ одномъ случаѣ равносильны благосостоянію и преобразованію въ
другомъ.

Подобно тому, какъ отдѣльный индивидуумъ претерпѣваетъ
разнаго рода измѣненія подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣя-
телей, не оказывая имъ при этомъ никакого сопротивле-
нія и не давая никакихъ показаній относительно обла-
данія имъ физиологическою инерціею, а тотчасъ подчиняясь дан-
ному впечатлѣнію, — и націи, представляющія агрегаты отдѣльныхъ

индивидуумовъ, идутъ по тому же пути. Національный типъ и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніи измѣняется и развивается соотвѣтственно измѣненіямъ и степенямъ развитія отдѣльных личностей, и подобно имъ представляетъ Младенчество, Дѣтство, Юношество, Зрѣлый возрастъ, Старость и Смерть.

Но этотъ правильный процессъ развитія нарушается благодаря разнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ явленіямъ. Если бы какая-либо нація была переселена изъ своего постоянного мѣстожителства въ совершенно новое мѣсто, съ совершенно различнымъ климатомъ, временами года, видомъ природы, въ ней началось бы немедленно производиться измѣненіе съ цѣлью притти въ гармонію съ новыми условіями—въковое движеніе, для завершенія котораго потребовалось бы много поколѣній. Въ теченіе всего этого періода превращенія происходила бы, понятно, усиленная трата жизни, и могла бы даже возникнуть опасность полнаго уничтоженія или смерти націи; но какъ только пережѣна совершилась бы, какъ только достигнуто было бы требуемое соотвѣтствіе, все пошло бы правильнымъ образомъ впередъ, на основаніи новаго, только что выработаннаго измѣненія. Если требуемая пережѣна слишкомъ велика, если она обнимаетъ обширныя анатомическія измѣненія не только въ цвѣтъ кожи, но и въ строеніи черепа, то для совершенія ея требуются, несомнѣнно, значительныя періоды времени, и цѣлый рядъ поколѣній погибаетъ при этомъ.

Но когда дѣйствіе происходитъ внутри организма, напр., въ случаяхъ смѣшенія крови, тогда національный типъ быстрае мѣняется, при чемъ результатъ зависитъ, очевидно, отъ степени смѣшенія. Это нарушеніе правильнаго теченія жизни организма можетъ быть вычислено математически. Если смѣшеніе крови незначительно и случайно, то дѣйствіе его можетъ исчезнуть ощутительнымъ образомъ, въ самый незначительный періодъ времени, хотя, быть можетъ, оно никогда не исчезло бы навсегда. Это заключеніе вполне согласуется съ наблюденіями философовъ-историковъ, которые все держатся того мнѣнія, что небольшое племя, смѣшавшееся съ большимъ, лишь временно вліяетъ на составъ послѣдняго, такъ что съ теченіемъ времени отъ этого вліянія не останется почти и слѣда. Тѣмъ не менѣе вліяніе должно въ дѣйствительности продолжаться гораздо дольше, чѣмъ это кажется по внѣшнему виду; результатъ будетъ тотъ же, какъ если бы мы влили въ какую-нибудь жидкость каплю другой жидкости и затѣмъ постепенно вливали бы въ сосудъ все большія и большія количества первой жидкости. Сначала не трудно замѣтить примѣсь, но затѣмъ трудность увеличивается съ каждымъ часомъ и, въ концѣ концовъ, примѣсь невозможно различить. Но капля существуетъ въ сосудѣ какъ теперь, такъ и прежде; она только замаскирована, ея свойства переселены.

Если мы, съ этой точки зрѣнія, будемъ смотрѣть на смѣшеніе крови въ многочисленныхъ націяхъ, намъ покажется, что самая ничтожная примѣсь чужой крови должна оставить неизгладимые

слѣды и что нарушеніе можетъ быть во всякую данную минуту опредѣлено при вычисленіи степени размноженія. Но не нужно забывать, что рядомъ существуетъ и другой дѣятель, который энергически стремится установить однородность: это вліяніе внѣшнихъ физическихъ условій. Посторонній нарушающій элементъ не обладаетъ самъ по себѣ физиологической инерціею, а самъ приводится немедленно въ соприкосновеніе съ новыми обстоятельствами, окружающими его, и, такимъ образомъ, принужденъ итти по тому же пути, по которому существовалъ до смѣшенія элементъ, подвергшійся измѣненію.

Такимъ образомъ, національная однородность обезпечена, очевидно, дѣйствіемъ двухъ различныхъ дѣятелей: во-первыхъ, постепеннаго, но неизбѣжнаго размноженія, во-вторыхъ—стремленія притти въ гармонію съ внѣшними естественными условіями. Оба эти дѣятеля дружно ведутъ къ одной и той же цѣли.

Поэтому мы не должны считать, что націи или группы людей представляютъ постоянное, неизмѣнное явленіе. Мы должны, напротивъ того, разматривать человѣческія дѣла какъ являющіяся въ постоянномъ движеніи, при чемъ они не движутся произвольно, изъ стороны въ сторону, а направляются по точно опредѣленному пути. Каково бы ни было современное состояніе ихъ, оно лишь переходное. Въ виду этого все формы общественной жизни обязательно эфемерны. Время приноситъ съ собою и новыя внѣшнія условія; измѣняется образъ мышленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и дѣйствія. Вслѣдствіе этого и всякаго рода учрежденія должны отличаться тѣмъ же измѣчивымъ характеромъ; хотя бъ они и вступили въ союзъ съ политической властью и сосредоточили вокругъ себя все средства къ принужденію, это мало въ чемъ увеличило бы ихъ постоянство, потому что нація, которой они были навязаны, подчиняясь вліянію внѣшнихъ измѣненій, въ силу своего развитія, раньше или позже, перерастетъ ихъ, и хотя паденіе ихъ и можетъ быть отсрочено, но оно, тѣмъ не менѣе, является неизбежнымъ. Для постоянства какой-либо формы существованія необходимо, чтобы въ составъ ея организаціи входилъ и законъ измѣненія, и при томъ не простого только измѣненія, а такого, которое производилось бы въ опредѣленномъ направленіи,—именно въ томъ, въ какомъ общество вынуждено итти.

Нарушеніемъ этого существеннаго условія и объясняется паденіе столькихъ учрежденій. Мы слишкомъ склонны думать, что человѣческія дѣла опредѣляются произвольными дѣйствіями или свободною волею: мы забываемъ о томъ высшемъ вліяніи, которое въ дѣйствительности управляетъ ими. Въ ту же ошибку впадаемъ мы и тогда, когда вопросъ идетъ объ индивидуальной жизни: мы вѣримъ, что все, что мы ни дѣлаемъ, опредѣляется нашею волею или волею окружающихъ насъ; только къ концу нашихъ дней мы начинаемъ понимать, какъ велико было наше заблужденіе, мы начинаемъ сознавать, что мы плавали, забавляясь и борясь, въ потокѣ, который, несмотря на все наши до-

бровольныя движенія, молча и неудержимо увлекалъ насъ къ предопредѣленному берегу.

На предыдущихъ страницахъ я выяснилъ аналогію, существующую между жизнью отдѣльныхъ индивидуумовъ и жизнью націй. Нужно указать еще на одну черту сходства.

Націи умираютъ, подобно индивидуумамъ. Рожденіе ихъ представляетъ этнической элементъ; смерть, — самое торжественное зрѣлище, какое только можно вообразить себѣ, — происходитъ отъ внутреннихъ и вѣншихъ причинъ. Государства представляютъ собою песокъ въ песчаныхъ часахъ времени; они самопроизвольно исчезаютъ, въ силу собственного развитія.

Нація, подобно человѣку, старается удалить отъ себя всякую мысль о своей кончинѣ. Она изыскиваетъ всевозможные способы для продленія существующаго положенія дѣлъ. Она вырабатываетъ всевозможные законы, воображая, что они будутъ вѣчно существовать, и забывая, что самое существованіе условіе жизни — измѣненіе. Очень способные современные политики признаютъ высшею цѣлью своего искусства сохраненіе всего въ томъ положеніи, въ какомъ оно есть или было. Но человѣческій родъ не можетъ оставаться въ положеніи покоя, и узы, на время связывающія его, тѣмъ съ большею силою разрываются, чѣмъ дольше его насильственно сдерживали. Никто не можетъ остановить хода судьбы.

Какъ для націй, такъ и для индивидуумовъ время не представляетъ чего-либо абсолютнаго; продолжительность его зависитъ отъ размѣра чувства и мысли. По той же причинѣ, по которой годъ кажется длиннѣе ребенку, чѣмъ взрослому, жизнь націй можетъ считаться не длиннѣе жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, если разсматривать ее съ точки зрѣнія характера событій, происходящихъ въ той и другой жизни. Существуетъ различіе въ быстротѣ жизни, хотя промежутки времени могутъ быть и одинаковы.

Такимъ образомъ, происхожденіе, существованіе и смерть націй зависятъ отъ физическихъ вліяній, которыя, въ свою очередь, составляютъ результатъ неизблемыхъ законовъ. Націи представляютъ только переходныя формы человѣчества. Онѣ должны подлежать уничтоженію, подобно переходнымъ формамъ въ животномъ мірѣ, и представляютъ такъ же мало шансовъ для безсмертія, какъ мало шансовъ для неподвижности представляетъ зародышъ, являющійся одною изъ тѣхъ многочисленныхъ формъ развитія, которыя претерпѣваетъ данное существо.

Жизнь націй представляетъ, такимъ образомъ, правильное теченіе, опредѣляемое неизмѣннымъ закономъ; поэтому при оцѣнкѣ различныхъ націй мы всегда должны старательно избѣгать ошибокъ, въ которыя могъ бы вовлечь насъ ихъ случайный видъ.

Философское сравненіе ихъ можетъ быть произведено только при условіи изученія всей совокупности ихъ развитія, всего цикла прогресса, который онѣ совершили. Какія бы несчастія ни встрѣчали онѣ на своемъ пути, но общее движеніе ихъ никогда не можетъ быть ретрограднымъ; онѣ всегда

идуть впередъ, хотя бы и къ разрушенію. Въ этомъ отношеніи онѣ совершенно сходны съ индивидуумами, которые постоянно идутъ впередъ и въ дѣтствѣ, и въ зрѣлости, и въ старости. Паскаль былъ вполне правъ, когда утверждалъ, что «вся совокупность людей, жившая въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, должна разсматриваться какъ одинъ человѣкъ, всегда живущій и безпрестанно учащійся». Въ обоихъ случаяхъ характеръ движенія впередъ хотя и можетъ казаться совершенно неожиданнымъ, но никогда не совершается внезапно. На каждой ступени развитія возникаютъ событія и идеи, которыя не только обязаны своимъ происхожденіемъ предыдущимъ событіямъ и идеямъ, но и оказываютъ вліяніе далеко на будущее. Смотри по тому, насколько эти событія и идеи тѣсно связаны между собою или проявляются на разстояніи большихъ промежутковъ времени, измѣняется и быстрота жизни націй, подобно жизни индивидуумовъ, такъ какъ она, эта быстрота, находится въ зависимости отъ интенсивности нашей мысли и нашихъ дѣйствій. Какъ ни была бы велика эта энергія и съ какою быстротою ни производились бы эти измѣненія, но разъ событія вытекаютъ, какъ послѣдствія, изъ предыдущихъ событій, а идеи изъ предыдущихъ идей, то среди самыхъ сильныхъ умственныхъ колебаній опытный наблюдатель сумѣетъ всегда различить существованіе закона, руководящаго постоянными измѣненіями человѣческихъ мнѣній.

При изслѣдованіи прогресса Европы, къ которому намъ приходится теперь приступить, мы, конечно, будемъ заниматься больше умственными явленіями; расширенія территорій и политическая власть представляютъ для насъ, конечно, менѣе важныя, хотя все же цѣнныя указанія, и служатъ для нашей цѣли только косвеннымъ образомъ. Намъ приходится имѣть дѣло съ пятью главными проявленіями умственной жизни: философіею, наукою, литературою, религіею, правительствомъ. Прежде всего мы должны, очевидно, изучить прогрессъ развитія того члена европейской семьи, который стоитъ на первомъ планѣ по своему развитію, и стараться опредѣлить характеристическія черты его умственнаго развитія. Мы можемъ затѣмъ вполне основательно ожидать, что младшіе члены семьи будутъ, въ большей или меньшей степени, представлять намъ примѣры такого же развитія, какое наблюдалось нами въ Греціи, и что весь континентъ, представляющій сумму различныхъ его частей, будетъ также идти по тому же пути.

Несовершенны, по необходимости, наши свѣдѣнія относительно положенія Европы въ доисторическія времена. Можетъ быть, мы будемъ склонны думать, что это несовершенство является достаточно явнымъ признакомъ ихъ истинности. Начиная свое разсужденіе съ этихъ временъ, мы должны изслѣдовать въ подробности умственное и философское движенія, проявившіяся впервые въ Греціи, стараясь затѣмъ опредѣлить ихъ характеръ въ различныхъ послѣдующія эпохи и на основаніи этого судить объ ихъ природѣ. Къ счастью для нашей

Измѣненія въ быстротѣ развитія національной жизни.

Планъ настоящаго сочиненія.

Выборъ между европейскими обществами.

Наше изслѣдованіе ограничивается умственными явленіями и начинается съ Греціи.

Итъ ничего абсолютнаго во времени.

Націи представляютъ переходныя формы.

Онѣ всегда идутъ впередъ, никогда назадъ.

цѣли, свѣдѣній въ этомъ отношеніи вполне достаточно, какъ по количеству ихъ, такъ и по опредѣленности. Затѣмъ намъ останется доказать, что умственное движеніе всего континента въ сущности отличается тѣмъ же характеромъ, хотя распределяется на гораздо большіе промежутки времени. Въ виду этого мы и будемъ постоянно подкрѣплять свои положенія при- мѣрами изъ жизни древнихъ народовъ Азіи и аборигеновъ Африки и Америки.

Умственный прогрессъ Европы соответствуетъ прогрессу Греціи, а послѣдній, въ свою очередь, сходенъ съ прогрессомъ индивидуума; поэтому мы можемъ совершенно основательно раздѣлить ихъ на пять послѣдовательныхъ періодовъ: 1) Вѣкъ легковѣрія; 2) Вѣкъ изслѣдованія; 3) Вѣкъ вѣры; 4) Вѣкъ разума; 5) Вѣкъ упадка; такого рода опредѣленія и я буду употребить при раздѣленіи своей книги на главы.

Изъ возможности разсматривать прогрессъ континента по опредѣленнымъ и послѣдовательнымъ періодамъ, соответствующимъ періодамъ индивидуальной жизни, — младенчеству, дѣтству, отрочеству, зрѣлому возрасту и старости, — мы можемъ извлечь поучительный урокъ. Онъ учитъ насъ тому же, что мы узнали изъ изслѣдованія относительно происхожденія, сохранения, распредѣленія и уничтоженія животныхъ и растений, ихъ взаимнаго уравновѣшенія, изъ измѣненій въ вышнемъ видѣ и формъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ зависимости отъ климатическихъ условій, изъ соціальнаго ихъ положенія, какъ въ состояніи покоя, такъ и въ состояніи движенія, изъ вѣковыхъ измѣненій ихъ мѣстной и постепеннаго развитія господства разума надъ обществомъ; урокъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: міръ управляется закономъ.

Такого рода понятіе чаруетъ умъ человѣка своимъ грандіознымъ величіемъ. Оно заставляетъ его различать вѣчное среди скоропреходящихъ событій и сквозь тѣнь временъ. Оно отвлекаетъ наше вниманіе отъ жизни, удовольствій и страданій человечества и указываетъ намъ на безстрастное; заставляетъ насъ забывать о нашихъ желаніяхъ и горестяхъ и думать о неумолимомъ. Подчиняя индивидуума наблюденію Провидѣнія, оно указываетъ намъ на законъ, управляющій обществомъ. А законы природы никогда не мѣняются; въ своемъ примѣненіи они никогда не колеблются, никогда не отсутствуютъ.

Но такого рода восхожденіе къ первичнымъ законамъ, признаніе ихъ неизмѣнности, всеобщности и ихъ верховной власти въ дѣлѣ управления міромъ не представляетъ ничего несомнѣнимаго съ свободною волею человѣка. Впечатлѣніе, производимое на насъ извѣстными вещами, зависитъ вполне отъ нашей точки зрѣнія на нихъ. Человѣкъ, погруженный въ водоворотъ люднаго города, видитъ только дѣйствія людей, и если бы онъ составилъ себѣ понятія только на основаніи личнаго опыта, онъ долженъ былъ бы признать, что теченіе событій находится въ полной зависимости отъ произвола человѣческой воли. Но тотъ, кто

подымается на значительную высоту, теряетъ изъ виду преходящія столкновенія и перестаетъ слышать споры. Онъ узнаетъ, что значеніе индивидуальных дѣйствій уменьшается по мѣрѣ расширенія панорамы, разстилающейся у его ногъ. И если бы онъ могъ увеюить истинно философскую, общую точку зрѣнія, освободиться отъ всякихъ земныхъ вліяній и стѣненій и подняться достаточно высоко, чтобъ охватить весь шаръ земной, то, при самомъ остромъ зрѣніи, онъ не въ силахъ былъ бы открыть самое легкое указаніе на человѣка, на его свободную волю или дѣла. При видѣ этого неудержимаго стремленія впередъ, необыкновенной точности смѣлы дня и ночи на землѣ, правильно очерченныхъ формъ континентовъ и морей, уже не мрачныхъ и неопредѣленныхъ, а испускающихъ планетарный свѣтъ, — человѣкъ чувствуетъ желаніе спросить, что случилось со всеми мученіями и тревогами, со всеми удовольствіями и страданіями жизни. По мѣрѣ того, какъ произвольное исчезаетъ у него изъ виду, и онъ остается съ однимъ только непреодолимымъ, которое съ каждою минутою становится все болѣе и болѣе очевиднымъ для него, онъ начинаетъ утрачивать довѣріе къ собственному опыту и спрашивать себя: неужели вмѣстѣлице такой безсмертной славы могло служить мѣстомъ дѣйствія для человѣческаго произвола, неужели, рядомъ съ обширностью, энергіею и неизмѣнностью этого міроваго движенія впередъ, дѣйствуютъ гдѣ-то въ скрытомъ видѣ слабость и безмысліе человѣка? А, тѣмъ не менѣе, совершенно вѣрно и то, что оба эти противорѣчивыя условія существуютъ рядомъ — свободная воля и рокъ, произволъ и судьба. Измѣнилась только точка зрѣнія, — а какъ много зависить отъ этого! Немного ближе — и мы убѣждаемся въ послѣдовательныхъ приобрѣтеніяхъ человѣческаго изслѣдованія; немного дальше — и мы представляемъ себѣ въ панорамѣ видѣніе божества. Одинъ индусскій философъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что тотъ, кто стоитъ на берегу текущей рѣчки, видитъ, какъ волны послѣдовательно протекаютъ передъ нимъ; но тому, кто стоитъ на значительномъ возвышеніи, вся рѣчка представляется неподвижною серебряною нитью, тянущейся среди полей. Передъ однимъ изъ наблюдателей открывается какъ бы накопляющійся опытъ и знаніе человѣка во времени, а передъ другимъ — моментальное и неполное знаніе Бога.

Существуетъ ли въ мірѣ хотя бы одинъ предметъ, который не былъ бы облеченъ печатью эфемернаго существованія? Что касается до живыхъ существъ, то о нихъ не ^{Памфличность формъ и непамфличность закона.} стоитъ въ сущности и упоминать, потому что срокъ жизни большинства до такой степени кратокъ, что они какъ бы рождаются и умираютъ на нашихъ глазахъ. Если же мы станемъ разсматривать ихъ не какъ индивидуумы, а какъ отдѣльную расу, то получимъ то же заключеніе, только срокъ существованія продолжится: вмѣсто нѣсколькихъ дней получится нѣсколько столѣтій. Переходя отъ одушевленной природы къ неодушевленной, мы встрѣчаемъ доказательство такого же краткаго существованія. Море безпрестанно измѣняетъ очертанія своихъ береговъ; несмотря на свою крѣпость, горы постоянно уступаютъ дѣйствію мороза и дождя; въ одномъ мѣстѣ уровень значительнаго количества земли понижается, въ дру-

томъ онъ такъ же точно повышается. Мы не можемъ найти ничего такого, что не измѣнялось бы.

Итакъ, формы по своему характеру переходны, законъ же остается неизмѣннымъ. Переходи отъ видимыхъ формъ къ управляющему міромъ закону, мы видимъ громадную разницу. Отъ конечнаго, временнаго, случайнаго, условнаго мы переходимъ къ безграничному, вѣчному, необходимому, непреложному.

Въ этой книгѣ я намѣренъ говорить о законѣ. Въ мірѣ, состоящемъ изъ переходящихъ формъ, я хочу указать и высказать въ законъ, я хочу показать, какъ человекъ въ своемъ общественномъ развитіи дѣйствуетъ, повинаясь ему. Я намѣренъ вывести его изъ міра фантазмагорическихъ иллюзій, окружающихъ насъ и навязывающихся намъ, и сосредоточить его вниманіе на томъ, что скрывается за ними въ величавомъ молчаніи. Я намѣренъ направить его мысли отъ осязаемаго къ невидимому, отъ ограниченнаго къ всеобщему, отъ измѣнчиваго къ неизмѣнному, отъ переходящаго къ вѣчному, отъ желаній и стремленій, разнообразяющихъ жизнь людей, къ предопредѣленному и непреложному, исходящему отъ Бога.

ГЛАВА II,

Объ Европѣ: ея топографія и этнологія.

Ея первобытные способы мышления и ихъ прогрессивныя измѣненія, обновившіяся въ греческій вѣкъ суевѣрія.

Описаніе Европы: ея топографія, метеорологія и вѣковыя геологическія измѣненія.—Вліяніе ихъ на ея жителей.

Ея этнологія опредѣляется ея словарями.

Сравнительная теологія Греціи; стадія колдовства, антропоцентрическая стадія.—Она вступаетъ въ связь съ ложною географіею и астрономіею.—Небо, земля, подземный міръ.—Происхожденіе, постоянныя видоизмѣненія и прогрессъ греческой теологіи. Она вводитъ въ Греціи іоническую философію.

Упадокъ греческой теологіи, вызванный развитіемъ географіи и философской критики.—Отпаденіе отъ нея поэтовъ, философовъ, историковъ.—Общество пытается поддержать ее.—Продолжительность ея упадка.—Ея паденіе.

Европа представляетъ въ географическомъ отношеніи полуостровъ, въ историческомъ—зависимую отъ Азіи часть.

Она расположена на западной трети горной оси, которая не-
Описаніе Евро-
па. правильно, съ перерывами, простирается отъ Японскаго моря до Бискайскаго залива. По бокамъ этой цѣпи опускаются полуостровные склоны по направленію къ югу и обширныя плоскогорія по направленію къ сѣверу. Высшею точкою Европы является Монбланъ, поднимающійся на 16000 футовъ надъ уровнемъ моря. Ось высоты не совпадаетъ съ осью фигуры; наклонъ

къ югу гораздо болѣе коротокъ и крутъ, чѣмъ наклонъ къ сѣверу. Безграничныя равнины Азіи продолжаются въ Германіи и Голландіи. Армія можетъ пройти отъ Тихаго океана до Атлантическаго разстояніе болѣе чѣмъ въ шесть тысячъ миль, не встрѣтивъ ни одного возвышенія выше нѣсколькихъ сотъ футовъ. Наклонъ отъ Азіи въ Европу можетъ быть опредѣленъ, въ общихъ чертахъ, среднею высотой обоихъ континентовъ надъ уровнемъ моря: для Азіи 1132 фута, для Европы 671. Черезъ открытую для нихъ, такимъ образомъ, дорогу восточныя орды постоянно, одиѣ за дру-
Великій средній
проходъ. гимп, устремлялись на западъ. Отличаясь изобиліемъ источниковъ и водныхъ бассейновъ, но безъ большихъ рѣкъ, могущихъ представить серьезное препятствіе, путь этотъ, вдобавокъ, отличается температурою, вполне пригодною для военныхъ движеній. Она, болѣею частью, совпадаетъ съ годовою изотермическою линіею 50, которая образуетъ сѣверную границу и за которою не растетъ виноградъ, и опоясываетъ область, за предѣлами которой не можетъ существовать дикій кабанъ.

При такомъ расположеніи, Европа не только легко доступна изъ Азіи,—фактъ, представляющій не малое значеніе для
Восточная и
внутренняя до-
ступность. ея древней исторіи,—но и необыкновенно доступна изнутри изъ одной ея части въ другую. Болѣе того: ея морская линія такъ извилиста, въ ней имѣется столько бухтъ и заливовъ, что, при сравненіи съ величиною ея поверхности, ея морская береговая линія превосходитъ своею величиною береговую линію всѣхъ другихъ материковъ. Въ этомъ отношеніи Европа представляетъ поразительный контрастъ съ Африкою. Въ первой приходится одна миля берега на каждыя 156 квадратныхъ миль поверхности, а въ послѣдней одна миля на каждыя 623. Эта обширная морская береговая линія въ значительной мѣрѣ способствуетъ внутренней и внѣшней доступности Европы.

Средняя годовая температура европейскихъ странъ у южнаго склона горной оси колеблется отъ 60° до 70° Ф., но по мѣрѣ приближенія къ сѣверу температура мало по малу падаетъ, и, наконецъ, на крайней сѣверной границѣ, у береговъ Новой Земли, земля постоянно замерзшая. Какъ и въ другихъ частяхъ земного шара, климатъ не соотвѣтствуетъ широтѣ, но измѣняется благо-
Распределе-
ніе
въ Евро-
пѣ. даря разнымъ причинамъ, среди которыхъ не малую роль играютъ великое атлантическое теченіе, гольфстремъ, притекающій изъ Америки, и пустыня Сахара. Послѣдняя возвышаетъ въ значительной степени температуру южной Европы, а первый умѣряетъ климатъ Ирландіи, Англіи и вообще всего запада. Въ то же время они заставляютъ подыматься въ болѣе высокія широты годовыя изотермическія линіи. Если въ Европѣ нѣтъ пустынь, за то въ ней нѣтъ и непроницаемыхъ лѣсовъ, изобилующихъ въ тропическихъ странахъ. Влажность уменьшается по мѣрѣ перехода отъ западныхъ береговъ Португаліи, Франціи и Ирландіи къ Азіи и совершенно исчезаетъ въ пустынь Гоби. Въ Европѣ нѣтъ однообразныхъ равнинъ Азіи; поэтому въ ней нѣтъ и широко распространеннаго однообразія въ племенахъ людей.

Но не одна только температура европейскаго материка зависитъ отъ гольфстрема и юго-западнаго вѣтра, потому что роскошь растительности опредѣляется, между прочимъ, и количествомъ выпадающаго дождя. Обиліе воды доставляетъ южной Америкѣ ея громадные лѣса, поражающіе своими размѣрами; недостатокъ дождей въ Австраліи порождаетъ ея деревья, лишеныя тѣни, съ ихъ причудливыми, острокопечными листьями. Благодаря уменьшенію влаги, зеленые сады Франціи замѣняются въ Гоби жалкими кустарничками, покрытыми сѣроватымъ пушкомъ. Физическія обстоятельства вліяютъ въ одинаковой степени на растительный и на животный міры.

Благодаря вліянію юго-западнаго вѣтра, гольфстрема и горныхъ вершинъ, западныя области Европы изобилуютъ дождями и обладаютъ благоприятною среднею годовою температурою; но, по мѣрѣ перехода въ восточныя области, число дождливыхъ дней уменьшается, общее годовое количество дождя и снѣга понижается, и средняя годовая температура падаетъ. На горахъ Норвегіи идетъ постоянный дождь со стороны Атлантическаго океана; годовая глубина воды равняется 82 дюймамъ; но на противоположной сторонѣ горы она равняется всего 21 дюйму. По тѣмъ же причинамъ Ирландія постоянно влажная и зеленая, а въ Корнуэльсѣ лавръ и камелія выносятъ зиму на воздухѣ.

Существуютъ три пункта максимальнаго паденія дождя: Норвегія, Шотландія, юго-западная Ирландія и Англія, Португалія, сѣверо-западная Испанія и Ломбардія. Они соответствуютъ горамъ. Можно сказать вообще, что количество дождя уменьшается отъ экватора къ полюсамъ; но существуютъ значительныя отклоненія отъ этого правила благодаря нарушающему вліянію высокихъ хребтовъ, которые во многихъ случаяхъ замѣняютъ дѣйствіе широты. Альпы оказываютъ могущественное вліяніе на метеорологію всей Европы.

Но горы не только опредѣляютъ общее количество дождя, — онѣ оказываютъ вліяніе и на количество дождливыхъ дней въ году. Наступленіе дождливой погоды зависитъ отъ количества влаги, накопившейся въ воздухѣ; поэтому она бываетъ чаще у береговъ Атлантическаго океана, чѣмъ внутри страны, куда вѣтеръ появляется въ болѣе сухомъ видѣ, потерявъ часть влаги при столкновеніи съ ветрѣченными имъ на пути горами, которыя заставили его подняться выше. Такъ, на восточномъ берегу Ирландіи дождь идетъ 208 дней въ году, въ Англіи — около 150, въ Казани — 90, а въ Сибири — только 60.

Когда атмосферная температура достаточно низка, сгущенная и снѣжныхъ вода спускается въ образѣ снѣга. Вообще годовая глубина снѣга и количество снѣжныхъ дней увеличиваются по направлению къ сѣверу. Въ Римѣ снѣжныхъ дней $1\frac{1}{2}$, въ Венеціи — $5\frac{1}{2}$, въ Парижѣ — 12, въ Петербургѣ — 171. Тѣ же причины, которыя вліяютъ на распредѣленіе тепла, вліяютъ и на выпаденіе снѣга; между ними главное мѣсто занимаютъ гольфстремъ и мѣстная широта. Поэтому на берегахъ Португаліи снѣгъ принадлежитъ

къ числу весьма рѣдкихъ явленій; въ Лиссабонѣ снѣгъ ни разу не падалъ отъ 1806 до 1811 г.

Такого рода факты показываютъ намъ, какъ много метеорологическихъ контрастовъ существуетъ въ Европѣ, какъ много климатовъ заключаются въ ней. Въ виду этого она, по необходимости, и наполнена разнообразными типами людей.

Разсматривая карты мѣсячныхъ изотермическихъ линий, мы сейчасъ же замѣтимъ, какъ сильно мѣняются эти линии, какъ онѣ дѣлаются выпуклыми по мѣрѣ приближенія къ лѣту и вогнутыми по мѣрѣ приближенія къ зимѣ. Онѣ никогда не бываютъ параллельны средней линіи, но мѣняются свои изгибы, представляя все новыя и новыя очертанія. Во время общихъ своихъ передвиженій онѣ движутся съ различною быстротою и черезъ довольно значительныя пространства. Линія 50° Ф., которая въ январѣ проходитъ черезъ Лиссабонъ и югъ Мореи, въ іюлѣ передвигается къ сѣверному берегу Лапландіи и заключаетъ въ себѣ и Бѣлое море. Подобно большому музыкальному инструменту, струны котораго вибрируютъ, изотермическія линіи Европы и Азіи постоянно движутся взадъ и впередъ, но для выполненія цѣлаго даннаго движенія имъ необходимо одинъ годъ.

Во всемъ мірѣ физическія обстоятельства управляютъ человѣческимъ родомъ. Они обращаютъ австраліяца въ дикаря, лишаютъ способностей негра, который не въ состояніи изобрѣсть ни алфавита, ни ариметики и теологія котораго не идетъ дальше стадіи колдовства. Они заставляютъ татаръ довольствоваться молочною пищею и внушаютъ отвращеніе къ ней американскому индѣйцу. Они внушаютъ малорослымъ племенамъ Европы инстинктивное стремленіе къ рудокопному дѣлу и дѣлаютъ изъ нихъ опытныхъ металлурговъ. Искусственное управленіе температурою помощью жилищъ, теплыхъ зимою и холодныхъ лѣтомъ, приспособленія одежды къ временамъ года и въ особенности открытіе огня доставили человѣку возможность обитать во всякаго рода климатахъ. Изобрѣтеніе искусственнаго свѣта расширило срокъ его жизни; предоставивъ ночь въ его распоряженіе, оно, благодаря обусловленному этимъ развитію общественныхъ сношеній, придало большую утонченность его нравамъ и вкусамъ, и, быть можетъ, больше чого-либо другого способствовало его умственному развитію. Таковы первичныя причины, обусловливавшія развитіе цивилизаціи. Разнообразіе естественныхъ условій порождаетъ разнообразіе въ національныхъ типахъ, искусственныя изобрѣтенія вызываютъ новыя измѣненія. Гдѣ много климатическаго разнообразія, тамъ бываетъ и много типовъ людей. Въ этомъ, какъ мы выяснимъ въ своемъ мѣстѣ, заключается объясненіе энергіи европейской жизни и развитія ея цивилизаціи.

Кто станетъ отрицать вліяніе дождливыхъ дней на нашу склонность работать, на наше настроеніе, даже при условіяхъ цивилизованной жизни? Съ какою несравненно болѣею силою дѣйствовали такого рода метеорологическія явленія на плохо защищеннаго, плохо одѣятаго варвара, обитающаго въ плохомъ жилищѣ? Мо-

Колебанія изотермическихъ линій.

Европа полна метеорологическихъ контрастовъ, а следовательно и разнообразныхъ племенъ людей.

жетъ ли кто отрицать, что съ переходомъ изъ южныхъ полуострововъ въ болѣе суровыя климатическія области сѣвера становитесь все труднѣе и труднѣе поддерживать свое существованіе? Существуетъ тѣсная связь между среднею годовою температурою данной мѣстности и пищевыми вкусами ея обитателей. Сициліецъ удовлетворяется легкою мучною пищею и немногими плодами; норвежецъ требуетъ питательной мясной пищи, а лапландцу эта мясная пища доставить еще большее удовольствіе, если она будетъ приправлена медвѣжьимъ жиромъ или тресковымъ, или китовымъ. Метеорологія оказываетъ также не мало вліяніями на нравственность; инстинктивная наклонность къ пьянству тѣсно связана съ спиртою. Пища, дома, одежда находятся въ извѣстной связи съ изотермическими линіями.

По тѣмъ же причинамъ жители Европы съ каждымъ годомъ все больше и больше стремятся къ установленію между ними полной однородности. Климатъ и метеорологическія различія все больше и больше приводятся къ одному уровню, благодаря искусственнымъ изобрѣтеніямъ; образуется однородность не только въ правахъ, но и въ физиологическомъ строеніи. Такого рода изобрѣтенія стремятся уравнить вліянія, которымъ подверженъ человѣкъ; всѣ люди больше и больше подводятся подъ одну общую типическую мѣрку, и, — что слѣдуетъ больше всего замѣтить, — вмѣстѣ съ этимъ тѣснымъ сближеніемъ по строенію происходитъ и болѣе тѣсное сближеніе въ чувствахъ и нравахъ, и даже въ образѣ мыслей.

На южномъ склонѣ горной оси тянутся историческіе полуострова—Греція, Италия, Испанія. На первомъ изъ нихъ мы можемъ прослѣдить зародыши европейской цивилизаціи. Первые греки утверждали, въ патристическомъ увлеченіи, что климатъ ихъ родины наиболѣе пригоденъ для человѣка; за ихъ горамъ на сѣверѣ царитъ киммерійскій мракъ, вѣчная зима. Это царство Борея, тирана, наводящаго холодъ и заставляющаго всѣхъ дрожать. Въ первобытныя времена человѣкъ признавалъ холодъ величайшимъ своимъ врагомъ. Благодаря физическимъ изобрѣтеніямъ, ему удалось одержать надъ нимъ верхъ, и теперь онъ ведетъ гораздо болѣе трудную и сомнительную борьбу съ жарой.

За этими полуостровами, ограничивая материкъ съ юга, простирается Средиземное море на протяженіе почти 2000 миль длины. Оно изолируетъ Европу отъ Африки въ общественномъ отношеніи, но связываетъ ихъ въ торговомъ. Черное море и Азовское представляютъ отдѣльныя его части. Вмѣстѣ съ ними оно обладаетъ береговою линіею въ 13000 миль длины и занимаетъ поверхность почти въ миллионъ съ четвертью квадратныхъ миль. Раздѣляется оно на два бассейна, восточный и западный, при чемъ первый представляетъ высокій историческій интересъ, такъ какъ онъ является ареною зарожденія европейской цивилизаціи; западный ограниченъ полуостровомъ Апеннинскимъ, Сициліею и африканскимъ мысомъ Доброй Надежды съ одной стороны, а съ другой—имѣетъ выходъ въ Атлантическій океанъ черезъ Гибрал-

Но, благодаря искусственнымъ изобрѣтеніямъ изъ позднѣйшихъ временъ, начало пріобрѣтается стремленіе къ однородности.

Полуострова Средиземнаго моря.

тарскій проливъ. Температура его на 10 или 12 градусовъ выше температуры Атлантическаго океана, и такъ какъ много воды его испаряется, то она, понятно, болѣе солена, чѣмъ въ океанѣ. Цвѣтъ воды его зеленый въ мелкихъ мѣстахъ и голубой въ глубокихъ.

Въ теченіе безчисленнаго ряда столѣтій Азія испытываетъ медленное повышеніе, которое вліяетъ не только на ея собственную топографію, но и топографію зависящей отъ нея Европы. Было время, когда обширная песчаная пустыня Гоби служила ложемъ для моря, сообщавшагося черезъ Каспійское съ Балтійскимъ, что можно доказать не только на основаніи существующихъ географическихъ фактовъ, но и на основаніи геологическихъ соображеній. Для того, чтобъ уяснить себѣ это, достаточно посмотреть на далеко не совершенныя карты силюрийскаго и даже третичнаго періода. Вертикальное перемѣненіе Европы въ теченіе и со времени послѣдняго періода равнялось во многихъ мѣстахъ не менѣе чѣмъ 2000 футовъ. Дѣйствіе такихъ перемѣненій на мѣстную флору и фауну должно было быть съ теченіемъ времени очень велико, потому что возвышеніе на 350 футовъ надъ уровнемъ моря равняется измѣненію на одинъ градусъ средней годовой температуры или передвиженію на шестьдесятъ миль дальне къ сѣверу. А между тѣмъ это медленное перемѣненіе еще не закончено. Въ историческія времена результаты его оказали ужасное дѣйствіе на Европу, принудивъ азиатскихъ номадовъ двинуться впередъ по направленію на западъ, по великому среднему проходу; измѣненія уровня лишили ихъ воды и принуждали эмигрировать. Нѣкоторые изъ рѣкъ, какъ, напр., Оксусъ и Яксартъ, были, по историческимъ памятникамъ, сухи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Этимъ-то топографическимъ измѣненіямъ, скорѣе чѣмъ политическимъ причинамъ, слѣдуетъ приписать большинство знаменитыхъ вторженій варваровъ. Многіе объясняли эти событія чрезмѣрнымъ увеличеніемъ населенія, происходившимъ періодически въ Средней Азій, или честолюбіемъ воинственныхъ предводителей. Конечно, эти области благоприятны для человѣческой жизни и, слѣдовательно, могутъ повлечь за собою и излишекъ населенія, если принять въ расчетъ образъ жизни мѣстныхъ обывателей; но современный историкъ долженъ твердо помнить законы, регулирующие ростъ населенія, а также рядъ доказательствъ, подтверждающихъ мнѣніе, что земная кора не неподвижна, а возвышается въ одномъ мѣстѣ и опускается въ другомъ. Великія вторженія въ Европу азиатскихъ ордъ отличались слишкомъ насильственнымъ, слишкомъ внезапнымъ характеромъ, чтобъ ихъ можно было приписать постоянному давленію, обусловленному излишкомъ населенія; въ то же время они были слишкомъ громадны для того, чтобъ ихъ можно было объяснить простымъ воинственнымъ возбужденіемъ. Ихъ гораздо легче объяснить какою-либо настоятельною необходимостью, вызванною неустранимою физическою причиною, которая заставила бѣжать въ отчаяніи изъ ихъ жилищъ молодыхъ и старыхъ, сильныхъ и слабыхъ, со всѣмъ ихъ скотомъ, фурами и имуществомъ. Такою причиною могло быть измѣненіе въ уровнѣ земли и въ

Выводъ политическое движеніе Европы и Азіи и социальныя его послѣдствія.

теченіи воды. Племена, вынужденныя эмигрировать, должны были двинуться по срединному проходу, вслѣдствіе чего путь ихъ велъ по параллели широты, а не по меридіану; въ виду этого, по причинамъ, изложеннымъ въ предыдущей главѣ, переселеніе ихъ облегчалось.

Эти геологическія перемѣны входятъ, такимъ образомъ, въ какъ-размѣръ этихъ движеній. составнаго элемента въ исторію человѣчества не только въ Азіи, гдѣ большое внутреннее море уменьшилось до размѣровъ Каспійскаго и утратило свою связь съ Балтійскимъ, но и въ Европѣ. Преданія о происходившихъ въ древности потопахъ, составляющія первобытныя факты исторіи Греціи, указываютъ на такого рода движенія; можетъ быть, къ числу ихъ принадлежитъ и образованіе Фракійскаго Босфора. Въ гораздо болѣе позднія времена мы постоянно наталкиваемся на событія, зависящія отъ геологическихъ измѣненій; караванный путь Малой Азіи былъ уничтоженъ благодаря измѣненію въ уровни и накопленію песковъ, наносимыхъ изъ окружающихъ пустынь; кимвры были отгнаны въ Италію вслѣдствіе вторженія моря въ ихъ владѣнія. Нѣтъ ни одного берега въ Европѣ, на которомъ не встрѣчались бы подобныя же явленія; устья Рейна уничтожены въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ римскія времена; восточный берегъ Англіи былъ отрѣзанъ моремъ на разстояніи нѣсколькихъ миль. Береговая линія Средиземнаго моря совершенно измѣнилась; города, находившіеся нѣкогда на берегу, лежатъ теперь далеко внутри страны; другіе опустелись въ море. Острова, подобно Родосу, вышли изъ моря. Сѣверная часть Адриатическаго моря, представлявшая когда-то глубокой заливъ, теперь сдѣлалась мелкою; существуютъ наклонныя башни и храмы, которые опустелись благодаря пониженію земли. На противоположномъ концѣ Европы Скандинавскій полуостровъ можетъ служить намъ примѣромъ медленнаго вѣкового движенія: сѣверная часть его постепенно возвышается надъ моремъ, приблизительно на четыре фута въ столѣтіе. Это возвышеніе наблюдается на протяженіи многихъ сотенъ миль, увеличиваясь по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Южная оконечность, напротивъ того, такъ же медленно понижается.

Эти медленныя движенія являются лишь продолженіемъ того, что происходило за безконечное число вѣковъ тому назадъ. Со времени третичнаго періода двѣ трети Европы поднялись надъ уровнемъ моря. Норвежскій берегъ поднялся на 600 футовъ, Альпы на 2000 или 3000 футовъ, Апеннины на 1000—2000 футовъ. Мѣстность между Мопбланомъ и Вѣною поднялась, такимъ же образомъ, уже послѣ того, какъ сосѣднія съ ними озера были населены существующими и теперь животными. Со времени неолитическаго вѣка уровень британскихъ острововъ сильно измѣнился; они отдѣлились отъ материка благодаря пониженію Англіи и соотвѣтственному повышенію Шотландіи.

Въ древнѣйшій періодъ Европа представляется намъ съ двойкаго рода населеніемъ. Индо-германскія племена вторгнулись въ нее съ востока и раздѣлили на двѣ части встрѣченныхъ ими ту-

земцевъ, отгнаны одну на сѣверъ, а другую на юго-западъ. Эти первобытныя племена были монгольскаго происхожденія, какъ видно изъ физиологическихъ данныхъ; существуетъ много вѣскихъ доказательствъ въ пользу того, что они сами въ древнѣйшія времена были пришлецами въ Европу; оставивъ свои жилища въ Азіи, они вторгнулись въ Европу и разогнали съ туземцевъ. Въ пліоценовскую эпоху въ центральной Европѣ жила грубая раса охотниковъ и рыболововъ, тѣсно связанная съ эскимосами. Эти люди были современниками пещернаго медвѣдя, пещернаго льва, земноводнаго гиппопотама, мамонта. Пещеры, изслѣдованныя во Франціи и въ другихъ мѣстахъ, доставили орудія каменнаго періода, топоры, ножи, пики и наконечники стрѣлъ, молотки, кирки. Переходъ отъ такъ-называемаго неполпированнаго каменнаго періода къ полпированному производился постепенно. Онъ совпадаетъ съ эпохою прирученія собаки, съ эпохою охотничьей жизни. Появленіе стрѣлъ указываетъ на изобрѣтеніе лука и на переходъ человѣка отъ оборонительнаго образа жизни къ наступательному. Введеніе зубчатыхъ стрѣлъ указываетъ на значительную изобрѣтательность; костяныя и роговыя острія доказываютъ, что охотникъ гонялся и за мелкими животными, быть можетъ, за птицами; костяныя свистки — что онъ дѣйствовалъ сообща съ другими охотниками или призывалъ къ себѣ свою собаку. Скобильные кремневые ножи указываютъ на употребленіе кожи для одежды, а грубыя иголки и шила служатъ доказательствомъ того, что эту кожу шивали. Раковины, съ продѣланными въ нихъ отверстиями для образованія браслетовъ и ожерельевъ, доказываютъ, какъ рано возникла страсть къ личнымъ украшениямъ; приборы, необходимые для приготовленія красильныхъ веществъ, наводятъ на мысль, что въ то время было въ обычаѣ раскрашиваніе тѣла, быть можетъ, и татуировка; а почетныя посохи служатъ доказательствомъ возникновенія общественной организаціи.

Слѣдовательно исходною точкою для насъ является варварское населеніе, вѣрившее въ колдовство; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варвары были, несомнѣнно, людоедами, а въ центральныхъ и сѣверныхъ частяхъ Европы они съ трудомъ поддерживали свое существованіе въ виду суровости климата. Въ южной части Европы климатъ былъ болѣе мягкій, вслѣдствіе чего здѣсь же и зародилась цивилизація, слѣды которой сохранились и по настоящее время въ видѣ циклопическихъ построекъ, каковы, напр., развалины Орхомена, львиный ворота Микенъ, тоннель Копайскаго озера.

Въ какой именно періодъ времени вторгнулись въ Европу индо-германскія племена, достовѣрно не извѣстно. Національные словари Европы, къ которымъ мы должны обратиться для рѣшенія этого вопроса, заставляютъ насъ предположить, что уровень цивилизаціи завоевателей былъ весьма низокъ. Они были знакомы съ употребленіемъ домашнихъ животныхъ, земледѣльческихъ орудій, телѣга и ярма; у нихъ были лодки, рули, весла, но съ управленіемъ лодки помощью паруса они не были знакомы. Эти заключенія подтверждаются, повидимому, тѣмъ фактомъ, что слова,

означающія лодку, руль, весло, общи всѣмъ языкамъ одного корня, какъ бы далеко ни жили другъ отъ друга говорившіе на нихъ; слова же, обозначающія мачту и парусъ, совершенно различны у различныхъ народовъ.

Почти во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ имена членовъ семьи—отца, матери, брата, сестры, дочери—представляютъ большое сходство. Такое же сходство наблюдается и въ названіяхъ многихъ обыденныхъ предметовъ—дома, двери, города, дороги. Замѣчено вообще, что въ то время какъ названія мирныхъ предметовъ представляютъ сходство, названія предметовъ, служившихъ для войны и охоты, различны въ различныхъ языкахъ. Такого рода факты доказываютъ, повидимому, что азіатскіе завоеватели вели пастушескій и кочевой образъ жизни. Многие изъ выраженій, связанныхъ съ такого рода занятіями, сильно распространены. Это можно сказать относительно такихъ занятій, какъ пахотба, молотба, тканье, печенье, варенье, шитье, пряжа,—такихъ предметовъ, какъ хлѣбъ, рыба, мясо, одежда, и такихъ животныхъ, которыхъ общи Европѣ и Азій, какъ, напр., медвѣдь и волкъ. То же наблюдается и въ словахъ, связанныхъ съ социальной организаціею: деспотъ, король, королева. Числа отъ 1 до 100 совпадаютъ въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, литовскомъ и готскомъ языкахъ; но не то съ числомъ 1000,—фактъ, заставившій филологовъ, занимающихся сравнительнымъ языкознаніемъ, заключить, что въ эпоху эмиграціи существовало уже настолько сильное умственное развитіе, что эмигранты оказались въ состояніи изобрѣсть десятичную систему, но что эта система была еще далеко не совершенна. Жители центральной Азій не имѣли никакого понятія о морѣ, вѣдѣ ствіе чего различныя отрасли эмигрировавшихъ племенъ, направившіяся кто на сѣверъ, кто на югъ, дали ему различныя названія. Но, несмотря на свое незнакомство съ моремъ, они были знакомы съ солью, что доказывается частымъ повтореніемъ этого слова. Подобнаго рода сходства замѣчаются не въ однихъ только словаряхъ, а также и въ грамматикѣ. Максъ Мюллеръ доказываетъ, что на санскритскомъ, вендскомъ, литовскомъ, дорическомъ, славянскомъ, латинскомъ и готскомъ языкахъ формы вспомогательнаго глагола бытъ составляютъ всѣ однѣ лишь разновидности общаго типа, «что совпаденія между языкомъ ведъ и діалектомъ, на которомъ изъясняются въ настоящее время литовскіе рекруты въ Берлинѣ, гораздо значительнѣе, чѣмъ между французскимъ и итальянскимъ языкомъ, и что наиболѣе существенныя формы грамматики были вполне выработаны и установлены еще до перваго отдѣленія арійскаго семейства».

Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нельзя такъ безусловно основывать свои сужденія на такихъ интересныхъ выводахъ, составленныхъ на основаніи словарей и грамматикъ. Состояніе цивилизаціи индо-европейскихъ племенъ, судя по этимъ даннымъ, было крайне низко, и оно должно было быть ниже состоянія цивилизаціи центра, изъ котораго они вышли. Это явленіе наблюдается во всѣхъ эмиграціонныхъ движеніяхъ. Въ нихъ участвуютъ добровольно не

самыя развитыя въ умственномъ отношеніи и самыя цивилизованныя части общества, а тѣ, въ которыхъ преобладаютъ физическіе и животныя инстинкты. Утонченный корень можетъ дать весьма грубый отпрыскъ. Движеніе, наблюдаемое нами здѣсь, должно было происходить въ чрезвычайно отдаленный періодъ времени, но все же не настолько отдаленный, какъ можно было подуматъ, если бы мы пожелали основать свое заключеніе на состояніи цивилизаціи той страны, изъ которой они вышли. Соціальныя прогрессъ въ Азій, насколько намъ извѣстно, происходилъ всегда очень медленно; но, съ перваго же момента нашей встрѣчи съ индусскою расою въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ, мы застаемъ ее обскуddующею философскіе и теологическіе вопросы высшаго порядка и разрывающею вполне удовлетворительно задачи, одна постановка которыхъ требуетъ высокаго умственнаго развитія. Все это доказываетъ, что индусская раса потребовала значительнаго періода времени для своего развитія.

Но что больше всего интересуетъ насъ въ отношеніяхъ, которыя должны были обязательно возникнуть между завоевателями и тѣми, кого они вытѣснили изъ ихъ жилищъ, это смѣшеніе идей крови. Благодаря именно этому смѣшенію, мы находимъ въ до-эллинскія времена существованіе колдовства кельтовъ и политеизма индусовъ. Нельзя сомнѣваться, что многія философскія черты ранней европейской міеологіи обязаны своимъ происхожденіемъ не туземнымъ мыслителямъ, а азіатскимъ источникамъ.

Далѣе, въ древнѣйшія историческія времена, несмотря на безпорядки, существовавшіе еще долгое время послѣ того, какъ азіатскія племена успѣшно и медленно подвигались впередъ, дѣла пришли въ положеніе равновѣсія и покоя не только въ социальномъ отношеніи, но и въ физиологическомъ. Много времени нужно завоевателю и побѣжденному, чтобъ освоиться со своими взаимными положеніями, прекратить всѣ взаимныя споры и недоразумѣнія. Много прошло времени, пока замерли отголоски взаимныхъ пререканій и столкновеній. Но еще больше времени нужно для расы завоевателей, чтобы приспособиться къ климату завоеванныхъ странъ, такъ какъ организмъ челоуѣка лишь послѣ цѣлаго ряда поколѣній, и слѣдовательно чрезвычайно медленно, приходитъ въ соотвѣтствіе съ новыми физическими условиями. Много времени нужно на то, чтобы кожа приняла надлежащій оттѣнокъ, а черепъ требуемую форму. Періодъ, достаточный для производства всѣхъ этихъ измѣненій, истекъ къ началу возникновенія историческихъ временъ; исторія застала Европу заселенною группами населенія, вполне приспособившагося къ вышеописаннымъ метеорологическимъ и географическимъ вліяніямъ. Достигнуто было положеніе этническаго равновѣсія. Вдоль каждой изотермической или климатической линіи жили приспособленные къ ней люди, проводя жизнь въ занятіяхъ, обусловленныхъ окружающею обстановкою. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ должны были впоследствии разсѣяться, другіе погибнуть, благодаря изобрѣтенію или

Смѣшеніе крови и идей.

Приспособленіе въ азіатскихъ завоевателяхъ, происшедшій благодаря климату.

появлению среди них новых и непригодных искусственных физических условий.

Въ Европѣ готовилось уже повтореніе тѣхъ событій, ареною которыхъ служила съ незапамятныхъ временъ Азія. Среди націй, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, въ пріятномъ климатѣ, гдѣ изотермическая линия для января равняется 41° Ф., а для іюля $73\frac{1}{2}^{\circ}$ Ф., начиналась цивилизація. Здѣсь замѣчается уже Первое проблемное цивилизаціи улучшение въ земледѣліи, расширеніе торговли, зарожденіе искусствъ, накопленіе богатствъ. Южные полуострова представляли заманчивую добычу для воинственныхъ вождей средней Европы. Въ виду этого Европу можно признать уже выпешднее изъ варварскаго состоянія. Она утратила всякое воспоминаніе о своихъ древнихъ сновеніяхъ съ Индією, которыя стали извѣстны намъ только благодаря изученію словарей и грамматикъ различныхъ языковъ.

Къ ея туземному колдовству присоединилось восточное звѣздо- и первый рели- гіозный мифы. поклонство, легенды о которомъ утратили свое значеніе. То, что приписывалось въ началѣ небеснымъ тѣламъ, было воплощено теперь въ личные образы и приписано героямъ и богамъ.

Негры подъ экваторомъ, малорослые лапландцы у полярнаго круга, — однимъ словомъ, все люди въ варварскомъ состояніи вѣрятъ въ колдовство, волшебство, чары; непонятное производятъ на нихъ чарующее вліяніе. Всякій неожиданный, непонятный звукъ они приписываютъ невидимымъ существамъ. Они умножаютъ до безконечнаго эти изобрѣтенія своей фантазіи; каждому гроту они придаютъ генія, каждому дереву, источнику, рѣкѣ, горѣ — божество.

Сравнительная теологія, находящаяся въ зависимости отъ закона постояннаго измѣненія человеческой мысли и составляющая въ дѣйствительности одно изъ ея выраженій, доказываетъ, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи цѣлаго человечества, что какъ только человѣкъ воспринимаетъ идею о существованіи невидимыхъ существъ, онъ сейчасъ же признаетъ необходимымъ отвести имъ опредѣленные мѣста для жительства, при чемъ все націи отводятъ имъ эти вѣстожительства за предѣлами земли. Мѣстное небо и мѣстный адъ встрѣчаются во всехъ мѣстоименіяхъ. Въ Греціи все говорили единогласно, что небо расположено за небеснымъ сводомъ; что же касается до ада, то въ этомъ отношеніи мнѣнія раздѣлялись. Многие думали, что адъ находится въ глубинѣ подъ землею и что къ нему ведутъ извѣстные проходы, какъ, напр., Ахерузская пещера, въ Сициліи. Но тѣ, которые раздѣляли мнѣніе Анаксимена, что земля похожа на широкій листъ, носящийся по воздуху, и держался ученія, дѣлвашаго адъ на Тартаръ, или область ночи слѣва, и Елисейскія поля, или область дня справа, и располагали эти области на равныхъ разстояніяхъ отъ всѣхъ частей земной поверхности, ближе подходили къ первоначальному понятію, которое отводило мѣсто для ада на нижней, затѣненной части земли. Спускъ въ адъ былъ расположенъ на западѣ, съ той стороны, гдѣ садятся солнце и звѣзды, хотя существовали мѣста прохода черезъ землю и съ другой стороны, какъ, напр., тѣ проходы, черезъ которые спу-

скались Одиссей и Геркулесъ. Мѣсто подъема изъ ада находилось на востокѣ, и утренняя заря составляла отраженіе Елисейскихъ полей.

При такомъ истолкованіи природы, центромъ ея является земля, а наиболѣе выдающимся на ней предметомъ — Антропоцентрическая стадія мысли. человекъ. Все, что находится на землѣ, создано для его удовольствія или для удовлетворенія его потребностей. Отъ этой вѣры въ то, что все на землѣ представляется второстепенное значеніе сравнительно съ нимъ, человекъ не можетъ отбѣлаться даже и на самыхъ высокихъ ступеняхъ развитія.

Не безъ удивленія слѣдимъ мы за прогрессомъ человеческого ума. Варваръ, вѣрящій въ колдовство, живетъ въ постоянномъ страхѣ. Вся природа представляется ему врагомъ и вступаетъ въ заговоръ, чтобы повредить ему. Онъ и представить себѣ не въ состояніи, какія ужасныя привидѣнія могутъ выйти изъ окружающаго его мрака; онъ не безъ основанія боится, что за каждымъ камнемъ его сторожитъ опасность, что она скрывается за каждымъ листкомъ. Какъ велико разстояніе между этимъ состояніемъ непрестаннаго ужаса и тѣмъ, когда человекъ приходитъ къ убѣжденію, что весь міръ существуетъ только для него! А между тѣмъ, какъ это ни странно, а онъ въ одинъ шагъ переступаетъ черезъ это состояніе.

Въ младенческомъ состояніи человеческой расы географическія и астрономическія идеи однѣ и тѣ же во всемъ мірѣ, потому что онѣ являются истолкованіемъ окружающихъ предметовъ на основаніи внѣшняго вида послѣднихъ, признаніемъ явленій согласно съ тѣмъ, въ какомъ видѣ они представляются наблюдателю, безъ малѣйшихъ поправокъ со стороны разума. Въ этой всеобщности и однородности обнаруживается однообразіе дѣйствія человеческого организма.

Но такого рода однородныя заключенія, такія сходныя представленія составляютъ характеристическую особенность Однородныя идеи порождаютъ сравнительную науку. младенчества человечества. Въ концѣ концовъ проявляетъ свою дѣятельность мыслительная способность, а вмѣстѣ съ нею появляются и различныя толкованія. Такимъ образомъ возникаютъ сравнительная географія, сравнительная астрономія и сравнительная теологія, сначала однородныя, а затѣмъ обнаруживающія различныя уклоненія отъ первоначальнаго характера.

Этому стремленію къ олицетворенію, проявляющемуся въ первобытныя времена человеческой жизни, обязаны своимъ происхожденіемъ многія мѣстоименія. Такимъ-то образомъ были олицетворены часы, заря, ночь съ черною мантією, Введеніе олицетвореній. утренняя звѣздами. Многія изъ наиболѣе прекрасныхъ легендъ произошли вслѣдствіе олицетворенія астрономическихъ понятій, другія вслѣдствіе олицетворенія земныхъ или обыденныхъ явленій. Облака были обращены въ одушевленные существа; также точно буря, роса, вѣтеръ. Солнце, садящееся на западѣ въ пурпуровыхъ облакахъ, обратилось въ Геркулеса на огненномъ кострѣ; утренняя заря, потухающая при лучахъ восходящаго солнца, была

воплощена въ легенду объ Орфеѣ и Евридикѣ. Эти легенды продолжаютъ существовать въ Индіи.

Но не слѣдуетъ думать, что вся греческая мифологія можетъ быть объяснена такимъ образомъ. Для насъ достаточно изслѣдовать обстоятельства, среди которыхъ существовали въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ европейскія общества, чтобы понять, какъ много забыли они изъ того, что было привезено изъ Азіи ихъ предками.

Постепенное и рядомъ съ этимъ возникло самопроизвольно и много несомненное развитіе теологическихъ идей въ Греціи. Хорошо извѣстныя варіаціи ихъ теогоніи являются не просто сходными легендами различныхъ мѣстностей, а чаще всего представляютъ собою послѣдовательныя обработки одной и той же легенды. Онѣ основаны все на одной общей идее: на существованіи первобытнаго хаотическаго состоянія и непонятныхъ гигантскихъ силъ, покоренныхъ дѣйствіемъ божества, послѣ чего божество раздѣлило и регулировало пріобрѣтенную имъ такимъ образомъ вселенную и придало ей гармоническій видъ. Къ этому общему понятію придано было множество случайныхъ украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ почерпнуты были изъ астрономическихъ источниковъ, другія изъ нравственныхъ или историческихъ. Первобытныя хаотическія столкновенія проявляются подъ видомъ войны титановъ и заканчиваются сверженіемъ этихъ титановъ въ тартаръ; ихъ подчиненіе является началомъ установленія порядка; такъ, напр., Атласу, сыну Іапета, вмѣняется въ обязанность поддерживать на своей спинѣ небесный сводъ на западномъ его склодѣ. Регулированіе власти проявляется въ раздѣлѣ вселенной между Зевсомъ и его братьями: Зевсъ беретъ себѣ небо, Посейдонъ море, а Аидъ подземный міръ; по ареною дѣйствія всехъ ихъ является земля. Нравственная сторона прообразуется въ такихъ мифахъ, какъ Прометей и Эпитей, первый мыслитель и послѣдующій; историческая — въ потопѣ Девкаліона, въ осадѣ Тивъ и Трои. Все это приводится въ гармонію съ человѣческою природою, благодаря рожденію и бракамъ боговъ, а равнымъ образомъ благодаря ихъ страданіямъ, страстямъ и трудамъ. Сверхъестественному отдана дань въ лицѣ центавровъ, горгонъ, гарпій и циклоповъ.

Напрасна была бы попытка привести къ одному принципу, нравственному или астрономическому, — какъ пробовали многіе, — такую смѣшанную систему, не представляющую единства ни времени, ни мѣста. Ея постепенное развитіе въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, ея разновидности обязаны своимъ происхожденіемъ многимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Къ нимъ такъ же трудно примѣнить обыкновенныя житейскія правила, какъ и къ романамъ болѣе поздняго періода. Они нравились народу, который находилъ удовольствіе въ принятіи безъ разсужденія извѣстныхъ положеній, какъ бы ни были они чудесны, извѣстныхъ обмановъ, какъ бы ни были они нелѣпы. Боги, герои, чудовища могли мирно существовать рядомъ, не оскорбляя чувства правды, разъ не существовало ни астрономіи, ни географіи, ни мѣрила вѣры, ни критеріума достовѣрности. Но паденіе такой системы сдѣлалось неотвратимымъ, какъ только человѣкъ началъ имѣть дѣло съ фактами, какъ только исторія начала запо-

минать, а философія обсуждать. Но люди не безъ сопротивленія отказались отъ вѣры, составляющей наслѣдіе столькихъ вѣковъ. Разрушеніе религіи не можетъ совершиться внезапно, въ одинъ день; оно производится помощью вѣкового процесса съ ясно обозначаемыми ступенями развитія: возникновеніе сомнѣнія у наиболѣе искреннихъ, неодобреніе консерваторовъ, защита идей, сдѣлавшихся совершенно устарѣлыми, со стороны благомыслящихъ, которые надѣются помощью аллегорій и новыхъ толкованій придать достовѣрность тому, что почти невѣроятно. Но въ концѣ концовъ разногласія приводятъ къ отрицанію.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи этого уметвеннаго движенія, приведеннаго къ паденію древней системы, слѣдуетъ составить себѣ понятіе объ идеяхъ грековъ за восемь столѣтій до Р. Х.: они думали, что голубой сводъ — полъ неба, жилище олимпійскихъ боговъ, что земля, жилище человѣка, плоская и круглая, подобна подносу подъ здѣднымъ балдахинномъ. На границахъ ея простирается океанъ, окружающій ее со всехъ сторонъ, источникъ рѣкъ, которыя все стекаются въ Средиземное море, названное въ болѣе позднія времена совершенно основательно Средиземнымъ, потому что оно находится въ срединѣ, въ центрѣ земель. «Опоясанный моремъ, дискъ земли поддерживаетъ сводъ небесъ». Побуждаемая небесною силою, солнце и звѣзды, появяясь на востокъ, съ трудомъ восходятъ по хрустальному своду, но затѣмъ гораздо быстрее спускаются внизъ къ тому мѣсту, гдѣ имъ приходится садиться. Никто не можетъ сказать, что они встрѣчаются внизу, въ странѣ тѣней, или какія опасности встрѣчаются имъ на пути. Утромъ заря таинственно появляется на востокъ и быстро распространяется по всему горизонту; вечеромъ сумерки постепенно ступаютъ. Но не одни только небесныя тѣла движутся по небу; по нему пробѣгаютъ и облака, постоянно мѣняя свои цвѣта и очертанія. Никто не знаетъ, откуда приходитъ вѣтеръ или куда онъ уходитъ; быть можетъ, это дыханіе того невидимаго существа, которое посылаетъ намъ молнію, или того, что опираетъ свой лукъ въ облака. Не безъ наслажденія разсматриваетъ человѣкъ изумрудную равнину, сафирный сводъ, берега серебристой рѣчки, вѣчно спокойной, вѣчно текущей. Внутри земли, быть можетъ, по другую сторону плоскости, — въ подземномъ мірѣ, какъ и его призраки, его удачно называли, — находится царство Аида или Плутона, область ночи. Это божество, съ діадемою изъ чернаго дерева на лбу, возсѣдаетъ посреди своихъ владѣній, глядя внизъ въ безконечную бездну, невидимую для глазъ смертныхъ, но дающую знать о себѣ ночнымъ громомъ. Подземный міръ представляетъ въ то же время царство, въ которое удаляются послѣ смерти души. У воротъ его, расположенныхъ со стороны заходящаго солнца, стоитъ постоянно цѣлая куча призраковъ: Забота, Печаль, Болѣзнь, Старость, Нужда, Страхъ, Голодь, Война, Трудъ, Смерть и ея сводный братъ Сонъ, — Смерть, которая относится такъ безжалостно къ молитвамъ и жертвоприношеніямъ людей. Въ этой странѣ забвенія и тѣней находится озеро Авернъ, по которому невозможно плыть, Ахеронъ, Стиксъ, стонущій

Коцитъ и Флегетонъ съ его огненными волнами. Здѣсь же можно встрѣтить чудовища всякаго рода и всевозможныхъ формъ: Цербера съ тройною головою; Харона, нагружающаго свою лодку тѣнями мертвыхъ; Судьбы, въ ея горностаевыхъ одеждахъ, окаймленныхъ пурпуромъ; метильныхъ Эрний; Радаманта, передъ которымъ каждый азіатецъ долженъ дать отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ; Эака, играющаго такую роль относительно европейцевъ. Здѣсь же находятся и величайшіе преступники, уломяемые исторіею: гиганты съ драконовскими ногами, распростертыми въ пылающемъ заливѣ, на разстояніи нѣсколькихъ миль; Флегіасъ, вѣчно трепещущій при видѣ камня, повѣшеннаго надъ его головою и никогда не падающаго; Иксіонъ, привязанный къ колесу; дочери Даная, тщетно пытающіяся наполнить свои бочки; Танталъ, погруженный въ воду до подбородка и мучимый неутолимою жаждою; Сизифъ, съ отчаяніемъ работающій надъ своимъ камнемъ, который постоянно скатывается внизъ. Напуганные такими примѣрами, мы научаемся не презирать велѣнія боговъ. Но, кромѣ этихъ печальныхъ сценъ, встрѣчаются и такія, которыя веселятъ душу: направо находятся долины наслажденія, Елисейскія поля и Лета, рѣка забвенія; кто напьется изъ нея и затѣмъ вернется обратно на землю къ жизни и свѣту, тотъ забудетъ все, что испыталъ до того.

Если внутренняя или подземная сторона земли наполнена, такимъ образомъ, призраками и полуодушевленными тѣнями мертвыхъ, верхняя ея часть, обитаемая человѣкомъ, представляетъ также не мало чудесъ. Въ центрѣ ея находится Средиземное море; вокругъ него расположены всѣ извѣстныя страны, изъ которыхъ каждая полна своихъ таинствъ и чудесъ. Сколько можно рассказать о нихъ, слѣдя за странствованиями Одиссея или за путешествіемъ

Путешествіе аргонавтовъ. Язона и его героическихъ спутниковъ, отправлявшихся на кораблѣ Арго за золотымъ руномъ говорящаго барана! Мы могли бы рассказать о гарпіяхъ, летающихъ женщинахъ-птицахъ отвратительной формы, о слѣпомъ пророкѣ, о Симплегадахъ, самозакрывающихся скалахъ, между которыми аргонавты проскользнули точно чудомъ, такъ какъ скалы готовились уже захватить корму ихъ судна; о странѣ амазонокъ и о Прометѣ, стонущемъ на скалѣ, къ которой онъ былъ прикованъ; о метильномъ орлѣ, который вѣчно кружился и пожиралъ его; о странѣ Ээта и о быкахъ съ мѣдными ногами и пылающимъ дыханіемъ, и о томъ, какъ Язонъ запрягъ ихъ и заставилъ пахать; о волшебницѣ Медуѣ и напитокѣ, который она приготовляла изъ травъ, выросшихъ на крови Прометей; о полѣ, усыянномъ зубами драконовъ; объ одѣтыхъ въ кольчуги людяхъ, выльзающихъ изъ бороздъ; о волшебномъ камнѣ, раздѣлившемъ ихъ на двѣ части и заставившемъ ихъ сражаться другъ противъ друга; о чешуйчатомъ драконѣ, охранявшемъ золотое руно,—о томъ, какъ его напоили околдованнымъ питьемъ и унесли во время его сна сокровища; о рѣкѣ Фазисѣ, по извилинамъ которой корабль Арго поплылъ въ окружающее землю море; о кругосвѣтномъ плаваніи по этимъ тихимъ водамъ до источниковъ Нила; о томъ, какъ аргонавты несли свой

чувствующій, говорящій корабль черезъ жаркую ливанскую пустыню; объ островѣ волшебницы Цирцеи; о скалѣ съ спасительной гаванью, которая въ разгаръ бури всплывала на поверхность моря, чтобы приютить ихъ; о стрѣлѣ, пущенной Аполлономъ изъ его золотого лука; о сдѣланномъ Гефестомъ мѣдномъ човѣкѣ, который стоялъ на берегу Крита и бросалъ на нихъ груды камней, когда они проѣзжали мимо; о ихъ битвѣ съ нимъ и счастливомъ возвращеніи въ Іолку и о перенесеніи корабля Арго на небо богинею Аѳиною.

Таковы были нѣкоторые изъ инцидентовъ этого знаменитаго путешествія, рассказъ о которомъ очаровывалъ всю Грецію еще до появленія *Одиссеи*. У меня нѣтъ достаточно времени, чтобы распространяться о чудесахъ, которыя служили для украшенія географіи тѣхъ странъ. На сѣверѣ находилась восхитительная страна гипербореевъ, гдѣ никогда не было зимы; на западѣ садъ Соединеніе географіи съ чудеснаго. Гесперидъ, въ которомъ росли золотыя яблоки; на востокѣ сады и лужайки для танцевъ солнца; на югѣ лежала страна безпорочныхъ эоіоповъ, куда часто спускались боги. На Средиземномъ морѣ сирены очаровывали своими пѣнями путешественника, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь находится Неаполь; рядомъ находилась Сицила и Харибда; въ Сициліи жили одноглазые циклопы и людоды лестригоны. На островѣ Эрпитеѣ трехголовый собака. Мнѣ нечѣмъ говорить о потребителяхъ лотоса, которые, питаясь имъ, забывали о своей родинѣ; о плавающемъ островѣ Эола; о роскошныхъ поляхъ, на которыхъ паслись лошади солнца; о волкахъ и собакахъ безсмертнаго происхожденія; о гидрахъ, горгонахъ и химерахъ; о летающемъ човѣкѣ Дедалѣ и о мѣдной комнатѣ, въ которой Даная держали въ заточеніи. Не было ни одной рѣки, ни одного грота, ни одного острова, ни одного мыса безъ своей легенды.

Невозможно вспоминать эти древніе мифы, не испытывая удовольствія при мысли о томъ, что они, большою частью, вполне туземнаго, чisto европейскаго происхожденія. Сѣмена были принесены изъ Азіи, по увѣренію ученыхъ, занимающихся сравнительною филологіею, но они роскошнымъ образомъ принялись и развились подъ небомъ Европы. Многія изъ легендъ далеко не соответствуютъ своему восточному происхожденію; ихъ варварство и гру- Древнѣйшія геологическія понятія грековъ указываютъ на такую ступень развитія. бость являются отраженіемъ тогдашняго состоянія Европы. Оскорбленіе, нанесенное Хроносомъ отцу его Урану, доказываетъ дикость тогдашнихъ нравовъ; исторія Діонисіа свидѣтельствуетъ о кражѣ людей и пиратствѣ; похищеніе Европы и Елены указываетъ на обычай похищенія женщинъ. Обѣдъ, на которомъ былъ поданъ жареный Итисъ, доказываетъ существованіе людодства; угроза Лаомедона продать Посейдона и Аполлона въ рабство показываетъ, какимъ образомъ получался принудительный трудъ. Полигамія многихъ героевъ проявляется часто въ самой худшей ея формѣ, въ видѣ брака съ сестрою,—преступленія, разрѣшеннаго самимъ властелиномъ Олимпа. Вообще, нужно признать, что греческая мифологія указываетъ на варварское состояніе обще-

ства, на кражу мужчинъ, полигамію, людоедство и такія преступленія мести, о которыхъ даже неудобно говорить. Личное толкованіе, къ которому человекъ прибѣгаетъ въ періодъ младенчества, воплощается въ образахъ и картинахъ, соответствовавшихъ дикому состоянию. Лишь гораздо позже введены были аллегорическія фигуры, въ родѣ смерти, сна и сновъ, а еще позже вся система измѣняется благодаря вліянію лидійскихъ, фригійскихъ, ассирійскихъ и египетскихъ идей.

Поэтому, на основаніи не только внутренняго характера мифовъ, но и ихъ постепеннаго развитія, мы оказываемся вполне правыми, когда приписываемъ значительной части ихъ туземное происхождение. Теогонія Гомера была развита дальше Гезіодомъ во многихъ существенныхъ пунктахъ. Онъ опредѣляетъ династію Урана и отличается отъ Гомера нѣкоторыми мелочными подробностями, какъ, напр., описаніемъ характера циклоповъ. Орфическая теогонія представляетъ новый шагъ впередъ; въ ней выступаютъ на сцену новыя фикціи и новыя личности, напр., Загревсъ, рогатый сынъ Юпитера, отъ дочери его Персефоны. Нѣтъ ни одного изъ великихъ и почтенныхъ боговъ Олимпа, характеръ котораго не измѣнился бы съ теченіемъ времени, но мѣръ возможности, и съ этой точки зрѣнія іонійская философія является необходимымъ, неизбѣжнымъ шагомъ впередъ. Философія эта, какъ мы скоро увидимъ, обязана была своимъ происхожденіемъ не одному только расширенію умственнаго горизонта грековъ и необходимому улучшенію въ ихъ нравственныхъ понятіяхъ; появленіе ея было ускорено однимъ чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ—открытіемъ египетскихъ портовъ въ 670 г. до Р. X. Европейская религія сдѣлалась послѣ этого болѣе таинственною и торжественною. Европейская философія поняла, какъ сильно заблуждалась она въ дѣлѣ хронологіи и какъ необходимо было примѣнять болѣе строгій и правильный критеріумъ въ оцѣнкѣ событій древней исторіи.

Важное значеніе представляетъ то обстоятельство, что іонійскіе греки, которые первые выступили на сцену въ качествѣ философовъ, начали свои труды съ обезличенія стихій, называя ихъ не Зевсомъ, Посейдономъ и Аидомъ, а воздухомъ, водою и огнемъ. Разрушеніе религіозныхъ понятій вело неудержимо къ уничтоженію религіозныхъ обрядовъ. Философъ переставалъ молиться тѣмъ божествамъ, существованіе которыхъ онъ отрицалъ. Какую пользу могли принести жертвоприношенія и молитвы, когда они обращались къ изобрѣтеніямъ нашей фантазіи? Пользы можно было ожидать только отъ научнаго изученія обезличенныхъ стихій.

Греческая религія заключала сама въ себѣ начала собственнаго разрушенія. Лишь для того, чтобы хорошенько уяснить эту мысль, я вдаюсь въ подробности о мифахъ, которые могли показаться моимъ читателямъ пустыми и бесполезными. Два неотвратимыя обстоятельства обезпечивали паденіе всей системы: географическія открытія и возникновеніе философской критики. Наше вниманіе къ этому вопросу возбуждается

главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ тысячи лѣтъ спустя повторилось то же самое, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Что касается до географическихъ открытій, то какъ же могли устоять всѣ чудеса Средиземнаго и Чернаго морей, колдуньи, волшебники, гиганты и чудовища, живущія въ нѣдрахъ земли, когда эти моря ежедневно пересѣкались во всѣхъ направленіяхъ? Какъ могли сохраниться понятія о землѣ, какъ о плоскомъ кругѣ, опоясанномъ со всѣхъ сторонъ океаномъ, когда греческія колоніи были уже основаны въ Галліи, когда финикіяне привозили уже олово изъ-за Геркулесовыхъ Столбовъ? Болѣе того: согласно преданіямъ, многія изъ наиболѣе удивительныхъ чудесъ совершались именно на томъ пути, который, благодаря ряду обстоятельствъ, сдѣлался главнымъ торговымъ путемъ того времени. Разрушеніе миѳической географіи, представившей землю въ видѣ плоскости, обращенной днемъ къ солнцу, дѣлалось неизбѣжнымъ; но въ то же время возникала и большая опасность, пугавшая многихъ набожныхъ лицъ: не будетъ ли вовлечено въ общую погибель и то, что было установлено относительно внутренней жизни земли, или относительно другой ея стороны, обращенной къ ночи? И вотъ эти набожные люди начали борьбу, съ цѣлью поддержать древнія ученія, пуская при этомъ въ ходъ единственное орудіе, къ которому они могли прибѣгнуть, а именно, обращая то, что признавалось до сихъ поръ дѣйствительными событіями, въ аллегоріи, подъ которыми мудрость предковъ скрыла много священныхъ и таинственныхъ вещей. Но система, вынужденная для поддержанія своего существованія прибѣгать къ такой крайности, очевидно, близилась къ концу. Не одни только морскія открытія уничтожили сказочныя чудеса и дали начало новымъ идеямъ. Прошло нѣкоторое время, и македонской походъ открылъ грекамъ новый міръ и поставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительными чудесами: необыкновенное разнообразіе климатовъ, обширныя пустыни, горы, покрытыя вѣчными снѣгами, соленыя озера, расположенныя вдали отъ морей, колоссальныя звѣри, люди разныхъ цвѣтовъ кожи, исповѣдующіе самыя разнообразныя религіи. Многочисленныя колоніи, основанныя греками по всей Азіи, породили непрестанное движеніе взадъ и впередъ, вслѣдствіе чего всѣ эти новыя явленія природы производили глубокое и продолжительное впечатлѣніе на умы эллиновъ. Если, благодаря основанію Бактріанскаго царства, европейскія идеи передавались на дальній востокъ, то, благодаря тому же царству и помощи другихъ подобныхъ путей, азиатскія идеи прокладывали себѣ дорогу въ Европу.

Въ началѣ исторической эпохи властелинами Средиземнаго моря были финикіяне. Европа находилась въ чисто варварскомъ состояніи. Фракіяцы, жившіе на границѣ азиатской цивилизаціи, скальпировали своихъ враговъ и татуировали себя; на другомъ концѣ материка бритты красили свои тѣла охрою и вайдою. Изъ современныхъ памятниковъ египетской скульптуры

можно видѣть, что европейцы одѣвались въ звѣринныя шкуры, на подобіе дикарей. Въ виду инстинктивнаго стремленія финикянъ, поселиться повсюду на островахъ и берегахъ, они въ теченіе долгаго времени держали въ своихъ рукахъ владычество надъ моремъ. Но мало по малу духъ предпримчивости проникъ и въ Грецію. Въ 1250 г. греки впервые совершили путешествіе вокругъ Эвксинскаго моря, что дало начало многу о походѣ аргонавтовъ и положило основаніе выгодной торговлѣ золотомъ, сушеною рыбою и хлѣбомъ; въ то же время они прославились и своими пиратскими походами. На каждомъ берегу они крали мужинъ, женщинъ и дѣтей, поддерживая обширную торговлю рабами, остатки которой сохранились и въ настоящее время въ видѣ торговли черкешенками. Миносъ, критскій царь, сдѣлалъ было попытку уничтожить это пиратство. Его стремленію приобрести владычество надъ Средиземнымъ моремъ подражали послѣдовательно лидійцы, фракійцы и родосцы; послѣдніе выработали первые морской кодексъ, который вошелъ въ составъ римскаго законодательства. Быстрота, съ какою эти народы смѣняли другъ друга, чередуясь въ тоже время и съ обитателями другихъ городовъ и острововъ, показываетъ, отъ какихъ пустыхъ причинъ зависѣло владычество надъ восточнымъ бассейномъ. Между тѣмъ тирекіе моряки начали ѣздить тайкомъ за Геркулесовы Столбы, посѣщая Канарскіе и Азорскіе острова и привозя олово съ Британскихъ острововъ. Они принимали всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы не выдать другимъ народамъ своей тайны. Но предпримчивые греки послѣдовали шагъ за шагомъ за этими таинственными мореплавателями; впрочемъ, еще во времена Гомера они не переходили за предѣлы восточнаго бассейна, такъ что Италия была совершенно неизвѣстною страной для нихъ. Фокеяне первые приступили къ изслѣдованію западнаго бассейна; одна изъ ихъ колоній положила основаніе Марсели. Наконецъ, Коллей Самосскій переѣхалъ черезъ грозныя Геркулесовы Столбы въ открытое море, въ Атлантическій океанъ. Не мало интереса представляютъ первые города, основанные колонистами; они наполнили собою берега отъ Синопа до Сагунта и служили одновременно торговыми складами и мѣстами накопленія богатствъ. Въ древности купецъ былъ въ то же время и капитаномъ принадлежащаго ему корабля и продавалъ съ аукціона свои товары въ томъ городѣ, въ которомъ останавливался. Торговля Средиземнаго моря, доставлявшая столько выгодъ, отличалась особеннымъ характеромъ: это была торговля рабами, минеральными продуктами и промышленными произведеніями; такъ какъ она совпадала съ параллельными широты, то ея земледѣльческіе продукты не отличались особеннымъ разнообразіемъ, и потребности населенія были тождественны на всемъ ея пути. Но олово привозилось съ Касситеридскихъ острововъ, янтарь съ береговъ Балтійскаго моря, а красивыя вещества и обработанные металлы изъ Сиріи. Повсюду, гдѣ только сосредоточивалась торговля, замѣчалось усиленное развитіе ума и вкуса; такъ, этруски, въ чьихъ рукахъ находилась торговля янтаремъ черезъ Германію, оставили по себѣ

много доказательствъ своей любви къ искусству. Это былъ таинственный народъ, котораго, впрочемъ, нельзя никакъ назвать мрачнымъ, какъ предполагалъ одинъ великій современный писатель, потому что оставленные этрусками прекрасныя памятники доказываютъ противное.

Рядомъ съ географическими открытіями дѣйствовала и философская критика. Вообще замѣчено, что вскорѣ послѣ первой олимпіады умственный горизонтъ грековъ быстро раздвинулся. Какъ только человѣкъ достигаетъ извѣстнаго пункта въ умственномъ развитіи, онъ непременно стремится примѣнять существующія правила къ предшествующимъ событіямъ, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ этого. Опытъ далъ ему понять, что міръ идетъ по тому же пути сегодня, по какому шелъ вчера, и онъ безъ малѣйшаго колебанія вѣритъ твердо, что такъ будетъ и впредь. Онъ не желаетъ допускать никакихъ нарушеній въ правильныхъ отправленіяхъ механизма исторіи; онъ не хочетъ удовлетвориться простою вѣрою, а хочетъ примѣнять къ событіямъ прошлаго такой же масштабъ, какой онъ примѣняетъ къ событіямъ настоящаго. Мнѣологія не въ силахъ устоять передъ лицомъ исторіи.

Дѣйствіе этого принципа проявляется во всѣхъ отрасляхъ греческой литературы послѣ упомянутой нами эпохи, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе поздній періодъ времени приходится намъ изучать. Национальный разумъ начинаетъ все больше и больше стыдиться басенъ, которымъ онъ вѣрилъ въ дѣтствѣ. Нѣкоторыя изъ легендъ обращаются въ аллегоріи, другія видоизмѣняются, третьи совсѣмъ отвергаются. Великіе трагики допускаютъ многи въ общемъ, но отвергаютъ ихъ въ частностяхъ; нѣкоторые изъ поэтовъ измѣняютъ ихъ или обращаютъ въ аллегоріи, а нѣкоторые пользуются ими, какъ украшеніями. Очевидно наступленіе разлада между образованными классами общества и невѣжественными: лучшіе люди чувствуютъ потребность либо совершенно отказаться отъ излюбленныхъ фпкцій и предоставить ихъ низшимъ слоямъ общества, либо замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе подходящимъ. Но такое безцеремонное обращеніе съ священными вопросами приходилось далеко не по вкусу обществу даже въ самыхъ Аѣнахъ, хотя многіе изъ аѣнскихъ достигли настолько значительнаго умственнаго развитія, что были уже не въ состояніи неповѣдывать національную вѣру въ прежнее ея видѣ. Они старались принудить себя вѣрить, что должна же быть нѣкоторая доля истины въ томъ, во что вѣрили столько великихъ и благочестивыхъ мужей древности, что держалось непоколебимо въ теченіе столькихъ столѣтій и признавалось достовѣрнымъ простымъ народомъ, вѣрящимъ въ возможность доказать эту достовѣрность реальными фактами. Но все успія защитить отжившее оказались напрасными: разумъ переросъ вѣру. Защитники національных вѣрованій пришли къ тому положенію, въ какое часто попадаютъ люди: они понимали ошибочность своихъ мнѣній и въ то же время раздражались, когда другіе напоминали имъ объ этомъ. Разъ

при существующемъ общественномъ строеѣ оказывалось невозможнымъ лишать философа-рenegата жизни, то они изыскивали всевозможныя средства для того, чтобы произвести на него невидимое давленіе, предоставляя ему на выборъ ортодоксію или нищенство. Такъ, напр., они выражали неодобреніе Эврипиду за то, что онъ заставлялъ своихъ героевъ пускаться въ скептическія разсужденія, и возмущались очевидною безбожностью *Скованнаго Прометейя* Эсхилла. Пользуясь этимъ чувствомъ, Аристофанъ успѣлъ подогрѣть раздраженіе народа противъ Сократа. Люди, которые сами сомнѣваются, чаще всего громко обвиняютъ въ невѣрїи другихъ.

Такимъ образомъ, поэты, руководясь здравымъ смысломъ, быстро отказались отъ народныхъ вѣрованій; ихъ примѣру послѣдовали философы. Вскорѣ въ обществѣ укоренилось убѣжденіе въ существованїи врожденнаго антагонизма между философїею и религіею, и въ этомъ отношенїи общественное мнѣніе не ошибалось; тотъ фактъ, что политеизмъ доставляетъ религіозное объясненіе для каждаго явленія природы, дѣлаетъ его по существу противникомъ науки. Свободное развитіе знанія разрушило религію грековъ. Сократъ самъ всегда, не колеблясь, обвинялъ въ этомъ стремленїи физиковъ, а афиняне обратили противъ него его же орудіе, такъ какъ ихъ здравый смыслъ говорилъ имъ, что философская разработка этики представляетъ не меньшую опасность для ихъ излюбленныхъ вѣрованій, какъ и научныя открытїя. Сократъ поступилъ нечестно относительно науки, стараясь поддерживать свои взгляды возбужденїемъ религіозной ненависти противъ своихъ соперниковъ,—преступленіе, которое просвѣщенные люди никогда не прощаютъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ трагедїи афиняне заплатили ему его собственной монетою. Безнравственности, въ которыхъ обвиняли боговъ, были строго расчитаны на то, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей, но въ сущности изслѣдованїя школы іонїйской и италїйской клонились къ установленію ученїя о провиденціальномъ управленїи міромъ. Они не только обратили въ фикціи старинныя догматы о вездѣущїи олимпійскихъ боговъ, а затронули и самое ихъ существованіе, лишивъ ихъ какого бы то ни было дѣла. вмѣсто существовавшихъ до тѣхъ поръ олицетвореній, они ввели безличную природу или стихїи. вмѣсто того, чтобы установить соглашеніе между научными толкованїями и древними преданїями, они измѣняли и перерабатывали древнїя преданїя, чтобы приспособить ихъ къ очевиднымъ требованїямъ науки. Мы увидимъ дальше, къ чему это въ концѣ концовъ привело: божество было исключено изъ созданнаго имъ міра, сверхъестественное превратилось въ природную силу, Зевсъ былъ замѣненъ воздухомъ, Посейдонъ—водою; и между тѣмъ какъ нѣкоторые философы молча признавали народныя легенды, какъ, напр., Сократъ, а другїе, подобно Платону, считали себя обязанными, въ силу патріотическихъ чувствъ, исповѣдывать общественную вѣру, третїи, подобно Ксенофану, громко называли всѣ эти вѣрованїя старымъ заблужденїемъ, превращеннымъ мало по малу въ національный обманъ.

Такъ какъ мнѣ придется дальше говорить подробно о греческой философїи, то я считаю лишнимъ разбирать ее здѣсь въ частности. Для настоящей цѣли достаточно сказать, что она во всѣхъ странахъ и во всѣ времена была радикально противоположна національной вѣрѣ, начиная съ основанїя ея во времена Фалеса и кончая послѣдними критиками александрійской школы.

То, что происходило съ философами, повторилось и съ историками: возникновеніе истинной исторїи привело къ тѣмъ же результатамъ, что и возникновеніе истинной философїи. Въ настоящемъ случаѣ прибавилось еще одно особое обстоятельство, придавшее движенію не малую силу. Каковы бы ни были вымышленные факты прошлаго Греціи, но современная исторїя Египта превосходила ихъ и по своей древности, и по своей чудесности. Что долженъ былъ думать такой благочестивый челоувѣкъ, какъ Геродотъ, когда онъ узнавалъ, что въ то самое время, какъ на его родинѣ дѣла устранивались чудеснымъ образомъ, на берегахъ Нила все совершалось по опредѣленнымъ законамъ, совершенно обыкновеннымъ путемъ, и при томъ въ теченіе безчисленнаго ряда вѣковъ? Для всякаго, занимавшагося записыванїемъ событїй настоящаго, становилось ясно до очевидности, что хронологїя, примѣняемая къ событїямъ, дѣйствующїи лица которыхъ сверхъестественныя существа, лишена всякаго основанїя, и что нельзя придавать людскія мысли и побужденїя тѣмъ, которые не были людьми. При такихъ обстоятельствахъ легко возникаетъ стремленіе отвергать всякаго рода традиціи, потому что философскїй умъ никогда не согласится мѣрять различными масштабами прошлое и настоящее, а всегда будетъ настаивать на томъ, что дѣйствїя людей и вытекающїя изъ нихъ послѣдствїя одни и тѣ же, какъ въ настоящае время, такъ и въ доисторическія времена.

Въ такомъ-то положенїи находились дѣла много вѣковъ сряду. Историки, философы, критики, поэты отказывались одни за другими отъ національной вѣры и жили подъ постояннымъ давленїемъ общества, исполняя вышнимъ образомъ религіозныя требованїя государства, чтобы не возбуждать противъ себя общественнаго недовольства. Геродотъ не можетъ примирить несообразностей троянской войны съ своимъ знанїемъ челоувѣческихъ дѣйствїй; Фукидидъ не смѣетъ выразить своего недовѣрїя къ этому; Эратосенъ видитъ противорѣчїя между странствованїями Одиссея и географическими истинами; Анаксагоръ осуждается на смерть за безбожіе, и только по настоянїю главы государства этотъ приговоръ смягчается осужденїемъ на изгнаніе. Платонъ, смотрящїй на все съ общей точки зрѣнїя, считаетъ полезнымъ воспретить изученіе и разработку высшихъ отраслей физики. Эсхиллъ осужденъ на побїеніе камнями за богохульство; его спасаетъ братъ его Аминїй, поднявшїй свою руку, изувѣченную въ саламинской битвѣ. Сократъ осужденъ и долженъ принять цикуту. Даже великіе государственные дѣятели, въ родѣ Перикла, увлекаются антирелигіозными мнѣнїями. Никто не можетъ ничего сказать въ объясненіе

чудеснаго исчезновенія полубоговъ и героевъ, въ объясненіе того, почему прекратились чудеса или почему на свѣтѣ видны только человѣческія дѣйствія. Невѣжественное общество требуетъ немедленнаго наказанія каждаго подозрительнаго человѣка. По его мнѣнію, недобрыя къ традиціямъ прошлаго равносильно измѣнѣ настоящему.

Но все эти разногласія и все это замѣшательство не могли не вызвать со стороны благомыслящихъ людей попытки къ реформѣ. Многие, быть можетъ наиболѣе просвѣщенные, желали, чтобы жрецы воздержались отъ чудесъ, чтобы реликвиі пускали въ ходъ лишь настолько, насколько это было необходимо для удовлетворенія психическихъ требованій простого народа, и чтобъ ихъ мало по малу выводили изъ употребленія, чтобъ философію не оскорбляли больше богохульственнымъ антропоморфизмомъ олимпійскихъ боговъ. Нѣкоторые, менѣе развитые, склонны были уладить все затрудненія, признавая все мнѣи простыми аллегоріями,—другіе желали видоизмѣнить ихъ и, такимъ образомъ, привести въ соотвѣтствіе съ существующимъ общественнымъ строемъ; третьи придавали имъ совершенно новыя толкованія. Одни, не отрицая самаго факта веденія троянской войны, утверждали, что Парисомъ была украдена только реликвия Елены; у другихъ выраженія, представлявшія, быть можетъ, нѣкогда дѣйствительныя событія, превратились въ порстыя формы рѣчи. Одни, не желая отвергать всецѣло свойствъ, приписываемыхъ олимпійскимъ богамъ, ихъ человѣческихъ страстей и дѣйствій, утверждали, что они должны были когда-то существовать въ качествѣ людей. Между тѣмъ какъ одни громили безсѣстныхъ атенстовъ, уличавшихъ въ ошибкахъ мнѣи Илиады, не понимая ихъ аллегорическаго смысла, другіе обращали всехъ ея героевъ въ стихіи, а третьи, надѣясь примирить улучшенныя нравственныя понятія современниковъ съ непристойностью и злобою боговъ, приписывали все эти недостойныя чувства демонамъ,—идея, встрѣченная сначала очень благопріятно, но въ концѣ концовъ сильно повредившая политеизму.

Въ противоположность этому упадку вѣрованій въ высшихъ классахъ, народъ предавался самымъ удивительнымъ суевѣріямъ. Это были вѣкъ реликвиі, плачущихъ статуй, кивающихъ картинъ. Инструменты, съ помощью которыхъ сдѣланъ былъ троянскій конь, показывались въ Метопонтѣ, скипетръ Пелопса все еще хранился въ Хероней, мечъ Ахиллеса въ Фазелисѣ, мечъ Мемнона въ Никомадіи; тегеаты все еще показывали шкуру калидонскаго вепря, а многіе города хвастались другъ передъ другомъ тѣмъ, что у нихъ хранится истинный палладій Трои. Въ Аѣнахъ существовали статуи, которыя могли метать копыя, картины, которыя могли краснѣть, изображенія, которыя могли потѣть, и безчисленное количество ракъ и святилищъ, обладавшихъ чудодѣйственною силою исцѣленія. Аѣняне продолжали приносить жертвы медомъ и хлѣбомъ въ ту дыру, въ которую истекъ потопъ Девкаліона. Смѣль былъ бы тотъ человѣкъ, который рѣшился бы замѣтить, что отверстіе это недостаточной

Закоренчале
предразсудки
простого на-
рода.

величины. И хотя было доказано, что небо только пространство, усыянное звѣздами, а не твердый полъ Олимпа, но тотъ, кто при случаѣ разсказывалъ бы о бѣгствѣ боговъ съ вершины горъ на небо, хорошо сдѣлалъ бы, если бы воздержался отъ какихъ-либо астрономическихъ замѣчаній! Не допускалось никакихъ сомнѣній относительно поэмъ Гомера, Арктина или Лесха; тотъ, кто позволилъ бы себѣ богохульство обезличенія солнца, рисковалъ бы жизнью. Запрещалось замѣнять Зевса и Посейдона естественными явленіями природы; кто подвергался подозрѣнію, что онъ не вѣритъ въ божественность Геліоса и Селена, долженъ былъ изъ благоразумія очиститься отъ такого подозрѣнія. Народъ горю защищалъ свои суевѣрія, вопреки всемъ географическимъ и физическимъ затрудненіямъ; вмѣсто того, чтобъ смущаться противорѣчіями, оказавшими такое влияние на мыслящіе классы, онъ громко настаивалъ на бесполезности какой бы то ни было исторической достовѣрности.

Ошибочно было бы предполагать, что политеизмъ сохранился во всей силѣ до періода Константина и Юліана. Его упадокъ начался со времени открытія египетскихъ портретовъ. Для довершенія его паденія потребовалось цѣлыхъ тысяча лѣтъ. Перемена произошла прежде всего въ высшихъ классахъ общества и медленно проникла и въ средніе. Въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій два дѣятеля—географическія открытія, возникшія вслѣдствіе усиленія торговли и македонскаго похода, и философскій критицизмъ—молча продолжали свое дѣйствіе, а между тѣмъ казалось, что имъ никогда не удастся произвести перемены въ низшихъ и болѣе многочисленныхъ классахъ общества. Съ теченіемъ времени къ этимъ двумъ влияніямъ присоединилось и третье, которое помогло имъ подѣйствовать и на низшіе классы; это влияние образовалось благодаря возникновенію римскаго владычества. Оно вызвало удивительную дѣятельность по всему Средиземному морю и въ близлежащихъ странахъ и возбуждало постоянныя движенія во всѣхъ направленіяхъ. Тамъ, гдѣ прежде видѣлся только одинъ путешественникъ, толпились теперь тысячи легионеровъ, купцовъ, правительственныхъ чиновниковъ, съ ихъ свитами подчиненныхъ и рабовъ. Тамъ, гдѣ прежде только одинъ историкъ или философъ изъ глубины своего уединенія сравнивалъ или противопоставлялъ другъ другу законы и вѣрованія, обычаи и нравы различныхъ націй, невѣрно переданные ему, теперь тѣми же наблюденіями и изученіями занимались толпы лицъ. Множество боговъ и богинь, собранныхъ въ Римѣ, уничтожали взаимно другъ друга и придавали другъ другу смѣшной видъ.

Слѣдовательно, можно признать, что еще задолго до торжества христіанства язычество было окончательно разрушено. Несомнѣнно, что мысль объ ужасномъ положеніи, угрожавшемъ въ будущемъ обществу, кажущаяся невозможностью помѣшать міру очутиться въ совершенно безбожномъ состояніи—не только примиряли многихъ великихъ людей съ древнею системою и заставляли ихъ поддерживать ее, но даже побуждали ихъ отно-

Решившая не-
терпимость его
къ сомнѣнію.

Медленный упа-
докъ поли-
теизма.

Второстепенныя
причины его
паденія.

Тревога доб-
рыхъ и религи-
озныхъ людей.

ситься безъ одобренія къ физическому насилію, къ которому прибѣгала такъ часто невѣжественная толпа, неспособная мыслить. Они никакъ не предполагали возможности введенія новой системы, которая замѣнила бы собою старую, обветшалую; они не имѣли понятія о томъ, что спасеніе было такъ близко. Исключеніе Средство, предложенное Платономъ для излѣченія зла. въ этомъ отношеніи составляло, быть можетъ, единъ только Платонъ. Признавая, что въ высшей степени трудно и скучно измѣнить радикально идеи обыкновенныхъ людей, онъ считалъ, что можно легко убѣдить ихъ признать новыя имена, разрѣшивъ имъ удержать старыя понятія; на основаніи этого онъ предлагалъ ввести обновленную систему, идеи и формы которой соответствовали бы существующему положенію дѣлъ, увѣряя пророчески, что міръ скоро привыкнетъ къ ней и быстро признаетъ ее.

Описывая происхожденіе и упадокъ греческой религіи, я старался выяснитъ ея наиболѣе выдающіяся черты. Паденіе ея не произошло внезапно, какъ многіе думали, и оно не было вызвано внѣшнимъ насиліемъ. Это былъ медленный и если можно такъ выразиться, самопроизвольный упадокъ. Но если справедливо предположеніе, что человѣческія дѣла повторяются постоянно возвращающимися циклами, если ходъ событій въ жизни одного индивидуума представляетъ сходство съ ходомъ событій въ жизни другого, если существуетъ аналогія въ прогрессѣ націй и одни и тѣ же обстоятельства повторяются чередъ опредѣленные періоды времени,—то послѣдовательность событій, выраженная въ умственной исторіи Греціи, можетъ быть открыта въ болышихъ размѣрахъ и на большей аренѣ въ цѣлой Европѣ. Если существуетъ въ дѣйствительности предопредѣленный порядокъ для развитія человѣческаго ума, то не имѣемъ ли мы основанія ожидать, что явленія, замѣченныя нами въ небольшихъ размѣрахъ въ исторіи одной націи, могутъ повторяться вновь въ болышихъ размѣрахъ на материкѣ, что философское изученіе этой исторіи прошлаго не только поможетъ намъ объяснить многія обстоятельства изъ жизни Европы въ темные средніе вѣка, но и послужитъ намъ руководствомъ для указанія будущаго событій въ жизни всего человѣчества? Ибо хотя и правда, что греческое умственное движеніе, еще до его завершенія, было предвосхищено и поглощено болѣе медленнымъ, но и болѣе гигантскимъ движеніемъ южно-европейскаго ума, подобно тому, какъ маленькій распространяющійся кругъ на морѣ сглаживается и уносится болѣе величественными и бурными волнами,—но вѣрно и то, что даже движеніе материка могло поглощаться движеніемъ всего міра. Греческій образъ мыслей претерпѣлъ глубокой переворотъ благодаря критицизму, физическимъ открытіямъ и умственной дѣятельности; тѣ же причины въ теченіе послѣднихъ 400 лѣтъ оказывали такое же дѣйствіе на Европу. Для человѣка, основывающаго на исторіи прошлаго свои надежды на будущее, для того, кто помнитъ дѣйствіе, произведенное установленіемъ римскаго владычества, которое способствовало созданію свободныхъ личныхъ сношеній между всѣми наро-

дами, обитающими у Средиземнаго моря, и, такимъ образомъ, не только уничтожило древнія формы мышленія, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сопротивлявшіяся всѣмъ нападеніямъ, но и замѣнило ихъ однородною идеею,—для того очевидно, что удивительнымъ образомъ возрастающая легкость сообщеній и изобрѣтенія нашего времени являются многозначительными предвѣстниками обширнаго философскаго переворота.

Между тѣмъ періодомъ, когда данная нація управляется воображеніемъ, и тѣмъ, когда она подчиняется разуму, бываетъ грустный промежутокъ. Человѣкъ такъ устроенъ, что въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ онъ открылъ Возведеніе въ систему лицемѣрія. неправильность идей, преобладающихъ вокругъ него, онъ еще долго не рѣшается освободить себя изъ-подъ ихъ вліянія и, побуждаемый силою обстоятельствъ, открыто признаетъ то, что въ глубинѣ души осуждаетъ. Когда данная нація находится въ подобномъ переходномъ состояніи, то такой образъ дѣйствій входитъ до такой степени въ плоть и кровь ея членовъ, что можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что лицемѣріе возводится въ ней въ систему. Случается, что цѣлыя общества живутъ въ такомъ состояніи. Таково должно было быть положеніе многихъ частей римской имперіи какъ разъ передъ введеніемъ христіанства. Даже тогда, когда данныя идеи утратили свое значеніе въ общественномъ мнѣніи, онѣ могутъ пережить свою умственную силу, но сохранить силу политическую и, такимъ образомъ, производить то пагубное дѣйствіе, которое мы разсматривали выше.

Нельзя скрывать, впрочемъ, что это зло до нѣкоторой степени присуще самому положенію дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, грустно было бы думать, что единственное извиненіе для національнаго лицемѣрія—индивидуальное лицемѣріе. Въ цивилизованной жизни общество подчинено тягостной необходимости двигаться впередъ въ предѣлахъ законности, въ законныхъ формахъ, отъ которыхъ оно не можетъ уклониться, не навлекая на себя самыхъ ужасныхъ несчастій. Освободить общества слишкомъ внезапно отъ ограниченій, налагаемыхъ на нихъ старинными идеями, не значитъ дать имъ свободу, а значитъ подвергнуть ихъ политическому бродяжничеству; вотъ почему великіе государственные люди часто допускаютъ и даже предписываютъ соблюденіе такихъ правилъ, внутреннее значеніе которыхъ ускользаетъ уже отъ насъ и умственный базисъ которыхъ подточень. Истина лишь постепенно, а не сразу проявляетъ всецѣло свое дѣйствіе; прежде всего она дѣйствуетъ на разумъ, при чемъ вліяніе является чисто индивидуальнымъ и умственнымъ; затѣмъ сфера ея дѣйствія расширяется, она производитъ нравственное вліяніе, главнымъ образомъ помощью общественнаго мнѣнія; въ концѣ концовъ она пріобрѣтаетъ себѣ политическую и физическую силу. Во время этого постепеннаго перехода и властвуетъ организованное въ систему лицемѣріе. Нельзя въ одинъ день заставить націи подчиниться новымъ идеямъ.

ГЛАВА III.

Отступленіе: индусская теологія и египетская цивилизація.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ ИНДИ; ЕЯ ФАЗА КОЛДОВСТВА; ЕЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ФАЗА.

Веданизмъ, созерцаніе матеріи или обожаніе природы, воплощенное въ Ведахъ и въ законахъ Ману:—Вселенная.—Богъ.—Преобразование міра.—Ученіе объ эманации.—Переселеніе.—Поглощеніе.—Покаянныя служенія.—Счастье въ абсолютномъ покоѣ.

Буддизмъ—созерцаніе силы.—Высшая безличная сила. Природа міра,—человѣка.—Переходъ всякой вещи въ небытіе.—Развитіе буддизма въ великую монашескую систему, проникнутую громаднымъ эгоизмомъ.—Его практическое безбожіе.

Египетъ—таинственная страна для древнихъ европейцевъ.—Его исторія его великія общественныя работы и сношенія съ чужеземными странами.—Древность его цивилизаціи и искусства.—Его философія, иероглифическая литература и оригинальное земледѣліе.

Возникновеніе цивилизаціи въ бездождныхъ странахъ.—Географія, теологія и топографія Египта.—Наводненія Нила приводятъ къ астрономіи.

Сравнительная теологія Египта.—Поклоненіе животнымъ, звѣздопоклонство.—Олицетвореніе божественныхъ свойствъ.—Пантеизмъ.—Египетскія тропцы.—Воплощеніе.—Искушеніе.—Будущій судъ.—Судъ надъ умершими.—Обряды и церемоніи.

Въ этомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія умственного развитія Европы полезно будетъ прослѣдить въ краткихъ чертахъ два чужеземныя вліянія, египетское и индусское, отразившіяся на немъ.

Въ виду отношеній, существовавшихъ между индускими и европейскими народами и описанныхъ нами въ предыдущей главѣ, сравненіе умственного прогресса ихъ представляетъ не мало интереса. Движенія старшей вѣтви указываютъ на путь, по которому подвигалась впередъ младшая, и на цѣль, къ которой послѣдняя стремилась. При современной высокой степени развитія нашего общества, мы постоянно замѣчаемъ, какъ изъ мрака современной метафизики появляются обрывки восточныхъ идей: онѣ указываютъ на умственную фазу развитія, черезъ которую долженъ былъ пройти индо-европейскій умъ. А когда мы вспомнимъ, съ какою быстротою эти идеи воспринимались въ Китаѣ и на всемъ востокѣ, мы, можетъ быть, перенесемъ свое заключеніе съ индо-европейской семьи и на весь человѣчскій родъ. Такимъ образомъ, мы поймемъ, какъ напрасны и противны всѣмъ философскимъ основаніямъ были надежды лицъ, которые пытались привести древніе народы Азии въ наше состояніе. Ихъ умственное развитіе пошло дальше впередъ и уже не можетъ вернуться обратно. Имъ остается только двигаться и дальше впередъ по намѣченному пути и вымирать, очищая мѣсто для народовъ другой организаціи, съ обновленною кровью. Въ жизни не бываетъ никогда движенія назадъ: угрюмый старикъ никогда не вернется къ радостной увѣренности зрѣлаго возраста, юноша—къ пустымъ и бесполезнымъ за-

нятіямъ и къ легкомысленнымъ забавамъ отрочества; даже отрокъ отдѣленъ большимъ разстояніемъ отъ невиннаго легковѣрія младенчества.

Первыя ступени развитія сравнительной индусской теологіи недостаточны намъ. Она прошла черезъ періодъ колдовства въ такое отдаленное отъ насъ время, что оно можетъ быть названо доисторическимъ. На основаніи древнѣйшихъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ, можно заключить, что умъ индусовъ былъ занятъ выработкою антропоцентрическихъ представлений, но не столько физическаго свойства, сколько нравственнаго. Человѣкъ пришелъ къ заключенію, что онъ долженъ больше всего заниматься самимъ собою. «Ты былъ одинъ во время рожденія, ты будешь одинъ въ моментъ смерти: одинъ будешь ты отвѣчать передъ престоломъ неумолимаго Судьбы».

Двѣ различныя ступени развитія ведутъ отъ этого исходнаго пункта. Первая занимается изслѣдованіемъ матеріальной природы; вторая, болѣе грандіозная и строго философская, разсматриваетъ вселенную единственно съ точки зрѣнія пространства и силы. Первая выражена въ Ведахъ и законахъ Ману, а вторая въ буддизмѣ. Ни на одной изъ этихъ ступеней развитія идеи не представляются въ видѣ простыхъ отвлеченностей; въ основѣ ихъ лежитъ нравственный планъ, въ нихъ выказывается созидательная сила, съ которою не можетъ сравниться даже итальянская папская система. Онѣ не ограничиваютъ свою заботу индивидуумомъ, а регулируютъ все общество и выказываютъ свое вліяніе въ дѣлѣ работки политическихъ организацій, поражающихъ насъ своими грандіозными размѣрами и своею древностью.

Я изложу въ краткихъ чертахъ сначала наиболѣе древнюю изъ этихъ системъ—веданизмъ, а затѣмъ ея преемницу—буддизмъ.

Не удивительно, если народъ, живущій въ странѣ, обладающей такимъ глубокимъ разнообразіемъ климатовъ, вѣчно созерцающей величайшія явленія природы,—высочайшія въ мірѣ горы, громадные дожди, бурные муссоны,—преклоняется передъ матеріальнымъ міромъ и выказываетъ стремленіе къ обоготворенію природы. Эти грандіозныя зрѣлища оставляютъ неизгладимые слѣды на мысляхъ человѣка, и чѣмъ болѣе развитъ его умъ, тѣмъ больше цѣнить онъ ихъ.

Веды, священныя книги индусовъ, существуютъ въ количествѣ четырехъ—Ригъ, Ягустъ, Саманъ и Атарва—и составляютъ откровеніе Брамъ. Четвертая изъ нихъ, впрочемъ, отвергается нѣкоторыми и носитъ на себѣ явные слѣды болѣе поздняго происхожденія; она, очевидно, принадлежитъ тому времени, когда іерархическая власть успѣла въ значительной степени упрочиться. Книги эти написаны на древнемъ санскритскомъ языкѣ, родственномъ современному нарѣчію, и дали начало обширной литературѣ, Упаведамъ, Ангасамъ и т. д., и цѣлому ряду священныхъ съ ними произведеній и комментаріевъ. Онѣ состоятъ болѣею частью изъ гимновъ, подходящихъ къ разнымъ обществен-

нымъ и частнымъ случаямъ, изъ молитвъ, правилъ, легендъ и догматовъ. Ригъ, старѣйшая изъ этихъ книгъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ гимновъ, въ остальныхъ трехъ преобладаютъ формулы богослужения. Онѣ принадлежатъ различнымъ періодамъ времени и различнымъ авторамъ: изъ внутренняго содержания этихъ книгъ можно, повидимому, заключить, что если постѣднія изъ нихъ были сочинены жрецами, то первыя составляютъ произведения военныхъ вождей. Онѣ указываютъ на положеніе общества, переходное отъ номаднаго строя къ муниципальному порядку. Въ основаніи Ведъ лежитъ признаніе вездѣущаго Духа, проникающаго все собою. Въ виду этого онѣ по необходимости признаютъ единство Бога. «Существуетъ поистинѣ только одинъ Богъ, верховный духъ, владыка вселенной, создавшій весь миръ». «Выше всехъ боговъ тотъ Богъ, который создалъ землю, небо, воды». Миръ, разсматриваемый, такимъ образомъ, какъ эманация Бога, составляетъ, слѣдовательно, часть его; онъ видимъ для насъ благодаря божественной силѣ и исчезъ бы моментально, какъ только эта сила была бы хоть на одинъ мигъ отнята у него. Но даже въ такомъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь миръ, онъ претерпѣваетъ постоянныя измѣненія, и все въ немъ находится въ переходномъ состояніи. Какъ только достигается извѣстный фазисъ развитія, онъ исчезаетъ или прекращается. При этомъ непрерывномъ движеніи впередъ врядъ ли можно говорить о настоящемъ, потому что прошлое кончается тамъ, гдѣ начинается будущее.

Среди такого непрерывнаго движенія создаются всѣ матеріальные предметы; формы ихъ постоянно подвергаются измѣненіямъ и возвращаются, по прохожденіи извѣстныхъ цикловъ развитія, къ первоначальному состоянію. На основаніи этого мы можемъ разсматривать нашу землю и различныя небесныя тѣла какъ имѣющія время рожденія и время существованія, въ теченіе котораго они движутся непрерывно впередъ къ неизбежному разрушенію; и мы можемъ думать, что и послѣ безчисленныхъ вѣковъ будутъ происходить подобнаго же рода движенія и что совершенно такія же событія будутъ повторяться вновь и вновь.

Но въ этомъ ученіи о всемірномъ видоизмѣненіи скрыто нѣчто большее, нѣчто такое, что не можетъ быть замѣчено съ перваго взгляда. Теологія Индіи основана на пантеизмѣ. «Богъ единъ, потому что онъ все». Веды, говоря объ отношеніи природы къ Богу, употребляютъ слѣдующее выраженіе: онъ—вещество, равно какъ и причина вселенной, «глина, равно какъ и горшечникъ». Онѣ проводятъ мысль, что повсюду существуетъ всепроницающій духъ, одной природы съ душою человѣка, только различающійся отъ нея безконечно по степени, и что видимая природа существенно и неразлучно связана съ нимъ; что подобно тому, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ тѣло постоянно претерпѣваетъ перемѣны, вѣчно разрушаясь и вѣчно возобновляясь, а во всемъ человѣческомъ родѣ націи постоянно возникаютъ и исчезаютъ, между тѣмъ какъ то, что называется всемірною человѣ-

ученіе Ведъ о Богахъ

и о мирѣ.

Его видоизмѣненіи.

Это видимое проявленіе Бога.

ческою душою, продолжаетъ существовать, такъ же точно тѣсно связаны навѣки матеріальное и духовное. Съ этой точки зрѣнія мы должны разсматривать верховное существо не только какъ верховный разумъ, но и какъ подобіе человѣка, въ которомъ умственное начало проявляется только въ связи съ тѣломъ; такъ, вещество или природа, или видимая вселенная должны признаваться вещественнымъ проявленіемъ Бога.

Вѣковыя измѣненія, происходящія въ видимыхъ предметахъ, особенно перемѣны астрономическія, являются, такимъ образомъ, гигантскими повтореніями, съ точки зрѣнія пространства и времени, микроскопическихъ измѣненій, приходящихъ въ тѣлѣ человѣка. Однако, признавая эти взгляды на отношенія между матеріальною природою и духомъ, мы должны постоянно помнить, что вещество «не обладаетъ сущностью, независимою отъ умственнаго воспріятія; что существованіе и воспріятіе—синонимы; что внѣшнія проявленія и ощущенія обманчивы и обратились бы въ ничто, если бы божественная сила, которая одна поддерживаетъ ихъ, хотя бы на время предоставила ихъ самимъ себѣ».

Что же касается до отношенія, существующаго между верховнымъ существомъ и человѣкомъ, то душа составляетъ часть или частицу этого всепроникающаго начала, всемірнаго разума или міровой души,—частицу, отдѣленную на время отъ своего первоначальнаго источника и приведенную въ связь съ тѣломъ, но предназначенную, въ силу неизбежной необходимости, раньше или позже вернуться къ нему,—вернуться такъ же неизбежно, какъ возвращаются назадъ рѣки къ породившему ихъ океану, теряясь въ немъ. «Этотъ духъ», говоритъ Варуна своему сыну, «изъ котораго происходитъ всѣ сотворенныя существа и въ которомъ они живутъ послѣ своего происхожденія; этотъ духъ старайся изучить: это единый великій». Такъ какъ много нравственныхъ основаній заставляютъ насъ увѣрывать въ существованіе въ мирѣ зла и такъ какъ невозможно, чтобы такое святое существо, какъ человѣческій духъ, подвергалось дѣйствию этого зла, не запятнавшись имъ, то вслѣдствіе этого можетъ легко возникнуть препятствіе для воссоединенія его съ безконечно чистою сущностью, изъ которой онъ происходитъ,—и вотъ это препятствіе порождаетъ необходимость подвергнуться очищенію. Но такъ какъ земная жизнь людей бываетъ часто слишкомъ короткою, чтобы доставить удобный случай для очищенія, и такъ какъ, напротивъ того, событія этой жизни весьма часто только увеличиваютъ пятно, загрязнившее души людей, то періодъ очищенія продолжается и послѣ смерти, грѣшный духъ приводится въ связь съ другими формами и переселяется въ другія тѣла, въ которыхъ, благодаря претерпѣваемому имъ наказанію и испытаніямъ, которымъ онъ подвергается, онъ очищается отъ грѣховъ и готовится къ поглощенію въ океанъ безконечной чистоты. Въ виду отношенія, устанавливаемаго такимъ образомъ между нами и всею одушевленною природою, которая

Характеръ міровыхъ измѣненій.

О душѣ человѣка.

Ея конечное поглощеніе въ Бога.

Объ очищеніи путемъ покаянія.

и о переселеніи душъ.

является механизмомъ для очищенiя, это учение о переселенiи душъ ведетъ къ цѣлому ряду другихъ нравственныхъ ученiй, вселяя глубокое уваженiе къ жизни, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, въ формѣ человѣка, животныхъ или насѣкомыхъ.

Поэтому формы животной жизни доставляютъ человѣку какъ ^{Употребленiе, которое дѣлаетъ религiiю изъ жизни животныхъ.} громадный пенитенцiарный механизмъ. На такихъ-то началахъ основано теологическое ихъ объясненiе. Въ европейской философиі мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго этому. Для насъ жизнь животныхъ представляется безцѣльною. Дальше мы увидимъ, что хотя въ Египтѣ учение о переселенiи и должно было внушать подобныя же идеи, но онѣ были извращены при своемъ практическомъ примѣненiи вслѣдствiе грубаго фетишизма туземнаго африканскаго населенiя. Учение это пользовалось популярностью среди ученыхъ ради своей философской подкладки, а среди толпы благодаря гармонiи, существовавшей между его результатами и ея идолопоклонствомъ.

Подобнаго рода теологическіе догматы должны были породить такую религiозную систему, которая преслѣдовала бы, какъ главную цѣль, возможно болѣе скорое очищенiе души, т. е. возможно болѣе быстрое достиженiе ею абсолютнаго счастья, которое можно найти ^{о въ петлиахъ способвахъ поклоненiя.} только въ абсолютномъ покоѣ. Средствами для сокращенiя времени странствованiй души и приведенiя ея въ спокойное состоянiе являлись упражненiя въ благочестивой жизни, покаянiе и молитва, а особенно глубокое созерцанiе существованiя и свойствъ верховнаго существа. Въ такомъ-то глубокомъ созерцанiи многіе святые люди проводили всю свою жизнь.

Вотъ въ чемъ состоитъ вкратцѣ сущность теологii Ведъ, какъ она выражена въ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ ученiяхъ о природѣ Бога, о всемирномъ одухотворенiи, объ измѣненiяхъ міра, объ эманации души, о проявленiи видимыхъ веществъ, о переселенiи, о поглощенiи, о способахъ покаянiя, о созерцанiи для достиженiя абсолютнаго счастья въ абсолютномъ покоѣ. Веды признаютъ также цѣлый рядъ существъ, стоящихъ выше человѣка, боговъ стихiй и звѣздъ; онѣ подобнымъ же образомъ олицетворяютъ свойства божества. Три божества Ведъ, Агни, Индра и Сурiя, не существуютъ самостоятельно, независимо, а составляютъ ^{менше важныя доктрины Ведъ.} части всемирной души. Позднѣйшая троица индусовъ, Брами, Вишну и Сива, не признается ими. Они не разрѣшаютъ поклоненiя обоготвореннымъ людямъ, поклоненiя изображенiямъ или какимъ-либо видимымъ формамъ. За то ими допускается поклоненiе второстепеннымъ духамъ, напр., духамъ планетъ, или полубогамъ, населяющимъ воздухъ, воды, лѣса; эти полубоги подвержены смерти. Веды проповѣдуютъ всемирное милосердiе, милосердiе даже по отношенiю къ врагамъ: «Дерево не должно отказывать въ тѣни дровосѣку». Молиться надо три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ; постъ предписывается, равно какъ и омовенiе, передъ ѣдою; жертвоприношенiя состоятъ изъ цвѣтовъ, фруктовъ и денегъ. Въ цѣломъ религiозныя стремленiя всѣ въ высшей степени эгоистичны: онѣ основаны на низкихъ побужденiяхъ и

добиваются удовлетворенiя животныхъ потребностей, пищи, удовольствiй, благосостоянiя. Въ нихъ не замѣчается духа прозелитизма; напротивъ того, они скорѣе соглашаются съ принципомъ, по которому всѣ религii въ равной степени угодны Богу, потому что иначе онъ установилъ бы одну и не допустилъ бы остальныхъ,—сдѣлать же это ему было бы не трудно, такъ какъ онъ всемогущъ. Въ Ведахъ не упоминается о дѣленiи на касты, которое по всей вѣроятности, возникло вслѣдствiе предыдущихъ завоеванiй и составляло непобѣдимое препятствiе для развитiя общества, такъ какъ держало въ неподвижномъ состоянiи каждый его классъ и сосредоточивало всю власть и всѣ знанiя въ одной кастѣ. Нигдѣ, ни въ Ведахъ, ни во всѣхъ другихъ памятникахъ индусской литературы, не упоминается ни единымъ словомъ о любви къ свободѣ. Азиаты не понимаютъ значенiя, представляемаго ею. Они взвѣсили свободу и безопасность и по доброй волѣ избрали послѣднюю, предоставляя Европѣ вздыхать о первой. Свобода только тогда цѣнится надлежащимъ образомъ, когда данный народъ ведетъ дѣятельную жизнь; а жизнь обитателей Азии по преимуществу пассивна, желанiе покоя является у нихъ преобладающимъ. Многіе утверждали, что эта тупость объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на материкѣ Азии нѣтъ настоящаго умѣреннаго пояса, вслѣдствiе чего въ теченiе цѣлаго ряда вѣковъ жившіе въ ней слабые народы приходили въ постоянное соприкосновенiе съ сильными и, такимъ образомъ, утратили безнадежныя стремленiя къ личной свободѣ. Но народы, отрѣзанные отъ моря или принявшiе догматъ о грѣховности путешествiя по морю, никогда не поймутъ значенiя свободы. Изъ содержанiя Ведъ можно заключить, что положенiе женщинъ въ тѣ времена было далеко не такъ стѣснено, какъ въ позднѣйшее время, и что моногамiя была въ обычаѣ. Благодаря громаднымъ размѣрамъ этихъ произведенiй, различному времени ихъ происхожденiя и различнымъ ихъ авторамъ, не легко вывести основные ихъ принципы, и такъ какъ части ихъ лишены всякой связи другъ съ другомъ, то и полныя копiи ихъ чрезвычайно рѣдки. Веды претерпѣли много измѣненiй и искаженiй, отчего въ нихъ замѣчается множество противорѣчiй.

Въ законахъ Ману, сводѣ законовъ гражданскихъ и религiозныхъ, составленномъ за девять столѣтiй до Р. X. и, Закона Ману, подобно Ведамъ, носящемъ на себѣ явные слѣды своего постепеннаго образованiя, учение о единомъ божествѣ болѣе ясно смѣшивается съ пантеистическими идеями. Это—описанiе сотворенiя міра и природы Бога, къ которому присоединяется вдобавокъ и рядъ правилъ относительно того, какія обязанности налагаются на человѣка во всѣхъ положенiяхъ жизни, начиная отъ момента рожденiя и кончая смертью. Ихъ властныя распредѣленiя всѣхъ этихъ мелочныхъ подробностей служатъ достаточнымъ доказательствомъ сильнаго развитiя и громадной власти, достигнутыхъ духовенствомъ, но уровень ихъ нравственныхъ понятiй очень низокъ. Въ нихъ замѣчается одновременно высокая ступень цивилизацii и деморализацii, въ нихъ говорится одновременно о преступленiяхъ и пра-

вительственныхъ мѣрахъ, указывающихъ на высокую степень общественаго развитія. Ихъ властный, всеобъемлющій духъ напоминаетъ папскую систему; ихъ предписанія государямъ и разрешаемая ими безнравственность напоминаютъ положеніе итальянскаго общества, какъ оно описывается въ сочиненіяхъ Маккиавели. Они съ величайшимъ уваженіемъ относятся къ наукѣ, но въ то же время снисходятъ къ суевѣріямъ и предразсудкамъ невѣжественной толпы, предписывая сопровождать поклоненіе богамъ всеожженіемъ очищеннаго масла и возливаніемъ соковъ растений. Что касается челоуѣка, то они проводятъ рѣзкое различіе между душою и жизненнымъ принципомъ, утверждая, что только послѣдній искупаетъ грѣхъ помощью переселенія. Общество они раздѣляютъ на четыре касты: жрецовъ, военныхъ, ремесленниковъ и рабовъ. Брамна они ставятъ во главѣ всего сотвореннаго и предписываютъ ему дѣлить жизнь на четыре части: одна должна быть проведена въ воздержаніи, другая въ бракѣ, третья въ пустынѣ, въ качествѣ анахорета, четвертая въ глубокомъ созерцаніи; затѣмъ онъ можетъ «разстаться съ тѣломъ, подобно тому, какъ птичка разстается съ вѣткою дерева». Управленіе обществомъ они возлагаютъ на абсолютнаго монарха съ семью совѣтниками, которые руководятъ внутренними дѣлами государства помощью цѣлаго ряда чиновниковъ; государственные доходы состояются изъ извѣстной части земледѣльческихъ продуктовъ, изъ налоговъ на торговлю, на лавочниковъ, и изъ натуральныхъ повинностей земледѣльцевъ, въ количествѣ одного рабочаго дня въ мѣсяцъ.

Слѣдовательно, въ существенныхъ своихъ принципахъ законы Ману представляютъ подражаніе Ведамъ, хотя, какъ это бываетъ при всякой системѣ, предназначенной служить людямъ, находящимся на различныхъ ступеняхъ развитія, отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низкихъ, и въ Ведахъ, и въ законахъ Ману проявляется склонность къ народнымъ заблужденіямъ. И тѣ и другіе пантеистичны, потому что и Веда, и законы Ману считаютъ вселенную проявленіемъ Творца; оба признаютъ ученіе объ эманации, проповѣдуя, что вселенная будетъ существовать только определенное число лѣтъ и что, какъ только божественная сила будетъ отнята у нея, произойдетъ поглощеніе всего, даже сотворенныхъ боговъ, а затѣмъ будетъ происходить множество такого же рода послѣдовательныхъ эманаций и поглощеній, повторяющихся въ теченіе громаднхъ, неизмѣримо долгихъ цикловъ времени.

Измѣненія, происшедшія среди правовѣрныхъ въ Индіи со времени составленія законовъ Ману, являются послѣдствіями уменьшенія и исчезновенія высшихъ философскихъ классовъ и сравнительнаго преобладанія простонародія. Эльфинстонъ, говоря о нихъ, указываетъ на постепенное забвеніе монотеизма, на пренебреженіе къ поклоненію нѣкоторымъ богамъ и на введеніе другихъ, на поклоненіе обоготвореннымъ смертнымъ. Обоготвореніе людей было доведено до такихъ обширныхъ размѣровъ, что Индра и другіе ми-

Исчезновеніе философскихъ классовъ и вытекающее отсюда преобладаніе антропоцентрическихъ идей.

ологическіе боги начали, говорятъ, бояться, чтобы люди не вытѣснили ихъ совершенно. Введеніе политеизма и употребленіе изображеній связано было, по всей вѣроятности, съ тѣмъ, что въ Индіи не существовало храмовъ невидимому Богу, а невѣжественные умы чувствовали потребность въ чемъ-либо осязательномъ для поклоненія. Такимъ-то образомъ введено было понятіе о троицѣ—Брамѣ, Вишну и Сивѣ, съ четырнадцатью другими главными богами. Вишну и Сива не упоминаются въ законахъ Ману, но въ данное время они пользуются всеобщимъ поклоненіемъ; рядомъ съ ними существуютъ ангелы, гении, пенаты и лары, какъ у римлянъ. Брамъ былъ построенъ всего одинъ храмъ во всей Индіи, и онъ никогда не пользовался особеннымъ поклоненіемъ. Кришна былъ любимымъ богомъ женщинъ. Ученіе о воплощеніи получило также преобладаніе; воплощенія Вишну безчисленны. Распространено было мнѣніе, что вѣра въ какого-нибудь даннаго бога представляетъ больше значенія, чѣмъ созерцаніе, обряды или добрыя дѣла. Введенъ былъ въ употребленіе новый служебникъ, замѣнившій собою Веда; то были восемнадцать Пуранъ, сочиненныхъ между VIII и XVI вв. Онѣ заключаютъ въ себѣ теогоніи, рассказы о сотвореніи міра, философскія умозрѣнія, отрывки изъ исторіи и могутъ служить орудіемъ для поддержанія любого сектантскаго взгляда, такъ какъ не представляютъ собою ничего цѣльнаго; тѣмъ не менѣе онѣ пользуются большимъ авторитетомъ. Въ прежнее время большое значеніе придавалось жертвоприношеніямъ и суровымъ религіознымъ обрядамъ, но того, что достигалось когда-то этимъ путемъ, думаютъ достигнуть теперь помощью одной только вѣры. Въ Багаватъ-Гитѣ, руководящей книгѣ новѣйшей школы, единственнаго средства спасенія—покорное исполненіе всѣхъ требованій даннаго учителя,—этимъ замѣняется все остальное. Значеніе, приписываемое, такимъ образомъ, вѣрѣ, и легкость, съ какою можно искупить грѣхъ помощью покаянія, повлекли за собою большую умственную слабость и суевѣріе. Это придало новыя силы ученію о матеріальномъ раѣ, съ деревьями, цвѣтами, пирами и гимнами, и адъ, ужасномъ мѣстѣ, полномъ огня, жажды, мученій и страшныхъ привидѣній.

Такимъ-то образомъ происходилъ постепенный упадокъ религіи вслѣдствіе подавленія или исчезновенія наиболее просвѣщеннхъ умовъ; съ меньшей рѣзкостью проявились и стремленія философіи. Говорятъ, что даже въ древнія времена насчитывали не менѣе шести отдѣльныхъ философскихъ школъ: 1) древняя Миманза; 2) позднѣйшая Миманза или Веданта, основанная Віазою приблизительно въ 1400 г. до Р. X. и породившая грандіозную литературу Веданта; 3) логическая школа, представлявшая сильное сходство съ школою Аристотеля, даже въ подробностяхъ; 4) атомистическая школа Канада; 5) атеистическая школа Капила; 6) теистическая школа Патанджали.

Эта великая теологическая система, навязанная силою тиранической іерархіи, не могла существовать долго, не породивши столкновеній. У нея явился противникъ въ

Философскія школы.

Возникновеніе буддизма.

лицъ буддизма. Въ силу неизбежной необходимости, ведизмъ долженъ былъ уступить мѣсто буддизму. Пророческое предвидѣніе великаго основателя этой системы оправдалось ея удивительнымъ, неслыханнымъ, грандіознымъ успѣхомъ,—успѣхомъ, основаннымъ на признаніи догмата о полномъ равенствѣ людей въ странѣ, которая въ теченіе множества вѣковъ подвергалась притѣсненіямъ со стороны кастъ. Если буддисты и признавали существованіе Бога, то не въ качествѣ Творца, потому что вещество такъ же вѣчно, какъ Богъ,—и разъ вещество обладаетъ свойствомъ организовать себя непосредственно, то, даже если бы вселенная погибла, и тогда это свойство быстро возстановило бы утраченныя ею силы и привело бы ее къ новымъ обновленіямъ и новымъ разрушеніямъ, безъ вмѣшательства посторонней силы. Въ то же время вещество одарено умомъ и сознаниемъ. Буддисты сходятся съ браминами въ ученіи о кветизмѣ, въ заботѣ о жизни животныхъ, въ вѣрѣ въ переселеніе душъ. Они отрицаютъ Веды и Пураны, не признаютъ кастъ, и, согласно своимъ основнымъ принципамъ, выбираютъ своихъ священниковъ изъ всѣхъ классовъ общества, подобно европейскимъ монахамъ. Они живутъ въ монастыряхъ, одѣваются въ желтое, ходятъ босыми, брѣютъ головы и бороды; постоянно совершаютъ службы въ своихъ часовняхъ, поютъ, кадятъ, жгутъ свѣчи; воздвигаютъ памятники и храмы надъ останками святыхъ людей. Безбрачію они придаютъ особенное значеніе; отказываются отъ всѣхъ чувственныхъ удовольствій; ѣдятъ за однимъ столомъ, получаютъ милостыню. Все это соответствуетъ извѣстной степени умственного развитія человѣчества.

Буддизмъ возникъ въ X в. до Р. X.; основателемъ его былъ Арда-Хидди, родомъ изъ Капила, около Непала. О времени его Жизнь Арда-Хидди. жизни существуетъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Авары, сіамцы и сингалезы опредѣляютъ годомъ его рожденія 600-й г. до Р. X., кашмирцы—1332, а китайцы, японцы и монголы—1000. Санскритскія слова, попадающіяся въ буддистскихъ книгахъ, доказываютъ индусское его происхожденіе. Самъ Будда и по уму былъ санскритъ. Послѣ того, какъ его система получила широкое распространеніе въ Индіи, она была перенесена миссіонерами на Цейлонъ, въ Монголію, въ Тибетъ, Китай, Японію, Бирманію, и исповѣдуются теперь бѣльшимъ числомъ людей, чѣмъ какая-либо другая религія. До недавняго времени исторія Арди-Хидди и выработанной имъ религіозной системы была мало извѣстна въ Европѣ, несмотря на глубокой интересъ, представляемый ею. Онъ родился въ богатствѣ и происходилъ изъ царскаго рода. На 29-мъ году онъ удалился отъ міра, отъ наслажденій котораго онъ успѣлъ вкусить и который ему надоѣлъ. Зрѣлище разлагавшагося трупа впервые заставило работать его умъ въ новомъ направленіи. Покинувъ своихъ многочисленныхъ женъ, онъ обратился въ нищенствующаго монаха. Говорятъ, что онъ расхаживалъ, облеченный въ саванъ, снятый съ тѣла одной рабыни. Глубоко убѣжденный въ тщетъ и пустотѣ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, онъ посвятилъ себя философскому созерцанію, освободившись отъ всѣхъ земныхъ за-

ботъ и надеждъ суровымъ самоотреченіемъ. Когда человѣкъ доведетъ себя до такого состоянія, онъ дѣлается способнымъ на великія дѣла. Отказавшись отъ имени, даннаго ему родителями, онъ назвалъ себя Готама, что значитъ «убивающій свои чувства», а затѣмъ Шакиа-Муни, или кающійся изъ Шакиа. Родился Готама подъ тѣнью дерева; подъ тѣнью дерева онъ одержалъ верхъ надъ любовью къ свѣту и надъ страхомъ смерти; подъ тѣнью дерева, окутанный въ саванъ, онъ произнесъ первую свою проповѣдь; подъ тѣнью дерева онъ умеръ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ онъ началъ свою проповѣдь, у него было всего пять учениковъ; по истеченіи года число ихъ возросло до 1200, а въ теченіе девятнадцати столѣтій, послѣдовавшихъ съ того времени, его ученіе дало начало сектамъ, насчитывающимъ милліоны приверженцевъ и превосходящимъ количествомъ послѣдователей всѣ другія религіозныя ученія. Система эта по настоящее время сохранила, по видимому, въ значительной степени свою первоначальную свѣжесть, хотя религіи преходящи. Нѣтъ ни одной страны, за исключеніемъ Индіи, въ которой до сихъ поръ бы исповѣдывалась религія, существовавшая въ ней при Р. X.

Готама умеръ въ преклонномъ возрастѣ, восьмидесяти лѣтъ; его тѣло сжигали въ теченіе восьми дней. Но еще за нѣсколько лѣтъ до его смерти система его прочно утвердилась. Отсюда видно, какъ мало зависитъ успѣхъ ученія отъ характера его и какъ много отъ его организаціи: буддизмъ, основныя начала котораго Организація буддизма. были гораздо выше народнаго пониманія, быстро распространился, потому что обращалъ въ свою вѣру помощью проповѣди, а не помощью меча, какъ магометанство. Вскорѣ послѣ смерти Готама собранъ былъ соборъ изъ пятидесяти духовныхъ лицъ для рѣшенія разнаго рода религіозныхъ вопросовъ. Черезъ сто лѣтъ собранъ былъ второй соборъ съ цѣлью выработать правила для монастырей, а въ 241 до Р. X. третій соборъ—для изгнанія огнепоклонниковъ. Подъ покровительствомъ царя Азока, характеръ котораго представляетъ удивительное сходство съ характеромъ римскаго императора, созвавшего никейскій соборъ, посланы были во всѣ стороны миссіонеры и устроены были повсюду богато одаренные монастыри. Важное значеніе монашескихъ учрежденій дало себя чувствовать въ Европѣ нѣсколько столѣтій позже.

Провозглашая равенство всѣхъ людей въ настоящей жизни, буддисты, какъ мы видѣли выше, вступали въ прямое столкновеніе съ господствовавшею въ Индіи вѣрою, въ теченіе долгаго времени поддерживавшею учрежденіе кастъ. Это столкновеніе еще болѣе усиливалось благодаря отвращенію буддистовъ ко всякому различію между духовными и свѣтскими лицами. Браминъ долженъ былъ родиться браминемъ, буддистскимъ жрецомъ могъ сдѣлаться всякій, кто этого желалъ, по доброй волѣ, хотя бы желающій происходилъ изъ подонковъ общества. Согласно прежней системѣ, бракъ былъ абсолютно необходимъ для духовной касты; согласно послѣдней, такой необходимости не было, потому что ряды священниковъ пополнились помимо брака. А отсюда возникало другое важное

преимущество; безбрачїе и цѣломудріе могли превозноситься, какъ величайшія добродѣтели. Опытъ какъ Европы, такъ и Азіи показалъ, какую власть прїобрѣтаетъ такимъ путемъ іерархїя. Въ Индіи для ортодоксовъ не было другого спасенїя отъ угрожавшей опасности, какъ отраженїе ея кровавыми престѣлованїями; въ концѣ концовъ буддисты, изгнанные изъ родины, разсѣялись по всей восточной Азіи. Престѣлованїе—мать прозелитовъ.

Основнымъ принципомъ буддизма является существованїе верховной силы, а не верховнаго существа. Отсюда можно вывести заключенїе, что лица, принимающїя такую вѣру, не могутъ быть названы пантеистами, а заслуживаютъ скорѣе названїе атеистовъ. Это равносильно отрицанїю идеи о существѣ и признанїю идеи о силѣ. Допуская существованїе Бога, буддизмъ отвергаетъ Бога, какъ Творца. Онъ признаетъ движущую силу во вселенной, существующій самостоятельно образовательный принципъ, но не существующаго самостоятельно, вѣчнаго и личнаго Бога. Буддизмъ признаетъ изслѣдованїе первичныхъ причинъ не философскимъ дѣломъ и на этомъ основанїи отвергаетъ его, утверждая, что нашъ конечный умъ можетъ разсматривать только явленїя. Не безъ нѣкотораго умственаго превосходства, онъ допускаетъ азіатскую идею, освященную временемъ, о троицѣ, но не надбляетъ ее при этомъ тѣлесными свойствами, а лишь безличными. Его троица изображаетъ собою прошедшее, настоящее и будущее. Для того, чтобы помощью образовъ запечатлѣть эти представленїя въ нашихъ умахъ, буддизмъ изображаетъ Прошедшее со сложенными руками, какъ бы достигнувшимъ покоя, а Настоящее и Будущее съ простертою впередъ правою рукою, въ знакъ того, что они живутъ и дѣйствуютъ. Разъ буддизмъ не признаетъ Бога, онъ не признаетъ и поглощенїя; пантеистической браминъ ждетъ отъ будущаго, что душа его вернется къ Верховному Существо, подобно тому, какъ возвращается въ море капля дождя. У буддиста нѣтъ религїи, а есть только религіозный церемонїаль. Какъ же можетъ быть религїя тамъ, гдѣ нѣтъ Бога?

Отсюда ясно, что въ буддистскомъ міросозерцанїи преобладало невещественное и безличное и что Готама, подвергая обсужденїю существованїе чистой силы, не примѣшивалъ къ ней никакой идеи о субстанціи. Въ виду этого онъ, понятно, отрицаетъ вмѣшательство такого дѣятеля, какъ Провидѣнїе, утверждая, что разъ система природы возникла, она должна развиваться дальше совершенно самостоятельно, согласно съ законами, которымъ она обязана своимъ происхожденїемъ, и что съ этой точки зрѣнїя вселенная представляется только гигантскою машиною. Подобнаго рода идеи возбуждали ненависть браминновъ; они относились враждебно ко всякой философской системѣ, основанной на принципѣ управленїя міра закономъ, боясь, что такая система лишитъ ихъ роли посредниковъ и отыметъ у нихъ всякое право на предъявленїе какихъ-либо требованїй правовѣрнымъ. Отрицая существованїе Бога, Готама отрицалъ и существованїе случая, говоря: то, что мы на-

Ссоры между браминизмомъ и буддизмомъ.

Буддизмъ основывается на понятїи о власти или силѣ.

Онъ не признаетъ личнаго Бога.

управленїя міра Провидѣнїемъ.

по принципамъ, не признаетъ всѣхъ событий дѣйствїя непреодолимаго закона.

зывается случаемъ, составляетъ просто дѣйствїе неизвѣстной, неизбежной причины. Что же касается внѣшняго міра, то мы не можемъ никакъ сказать, что создано въ немъ нашей фантазіею и что принадлежитъ дѣйствительности, потому что наши внѣшнїя чувства не представляютъ достаточнаго критеріума достовѣрности. Они доставляютъ нашему уму представленїя о томъ, что мы считаемъ внѣшними предметами, снабжая его, такимъ образомъ, матеріаломъ для его разнообразныхъ отправленїй; но, исключая тѣхъ случаевъ, когда умъ дѣйствуетъ въ связи съ внѣшними чувствами, отправленїе его можетъ совершаться безслѣдно, какъ, напр., при глубокомъ созерцанїи, когда умъ какъ бы отдѣляется отъ нашего тѣла и отсутствуетъ. Благодаря нашей неспособности опредѣлить долю участїя этихъ внутреннїхъ и внѣшнїхъ условїй въ произведенїи конечнаго результата, абсолютное или дѣйствительное состоянїе природы не понятно для насъ. Тѣмъ не менѣе, допуская, въ виду нашей умственной слабости, идею о дѣйствительномъ существованїи видимаго міра, мы должны разсматривать его какъ представляющаго смѣну непостоянныхъ формъ, цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненїй, безчисленныя вселенныя, возникающїя въ періоды времени, по своей грандіозности непостижимыя для нашего ума, и созданїя разрушенїя системъ міровъ, совершающїяся согласно первобытному закону.

Таково-то ученїе буддизма о Верховной Силѣ и о пропхожденїи и развитїи видимаго міра. Съ такимъ же искусствомъ изслѣдуетъ Готама природу человѣка. Съ свойственною ему о природѣ человека восточною образностью, онъ предлагаетъ намъ обсудить вопросъ, что дѣлается съ зерномъ соли, брошеннымъ въ море; но, дабы не ввести насъ при этомъ въ заблужденїе, онъ тутъ же говоритъ намъ, что ни индивидуальности, ни личности не существуетъ, что я—синонимъ небытїя. Въ эти глубокія размысленїя онъ вводитъ и свое понятїе о силѣ, на основанїи котораго утверждаетъ, что всѣ чувствующїя существа однородны. Если мы чувствуемъ себя не въ состоянїи слѣдовать за нимъ и воспринимать его возвышенныя разсужденїя, вслѣдствїе слабости человѣческаго организма, заставляющей насъ крѣпко держаться матеріальныхъ идей, и если мы спросимъ Готаму, какимъ образомъ духъ человѣческой, обнаруживающїй, очевидно, столько энергїи, можетъ быть представленъ существомъ безъ формы, безъ прошедшаго и безъ будущаго, онъ, въ свою очередь, задаетъ намъ вопросъ: что дѣлается съ пламенемъ свѣчи, которое мы потушили, и въ какомъ неизвѣстномъ состоянїи находилось это пламя, прежде чѣмъ оно было зажжено? Что такое въ сущности небытїе? Было ли пламя уничтожено? Помощью такихъ образовъ онъ старается объяснить сущность бытїя и дать живое понятїе о претерпѣваемыхъ имъ измѣненїяхъ. Внѣшнїе предметы представляются ему порожденїями нашей фантазїи; то же говоритъ онъ и о впечатлѣнїяхъ, производимыхъ ими на наши умы. Въ этомъ смыслѣ воспринимаетъ онъ ученїе о переселенїи душъ, представляя его себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы представляемъ себѣ теплоту, накопляющуюся послѣдовательно въ различныхъ

Сомнѣнїя относительно дѣйствительнаго существованїя видимаго міра.

природѣ человека.

предметахъ. Съ одной точки зрѣнія можно сказать, что одна и та же теплота проникаетъ послѣдовательно одинъ за другимъ цѣлый рядъ предметовъ, а съ другой точки зрѣнія, такъ какъ теплота—сила, а не вещество, то такой индивидуальности существовать не можетъ. Разсматривая этотъ вопросъ съ менѣ глубокой точки зрѣнія, онъ

о переселеніи души охотно признаетъ ученіе о переселеніи душъ въ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ формъ, допуская, что на душѣ могутъ накопляться дѣйствія всѣхъ тѣхъ влияній, хорошихъ или дурныхъ, которымъ она была подвержена. Жизненное пламя передается изъ одного поколѣнія къ другому, сообщается отъ одной одушевленной формы другой. Готама предполагаетъ, что оно можетъ переносить съ собою во время этихъ передвиженій измѣненія, происшедшія въ немъ, и что ему нуженъ удобный случай для изъавленія отъ нихъ и возвращенія къ первобытному состоянію. Съ этой точки зрѣнія ученіе Готамы принимаетъ характеръ нравственной системы и начинаетъ изыскивать средства для освобожденія отъ накопившагося зла и отъ тѣхъ недостатковъ, которые должны были съ теченіемъ времени образоваться у даннаго духа. Тѣмъ не менѣ Готама не признаетъ никакихъ посредствующихъ дѣйствій. Каждый долженъ самъ заботиться о собственномъ спасеніи и твердо помнить при этомъ, что смерть вовсе не освобожденіе отъ мірскихъ бѣдствій, а только переходъ къ еще большимъ, быть можетъ, несчастіямъ. Но, подобно тому, какъ пламя свѣчи должно же когда-нибудь погаснуть, долженъ же въ концѣ концовъ наступить и конецъ жизни, хотя бы и послѣ многихъ переселеній. Этотъ конецъ Готама назвалъ нирваною,—слово, которое болѣе чѣмъ три тысячи лѣтъ представляло громадное значеніе для безчисленныхъ миллионъ людей; нирвана—это конецъ послѣдовательныхъ существованій, положеніе, не представляющее никакого отношенія ни къ веществу, ни къ пространству, ни къ времени, состояніе, въ которое вернулось пламя погасшаго свѣтильника. Это—конецъ всему, Небытіе. Къ достиженію этой верховной цѣли мы должны непрестанно стремиться, и для этого мы должны стараться разрушить въ себѣ всякую связь съ жизнью, вырвать съ корнемъ всякую привязанность къ земнымъ предметамъ, всякое желаніе добиваться осуществленія земныхъ стремленій. Мы должны прибѣгать къ монашеской жизни, къ покаянію, къ самоотреченію, самоумерщвленію и этимъ путемъ постепенно приближаться къ состоянію полного покоя или апатіи, составляющему подражаніе тому состоянію, къ которому мы должны въ концѣ концовъ притти и котораго можемъ скорѣе достигнуть помощью такого рода подготовительныхъ дѣйствій. Пантеистической браминъ ожидаетъ поглощенія въ Богъ; буддистъ, не признающій Бога, ожидаетъ уничтоженія.

Индія надѣлила, такимъ образомъ, міръ двумя совершенно различными философскими системами: веданствомъ, признающимъ свою исходною точкою существованіе матеріи, и буддизмомъ, исходною точкою котораго является сила. Философское искусство, обнаруживающееся въ послѣднемъ, очень велико; врядъ ли Европа произвела что-нибудь равносильное въ ме-

Философская
оценка буд-
дизма.

тафизикъ. А между тѣмъ, если я достаточно вѣрно изложилъ его принципы, то для читателя будетъ ясно, что его основное начало оказывается неустойчивымъ, когда дѣло доходитъ до развитія частностей. Какъ не велика умственная сила автора, возбуждающая у насъ величайшее удивленіе и поражающая насъ, тѣмъ не менѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія шаги его окажутся колеблющимися и нетвердыми; онъ какъ бы не въ силахъ удержать равновѣсія, дѣйствуя своимъ могучимъ орудіемъ. Это особенно замѣтно въ томъ мѣстѣ его изложенія, гдѣ онъ переходитъ отъ разсмотрѣнія чистой силы къ неизбежному разсмотрѣнію видимой природы, дѣйствительное существованіе которой онъ, повидимому, вынужденъ отрицать. Но я увѣренъ, что мнѣ удалось вполне точно схватить ходъ его мышленія или изобразить съ критической правильностью его взгляды. Въ виду необыкновенной силы, выказанной имъ въ другихъ мѣстахъ, можно скорѣе предположить, что мнѣ не удалось устыдить за развитіемъ его мысли, чѣмъ то, что онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ занимающаго его вопроса оказался не въ силахъ совладать со своею задачею.

Сочиненія Готамы, подъ заглавіемъ *Словесныя наставленія*, были изданы китайскимъ правительствомъ на четырехъ языкахъ—тибетскомъ, монгольскомъ, манджурскомъ и китайскомъ, въ императорской типографіи въ Пекинѣ, и составилиютъ восемьсотъ громадныхъ томовъ. Они были подарены монастырямъ Ламы—великолѣпный даръ.

Говоря о веданствѣ, я показалъ, какъ его болѣе высокія понятія постепенно вытѣснялись болѣе низкими, получив- Заживъ высшихъ
идей низшими.шими, наконецъ, преобладаніе. Здѣсь будетъ у мѣста указать подобнымъ же образомъ и на соответствующій упадокъ буддизма. На практикѣ буддизмъ вызвалъ основаніе громадной монашеской системы, которая представляетъ во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ европейской, развившейся въ болѣе позднюю эпоху. Такъ какъ буддизмъ отличался чисто личнымъ характеромъ,—добивался достиженія личнаго счастья,—то въ результатѣ должно было получиться неизбежно развитіе громаднаго эгоизма. Каждый человекъ долженъ былъ самъ заботиться о личномъ спасеніи, до всѣхъ другихъ ему не было рѣшительно никакого дѣла. Могъ ли онъ думать о родныхъ, женѣ, друзьяхъ, дѣтияхъ, родинѣ, когда одна только цѣль занимала его—достиженіе нирваны? Антропоцентри-
ческой фазисъ
остаеся; фило-
софией прико-
дить въ упа-
докъ.

Еще задолго до того, какъ буддизмъ былъ изгнанъ изъ Индии побѣдоносными браминами, онъ былъ разукрашенъ Легенды буд-
дизма и чудеса
его.народною фантазіею. У него были свои сказанія, свои легенды, свои чудеса. Его приверженцы вѣрили безусловно, что Магамайя, мать Готамы, была непорочная дѣва, зачавшая его посредствомъ божественнаго влиянія; что въ немъ соединились двѣ природы, человѣческая и божественная; что онъ сталъ на ноги и заговорилъ, какъ только родился; что въ пять мѣсяцевъ онъ могъ сидѣть на воздухѣ безъ поддержки; что въ моментъ обращенія на него напалъ легионъ демоновъ и что во время своего покаяннаго поста

онъ ѣлъ только одинъ стручокъ перца въ день; что онъ воцлещался нѣсколько разъ до послѣдняго появленія его на землѣ и что при восхожденіи своемъ на небо онъ оставилъ слѣды своей ноги на одной горѣ въ Цейлонѣ; что существуетъ рай, полный драгоценностей, цвѣтовъ, пировъ и музыки для добрыхъ, и адъ, полный сѣры, пламени и мученій для злыхъ; что вполнѣ законно поклоняться изображениямъ, но что заблуждаются тѣ, кто обоготворяетъ людей или поклоняется реликвіямъ; что существуютъ духи, черти и другія сверхъестественныя существа; что существуетъ царица неба; что чтеніе священнаго писанія ставится само по себѣ въ заслугу, слѣдуетъ ли человѣкъ его предписаніямъ или нѣтъ; что можно молиться, произнося заученныя наизусть формулы или верги ручку мельницы, изъ которой выходятъ бумажки съ написанными на нихъ молитвами; что провозвѣстникъ буддизма долженъ признаваться духовнымъ главою міра.

Читатель замѣтитъ, по всей вѣроятности, сходство этихъ идей съ нѣкоторыми идеями римско-католической церкви. Когда въ Европу привезены были первыя свѣдѣнія о восточныхъ формахъ религіи, а истинное происхожденіе ихъ не было понято, многіе предполагали, что это совпаденіе произошло благодаря трудамъ несторіанскихъ и другихъ западныхъ миссіонеровъ, и надѣялись, что оно поможетъ обратить восточную Азію въ христіанство. Но эти надежды оказались тщетными, и то, что многіе добрые люди считали подготовленіемъ къ христіанству, оказалось на дѣлѣ сильнымъ препятствіемъ къ его распространенію.

Разукрашенный этими вымыслами народной фантазіи, буддизмъ былъ принятъ двумя пятими человѣчества. Онъ обладаетъ громадною литературою, большими храмами, множествомъ памятниковъ. Его монастыри разбѣяны отъ сѣвера Монголіи почти до экватора. Въ нихъ дается образованіе, сходное съ тѣмъ, какое давалось въ европейскихъ монастыряхъ среднихъ вѣковъ. Говорятъ, что треть населенія въ Монголіи—ламы. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; богатство страны добровольно стекается къ нимъ. Первоначальное обученіе больше распространено въ Монголіи, чѣмъ въ Европѣ: трудно найти человѣка, не умѣющаго читать. Среди священниковъ встрѣчается много набожныхъ людей, но, понятно, не мало есть и обманщиковъ. Грустный фактъ то, что въ Китаѣ буддизмъ привелъ все населеніе не только къ полному индифферентизму, но и къ абсолютному безбожію. Китайцы смотрятъ на религію какъ на простую моду, которой каждый можетъ слѣдовать сообразно собственному вкусу; такъ какъ она признана государствомъ, то составляетъ какъ бы гражданское учрежденіе, необходимое для совершенія богослуженія и требуемое обществомъ, но безъ малѣйшаго философскаго значенія; каждый человѣкъ такъ же вправѣ слѣдовать въ этомъ случаѣ своимъ собственнымъ взглядамъ, какъ онъ вправѣ руководиться своимъ вкусомъ при выборѣ цвѣта или покроя своего платья; но въ то же время онъ такъ же мало вправѣ жить безъ исповѣданія какой-

Сильное распространеніе буддизма.

Безбожіе, названное имъ на практикѣ.

либо религіи, какъ онъ не вправѣ ходить нагиномъ. Китайцы даже не могутъ понять, какъ это можетъ возникнуть вражда изъ-за вопросовъ, которые кажутся имъ такими пустыми, сомнительными. Они живутъ, подчиняясь слѣдующей формулѣ: «религіи множество; разумъ одинъ; мы братья». Они улыбаются легковѣрному добродушному татару, которые вѣрятъ въ чудеса чудотворцевъ,—потому что у нихъ есть чудотворцы, которые совершаютъ самыя чудесныя исцѣленія, лижутъ раскаленное желѣзо, разрѣзываютъ себѣ желудокъ, открывая внутренности, и исцѣляютъ нанесенныя ими раны проведеніемъ по нимъ рукою, и даже могутъ воскрешать мертвыхъ. Въ Китаѣ эти чудеса, со всеми связанными съ ними доказательствами, перешли въ область шарлатанства и служатъ для забавы дѣтей. По сильно распространенной у нихъ поговоркѣ можно судить о степени индифферентизма и матеріализма народа и о вытекающей отсюда безнравственности. «Тюрьмы,—говорятъ они,—заперты днемъ и ночью, а между тѣмъ всегда полны; храмы всегда открыты, а между тѣмъ въ нихъ никого нѣтъ». О своихъ мертвецахъ они говорятъ съ утонченною вѣжливостью: «Онъ раскланялся съ міромъ». Лазаристъ Гюкъ, у котораго мы почерпнули многія изъ приведенныхъ нами данныхъ, свидѣтельствуетъ, что они умираютъ съ невыразимымъ спокойствіемъ, совершенно такъ, какъ животныя, и прибавляетъ съ горькимъ сарказмомъ, что они достигли того, къ чему стремятся многіе въ Европѣ.

Отъ теологіи Индіи я обращаюсь къ цивилизаціи Египта.

Древняя система изолированія, отличавшая политику Египта въ теченіе многихъ тысячелѣтій, была уничтожена Псамметихомъ около 670 г. до Р. Х. До этого времени жители этой страны были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ средиземными странами и съ Европою, и необыкновенно строгою системою изолиціи, превосходившею по своей суровости ту, которая до недавняго времени господствовала въ Китаѣ и Японіи. Подобно тому, какъ никакія извѣстія о жителяхъ счастливой долины въ Расселасѣ не доходили до внѣшняго міра, такъ и для европейцевъ долина Нила представляла область тайнъ и чудесъ. Въ промежутки цѣлыхъ столѣтій такія личности, какъ Кекропсъ и Данай, бѣжали въ другія страны, и окружили свою память благодарностью потомства за перенесеніе ими въ свои новыя мѣстожительства религіи, законовъ и другихъ учреждений цивилизаціи. Связанныя съ ними преданія только служили для умноженія смутныхъ легендъ, распространяемыхъ по всей Малой Азіи, въ Греціи, Италіи и Сициліи, относительно чудесъ, видѣнныхъ предприимчивыми пиратами во время посѣщенія ими чудесной долины: грандіозныя пирамиды, доходившія своими вершинами до небесъ и занимавшія нѣсколько акровъ земли, а между тѣмъ служившія надгробными памятниками только одного царя; колоссы, возсѣдающіе на гранитныхъ престолахъ,—изображенія фараоновъ, жившихъ чуть ли не въ началѣ міра и все еще молча взирающихъ на страну, которою они за тысячи лѣтъ до того управляли; нѣкоторые изъ этихъ колоссовъ, покорные солнцу, привѣтствуютъ его появленіе

Египетъ кажется Европѣ таинственною странною.

при первомъ прикосновеніи его лучей; обелиски непомерной высоты, высѣченные сверхчеловѣческимъ искусствомъ изъ простой глыбы камня и поднятые сверхчеловѣческою силою на свои вѣковѣчные пьедесталы, съ поверхностью ихъ, покрытою таинственными іероглифами, которые на языкъ, незнакомомъ для народа, рассказываютъ, кто и когда воздвигъ ихъ; храмы, массивныя колонны и низкія стѣны которыхъ поддерживаются безчисленными рядами статуй; аллеи изъ сфинксовъ, мрачныхъ и безмолвныхъ, черезъ которыя приближались къ портикамъ храмовъ; катакомбы, содержащія смертные останки безчисленныхъ поколѣній, при чемъ каждое тѣло, таинственно набальзамированное, ожидало будущей жизни; лабиринты изъ многихъ сотенъ комнатъ и сводовъ, изъ которыхъ не могъ никогда выбраться человѣкъ, вошедшій въ нихъ безъ ключа; онъ оставался заживо погребеннымъ среди безмолвія и однообразія этихъ безконечныхъ изворотовъ. Намъ трудно даже представить себѣ то благоговѣйное чувство, которое охватывало народы средиземныхъ областей при видѣ чудесной, древней и цивилизованной монархіи береговъ Нила. По выраженію Бунзена, «Египетъ представлялся грекамъ сфинксомъ съ разумнымъ человѣческимъ лицомъ».

Его изолированное положеніе, впрочемъ, отъ времени до времени нарушалось. Его исторія: древнее царство; гиксовъ; новое царство. послѣ истеченія періода въ 1076 лѣтъ и царствованія тридцати восьми царей, ознаменованнаго воздвиженіемъ самыхъ удивительныхъ построекъ, какія только производились когда-либо человѣческими руками, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., пирамиды, существуютъ и по настоящее время,—древнее царство, возникшее изъ соединенія верхнихъ и нижнихъ областей, было разрушено нашествіемъ гиксовъ, царей-пастуховъ, изъ племени азіатскихъ завоевателей. Открытие Суэзскаго канала. послѣдніе, въ свою очередь, властвовали болѣе чѣмъ пять столѣтій, когда возстаніе положило конецъ ихъ владычеству и дало начало новому царству; нѣкоторые изъ государей его, благодаря своимъ великимъ дѣламъ, до сихъ поръ сохранились въ памяти народа. Въ средній періодъ существованія этого новаго царства произошли тѣ событія ранней еврейской исторіи—посѣщеніе Авраама и возвышеніе Иосифа, о которыхъ повѣствуется съ такою простотою въ священномъ Писаніи. Новая имперія, съ разными колебаніями счастья, продолжала существовать до Псамметиха, который во время гражданской войны приобрѣлъ верховную власть съ помощью греческихъ наемниковъ, отказался отъ вѣковой политики Открытие египетскихъ портовъ. старыхъ династій и далъ первый большой толчокъ умственной жизни Европы открытіемъ египетскихъ портовъ и развѣшеніемъ доступа въ эту страну голубоглазымъ и рыжимъ варварамъ сѣвера.

Врядъ ли возможно преувеличивать вліяніе этого событія на прогрессъ Европы. Громадное расширеніе греческой торговли, влѣдствіе образованія сильнаго спроса на продукты эвксинскихъ и средиземныхъ странъ, составляло лишь самую ничтожную часть достигнутаго преимуществва. Благодаря этому Египетъ дѣ- Что же касается до самаго Египта,

то это привело къ полной перемѣнѣ въ его внѣшней и внутренней политикѣ. даются моремъ-государствомъ. Въ послѣдней употребленіе наемниковъ послужило причиною эмиграціи военной касты, а въ первой дѣла были доведены до такого положенія, что Египетъ могъ продолжать существовать только подъ условіемъ обращенія въ морскую державу. Его географическое положеніе представлялось замѣчательно удобнымъ для торговли; на востокъ его омывало Красное море, а на сѣверѣ Средиземное, влѣдствіе чего онъ являлся естественнымъ торговымъ складомъ между Азією и Европою, что доказывается, между прочимъ, процвѣтаніемъ Александріи въ болѣе позднія времена. Но для того, чтобъ Египетъ могъ превратиться въ морскую страну, существовало серьезное затрудненіе: въ немъ не росло дерева, годнаго для кораблестроенія; того, которое имѣлось, едва хватало на постройку домовъ и гробовъ. Древніе египтяне, подобно индусамъ, по религиознымъ причинамъ страшились моря, но ихъ изолированность зависѣла, быть можетъ, не въ малой степени отъ недостатка матеріаловъ, необходимыхъ для кораблестроенія. Влѣдствіе этого Египетъ вынужденъ былъ выступить на путь иноземныхъ завоеваній и захватить, во что бы то ни стало, поросшія дѣсами области Сиріи. Эта крайняя необходимость привела его къ столкновенію съ месопотамскими царями и къ цѣлому ряду вытекающихъ отсюда послѣдствій: къ осадѣ, разграбленію и плѣненію Иерусалима, столицы маленькаго государства, расположеннаго между воюющими державами и страдавшаго по очереди то отъ одной, то отъ другой изъ нихъ. Лучшее доказательство необходимости такой политики съ точки зрѣнія египетскихъ царей заключается въ томъ, что Псамметихъ продолжалъ осаду Азота въ теченіе двадцати девяти лѣтъ; что его сынъ Нехао Открытие Суэзскаго канала. открылъ вновь каналъ между Ниломъ при Бубастѣ и Краснымъ моремъ при Суэзѣ,—каналъ былъ настолько широкъ, что черезъ него могли плыть рядомъ два корабля,—и въ виду сопротивленія, оказаннаго въ этомъ отношеніи жрецами, опасавшимися, чтобъ открытіе канала не ослабило страны въ стратегическомъ отношеніи, сдѣлать попытку объѣхать вокругъ Африки и довелъ эту попытку до конца. Въ тѣ времена такого рода экспедиціи никогда не предпринимались изъ-за одного только любопытства. Хотя этотъ монархъ отправилъ также изслѣдователей для изученія источниковъ Нила и опредѣленія причинъ его разливовъ, но онъ сдѣлать это, несомнѣнно, съ цѣлью воспользоваться полученными свѣдѣніями для разнаго рода матеріальныхъ или экономическихъ соображеній. Влѣдствіе этого можно предположить, что и плаваніе вокругъ Африки было предпринято имъ въ виду предпо- Плаваніе вокругъ Африки. лагаемой или уже испытанной неудачи съ открытіемъ канала; потому что большіе флоты, построенные Нехао и его отцомъ, не могли доставлять выгоды до тѣхъ поръ, пока ихъ нельзя было переводить изъ одного моря въ другое или путемъ круговаго плаванія, или черезъ каналъ. Такъ какъ на круговое плаваніе потребовался слишкомъ большой срокъ—три года, то этотъ способъ передвиженія оказался неудобнымъ. Но испытанная такимъ обра-

зомъ неудача не только не должна унижать въ нашихъ глазахъ царей, выказавшихъ такую широту замысловъ и такую энергію въ приведеніи ихъ въ исполненіе, а должна, напротивъ, возвысить ихъ въ нашемъ мнѣніи. Они вновь начали проводить политику Рамзеса II, который много столѣтій тому назадъ владѣлъ лѣсными областями и инженеры котораго прорѣзали впервые каналъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, хотя эта работа стоила 120000 человѣческихъ жизней и безчисленное количество денегъ. Каналь Рамзеса, который былъ занесенъ пескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, былъ снова очищенъ отъ песка,—что повторилось опять въ царствованіе Птолемеевъ и во времена калифовъ,—и суда начали ходить изъ одного моря въ другое. Персы, въ царствованіе Гистаспа, также или поправили его, или, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, сдѣлали новую попытку построить каналъ въ томъ же родѣ; но искусство ихъ инженеровъ оказалось недостаточнымъ для такого грандіознаго предпріятія, и они принуждены были отказаться отъ него, послѣ того, какъ довели постройку до горькихъ озеръ,—здѣсь они нашли, что соленая вода, при продолженіи работы, проникнетъ въ Дельту. Устье канала Рамзеса въ Суэзѣ было защищено цѣлою системою гидравлическихъ сооружений, для устранения затрудненій, которыя могли возникнуть вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій въ уровнѣ воды. Только французскому инженеру Лессепсу въ XIX ст. удалось построить прямой каналъ изъ Средиземнаго моря въ Красное—подвигъ, который фараоны и Птоломеи считали невозможнымъ.

Египетская политика, продолжаемая фараономъ Гофра, которому удалось покорить Сидонъ, привела къ враждебнымъ столкновениямъ съ вавилонскими царями, зоркими очами слѣдившими за тѣмъ, что происходило въ Египтѣ. Результатомъ этого столкновения было вытѣсненіе египтянъ изъ Сиріи и захватъ нижней области Навуходоносоромъ, который также отометилъ царю Седекію за поддержку, оказанную Иерусалимомъ африканцамъ: городъ былъ сравненъ съ землею, царю выкололи глаза, а народъ увели въ плѣнъ въ Вавилонъ, въ 568 г. до Р. X. Разительный примѣръ того, какимъ образомъ національная политика держится неизмѣнно одного и того же направленія, несмотря на перемѣну династій, составляетъ слѣдующій фактъ: послѣ разрушенія Вавилона мидянами и перехода власти въ руки персовъ, политика владычества надъ Средиземнымъ моремъ ни на минуту не выпускалась изъ виду, а постоянно дѣлались попытки расширить его въ западномъ направленіи, какъ вдоль южнаго, такъ и вдоль сѣвернаго берега. Послѣдующая исторія Рима показала, къ чему могло привести неограниченное владычество на Средиземномъ морѣ великой морской державы. Вслѣдствіе возмущенія Египта, Камбизъ, персидскій царь, до такой степени сокрушилъ и опустошилъ его, что съ этого времени по настоящее, по прошествіи двадцати четырехъ столѣтій, страна эта все еще не можетъ вернуть утраченную независимость. Движеніе персовъ къ южному берегу, къ Кароагену, потерпѣло неудачу вслѣдствіе

Исторія Великаго канала.

Набѣги азіатовъ на южное берега Средиземнаго моря.

Египетъ покоренъ Камбизомъ.

того, что финикіяне отказали имъ въ своей помощи противъ этого города. Нужно замѣтить, что опустошеніе Египта Камбизомъ было современно развитію философіи въ южныхъ итальянскихъ городахъ—нѣсколько болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. X.

Среди событій, случившихся во время борьбы между египетскими и вавилонскими государями, есть одно, заслуживающее особеннаго вниманія, въ виду значенія, которое оно имѣло для европейской исторіи. Это взятіе Тира Навуходоносоромъ. Паденіе Тира. Пока этотъ городъ владычествовалъ на Средиземномъ морѣ, греки не были въ состояніи развить свои морскія силы. Сила Тира доказывается сопротивленіемъ, которое онъ оказывалъ вавилонской монархіи въ теченіе тринадцати лѣтъ, «пока всѣ головы не сдѣлались лысыми и кожа не сошла со всѣхъ плечъ». Но, наконецъ, городъ былъ взятъ и разрушенъ до тла. Мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, было оголено такъ, какъ вершина скалы, на которой рыбаки раскидываютъ свои сѣти. Ударъ, нанесенный центру тирской торговли, отразился повсюду. «Морскіе острова дрогнули отъ его паденія». Въ это именно время греки выступили на сцену въ качествѣ великой морской средиземной державы. Жители же Новаго Тира никогда больше не вернули утраченнаго могущества. Ихъ несчастья доставили имъ счастливаго соперника. Постройка вновь города на прибрежномъ островѣ не повела къ возстановленію ихъ владычества. Черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, слѣдуя указаніямъ политики, которую Греція инстинктивно признавала національною, Александръ, во время своего похода въ Азію, осадилъ новый городъ и, послѣ почти нечеловѣческихъ усилій, захватилъ его помощью плотины, проведенной къ нему со стороны материка. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, стеръ городъ съ лица земли; безчисленное количество людей было умерщвлено, двѣ тысячи распяты, и вліяніе Тира исчезло навсегда.

Въ первобытной исторіи Греціи существуютъ, слѣдовательно, два руководящія внѣшнія событія: 1) открытіе египетскихъ портовъ въ 670 г. до Р. X., 2) паденіе Старога Тира въ 573 г. Первое событіе оказало главнымъ образомъ умственное дѣйствіе, а второе положило начало торговому процвѣтанію Греціи и придало новую жизнь Аѳинамъ.

Слѣдовательно, на разсвѣтѣ европейской цивилизаціи, Египетъ переживалъ процессъ упадка и оказывался все менѣе и менѣе способнымъ противиться внутреннимъ причинамъ разрушенія или попыткамъ азіатскаго соперника, который, наконецъ, довелъ его до гибели. При первомъ своемъ появленіи на исторической аренѣ, нильская страна уже оказывается убѣленной сѣдинами. Прекрасныя описанія, которыя даетъ намъ священное Писаніе о путешествіи Авраама и Сарры во время голода, жизнь Иосифа, исходъ израильянъ,—всѣ эти событія указываютъ на давно установленную систему, на спокойное и благоденственное состояніе страны. Нужны ли намъ доказательства относительно степени искусства, достигнутой египтянами во время постройки ими первыхъ ихъ памятниковъ? Искусство каменщиковъ, построившихъ

Внѣшнія событія, оказавшія вліяніе на исторію Греціи.

Древность цивилизаціи и искусства въ Египтѣ.

Великую пирамиду за три тысячи четыреста лѣтъ до Р. Х., не было никогда превзойдено. Планъ этого чуда свѣта былъ выработанъ съ такою тщательностью и такъ хорошо выполненъ, что даже и въ настоящее время можно опредѣлить измѣненіе компаса по положенію его сторонъ. А между тѣмъ во время путешествія Якова въ Египетъ пирамида эта насчитывала уже столько же вѣковъ своего существованія, сколько ихъ протекло отъ времени Р. Х. по наши дни. Если мы перейдемъ отъ памятниковъ къ ихъ надписямъ, то увидимъ въ нихъ новыя доказательства древности. Иероглифическое письмо перешло черезъ всѣ стадіи развитія; начала его были выработаны и установлены задолго до того, какъ оно стало намъ извѣстно; десятичная и дуодецимальная системы счисления были уже въ употребленіи; искусства, необходимыя для гидравлическихъ сооружений, для массивной архитектуры и для межеванія, мало въ чемъ усовершенствовались съ тѣхъ поръ. И въ самомъ дѣлѣ, не будетъ особеннымъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что въ практическомъ отношеніи мы почти такъ же близки къ первобытнымъ египетскимъ вѣкамъ, какъ и самъ Геродотъ. Египетскіе жрецы были правы, когда говорили древнимъ греческимъ философамъ: «Вы, греки, совершенныя дѣти, болтливыя и пустыя; вы ничего не знаете о прошломъ».

Слѣды доисторической жизни Египта, предшествовавшей по-
Доисторическая жизнь въ Египтѣ. доисторической строительствъ ихъ памятниковъ, сохранились въ остаткахъ его языка и въ хорошо извѣстныхъ началахъ его религіи. Относительно перваго можно сказать, что многія изъ его словъ принадлежать индо-германскому корню—доказательство того, что въ ранній періодъ страна была отнята у туземныхъ обитателей пришлыми изъ Азіи завоевателями; это предположеніе подтверждается замѣчательными началами египетской религіи. Племена Средней Азіи въ ранніе періоды развитія достигли высокой психической ступени монотеизма. Африка только теперь выходитъ изъ состоянія грубаго фетишизма; негрятинскіе жрецы все еще колдуютъ и заклинатели дождей. Египетская религія, какъ извѣстно, доставляла простому, невѣжественному народу подходящія для него понятія идолопоклонства, но для лицъ, освободившихся отъ суевѣрій, она давала истинныя и даже благородныя представленія. Совмѣстное существованіе такихъ видимыхъ противорѣчій въ одной и той же вѣрѣ кажется несомнѣннымъ и можетъ быть объяснено только сліяніемъ воедино двухъ различныхъ системъ, подобно тому, которое происходило много лѣтъ спустя при Птоломѣѣ Сотерѣ.

Послѣ критическаго изслѣдованія, которому современные ученые подвергли памятники Египта, мы получили болѣе точное понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ этою странюю въ исторіи. Ученые хвалятся, что недалеко то время, когда прочесть страницу иероглифовъ будетъ такъ же легко, какъ перевести страницу съ греческаго или латинскаго. Даже теперь какъ много свѣта пролито на всѣ отрасли древней литературы, науки, мѣлологіи, домашней жизни изслѣдованіями, которыя, такъ сказать, начались только со вчерашняго дня! Изъ Египта, какъ видно теперь, пере-

или въ Европу прототипы греческихъ архитектурныхъ орденовъ, даже ихъ орнаментика и условные рисунки; отсюда же были получены образцы этрусскихъ и греческихъ вазъ; отсюда были привезены и многія до-гомеровскія легенды—обвиненіе умершихъ, судъ передъ судьями ада; награда и наказаніе всѣхъ людей, начинающая отъ фараона, сошедшаго съ престола, и кончая поспѣднимъ рабомъ, избавившимся отъ своихъ цѣпей; собака Церберъ, рѣка Стиксъ, озеро забвенія, монета, Харонъ и его лодка, поля Аалу и Елпсейскія и острова блаженныхъ; отсюда перенесли въ Европу служеніе по умершимъ, молитвы къ солнцу, разрисованныя или раскрашенные служебники, а также догматъ о царствѣ неба. Какая другая страна могла представить такія красивыя и величественныя зданія, воздвигнутыя въ честь боговъ: храмы съ аллеями сфинксовъ; массивныя порталы, украшенные спереди обелисками, отъ которыхъ не отказались бы императорскій Римъ и современный Парижъ; ряды колоннъ съ награвированными на нихъ изображеніями царей и боговъ? На стѣнахъ гробницъ все еще фигурируетъ Фта, творецъ, и Нефъ, божественный духъ, сидящій у гончарнаго станка и приготовляющій глину, готовясь лѣпить изъ нея людей; Аторъ, принимающій въ свои объятія заходящее солнце, и Озирисъ, судья мертвыхъ. Гранитныя статуи пережили боговъ!

Кромѣ того, иероглифы доказываютъ, что среди этого народа возникли первыя попытки увѣковѣчить идеи и передать иероглифы. ихъ помощью письма. Хотя это было вначалѣ чисто образное письмо, подобное тому, которое существуетъ у мексиканцевъ, тѣмъ не менѣе оно, до нашего перваго знакомства съ нимъ, успѣло испытать двойкаго рода развитіе, идеографическое и фонетическое: первое выражаетъ идеи, второе звуки. При македонскихъ царяхъ иероглифы употреблялись только для религіозныхъ цѣлей, а это окончательно доказываетъ, что древнее жреческое сословіе никакъ не могло оправиться послѣ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ ему Камбизомъ и Охомъ. Съ этого времени ихъ начали все болѣе забывать. Говорятъ, что одинъ римскій императоръ назначилъ награду тому, кто переведетъ надписи на одномъ изъ обелисковъ. Для первыхъ христіанъ иероглифы представлялись чѣмъ-то чудовищнымъ; ихъ считали остатками язычества, внушеніемъ діавола. И вотъ христіане повсюду, гдѣ могли, уничтожали эти надписи, но во многихъ случаяхъ сохранили ихъ для потомства, заштукатуривъ иероглифы, чтобы скрыть всякіе слѣды ихъ.

Эти загадочныя знаки заключаютъ въ себѣ цѣлую обширную литературу; знаменитая книга Гермеса составляютъ, быть можетъ, извращеніе или остатокъ ея; эта литература обнимала сочиненія по музыкѣ, астрономіи, космогоніи, географіи, медицинѣ, анатоміи, химіи, магіи и по многимъ другимъ предметамъ, возбуждавшимъ любопытство людей. Но по поводу этихъ письменъ существовало множество самыхъ странныхъ противорѣчій вплоть до настоящаго времени. Такъ, въ 1802 г. Палинъ воображалъ, что папирусы заключаютъ въ себѣ псалмы Давида, переведенные на китайскій языкъ, а Ленуаръ предполагалъ, что это—еврейскіе памятники; утверждали,

что надписи на храмъ Дендера заключаютъ въ себѣ 100-й псаломъ—забавная выдумка духовенства, напоминающая тому, кто видѣлъ въ египетскихъ музеяхъ древнія издѣлія изъ мѣди и стекла, рассказы, передаваемые изъ устъ въ уста относительно происхожденія мѣди и стекла; мѣдь была впервые открыта яко бы во время пожара Коринѳа, а стекло было открыто потерпѣвшими кораблекрушеніе моряками, которые подперли свой кипящій котелъ кусками селитры.

Прошли тысячелѣтія со времени основанія первой египетской династии. Пирамиды видѣли старое царство, царей гиксовъ, новое царство, персовъ, македонянъ, римлянъ, магометанъ. Онѣ продолжали стоять непоколебимо, между тѣмъ какъ сами небеса мѣнялись. Имъ было «уже пятьсотъ лѣтъ, когда Южный Крестъ исчезъ съ горизонта прибалтійскихъ странъ». Полярная звѣзда — новый приплещъ для нихъ. Говоря объ этомъ, Гумбольдтъ замѣчаетъ, «что прошлое кажется ближе къ намъ, когда мы разсматриваемъ его въ сравненіи съ великими и достопамятными событіями». Ни одна страна не представляетъ такого глубокаго разнообразія въ исторіи, какъ эта родина европейской цивилизации. Сквозь мракъ пятидесяти столѣтій намъ трудно различать побудительныя причины людей, но сквозь гораздо большіе періоды времени мы можемъ изслѣдовать условія природы. Если націи, въ одномъ смыслѣ этого слова, зависятъ отъ первыхъ, то въ болѣе высокомъ смыслѣ онѣ зависятъ отъ вторыхъ. Не безъ причины

египтяне стали во главѣ европейской цивилизации. Географическій строй ихъ страны, положеніе ея даже лучше ихъ древнихъ памятниковъ указываютъ намъ условія, среди которыхъ жилъ египетскій народъ. Природа лучшій руководитель, чѣмъ слѣды человѣка, творенія котораго преходящи. Видъ Египта постоянно мѣнялся; устройство его ни разу не мѣнялось съ того времени, какъ въ немъ стали жить люди. Поля исчезли, но земля осталась.

Почему цивилизація зародилась именно на берегахъ Нила, а не на берегахъ Дуная или Миссисипи? Цивилизація зависитъ отъ климата и земледѣлія. Въ Египтѣ жатва можетъ быть предсказана и заранѣе распредѣлена. Мало есть странъ на земномъ шарѣ, о которыхъ возможно сказать то же. Во многихъ странахъ посѣвъ не можетъ рассчитывать на успѣшные результаты. Метеорологическія колебанія, отъ времени посѣва до времени жатвы, такъ многочисленны и такъ велики, что ничье предвидѣніе не въ силахъ предсказать размѣръ годового дохода. Жатва можетъ быть совершенно уничтожена продолжительною засухой или слишкомъ обильными дождями. При этомъ недостаточно еще, чтобы выпало съ неба опредѣленное количество дождя; надо еще, чтобы онъ падалъ въ опредѣленные періоды времени. Трудъ фермера находится въ зависимости отъ вѣтровъ и облаковъ.

При такихъ обстоятельствахъ трудно было основать цивилизованное государство. Пока жизнь не обезпечена, пока вчерашняя надежда уничтожается дѣйствительностью настоящаго, человѣкъ

ищетъ способовъ вернуться отъ угрожающей ему опасности, а не законовъ. Заботясь о своей предстоящей судьбѣ, онъ не имѣетъ ни времени, ни желанія поднять глаза къ небесамъ, для наблюденія за небесными явленіями и для записыванія ихъ, — не имѣетъ досуга, чтобы слѣдить за собою и рѣшить, что онъ изъ себя представляетъ и гдѣ онъ. Въ виду постоянныхъ размышленій о томъ, какъ бы доставить себѣ необходимое для удовлетворенія насущныхъ потребностей настоящаго, онъ не смѣетъ дѣлать попытокъ улучшить свое состояніе, а осужденъ влачить постоянно жизнь безпомощнаго, изолированнаго, какъ бы заколдованнаго дикаря, живущаго если не въ уединеніи, то въ сообществѣ съ такими же истощенными заботами дикарями, какъ и онъ самъ. Но даже при такихъ обстоятельствахъ, какъ только первые проблески цивилизаціи передаются ему, тѣ самыя вещи, которыя до сихъ поръ угнетали его, дѣйствуютъ на него совершенно противоположнымъ образомъ. вмѣсто того, чтобы ввергать его въ апатію и заставлять искать уединенія, превратности, которымъ онъ подвергается, заставляютъ его теперь идти впередъ; такимъ образомъ, хотя цивилизація Европы зависѣла вначалѣ отъ однообразія и устойчивости африканскаго климата, но побѣды человѣка надъ природою, обозначающія собою болѣе высокую ступень развитія, были одержаны имъ въ болѣе умѣренномъ поясѣ, гдѣ жизнь отличается болѣе большимъ разнообразіемъ и болѣею измѣнчивостію.

Есть страна, въ которой человѣкъ не служитъ игрушкой временъ года, въ которой онъ не долженъ съ тревогою думать о своемъ будущемъ благосостояніи, — страна, въ которой солнечное сіяніе и теплота мало въ чемъ мѣняются изъ года въ годъ. Въ Оивайдѣ сильный дождь—чудо. Но въ то время, когда созвѣздіе Пса подымается вмѣстѣ съ солнцемъ, рѣка начинаетъ мало по малу наполняться водою; наводненіе, спокойно, тихо подвигаясь впередъ, покрываетъ страну, въ одно и то же время распространяя въ ней влагу и обогащая ее своимъ иломъ. Если нилометръ указываетъ, что вода поднялась на восемь локтей, жатва будетъ скудная; но если она достигаетъ четырнадцати локтей, жатва будетъ обильною. Весною даннаго года обитатели страны знаютъ, какова будетъ жатва осенью. Земледѣліе въ Египтѣ вполнѣ обезпечено,—и здѣсь-то человѣкъ впервые сдѣлался цивилизованнымъ. Кромѣ того, финиковое дерево доставляетъ человѣку въ Африкѣ пищу почти безъ всякихъ расходовъ. Климатъ обуславливаетъ въ значительной степени необходимость употреблять исключительно растительную пищу, а на одежду приходится тратить очень мало.

Въ Америкѣ имѣется также страна, которая представляетъ полное сходство съ Египтомъ въ отношеніи дождей,— это Перу, берегъ котораго также рѣдко омывается дождемъ. Перу представляетъ по цивилизаціи Египетъ западнаго материка. Но есть еще другая бездождная страна на берегу Тихаго океана—это Мексика. Громадное значеніе въ исторіи человѣческаго прогресса представляетъ то обстоятельство, что цивилизація повсюду возникала впервые въ бездождныхъ странахъ.

Въ верхнемъ Египтѣ, этой колыбели цивилизаціи, вліяніе атмосферной воды почти совершенно ступевалось, потому что, съ земледѣльской точки зрѣнія, страна совершенно бездождна. Этимъ устраняется разнообразіе метеорологическихъ условій. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ прорывается черезъ горный проходъ при Асеуанѣ, замѣчено, что воды его начинаютъ подыматься къ концу мая мѣсяца, а черезъ восемь или девять недѣль наводненіе достигаетъ крайней степени. Этотъ разливъ рѣки объясняется большими дождями, которые льются въ гористыхъ областяхъ, гдѣ Нилъ беретъ свое начало, и наносятся пассатными вѣтрами, дующими безъ перерыва на всемъ пространствѣ Тихаго океана, по временамъ лишь мѣняя свое направленіе благодаря дѣйствию муссоновъ. Осушенный такимъ образомъ, восточный вѣтеръ продолжаетъ свое торжественное шествіе по пустынямъ центральной Африки, безоблачный и бездождный вѣтеръ, каждый шагъ котораго запечатлѣвается опустошеніемъ и пустынями. Сначала рѣка краснѣетъ, а затѣмъ дѣлается зеленою, потому что раньше всего прибываютъ волны ея великой абиссинской вѣтви, Голубого Нила; но вскорѣ послѣ того появляются и волны Бѣлаго Нила, оставляя на мѣстѣ своего теченія не только воду, но и богатый, плодородный ил. Благодаря наносу этого прочнаго матеріала, рѣка въ теченіе безчисленныхъ лѣтъ возвышала собственное дно и окружала себя слоями наносной земли съ обѣихъ своихъ сторонъ, понижаящихся по направленію къ пустынѣ. По этой причинѣ наводненіе появляется вначалѣ на границахъ съ пустынею, и по мѣрѣ усиленія его вся страна мало по малу покрывается водою. Въ срединѣ сентября вода начинаетъ спадать, къ концу сентября рѣка возвращается въ свои обычныя границы. Поля остаются покрытыми плодороднымъ иломъ, максимальное количество котораго равняется шести доймамъ въ сто лѣтъ. Ученые вычисляютъ, что ложе рѣки возвышается на четыре фута въ тысячу лѣтъ и что плодородная земля во всю свою ширину все болѣе и болѣе захватываетъ пустыню. Со времени царствованія Аменофиса III она увеличилась на одну треть. Онъ жилъ въ 1430 г. до Р. X. Вокругъ пьедестала его колосса нагромоздилось, такимъ образомъ, семь футовъ илу.

Во время недавнихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ, по приказу египетскаго вице-короля, около упавшей статуи Рамзеса II въ Мемфисѣ, царствовавшего, согласно Лепсіусу, отъ 1394 г. до Р. X. до 1328, найдено было копые на глубинѣ 24 ф. Такъ какъ во время работъ просочилась вода, то пришлось прибѣгнуть къ сверленію, которое было продолжено до тѣхъ поръ, пока не была достигнута глубина 41 ф. 4 1/2 д. Все изслѣдованное мѣсто состояло изъ наносовъ Нила, изъ попеременныхъ слоевъ глины и песку, повсюду одинаковаго состава. Изъ самой болѣе глубины былъ вытасченъ обломокъ глиняной посуды. Десяносто пять такихъ буравленій было произведено въ различныхъ мѣстахъ, но нигдѣ не дошли до твердой почвы. Органическіе остатки были все недавняго происхожденія; не было найдено нигдѣ и стѣда ископае-

Наводненія
Нила.

Постепенное
поднятіе всей
страны.

Геологическій
возрастъ
Египта.

мыхъ животныхъ, но за то нашли много остатковъ пережженныхъ кирпичей и глиняной посуды. Французы, изслѣдовавшіе почву отъ Асеуана до Каира, предполагаютъ, что въ теченіе каждаго столѣтія отлагается на 5 дюймовъ илу. Горнеръ, изслѣдовавшій почву около Гелиополиса, опредѣляетъ наслоеніе это въ 3, 18 д. Колосъ Рамзеса II окруженъ наслоеніемъ приблизительно въ 9 ф. 4 д. толщины. Онъ былъ воздвигнутъ приблизительно 3215 лѣтъ тому назадъ, что даетъ около 3 1/2 дюймовъ въ столѣтіе. Но подъ нимъ такіе же наслоенія продолжаютъ до глубины 30 ф., что, при такомъ же масштабѣ, даетъ промежутокъ времени въ 13500 лѣтъ до 1854 г. по Р. X., когда было сдѣлано это вычисленіе. Повидимому приняты были все предосторожности для полученія точныхъ выводовъ.

Пространство земли, охватываемое наводненіями Нила, незначительно съ географической точки зрѣнія; тѣмъ не менѣе оно въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ, образовало Египетъ. Начинаясь у Асеуанскаго водопада, у священнаго острова Филы, на которомъ и до сегодняшняго дня растутъ мѣстами уединенныя пальмы, Египетъ простирается до Средиземнаго моря, отъ 24°3' с. ш. до 31°37' с. ш. Рѣка протекаетъ по долинѣ, окруженной съ одной стороны восточною, а съ другой ливійскою гѣбью горъ; средняя ширина долины приблизительно семь миль, при чемъ пахатная земля занимаетъ среднимъ числомъ не болѣе пяти съ половиною миль. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ она равняется 10 3/4 миль, въ самомъ узкомъ—2 м. Вся поверхность орошаемой и удобной земли въ Дельтѣ равняется 4500 кв. м.; пахатная земля Египта—2255 кв. м., а въ Фіумѣ всего 340 кв. м.,—пространство, совершенно незначительное сравнительно съ тѣми семью милліонами народа, которые оно прокармливаетъ.

Здѣсь земледѣліе достигло почти математической точности. Неожиданности, возникающія влѣдствіе атмосферическихъ вліяній, были совершенно устранены, а колебанія, зависящія отъ большаго или меньшаго количества наводненія, заранѣе опредѣлены. Жрецы провозглашали, до какой высоты поднялась вода на нилометрѣ, а земледѣлецъ дѣлалъ зависящія отъ него приготовленія къ скудной или обильной жатвѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ приходилось, очевидно, улучшать естественныя условія помощью искусственныхъ средствъ, какъ, напр., помощью устройства плотинъ, каналовъ, шлюзовъ и другихъ гидравлическихъ сооружений; мысль о такого рода постройкахъ возникала неизбежно въ виду того, что въ одномъ мѣстѣ воду приходилось удерживать дольше, въ другомъ надо было спускать ея излишекъ, а въ третьемъ вводить ее въ болѣе большомъ количествѣ.

Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ являлось установленіе сильнаго правительства, завѣдывающаго земледѣліемъ государства,—оно предпринимало и поддерживало эти искусственныя улучшенія и получало, въ свою очередь, для поддержки своего существованія налогъ, который уплачивался добровольно въ размѣрѣ, соответствующемъ количеству воды, доставляемой рѣкою каждому

Правительство
завѣдуетъ зем-
ледѣліемъ.

данному помѣстью. Такова была основная политическая система страны. Первый царь древней монархіи предпринялъ отвести рѣку въ новый каналъ, выкопанный имъ для этой цѣли,—задача, требовавшая, повидимому, весьма искусныхъ инженеровъ и доведенная имъ благополучно до конца. Прошло болѣе пяти тысячъ лѣтъ со времени смерти Менеса. Искусство и знаніе должны были развиваться въ теченіе многихъ столѣтій, чтобы доставить возможность задаться мыслью о такомъ предпріятіи.

Я не буду пускаться въ фантастическія описанія того, какъ возрастала при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ сила человѣческаго ума и какъ зараждалась цивилизація. Жители нильской долины жили въ полной безопасности, защищаемые съ запада жгучею песчаною пустынею, съ востока Чернымъ моремъ. Я такъ же точно буду молчать и о той отдаленной геологической эпохѣ, когда новообразованная рѣка катила свои воды по скалистой и песчаной пустынѣ, на своемъ пути къ Средиземному морю, и о томъ, какъ мало по малу, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, она оставляла свой плодородный илъ, обращая пустынные берега въ плодородные помощью богатой почвы, нанесенной ею съ тропическихъ горъ. А между тѣмъ именно такимъ медленнымъ образомъ Египетъ обратился въ обитаемую страну; такимъ-то постепеннымъ образомъ сдѣлался онъ пригоднымъ жилищемъ для человѣка. Пульсъ его животворной артерии дѣлаетъ только одинъ ударъ въ годъ; что значитъ при такомъ процессѣ промежутокъ времени въ нѣсколько сотъ вѣковъ?

Египтяне въ ранній періодъ времени замѣтили, что разливъ Нила совпадаетъ съ гелиакическимъ восхожденіемъ Сириуса, звѣзды изъ созвѣздія Пса, и поэтому начали, понятно, приписывать наводненіе дѣйствию небесныхъ тѣлъ. Люди часто принимаютъ совпаденія за причины; поэтому появленіе этой звѣзды на горизонтѣ при восхожденіи солнца начало считаться не только сигналомъ, но и причиною наводненій. Въ виду этого всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чтобы звѣзда заняла требуемое положеніе; вскорѣ было замѣчено, что ея появленіе повторяется черезъ правильные промежутки времени, приблизительно черезъ каждые 360 дней. Это было первое опредѣленіе продолжительности года. Достоинно замѣчанія, какъ доказательство связи, существующей между астрономіею и религіозными обрядами, что жрецы таинственного храма въ Филахъ ставили каждое утро передъ могилою Озириса 360 кувшиновъ молока, изъ которыхъ каждый представлялъ собою данный день въ году; отсюда видно, что происхожденіе этого обряда относится, повидимому, къ отдаленному времени, когда продолжительность года опредѣлялась въ 360 дней. Несомнѣнно, что такого рода обстоятельства заставили египтянъ усвоить себѣ историческія привычки и заниматься исторіею. Въ этомъ отношеніи они представляютъ большую разницу съ индусами, которые никогда ничего не записывали.

Звѣзда Сириусъ изъ созвѣздія Пса — самая блестящая на всемъ небесномъ сводѣ; наводненіе для египтянъ было самымъ

Топографическія измѣненія, произведенныя Ниломъ.

Наводненія производятъ изъ наученію астрономіи.

важнымъ событіемъ на землѣ. Принимая совпаденіе за ^{Философія звѣздопоклонства.} причину, они пришли къ убѣжденію, что когда эта блестящая звѣзда подымается утромъ въ лучахъ солнца и начинаетъ оказывать присущую ей силу, то рѣка, подчиняясь ея вліянію, приводится въ движеніе этой силою и начинаетъ разливаться. Такого рода ложный выводъ вскорѣ привелъ къ установленію общаго ученія: если одна звѣзда могла такимъ путемъ оказывать непосредственное вліяніе на ходъ земныхъ событий, то почему же такого вліянія не могла оказывать и другая звѣзда, почему же такого вліянія не могли оказывать и всѣ звѣзды? Кромѣ того, нельзя было не замѣтить, что ежедневные приливы и отливы Краснаго моря связаны съ движеніями и положеніемъ солнца и луны,—слѣдуя за этими свѣтилами въ ихъ ходѣ по небу и сообразуясь съ ихъ относительнымъ положеніемъ на небѣ, отъ котораго зависѣла бѣльшая или меньшая высота прилива и отлива. И вотъ необходимымъ послѣдствіемъ такого взгляда является признаніе астрологическаго вліянія небесныхъ тѣлъ сначала на все, что касается неодушевленной природы, а затѣмъ на судьбу и счастье людей. Только тогда, когда человѣкъ убѣждается въ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ небесными тѣлами, онъ начинаетъ чувствовать необходимость посредника между собою и ими, и звѣздопоклонство вступаетъ во вторую фазу развитія.

Въ какую часть свѣта могъ бы отправиться египтянинъ такъ, чтобы не видѣть на небесахъ однихъ и тѣхъ же созвѣздій? Далеко за берегами Нила, въ западныхъ пустыняхъ, въ Сиріи, въ Аравіи, звѣзды однѣ и тѣ же. Онѣ всецѣлу; мы можемъ терять изъ виду земные предметы, но не небесные. Роковая точность, отличающая ихъ всегда опредѣленные движенія, ихъ торжественное безмолвіе, ихъ непостижимыя разстоянія должны убѣдить наблюдателя, что онѣ недоступны человѣческой власти, хотя, быть можетъ, доступны человѣческой молитвѣ.

Звѣздопоклонство имѣло оправданіе и само въ себѣ. Египетская теологическая система въ самую высшую пору своего развитія соединяла поклоненіе небеснымъ тѣламъ — солнцу, ^{Начала египетской теологіи.} Венерѣ и т. д. — съ обожествленными атрибутами Бога. Великія и почтенныя божества, какъ, напр., Озирисъ, Фта, Аммонъ, являлись олицетвореніями такого рода атрибутовъ, подобно тому, какъ мы говоримъ о Создателѣ, о Всемогущемъ. Признавалось, что Богъ не только не сходилъ никогда на землю въ человѣческомъ образѣ, но что это было абсолютно невозможно для него, въ виду того, что онъ былъ одухотворяющимъ началомъ вселенной и что видимая природа являлась только обнаруженіемъ его.

Эти олицетворенныя атрибуты распредѣлялись въ различныхъ троицахъ, при чемъ третій членъ каждой изъ нихъ про- ^{Богъ, троица и ихъ лица.} истекалъ изъ двухъ предыдущихъ,—ученіе это и выраженія его представляютъ громадный интересъ для всякаго, изучающаго постепенное развитіе сравнительной теологіи въ Европѣ. Такъ, отъ Аммона и Мауты исходитъ Консо, отъ Озириса черезъ Изиду — Гору, отъ Нефа черезъ Сате — Ануке. Въ то время, какъ считалось

беззаконіемъ представлять Бога иначе, какъ посредствомъ его атрибутовъ, эти троицы и лица доставляли простому народу достаточно матеріала для идолопоклонства. Допускалось, что въ былое время происходили земныя воплощенія этихъ божественныхъ атрибутовъ, для спасенія людей. Такъ, Озирисъ принималъ плоть: онъ палъ жертвою злого начала и послѣ своей смерти и воскресенія былъ назначенъ судьей мертвыхъ. Въ качествѣ главы запада или области заходящихъ звѣздъ, онъ обитаетъ въ подземномъ мірѣ, черезъ который солнце проходитъ ночью.

Египетскіе жрецы утверждали, что ничто не уничтожается: умереть значитъ только принять новую форму. Геродотъ говоритъ, что они первые открыли безсмертіе души: они признавали душу истеченіемъ изъ всемірной души или частицею послѣдней, которая въ большей или меньшей степени воодушевляетъ всѣхъ животныхъ, всѣ растенія и проникаетъ даже неорганическіе предметы. Ученіе египтянъ о земныхъ воплощеніяхъ заставляло ихъ признавать и паденіе человѣка: признаніе этого паденія было необходимо, казалось, для полученія логическаго аргумента въ оправданіе такихъ великихъ чудесъ. Для спасенія преступной души египетскіе жрецы предписывали въ этой жизни посты и покаяніе, а въ будущемъ—переселеніе души въ животныхъ, для очищенія. Послѣ смерти, достоинства души опредѣлялись формальнымъ судомъ передъ Озирисомъ, въ области тѣней, Аменти или подземномъ мірѣ, въ присутствіи четырехъ геніевъ и сорока двухъ судей. На этотъ судъ тѣнь приводилъ Горъ, мимо Цербера, гиппопотама, стерегущаго входъ въ ворота. Она должна была стоять молча при томъ, какъ Анубисъ взвѣшивалъ сердце на вѣсахъ правосудія. Если добрыя дѣла судимаго преобладали, то его отпускали въ поля Аалу—въ Елисейскія поля; если же преобладаніе оказывалось на сторонѣ дурныхъ, то его осуждали на переселеніе.

Но чтобы это ученіе о судѣ въ загробномъ мірѣ не обратилось въ пустую легенду, оно было подкрѣплено подготовительнымъ къ нему испытаніемъ,—испытаніемъ ужаснымъ, полнымъ значенія. Всѣ египтяне, начиная государемъ и кончая самымъ ничтожнымъ Судѣ мертвыхъ. изъ смертныхъ, проходили послѣ смерти черезъ судебную процедуру. Какъ только умиралъ кто-нибудь, его тѣло отправляли къ бальзамировщикамъ, которые держали его у себя сорокъ дней; затѣмъ покойника перевозили въ его семью, которая тридцать два дня оплакивала его, для чего мумію ставили въ гробу въ одну изъ внутреннихъ комнатъ дома. Тѣмъ временемъ давали знать сорока двумъ судьямъ округа; въ назначенный день тѣло перевозилось къ священному озеру, при чемъ въ каждой области и въ каждомъ большомъ городѣ существовало одно такое озеро къ западу. На берегу его, по прибытіи на мѣсто, начинался судъ: всякій, кто хотѣлъ, могъ предъявлять противъ покойника обвиненія или защищать его, — но горе фальшивому обвинителю! Затѣмъ судьи произносили свой судъ сообразно съ представленными данными: если оказывалось, что покойный велъ дурную жизнь, ему отказывали въ

погребеніи, и друзья его должны были, среди общественнаго осужденія, везти мумію въ ея бывшій домъ, чтобы искупить ее современемъ своими собственными добрыми дѣлами; если же родные были слишкомъ бѣдны, чтобы дать муміи убѣжище, покойнаго хоронили на берегу озера, и духъ его долженъ былъ, въ ожиданіи погребенія, блуждать въ теченіе ста лѣтъ. На берегахъ Стикса до сихъ поръ выкапываютъ кости такого рода мертвецовъ: они оставались непохороненными въ тридцать разъ большее время, чѣмъ сколько было назначено для ихъ погребенія. Но если приговоръ судей оказывался благоприятнымъ, то перевозчику Харону платили опредѣленную монету за переѣздъ, а для гиппопотама Цербера приготавливали пирогиъ. Затѣмъ похоронная процессія переправлялась черезъ озеро на лодкѣ мертвецовъ, при чемъ жрецъ возвѣщалъ Озирису и судьямъ подземнаго міра о добрыхъ дѣлахъ покойника. По прибытіи на противоположный берегъ, процессія въ торжественномъ молчаніи продолжала идти дальше, и мумія вносилась въ мѣсто вѣчнаго успокоенія, въ катакомбы.

Отсюда видно, что египетская религія не представляла одни только умозрѣнія, а дѣйствовала на воображеніе народа своими торжественными церемоніями. Кромѣ того, въ большихъ храмахъ совершались величественныя службы, предшествующія тѣхъ, которыя совершаются и по настоящее время. Приносилась въ жертву пища, дѣлались возліянія, кажденіе. Двойственная національная религія, одна часть которой предназначалась для простаго народа, а другая—для людей образованныхъ, должна была обязательно заключать въ себѣ много таинственнаго. Нѣкоторые изъ египетскихъ вѣрованій были открыто перевезены въ Грецію. Египту же принадлежитъ и изобрѣтеніе оракуловъ. Греческіе оракулы—египетскаго происхожденія. Такъ глубоко было уваженіе народа къ нимъ, что даже государи были обязаны покориться ихъ повелѣніямъ. Такимъ-то образомъ предостереженіе оракула Аммона принудило Нехао прекратить постройку его канала. Для опредѣленія будущихъ событій изучали предзнаменованія, наблюдали внутренности животныхъ и составляли гороскопы.

ГЛАВА IV.

Греческій вѣкъ изслѣдованія.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И ПАДЕНІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ УМОЗРѢНІЙ.

Ионійская философія, возникшая изъ египетскихъ идей, считаетъ воздухъ, воду или огонь первичнымъ элементомъ.—Зародившись на ступени колдовства, она основываетъ психологию, биологию, космогонію, астрономію и приводитъ къ сомнѣнію въ существованіи критеріума истины.

Итальянская философія основывается на числахъ и гармоніяхъ.—Она воспроизводитъ египетское и индуское ученіе о переселеніи.

Элеатская философія представляетъ важный шагъ впередъ, указывая на быстрое приближеніе къ восточнымъ идеямъ.—Она принимаетъ пантеистическій видъ.

Возникновеніе философіи въ европейской Греціи.—Отношенія и вліяніе торговой и колониальной системы странъ, лежащихъ у Средиземнаго моря.—Афины получаютъ торговое преобладаніе.—Значительные успѣхи ихъ въ умственномъ развитіи и искусствѣ.—Деморализація ихъ.—Они дѣлаются умственнымъ центромъ странъ Средиземнаго моря.

Возникновеніе высшаго анализа афинской школы.—Во главѣ его стоятъ софисты, которые отвергаютъ философію, религію и даже нравственность и заканчиваютъ атеизмомъ.

Политическія опасности высшаго анализа.—Примѣры изъ среднихъ вѣковъ.

Въ главѣ II я описывалъ происхожденіе и упадокъ греческой міеологіи; въ настоящей главѣ я намѣренъ описать ^{Происхожденіе греческой философіи.} первыя попытки Европы въ дѣлѣ философіи. Ионійскія системы возникаютъ непосредственно изъ современныхъ религіозныхъ мнѣній и представляютъ извѣстную фазу въ развитіи сравнительной греческой теологіи.

Сравнивая эти первыя попытки Европы въ дѣлѣ философіи съ психическимъ положеніемъ Индіи, мы не можемъ не поразиться ихъ слабостью. Онѣ соответствуютъ тому періоду времени, когда умъ человѣческій освободился отъ вѣры въ колдовство, но не успѣлъ еще переступить за предѣлы геоцентрическихъ и антропоцентрическихъ понятій. Вообще замѣчено, что какъ только получаютъ такъ называемыя достовѣрныя даты, человѣкъ начинаетъ примѣнять ихъ къ космогоніи и развивать псевдо-научныя системы. ^{Ея несовершенство.} Только на гораздо болѣе поздней ступени развитія въ умѣ его начинается возникать подозрѣніе въ несуществованіи абсолютнаго знанія истины.

Читатель, быть можетъ, возмутится сначала кажущейся ничтожностью цѣлага ряда греческихъ понятій, къ описанію которыхъ мы теперь приступаемъ; но онъ найдетъ въ нихъ интересъ, или станетъ разсматривать ихъ или въ ихъ совокупности, какъ одно цѣлое, или съ точки зрѣнія различныхъ ступеней развитія европейской мысли, приближавшейся къ заключеніямъ, давнымъ давно добытымъ уже въ Египтѣ и Индіи. Далеко опередивши собою все, выработанное Греціею, умственная исторія Индіи представляетъ системы, въ одно и то же время величественныя и устойчивыя,—си-

стемы, которыя не остаются бесполезными умозрѣніями, а тѣсно сплетаются съ общественной жизнью.

Основателемъ греческой философіи признаютъ Фалеса, финикійца по происхожденію, но родившагося въ Милетѣ, ^{Она начинается въ Малой Азіи.} греческой колоніи въ Азіи, приблизительно въ 640 г. до Р. X. Въ это самое время, какъ мы уже говорили въ послѣднихъ главахъ, египетскіе порты были открыты для иностранцевъ царемъ Псамметихомъ. Въ гражданской войнѣ, которую этотъ монархъ велъ со своими соправителями, онъ одержалъ верхъ только благодаря іонійскимъ и другимъ греческимъ наемникамъ, постушившимъ на его службу; но, несмотря на одержанную побѣду, политическое положеніе, въ какое онъ сталъ, принудило его отказаться отъ правилъ, которымъ въ его странѣ слѣдовали въ теченіе столѣтій, и разрѣшить иностранцамъ доступъ въ Египетъ. До сихъ поръ европейцы были извѣстны египтянамъ только какъ пираты и каннибалы.

Изъ ученія Фалеса видно, что хотя онъ посѣтилъ Египетъ, но не успѣлъ вступить въ сношенія съ его представителями науки, а имѣлъ дѣло только съ простымъ народомъ, у котораго и перенялъ народное понятіе о томъ, что первичное начало всего—вода. Изъ положенія дѣлъ въ Египтѣ очевидно, что ^{Ученіе Фалеса} этотъ первичный догматъ европейской философіи былъ ^{происходитъ изъ Египта.} извѣстенъ въ этой странѣ. Безъ особенныхъ заботъ со стороны человѣка, плодоносная нильская вода доставляла тѣ обильные урожаи, благодаря которымъ Египетъ сдѣлался житницей Старога Свѣта. Поэтому въ Египтѣ можно было сказать, какъ съ философской точки зрѣнія, такъ и въ шутку, что первое начало всѣхъ вещей—вода. Отъ нея зависѣла жатва, а слѣдовательно ^{Значеніе воды въ Египтѣ.} и животныя, и человѣкъ. Ею же поддерживалось и правительство страны,—потому что финансовая система основывалась на налогѣ, уплачиваемомъ землевладѣльцами за пользованіе общественными шлюзами и водопроводами. Не было ни одного крестьянина, которому не представлялось бы яснымъ до очевидности, что вода—первое начало всего, даже обложенія; и такъ какъ было необходимо не только осматривать страну для того, чтобъ опредѣлить размѣръ наводненной поверхности, но и обозначить границы орошенной земли послѣ убыли воды, то и писцы, и надсмотрщики должны были признать, что даже геометрія обязана своимъ происхожденіемъ водѣ.

Слѣдовательно, если была страна свѣта, въ которой это ученіе имѣло не только общенародное, но и философское значеніе, такъ это именно Египетъ. Мы можемъ представить себѣ любознательнаго, но плохо образованнаго Фалеса, пріѣхавшаго на пиратскомъ или торговомъ суднѣ въ таинственную нильскую страну, о которой ходило въ Іоніи столько міеовъ и легендъ. Онъ видитъ водопроводы, каналы, шлюзы, большое Меридово озеро, вырытое руками человѣка за столько же вѣковъ до него, сколько протекло отъ его времени до нашихъ дней; онъ видитъ со всѣхъ сторонъ поклоненіе, воздаваемое обоготворенной рѣкѣ, онъ узнаетъ

Оалесъ утвер-
ждаетъ, что
первое начало—
вода.

ОТЪ толпы, съ которой только и приходитъ въ сно-
шеніе, общераспространенное повѣріе — что всѣ вещи
происходятъ отъ воды, — узнаеть объ этомъ только отъ
простого народа, потому что, если бъ его учителями въ этомъ от-
ношеніи были жрецы, мы нашли бы въ его системѣ слѣды ученій
объ эманации, о переселеніи и поглощеніи, перевезенныхъ въ Гре-
цію въ послѣдующія времена. Исторію Оалеса можно объяснить
примѣромъ того, что случилось бы въ наше время съ какимъ-либо
умнымъ индѣйцемъ, который случайно пробрался бы къ аванпостамъ
цивилизованной страны. Плохо знакомый съ ея языкомъ, приходя
въ сношенія съ одними только низшими классами общества, онъ
могъ бы изучить только ихъ грубую простонародную философію и
привезть домой воображаемое сокровище.

Что же касается до глубокаго значенія, придаваемого нѣко-
торыми ученію Оалеса, то мы, быть можетъ, вправѣ совершенно
отвергать его. Говорили, что онъ дѣлалъ попытку сконцентриро-
вать всѣ сверхъестественныя силы въ одну, привести всѣхъ воз-
можныхъ дѣятелей къ единству, — однимъ словомъ, изъ политензма
создать монотеизмъ, опредѣлить неизмѣнное въ измѣняемомъ и
отыскать начало всего, — что онъ замѣтилъ, какъ безконечно море,
какъ необходима влага для растений, какъ необходима она даже
для его собственного благосостоянія; «безъ влаги его собственное
тѣло не было бы тѣмъ, чѣмъ оно есть, а сухою шелухой, распа-
дающеюся на части». Такъ же мало можемъ мы признать, что
Оалесъ намѣревался установить единеніе между философіею и на-
родною теологіею въ томъ видѣ, въ какомъ ее изложилъ Гезіодъ,
утверждавшій, что океанъ — одинъ изъ боговъ, родителей природы.
Поднятое противъ него обвиненіе въ безбожіи показывается, въ ка-
кой ранній періодъ времени существовалъ уже антагонизмъ между
политензмомъ и научнымъ изслѣдованіемъ. Но можно, не отрицая
существованія творческой силы, вѣрить, что все существующее
образовано изъ одной первичной субстанции, или, употребляя индус-
скую метафору, что глина — не горшечникъ.

Оалесу приписываютъ предсказаніе солнечнаго затменія, пре-
кратившаго сраженіе между мидійцами и лидійцами, но при этомъ
не извѣстно, сумѣлъ ли онъ предсказать и день, когда
это событіе случится. Онъ имѣлъ понятіе о томъ, что
теплота происходитъ изъ влаги и питается ею и что даже солнце
и звѣзды получаютъ пищу изъ моря во время своего восхода и
захода. Онъ считалъ ихъ живыми существами, основывая свое
мнѣніе на явленіяхъ янтаря и магнита, которые, по его предпо-
ложенію, обладали живою душою, потому что имъ присуща была
сила движенія. Кромѣ того, онъ представлялъ себѣ весь міръ въ
видѣ одушевленнаго существа, и говорилъ, что міръ полонъ демо-
новъ. Слѣдовательно Оалесъ не совсѣмъ еще переступилъ за ста-
дію колдовства.

Система его получила важное значеніе не только въ силу
своего правдоподобія, но и потому, что она возникла въ благо-

приятное время и при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Она про-
никла въ Малую Азію, какъ частичка египетской мудрости, поэтому
обладала сразу достаточнымъ прістижемъ, чтобы разсчитывать на
внимательный пріемъ. Но этого одного было бы, конечно, слишкомъ
мало, если бъ умственная культура Іоніи не достигла достаточной
степени развитія, чтобы представить ей удобныя условія для раз-
работки. Но, при существовавшихъ обстоятельствахъ, египетскій дог-
матъ составилъ исходную точку для спеціальнаго метода философіи.

Характеръ развитія этихъ ученій доказываетъ всю силу гре-
ческаго ума. Въ Египтѣ извѣстное ученіе могло просу-
ществовать тысячи лѣтъ, защищаемое, въ силу одной Они состави-
ють исходную
точку іонійской
философіи. своей древности, отъ всякихъ противорѣчій и изслѣдо-
ваній, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, впасть въ совершенно без-
дѣйственное и безжизненное состояніе; но то же ученіе, перене-
сенное въ молодое общество, полное жизни и энергіи, должно
было скоро сдѣлаться производительнымъ и привести къ совер-
шенно новымъ результатамъ. Подобно тому, какъ сѣмена, взя-
тыя изъ гробницъ мумій, гдѣ они были заперты въ теченіе тыся-
челѣтій, и положенныя въ благоприятную для ихъ развитія богатую
почву, полную влаги, даже въ наше время пускали ростки, давали
цвѣты и созрѣвали, доставляя, въ свою очередь, сѣмена, такъ и
грубая философія Оалеса прошла черезъ такія же стадіи развитія.
Ея основная тенденція ясно обнаруживается въ попыткѣ сразу
описать вселенную, раньше, чѣмъ были основательно изучены со-
ставныя ея части.

Но не одна только вода и не одинъ только океанъ кажутся
безграничными и способными доставить матеріалъ для происхожде-
нія всѣхъ другихъ предметовъ. Воздухъ, повидимому, достигаетъ
до самыхъ звѣздъ. На немъ, по выраженію Анаксимена Милет-
скаго, «земли плаваютъ, точно широкій листъ». На основаніи такого
разсужденія, этотъ іоніецъ, подстрекаемый, несомнѣнно, Анаксименъ ут-
верждаетъ, что
воздухъ — пер-
вое начало. надеждою раздѣлить или унаслѣдовать славу, которою
Оалесъ пользовался въ теченіе цѣлаго столѣтія, предло-
жилъ замѣнить воду атмосфернымъ воздухомъ, признавъ послѣдній
первичнымъ источникомъ всѣхъ вещей. И въ самомъ дѣлѣ были,
повидимому, достаточныя причины для того, чтобы признать за
нимъ такое преобладающее значеніе. Для лицъ, не вникавшихъ
достаточно въ суть дѣла, могло показаться, что и сама вода про-
исходитъ изъ воздуха: въ немъ образуются тучи, а изъ нихъ про-
истекаютъ дожди, источники, фонтаны, рѣки и даже море. Анакси-
менъ приписывалъ воздуху и безконечность, — догматъ, требующій
нѣкотораго напряженія воображенія, но являющійся въ то же
время выраженіемъ осязательнаго факта: кто, глядя вверхъ, можетъ
опредѣлить границу атмосферы? Анаксименъ считалъ, что и чело-
вѣческая душа не иное что, какъ воздухъ, разъ жизнь Воздухъ въ то
же время и
душа. состоитъ въ вдыханіи и выдыханіи его и прекращается,
какъ только эти дѣйствія приостанавливаются. Онъ училъ также,
что тепло и холодъ происходятъ отъ разрѣженія и сгущенія воз-
духа, и въ доказательство этого мнѣнія приводилъ слѣдующій фактъ:

когда мы дышимъ съ сжатыми губами, воздухъ кажется намъ холоднымъ, но онъ дѣлается теплымъ, какъ только мы дышимъ широко раскрытымъ ртомъ. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что при достаточномъ разрѣженіи воздухъ могъ легко обратиться въ огонь и что это, повидимому, дало начало солнцу и звѣздамъ, блуждающимъ кометамъ и другимъ метеорамъ; но если случайно произойдетъ сгущеніе воздуха, онъ обращается въ вѣтеръ и облака, или, если сгущеніе успивается, — въ воду, снѣгъ, градъ и, наконецъ, даже въ землю. И такъ какъ изъ результатовъ дыханія видно, что Воздухъ есть Богъ. воздухъ — животворящее начало человѣка, что онъ даже есть его душа, то справедливымъ выводомъ изъ этого будетъ заключеніе, что безконечный воздухъ—Богъ и что боги и богини получили изъ него начало.

Такова была философія Анаксимена. Она послужила началомъ той соперничающей дѣятельности различныхъ философскихъ школъ, которая играла такую важную роль въ умственномъ движеніи Греціи. Ея превосходство надъ ученіемъ Θαλεса состоитъ, очевидно, въ томъ, что оно не только указываетъ на первичную субстанцію, но и пытается доказать, какимъ образомъ возникаетъ изъ нея все остальное и происходитъ превращеніе. Что же касается до открытія наклоннаго положенія эклиптики, которое приписывается Анаксимену, то это было лишь простымъ хвастовствомъ со стороны его тщеславныхъ соотечественниковъ: такого рода открытіе было абсолютно невозможно для человѣка, считавшаго, что земля «подобна широкому листу, плавающему въ воздухѣ».

Ученіе Анаксимена получило весьма сильное развитіе въ рукахъ Діогена Аполлонійскаго, утверждавшаго, что все предметы происходятъ изъ одной сущности, которая, претерпѣвая постоянныя переменныя, дѣлается различною въ различные времена и затѣмъ возвращается обратно въ свое первичное состояніе. Онъ считалъ весь міръ одушевленнымъ существомъ, претерпѣвающимъ самопроизвольныя развитія и измѣненія, и соглашался съ Анаксименомъ относительно того, что душа человѣка—только воздухъ, который является въ то же время и душою вселенной. Отсюда слѣдуетъ, что воздухъ долженъ быть вѣчнымъ, неуничтожаемымъ и одареннымъ сознаниемъ. «Онъ знаетъ много, потому что безъ разума было бы невозможно устроить весь міръ такимъ пропорціональнымъ и основательнымъ образомъ и удерживать все въ такихъ точно опредѣленныхъ границахъ,—зиму и лѣто, ночь и день, дождь, вѣтеръ и хорошую погоду, и дать всему такое превосходное и прекрасное устройство». «Но одарено знаніемъ именно то, что люди называютъ воздухомъ; именно воздухъ регулируетъ все и управляетъ всѣмъ, вслѣдствіе чего онъ проникаетъ собою все и распоряжается всѣмъ и существуетъ во всемъ, потому что нѣтъ ничего, что существовало бы безъ него».

Первые философы съ трудомъ освобождаются отъ фетишизма. Гармонія, существующая между различными частями мірозданія, легко объясняется гипотезою верховнаго начала, обитающаго во

вселенной и устраивающаго все сообразно своему личному желанію. Человѣкъ не сразу возвышается до понятія, что вся эта красота и гармонія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствию закона. Мы такъ склонны судить о ходѣ внѣшнихъ явленій по своему личному опыту и обуславливать свои дѣйствія нашею личною волею, что лишь съ трудомъ освобождаемся отъ этихъ взглядовъ при сужденіи о явленіяхъ природы. Фетишизмъ наблюдается при возникновеніи многихъ естественныхъ наукъ. Такъ, электрическая сила янтаря приписывалась дунгѣ, обитающей въ немъ; такимъ же образомъ объяснялось дѣйствіе магнита на желѣзо. Движенія планетъ, Меркурія, Венеры, Марса, приписывались обитающему въ каждой изъ нихъ разумному началу, устраивающему все къ наилучшему. Цѣлую эпоху въ исторіи человѣческаго ума составил тотъ моментъ, когда астрономія подала первая примѣръ другимъ наукамъ, отбросивъ фетишизмъ и показавъ, что движенія небесныхъ тѣлъ Трудность воз-
насытись надъ
фетишизмомъ. могутъ быть не только объяснены, но и заранѣе предсказаны, разъ допускается существованіе простого, всеобщаго, неизмѣннаго и вѣчнаго закона.

Не безъ труда замѣчаютъ люди, что нѣтъ ничего противорѣчащаго между неизмѣннымъ закономъ и безконечно измѣняющимися явленіями и что мы объясняемъ управленіе міромъ болѣе возвышеннымъ образомъ, когда приписываемъ его всепроницающей первобытной мудрости, которая можетъ предвидѣть событія за цѣлую вѣчность впередъ и принять все необходимое мѣры для выполненія заранѣе намѣченнаго плана, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда взываемъ постоянно къ вмѣшательству вѣчно дѣйствующей духовной силы, съ цѣлью обезопасить себя отъ могущихъ возникнуть бѣдствій и уладить все такъ, какъ слѣдуетъ. Химія доставляетъ намъ разительный примѣръ,—примѣръ, весьма пригодный для разсматриваемаго нами случая, въ ученіи Діогена Аполлонійскаго, что воздухъ—дѣйствительно духовное существо, потому что, во время открытія различныхъ газовъ первыми изслѣдователями, эти газы не только признавались обладающими духовною природою, но и, благодаря этому понятію, о нихъ получили то наименованіе, которыми до сихъ поръ обозначаются, Geist или gas отъ убѣжденія, что они были дѣйствительно духи, ghosts. Если рабочий спускался въ колодезь и тамъ задыхался, какъ бы пораженный невидимою рукою; если спущенная внизъ лампа горѣла нѣсколько минутъ яркимъ свѣтомъ, а затѣмъ потухала; если, при неосторожномъ обращеніи углекислота съ огнемъ, въ каменноугольной копи все мѣсто наполнялось вдругъ пламенемъ и раздавался взрывъ, подымавшій на воздухъ цѣлыя скалы и разрушавшій все на своемъ пути, при чемъ нерѣдко случалось, что на трупахъ не замѣчалось никакихъ слѣдовъ насильственной смерти,—то какое же лучшее объясненіе такого рода катастрофъ можно было придумать, какъ не приписать ихъ вліянію сверхъестественной силы? Въ тѣ времена не было недостатка въ разсказахъ, подтвержденныхъ безспорными свидѣтельствами, о неземныхъ лицахъ и формахъ, видѣнныхъ въ такого рода уединенныхъ мѣстахъ.

Измѣненіе, внесенное въ теорію Анаксимена Діогеномъ, ко-
 Прохождение торый превратилъ ее изъ психической системы въ пси-
 хологическую, представляетъ большое значеніе, такъ какъ
 оно обозначаетъ собою начало чистой философіи въ Греціи. Изслѣ-
 дованіе умственного развитія вселенной привело грековъ къ из-
 ученію самаго разума. Въ своемъ ученіи Діогенъ приписываетъ
 измѣняемость воздуха его подвижности, — свойство, которымъ воз-
 духъ превосходитъ всѣ другія вещества, такъ какъ онъ самая рѣд-
 кая или самая тонкая изъ стихій. Нѣкоторые, впрочемъ, желали
 придать его ученію больше трансцендентальности, утверждали, что
 онъ подъ словомъ воздухъ подразумѣвать не обыкновенный атмо-
 сферный воздухъ, а нѣчто болѣе утонченное и теплое; и такъ какъ
 въ чистомъ своемъ видѣ воздухъ образуетъ самый совершенный
 разумъ, то низшія степени разума должны быть приписаны увели-
 ченію плотности воздуха и его влажности. Согласно этому прин-
 ципу, вся земля одушевлена дыханіемъ жизни; души животныхъ,
 такъ сильно различающіяся другъ отъ друга по степени своего
 разума, являются не инымъ чѣмъ, какъ воздухомъ въ различныхъ
 степеняхъ влажности и тепла. Происхожденіе земли онъ объясняетъ
 ступеніемъ земли изъ воздуха помощью холода, при чемъ теплота
 подымается вверхъ и образуетъ солнце; въ звѣздахъ онъ какъ бы
 признаетъ дыхательные органы міра. Вслѣдствіе преобладанія влаж-
 наго воздуха въ животныхъ, онъ выводитъ заключеніе, что они,
 подобно безумнымъ, неспособны мыслить, потому что плотность
 воздуха стѣсняетъ дыханіе и, слѣдовательно, препятствуетъ быстрому
 пониманію. Изъ того, что растенія не обладаютъ отверстиями для
 вдыханія воздуха и вслѣдствіе этого неразумны, онъ выводитъ за-
 ключеніе, что мыслительная способность человѣка происходитъ отъ
 того, что это вещество проникаетъ черезъ тѣло посредствомъ крови.
 Онъ объясняетъ также высшій разумъ человѣка тѣмъ, что онъ
 дышитъ болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ животныя, которыя дер-
 жать свои ноздри около самой земли. Такого рода грубыми и пу-
 стыми умозрѣніями началась философія.

Я не могу оставить системы аполлонійца, не указавъ, въ
 противоположность ей, на открытія современной науки относительно
 воздуха. Они представляютъ удивительный интересъ по отношенію
 къ міру жизни. Разложенный на свои составныя части химиче-
 скимъ искусствомъ, воздухъ пересталъ считаться однороднымъ тѣ-
 ломъ; его составныя части не только были отдѣлены другъ отъ
 друга, но и функціи каждой изъ нихъ были самымъ точнымъ обра-
 зомъ опредѣлены.

Одна изъ этихъ составныхъ частей, углекислота, порождаетъ
 всѣ различныя формы растеній; эта субстанція разлагается лучами
 солнца и доставляетъ растительному царству углеродъ, его самый
 важный твердый ингредиентъ. Всѣ эти необыкновенно разнообразныя
 органическія произведенія, начиная отъ мховъ полярныхъ областей
 и кончая пальмами, характеризующими собою тропическіе пейзажи, —
 все то, что мы выбрасываемъ вонъ, какъ негодную траву, и то,
 Современныя открытия объ ради чего мы трудимся въ потъ лица, — все, безъ исклю-

ченія, добыто изъ атмосферы подъ вліяніемъ солнца. отношеніяхъ
 И такъ какъ безъ растеній жизнь животныхъ не воздуха.
 могла бы поддерживаться, то они составляютъ средство, помощью
 котораго воздушный матеріалъ, оживленный, такъ ска- взаимная за-
 зать, лучами солнца, проводится въ организмъ самого нисимости жи-
 человѣка. Въ качествѣ пищи, они служатъ для попол- вотныхъ и ра-
 ненія убыли тѣла, вытекающей постоянно изъ процессовъ дви- стений.
 женія и мышленія. Поэтому эти ингредиенты, составлявшіе когда-
 то часть строенія растеній, дѣлаются на время существеннымъ
 элементомъ строенія животныхъ. Они дѣлаются имъ на время
 потому, что существеннымъ условіемъ животной дѣятельности
 является постоянное умирание составныхъ частей животнаго орга-
 низма; ни одинъ палецъ не можетъ быть поднятъ безъ траты
 мускульнаго матеріала; ни одна мысль не можетъ возникнуть безъ
 разрушенія мозгового вещества. Продукты разложенія немедленно
 выдѣляются изъ животнаго организма, иногда помощью механиз-
 мовъ самаго удивительнаго строенія; но ихъ дѣятельность этимъ
 не оканчивается, потому что раньше или позже они вновь прони-
 каютъ въ воздухъ и вновь служатъ для образованія растеній.
 Ближе было бы указывать здѣсь на эти измѣненія во всѣхъ ихъ
 подробностяхъ; такому же порядку или циклу прогресса подчинена
 и вода; частицы воды переходятъ изъ неорганическаго состоянія
 въ органическое и затѣмъ обратно въ неорганическое; одна и та
 же частица то существуетъ въ воздухѣ и служитъ тамъ для обра-
 зованія растеній, то встрѣчается въ тѣлѣ животнаго, а затѣмъ воз-
 вращается обратно въ воздухъ. Въ такомъ-то круговращеніи нахо-
 дятся постоянно частицы матеріи, при чемъ опредѣляютъ ихъ дви-
 женія и управляетъ ими свѣтло, стоящее въ центрѣ на- Дѣйствіе
 шей системы — солнце. Отъ него растенія въ лѣтніе дни солнца.
 получаютъ тепло и накапливаютъ его; въ послѣдующее время это
 тепло проявляется наружу въ видѣ здороваго румянца на лицѣ че-
 ловѣка, или краски стыда, или горитъ яркимъ пламенемъ на ще-
 кахъ горячнаго больного. Границъ времени не существуетъ. Теп-
 ло, которое мы получаемъ отъ горѣнія соломы, происходитъ отъ
 солнца, и получено отъ него какъ бы только наканунѣ; но тотъ
 огонь, помощью котораго мы умѣряемъ суровость зимы, когда жжемъ
 антрацитъ или смолистый уголь, произошелъ также изъ того же
 источника въ ультратропическомъ климатѣ вторичной формации, и,
 быть можетъ, былъ накопленъ въ этихъ веществахъ за много ты-
 сячелѣтій до нашего времени.

Такимъ-то постоянно возобновляющимися циклами происходятъ
 движенія матеріи, и все совершается по неизмѣнному закону. Воз-
 духъ составляетъ источникъ происхожденія всѣхъ организмовъ; въ
 него же возвращаются они всѣ. Частицы его возбуждаются къ жиз-
 ни не подъ вліяніемъ какой-либо земной силы или начала, скрыта-
 го въ немъ самомъ, какъ предполагалъ Діогенъ, а исключительно
 благодаря дѣйствію свѣтла, отстоящаго на девяносто милліоновъ
 миль отъ земли, представляющаго прямой или косвенный источ-
 никъ всякаго земнаго движенія и дарующаго свѣтъ и жизнь.

Къ Thalесу и Диогену, признававшимъ первичными элементами—однѣмъ воду, а другой воздухъ, надо присоединить еще Гераклита Эфесскаго, утверждавшаго, что первичное начало—огонь. Онъ является представителемъ новаго стремленія греческой философіи, стремленія составить оппозицію политеизму и идолопоклонству того времени. Говорить, что въ его сочиненіи этические, политическіе, физическіе и теологическіе сюжеты были такъ смѣшаны, и такъ велика была трудность понимать его мнѣнія, что ему дано было прозвище «темнаго». Въ этомъ отношеніи у него не мало послѣдователей среди современныхъ метафизиковъ. Онъ основываетъ свою систему, впрочемъ, на той простой аксіомѣ, «что все превратимо въ огонь, а огонь превратимъ во все». Быть можетъ, подъ словомъ огонь онъ подразумевалъ то, что теперь подразумевается подъ словомъ теплота, потому что онъ совершенно ясно говоритъ, что называетъ этимъ именемъ не пламя, а нѣчто гораздо болѣе сухое и теплее. Онъ утверждаетъ, что это начало находится въ непрестанной дѣятельности, образуя и поглощая все. Онъ говоритъ: «Все существуетъ и не существуетъ, потому что хотя все въ самомъ дѣлѣ возникаетъ, но оно сейчасъ же перестаетъ существовать». «Никому не случилось быть дважды на одной и той же рѣкѣ, потому что на ней течетъ постоянно другая вода. Она разгоняетъ свои воды и вновь собираетъ ихъ; она приближается и удаляется, разливается и убываетъ». А чтобы показать намъ, что мы также подвержены постояннымъ измѣненіямъ и на самомъ дѣлѣ измѣняемся, онъ говоритъ: «На той же рѣкѣ мы плаваемъ и не плаваемъ, мы существуемъ и не существуемъ». Помощью такого рода примѣровъ онъ хотѣлъ доказать, что жизнь представляетъ лишь одно непрестанное движеніе; мы не можемъ не замѣтить при этомъ, что греческій ходъ мыслей слѣдуетъ по стопамъ индусовъ.

Но Гераклиту совершенно не удается освободиться отъ мѣстныхъ понятій. Онъ говоритъ о движеніи первичнаго начала вверхъ и внизъ, въ высшія и низшія области. Онъ заявляетъ, что наибольшее сгущеніе наверху, а наименьшее внизу, и на основаніи этого признаетъ душу человѣка частью огня, переселившагося съ неба. Онъ доводитъ свои идеи о переходномъ свойствѣ всѣхъ явленій природы до крайнихъ ихъ послѣдствій, и въ доказательство возвышеннаго ученія, что все, представляющееся намъ постояннымъ, должно считаться лишь опредѣленнымъ и самовозобновляющимся рядомъ сходныхъ и противоположныхъ движеній, приводитъ нелѣпости въ родѣ того, что солнце ежедневно разрушается и возобновляется.

Среди самыхъ дикихъ физическихъ положеній выдѣляется и много вѣрныхъ аксіомъ. «Все устроено разумомъ и умомъ, хотя все подчинено судьбѣ». Уже и онъ замѣчалъ то, что доказываютъ современные намъ метафизики, а именно, что «человѣческій умъ не можетъ извлекать истинныхъ знаній изъ однихъ только внутреннихъ своихъ источниковъ». Онъ считаетъ органы внѣшнихъ чувствъ каналами, черезъ которые внѣшнія мі-

Гераклитъ утверждаетъ, что первое начало—огонь.

Фиктивное постоиство послѣдовательныхъ формъ.

Психическій и физиологическій ученія Гераклита.

ровая жизнь, а слѣдовательно и истина проникаютъ въ умъ, и говорить, что во снѣ, когда органы чувствъ бездѣйствуютъ, мы удалены отъ всякаго сообщенія съ окружающимъ насъ міровымъ духомъ. Съ его точки зрѣнія всѣ предметы одушевлены и одарены душою, только въ разной степени: самыми совершенными въ этомъ отношеніи являются органическіе предметы. Объ его астрономіи можно составить себѣ понятіе на основаніи того, что онъ говоритъ о солнцѣ: онъ предполагаетъ, что солнце не больше фута въ діаметрѣ и представляетъ собою, подобно всѣмъ другимъ небеснымъ тѣламъ, не болѣе, какъ метеоръ. Его нравственная система основывалась всецѣло на физической: ея основнымъ догматомъ было также превосходство огня. Такъ, напр., причиною безмыслия пьяницы онъ считалъ то, что у пьяницы влажная душа, откуда выводилъ заключеніе, что теплая и сухая душа самая лучшая и самая мудрая; съ вполне извинительнымъ патриотизмомъ онъ утверждалъ при этомъ, что наиболѣе благородныя души принадлежатъ сухому климату и что Греція самая лучшая и пригодная для людей страна. Нѣтъ сомнѣнія, что Гераклитъ сильно склонялся въ пользу ученія о міровой душѣ. Если божество нельзя отличить отъ теплоты, то куда намъ идти, чтобъ избѣжать его влияния? А развѣ въ непрестанной дѣятельности и постоянныхъ перемѣнахъ, которыя теплота производитъ во всѣхъ вещахъ, окружающихъ насъ, мы не видимъ признаковъ безграничнаго и нерушимаго?

Я остановился на главныхъ чертахъ ранней греческой философіи, выразившейся въ іонійской психической школѣ. Онѣ показываютъ намъ, какъ велико было ея внутреннее несовершенство. Ученіе это составляетъ смѣсь физическихъ, метафизическихъ и мистическихъ ученій, которыя въ цѣломъ имѣютъ значеніе развѣ въ томъ отношеніи, что убѣждаютъ насъ въ ничтожности нашихъ первоначальныхъ знаній: вѣдь, начали-то мы съ усвоенія грубыхъ народныхъ заблужденій Египта. Въ сравненіи съ утилитарной философіей этой послѣдней страны и съ теологіею Индіи, какими пустыми и даже ребяческими являются эти зародыши науки въ Греціи! Но даже это несовершенство оказывается не безъ пользы, потому что оно указываетъ намъ, какъ низко стоитъ наша цивилизація въ отношеніи ко времени, если сравнить ее съ цивилизаціею этихъ древнихъ государствъ, и научаетъ насъ отвергать положеніе, поддерживаемое столькими европейскими учеными,—что Греція проложила путь всякому цѣнному человѣческому знанію. Но, что важнѣе всего, оно даетъ намъ вѣрное и болѣе скромное понятіе о нашихъ теперешнихъ успѣхахъ и нашемъ теперешнемъ положеніи и заставляетъ насъ понять, что другія человѣческія племена не только предшествовали намъ въ умственномъ развитіи, но и сравнились съ нами, а быть можетъ и превосходили насъ во всемъ, что мы сдѣлали въ отвлеченной философіи.

Относительно другихъ основателей іоническихъ школъ можно сказать, что хотя они придавали своимъ ученіямъ различныя формы, но методъ разсужденія былъ у нихъ одинъ и тотъ же. Трудно представить себѣ лучшій примѣръ этого, чѣмъ въ философіи Анакси-

Ученіе Анаксимандра о безконечномъ. мандра Милетскаго, современника Фалеса. Онъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ предметы на землѣ возникаютъ изъ отдѣленія отъ одной первоначальной смѣси: его первичнымъ принципомъ былъ, поэтому, хаосъ, хотя онъ скрывалъ его подъ темнымъ метафизическимъ наименованіемъ «Безконечное». Недостатокъ точности въ этомъ отношеніи вызвалъ большое различіе въ мнѣніяхъ относительно его ученія. Своему хаосу онъ приписывалъ внутреннюю энергію, помощью которой его составныя части самопроизвольно отдѣлялись одна отъ другой; этимъ частямъ онъ приписывалъ абсолютную неизмѣняемость. Онъ училъ, что земля цилиндрической формы, что ея основаніе составляетъ треть ея высоты; она удерживается въ центрѣ міра воздухомъ въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ границъ вселенной; звѣзды и планеты кружатся вокругъ нея, при чемъ каждая изъ нихъ прикрѣплена къ цилиндрическому кольцу, а за ними подобнымъ же образомъ прикрѣплена луна, а еще дальше солнце. Онъ устанавливалъ различіе между областями центра и областями окружности: первыя естественно холодны, послѣднія теплы; по его мнѣнію, сосредоточеніе холодныхъ частей въ центрѣ и поднятіе вверхъ теплыхъ частей даютъ начало—первое землѣ, а второе блестящимъ небеснымъ тѣламъ; послѣднія существовали вначалѣ въ видѣ цѣлой скорлупы или сферы, которая, подвергаясь разрушенію, распалась на звѣзды. Здѣсь уже высказывается стремленіе греческой философіи образовать системы космогоніи, основанныя на измѣненіяхъ, произведенныхъ въ хаотической матеріи дѣйствіемъ холода и тепла. Но Анаксимандръ шелъ дальше, — онъ совершенно такимъ же образомъ объяснял происхожденіе и живыхъ существъ: солнечная теплота, дѣйствуя на первоначальную тинистую землю, производила окруженные колючею оболочкою пузыри, которые въ концѣ концовъ лопались, и изъ нихъ, какъ изъ яйца, выходили животныя. Вначалѣ животныя эти были плохо сложены и несовершенны, но мало по малу они выравнились и развились. Что касается человѣка, то онъ не только не получилъ сразу свою совершенную форму, а появился вначалѣ въ образѣ рыбы, и въ этомъ видѣ проживалъ въ тинистой водѣ, пока не получилъ возможности существовать на сухой землѣ. Но «безконечное» было не только причиною зарожденія, но и причиною разрушенія: «всѣ вещи должны вернуться въ первоначальное состояніе, изъ котораго онѣ вышли, потому что онѣ должны съ теченіемъ времени перенести наказаніе и искупить свои дурныя дѣла». Въ этомъ выраженіи уже замѣтно начало новаго ученія, нравственнаго; оно указываетъ на возникновеніе слабой связи между физическою и нравственною философіею.

Что же касается до болѣе прочныхъ и устойчивыхъ открытій, приписанныхъ этому философу, то мы должны отнестись къ нимъ такъ, какъ мы относились раньше къ подобнымъ же фактамъ въ біографіи его предшественниковъ,—они составляютъ пустыя измышленія его тщеславныхъ соотечественниковъ. Увѣреніе, что онъ первый придумалъ чертить географическія карты, не выдерживаетъ

критики, если мы вспомнимъ хорошо извѣстный фактъ, что египтяне занимались геометріею, для этой специальной цѣли, за тридцать столѣтій до его рожденія. Что же касается до изобрѣтенія имъ солнечныхъ часовъ, то тѣнь указывала время на часахъ Ахаза задолго до того. Въ дѣйствительности солнечные часы — очень древнее восточное изобрѣтеніе. Относительно того, что онъ первый сдѣлалъ точное вычисленіе размѣра и разстоянія небесныхъ тѣлъ, достаточно замѣтить, что лица, превознесшіе его труды, оставили безъ вниманія то обстоятельство, что такого рода открытія совершенно несомнѣстимы съ системою, утверждавшею, что земля цилиндрической формы и поддерживается посрединѣ неба атмосферою, что солнце дальше отстоитъ отъ насъ, чѣмъ неподвижныя звѣзды, и что каждое изъ небесныхъ тѣлъ обращается помощью хрустальнаго колеса.

Теперь мы должны обратиться къ изложенію взглядовъ другаго философа, Анаксагора Клазоменскаго, друга и учителя Перикла, Эврипида и Сократа. Подобно нѣкоторымъ своимъ предшественникамъ, онъ побѣтилъ Египетъ. Среди его учениковъ находились многіе изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей тѣхъ временъ.

Основнымъ принципомъ его философіи было признаніе неизмѣняемости вселенной, какъ цѣлаго: разнообразіе формъ, наблюдаемое нами, произведено новыми распредѣленіями ея составныхъ частей. Анаксагоръ учитъ о неизмѣняемости вселенной. Такого рода ученіе включаетъ въ себѣ, понятно, и идею о вѣчности матеріи. Анаксагоръ говоритъ: «греки ошибаются, думая, будто что-нибудь начинается или прекращается, потому что все составляетъ соединеніе или отдѣленіе существовавшихъ раньше частицъ, такъ что все создающееся слѣдуетъ вѣрнѣе называть смѣшиваемымъ, а все разрушающееся—раздѣляющимся». Въ этомъ положеніи ясно видно, какъ близко греки слѣдуютъ по стопамъ египтянъ и индуевъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ взгляды Анаксагора напоминаютъ разсужденія Анаксимандра относительно хаоса; такъ, напр., онъ говоритъ: «Вначалѣ, во время соединенія ихъ, всѣ предметы были безконечны по числу и малаго объема; невозможно было ничего различить. Прежде чѣмъ они не распредѣлились, нельзя было отличить ни одного свойства, все было слито въ одно». Первичный разумъ. Первичною движущею силѣ, выдѣлившей частицы предметовъ изъ хаоса, онъ далъ наименованіе «Разума», отвергая судьбу какъ пустое слово, лишенное смысла, и приписывая все разуму. Онъ не устанавливалъ никакого различія между разумомъ и душою. Въ его ученіи заключается, очевидно, дуализмъ между движущею силою и движимою массою, противопоставленіе тѣлеснаго духовному. Это показываетъ, что для философіи существуютъ два отдѣльные пути—физическій и умственный. Между тѣмъ какъ разумъ является, такимъ образомъ, первымъ двигателемъ философіи Анаксагора, рядомъ съ нимъ признаются и другіе, второстепенные дѣятели, помогающіе ему управлять міромъ: напр., воздухъ, вода и огонь,—откуда видно, что Анаксагоръ оказался не въ силахъ объяснить удовлетворительнымъ образомъ настоящее положеніе природы дѣйствіемъ одного

только разума. Мы замѣчаемъ въ подробностяхъ его системы идеи, заимствованныя изъ предыдущихъ системъ, — напр., сосредоточеніе холода и плотной массы внизу, а тепла и легкой массы вверху. Вначалѣ дѣйствіе разума было только частичнымъ; то, что первоначально приводилось въ движеніе, было лишь несовершеннымъ образомъ распредѣлено и заключало въ себѣ способность ко многимъ раздѣленіямъ. Съ этой точки зрѣнія его система обращалась въ космогонію, показывающую, какимъ образомъ возникли стихіи и туманы, камни, звѣзды и море. Объясненія эти, какъ можно ожидать, не отличаются точностью. Среди его первичныхъ элементовъ мы находимъ совершенныя несообразности, — напр., холодъ, цвѣтъ, огонь, золото, свинецъ, хлѣбъ (въ зернѣ), мозгъ (въ костяхъ), кровь и т. д. Сложныя тѣла, по его мнѣнію, происходятъ не помощью образования, а помощью распредѣленія. Поэтому они создаются изъ многихъ элементовъ, а не изъ одного. Мясо составляется изъ мясныхъ частицъ, кости изъ костяныхъ, золото изъ золотыхъ, свинецъ изъ свинцовыхъ, дерево изъ деревянныхъ и т. д. Такого рода аналогичныя составныя части называются однородностями, гомемеріями. Изъ безконечнаго числа родовъ онѣ образуютъ одно цѣлое, составляющее смѣшеніе въ одно всѣхъ ихъ. Дальше Анаксагоръ доказываетъ, что всѣ части животнаго организма существуютъ заранѣе въ пищѣ и просто-напросто извлекаются изъ нея. Что же касается до явленій жизни, то онъ объясняетъ ихъ помощью ученія своего о дуализмѣ между духомъ и матеріею; онъ учитъ, что сонъ производится реакціею послѣдней на первый. Даже растенія онъ считаетъ животными, надѣленными корнями и лиственными способности двигаться, но обладающими ощущеніями и желаніями; превосходство человѣка онъ приписываетъ тому простому факту, что у человѣка есть руки. Наши умственныя воспріятія онъ объясняетъ слѣдующей гипотезою: мы обладаемъ естественно противоположностями всѣхъ свойствъ внѣшнихъ предметовъ, и, разсматривая данный предметъ, мы обращаемъ вниманіе на преобладаніе въ немъ умъ тѣхъ свойствъ, которыя отсутствуютъ въ этомъ предметѣ. Вслѣдствіе этого всѣ наши ощущенія сопровождаются страданіями. Ученіе Анаксагора о происхожденіи животныхъ основывается на дѣйствіи, которое солнечныя лучи оказываютъ на тинистую землю. Землю онъ ставитъ въ центрѣ міра, куда она была занесена вихремъ, при чемъ полюсъ находился вначалѣ въ зенитѣ; но когда изъ ила образовались животныя, положеніе полюсовъ было измѣнено разумомъ, чтобы доставить животнымъ соотвѣтствующіе климаты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его грубыя догадки представляютъ забавныя предвосхищенія послѣдующихъ открытій. Такъ, онъ утверждаетъ, что на лунѣ существуютъ горы и долины, какъ на землѣ; что были великія эпохи въ исторіи нашей земли, которая была послѣдовательно видоизмѣнена огнемъ и водою; что холмы Лапсака скроются современемъ подъ водою, если только время позволитъ.

Что касается до свойствъ человѣческаго знанія, то Анаксагоръ утверждалъ, что только помощью одного разума

Космогонія Анаксагора.

Сопытнія отно- сительно суще-

мы можемъ ознакомиться съ истиною, что чувства наши въ этомъ отношеніи совершенно недостоверны. Для объясненія своей мысли онъ приводилъ слѣдующій примѣръ: опустите каплю окрашенной жидкости въ большое количество воды, и глазъ не будетъ въ состояніи замѣтить примѣсь. На этомъ основаніи онъ утверждалъ, что снѣгъ не бѣлый, а черный, такъ какъ онъ состоитъ изъ воды, а цвѣтъ воды черный; отсюда онъ выводитъ заключеніе, что «вещи для каждаго человѣка таковы, какими онѣ кажутся ему». Должно быть, признаніе недостоверности чувствъ вырвало у него хорошо извѣстную жалобу: «нельзя ничего узнать, нельзя ничему научиться; нѣтъ ничего вѣрнаго; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка».

Биографія Анаксагора представляетъ не мало интереса. Рожденный въ богатствѣ, онъ растратилъ всѣ свои средства на философію и кончилъ жизнь въ бѣдности и нуждѣ. Суевѣрное населеніе Аѳинъ обвинило его въ атеизмъ и богохульствѣ, такъ какъ онъ утверждалъ, что солнце и луна состоятъ изъ земли и камня и что такъ-называемыя чудеса его времени объясняются вполне естественными причинами. За это и за магизмъ его ученія, — потому что онъ доказывалъ антагонизмъ духа и матеріи, догматы ненавистныхъ персовъ, — его заключили въ тюрьму, приесли къ смерти, и ему удалось бѣжать только благодаря вліянію Перикла. Онъ убѣжалъ въ Лампсакъ, гдѣ кончилъ жизнь въ изгнаніи. Его тщеславные соотечественники почтили его память обычнымъ преувеличеннымъ образомъ, хвастая, что онъ первый объяснилъ фазы луны, характеръ солнечныхъ и лунныхъ затменій, что онъ предсказывалъ будущее и даже предсказалъ паденіе одного метеорнаго камня.

Изъ біографіи Анаксагора, равно какъ изъ біографіи многихъ его современниковъ и преемниковъ, мы узнаемъ, что противъ философіи начала возбуждаться народная оппозиція, не ограниченная простымъ общественнымъ протестомъ, а доведенная до политической несправедливости. Естественнымъ результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что философы оказались вынужденными прибѣгать къ скрытности и мистификаціи; это съ поразительною ясностью выступаетъ въ исторіи пифагорейцевъ.

О Пифагорѣ, основателѣ этой школы, извѣстно мало достовернаго; даже время его рожденія оспаривается: по всей вѣроятности, онъ родился въ Самосѣ въ 540 г. Даже если бы мы этого не знали изъ другихъ источниковъ, то изъ ученія его мы всегда догадались бы, что онъ посѣтилъ Индію и Египетъ. Многие извѣстные ученые, желающіе при всякомъ удобномъ случаѣ возвеличить ученость древней Европы, опровергаютъ, насколько могутъ, всеобщее свидѣтельство древности, что таково было происхожденіе знаній Пифагора, убѣряя, что, въ силу своего строя, египетское жреческое сословіе не могло посвятить въ свои тайны иностранца. Они забываютъ, что древняя система этой страны была совершенно разрушена великимъ переворотомъ, наступившимъ за столѣтіе до этихъ временъ. Если бы древніе не

створаніи у насъ Аристоріужа истины.

Преслѣдованіи Анаксагора.

Биографія Пифагора.

утверждали совершенно положительно, что Пифагоръ провелъ двадцать два года въ Египтѣ, то мы изъ исторіи его жизни могли бы заключить, что онъ долгое время проживалъ въ этой странѣ. Подобно тому, какъ знатокъ узнаетъ руку мастера по стилю живописи, каждый, занимавшійся изученіемъ древнихъ системъ мышленія, узнаетъ по первому взгляду египетскую примѣсь въ философіи Пифагора.

Онъ переѣхалъ въ Италію въ царствованіе Тарквинія Гордаго и поселился въ Кротонѣ, греческой колоніи у Тарентскаго залива. Прежде всего онъ устроилъ здѣсь школу, затѣмъ, воспользовавшись мѣстными раздорами, организовалъ мало по малу изъ учившагося у него юношества тайное политическое общество. Среди ученыхъ грековъ существовало уже убѣжденіе, что не слѣдуетъ слишкомъ открыто сообщать свои знанія народу—горькій опытъ преслѣдованій, повидимому, доказалъ, что правило это основано было на истинѣ. Отъ тайнаго философскаго общества къ политическому заговору шагъ небольшой. Пифагоръ сдѣлалъ его. Ученики, допущенные къ изученію его научныхъ таинствъ, подвергались цѣлому ряду испытаній и долгимъ наблюденіямъ; они служили готовымъ орудіемъ для интриги противъ государства, въ результатъ которой получилось черезъ нѣкоторое время распущеніе стараго сената и сосредоточеніе правительственной власти въ рукахъ Пифагора и его приверженцевъ-учениковъ. Дѣйствія людей во все времена опредѣляются одинаковыми началами; и то, что случилось бы съ подобнымъ разговоромъ теперь, случилось и тогда; хотя влияние Пифагора распространилось изъ Кротоны на другіе италійскіе города, но вскорѣ появилась побѣдоносная реакція, новаторы были изгнаны, ихъ учрежденія уничтожены, а основатель ихъ палъ жертвою своихъ враговъ.

Организация, которую Пифагоръ пытался ввести, является исключеніемъ изъ общей греческой политики. Философскія школы представляли скорѣе сборные пункты для лицъ, исповѣдующихъ одинаковыя мнѣнія; но въ государственномъ отношеніи онъ врядъ ли имѣли до тѣхъ поръ какое-либо политическое значеніе.

Когда на сцену выступаютъ политическія или религіозныя чувства, то трудно бываетъ опредѣлить, насколько справедливо описываются связанныя съ ними событія; слишкомъ часто въ этихъ случаяхъ допускаются обманъ и ложь. Среди смуть, вызванныхъ въ Италіи интригами пифагорейцевъ, невозможно вполне точно опредѣлить факты. Одни восхваляли до небесъ Пифагора, считая его чуть ли не сверхъестественнымъ существомъ; они рисовали его величественнымъ и непоколебимо спокойнымъ, облеченнымъ въ бѣлыя одежды, съ золотою короною на лбу, прислушивающимся къ музыкѣ сферъ или инципимъ отдохновенія въ болѣе скромныхъ гимнахъ Гомера, Гезіода и Фалеса, погруженнымъ въ созерцаніе природы или доведеннымъ до экстаза мечтаніями о Богѣ, обнаруживающимъ свое происхожденіе отъ Аполлона чудесами, предсказывающимъ будущее, бесѣдующимъ съ гениями въ одиночествѣ мрачной пещеры, и даже превзошедшимъ чудо внезапнаго

дара языковъ, такъ какъ не подлежащія сомнѣнію свидѣтельства доказываютъ, что онъ присутствовалъ въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ и обращался въ нихъ съ рѣчами къ народу. Его ученики, повидимому, не понимали, что такого рода нетѣпныя утвержденія не могутъ быть поддержаны никакими доказательствами и что, напротивъ того, сильныя и ясныя доказательства, вмѣсто того, чтобы поддерживать фактъ, ради котораго они приведены, еще скорѣе уничтожатъ наше довѣріе къ передающему ихъ человѣку или заставятъ насъ притти къ убѣжденію, что онъ легко поддается обману и легко вѣрится въ ложь.

Враги Пифагора называли его шарлатаномъ или мечтательнымъ мистикомъ, который увлекъ юношество фантастическими выходками франкмасонства, обратилъ слабоумныхъ въ пустыяхъ энтузіастовъ или суровыхъ аскетовъ, вступилъ въ заговоръ противъ государства, доставившаго ему почетный пріютъ, и навлекъ на него смуты и кровопролитія. Среди такихъ противорѣчивыхъ показаній трудно опредѣлить, что слѣдуетъ приписать философу и что шарлатану. При этой неопредѣленности, пифагорейцы пожинаютъ плоды одного изъ ихъ излюбленныхъ правилъ: «не веѣмъ должно быть извѣстно все». Быть можетъ, въ основаніи этихъ политическихъ движеній лежала надежда на установленіе центральнаго пункта союза для многочисленныхъ греческихъ колоній въ Италіи, которыя, несмотря на свои богатства и высокую степень цивилизаціи, были слабы въ силу своихъ внутреннихъ раздоровъ и своего изолированнаго положенія. Разъ имъ удалось бы соединиться помощью какихъ-либо политическихъ или религіозныхъ узъ, онѣ могли бы оказать значительное влияние на возрастающее могущество Рима, а черезъ него и на человѣчество.

Основнымъ догматомъ пифагорейцевъ было то, что «число—сущность или первичный принципъ вещей». Это побуждало ихъ изучать таинства фигуръ и арифметическихъ отношеній и заставляло ихъ предаваться самымъ дикимъ фантазіямъ, доходить, напр., до того, чтобы считать числа дѣйствительно существующими предметами.

Всеобщее одобреніе, встрѣченное ученіемъ Пифагора, объясняется, несомнѣнно, тѣмъ, что имъ заполнялась умственная пустота. Лица, стоявшія въ передовыхъ рядахъ философіи, пришли къ заключенію, что мы не обладаемъ критеріумомъ истины ни относительно внѣшнихъ предметовъ, ни относительно насъ самихъ. Но относительно свойствъ чиселъ и ихъ отношеній такой критеріумъ существуетъ.

Врядъ ли читателю доставило бы удовольствіе изученіе этой системы во всѣхъ ея подробностяхъ; для нашей цѣли достаточно будетъ поверхностнаго ея изложенія. Она признаетъ два рода чиселъ: четныя и нечетныя; и такъ какъ число одинъ или единица заключаетъ въ себѣ одновременно и четныя и нечетныя числа, то ее слѣдуетъ считать истинною сущностью числа и основаніемъ всѣхъ другихъ чиселъ; отсюда значеніе пифагорейскаго выраженія: «все исходитъ отъ одного», которое приняло также форму и слѣдующаго

мистическаго намека»: «Богъ обнимаетъ все и производитъ все, а между тѣмъ онъ—единъ». Числу десять придавали необыкновенное значеніе, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ или образуется изъ сложения 1, 2, 3, 4, т.-е. изъ сложения четныхъ и нечетныхъ чиселъ; вслѣдствіе этого оно, какъ содержащее въ себѣ первыя четыре числа, получило названіе великаго тетрактиса. Нѣкоторые, впрочемъ, увѣряютъ, что это наименованіе давалось числу тридцать шесть. Тριάς пифагорейцы приписывали также большое значеніе, потому что она заключаетъ въ себѣ начало, середину и конецъ. Единичъ или одному они давали названіе чета-нечета, утверждая, что въ этомъ числѣ заключаются свойства четныхъ и нечетныхъ чиселъ, какъ явствуетъ изъ того факта, что если единицу прибавить къ четному числу, оно дѣлается нечетнымъ и наоборотъ. Они распредѣляли первичные элементы природы на таблицы десяти противоположностей, изъ которыхъ четъ и нечетъ составляютъ одну, а свѣтъ и темнота другую. Они говорили, «что природа и энергія числа могутъ быть прослѣжены не только въ божественныхъ и демонскихъ вещахъ, но и въ человѣческихъ дѣлахъ и словахъ, во всѣхъ произведеніяхъ искусства и въ музыкѣ». Свои арифметическіе взгляды они примѣняли даже къ нравственности, увѣряя, напр., что цифры никогда не лгутъ, что онѣ враждебны лжи и что, слѣдовательно, истина принадлежитъ ихъ роду. Эти фантастическія умозрѣнія заставляли ихъ выводить странныя заключенія въ родѣ того, что ложь и зависть царятъ въ безграничномъ и бесконечномъ. Разсуждая такимъ образомъ, они, наконецъ, приходили къ заключенію, что число одинъ содержитъ въ себѣ не только совершенное, но и несовершенное; отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе прекрасное, хорошее и истинное нужно искать не въ началѣ, а при дальнѣйшемъ развитіи. Они учили, что все, что мы знаемъ, должно имѣть начало, середину и конецъ, при чемъ начало и конецъ являются его предѣлами или границами; но середина безгранична и, слѣдовательно, можетъ дѣлиться до бесконечности. Поэтому они разлагали физическое существованіе на точки, какъ изложено въ слѣдующемъ правилѣ: «все составлено изъ точекъ или отдѣльныхъ единицъ, которыя, взятыя въ ихъ совокупности, составляютъ число». При такомъ понятіи ихъ объ ограниченіи, образующемъ крайній предѣлъ, они подъ словомъ «безграничное» понимали промежуточное пространство или интервалъ. Помощью такого рода интерваловъ они получали понятіе о пространствѣ; потому что, разъ единицы или монады, какъ ихъ называли, представляютъ собою простыя геометрическія точки, то какъ бы ни было велико число ихъ, онѣ не могутъ произвести линіи, и только изъ соединенія въ одно монадъ и интерваловъ образуется линія, а слѣдовательно пространство и нѣчто прочное. Что же касается до интервала, существовавшаго между монадами, то нѣкоторые признавали его просто воздушнымъ эфиромъ, но правотверные послѣдователи Пифагора разсматривали его какъ пустоту; это объясняетъ намъ значеніе ихъ нелѣпаго утвержденія, что все на свѣтѣ производится пустотою. Не нужно при этомъ упускать изъ виду,

Философія Пифагора.

что такъ какъ монады — чисто математическія точки и не имѣютъ ни величинъ, ни объема, то и субстанціи не заключаютъ въ себѣ матеріи, а являются только формами.

Пифагорейцы примѣняли эти принципы къ объясненію происхождения міра, говоря, что разъ существованіе его является иллюзіею, то онъ не можетъ происходить во времени, а только кажется происходящимъ человѣческому уму. Время они признавали существующимъ только «какъ различіе рядовъ различныхъ моментовъ, которые, впрочемъ, опять возвращаются къ единству посредствомъ ограничивающихъ моментовъ». Различіе отношеній, которыя мы находимъ въ мірѣ, они объясняли узамъ гармоніи. «Такъ какъ начала вещей не обнаруживаютъ ни подобія, ни сродства, то они не могутъ быть приведены въ порядокъ иначе, какъ черезъ посредство гармоніи, какимъ бы образомъ это ни происходило. Сходныя и однородныя вещи не требуютъ гармоніи; напротивъ того, несходныя и несимметрическія должны быть обязательно связываемы силою гармоніи, чтобы существовать въ мірѣ порядка». Такимъ-то образомъ они переносили понятія о числахъ и гармоніи, разсматривая міръ не какъ простую комбинацію противоположностей, а какъ правильную и гармоническую комбинацію ихъ. Нѣкоторымъ числамъ они, поэтому, приписывали громадное значеніе, увѣряя, что «существуютъ семь струнъ или гармоній, семь плеядъ, семь гласныхъ буквъ и что нѣкоторыя части животнаго организма измѣняются въ теченіе семилѣтнихъ промежутковъ времени». Они доводили до крайности это ученіе о числахъ, считая извѣстныя цифры представителями птицъ, лошади и человѣка.

Это ученіе можно объяснить фактами, хорошо знакомыми всѣмъ химикамъ, которые подобнымъ же образомъ связываютъ извѣстныя числа съ именами нѣкоторыхъ предметовъ. Принимая водородъ за единицу, углеродъ обозначаютъ числомъ 6, кислородъ—8, сѣру—16. Развивая дальше эти принципы, окажется, что нѣтъ на свѣтѣ ни одной субстанціи, простой или сложной, органической или неорганической, которая не находилась бы въ связи съ опредѣленнымъ числомъ. Даже архитектурная форма, напр., человѣка или какого-нибудь другого сложнаго строенія, можетъ, такимъ образомъ, обладать типическимъ числомъ, суммою чиселъ ея составныхъ частей. При этомъ никакого значенія не представляетъ толкованіе, которое мы придаемъ тому или другому изъ этихъ чиселъ, безразлично, будемъ ли мы считать ихъ при этомъ атомическими тяжестями, или, отвергая идею об атомахъ, будемъ признавать ихъ представителями силы. Какъ въ древнемъ философскомъ ученіи, такъ и въ современной наукѣ число неизмѣнно связано съ именемъ данной вещи, какой бы видъ ни имѣла она.

Величайшимъ масштабомъ гармоническаго отношенія для пифагорейцевъ служила музыкальная октава. Физическія свойства, въ родѣ цвѣта и тона, они считали принадлежащими поверхности тѣлъ. Изъ стихій они насчитывали пять—землю, воздухъ, огонь, воду и

Современныя пифагоризмы въ химіи.

эоиръ, соединяя этотъ фактъ съ тѣмъ, что у человѣка пять органовъ чувствъ. Планеты они считали пять; вмѣстѣ съ солнцемъ, луною и землею, планеты эти расположены отдѣльно другъ отъ друга на опредѣленныхъ разстояніяхъ, въ силу музыкальнаго закона, и своими движеніями въ пространствѣ даютъ начало звуку, гармоніи сферъ, незамѣчаемой нами потому, что мы постоянно слышимъ ее. Солнце пифагорейцы ставятъ въ центрѣ системы; вокругъ него обращается земля вмѣстѣ со всѣми другими планетами. Пифагорейская физика и психология. Здѣсь уже геоцентрическое учение было покинуто, и мѣсто его заступило учение гелиоцентрическое. Такъ какъ кругъ является самою совершенною формою, то движенія планетъ круговыя. Луна обитаема, подобно землѣ, но живущіе на ней люди превосходятъ по величинѣ земныхъ людей, въ такой же пропорціи, въ какой періодическое обращеніе луны превосходитъ періодическое обращеніе земли. Млечный путь или произошелъ вслѣдствіе паденія звѣзды или это тотъ путь, по которому солнце совершало нѣкогда свое шествіе. Миръ вѣченъ, но земля преходяща и подлежитъ измѣненіямъ; вселенная имѣетъ форму сферы. Душа человѣка—истеченіе всемірной души и входитъ въ тѣло извнѣ. Изъ существованія сновъ и болѣзней пифагорейцы выводятъ заключеніе о существованіи добрыхъ и злыхъ демоновъ. Души могутъ существовать безъ тѣла, ведя полудремотную жизнь: пылинки въ солнечныхъ лучахъ могутъ быть отождествлены съ ними. Герои и демоны пифагорейцевъ были души, не успѣвшія воплотиться или разставшіяся съ своею тѣлесною оболочкою. Усвоенное ими ученіе о переселеніи гармонировало вполне съ такого рода взглядами, и если оно не признавало абсолютнаго безсмертія души, то, во всякомъ случаѣ, оно утверждало, что душа и послѣ смерти тѣла продолжаетъ жить, потому что лишенный тѣла духъ сейчасъ же опять воплощается, какъ только находитъ подходящее для себя тѣло. Къ этому пифагорейцы присоединяли еще ученіе о наказаніяхъ и наградахъ послѣ смерти, и въ этомъ отношеніи все, что мы говорили о животныхъ, образующихъ пенитенціарные механизмы въ теологіи Индіи и Египта, можетъ быть повторено относительно пифагорейцевъ.

Относительно ихъ политической системы трудно сказать что-нибудь положительное, кромѣ того, что главнымъ элементомъ у нихъ являлась аристократія; въ частной жизни они предписывали умеренность во всемъ, дружбу, соблюденіе вѣры, самоотреченіе, укрѣпляемое аскетическими упражненіями. Они утверждали, какъ правило, что правильное воспитаніе представляетъ громадное значеніе не только для отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и для цѣлаго государства. Самъ Пифагоръ, какъ извѣстно, обращалъ большое вниманіе на опредѣленіе размѣра и тяжести, на отношеніе музыкальныхъ тоновъ, на астрономію и медицину. Онъ приказывалъ своимъ ученикамъ, во время ихъ оргій или собраній для тайнаго поклоненія, упражняться въ гимнастикѣ, танцахъ и музыкѣ. Дѣйствуя согласно со своимъ принципомъ—сообщать людямъ только тѣ знанія, для принятія которыхъ они были достаточно подготовлены, онъ сообщалъ лицамъ, менѣе подготовленнымъ, только экзотерическое

ученіе, оставляя эзотерическое для немногихъ привилегированныхъ, которые провели пять лѣтъ въ молчаніи, претерпѣли униженіе и очистились самоотреченіемъ и жертвами.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію элеатской элеатская философія. философіи. Она отличается отъ предыдущей своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ матеріальнымъ вещамъ и своимъ пристрастіемъ къ сверхчувственному. Имя свое философія эта получила отъ Элея, греческой колоніи въ Италіи; главными представителями ея являются Ксенофанъ, Парменидъ и Зенонъ.

Ксенофанъ былъ родомъ изъ Іоніи, откуда онъ былъ изгнанъ; нѣсколько лѣтъ велъ онъ жизнь странствующаго рабодиста и, наконецъ, поселился въ Элеѣ. Своему ученію онъ придалъ Ксенофанъ представляетъ важный шагъ впередъ въ развитіи философіи. поэтическую форму, чтобы легче распространить его. Толпа отнеслась къ нему подозрительно, вслѣдствіе его оппозиціи Гомеру, Гезіоду и другимъ народнымъ поэтамъ, которыхъ онъ обличалъ въ проповѣдываніи самаго грубаго политеизма и въ томъ, что они унижаютъ идею божества, приписывая богамъ ужасающія безнравственности. Онъ называлъ Бога всемогущимъ и вѣчнымъ существомъ, не представляющимъ никакаго сходства съ человѣкомъ. Строгой монотеистъ, онъ называлъ многобожіе непонятнымъ заблужденіемъ, увѣряя, что, по самой природѣ вещей, не могло быть болѣе одного всемогущаго и всесовершеннаго; потому что, если бы боговъ было хотя бы только два, то и тогда эти атрибуты не могли бы примѣняться къ одному изъ нихъ, тѣмъ болѣе, если бъ ихъ было болѣе двухъ. Этотъ единичный принципъ или единичная сила были для него то же, что и вселенная, субстанція которой, существовавшая во всѣ вѣка, должна быть обязательно тождественною съ Богомъ. Подобно тому, какъ не можетъ быть двухъ вездѣущихъ, не можетъ быть и двухъ вѣчныхъ. Поэтому можно сказать, что въ его идеяхъ замѣчается восточная окраска, такъ какъ трудно представить себѣ болѣе ясное и точное изложеніе пантеизма Индіи.

Читатель, утомленный легкомысліемъ и пустою іонійскою философіею, сразу пойметъ, что имѣетъ здѣсь дѣло съ Онъ приближается къ индусскимъ идеямъ. чѣмъ-то совершенно инымъ. Къ восточному достоинству пониманія присоединяется необыкновенная ясность и точность изложенія.

Ксенофанъ считаетъ всякое откровеніе пустою фикціею; открытіе невидимаго происходитъ только черезъ посредство разума. Общепризнанное вѣрованіе, приписывавшее божеству чувствительности, страсти и преступленія человѣка, кажется ему богохульственнымъ, достойнымъ проклятій. «Существуетъ только одинъ Богъ; онъ не имѣетъ никакого сходства съ тѣлесною формою человѣка, и его мысли совершенно не похожи на наши». Ксенофанъ училъ, что Богъ не имѣетъ частей и повсюду одинаковъ: если бъ онъ имѣлъ части, одна изъ нихъ управляла бы другими, что невозможно, потому что самое представленіе о Богѣ означаетъ полную и всестороннюю верховность. Онъ долженъ быть всецѣло разумомъ,

умомъ и всемогуществомъ» и управлять міромъ совершенно спокойной помощью разума и полного знанія всего. Верховное существо воспринимаетъ все посредствомъ чувственныхъ ощущеній, и не только думаетъ, но и видитъ, и слышитъ. Въ символическомъ смыслѣ Богъ представлялся ему въ видѣ сферы, подобно небесамъ, сферы, которая обнимаетъ и людей, и всѣ земные предметы.

Въ своей философіи природы онъ признавалъ четыре стихіи: землю, воздухъ, огонь и воду; хотя другіе утверждали, что видъ ископаемыхъ рыбъ на верхушкахъ горъ навелъ его на мысль, что сама земля возникла изъ воды и, вообще, что всѣ явленія природы происходятъ отъ соединенія первичныхъ элементовъ. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что все преходящее и что и люди, и земля должны когда-нибудь исчезнуть. Землю онъ считаетъ плоскою поверхностью, съ нижнею частью, простирающеюся до безконечности вглубь и составляющею прочное основаніе. Впрочемъ, свои физическіе взгляды онъ высказываетъ съ сомнѣніемъ, граничащимъ съ скептицизмомъ. «Ни одинъ смертный не знаетъ и никогда не будетъ знать Бога и вселенной, потому что заблужденіе до такой степени охватило всѣхъ и все, что мы оказываемся не въ состояніи рѣшить, когда мы говоримъ правду, а когда лъгъ». Человѣку невозможно надѣяться узнать когда-либо правду, потому что онъ можетъ судить о мірѣ только на основаніи обманчивой виѣшности.

Я не могу закончить этого неполнаго отчета о Ксенофанѣ, который былъ, несомнѣнно, однимъ изъ величайшихъ греческихъ философовъ, не упомянувъ объ его обличеніи Гомера и другихъ поэтовъ его страны за то, что они унизили идею о божествѣ, не указавши на его вѣру въ человѣческую природу, на то, что онъ отвергалъ принципъ скриванія истины отъ толпы, и на его самопожертвованіе въ дѣлѣ распространенія этой истины, вопреки опасностямъ, угрожавшимъ его жизни и свободѣ. Онъ странствовалъ изъ одной страны въ другую, борясь повсюду съ пантеизмомъ, проповѣдуя мудрость въ формѣ рапсодій и гимновъ,—формѣ, въ которой легче всего было въ тѣ времена передавать знанія. Тѣмъ, кто склоненъ былъ бы унижать его философскія заключенія, нужно замѣтить, что многія изъ ихъ наиболѣе выдающихся мѣстъ воспроизводятся въ новѣйшее время, въ доказательство чего я могу привести цитату изъ третьей книги *Principia* Ньютона: «Верховный Богъ существуетъ необходимо, и въ силу этой необходимости онъ существуетъ *вездѣ* и *всегда*. Поэтому онъ совершенно одинаковъ, онъ весь глаза, уши, лобъ, руки, онъ весь обладаетъ силою воспринимать, понимать и дѣйствовать, но не человѣческимъ образомъ, не чисто тѣлеснымъ, а совершенно особеннымъ способомъ, неизвѣстнымъ намъ». Подобно тому, какъ слѣбной не имѣетъ понятія о краскахъ, и мы не имѣемъ понятія о томъ, какъ всевѣдущій Богъ все видитъ и все понимаетъ. Онъ совершенно лишень тѣла и тѣлесной формы, и поэтому его нельзя ни видѣть, ни слышать, его также нельзя осязать и ему нельзя поклоняться подъ видомъ какого-либо тѣлеснаго предмета. Мы имѣемъ

Нѣкоторыя изъ его мыслей повторяются вновь у Ньютона.

понятіе объ его атрибутахъ, но не имѣемъ никакого понятія о дѣйствительной сущности чего бы то ни было».

Элеатской системѣ, основанной, такимъ образомъ, Ксенофаномъ, слѣдуетъ приписать диалектическую фазу, играющую та- Парменидъ о кую выдающуюся роль въ греческой философіи. Послѣд- разумъ и мнѣніи. ния перестала, въ большинствѣ случаевъ, заниматься тѣмъ, что интересовало нѣкогда іонійцевъ, — изслѣдованіемъ видимой природы, явленій, матеріальныхъ вещей и законовъ, управлявшихъ ими. Считая всѣ занятія такого рода обманчивыми, она обратила все свое вниманіе на то, что казалось въ то время единственнымъ истиннымъ знаніемъ: на изслѣдованіе бытія и Бога. Такъ какъ всякая переменна казалась элеатамъ невозможною, то явленія претмственности, представляемыя міромъ, разсматривались какъ чистѣйшія иллюзіи; элеаты увѣряли, что время, движеніе, пространство—фантазіи воображенія или простые обманы чувствъ. Поэтому они отдѣляли разумъ отъ мнѣнія, приписывая первому воспріятія абсолютной истины, а второму несовершенства, обусловленные обманами чувствъ. На основаніи этого принципа, Парменидъ раздѣлилъ сочиненіе о природѣ на двѣ книги: въ первой онъ обсуждалъ разумъ, а во второй мнѣніе. Исходя отъ самой природы бытія несозданнаго и неизмѣннаго, онъ совершенно отрицалъ идею о преемственности во времени, а также отношенія пространства и называлъ всякаго рода переменныя и движенія простыми иллюзіями мнѣнія. Его пантеизмъ высказывается въ заявленіи, что все—разумъ и мудрость; философія дѣлается пантеистическою. въ этомъ и заключается въ дѣйствительности главная черта его ученія; потому что, проводя такимъ образомъ параллель между мыслью и бытіемъ и связывая ихъ понятіемъ, что мысль существуетъ для блага бытія, онъ показываетъ, что ихъ слѣдуетъ считать однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ.

Такого рода глубокомысленныя ученія наполняютъ первую книгу поэмъ Парменида; во второй книгѣ онъ разсуждаетъ о мнѣніи, которое, какъ мы уже говорили выше, находится въ полной зависимости отъ чувствъ, и поэтому недостовѣрно, хотя, конечно, оно не должно быть абсолютно ложнымъ. Для насъ очень трудно возстановить по остаткамъ его сочиненій всѣ подробности его теорій или показать его приближеніе къ іонійскимъ ученіямъ, благодаря признанію имъ въ природѣ двухъ противоположныхъ началъ—эфирнаго огня и тяжелой тьмы, изъ равныхъ пропорцій которыхъ состоятъ всѣ вещи, при чемъ огонь истинное явленіе, а ночь феноменъ. Въ виду такого несущественнаго и обманчиваго основанія его теорій, было бы излишнимъ, даже если бъ у насъ и были подъ рукою всѣ необходимыя данныя, излагать подробно его физическую систему. Во многихъ отношеніяхъ она переходитъ въ дикую фантазію, — напр., когда она ставитъ управляющаго всѣмъ демона въ центрѣ феноменальнаго міра. Такъ же мало должны мы останавливаться на его странномъ повтореніи древняго ученія о происхожденіи всѣхъ животныхъ изъ жидкой глины или слѣдить за его объясненіемъ природы человѣка, который, какъ состоящій изъ свѣта и мрака, заключаетъ въ себѣ и то, и другое, и поэтому не можетъ

никогда добиться абсолютной истины. Современная философія, другими путями и основываясь на менѣ фантастическихъ принципахъ, пришла къ тому же грустному заключенію.

Ученіе Парменида было разработано дальше Зенономъ Элеатскимъ, котораго считаютъ его пріемнымъ сыномъ. Онъ ввелъ въ употребленіе методъ опроверженія помощью *reductio ad absurdum*. Сочиненія его написаны прозою, а не облечены въ поэтическую форму, какъ у его предшественниковъ. Парменидъ стремился доказать существованіе одного, а Зенонъ стремился доказать несуществованіе многихъ. На основаніи этого онъ исходилъ изъ того положенія, что въ дѣйствительности существуетъ только одна вещь и что всѣ прочія вещи являются просто ея видоизмѣненіями или ея обнаруженіями. Онъ отрицаетъ движеніе, но допускаетъ видимость его, признавая подъ этимъ словомъ наименованіе, данное разнаго рода положеніямъ, изъ которыхъ каждое подразумѣваетъ покой. Этотъ догматъ о невозможности движенія онъ доказываетъ четырьмя аргументами; второй изъ нихъ— знаменитое затрудненіе Ахиллеса— выраженъ слѣдующимъ образомъ: «Предположимъ, что Ахиллесъ бѣжитъ въ десять разъ скорѣе черепахи; тѣмъ не менѣе, если черепаха получила шагъ впередъ, Ахиллесъ никогда не будетъ въ состояніи догнать ее; потому что если они, напр., раздѣлены разстояніемъ тысячи футовъ, то пока Ахиллесъ пробѣжитъ тысячу футовъ, черепаха пробѣжитъ сто, а когда Ахиллесъ пробѣжитъ сто футовъ, черепаха пробѣжитъ десять и т. д. до бесконечности; поэтому Ахиллесъ будетъ бѣжать всю жизнь и никогда не догонитъ черепахи». Таковы были его аргументы противъ существованія движенія. Его доказательство существованія единого, нераздѣлимаго и бесконечнаго можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: «Предположить, что единое раздѣлимо, значитъ признавать его конечнымъ. Если оно раздѣлимо, оно должно быть раздѣлимо до бесконечности. Но, предполагая, что двѣ вещи существуютъ, приходится предположить, что между этими двумя вещами существуетъ и интервалъ, нѣчто, раздѣляющее и ограничивающее ихъ. Но что же это такое? Это уже нѣчто *другое*. Но если это не *то же самое*, оно должно быть *также* отдѣлено и ограничено, и такъ до бесконечности. Поэтому одна только вещь можетъ существовать какъ субстратъ всѣхъ многочисленныхъ явленій». Зенонъ доставляетъ намъ примѣръ обманчивости ощущеній въ своемъ аргументѣ противъ Протагора. Приведемъ его здѣсь, какъ образчикъ его метода разсужденія: «Онъ спросилъ, произведетъ ли при паденіи на землю шумъ зерно хлѣба или десятитысячная его часть. На послѣдовавшій отрицательный отвѣтъ—онъ опять задать вопросъ: «А былъ ли бы шумъ при паденіи мѣры хлѣба?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ опять спросилъ, не находится ли въ извѣстныхъ условіяхъ пропорціи мѣра зерна къ одному зерну; такъ какъ этого отрицать было нельзя, то онъ вывелъ отсюда заключеніе, что или цѣлая мѣра хлѣба не производитъ никакого шума при паденіи, или даже самая ничтожная часть зерна производитъ его».

Къ именамъ перечисленныхъ уже нами философовъ элеатской школы прибавимъ еще имя Мелисса Самосскаго, который основывалъ свою аргументацію на характеръ бытія, выводилъ изъ него его единство, неизмѣняемость и нераздѣляемость. Онъ отрицалъ, подобно остальнымъ представителямъ той же школы, всякую переменъ и движеніе, считая ихъ простыми обманами чувствъ. Отъ недѣлимости вещей онъ выводилъ безтѣлесность, вслѣдствіе чего отрицалъ совершенно всякое тѣлесное существованіе.

Списокъ философовъ элеатской школы будетъ неполонъ, если не включить въ него Эмпедокла Агригентскаго, который въ легендѣ можетъ соперничать съ Пифагоромъ. На востокъ онъ изучилъ медицину и магію, искусство дѣлать чудеса и вызывать дождь и вѣтеръ. Онъ облачалъ себя въ священническія одежды, въ золотой поясъ и надѣвалъ на голову корону, провозглашая себя богомъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ не умеръ, а живымъ вознесся на небо, въ сверхъестественной славѣ. Другіе же говорятъ, что, желая скрыть причину своей смерти и прослыть, такимъ образомъ, богомъ, онъ бросился въ кратеръ Этны,—но его ожиданіе не было оправдано, потому что изверженіе вулкана выбросило одну изъ его мѣдныхъ сандалій.

Въ согласіи съ философскою школою, къ которой онъ принадлежалъ, онъ опирался на разумъ и не довѣрялъ внѣшнимъ чувствамъ. Изъ сохранившихся остатковъ его произведеній видно, что онъ относился одинаково скептически какъ къ руководству перваго, такъ и къ руководству послѣднихъ, основывая свое недовѣріе на пріобрѣтенныхъ душою несовершенствахъ, вслѣдствіе которыхъ она была осуждена существовать въ этомъ мірѣ и даже переселяться изъ одного тѣла въ другое. Въ виду одного изъ положеній элеатской школы, главнаго, что только одинаковое можетъ познать одинаковое, огонь можетъ быть познанъ огнемъ, любовь любовью и т. д., признаніе человѣкомъ божественнаго служитъ недостаточнымъ доказательствомъ существованія божественнаго. Первичныхъ элементовъ считали четыре: земля, воздухъ, огонь и вода; къ нимъ онъ присоединилъ еще два начала: любовь и ненависть. Эти четыре элемента онъ признавалъ четырьмя богами или вѣчными божественными силами, такъ какъ изъ нихъ возникаютъ всѣ вещи. Любовь онъ считалъ созидающею силою, а ненависть измѣняющею или разрушающею. Отсюда ясно, что строго философская система Ксенофана выродилась у него въ нѣчто смѣшанное, мистическое, въ смѣсь физическихъ, метафизическихъ и нравственныхъ взглядовъ и что, какъ естественное послѣдствіе такого рода положенія дѣлъ, принципы знанія получили совершенно неопредѣленный видъ, возникло сомнѣніе въ достовѣрности всѣхъ философскихъ системъ и зародился всеобщій скептицизмъ.

Къ этому результату ведутъ не въ малой степени и труды Демокрита Абдеритскаго. У него было то преимущество надъ другими, что онъ былъ человѣкъ очень богатый и имѣлъ, поэтому, полную возможность пріобрѣсти всѣ желательныя для него знанія. Говорить, что богатства его отца были такъ велики, что онъ могъ при-

нимать у себя перидскаго царя Ксеркса, который, въ благодарность за радушный пріемъ, оставилъ у него нѣсколькихъ маговъ и халдеевъ, для воспитанія его сына. По смерти отца Демокритъ подѣлился состояніемъ со своими братьями, оставивъ въ своемъ распоряженіи только движимую часть имущества, чтобы получить возможность посвятить себя путешествіямъ. Онъ отправился въ Египеть, Эіопію, Персію и Индію, черпая знанія изъ всѣхъ этихъ источниковъ.

Согласно Демокриту, «нѣтъ ничего вѣрнаго, а если и есть, то оно не доступно намъ». Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ <sup>Демокритъ утверждаетъ не-
достоверности
знанія.</sup> его системѣ ощущенія образуютъ мысль и въ то же время представляютъ собою лишь измѣненіе въ чувствующемъ существѣ, «то ощущенія по необходимости истинны». Изъ этого нѣсколько темнаго положенія можно заключить, что съ точки зрѣнія Демокрита хотя ощущеніе истинно субъективно, но не истинно объективно. Сладкое, горькое, горячее, холодное—простыя измышленія нашего ума; но въ тѣхъ внѣшнихъ предметахъ, которымъ мы приписываемъ ихъ, существуютъ только атомы и пространства, а наши мнѣнія о свойствахъ такого рода предметовъ основываются на изображеніяхъ, возникающихъ вслѣдствіе дѣйствія ихъ на наши внѣшнія чувства. Смѣшная, такимъ образомъ, ощущеніе съ мыслью и устанавливая ихъ тождественность, онъ, кромѣ того, признаетъ разумъ необходимымъ для пріобрѣтенія истиннаго знанія, такъ какъ ощущеніе само по себѣ недостоверно. Такимъ образомъ, хотя ощущеніе можетъ указать намъ, что сладость, горечь, тепло и холодъ встрѣчаются въ тѣлахъ, разумъ научаетъ насъ понимать, что все это чистѣйшая иллюзія и что въ дѣйствительности существуютъ только атомы и пространство.

Обративъ затѣмъ вниманіе на разрѣшеніе вопроса о воспріятіи,—какимъ образомъ умъ получаетъ понятіе о существованіи внѣшнихъ предметовъ,—онъ прибѣгаетъ къ гипотезѣ, что они постоянно непускаютъ изъ себя изображенія, ассимилирующіяся воздухомъ, черезъ который они проходятъ, и проникающія въ душу черезъ поры органовъ чувствъ. Вслѣдствіе этого такого рода изображенія, обладающія чисто поверхностною формою, являются по необходимости несовершенными и невѣрными, и такимъ же должно быть и знаніе, которое доставляется ими. Демокритъ отвергаетъ единый элементъ элеатовъ, утверждая, что элементовъ должно быть много; но онъ не соглашается признавать ни четырехъ элементовъ Эмпедокла, ни его началъ—любовь и ненависть, ни гомеомерій Анаксагора. Онъ отвергаетъ также, что первичные элементы одарены какими-либо чувственными качествами. Онъ считаетъ, что всѣ вещи состоятъ изъ невидимыхъ, неосязаемыхъ и нераздѣлимыхъ частицъ или атомовъ, которые, въ силу измѣненія въ ихъ очертаніяхъ, положеніяхъ или комбинаціяхъ, даютъ начало разнообразію формъ; атомамъ онъ приписываетъ самостоятельное и вѣчное существованіе. Поэтому его ученіе объясняетъ, какимъ образомъ многое возникаетъ изъ одного, и въ этомъ отношеніи онъ примиряетъ видимыя противоположности между іонянами и элеа-

тами. Теорія химіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ, заключаетъ въ себѣ въ сущности его <sup>Судьба, рокъ,
нѣпреложный
законъ.</sup> воззрѣнія. Общимъ образовательнымъ началомъ природы онъ считаетъ судьбу или рокъ; но есть указанія, что онъ подъ этими словами подразумевалъ непреложный законъ.

Система, основанная, такимъ образомъ, на строго математическихъ данныхъ и принимающая за исходный пунктъ пустоту и атомы, пустоту бездѣйственную и безстрастную,—система, признающая произведеніе новыхъ предметовъ лишь новыми соединеніями ихъ, а разрушеніе старыхъ—только разложеніями ихъ и усматривающая въ сложныхъ тѣлахъ особое расположеніе атомовъ относительно другъ друга,—система, могущая возвыситься до понятія, что даже одинъ атомъ можетъ образовать изъ себя цѣлый міръ,—такая система можетъ привлечь къ себѣ наше вниманіе своими результатами, но врядъ ли заслужитъ наше одобреніе, когда мы увидимъ, что, развивая дальше ея положенія, оказывается, что даже математическія знанія совершенно фиктивны; что душа лишь уточенная форма, втиснутая въ болѣе грубую тѣлесную <sup>Ученіе это ведетъ къ ато-
маму.</sup> форму; что даже разумъ абсолютно лишенъ возможности узнать что-либо достоверно; что скептицизмъ долженъ быть доведенъ до такой степени, чтобы мы сомнѣвались даже въ томъ, равны ли объ поверхности конуса, разрѣзаннаго пополамъ; что конечнымъ результатомъ человѣческаго изслѣдованія должно быть неопровержимое доказательство того, что человѣкъ неспособенъ къ знанію; что, даже если бъ онъ овладѣлъ истинною, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ ней; что вселенная—созданіе нашей фантазіи и что Бога нѣтъ.

Врядъ ли слѣдуетъ при этомъ распространяться о легендарныхъ разказахъ, ходившихъ по рукамъ, относительно <sup>Легенды о Де-
мокритѣ.</sup> Демокрита,—напр., что онъ выжегъ свои глаза, чтобы они не вводили его больше въ заблужденіе ложными представленіями и чтобы получить возможность спокойнѣе упражнять свой разумъ; эта фикція носитъ явные слѣды насмѣшки его враговъ, саркастической выходки, которая, послѣ цѣлаго ряда вѣковъ, была возведена въ дѣйствительный фактъ. Что же касается до его привычки постоянно осмѣивать знанія и безумства людей, за что онъ получилъ названіе смѣющагося философа, то можно въ этомъ отношеніи сослаться на мнѣніе великаго врача Гиппократа: абдерекій народъ призвалъ его, чтобы выгнать философа отъ сумасшествія; послѣ долгаго разговора съ Демокритомъ, Гиппократъ до такой степени проникся удивленіемъ и уваженіемъ къ нему, что выбранилъ пославшихъ за нимъ, сказавъ, что они сами болѣе походятъ на сумасшедшихъ, чѣмъ его пациентъ.

До сихъ поръ европейская Греція мало сдѣлала успѣховъ въ области философій. Главныя философскія школы находились въ Малой Азіи и въ греческихъ колоніяхъ, расположенныхъ въ Италіи. Но, наконецъ, пришло время, когда и метрополія вступила на тотъ же путь,—хотя начало, нужно сознаться, оказа- <sup>Возникновеніе
философій въ</sup> лось далеко не благоприятнымъ. Это былъ, впрочемъ, не

европейской Греціи. единственнѣйшій случай, когда умственная дѣятельность греческихъ колоній оказывала вліяніе на судьбу Европы. Торговая дѣятельность даннаго общества всегда ведетъ за собою усиленную умственную дѣятельность и пробуждаетъ духъ предприимчивости; она освѣщаетъ настоящимъ образомъ предписанныя свыше мнѣнія и придаетъ всему настоящую оцѣнку. Если греческія колоніи отправляли важную функцію выработки и распространенія умозрительной философіи, то черезъ пятьсотъ лѣтъ мы застаемъ ихъ за разрѣшеніемъ той же задачи при наступленіи того періода времени, когда философскія умозрѣнія готовились уступить мѣсто религиозной вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что быстрымъ распространеніемъ своимъ въ первые годы христіанство было обязано легкости сообщенія между торговыми городами, разбѣянными по всему побережью Средиземнаго моря, отъ портовъ Леванта до портовъ Франціи и Испаніи. Въ теченіе пяти столѣтій до Р. X. между ними происходили самыя оживленныя сношенія; дѣятельность ихъ все болѣе и болѣе усиливалась подъ римскимъ вліяніемъ и они приобрѣли еще болѣе политическое значеніе. Такого рода порядокъ вещей въ высшей степени благоприятенъ какъ для пропаганды мысли, такъ и для ея зарожденія, такъ какъ онъ способствуетъ постоянному возбужденію умственной дѣятельности. Торговля общины представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность земледѣльческому. Съ ихъ помощью умозрительная философія распространилась быстро повсюду, какъ это случилось впоследствии и съ христіанствомъ. Напротивъ того, земледѣльческія общины съ удивительнымъ упорствомъ держались предковскихъ традицій и политическіхъ нелѣпостей, пока самое наименованіе—паганізмъ, подъ которымъ система эта была извѣстна, не обратилось въ насмѣшливое прозвище, обязанное имъ своимъ происхожденіемъ.

Умственные условія греческихъ колоній Италіи и Сициліи не въ достаточной степени привлекли къ себѣ вниманіе критиковъ. Хотя для лицъ, привыкшихъ придавать наибольшее значеніе простымъ матеріальнымъ увеличеніямъ территоріи, политическіе результаты, къ которымъ они привели, могутъ показаться совершенно ничтожными сравнительно съ послѣдовавшимъ затѣмъ могуществомъ римскаго государства,—но кто смотритъ на вещи съ болѣе общей точки зрѣнія, тотъ можетъ призадуматься надъ вопросомъ, не привела ли философія, разрабатываемая въ этихъ городахъ, къ болѣе основательнымъ и прочнымъ результатамъ, чѣмъ военные доспѣхи вѣчнаго города. Отношенія итальянскаго полуострова къ развитію европейской цивилизаціи могутъ быть распределены на три эпохи, изъ которыхъ первая соответствуетъ философіи, зародившейся въ южныхъ греческихъ городахъ: она достигла бы гораздо болѣе высокой степени развитія, если бы этому не помѣшало быстрое усиленіе римскаго могущества; вторая представляетъ военную власть республиканскаго и имперскаго Рима; третья создана вліяніемъ церковнаго Рима, и была подготовлена дружнымъ дѣйствіемъ двухъ первыхъ. Слѣдова-

тельно Италія оказала на всю цивилизацію философское, матеріальное и смѣшанное вліяніе. Исторія первой эпохи далеко еще не достаточно разработана, и многіе факты требуютъ еще несомнѣнно трудолюбиваго и просвѣщеннаго изслѣдованія.

Греція вынуждена была устраивать колоніи въ виду своей небольшой территоріи и своего многочисленнаго населенія. Къ этимъ причинамъ надо прибавить внутренніе раздоры и въ особенности послѣдствія неравныхъ браковъ. Эти колоніи и ихъ отпрыски такъ размножились, что греческое вліяніе преобладало на всемъ побережьи Средиземнаго моря и на многіхъ изъ его главныхъ острововъ, при чемъ нужно сказать, что на послѣдніе обращали особенное вниманіе, въ виду ихъ предполагаемаго стратегическаго значенія. Такъ, по мнѣнію Александра Великаго, тотъ, кто владѣлъ Кипромъ, властвовалъ надъ Средиземнымъ моремъ. Греческіе колонисты были флибустьерами; они захватывали силою женщинъ тамъ, гдѣ поселялись, но дѣти ихъ научались говорить на родномъ отцовскомъ языкѣ, какъ это случилось въ болѣе позднее время съ потомками испанцевъ въ Америкѣ. Богатство нѣкоторыхъ изъ этихъ греческихъ колониальныхъ городовъ было, какъ говорятъ, невѣроятно. Кротона занимала болѣе двѣнадцати миль въ окружности, а Сибарисъ, другая изъ итальянскихъ колоній, отличалась такою роскошью и расточительностью, что вошла въ пословицу. Процвѣтаніе этихъ двухъ городовъ обусловливалось двумя причинами: они не только служили центрами обширныхъ земледѣльческихъ округовъ, но и вели во всѣхъ направленіяхъ дѣятельную торговлю, такъ какъ густо населенныя метрополи доставляли имъ постоянный и выгодный рынокъ. Они въ то же время поддерживали дѣятельныя торговныя сношенія и съ другими городами Средиземнаго моря: снабжая Аѳины хлѣбомъ, они снабжали Карфагенъ масломъ. Въ греческихъ городахъ, находившихся въ связи съ колониальною системою, особенно въ Аѳинахъ, кораблестроеніе и мореплаваніе производились въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что придавали совершенно оригинальный отбѣнокъ общественной жизни. Въ другихъ частяхъ Греціи, какъ, напр., въ Спартѣ, положеніе дѣлъ представлялось совершенно инымъ. Въ этомъ государствѣ законы Ликурга уничтожили частную собственность; всѣмъ владѣли сообща; дикая жизнь была возведена въ систему. Поэтому тамъ не существовало предметовъ для торговли. Но въ Аѳинахъ торговля находилась въ такомъ большомъ почетѣ, что самыя знаменитыя аѳинскіе дѣятели, имена которыхъ переданы намъ, какъ имена философовъ, занимались торговлею: Аристотель, напр., держалъ москотильную лавку въ Аѳинахъ, а Платонъ продавалъ масло въ Египтѣ.

Аѳины, въ случаѣ успѣшнаго завоеванія Сициліи, намѣревались напасть на Карфагенъ, предвидя, что это должно неминуемо повести къ преобладанію надъ Средиземнымъ моремъ, что и было достигнуто впоследствии Римомъ. Разрушеніе этого города послужило началомъ возвышенія великой римской республики. Карфагенъ былъ расположенъ на полуостровѣ въ сорокъ пять миль въ

окружности, съ перешейкомъ всего въ три мили ширины. Береговая линия его территоріи равнялась по меньшей мѣрѣ 1400 милямъ и заключала въ себѣ триста городовъ. У него были еще владѣнія въ Испаніи, въ Сициліи и на другихъ островахъ Средиземнаго моря, владѣнія, пріобрѣтенныя не завоеваніемъ, а путемъ колонизаціи. На его серебряныхъ рудникахъ въ Испаніи работало сорокъ тысячъ человѣкъ. Въ этомъ отношеніи Кароагенъ руководился правилами своихъ финикійскихъ предковъ,—потому что тиряне устраивали колоніи, чтобъ имѣть складочныя мѣста, и обладали сорока станціями этого рода на Средиземномъ морѣ. Самъ Кароагенъ возникъ этимъ же путемъ, будучи обязанъ своимъ происхожденіемъ положенію, которое онъ занималъ у мѣста слиянія восточнаго и западнаго бассейновъ. Кароагенскіе купцы не перевозили за деньги чужихъ товаровъ, а торговали своими собственными. А это требовало обширной системы складовъ и конторъ. Они превосхитили многіе изъ обычаевъ современной торговли; такъ, напр., они прибѣгали къ страхованію, устраивали займы подъ закладъ судна; говорятъ, что ихъ кожаная монета соответствовала нашимъ банковымъ билетамъ.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о нападеніяхъ азіатовъ на Египетъ и на южный берегъ Средиземнаго моря; теперь мы рассмотримъ ихъ предпріятія на сѣверномъ берегу, послѣдствія которыхъ представляютъ громадное значеніе для исторіи философіи. Города Малой Азіи, послѣ борьбы съ лидійскими царями, легко, повидимому, подчинились персидскому вліянію. Теперь персамъ оставалось пріобрѣсть такую же власть въ Европѣ. Предлогъ легко найти, когда политика такъ ясна. Что касается до внутреннихъ условій Греціи, то трудно представить себѣ что-нибудь болѣе привлекательное для завоевателя. Между различными городами ея отсутствовала, повидимому, какая бы то ни была связь, а самый важный изъ нихъ находился въ состояніи хронической революціи. Въ Аѣнахъ съ 622 г. до Р. X. законы Дракона были замѣнены законами Солона; власть постоянно переходила отъ одного искателя приключеній къ другому то насильственнымъ путемъ, то путемъ интригъ. При такихъ обстоятельствахъ персидскій царь переправился со своею арміею въ Европу. Военныя событія этой эпохи и послѣдующее вторженіе Ксеркса были болѣе чѣмъ достаточно обрисованы пылкимъ воображеніемъ ихъ современниковъ—грековъ. Незачѣмъ было, впрочемъ, сочинять басни въ родѣ вторженія въ Европу милліона людей или смерти двухсотъ тысячъ людей на полѣ сраженій при Платеѣ. Если даже не было такихъ фактовъ, какъ взятіе и сожженіе Аѣнъ, но одно то обстоятельство, что войны эти длились пятьдесятъ лѣтъ, достаточно убѣдило бы насъ, что преимущества были не съ одной только стороны. Войны, которыя такъ долго длятся, не могутъ не принести обѣимъ сторонамъ столько же несчастій, сколько и славы; и если бы онѣ были въ дѣйствительности такими истребительными и ужасными, какими рисуютъ ихъ классическіе авторы, то нужно

Преобладаніе Кароагена на Средиземномъ морѣ.

Попытки персовъ получить господство надъ Средиземнымъ моремъ.

Борьба между персами и греками.

Пятидесятилѣтняя война и верховенство Аѣнъ.

было бѣ удивляться, почему въ персидскихъ лѣтописяхъ сохранилось такъ мало воспоминаній о нихъ. Греки не поняли, что если бы потомство приняло на вѣру ихъ рассказы, то пальма первенства была бы вручена персамъ, которые съ невѣроятнымъ упорствомъ продолжали свои нападенія, несмотря на безпримѣрныя катастрофы. Они не поняли, что лѣтописи страны были бы еще болѣе славны, если бы въ нихъ выразилось мужество, которое въ теченіе полувѣка переносило неутомимо постоянныя неудачи и въ концѣ концовъ извлекло побѣду изъ пораженія.

Продолжая свою политику, персы распространили свою власть до Кирены и Барки на югѣ и до Фракіи и Македоніи на сѣверѣ. Персидскія войны дали толчокъ тому изумительному развитію греческаго искусства, которое вполне заслуженно возбуждало удивленіе послѣдующихъ вѣковъ. Совершенно справедливо сообщеніе, что послѣ этихъ войнъ греки научились изображать въ скульптурѣ живыхъ людей. Со стороны персовъ эти военныя предпріятія представляли по своему духу нѣчто совершенно различное отъ обыкновенныхъ грубыхъ войнъ древнихъ завоевателей: они являлись необходимыми послѣдствіями очень ловкой политики, цѣлью которой было пріобрѣтеніе новыхъ странъ не для опустошенія, а для взиманія съ нихъ дани. Великій критикъ Нибуръ, мнѣніемъ котораго я руководюсь при изложеніи настоящихъ взглядовъ, заявляетъ, что греческіе рассказы, при строгомъ ихъ разборѣ, представляютъ мало достовѣрнаго. Персидская имперія несколько не признавала отъ войнъ съ Греціей, а Платонъ, мнѣніе котораго надо признать весьма авторитетнымъ, говоритъ, что персидскія войны принесли весьма мало чести грекамъ. Достоверно извѣстно, что только тридцать одинъ городъ, и то по большей части изъ самыхъ мелкихъ, остались вѣрными Греціи. Измѣна родинѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заражала, повидимому, самыхъ выдающихся ея дѣятелей. Не одинъ Павзаній желалъ сдѣлаться царемъ съ помощью персовъ. Подобнаго рода саграпъ всегда согласился бы стать въ такое же положеніе къ великому царю, въ какое современный паша стоитъ къ великому султану. Тѣмъ не менѣе мы должны отдать справедливость этимъ способнымъ людямъ. Царя-то Греціи и нужно было; если бѣ ей удалось въ то время найти человѣка, достаточно сильнаго, чтобы сдержать въ уздѣ ея борющіеся интересы, она могла бы сдѣлаться владычицею міра. Ея руководители понимали это.

Возвышающее дѣйствіе персидскихъ войнъ проявилось главнымъ образомъ въ Аѣнахъ. Здѣсь-то произошло сильное развитіе чистаго искусства, литературы и науки. Спарта осталась въ томъ же варварскомъ состояніи, въ какомъ находилась и раньше; спартанцы продолжали вести себя обманщиками и разбойниками, а въ національной жизни у нихъ проявлялось попрежнему мало чертъ, достойныхъ подражанія. Механическое искусство достигло совершенства въ Коринѣ, реальное—въ Аѣнахъ, гдѣ оно нашло множество не только истинныхъ, но и новыхъ выраженій. До Перикла единственнымъ стилемъ архитектуры былъ дорическій; но съ тѣхъ поръ начинается

Слѣдствіемъ войнъ является обширный умственный прогрессъ Аѣнъ.

полный расцвѣтъ ея красоты. Наступилъ тогда же вѣкъ свободо-
Успѣхи Аѳинъ
въ области
искусства. мышленія, отпаденія отъ народной вѣры. Въ этомъ отно-
 шеніи исторія Перикла и Аспазіи весьма поучительна. Это былъ также вѣкъ ораторскаго искусства, но искусства фальши-
 ваго, ведущаго къ обману; да и вообще демократическія формы
 правленія въ Аѳинахъ были совершенно фиктивны, потому что
 власть сосредоточивалась все время въ рукахъ немногихъ руководя-
 щихъ людей, которые дѣлали все. Истинное народное чувство, какъ
 всегда почти бывало въ этихъ древнихъ республиканскихъ учре-
 жденіяхъ, не имѣло почти никогда возможности свободно выразиться.
 Великіе люди были слишкомъ склонны смотрѣть свысока на сво-
 ихъ согражданъ и играть ими точно пѣшками въ борьбѣ другъ
 противъ друга, считая высшею цѣлью жизни власть и наслажде-
 ніе и признавая любовь, самопожертвованіе и преданность пустыми
 фикціями, а клятвы годными только для обмана.

Хотя въ періодъ персидскихъ войнъ уровень государственной
 мудрости былъ очень низокъ, но среди греческихъ вождей нахо-
 дились, несомнѣнно, нѣкоторые, понимавшіе ясно побудительныя
 причины нападеній азіатовъ; вслѣдствіе этого, по инстинкту само-
 сохранения, постоянно поддерживались оборонительные союзы съ
Договоръ съ Пер-
сією. Египтомъ. Когда, наконецъ, храбрость и упорство гре-
 ковъ привели къ благопріятному для нихъ исходу войны,
 устроенъ былъ мирный договоръ, статьи котораго даютъ ясно по-
 нять причины и побужденія, руководившія обѣими сторонами. Пер-
 сидскіе корабли не смѣли больше появляться между Кіанейскими
 скалами и Хелидонскими островами; персидскія войска не смѣли
 приближаться на три дня разстоянія отъ береговъ Средиземнаго
 моря (449 до Р. X.).

Война доставила самимъ Аѳинамъ сильное политическое пре-
 обладаніе. Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ, достаточно по-
 смотрѣть на положеніе ихъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ битвы
 при Платеѣ. Аѳины владѣли болѣе чѣмъ тысячею миль побережья
 Малой Азіи; отъ нихъ зависѣло болѣе сорока острововъ; они власт-
 вовали надъ водами между Средиземнымъ и Чернымъ морями, мо-
 нополизировали торговлю всѣхъ смежныхъ странъ; магазины ихъ
 были наполнены драгоценными предметами торговли. Изъ пепла
Аѳины дѣла-
ются центромъ
политики и фи-
лософій. персидскаго огня Аѳины возстали въ такой чудной кра-
 сотѣ, что храмы ихъ, статуи и предметы искусствъ, по
 своему чудному совершенству, не имѣли себѣ подобныхъ
 въ мірѣ. Умственное превосходство ихъ равнялось политическому.
 Къ нимъ, какъ къ фокусу, сходились отовсюду лучи свѣта. Фило-
 софы Италіи и Малой Азіи стремились къ Аѳинамъ, какъ къ при-
 знанному центру умственной дѣятельности. Что касается до Египта,
 то онъ окончательно палъ послѣ разоренія его персидскими вой-
 сками. Но хотя персы разрушили самую древнюю цивилизацію
 земнаго шара, но мы не должны выводить отсюда заключеніе, что
 они были ненавистниками знанія или безпощадны, какъ вла-
 стители. Не надо забывать, что греки Малой Азіи были довольны
 ихъ управленіемъ и предпочитали оставаться ихъ подданными,

чѣмъ вступать въ какую-либо прочную связь съ властолюбивыми
 греками Европы.

Окруженные, такимъ образомъ, политическою славою, Аѳины
 сдѣлались не только родиною новыхъ и прекрасныхъ произведеній
 искусства, но и выработали болѣе вѣрную оцѣнку истиннаго, чѣмъ
 какая была когда-либо достигнута раньше въ цѣломъ мірѣ (и мож-
 но прибавить, что она до сихъ поръ не была еще ни разу превзой-
 дена, а даже, быть можетъ, не нашла себѣ и равныхъ), и стали
 центромъ, гдѣ сосредоточивались всѣ философскія мнѣнія, какъ но-
 выя, такъ и древнія. Ионяне, итальянцы, египтяне, персы, — всѣ
 стекались въ Аѳины, сравнивая и противопоставляя свои теоріи
 и мнѣнія. Остальная часть страны мало принимала участія въ раз-
 работкѣ науки. Сильно заблуждаются тѣ, кто считаетъ, что вся
 Греція, во всей ея совокупности, была просвѣщенной страной.

Мы уже видѣли, какъ работы отдѣльныхъ изслѣдователей
 привели ихъ во многихъ случаяхъ, шагъ за шагомъ, къ сомнѣ-
 нію въ дѣйствительномъ существованіи человѣческаго знанія. Раз-
 сматривая теперь результаты, добытые различными фи-
 лософскими школами, мы не можемъ не замѣтить въ
 нихъ общей тенденціи къ скептицизму. Мы уже видѣли,
 какъ элеаты перенесли отъ матеріальныхъ и осязатель-
 ныхъ начинаній ионянъ не только къ чистому атеизму, но и къ
 невѣрію въ существованіе міра. И хотя можно сказать, что это
 были лишь изолированные результаты, полученные отдѣльными
 школами, но не нужно забывать, что это были школы самыя пере-
 довыя. Настало время, когда имя учителя перестало заступать
 мѣсто разума, какъ это было до сихъ поръ, когда послѣдніе ре-
 зультаты различныхъ методовъ философіи были собраны вмѣстѣ,
 когда установленъ былъ высшій родъ критицизма и выведены изъ
 него высшаго рода заключенія.

Такъ будетъ всегда съ человѣческимъ изслѣдованіемъ. Пер-
 вичные философскіе элементы, изъ которыхъ мы исхо-
 димъ въ своихъ разсужденіяхъ, изучаются сначала од-
 нимъ изслѣдователемъ, затѣмъ другимъ; каждый изъ нихъ дѣлаетъ
 свои окончательные выводы и заключенія, твердо вѣруя въ ихъ
 справедливость. Каждый разсматриваетъ предметъ съ особой точки
 зрѣнія, не заботясь о разнорѣчіяхъ, противорѣчіяхъ и несомвѣсти-
 мостяхъ, очевидныхъ въ томъ случаѣ, когда результаты его ра-
 боты сравниваются съ результатами работъ другихъ изслѣдовате-
 лей, не уступающихъ ему въ искусствѣ. Съ теченіемъ времени
 образуется, по необходимости, новая школа изслѣдователей, кото-
 рые, принимая въ основаніе своихъ разсужденій результаты, добы-
 тые ихъ предшественниками при изученіи первичныхъ элементовъ,
 начинаютъ производить вторичное сравненіе, — сравненіе резуль-
 татовъ съ результатами, сравненіе высшаго порядка и болѣе спо-
 собное привести къ истинѣ.

Быть можетъ, для уясненія того, что я хочу ска-
 зать, употребляя выраженія—вторичный и высшій ана-
 лизъ философскихъ вопросовъ, мнѣ лучше всего при-
Примѣръ изъ
послѣдующей
римской исто-
ріи.

вести примѣръ того, что произошло въ Римѣ, благодаря установившейся въ немъ политикѣ всеобщей религіозной терпимости. Жрецамъ и послѣдователямъ различныхъ религій разрѣшено было безпрепятственно отправлять свое богослуженіе и поклоняться своимъ богамъ. Можно предположить, что почти всѣ они были вполне искренни въ своей преданности различнымъ божествамъ, и въ случаѣ нужды сумѣли бы доставить много неоспоримыхъ аргументовъ въ пользу превосходства своей вѣры и истины своихъ ученій. Тѣмъ не менѣе ясно вполне, что, благодаря соприкосновенію этихъ различныхъ первичныхъ религіозныхъ системъ, произошло сравненіе между ними, сравненіе вторичнаго, высшаго порядка, слѣдовательно, болѣе приближающагося къ абсолютной истинѣ. Извѣстно, что результатомъ этого вторичнаго изслѣдованія было философское отрицаніе политеизма.

Такъ и въ Аѳинахъ въ результатъ вторичнаго изслѣдованія

Софисты. философскихъ системъ и выводовъ получился скептицизмъ относительно всѣхъ ихъ и возникновеніе новаго рода мыслителей — софистовъ, которые не только отвергали основательность всѣхъ предыдущихъ философскихъ методовъ, но доводили свое невѣріе до степени, совершенно не соответствовавшей фактамъ; такъ, напр., они не только отрицали успѣхи человѣческаго разума въ дѣлѣ пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній, но утверждали, что человѣческій умъ, въ силу своей природы, какъ зависимый отъ человѣческой организаціи или отъ условій, при которыхъ онъ дѣйствуетъ, совершенно неспособенъ къ изысканію истины; даже если бъ истина случайно открылась ему, онъ не могъ бы быть увѣреннымъ въ обладаніи ею, такъ какъ у него нѣтъ критеріума для распознаванія ея. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ у насъ нѣтъ мѣрилы истиннаго, то у насъ не можетъ быть и мѣрилы добра, и что наши идеи о добрѣ и злѣ или чисто условны, или выработаны воспитаніемъ. Иначе, употребляя любимое выраженіе софистовъ, «сила создаетъ право». Въ виду этого справедливость и несправедливость — простыя фикціи, созданныя обществомъ и не имѣющія вѣчнаго или абсолютнаго существованія въ природѣ. Воля монарха или большинства въ обществѣ заявляетъ, что должно признаваться закономъ; законъ опредѣляетъ, что справедливо и что несправедливо; слѣдовательно, эти понятія, вмѣсто того, чтобы существовать въ дѣйствительности, являются чистыми иллюзіями, обязанными своимъ происхожденіемъ дѣйствию силы. Сила Они отвергаютъ философію и даже нравственность. выработала и опредѣлила понятіе о правѣ. Отсюда слѣдуетъ, что человѣку незачѣмъ смущать себя укорами совѣсти или давать смущать себя другимъ, потому что совѣсть не существуетъ въ дѣйствительности, а является чистѣйшею фикціею, или, въ крайнемъ случаѣ, обязана своимъ происхожденіемъ воспитанію и является созданіемъ нашего общественнаго состоянія. Поэтому мудрецъ никогда не будетъ придавать значенія ни доблестному поступку, ни преступленію, такъ какъ ни одинъ изъ поступковъ не лучше и не хуже другого, но онъ будетъ обращать особенное вниманіе на свои внѣшнія условія, на

свое положеніе въ обществѣ, сообразуя свои дѣйствія съ тѣмъ, что признается обществомъ, въ силу его власти, хорошимъ или дурнымъ, при чемъ дѣйствовало ли общество въ этомъ случаѣ глупо или умно — совершенно безразлично. Если же интересы даннаго лица требуютъ, чтобы оно нарушило установленныя обществомъ законы, оно можетъ всегда это сдѣлать, но только втайнѣ; а лучше всего въ такомъ случаѣ заниматься риторикой, этимъ благороднымъ искусствомъ, помощью котораго несправедливое кажется справедливымъ, помощью котораго человѣкъ, совершившій преступленіе, можетъ такъ сильно мистифицировать общество, что заставляетъ его вѣрить, будто совершенное имъ преступленіе достойно похвалы, помощью котораго онъ можетъ доказать, что врагъ его, совершившій въ дѣйствительности доблестное дѣяніе, виновенъ въ преступленіи. Воодушевляясь такого рода разсужденіями, софисты переходили съ мѣста на мѣсто, предлагая продать за извѣстную сумму денегъ знаніе риторики и предлагая свои услуги для обученія дѣтей богатыхъ и благородныхъ семей.

Что сказать о такой системѣ и о такомъ положеніи дѣлъ? Только одно: они указываютъ на полную умственную и общественную деморализацію — умственную, такъ какъ начала знанія были разрушены въ самомъ своемъ основаніи и человѣкъ убѣдился, что разумъ не можетъ служить для него надежнымъ руководителемъ, общественную — потому, что человѣка учили, что справедливость и несправедливость, добродѣтель и порокъ, совѣсть, законъ, богъ — плоды воображенія; что нѣтъ ничего дурнаго въ совершеніи преступленія, но что дурно и глупо, если это преступленіе сдѣлается извѣстнымъ обществу; что человѣкъ поступитъ превосходно, продавши родину персидскому царю, если только получаемая имъ за это сумма денегъ достаточно велика и если онъ такъ умно поведетъ свои дѣла, что общество и въ особенности его враги ничего объ этомъ не узнаютъ. Не слѣдуетъ никогда забывать, что патриотизмъ — первое заблужденіе простаковъ и послѣднее приближеніе плутовъ.

Таковы были результаты первыхъ попытокъ исправить частныя философіи, подчинивъ ихъ болѣе общей мѣрѣ; такимъ-то образомъ онѣ, вмѣсто того, чтобы утратить свою исключительность и несовершенство благодаря сравненію ихъ другъ съ другомъ, отклонились отъ своей первоначальной цѣли и начали служить обману. Затронута была не одна только наука; можно было уже замѣтить зачатки того убѣжденія, которое черезъ много столѣтій повело къ окончательному разрушенію политеизма въ Римѣ. Уже въ Аѳинахъ раздавались голоса философовъ, утверждавшихъ, что среди такого множества поклоненій человѣку невозможно опре- Они отвергаютъ национальную вѣру. дѣлать, которое изъ нихъ истинно. Уже многіе изъ образованныхъ людей начали поддаваться убѣжденію, что если бы небо желало открыть міру какую-либо форму вѣры, то такое откровеніе, въ виду своего происхожденія, облегчено было бы достаточною силою, чтобы преодолѣть всякое сопротивленіе; что разъ существуютъ одновременно хотя бы двѣ религіи, пользующіяся

услѣхомъ, то существованіе одного этого факта доказываетъ, что ни одна изъ нихъ не является откровеніемъ всемогущаго и всезнающаго Бога. Не одни только мыслители увлекались такими идеями, ими были заражены и политики, и государственные люди. Не одинъ только Анаксагоръ былъ уличенъ въ атеизмъ; тому же обвиненію подвергся и Периклъ, глава государства, покрывшій Аѳины славою, — человекъ, который въ практической жизни занималъ безспорно въ свое время первое мѣсто. Ему лишь съ трудомъ удалось спасти жизнь виновнаго философа, его друга, но общественное мнѣніе называло его единогласно участникомъ въ преступленіи послѣдняго. Разъ основанія религіи и философіи были, такимъ образомъ, подкопаны, то не лучшая участь ожидала и основанія закона. Софисты, странствовавшіе повсюду, видѣли, что въ каждой націи существуютъ свои особые идеи о достоинствахъ и недостаткахъ, а слѣдовательно и свои особые, противоположные кодексы законовъ; что даже въ различныхъ городахъ одной и той же страны существуютъ различныя понятія о справедливости и несправедливости, а слѣдовательно и противоположные кодексы. Очевидно, что при изслѣдованіи этихъ вопросовъ они слѣдовали тѣмъ же принципамъ, которыми руководились въ своемъ анализѣ религіи и философіи, и что въ результатѣ получилось заключеніе, будто въ правосудіи и въ законѣ нѣтъ также ничего абсолютнаго. Въ какомъ ужасномъ состояніи находится общество, пришедшее къ убѣжденію, что нѣтъ на свѣтѣ ни истины, ни религіи, ни правосудія, ни добродѣтели; что единственная цѣль человѣческой дѣятельности — ничѣмъ не стѣсняемое физическое наслажденіе; что единственное мѣрило положенія человека — богатство; что такъ какъ нѣтъ никакой возможности открыть истину, вѣчные принципы которой должны служить намъ руководящимъ началомъ, то мы должны прибѣгать къ обману и къ искусству убѣжденія, чтобъ обманывать другихъ, для достиженія нашей цѣли; что нѣтъ никакого грѣха въ подкапываніи подъ общественный договоръ, никакого преступленія въ богохульствѣ, или скорѣе, что никакого богохульства на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ и боговъ, что «человекъ мѣрило всѣхъ вещей, какъ учитъ Протагоръ, и что онъ критеріумъ существованія», что «мысль есть только отношеніе мыслящаго субъекта къ мыслимому объекту и что мыслящій субъектъ, душа, не иное что, какъ сумма разныхъ моментовъ мышленія». Не удивительно, что софисты, авторъ такого ученія, былъ осужденъ на смерть, для удовлетворенія требованій толпы, недостаточно посвященной въ глубину этой вторичной, вышей философіи, и что онъ только бѣгствомъ спасся отъ наказанія, ожидавшаго его за мнѣніе, высказанное имъ въ его книгѣ: «О богахъ я не могу сказать, существуютъ ли они или нѣтъ, потому что многое препятствуетъ намъ узнать это, — какъ темнота предмета, такъ и краткость жизни». Не удивительно, если общественная деморализація сильно распространялась, если люди, въ родѣ Горгія, ученика Эмпедокла, смѣялись открыто надъ добродѣтелью, надъ нравствен-

Распространеніе
этихъ мнѣній
среди высшихъ
классовъ.

Софисты кон-
чаютъ атеиз-
момъ.

ностью, и доказывали, путемъ метафизической демонстраціи, что ничего не существуетъ.

На основаніи этихъ данныхъ о кризисѣ, до котораго дошла древняя философія, мы можемъ склоняться въ пользу заключенія, что въ результатѣ получилось одно только ничѣмъ не смягчаемое зло, потому что врядъ ли стоить упоминать о томъ, что споры и словопренія софистовъ вызвали усиленное развитіе греческаго языка, вводя необыкновенную точность въ выраженія и необыкновенную діалектическую ловкость въ употребленіи ихъ. Мы можемъ извлечь изъ этого грустнаго заключенія, по крайней мѣрѣ, одинъ поучительный урокъ: что социальныя перемены происходятъ не во время процесса разложенія философіи и въ особенности религіи, потому что такого рода перевороты совершаются изолированными, а слѣдовательно вполне безвреднымъ образомъ, — но стоить только этимъ обломкамъ и разложеннымъ частямъ случайно столкнуться, и затѣмъ стоить съѣдать усиленіе оживить ихъ вновь или извлечь изъ нихъ, помощью высшаго анализа, заключающуюся въ нихъ истину, тогда наступаетъ кризисъ, и во время слѣдующей за нимъ катастрофы всѣ они обыкновенно совершенно разрушаются. По всей вѣроятности, предвидѣніе ими такихъ послѣдствій внушило итальянскимъ государственнымъ дѣятелямъ средних вѣковъ твердую рѣшимость не допускать сразу никакихъ посягательствъ на церковный авторитетъ и никакихъ попытокъ лично толковать религіозныя ученія. Потому что врядъ ли люди съ яснымъ умомъ остались бы равнодушными къ очевидной нелѣпности многихъ догматовъ, освященныхъ авторитетомъ. Но разъ дается воля человѣческой критикѣ и человѣческому толкованію, единственнымъ исходомъ является возникновеніе одной секты за другою, одного ученія за другимъ. Теологическіе принципы претерпѣваютъ полное разложеніе, такъ что, наконецъ, съ трудомъ можно найти двухъ человекъ съ одинаковыми взглядами; даже болѣе того, взгляды каждаго человека мѣняются соответственно постоянной смѣнѣ событій въ различные періоды его жизни. Все равно, какъ бы благовидно ни было начало, какъ бы убѣдительно ни были аргументы, доказывающіе его необходимость, но разъ разложеніе начато, никакая человѣческая сила не можетъ остановить его, пока оно не будетъ доведено до конца. Принимая во вниманіе престижъ, авторитетъ и массу фактовъ, съ которыми приходится имѣть въ этомъ случаѣ дѣло, пройдетъ много столѣтій, прежде чѣмъ этотъ процессъ закончится; но ни одинъ просвѣщенный человекъ не станетъ сомнѣваться, что этотъ результатъ будетъ, наконецъ, достигнутъ. Опытъ древняго европейскаго міра показалъ, что такого рода разложенія представляютъ мало опасностей, такъ какъ во время ихъ дѣйствія каждая секта и даже каждый отдѣльный индивидуумъ руководится въ жизни своими особыми правилами. Но какъ только наступаетъ періодъ вторичнаго анализа, неизбежнымъ послѣдствіемъ его является кризисъ, обнимающій, по всей вѣроятности, не только религію, но и общественный договоръ. И хотя, въ виду насилія, производимаго

Политическія
опасности, пред-
ставляемыя вы-
сшимъ анализомъ.

Примѣръ изъ
среднихъ вѣковъ.

тѣми интересами, которымъ угрожаетъ опасность, и въ виду по-
Опасность, угрожающая обществу, когда разумъ перерастаетъ формулы вѣры. моцн, оказываемой имъ народнымъ чувствомъ, враждеб-
 нымъ анархіи, кризисъ можетъ быть на время задер-
 жанъ, но въ такомъ случаѣ Европа попадетъ въ то
 ужасное состояніе, когда разумъ народа перерастетъ
 формулу его вѣры. Такого рода состояніе ужасно, потому что по-
 добное разложеніе должно обязательно затронуть и политическія
 отношенія и вызвать возмущеніе противъ существующаго закона.
 Нации, охваченныя невѣріемъ, должны обязательно претерпѣвать
 и анархію. Эта склонность ихъ къ взрыву можетъ быть на время
 задержана силою власти: но это лишь антагонизмъ, а не излѣченіе.
 Общественное разложеніе продолжается своимъ чередомъ, про-
 никающая все дальше и дальше вглубь народной массы, пока, наконецъ,
 оно не охватитъ учрежденія, созданныя для того, чтобы задерживать
 его. Разъ будутъ заражены арміи, орудія репрессій, конецъ бу-
 детъ близокъ, но никакое человѣческое предвидѣніе не въ состояніи
Абсолютная необходимость подгото- вить обществу къ этому переживанію. сказать, что затѣмъ воспослѣдуетъ, въ особенности если
 власть, по небрежности или добровольно, пренебрегла
 подготовленіемъ общества къ предстоящему ему испы-
 танію. Правительства, замѣтившія такого рода опасныя условія,
 должны обязательно подготовить народы къ ихъ ужаснымъ послѣд-
 ствіямъ. Для этого, быть можетъ, они могутъ скрывать на время
 положеніе дѣлъ, подобно тому, какъ врачъ скрываетъ отъ больного
 его опасное положеніе; они могутъ прибѣгать къ силѣ, но такого
 рода мѣры могутъ приниматься только рядомъ съ другими, пред-
 назначенными для подготовленія массы общества къ испытанію,
 черезъ которое оно должно пройти. Таковы были, безъ сомнѣнія,
 глубокія воззрѣнія великихъ итальянскихъ государственныхъ дѣя-
 телей среднихъ вѣковъ; таковы были, безъ сомнѣнія, аргументы,
 помощью которыхъ они оправдывали свое сопротивленіе начи-
 нающемуся злу,—то, за что Европа такъ часто и такъ рѣзко осу-
 ждала ихъ.

Теперь намъ остается просмотрѣть изложенныя на предыду-
Сводъ предыду- щихъ теорій. щихъ страницахъ подробности, съ цѣлью опредѣлить по-
 слѣдовательныя фазы развитія, черезъ которыя прохо-
 дилъ греческій умъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ истинѣ или об-
 манчивости этихъ теорій,—мы будемъ касаться только порядка ихъ
 происхожденія. Это пункты, дающіе намъ возможность описать гра-
 фически ходъ умственного развитія Греціи.

Исходный пунктъ греческой философіи—физической и геоцен-
 трической. Земля—средоточіе и центръ вселенной; необходимымъ
 послѣдствіемъ такого взгляда являются ложныя идеи касательно
 отношеній и размѣровъ моря и воздуха. Философія эта не просу-
 ществовала и ста лѣтъ, какъ обратилась къ разработкѣ космогоніи,
 основываясь на принципахъ, представлявшихъ ей совершенно до-
 стовѣрными. Еще задолго до того, какъ она освободилась отъ мѣст-
 ныхъ идей, напр., отъ идеи о верхѣ и низѣ въ пространствѣ, она
 занялась объясненіемъ происхожденія міра.

По мѣрѣ своего развитія, философія пришла къ заключенію,
 что въ твореніи, въ различныхъ его частяхъ, обнаруживается на-
 мѣреніе и цѣль, и принятіе извѣстныхъ средствъ для достиженія
 намѣченной цѣли. Это внушало мысль о существованіи разсуждаю-
 щаго, свободного дѣятеля, подобнаго человѣку, дѣятеля, управля-
 ющаго міромъ. И вотъ, благодаря постоянному сравненію съ че-
 ловѣческими дѣйствіями и нравами, греческая философія прошла
 черезъ стадію антропоморфическихъ идей.

Черезъ нѣсколько времени возбуждено было сомнѣніе, можетъ
 ли человѣскій умъ получать вѣрныя знанія; наконецъ, восторже-
 ствовало мнѣніе, что у насъ нѣтъ достовѣрнаго критеріума истины.
 Въ этомъ скептицизмъ обнаруживается съ каждымъ дальнѣйшимъ
 шагомъ впередъ все болѣе и болѣе приближеніе къ восточ-
 нымъ идеямъ.

Этотъ періодъ сомнѣнія является непосредственнымъ пред-
 шественникомъ болѣе правильныхъ космическихъ взгля-
 довъ. Гелиоцентрической механизмъ планетной системы Приближеніе къ восточнымъ идеямъ.
 былъ уже введенъ, земля была поставлена во второстепенное по-
 ложеніе. Ученія, какъ физическія, такъ и умственные, основанныя
 на геоцентрическихъ идеяхъ, понятию, подвергались теперь опасно-
 сти, и такъ какъ они задѣвали господствующіе релігіозныя взгля-
 ды и были представляемы важными матеріальными интересами, то
 народъ началъ преслѣдовать ихъ, а философы стали, въ свою оче-
 редь, прибѣгать къ лицемерію. Пантеистическое пониманіе природы
 міра все яснѣе выступало впередъ, и естественнымъ послѣдствіемъ
 его явились ученія объ эманации, переселеніи и поглощеніи. От-
 сюда только одинъ шагъ къ сомнѣнію, не являются ли движеніе,
 матерія и время только измышленіями воображенія,—мнѣнія эти
 воплотились въ атомистической теоріи, утверждающей, что суще-
 ствуютъ только атомы и пространство, и получившей еще болѣе
 утонченный видъ послѣ признанія, что атомы только математиче-
 скія точки, а еще больше послѣ того, когда ихъ начали считать
 просто центрами силы. Это ужъ приближеніе къ границѣ буддизма.

Когда люди находятся на различныхъ ступеняхъ психическаго
 развитія, бываетъ всегда такъ, что одни достигаютъ большаго, дру-
 гіе меньшаго умственного прогресса; отсюда и послѣдовательное
 сосуществованіе всѣхъ взглядовъ, описанныхъ нами послѣдовательно.
 Тогда-то началась дѣятельность софистовъ, которые, противопо-
 ставляя ученіе одной школы ученіямъ другихъ и признавая ихъ
 всѣ совершенно одинаковыми по своему значенію, вызвали разру-
 шеніе всѣхъ ихъ, и философія, основанная на физическихъ умо-
 зрѣніяхъ, пришла къ концу.

Дошедши до этой фазы умственной жизни Греціи и сравни-
 вая начало ея съ концомъ, мы не можемъ не замѣтить, Однообразіе въ способѣ ум- ственнаго про- гресса.
 какъ великъ былъ ея прогрессъ. Понятія позднѣйшаго
 періода, по своему внутреннему смыслу, несомнѣнно выс-
 шаго порядка, чѣмъ понятія перваго періода. Всѣ ребячества и за-
 блужденія, разсмотрѣнныя нами, научаютъ насъ понимать, что су-

шествуетъ опредѣленный родъ прогресса для человѣческаго ума; исторія послѣдующаго времени покажетъ намъ, что прогрессъ переходитъ всегда въ одномъ и томъ же направленіи.

ГЛАВА V.

Греческій вѣкъ вѣры.

возникновеніе и упадокъ этической философіи.

Сократъ отвергаетъ физическія и математическія умозрѣнія, и утверждаетъ, что наибольшее значеніе представляютъ добродѣтели и нравственность, — этимъ начинается вѣкъ вѣры. — Его жизнь и смерть. — Школы, образованныя этимъ движеніемъ, проповѣдуютъ стремленіе къ наслажденію и къ личному удовольствію.

Платонъ основываетъ академію. — Его три первичныхъ принципа. — Существованіе личнаго бога. — Природа міра и души. — Идеальная теорія, идеи или типы. — Воспоминанія. — Переселеніе. — Политическія учрежденія Платона. — Его республика. — Его доказательства безсмертія души. — Критика его ученія.

Появленіе скептиковъ, которые занимаютъ высшимъ анализомъ этической философіи. — Пиронъ доказываетъ недостоверность знанія. — Необходимый переходъ къ спокойному равнодушію, квиетизму и безбожію, предлагаемымъ Эпикуромъ. — Разложеніе системъ Сократа и Платона въ позднѣйшихъ академіяхъ. — Ихъ заблужденія и двойственность. — Конечъ греческаго вѣка вѣры.

Софисты привели къ умственной анархіи. Не въ природѣ людей удовлетворяться такимъ положеніемъ дѣлъ. Потеря философіи, основанной на этикѣ. Пѣвъ крушеніе въ своихъ расчетахъ на физику, греческій умъ обратилъ все свое вниманіе на нравственность. На этой ступени развитія только одинъ шагъ отдѣляетъ вѣкъ изслѣдованія отъ вѣка вѣры.

Сократъ, стоявшій во главѣ этого движенія, родился въ 469 г. Онъ пользовался такимъ громаднымъ влияніемъ, что оно до нѣкоторой степени чувствуется и въ наше время. Убѣдившись въ неудовлетворительныхъ результатахъ физическихъ умозрѣній, онъ въ противоположность имъ ставилъ прочныя преимущества, получаемыя отъ развитія добродѣтели и нравственности.

Его жизнь представляла непрестанную борьбу съ софистами. Преподávalъ Сократъ помощью разговоровъ, которые онъ, по единодушному признанію своихъ современниковъ, умѣлъ вести въ совершенствѣ. Прибѣгая къ опредѣленіямъ, онъ изъ нихъ дѣлалъ выводы, придавая своей аргументаціи форму діалога. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, которые искали истину въ изслѣдованіи внѣшнихъ предметовъ, онъ обращалъ вниманіе на внутренній міръ, провозглашая превосходство добродѣтели, ея тождество съ знаніемъ и необходимость слѣдованія строгимъ принципамъ справедливости. Принимая во вниманіе развращенное состояніе, въ какое общество приведено были софистами, онъ на-

ставалъ на измѣненіи въ воспитаніи юношества, помощью котораго требуется привести его въ соотвѣтствіе съ слѣдующимъ принципомъ: счастье достигается только при условіи соблюденія правилъ доблести и добродѣтели. Такимъ образомъ, онъ совершенно замѣнилъ физическія начала нравственными, и въ этомъ и состоитъ главнымъ образомъ произведенный имъ философскій переворотъ. У него не было, собственно говоря, школы, и онъ не выработалъ никакой особенной этической системы; ибо тѣмъ, кто спрашивалъ у него, какъ отличить добро отъ зла, онъ совѣтовалъ руководиться указаніями существующихъ законовъ. Онъ, Ученіе Сократа. повидимому, не занимался также изслѣдованіемъ свойствъ Бога, а только признавалъ его существованіе фактомъ, въ подтвержденіе котораго можно привести множество неопровержимыхъ доказательствъ. Отвергая грубыя религіозныя вѣрованія своей націи и выступая рѣзкимъ противникомъ антропоморфизма, онъ тщательнo избѣгалъ оскорблять общество какими-либо не деликатными намеками на существующіе предрасудки; болѣе того, какъ добрый гражданинъ, онъ первый подалъ примѣръ исполненія ихъ требованій. По его мнѣнію, ошибка софистовъ заключалась въ томъ, что они, разрушивши бесполезныя умозрѣнія, не замѣнили ихъ никакими научными доказательствами и данными. Между тѣмъ, если человѣкъ не знаетъ, онъ долженъ вѣрить, и доказательство можетъ быть съ пользою замѣнено вѣрою. Поэтому онъ особенно настаивалъ на великихъ ученіяхъ о безсмертіи души и объ управленіи міра Провидѣніемъ; хотя нельзя отрицать, что существуютъ убѣдительныя данныя въ пользу того, что верховное существо онъ считалъ душою міра. Онъ утверждалъ, что его личная мудрость состоитъ въ сознаніи своего собственнаго невѣжества, и убѣждалъ своихъ друзей не заниматься математикою и физикою, увѣряя, что первая ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ, а послѣдняя къ атеизму. Въ его системѣ все сводится къ объясненію терминовъ; но его процессъ разсужденія часто бываетъ далеко не совершеннымъ, а его заключенія, въ виду этого, часто бываютъ невѣрными. Такъ, напр., онъ утверждалъ, что никто не станетъ сознательно поступать дурно, потому что всякій, кто знаетъ, что извѣстная вещь хороша, будетъ дѣлать ее; что дурные люди дурны только невольно; что тотъ, кто говоритъ ложь сознательно, лучшій человѣкъ, чѣмъ тотъ, кто говоритъ ее по невѣжеству, и что совершенно справедливо вредить врагу. Противникъ математикъ и физикъ.

Изъ этихъ положеній Сократа выступаетъ съ полною очевидностью вся поверхностность его взглядовъ; различія Поверхностность его взглядовъ. въ выраженіяхъ онъ принимаетъ постоянно за различія въ вещахъ; въ его ученіи также мало было и новаго. Ревностное превозношеніе идеи нравственности не можетъ быть признано чѣмъ-то новымъ, потому что врядъ ли существовало время, когда не было хорошихъ людей, соблюдавшихъ правила, предписываемыя Сократомъ; отсюда мы можемъ съ полнымъ основаніемъ спрашивать, что же именно покрыло имя этого знаменитаго человѣка та-

кою неувидаемою славою, и почему онъ занимает такое выдающееся мѣсто среди благодѣтелей своего племени.

Сократу повезло въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи лицъ, оставившихъ воспоминанія о его жизни, и въ отношеніи обстоятельствъ, при которыхъ совершилась его смерть. Не каждому человѣку удастся имѣть биографовъ въ родѣ Ксенофонта и Платона, и не каждому человѣку приходится, по достиженіи предѣльнаго возраста, когда остается лишь мало времени жить, получить вѣнецъ мученичества въ борьбѣ за добродѣтель и нравственность. Въ злосчастную часть для славы Аѳинъ осудили его на смерть соотечественники. Они слишкомъ поздно опомнились и поняли, что имъ нечего отвѣтить на запросъ потомства, требующаго у нихъ отчета въ причинѣ сдѣланнаго ими преступленія. Сократъ былъ вполне правъ, когда говорилъ осудившимъ его судьямъ: «Наступило время для насъ разстаться: я долженъ умереть, вы останетесь жить; но кому изъ насъ уготована лучшая судьба, извѣстно только одному Богу». Будущее рѣшило этотъ вопросъ: лучший жребій достался въ удѣлъ Сократу.

Вся эта темная исторія до сихъ поръ покрыта мракомъ не-извѣстности. Противъ Сократа выставлено было три главныхъ пункта обвиненія: онъ отвергаетъ боговъ своей страны, онъ вводитъ новыхъ боговъ, онъ извращаетъ воспитаніе юношества. Друзья его вполне справедливо удивлялись, какъ могли обвинять въ безбожій того, кто въ теченіе всей своей жизни проповѣдывалъ почитаніе Бога, — кто признавалъ не только существованіе Бога, но и верховную его власть. «Только безумецъ», говорилъ онъ, «станетъ приписывать успѣхи въ жизни человѣческой мудрости», а относительно необходимости правильнаго воспитанія юношества онъ говорилъ: «только мудрый можетъ управлять людьми». Отсюда можно заключить, что обвиненія были совершенно неосновательны или фиктивны и что за ними скрывалось нѣчто другое, заставившее аѳинянъ взять на себя отвѣтственность за такое преступленіе.

Можетъ быть, его частная жизнь доставляетъ какія-либо объясненія этой таинственной исторіи? Къ несчастью, намъ извѣстно о ней лишь весьма мало. Изслѣдованіямъ классическихъ критиковъ мы врядъ ли можемъ довѣряться, потому что классическая критика во всемъ, что касалось дѣйствительной жизни, отличалась крайнею наивностью. Она разсматривала аѳинянъ и римлянъ не какъ обыкновенныхъ людей и женщинъ, подобныхъ намъ, но какъ совершенно особенныхъ лицъ, изображаемыхъ литературною фантазіею лицъ, жизнь которыхъ составляетъ исключеніе изъ общихъ житейскихъ правилъ, которыя постоянно живутъ въ мірѣ неожиданностей и страннѣйшихъ событій, граничащихъ съ чудеснымъ.

Разсматривая дѣло Сократа съ обыкновенной точки зрѣнія, мы не можемъ не замѣтить, что Сократъ нашего воображенія не представляетъ никакого сходства съ Сократомъ современныхъ ему аѳинянъ. Намъ онъ представляется великимъ гениемъ, къ которому великіе умы древности относились съ

Положеніе Сократа въ Аѳинахъ.

Онъ падаетъ жертвой политической вражды.

величайшимъ уваженіемъ, — мученикомъ за принципы, отсутствіе которыхъ въ обществѣ уничтожаетъ всякую цѣну жизни и защита которыхъ цѣною жизни доставляетъ высшую славу, возможную для человѣка. Имъ же Сократъ казался пустымъ праздношатающимся по площадямъ и перекресткамъ, смѣливымъ и даже отталкивающимъ по своей вышности, а по своему образу дѣйствій смахивающимъ на шарлатана. Пренебрегая честною работою, — онъ, кажется, по ремеслу былъ каменотесомъ, — онъ тратилъ даромъ время на бесѣды съ юношами, которые собирались вокругъ него, привлекаясь его развратною наружностью и его сатиropодобною фигурою, — и отвлекалъ ихъ отъ боговъ своей страны, потому что прозрачное покрывало его лицемѣрія не въ силахъ было скрыть его невѣрія. Тѣмъ не менѣе онъ былъ очень храбрымъ солдатомъ, какъ доказываютъ лица, служившія вмѣстѣ съ нимъ.

Повидимому, онъ обращалъ мало вниманія на то, что признается многими людьми самымъ важнымъ дѣломъ жизни: жена его Ксантиппа мало заботилась о поддержаніи своей жены и своихъ дѣтей. Жена его Ксантиппа. Хорошая женщина Ксантиппа принадлежитъ, повидимому, къ числу лицъ, несправедливо осужденныхъ потомствомъ. Сократъ женился на ней, прельщенный ея необыкновеннымъ умѣниемъ разговаривать; и хотя онъ, по всеобщему признанію его современниковъ, самъ въ дѣлѣ разговора достигъ необыкновеннаго искусства, но ему пришлось, хотя нѣсколько поздно, признать себя значительно уступающимъ ей въ этомъ отношеніи. Среди многихъ забавныхъ подробностей его семейной жизни упоминается, между прочимъ, о томъ, какъ онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколькихъ лицъ, между тѣмъ какъ въ домѣ не оказалось ничего для угощенія ихъ, и какія отсюда получились послѣдствія для него; его поступокъ долженъ былъ сильно раздражить Ксантиппу, которую будутъ, конечно, защищать въ этомъ отношеніи хозяйки цѣлаго міра. Такого рода поведеніе мужа, не обращавшаго никакого вниманія на честь дома, не могло не казаться оскорбительнымъ для гордой женщины. Въ то же время онъ отказывался удовлетворить ея просьбы принимать отъ тѣхъ, на которыхъ тратилъ свое время, деньги, столь необходимыя для семьи. Послѣ осужденія Сократа, Ксантиппа привела съ собою и дѣтей въ его тюрьму, но онъ отослалъ ее, изъ боязни, какъ онъ говорилъ друзьямъ, чтобъ она не разстроила его своимъ тяжкимъ горемъ. Должно было быть, конечно, нѣчто дурное въ жизни человѣка, когда мать его дѣтей протестуетъ противъ его поведенія, а общество поддерживаетъ ее. Въ виду всего, что мы знаемъ о жизни Сократа, мы можемъ притти только къ одному заключенію, — что аѳиняне считали его недостойнымъ, а быть можетъ и вреднымъ членомъ общества. Нельзя сомнѣваться, что его судъ и осужденіе находились въ связи съ политическими причинами. Сократъ самъ говорилъ, что еще раньше былъ бы осужденъ на казнь, въ дѣлѣ льва саламинскаго, если бы тогдашнее правительство не было неспровергнуто. Онъ склонился въ пользу аристократіи, не въ пользу демократіи. Вмѣстѣ со сво-

ею партією онъ участвовалъ въ предпріятіяхъ, которыя должны были возбудить къ нему смертельную ненависть, и нужно помнить, что обвиненіе противъ него поддерживалось Анитомъ, который желалъ возстановить старый порядокъ вещей. Аоніане сдѣлали ошибку въ томъ отношеніи, что примѣнили къ Сократу наказаніе, не соотвѣтствовавшее его винѣ, и вдобавокъ начали преслѣдовать лишь, принявшихъ ученіе Сократа, и изгонять ихъ изъ страны. Лица эти обратились въ краснорѣчивыхъ панегиристовъ его не только изъ уваженія къ памяти своего учителя, но и благодаря воспомина-ніямъ о своихъ собственныхъ несчастіяхъ. Если бы Сократъ представился аоніанцамъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ, то они поступили бы совершенно противно человѣческой природѣ, расправившись съ нимъ такимъ варварскимъ и невозможнымъ образомъ.

Если подѣ именемъ демона, внушеніямъ котораго яко бы повиновался Сократъ, подразумевалось нѣчто болѣе, чѣмъ совѣсть, то мы должны отсюда заключить, что онъ страдалъ умственною болѣзnią, которую часто испытываютъ тѣ, кто подѣ влияніемъ бѣдности или нарочно терпитъ крайнія лишенія и, нанося тѣмъ вредъ своему мозгу, подвергается галлюцинаціямъ. Такого рода случаи весьма часты. Этимъ страдалъ и Магометъ.

Послѣ смерти Сократа возникло много школъ, заявлявшихъ, что онѣ основаны на его ученіяхъ. Различія, проявившіяся между ними при сравненіи ихъ ученій, доказываютъ, какъ мало точности было въ принципахъ Сократа. Въ число его подражателей включаются и Эвклида Мегарскаго, который подвергался большой личной опасности, слушая великаго учителя, такъ какъ присутствіе въ Аоніахъ мегарскаго жителя признавалось уголовнымъ преступленіемъ. Какъ только возбуждено было противъ нихъ преслѣдованіе, Платонъ и другіе ученики Сократа бѣжали къ Эвклиду и нашли у него радушный приемъ. Его система представляла смѣсь идей Сократа и элеатовъ, при чемъ въ его ученіи преобладалъ этический элементъ. Онъ доказывалъ существованіе единого существа, добраго, принимающаго различныя виды,—мудрости, бога и разума, и выказывалъ наклонность къ направленію, вполне разработанному впоследствии въ цинической школѣ, въ видѣ догмата, что человѣкъ долженъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ.

Къ мегарской школѣ обыкновенно причисляется киринейская, основанная Аристиппомъ. Подобно Сократу, онъ относился съ презрѣніемъ къ физическимъ умозрѣніямъ и направлялъ все свое вниманіе на нравственныя начала. По его мнѣнію, счастье состоитъ въ наслажденіи; и въ самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ въ удовольствіи и страданіи критеріумъ высшихъ вещей. Онъ отрицаетъ возможность для насъ узнать что-либо съ достовѣрностью, такъ какъ наши высшія чувства обманчивы. Но хотя мы не можемъ воспринимать вещи вполне точно, мы тѣмъ

Демонъ Сократа.
Мегарская школа. Мудрецъ долженъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ.

Киринейская школа. Цѣль жизни—наслажденіе.

не менѣе отчасти воспринимаемъ ихъ. Киринейская школа признаетъ удовольствіе величайшею цѣлью жизни.

Къ этимъ школамъ надо прибавить циническую, основанную Антисоеномъ, система которой чисто личная, а отличительная черта которой эгоизмъ и жестокость; это борьба духа противъ плоти; это преслѣдованіе наслажденія духовнаго рода, такъ какъ всякое тѣлесное наслажденіе недостойно человѣка. Характеръ этого ученія отражается необыкновенно ярко на жизни его основателя, который отказался отъ всѣхъ удовольствій и удобствъ жизни, добровольно осудилъ себя на бѣдность и терпѣлъ всевозможныя невзгоды, связанныя съ временами года. Онъ носилъ самыя грубыя одежды, бороды никогда не чесалъ, держалъ себя очень грязно, и его дѣта граничила съ голоданіемъ. Этотъ мизантропъ, наряженный въ лохмотья, позволялъ себѣ обращаться къ прохожимъ съ презрительными рѣчами и оскорблять ихъ неприличіемъ своихъ жестовъ. Покинутый, наконецъ, всѣми, за исключеніемъ Діогена Синопскаго, онъ умеръ въ крайней нищетѣ. Любимымъ его ученіемъ было, что дружба и патриотизмъ совершенно бесполезны и нелѣпы; въ послѣднія минуты его агоніи Діогенъ спросилъ его, нуждается ли онъ въ другѣ. «А развѣ другъ избавитъ меня отъ этого страданія?» спросилъ, въ свою очередь, умирающій философъ. Тогда Діогенъ передалъ ему мечъ, говоря: «Это избавитъ».—«Я желаю быть избавленнымъ отъ страданій, но не отъ жизни». Вотъ до какого униженія дошла философія, представляемая киринейскою школою, такъ что можно даже сомнѣваться, стоить ли включать такого человѣка, какъ Антисоенъ, въ ряды людей, которые производятъ свое прозвище отъ любви къ мудрости,—человѣка, осуждавшаго умѣнье читать и писать, унижавшаго учрежденіе брака и заявлявшаго, что онъ видитъ въ философіи только одно преимущество: она дѣлаетъ его способнымъ жить въ обществѣ самого себя.

Безобразныя ученія цинической школы были доведены до своихъ крайнихъ выводовъ Діогеномъ Синопскимъ. Въ ранней молодости онъ привыкъ къ роскоши и удобствамъ; но его отецъ, богатый банкиръ, былъ уличенъ въ дѣланіи фальшивой монеты, вѣдѣствіе чего Діогенъ, раздѣлившій отчасти безчестіе отца, пришелъ въ такое состояніе духа, которое дѣлало его готовымъ принять ученіе, провозглашавшее презрѣніе къ благамъ жизни и къ мнѣніямъ людей. Его можно считать прототипомъ отшельниковъ позднѣйшаго времени, въ виду его попытокъ подчинить себѣ вождѣлнія плоти помощью голода. Признавая тѣло бременемъ для души, онъ всѣми возможными способами умерщвлялъ его, питаясь сырымъ мясомъ и листьями и живя въ бочкѣ. Онъ проповѣдывалъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ самоубійству, тѣмъ болѣе приближается онъ къ добродѣтели. Въ это одежды онъ носилъ узкій плащъ; котомка, палка и чаша—заключали въ себѣ все его достояніе; но чашу онъ вскорѣ отбросилъ, какъ бесполезную, увидѣвъ однажды, какъ мальчикъ шлѣть воду изъ руки. Высшимъ наслажденіемъ для него было оскорбле-

Діогенъ Синопскій. Его безчестіе.

ніе общественныхъ приличій публичнымъ совершеіемъ всѣхъ жизненныхъ отправленій; онъ увѣрялъ при этомъ, что все, что ни является нечистымъ само по себѣ, должно дѣлаться открыто. Говорятъ, что смерть, настигнувшая его на девяностомъ году жизни, произошла отъ того, что онъ съѣлъ сырую ногу вола. Благодаря доведенію имъ до крайностей мнѣній Сократа, онъ заслуживаетъ данное ему прозвище «сумасшедшаго Сократа». Его презрѣніе къ мнѣнію другихъ и его религиозное невѣріе характеризуются слѣдующимъ происшествіемъ: давши въ минуту слабости обѣщаніе Его печетіе. друзьямъ принести жертву Діанѣ, онъ отправился на другой день въ ея храмъ и, поймавъ въ головѣ вошь, раздавилъ ее на алтарѣ богини.

Какую грустную картину тогдашнихъ стремленій человѣческаго ума представляютъ эти факты! Что за быстрое и въ то же время неизбежное удаленіе отъ нравственности Сократа! Эгоизмъ окруженъ ореоломъ; дружба и патриотизмъ признаются безумствомъ; счастливъ тотъ, кто не нуждается въ друзьяхъ, еще счастливѣе тотъ, у кого ихъ нѣтъ. Ни одинъ поступокъ не дуренъ самъ по себѣ; даже разбойничество, прелюбодѣяніе, святотатство—преступленія только въ силу общественнаго соглашенія. Мудрецъ долженъ оберегать себя, чтобы не впасть въ слабость благодарности или милосердія или другого такого же болѣзненнаго чувства. Если ему встрѣчается на пути наслажденіе, пусть онъ пользуется имъ; если его подвергаютъ страданію, пусть онъ переноситъ его; но онъ долженъ непрестанно помнить, что смерть такъ же желательна, какъ и жизнь.

Если физическія умозрѣнія Греціи закончились софистикою и атеизмомъ, то и этические изслѣдованія не привели къ лучшимъ послѣдствіямъ. Обѣ системы, доведенныя до ихъ крайнихъ выводовъ, оказались не только бесполезными для общества, но и вредными для его лучшихъ интересовъ. Насколько можно было судить въ тѣ времена, будущее цивилизаціи представлялось въ крайне мрачномъ и безнадежномъ видѣ; казалось невозможнымъ извлечь изъ философіи что-нибудь пригодное для потребностей людей. А между тѣмъ, среди самаго разгара всѣхъ этихъ мучительныхъ разочарованій, одинъ изъ друзей и учениковъ Сократа, можно сказать, главный его ученикъ, Платонъ положилъ основаніе другой системѣ, которая заслуживаетъ вполне быть переданною потомству, хотя и заключаетъ въ себѣ много ложнаго и еще больше пустого.

Платонъ родился около 426 г. Древность любила окружать Рожденіе Платона. мифическою славою наиболѣе знаменитыхъ своихъ дѣятелей. Безсмертныя произведенія великаго философа, казалось, оправдывали желаніе воздать ему и безсмертныя почести. Легенда, — отъ изслѣдованія достовѣрности которой мы воздержимся, — утверждала, что мать его, Периктиона, чистая дѣва, приняла безпорочное зачатіе отъ Аполлона, Богъ объявилъ Аристону, за котораго она должна была выйти замужъ, о происхожденіи ребенка. Мудрость великаго писателя какъ бы оправдываетъ такое благородное происхожденіе и до нѣкоторой степени служитъ изви-

неніемъ для легковѣрія любившихъ его и восхищавшихся имъ учениковъ, вѣрившихъ такимъ невозможнымъ разсказамъ.

Къ знаніямъ, приобретеннымъ Платономъ во время восьми или десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ обществѣ Сократа, онъ прибавилъ новыя, которыя ему удалось получить отъ философовъ Египта, Кирены, Персіи и Тарента. Пользуясь всѣми преимуществами, доставляемыми богатствомъ и знатнымъ происхожденіемъ, хотя бы и земного характера,—потому что въ числѣ его предковъ находился Солонъ,—онъ учился у главныхъ философовъ того времени, и, наконецъ, вернувшись на родину, основалъ школу въ гротѣ Геадема. Во время своей учительской дѣятельности онъ три раза посетилъ Сицилію, и каждый разъ возвращался Его воспитаніе затѣмъ въ уединеніе своей академіи. Онъ дожилъ до образованіе. преклоннаго возраста восьмидесяти трехъ лѣтъ. Мало на свѣтѣ людей, оказавшихъ такое глубокое вліяніе на потомство, а между тѣмъ при жизни у него, говорятъ, не было друзей. Онъ поссорился съ большинствомъ своихъ соучениковъ у Сократа, и, насколько можно судить на основаніи почтеннаго возраста, достигнутаго имъ, и невѣрныхъ основаній, на которыхъ покоится его ученіе, мнѣнія его часто были противорѣчивы и философія его представляла много видоизмѣненій. Перейдемъ же теперь къ изложенію его ученія.

Платонъ вѣрилъ, что вещество такъ же вѣчно, какъ Богъ, и что существуютъ три первичныя начала: Богъ, вещество и идеи; всѣ одушевленные и неодушевленные существа созданы Богомъ изъ вещества, которое способно воспринимать впечатлѣнія и можетъ быть вполне справедливо названо матерью формъ. Разумъ существовалъ до сотворенія этихъ формъ, но не раньше вещества. Вещество обладаетъ отражающею или сопротивляющеюся силою, которая служитъ причиною раздоровъ и смутъ, происходящихъ въ мірѣ; она является также и причиною зла и виновна въ преобладаніи зла, которое настолько же преобладаетъ надъ добромъ, насколько вещество преобладаетъ надъ идеями. Отсюда видно, что Платона не безъ основанія обвиняли въ магізмъ. Его ученіе носитъ восточную окраску.

Существованіе Бога, независимаго и личнаго творца вселенной, онъ выводитъ изъ доказательства разумности и Онъ утверждаетъ существованіе Бога. цѣлесообразности, обнаруживаемыхъ внѣшними предметами. «Все въ мірѣ создано для блага остального и отдѣльных его части такъ расположены, чтобы помогать сохраненію и совершенствованію цѣлага; слѣдовательно, всѣ вещи обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствию божественной разумной причины». Изъ признаковъ цѣлесообразности и царящаго во вселенной единства онъ выводилъ единство Бога, верховнаго разума, безтѣлеснаго, безъ начала, конца и перемѣны. Его Богъ—творецъ и отецъ вселенной, въ противоположность безличной природѣ. Платонъ училъ, съ одной стороны, что душа безлична, съ другой стороны — онъ отвергалъ, чтобы каждая отдѣльная душа существовала или могла существовать вѣчно. Изъ того, что было сказано на предыдущей страницѣ, можно заключить, что это психологическое ученіе въ сущности чисто

Свойства души индусское. Взгляды Платона на бывшее состояніе души и на ея прежнія отношенія даютъ ему возможность ввести знаменитое ученіе о воспоминаніи и доказывать существованіе врожденныхъ идей. Онѣ не иное что, какъ воспоминаніе о вещахъ, знакомыхъ нашей душѣ по прежней ея жизни.

Божій разумъ созерцаетъ и постигаетъ идеи или первоначальные образцы всѣхъ естественныхъ формъ, каковы бы онѣ ни были; потому что видимыя вещи только мимолетныя тѣни, быстро проходящія мимо, между тѣмъ какъ идеи или феномены существуютъ вѣчно. Онѣ съ такимъ краснорѣчіемъ излагаютъ эту теорію объ идеяхъ, и, нужно прибавить, съ такою темнотою, что нѣкоторые утверждаютъ, будто онѣ вѣрили въ существованіе идей или оригинальные образцы всѣхъ органическихъ и неорганическихъ формъ. Чтобы уяснить эти взгляды, приведемъ пригѣръ. Всѣ люди хотя и обладаютъ различными вѣщностями по сравненію другъ съ другомъ, созданы, очевидно, всѣ по одному и тому же образцу, въ большей или меньшей степени походя на него. Всѣ деревья одного рода, хотя и отличаются другъ отъ друга, подобнымъ же образомъ созданы всѣ по одному образцу, на который идеи или типы. походятъ въ большей или меньшей степени. Такимъ-то образцамъ или типамъ Платонъ даетъ названіе идей. Мы можемъ познавать ихъ, очевидно, не помощью чувствъ, а помощью разсужденій. И вотъ Платонъ утверждаетъ, что эти идеи не только понятія, созданныя умомъ, а дѣйствительныя воспріятія существъ, обладающихъ реальнымъ существованіемъ, — болѣе того, что онѣ-то только одні и существуютъ. Предметы, слѣдовательно, являются лишь матеріальными воплощеніями идей и не вполне точно изображаютъ ихъ, потому что соотвѣтствіе между даннымъ предметомъ и его образомъ можетъ быть лишь настолько полнымъ, насколько это позволяютъ обстоятельства. слѣдовательно, мы не можемъ опредѣлить всѣхъ свойствъ или функций идеи на основаніи неполнаго ея матеріальнаго представленія, — это для насъ такъ же мало достижимо, какъ опредѣленіе характера и качествъ человѣка по его портрету, какъ бы хорошо ни былъ исполненъ послѣдній...

Слѣдовательно, идеальная теорія Платона учитъ насъ, что за этимъ міромъ обманчивыхъ представленій существуетъ истинный; что хотя мы не можемъ довѣрять нашимъ чувствамъ относительно точности даваемыхъ имъ указаній, но есть другія впечатлѣнія, на которыя мы можемъ положиться для опредѣленія истины, — это воспоминанія, сохранившіяся въ глубинѣ души о томъ, что она видѣла раньше, либо въ области чистыхъ идей, либо въ тѣхъ состояніяхъ жизни, черезъ которыя ей приходилось проходить. Потому что Платонъ говоритъ, что есть души, которыя въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ переселялись послѣдовательно черезъ разнаго рода тѣла. У нихъ затѣмъ осталось воспоминаніе, болѣе или менѣе смутное, о всѣхъ этихъ различныхъ состояніяхъ. Идеи, какъ бы врожденные человеческому

Ученіе о посепоминаніи.
Воспоминаніи изъ времени переселеній.

уму, но никогда не сообщавшіяся ему вѣщными чувствами, порождены именно этимъ предшествовавшимъ состояніемъ. Если бы эти воспоминанія были вполне точны и правильны, то человѣкъ обладалъ бы врожденнымъ средствомъ опредѣлить истину. Но такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ неполны и несовершенны, то мы никогда не можемъ достигнуть абсолютной истины. Платонъ считаетъ, что прекрасное есть совершенное изображеніе истиннаго. Любовь есть стремленіе души къ прекрасному, влеченіе подобнаго къ подобному, тяготѣніе божества въ насъ къ божеству въ насъ; и доброе, воплощающее въ себѣ красоту, истину, справедливость, есть Богъ,—Богъ въ его отвлеченномъ состояніи.

Изложимъ выводы изъ теоріи Платона. Наука невозможна для человѣка и возможна для одного только Бога; однако, помня свое происхожденіе, мы не должны отчаиваться, а должны возможно больше возвышать уметвенныя цѣли, къ которымъ стремимся. Все наше знаніе нельзя приписывать только нашимъ вѣщнымъ чувствамъ, ибо тогда всѣ люди были бы одинаково мудры, такъ какъ ихъ вѣщныя чувства почти одинаковы; но значительная часть нашихъ знаній, если не самая вѣрная, основана на воспоминаніяхъ о нашихъ прежнихъ состояніяхъ. Каждая индивидуальная душа — идея; и изъ этихъ идей низшія связываются въ одно высшими, а всѣ онѣ въ ихъ совокупности связываются въ одно высшимъ существомъ. Богъ—сумма идей, поэтому онѣ вѣченъ и неизмѣненъ, чувственные условія времени и пространства не имѣютъ къ нему никакого отношенія и непримѣнимы къ понятію объ его атрибутахъ; онѣ — мѣрило всѣхъ вещей, а не человѣкъ, какъ утверждалъ Протагоръ; вселенная—его типъ; вещество само по себѣ является абсолютнымъ отрицаніемъ; это то же, что пространство, что формы, представляющіяся нашимъ чувствамъ, простыя тѣни, а не дѣйствительность. Безконечнаго множества міровъ не существуетъ, а есть только одинъ міръ, и такъ какъ онъ сотворенъ Богомъ, то не можетъ ни старѣться, ни разрушаться и состоитъ изъ души и тѣла. Съ другой точки зрѣнія можно сказать, что онъ состоитъ изъ огня и земли, которые могутъ соединиться только посредствомъ воздуха и воды, откуда вытекаетъ необходимость существованія четырехъ стихій. Изъ геометрическихъ формъ пирамида соотвѣтствуетъ огню, кубъ—землѣ, восьмигранникъ—воздуху, при чемъ формы эти образуются изъ треугольниковъ, соединенныхъ между собою въ извѣстныхъ числовыхъ отношеніяхъ. Вся сумма жизненности раздѣлена Богомъ на семь частей, соотвѣтствующихъ дѣленію музыкальной октавы или семи планетамъ. Вселенная — животное, внутри котораго имѣется душа, потому что человѣкъ тепелъ и міръ также, и подобно тому, какъ тѣло человѣка обладаетъ душою, и міръ долженъ обладать ею. Существуетъ особое племя сотворенныхъ, рожденныхъ и видимыхъ боговъ, которые должны быть отличены отъ вѣчнаго; тѣла ихъ состоятъ болѣею частью изъ огня, форма ихъ сферическая. Земля—самое древнее и первое изъ звѣздныхъ тѣлъ; она помѣщается въ центрѣ вселенной, или ея оси, гдѣ держится

Богъ—сумма идей.

Свойства міра и боговъ.

въ силу собственнаго равновѣсія. Можетъ быть, земля надбѣнное душою существо или рожденный богъ. Смертныхъ племень три, соответствующихъ землѣ, воздуху и водѣ; прежде всѣхъ смертныхъ былъ сотворенъ мужчина, а отъ него произошли женщина, звѣри, птицы и рыбы. Превосходство человѣка заключается въ томъ, что онъ религіозное животное; каждый смертный состоитъ изъ двухъ частей — души и тѣла; раздѣленіе ихъ производитъ смерть. Душа состоитъ изъ двухъ первоначальныхъ составныхъ частей, смертной и безсмертной; одна создана сотворенными богами, а другая Верховнымъ Существомъ. Для того, чтобы соединить вмѣстѣ эти части, оказалось необходимымъ создать посредствующую часть, которая и составляетъ демоническую часть души. Борьба, происходящая внутри насъ, обязана своимъ происхожденіемъ тройственному сочетанію желанія, духа и разума; одинъ разумъ безсмертный, остальные умираютъ. Число душъ во вселенной постоянно и неизмѣнно; сознание прежняго существованія доказываетъ, что душа существовала раньше тѣла. Такъ какъ душа — причина движенія, то она не можетъ ни быть произведенной, ни разрушиться, иначе нужно признать, что всякое движеніе должно непременно прекратиться. Души умершихъ блуждаютъ, какъ тѣни, вокругъ могилъ, стремясь войти опять въ безжизненное тѣло, или переселяются въ различныя человѣческія или животныя формы; безплотная же жизнь въ Богѣ предоставляется добродѣтельному философу; достоинство не иное что, какъ знаніе, а добродѣтель — знаніе добра; душа, послѣ вступленія въ тѣло, неразумна или находится въ состояніи изступленія; Богъ, звѣзда, создавшая ея сотворенную часть, оказываетъ влияние на всю ея дальнѣйшую судьбу, вслѣдствіе чего послѣдняя можетъ быть предсказана на основаніи астрологическихъ данныхъ. Существуютъ будущія награды и наказанія, и праведному назначено мѣстожителство на родственной ему звѣздѣ; тѣ же, которые жили недостаточно добродѣтельно, должны перейти еще черезъ второе рожденіе, въ образѣ женщины, а если они и въ этомъ видѣ не исправятся отъ своихъ пороковъ, то имъ приходится претерпѣвать цѣлый рядъ переселеній черезъ различныхъ животныхъ: легкомысленные люди переходятъ въ птицъ, неразумные — въ звѣрей, невѣжественные — въ рыбъ; міръ претерпѣваетъ періодическіе перевороты, совершаемые при посредствѣ огня и воды, при чемъ его разрушеніе и возникновеніе зависитъ отъ совпаденія звѣздъ.

Что касается до взглядовъ Платона на физиологію, то ихъ лучше всего опредѣляетъ Риттеръ слѣдующими словами: «Всѣ части человѣческаго тѣла созданы ради разума для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей. На основаніи этого прежде всего отведено было мѣсто для богоподобной части нашей души, именно головѣ, которая кругла и подобна совершенной формѣ цѣлаго, снабжена органами познания и слегка покрыта мясомъ, для задержанія чувствъ. Голова управляетъ всѣмъ остальнымъ тѣломъ, почему и расположена наверху туловища; и такъ какъ животныя обладаютъ всѣми шестью неправильными движеніями, а голова не

Тройственный составъ души.

Переселеніе души и будущія награды и наказанія.

Физиологія Платона.

должна падать на землю, то человѣческое туловище длинно и имѣетъ ноги для хожденія и руки для прислуживанія тѣлу, при чемъ передняя часть тѣла устроена совершенно иначе, чѣмъ задняя. Между тѣмъ какъ разумъ обитаетъ въ головѣ, духъ или чувствующая душа обитаетъ въ груди, подъ головою, такъ, чтобы быть всегда подъ рукою у разума; она отдѣлена, тѣмъ не менѣе, отъ головы шею, чтобы не смѣшиваться съ нею. Желаніе имѣетъ подобнымъ же образомъ отдѣльное мѣстожителство въ нижней части туловища, животѣ, отдѣленной діафрагмою отъ мѣстожителства чувствующей души: оно управляется и упорядочивается душою и разумомъ, будучи одинаково отдѣленнымъ и отъ того, и отъ другого. Для этой цѣли Богъ далъ ему сторожа, печень, которая плотна, миска и блестяща, заключаетъ въ себѣ смѣсь сладкаго и горькаго и способна воспринимать и отражать, точно въ зеркалѣ, образы мыслей. Когда разумъ не одобряетъ чего-либо, печень умѣряетъ своею горечью беспорядочныя желанія; съ другой стороны, когда разумъ одобряетъ, она все смягчаетъ и успокаиваетъ своею сладостью; кромѣ того, во время сна, болѣзни или вдохновенія она дѣлается пророческою, такъ что даже самая низкая часть туловища до нѣкоторой степени становится участницей въ истинѣ. Въ другихъ отношеніяхъ эта низшая часть туловища устроена такъ, чтобы служить цѣлямъ, для которыхъ она предназначена. Селезенка расположена налѣво отъ печени, чтобы выдѣлять и выводить изъ тѣла нечистоты, образующіяся и скопляющіяся въ немъ вслѣдствіе разныхъ болѣзней тѣла. Кишки свернуты нѣсколько разъ, чтобы пища не проходила слишкомъ скоро черезъ тѣло, вызывая неумѣренную жадность; потому что такое постоянное желаніе пищи, такой неумѣренный аппетитъ едѣлали бы невозможнымъ всякую работу мысли и заставили бы человѣка не слушаться голоса божества, живущаго въ немъ».

Изъ предыдущаго параграфа читатель можетъ видѣть, какъ много разумнаго и безразсуднаго, какъ много знаній и невѣжества было въ ученіяхъ Платона. Я намѣренъ остановиться нѣсколько дольше на разборѣ его произведеній, чтобы лучше пояснить, какимъ образомъ онъ проводилъ свою теорію на практикѣ, потому что Платонъ увѣрялъ, что хотя высшее добро не можетъ быть достигнуто человѣкомъ, въ виду несовершенства его разума, но мы должны стараться походить на Бога, насколько возможно для преходящаго подражать вѣчному; мы должны помнить, что конечная цѣль человѣка не наслажденіе и что хотя чувственная часть души заботится объ ѣдѣ и питьѣ, богатствахъ и наслажденіяхъ, а духовная о свѣтскихъ почестяхъ и отличіяхъ, разумъ преданъ всецѣло знанію. Поэтому наслажденіе не можетъ быть приписано богамъ, въ противоположность знанію, которое должно быть приписываемо имъ; наслажденіе — не добро само по себѣ, а только средство для достиженія его. У каждой изъ трехъ частей души свои особыя добродѣтели: у разума — мудрость, у духа — мужество, у желанія — умѣренность, и въ видахъ совершенства, для взаимнаго уравновѣшенія всѣхъ трехъ, къ нимъ присоединяется справедливость.

Его нравственныя понятія.

Примѣняя къ практикѣ свои этическія понятія, Платонъ утверждаетъ, что государство—все и что то, что стоитъ въ оппозиціи съ нимъ, должно уничтожать. Онъ отвергаетъ право собственности и разрушаетъ самыя основанія семьи, доводя свое ученіе до такой крайности, что признаетъ женщину общественнымъ достояніемъ, которымъ можно пользоваться для государственныхъ цѣлей; воспитаніе—государственная обязанность, и религія должна подчиняться всецѣло политикѣ; дѣти не принадлежатъ родителямъ, а государству; цѣль управленія—не благо отдѣльныхъ индивидуумовъ, а благо цѣлаго; такъ какъ люди разсматриваются не какъ люди, а какъ элементы государства, то хорошей подданный только тѣмъ отличается отъ раба, что хозяиномъ является государство. Платонъ совѣтуетъ выставлять на показъ изуродованныхъ и болѣзненныхъ дѣтей и требовать, чтобы каждый гражданинъ былъ посвященъ во все роды обмана и лжи. Проводя различіе между общественными союзами и истинною политикою и настаивая на аналогіи между государствомъ и душою въ отношеніи ихъ тройственнаго устройства, онъ устанавливаетъ дѣленіе общества на правителей, воиновъ и рабочихъ, оказывая предпочтеніе монархіи, опирающейся на аристократію, особенно на аристократію таланта. Считаая музыку существенно необходимою для воспитанія, онъ въ то же время высказываетъ самыя низкія мнѣнія объ искусствахъ: такъ, онъ или совсѣмъ не допускаетъ въ государство живописцевъ и музыкантовъ, или допускаетъ только подъ условіями очень строгихъ ограниченій. Съ цѣлью основать свою химеричную республику, Платонъ отправился къ Республикѣ Діонисію въ Сицилію, и можно прибавить, что если ему не удалось осуществить свои идеи, то это было большимъ счастьемъ для тѣхъ, кого онъ думалъ подвергнуть этому эксперименту. Много сумасбродныхъ плановъ общественнаго обновленія было предложено въ наше время; но никогда еще мы не видѣли ничего, что могло бы сравниться по нелѣпости съ пресловутою республикою Платона. Въ ней выказывается поразительное незнаніе дѣйствій и потребностей человѣка въ его общественной жизни.

Нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся ученій Платона достойны упоминанія. Я остановлюсь на нихъ и постараюсь вкратцѣ изложить ихъ читателю.

Философія Платона выработала прекрасное понятіе, что идеи величія понятій связаны взаимно другими идеями вышшаго порядка, которыя, въ свою очередь, связаны дальнѣйшими, еще высшими, пока не достигается кульминаціонный пунктъ,—вышшая, властвующая надъ всею идея Бога. Приближаясь, такимъ возвышеннымъ образомъ, къ ученію о Всемогущемъ Существовѣ, ученіе Платона свободно отъ заблужденій, въ которыя мы неминуемо впадаемъ, когда смѣшиваемъ понятія, основанныя на времени и пространствѣ, съ атрибутами и свойствами Бога. Мы, такимъ образомъ, избегаемъ тѣхъ неясностей, которыя обязательно останавливаютъ насъ, какъ только мы пробуемъ разсматривать безграничное и вѣчное.

Взгляды Платона на безсмертіе души представляютъ поразительный контрастъ съ народною философіею и съ суевѣрїями его времени. Они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ намъ индусскія ученія. Въ Греціи лица, придерживавшіяся наиболѣе возвышенныхъ взглядовъ, проповѣдывали то, что они называли ученіемъ о полубезсмертіи. Они говорили о будущемъ безконечномъ существованіи души, но не обращали никакого вниманія на вѣчность въ прошедшемъ. Но Платонъ полагаетъ, что душа существовала вѣчно и что настоящая жизнь только одинъ моментъ въ нашемъ существованіи. Онъ съ непоколебимою вѣрою ждалъ переменъ, которыя мы должны въслѣдствіи претерпѣть. Подобно тому, какъ искры выходятъ изъ пламени, такъ въ его воображеніи душа человѣка пеходитъ изъ души міра. Врожденныя идеи и чувство прежняго существованія доказываютъ, что мы и раньше жили. Последнее названіе подразумеваетъ то, что бываетъ съ нами неожиданно въ какой-нибудь случайный моментъ нашей жизни, когда намъ кажется, что мы уже пережили раньше такія событія и были окружены тѣми же предметами, которые окружаютъ насъ въ данную минуту; хотя это воспоминаніе бываетъ смутнымъ и неяснымъ, оно глубоко поражаетъ насъ. Будемъ ли мы говорить съ Платономъ, что мы пережили это въ одно изъ обстоятельствъ нашей предыдущей жизни и что эти давно прошедшія событія внезапно ожили передъ нами?

Но Платонъ не зналъ двойственнаго строенія и двойственной дѣятельности человѣческаго мозга; онъ забылъ, что умъ можетъ утратить всякое сознаніе о времени и съ равною легкостью, съ одной стороны, сосредоточить въ одномъ моментѣ такія многочисленные событія, что для того, чтобы пережить ихъ, требуются цѣлые дни и даже годы, а съ другой—остановиться на одной, простой идеѣ, которую можно было бы, казалось, обдумать въ одинъ мигъ, и въ теченіе цѣлыхъ часовъ долгой ночи разсматривать ее со всѣхъ сторонъ, изучая ее во всѣхъ подробностяхъ. Въ доказательство можно привести рассказы людей, избѣжавшихъ смерти отъ утопленія, рассказы о послѣднихъ минутахъ, пережитыхъ ими до потерн сознанія. Они описывали, какъ въ ужасную минуту смертельной агоніи волна воспоминаній охватывала ихъ, какъ цѣлый длинный рядъ событій, въ которыхъ они участвовали, внезапно, во мгновеніе ока, представлялся имъ, подобно тому, какъ при блескѣ молніи въ темную ночь мы видимъ ландшафтъ со всею разнообразными предметами, находящимися на немъ,—то же съ поразительною ясностью доказываютъ и наши сны. Я показалъ въ своей *Физиологіи*, какъ можно объяснить явленія чувства прежняго существованія на основаніи слѣдующаго положенія: каждое полушаріе мозга думаетъ самостоятельно, а умъ, заблуждаясь относительно времени, приписываетъ эти одновременныя дѣйствія за послѣдовательными и приписываетъ одно изъ этихъ двухъ впечатлѣній неопредѣленному смутному прошлому. Для Платона такого рода многочисленные факты служили доста-

точными доказательствами бывшаго существованія души и вполне достаточными основаціями вѣры въ будущую жизнь.

Такимъ образомъ, ученіе Платона о безсмертіи души подразумевает двойное безсмертіе: прошлая вѣчность и будущая въ равной степени входили въ это понятіе. Согласно народнымъ суевѣріямъ того времени, духовный принципъ возникалъ безъ творца или производителя, вселялся случайно въ тѣло, росъ вмѣстѣ съ нимъ, укрѣплялся вмѣстѣ съ нимъ, приобретаая для каждаго періода жизни соответствующую форму и черты одновременно со своимъ товарищемъ, тѣломъ: то видъ ребенка, то видъ юноши, то видъ взрослого, то видъ сѣдобородаго патриарха. Тѣнь, бродившая по Стигійскимъ полямъ или стоявшая передъ судомъ Миноса въ ожиданіи его приговора, похожа была по виду на образъ, носимый покойнымъ при жизни. Такъ, Улиссъ узналъ тѣни Патрокла, Ахиллеса и другихъ героевъ десятилѣтней осады; такимъ-то образомъ земледѣлецъ узнавалъ тѣнь друга или врага. Въ смыслѣ суевѣрія, понятія эти могли представлять кое-какое значеніе, но съ философской точки зрѣнія трудно представить себѣ что-нибудь болѣе странное и неудовлетворительное.

Человѣкъ тѣмъ отличается отъ неорганическаго тѣла или звѣри, что ему приходится имѣть дѣло не съ однимъ только настоящимъ моментомъ. Для животнаго прошедшее проходитъ навсегда и будущее, до приближенія его, какъ бы совершенно не существуетъ. Человѣкъ, путемъ воспоминаній, обращаетъ прошлое въ часть настоящаго, а его предвидѣніе прибавляетъ къ этому и будущее, соединяя всѣ три въ одно.

Нѣкоторыя изъ объясненій, даваемыхъ обыкновенно относительно теоріи Платона, могутъ быть употреблены съ пользою для того, чтобы показать, какъ объясняются эти факты методами современной намъ науки. Такъ, Платонъ говоритъ, что каждый желудъ заключаетъ въ себѣ идеальный типъ дуба, вслѣдствіе чего, какъ только на сцену выступаютъ благоприятныя обстоятельства, желудъ обращается въ дубъ, а не въ какое-либо другое дерево. Слѣдовательно, въ дѣлѣ развитія такого сѣмени требуются двѣ вещи: внутренній характеръ сѣмени и внѣшнія силы, дѣйствующія на него. Платонъ наираетъ особенно сильно на этомъ различіи. Главною цѣлью его ученія—признаніе абсолютнаго существованія и независимости этого врожденнаго типа и его неуничтожаемости. Въ такихъ случаяхъ вопросъ идетъ о двухъ элементахъ—внутреннемъ и внѣшнемъ. Такой же дуализмъ проявляется и во многихъ другихъ физиологическихъ явленіяхъ,—напр., въ отношеніи между умомъ и матеріею, мыслью и ощущеніемъ. Цѣль философіи Платона возвеличивать внутреннее въ ущербъ внѣшнему въ отношеніи человѣка, провозглашая тѣмъ абсолютное превосходство разума; это особенность, отличающая человѣка отъ животныхъ и низшихъ организмовъ, у которыхъ преобладаетъ внѣшнее. Развитие такого рода низшихъ организмовъ, животныхъ или растений, является лишь проявленіемъ божественной идеи платонизма. Многие примѣры изъ естественной исторіи прекраснымъ

Отношеніе
прошлаго и бу-
дущаго къ че-
ловѣку.

Критика идеаль-
ной теоріи.

образомъ объясняютъ, какъ то, что должно было сдѣлаться вѣтвью, развивается въ цвѣтокъ, части котораго представляютъ врожденную склонность распредѣляться по пять или три вмѣстѣ. Упорство, проявляющееся въ этомъ отношеніи въ организмахъ одной и той же породы, является, согласно толкованію Платона, доказательствомъ положенія, что организмы погибаютъ, но идея безсмертна. Какимъ же образомъ иначе подобное могло отдѣляться отъ неподобнаго, единое выдѣляться и обнаруживаться во многомъ?

Это одинъ изъ примѣровъ взглядовъ Платона; но этотъ самый примѣръ, уясняющій намъ его мысль, заключаетъ въ себѣ и другое, быть можетъ, болѣе правильное ученіе. Потому что, принимая во вниманіе дуализмъ, представляемый такого рода фактами, внутреннее и внѣшнее, безсмертный скрытый типъ и силу, дѣйствующую извнѣ на нихъ, характеръ и обстоятельства, не можемъ ли мы вполне умѣстно спросить, на какомъ основаніи уменьшаетъ Платонъ значеніе послѣднихъ и возвеличиваетъ значеніе перваго? Зачѣмъ отягощать факты такими гипотетическими измысленіями, когда достаточно гораздо болѣе простое объясненія? Допустимъ, на основаніи самыхъ правильныхъ физиологическихъ взглядовъ, что исходнымъ пунктомъ каждаго организма, высшаго и низшаго, растенія и животнаго или чего-либо подобнаго, является простая клѣточка, способность развитія которой зависитъ вполне отъ обстоятельствъ и вліяній, дѣйствующихъ на нее; пока эти обстоятельства одни и тѣ же, и обусловленная ими форма будетъ одна и та же; но какъ только обстоятельства измѣняются, измѣняется такимъ же точно образомъ и зависящая отъ нихъ форма. Отрасль всегда похожа на родича не потому, что въ немъ заключается безсмертная типическая форма, а потому что развитіе его подчиняется тѣмъ же условіямъ, что и развитіе родственаго ему организма. Въ другомъ мѣстѣ я старался доказать, что мы должны признавать абсолютное господство физическихъ дѣятелей надъ органическими формами и считать это основнымъ принципомъ всѣхъ наукъ объ организаци; главная цѣль моего сочиненія о физиологій заключалась въ томъ, чтобы доказать справедливость этого ученія. Но такого рода ученіе совершенно несовмѣстимо съ идеальной теоріею платонизма. Въ такого рода развитіяхъ играетъ роль не скрытый безсмертный типъ, существовавшій вѣчно, а неизмѣнно дѣйствующій законъ, и измѣненія въ нихъ бываютъ возможны только подъ условіемъ измѣненія въ окружающихъ насъ условіяхъ. Такимъ образомъ мы избавляемся отъ сверхчувственнаго міра, наполненнаго типическими формами, универсальными идеями, идеями созданныхъ вещей, отвергая этотъ сложный механизмъ Платона и замѣняя его простымъ понятіемъ о законѣ. Направляя отъ этой исходной точки зрѣнія наши мысли вверхъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ Платонъ, выводившій изъ второстепенныхъ идей высшую, мы не видимъ въ этомъ ничего несовмѣстимаго съ тѣмъ благороднымъ заключеніемъ, къ которому онъ окончательно пришелъ, съ величіемъ Бога, существованіе и свойства котораго можно съ болѣею точностью и ясностью опредѣлить помощью изслѣдо-

ванія дѣйствій непреложнаго закона, чѣмъ принимая за исходную точку зрѣнія фантастическія, воображаемыя, идеальныя формы.

Мы уже видѣли, какъ досократовская философія закончилась софистами; теперь мы увидимъ, какъ основанная Сократомъ философія закончилась скептиками. Опять повторился результатъ, ^{возникновеніе скептиковъ.} наблюдавшійся и въ прежнее время; ученія различныхъ школъ, даже тѣхъ, которые, повидимому, основывали свои теории на абсолютныхъ доказательствахъ, были не только совершенно различны по существу, но и противорѣчили другъ другу. Поэтому постоянно повторялось мнѣніе, что разумъ человѣка не обладаетъ критеріумомъ истины, что онъ не способенъ ни разобратъ между противорѣчивыми показаніями чувствъ, ни судить о правильности философскихъ заключеній, ни даже опредѣлить внутреннее нравственное значеніе извѣстныхъ поступковъ. А развѣ нѣтъ критеріума истины, нѣтъ и никакой точной почвы для науки, и намъ остается одно—сомнѣніе. Къ такому-то заключенію пришелъ Пирронъ, основатель школы скептиковъ. Онъ жилъ около 300 лѣтъ до Р. X. Его философское ученіе о необходимости воздерживаться отъ всякихъ философскихъ разсужденій, въ виду отсутствія у насъ критеріума истины, вело естественнымъ образомъ къ нравственному ученію, что добродѣтель и счастье состоятъ въ полномъ спокойствіи или свободѣ отъ всякихъ умственныхъ волненій. Это ученіе онъ, говорятъ, перенялъ изъ Индии отъ браминовъ, участвуя въ походѣ Александра. По возвращеніи въ Европу, онъ преподавалъ эти взгляды въ своей школѣ въ Элидѣ; но греческая философія, слѣдуя собственному развитію, начинала сама приходить къ такимъ же самымъ заключеніямъ.

Скептическая школа основывалась на томъ заключеніи, что человѣкъ никогда не можетъ распознавать истинное среди явленій, и поэтому никогда не можетъ знать, находятся ли извѣстныя вещи въ согласіи или несогласіи съ ихъ вѣншею формою, потому что одинъ и тотъ же предметъ кажется намъ совершенно различнымъ въ различныхъ положеніяхъ и въ различныя времена. Онъ, несомнѣнно, можетъ казаться различнымъ и различнымъ индивидуумамъ. Среди такого разнообразія явленій, какъ можемъ мы отыскать истинное, и, дѣлая выборъ, какъ можемъ мы быть увѣрены, что мы попали на истинный путь? Кромѣ того, свойства, приписываемыя нами извѣстнымъ вещамъ, каковы цвѣтъ, запахъ, вкусъ, твердость и т. п., зависятъ вполнѣ отъ нашихъ чувствъ; но мы отлично знаемъ, что наши чувства постоянно доставляютъ намъ противоположныя указанія, и напрасно мы ждемъ, чтобы разумъ далъ намъ возможность различать правильно явленія или доставилъ намъ критеріумъ истины. Поэтому скептическая школа воспользовалась тѣмъ оружіемъ, съ помощью котораго софисты оказывали такое разрушительное дѣйствіе, направляя его, впрочемъ, главнымъ образомъ противъ этики. Но пойдемъ дальше. Опираясь на разумъ, какъ мы можемъ знать, что разумъ достовѣренъ? Развѣ и для убѣжденія въ этомъ не надо

^{Вторичный анализъ этической философии.}

критеріума истины? Но даже если и существуетъ такого рода критеріумъ, не нужно ли для него, въ свою очередь, другого, высшаго критеріума? Скептики такимъ образомъ оправдывали свое положеніе, что для человѣка не существуетъ вовсе критеріума истины.

На основаніи этихъ принциповъ, скептики отрицали возможность для насъ достигнуть знанія бытія, руководясь ^{ученіи Пиррона.} знаніями явленій. Они доводили свое сомнѣніе до крайности, утверждая, что мы не можемъ знать истины того, что мы утверждаемъ, и даже того, истинно ли самое наше утвержденіе. «Мы ничего не утверждаемъ», говорили они, «даже не утверждаемъ того, что мы ничего не утверждаемъ». Они заявляли, что индуктивная система въ лучшемъ случаѣ только система вѣроятности, потому что индукція можетъ быть вѣрна только въ томъ случаѣ, когда каждый отдѣльный предметъ и всѣ они въ совокупности будутъ изслѣдованы и объяснены такъ, чтобы связь ихъ съ цѣлымъ была вполнѣ уснена. Развѣ будетъ открыто одно единственное исключеніе изъ мірады примѣровъ, вся индукція будетъ разрушена. Но какъ можемъ мы быть увѣрены въ каждомъ данномъ случаѣ, что мы изслѣдовали всю совокупность явленій, безъ исключенія? Поэтому мы должны постоянно сомнѣваться. Что касается до метода опредѣленій, то онъ, очевидно, бесполезенъ, потому что развѣ мы не знаемъ извѣстной вещи, мы не можемъ опредѣлить ее, а развѣ мы ее знаемъ, опредѣленіе ея не увеличитъ нашего знанія о ней. Разрушая, такимъ образомъ, опредѣленія и индукціи, они разрушали и философскій методъ.

Но развѣ существуетъ полная невозможность достигнуть истины, зачѣмъ человѣку мучиться изъ-за этого? Развѣ не ^{ученіе Эпикура.} лучше принимать жизнь какъ она есть и наслаждаться, пока возможно? Вотъ что совѣтовалъ людямъ Эпикуръ въ 342 г. до Р. X. Подобно Сократу, онъ изводитъ съ пьедестала знаніе и считаетъ наслажденіе главною цѣлью въ жизни и критеріумомъ добродѣтели. Утверждая, что истина не можетъ быть опредѣлена однимъ разумомъ, онъ въ отчаяніи отказывается отъ философіи или считаетъ ее низшимъ или недѣйствительнымъ средствомъ достиженія счастья. По его мнѣнію, философію лучше всего дѣлить на этику, канонику и физику, при чемъ двѣ послѣднія части представляютъ крайне ничтожное значеніе сравнительно съ первою. Мудрецъ или умный человѣкъ долженъ искать въ восточномъ кветизмѣ главное счастье жизни, умѣренно удовлетворяя своимъ настоящимъ потребностямъ и прибавляя къ нимъ воспомнанія о подобныхъ же чувственныхъ удовольствіяхъ въ прошедшемъ и ожиданія новыхъ наслажденій въ будущемъ. Онъ долженъ видѣть въ философіи способъ наслаждаться жизнью. Лично же онъ не долженъ заботиться ни о смерти, ни о богахъ, которые представляются ему совершенно обманчивыми фантазіями ума, ни о будущей жизни, помни, что душа, которая есть не иное что, какъ скопленіе атомовъ, разлагается при смерти на свои составныя части. Такое ученіе, несомнѣнно, подходило какъ нельзя больше къ тому времени, когда оно возникло; потому

что общественные и политическіе беспорядки были такъ велики, такъ мало было прочнаго во владѣніи собственностью, что совершенно понятенъ становился вопросъ: что могъ человѣкъ дѣлать лучшаго, какъ не пользоваться своею собственностью, пока она еще находится у него въ рукахъ? И такого рода вопросъ получалъ тѣмъ большее значеніе въ то время, когда повсюду царила самая безумная расточительность, когда публичныя женщины и повара, фигляры и шуты, роскошные костюмы и громадныя состоянія сдѣлались существенно необходимыми спутниками жизни. Деметрій Полиоркетъ, отлично понимавшій положеніе дѣлъ, говорить: «Въ мое время въ Аѳинахъ не было ни одного великаго или благороднаго ума». При такомъ состояніи общества не удивительно, что Эпикуръ приобрѣлъ много послѣдователей, что многие соглашались съ нимъ въ томъ, что счастье легче всего найти въ спокойномъ равнодушіи, и вѣрили, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего совершенно дурнаго или совершенно хорошаго; что лучше не заботиться ни о чемъ, а предоставить все случаю; что въ сущности нѣтъ почти никакого различія между жизнью и смертью; что мудрецъ будетъ всегда видѣть въ философій рядъ идей и аргументовъ, ведущихъ къ счастью; что физическая ея отрасль служитъ развѣ только для того, чтобъ исправлять суевѣрныя представленія о смерти и уничтожать страхъ метеоровъ, чудесъ и другихъ явленій, объясняя ихъ дѣйствіемъ законовъ природы; что взгляды Демокрита и Аристотеля могутъ, до нѣкоторой степени, доставить намъ наслажденіе, и что мы должны поучиться у животныхъ, ищущихъ наслажденій и избѣгающихъ опасностей, каковъ долженъ быть дальнѣйшій нашъ образъ жизни. Въ цѣломъ можно сказать, что существуетъ тѣсная связь между удовольствіемъ и добродѣтелью, особенно если мы расширимъ наши взгляды на наслажденія, и будемъ искать въ немъ не удовлетворенія потребностей и желаній настоящей минуты, а общаго наслажденія всею жизнью. Наслажденія души имѣютъ всѣ одинъ общій источникъ—тѣлесныя наслажденія, не только тѣ, которыя испытываются въ настоящемъ, но и тѣ, которыя испытывались въ прошедшемъ, и тѣ, которыя будутъ испытываться въ будущемъ. Поэтому мудрецъ будетъ заботиться о нихъ всѣхъ, и вспоминая, что страданіе по своей натурѣ преходяще, а наслажденіе, напротивъ того, продолжительно, онъ, не колеблясь, пойдетъ навстрѣчу первому, разъ въ немъ возникнетъ увѣренность, что онъ съ его помощью добудетъ себѣ и второе; онъ прогонитъ изъ своего ума всѣ пустые страхи передъ богами и судьбою, потому что это все простыя фикціи, годныя для женщинъ и простого народа; но такъ какъ онъ являются предметомъ народнаго суевѣрія, то, открыто осмѣивая ихъ, можно навлечь на себя общественное неодобреніе. Въ виду этого мудрецъ долженъ относиться къ нимъ съ видимою торжественностью или, по крайней мѣрѣ, съ вышнимъ уваженіемъ, хотя въ душѣ онъ, можетъ быть, и будетъ смѣяться надъ этимъ обманомъ. Что же касается до страха смерти, то онъ долженъ стараться избавиться отъ него, твердо помня, что смерть—избавительница отъ несчастій жизни.

Спокойное равнодушіе лучше всего для человека.

Подъ названіемъ каноникъ Эпикуръ высказываетъ свои философскіе взгляды; они, впрочемъ, крайне поверхностнаго характера. Онъ утверждаетъ, что впечатлѣнія нашихъ вышнихъ чувствъ должны считаться критеріумомъ истины и что ощущенія даже лунатика и спящаго человѣка истинны. Но не одни только минутныя впечатлѣнія должны признаваться критеріумомъ истины: такимъ же критеріумомъ является и память, которая служитъ основаніемъ опыта. Въ своей физикѣ онъ принимаетъ атомистическую теорію Демокрита, хотя во многихъ отношеніяхъ послѣдняя мало согласуется съ его этикою или каноникомъ; но онъ придаетъ, очевидно, своей этикѣ такъ мало значенія, что нисколько не заботится объ этомъ разногласіи. Хотя атомы и пустоты, по характеру своему, невидимы для нашихъ чувствъ, но онъ признаетъ ихъ существованіе, утверждая, что въ безконечномъ пространствѣ существуетъ безконечное множество атомовъ различныхъ родовъ, которые, въ силу своей тяжести, устремляются внизъ перпендикулярно съ равносильною скоростью; но нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря присущей имъ внутренней силѣ, уклоняются отъ перпендикулярнаго пути и, соединяясь послѣ своего столкновенія, даютъ начало міру. Не лучше этихъ ребяческихъ понятій являются его разсужденія о величинѣ солнца, о затмѣніяхъ и другихъ астрономическихъ явленіяхъ; но онъ оправдываетъ свои противорѣчія и свою поверхностность тѣмъ, что для человѣка совершенно излишне знакомство съ такого рода вещами и что мудрецъ не долженъ заботиться о нихъ. Что же касается души, то онъ говоритъ, что она должна быть матеріальною или тѣлесною, по той простой причинѣ, что нѣтъ ничего нематеріальнаго, кромѣ пустого пространства; онъ склоняется въ пользу мнѣнія, что душа—разрѣженное тѣло, легко движимое и обладающее свойствами пара; онъ дѣлитъ ее на четыре дѣятельности, соотвѣтственно четыремъ элементамъ, входящимъ въ ея составъ; но она не только не безсмертна, но разлагается на свои составныя части и умираетъ вмѣстѣ со смертью тѣла. Вмѣстѣ съ атомистическими теоріями Демокрита, Эпикуръ принимаетъ и понятія этого философа относительно ощущенія, именно—онъ увѣряетъ, что всѣ вышніе предметы получаютъ черезъ посредство глаза доступъ къ нашему уму, оставляя въ немъ свои изображенія или eidola. Въ своей теологіи онъ допускаетъ, при обстоятельствахъ, упомянутыхъ нами выше, существованіе антропоморфическихъ боговъ, утверждая, что они происходятъ благодаря случайному скопленію атомовъ и что они доказываютъ свою святость тѣмъ, что не обращаютъ никакого вниманія на ^{Его безбожіе.} человѣка и его дѣла. Такими-то саркастическими замѣчаніями вызывалъ Эпикуръ свое презрѣніе къ религіи родной страны, къ ея обрядамъ, жертвамъ, молитвамъ и обычаямъ. Онъ не представляетъ никакихъ лучшихъ доказательствъ существованія Бога, кромѣ того, что большинство людей вѣритъ въ это. Но когда обстоятельства заставляютъ его высказаться болѣе искренно, онъ, не колеблясь, выражаетъ свое невѣріе въ національную теологію и заявляетъ, что, по его мнѣнію, міромъ руководитъ слѣпая судьба.

Таковы мнѣнія, съ которыми связано имя Эпикура; но эпикурейцы существовали до рожденія этого философа, и будутъ существовать во все грядущія времена. Ихъ очень много и въ наши дни, при чемъ они и теперь отличаются одними и тѣми же качествами: громаднымъ эгоизмомъ въ общественныхъ отношеніяхъ и поверхностностью философскихъ взглядовъ, если терминъ философскій можетъ быть примененъ къ такимъ узкимъ понятіямъ; они часто громко высказываютъ свое согласіе съ религіею своей страны, а въ душѣ и въ жизни совершенно невѣрны ей. Они-то составляютъ наиболѣе выдающуюся часть современнаго общества и называютъ себя самозванно охранителями его интересовъ. Ихъ можно найти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, въ сенатѣ, въ арміи, во всѣхъ профессіяхъ, и особенно въ торговомъ мѣрѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, торговля дѣла способствуетъ развитію себялюбія. Имъ общество больше чѣмъ на половину обязано своею непорочностью, своимъ лицемеріемъ и большею частью своихъ грѣховъ. Они вносятъ въ него лживость относительно прошлаго, обманъ, какъ относительно настоящаго, такъ и относительно будущаго; они учатъ насъ своимъ примѣромъ, что человѣческая жизнь опредѣляется правилами себялюбія, что благодарность и привязанность хороши эффекта ради, но что ихъ никогда не слѣдуетъ ощущать въ дѣйствительности; что на людей слѣдуетъ смотрѣть не какъ на людей, а какъ на вещи, которыми нужно умѣло пользоваться; что знаніе и честность, патриотизмъ и добродѣтель — заблужденія простаковъ и что богатство единственный предметъ, достойный поклоненія человѣка.

Въ этой главѣ намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о новѣйшемъ платонизмѣ. Старая академія, основателемъ которой былъ Платонъ, ограничивала свои занятія объясненіемъ Средняя академія Архезилая. и защитою его ученій. Средняя академія, основанная Архезилаемъ, род. въ 316 г. до Р. X., вела непрестанную борьбу со стоиками, развивая ученіе о невѣрности чувственныхъ воспріятій и о ничтожности человѣческаго знанія. Новая академія Карнеада. основана была Карнеадомъ, род. въ 213 г. до Р. X., и соглашалась со многими изъ основныхъ положеній послѣдней. Съ одной стороны Карнеадъ велъ къ скептицизму, съ другой онъ признавалъ своимъ руководителемъ вѣроятность. Эта школа пришла такъ быстро въ упадокъ, что въ концѣ концовъ занималась одною только риторикою. Постепенное развитіе въ этотъ періодъ времени скептицизма и равнодушія бросается въ глаза; такъ, Архезилай говорилъ, что онъ ничего не знаетъ, даже собственнаго невѣжества, и отрицалъ какія бы то ни было умственные и чувственные знанія. Карнеадъ, унаслѣдовавшій свои взгляды отъ старой философіи, находилъ въ нихъ достаточно аргументовъ противъ необходимости противъ Бога, противъ предсказаній; онъ не допускалъ возможности отвлеченнаго существованія справедливости, заявляя, что это — чисто условное понятіе. Такъ велико было его риторическое искусство, что онъ могъ съ одинаковымъ успехомъ говорить то въ похвалу справедливости, то про-

Двусмысленность позднѣйшихъ академиковъ.

тивъ нея; такого рода разсужденіями онъ занимался во время своего посѣщенія Рима, и это побудило Катона изгнать его изъ города. Хотя Платонъ былъ представителемъ вѣка вѣры, но вторичный анализъ всѣхъ его произведеній, выставивши на видъ всѣ заключавшіяся въ нихъ противорѣчія, привелъ къ скептицизму. Если мы пожелаемъ опредѣлить точную цѣль философіи, представителю которой занимали такое двусмысленное риторическое положеніе, то придется сказать, что такую цѣлью является доказательство несуществованія критериума истины. Убѣжденный, такимъ образомъ, въ несостоятельности философіи, Карнеадъ предложилъ теорію вѣроятности. «То, что было наилучше изслѣдовано и проанализировано и что оказалось нелишнимъ вѣроятности, и есть наиболѣе вѣроятная идея». Паденіе философіи теперь завершилось; труды столькихъ великихъ людей были извращены ради риторическихъ и аритметическихъ цѣлей. Всѣмъ было ясно, что Платонъ уничтожилъ всякое довѣріе въ указанія чувствъ, и на мѣсто ихъ выставилъ идеальную теорію. Аристотель уничтожилъ и эту теорію, и міру оставленъ былъ только одинъ скептицизмъ. Четвертая и пятая академіи. Четвертая академія основана была Филономъ Ларнскимъ, пятая Антиономъ Аскалонскимъ. Послѣдній учитель слѣлъ ученія Платона съ ученіями стоиковъ. Такая разнородная смѣсь показывается, что умозрительная философія попала въ крайне ложное положеніе, и ясно доказываетъ, что ученики ея въ отчаяніи отвернулись отъ нея. Такимъ-то образомъ закончился греческій вѣкъ вѣры. Какъ поразительно напоминаетъ исторія его соотвѣтствующій періодъ индивидуальной жизни — доврѣчивый духъ юности и слѣдующее затѣмъ разочарованіе! Мы вступаемъ въ этотъ возрастъ, полные довѣрія къ вещамъ и къ людямъ, никогда не думая о томъ, что одни могутъ разочаровать насъ, а другіе обмануть. Результаты нашего ранняго опыта заставляютъ насъ испытывать удивленіе по поводу того, что мы могли заниматься такъ много такими пустяками и руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ такими несообразными побужденіями. Мы никогда не думаемъ о томъ, что хотя въ настоящее время цѣли наши, можетъ быть, измѣнились, но онѣ оказываются въ сущности такими же пустыми, такими же обманчивыми.

Второй вѣкъ греческой философіи заканчивается софизмомъ, третій скептицизмомъ. Умозрительная философія натывается, наконецъ, на препятствіе, которое она не въ силахъ преодолѣть. Таково ея положеніе и въ настоящее время. Она постоянно отражается отъ стѣны, которая служитъ конечною границею для всѣхъ ея успѣй, безъ всякой надежды когда-либо перейти ее.

ГЛАВА VI.

Греческій вѣкъ разума.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ НАУКИ.

Македонская кампанія.—Гибельна для Греціи по своимъ политическимъ результатамъ, но приводитъ къ вѣку разума.

Аристотель основываетъ индуктивную философію.—Его методъ противоположенъ методу Платона.—Громадное вліяніе, оказанное его философіею.—Въ его рукахъ она не можетъ развиваться удовлетворительнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка знанія, но затѣмъ она развивается дальше александрийцами.

Зенонъ.—Его философская цѣль—развитіе добродѣтели и знанія.—Онъ въ этическомъ подраздѣленіи философіи служитъ противовѣсомъ Аристотелю въ физическомъ подраздѣленіи ея.

Основаніе александрийскаго музея.—Большія библіотеки, обсерваторіи, ботаническіе сады, звѣринцы, анатомическіе театры.—Вліяніе, оказанное музеемъ на быстрое развитіе точнаго знанія.—Вліяніе Эвклида, Архимеда, Эратосфена, Аполлонія, Птолемея, Гиппарха на геометрію, естественную философію, астрономію, хронологію, географію.

Упадокъ греческаго вѣка разума.

Завоеваніе Персіи Александромъ Великимъ составляетъ наибольшее важное событіе европейской исторіи. Этотъ искатель приключеній, осуществляя намѣренія отца своего, Филиппа, началъ свое наступленіе съ крайне ничтожными средствами, имѣя всего, какъ говорятъ, тридцать четыре тысячи человѣкъ пѣхоты, четыре тысячи человѣкъ кавалеріи и семьдесятъ талантовъ деньгами. Въ результатъ отъ этой экспедиціи получилась гибель персидской имперіи, а также и гибель Греціи. Память его не безъ причинъ была проклинаема въ его родной странѣ. Всѣ жизненные соки вытягивались изъ нея его побѣдами. Въ виду блестящихъ выгодъ, доставляемыхъ Азією, Греція перестала быть мѣстомъ дѣйствія для предприимчивыхъ людей. Военная эмиграція доходила до такихъ размѣровъ, что греческіе рекруты были разсыяны по всей персидской имперіи; число ихъ было достаточно, чтобы нанести непоправимый вредъ странѣ, выходцами которой они были, но оно было далеко не достаточно, чтобы эллинизировать плотное древнее населеніе, среди котораго они поселялись.

Но не однимъ только истощеніемъ населенія произвела македонская экспедиція такое пагубное дѣйствіе на Грецію. Политическія послѣдствія успѣшныхъ кампаній усугубили эти злосчастные результаты. Александръ меньше разорилъ бы Аѳины, если бы поступилъ съ ними такъ, какъ съ Фивами, которыя онъ сравнивалъ съ землею, умертвивъ шесть тысячъ гражданъ и продавъ въ рабство тридцать тысячъ. Основаніе Александріи уничтожило торговое значеніе Аѳинъ, нанесло окончательный ударъ ихъ старинной колониальной торговлѣ. Для нихъ было бы крайне выгодно, если бы Александръ не продолжалъ своихъ завоеваній послѣ разрушенія Тира, произведеннаго не изъ мстительныхъ побужденій, какъ утверждали многіе, а потому, что македонскій царь

Вторженіе грековъ въ Персію.

Гибельное дѣйствіе его на Грецію.

считалъ этотъ городъ существеннымъ звеномъ персидской системы. Онъ никогда не думалъ доставить Аѳинамъ особія преимущества уничтоженіемъ ихъ финикійскаго соперника; цѣль, преслѣдуемая имъ, была достигнута постройкою и процвѣтаніемъ Александріи.

Хотя военная слава этого великаго воина нѣсколько уменьшилась благодаря исторіи послѣднихъ ста лѣтъ, доказавшей, что при всякомъ столкновеніи европейскихъ армій съ азіатскими первыя всегда одерживаютъ верхъ, несмотря на самыя неблагоприятныя обстоятельства, тѣмъ не менѣе нельзя отказать ему въ глубокой проникательности и государственной мудрости, въ которыхъ онъ превосходилъ другихъ завоевателей. Прежде чѣмъ онъ не увлекся своими успѣхами и, къ несчастью, не поддался слишкомъ сильно вліянію винныхъ паровъ, въ его характерѣ было много благороднаго. Онъ нѣсколько лѣтъ обучался у Аристотеля и, отправляясь въ экспедицію, захватилъ съ собою столько ученыхъ людей, что могъ почти оправдать замѣчаніе, что это было столько же научное, сколько и военное предпріятіе. Среди соотечественникъ и ученикъ Аристотеля, которому суждено было такъ плачевно окончить свою жизнь. Быть можетъ, разсказъ о томъ, что Александръ доставилъ своему учителю 250000 ф. с. и нѣсколько тысячъ человѣкъ для того, чтобы добыть и изслѣдовать образцы, необходимыя для его сочиненія *Исторія животныхъ*, нѣсколько преувеличенъ, но нельзя сомнѣваться, что въ этихъ дѣйствіяхъ виднѣются уже зачатки той политики, которая привела къ основанію александрийскаго музея. Важность этого событія, на которое не было до сихъ поръ обращено достаточно вниманія, не можетъ быть преувеличена въ томъ, что касается умственного развитія Европы. Оно упрочило славу произведеній Аристотеля; оно не только способствовало распространенію ихъ въ Греціи, но и привело къ переводу ихъ на сирійскій языкъ несторіанцами въ пятый столѣтіи, а съ сирійскаго на арабскій четыреста лѣтъ позже. Произведенія эти оказали большое вліяніе на христіанъ и магометанъ, отъ Испаніи до Месопотаміи.

Если письмо Александра къ Аристотелю, цитируемое Плутархомъ, достоверно, то оно показываетъ, во-первыхъ, что ученикъ сильно проникаетъ мудростью своего учителя, а во-вторыхъ,—что мы должны быть очень осторожны при изложеніи аристотелевской философіи. Она заключала въ себѣ два ученія, одно частное, а другое для большой публики, какъ то часто бывало, къ сожалѣнію, со многими философіями. Александръ упрекаетъ философа въ нескромности, говоря, что онъ говоритъ открыто о такихъ вещахъ, которыя должны остаться скрытыми для непосвященныхъ. Аристотель защищаетъ себя, утверждая, что онъ ничего такого не разглашалъ, что должно было оставаться скрытымъ. Во многихъ другихъ мелочныхъ случаяхъ высказывается привязанность завоевателя къ философіи. Такъ, Гарпаль и Неархъ, его друзья юности, служили ему агентами во многихъ изъ его научныхъ предпріятій, при чемъ послѣдній участвовалъ въ морскихъ экспе-

Научная стремленія, высказанныя Александромъ Македонскимъ во время похода.

Аристотель оказываетъ большое вліяніе черезъ посредство Александра.

Научная стремленія и предпріятія Александра.

днѣхъ, имѣвшихъ, несомнѣнно, какую-либо политическую цѣль, но служившихъ въ то же время и въ пользу науки. Еслибъ Александръ прожилъ дольше, Неврхъ, навѣрное, вторично объѣхалъ бы Африку. Гарпаль, будучи губернаторомъ Вавилона, дѣлалъ попытку устроить обмѣнъ между растительными царствами Европы и Азіи. Онъ пересадила многія растенія Персіи въ Грецію и обратно, и ему, какъ говорятъ, удалось привить въ Мессопотаміи всѣ испробованныя имъ европейскія растенія, за исключеніемъ плюща. Путешествіе къ Каспійскому морю, экспедиція въ африканскую пустыню доказываютъ врожденную любовь Александра къ естествознанію; то же доказываетъ и слѣдующее обстоятельство: за нѣсколько дней до смерти онъ находилъ удовольствіе и развлеченіе въ томъ, что заставлялъ Неврха рассказывать исторію своихъ путешествій. Въ то же время ничто не доказываетъ въ такой сильной степени всю силу его военной сообразительности, какъ его намѣреніе отправиться въ походъ для завоеванія Карфагена и для обезпеченія этимъ своего преобладанія на Средиземномъ морѣ.

Несмотря на это, въ его характерѣ было много такихъ чертъ, а въ его жизни много такихъ событій, которыя заслуживаютъ всецѣло осужденія: сожженіе въ пьяномъ видѣ Персеполіса, умерщвленіе плѣнниковъ въ честь Гефеста, повѣшеніе Каллисена были результатами его неводержности и его неукротимыхъ страстей. Такой твердый умъ, какъ у него, оказался не въ силахъ устоять противъ соблазна громадныхъ сокровищъ, захваченныхъ имъ въ Сузѣ, противъ соблазна ограбленія персидской имперіи, невѣроятной роскоши азіатской жизни, безконтрольной власти, пріобрѣтенной имъ. Но онъ не былъ такъ глупъ, чтобы воображать себя потомкомъ Юпитера Аммонскаго; это былъ искусный пріемъ, къ которому онъ прибѣгалъ, чтобы лучше вліять на окружающихъ. Не слѣдуетъ забывать, что онъ жилъ въ такое время, когда распространена была вѣра въ безпорочныя зачатія и въ сошествія съ небесъ. Эти азіатскія идеи проникли и въ Европу. Самы аоняне скоро примирились съ воздаваніемъ божественныхъ почестей такимъ людямъ, какъ Антигонъ и Деметрій, поклоняясь имъ какъ богамъ, богамъ-спасителямъ, учреждая въ честь ихъ жертвоприношенія и назначая для этого особыхъ жрецовъ.

Какъ ни велики были политическіе результаты македонской экспедиціи, но умственные результаты ея были не мѣнѣ значительны. Этотъ періодъ времени ознаменовался выступленіемъ на сцену новой философіи. Греція пережила вѣкъ легковѣрія, вѣкъ изслѣдованія, вѣкъ вѣры; она вступила въ вѣкъ разума, и если бы ей предоставлена была свобода дѣйствій, она наложилла бы свой отпечатокъ на всю послѣдующую цивилизацію Европы. Какъ мы увидимъ дальше, эта великая судьба не была уготована для нея.

Изъ своего эксцентрическаго положенія въ Александріи она не могла цивилизовать Европы. Мало есть историческихъ событій въ прошломъ, которыя представляли бы больше интереса для нашего времени, и мало эпохъ, которыя были

Его неукротимыя страсти и его преступленія.

Наступленіе греческаго вѣка разума.

Она не могла цивилизовать Европы.

бы такъ плохо поняты, какъ греческій вѣкъ разума въ Александріи. Это доказываетъ самымъ рѣзкимъ образомъ, что событія управляютъ людьми въ гораздо большей степени, чѣмъ люди событиями. Ученыя предпріятія македонскаго завоевателя вытекли непосредственно изъ современнаго состоянія греческой философіи, заканчивающей свой вѣкъ вѣры, и всѣ эти вліянія созрѣвали при македонскомъ полководцѣ, сдѣлавшемся египетскимъ царемъ. Какъ бы то ни было, но хотя александрійская наука и отклонилась отъ наиболѣе пригоднаго и желательнаго для нея направленія благодаря дѣйствію византійской системы, вліявшей на нее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, она оказалась не безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ европейскаго мышленія. Даже и въ настоящее время Европа не можетъ въ точности опредѣлить, какъ велико было это вліяніе.

Вѣкъ разума, въ который насъ вводитъ Аристотель, рѣзко различается отъ предыдущихъ вѣковъ. Читатель не могъ не замѣтить, что все, сдѣланное научными дѣятелями въ Александріи, очень похоже на то, что дѣлается ими въ настоящее время; ихъ время служить какъ бы предвозвѣстникомъ нашего. А между тѣмъ насъ отдѣляетъ отъ него длинный и мрачный періодъ, почти въ двадцать столѣтій. Въ политическомъ отношеніи Аристотель, благодаря своей дружбѣ съ Александромъ и продолженію македонскаго вліянія при Птоломеяхъ, является какъ бы связующимъ звеномъ между греческимъ вѣкомъ вѣры и вѣкомъ разума, служа тѣмъ же звеномъ и въ философскомъ отношеніи, благодаря характеру своего ученія. Онъ представляетъ какъ бы переходъ отъ умозрительныхъ методовъ Платона къ научнымъ методамъ Архимеда и Эвклида. Обиліе его ученій и темнота многихъ изъ нихъ легко могутъ напугать и отвратить отъ нихъ всякаго обыкновеннаго человѣка, поверхностно изучающаго ихъ, если только онъ не будетъ постоянно помнить, какое удивительное вліяніе они оказывали въ теченіе столькихъ вѣковъ и къ какимъ блестящимъ результатамъ привели во всѣхъ областяхъ точнаго знанія. Исторія Аристотеля и его философія служатъ, такимъ образомъ, необходимымъ введеніемъ къ великимъ и безсмертнымъ начинаніямъ александрійской школы.

Аристотель родился въ Стагирѣ, во Фракіи, въ 384 г. до Р. X. Его отецъ славился въ свое время сочиненіями по естествознанію; по профессіи онъ былъ медикомъ. Онъ умеръ, когда его сынъ былъ еще очень юнъ, и передалъ ему въ наслѣдство не только обширныя средства, но и свою склонность къ наукамъ. Аристотель вскорѣ отправился въ Аонны и вступилъ въ школу Платона, съ которымъ онъ, какъ говорятъ, прожилъ почти двадцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ растратилъ большую часть своего состоянія и былъ вынужденъ поддерживать свое существованіе торговлею москотильными товарами. Наконецъ, между обоими философами возникли разногласія, потому что, какъ мы увидимъ дальше, ученикъ не былъ вовсе слѣпымъ послѣдователемъ своего великаго учителя. Въ счастливую минуту Филиппъ, царь македонскій, назначилъ его учителемъ своего сына Александра,—

Биографія Аристотеля.

обстоятельство громадной важности для исторіи умственного развитія Европы. Благодаря дружественной связи, къ которой привели эти отношенія, Аристотель получилъ отъ завоевателя во время его азіатской экспедиціи помощь для составленія *Естественной Исторіи*, а также приобрѣлъ и тотъ престижъ, который придалъ его имени такой удивительный авторитетъ, прoderжавшійся въ теченіе болѣе пятнадцати столѣтій. Впослѣдствіи Аристотель основалъ школу въ Лицее, въ Афинахъ, и такъ какъ онъ обыкновенно читалъ свои лекціи ходя, то его ученики получили названіе перипатетиковъ или прогуливающихъ философовъ. Лекціи его были двойкаго рода, эзотерическія и экзотерическія: первыя читались имъ только для наиболѣе развитыхъ изъ его учениковъ. Онъ написалъ много произведеній, но изъ нихъ сохранилась только четвертая часть.

Философскій методъ Аристотеля диаметрально противоположенъ методу Платона, исходною точкою котораго были универсалы или общія начала: самое существованіе послѣднихъ должно было приниматься на вѣру, а между тѣмъ онъ отъ нихъ выводилъ частности или подробности. Аристотель, напротивъ того, отъ частныхъ возвышался къ общимъ началамъ, приближаясь къ нимъ помощью индукцій; и его система, система индуктивной философіи, являлась въ дѣйствительности истиннымъ основаніемъ науки.

Платонъ, слѣдовательно, довѣрялъ воображенію, Аристотель — только разуму. Противоположность между ними лучше всего характеризуется положеніемъ, занятымъ ими по отношенію къ идеальной теоріи. Платонъ считаетъ универсалы, типы или образцы имѣющими дѣйствительное существованіе; Аристотель же утверждаетъ, что это простыя отвлеченности разума. Вмѣсто воображаемыхъ воспоминаній, которыя, по мнѣнію Платона, возникли у насъ изъ опыта нашей предыдущей жизни, Аристотель ставитъ воспоминанія, добытыя нами изъ опыта нашей настоящей жизни. Эти идеи опыта доставляются намъ памятью, которая даетъ возможность не только запомнить индивидуальныя факты или событія, наблюдавшіеся нами самими, но и сравнивать ихъ другъ съ другомъ, открывая такимъ образомъ ихъ сходство и различія. Наша индукція дѣлается тѣмъ болѣе достовѣрною, чѣмъ болѣе многочисленны наблюдавшіеся нами факты, чѣмъ богаче нашъ опытъ. «Искусство начинается тогда, когда изъ большого количества опытовъ образуется одно общее понятіе, обнимающее всѣ сходные случаи». «Разматривая внимательно небесныя явленія, мы можемъ открыть законы, управляющіе ими». Согласно Платону, философія возникаетъ изъ вѣры въ прошлое; согласно Аристотелю, одинъ разумъ можетъ произвести ее изъ существующихъ фактовъ. Платонъ аналитикъ, Аристотель синтетикъ. Философія Платона образуется изъ разложенія первоначальной идеи на составныя ея части, а философія Аристотеля изъ соединенія частныхъ въ одно общее понятіе. Первый въ сущности идеалистъ, второй материалистъ.

Отсюда видно, что методъ Платона былъ способенъ произвести болѣе блестящіе, но и гораздо менѣе существенные результаты; напротивъ того, методъ Аристотеля дѣйствовалъ болѣе медленно, но за то приводилъ къ болѣе прочнымъ результатамъ. Онъ требовалъ безконечно много работы въ дѣлѣ собранія фактовъ, продѣлыванія разнаго рода скучныхъ опытовъ и наблюдений, подкрѣпленій своихъ мнѣній доказательствами. По самому характеру своему, методъ этотъ обусловливалъ для автора его невозможность докончить начатое имъ построеніе науки. Какъ только Аристотель приступалъ къ приложенію своихъ собственныхъ принциповъ, онъ оказывался вынужденнымъ отказаться отъ нихъ вслѣдствіе недостатка въ опытѣ и въ точномъ опредѣленіи фактовъ. Философія Платона представляетъ великолѣпный воздушный замокъ, философія Аристотеля представляетъ болѣе прочное строеніе, съ трудомъ возведенное на прочной скаль, но отличающееся и многими недостатками.

Подъ именемъ логики Аристотель разсматриваетъ способы составленія общихъ положеній и разсужденія на основаніи ихъ. Его логика является въ одно и то же время способомъ мышленія и орудіемъ мысли. Полнота нашихъ знаній, по его мнѣнію, зависитъ отъ обширности и полноты нашего опыта. Разсуждаетъ онъ помощью силлогизма, аргумента, состоявшаго изъ трехъ предложеній, такъ что каждое заключеніе вытекаетъ по необходимости изъ двухъ предыдущихъ посылокъ, а вся теорія доказательствъ служитъ только примѣромъ этого разсужденія. Разматривая логику какъ орудіе мышленія, онъ вводитъ въ нее, какъ основныя черты, десять категорій. Эти послѣднія представляютъ собою тѣ начала, къ которымъ въ концѣ концовъ сводится все, и обозначаютъ собою наиболѣе общіе изъ атрибутовъ, которые могутъ быть приписаны какой-либо вещи.

Его метафизика включаетъ въ себя всѣ отрасли физическихъ наукъ. Она разсматриваетъ положенія, на которыхъ основывается каждая изъ нихъ, опредѣляетъ ихъ истинность или лживость. Признавая, что всѣ науки должны основываться на широкомъ, обширномъ наведеніи, на индукціи отъ фактовъ, онъ ставитъ въ основаніе своей системы изученіе индивидуума; что же касается до міра чувствъ, то онъ признаетъ четыре причины необходимыя для производства факта — матеріальную, субстанціальную, дѣйствующую и конечную.

Но какъ только мы переходимъ къ физикѣ Аристотеля, слабость ея тотчасъ бросается намъ въ глаза. Знанія его времени не доставляли ему достаточно фактовъ для обоснованія его теорій, вслѣдствіе чего онъ оказывался вынужденнымъ пускаться въ умозрѣнія. Чтобы показать, какъ велики были его неувѣренность и замѣшательство, достаточно будетъ привести нѣкоторыя изъ его положеній, какъ изъ этой области, такъ изъ области метафизики. Вотъ что онъ говоритъ: Матерія представляетъ тройную форму: простую субстанцію, выходящую субстанцію, которая вѣчна, и абсолютную субстанцію, т. е.

Бога. Вселенная неизмѣнна и вѣчна и, несмотря на свою связь съ происходящими въ мірѣ измѣненіями, не подвергается ихъ вліянію. Первобытная сила, дающая начало всѣмъ движеніямъ и измѣненіямъ, есть не что иное, какъ природа; она даетъ также начало и покою. Міръ — живое существо, обладающее душою; такъ какъ все въ мірѣ имѣетъ опредѣленную цѣль, то душа человѣка есть цѣль тѣла; движеніе — условіе всего въ природѣ; міръ имѣетъ опредѣленные границы и представляетъ ограниченную величину; пространство есть неподвижный сосудъ, въ которомъ движется міръ; это пространство, какъ цѣлое, не имѣетъ движенія, хотя отдѣльныя его части могутъ двигаться; его невозможно представить себѣ безъ его содержимаго; такъ какъ пустота не можетъ существовать, то внѣ и вокругъ міра не можетъ быть пустоты, заключающей въ себѣ міръ; времени не можетъ быть, если нѣтъ души, потому что время — число движеній и мыслимо только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь можетъ считать эти движенія. Такъ какъ постоянное движеніе по конечной прямой линіи невозможно и такъ какъ по кривой оно возможно, то міръ, который ограниченъ извѣстными предѣлами и находится въ постоянномъ движеніи, долженъ быть сферической формы; земля находится въ центральной его части, небо въ окружности его, слѣдовательно небо ближе всего къ первоначальной причинѣ движенія; постоянныя, непрерывныя и регулярныя движенія небесныхъ тѣлъ указываютъ на существованіе неподвижнаго двигателя, потому что одно только неизмѣнное можетъ дать начало однообразному движенію; это неподвижное существованіе — Богъ; звѣзды — безстрастныя существа, достигшія цѣли существованія, и больше всего достойны человѣческаго поклоненія; неподвижныя звѣзды находятся на самомъ краю небесъ, а солнце, луна и планеты внизу: первыя получаютъ свое движеніе отъ первичной движущей причины, а движенія планетъ обуславливаются вліяніемъ звѣздъ; существуетъ пять стихій — земля, воздухъ, огонь, вода и эфиръ; земля находится въ центрѣ міра, такъ какъ земная матерія однообразно обнимаетъ центральную точку вселенной; огонь стремится къ окружной области, вода плаваетъ на поверхности земли, а воздухъ надъ водою; стихіи могутъ переходить одна въ другую, отчего могутъ происходить посредствующія субстанціи; каждая изъ сферъ находится въ сообщеніи съ другими; земля колеблется моремъ и подвергается измѣненіямъ благодаря ему; море колеблется вѣтромъ, движеніемъ воздуха, солнцемъ, луною и планетами.

Каждая низшая сфера управляется вышшею, лежащею внѣ ея; отсюда слѣдуетъ, что земля, правильное теченіе которой органическаго существа, измѣняется дружнымъ или соперничающимъ дѣйствіемъ всего, лежащаго внѣ ея, подвергается самымъ большимъ неправильностямъ; такъ какъ всѣ животныя питаются землею, то она обязательно должна входить въ ихъ составъ, вода же нужна для того, чтобы держать вмѣстѣ земныя частицы; каждая стихія должна разсматриваться какъ живущая, такъ какъ она проникнута душою міра: существуетъ непрерывная цѣль, связывающая черезъ

посредство растений и животныхъ самую простую стихію съ чловѣкомъ, при чемъ различныя группы незамѣтно переходятъ другъ въ друга: такъ, животно-растенія принадлежатъ одновременно и растительному, и животному царству и служатъ посредствующимъ звеномъ между ними; растенія ниже животныхъ въ томъ отношеніи, что они не обладаютъ единичнымъ началомъ жизни или душою, а нѣсколькими подчиненными душами, какъ видно изъ того, что когда ихъ разрѣзываютъ на части, каждая часть способна жить самостоятельной жизнью и развиваться совершенно независимо отъ остальныхъ. Ихъ низшія свойства доказываются еще тѣмъ, что они принадлежатъ специально землѣ, къ которой прикрѣплены корнями, при чемъ каждый корень представляетъ собою настоящій ротъ; это еще больше доказываетъ ихъ низменное состояніе, потому что положеніемъ рта опредѣляется всегда степень достоинства даннаго существа; такъ, у человѣка, стоящаго на самой высокой ступени развитія, ротъ расположенъ въ верхней части тѣла; количество теплоты въ животномъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе высокую ступень занимаетъ оно во вселенной: водяныя животныя холодны, и потому обладаютъ очень ничтожнымъ умомъ; то же можно сказать и о растеніяхъ; но у человѣка, теплота котораго очень велика, душа также гораздо болѣе совершенна; способность движенія даннаго организма всегда указываетъ и на способность ощущенія; чувства вкуса и осязанія указываютъ на качества вещей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ органами животнаго, но чувства обонянія, слуха и зрѣнія расширяютъ сферу его существованія и указываютъ на предметы, находящіеся на извѣстномъ разстояніи: мѣстомъ воспріятія различныхъ ощущеній является душа, изъ которой исходитъ и движеніе; кровь, какъ всеобщій элементъ питанія, существенно необходима для поддержанія тѣла, хотя сама по себѣ нечувствительна: она также необходима и для дѣятельности души; мозгъ не есть воспріемникъ ощущеній: эта функція принадлежитъ сердцу, въ послѣднемъ соединяется вся дѣятельность животнаго организма: оно заключаетъ въ себѣ начало жизни и служитъ въ то же время и началомъ движенія; оно первое образуется и послѣднимъ умираетъ; мозгъ простое добавленіе къ сердцу: онъ образуется позже сердца, и это самый холодный изъ органовъ, лишенный крови; въ душѣ соединяются всѣ функціи тѣла: это сила или дѣйствующая сущность; не будучи ни тѣломъ, ни величиною, она не можетъ имѣть протяженія, потому что мысль не имѣетъ частей и не можетъ двигаться въ пространствѣ; это матрость, сидящій неподвижно въ двигающемся суднѣ; при зародженіи организма, мужской элементъ доставляетъ душу, а женскій тѣло; такъ какъ тѣло подвержено разрушенію и по своей природѣ переходное, то для его благоденствія необходимо, чтобы процессы выдѣленія и питанія взаимно уравновѣшивались; ощущеніе можно сравнивать съ оттискомъ печати на воскѣ: воскъ принимаетъ только форму печати, но не ея сущность или матерію; воображеніе возникаетъ изъ такого рода впечатлѣній, продолжающихся извѣстный періодъ времени, и это

же служить началомъ и для памяти; одинъ человекъ обладаетъ воспоминаніями, но животныя обладаютъ, подобно ему, памятью: память самопроизвольна, подъ нею не подразумевается заранее принятое намѣреніе; воспоминаніе же зависитъ отъ дѣйствія личной воли или отъ отыскиванія въ своей памяти слѣдовъ прошлаго: воспоминаніе необходимо, чтобы дѣйствовать съ извѣстною цѣлью. Сомнительно, вѣрилъ ли Аристотель въ безсмертіе души, такъ какъ въ сохранившихся произведеніяхъ его нѣтъ ничего, указывающаго рѣшительно на это.

Аристотель выработалъ правильный, вполне научный методъ Принципы ученія Аристотеля и его недостатки. и старался построить на немъ обширную систему, не обладая необходимыми для этого средствами. Онъ былъ очень ученый человекъ, но знанія его были далеко не достаточны; въ его время вообще такого рода знанія, какія были ему нужны, не существовали. Для многихъ изъ его положеній, приведенныхъ мною выше, не существовало никакихъ доказательствъ: многія же изъ нихъ, какъ, напр., объясненіе причины тяжести и происхожденія свѣта, указываютъ на скудность его космическихъ идей. Онъ шлетъ хорошо только тогда, когда касается тѣхъ областей знанія, о которыхъ могъ самъ на практикѣ составить себѣ правильное понятіе, каковы сравнительная анатомія и естественная исторія. Нѣкоторыя изъ его физиологическихъ положеній необыкновенно удачны; его взгляды на связную цѣпь органическихъ формъ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, обнаруживаютъ широкій мыслительный горизонтъ. Его метафизическія и физическія умозрѣнія, — потому что въ дѣйствительности это не болѣе, какъ умозрѣнія, — представляютъ мало значенія. Его успѣхи и его ошибки въ равной степени доказываютъ превосходство его системы. Онъ открылъ истинныя принципы знанія, но не въ силахъ былъ примѣнить ихъ вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ. А между тѣмъ честолюбіе его не выносило ограниченій. Онъ предпочелъ бы построить вселенную безъ достаточныхъ средствъ, чѣмъ совѣмъ не строить ея.

Аристотель терпѣлъ неудачу, какъ только отказывался отъ своихъ принциповъ, и обширность его неудачи доказываетъ, какъ справедливы были эти принципы; онъ имѣлъ успѣхъ, какъ только придерживался ихъ. Лучшимъ доказательствомъ правильности его системы служатъ важныя положенія, выработанныя александрійскою школою, которая сдѣлала для физики то, что Аристотель сдѣлалъ для естествознанія: она положила прочныя основы, опирающіяся на опыты и наблюденія, и достигла основательныхъ и блестящихъ результатовъ.

Отъ Аристотеля необходимо обратиться къ Зенону, потому что перипатетики и стоики дѣйствовали параллельно другъ другу. Общественныя условія, существовавшія въ Греціи и во времена Эпикура, извиняють до нѣкоторой степени его чувства и идеи, но добродѣтель и честь должны были въ концѣ концовъ возвысить и свой голосъ. Стоицизмъ вскорѣ выступилъ на сцену, какъ противникъ эпикурензма, и Эпикуръ встрѣтилъ со-

перника въ лицѣ Зенона изъ Цитіума. Переходъ отъ Эпикура къ Зенону является переходомъ отъ чувственнаго наслажденія къ сдержанности.

Биографія Зенона можетъ быть рассказана въ немногихъ словахъ. Онъ родился около 300 г. до Р. X. и провелъ свою молодость, занимаясь, подобно отцу, торговлею; но благодаря удачно приключившемуся кораблекрушенію, потерялъ свое состояніе во время путешествія въ Аѳины, и началъ искать утѣшенія въ философіи. Хотя онъ былъ уже нѣсколько знакомъ съ ученіями Сократа, но теперь онъ сдѣлался ученикомъ циниковъ, а потомъ началъ заниматься въ мегарской школѣ и, наконецъ, познакомился съ платонизмомъ. Послѣ двадцати лѣтъ приготовленія, онъ открылъ школу въ Стоѣ, или портикѣ Аѳинъ, откуда его ученіе и его ученики и получили свое названіе. Онъ пятьдесятъ восемь лѣтъ велъ свою школу, насчитывая среди своихъ учениковъ многихъ выдающихся людей. Когда ему исполнилось сто лѣтъ, онъ случайно упалъ и сломалъ себѣ палецъ: принявъ это за указаніе свыше, что время его смерти пришло, онъ удавился. Аѳиняне воздвигли въ честь его мѣдную статую. Его ученія долго еще держались послѣ его смерти, и въ тѣ времена, когда для человека не было другихъ утѣшеній, доставляли поддержку въ часы испытаній и явились стойкимъ путеводителемъ во время превратностей судьбы не только для многихъ знаменитыхъ грековъ, но и для нѣкоторыхъ изъ великихъ философовъ, государственныхъ дѣятелей, полководцевъ и императоровъ Рима.

Зенонъ намѣревался замѣнить фантастическія умозрѣнія платоновской философіи системою, имѣющею дѣло главнымъ образомъ съ повседневными явленіями жизни, и, слѣдовательно, занимающеюся преимущественно нравственностью. Цѣль стоицизма. Цѣлью его было сдѣлать людей нравственными. Но это, по убѣжденію Зенона, было тѣсно связано съ знаніями. Зенонъ былъ убѣжденъ, что разъ мы будемъ знать, что хорошо, мы немедленно будемъ поступать сообразно съ этимъ. Поэтому онъ отвергалъ фантастическія представленія Платона объ идеяхъ и воспоминаніяхъ, склоняясь въ пользу здравомыслящей доктрины Аристотеля, съ которымъ онъ сходилъ во многихъ подробностяхъ. По его мнѣнію, ощущеніе доставляетъ данныя для знанія, а разумъ связываетъ ихъ; душа видоизмѣняется благодаря внѣшнимъ причинамъ и, въ свою очередь, видоизмѣняетъ ихъ; на основаніи этого онъ предполагаетъ, что умъ представляетъ съ самаго начала чистую таблицу, на которой ощущеніе чертитъ знаки, и что ясность чувственныхъ впечатлѣній служитъ критеріумомъ истины. Измѣненія, производимыя такимъ образомъ въ душѣ, образуютъ идеи; но съ пророческимъ вдохновеніемъ онъ сожалѣетъ о томъ, что человеку суждено никогда не узнать истинной сущности вещей.

Въ своей физикѣ Зенонъ принялъ ученіе Стратона, что міръ — живое существо. Онъ думалъ, что невещественное не можетъ оказывать никакого дѣйствія и что, слѣдовательно, душа — вещественная. Физика Зенона. Матерія и ея свойства должны

признаваться абсолютно нераздѣлимыми, такъ какъ свойство есть въ сущности не иное что, какъ тѣло. Въ мірѣ находятся двѣ вещи: матерія и Богъ, который есть разумъ міра. Въ сущности, впрочемъ, Богъ и матерія — одна и та же вещь, которая принимаетъ форму матеріи, если смотрѣть на нее съ пассивной точки зрѣнія, и дѣлается Богомъ, если смотрѣть на нее съ активной. Богъ, кромѣ того, представляетъ собою первичную движущую силу, судьбу, необходимость, жизнедающую душу, развивающую вещество подобно тому, какъ жизненная сила развиваетъ растенія изъ сѣмени; видимый міръ надо, слѣдовательно, считать матеріальнымъ обнаруженіемъ Бога. Временные предметы, находящіеся въ немъ повсюду, будутъ по истеченіи времени поглощены Богомъ и соединены въ немъ. Стоики старались указать возможно болѣе опредѣленнымъ образомъ процессъ возникновенія міра, а также и его будущую судьбу; считая верховное существо жизненнымъ огнемъ, они предполагали, что часть этого огня, теряющая силу, превращалась въ матерію, благодаря чему и произошелъ міръ; но что затѣмъ прежняя дѣятельность огня должна была возобновиться, слѣдствіемъ чего будетъ всеобщее воспламенение и конецъ бытія. Въ настоящее время все находится въ состояніи неопредѣленныхъ измѣненій, упадокъ слѣдуетъ за возрожденіемъ, а возрожденіе за удадкомъ; и, подобно тому, какъ водопадъ изъ года въ годъ представляетъ одну и ту же форму, несмотря на то, что оставляющая его вода постоянно мѣняется, такъ и предметы, окружающіе насъ, представляютъ не болѣе, какъ приливъ матеріи, выливающейся въ постоянную форму. Такимъ образомъ, видимый міръ есть не болѣе, какъ моментъ въ жизни божества, и какъ только онъ разсѣется, подобно сожженному въ пепель куску бумаги, наступитъ новый періодъ, и возникнутъ новое небо и новая земля, представляющія точный снимокъ прежняго неба и прежней земли. Такъ какъ ничто не можетъ существовать безъ своей противоположности, такъ какъ не можетъ быть несправедливости безъ справедливости, трусости безъ мужества, лжи безъ истины, такъ и существованіе добра подразумеваетъ необходимо существованіе зла. Стоики вѣрили, что развитіе міра подчинено вліянію одного высшего, верховнаго закона, судьбѣ, которому покоряется и самъ Богъ, вслѣдствіе чего онъ можетъ развивать міръ только по опредѣленному заранее пути, подобно тому, какъ жизненная теплота развиваетъ сѣмя въ форму, предопредѣленную для даннаго растенія.

Стоики считали неприличнымъ оскорблять, безъ всякой надобности, религиозныя идеи своего времени и допускали существованіе созданныхъ боговъ, о которыхъ говоритъ Платонъ. Но они порицали поклоненіе изображеніямъ боговъ и употребленіе храмовъ, искупая нарушеніе ими въ этомъ отношеніи общепринятыхъ вѣрованій полуфилософскимъ истолкованіемъ легендъ и доказывая, что существованіе боговъ и даже явленіе ихъ людямъ вполне согласны съ ихъ принципами. Быть можетъ, этой-то экзотерической философіи и слѣдуетъ приписать объясненія, приводимыя относительно конечныхъ причинъ — объясненія иногда

Экзотерическая философія стоиковъ.

чрезвычайно оригинальныя и забавныя, — такъ, напр., они говорили, что павлиньи быль созданы ради его хвоста и что душа была дана свинопъ вмѣсто соли, чтобы помѣшать ей тѣлу гнить, что конечная причина существованія растеній — быть пищею для животныхъ, а животныхъ — быть пищею для людей. Стоики, впрочемъ, на этомъ и останавливались, не развивая дальше своей теоріи и не доказывая, что люди предназначены служить пищею для боговъ, а боги — пищею для всѣхъ.

Стоики приходили къ заключенію, что душа не иное что, какъ теплое дыханіе, и что она и тѣло взаимно проникаются другъ другомъ. Они думали, что она можетъ существовать послѣ смерти до всеобщаго воспламененія, особенно если сила ея велика, какъ это бываетъ, напр., у мощныхъ душъ добродѣтельныхъ и мудрыхъ людей. Единство ея дѣйствій показываетъ, что она обладаетъ и началомъ тождества, тѣмъ я, физиологическое мѣстонахожденіе котораго находится въ сердцѣ. Всякое стремленіе, всякое желаніе есть неполное знаніе. Наша природа и наши свойства навязаны намъ судьбою, но наша обязанность не поддаваться своимъ страстямъ и дурнымъ побужденіямъ, а жить такъ, чтобы быть совершенно свободными, разумными и добродѣтельными.

Это чувство приводитъ насъ къ великому правилу этики стоиковъ: «жить согласно разуму»; или, такъ какъ міръ состоитъ изъ матеріи и Бога, который и есть разумъ міра, — «жить въ гармоніи съ природою». Подобно тому, какъ разумъ играетъ преобладающую роль въ природѣ, онъ долженъ играть такую же преобладающую роль и у человѣка. Наше существованіе должно быть разумно, и ко всякаго рода тѣлеснымъ страданіямъ и наслажденіямъ слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ. Гармонія между человѣческою волею и мировымъ разумомъ образуетъ добродѣтельную свободную волю мудреца управляетъ всѣми его дѣйствіями такимъ же неудержимымъ образомъ, какимъ мировой разумъ управляетъ природою. Отсюда необходимость разработки физики, безъ знанія которой мы не въ силахъ различать добра отъ зла. Мудреца долженъ помнить, что природа въ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ общему и никогда не щадитъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а пользуется ими, какъ средствами для достиженія своей цѣли. Онъ долженъ, поэтому, покориться своей судьбѣ, стараясь постоянно установить господство разума и развитіе въ себѣ знаніе, умѣренность, мужество, справедливость, какъ вещи, необходимыя для добродѣтели. Ему дается право низвести патриотизмъ до настоящаго его значенія, которое ему не трудно опредѣлить, если только онъ помнитъ, что онъ гражданинъ міра; онъ долженъ пріучиться терпѣливо сносить удары судьбы и стоять выше всѣхъ страстей и всѣхъ страданій. Онъ никогда не долженъ ни отступать, ни прощать. Онъ долженъ помнить, что существуютъ лишь два класса людей — мудрые и глупые, подобно тому, какъ «палки могутъ быть только прямыми или кривыми, при чемъ въ мірѣ мало палокъ совершенно прямыхъ».

Изъ сдѣланнаго мною очерка аристотелевой философіи явствуетъ, что она занимаетъ средину между умозрѣніями старой фи-

Дреперъ. — Пет. умств. разв. Европы.

лософій и строгою наукою александрийской школы. Она образуетъ связывающее звено между философіею и наукою въ исторіи уметвеннаго прогресса Европы. Подъ влияніемъ этого ученія и матеріальныхъ стремленій, выработанныхъ македонскими походами, возникъ въ Египтѣ классъ людей, которые дали такое развитіе практическому знанію, какового оно до тѣхъ поръ никогда не достигало; потому что когда эта страна, во время разрушенія монархіи Александра въ 323 г. до Р. Х., перешла во владѣніе Птолемея, этотъ полководецъ очутился одновременно представителемъ какъ духовной, такъ и свѣтской власти. Относительно первой нужно помнить, что хотя завоеваніе Камбиза нанесло ей тяжелый ударъ, но она продолжала существовать и обнаруживала по временамъ немалую силу. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что завоеваніе Египта Александромъ ускорило въ значительной степени благодаря ненависти египтянъ къ персамъ: египтяне съ радостью привѣтствовали македонянъ, считая ихъ своими избавителями. Въ этомъ движеніи проявляется опять влияніе стараго египетскаго духовенства. Трудно вырывать съ корнями старую религію, развѣтвленія которой пустили прочные ростки въ населеніи. Египетская религія развивалась и крѣпла въ теченіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ. Для захватившихъ власть греческихъ государей предстояло теперь разрѣшить вопросъ, какъ согласить обветшалую египетскую систему съ философскимъ скептицизмомъ, выработавшимся какъ результатъ греческаго мышленія. Съ удивительною проницательностію они тотчасъ замѣтили, что это можетъ быть достигнуто, если они примутъ въ основаніе ориентализмъ, какъ общую точку соприкосновенія для обѣихъ системъ; они поняли, что помощью формальнаго введенія и развитія ориентализма дается возможность царю-философу, для котораго всѣ языческіе боги въ одинаковой степени фиктивны и полезны, выказывать почтеніе даже самымъ языческимъ обычаямъ египетскаго населенія и, — что представляло въ то время еще больше важности, — установить видимое соглашеніе между древне-египетскою жреческою партіею, — сильною своею несравненною древностію, сильною своими воспоминаніями, сильною недавно перенесенными преслѣдованіями, сильною своими реликвіями фараоновъ, возбуждающими во всѣхъ суевѣрный или благоговѣйный ужасъ, — и свободомыслящими и непостоянными греками. Случай этотъ походилъ на многіе другіе, часто повторявшіеся въ исторіи и встрѣчавшіеся даже и въ наше время: небольшая, но энергическая группа завоевателей держала въ повиновеніи древнюю и многолюдную страну.

Для того, чтобы придать этому проекту практическую силу, основано было великое государственное учрежденіе въ Александрійскій музей. Александриі, именно музей, получившій вполнѣ таковую громкую славу. Къ нему, какъ къ центру, стекались философы цѣлаго міра. Говорятъ, что одно время въ немъ находилось не менѣе четырнадцати тысячъ студентовъ. Александриа, какъ бы въ подтвержденіе пророческаго предвидѣнія великаго полководца,

основавшаго ее, сдѣлалась вскорѣ громадною метрополіею, изобилующею меркантильною и мануфактурною дѣятельностію. Какъ всегда бываетъ съ подобными городами, ея высшіе классы были расточительны и вели очень разсыпанную жизнь, а низшіе сдерживались только вооруженною силою. Ея публичными увеселеніями были, какъ и слѣдовало ожидать, театральныя зрѣлища, музыка, конскія ристалища. Въ уединеніи такой толпы или среди шума такой разсыпанной жизни каждый могъ найти себѣ убѣжище: атенеты, изгнанные изъ Аоиновъ, ханжи съ береговъ Ганга, еврей-монотеисты, богохульники изъ Малой Азіи. Говорили, что въ этой разнородной общинѣ богохульство не считалось преступленіемъ; въ худшемъ случаѣ оно признавалось не болѣе, какъ несчастною, или, можетъ быть, даже невинною ошибкою. Но такъ какъ необразованные люди ищутъ всегда прочной поддержки, на которой могли бѣ опираться ихъ мысли, и такъ какъ чисто отвлеченныя ученія не удовлетворяютъ ихъ потребностямъ, то оказалось необходимымъ доставить вещественное выраженіе для эклектическаго философскаго пантеизма; вслѣдствіе этого Птоломеи были вынуждены возстановить или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, ввести поклоненіе богу Серапису. Тѣ, которые утверждаютъ, что это поклоненіе было введено, увѣряютъ, что оно было вывезено изъ Синопя; современные же египтологи держатся другого мнѣнія. Для того, чтобы изображеніе божества служило точнымъ изображеніемъ пантеистическаго ученія, эмблемою котораго оно было, его дѣлали изъ всевозможныхъ металловъ и камней. «Все есть Богъ». Но такъ какъ народъ съ тѣмъ инстинктомъ, который такъ часто встрѣчался у другихъ народовъ и въ другія эпохи, требовалъ женскаго божества, то вскорѣ было возстановлено отчасти и поклоненіе Изидѣ. Интересно наблюдать, какъ низшіе классы общества никогда не забываютъ преданій о прежней своей жизни, склоняясь больше въ сторону материнскихъ привязанностей, чѣмъ отцовскихъ. Быть можетъ, это потому, что они ждуть болѣе благопріятнаго вниманія къ своимъ мольбамъ со стороны женскаго божества, чѣмъ со стороны бога. Въ виду этого поклонники Изиды вскорѣ превзошли количествомъ поклонниковъ Сераписа, хотя для послѣдняго выстроены были великолѣпный храмъ въ Ракотисѣ, кварталѣ, смежномъ съ музеемъ, и хотя богослуженіе ему совершалось съ чисто царственною пышностію. Въ послѣдующее время поклоненіе Серапису распространилось по всей римской имперіи, хотя римскія власти — консулы, сенатъ и императоры, зная хорошо, какую идею оно предвозвѣщаетъ и какое ученіе подразумѣвается имъ, всячески преслѣдовали его, стараясь подавить.

Александрійскій музей вскорѣ получилъ характеръ университета. Въ немъ собраны были громадныя бібліотеки, гордость и слава древности. Димитрію Филаретскому поручено было собрать рукописи со всего міра. Такъ велики были усилія его и его преемниковъ и помощь, оказанная имъ правительствомъ, что вскорѣ образованы были двѣ громадныя бібліотеки. Онѣ заключали въ себѣ 700000 томовъ. Въ этомъ литературномъ

и научномъ убожствѣ, поддерживаемомъ со всевозможнымъ комфортомъ и даже съ роскошью,—потому что воспоминанія о роскошныхъ обѣдахъ, которые давались въ немъ, дошли до насъ,— философы проводили время, развивая свой умъ наукою и обогащая его взаимно своими преніями. Самъ царь выдавалъ деньги на содержаніе философовъ; въ послѣдствіи, когда власть надъ Египтомъ перешла въ руки римскихъ императоровъ, послѣдніе продолжали оказывать музею покровительство; правительство какъ бы старалось привязать къ себѣ золотыми цѣпями умъ, который въ противномъ случаѣ могъ бы оказаться опаснымъ для него. Вначалѣ, изъ уваженія къ древней религіи, предсѣдательство въ музеѣ возлагалось на египетскаго жреца; но съ теченіемъ времени эта политика была оставлена. Не нужно, впрочемъ, думать, что обязанности жителей музея ограничивались чтеніемъ и риторическими упражненіями; ихъ занятія отличались и болѣе практическимъ характеромъ. Въ связи съ музеемъ устроенъ былъ ботанической садъ, доставлявшій возможность изучать различныя растения для тѣхъ, кто интересовался ими; зоологической садъ представлялъ такія же удобства для лицъ, изучающихъ животныхъ. Но даже эти дорогія учрежденія служили вмѣстѣ съ тѣмъ и для удовлетворенія роскоши того времени: въ зоологическихъ садахъ воспитывались фазаны для царскаго стола. Кромѣ этихъ изящныхъ и фашенебельныхъ учреждений, существовало и другое, болѣе неприятнаго и даже отталкивающаго свойства,—учрежденіе, которое, съ точки зрѣнія нашего времени, доставляетъ безсмертную славу этимъ знаменитымъ и умнымъ царямъ и покрываетъ позоромъ невѣжество и предразсудки многихъ современныхъ націй: мы говоримъ объ анатомической школѣ, снабженной въ достаточной степени всѣми средствами, необходимыми для диссекціи человѣческаго тѣла, и служившей основаніемъ медицинской школы. Для астрономовъ Птоломей Эвергетъ устроилъ въ квадратномъ портикѣ равноденственный и солнцестоятельный круги, раздѣлявшіеся на градусы и шестыи. Въ обсерваторіи же находились каменные квадранты, предшественники нашихъ стѣнныхъ квадрантовъ. На полу проведена была линія меридіана, для установки инструментовъ. Тамъ же были астролябии и діоптры. Такимъ образомъ, рядомъ, почти въ самомъ царскомъ дворцѣ, сосредоточены были богатые средства для разработки точной науки и культивированія легкой литературы. Подъ одною и тою же крышею собраны были геометры, астрономы, химики, механики, инженеры. Здѣсь же находились и поэты, удовлетворявшіе литературнымъ потребностямъ веселящагося города, авторы, которые могли писать стихи не только правильнымъ ритмомъ, но и въ самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формахъ—въ формѣ сердца, дерева и яицъ. Здѣсь встрѣчались литературный денди и суровый теологъ. На ихъ пирахъ присутствовалъ иногда и самъ царь, оживляя общее веселіе своимъ милостивымъ отношеніемъ и своими шутками. Такъ, Филадельфъ однажды велѣлъ преподнести стоику Сфера блюдо фруктовъ, сдѣланныхъ изъ воска, но такъ искусно раскрашенныхъ, что ихъ никакъ нельзя было отли-

Ботаническіе сады; зѣрицы; анатомическіе театры; обсерваторія.

чить отъ естественныхъ; когда сконфуженный философъ открылъ слишкомъ поздно ошибку, царь спросилъ, что онъ думаетъ теперь о правилѣ своей школы:—«мудрецъ не долженъ никогда обманываться вѣщностью». О томъ же государѣ говорится, что онъ принялъ съ величайшими почестями переводчиковъ Библии, семьдесятъ толковниковъ, и угощалъ ихъ за своимъ столомъ. Въ виду окружающей обстановки, они отказались отъ своихъ обычныхъ религиозныхъ обрядовъ, но царь любезно предложилъ одному изъ старѣйшихъ жрецовъ прочесть молитву. При этомъ разсказывается дальше, что присутствовавшіе александрийцы, выказывавшіе большую сообразительность въ дѣлѣ оцѣнки риторическихъ достоинствъ, засвидѣтельствовали свое одобреніе этому громкими аплодисментами. Но не одна только литература и не одни только точныя науки встрѣчали здѣсь покровительство. Считая, что нѣтъ ни одной области человѣческаго знанія, которая была бы недостойна изслѣдованія, въ музеѣ занимались разработкою и болѣе сомнительныхъ искусствъ, магіи и астрологіи. Филадельфъ, который къ концу жизни мучился невыносимымъ страхомъ смерти, съ страстнымъ упорствомъ предавался изученію алхиміи, стараясь открыть жизненный эликсиръ. Такого обширнаго учрежденія, организованнаго для развитія человѣческаго знанія, никогда еще не существовало въ мірѣ, а если принимать во вниманіе всѣ сопутствующія обстоятельства, то и послѣ не встрѣчалось ничего подобнаго. Достаточно было находиться въ связи съ этимъ учрежденіемъ, чтобы получить доступъ въ высшее общество Александріи и къ милостямъ двора.

Музею и главнымъ образомъ Птоломеею Филадельфу обязанъ христіанскій міръ самымъ древнимъ переводомъ еврейской Библии—переводомъ семидесяти толковниковъ. Много пустыхъ Переводъ семидесяти толковниковъ. басенъ разсказываютъ объ обстоятельствахъ, сопутствующихъ этому переводу, а именно говорить, будто семьдесятъ два переводчика, выполнившіе его, были заперты каждый въ отдѣльную келью, и по окончаніи ихъ работы всѣ семьдесятъ двѣ копіи оказались слово въ слово тождественными. Отсюда выводятъ заключеніе, что переводъ этотъ былъ вдохновенъ свыше. Если бы нужно было какое-нибудь доказательство въ этомъ родѣ, то достаточно было бы уже и то, что каждый разъ, когда въ Новомъ Заветѣ приводится цитата изъ Ветхаго Завета, она приводится обыкновенно по переводу семидесяти толковниковъ. Разсказъ о кельяхъ претерпѣлъ съ теченіемъ времени разнаго рода измѣненія, благодаря древнимъ отцамъ церкви, но теперь его отвергаютъ, признавая чистѣйшею выдумкою; и въ самомъ дѣлѣ, больше вѣроятій въ пользу того, что переводъ Библии не былъ сдѣланъ въ вышеупомянутой торжественной обстановкѣ, а былъ совершенъ просто-напросто александрийскими евреями, для ихъ собственныхъ надобностей. По мѣрѣ того, какъ переводъ толковниковъ началъ приобретать популярность у христіанъ, онъ сталъ утрачивать прежнее свое значеніе у евреевъ, которые дѣлали постоянно попытки замѣнить его новыми версіями, какъ, напр., Аквилы, Теодотіона, Симмаха и др. Съ самаго начала сирійскіе евреи отнеслись къ этому

переводу неодобрительно; они даже называли время этого перевода днем скорби и съ злорадством указывали на все замѣченныя въ немъ ошибки; такъ, напр., они утверждали, что, согласно этому переводу, Мафусаилъ жилъ послѣ потопа. Птоломей относился съ большимъ уваженіемъ ко всемъ, снабжавшимъ книгами его библиотеку, вознаграждая царскимъ образомъ ее переводчиковъ и переписчиковъ.

Но современный міръ обязанъ египетскимъ царямъ не одними только этими вкладами въ область знанія. Музей оказалъ такое продолжительное и могущественное влияние на весь ходъ умственного развитія Европы, что мы до сихъ поръ пользуемся плодами его дѣятельности.

Влияніе это было двоякаго рода: теологическое и физическое. Дialeктическій духъ и литературное образованіе, столь сильно распространенныя среди александрийцевъ, подготовили этотъ народъ больше, чѣмъ все другое, къ принятію христіанства. Въ теченіе тридцати столѣтій египтяне свыклись съ понятіемъ о триединомъ Богѣ. Въ Египтѣ не было ни одного мало-мальски значительнаго города безъ своей триады. Здѣсь мы видимъ Аммона, Маута и Хонзо; тамъ Озириса, Изиду и Горуа. Апостольскіе миссіонеры, прибывъ въ Александрію, застали въ ней народъ готовымъ для воспріятія самыхъ глубокихъ таинствъ. Но съ этими преимуществами было соединено и много крупныхъ золъ. Споры о троицѣ, которые впоследствии привели къ столькимъ смертоубійствамъ и наводнили міръ кровью, имѣли свою исходную точку или фокусъ въ Александрію. Въ этомъ городѣ жили Арій и Афанасій. Здѣсь возникло то ужасное столкновеніе, которое побудило Константина Великаго созвать никейскій соборъ, для установленія, помощью символа вѣры, существенныхъ основаній нашей вѣры.

Но не одна только теологія подверглась въ послѣдующіе годы влиянію Александрии: это влияніе наложило сильнѣйшій отпечатокъ и на науку. Астрономическія наблюденія, химическія лабораторіи, библиотеки и анатомическіе театры не даромъ дѣйствовали въ теченіе столькихъ лѣтъ. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ, даже въ лучшіе ихъ дни, мы не видимъ ничего подобнаго александрийскому музею. Это единственный и великій памятникъ династіи Птолемеевъ, за который весь человѣческій родъ обязанъ ей благодарностью и который оправдываетъ данное ей названіе одной изъ самыхъ знаменитыхъ царскихъ династій. И въ самомъ дѣлѣ, музей былъ попыткою организовать человѣческія знанія, какъ съ цѣлью развитія ихъ, такъ и съ цѣлью распространенія. Онъ былъ задуманъ и выполненъ съ практическимъ смысломъ, достойнымъ Александра. И хотя среди ночи, переживаемой Европою, ночи полной сновъ и иллюзій, люди не въ силахъ были оцѣнить по достоинству духъ, лежавшій въ основаніи этого великаго учрежденія, и созданное имъ дѣло, а слава его затмилась болѣе мрачными и недостойными дѣлами, но не далеко было время, когда его влияніе на ходъ человѣческихъ событій должно было встрѣтить болѣе правильную оцѣнку, а его влияніе на развитіе европейской цивилизаціи болѣе точное опредѣленіе.

Такимъ-то образомъ въ началѣ третьяго столѣтія, вслѣдъ за македонскимъ походомъ, который привелъ грековъ въ столкновеніе съ древнею цивилизаціею Азіи, обнаружилась въ Египтѣ значительная умственная дѣятельность. На мѣстѣ деревни Ракотисъ, служившей когда-то оплотомъ для египтянъ противъ нападений чужеземцевъ, македоняне воздвигли тотъ городъ, который долженъ былъ играть роль складочнаго мѣста для торговли между востокомъ и западомъ и передать свое славное имя дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Его продолжительное торговое благоденствіе, его господствующее положеніе въ смыслѣ служенія матеріальнымъ интересамъ страны оправдали государственную мудрость его основателя, и умственная слава, придававшая такой блескъ этому городу, увеличила и блескъ его имени, доставивъ ему прочную славу.

Нельзя сомнѣваться, что философская дѣятельность Александрии составляла непосредственный результатъ вышеупомянутыхъ нами политическихъ и военныхъ событій. Наклонности и геніи Александра обнаружались въ его отношеніяхъ къ Аристотелю, занятіямъ котораго по естествознанію онъ способствовалъ устройствомъ звѣринца, а занятіямъ по астрономіи—передачею ему, черезъ посредство Каллисена, записей наблюденій вавилонянъ въ продолженіе 1903 лѣтъ. Изъ его біографіи мы уже видѣли, какой глубокой интересъ обнаруживалъ онъ самъ къ этимъ наукамъ. Въ этомъ отношеніи другіе великіе полководцы сходились съ нимъ; быть можетъ, практической образъ мыслей и приспособленіе теорій къ дѣйствительнымъ требованіямъ жизни, составляющіе характеристическія черты ихъ профессіи, и побуждали ихъ инстинктивно отклонять туманныя умозрѣнія и удовлетворяться только тѣмъ, что дѣйствительно соединяетъ реальность съ точностью.

Вдохновляясь системою Александра и руководясь внушеніями нѣкоторыхъ великихъ людей, сумѣвшихъ схватить духъ времени, египетскіе цари создали такимъ образомъ подъ своимъ верховнымъ покровительствомъ музей. Государственная политика, дѣйствуя вышеописаннымъ образомъ, доставила имъ добавочную теологическую причину для основанія этого учрежденія. Въ македонскую кампанію произошло сильное развитіе инженерныхъ и математическихъ талантовъ, потому что безъ нихъ нельзя руководить большими арміями, совершать большихъ походовъ, давать большихъ сраженій. Когда проходитъ періодъ энергическихъ дѣйствій, и за военными дѣйствіями слѣдуетъ сравнительное спокойствіе и временное успокоеніе, вызванныя къ жизни таланты продолжаютъ дальше развиваться въ области другихъ знаній, близкихъ къ прежнимъ, въ области математики и физики. Въ Александрію, которая сама составляла памятникъ инженернаго и архитектурнаго искусства, векоръ нашлись люди, имена которыхъ передались потомству—Аполлоній, Эратосенъ, Манефонъ. О нихъ можно сказать, что пока великіе люди, обязанные своимъ развитіемъ музею, умозрительные философы занимались спорами по поводу критеріума истины и въ цѣломъ пришли къ заключенію, что такого критеріума вовсе нѣтъ на свѣтѣ и что даже если бы

истина находилась въ рукахъ человѣка, онъ не имѣлъ бы средствъ убѣдиться въ этомъ, Эвклидъ александрійскій написать безсмертное произведеніе, которое должно было вызвать на бой противорѣчія всего человѣческаго рода и оправдать свое притязаніе на представительство абсолютной и безспорной истины,—истины, которая не будетъ опровергнута ни однимъ народомъ и ни въ какое время. Мы все еще употребляемъ въ школахъ геометрію Эвклида.

Говорятъ, что Эвклидъ открылъ геометрическую школу въ Александріи приблизительно въ 300 г. до Р. X. Онъ занимался не только математическими, но и физическими изслѣдованіями. Кромѣ многихъ сочиненій перваго рода, которыя, какъ полагаютъ, были написаны имъ,—напр., сочиненія о погрѣшностяхъ, о коническихъ сѣченіяхъ, дѣленіяхъ, поризмахъ, о датахъ,—ему приписываютъ и многіе трактаты о гармоніи, оптикѣ и катоприкахъ, при чемъ послѣдніе два предмета онъ разбиралъ, согласно современнымъ ему взглядамъ, на основаніи гипотезы о лучахъ, которые исходятъ изъ глазъ и падаютъ на предметъ, вмѣсто того, чтобы переходить, какъ мы теперь думаемъ, съ предмета на глазъ. Тѣмъ не менѣе прочность славы Эвклида зависитъ отъ его *Началъ геометріи*, отъ необыкновенныхъ качествъ этого произведенія. Хотя современные математики, руководясь строгимъ критическимъ духомъ, и дѣлаютъ возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ его аксіомъ, требуя отъ нихъ большей точности и утверждая, что онѣ иногда принимаютъ на вѣру, безъ доказательствъ, то, что можетъ быть доказано, что онѣ иногда слишкомъ многословны и что постановка ихъ бываетъ слишкомъ несовершенна, тѣмъ не менѣе онѣ продолжаютъ считаться образцомъ необыкновенной правильности, ясности и точности въ доказательствахъ. Греки постоянно употребляли сочиненіе Эвклида, а въ послѣдующіе годы оно было переведено арабами и сохранено ими.

Какъ ни была велика слава Эвклида, но она была превзойдена славою Архимеда Сиракузскаго, родившагося въ 287 г. до Р. X. Связь его съ египетскою наукою доказывается не только традиціею, но и такими фактами, какъ его дружба съ Конономъ Александрійскимъ и изобрѣтеніе имъ для поднятія водъ Нила винта, все еще носящаго его имя. Наибольше интереснымъ изъ его произведеній, быть можетъ, и съ его точки зрѣнія,—насколько можно судить по тому, что онъ приказалъ награвировать на своемъ могильномъ камнѣ чертежъ его,—является доказательство, что объемъ шара составляетъ двѣ трети описаннаго вокругъ него цилиндра. По этому знаку Цицеронъ, будучи квесторомъ Сициліи, открылъ могилу Архимеда, заросшую бурьяномъ. Но эта теорема была лишь одною изъ громаднаго числа подобныхъ же, изложенныхъ имъ въ его двухъ книгахъ о шарѣ и цилиндрѣ равномастерекимъ образомъ и съ равнымъ успѣхомъ. Его значеніе, какъ геометра, можетъ быть лучше всего понято изъ замѣчанія, сдѣланнаго по поводу него однимъ современнымъ математикомъ, сказавшимъ, что онъ настолько близко подошелъ къ открытію дифференціального исчисленія, насколько это можно было сдѣлать

безъ помощи алгебраическихъ вычисленій. Изъ спеціальныхъ задачъ, обратившихъ на себя его вниманіе, упомянемъ о квадратурѣ круга, объ опредѣленіи отношенія окружности къ диаметру: по его мнѣнію, оно колеблется между 3,1428 и 3,1408; теперь же извѣстно, что это отношеніе равняется 3,1416. Онъ писалъ также о коноидахъ и сфероидахъ и о спирали, извѣстной подъ его именемъ, хотя мысль о ней была внушена ему Конономъ. Въ его сочиненіи, озаглавленномъ *Псаммиты*, онъ намекаетъ на астрономическую систему, впоследствии установленную Коперникомъ, имя котораго было дано ей. Онъ упоминаетъ также о попыткахъ, сдѣланныхъ для измѣренія объема земли; главная цѣль его сочиненія состоитъ, по видимому, въ томъ, чтобы доказать, что не только песокъ на морскомъ берегу можетъ быть сосчитанъ, но что такъ же точно могъ быть вычисленъ тотъ, который потребовался бы для наполненія всего пространства между землею и сферою неподвижныхъ звѣздъ. Въ результатѣ получилось бы, согласно нашей системѣ счисленія, меньшее число, чѣмъ какое можетъ быть выражено единицею, за которою слѣдуютъ 63 цифры. Такая книга представляетъ спортъ гиганта-геометра, забавляющагося безпечно своею силою. Говоря о его математическихъ изслѣдованіяхъ, нельзя упускать квадратуру параболы. Но его слава обуславливается, впрочемъ, не столько его математическими успѣхами, сколько его блестящими открытіями въ области физики и его механическими изобрѣтеніями. Вѣдь извѣстно, изъ разказа о коронѣ Перона, какъ онъ положилъ основаніе гидростатикѣ. Одинъ ремесленникъ подмѣнилъ золото, данное ему для того, чтобы сдѣлать изъ него корону царю Перону. Архимедъ открылъ, случайно сѣвши въ ванну, что подмѣсь можетъ быть обнаружена, и при этомъ изобрѣлъ способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса. Отъ этихъ изслѣдованій онъ естественно перешелъ къ изслѣдованію равновѣсія плавающихъ тѣлъ. Но величайшею его заслугою въ области механики было открытіе имъ истинной теоріи рычага: его удивительная заслуга въ этомъ отношеніи доказывается тѣмъ, что теоретическая механика не сдѣлала ни одного шага впередъ въ теченіе восемнадцати столѣтій, отдѣляющихъ его отъ Леонарда да-Винчи. Ему приписываются, кромѣ того, не меньше сорока мелкихъ механическихъ изобрѣтеній. Среди нихъ находятся: безконечный винтъ, винтовой насосъ, гидравлическій органъ и зажигательныя зеркала. Геній его хорошо выражается въ извѣстныхъ словахъ, приписываемыхъ ему: «Дайте мнѣ на что опереться, и я двину землю!» и анекдотами, рассказываемыми о его дѣйствіяхъ противъ Марцелла во время осады Сиракузъ: изобрѣтеніе имъ катапульта и другихъ орудій для выбрасыванія копій и тяжелыхъ камней; крючьевъ, которые перебрасывались черезъ стѣны, зацѣплялись за корабли, подымали ихъ на воздухъ вмѣстѣ съ ихъ экипажемъ, и затѣмъ внезапно погружали въ воду; зажигательныхъ зеркалъ, помощью которыхъ римскій флотъ былъ зажженъ на очень далекомъ разстояніи. Говорятъ, что Марцеллъ, глубоко уважая умъ Архимеда, далъ строжайшій приказъ не дѣлать ему никакого вреда, и что онъ былъ убитъ, къ не-

счастью, однимъ невѣжественнымъ солдатомъ,—къ несчастью потому, что Европа въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ не могла произвести равнаго ему.

Эратосѣенъ былъ современникомъ Архимеда. Онъ родился въ Киренахъ въ 276 г. до Р. X. Эвергетъ поручилъ ему ^{Труды и сочиненія Эратосѣена.} заботу о библіотекахъ, но онъ занимался не столько этимъ, сколько математическими, астрономическими, географическими и историческими изслѣдованіями. Сочиненіе, озаглавленное *Каталогизмъ*, приписываемое ему, хотя, можетъ быть, и ложно, составляетъ каталогъ 475 неподвижныхъ звѣздъ; но, по всей вѣроятности, оно должно было служить простымъ руководствомъ. Онъ же, говорятъ, напсалъ и поэму о земныхъ поясахъ. Наиболѣе важнымъ изъ его географическихъ трудовъ является опредѣленіе имъ разстоянія между тропиками. По его мнѣнію, оно равняется одиннадцати восьмидесяти третью земной окружности. Онъ сдѣлалъ также попытку измѣрить величину земли помощью опредѣленія разстоянія между Александрією и Сиеною: разница въ широтахъ между ними была опредѣлена въ одну пятидесятую земной окружности. Онъ старался освободить географію отъ массы легендъ, которыми современное суевѣріе украсило ее. Въ этомъ отношеніи онъ вполне заслуживаетъ хвалу, воздаваемую ему Гумбольдтомъ, который изъ всѣхъ современныхъ писателей лучше всего могъ оцѣнить его труды. Онъ изслѣдовалъ очертаніе и протяженіе материковъ, положеніе горныхъ цѣпей, дѣйствіе облаковъ, геологическое погруженіе земли, поднятіе древняго морского дна, Дарданельскій проливъ и Гибралтарскій, положеніе Чернаго моря, вопросъ о равномъ уровнѣ опоясывающаго землю океана и о необходимости существованія горной цѣпи, тянущейся вдоль Азіи на діафрагмѣ Диккарха. Какой громадный шагъ впередъ сравнительно съ размышленіями Фалеса! Въ этомъ отражаются практическія послѣдствія македонскихъ войнъ. Для своихъ астрономическихъ наблюденій онъ пользовался разнаго рода орудіями обсерваторіи. Онъ утверждалъ, что направленіе земной тяжести непостоянно, но что перпендикуляры расходятся. Онъ составилъ полное систематическое описаніе земли въ трехъ книгахъ—физической, математической и исторической, и къ своему описанію приложилъ карты всѣхъ извѣстныхъ въ то время частей свѣта. Его искусство, какъ геометра, доказывалось разрѣшеніемъ имъ задачи о двухъ среднихъ пропорціональныхъ линіяхъ, которое и теперь не утратило своей цѣны; но сохранившіеся остатки его хроникъ египетскихъ царей были только въ позднѣйшія времена настоящимъ образомъ оцѣнены. Онъ надѣялся освободить и исторію, наравнѣ съ географією, отъ обезображивающихъ ее мифовъ,—задача, которую предразсудки и интересы людей никогда не позволятъ довести до конца. Нѣкоторые забавные анекдоты о его мнѣніяхъ въ этомъ отношеніи дошли и до насъ. Онъ первый рѣшился сомнѣваться въ исторической правдѣ гомеровскихъ легендъ. «Я только тогда повѣрю въ нихъ, когда мнѣ покажутъ кожевника, дѣлавшаго воздушную суму, которую Улисъ получилъ отъ Эола во время своего обратнаго путешествія домой». Говорятъ,

что, проживъ до восьмидесятилѣтняго возраста, онъ утомился отъ жизни и положилъ ей конецъ добровольнымъ голоданіемъ.

Здѣсь я останавливаюсь, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу хронологическихъ и астрономическихъ сочиненій Эратосѣена. Наша обыкновенная хронологія являлась ^{Хронологія Эратосѣена.} слѣдствіемъ ошибочныхъ теологическихъ понятій, которыя обуславливали необходимость слишкомъ короткаго историческаго срока существованія для разныхъ народовъ земнаго шара, а также и для человѣчества вообще. Она вытекала изъ желанія возвысить нѣкоторые факты изъ исторіи евреевъ, придавая имъ первостепенное значеніе въ жизни человѣчества и вообще преувеличивая важность этой исторіи. Это дѣлалось двойнымъ способомъ: возвышая совершенно незаслуженно исторію евреевъ и унижая или представляя въ ложномъ видѣ исторію другихъ народовъ. Между лицами, виновными въ такихъ литературныхъ преступленіяхъ, можно назвать знаменитаго Евсевія, епископа Кесарійскаго, жившаго во времена Константина: въ своихъ хронографическихъ и синхроническихъ таблицахъ онъ умышленно «искажаетъ хронологію, чтобы добиться синхронизмовъ» (Бунзенъ). Нибуръ совершенно вѣрно замѣчаетъ: «онъ былъ нечестнымъ писателемъ». Египетскія рукописи подверглись искаженіямъ главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ. Забыли, что изъ всѣхъ отраслей знанія хронологія меньше всего пригодна для того, чтобы сдѣлаться предметомъ вдохновенія; и хотя человѣкъ можетъ быть совершенно равнодушенъ къ истинѣ и не видѣть ничего дурнаго въ томъ, чтобъ извращать ее для достиженія намѣченныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе она въ концѣ концовъ всегда прорвется наружу и покажетъ себя. Невозможно извратить совершенно исторію націи, оставившей по себѣ столько памятниковъ. Въ Египтѣ историческія свидѣтельства имѣются больше чѣмъ за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени. По замѣчанію Бунзена, на основаніи имѣющейся у насъ части исторической кривой мы можемъ опредѣлить цѣлое. Какъ ни древни египтяне, но извѣстная намъ исторія ихъ принадлежитъ къ среднимъ годамъ человѣчества, потому что существуетъ періодъ, предшествующій монументальной исторіи или вообще какой бы то ни было исторіи,—періодъ, когда образуются языкъ и мифологія, такъ какъ образованіе ихъ должно предшествовать всякаго рода политическимъ учрежденіямъ, всякаго рода искусству и наукѣ. Но даже въ первый моментъ нашего знакомства съ Египтомъ мы застаемъ его уже достигнувшемъ значительной степени умственнаго развитія, что доказывается тѣмъ, что его система іероглифовъ была усовершенствована еще до четвертой династіи. Она остается затѣмъ неизмѣнною до временъ Псамметиха. Неподвижное состояніе языка и письма въ теченіе тысячелѣтій доказываетъ что ему предшествовалъ весьма отдаленный и продолжительный періодъ времени дѣятельныхъ улучшеній и усиленнаго развитія. Несомнѣнно, что такого рода разсужденія скорѣе, чѣмъ положительныя фактическія свѣдѣнія, заставили грековъ утверждать, что введеніе въ Египетъ геометріи должно быть приписано царямъ, царствовавшимъ до Менеса. Но не одни только искусствен-

ные памятники свидѣтельствуютъ о крайней древности этой страны, она сама свидѣтельствуетъ за себя; потому что хотя берега Нила поднимаются только на четыре фута каждое тысячелѣтіе, тѣмъ не менѣе вся наносная часть Египта образовалась водами этой рѣки. Письменные доказательства подкрѣпляются данными природы и образуютъ вмѣстѣ съ ними неопровержимый сводъ доказательствъ. Такъ, толщина ила, нагроможденнаго у пьедестала памятниковъ, является неопровержимымъ доказательствомъ ихъ древности. Въ виду занимаемаго имъ высокаго положенія, Евсевию было нетрудно извратить письменную хронологію; но онъ не могъ заставить вѣчный пассатный вѣтеръ, носящійся надъ тропическимъ Тихимъ океаномъ, дуть однимъ днемъ дольше или меньше; онъ не могъ измѣнить силу водъ, падающихъ съ африканскихъ горъ, или приостановить ежегодную массу ила, приносимую рѣкою. Сопоставляя такія различнаго рода доказательства, естественныя и монументальныя, при чемъ послѣднія каждый годъ получаютъ все большее и большее значеніе, благодаря изученію іероглифовъ, мы начинаемъ понимать истинную египетскую хронологію и довѣрять отрывкамъ изъ сочиненій Эратосеена и Манефона, дошедшимъ до насъ.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, время Эратосеена, успѣли уже составить общія понятія о шарѣ, его полюсахъ, оси,

Астрономія
Эратосеена.

экваторѣ, арктическихъ и антарктическихъ кругахъ, равноденственныхъ точкахъ, солнцестоянійхъ, коллорахъ, горизонтѣ и т. д. Никто изъ лицъ, способныхъ составить себѣ мнѣніе на этотъ счетъ, не сомнѣвался больше въ шарообразной формѣ земли, при чемъ въ подтвержденіе этого факта приводились тѣ же аргументы, къ которымъ прибѣгаютъ и теперь: различныя положенія горизонта въ различныхъ мѣстахъ, измѣненія въ высотѣ полюса, явленія затменія и постепенное исчезновеніе удаляющихся отъ насъ кораблей. Что касается до затменій, къ которымъ прежде относились съ такимъ суевѣрнымъ ужасомъ, то ученые не только узнали дѣйствительныя причины ихъ происхожденія, но и убѣдились въ ихъ періодичности, такъ что получила возможность предсказывать ихъ появленіе. Вавилоняне давно уже знали, что послѣ цикла въ 223 лунныхъ мѣсяца лунныя затменія повторяются. Составлено было самое ясное понятіе о фазахъ этого спутника земли. Въ

Памятникъ Аристарха узналъ разстояніе земли отъ солнца. самомъ дѣлѣ, Аристархъ Самосскій пытался опредѣлить разстояніе земли отъ солнца на основаніи наблюденія за луною въ періодъ ея ущерба,—методъ, указывающій на значительное развитіе знаній въ ту эпоху, хотя примѣненіе его на практикѣ оказалось не вполне удовлетворительнымъ. Аристархъ нашелъ, что разстояніе земли отъ солнца въ восемнадцать разъ превышаетъ разстояніе земли отъ луны, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно въ 400 разъ больше. Такимъ же образомъ составились довольно ясныя общія понятія о климатическомъ распределеніи теплоты на землѣ, хотя они были нѣсколько преувеличены въ томъ отношеніи, что жаркій поясъ считался слишкомъ жаркимъ для поддержанія человѣческой жизни, а холодный необитаемъ по причинѣ слишкомъ сильной стужи. Насколько возможно было сдѣ-

лать это помощью простыхъ инструментовъ, ученые не только объяснили въ общихъ чертахъ различнаго рода движенія планетъ, но въ то же время сдѣлали попытку объяснить или скорѣе представить эти движенія помощью эпицикль.

Такимъ-то образомъ возникла въ Александріи, при Птоломеяхъ, современная астрономія. Птоломей Сотеръ, основатель этой династіи царей, не только оказывалъ покровительство наукамъ, но и самъ занимался сочинительствомъ. Онъ составилъ исторію походовъ Александра. При немъ положено основаніе бібліотеки, по всей вѣроятности, послѣ пораженія Антигона въ битвѣ Біографія Птоломея. при Ипсѣ, въ 301 г. до Р. X. Музей былъ устроенъ сыномъ его, Птоломеемъ Филадельфомъ, который не только покровительствовалъ наукѣ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но и старался расширить предѣлы человѣческаго знанія, распространяя его и въ другихъ странахъ. Такъ, онъ отправилъ на Мадагаскаръ экспедицію подъ начальствомъ своего адмирала Тимосеена. Изъ преемниковъ его, Птоломеевъ, Эвергетъ и Филопаторъ были оба очень способными людьми, хотя послѣдній былъ въ то же время и очень дурной человѣкъ. Онъ убилъ своего отца и совершилъ много ужаснаго въ Александріи. Ему наследовалъ пятилѣтній сынъ его Эпифанъ, который былъ отданъ опекунами подъ покровительство Рима, что доставило честолюбивой республикѣ поводъ вмѣшаться въ дѣла Египта. Та же политика продолжалась и въ царствованіе сына послѣдняго Филометра, который былъ вообще добрымъ и способнымъ царемъ. Даже Фисконъ, который наследовалъ ему въ 146 г. и описывается какъ чувствительный, толстый и жестокий человѣкъ,—жестокій, потому что онъ велѣлъ отрубить голову, руки и ноги своему сыну и послать ихъ женѣ своей, Клеопатрѣ,—не могъ противостоятъ внушеніямъ политики, проводимой его предками въ теченіе почти двухъ столѣтій, и не только усиленно покровительствовалъ литературѣ и искусствамъ, но и самъ написалъ одно историческое произведеніе. Тѣ же наклонности высказывались и его преемниками, Лаириомъ и Авлетомъ,—имя послѣдняго указываетъ на его музыкальныя дарованія. Прозванія, подъ которыми извѣстны всѣ эти Птоломеи, были даны имъ въ насмѣшку ихъ сатирическими александрійскими подданными. Политическое состояніе Александріи описывается большею частью какъ тиранія, умѣряемая насмѣшкою. Династія Птоломеевъ закончилась знаменитою Клеопатрою, которая, согласно легендѣ, послѣ битвы при Акціумѣ, дала укушить себя змѣѣ. Она отравилась, чтобы не попасть въ плѣнъ къ Октавію и избѣжать участія въ триумфальномъ шествіи побѣдителей по улицамъ Рима.

Будь у насъ полная, безпристрастная исторія этихъ греческихъ царей, она, несомнѣнно, оправдала бы данное имъ названіе самыхъ знаменитыхъ изъ всѣхъ царей древности. Даже послѣ того, какъ ихъ политическая власть перешла въ руки римлянъ,—націи, для которой истина и право не представляли никакого значенія,—а философія была подавлена или замѣнена вѣрою позднѣйшихъ цезарей, безцеремонно навязываемой народу,—сила взрожденнаго ими

умственного зародыша была такъ велика, что хотя ему пришлось лежать неподвижно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но онъ быстро воспрянулъ и развился, какъ только наступили благоприятныя для него обстоятельства.

Эта египетская династія покровительствовала въ равной степени наукъ и литературѣ. Такъ, Филадельфъ не считалъ ниже своего достоинства состоять въ личной дружбѣ съ поэтомъ Каллимахомъ, написавшимъ трактатъ о птицахъ и поддерживавшимъ свое существованіе содержаніемъ школы въ Александріи. Дворъ этого государя украшался вдобавокъ со звѣздъ изъ семи поэтовъ, получившихъ у веселыхъ александрийцевъ шутовское прозвище плеяды. То были, какъ говорятъ, Ликофронъ, Теокрытъ, Каллимахъ, Аратъ, Аполлоній Родосскій, Никандръ и Гомеръ, сынъ Макро. Наибольше выдающимся изъ нихъ были Ликофронъ, сочиненія котораго, озаглавленные *Кассандра*, сохранились и по настоящее время, и Теокрытъ, восхитительныя буколки котораго показываютъ, какой это былъ прекрасный поэтъ.

Вернемся къ научному движенію. Школа Эвклида нашла во время Эвергета достойнаго представителя въ лицѣ Аполлонія Пергейскаго, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Архимеда. Онъ отличался какъ въ математическихъ, такъ и въ физическихъ областяхъ знанія. Главнымъ произведеніемъ его былъ трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ. Говорятъ, что онъ первый ввелъ слова—эллипсисъ и гиперболы. Современные геометры говорятъ о немъ, что онъ съ меньшей силою обрабатывалъ свой предметъ, чѣмъ его великій предшественникъ, Архимедъ, но, тѣмъ не менше, выказалъ большую точность и красоту методовъ. Его пятая книга о *Maxima* и *Minima* считается однимъ изъ величайшихъ произведеній греческой геометріи. Какъ на примѣръ его физическихъ изслѣдованій, можно указать на изобрѣтеніе имъ часовъ.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Аполлонія, въ 160—125 г. до Р. X., мы встрѣчаемся съ великимъ астрономомъ Гиппархомъ. Онъ, повидимому, не дѣлалъ самъ наблюденій въ Александріи, а пользовался тѣми, которыя были сдѣланы Арчетилломъ и Тимохаромъ. Въ области чистой математики онъ изобрѣлъ способъ рѣшенія всѣхъ треугольниковъ, плоскихъ и сферическихъ, и ставилъ также таблицу хордъ. Въ астрономіи онъ, кромѣ сдѣланнаго имъ капитальнаго открытія прецессіи равноденствій, опредѣлилъ первое неравенство луны, уравненіе центра и предвосхитилъ у Птолемея открытіе объ эвекціи луны. Ему же и приписывается установленіе теории объ эпициклахъ и эксцентрическихъ линіяхъ,—геометрическое построеніе, составленное съ цѣлю объяснить видимыя движенія небесныхъ тѣлъ на основаніи принципа кругово-го вращенія. Гиппарху удалось примѣнить эту теорію къ солнцу и лунѣ и доказать, что ее можно примѣнить и къ планетамъ. Хотя эта теорія не могла объяснить обыкновенныхъ движеній небесныхъ тѣлъ, она продержалась до времени Кеплера и Ньютона, когда установлены были безспорно гелиоцентрическое ученіе и ученіе объ эллиптическихъ движеніяхъ.

Произведенія
Аполлонія.

Сочиненія Гип-
парха.

Теорія объ эпи-
циклахъ и экс-
центрическихъ
линіяхъ.

Даже самъ Ньютонъ, въ 37 предложеніи третьей книги *О принципахъ*, прибѣгалъ къ ихъ помощи. Тогда Гиппархъ предпринялъ составленіе указателя звѣздъ помощью алинеацій, т. е. указанія тѣхъ звѣздъ, которыя, повидимому, находились на одной видимой прямой линіи. Число звѣздъ, внесенныхъ въ каталогъ, простирается до 1080. Но, описывая такимъ образомъ небо своего времени, онъ сдѣлалъ попытку описать такимъ же образомъ поверхность земли, означая положеніе городовъ и другихъ мѣстъ помощью линій широты и долготы.

Послѣ Гиппарха на сцену выступаютъ астрономы Геминъ и Клеомедъ; но слава ихъ совершенно затмевается славою Птолемея, жившаго въ 138 г. по Р. X., автора великаго сочиненія *Синтаксисъ*, трактующаго о математическомъ постро-
еніи неба,—сочиненія, вполне заслуживающаго данный ему эпитетъ: «благородное изложеніе математической теоріи эпицикловъ и эксцентрическихъ линій». Оно было переведено арабами послѣ завоеванія магометанами Египта, и, подъ названіемъ *Альмагесты*, считалось ими величайшимъ авторитетомъ по части механики и явленій все-ленной. Это положеніе оно удержало въ Европѣ въ теченіе почти пятнадцати столѣтій, оправдывая вполне названіе, данное Сине-зіемъ учрежденію, которому оно обязано своимъ происхожденіемъ: «божественная александрійская школа». *Альмагеста* на-
чинается ученіемъ, что земля шарообразна и прикрѣ-
плена къ пространству; въ ней описывается дальше по-
строеніе таблицы хордъ и инструментовъ для наблюденія за солнце-
стояніями и выводятся наклонность эклиптики. Птоломей опредѣ-
ляетъ земную широту помощью гномона; описываетъ климаты; по-
казываетъ, какъ обыкновенное время можетъ быть превращено въ сидерическое; объясняетъ, почему надо отдать предпочтеніе тропи-
ческому времени передъ сидерическимъ; основываетъ солнечную теорію на принципѣ, что орбита солнца—простая эксцентрическая линія; объясняетъ уравненіе времени; выражаетъ свое мнѣніе отно-
сительно движеній луны; трактуетъ о первомъ неравенствѣ, о лун-
ныхъ затменіяхъ и о движеніи узла. Въ *Альмагестъ* помѣщено и собственное великое открытіе Птолемея, обезсмертившее его имя: открытіе эвекціи луны или второго неравенства, которое онъ сводитъ къ эпициклической теоріи. Здѣсь же встрѣчаемъ мы попытку опредѣлить разстояніе отъ земли солнца и луны, что удается только отчасти, такъ какъ опредѣленное Птоломеемъ разстояніе солнца въ двадцать разъ меньше дѣйствительнаго. Птоломей разсматри-
ваетъ дальше предвареніе равноденствій, открытіе Гиппарха, опре-
дѣливаго полный періодъ для этого въ двадцать пять тысячъ лѣтъ. Къ сочиненію приложенъ каталогъ 1,022 звѣздъ; здѣсь же обсу-
ждаются свойства Млечнаго пути и излагаются самымъ мастерскимъ образомъ движенія планетъ. Пунктъ этотъ составляетъ второе право Птолемея на научную славу. Его опредѣленіе планетныхъ орбитъ было сдѣлано путемъ сравненія собственныхъ наблюденій съ на-
блюденіями предыдущихъ астрономовъ, особенно Тимохара надъ Венерою.

Сочиненія
Птолемея.

Его величайшее
произведеніе:
механическое
построеніе неба.

Птоломею же мы обязаны сочиненіемъ по географіи, служившимъ руководствомъ въ европейскихъ школахъ до XV вѣка. Ему ^{Его географія.} извѣстенъ былъ міръ, простирающійся отъ Канарскихъ острововъ на востокъ до Китая и отъ экватора на сѣверъ до Каледоніи. Его карты, впрочемъ, заключаютъ въ себѣ массу ошибокъ: потому что для того, чтобы привести ихъ въ соотвѣтствіе со сферическою формою земли, линіи долготы были подвинуты слишкомъ далеко на востокъ, а Средиземное море показано длиннѣе на двадцать градусовъ. Данныя Птоломея гораздо менѣе точны, чѣмъ данныя его великаго предшественника, Эратосѣена, который опредѣлялъ разстояніе отъ Священнаго мыса въ Испаніи до восточнаго устья Ганга въ семьдесятъ тысячъ стадій. Птоломей писалъ также объ оптикѣ, планисферѣ и астрологіи. Рѣдко приходится видѣть, чтобы писатель не утрачивалъ значенія въ теченіе столѣтійхъ вѣковъ, и, быть можетъ, лишь немногіе заслуживаютъ этого. Механизмъ небесъ, съ его точки зрѣнія, былъ понятъ очень невѣрно. Ни онъ, ни Гиппархъ не придавали этой теоріи большого значенія, считая ее чисто геометрическою фикціею. Они вовсе не признавали ее изображеніемъ дѣйствительныхъ небесныхъ движеній. И, какъ можно ожидать,—потому что такова судьба всѣхъ неральныхъ абстракцій,—теорія эта все болѣе и болѣе усложнялась по мѣрѣ накопленія фактовъ и грозила сдѣлаться совершенно невозможною, когда ее замѣнила теорія всеобщаго тяготѣнія, отличавшаяся всегда характеристическими свойствами истинной теоріи, а именно: доставляла всегда объясненіе для каждаго новаго факта, являющагося на лицо, не требуя при этомъ изобрѣтенія какихъ-нибудь новыхъ правилъ и пророчески предсказывая явленія, еще не подвергавшіяся наблюденію.

Со времени Птоломея научный духъ александрійской школы пришелъ въ упадокъ; потому что хотя въ теченіе слѣдующихъ трехъ столѣтій и жили математики, въ родѣ Θεодосія, сочиненіе котораго о сферической геометріи высоко цѣнилось арабскими геометрами, Паппуса, математическія коллекціи котораго, въ восьми книгахъ, не утратили и теперь своего значенія, и Θεона, получившаго двойную извѣстность какъ своими геометрическими изслѣдованіями, такъ и тѣмъ, что онъ былъ отцомъ несчастной Гипатіи (415 г. до Р. X.),—но они не могли сравниться со своими великими предшественниками. Умственная энергія, дающая начало оригинальнымъ открытіямъ, исчезла. Комментаторъ заступилъ мѣсто философа. Физическія науки оставались на точкѣ замерзанія и долго должны были еще пребывать въ такомъ состояніи. Въ механикѣ не проявлялось больше ни одного открытія въ родѣ открытія Архимеда о теоріи равновѣсія рычага; ни одной новой и точной идеи, подобной идеѣ этого великаго человѣка о статическомъ и гидростатическомъ давленіи; ни одного новаго и яснаго взгляда, подобнаго тѣмъ, которые развивались Архимедомъ въ его трактатѣ о плавающихъ тѣлахъ; ни одного механическаго изобрѣтенія въ родѣ первой паровой машины Герона. Естественная философія приостановилась въ своемъ развитіи. Ея великій отдѣлъ, обрабатываемый съ

Позднѣйшіе
александрійскіе
геометры.

такимъ успѣхомъ, астрономія, перестала двигаться впередъ. Люди довольствовались тѣмъ, что было сдѣлано, и продолжали забавляться, стараясь примирить небесныя явленія съ комбинаціею равныхъ круговыхъ движеній. Чему же слѣдуетъ приписать такую приостановку въ развитіи? Должно было случиться нѣчто, обезсилевшее научный духъ. Музей погрузился во мракъ.

Не трудно объяснить, почему произошло такое плачевное положеніе дѣлъ. Греческая умственная жизнь перешла черезъ періодъ зрѣлости и вступила въ періодъ старости. Кромѣ того, талантливые люди, которые могли посвятить себя служенію наукъ, частью посвящали себя теперь другимъ занятіямъ, частью были стѣснены въ своей дѣятельности. Александрія пошатнула Аѳины <sup>Упадокъ греческаго вѣка
разума.</sup> и, въ свою очередь, была подкопана Римомъ. Изъ положенія метрополи она перешла въ положеніе простаго провинціального города. Труднѣе было удовлетворить великимъ цѣлямъ жизни, живя въ городѣ, пришедшемъ въ такой глубокой упадокъ, чѣмъ живя въ Италіи и позже въ Константинополѣ. Все, что затрогнувало эти главные центры римской дѣятельности, по необходимости вліяло и на нее; но такова ужъ судьба побѣжденныхъ, что они должны ждать рѣшенія побѣдителя. Даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя нѣкогда прославили ее, успѣхъ могъ быть достигнутъ только при условіи согласія съ образомъ мыслей, господствующимъ въ имперской метрополіи, и все лучшее, что могло быть достигнуто, могло получиться только при условіи слѣдованія по намѣченному заранѣе пути. Но, несмотря на всѣ эти ограниченія, Александрія обладала по прежнему значительною умственною силою и оставила неизгладимый отпечатокъ на новой теологіи своихъ завоевателей. Въ теченіе трехъ столѣтій умственная атмосфера римской имперіи измѣнилась. Люди не въ силахъ были противостоять постоянно увеличивающемуся давленію. Спокойствіе могло быть обеспечено только при условіи пассивности. Дѣла пришли въ такое положеніе, что люди мыслили помощью другихъ; если же они сами начинали думать, то не иначе, какъ согласно извѣстнымъ, предписаннымъ свѣше, формуламъ или правиламъ. Греческій умъ одряхлѣлъ, а нравственное состояніе европейскаго міра находилось въ противорѣчій съ научнымъ прогрессомъ.

ГЛАВА VII.

Греческій вѣкъ умственной дряхлости.

ГИВЕЛЬ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Упадокъ греческой философіи; она обращаетъ свое вниманіе на прошедшее и въ лицѣ Филона еврея и Аполлонія Тианскаго опирается на вдохновеніи, мистицизмъ и чудесахъ.

Неоплатонизмъ, основанный Аммоніемъ Саккасомъ, находитъ послѣдователей въ лицѣ Плотина, Порфирія, Ямблиха, Прокла.—Александрійская троица.—Экстазъ.—Союзъ съ магіею и некромантіею.

Императоръ Юстиніанъ закрываетъ философскія школы.

Сводъ греческой философіи.—Четыре ея задачи: 1) происхожденіе міра; 2) свойства души; 3) существованіе Бога; 4) критеріумъ истины.—Разрѣшеніе этихъ задачъ въ вѣкъ изслѣдованій, въ вѣкъ вѣры, въ вѣкъ разума, въ вѣкъ дряхлости.

Опредѣленіе закона измѣненій греческихъ мнѣній.—Развитіе національнаго разума происходитъ на тѣхъ же началахъ, какъ и развитіе индивидуальнаго.

Опредѣленіе окончательныхъ заключеній греческой философіи касательно Бога, міра, души, критеріума истины.—Объясненіе каждаго изъ этихъ пунктовъ и критика на нихъ.

Въ этой главѣ мнѣ придется нарисовать грустную картину—картину старости и смерти греческой философіи. Сильныя и энергическіе дѣятели аристотелевой и стоической философіи превращаются въ слабоумныхъ стариковъ; вотъ какъ описываетъ ихъ поэтъ:

„Into the lean and slipper'd pantalon,
With spectacles on nose and pouch on side;
His youthful hose, well saved, a world too wide
For his shrunk shank; and his big manly voice,
Turning again toward childish treble, pipes,
And whistles in his sound. Last scene of all,
That ends this strange, eventful history,
Is second childishness and mere oblivion—
Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything“.

Они полны удивленія къ прошедшему и презрительнаго отвращенія къ настоящему; мысли ихъ возвращаются къ тому, что занимало ихъ въ молодости и даже въ дѣтствѣ. Подобно лицамъ, приготовляющимся къ смерти, они предаются религиознымъ упражненіямъ, не заботясь о томъ, истинны или ложны сами по себѣ тѣ положенія, въ которыя они такъ глубоко вѣрятъ.

Въ этомъ финалѣ греческой философіи мы не встрѣчаемъ ни живой вѣры Платона, ни зрѣлаго ума Аристотеля, ни мужественнаго самонаблюденія Зенона. Греческая философія заканчивается болтовнею и мистицизмомъ. Онъ ищетъ помощи у заклинателя, жонглера и великаго жреца природы.

Новые пришельцы заступили мѣста прежнихъ дѣятелей. Римскій солдатъ стремится занять мѣсто греческаго мыслителя и заявляетъ притязаніе на имущество, оставшееся послѣ умершаго безъ завѣщанія, требуя для себя права сохранить то, что ему правится, и разрушить все, что ему будетъ угодно. Римляне, приближаясь къ своему вѣку вѣры, готовы навязать свои идеи европейскому міру.

Греческая философія зародилась подъ сѣнью пирамидъ; послѣ многихъ странствованій въ теченіе тысячи лѣтъ по берегамъ Средиземнаго моря, она вернулась назадъ на мѣсто своей родины и умерла подъ сѣнью тѣхъ же пирамидъ.

Со времени наступленія періода Новой Академіи греческая философія пала безостановочно. Изобрѣтательныхъ гениевъ больше не существовало; мѣсто ихъ заступили комментаторы. Въмѣсто того, чтобы ломать себѣ головы надъ изслѣдованіемъ абсолютной истины, философы искали себѣ поддержки въ старинныхъ мнѣніяхъ, въ дѣйствительныхъ или фиктивныхъ взглядахъ Пифагора, Платона или Аристотеля, признавая ихъ критеріумами истины. Въ этомъ вѣкѣ философіи, въ періодъ ея старости, люди начали дѣйствовать такъ, какъ будто самостоятельныхъ изслѣдованій и открытій не существовало въ человѣческомъ родѣ, какъ будто то, что называется въ мірѣ истинною, не есть продуктъ мысли, а лишь остатокъ стараго, теперь забытаго откровенія съ небесъ, забытаго вѣлѣдствіе виновности и грѣхонаденія человѣка. Это полное прекращеніе изслѣдованія производитъ крайне грустное впечатлѣніе. Умственная энергія, которая должна была, повидимому, долго существовать благодаря силѣ, накопившейся въ теченіе столѣтій вѣковъ, вдругъ прекратилась. Такая полная и внезапная остановка возбуждаетъ невольно удивленіе: стрѣла летитъ еще долгое время послѣ того, какъ вылетаетъ изъ лука; колесо горшечника продолжаетъ вертѣться, хотя горшки уже сдѣланы. Такой внезапной остановки въ значительной степени способствовала политика цезарей. Принципъ свободы мысли, обусловленный необходимо самимъ существованіемъ различныхъ философскихъ школъ, могъ слишкомъ легко высказываться въ стремленіяхъ къ политической свободѣ. Между тѣмъ какъ, благодаря императорамъ, школы Греціи, Александріи и Рима лишились того главенства, на которое онѣ заявляли притязанія, а школы провинціальныя, какъ, напр., марсельская и родосская, относительно возвысились,—первыя молча, частнымъ образомъ, начали то соперничество, которое являлось какъ бы предвозвѣстникомъ великой теологической борьбы, происходившей между ними за политическую власть въ послѣдующіе вѣка. Христіанство на разсвѣтѣ своего существованія вѣрило вообще, что на востокѣ сохранилось неприкосновенно воспоминаніе о древнемъ откровеніи и что оттуда будетъ продолжаться сіянь свѣтъ. Вѣлѣдствіе благоприятнаго вліянія такого оживленія, ориентализмъ, къ которому самопроизвольно пришла греческая мысль, получилъ сильное подкрѣпленіе.

Разсматривая этотъ конечный періодъ греческой философіи, мы должны прежде всего обратиться къ Филону еврею, жившему

во времена Калигулы. Согласно идеямъ своей націи, онъ выводилъ философію и всякое полезное знаніе изъ книгъ Моисеевыхъ; онъ, не колеблясь, пользовался священнымъ Писаніемъ и толковалъ его въ свою пользу помощью разнаго рода аллегорическихъ поясненій, утверждая, что человѣкъ лишился съ теченіемъ времени первоначальной мудрости и чистоты, что физическое изслѣдованіе представляетъ лишь весьма мало значенія, но что мы должны довѣрять больше всего невинной жизни и горячей вѣрѣ. Онъ убѣдилъ себя, что имъ овладѣло вдохновеніе въ то время, какъ онъ писалъ, подобно тому, какъ это случилось съ авторами священнаго Писанія. Читатели его, впрочемъ, найдутъ, по всей вѣроятности, что онъ въ этомъ отношеніи ошибся, если судить по способу изложенія его произведеній и по характеру его ученія. Относительно перваго можно сказать, что онъ писалъ слабо, выказывая постоянное колебаніе во взглядахъ и проявляя большую нерѣшительность и неустойчивость, какъ только дѣло доходило до какого-либо важнаго пункта. Что касается послѣдняго, то, между прочими удивительными вещами, онъ учитъ, что міръ—главный ангелъ или старшій сынъ Бога, и сводилъ все свойства божества въ одно—Логосъ или священное Слово, при чемъ высшею властью является творческая мудрость или всеуправляющее милосердіе. Изъ нихъ вытекаютъ все творческія силы; и такъ какъ Богъ не можетъ поступать дурно, то существованіе зла въ мірѣ должно быть приписано этимъ эмануирующимъ силамъ. Отсюда ясно, что хотя Филонъ отвергалъ восточный пантеизмъ, но онъ положилъ основаніе восточной теоріи эманации.

Теперь нужно упомянуть Аполлонія Тианскаго, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ пропагандированіи ориентализма среди народа. Филостратъ составилъ, подъ покровительствомъ императрицы Юліи Домны, біографію послѣдняго, въ которой проводитъ дерзко параллель между нимъ и Спасителемъ. Аполлоній былъ чудотворцемъ, предсказывающимъ будущее, и велъ жизнь аскета, одѣваясь и питаясь какъ послѣдній изъ бѣдняковъ. Онъ сдѣлалъ попытку реформировать религіозные обряды и нравственность, отрицать дѣйствительность жертвъ, замѣняя ихъ простымъ богослуженіемъ и чистою молитвою, не нуждающеюся даже въ словахъ для своего выраженія. Онъ осуждалъ поэтовъ за распространеніе нечестивыхъ сказаній о богахъ, говоря, что они этимъ внесли нечестіе въ религію. Онъ поддерживалъ также и ученіе о переселеніи душъ.

Плутархъ, жившій во времена императора Адриана, оказывалъ, несмотря на нѣкоторыя особенности своего стиля, такое сильное вліяніе, что оно простирается и до нашего времени. Его, какъ философа, можно причислить къ платонистамъ, но съ преобладаніемъ ориентализма. Его умственные особенности не позволяли ему принимать національной вѣры, его сочиненія обращаютъ на себя вниманіе не столько глубиною философской мысли, сколько пріятною манерою изложенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно прослѣдить аналогію между его взгля-

дами и взглядами Филона: Изиды одного соотвѣтствуетъ Слову другого. Эта склонность къ ориентализму проявляется еще съ болѣею силою у послѣдующихъ писателей, напр., у Люція Нумидійскаго и у Нуменія. Постѣдній держался мнѣнія, получившаго теперь наибольшее распространеніе, а именно, что греческая философія была привезена первоначально съ востока. Его ученіе признаетъ также существованіе Троицы, первымъ лицомъ которой является разумъ, вторымъ—творческое начало, обладающее двойнымъ существованіемъ и порождающее третье лицо, при чемъ все эти лица образуютъ, впрочемъ, одного только Бога. Указавъ на эти идеи, намъ незачѣмъ пускаться въ частныя подробности на этотъ счетъ. Въ качествѣ философскихъ понятій, ни одна изъ этихъ троиць грековъ не можетъ выдержать сравненія съ троицами древнихъ египтянъ: Амунь, Мауть и Хонзо, и Озирисъ, Изиды и Горусъ, а также троицами Индіи: Брама, Вишну и Сива, Творецъ, Хранитель и Разрушитель или Прощедшее, Настоящее и Будущее буддистовъ.

Ученія Нуменія приводятъ непосредственно къ ученіямъ неоплатонизма, происхожденіе котораго приписывается вообще Аммонію Саккасу Александрійскому, около конца II в. по Р. Х. Взгляды этого философа, повидимому, не были переданы имъ письменно. Они извѣстны намъ благодаря его ученикамъ, особенно Лонгину и Плотину. Неоплатонизмъ принялъ характеръ философской религіи и прославился главнымъ образомъ борьбою, которую онъ велъ съ возрастающимъ могуществомъ христіанства. Аrenoю этой борьбы была Александрія. Возникшая въ ней школа существовала въ теченіе приблизительно 300 лѣтъ. Исторія ея представляетъ для насъ интересъ не только изъ-за антагонизма, развившагося между нею и новою силою, которая должна была вскорѣ завоевать весь западный міръ, но и потому, что это было послѣднее усиліе греческой философіи.

Плотинъ, египтянинъ, родился около 204 г. по Р. Х. Онъ учился въ Александріи и провелъ одиннадцать лѣтъ подъ руководствомъ Аммонія Саккаса. Сопровождая въ Персію и Индію экспедицію императора Гордіана, онъ удачно избѣгнулъ ея несчастій и открылъ философскую школу въ Римѣ. Въ этомъ городѣ онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ у императора Галліена; императрица Салонина намѣревалась построить городъ, въ которомъ Плотинъ долженъ былъ основать знаменитую республику Платона. Но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Одушевленный самыми благими стремленіями, мечтавъ устроить счастье людей, Плотинъ въ то же время отличался большою темнотою изложенія и мистицизмомъ. Евнапій говоритъ совершенно справедливо, что возвышенный его образъ мыслей и его запутанный, напыщенный стиль дѣлаютъ его скучнымъ и неудобочитаемымъ писателемъ. Эти его непріятныя качества объясняются, быть можетъ, его неумѣніемъ писать, такъ какъ онъ научился письму только въ возрастѣ пятидесяти лѣтъ. Онъ отнесся съ глубокимъ презрѣніемъ къ преимуществамъ жизни и къ ея цѣлямъ, и не при-

Филонъ еврей
считаетъ себя
вдохновеннымъ.

Его мистическая
философія.

Аполлоній Тиан-
скій.

Онъ чудотворецъ
и пророкъ.

Нуменій егип-
тинецъ изъ три-
питарной фило-
софіи.

Аммоній Сак-
касъ основыва-
етъ неопла-
тонизмъ.

Плотинъ—мис-
тикъ. Соедине-
ніе съ Богомъ.

давали никакого значенія чувству патриотизма. Аскетъ по своимъ правамъ, онъ никогда не ѣлъ мяса и питался лишь небольшимъ количествомъ хлѣба; къ своему тѣлу относился съ величайшимъ пренебреженіемъ, говоря, что это пустой призракъ, бремя для души. Онъ отказывался вспоминать о днѣ своего рожденія. Какъ часто бываетъ съ людьми, погруженными въ постъ и размышленія, онъ вѣрилъ, что ему дано было видѣть Бога своими собственными, тѣлесными глазами и шесть разъ соединиться съ нимъ. При такомъ уметвенномъ состояніи, легко предположить, что его сочиненія отличались мистицизмомъ, непостѣдовательностью и запутанностью. Всѣ они проникнуты духомъ платонизма, смѣшаннымъ со многими восточными идеями и воспоминаніями о древне-египетскихъ вѣрованіяхъ.

Подобно многимъ своимъ предшественникамъ, Плотинъ признавалъ различіе между уметвенными потребностями простого народа и образованныхъ людей, оправдывая мифологию на томъ основаніи, что она весьма полезна для тѣхъ, кто не успѣлъ освободиться отъ чувственного міра. Аристотель, говоря въ своей метафизикѣ о мифологіи и о богахъ въ человѣческой формѣ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «многое было добавлено въ образѣ мифовъ, для убѣжденія большинства и также для поддержанія законовъ и для другихъ полезныхъ цѣлей». Но Плотинъ утверждалъ въ то же время, что боговъ нельзя умолишь молитвами и что какъ они, такъ и демоны иногда являются видимо, что заклинанія могутъ быть производимыми совершенно законно и не представляютъ ничего возмутительнаго съ точки зрѣнія философа. Тѣло онъ считаетъ пенитенціарнымъ механизмомъ для души. Онъ вѣритъ, что ви́шній міръ — пустой призракъ, мечта, и что указанія чувствъ совершенно обманчивы. Соединеніе съ божествомъ, о которомъ онъ упоминаетъ, описано имъ какъ опьяненіе души, которая забываетъ всѣ ви́шніе предметы и погружается въ созерцаніе Одного. Философское ученіе Плотина упоминаетъ также и о троицѣ, согласующейся вполне со взглядами Платона: 1) единое или первичная сущность; 2) разумъ; 3) душа. Онъ утверждаетъ, что первое нельзя выразить вполне, и въ томъ, что онъ ^{Троица Плотина.} говоритъ о немъ, заключается множество противорѣчій; такъ, напр., онъ отрицаетъ единство единаго. Его идеи о троицѣ въ сущности основаны на теоріи объ эманации. Онъ описываетъ, какимъ образомъ второе начало вытекаетъ путемъ эманации изъ перваго, а третье изъ втораго. Механизмъ этого процесса лучше всего объясняется примѣромъ того, какъ изъ солнца исходитъ свѣтъ, дающій, въ свою очередь, теплоту. Процессъ эманации третьяго начала изъ втораго есть въ сущности эманация мысли изъ разума; но мысль есть душа. Міровая душа, по его мнѣнію, ни съ чѣмъ не соединена, но, переходя въ эти подробности, Плотинъ впадаетъ въ такой мистицизмъ, что часто бываетъ очень затруднительно уяснить себѣ вполне его мнѣніе,—напр., когда онъ говоритъ, что разумъ окруженъ вѣчностью, а душа временемъ. Онъ доводитъ идеализмъ до его крайнихъ послѣдствій и, какъ мы уже

говорили выше, смотритъ на видимый міръ какъ на кажущійся, выводя изъ своего ученія этическихъ разсужденія, которыя должны служить утѣшеніемъ въ разнаго рода жизненныхъ испытаніяхъ. Такъ, онъ говоритъ, что «чувственная жизнь—просто театральная арена; всѣ ея бѣдствія воображаемы, всякая печаль—просто шутка актеровъ». «Душа не участвуетъ въ игрѣ; она только смотритъ, между тѣмъ какъ ви́шній призракъ плачетъ и жалуется». «Пассивное страданіе и несчастье касаются только ви́шняго облика человѣка». Главная цѣль существованія отторгнуть душу отъ ви́шнихъ предметовъ и погрузить ее въ созерцаніе Бога. Такого рода разсужденія учатъ насъ относиться одинаково презрительно какъ къ добродѣтели, такъ и къ пороку. «Разъ человѣкъ соединяется съ Богомъ, онъ покидаетъ добродѣтели, какъ при входѣ во святилище оставляетъ въ преддверіи храма изображенія боговъ». Поэтому мы должны стараться освободиться отъ всего низ- ^{Экстазъ; общеніе съ невидимымъ.} меннаго и дурнаго: служить истинѣ, посвящать жизнь ^{тѣленому общенію съ Богомъ, отрѣкаясь отъ всякихъ лишнихъ чувствъ и приходя въ состояніе экстаза, во время котораго душа освобождается изъ своей физической тюрьмы, отдѣляется отъ индивидуальнаго сознанія и поглощается безконечнымъ разумомъ, изъ котораго она произошла.} «Во время экстаза она созерцаетъ дѣйствительное существованіе и отождествляетъ себя съ тѣмъ, что созерцаетъ». Наше воспоминаніе переходитъ въ созерцаніе. Во всѣхъ этихъ взглядахъ Плотина проявляется вліяніе ориентализма; проповѣдываемыя имъ начала и дѣйствія чисто индусскія. Верховное Существо его системы есть unus qui est omnia; цѣль теоріи эманации найти философскую связь между нимъ и душою человѣка; способъ прихожденія въ состояніе экстаза долгимъ сидѣніемъ въ неподвижномъ положеніи, внимательнымъ разглядываніемъ кончика носа или наблюденіемъ въ теченіе долгаго времени за непривычнымъ способомъ дыханія, былъ хорошо извѣстенъ восточнымъ подвижникамъ, какъ онъ извѣстенъ и теперь шарлатанамъ нашего времени; въ результатѣ получается не небесное, а физиологическое явленіе. Набожные индусы, впрочемъ, увѣряли, что какъ вода отказывается мочить лотосъ, такъ и грѣхъ, хотя и можетъ затронуть нашу душу, никогда не будетъ въ состояніи проникнуть въ нее послѣ полнаго погруженія ея въ Бога.

Мнѣнія Плотина были развиты и распространены ученикомъ его, Порфиріемъ, родившимся въ Тирѣ въ 233 г. по Р. Х. Послѣ смерти Плотина онъ устроилъ въ Римѣ школу и приобрѣлъ большую славу въ области астрономіи, музыки, географіи и другихъ наукъ. На его трактатъ противъ христіанства отвѣчали Евсевій, св. Иеронимъ и др.; императоръ Феодосій Великій наложилъ, впрочемъ, скоро печать молчанія на его уста, уничтоживъ ^{Порфирій; его сочиненія уничтожены.} всѣ списки его сочиненій. Порфирій самъ признавалъ себя несравненно ниже своего учителя, говоря, что онъ соединялся съ Богомъ одинъ разъ въ восемьдесятъ шесть лѣтъ, а Плотинъ шесть разъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Въ немъ проявляется весь мистицизмъ и, можно сказать, вся набожность Плотина.

Онъ говоритъ о безтѣлесныхъ и поэтому невидимыхъ демонахъ, требующихъ пищи, но не безсмертныхъ; нѣкоторые изъ нихъ властвуютъ въ воздухѣ и могутъ быть умилостивлены или сдерживаемы магіею; онъ допускаетъ также и употребленіе некромантіи. Трудно опредѣлить, насколько эта страсть неоплатониковъ къ запретному искусству должна признаваться уступкою народному чувству того времени, потому что въ другихъ мѣстахъ Порфирій, колеблясь, строго осуждаетъ гаданія и предсказанія, и смѣется надъ безумствомъ людей, призывающихъ Бога при заключеніи торга, при вступленіи въ бракъ и т. п. пустякахъ. Онъ убѣдительно совѣтуетъ вести святую жизнь въ виду того, что человѣкъ лишился прежней чистоты и знаній. Онъ предписываетъ молиться молча, съ чистыми мыслями, придавая лишь второстепенное значеніе общественному богослуженію. Онъ настаиваетъ также на воздержаніи отъ животной пищи.

Особеннаго искусства въ дѣлѣ магіи и некромантіи достигъ Амбликъ, келе-сиріецъ, умершій въ царствованіе Константина Великаго. Врядъ ли слѣдуетъ перечислять произведенныя имъ чудеса, хотя, въ виду тогдашняго суевѣрія, къ нимъ относились съ полнымъ довѣріемъ; такъ, напр., его молитва отличалась такою горячностью, что невидимыя силы подняли его на девять футовъ надъ землею; онъ могъ окружить свою голову лучами ослѣпительнаго свѣта; на глазахъ своихъ учениковъ онъ вызвалъ двухъ видимыхъ демоновъ. Незачѣмъ приводить также и мѣстныя Элезія, Хрисанфа или Максима.

Мы должны, впрочемъ, обратиться еще на время къ Проклу, родившемуся въ 412 г. по Р. X. Говорятъ, что когда Виталій осадилъ Константинополь, Проклъ съжегъ его корабли полированными мѣдными зеркалами. Трудно опредѣлить, насколько много правды въ этомъ утверженіи, такъ какъ подобные же авторитеты утверждаютъ, что онъ могъ вызывать дождь и землетрясенія. Отоюда очевидна наклонность его къ чудесному. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти сверхчеловѣческія силы и на особую милость, выказываемую ему Аполлономъ, Аэною и др. божествамъ, онъ, изъ боязни преслѣдованій со стороны христіанъ, вниманіе которыхъ привлечь сочиненіемъ противъ христіанской религіи, нашелъ благоразумнымъ совершать свои обряды втайнѣ. Христіанамъ удалось, впрочемъ, изгнать его изъ Аэны, научивъ его такимъ образомъ новому толкованію усвоеннаго имъ нравственнаго правила: «живи скрытно!» Проклъ ставилъ себѣ цѣлью выработать полную теологію, которая включала бы въ себѣ теорію объ эманации и была бы достаточно разукрашена мистицизмомъ. Орфическія поэмы и халдейскія изреченія служили для него главнымъ основаніемъ. Характеръ его лучше всего обрисовывается принятымъ имъ на себя титуломъ «высокаго жреца вселенной». Онъ рекомендовалъ своимъ ученикамъ, какъ лучшее средство развить разумъ, изученіе Аристотеля, а также и сочиненій Платона, которыя, по его словамъ, наполнены чудными аллегоріями, какъ нельзя лучше пригодными для этой цѣли. Онъ

Амбликъ—чудотворецъ.

Проклъ соединяетъ эманацию съ мистицизмомъ.

утверждалъ, что знаніе умъ одного человѣка значитъ знаніе всю вселенную и что это знаніе дается намъ откровеніями и объясненіями боговъ.

Онъ разсуждалъ о способѣ, какимъ происходитъ поглощеніе; переходитъ ли послѣдняя форма сразу въ первобытную или для нея необходимо переживать и по возвращеніи въ первичное состояніе все переходныя ступени своего первоначальнаго развитія. Послѣ такихъ возвышенныхъ идей, принимая въ особенности въ виду мистическій характеръ ихъ изложенія, философіи представляется только одна будущность—кончиться такъ, какъ кончился неоплатонизмъ при Дамасіи. Приближались послѣдніе дни ея существованія. Императоръ Юстиніанъ запретилъ преподаваніе философіи и закрылъ философскія школы въ Аѳонахъ (529 г. по Р. X.). Послѣдніе ея представители, Дамасій, Симплицій и Исидоръ, были изгнаны и переселились въ Персію, гдѣ думали найти убѣжище подъ покровительствомъ великаго царя, хвалившагося тѣмъ, что онъ философъ и платоникъ. Разочарованные, они вынуждены были вернуться на родину; и нужно сказать къ чести Хозроя, что въ своемъ мирномъ договорѣ съ римлянами онъ потребовалъ безопасности для этихъ изгнанниковъ и терпимости по отношенію къ нимъ, тщетно надѣясь, что имъ дано будетъ безпрепятственно заниматься своею философіею и исполнять свои обряды.

Такимъ-то образомъ кончилась греческая философія. Она была покинута, и сдѣланы были все необходимыя приготовленія, чтобы на ея мѣсто водворить вѣру. Изслѣдованія іонійцевъ, разсужденія элеатовъ, труды Платона и Аристотеля были низведены на степень мистицизма и искусства заклинанія. То, что происходило съ частнымъ лицомъ, произошло на старости лѣтъ и съ философіею; когда все другое измѣнило ей, она бросилась въ набожность и начала пекать утѣшенія въ обрядахъ религіи—состояніе ума, за которымъ должна была наступить неизбежно ея смерть. Въ теченіе всего періода, слѣдовавшаго за основаніемъ новой академіи, становилась все болѣе и болѣе настоятельною потребность найти систему, которая гармонировала бы съ чувствомъ религіозности, охватившимъ римскую имперію,—чувствомъ, постоянно усиливавшимся. Духъ благочестія воцарился надъ всею языческимъ міромъ.

Послѣ длиннаго очерка греческой философіи, представленнаго на предыдущихъ страницахъ, обратимся теперь къ изслѣдованію того, какимъ образомъ происходило развитіе греческаго ума и къ какимъ результатамъ оно привело.

Періодъ, занимаемый разсмотрѣнными нами событіями, простирается почти на двѣнадцать столѣтій. Онъ начинается Фалесомъ, въ 636 г. до Р. X., и продолжается до 529 г. по Р. X.

1. Греческая философія возникла на почвѣ физическихъ понятій. Первою ея задачею было опредѣленіе происхожденія и способа образованія міра. Основаніе, на которомъ она опиралась, было совершенно несущественно по своей природѣ, потому что заключало въ себѣ внутреннія заблужденія,

Юстиніанъ уничтожаетъ философію.

Общій обзоръ греческой философіи.

Вѣкъ изслѣдованія—его водни.

прошедшія отъ несовершенныхъ и ошибочныхъ наблюдений. Она уменьшала вселенную и преувеличивала значеніе въ ней человека, признавая видимый видъ земли за дѣйствительный и считая землю плоскою поверхностью, надъ которой виситъ небо на подобіе свода. Она уменьшала границы земной поверхности до самаго ничтожнаго размѣра и утверждала, что земля неотъемлемая ^{Первая задача. Происхожденіе міра.} и исключительная собственность человека. Звѣзды и другія небесныя тѣла она считала простыми метеорами или обнаруженіями огня: выказывая замѣчательную поверхностность или простодушіе, она принимала понятія объ абсолютномъ направленіи въ пространствѣ вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ. Такимъ же образомъ она, на основаніи самыхъ общихъ наблюдений, усвоила ученіе о четырехъ стихіяхъ, о тѣхъ формахъ пространства, которыя, естественно, являются въ нашихъ глазахъ преобладающими—о землѣ, водѣ, воздухѣ, огнѣ. Отъ этихъ слабыхъ начинаній она перешла къ попыткамъ построить космогонію или теорію образованія міра, предоставляя одной изъ этихъ стихій преобладающее значеніе надъ остальными тремя и заставляя этихъ трехъ исходить изъ нея. Одни изъ философовъ утверждали, что такую первичною стихіею является вода, другіе—что это воздухъ, третьи—что это огонь. Такимъ путемъ происхожденіе міра легко было объяснить, все равно, происходилъ ли актъ его образованія именно описаннымъ выше образомъ, или всѣ четыре стихіи были равны другъ другу и координированы, потому что изъ отдѣльныхъ наблюдений очевидны факты, что грязь опускается на дно воды, вода падаетъ черезъ воздухъ, что свойство огня—подыматься вверхъ; при соединеніи этихъ мнимыхъ фактовъ съ ошибочнымъ понятіемъ о движеніи въ пространствѣ вверхъ и внизъ, устройство міра дѣлается для насъ совершенно понятнымъ: земля внизу, на днѣ, вода, разливающаяся по ней, воздухъ наверху, а еще выше—область огня. Итакъ, первый вопросъ, представившійся изслѣдователю европейской философіи, былъ: откуда и какимъ образомъ произошелъ міръ? Начала, лежавшія въ основаніи разрѣшенія этого вопроса, ^{Антирелигиозное рѣшеніе этого вопроса.} приводили, очевидно, къ весьма важнымъ результатамъ, будущихъ серьезныхъ разногласій. Человѣку естественно видѣть въ окружающихъ его вещахъ видимые признаки божества, объяснять все происходящее вокругъ волею Провидѣнія. Но, дѣлая эти первые шаги, греческая философія исключила, очевидно, Бога изъ вселенной. Опусканіе внизъ тяжелаго, подыманіе вверхъ легкаго составляли чисто физическія явленія; безграничное море, голубой воздухъ, безчисленное количество сияющихъ звѣздъ были поставлены на свои мѣста не по желанію Бога, а въ силу присутствующихъ имъ внутреннихъ свойствъ. Народное суевѣріе было, впрочемъ, нѣсколько удовлетворено локализациею божествъ въ образѣ людей на звѣздномъ Олимпѣ, за облаками, въ области, доставляющей вещественную славу и спокойное мѣстожителство. А между тѣмъ нѣтъ возможности исключить всецѣло духовное изъ этого міра. Душа, вѣчно дѣйствующая и вѣчно мыслящая, утверждаетъ

свое родство съ божествомъ. Что такое душа? Таковъ второй вопросъ, провозглашенный греческою философіею.

Помощью такого же рода поверхностнаго наблюденія рѣшенъ былъ и второй вопросъ. Дышать значитъ жить. Стѣдова- ^{Вторая задача: что такое душа?} тельно, дыханіе—жизнь. Разъ мы перестаемъ дышать, мы перестаемъ и жить. Человѣкъ только тогда дѣлается живымъ существомъ, когда дыханіе жизни входитъ въ его поздрі; онъ обращается въ безчувственную и неподвижную форму, какъ только выпускаетъ послѣднее дыханіе. Въ этомъ жизнедающемъ принципѣ, воздухъ, должны, слѣдовательно, сосредоточиваться всѣ благородныя качества, отличающія душу. Это долженъ быть источникъ, изъ котораго исходитъ всякій разумъ,—то великое, къ которому всякій разумъ возвращается. Философская школа, признававшая основною стихіею воздухъ, вернула опять въ міръ божество, ^{Материальное разрѣшеніе этого вопроса.} хотя и подъ матеріальною формою. Но она продолжала находиться въ антагонизмѣ съ національнымъ политизмомъ, если только изъ этого единичнаго бога, воздуха, не произошли многіе боги Олимпа.

Но что же такое единый Богъ? Это третій вопросъ, выставленный греческою философіею. Отвѣтъ на него показываетъ, ^{Третья задача: что такое Богъ?} что въ самомъ началѣ своего существованія она склонилась въ пользу пантеизма.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ исходнымъ пунктомъ были матеріальныя понятія, зависящія отъ впечатлѣній или указаній внѣшнихъ чувствъ. Къ чему бы ни пришли эти понятія, правильность ихъ зависѣла отъ правильности этихъ указаній. Если мы нальемъ въ мѣру воды немного вина, глаза не будутъ въ состояніи различить это вино, но вино тамъ будетъ. Когда капля дождя падаетъ на листья отдаленнаго лѣса, мы не можемъ различить ее, но шумъ многихъ падающихъ капель, составляющихъ ливень, достаточно слышенъ и на разстояніи. Но что же такое этотъ шумъ, какъ не сумма звуковъ всѣхъ отдѣльныхъ капель?

Отсюда ясно, что наши внѣшнія чувства легко могутъ вводить насъ въ обманъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ четвертый важный вопросъ греческой философіи: есть ли ^{Четвертая задача: существуетъ ли у человека критеріумъ истины?} у насъ критеріумъ истины?

Какъ только въ человѣческомъ умѣ пробуждается сомнѣніе въ существованіи такого критеріума, имъ немедленно овладѣваетъ такъ-называемое умственное отчаяніе. Не есть ли этотъ міръ иллюзія, фантазія воображенія? Если матеріальныя и осязаемыя вещи, если, слѣдовательно, наиболѣе прочныя опоры нашего знанія могутъ быть такимъ образомъ внезапно уничтожены, то куда же намъ обращаться? Не прошло и столѣтія, какъ греческая философія пришла къ такому вопросу, и умные люди не безъ основанія ^{Важность взгляда Пифагора.} считали Пифагора почти божествомъ за то, что онъ указалъ имъ на исходъ и заставилъ ихъ подумать надъ тѣмъ, что побудило ихъ не довѣрять чувствамъ. Что же могло предостеречь насъ отъ обмана и среди заблужденій привести къ истинѣ, какъ не разумъ, у котораго свои собственныя цѣли, свой особен-

ный міръ? Хотя видимое и осязаемое могут обманывать насъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ найти абсолютную истину въ вещахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріальной природою, особенно въ отношеніяхъ чиселъ и въ свойствахъ геометрическихъ формъ. Нѣтъ и не можетъ быть обмана, когда мы говоримъ, что два и два—четыре, что двѣ стороны треугольника, сложенные вмѣстѣ, больше третьей стороны. Поэтому, хотя мы и живемъ въ области обмановъ, но мы можемъ быть увѣрены, что насъ окружаетъ міръ истины.

Умозрительная философія постепенно освободилась отъ своей матеріальной основы благодаря трудамъ элеатской школы; ^{Вліяніе элеатской школы и софистовъ.} споръ по поводу первичныхъ стихій утратилъ почти всякое значеніе и замѣнился изслѣдованіями относительно времени, движенія, пространства, мысли, существованія, Бога. Въ общемъ эти изслѣдованія привели къ усиленію сомнѣнія въ достоверности чувствъ; стремленія и тенденція всего этого періода выразились въ выработанной въ концѣ концовъ гипотезѣ, что атомы и пространство одни только и существуютъ, и такъ какъ первыя являются простыми центрами силы, то, слѣдовательно, вещество составляетъ не болѣе, какъ продуктъ фантазіи. Вслѣдствіе этого, когда аѳиняне начали сами разработку философіи, они раздѣлили всецѣло сомнѣнія и перѣшительность, составлявшія господствующую черту всей системы. Въ качествѣ софистовъ, они своею дѣятельностью закончили этотъ періодъ умозрительной философіи, потому что, помощью сравненія всѣхъ отдѣльныхъ извѣстныхъ наукъ, они пришли, наконецъ, къ заключенію, что въ свѣтѣ не существуетъ ни совѣсти, ни добра, ни зла, ни философіи, ни религіи, ни закона, ни критериума истины.

Но человѣкъ не можетъ жить безъ руководящихъ правилъ. Если его умозрѣнія о природѣ не доставятъ ему никакой точки опоры, онъ будетъ искать помощи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если философія не дастъ ему никакого критериума истины, онъ не будетъ искать его въ слѣпой, глубокой вѣрѣ. Если онъ не можетъ доказать, на основаніи физическихъ данныхъ, существованіе Бога, онъ будетъ, вмѣстѣ съ Сократомъ, признавать этотъ великій фактъ самоочевиднымъ, не требующимъ доказательствъ. Онъ будетъ подобнымъ же образомъ доказывать безспорныя преимущества добродѣтели и нравственности, защищая ученіе, что цѣлью жизни должно быть наслажденіе,—наслажденіе того чистаго свойства, которое вытекаетъ изъ преслѣдованія облагораживающихъ цѣлей, или инстинктивнаго рода, выражаемаго жизнью животныхъ. Но отбросивъ такимъ образомъ доказательство, какъ бесполезное для его цѣлей, и возложивъ все свои упованія на вѣру, онъ утрачиваетъ послѣдній ограничивающій, руководящій принципъ, сдерживающій его инстинкты. Если онъ будетъ считать вмѣстѣ съ Сократомъ, открывающимъ третій вѣкъ греческаго развитія,—его вѣкъ вѣры,—что существованіе Бога не нуждается въ доказательствахъ, онъ такимъ образомъ примѣнитъ это и къ существованію вещества и идей. Вѣра не будетъ встрѣчать затрудненій въ

принятіи такихъ ученій, какъ ученіе о воспоминаніи, о двойственномъ безсмертіи души, о дѣйствительномъ существованіи идей; и если такая вѣра, ничѣмъ не сдерживаемая и не ограничиваемая, начнетъ регулировать личную жизнь, то она легко можетъ впасть въ крайности и дойти до самаго низшаго эгоизма. Потому что, при такомъ своемъ примѣненіи, этика приводитъ или къ попыткѣ достигнуть крайней степени личной святости, или къ стремленію доставить себѣ личное наслажденіе: въ обоихъ случаяхъ являются подкопанными все основанія патріотизма, и чувство дружбы уничтожается. Такъ это было въ періодъ греческой вѣры, начатый Сократомъ, развитый Платономъ и закончившійся скептиками. Апископъ и Диогенъ Синопскій, нанесши оскорбленія обществу и предаваясь самоумерщвлению, показываютъ, къ чему можетъ привести періодъ вѣры, не ограниченный разумомъ; а Эпикуръ выказываетъ стремленія того времени, когда подчиняется исключительно собственному руководству.

Этимъ заканчивается третій періодъ греческаго философскаго развитія.

Аристотель, который вводитъ насъ въ четвертый періодъ, настаиваетъ на томъ, что хотя мы должны опираться на разумъ, но самъ разумъ долженъ руководиться въ своихъ заключеніяхъ опытомъ; а Зенонъ, развивая дальше эту мысль, учитъ насъ основывать свои сужденія на рѣшеніяхъ здраваго смысла. Онъ отвергаетъ всякія сомнѣнія относительно критериума истины, утверждая, что опредѣленность нашихъ чувственныхъ воспріятій служитъ достаточнымъ для насъ руководствомъ. Существенное условіе, положенное въ основаніи всего этого, глубоко различается отъ того, которое лежало въ основаніи умозрительныхъ періодовъ, а также вѣка вѣры. Но, несмотря на руководство разума, человѣческой умъ стремится прорвать наложенныя на него ограниченія, стараясь опредѣлить такія вещи, относительно которыхъ не существуетъ достовѣрныхъ данныхъ. Даже въ вѣкъ Аристотеля, въ вѣкъ разума въ Греціи, философія снова принялась за обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о сотвореніи міра, объ эманации вещества изъ Бога, о существованіи и характерѣ зла, о безсмертіи, или скорѣе, увы!—насколько можно заключить по выводамъ, къ которымъ пришла философія,—о смерти души, и это даже послѣ того, какъ скептики энергично отрицали существованіе критериума истины и доказывали, къ собственному удовольствію, что лучшее, что можетъ дѣлать человѣкъ, это сомнѣваться; а въ виду его положенія здѣсь, на землѣ, въ виду того, что ему не надо знать, что справедливо и что несправедливо, что истинно и что ложно, онъ лучше всего сдѣлаетъ, если не будетъ ломать головы надъ такими вопросами, а спокойно погрузится въ состояніе полного равнодушія и спокойствія.

Но развѣ каждый отдѣльный индивидуумъ, приближаясь къ смерти, не претерпѣваетъ такихъ же самыхъ измѣненій въ мнѣніяхъ? Какое другое будущее, кромѣ одряхленія, могло предстоять греческой философіи, съ ея презрѣніемъ къ настоящему, ея при-

Онъ продолжаетъ Платономъ и заканчивается скептиками.

Вѣкъ разума—его заключеніи.

вязанностью къ прошедшему, ея вѣрою въ таинственное, неизвѣстное? И съ какою поразительною ясностью разыгрывается передъ нами это паденіе человѣческаго ума, прежде чѣмъ занавѣсъ падаетъ надъ окончательною сценою!

Оглядываясь назадъ на путь, пройденный греческимъ умомъ, мы видимъ, что послѣ легендарнаго доисторическаго періода, — вѣка легковѣрія, — наступаютъ преемственно вѣкъ умозрительнаго изслѣдованія, вѣкъ вѣры, вѣкъ разума, вѣкъ дряхлости; первый, вѣкъ легковѣрія, заканчивается географическими открытіями; второй, вѣкъ вѣры, критикою софистовъ; третій, вѣкъ разума, сомнѣніями скептиковъ; четвертый, отличающійся отъ предыдущихъ грандіозностью своихъ результатовъ, постепенно переходитъ въ пятый, вѣкъ дряхлости, прекратившійся благодаря вмѣшательству римлянъ. Въ умственномъ прогрессѣ греческаго народа можно прослѣдить пять переходныхъ ступеней человѣческаго развитія: дѣтство, отрочество, юность, зрѣлый возрастъ и старость; то же самое, но въ гораздо большемъ масштабѣ, повторяется, какъ мы увидимъ дальше, и въ исторіи умственнаго развитія Европы.

Въ промежутокъ времени въ 1150 лѣтъ, закончившійся около 529 г. по Р. Х., греческій умъ завершилъ свой циклъ развитія. Вѣка, на которые мы раздѣлили это развитіе, незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Они наступаютъ другъ на друга и смѣшиваются, подобно различнымъ оттенкамъ цвѣтовъ, но характеристическія черты каждаго изъ нихъ выступаютъ вполне ясно.

2. Опредѣливъ такимъ образомъ общій законъ, руководящій измѣненіемъ мнѣній, и установивши тождество между закономъ, управляющимъ націею, и закономъ, управляющимъ отдѣльнымъ индивидуумомъ, я теперь приступаю къ разсмотрѣнію конечныхъ результатовъ, достигнутыхъ греческою философіею во всей ея совокупности. Возвращаясь къ нашему сравненію, которое вовсе не представляется намъ пустою метафорою, мы видимъ, что хотя въ индивидуальной жизни происходитъ послѣдовательный переходъ отъ одной стадіи развитія въ другую, младенчество, дѣтство, отрочество, зрѣлый возрастъ и старость, при чемъ характеристическія черты каждой изъ этихъ стадій развитія переходятъ постепенно одна въ другую и исчезаютъ, тѣмъ не менѣе при этомъ получаются и нѣкоторыя другіе, прочные результаты, придающіе всему прогрессу индивидуальный характеръ. Критическій взоръ разсмотритъ въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія греческой философій рѣшительные и прочные результаты. Ихъ-то мы и искали во время своего длиннаго и скучнаго изложенія.

Греческая философія занималась четырьмя главными предметами: 1) существованіемъ и свойствами Бога; 2) происхожденіемъ и судьбою міра; 3) природою человѣческой души; 4) возможностью существованія критеріума истины. Теперь я покажу, къ какимъ, по моему мнѣнію, результатамъ пришелъ греческій умъ по каждому изъ этихъ вопросовъ.

1) Относительно существованія и свойствъ Бога. Въ этомъ отношеніи греческій умъ пришелъ къ абсолютному отрицанію всѣхъ антропоморфическихъ понятій, рискуя подвергнуться преслѣдованіямъ со стороны народнаго суевѣрія. Можетъ быть только одинъ всемогущій, всеправедный и вѣчный, потому что эти свойства не допускаютъ возможности соучастія въ нихъ другихъ существъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ смыслѣ; отсюда заключеніе, что вселенная есть Богъ, и всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, существующіе въ ней, принадлежатъ къ его сущности. Въ немъ они живутъ, двигаются и существуютъ. Понятно, что Богъ можетъ существовать безъ міра, но совершенно непонятно, какъ міръ можетъ существовать безъ Бога. Мы, впрочемъ, не должны позволять вводить себя въ заблужденіе вышнимъ видомъ различныхъ предметовъ, потому что хотя вселенная есть Богъ, мы знаемъ ее не такою, какою она дѣйствительно есть, а такою, какою она намъ кажется. Богъ не имѣетъ никакихъ отношеній къ пространству и времени. Это только фикціи нашего ограниченнаго воображенія.

Но этотъ крайній результатъ греческаго ума есть не иное что, какъ пантеизмъ. Къ такому же результату пришла задолго до того самая старая вѣтвь индо-европейской семьи. «Нѣтъ Бога, независимаго отъ природы; никакой другой Богъ не можетъ быть открытъ преданіемъ, усмотрѣнъ нашими чувствами или доказанъ путемъ разсужденія».

Но человѣкъ никогда не удовлетворится такимъ заключеніемъ. Представленное въ такомъ видѣ божество лишено того характера личности, который требуется человѣкомъ, который соотвѣтствуетъ его стремленіямъ. Это безконечное, вѣчное и всеобщее — не разумъ. Оно не соотвѣтствуетъ тѣмъ смутнымъ очертаніямъ, которыя человѣкъ схватываетъ, когда разсматриваетъ свойства своей собственной души. Поэтому онъ, содрогаясь, отворачивается отъ пантеизма, этого конечнаго результата греческой философій, и добровольно возвращаясь назадъ, подчиняетъ свой разумъ инстинктивнымъ чувствамъ, отвергаетъ безличное, какъ не имѣющее никакой связи съ нимъ, и признаетъ личнаго Бога, Творца вселенной и Отца людей.

2) Относительно происхожденія и судьбы міра. При разсмотрѣніи результатовъ, къ которымъ пришелъ въ этомъ отношеніи греческій умъ, нашъ трудъ облегчается благодаря подержкѣ, оказанной намъ выводомъ, полученнымъ изъ предыдущаго изслѣдованія. Всѣ вещи происходятъ изъ Бога, міръ есть не болѣе, какъ видимое обнаруженіе его. Міръ исходитъ изъ Бога и производится имъ, подобно тому, — говорили часто стоики, — какъ растение развивается изъ жизненнаго зародыша сѣмени. Міръ — эманация его. Въ этомъ отношеніи мы должны признать правильнымъ общее мнѣніе философовъ, жившихъ послѣ Р. Х., какъ греческихъ, такъ и александрийскихъ и римскихъ, что, въ сущности, греческія и восточныя философій всѣ одинаковы, не только по вопросамъ, которые ставились ими для разрѣшенія, но и по рѣшеніямъ, къ которымъ онѣ приходили. Какъ мы уже гово-

рили, это мнѣніе приводило къ убѣжденію, что въ отдаленномъ прошломъ должно было происходить откровеніе, общее для всѣхъ, хотя и затемненное въ послѣдствіи благодаря слабостямъ и дурнымъ сторонамъ человѣческой природы. Ученіе это объ эманации, опирающееся на положеніи, что міръ существовалъ вѣчно въ Богѣ, что онъ сдѣлался видимымъ благодаря ему и будетъ въ послѣдствіи поглощенъ имъ, составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ теологій Ведъ. Оно съ необыкновеннымъ искусствомъ разрабатывается какъ индійскими философами, такъ и греческими и выисывается поэтами.

Слѣдующая выдержка изъ заповѣй Ману покажетъ намъ заключеніе, къ какому пришли восточные философы: «Эта вселенная существовала вначалѣ только въ первой божественной идеѣ, еще не вполне выработанной, а какъ бы облеченной въ мракъ, неосвязаемой, неопредѣлимой, непонитной разуму и не сообщаемой откровеніемъ, какъ бы всецѣло погруженной въ сонъ. Тогда единственная самосуществующая сила, сама невидимая, но дѣлающая міръ видимымъ, съ пятью стихіями и другими силами природы, появилась въ блестящей славѣ, распространяя свою идею или разсѣвая мракъ. Онъ, котораго можетъ усмотрѣть только духъ, сущность котораго не доступна органамъ внѣшнихъ чувствъ, который не имѣетъ видимыхъ частей, но существуетъ отъ вѣка вѣковъ,—даже Онъ, душа всего существующаго, котораго никто не въ силахъ постигнуть, появился лично. Онъ, пожелавшій произвести различныя существа изъ своей собственной божественной субстанціи, впервые помощью мысли создалъ воды. Воды называются такъ (*nara*), потому что онѣ произведенія *Nara*, или духа Божьяго; и такъ какъ онѣ были его первымъ *aganá*, или мѣстомъ движенія, то отсюда его называютъ *Narayana*, или движущимся по водамъ. Отъ этой первичной причины, которая не есть чувственный предметъ, существующій повсюду въ субстанціи, и не можетъ быть воспринята нами, у которой нѣтъ ни начала, ни конца, произошелъ мужескій богъ. Онъ создалъ небо наверху, землю внизу, а въ серединѣ поставилъ тонкій эфиръ, свѣтлыя области и постоянное вмѣстительство воды. Онъ создалъ и всѣ существа. Онъ далъ начало времени и раздѣленіямъ времени — звѣздамъ и планетамъ. Для того, чтобы различать поступки, онъ установилъ полное различіе между добромъ и зломъ. Создавъ вселенную, онъ, обладающій непонятными силами, былъ вновь поглощенъ духомъ, смѣнивъ время усиленной дѣятельности временемъ покоя».

Если мы отъ этихъ отрывковъ изъ священныхъ писаній индусовъ перейдемъ къ ихъ поэтамъ, мы увидимъ тѣ же понятія объ эманации, обнаруженіи и поглощеніи міра. «Безконечное существо похоже на чистый кристалль, который воспринимаетъ всѣ цвѣта и вновь испускаетъ ихъ, хотя его прозрачность или чистота нисколько отъ этого не портятся и не уменьшаются». «Онъ подобенъ брилльянту, который поглощаетъ окружающій свѣтъ и свѣтитъ въ темнотѣ этимъ отраженнымъ свѣтомъ, испуская его». Ту же идею они стараются объяснить и не

Это различіе тождественно съ восточнымъ.

Объясненіе происхожденія, продолженія и поглощенія міра.

образованнымъ людямъ, помощью менѣе утонченныхъ уподобленій. «Ты видишь, какъ паукъ тчетъ свою паутину, ты замѣтилъ ея художественную геометрическую форму, замѣтилъ, какъ хорошо она приспособлена къ его потребностямъ; ты видишь игру цвѣтовъ, которая заставляетъ ее блестѣть, подобно радугѣ въ лучахъ утренняго солнца. Маленькій рабочий изъ своей груди тянетъ чудесную нить, и можетъ опять спрятать у себя эту нить, когда ему будетъ угодно. Такимъ же точно образомъ создалъ Брама міръ и такимъ же точно образомъ поглотитъ онъ его». Вообще греки и индусы утверждали, что бытіе существуетъ ради мысли, и что, поэтому, мысль и бытіе должны быть тождественны; что вселенная—мысль въ умѣ Бога и не доступна превратностямъ, которымъ подвергаются міры, составляющіе ее. Въ Индіи это ученіе объ эманации достигло такой точности, что многіе утверждали, будто можно доказать, что не весь Брама былъ превращенъ въ міровыя явленія, а только четвертая его часть; что существуютъ послѣдовательныя эманации и поглощенія и что при этомъ соблюдается періодичность; что въ этомъ отношеніи мы должны остерегаться заблужденій, которыя легко могутъ возникнуть благодаря видимой формѣ матеріальныхъ предметовъ, потому что есть основаніе вѣрить, что матерія — только силы, наполняющія пространство. Демокритъ первый возвысилъ насъ до благороднаго понятія, что какъ ни малъ одинъ простой атомъ, но и онъ можетъ образовать цѣлый міръ.

Ученіе объ эманации было, такимъ образомъ, подвергнуто двойному толкованію. Оно представляетъ міръ или часть сущности Бога, или чѣмъ-то невещественнымъ, исходящимъ отъ него: первое понятіе болѣе ясно и можетъ быть, такъ сказать, схвачено мыслью, умомъ; второе утончено до непостижимости, стоитъ намъ вспомнить безчисленное количество чудныхъ и величественныхъ формъ, въ какія облекается природа. Этотъ видимый міръ только тѣнь Бога.

Разсматривая дальше это ученіе объ исходѣ или эманации вселенной изъ Бога и возвращеніи ея къ нему или поглощеніи ея имъ, не лишнее будетъ привести одинъ небольшой примѣръ для объясненія. Хотя воздухъ можетъ быть спокойнымъ и чистымъ, но изъ него часто выходятъ водяные пары, принимая видимую форму, образуя влажное пятно, вначалѣ, быть можетъ, не больше человѣческой руки, а затѣмъ разрастающееся въ большое облако. Внѣшній видъ будущей формы опредѣляется окружающими обстоятельствами: облако можетъ быть чисто бѣлымъ или грозно-чернымъ; его края могутъ отливать золотомъ. Въ срединѣ такого облака можетъ появиться молнія, изъ него можетъ слышаться громъ; но даже когда въ немъ отсутствуютъ такія проявленія силы, даже если его исчезновеніе произошло такъ же спокойно, какъ и его образованіе, оно существовало не напрасно. На небѣ не образовалось ни разу облака безъ того, чтобы не оставить неизгладимаго впечатлѣнія на землѣ, потому что во время его существованія не было растенія, ростъ котораго не усилился бы, составъ котораго не измѣнился бы. А какъ часто бываетъ, что такого рода облака, за

образованіемъ которыхъ мы слѣдили, таютъ безслѣдно въ чистомъ воздухѣ! Изъ чистаго воздуха они вышли и въ чистый воздухъ возвращаются вновь.

Но такое облако образуется изъ безконечнаго количества микроскопическихъ капель, при чемъ каждая держится совершенно отдѣльно отъ другихъ и, несмотря на свою ничтожную величину, образуетъ совершенно самостоятельную индивидуальность. Великое цѣлое можетъ измѣнять свой цвѣтъ и свою форму, можетъ служить ареною безпрестанныхъ и быстрыхъ внутреннихъ движеній различныхъ родовъ, но отдѣльныя его части представляются неизмѣнными или измѣняются спокойно и молча, продолжая отражать падающій на нихъ свѣтъ, продолжая бросать свою тѣнь на землю. Это, согласно древнему ученію, эмблема міра, показывающая намъ, какъ видимое можетъ исходить изъ невидимаго и опять возвращаться въ него, какъ капля, слишкомъ маленькая, чтобы быть видимою невооруженнымъ глазомъ, можетъ служить представительницею вселенной. Самопроизвольное происхождение и исчезновение облака служить эмблемою преходящей вселенной, которая появляется и исчезаетъ, чтобы быть смѣненною другими вселенными, другими подобными же твореніями, созданными въ теченіе долгихъ периодовъ времени.

3) О природѣ души. Раннія іоническія школы приписывали душѣ матеріальныя свойства, признавая ее то воздухомъ, то огнемъ и т. п.; но мало по малу совершился переходъ къ противоположному мнѣнію, къ убѣжденію въ невещественности души. Мнѣніе это было болѣе точнымъ образомъ оформлено благодаря утвержденію, что душа не только представляетъ средство съ Богомъ, но и часть его. Каковы бы ни были взгляды на характеръ и свойства высшаго существа, но они оказали непосредственное вліяніе на заключенія относительно характера души.

Греческая философія, на самой высокой ступени своего развитія, считала душу какъ бы суммою различныхъ моментовъ мышленія. Она признавала душу частью самого божества. Ученіе это является необходимымъ спутникомъ пантеизма. Оно занимается созерцаніемъ вѣчности въ прошломъ, безсмертія въ будущемъ. Оно вступаетъ въ цѣлый рядъ изслѣдованій относительно того, постоянно ли число душъ во вселенной. Какъ относительно предыдущихъ вопросовъ, такъ и относительно послѣдняго существовала полная аналогія между рѣшеніемъ, къ которому пришли философіи греческая и іоническая. Такъ, напр., послѣдняя говорила: «Я самъ лучеобразное обнаруженіе верховнаго Брами». «Не было никогда времени, когда не было меня, тебя или кого-либо изъ князей народа, и никогда не настанетъ времени, когда меня не будетъ; слѣдовательно, мы все существуемъ». Разсматривая душу какъ простую зрительницу, чуждую міру, они считали ее занятою скорѣе созерцаніемъ, чѣмъ дѣйствіемъ, и утверждали, что вначалѣ она была непосредственною эманациею божества, не измѣненіемъ или преобразованіемъ высшаго существа, а непосредственною его частью; «она стоитъ къ нему не въ отношеніяхъ слуги къ господину, а

въ отношеніяхъ части къ цѣлому». Душа подобна искрѣ, отдѣлившейся отъ пламени; она переселяется изъ одного тѣла въ другое, иногда находится въ высшихъ, иногда въ низшихъ и опять въ высшихъ областяхъ жизни, занимая то одно тѣло, то другое, смотря по обстоятельствамъ. И подобно тому, какъ капля воды проходитъ по заранѣ намѣченному пути, сначала черезъ облако, потомъ черезъ дождь, черезъ рѣку, черезъ растение или животное, но раньше или позже неизбежно прокладываетъ себѣ дорогу къ морю, откуда она вышла, такъ и душа, какъ бы ни были различны ея судьбы, поглощается въ концѣ концовъ божествомъ, изъ котораго исходитъ.

Какъ греки, такъ и индусы обращали вниманіе на обманчивыя явленія міра. Многіе изъ послѣднихъ думали, что то, что мы называемъ видимою природою, простая иллюзія, охватившая нашу душу вслѣдствіе ея временнаго отдѣленія отъ Бога. Буддистская философія признаетъ, поэтому, міръ созданіемъ фантазіи. Но за то многіе какъ изъ древнихъ, такъ и изъ болѣе современныхъ философовъ придавали видимому міру болѣе вещественный характеръ, а душу считали пассивнымъ зеркаломъ, отражающимъ все вещи, а иногда, быть можетъ, до нѣкоторой степени и создающимъ свои собственные формы. Какъ бы то ни было, конечная судьба вселенной—полный покой послѣ поглощенія ея высшимъ существомъ.

Будетъ бесполезно объяснить помощью примѣра эту третью задачу древней философіи. Съ душою происходитъ то же, что и съ пузырькомъ, плавающимъ по морю и, благодаря своей формѣ, отражающимъ все встрѣчающіеся ему на пути предметы,—облака на небѣ, неподвижные и движущіеся предметы на берегу и даже до нѣкоторой степени и море, на которомъ онъ плаваетъ,—и не только представляющимъ все эти разнообразныя формы въ образахъ, сходныхъ съ истинною и по расположенію свѣта и тѣней, и по перспективѣ, и по цвѣтамъ, но и вдобавокъ окрашивающимъ ихъ игрою цвѣтовъ, возникающихъ въ немъ самомъ. Пузырь составляетъ порожденіе безграничнаго и необъятнаго океана. Онъ нисколько не отличается по своей природѣ отъ своего источника. Изъ воды онъ явился и состоитъ всего изъ воды. Онъ получаетъ свои свойства, насколько они касаются внѣшнихъ предметовъ, только благодаря своей формѣ и окружающимъ обстоятельствамъ. Какъ только послѣднія измѣняются, онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, сливаясь со встрѣчными пузырями и опять отдѣляясь отъ нихъ. Во время такихъ переселеній онъ представляется то болѣе широкимъ, то меньшимъ; онъ то переходитъ въ другую форму, то теряется въ кучѣ пузырей, окружающихъ его. Но каковы бы ни были его передвиженія, какія бы превратности судьбы онъ ни испытывалъ, его ожидаетъ впереди неизбежное будущее: поглощеніе, сліяніе съ океаномъ. Что же было потеряно въ этотъ конечный моментъ, что пришло къ концу? Не существенная субстанція, потому что до развитія пузыря была вода, водою онъ былъ до своего развитія, водою онъ былъ во время своего существованія и водою онъ и остается, ожидая новыхъ преобразованій.

Сходство нисколько не уменьшается, когда мы начнемъ разсматривать общія функціи, отправляемыя пузыремъ въ то время, когда онъ еще не лишился своей первоначальной формы. Въ немъ отражались, въ ихъ настоящихъ образахъ и относительной величинѣ, окружающіе предметы. Отсюда ясно его отношеніе къ пространству. Если бъ онъ былъ въ движеніи, онъ отражалъ бы послѣдовательно и всѣ встрѣчные предметы. Благодаря этимъ послѣдовательнымъ представленіямъ, онъ имѣетъ отношеніе и ко времени. Болѣе того, онъ придавалъ собственный колоритъ произведеннымъ имъ образамъ, и во всемъ этомъ можно усмотрѣть эмблему души, потому что пространство и время являются внѣшними условиями, съ которыми она находится въ связи, и она присоединяетъ къ нимъ отвлеченныя идеи, произведенія ея собственной природы.

Но какъ только пузырь лопається, всѣ отношенія прекращаются. Не существуетъ больше ни отраженія внѣшнихъ формъ, ни движенія, ни внутреннихъ качествъ. Въ одномъ отношеніи пузырь уничтожается, въ другомъ онъ продолжаетъ существовать. Онъ вернулся къ безконечному пространству, въ сравненіи съ которымъ онъ является совершенно незначительнымъ и невидимымъ. Онъ переходящъ и въ то же время вѣченъ, — переходящъ, такъ какъ всѣ его отношенія особаго и индивидуальнаго характера пришли къ концу, вѣченъ въ двойномъ смыслѣ, въ смыслѣ платонизма, — потому что онъ связанъ съ прошлымъ, не имѣющимъ начала, и продолжается въ будущемъ, не имѣющимъ конца.

4) О возможности существованія критеріума истины. Абсолютно лиотный критеріумъ истины долженъ самъ доказать свою истинность, равно какъ и остальные предметы. Въ ранній періодъ своего существованія философія уличила внѣшнія чувства въ недостоверности. Въ безчисленныхъ случаяхъ они дискредитируютъ себя, вмѣсто того, чтобы внушать къ себѣ довѣріе. Палка съ искрою на концѣ производитъ впечатлѣніе свѣтового круга, какъ только мы начинаемъ быстро вращать ее. Радуга кажется намъ дѣйствительно существующею аркою, пока мы не убѣждаемся въ своей ошибкѣ, двигаясь по направленію къ мѣсту, на которое она яко бы опирается. Но это бываетъ не только съ тѣми предметами, которые даютъ какія-либо внѣшнія основанія для такихъ ложныхъ представленій, какъ, напр., искра въ первомъ изъ этихъ случаевъ и капли воды — въ другомъ. Каждый изъ нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе чисто фиктивными явленіями. Глазъ можетъ усматривать фиктивные явленія такъ же ясно, какъ и окружающіе его предметы; ухо можетъ надѣдать намъ постояннымъ повтореніемъ шепота или музыкальныхъ аккордовъ, или членораздѣльныхъ звуковъ, хотя мы прекрасно знаемъ, что все это — неправда. Подобнымъ же образомъ и другіе органы чувствъ, при полномъ здоровьи человѣка, но чаще всего во время его болѣзни, могутъ такъ же точно ввести его въ заблужденіе.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ же можемъ мы рѣшать, что такое-то свѣдѣніе, добытое изъ такихъ недостоверныхъ источниковъ, достоверно? Пифагоръ оказалъ намъ большую услугу, когда напомнилъ о существованіи въ насъ самихъ средствъ для распознаванія обмана и доказательства истины. Что убѣждаетъ насъ въ недѣйствительности огненного круга, радуги, привидѣнія, голосовъ, ползанія насѣкомыхъ по кожѣ? Развѣ это не разумъ? Слѣдовательно мы можемъ довѣрять разуму?

Въ виду такого рода фактовъ, какая масса изслѣдованій привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, — изслѣдованій, которыя даже въ новѣйшія времена занимали умы величайшихъ метафизиковъ! Съ чего начнемъ мы свое изученіе, съ изслѣдованія ощущеній или съ изслѣдованія идей? Будемъ ли мы говорить вмѣстѣ съ Декартомъ, что всѣ ясныя идеи истинны; будемъ ли мы спрашивать вмѣстѣ съ Спинозою, существуютъ ли идеи независимо отъ опыта? Или мы будемъ утверждать вмѣстѣ съ Гоббсомъ, что всѣ наши мысли порождаются въ насъ внѣшними предметами и являются ихъ представителями; что наши понятія возникаютъ изъ матеріальныхъ движеній, давящихъ на наши органы чувствъ, вызывающихъ въ нихъ движеніе и, такимъ образомъ, дѣйствующихъ на умъ; что наши ощущенія не соответствуютъ внѣшнимъ качествамъ предметовъ; что звукъ и шумъ принадлежатъ колоколу и воздуху, а не уму, и, подобно цвѣтамъ, представляютъ собою только извѣстныя волненія, вызванныя въ мозгу даннымъ предметомъ; что воображеніе — понятіе, постепенно исчезающее подъ дѣйствіемъ ощущеній, и въ сущности не болѣе, какъ замирающее ощущеніе; что память — слѣдъ прежнихъ впечатлѣній, сохраняющійся въ теченіе извѣстнаго промежутка времени; что забвеніе есть изглаживаніе такого рода слѣдовъ; что преемственность мысли не есть безразличное или произвольное явленіе, но что мысль слѣдуетъ за мыслью въ правильномъ, заранѣе опредѣленномъ порядкѣ; что все, что мы воображаемъ, конечно, почему мы не можемъ даже представить себѣ безконечное или что-нибудь, не подчиненное воспріятію внѣшнихъ чувствъ? Будемъ ли мы говорить вмѣстѣ съ Локкомъ, что существуютъ два источника идей — ощущеніе и разсужденіе; что умъ не можетъ непосредственно узнавать предметовъ, а дѣлаетъ это посредствомъ идей? Будемъ ли мы утверждать съ Лейбницомъ, что разсужденіе есть только вниманіе къ тому, что происходитъ въ нашемъ умѣ, и что между умомъ и тѣломъ существуетъ симпатическій синхронизмъ? Будемъ ли мы заявлять съ Берклеемъ, что нѣтъ никакого основанія утверждать существованіе матеріи, кромѣ необходимости имѣть какой-нибудь синтезъ для ея свойствъ; что предметы знанія — только идеи и ничего больше и что умъ дѣйствуетъ въ ощущеніяхъ? Будемъ ли мы прислушиваться къ доказательствамъ Юма, что если бы вещество было недѣйствительною фикціею, то и умъ былъ бы такою же фикціею, такъ какъ онъ представляетъ собою не болѣе, какъ преемственность ощущеній и идей; что наша вѣра въ причинность — только слѣдствіе привычки, и что у насъ больше доказательствъ для подтвержденія мнѣнія,

что почв—причина дня, чѣмъ для доказательства тысячи другихъ случаевъ, въ которыхъ мы убѣждаемъ себя, что намъ извѣстно истинное отношеніе между причиною и слѣдствіемъ; что только въ силу привычки мы вѣримъ въ сходство между прошедшимъ и будущимъ? Будемъ ли мы предполагать вмѣстѣ съ Кондильякомъ, что память—лишь видоизмѣненное ощущеніе, а сравненіе—удвоенное вниманіе; что всякая идея, для объясненія которой мы не можемъ отыскать внѣшняго предмета, лишена значенія; что наши врожденные идеи возникаютъ путемъ развитія и что мы учимся одновременно разсуждать и ходить? Будемъ ли мы предполагать вмѣстѣ съ Кантомъ, что существуетъ только одинъ источникъ знанія, единеніе между субъектомъ и объектомъ, что существуетъ всего два элемента—пространство и время; что они—формы впечатлительности, пространство—форма внутренней впечатлительности, а время—внутренней и внѣшней, но что ни тотъ, ни другой не имѣютъ объективной реальности; и что міръ извѣстенъ намъ не такимъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, а такимъ, какимъ онъ намъ кажется?

Я допускаю справедливость замѣчанія Посидонія, что для человека должно быть такъ же тяжело перестать философствовать, какъ и умирать, потому что если въ философіи существуютъ противорѣчія, то ихъ существуетъ такъ же много и въ жизни. Опираясь на это замѣчаніе, я смѣло сдѣлаю нѣсколько заключеній относительно критеріума человеческихъ знаній, не смущаясь тѣмъ, что многіе изъ способнѣйшихъ людей уже обращали вниманіе на этотъ вопросъ. Это можетъ показаться самонадѣянностью, если бы не развитіе наукъ и въ особенности физиологии человека, которое доставило намъ болѣе возвышенную точку зрѣнія и дало намъ возможность болѣе ясно видѣть положеніе дѣла, чѣмъ нашимъ предшественникамъ.

Я полагаю, что неспособность древнихъ философовъ добиться правильного рѣшенія этой задачи обуславливалась ошибочною идеею, которую они составили себѣ о положеніи человека. Они придавали слишкомъ много значенія его личной индивидуальности. Въ зрѣлый періодъ его жизни они считали его изолированнымъ, независимымъ, совершенно законченнымъ существомъ. Они забывали, что зрѣлый возрастъ представлялъ только моментальную фазу въ его существованіи, которое, начавшись изъ малыхъ началъ, все больше и больше развивается или прогрессируетъ. Изъ простой кѣлочки, которая лишь на одинъ шагъ возвышается надъ неорганическимъ существованіемъ и не различается, насколько можно судить по внѣшнему виду и по формамъ, проходимымъ ею на первыхъ ступеняхъ жизни, отъ кѣлочки, дающихъ начало животнымъ и растениямъ, даже самымъ низшимъ,—происходитъ переходъ въ цѣлый рядъ формъ, при чемъ переходъ этотъ совершается въ полной зависимости отъ окружающихъ физическихъ условій. Развитие это совершается въ теченіе долгаго времени, и переходныя формы, отъ появления первичной кѣлочки и до человека въ возрастѣ семидесяти лѣтъ, весьма многочисленны. Неправильно брать

Недостаточная свѣдѣнія, которыми обладала древняя философія.

Необходимость болѣе точнаго понятія о человекѣ.

одинъ моментъ изъ этого продолжительнаго періода развитія и дѣлать изъ него представителя цѣлаго. Неправильно было бы говорить, даже когда тѣло человека претерпѣваетъ постоянныя измѣненія въ такомъ размѣрѣ, что принимаетъ, перерабатываетъ и выдѣляетъ почти полторы тонны матеріаловъ въ теченіе года, что, несмотря на это постоянное теченіе матеріи, человекъ обнаруживаетъ не только постоянство формъ, но,—что представляетъ несравненно большее значеніе,—и неизмѣнность умственныхъ способностей. Неправильно говорить это; и въ самомъ дѣлѣ, это было бы совершенно невѣрно. Умственное начало подвергается такому же постоянному, ясно опредѣленному развитію, какъ и тѣло. Даже если мы оставимъ въ сторонѣ время, предшествовавшее рожденію, какъ велика глупость человека въ первые дни его жизни! Свѣтъ озаряетъ его глаза, а онъ ничего не видитъ, звукъ доходитъ до его уха, а онъ ничего не слышитъ. Съ этой низкой ступени развитія начинается постоянный прогрессъ, постепенный переходъ черезъ младенчество, дѣтство, отрочество къ зрѣлому возрасту. И къ какому результату приводитъ ^{Слѣдуетъ принимать во вниманіе весь циклъ его развитія.} наконецъ, все это? Развѣ, при философскомъ созерцаніи человека, мы не оказываемся выпущенными отбросить идею о личности, объ индивидуальности, и принять идею о циклѣ прогресса; отбросить всякое созерцаніе его болѣе субстанціальной формы и разсматривать его отвлеченное отношеніе? Все органическія формы, при сравненіи ихъ другъ съ другомъ и разсматриваніи съ одной общей точки зрѣнія, оказываются построенными по одному тождественному плану. Планъ этотъ сходенъ съ математическимъ выраженіемъ, заключающимъ въ себѣ постоянныя и переменныя величины; дѣйствительный результатъ мѣняется смотря по тому, какія различныя значенія придаемъ мы послѣдовательно переменнымъ величинамъ, хотя этимъ различнымъ результатамъ, какъ бы многочисленны они ни были, всегда присуща первоначальная формула. Отъ такого общаго понятія объ условіяхъ и развитіи человека мы перейдемъ къ разсмотрѣнію его отношеній къ другимъ подобнымъ себѣ, т. е. его отношеній какъ члена общества. Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, что общество слѣдуетъ по тому пути, который мы начертали для отдѣльнаго индивидуума, и что видъ изолированности, представляемый отдѣльнымъ индивидуумомъ, совершенно ошибоченъ. Каждый индивидуальный человекъ получаетъ свою жизнь ^{А также его родовыя связи.} отъ другого и, въ свою очередь, даетъ жизнь другому лицу, утрачивая свой индивидуальный характеръ, какъ только на сцену выступаетъ вопросъ о его родовыхъ связяхъ. Одна эпоха въ жизни не можетъ служить представительницею всей жизни. Зрѣлый индивидуумъ не можетъ быть отдѣленъ отъ безчисленныхъ формъ, черезъ которыя ему приходилось проходить во время его развитія,—а, съ точки зрѣнія его появления на свѣтъ и результата его воспроизведенія, человекъ не можетъ быть отдѣленъ отъ своего рода.

Помощью такого рода взгляда на природу и отношенія чело-
вѣка мы можемъ притти къ рѣшенію относительно того, обладаетъ
ли онъ критеріумомъ истины или нѣтъ. Въ ранній періодъ своего
существованія онъ не можетъ ни чувствовать, ни думать, и все-
ленная для него какъ бы не существуетъ. По мѣрѣ развитія его
вышнихъ чувствъ, зрѣнія, слуха и т. д., по мѣрѣ того, какъ они
достигаютъ максимальной точки своего развитія помощью воспи-
танія и благодаря присущимъ имъ свойствамъ, они дѣлаются все
болѣе и болѣе совершенными, но никогда не бываютъ они досто-
вѣрными, какъ хорошо извѣстно древнимъ философамъ. То же
можно сказать и объ умственныхъ силахъ. Онѣ также начинаются
въ зачаточномъ состояніи и мало по малу развиваются. Одному
уму такъ же мало можно довѣрять, какъ и однимъ органамъ чувствъ.
Если у кого есть сомнѣніе на этотъ счетъ, то для устраненія его
достаточно вспомнить явленія сна, потому что сны показываютъ
намъ, какимъ колеблющимся и неустойчивымъ характеромъ отли-
чаются дѣйствія ума, если онъ лишень прочной поддержки орга-
новъ чувствъ! Какъ вѣрно замѣчаніе Филона еврея, что умъ по-
добенъ глазу, потому что, хотя онъ можетъ видѣть всѣ другіе
предметы, онъ не можетъ видѣть себя и поэтому не можетъ судить
о себѣ! Отсюда можно заключить, что какъ нельзя довѣрять однимъ
вышнимъ чувствамъ, такъ нельзя довѣрять и одному уму. Но
при совмѣстномъ дѣйствіи того и другихъ, въ виду того, что они
сдерживаютъ другъ друга, достигается гораздо болѣе высокая степень
достоверности, хотя и въ этомъ случаѣ, самомъ благоприятномъ
для индивидуума, не существуетъ абсолютной достоверности, по
увѣреніямъ грековъ и индусовъ. Знаніе это и внушало имъ столько
жалобъ, погружало ихъ въ умственное отчаяніе, и въ случаѣ при-
мѣненія его къ обыденной жизни приводило ихъ къ невѣрію и
индифферентизму.

Но для челоуѣка представляется въ запасѣ еще одинъ исходъ.
Пусть онъ отброситъ бремя индивидуальности и вспомнить о сво-
ихъ родовыхъ связяхъ,—связяхъ, которыя въ отношеніи критери-
ума истины увеличиваютъ до безконечности его шансы на досто-
вѣрность. Если онъ смотритъ съ презрѣніемъ на мнѣнія своего
дѣтства, съ неуваженіемъ на мнѣнія своего отрочества, съ недо-
вѣріемъ на мнѣнія своего зрѣлаго возраста, что онъ скажетъ о мнѣ-
ніяхъ своего рода? Развѣ такого рода разсужденія не въ силахъ
внушить намъ убѣжденіе, что, проходя чрезъ эти послѣдовательныя
стадіи развитія, критеріумъ истины пріобрѣтаетъ все болѣеую точ-
ность и силу и что максимальная его точка получается въ едино-
душномъ мнѣніи всего челоуѣческаго рода?

На основаніи этого я думаю, что хотя мы, съ философской
точки зрѣнія, не обладаемъ абсолютнымъ критеріумомъ
истины, но мы можемъ постепенно возвышаться до болѣ-
шей и болѣеой достоверности помощью цѣлаго ряда
переходныхъ ступеней. Я думаю, что метафизическіе пи-
сатели, разсматривавшіе этотъ вопросъ, были введены въ заблуж-
деніе вслѣдствіе неправильнаго понятія объ истинномъ положеніи

Хотя абсолют-
наго критери-
ума не существ-
уетъ, за то су-
ществуетъ прак-
тический.

челоуѣка. Они ограничили свои мысли одною только эпохою его
жизни и не стали на возвышенную философскую точку зрѣнія.
Отвергая восточное ученіе, гласившее, что индивидуумъ—центръ,
изъ котораго нужно разсматривать вселенную, и перенося нашу
исходную точку зрѣнія на болѣе понятныя и прочныя основанія,
мы подражаемъ въ метафизикѣ развитію астрономіи, когда она за-
мѣнила геоцентрическую точку зрѣнія гелиоцентрическою, и это
измѣненіе обѣщаетъ привести къ самымъ благоприятнымъ резуль-
татамъ. Можно было бы подкрѣпить это ученіе опытомъ вседневной
жизни, если бъ это стоило труда. Какъ часто, не довѣряя своему
сужденію, мы ищемъ поддержки въ совѣтѣ друзей! Какъ увеличи-
вается наше убѣжденіе въ своей правотѣ, если оказывается, что
общественное мнѣніе на нашей сторонѣ! Даже церковь созывала
соборы, считая это наилучшимъ средствомъ достиженія истины.
Рѣшенія собора представлялись ей болѣе достоверными, чѣмъ рѣ-
шенія какого бы то ни было челоуѣка. Достоверность усиливается
вмѣстѣ съ числомъ пришедшихъ къ соглашенію умовъ,—
отсюда я прихожу къ заключенію, что въ единодушномъ
согласіи всего челоуѣческаго рода заключается челоуѣ-
чeskій критеріумъ истины,—критеріумъ, который, въ свою очередь,
дѣлается все болѣе и болѣе точнымъ по мѣрѣ распространенія про-
свѣщенія и знанія. На этомъ основаніи будущность челоуѣческаго
рода не представляется мнѣ въ такомъ безотрадномъ свѣтѣ, какъ
древнимъ философамъ. Напротивъ того, все кажется мнѣ испол-
неннымъ надежды. Хорошими предвѣстниками для философіи слу-
жатъ великія механическія и матеріальныя изобрѣтенія, которыя
умножаютъ средства сообщенія и, такъ сказать, уничтожаютъ зем-
ныя разстоянія. Изъ умственныхъ столкновеній, которыя должны
воспослѣдовать за этимъ, изъ слиянія мнѣній и разнаго рода изслѣ-
дованій и анализовъ націй должна выйти наружу истина. Все, что
не можетъ выдержать этого испытанія, должно покориться судьбѣ.
Ложь и обманъ должны готовиться къ гибели, какъ бы велика ни
была оказанная имъ поддержка. Этому верховному суду челоуѣкъ
долженъ вполне довѣрять. Хотя съ философской точки зрѣнія кри-
теріума этого нельзя называть абсолютнымъ, тѣмъ не менѣе это
наилучшій критеріумъ, который можетъ быть данъ челоуѣку, и на
его рѣшенія ему некуда апеллировать.

Излагая такъ смѣло свои взгляды на такой глубокой пред-
метъ, я, быть можетъ, поступаю дурно. Приличнѣе было бы скром-
нѣе говорить о предметѣ, прославленномъ такими великими пиате-
лями Греціи, Индіи, Александріи, а въ болѣе позднія времена и Европы.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что изложенные здѣсь
взгляды на результаты греческой философіи были выработаны мною
послѣ продолжительнаго и тщательнаго изученія этого предмета. Получился утвердительный, а не отрицатель-
ный результатъ, потому что мы не должны забывать, что если, съ одной стороны, пантеистическія ученія о природѣ Бога,
о всемірной душѣ, о теоріяхъ эманаций, превращенія, поглощенія,
переселенія и т. д. были приняты, то съ другой стороны—существо-

Полная аналогія
между процес-
сами мысленія
грековъ и
индусовъ.

вало не малое стремленіе къ атеизму и къ полному невѣрію. Даже для этого отрицательнаго состоянія имѣются соответствующія условія въ буддизмѣ Индіи, о которомъ я говорилъ раньше; и въ самомъ дѣлѣ, параллель между ходомъ умственнаго развитія въ Азіи и Европѣ до такой степени полна, что трудно найти даже частныя подробности въ философіи одной страны свѣта, которыя не существовали бы въ другой. Поэтому александрійскіе философы, глубоко проникшіе въ подробности обѣихъ системъ, пришли не безъ основанія къ заключенію, что для объясненія такихъ удивительныхъ совпаденій необходимо допустить существованіе древняго откровенія, слѣды котораго сохранились и по настоящее время. Въ этомъ отношеніи они, впрочемъ, ошибались: фактъ этотъ объясняется лучше всего тѣмъ, что процессъ развитія челоѣческаго ума и конечные результаты, достигнутые имъ при изслѣдованіи одинаковыхъ задачъ, одни и тѣ же во всѣхъ странахъ.

Въ планъ моего сочиненія не входитъ простѣдить за примѣненіемъ этихъ философскихъ принциповъ къ практикѣ будничной жизни, тѣмъ не менѣе предметъ этотъ представляеть такой громадный интересъ, что читатель, быть можетъ, извинитъ меня, если я посвящу ему одинъ параграфъ. При поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, что, каково бы ни было сходство этихъ философій, примѣненіе ихъ было совершенно различно. Вообще можно сказать, что тѣ ученія, которыя въ Индіи приводили къ равнодушію и квиетизму, побуждали стоиковъ къ дѣятельности въ Греціи и Италіи. При случаѣ я постараюсь доказать существованіе дѣйствительнаго совпаденія въ этомъ кажущемся различіи; потому что образъ жизни челоѣка опредѣляется главнымъ образомъ географическими условіями, и его инстинктивная наклонность къ дѣятельности увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ широты, въ которой онъ живетъ. Подъ тропиками онъ не чувствуетъ наклонности къ дѣятельности, такъ какъ его фیزیологическія отношенія къ климату дѣлають для него болѣе приятнымъ покой. Философская формула, которая въ жаркихъ равнинахъ Индіи находитъ себѣ исходъ въ жизни тихой и спокойной, въ болѣе умѣренномъ воздухѣ Европы приводитъ къ жизни, полной дѣятельности. Такъ, въслѣдствіи монахи Африки, добровольно убѣдивъ себя, что всякое ихъ вмѣшательство въ природу съ цѣлью ея улучшенія составляетъ возстаніе противъ божьяго провидѣнія, проводили свою бесполезную жизнь въ плетеніи корзинокъ и рогожъ или въ удивленномъ размысленіи въ пещерахъ Оиванды,—но европейскіе монахи занимались земледѣліемъ, принимали дѣятельное участіе въ общественной жизни и тѣмъ не мало помогали развитію цивилизаціи въ Англіи, Франціи и Германіи. Всѣ эти вещи, при тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, приводятъ къ заключенію, что челоѣческая жизнь, несмотря на все свое разнообразіе, опредѣляется первичными условіями, одними и тѣми же для всѣхъ странъ и для всѣхъ климатовъ, и вполне зависитъ отъ нихъ.

ГЛАВА VIII.

Отступленіе: объ исторіи и философскихъ вліяніяхъ Рима.

подготовленіе для объясненія умственнаго развитія Европы.

Религіозныя идеи первобытныхъ европейцевъ.—Форма ихъ измѣненій опредѣляется вліяніемъ Рима.—Необходимость для этихъ изслѣдованій римской исторіи.

Возникновеніе и развитіе римской власти, ея послѣдовательныя фазы развитія, территориальныя пріобрѣтенія.—Получаетъ преобладаніе на Средиземномъ морѣ.—Вытекающая отсюда деморализація Италіи.—Неудержимая концентрація силъ.—Развитіе имперіализма.—Исчезновеніе настоящаго римскаго племени.

Дѣйствіе, оказанное Римомъ на умственныя, религіозныя и соціальныя условія прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря.—Приводитъ къ однороднымъ мыслямъ.—Имперіализмъ подготовляетъ войну за монотеизмъ.—Важное измѣненіе въ религіозныхъ идеяхъ римскаго міра.

Мнѣнія римскихъ философовъ.—Сліяніе старыхъ идей съ новыми.—Захватъ власти невѣжественными людьми, и обусловленный этимъ упадокъ христіанства въ Римѣ.

Отъ изложенія умственнаго прогресса Греціи, даннаго на предыдущихъ страницахъ, мы перейдемъ теперь, согласно вышеизложенному нами плану, къ изслѣдованію умственнаго прогресса цѣлой Европы. Прогрессъ этой націи является типичнымъ для прогресса всего материка.

Первый европейскій умственный вѣкъ, вѣкъ легковѣрія, былъ уже разсмотрѣнъ нами отчасти во главѣ II, главнымъ образомъ въ отношеніи къ Греціи. Я предлагаю теперь, послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, необходимыхъ для окончательнаго уясненія этого предмета, перейти къ описанію втораго европейскаго вѣка—вѣка изслѣдованія.

Путь для этихъ замѣчаній готовится тѣмъ, что было сказано нами раньше о Греціи. Европа Средиземнаго моря представляла въ философскомъ и соціальному отношеніи важный шагъ впередъ сравнительно съ центральными и сѣверными странами. Волна цивилизаціи распространялась съ юга на сѣверъ; въ дѣйствительности она едва ли достигала когда-либо крайнихъ предѣловъ Европы. Предпримчивые эмигранты, явившіеся въ отдаленныя времена изъ Азіи, оставили послѣдующимъ поколѣніямъ своихъ потомковъ наслѣдство труда. Во время борьбы за жизнь исчезла всякая память о родствѣ съ востокомъ, знаніе вымерло, религіозныя идеи искажились, а различныя народности, населявшія Европу, впали въ то умственное состояніе, въ которомъ они находились бы, какъ туземцы обитаемыхъ ими странъ.

Религія европейцевъ-варваровъ во многихъ отношеніяхъ походила на религію американскихъ индѣйцевъ. Они признавали великаго духа, всезнающаго, всемогущаго, вездѣущаго. Въ раннія времена они не представляли его себѣ въ

Переходъ отъ Греціи къ Европѣ.

Европейскій вѣкъ изслѣдованія.

Религія древнихъ европейцевъ.

человѣческомъ образѣ и не строили храмовъ, а умилоствляли его помощью жертвъ, закадывая на грубыхъ алтаряхъ животныхъ, напр., лошадей и даже людей. Хотя они вѣрили, что этого великаго духа можно слышать въ лѣсныхъ звукахъ ночью, тѣмъ не менѣе его большею частью считали слишкомъ отдаленнымъ, недоступнымъ для человѣческихъ моленій; отсюда изъ идей о волшебствѣ, созданныхъ напуганнымъ воображеніемъ, возникло звѣздопоклонство — вторая стадія сравнительной теологіи. Мракъ и тѣнь густыхъ лѣсовъ, уединеніе, внушающее мысль о святости даннаго мѣста и о томъ, что оно составляетъ самое лучшее убѣжище для таинственныхъ духовъ, внушали въ то же время мысль объ устройствѣ священныхъ роцъ и о поклоненіи священнымъ деревьямъ. Во всей Европѣ царилла смутная идея о томъ, что душа существуетъ послѣ смерти тѣла; но относительно посмертнаго ея состоянія мнѣнія раздѣлялись. Какъ и у другихъ народовъ, такъ и у европейцевъ богослуженіе служило не только для пользы людей въ настоящемъ, но и для предсказанія будущихъ событій посредствомъ различнаго рода гаданій и предзнаменованій, объяснявшихся жрецами.

Хотя на жрецовъ возлагалась обязанность совершать богослуженіе, но они, повидимому, не были организованы такъ, чтобы дѣйствовать единодушно и преслѣдовать опредѣленную систему политики. Въ церемоніяхъ участвовали и особый классъ женщинъ-жрицъ — пророчицъ. Эти святыя женщины пользовались большимъ уваженіемъ. Въмѣсто храмовъ у кельтскихъ народовъ употреблялись каменные алтари и другія грубыя сооруженія; у этихъ алтарей совершали богослуженіе друиды, которые были одновременно священниками, волшебниками и медиками. Ихъ религіозныя ученія, во многихъ случаяхъ напоминавшія ученія Ригъ-Веды, передавались изъ одного поколѣнія въ другое помощью пѣсенъ.

Существенными чертами этой системы были ея чпсто мѣстная форма и недостатокъ хорошо организованной іерархіи. Даже кельты не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія, хотя ихъ жрецы подчинялись главному друиду. Этотъ недостатокъ служилъ причиною слабости древней религіи и привелъ въ концѣ концовъ къ ея паденію. Эмигрируя на югъ во время своихъ воинственныхъ экспедицій, германскія націи оставили позади себя свои священные роци и священные вѣковые дубы. Этихъ предметовъ поклонники ихъ не могли увезти съ собою и въ то же время не могли найти ничего равносильнаго взамѣнъ. Пришедши въ цивилизованныя страны, они увидѣли совершенно иное положеніе дѣлъ; духовенство, организованное и устроенное согласно древней римской политической системѣ; предметы поклоненія, не связанные съ данною мѣстностью; учрежденія, способныя дѣйствовать повсюду; священные писанія, легко передвигаемыя съ мѣста на мѣсто; эмблемы, способныя быть перенесенными въ любую страну; крестъ на знаменахъ арміи, распятіе на груди святыхъ. Среди благородной архитектуры Италіи и великолѣпныхъ

остатковъ цивилизаціи римлянъ, предписывавшихъ нѣкогда законы міру, среди поклоненія, отличавшагося великолѣпіемъ своего церемоніала и торжественностью своихъ таинствъ, они нашли народъ, вѣра котораго научила ихъ считать настоящую жизнь переходнымъ состояніемъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ вѣчнымъ существованіемъ въ загробномъ мірѣ, — существованіемъ, представляющимъ глубокое различіе съ грубымъ переселеніемъ друидизма или съ пьянымъ раемъ Одина, гдѣ храбрые наслаждались брагою изъ чапъ, выработанныхъ изъ череповъ убитыхъ ими на землѣ враговъ. Поэтому европейскій вѣкъ изслѣдованія тѣсно связанъ съ римскою исторіею. Онъ отличается своимъ религіознымъ направленіемъ. Въмѣсто догматовъ соперничающихъ философскихъ школъ намъ приходится имѣть дѣло съ положеніями борющихся сектъ. Вся исторія этихъ несчастныхъ временъ указываетъ на организаторскій и практическій духъ, характеризующій Римъ. Греческая демократія, стремившаяся къ разложенію даннаго положенія дѣлъ, привела къ софистамъ и скептикамъ. Римскій империализмъ, вѣчно созидающій, старался вывести единство изъ этихъ разногласій и провести разграничительную черту между ортодоксіею и ересью, прибѣгая къ авторитету соборовъ, въ родѣ никейскаго. Слѣдуя идеямъ св. Августина въ его книгѣ *Божій Городъ*, я считаю, что событіемъ, заканчивающимъ этотъ вѣкъ, надо признать разграбленіе Рима Аларихомъ. За этимъ наступаетъ вѣкъ вѣры, несомнѣннымъ началомъ котораго является основаніе Константинополя.

Умственная жизнь Греціи прошла черезъ всѣ эти фазы развитія; но не то было съ умственною жизнью римлянъ, которая прекратилась преждевременно. Это были люди насилія, которые пали вѣлѣдствіе собственныхъ завоеваній и преступленій. Истребленіе ихъ войною играло, впрочемъ, незначительную роль въ ихъ исчезновеніи, сравнительно съ роковымъ уменьшеніемъ и разрушительнымъ смѣшеніемъ, явившимися результатами ихъ слиянія съ обширною массою человѣчества, съ которою имъ приходилось вступать въ соприкосновеніе.

Съ немалымъ затрудненіемъ приступаю я къ изслѣдованію римскихъ дѣлъ, составляющихъ слѣдующую часть моей задачи. Трудно подняться на достаточно возвышенную и ясную точку зрѣнія, когда имѣешь дѣло съ пространствами, столь громадными въ географическомъ отношеніи, и съ политическими причинами, затемненными отдаленностью вѣковъ. Живя среди общественныхъ условій, порожденныхъ разсматриваемыми нами событіями, мы съ трудомъ освобождаемъ своей умственной кругозоръ отъ иллюзіи исторической перспективы или видимъ вещи въ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ и положеніяхъ. Какъ можемъ мы изъ тысячи дѣйствій, представляющихъ всѣ необыкновенный интересъ и значеніе, выдѣлить самыя важныя? Какъ можемъ мы опредѣлить вполне правильно истинныя отношенія различныхъ частей этого удивительнаго явленія — имперіи, мимолетныя событія котораго переходятъ одно въ другое подобно мелькающимъ передъ глазами

Вліяніе на нихъ римскаго христіанства.

Значеніе римской исторіи для этого изслѣдованія.

Значительная трудность, представляемая ею.

видамъ. Предупрежденный примѣромъ тѣхъ, которые допускали, чтобы тѣни ихъ воображенія затемняли сцену, и ошибочно приписали собственныя тѣни за реальныя явленія, я постараюсь приложить мѣрку здраваго смысла къ фактамъ, подлежащимъ нашему разсмотрѣнью; и считая, что человѣкъ былъ всегда однимъ и тѣмъ же въ своихъ методахъ разсужденія и въ мотивахъ своихъ дѣйствій, я буду судить о прошлыхъ событіяхъ такъ, какъ бы я судилъ о настоящихъ.

Въ своемъ цѣломъ видѣ римское владычество состояло изъ тройной форма римскаго владычества. Первая изъ этихъ теократій соответствующая сказочному періоду царей, военное владычество—времени республики и раннихъ цезарей, вторая теократія—времени христіанскихъ императоровъ и папъ.

Первая теократія до такой степени окружена легендами и фикціями, что невозможно дать о ней удовлетворительныхъ свѣдѣній. Біографіи римскихъ царей отличаются такимъ фантастическимъ характеромъ, что со времени Нибура въ исторіи сморятъ на нихъ съ такой именно точки зрѣнія. Но во время царствованія языческихъ императоровъ въ Римѣ было небезопасно публично выражать недовѣріе къ такимъ уважаемымъ легендамъ, какъ легенда о волчицѣ, вскормившей своимъ молокомъ царственныхъ дѣтей, о восшествіи на небо Ромула, о нимфѣ Эгеріи, о дуэли между Гораціями и Куріаціями, о скачкѣ Курція на своей лошади въ заливъ, о Тарквиніи, о Сивиллѣ и ея книгахъ. У современнаго историка оказывается мало достойнаго матеріала для первоначальной исторіи Рима. Онъ можетъ допустить, что Римляне и сабиняне соединились; что они покорили албанцевъ и латиновъ; что тысячи послѣднихъ переселились на Авентинскій холмъ и сдѣлались плебеями; что эти движенія породили касты, причинявшія столько безпокойствъ древнему Риму, такъ какъ побужденный народъ образовалъ подчиненный классъ; что вначалѣ главнымъ занятіемъ народа было земледѣліе, которое не только приучаетъ людей преклоняться передъ различіемъ сословій, какъ, напр., землевладѣлецъ, надзиратель, рабочій, но и способствуютъ развитію въ людяхъ релігіозныхъ чувствъ, а также суевѣрій; что, кромѣ этихъ почетныхъ занятій, которымъ предавалось вначалѣ молодое государство, оно съ самаго начала предавалось и наступательнымъ войнамъ и выказывало, поэтому, постоянно склонность къ наслѣдямъ,—однимъ изъ его первыхъ дѣйствій было основаніе города Остіи, съ цѣлью пиратства у устьевъ рѣки Тибра; что вслѣдствіе какого-то заговора въ арміи, на который указывается въ легендѣ о Лукреціи,—и что часто бываетъ съ арміями,—цари были изгнаны и установлено было на ихъ мѣсто военное владычество, наивно названное республикою, но состоявшее въ дѣйствительности изъ союза нѣсколькихъ могущественныхъ семей.

Въ теченіе всего періода царей и во время республики главныя событія внутренней жизни сосредоточиваются на борьбѣ высшего

класса, или патриціевъ, съ низшими, или плебеями—борьбѣ, выразившейся въ заявленіи послѣдними своихъ правъ на часть завоеванной земли; въ законѣ Валерія, исторгнутомъ у него; въ уравненіи правъ латиновъ и грековъ; въ перемѣщеніи права избранія трибуновъ отъ центурій къ трибамъ; въ отмѣнѣ закона, воспрещавшаго браки между плебеями и патриціями, и, наконецъ, въ допущеніи послѣднихъ къ занятію должностей консула, диктатора, цензора и претора.

Въ этихъ внутреннихъ раздорахъ мы усматриваемъ причину, обуславливающую необходимость для Рима внѣшней войны. Высшій классъ постоянно уменьшается въ количествѣ, низшій такъ же постоянно увеличивается. Въ своемъ высочайшемъ мѣрѣ, патриціи наполняютъ свои частныя тюрьмы должниками и преступниками и захватываютъ завоеванныя земли. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является возстаніе, единственнымъ средствомъ облегченія—внѣшняя война. По мѣрѣ расширенія круга дѣятельности, обѣ партіи убѣждаются, что интересы ихъ требуютъ искренняго союза между ними на равныхъ правахъ,—союза, который далъ бы имъ возможность господствовать дружно внѣ Рима.

Въ географическомъ отношеніи римское владычество распространялось вначалѣ съ большими затрудненіями. До времени захвата города галлами, ему приходилось вести непрестанную борьбу съ сосѣдними городами и вождями. Есть основаніе думать, что вначалѣ существованія республики, во время борьбы, послѣдовавшей за изгнаніемъ царей, городъ былъ взятъ Порсеною. Вліяніе его распространялось вначалѣ въ южномъ направленіи. Тарентъ, одинъ изъ южныхъ городовъ, призвалъ къ себѣ на помощь Пирра, царя эпирскаго. Онъ не оказалъ своимъ союзникамъ существенной помощи, онъ только увидалъ Римъ съ высоты Акрополя Пренесте; но римляне научились у него искусству укрѣплять лагери, и онъ внушилъ имъ мысль вторгнуться въ Сицилію. Здѣсь разрастающаяся республика столкнулась съ караегинянами, и во время послѣдовавшаго за этимъ столкновенія поняла военное значеніе Испаніи и Галліи, откуда караегиняне получали громадную помощь людьми и военными припасами. Съ этого времени могущество Рима начало удивительнымъ образомъ разрастаться. Республика увидала, какъ много зависѣло отъ владычій моремъ, и съ удивительною энергіею принялась за постройку флота. Въ этомъ отношеніи ея ожиданія значительно оправдались. Вопли вѣрно говорятъ, что она употребила больше времени на завоеваніе небольшого клочка земли въ Италіи, чѣмъ сколько необходимо было для завоеванія міра послѣ того, какъ ей удалось завладѣть Средиземнымъ моремъ. Изъ опыта Агаокла она узнала, что наилучшій способъ покорить Караегенъ—вторгнуться въ Африку, Принимая во вниманіе, лежашіе въ основаніи этой войны, и положеніе Рима при окончаніи ея высказываются вполне ясно въ условіяхъ договора, заключеннаго при окончаніи первой пунической войны: Караегенъ долженъ былъ очистить всѣ острова Средиземнаго

Внутреннія причины, обуславливавшія необходимость внѣшней войны.

Постепенное распространеніе римскаго владычества въ южномъ направленіи.

Римъ строитъ флотъ и вторгается въ Африку.

Результаты первой пунической войны.

моря и уплатить штрафъ въ шестьсотъ тысячъ фунтовъ. Жадно стремясь къ приобретению богатствъ, Кароагенъ сдѣлался очень богатъ; онъ достигъ высокой степени развитія въ дѣлѣ искусствъ; тѣмъ не менѣе его благоденствіе или скорѣе способъ, помощью котораго онъ достигъ его, въ значительной степени способствовалъ его ослабленію; такое же пагубное вліяніе оказывала и политическая аномалія, представляемая его строеніемъ, потому что это аномалія, когда азиатское государство подчиняется демократическимъ формамъ. Его положеніе въ этомъ отношеніи составляло, очевидно, послѣдствіе его первоначального подчиненія Тиру; онъ служилъ для Тира торговою станціею, и его богатые люди привыкли ожидать отличій отъ метрополи. Какъ и въ другихъ торговыхъ государствахъ, граждане Кароагена неохотно отправляли военные обязанности, вслѣдствіе чего ему приходилось часто прибѣгать къ наемнымъ войскамъ. Отъ него римляне получили много важныхъ свѣдѣній. Кароагенъ подкрѣпилъ ихъ убѣжденіе въ значеніи морской силы, научилъ ихъ строить корабли и управлять ими, строить военные дороги. Народы сѣверной Италіи едва успѣли войти въ составъ римскаго владычества, какъ Римъ построилъ новый флотъ на Адриатическомъ морѣ и, подъ предлогомъ уничтоженія пиратства, уничтожилъ морское владычество иллирійцевъ. Съ незапамятныхъ временъ Средиземное море наводнялось пиратами; кража людей обратилась въ крайне прибыльное занятіе; громадная прибыль получалась отъ выкупа плѣнныхъ или отъ продажи ихъ въ Делосъ и другихъ невольничьихъ рынкахъ. Въ это время стало ясно, что полное господство надъ Средиземнымъ моремъ зависѣло отъ владычія Испаніею, этою страной серебра. Соперничество за Испанію вызвало вторую пуническую войну. Лип-
Результаты второй пунической войны. не повторяетъ хорошо извѣстную исторію Ганнибала, какъ онъ чуть было не довелъ Римъ до гибели. Римъ находился въ такихъ отношеніяхъ съ окружающими общинами, что не могъ никакимъ образомъ довѣрять имъ. Его врагъ приобрѣлъ себѣ союзниковъ во многихъ изъ греческихъ городовъ южной Италіи. Для того, чтобъ уяснить себѣ результаты этого столкновения, намъ достаточно будетъ посмотреть на договоръ, которымъ оно закончилось. Кароагенъ долженъ былъ выдать всѣ свои военные корабли, за исключеніемъ трехъ триремъ, обязаться не вступать въ войну безъ согласія Рима и уплатить военную контрибуцію въ два милліона фунтовъ. Теперь Римъ началъ въ обширномъ масштабѣ проводить политику дезорганизации государствъ, съ цѣлью ихъ ослабленія. Подъ предлогомъ присланной ей со стороны афинянъ просьбы оказать имъ покровительство противъ македонскаго царя, честолюбивая республика обезпечила себѣ точку опоры въ Греціи, вновь примѣняя принципъ, развитый во время похода въ Африку, что нужно войною поддерживать войну. Можетъ быть, была и доля правды въ заявленіяхъ римлянъ, что интриги Ганнибала съ Антиохомъ, царемъ Сиріи, вызвали столкновение между Римомъ и этимъ монархомъ. Въ результатѣ получилось важное событіе, въ значительной сте-

пени способствовавшее увеличенію могущества Рима — отнятіе у него всѣхъ его владѣній въ Европѣ и тѣхъ изъ азиатскихъ владѣній, которыя расположены были къ сѣверу отъ горы Тавра, и уплата имъ штрафа въ три милліона фунтовъ. Замѣтно уже было дѣйствіе богатства, наводнившего Италію вмѣстѣ съ растратою общественныхъ денегъ Циціонами. Сопротивленіе Персея, царя македонскаго, не могло вернуть независимости Греціи; оно закончилось присоединеніемъ этой страны, Эпира и Иллирій. Результаты этой войны оказались въ высшей степени пагубными какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденных; нравственное величіе первыхъ совершенно исчезло, а общественное паденіе послѣднихъ было такъ велико, что въ теченіе долгаго времени бракъ замѣнили конкубинатомъ. Политика и дѣятельность Рима получаютъ теперь чисто адекій характеръ; Римъ вступаетъ въ новую ссору съ своимъ старымъ врагомъ, Кароагеномъ, и третья пуническая война приводитъ къ полному разрушенію этого города. Въ то же время притѣсенія, производимыя Римомъ въ Греціи, вызываютъ въ ней возстаніе, которое заканчивается разграбленіемъ и сожженіемъ Коринѳа, Фивъ, Халкиды и перенесеніемъ въ Италію заграбленныхъ статуй, картинъ и предметовъ искусствъ. Теперь ничто не мѣшало завоеванію Испаніи, кромѣ доблести ея обитателей. Послѣ убійства Вириата консуломъ Цепіономъ и ужасной осады Нуманціи, страна эта была присоединена въ качествѣ провинціи. Затѣмъ мы видимъ, какъ гигантская республика распространяетъ свою власть на богатѣйшія части Малой Азіи, благодаря безумному завѣщанію Атталы, царя Пергамскаго. Богатства Африки, Испаніи, Греціи и Азіи сосредоточиваются теперь въ Италіи, и столица ея подвергается полнѣйшей деморализации. Напрасно Гракхи пытаются улучшить положеніе дѣлъ. Римская аристократія оказывается неспособною, упорною, неумолимою. Средній классъ исчезъ; на сценѣ остались распущенные вельможи и разнузданная чернь. Среди совершенно невѣроятнаго развращенія, югуртинская война могла только отерочить на время неизбежный взрывъ. Въ Сициліи вспыхнуло возстаніе рабовъ; оно закончилось истребленіемъ милліона этихъ несчастныхъ; громадные толпы ихъ отдавались на растерзаніе звѣрямъ въ циркахъ, для потѣхи народа. За этимъ послѣдовало возстаніе итальянскихъ союзниковъ, извѣстное подъ именемъ союзнической войны; послѣ истребленія полумилліона людей, война эта привела къ лучшему результату, къ освобожденію изъ-подъ власти Рима нѣкоторыхъ изъ возставшихъ государствъ. Несомнѣнно, что интриги, связанные со всѣми этими дѣлами, привели въ Италію кимвровъ и тевтоновъ и положили начало соперничеству между Маріемъ и Суллою, которое въ свою очередь, наполнило Римъ убійствами. Тотъ же духъ проявился и при гладиаторѣ Спартакѣ; онъ былъ сдержанъ на время такими, напр., ужасающими жестокостями, какъ распятіе плѣнныхъ, чтобъ проявиться затѣмъ вновь, только въ иной формѣ, въ заговорѣ

Катилины. Теперь стало ясно, что споръ за верховную власть велся лишь немногими руководящими людьми. Онъ нашелъ исходъ въ первомъ триумвиратѣ,—въ союзѣ между Помпеемъ, Крассомъ и Цезаремъ, которые захватили въ свои руки всю власть сената и народа и связали себя клятвою не дѣлать ничего безъ взаимнаго согласія. Затѣмъ дѣла пошли своимъ неизбѣжнымъ ходомъ. Смерть Красса и битва при Фарсаль сдѣлали Цезаря властелиномъ міра. Въ этотъ моментъ ничто въ мірѣ не могло бы задержать неизбѣжнаго результата. Мечъ Брута устранилъ человѣка, но оставилъ фактъ на лицо. Битва при Акціумѣ подтвердила судьбу Рима, и паденіе республики ознаменовалось присоединеніемъ Египта. Цикль завоеваній странъ, лежащихъ вокругъ Средиземнаго моря, былъ законченъ; функція республики была завершена; она умерла не преждевременною смертью. — Опредѣливъ, такимъ образомъ, географическое распространеніе Рима, обратимся теперь къ изслѣдованію политическихъ началъ, обусловливавшихъ его. Войны велись въ глубокой древности съ цѣлью обезпечить себѣ излишекъ рабочей силы, такъ какъ завоеватель заставлялъ плѣнныхъ, которымъ онъ давалъ пощаду, обрабатывать его поля и служить ему въ качествѣ рабовъ. При существованіи системы переходнаго военнаго владычества, было выгодно истощить сразу народъ безпощаднымъ грабежомъ, чѣмъ удовлетвориться уплатою имъ ежегодной дани, конечно, невѣрной въ виду постоянныхъ колебаній счастья. Эти элементарныя начала древней политики были, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и улучшеніями включены римлянами въ ихъ систему политики.

Республика, въ теченіе всего своего существованія, служила какъ бы подтвержденіемъ замѣчанія, что система, на которой она основывалась, не заключала въ себѣ понятія объ истинныхъ отношеніяхъ человѣка. Она разсматривала его какъ вещь, а не какъ существо, одаренное неотчуждаемыми правами. Признавая единственнымъ, имѣющимъ значеніе, мѣриломъ силу, она не допускала принципа равенства всѣхъ людей передъ лицомъ закона. За подчиненіемъ Сициліи, Африки, Греціи послѣдовало въ самомъ ско-

ромъ времени обезлюденіе этихъ странъ, какъ видно изъ разсказовъ Ливія, Плутарха, Страбона и Полибія. Можно ли привести болѣе ужасный примѣръ, какъ поведеніе Павла Эмілія, который послѣ завоеванія Эпира умертвилъ или увелъ въ рабство 150000 человѣкъ? Во время взятія Фивъ цѣлыя семьи подверглись такой же участи,—семьи не только низкаго происхожденія, но и самыя знатныя, о которыхъ говорилось многозначительно, что онѣ были перевезены въ Италію, чтобы быть уничтоженными. Въ самой Италіи столько терялось жизней, что уничтожавшіеся ряды рабовъ не могли пополняться рожденіями.

и для пополненія убыли была необходима война. Къ жестоко- римскаго закона о рабахъ. Тацитъ разсказываетъ, что, по случаю убійства Педанія, сенатъ послѣ торжественныхъ преній, подробности которыхъ онъ воспро-

изводить, усилилъ древніе законы и подвергнулъ казни четыреста рабовъ убитаго, хотя для каждаго было очевидно, что едва ли хотя бѣ одинъ изъ нихъ могъ знать объ убійствѣ. Ужасное пражавило, предписывавшее умерщвлять не только всѣхъ рабовъ въ домѣ до которой могъ достигать голосъ ихъ господина, въ окружности какъ мало придавалось цѣны жизни этихъ несчастныхъ и какъ легко было замѣнить ихъ. Большое количество рабовъ дѣлало по необходимости каждаго гражданина солдатомъ, а обработка земли, всякаго рода домашнія работы и промышленный трудъ предоставлялись съ презрѣніемъ рабамъ. Положеніе раба при такой общественной системѣ достаточно выказывается тѣмъ фактомъ, что суды опредѣляли обиду, нанесенную рабу, убыткомъ, который дол- женъ былъ претерпѣть при этомъ его господинъ. Система эта развилась въ такой сильной степени, что раб- ской трудъ сдѣлался дешевле труда животныхъ, такъ что многія изъ работъ, производимыхъ животными, начали производиться ра- бами. Классъ независимыхъ наемниковъ, который могъ бы соста- вить главную силу страны, исчезъ, трудъ получилъ такой унизи- тельный характеръ, что бѣдный гражданинъ не могъ сдѣлаться ре- месленникомъ, а долженъ былъ оставаться дерзкимъ нищимъ, ожи- дающимъ отъ государства хлѣба и зрѣлицъ. Грязь и ужасная об- становка, въ которой жили эти низшіе классы, служили причинами проказы и другихъ отвратительныхъ болѣзней. Дѣлались постоянно попытки улучшить санитарное положеніе бѣдныхъ классовъ, но онѣ такъ мало соотвѣтствовали цѣли, что эпидемія, повторяясь отъ вре- мени до времени, вызывали ужасающую смертность. Даже при цеза- ряхъ, послѣ всего, что было сдѣлано, не произошло существенныхъ улучшеній. Совершенно вѣрно замѣчаніе, что старый свѣтъ никогда не оправился отъ великой чумы, посѣтившей его при М. Антонинѣ и занесенной арміею во время пароянской войны. Въ царствованіе Тита умерло въ Римѣ въ одинъ день десять тысячъ человѣкъ.

Рабская система вызвала то глубокое презрѣніе къ торговлѣ, которое составляло характеристическую черту римлянъ. Они никогда не завидовали даже кароагенскимъ рынкамъ. Система эта обратила ихъ въ демагоговъ, заставила проводить жизнь либо на войнѣ, либо за интригами политическихъ партій, въ шумѣ общественныхъ выборовъ, въ возбужденіи судебныхъ процессовъ. Они первые от- крыли, что привилегія толковать законы почти равносильна приви- легіи издавать ихъ; этимъ же объясняется ихъ склонность къ юриспруденціи и процвѣтаніе ихъ адвокатуры. Исчезновеніе класса наемниковъ составляло непосредственную причину паденія рес- публики и учрежденія имперіи, потому что аристократія осталась безъ противника, а слѣдовательно и безъ какого бы то ни было сдерживающаго элемента. Она распалась на партіи, и эти партіи своею постоянною борьбою за власть вовлекли страну въ граждан- скую войну.

Политическіе принципы страны въ большинствѣ случаевъ отвергали старую систему опустошенія побѣжденнаго государства

помощью немедленного, полного, безопасного грабежа, который могъ бы быть хороше тамъ, гдѣ срокъ владѣнія кратко-временъ, но шелъ въ разрѣзъ съ желаніемъ подчинить Риму данную страну, удержать ее въ своей власти, идти впередъ. Тѣмъ не менѣе необходимымъ спутникомъ римскихъ завоеваній было обезлюденіе. Италия, Сицилія, Малая Азія, Галлія, Германія были очень густо населены, но это население сильно порѣдѣло послѣ римскаго завоеванія. Политическіе принципы Рима легко проводились въ жизни, благодаря его военной организаціи, въ особенности благодаря учрежденію легионовъ. Нѣкоторыя націи основывали колоніи ради торговыхъ цѣлей, другія для того, чтобъ избавиться отъ излишка населенія; римскія колоніи были тѣсно связаны съ идеею о гарнизонѣ и объ усиленной военной дѣятельности. Каждый легионъ образовывалъ въ самомъ дѣлѣ небольшую, но полную армію. Въ какой бы странѣ онъ ни поселился, онъ приходилъ въ немедленныя сношенія съ главною квартирою въ Римѣ, и это не только метафорически, но и материально, какъ видно изъ постройки необходимыхъ военныхъ дорогъ. Исходившая отсюда идея о постоянной оккупациіи страны не допускала опустошенія, а, напротивъ того, требовала поощренія мѣстнаго процвѣтанія и благоденствія, такъ какъ чѣмъ больше было въ странѣ богатствъ, тѣмъ способнѣе была она выносить обложеніе. Такіе принципы соответствовали вполне условіямъ прочности и безопасности римскаго владычества, которое создано не сразу, не въ силу блестящихъ подвиговъ какого-нибудь единичнаго военачальника, а составляло результатъ установившейся политики цѣлаго ряда вѣковъ. Въ дѣлѣ завоеванія римляне были безопасны; они старались нанести такой сильный ударъ противникамъ, чтобы послѣ него невозможно было оправиться; но разъ завоеваніе было совершившимся фактомъ, завоеваннымъ въ большинствѣ случаевъ не въ чемъ было упрекать завоевателей и жаловаться на ихъ управление. Часто, впрочемъ, подъ прикрытіемъ общественнаго правосудія скрывались частныя обиды и притѣсенія. Помощью несправедливостей и вымогательствъ римскіе чиновники накопили громадныя состоянія, которыя не имѣли себѣ равныхъ въ Европѣ. Иногда они этого добивались во время общественныхъ неурядицъ: такъ, напр., Брутъ заставилъ жителей Малой Азіи сразу уплатить дань за пять лѣтъ; вскорѣ послѣ того Антоній принудилъ ихъ внести ее вновь. Размѣръ, до котораго доходили законныя и незаконныя взиманія, показывается тѣмъ фактомъ, что во время основанія имперіи годовою доходъ достигалъ сорока милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Сравнительная цѣнность металловъ въ Римѣ представляетъ значеніе въ качествѣ политическаго показателя. Слитки быстро увеличивались въ количествѣ во время кароагенскихъ войнъ. При открытіи первой пунической войны серебро и мѣдь относились какъ 1 къ 960, во время второй войны—какъ 1 къ 160; вскорѣ послѣ того произошло еще новое пониженіе цѣнности, и серебро начало относиться къ мѣди какъ 1 къ 128. Рес-

Цѣнность золота и серебра.

публика понизила цѣнность монеты, уменьшая ее вѣсъ, а имперія—примѣшивая къ ней посторонніе металлы.

Наука, искусство и политическое положеніе извѣстной націи часто выказываются въ ея монетахъ. Интересный взглядъ на прогрессъ Европы получается при философскомъ изученіи ея нумизматическихъ древностей. Простота древнихъ нравовъ выказывается въ фабрикаціи монеты изъ чистаго серебра въ Кротонѣ, Связь между пониженіемъ цѣнности монеты и политическимъ упадкомъ. въ 600 г. до Р. Х.; при Филиппѣ Македонскомъ употреблялось туземное золото безъ примѣси. Постепенный упадокъ процвѣтанія Рима яркимъ образомъ выказывается въ постепенномъ упадкѣ качества ея монеты, потому что, по наступленіи дурныхъ временъ, императоры были вынуждены прибѣгать къ фальшивой монетѣ. Такъ, при Веспасіанѣ, въ 69 г. по Р. Х., къ серебряной монетѣ примѣшивалась мѣдь въ количествѣ одной четверти ея вѣса, при Антоніи Піѣ, въ 138 г. по Р. Х., больше чѣмъ на треть, при Коммодѣ, въ 180 г., около половины, а при Гордіанѣ, въ 236 г., къ серебру примѣшивалось мѣди больше чѣмъ вдвое противъ вѣса монеты. При Галліенѣ выпускалась монета изъ мѣди, олова и серебра, въ которой первые два металла превосходили послѣдній больше чѣмъ въ двѣсти разъ противъ его вѣса. Отсюда видно, въ какое безнадежное положеніе попало государство.

Римскіе демагоги, по свойственному ихъ роду инстинкту, создавали политическій капиталъ, нападая на промышленный. Они понизили процентъ, воспретили взимать его и часто дѣлали попытки уничтожить долги.

Концентрація власти и усиленіе безнравственности шли рука объ руку. Въ раннія времена римскаго владычества оно сосредоточивалось въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ людей, затѣмъ перешло въ руки нѣсколькихъ семей, потомъ сдѣлалось добычею Страшная испорченность нравовъ во время упадка Рима. отдѣльныхъ личностей и, наконецъ, было захвачено однимъ человѣкомъ, сдѣлавшимся властелиномъ 120 милліоновъ людей. По мѣрѣ развитія этого процесса, добродѣтели, украшавшія древнія времена, исчезли, и на мѣсто ихъ появились преступления, подобныхъ которымъ не видалъ никогда свѣтъ и, навѣрное, никогда не увидитъ. Наступали злосчастные дни, когда общество признало, что единственное мѣрило общественныхъ различій—богатство. За этими днями послѣдовало вскорѣ въ Римѣ и неизбежное ихъ послѣдствіе: правительство, основанное на двухъ внутреннихъ элементахъ—подкупѣ и терроризмѣ. Нѣтъ возможности описать словами положеніе дѣлъ въ столицѣ послѣ періода междоусобныхъ войнъ. Накопленіе власти и богатствъ дало начало всеобщей испорченности нравовъ. Законы утратили всякую цѣну. Истецъ долженъ былъ давать взятку, прежде чѣмъ затѣвать процессъ. Общественное зданіе подвергалось тлѣнію, разлагалось на части. Народъ превратился въ чернь, аристократія получила чисто демоническій характеръ, столица обратилась въ адъ. Все преступленія, когда-либо занесенныя въ лѣтописи человѣческой злобы, совершались здѣсь: убійства, не сопровождавшіяся раскаяніемъ, измѣна родителямъ, мужьямъ, женамъ, друзьямъ; отравленіе, возведенное

Распушенность въ систему; прелюбодѣяніе, доходящее до кровосмѣненія, и, наконецъ, преступления, о которыхъ невозможно писать. Женщины высшихъ классовъ были такъ безнравственны, такъ распушенны, что мужчинъ нельзя было заставить вступать съ ними въ бракъ, и бракъ замѣнялся конкубинатомъ; даже дѣвушки позволяли себѣ самыя страшныя нескромности; важнѣйшіе сановники государства и придворныя дамы позволяли себѣ купаться вмѣстѣ и показываться другъ другу нагими. Во время Цезаря правительство сочло нужнымъ вмѣшаться и назначило премію за бракъ. Оно опредѣлило награды женщинамъ, имѣющимъ много дѣтей; запретило тѣмъ изъ нихъ, которымъ не исполнилось еще сорока пяти лѣтъ и у которыхъ не было дѣтей, носить драгоценности и выѣзжать изъ дому въ носилкахъ, надѣясь такими путями исправить зло. Но положеніе дѣлъ съ каждымъ годомъ ухудшалось, такъ что Августъ, съ цѣлью прекратить всеобщее стремленіе избѣгать законнаго брака и замѣнять его конкубинатомъ съ рабынями, назначилъ штрафы на холостыхъ,—опредѣлилъ закономъ, что они лишаются права наследовать по завѣщанію отъ постороннихъ. Но отсюда вовсе не слѣдовало, что римскія женщины воздерживались отъ удовлетворенія своихъ страстей; ихъ безнравственность заставляла ихъ прибѣгать къ такимъ возмутительнымъ дѣйствіямъ, что ихъ даже нельзя назвать въ современной книгѣ. Онѣ считали годы не по консуламъ, а по числу своихъ любовниковъ. Быть бездѣтною и, слѣдовательно, освобожденною отъ семейныхъ обязанностей считалось апогеемъ счастья. Плутархъ говорилъ совершенно вѣрно, что римляне женятся, чтобы сдѣлаться наследниками, а не для того, чтобы имѣть наследниковъ. Лѣтописи того времени полны разсказами о такихъ преступленияхъ, которыя не заслуживаютъ названія злодѣйствъ, но лишь возбуждаютъ наше отвращеніе,—напр., обжорство и самыя безобразныя развраты. Вотъ что, напр., говорится о римлянахъ: «они ѣдятъ, чтобы ихъ вырвало, и за тѣмъ они рвутъ, чтобы быть въ состояніи вновь ѣсть». При взятіи Перузіума триста наиболѣе почетныхъ гражданъ были торжественно принесены въ жертву Октавіаномъ на алтарѣ божественнаго Юлія! Что это такое, дѣйствія цивилизованныхъ людей или оргіи опьяненныхъ кровью канибаловъ?

Высшіе классы обнаруживали повсюду полное исчезновеніе нравственнаго принципа, низшіе были настоящими атеистами. Кто, читая лѣтописи временъ императоровъ, не удивится тому, какъ умирали въ то время люди, встрѣчая свою судьбу съ тупымъ спокойствіемъ, составляющимъ характеристическую черту звѣрей? Появляется центуріонъ съ приказомъ, и жертва открываетъ вену и умираетъ въ теплой ваннѣ. Въ крайнемъ случаѣ дѣлается попытка нанести ударъ тирану. Люди съ отчаяніемъ признавали, что сама система испортилась и не можетъ быть исправлена.

Чтобы доказать, что я не преувеличиваю, приведу слова Тацита: «Святые обряды религіи нарушались; прелюбодѣяніе царило безпрепятственно; сосѣдніе острова наполнялись изгнанниками; скалы

Вся система такъ испорчена, что исправить ее невозможно.

и пустынные мѣста носили клеймо тайныхъ убійствъ, а самъ Римъ представлялъ арену ужасовъ, гдѣ благородство происхожденія и блескъ богатства вели людей къ вѣрной гибели; гдѣ добродѣтель считалась преступленіемъ, подвергавшимъ людей, обладающихъ ею, опасности; гдѣ сила ума, заставляющая людей стремиться къ занятію общественныхъ должностей, и скромность, побуждающая ихъ отклонять отъ себя почести, составили одинаковаго рода преступленія; гдѣ вина доносчиковъ и выплачиваемое имъ за доносы жалованіе были въ равной степени возмутительны; гдѣ священническое званіе, консульскія должности и управленіе провинціями составляли законную добычу этой возмутительной породы; гдѣ не было ничего священнаго, ничего безопаснаго отъ рукъ жадныхъ хищниковъ; гдѣ рабы или были подкуплены, чтобы дѣйствовать противъ своихъ господъ, или, въ силу собственнаго озлобленія, возмущались противъ нихъ; гдѣ свободные люди измѣняли своимъ покровителямъ, а тотъ, кто жилъ безъ враговъ, умиралъ отъ измѣны друга».

Но хотя таковы были послѣдствія сосредоточенія власти и богатства въ городѣ Римѣ, эти же обстоятельства производили совершенно иное дѣйствіе на всемъ пространствѣ имперіи. Распространеніе римскаго владычества повело къ прекращенію мелкихъ войнъ, которыя велись до того времени между сосѣдними народами. Они обмѣняли независимость на миръ. Кромѣ того,—и это было наиболѣе важно для нихъ,—велѣдъ за этимъ возникла свободная торговля, непосредственныя торговыя сношенія между всѣми частями имперіи. Народы средиземныхъ областей пришли въ болѣе близкое соприкосновеніе другъ съ другомъ и сдѣлались общими наследниками міроваго знанія. Искусства, науки, улучшенное земледѣліе распространились между ними; самыя отдаленныя страны могли хвалиться своими прекрасными дорогами, водопроводами, мостами, громадными инженерными сооружениями. Въ варварскихъ странахъ легіоны, которые должны были служить въ качествѣ гарнизоновъ, сдѣлались центрами цивилизации. Что же касается провинцій, то для нихъ самая испорченность Рима была не безъ пользы. Изъ одного мѣста требовался хлѣбъ, изъ другого—одежды, изъ третьяго—предметы роскоши, и за все это платила монетою Италия. Ей же нечего было вывозить замѣнъ. Такимъ образомъ производилось уравненіе богатствъ во всѣхъ частяхъ имперіи, постоянное передвиженіе денегъ. Отъ этого получались не только матеріальныя преимущества, но и умственные, представляющія не малое значеніе. Исчезли суевѣрія и поразительное легковѣріе добраго стараго времени. Во время первой пунической войны Африка считалась страной чудовищъ; въ ней жили змѣи достаточно большія, чтобы остановить наступательное движеніе армій; а также встрѣчались въ ней и безголовые люди. Въ Сициліи были свои циклопы, гиганты, волшебницы; въ Испаніи росли золотыя яблоки; входъ въ адъ находился на берегахъ Чернаго моря. Движеніе впередъ легіоновъ и путешествія купцовъ развѣяли всѣ эти продукты фантазии.

Свидѣтельство Тацита.

Дѣйствіе этого на провинціи. Свободная торговля.

Интеллектуальный прогрессъ.

Исчезновение
римского этниче-
ского элемента.

Необходимымъ послѣдствіемъ военнаго увеличенія Рима было исчезновение его этническаго элемента. Небольшая горсть людей затѣяла завоевать страны, лежащія у Средиземнаго моря, и ея усилія увѣнчались успѣхомъ. Дѣлая это, она разсыпалась на громадномъ географическомъ пространствѣ и, конечно, затерялась въ массѣ, съ которою смѣшалась. Съ другой стороны, упадокъ Италии былъ обезпеченъ невольничьею системою, и Римъ погибъ еще до того, какъ варвары вступили въ него. Тотъ, кто пожелаетъ узнать причину паденія римской имперіи, получить отвѣтъ на свой вопросъ, изслѣдуя то, что стало съ римлянами.

Уничтоженіе суевѣрій и чудесныхъ легендъ произошло благодаря увеличившимся сношеніямъ, обусловленнымъ сліяніемъ въ одну великую имперію столькихъ отдѣльныхъ націй. За матеріальными сношеніями послѣдовали и сношенія умственныя. Распространеніе римскаго вліянія на берегахъ Средиземнаго моря вызвало стремленіе къ однообразному образу мыслей, чрезвычайно опасному для разнovidныхъ вѣроисповѣданій столь различныхъ народовъ.

Послѣ изгнанія Тарквинія классъ духовенства подчинился военному классу; изъ всей исторіи послѣдняго видно, что онъ считалъ религію простымъ государственнымъ учрежденіемъ, лишенымъ какого бы то ни было философскаго значенія и полезнымъ только въ силу вліянія, оказываемаго имъ на умы простаго народа. Религія представлялась ему въ видѣ вѣтви промышленности, отъ которой занимающіяся ею лица могли получать извѣстную пользу. Онъ такъ же мало интересовался религіею, какъ и всякою другою отраслью промышленности. Что же касается до изслѣдованія умственнаго основанія религіи, то военный классъ состоялъ не изъ софистовъ, а изъ солдатъ, слѣпо признающихъ учрежденія своей страны, подобно тому, какъ они исполняли

и производилъ
переворотъ въ
религіозныхъ
идеяхъ.

приказанія военныхъ своихъ вождей. По этой причинѣ во все время республики, а также и при первыхъ императорахъ не оказывалось никогда особеннаго сопротивленія введенію всякаго рода новыхъ культовъ въ Римѣ. Боги покоренныхъ народовъ представлялись здѣсь на показъ, для удовлетворенія національнаго честолюбія. Изъ этого смѣшенія культовъ въ городѣ и изъ обмѣна идей въ провинціяхъ произошли самыя важныя событія.

Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что за политическимъ единствомъ, установленнымъ на такомъ громадномъ географическомъ пространствѣ, должно послѣдовать и умственное, а такъ же и религіозное единство. Политензмъ сдѣлался на практикѣ совершенно несоответственнымъ римской имперіи, выказалось стремленіе ввести какую-нибудь форму монотеизма. Не принимая даже въ расчетъ дѣятельность разума, нельзя не видѣть, что признаніе столькими народами одного императора должно было привести и къ признанію единаго Бога. Существуетъ всегда стремленіе къ однородности у народовъ, соединенныхъ общими политическими узами. Кромѣ того, соперничество между сотнями различныхъ жрецовъ ослабляло политензмъ изнутри. Но монотеизмъ

Империализмъ
прокладываетъ
путь монотеизму.

подразумѣваетъ централизацію, организованную іерархію, — слѣдовательно, сосредоточеніе власти. Различія въ интересахъ и столкновенія между многочисленными формами религіи потрясли индивидуальную вѣру; въ результатъ получилось распространеніе на практикѣ атеизма, обнаруживающееся полнымъ равнодушіемъ ко всякаго рода обрядамъ, если только они не представляли интереса въ качествѣ зрѣлищъ, — и все общество впало въ состояніе полного невѣрія или безбожія. Форма суевѣрія, черезъ которую переходилъ національный умъ, основывалась существеннымъ образомъ на признаніи постояннаго вмѣшательства многихъ божествъ, руководившихъ человѣческими дѣлами; но такая вѣра исчезла постепенно среди образованныхъ людей. Какъ могъ человѣческой разумъ поступить иначе со всѣми противорѣчіями и нелѣпостями тысячъ туземныхъ и ввозныхъ божествъ, изъ которыхъ каждое заявляло самыя неумѣренныя притязанія? Богъ, обладавшій верховною и бесспорною властью въ своемъ гротѣ или храмѣ, утрачивалъ всякое значеніе, какъ только вступалъ въ кругъ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи не существуетъ никакого различія между богами и людьми. Большіе города подводятъ подъ одинъ уровень тѣхъ и другихъ. Тотъ, кто представлялся въ грандіозныхъ размѣрахъ въ уединеніи родины, ускользалъ отъ наблюденія въ уединеніи толпы.

Самое поверхностное изслѣдованіе римской философіи, — если только ее можно назвать философіею, — показываетъ намъ полное исчезновеніе религіознаго чувства. Скептическая мысль высказывается въ объясненіяхъ Теренція Варрона, жившаго въ 110 г. до Р. X. и говорившаго, что антропоморфическіе боги должны считаться простыми эмблемами силъ природы; а общее стремленіе того времени обрисовывается лучше всего въ поэмѣ Лукреція, въ его предписаніяхъ освободить умъ отъ страха передъ богами, въ его аргументахъ противъ безсмертія души, въ его заявленіи, что природа единственный богъ, которому слѣдуетъ поклоняться. Цицеронъ показываетъ намъ на своемъ личномъ примѣрѣ, какимъ слабымъ и неустойчивымъ руководителемъ въ жизни сдѣлалась философія и какъ человѣкъ, желавшій казаться передовымъ мыслителемъ своего времени, былъ въ сущности не болѣе, какъ рабскимъ подражателемъ своихъ греческихъ предшественниковъ, который не придавалъ своимъ произведеніямъ отпечатка мужественной и независимой мысли, а заботился о временномъ эффектѣ скорѣе, чѣмъ о прочномъ дѣйствіи; по тому что Цицеронъ обращался всегда больше къ публикѣ, чѣмъ къ философамъ, обнаруживая этимъ свои привычки адвоката. Подъ тонкимъ покрываломъ онъ скрываетъ самый настоящій скептицизмъ и съ инстинктомъ официального лица склоняется больше въ пользу изслѣдованія общественныхъ дѣлъ, чѣмъ въ пользу разрѣшенія глубокихъ и отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ. Какъ это бываетъ со всѣми поверхностными людьми, онъ не видитъ различія между предметами умозрительными и точными и смѣшиваетъ ихъ въ одну кучу. Онъ заявляетъ, что не слѣдуетъ сообщать правды публикѣ, особенно въ томъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о религіи.

Римская философія.

Варронъ.

Лукрецій.

Цицеронъ.

И мы, по всей вѣроятности, согласимся съ этимъ, когда узнаемъ, что онъ считаетъ Бога только душою міра, что онъ дѣлаетъ много серьезныхъ возраженій противъ ученія о Провидѣніи, внушаетъ мысль, что боги лишь поэтическіе образы, выражаетъ неувѣренность, что душа бессмертна, но за то смѣло заявляетъ, что ученіе о наказаніи въ будущей жизни—пустая сказка.

Римляне отличались особенностью налагать на все отпечатокъ своего практическаго направленія. Это постоянно обнаруживается въ ихъ философіи, вмѣстѣ съ поразительною ничтожностью оригинальной мысли. Квинтъ Секетій убѣждаетъ насъ вести добродѣтельную жизнь и предписываетъ воздержаніе отъ пищи. Въ этомъ отношеніи съ нимъ сходились многие изъ представителей цинической школы, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ говорятъ, даже присоединились къ браминамъ. Въ смутныя времена первыхъ цезарей люди искали опоры въ философіи, потому что религія не могла поддерживать ихъ. Среди стоиковъ были нѣкоторые лица, на которыхъ можно оглянуться съ удовольствіемъ,—напр., Сенека. Его сочиненія оказали громадное вліяніе на послѣдующіе вѣка, хотя, читая ихъ внимательно, мы принуждены приписать ихъ вліяніе не столько ихъ внутреннему значенію, сколько счастливому совпаденію ихъ съ преобладающимъ направленіемъ религіозной мысли. Сенека настаиваетъ на необходимости хорошей нравственности, а между тѣмъ пишетъ противъ религіи своей родины, ея обрядовъ, ея требованій. На гораздо болѣе высокой ступени развитія стоялъ Эпиктетъ, одновременно рабъ и философъ, хотя его врядъ ли можно считать истиннымъ стоикомъ. Онъ признаетъ человѣка простымъ зрителемъ Бога и его твореній и учитъ, что каждый, кто не въ силахъ сносить большія жизненныхъ невзгодъ и чувствуетъ въ глубинѣ души, что боги не осудятъ его, можетъ спокойно рѣшиться на самоубійство. Его правило заключалось въ слѣдующемъ: каждому предназначена въ жизни извѣстная роль, и хорошо сдѣлать то, что сыгралъ ее наилучше,—что каждый человѣкъ долженъ руководиться своею совѣстью. Если Сенека говоритъ, что единственная и полная наша собственность—время и что нѣтъ ничего другого, что принадлежало бы человѣку, то Эпиктетъ учитъ, что человѣкъ властенъ только надъ своими мыслями и что все другое виѣ его власти. М. Аврелій Антонинъ, императоръ, не колебался выразить свою благодарность Эпиктету, рабу, за попытку положить въ руководство его жизни правила стоиковъ. Онъ убѣждаетъ каждого человѣка сохранить своего демона—свою душу—свободнымъ отъ грѣха, и предпочитаетъ религіозныя упражненія физическимъ изслѣдованіямъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ основными положеніями своей секты; но дурныя времена заставляли людей искать поддержки въ религіозныхъ утѣшеніяхъ скорее, чѣмъ въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Въ Максимѣ Тирскомъ (146 г. по Р. Х.) замѣчается подобное же направленіе, прикрытое видомъ платонизма и производящее такое впечатлѣніе, какъ будто поклоненіе изображеніямъ и святилищамъ излишне для тѣхъ, кто сохранилъ живое воспоминаніе о когда-

Максимъ Тирский.

виднѣнномъ имъ божествѣ, но превосходно для простаго народа, забывшаго о своемъ славномъ прошломъ. Александръ Афродизійскій обнаруживаетъ стремленіе, получающее все большее и большее преобладаніе, къ сочетанію Платона и Аристотеля. Онъ разсматриваетъ вопросъ о Провидѣніи съ абсолютной и условной точки зрѣнія, изслѣдуетъ его отношенія къ религіи и выказываетъ наклонность поддерживать религіозное чувство своего времени.

Галенъ, врачъ, утверждаетъ, что единственный источникъ знанія—опытъ; придаетъ наибольшее значеніе разрабѣ математики и логики, замѣчая, что самъ онъ сдѣлался бы пирронистомъ, если бы не геометрія. Теологическое ученіе физиологии составляетъ, по его мнѣнію, основаніе истинной теологіи. Врачи того времени не мало способствовали распространенію такого рода мнѣній; болѣею частью они считались поклонниками пантеистическаго ученія. Изъ числа ихъ можно назвать Секета Эмпірика; сохранившіяся сочиненія его указываютъ на стремленіе этой школы къ материализму.

Таково было направленіе мыслей среди образованныхъ римлянъ; къ этому философскому атеизму образованныхъ классовъ присоединялся атеизмъ равнодушія у простаго народа. Но человѣкъ такъ ужъ созданъ, что не можетъ жить безъ какой-либо формы религіи; поэтому существовала, очевидно, опасность, чтобы, въ случаѣ появленія какой-либо монотеистической идеи, она не приняла какой-либо грубой, низменной формы. Въ гораздо болѣе поздній періодъ времени, чѣмъ тотъ, который мы теперь разсматриваемъ, одинъ изъ императоровъ заявилъ, что необходимо было бы дать выснимъ классамъ полную свободу заниматься здравою философіею, а простымъ классамъ дать удовлетвореніе въ видѣ пышнаго церемоніала; онъ видѣлъ, какъ трудно помощью одной государственной власти удовлетворить два такія, по существу своему взаимно противорѣчившія, требованія. Хотя политеизмъ утратилъ всякую умственную силу, но народы, еще такъ недавно исповѣдывавшіе его, не могли такъ скоро отказаться отъ всякаго стремленія къ анимализаціи религіи и къ представленію Бога въ видѣ живого существа, одареннаго плотью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ императоръ являлся лишь болѣе отдаленнымъ и болѣе величественнымъ представителемъ побѣжденныхъ и почтенныхъ царей, но онъ былъ, подобно имъ, человѣкомъ. Существовала опасность, что теологическая система, измѣнившись вмѣстѣ съ политическою, будетъ способствовать лишь распространенію антропоморфическихъ понятій.

Исторія постоянно показываетъ, что націи могутъ быть видоизмѣнены прочно только въ томъ случаѣ, если ихъ принципы и дѣйствія совпадаютъ съ существующимъ направленіемъ мысли. Наполеонъ надъ ними исчезаетъ черезъ нѣсколько поколѣній, не оставивъ по себѣ и слѣда своего существованія. Даже побѣда побѣждаетъ временемъ. Глубокія измѣненія происходятъ только въ томъ случаѣ, когда сила дѣйствуетъ въ унисонъ съ харак-

Принципы только тогда имѣютъ.

теромъ времени. Международный миръ среди народовъ, вступавшихъ прежде въ такія сильныя столкновенія другъ съ другомъ,—миръ подъ эгидою великой верховной державы; единство чувствъ и братство, проложившия себѣ быстро путь по всему побережью Средиземнаго моря; интересъ обширной, все болѣе и болѣе разрастающейся торговли, усиливавшейся благодаря поглощенію столькихъ мелкихъ государствъ одною великою республикою, молча привели дѣла въ такое положеніе, что религіозный догматъ, основанный на взаимномъ уваженіи и интересѣ, легко могъ получить политическую силу. Среди великихъ военачальниковъ тѣхъ время долженъ же былъ непременно найтись, одинъ, практический умъ котораго подсказалъ бы ему личныя выгоды, вытекающія для него изъ союза съ всемірною, преобладающею повсюду идеею. Какой другой способъ могъ бы привлечь ему приверженцевъ на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи, до самыхъ отдаленныхъ ея уголковъ? И даже если бы онъ, въ силу своего собственнаго умственнаго развитія, оказался не въ состояніи принять вполне ту особенную форму, въ которую воплотилась религіозная идея, если бы онъ принялъ ее только какъ политикъ, отвергая ее какъ человѣкъ, то и тогда она придавала бы ему взаимнѣе громадную силу,—силу, достаточную для того, чтобы, въ случаѣ сопротивленія со стороны метрополи или въ случаѣ неспособности ея служить его намѣреніямъ, онъ могъ найти ей соперника въ болѣе удобномъ для него мѣстѣ и предоставить ее самой себѣ, «остовъ такой великой славы и столькихъ преступленій».

Теперь, послѣ совершившагося факта, для насъ совершенно ясно, что окончательный ударъ политизму былъ нанесенъ уничтоженіемъ древнихъ независимыхъ національностей, обитавшихъ во-
Римское вліяніе ставитъ границы наступавшему монополизму.
 кругъ Средиземнаго моря; подобнымъ же образомъ политизмъ являлся результатомъ установленія имперскаго правительства въ Римѣ. Но великіе государственные дѣятели того времени, наблюдая за текущими событіями съ общей точки зрѣнія, должны были предвидѣть, что какую бы форму ни приняла ожидавшаяся перемѣна, ея границы должны были совпадать съ границами самой имперіи, и повсюду, гдѣ понимали римскій языкъ, должна была получить преобладаніе и римская религія. Съ теченіемъ времени она должна была распространиться за эти предѣлы повсюду, гдѣ встрѣчала родственное положеніе дѣлъ. На югѣ, въ Африкѣ, не на что было надѣяться, — въ этой странѣ люди жили въ полномъ униженіи и были счастливы. На востокѣ существовали обширныя нетронутыя монархіи, не испытывавшія никакихъ религіозныхъ нуждъ. Но на сѣверѣ жили народы, хотя и погруженные въ самое отвратительное варварство, грязные и тѣломъ и душою, полигамисты, идолопоклонники, напивавшіеся изъ череповъ своихъ враговъ, но способные къ блестящему развитію въ будущемъ. Они приняли большое участіе въ этомъ дѣлѣ.

За исключеніемъ смерти націи, нѣтъ событія въ человеческой исторіи, которое производило бы болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ исчезновеніе старой религіи, хотя религі-

Новыя идеи соединяются со старыми.

озныя идеи отличаются переходнымъ характеромъ, а одни вѣрованія слѣдуютъ за другими съ періодичностью, опредѣляющеюся постояннымъ измѣненіемъ человѣческой мысли. Уметвенная эпоха, разсматриваемая нами, характеризуется слѣдующими измѣненіями: отреченіемъ отъ освященной временемъ, но обветшалой системы и принятіемъ новой системы, полной жизни и силъ, при чемъ въ первоначальныхъ стадіяхъ одно мнѣніе слѣдуетъ за другимъ по хорошему намѣченному пути, пока, наконецъ, послѣ немногихъ столѣтій слиянія и растворенія, они не кристаллизуются на остаткахъ римскаго владычества, принявъ окончательную форму, которая, медленно измѣняясь и переходя въ папство, въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ удовлетворяетъ Европу въ вѣкъ ея вѣры.

Личное поведеніе образованныхъ классовъ сильно способствовало этому отреченію. Они по вѣншиности подчинялись церемоніалу того времени, предоставляя себѣ разработку высшихъ ученій, какъ чего-то недоступнаго пониманію толпы. Считаю себя умтвенною аристократіею, они сами стояли наверху и съ плохого скрываемого усмѣнкою взирали, не возражая, на окружающее безуміе. Плохое настало время, когда такіе писатели, какъ Полибій и Страбонъ, извинились передъ своими собратьями за наружное признаніе ими традицій и легендъ, говоря, что неприлично и бесполезно оскорблять народныя вѣрованія и что дѣти по развитію должны, наравнѣ съ дѣтми по лѣтамъ, сдерживаться помощью пугалъ. Плохое было время, когда торжественные обряды прежняго времени обратились въ пустыя зрѣлища, разыгрываемыя лицемѣрнымъ жреческимъ сословіемъ и невѣрующею аристократіею, когда оракулы замолкли, потому что не могли больше противостоятъ насмѣнкамъ посвященныхъ, когда чудеса древнихъ признавались пустыми обманами, а современныя чудеса — фокусами. Плохо было дѣло, когда даже государственные люди признавали слѣдующее правило: когда народъ достигаетъ извѣстнаго умтвеннаго развитія, то жреческое сословіе должно либо притѣнять его, либо обманывать, если хочетъ сохранить свою власть.

Въ Римѣ во времена Августа умтвенные классы, философы и государственные люди, совершенно отреклись отъ прежняго образа мыслей. По ихъ мнѣнію, національныя легенды, такъ ревниво охраняемыя народомъ, были не болѣе, какъ фикціи. Чудесное зачатіе Реи Сильвіи отъ бога Марса, событіе, на основаніи котораго предки римлянъ вывели божественное происхожденіе основателя своего города, было признано мноомъ; вѣра въ заступничество Венеры, этой эмблемы женской прелести, передъ отцомъ боговъ за своихъ людей-любимцевъ была уничтожена; книги Сивиллы, заключавшія въ себѣ нѣкогда, по людскому повѣрью, все, что было необходимо для благоденствія республики, были заподозрѣны въ далеко не божественномъ происхожденіи; не мало было намековъ на то, что ихъ сильно извратили въ угоду мимолетнымъ интересамъ или даже что настоящія книги были затеряны, а другія сочинены на мѣсто ихъ. Греческая мнѣология была тогда, какъ и для насъ, предметомъ общаго

Положеніе римскихъ образованныхъ классовъ въ религіозномъ отношеніи.

уваженія, не потому, чтобъ она обладала какою-либо особою присущею ей истиною, а благодаря тому, что она воплощалась въ чудныхъ произведеніяхъ поэзіи, живописи и ваянія. Существованіе тѣхъ знаменитыхъ людей, которые, вслѣдствіе своей полезной жизни или благодаря даннымъ имъ превосходнымъ примѣрамъ, были возведены въ санъ святыхъ или даже боговъ, отрицалось: если жъ оно допускалось, то, во всякомъ случаѣ, приписываемы имъ качества считались преувеличеніями отдаленнаго варварскаго времени. Такъ было дѣло съ Эскулапомъ, Вакхомъ и Геркулесомъ. Что же касается до различныхъ формъ богослуженія, то множество сектъ, на которыя распалось язычество, представляли образчики недѣльнаго и несостоятельнаго поклоненія, совершенно не достойнаго вниманія, если не считать пользы, которую они могли принести интересамъ государства.

Таково было положеніе дѣлъ среди образованныхъ людей. Въ ихъ перъ-
и-
 тельность. одномъ отношеніи они получили полную свободу, въ другомъ находились въ крѣпостной завиенности. Ихъ страхъ передъ неприятностями, которыя могли быть нанесены имъ невѣжественными современниками, можетъ показаться намъ удивительнымъ: они дѣйствовали такъ, какъ будто имѣли передъ собою дикаго звѣря, который можетъ укунить ихъ и растерзать, если его пробудить слишкомъ неожиданно отъ сна; но ихъ трусость могла лишь отсрочить неизбежный кризисъ. Невѣжественные классы, которыхъ они такъ боялись, самопроизвольно проснулись и ясно увидѣли положеніе дѣлъ.

Нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ обладали самыми высокими умственными способностями; тѣмъ не менѣе, хотя они, наравнѣ со всеми другими, интересовались этимъ предметомъ, ясно видѣли, какое направленіе принимаетъ данное положеніе дѣлъ.

Переходъ дѣлъ
 въ руки невѣ-
 жественныхъ
 классовъ имъ не пришло въ голову даже поднять палець для руковод-
 ства движеніемъ. Хотя и правда то, что римскій геній проявлялся скорѣе въ физическихъ, чѣмъ въ умственныхъ дѣйствіяхъ, но въ лучшіе дни Рима онъ никогда не поручалъ руководству важными дѣлами государства отпущенникамъ, евреямъ и рабамъ. Теперь же дѣло представлялось въ слѣдующемъ видѣ: между тѣмъ какъ старые боги утратили свое политическое значеніе, правительство продолжало лицемѣрно выказывать имъ повиновеніе, вслѣдствіе чего, вскорѣ послѣ введенія христіанства, его чистыя ученія были извращены примѣсью къ нимъ обрядовъ исчезнувшей вѣры. Трудно было ожидать, чтобы народный умъ самопроизвольно освободился изъ заколдованнаго круга, въ который онъ былъ заключенъ. Только одна философія могла и вытекающее
 отсюда униже-
 ніе христіан-
 ства въ Римѣ. помочь ему выпутаться, а философія въ критическую минуту измѣнила своей обязанности. Ученый классикъ узнаетъ съ удивленіемъ, что языческій праздникъ Августа продолжается въ церкви подъ именемъ праздника св. Петра in vinculis и что многіе языческіе обряды совершаются попрежнему въ римской церкви. Если бы слѣды язычества сохранились только въ такихъ случайныхъ частностяхъ, то они не представляли

бы большого значенія, но все изучавшіе этотъ вопросъ согласятся со мною, что зло было гораздо болѣе общимъ, гораздо болѣе глубокимъ. Если бы Траянъ, послѣ десяти столѣтій посѣтилъ Римъ, онъ безъ малѣйшаго затрудненія узналъ бы знакомую ему драму, хотя дѣйствующія лица и сцена совершенно измѣнились; онъ поинтересовался бы, какую крупную ошибку допустилъ въ законахъ своего правленія, и насколько лучше поступаетъ благоразумное правительство, когда, въ случаѣ исчезновенія разумнаго основанія для преобладающей религіи, воздерживается отъ всякаго рода принудительныхъ дѣйствій относительно того, что не выдерживаетъ болѣе критики, и само принимаетъ участіе въ новомъ движеніи, стараясь захватить его въ свои руки и направить по желательному для него пути. Философія не приноситъ никакой пользы, когда ее примѣняютъ къ вещамъ, отвергаемымъ здравымъ смысломъ; недобрыя, съ которымъ относится къ послѣднимъ, распространяется и на нее. А разъ представившійся ей случай оказать пользу человечеству будетъ утерянъ ею, пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ онъ повторится. Невѣжество и низменные интересы пользуются удобнымъ случаемъ и налагаютъ такое бремя на человѣка, что и тысячелѣтняя борьба не въ состояніи справиться съ нимъ. Изъ всѣхъ обязанностей просвѣщеннаго правительства наиболѣе важною является обязанность вступать въ союзъ съ философіею въ критическій моментъ, который переживается обществомъ, претерпѣвающимъ такой глубокой переворотъ въ своихъ мнѣніяхъ, какой происходитъ въ томъ случаѣ, когда отбрасывается старая религія и принимается новая; это самая важная изъ обязанностей правительства, потому что она тѣсно связана съ тѣмъ, что переживаетъ все временныя интересы.

ГЛАВА IX.

Европейскій вѣкъ изслѣдованія.

ПОСТЕПЕННОЕ ИЗМѢНЕНІЕ ВЪ МНѢНІЯХЪ, ЗАКАНЧИВАЮЩЕЕСЯ УЧРЕЖДЕНІЕМЪ СОВОРОВЪ И СОСРЕДОЧЕНІЕМЪ ВЛАСТИ ВЪ РУКАХЪ ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ, ПЕРВЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ, СТОЛКНОВЕНІЯ И КОНЕЧНОЕ УСТАНОВЛЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

Возникновеніе христіанства.—Установленіе различія между христіанствомъ и церковною организаціею.—Утвержденіе его благодаря плачевному положенію имперіи.—Непродолжительность его столкновенія съ язычествомъ.—Характеръ его ранней организаціи.—Измѣненія въ образѣ мыслей и возникновеніе сектъ: существенное различіе между западными и восточными сектами.—Три первоначальныя формы христіанства: іудейская форма, ея конецъ,—гностическая форма, ея конецъ,—африканская форма,—она продолжается.

Распространеніе христіанства изъ Сиріи.—Его антагонизмъ съ имперіализмомъ; ихъ столкновенія.—Положеніе дѣлъ при Диоклетіанѣ.—Политика Константина.—Онъ опирается на христіанскую партію и, благодаря ей, получаетъ власть.—Его личныя отношенія къ ней.

Споръ тринитаріевъ.—Исторія Арія.—Никейскій соборъ.

Усиленіе власти римскаго епископа.—Римская церковь; занимаетъ первоначально подчиненное положеніе.—Причины, обусловливавшія усиленіе ея богатства, влияния и испорченности.—Ея ступени развитія черезъ педагіевы, несторіанскіе и еutihievы споры.—Соперничество епископовъ константинопольскаго, александрійскаго и римскаго.

Необходимость папы на западѣ и церковныхъ соборовъ на востокѣ.—Характеръ этихъ соборовъ и папской власти.

Періодъ этотъ заканчивается взятіемъ и разграбленіемъ Рима Аларихомъ.—Защита этого событія св. Августиномъ.—Критика его произведеній.

Характеръ прогресса мысли въ теченіе этого періода.—Судьба трехъ великихъ епископовъ.

Изложивъ паденіе политизма и упадокъ философіи, а также нравственную и общественную дезорганизацію римской имперіи, я займусь теперь изслѣдованіемъ самаго важнаго изъ всѣхъ событій—возникновенія христіанства. Я покажу, какое измѣненіе въ мнѣніяхъ предшествовало ему и какъ оно достигло своего крайняго развитія; какъ оно закончилось установленіемъ критеріума истины въ формѣ церковныхъ соборовъ и дало начало системѣ, удовлетворявшей умственныя потребности Европы въ теченіе почти тысячи лѣтъ.

Читатель, прочитавшій мое изложеніе положенія римскаго государства, долженъ теперь познакомиться съ послѣдствіями, къ которымъ оно привело. Намъ придется намѣтить развитіе христіанства, изслѣдовать, насколько его главные принципы соотвѣтствовали потребностямъ имперіи, и прослѣдить за представляемыми ими измѣненіями,—задача чрезвычайно трудная, потому что даже искренность и правда часто кажутся оскорбительными. Что касается меня, то я намѣренъ съ глубокимъ уваженіемъ

говорить объ этомъ важномъ предметѣ, но въ то же время и вполне свободно, потому что свобода мысли и слова важнѣе всего для меня.

Но, чтобы не подвергнуться недоразумѣніямъ и ложнымъ толкованіямъ, я прежде всего постараюсь провести рѣзкое различіе между христіанствомъ и церковною организаціею. Первое—даръ Божій, вторая—продуктъ челоѳическихъ потребностей и челоѳического изобрѣтенія, а слѣдовательно доступна критикѣ и, въ случаѣ нужды, можетъ подвергнуться и осужденію.

Изъ положенія римской имперіи видно, какіе принципы должны были лечь въ основаніи такой новой системы, которая была бы въ состояніи улучшить его. Въ царствованіе Августа насиліе прекратилось только потому, что оно завершило свое дѣло. Вѣра умерла, нравственность исчезла. Обитавшія на берегахъ Средиземнаго моря націи молча глядѣли другъ на друга—участницы общаго несчастья, раздѣлявшія общую имъ всѣмъ судьбу. Ни одна изъ нихъ не нашла бога, который пришелъ бы къ ней на помощь въ дни горя и нужды. Европа, Азія и Африка были спокойны, но это было молчаніе отчаянія.

Римъ никогда не смотрѣлъ на челоѳка какъ на индивидуума, а только какъ на вещь. Онъ добивался политическаго величія, не обращая никакаго вниманія на челоѳическія страданія. Если завоеванные имъ народы получали какія-либо выгоды отъ его владычества, то это дѣлалось чисто случайно, независимо отъ его желанія. Самъ Римъ никогда не игралъ сознательной, заранѣе обдуманной цивилизаторской роли. Завоеваніе и грабежъ, всегдашняя цѣль его дѣйствій, не позволяли ему, даже во время его наибольшаго умственнаго развитія, понять равенство всѣхъ людей передъ лицомъ закона. Безжалостно преслѣдуя свою суровую политику, онъ рѣдко, и то лишь въ силу высшихъ государственныхъ соображеній, удерживалъ карающую руку. Гордясь своею властью, онъ могъ еще оказывать пощаду; но до милосердія онъ никогда не снисходилъ.

Что же удивительнаго, если въ то время, когда Сирія уплачивала въ видѣ налоговъ одну треть своего годового дохода, еврейскій крестьянинъ вздыхалъ по избавителю и жадно прислушивался къ преданіямъ своей націи, обѣщавшимъ ему земного мессію, «царя іудейскаго»? Что же удивительнаго, если послѣ провозглашенія равенства всѣхъ людей передъ Богомъ, «заставившимъ солнце равно свѣтить для добрыхъ и злыхъ и посылавшимъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ», люди начали ждать равенства людей и передъ закономъ? Всеобщее равенство подразумеваетъ и всеобщее милосердіе; оно замѣняетъ безличныя и легко обходимыя приказанія государства повелѣніями всегда присущей совѣсти; оно означаетъ признаніе заповѣди: «поступайте съ другими такъ, какъ бы вы хотѣли, чтобы другіе поступали съ вами».

При распространеніи извѣстнаго ученія наибольшее значеніе представляютъ двѣ вещи: внутренній характеръ этого ученія и условія окружающей среды. Не трудно понять причину распростра-

Положеніе яза- ненія христіанства. Противникъ его, язычество, отли- чства. чался врожденною слабостью, неустойчивостью и безпросвѣтнымъ будущимъ, представлялъ систему,—если только можно примѣнить къ нему это названіе,—въ которой не было ни руководящей идеи, ни принциповъ, ни организаціи, которая не заботилась о прозелитахъ: соперничающіе жрецы которой поклонялись многимъ богамъ, но не образовывали между собою политическаго союза, занимались отправленіемъ общественнаго богослуженія и предсказывали будущее, но не вмѣшивались въ домашнюю жизнь; которая не обращала никакого вниманія на несчастныхъ и обездоленныхъ, не признавала или, въ крайнемъ случаѣ, съ трудомъ допускала будущую жизнь, ограничивала надежды и желанія человѣка только этою жизнью, учила, что земное благосостояніе должно быть добываемо эгоистическимъ образомъ, во что бы то ни стало, и считала самоубійство наилучшимъ способомъ освобождать мужественныхъ людей отъ страданій.

Съ другой стороны, мы видимъ христіанство съ его энтузіазмомъ, его горячею вѣрою, его наградами въ этой жизни, вѣчнымъ блаженствомъ или осужденіемъ въ будущей; постепенное развитіе его ученія о грѣхѣ, раскаяніи, прощеніи; чудесное дѣйствіе крови Сына Божія; его духъ прозелитизма, его жизненныя ученія о воскресеніи мертвыхъ, о приближающемся концѣ міра, о страшномъ судѣ. Кромѣ того, большое значеніе представляла несравненная организація, вскорѣ достигнутая имъ, и его проповѣдь во всякое время. Нуждающійся христіанинъ получалъ отъ вѣрующаго щедрую милостыню, огорченный—симпатію своему горю. Въ каждой церковной общинѣ обращались къ Богу съ мольбами прислушаться ко вздохамъ заключенныхъ и плѣнниковъ и сжалиться надъ тѣми, кто близокъ къ смерти. Какъ для господина, такъ и для раба существовалъ только одинъ законъ, одна надежда, одно крещеніе, одинъ Спаситель, одинъ Судья. Во время семейныхъ утратъ рабъ-христіанинъ, несомнѣнно, часто утѣшалъ свою языческую госпожу предположеніемъ, что наша теперешняя разлука не вѣчна, и открывалъ ей, жадно прислушивавшейся къ его словамъ, о существованіи загробнаго міра,—страны, въ которой мы соединимся со своими мертвецами. Какъ можно остановить распространеніе вѣры, которая можетъ заставить разбитое сердце трепетать отъ радости?

Въ самомъ началѣ христіанство приняло форму коммунизма. Первичная его сліянiя собственности въ одно общее имущество, изъ организаціи. котораго нуждающійся могъ получать необходимое для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Такая система, введенная до ея крайнихъ послѣдствій, годится, впрочемъ, только для небольшихъ общинъ и для весьма краткаго періода времени; но въ большомъ масштабѣ она неудопримѣнима. Едва успѣла она установиться, какъ начались смуты по вопросу объ еврейскихъ и греческихъ вдовахъ,—смуты, показавшія необходимость ея видоизмѣненія. Благодаря такого рода вспоможеніямъ изъ фонда церковнаго, распространеніе вѣры въ низшихъ классахъ значительно

облегчилось. Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ потребности жизни крайне ничтожны, незначительная, повидимому, сумма можетъ оказать въ этомъ большую помощь. Но по мѣрѣ накопленія богатствъ, кромѣ этихъ приманокъ для бѣдныхъ, появились и искушенія для честолюбивыхъ въ видѣ громадныхъ жалованій и блестящаго содержанія, такъ какъ церковныя должности могли въ этомъ отношеніи больше чѣмъ соперничать съ государственными.

Изъ измѣненія, которому подверглась первоначальная организація, можно вывести поучительное заключеніе, что особая форма, въ которыя облакался отъ времени до времени христіанскій принципъ, представляли въ дѣйствительности ^{Постепенное распаденіе на секты.} лишь второстепенное значеніе. Первоначальныя секты исчезли такъ безслѣдно, что мы врядъ ли можемъ помнитъ значеніе ихъ именъ или опредѣлить существенныя ихъ догматы. Рядомъ съ постомъ, покаяніемъ и милостынею,—вѣнами, подлежащими точному опредѣленію и наиболѣе пригодными для умственного младенчества, мы можемъ прослѣдить и зарожденіе все болѣе и болѣе развивающейся ортодоксіи, доходившей до высшихъ метафизическихъ идей. Но не слѣдуетъ думать, чтобы новыя правила и ученія, возникавшія въ то время, составляли безсвязныя изобрѣтенія честолюбивыхъ людей. Строго говоря, они являются въ общемъ продуктомъ однообразнаго развитія человѣческихъ мнѣній.

Писатели, изучавшіе секты первыхъ временъ, рассказываютъ интересующемуся этимъ читателю, какъ церковь вначалѣ ^{Первоначальныя мнѣнія въ мнѣніяхъ.} обнаруживала сильную привязанность къ еврейскимъ обрядамъ и съ трудомъ освободилась отъ іудейства, игравшаго въ ней громадную роль въ первые десять лѣтъ; какъ затѣмъ она въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій занималась спорами объ истинной природѣ Христа, вслѣдствіе чего одно вѣрованіе возникало за другимъ; евангелисты считали его простымъ человѣкомъ, доцеты—призракомъ, еврейскіе гностики Коринфа признавали его одареннымъ двойственною природою,—какъ въ послѣдующіе вѣка, послѣ распространенія христіанства по всей римской имперіи, проявились умственные особенности востока и запада, наложившія на него свой отпечатокъ: на востокѣ преобладали главными образомъ спекулятивныя ученія, изъ которыхъ наибольшее значеніе представляли тѣ, которыя были привезены платонистами изъ Александрии, потому что изъ всѣхъ философскихъ сектъ ^{Восточная теология стремится къ божеству.} платонисты доставляли наиболѣе послѣдователей христіанства; напротивъ того, западъ, подчиняясь своему утилитарному гению, уважающему все практическое и унижающему все умственное, занимался, при помощи благоприятнаго стеченія обстоятельствъ, расширеніемъ своего матеріальнаго могущества и усиленіемъ своей территоріальной власти. Исходною точкою всѣхъ сектантскихъ христіанскихъ идей былъ на востокѣ Богъ, на западѣ—человѣкъ. Въ этомъ ^{западная къ} заключается существенное различіе между ними. Востокъ былъ богатъ ученіями о свойствахъ божества, западъ изобилдовалъ правилами объ улучшеніи и утѣшеніи человечества. Долгое время существовала полная терпимость относительно различія въ

мѣнѣяхъ. До никейскаго собора никто не считался еретикомъ, если онъ только исповѣдывалъ апостольскій символъ вѣры.

Одинъ весьма проницательный церковный историкъ, разсуждая о ранней испорченности христіанства, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Когда чистый и незагрязненный источникъ, вскармливаемый божьею росой черезъ посредство тайныхъ каналовъ, превращается въ большую рѣку и долго течетъ, извиваясь, то онъ получаетъ окраску отъ различныхъ почвъ, черезъ которыя ему приходится протекать».

Подвергаясь, такимъ образомъ, влиянію окружающихъ обстоятельствъ, христіанство представило вначалѣ слѣдующія три видоизмѣненія: іудейское христіанство, гностическое христіанство, африканское христіанство.

Первое изъ этихъ видоизмѣненій произошло благодаря влиянію на христіанство іудейства, отъ котораго истинное христіанство освободилось съ крайнимъ затрудненіемъ, цѣною раздоровъ среди самихъ апостоловъ. Начавшись чисто еврейскою точкою зрѣнія первыхъ учениковъ, которые неохотно отказались отъ надежды, что Спаситель былъ давно ожидаемый земной мессія, царь іудейскій,—подъ чьимъ именемъ онъ и умеръ,—вѣра постепенно распространилась, включая послѣдовательно въ число своихъ прозелитовъ окружающихъ язычниковъ и, наконецъ, весь міръ, независимо отъ націй, климата и цвѣта. Вмѣстѣ съ этимъ необыкновенно быстрымъ распространеніемъ христіанства, выяснились и существенныя ученія, на которыхъ оно было основано. Но іудейское христіанство, собственно говоря, скоро безвременно погибло. Оно не въ силахъ было устоять, съ одной стороны, противъ могущественнаго влиянія апостоловъ въ самой церкви, а съ другой—противъ сильнаго давленія, производимаго на нихъ невѣрующими евреями, относившимися къ нему съ неумолимою ненавистью. Кромѣ того, быстрое распространеніе новыхъ ученій въ Малой Азии и Греціи возбуждало всеобщій энтузіазмъ, заразительно дѣйствующій. Первыми проповѣдниками въ римской имперіи были евреи; въ первые годы они настаивали на обрѣзаніи и на сообразованіи съ законами Моисея; но первый соборъ, созванный въ Іерусалимѣ, по всей вѣроятности, около 49 г., рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Организациою церкви, составлявшая первоначально копию съ синагоги, измѣнилась. Вначалѣ вѣра и обряды отличались крайнею простотою; надо было только вѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа, и крещеніе указывало, что новообращенный принять въ лоно вѣрныхъ. Іаковъ, братъ Господа, сталъ, какъ и слѣдовало ожидать въ виду его родства, въ положеніе главы церкви. Послѣ Іакова преемниками его въ званіи епископовъ іерусалимской церкви были, по свидѣтельству Евсевія, слѣдующія лица въ хронологическомъ порядкѣ: Симеонъ, Юстъ, Закхей, Товій, Веняминъ, Іоаннъ, Матвѣй, Филиппъ, Симеонъ, Юстъ, Левій, Ефремъ, Іосифъ и Іуда. Имена этихъ епископовъ показываютъ ясно, къ какой національности они принадлежали. Церковь эта гордилась тѣмъ, что въ ней не проявлялось никакой ереси до послѣдняго еврейскаго

епископа; но къ такому заявленію слѣдуетъ отнести съ нѣкоторыми ограниченіями, потому что мы весьма рано замѣчаемъ въ Іерусалимѣ двѣ ясно опредѣлившіяся партіи: одна признавала чудесное зачатіе, а другая отвергала его. Евѣионы, желавшіе установить происхожденіе Спасителя отъ Давида, слѣдовали генеалогіи, данной въ евангеліи отъ Матвѣя, но отвергали все, что сказано въ немъ о чудесномъ зачатіи, утверждая, что это свидѣтельство апокрифическое и противорѣчитъ исполнѣ генеалогіи, въ которой родъ Спасителя ведется черезъ Іосифа,—между тѣмъ какъ, если вѣрить свидѣтельству, Іосифъ не есть отецъ Іисуса Христа. Это была національная или патріотическая партія.

Двѣ причины, повидимому, обуславливали прекращеніе обращенія въ христіанство евреевъ; первое было разочарованіе по поводу земной власти мессіи, второю—преобладаніе, полученное ученіемъ о св. Троицѣ. Ихъ ревнивое отношеніе ко всему, что затрогивало ученіе о единомъ Богѣ, приняло почти фанатическій характеръ. Можно сказать, что іудейское христіанство исчезло вмѣстѣ съ разрушеніемъ Іерусалима римлянами; послѣднимъ слѣдомъ является, впрочемъ, споръ о пасхѣ, законченный никейскимъ соборомъ. Обращеніе евреевъ прекратилось до вступленія на престолъ Константина.

Вторая форма, гностическое христіанство, достигла полнаго развитія черезъ столѣтіе послѣ смерти Христа; оно пользовалось большимъ влияніемъ въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій и дало въ это время начало многимъ подчиненнымъ ему сектамъ. Оно представляло въ сущности христіанство, смѣшанное съ магізмомъ, на который оно наложило свой отпечатокъ. Оно считало Спасителя эманациею вѣчнаго самосуществующаго разума; этотъ разумъ, а не человекъ, Іисусъ, былъ Христомъ, который, будучи безтраснымъ призракомъ, не доставлялъ гностицизму никакой идеи объ искупительной жертвѣ и примиреніи. Развитіе этого христіанства было прекращено появленіемъ въ персидской имперіи при Арденширѣ Бабегане чистаго магізма; тѣмъ не менѣе, оно успѣло оказать на христіанство болѣе глубокое влияніе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и оставило на немъ неизгладимые слѣды, замѣтные и по настоящее время.

Третья форма, африканское или платоническое христіанство, возникла въ Александріи. Этотъ городъ служилъ центромъ роковыхъ споровъ о троицѣ,—слово, не встрѣчающееся въ священномъ Писаніи и введенное впервые Теофиломъ, епископомъ антиохійскимъ, седьмымъ апостоломъ. Во время Адриана христіанство распространилось по всему Египту и нашло себѣ многихъ послѣдователей среди платониковъ-философовъ метрополіи. Эти люди видоизмѣнили гностическую идею, чтобы сдѣлать ее подходящею для своихъ собственныхъ ученій, утверждая, что принципъ, давший начало міру, исшелъ изъ верховнаго разума и способенъ быть вновь поглощеннымъ имъ, какъ это бываетъ, по ихъ объясненію, съ лучомъ и солнцемъ. Этотъ лучъ, какъ они утверждаютъ, всегда

находился при нашемъ Спасителѣ, поэтому его можно признать Богомъ. Такимъ-то образомъ въ его лицѣ были три части: тѣло, душа и слово; слѣдовательно, онъ и Богъ, и человекъ. Но такъ какъ лучъ ниже солнца, то и Христосъ долженъ быть ниже Отца.

Изъ всего этого очевидно, что въ новой вѣрѣ было нѣчто трансцендентальное, и христіане платонической школы, слѣдя обычаямъ греческихъ философовъ, считали христіанское учение таинственнымъ; они называли его «пищею для сильныхъ людей» или «молокомъ для младенцевъ», по ходячему въ то время выраженію. Юстинъ мученикъ (132 г. по Р. Х.), философъ-платонистъ,

Слово. думалъ, что божественный лучъ, озарившій Христа, никогда не отымался у него и никогда не отдѣлился больше отъ своего источника. Для объясненія своей идеи онъ проводитъ два примѣра: подобно тому, какъ слово (logos), исходя отъ одного человека, входитъ въ другого, передавая ему мнѣніе перваго, между тѣмъ какъ то же мнѣніе остается при высказавшемъ его человекѣ, такъ и слово отца продолжаетъ существовать нераздѣльно въ немъ, хотя и передается Христу; или, подобно тому, какъ одна лампа можетъ быть зажжена отъ другой безъ потери свѣта со стороны послѣдней, такъ и божественность Отца передается Сыну. Послѣдній примѣръ получилъ вкорѣ большую популярность и былъ включенъ и въ никейскій символъ вѣры: «Богъ отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта».

Цѣль этого разсужденія, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить неприкосновеннымъ ученіе объ единствѣ Бога, потому что большая часть христіанъ были въ то время монархистами, въ теологическомъ значеніи этого слова.

Такимъ-то образомъ іудейская и гностическая формы исчезли, Постоянство между тѣмъ какъ африканская, платоническая или александрийскія идеи. между тѣмъ какъ африканская, платоническая или александрийская продолжали существовать и развиваться. Можно понять, какъ это случилось, только при изученіи политической исторіи того времени. Поэтому факты, необходимые для этой цѣли, будутъ вкратцѣ изложены мною.

Изъ своего мѣсторожденія въ Іудеѣ христіанство распространилось дальше, завоевывая римскій міръ. Въ своей первоначальной формѣ оно приобрѣло особенную силу въ слѣдствіе Распространеніе христіанства изъ Сири. господствовавшего въ то время вѣрованія, что конецъ міра близокъ и что земля должна вкорѣ погибнуть отъ огня. Возбуждивъ гражданскую войну въ Іудеѣ, оно затѣмъ перешло къ войнѣ наступательной и завоевательной. Оно послѣдовательно проникло въ Кипръ, Фригію, Галатію, во всю Малую Азію, Грецію и Италию. Преслѣдованія Нерона, такіа дѣянія, какъ пожаръ Рима, ни на одинъ день не задержали его побѣдоноснаго шествія; въ царствованіе этого императора оно быстро распространилось, и во всѣхъ направленіяхъ возникали церкви Петра и Павла, на іудейской или эллинской подкладкѣ. Послѣдняя получила преобладаніе, а первая исчезла. Строй и организація церквей претерпѣвали постоянныя измѣненія, общины постепенно утрачивали свою власть, мало по

малу сосредоточивавшуюся въ рукахъ епископа. Въ концѣ столѣтія епископская форма управленія получила преобладаніе, и церковная организація приняла такой внушительный видъ, что привлекла вниманіе императоровъ, которые открыли теперь ошибку, съдланную ими, когда они смѣшали новую религію съ іудействомъ. Нелюбовь ихъ къ ней, развившаяся вкорѣ въ видѣ репрессивныхъ мѣръ, составляла слѣдствіе особаго занятаго ею положенія. Какъ корпорація, христіане не только воздерживались отъ всякаго рода современныхъ удовольствій, избѣгая театровъ и публичныхъ зрѣлищъ, но и во всѣхъ отношеніяхъ составляли какъ бы государство въ государствахъ. Такое положеніе дѣлъ было совершенно несовмѣстимо съ существованіемъ тогдашняго правительства, и вытекающие отсюда неудобства и вредъ дали себя вкорѣ почувствовать. Побѣдоносное шествіе христіанства въ значительной степени облегчалось свободными сношеніями съ Средиземнымъ моремъ, благодаря тому, что море это было въ рукахъ одной только державы. Еврейскіе и греческіе купцы играли роль посредниковъ; торговые города служили ему аванпостами. Но не слѣдуетъ думать, что распространеніе христіанства не встрѣчало сопротивленія; въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полутора столѣтія мелкіе фермеры и земледѣльцы питали къ нему настоящую ненависть, считая его особенностью торговыхъ общинъ, къ которымъ они относились съ презрѣніемъ. Ему они приписывали землетрясенія, наводненія и заразы. Къ этимъ чувствамъ присоединялось еще желаніе захватить собственность вѣрующихъ, конфискованную закономъ. На это первобытные христіане постоянно и горько жалуются. Но пытки, огонь и дикіе звѣри не приносили никакой пользы лицамъ, прибѣгавшимъ къ такимъ мѣрамъ. Изъ преслѣдованій получалась только выгода для преслѣдуемыхъ. Несправедливость и варварство тѣмъ же сплотили набожныхъ, но слабыя общины, и подавили возникшіе въ нихъ внутренніе раздоры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, преслѣдованіе обусловливалось вызывающимъ видомъ церквей, возраставшимъ по мѣрѣ того, какъ онѣ становились сильнѣе. Чтобы понять это, стоитъ только просмотрѣть нѣкоторые документы, напр., обращеніе Тертуліана къ Скапулѣ. Полный нетерпимости, онъ заявляетъ, что національная религія—причина всѣхъ общественныхъ бѣдствій, наводненій, пожаровъ, затменій, и призываетъ мщеніе Бога на національное идолопоклонство. Согласно мнѣнію современныхъ ему христіанъ, онъ признаетъ дѣйствительное существованіе языческихъ боговъ, но считаетъ ихъ демонами и провозглашаетъ свою рѣшимость изгнать ихъ. Онъ грозитъ своимъ противникамъ слѣпотою, съдѣніемъ червями и другими ужасающими бѣдствіями. Такое чувство презрѣнія и ненависти, получившее достаточно силы, чтобы оказать политическое давленіе, должно было необходимо вызвать преслѣдованіе. Преслѣдованіе Деція въ 250 г. было направлено главнымъ образомъ противъ духовенства, не исключая и епископовъ іерусалимскаго, антиохійскаго и римскаго. Черезъ восемь

лѣтъ преслѣдованіе повторилось, при чемъ жертвами его пали Секетъ, епископъ римскій, и Кипріанъ, епископъ карагенскій.

При Діоклетіанѣ сдѣлалось очевиднымъ, что самоуправляющіяся христіанскія корпораціи были совершенно несовмѣстимы съ имперскою системою. Стоило имъ дольше продержаться, и онѣ приобрѣли бы такую силу, что сдѣлались бы крайне опасными въ политическомъ отношеніи. Не было города, не было деревни въ имперіи, и, что всего важнѣе, не было легиона, гдѣ не существовало бы такой организаціи. Одушевлявшіихъ непримиримый духъ, не знающій компромиссовъ, обусловливалъ необходимость тройственнаго союза государственныхъ людей, философовъ и политиковъ. Эти три партіи, прекративъ или, скорѣе, отложивъ свои вѣчные споры, дружно соединились, чтобы дать отпоръ общему врагу, пока еще не было поздно. Столкновеніе вспыхнуло прежде всего въ арміи. Христіанскіе солдаты въ нѣкоторыхъ изъ легионовъ отказались принять участіе въ древней церемоніи умилостивленія боговъ. Это было зимою 302—303 г. Дѣло приняло такой серьезный оборотъ, что Діоклетіанъ и Галерій созвали совѣтъ для рѣшенія вопроса, какъ поступить. Затрудненія, представляемыя даннымъ положеніемъ дѣлъ, будутъ, быть можетъ, лучше поняты, если мы скажемъ, что дочь и жена Діоклетіана были приверженцами новой религіи. Онъ былъ настолько талантливый человѣкъ и обладалъ настолько широкими политическими взглядами, что на второмъ совѣтѣ высшихъ государственныхъ людей и полководцевъ его не могли бы заставить дать согласіе на репрессію, если бы неизбежность столкновенія не была очевидна. Его страшное нежеланіе дѣйствовать выражается въ оставлен-

номъ имъ непремѣнномъ условіи, чтобы не было никакихъ потерь человѣческихъ жизней. Врядъ ли есть надобность разсказывать послѣдующія событія: какъ никомедійская церковь была срыта до основанія; какъ, въ отмщеніе за это, императорскій дворецъ былъ обращенъ въ пепелъ; какъ одинъ указъ императора подвергся открытому оскорбленію и былъ разорванъ на куски; какъ христіанскіе офицеры арміи были принуждены выйти въ отставку; какъ, по словамъ Евсевія, очевидца, громадное число мучениковъ пострадало вскорѣ въ Арменіи, Сиріи, Мавританіи, Египтѣ и другихъ мѣстахъ. Событія такъ неудержимо шли впередъ, что даже императоры оказывались не въ силахъ остановить преслѣдованіе. Христіане терпѣли пытки, ихъ сожигали, отдавали на растерзаніе дикихъ звѣрей и обезглавливали. Многіе изъ нихъ, въ моментъ осужденія, благодарили Бога за то, что Онъ удостоилъ послать имъ мученія. Весь міръ удивлялся ихъ подвигамъ. Такое грандіозное мужество не могло имѣть другихъ послѣдствій. Битва на жизнь и смерть между спорящими сторонами казалась неизбежною. Но при темной и кровавой политикѣ того времени вопросъ этотъ разрѣшился совершенно неожиданнымъ образомъ. Константину, только что бѣжавшему изъ тюрьмы, въ которую его засадилъ Галерій измѣнническимъ обра-

Ихъ политическая непослѣдовательность.

зомъ, пришло совершенно естественно въ голову, что союзъ съ христіанскою партіею доставить ему обязательно громадныя преимущества. Такой союзъ обезпечилъ бы ему въ каждомъ уголкѣ имперіи поддержку мужчинъ и женщинъ, готовыхъ идти въ огонь и воду; онъ далъ бы ему приверженцевъ, не только воодушевлявшихся традиціями своихъ отцовъ, но,—потому что человѣческая природа остается вѣрна себѣ даже и въ религіозныхъ дѣлахъ,—требовавшихъ мщенія за возмутительное, варварское и несправедливое обращеніе съ ними; онъ доставилъ бы ему,—а это наиболѣе важно,—непоколебимыхъ приверженцевъ въ каждомъ легионѣ арміи. И Константинъ смѣло началъ дѣйствовать. Война увѣнчалась успѣхомъ. Онъ не могъ не оставаться хоть по внѣшности вѣрнымъ лицамъ, обезпечившимъ ему успѣхъ и продолжавшимъ поддерживать его на престолѣ. Но до конца своей жизни онъ не подчинился обрядовымъ требованіямъ церкви.

Попытка вступить въ союзъ съ этою великою и быстро растающеюся партіею не представляла ничего новаго. Максиминъ первый сталъ на этотъ путь, но потерпѣлъ неудачу. Лициній, предвидя нейтрализировать ее, начавши вновь, хотя и въ слабой степени, преслѣдованія (316 г.) и думая такимъ образомъ примирить съ собою язычниковъ. Претенденты на императорскую власть въ такой сильной степени ослабили государство, что, будь христіанская партія еще слабѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, она и тогда доставила бы преобладаніе избранному ею кандидату. Тѣмъ болѣе шансовъ имѣла она получить преобладаніе теперь, принимая въ расчетъ ея многочисленность, ея развѣтвленія, ея сплоченность. Сила, убѣжденія,—все это оказалось недѣйствительнымъ въ борьбѣ съ нею.

Царствованіе Константина Великаго представляетъ конецъ римской имперіи и начало греческой. Переходъ отъ одной имперіи къ другой указывается основаніемъ новой метрополии, новой религіи, новымъ кодексомъ и, что важнѣе всего, новою политикою. Честолюбивый человѣкъ достигъ императорской власти, отождествивъ свои интересы съ интересами быстро разрастающейся партіи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого былъ союзъ церковью и государствомъ; опасные классы народа съ гражданскою дороги перешли на духовную. Этимъ, а не царствованіемъ Льва Исаврійскаго, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, начинается въ дѣйствительности византійская имперія; это же составляетъ начало вѣка вѣры въ Европѣ, хотя я считаю, что вѣкъ изслѣдованія переходитъ за предѣлы этой эпохи и заканчивается военнымъ паденіемъ Рима.

Церковные историки приводили все въ связь съ обращеніемъ Константина и съ признаніемъ христіанства національною религіею. Ихъ точка зрѣнія заставляла ихъ видѣть все въ другомъ свѣтѣ и придавать первостепенное значеніе второстепеннымъ и побочнымъ предметамъ. Событія приняли вскорѣ такой оборотъ, что политическое паденіе города Рима сдѣлалось неизбежнымъ.

Римляне исчезли, какъ народъ, и были поглощены другими народами; центръ власти заключался въ арміи. Легіоны выставляли одного претендента на престолъ за другимъ, — все это были некатели приключеній, успѣхъ которыхъ не могъ заставить ихъ отбросить низкія привычки, привитыя низкимъ происхожденіемъ и грубостью лагерной жизни, — они не представляли ничего общаго съ изяществомъ и утонченностью послѣднихъ представителей старинныхъ семей, доживавшихъ свои дни въ Римѣ. Они презирали военную дряхлость престарѣлаго города, ненавидѣли связанныя съ нимъ воспоминанія. Такіе люди отлично понимали выгоду, которая должна была получиться отъ основанія новой столицы; но такъ какъ подобнаго рода задача превышала ихъ силы, то они предпочли взамѣнъ этого перенести свою резиденцію въ одинъ изъ большихъ городовъ. Такимъ-то образомъ резиденція Діоклетіана въ Никомедіи вызвала въ скоромъ времени самыя пагубныя послѣдствія для Рима.

И такъ, политическія условія не только внушали мысль о перенесеніи резиденціи правительства, но и обусловливали возможность его. Быть можетъ, также, дѣлая это, императоръ думалъ заглушить мучившія его угрызения совѣсти. Но совершенно ошибочно было бы думать, что онъ въ это время или много лѣтъ спустя былъ уже христіаниномъ. Его дѣйствія не были дѣйствіями набожнаго обращеннаго; онъ былъ не прозелитомъ, а покровителемъ; онъ никогда не руководился религіозными принципами, а то доставлялъ самую сильную поддержку своимъ новымъ союзникамъ, то выказывалъ безпристрастіе дипломата къ обѣимъ формамъ религіи. Въ качествѣ первосвященника, онъ возстановилъ языческіе храмы и повелѣлъ совѣтываться съ гороскопами. Во время празднествъ въ честь основанія новой столицы, онъ оказалъ почести статуѣ Фортуны. Продолжающіяся языческія жертвоприношенія и открытые храмы указывали на его намѣреніе поставить новую религію на одинъ уровень со старою. Его совѣтъ епископу Александрійскому и Арію слѣдовать примѣру философовъ, которые никогда не обсуждали глубокихъ вопросовъ передъ невѣжественными слушателями и, различаясь въ мнѣніяхъ, никогда не питали другъ къ другу за это ненависти, доказываетъ его личный индифферентизмъ, хотя въ то же время онъ ясно сознавалъ свои обязательства относительно партіи, доставившей ему власть.

Это заключеніе подтверждается дѣйствіями самого Константина. Ихъ слѣдуетъ считать болѣе авторитетными, чѣмъ сочиненія религіозныхъ полемическихъ писателей того времени. Выбита была медаль, на которой выправированъ былъ его титулъ «Богъ» вмѣстѣ съ монограммою Христа. Другая медаль представляетъ, какъ рука спускаетъ его съ неба на колесницѣ солнца. Но на религіозное состояніе основателя Константинополя указываетъ еще болѣе ясно большая порфиновая колонна въ 120 футовъ вышины, на верху которой изображены одновременно солнце, Спаситель и императоръ. Ея корпусъ изображалъ въ колоссальномъ видѣ Аполлона,

черты котораго были замѣнены чертами Константина, а вокругъ головы его, подобно лучамъ, прикрѣплены были гвозди отъ креста Иисуса, только что найденнаго въ Иерусалимѣ.

Положеніе покровителя, принятое Константиномъ, указываетъ многими событіями его политической жизни. Миланскій эдиктъ предоставилъ свободу язычникамъ и христіанамъ; Его отношенія къ церкви. но необходимость, въ которую онъ былъ поставленъ, доставить иъ-которыя преимущества послѣднимъ заставила его издать рескриптъ, освобождавшій духовенство отъ гражданскихъ обязанностей. Это же побужденіе заставляло его привлекать на свою сторону епископовъ жертвованіемъ большихъ суммъ для исправленія церквей и для другихъ цѣлей и преслѣдовать, частью помощю не совѣмъ удобныхъ средствъ, то, что они признавали ересью. Лучшіе мотивы, быть можетъ, побуждали его возвратитъ христіанамъ привилегированныя званія, утраченныя ими, передавать законнымъ наслѣдникамъ конфискованныя имѣнія мучениковъ или, въ случаѣ ненахожденія наслѣдниковъ, передавать ихъ церкви, освобождать лицъ, осужденныхъ на работу въ рудникахъ, призывать назадъ лицъ, осужденныхъ на изгнаніе.

Перенесеніе столицы было вдвойнѣ важно для христіанства. Оно дѣлало возможнымъ сосредоточеніе власти въ рукахъ римскихъ епископовъ, которые, такимъ образомъ, Послѣдствія основанія новой метрополи. освободились отъ наблюденія императоровъ, влѣдствіе чего положеніе ихъ, вначалѣ совершенно шаткое и слабое, окрѣпло и развилось въ папскую власть, благодаря необыкновенно благоприятному стеченію обстоятельствъ. Кромѣ того, въ Константинополѣ не было языческихъ воспоминаній и интересовъ, съ которыми приходилось бы вести непрестанную борьбу. Вначалѣ новый городъ былъ римскимъ, и говорилъ на латинскомъ языкѣ; но вскорѣ латинскій языкъ замѣнился греческимъ, и перенесеніе метрополи правительства обратило латинскій языкъ въ языкъ церковный.

Константинъ отлично зналъ, что составляло главную опору римской власти. Его собственная исторія, послѣ смерти его отца и провозглашенія его императоромъ юрскими легіонами, заставила его понять, что для упроченія его династіи и его системы необходимо ослабить эти ужасныя полчища. По этой-то Политика Константина. причинѣ, желая отнять у будущаго военачальника возможность сдѣлать то, что было сдѣлано имъ и столькими его предшественниками, онъ сократилъ число людей въ легіонѣ съ 6000 до 1500 и даже 1000. По этой-то причинѣ онъ открылъ для честолюбцевъ менѣе опасное поле дѣйствій, въ видѣ церковнаго богатства и почета, рѣшивъ совершенно вѣрно, что такъ какъ ряды духовенства пополняются всѣми классами народа, то весь народъ будетъ заботиться о благоденствіи церкви. Освободивъ духовенство отъ тяжелыхъ муниципальныхъ должностей, напр., отъ должности декуріона, онъ назначилъ премію за отказъ отъ язычества. Интересъ, съ которымъ онъ относился къ спорамъ о св. Троицѣ, поощрялъ распространеніе теологическихъ споровъ отъ философовъ и людей, подготовленныхъ къ нимъ, въ толпу. При древнемъ поли-

теизмъ ересь была невозможна, такъ какъ каждый человекъ могъ выбирать себѣ любого бога и поклоняться ему; но при новомъ монотеизмѣ неизбежна была ересь — слово, вызвавшее столько ужасныхъ преступлений. Занимаясь такими возбуждающими вопросами, люди переставали обращать вниманіе на самые жгучіе политическіе вопросы современности. Въ то же время глаза черни легко было отвлечь отъ правительственныхъ дѣйствій скачками, театрами, щедрою раздачею денегъ. Но, впрочемъ, это отвлечение честолюбія въ другую сторону указывало на опасность въ будущемъ для государства. Донатисты, которыхъ Константинъ старался успокоить соборами римскимъ, арлескимъ и миланскимъ, проповѣдывали болѣе, чѣмъ религиозное возмущеніе, и выказывали всю ту горечь, которою отличаются обыкновенно соперники на церковномъ поприщѣ. Эти энтузіасты присвоили себѣ названіе избранниковъ Бога, провозглашали, что только ихъ епископы — истинные преемники апостоловъ и что всякій, отрицающій права Доната на карагенское епископство, долженъ быть навѣки осужденъ. Они спрашивали съ искренностью, придающею силу ихъ вопросу: «Что за дѣло императору до церкви, христіанамъ до царей, а епископамъ до двора?» Католическая партія, готовившаяся къ будущимъ жестокостямъ, уже спрашивала злобнымъ образомъ: «Неужели мщеніе Бога должно быть лишено своихъ жертвъ?» Уже Константинъ, надѣливши церковь правомъ получать по завѣщанію, положилъ начало той власти, которая, основываясь на вліяніи, составляющемъ принадлежность владѣнія землею, дѣлается въ концѣ концовъ всемогущею, когда принадлежитъ корпораціи, которая можетъ всегда получать, но не имѣетъ права отчуждать, которая вѣчно обновляется и никогда не умираетъ. Если церковь достигла громадной власти, то она обязана этимъ своей необыкновенной организаціи; индивидуумъ, который долженъ умереть, и семья, которая можетъ исчезнуть, вымереть, не могутъ противостоять корпораціи, цѣли которой никогда не мѣняются, а жизнь которой продолжается вѣчно. Но не одно государство лишилось части своего значенія, благодаря своему союзу съ церковью: послѣдняя отплатила щедро за полученныя ею временныя выгоды, допустивъ вмѣшательство государства въ ея дѣла.

Въ послѣдніе дни своей жизни Константинъ снялъ императорскую порфиру и, надѣвъ обыкновенную бѣдную одежду, ^{Его обращеніе и смерть.} жду, приготовился къ крещенію, чтобы смыть съ себя грѣхи своей продолжительной жизни. Такъ какъ полное очищеніе можетъ быть получено только одинъ разъ, то онъ насколько могъ долго откладывалъ этотъ моментъ, стараясь дотянуть до своего послѣдняго часа. Глубокій политикъ, даже въ своихъ сношеніяхъ съ небомъ, онъ легъ на свою бѣдную постель, отказался отъ всякаго участія въ мірскихъ дѣлахъ, и, обезпечивъ за собою право на благоденствіе въ будущей жизни, умеръ въ 337 г.

Теперь мы должны перейти къ изслѣдованію измѣненій въ мнѣніяхъ, обозначавшихъ собою этотъ вѣкъ. Трудно и невозможно описать ихъ всѣ. Поэтому я намѣренъ говорить только о наиболѣе выдающихся.

Въ церкви вкорѣ вспыхнули разногласія. Преслѣдованіе повело къ разбѣденію. Мученики, пострадавшіе за вѣру, ^{Начало сектантскихъ разногласій.} смѣлые ея исповѣдники приобрѣли большое значеніе и вліяніе и сдѣлались посредниками для примиренія съ церковью болѣе слабыхъ ея членовъ, въ минуту опасности отрекшихся отъ нея. Отсюда возникло много злоупотребленій. Желательно было установить дисциплину, общую для всѣхъ церквей, такъ, чтобы отлученный отъ одной церкви былъ отлученъ и отъ другой; въ виду этого необходимо было уничтожить эти злоупотребленія. Во время послѣдовавшихъ за этимъ пререканій, Новагъ основалъ свою секту на томъ основаніи, что раскаявшіеся вѣроотступники не должны быть ни за что приняты вновь. Но, кромѣ этого вопроса о дисциплинѣ, существовало еще много основаній для споровъ, — напр., время празднованія Пасхи, природа Христа, тысячелѣтіе земли, вторичное крещеніе. Въ Сиріи унитарій Неть уже предвидѣлъ грядущія событія; патрипассіанизмъ уже появился, савеліево ученіе уже существовало.

Но буря разразилась прежде всего въ Александріи. Въ этомъ городѣ жилъ священникъ, по имени Аріи, который, по ^{Аріи, его ученіе.} случаю очищенія вакансіи, пожелалъ сдѣлаться епископомъ. Но другой священникъ, по имени Александръ, занялъ полюбившееся ему мѣсто. И тотъ, и другой имѣли многочисленныхъ приверженцевъ. Аріи, между прочимъ, насчитывалъ среди нихъ не менѣе 700 дѣвъ изъ марготскаго монастыря. Въ своемъ раздраженіи, Аріи обвинилъ своего счастливаго соперника въ савелліанизмѣ, и, въ свою очередь, былъ преданъ проклятію. Не удивительно, что при такомъ положеніи дѣлъ споръ быстро принялъ философскій характеръ. Наибольшее затрудненіе представляло опредѣленіе положенія Сына въ св. Троицѣ. Аріи исходилъ изъ той точки зрѣнія, что, по самой природѣ родства, было время, когда Сынъ не существовалъ, и утверждалъ, что, въ силу непремѣннаго условія сыновнихъ отношеній, отецъ долженъ быть старше сына. Но такого рода утвержденіе, очевидно, подразумевало подчиненіе или неравенство между тремя лицами св. Троицы. Приверженцы Александра возстали противъ такого богохульственнаго униженія Искупителя; аріане отвѣтили на это, что, возвеличивая Сына, заявляя его во всѣхъ отношеніяхъ равнымъ Отцу, мы тѣмъ самымъ извращаемъ идею объ единствѣ Бога. Самъ новый епископъ началъ поучать заинтересованныхъ гражданъ, и, быть можетъ, до нѣкоторой степени оправдалъ свое назначеніе на епископское мѣсто, выказавъ большое реторическое искусство при публичномъ обсужденіи этого вопроса. Александрийцы, не предчувствуя всей важности затронутыхъ вопросовъ и всего значенія, которое они должны были современемъ получить, забавлялись, по свойственному имъ легкомыслію, устраивая театральныя представленія, въ основаніи которыхъ лежалъ этотъ споръ. Страсти обѣихъ партій были въ сильнѣйшей степени возбуждены: евреи и язычники, которыми былъ наполненъ городъ, довели публику до неистовства своими постоянными насмѣшками. Разногласіе распространилось, охватывая

мало по малу всю страну. Въ жаркомъ климатѣ Африки теологическіе споры быстро переходятъ въ политическія столкновения. Во всемъ Египтѣ не было ни одного христіанина, ни одной христіанки, которые не обсуждали бы вопроса о природѣ Бога. Волненіе достигло такой сильной степени, что императоръ былъ, наконецъ, вынужденъ вмѣшаться. Онъ сначала для улаженія спора послалъ Гозія, епископа кордовскаго, въ Александрію; когда же это средство оказалось недостаточнымъ, онъ, наконецъ, прибѣгнувъ къ другому, къ созыву никейскаго собора въ 325 г. Соборъ постарался успокоить царившее въ обществѣ волненіе осужденіемъ Арія и обнаруженіемъ главныхъ основаній вѣры, въ видѣ никейскаго символа вѣры, установившаго равенство по существу Отца съ Сыномъ. Выступивъ сначала въ роли посредника, Константинъ вскорѣ принужденъ былъ обратиться противъ Арія, побуждаемый къ тому своими друзьями. Онъ подтвердилъ рѣшеніе собора своею гражданскою властью, издалъ грамоты, выражавшія осужденіе Арія, и положилъ начало тѣмъ ужаснымъ наказаніямъ, которымъ, къ несчастью, суждено было такъ часто повториться въ послѣдующее время, повелѣвъ предать смертной казни каждаго, кто найдетъ книгу Арія и не сожжетъ ее.

Можно думать, что послѣ такихъ рѣшительныхъ дѣйствій всякій возвратъ былъ невозможенъ, а между тѣмъ едва прошло десять лѣтъ, какъ Константинъ измѣнилъ свое отношеніе къ осужденному Арію. На императора оказалъ влияние одинъ священникъ, пользовавшійся довѣріемъ его сестры, Констанціи. Афанасій, занявшій теперь мѣсто епископа александрійскаго, представитель противной партіи, былъ низложенъ и изгнанъ. Арія пригласили прибыть въ Константинополь, и императоръ приказалъ Александру, епископу этого города, на другой день причастить Арія. Это была суббота. Александръ побѣжалъ въ церковь, и, простершись ницъ, началъ горячо молить Бога вступиться и спасти своего слугу отъ такого грѣха, хотя бы даже цѣною смерти. Въ этотъ же самый вечеръ Арій внезапно заболѣлъ, проходя по улицѣ, а черезъ нѣсколько минутъ умеръ въ домѣ, куда успѣшилъ зайти. Много слуховъ ходило по городу по поводу этой смерти. Ариане утверждали, будто Константинъ намѣревался созвать второй соборъ и заставить его измѣнить символъ вѣры, согласно новымъ его убѣжденіямъ. Но смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе.

Никейскій соборъ не только не прекратилъ церковныя разногласія, но еще больше разжегъ ихъ. Сыновья и преемники Константина давали примѣръ страшныхъ насилій во время этихъ раздоровъ, и, еще до вторженія варваровъ въ имперію, теологическіе споры были въ самомъ разгарѣ во время всего четвертаго столѣтія. Даже чернь, едва успѣвшая разстаться съ язычествомъ, бралась судить о вопросахъ, по самому существу своему неразрѣшимыхъ. Политика Константина начала давать плоды.

Афанасій, епископъ александрійскій, глава православной партіи, сдѣлался личнымъ врагомъ императора, сына Константина

Константинъ пробуетъ уладить столкновѣніе и сватаетъ никейскій соборъ.

Осужденіе Арія, какъ еретика.

Арій вновь входитъ въ милость при дворѣ.

Распространеніе теологическихъ споровъ.

который, отчаявшись въ физическихъ средствахъ для его обузданія, прибѣгнувъ къ духовнымъ, заявилъ о божественномъ внушеніи. Онъ говорилъ, что у него было небесное видѣніе, какъ и у его отца; но такъ какъ онъ придерживался арианскихъ взглядовъ, то православные рѣшительно отвергли его сверхъестественный авторитетъ, и Иларій изъ Пуатье написалъ цѣлую книгу въ доказательство, что онъ антихристъ. Ужасныя убійства и кровопролитія, сопровождавшія эти споры въ большихъ городахъ, и частная жизнь людей высшаго и низшаго сословія показывали ясно, что христіанство, благодаря своему союзу съ политикою, дошло до невозможности обуздывать страсти людей. Біографіи сыновей Константина представляютъ длинный перечень семейныхъ убійствъ. Но среди всѣхъ этихъ споровъ свѣтскіе интересы имѣлись постоянно въ виду. На римскомъ соборѣ въ 359 г. сдѣлана была попытка освободить отъ налоговъ земли, принадлежавшія духовенству, но императоръ наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе. Македоній, епископъ константинопольскій, который прошелъ по трупамъ трехъ тысячъ людей, чтобы сѣсть на епископскій престолъ, превосходилъ въ ереси самого Арія: онъ не только утверждалъ, что Сынъ ниже Отца, но совершенно отвергалъ божественность Святого Духа.

Два факта выступаютъ впередъ, какъ результаты этихъ раздоровъ: 1) что существуетъ высшій законъ, которому правовѣрные должны повиноваться, въ противоположность закону своей страны, когда этого требуетъ ихъ убѣжденіе; что законъ божій, излагаемый епископомъ и могущій наказывать душу, долженъ стоять впереди закона императора, который можетъ казнить только тѣло и конфисковать имущество; 2) что существуетъ верховная власть епископа римскаго, которому Афанасій, глава ортодоксовъ, предоставилъ обсуждать свое дѣло во время двукратнаго посѣщенія этого города. Значеніе этихъ фактовъ выясняется въ послѣдующее время. Очевидно, готовилась борьба между императорскою и церковною властями, бывшими до тѣхъ поръ въ союзѣ.

Теперь мы займемся изслѣдованіемъ верховной власти римскаго епископа, причинъ, обусловившихъ его политическое значеніе. Только расширяя такимъ образомъ поле изслѣдованія, мы получимъ возможность составить себѣ ясное понятіе объ умственномъ направленіи того времени.

Долгое время, послѣ введенія его въ западной Европѣ, христіанство продолжало оставаться преимущественно греческою религіею. Его восточный характеръ перешелъ въ эллинскій. Церкви его получили вначалѣ греческую организацию, совершали свое богослуженіе на греческомъ языкѣ и сочиняли на немъ свои произведенія. Хотя оно еще долго сохраняло свой иностраннѣйшій обликъ, сохраняло его все время, пока Римъ продолжалъ служить резиденціею или находился подъ болѣе непосредственнымъ наблюденіемъ императоровъ, но оно постепенно подвергалось новымъ влияніямъ, дѣйствующимъ на него. Вопросы, такъ сильно

Афанасій возстаетъ противъ императора.

Два результата, къ которымъ привели эти события.

Исторія верховной власти папы.

Эллинское христіанство.

волновали востокъ,—напр., вопросы о природѣ Бога, о Троицѣ, о причинѣ зла,—производили на западѣ мало впечатлѣнія, такъ какъ умственные способности западныхъ народовъ не соответствовали такого рода изслѣдованіямъ. Основаніе Константинополя устранило политическое давленіе, дало національнымъ особенностямъ возможность выразиться, и латинское христіанство выступило на сцену, составляя противобѣсъ греческому.

Тѣмъ не менѣе нельзя никакъ сказать, чтобы существующія формы христіанства въ Европѣ были римскаго происхожденія. Она обязана ими и Африкѣ. Мы живемъ ^{благодаря} ^{африканскимъ} ^{вліяніямъ.} ^{Вполнѣнності} ^и ^{благодари} ^{африканскимъ} ^{вліяніямъ.} подъ африканскими вліяніями.

Теперь я вкратцѣ расскажу, какъ происходило это интересное событіе, какъ африканскія понятія утвердились въ Римѣ, какъ по мѣрѣ того, какъ греческое христіанство утрачивало свою силу распространенія и свой наступательный характеръ, африканское христіанство заступало его мѣсто, расширяясь въ западномъ и сѣверномъ направленіи и заимствуя себѣ организацию изъ римской имперіи, копируя ее, назначая своихъ духовныхъ преторовъ, проконсуловъ, цезаря; развивая свою юриспруденцію, основывая свой собственный судъ, обмѣнивая греческій языкъ, употребляемый имъ до той поры, на латинскій, который сдѣлался вскорѣ священнымъ языкомъ и доставилъ ей много совершенно особенныхъ выгодъ.

Греческія церкви проникнуты были характеромъ федеративной респубрики; латинская же церковь инстинктивно склонялась въ пользу монархіи. ^{Подлинное} ^{положеніе} ^{первоначальной} ^{римской} ^{церкви.} ^и ^{выставлялись} ^{на} ^{показъ,} ^{первые} ^{римскіе} ^{епископы} ^{вели} ^{жизнь} ^{крайне} ^{скромную,} ^{тихую.} ^{Въ} ^{первые} ^{времена} ^{іерусалимскіе} ^{епископы,} ^{изъ} ^{которыхъ} ^{первый} ^{былъ} ^{Іаковъ,} ^{братъ} ^{нашего} ^{Господа,} ^{считались} ^{главами} ^{церкви,} ^и ^{такими} ^{признавали} ^{ихъ} ^и ^{въ} ^{Римѣ.} Столкновеніе по поводу Пасхи въ 109 г. показываетъ, какъ рано проявилось стремленіе обезпечить преобладаніе запада надъ востокомъ. Викторъ, епископъ римскій, обратился къ азіатскимъ епископамъ съ предложеніемъ согласиться съ взглядомъ его церкви относительно времени празднованія Пасхи, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Поликарпа, епископа эфесскаго, какъ представителя восточныхъ церквей, и борьба продолжалась до разрѣшенія спора никейскимъ соборомъ. Но не въ одной только Азій оказывалось сопротивленіе развитію римскаго владычества. Не трудно найти въ церковной исторіи доказательства существованія такихъ же чувствъ и во многихъ другихъ мѣстахъ одновременно. Такъ, когда ученики Монтана, фригійца, притязавшаго на званіе параклета, обратили въ свою вѣру епископа римскаго и Тертуліана карфагенскаго и первый отступилъ отъ этой вѣры, послѣдній донесъ на него, какъ на патрипассіанскаго еретика. Но въ большинствѣ случаевъ существовало полное согласіе не только между Римомъ и Карфагеномъ, но и между галльскими и испанскими церквами, которыя считали Римъ славнымъ и знаменитымъ, но въ то же время и вполнѣ равнымъ себѣ. Вотъ что говорилъ на карфагенскомъ соборѣ св. Кипріанъ: «Никто изъ насъ

не смѣетъ становиться въ положеніе епископа надъ епископами или стараться управлять своими товарищами, потому что каждому епископу дается право и власть дѣйствовать такъ, какъ ему кажется наилучшимъ, и онъ такъ же мало можетъ быть судимъ другимъ епископомъ, какъ мало онъ самъ можетъ судить другихъ. Но мы все должны ждать суда надъ нами Іисуса Христа, который одинъ имѣетъ право ставить насъ во главѣ церкви и судить наши дѣянія».

Римъ мало по малу всплылъ на поверхность изъ этого равенства, не потому, что его знаменитые дѣятели отличались какими-либо особенно блестящими способностями, такъ какъ ^{Постепенное} ^{усиленіе} ^{его} ^{богатства} ^и ^{вліянія} лишь немногіе изъ его епископовъ возвышались надъ уровнемъ посредственности, но частью благодаря его политическому положенію, частью благодаря громаднымъ богатствамъ, вскорѣ сосредоточившимся въ немъ, а частью влѣдствіе политики, которую онъ удачно избралъ. Его епископъ не присутствовалъ ни на никейскомъ соборѣ въ 325 г., ни на сардикскомъ въ 345 г.: быть можетъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ подобнаго же рода, онъ стоялъ въ сторонѣ, изъ боязни, что его не изберутъ предсѣдателемъ на соборѣ. Вскорѣ, впрочемъ, сдѣлались замѣтны результаты этой системы представительства. Кромѣ того, такое положеніе доставляло возможность удерживать равновѣсіе при тяжелыхъ столкновеніяхъ, которыя вскорѣ возникли; оно дѣлало Римъ мѣстомъ убіжища для духовенства, потерпѣвшаго поражение, и обратило его епископа въ высшаго и непристрастнаго судью. Такимъ-то образомъ Аванасій, во время своего столкновенія съ императоромъ, нашелъ убіжище и покровителя. Съ этимъ возвышеннымъ положеніемъ по отношенію иностранцевъ соединялось и домашнее значеніе. Щедрые дары богатыхъ римскихъ дамъ заставляли жаждать полученія епископскаго мѣста не только честолюбцевъ, но и лицъ, любившихъ удобства и роскошь въ жизни. Какъ только очинчалась вакансія, сейчасъ же начиналась ожесточенная борьба. При выборахъ Дамаса 130 труновъ лежали въ базиликѣ Сисинія; соперники призвали къ себѣ на помощь цѣлую толпу гладиаторовъ, возникъ и т. п. Драка прекратилась лишь благодаря вмѣшательству императорскихъ войскъ.

Іеронимъ вовсе не слишкомъ рано ввелъ въ Римѣ монашескую систему — въ обществѣ чувствовалась потребность ^и ^{ранняя} ^{непорочности.} перемѣнить существующія правила на болѣе суровыя; законъ, воспрещавшій духовенству погоню за завѣщаніями, былъ изданъ вовсе не слишкомъ скоро,—поведеніе духовенства было совершенно скандально; то же можно сказать и относительно борьбы Іеронима противъ патроната богатыхъ римскихъ дамъ: этотъ суровый фанатикъ вовсе не слишкомъ рано возсталъ противъ безнравственности римскаго духовенства, когда даже самъ епископъ Дамасъ подвергся обвиненію въ прелюбодѣяннн. Ясно было, что если свѣтское духовенство хотѣло сохранить за собою уваженіе общества, вопреки нападкамъ своихъ антагонистовъ-монаховъ, то необходимо было ввести безбрачіе. Ученіе о превосходствѣ дѣвствен-

ности получало съ каждымъ днемъ все болѣйшій и болѣйшій перевѣсъ; но нужна была долгая борьба, чтобы заставить монаховъ одержать верхъ и установить принудительное безбрачіе духовенства.

Давно уже лица, надѣявшіеся обезпечить преобладаніе за римскою церковью, понимали необходимость выработать ясное и опредѣленное ученіе и обосновать его, необходимость признать какого-либо человѣка преемникомъ апостоловъ, сдѣлать его представителемъ критеріума истины. Восточная система рѣшать спорные вопросы путемъ соборовъ казалась многимъ не вполне вѣрною. Сами соборы не были настоящимъ образомъ организованы; кромѣ того, ихъ часто упрекали въ слишкомъ большомъ подчиненіи вліянію константинопольскаго двора.

Несмотря на постоянные столкновенія и раздоры, происходившіе на соборахъ, въ рѣшеніяхъ ихъ замѣчаются слѣды тѣсной связи, указывающей на непрестанный прогрессъ мысли. Такъ, изъ четырехъ главныхъ соборовъ, на которыхъ разбирались вопросы, только что разсмотрѣнные нами, первый, никейскій, рѣшилъ, что Сынъ обладаетъ одинаковою сущностью съ Богомъ Отцомъ, константинопольскій — что Сынъ и св. Духъ равны Отцу, эфесскій — что обѣ природы Христа составляютъ лишь одно лицо, а халкедонскій — что эти двѣ природы сохраняютъ свою обособленность, несмотря на личный союзъ между ними. Но неудача въ дѣлѣ отысканія критеріума истины доказывается слѣдующими простыми фактами: въ одномъ IV столѣтіи было тринадцать соборовъ, враждебныхъ Арію, пятнадцать въ его пользу и семнадцать полу-аріанскихъ, всего сорокъ пять. При такомъ безпорядкѣ необходимо было, чтобы и соборы подчинялись высшей власти, высшему критеріуму, способному признать ихъ компетентность или отвергнуть ее. Что источникъ власти какъ соборовъ на востокѣ, такъ и папства на западѣ носилъ чисто политическій характеръ, доказывается всѣми договорами, въ которыхъ имъ приходилось участвовать. Въ дѣлѣ папства это выказывается въ борьбѣ между епископомъ арльскимъ Иларіемъ и папскою властью, поддерживающею физическою силой.

Львомъ, въ борьбѣ, по случаю которой императоръ Валентиніанъ издалъ указъ, обвинившій Иларія и гласившій слѣдующее: «Хотя приговоръ такого великаго первосвященника, какъ епископъ римскій, не нуждается въ подтвержденіи со стороны императора, тѣмъ не менѣе всѣ епископы должны понять, что декреты папскаго престола, замѣняющаго апостольскій, должны отнынѣ считаться законами и что тотъ, кто откажется повиноваться призыву на судъ римскаго первосвященника, будетъ принужденъ къ этому правителемъ провинціи». Изъ этого указа ясно выступаетъ внутренней характеръ папской власти. Она тѣсно связана съ физическою силою, поддерживающею ее.

Среди этихъ теологическихъ споровъ произошло то великое паденіе Рима, событіе, которое, по моему мнѣнію, обозначаетъ конецъ вѣка изслѣдованія. Я говорю о паденіи Рима.

Въ восточной имперіи готы окончательно поселились; у нихъ были свои законы, свои суды, они не платили налоговъ, но до-

ставляли арміи 40000 человѣкъ. Вестготы разсѣялись по Греціи, Испаніи, Италіи. Опустошая первую изъ этихъ странъ, они пощадили Аонны ради связанныхъ съ ними воспоминаній. Прекратились элевзинскія таинства. Съ этого дня благосостояніе Греціи исчезло навсегда. Аларихъ вступилъ въ Италію. Стилихонъ, императорскій полководецъ, принудилъ его отступить. Тогда вторгнулся Радогастъ. Стилихонъ принудилъ его сдаться на милость. Бургунды и вандалы наводнили Италію и Галлію; свевы, вандалы и аланы наводнили Испанію. Стилихонъ, человѣкъ, достойный древнихъ дней республики, хотя и готъ, былъ умерщвленъ своимъ господиномъ, императоромъ. Аларихъ вновь появился передъ Римомъ. Прошло 619 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ городъ этотъ терпѣлъ присутствіе чужеземнаго врага, именно Ганнибала. Въ Римѣ было 1780 сенаторскихъ дворцовъ; ежегодный доходъ нѣкоторыхъ изъ его жителей доходилъ до 160000 фунтовъ стерлинговъ. Городъ имѣлъ восемнадцать миль въ окружности и заключалъ въ себѣ болѣе милліона жителей, — жителей, которые, какъ и въ старое время, шумно требовали раздачи хлѣба, вина и масла. И вотъ, доведенный до полнаго отчаянія, Римъ отказался отъ своей вѣры и, какъ говорятъ, съ согласія папы, началъ приносить жертвы Юпитеру, отвергнутому и, какъ казалось тогда, оскорбленному богу. 200000 фунтовъ стерлинговъ и множество драгоцѣнностей были уплачены непріятелю въ видѣ выкупа. Полководецъ варваровъ отступилъ. Но затѣмъ императоръ оскорбилъ его изъ своей крѣпости Равенны. Начались новые раздоры, новые походы; наконецъ, Аларихъ въ третій разъ подошелъ къ Риму. Въ ночь на 24 апрѣля 410 г., черезъ тысячу сто шестьдесятъ три года послѣ основанія города, сарайскія ворота были открыты для завоевателя измѣною рабовъ; никто не явился на защиту Рима въ его крайней нуждѣ, и городъ былъ разграбленъ готами.

«Какъ, вѣчный городъ пал!» — это восклицаніе раздавалось по всей имперіи при полученіи извѣстія о взятіи Рима Аларихомъ. Хотя язычество было уничтожено, какъ національная религія, но настоящій этническій римскій элементъ никогда не отказывался вполне отъ него, а вымиралъ вмѣстѣ съ нимъ, составивъ остатокъ населенія города, все еще преданнаго старой вѣрѣ. Среди этихъ лицъ находились не мало представителей аристократическихъ фамилій и философовъ, которые приписывали разразившееся надъ Римомъ несчастье вѣроотступничеству народа и въ своемъ позорѣ и страданіи громко заявляли, что нація потерпѣла должное наказаніе за то, что покинула боговъ своихъ предковъ, — боговъ, доставлявшихъ ей побѣды и власть. Христіанская церковь должна была отвѣтить на это обвиненіе, которое провозглашалось громко тысячами, встрѣчалось съ довѣріемъ милліонами молчаливаго и робкаго населенія, пораженнаго ужасомъ. Задавшись мыслью защитить христіанство, св. Августинъ, одинъ изъ самыхъ талатливыхъ церковныхъ писателей, посвятилъ тринадцать лѣтъ своей жизни сочиненію своего знаменитаго произведе-

денія, озаглавленнаго *Божій Городъ*. Интересенъ тонъ, въ которомъ христіане отвѣчали своимъ языческимъ противникамъ.

«Язычество одно отвѣтственно за очевидное паденіе римскихъ нравовъ и за угрожающее разложеніе государства. Наша политическая власть недавняго происхожденія; она не находится ни въ какой связи съ постепеннымъ развитіемъ роскоши и испорченности, происходившимъ въ послѣднее тысячелѣтіе. Ваши предки обратили войну въ ремесло; они подвергали обложенію и поработенію сосѣдніе народы; но развѣ роскошь, вычурныя привычки, расточительность не являются необходимыми послѣдствіями завоеваній? Развѣ римская тѣнь не была неизбѣжнымъ результатомъ наполненія Италіи рабами? Съ каждымъ годомъ увеличивалась бездонная пропасть, отдѣлявшая могущественнаго богача отъ несчастнаго бѣдняка. Развѣ средній классъ, въ которомъ сосредоточиваются добродѣтель и сила націи, не исчезъ, и развѣ не остались въ Римѣ аристократическія семьи, помѣстія которыхъ въ Сиріи или Испаніи, Галліи или Африкѣ равняются и даже превосходятъ по размѣрамъ и доходу славныя царства и провинціи, за присоединеніе которыхъ республика въ старину вознаграждала завоевателя триумфами? Развѣ мы не видимъ на улицахъ распущенную чернь, которую государство на свой счетъ кормитъ и забавляетъ? Мы не отвѣтственны за тяжкія притѣсненія, которымъ подвергается сельское населеніе и которыя доводятъ его до такого отчаянія, что число его постоянно уменьшается, угрожая въ скорости совершенно исчезнуть. Не мы посовѣтовали императору Траяну покинуть Дакію и пренебречь тою политикою, которая возводила на границахъ имперіи сильныя военныя посты. Не мы посовѣтовали Каракаллѣ возводить въ званіе римскихъ гражданъ всякаго рода людей или заставляя населеніе переходить съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе уселенной погони за гражданскими должностями или для отправленія военной службы. Не мы наполнили Италію рабами, не мы довели этихъ несчастныхъ людей до чисто скотскаго состоянія, заставляя ихъ дѣлать работы, производимыя обыкновенно животными. Мы преподавали и проводили на дѣлѣ совершенно иное ученіе. Мы не заковывали въ желѣзо населеніе провинцій и городовъ, обращенныхъ въ рабство. Мы не отвѣтственны за неизбѣжныя возстанія, отравленія, убійства, мщеніе. Мы не довели государство до такого состоянія, что человѣкъ, имѣющій собственность, считаетъ полезнѣе всего для себя покинуть ее и спастись отъ бѣды бѣгствомъ. Мы не деморализовали населеніе доставленіемъ ему пшеницы, игръ, скачекъ, театровъ; насъ преслѣдовали, потому что мы отказывались присутствовать на театральныхъ представленіяхъ. Мы не разоряли сената и аристократіи, жертвуя всѣмъ, даже собственною жизнью, дому Юліевъ. Мы не обезсилили легионовъ, возбуждая ихъ другъ противъ друга и заставляя вступать въ борьбу. Не мы первые унизили Римъ. Преслѣдовавшій насъ Діоклетіанъ далъ примѣръ этому, когда перенесъ свою резиденцію въ Никомедію. Что же касается до чувства патріотизма, которымъ вы хвалитесь, то развѣ оно не было разрушено вашими собственными им-

ператорами? Обращая въ римскихъ гражданъ галловъ и египтянъ, африканцевъ и гунновъ, испанцевъ и сирійцевъ, какъ они могли ожидать, что такого рода разноплеменная толпа будетъ вѣрна интересамъ итальянскаго города, и при томъ такого города, который всегда яростно преслѣдовалъ ихъ? Патріотизмъ зависитъ отъ концентрации, онъ не выноситъ разъединенія. Для того, чтобы связать въ одно различные народы, требовалось нѣчто большее, чѣмъ такого рода свѣтскія узы, — и это нѣчто было найдено въ христіанствѣ. Общій языкъ подразумеваетъ общность чувствъ и мыслей; но чего же можно было ожидать, когда одна половина правящихъ классовъ говоритъ на греческомъ языкѣ, а другая половина на латинскомъ, оставляя въ сторонѣ тысячи непонятныхъ формъ языка, бывшихъ въ ходу въ римской имперіи? Паденіе сената предшествовало нѣсколькими годами происхожденію христіанства; вы, конечно, не скажете, что мы были виновниками узурпаціи цезарей? Что у насъ общаго съ арміею, этимъ орудіемъ насилія, которая въ девяносто два года доставила вамъ тридцать два императора и двадцать семь претендентовъ на престолъ? Не мы внушили преторианской гвардіи мысль продавать имперію съ аукціона».

«Неужели вы въ самомъ дѣлѣ удивляетесь, что все это кончилось? Мы не удивляемся; напротивъ того, мы благодаримъ за это Бога. Пора человѣческому роду успокоиться. Вздохи заключенныхъ, молитвы плѣнныхъ, наконецъ, услышаны. Но все же судъ былъ смягченъ милосердіемъ. Если бъ язычникъ Радогастъ захватилъ Римъ, онъ не пощадилъ бы ни одной жизни, не оставилъ бы камня на камнѣ. Христіанинъ же Аларихъ, хоть и готъ, отнесся съ уваженіемъ къ своимъ христіанскимъ братьямъ, и ради нихъ спасены были и вы. Что же касается до боговъ, до этихъ демоновъ, въ которыхъ вы вѣрите, то развѣ они всегда спасали васъ отъ несчастія? Сколько времени Гапсизбалъ оскорблялъ ихъ? Что спасло Капитолій отъ Бренна, гусь или богъ? Гдѣ же были боги во время всѣхъ пораженій языческихъ императоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые происходили еще недавно? Хорошо, что пала порфира Вавилона, напитанная кровью народовъ».

«На мѣсто этого земнаго города, этого напыщеннаго владыка міра, паденіе котораго заканчиваетъ продолжительную эру суевѣрія и грѣха, возникнетъ «Божій городъ». Очищающій огонь варваровъ уничтожитъ въ немъ языческіе остатки и сдѣлаетъ его годнымъ для царства Христа. Въмѣсто тысячелѣтій той ночи преступленій, на которую вы съ отчаяніемъ оглядываетесь, намъ предстоитъ день тысячелѣтій, предсказанный древними пророками. Въ обновленныхъ стѣнахъ этого города не будетъ ни одного грѣхознаго пятнышка, а только справедливость и миръ; не будетъ и тѣни мірскаго тщеславія, или столкновенія честолюбія, или грязной погони за золотомъ, или жажды славы, желанія властвовать, — будетъ только одна святость въ Господѣ».

Главное мѣсто среди лицъ, защищавшихъ съ такимъ чувствомъ дѣло новой религіи, занималъ св. Августинъ. Въ *Божій Городъ* св. Августина.

считается самымъ талантливымъ образчикомъ первобытной христіанской литературы, онъ развиваетъ ту же тему, если не тѣми словами, какія мы приводили выше, то во всякомъ случаѣ въ томъ же духѣ, и разрабатываетъ ее, кромѣ того, и во многихъ другихъ книгахъ. Онъ оказалъ большее вліяніе на христіанъ западной церкви, чѣмъ всѣ другіе церковные писатели. Ему они обязаны болѣе точнымъ опредѣленіемъ свойствъ первобытнаго грѣха, полной непорочности, благодати, предопредѣленія, избранія.

Въ молодости св. Августина велъ легкомысленную и разгульную жизнь, увлекаясь всѣми увеселеніями шумнаго города Карфагена. Онъ достигъ истины, переходя постепенно черезъ манихейзмъ, астрологію и скептицизмъ. Важною переменною, происшедшею въ немъ, онъ обязанъ, впрочемъ, не церковнымъ писателямъ, а Цицерону: сочиненія этого великаго оратора заставили его задуматься, отвлекли его отъ страсти къ театральнымъ представленіямъ, отъ безумствъ предсказаній и суевѣрій. Отъ манихейскихъ заблужденій излѣчилъ его Амвросій, епископъ миланскій, который окрестилъ его вмѣстѣ съ его незаконнымъ сыномъ, Адеодатомъ. Въ его сочиненіяхъ можно, впрочемъ, прослѣдить остатки вліянія магізма, не въ отношеніи двойственной природы Бога, а въ отношеніи дѣленія человѣчества на избранныхъ и погибшихъ, на царство спасенія и царство гибели. Отъ Амвросія св. Августинъ перенялъ и ученія о св. Троицѣ, которыя были вскорѣ приняты западомъ.

Въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ о времени, матеріи и памяти знаменитый писатель часто бываетъ неудовлетворителенъ, даже тривиаленъ. Его ученіе, что св. Писаніе, какъ слово Божіе, можетъ представлять много различныхъ значеній, вводило его часто въ заблужденіе и въ послѣдующіе годы оказывало самое пагубное дѣйствіе на истинную науку. Такъ, онъ находитъ въ описаніи Моисеемъ сотворенія міра доказательство существованія св. Троицы; говоритъ, что твердь, о которой упоминается въ немъ, — типъ слова Божія и что существуетъ соотвѣтствіе между сотвореніемъ міра и церковью. Его многочисленныя книги часто переводились, особенно его *Исповѣдь*, — сочиненіе, которое восхитило и поучало пятьдесятъ поколѣній, но которое въ концѣ концовъ должно было, въ качествѣ литературнаго произведенія, уступить пальму первенства сочиненіямъ Боньяна: послѣдній, подобно Августину, испыталъ всю агонію безпощаднаго самоислѣдованія и такого же безпощаднаго самообличенія, анатомируя свою душу и выставляя на показъ всѣ свои самыя ничтожныя грѣховныя побужденія.

Духовное вліяніе св. Августина настолько затмило всецѣло его политическую біографію, что никто почти не обращалъ вниманія на его поведеніе въ интересный періодъ времени, переживаемый имъ. Симонди рассказываетъ, къ его невыгодѣ, о его дружбѣ съ графомъ Бонифаціемъ, пригласившимъ Гензериха и его вандаловъ въ Африку; кровавыя послѣдствія этого заговора вовсе не преувеличены. Благодаря Августину имя графа было передано

потомству незапятнаннымъ. Бонифацій присутствовалъ при его смерти въ Гиппонѣ, 28-го августа 440 г.

Когда Римъ палъ передъ натискомъ Алариха, провинціальныя христіане не только не оплакивали его несчастья, но радовались ему и прославляли его. Они проводили глубокое различіе между паденіемъ пурпуровой языческой порфиры и нетронутымъ Божьимъ городомъ. Мщеніе Бога поразило языческіе храмы, но христіанскія церкви были пощажены. Хотя при вскорѣ послѣдовавшихъ за этимъ бѣдствіяхъ такихъ разграниченій невозможно уже было проводить, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что эта катастрофа въ значительной степени способствовала развитію папской власти. Униженіе древней аристократіи возвысило епископа. Совершенно справедливо было замѣчаніе, что такъ только Римъ возсталъ изъ своихъ развалинъ, самымъ выдающимся въ немъ человѣкомъ оказался епископъ. Какъ разъ въ это время Иеронимъ закончилъ переводъ Библии на латинскій языкъ. Съ этихъ поръ Вулгата сдѣлалась церковнымъ авторитетомъ запада. Въ этомъ великомъ произведеніи замѣтно вліяніе языческихъ классиковъ, передъ которыми суровый анахоретъ преклонялся въ дни своей молодости, но отъ которыхъ онъ затѣмъ тщетно старался освободиться помощью ночныхъ самобичеваній. Переводъ Библии появился въ самый критическій для запада моментъ. При политическомъ положеніи Рима, папѣ неудобно было выступать въ качествѣ писателя, но Вулгата какъ нельзя болѣе подходила къ потребностямъ своего времени. Между тѣмъ какъ востокъ занимался ереями, западъ выказывалъ свои практическія способности, занимаясь организаціею церковной власти.

Читатель этихъ страницъ, конечно, не безъ интереса увидитъ, какъ сильно было сходство между ходомъ развитія церковныхъ событій и событій свѣтской исторіи. Въ тѣхъ и другихъ замѣчается неудержимое стремленіе къ концен- Судьба трехъ великихъ епископовъ. траціи власти. Подобно тому, какъ въ римской исторіи сначала немногія семьи и, наконецъ, одинъ человѣкъ захватилъ вліяніе, которое въ раннія времена принадлежало народу, такъ и въ церкви конгрегаціи быстро переходили къ полному подчиненію своимъ епископамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, подчинялись все меньшему и меньшему числу своихъ товарищей. Въ разсматриваемый нами періодъ времени меньшія епископства, въ родѣ іерусалимскаго, антиохійскаго, карфагенскаго, потеряли въ дѣйствительности прежнюю свою силу, которая сосредоточилась вся въ большихъ епископскихъ престолахъ—константинопольскомъ, александрійскомъ и римскомъ. Исторія того времени представляетъ разсказъ объ отчаянной борьбѣ этихъ трехъ главныхъ епископовъ за власть. Въ этомъ столкновеніи многія преимущества были на сторонѣ Рима; другіе два города находились подъ слишкомъ усиленнымъ наблюденіемъ императорскаго правительства; столкновеніе интересовъ между ними было болѣе рѣзкое, ихъ соперничество отличалось большимъ ожесточеніемъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ верховная церковная власть принадлежала постоянно Риму, хотя въ ум-

ственнымъ и политическомъ отношеніи онъ значительно уступалъ своимъ соперникамъ. Какъ въ старину, такъ и теперь мы видимъ передъ собою триумвиратъ, которому суждено было закончиться деспотизмомъ. И какъ бы для напоминанія, что принципы, руководящія движеніями церкви, вполне сходны по своей природѣ съ тѣми, которые руководятъ движеніями государства, это сходство по временамъ выказывается даже въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ. Епископъ александрійскій былъ не первый триумвиръ, нашедшій себѣ безвременную кончину на берегахъ Нила, а римскій первосвященникъ былъ не первый, упрочившій свою власть помощью галльскихъ легионовъ.

ГЛАВА X.

Европейскій вѣкъ вѣры.

вѣкъ вѣры на востокъ.

Упроченіе византійской системы или соединеніе церкви и государства.— Преслѣдованіе философіи.

Практическая необходимость усиленія патристичизма.— Особенность его ученій.

Уничтоженіе остатковъ греческаго знанія патристичизмомъ.— Александрійскія библіотеки и Серапіонъ.— Разрушеніе послѣдняго Θεодосіемъ.— Смерть Гипатія.— Уничтоженіе знанія на востокѣ.

Политика Константина Великаго доставила государству слишкомъ большую власть надъ религіею, въ результатъ чего получило затмненіе ея чистыхъ ученій примѣсью къ нимъ языческихъ элементовъ подъ влияніемъ беззастѣнчивыхъ политиковъ и чиновниковъ. Вѣра сдѣлалась благодаря этому болѣе доступною для народа, но утратила свою первоначальную чистоту.

Принимая во вниманіе число націй, участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ, и продолжительность времени, въ теченіе котораго они совершались, я долженъ, для большей ясности, подраздѣлить ихъ. Поэтому я буду говорить: 1) о вѣкѣ вѣры на востокѣ; 2) о вѣкѣ вѣры на западѣ. Первый былъ преждевременно законченъ магометанскимъ завоеваніемъ, второй, послѣ медленныхъ метаморфозъ, перешелъ въ европейскій вѣкъ разума во время правленія Николая V.

На этихъ страницахъ и на послѣдующихъ я буду разсматривать вѣкъ вѣры на востокѣ и закончившую его катастрофу. Затѣмъ обращусь къ изслѣдованію вѣка вѣры на западѣ, представлявшаго долгую и поучительную исторію.

Какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, благодаря ходу политическихъ событий, государственная власть была отнята у философскихъ и политическискихъ партій. Присоединившись къ новому движенію, она векорѣ доказала ему искренность своего при-

соединенія, начавъ дѣятельное преслѣдованіе противъ остатковъ философіи, не успѣвшихъ еще исчезнуть. Нужно помнить, что прозелитизмъ, приведшій къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ направлялся снизу вверхъ. Что же касается философіи, то направленіе ея было противоположное; ею занимались лишь немногіе просвѣщенные, образованные люди, и она распространялась сверху внизъ. Было очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ предрасудки невѣжественнаго населенія выступать наружу и найдутъ для себя подходящее выраженіе, что знаніе будетъ встрѣчать равнодушное или даже враждебное отношеніе въ томъ случаѣ, когда его будутъ считать простымъ колдовствомъ, что философія будетъ признаваться пустымъ, а слѣдовательно грѣховнымъ времяпрепровожденіемъ. Разъ политическій дѣятель вступаетъ въ связь съ толпою для приобрѣтенія власти и находится въ зависимости отъ нея, нуждаясь въ ея поддержкѣ, то ему не легко отказать ей въ удовлетвореніи ея желаній или не повиноваться ея требованіямъ. Даже Константинъ испыталъ на себѣ давленіе толпы и былъ вынужденъ выдать ей своего друга, Сопатера, обвиненнаго въ томъ, что онъ силою колдовства заставилъ вѣтеръ дуть въ противоположную сторону и, такимъ образомъ, не допустилъ кораблей съ хлѣбомъ приблизиться въ Константинополь. Императоръ былъ принужденъ отдать приказъ обезглавить его, чтобъ удовлетворить требованія толпы, кричавшей въ театрѣ. Но не слѣдуетъ думать, что такого рода требованія удовлетворялись безъ борьбы, что императоры безпрекословно подчинялись влиянію духовенства. Константинъ желалъ обратить теологію въ отрасль политики, между тѣмъ какъ каждый епископъ въ имперіи надѣялся обратить политику въ отрасль теологіи. Впрочемъ, было уже видно, что церковная партія въ близкомъ будущемъ получитъ перевѣсъ, что отказъ нѣкоторыхъ императоровъ повиноваться ея требованіямъ являлся лишь возстаніемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, эфемернымъ по своей природѣ, и что какъ только императоры искренно и всецѣло перейдутъ на сторону христіанства, народныя желанія будутъ вполне удовлетворены.

Своею кратковременною и неудачною попыткою возстановить язычество, Юліанъ лишь на самое незначительное время остановилъ распространеніе новыхъ идей, которыя получили векорѣ удвоенную силу. Въ царствованіе Валентиніана, никейца, и Валента, аріанина, дѣла шли совершенно такъ, какъ будто никакого Юліана никогда не существовало. Древніе боги, существованіе которыхъ больше не отрицалось, были теперь отождествлены съ демонами; поклоненіе имъ заклеено было, какъ колдовство, волшебство. Противъ этого преступленія, которое законъ уравнивалъ съ измѣною, возбуждено было сильное преслѣдованіе. Лицамъ, уѣзжавшимъ въ Римъ съ цѣлью образованія, было запрещено оставаться въ немъ послѣ исполненія двадцати одного года. Это преслѣдованіе всею силою обрушилось на старую религію, хотя номинально было направлено

противъ волшебства, противъ чернокнижия: такъ какъ одною изъ главныхъ функций старой религiи было предсказанiе будущаго въ настоящемъ мiрѣ, то отсюда выводилась связь ея съ колдовствомъ и вытекающее изъ этого наказанiе.

Но это преслѣдованiе, хотя и направленное противъ язычества, въ дѣйствительности поражало также и остатки философiи. ^{Необходимость учености для епископовъ.} Сильная партiя, достигшая власти, была, въ виду обстоятельствъ, вынуждена поддерживать принципъ, на которомъ она была первоначально основана. Этотъ принципъ заключался въ требованii слѣпой вѣры, которая, хотя и соответствовала понятiямъ болѣе многочисленнаго низшаго класса, не могла удовлетворить лицъ, обладавшихъ болѣе значительнымъ умственнымъ развитiемъ. Политика Константина открыла, черезъ посредство церкви, доступъ къ достиженiю высокаго званiя и для лицъ низшаго сословiя. И въ самомъ дѣлѣ, многiе изъ нихъ занимали самыя высокiя должности. Ихъ воодушевляла скорѣе горячая ревность, чѣмъ глубокое знанiе. Но разъ высокое положенiе было достигнуто, никто больше ихъ не нуждался въ томъ, чтобы казаться мудрымъ. При такихъ обстоятельствахъ, ими легко овладѣвало искушенiе провозглашать свои собственныя мнѣнiя неопровержимыми истинами и называть колдовствомъ или грѣховнымъ и пустымъ занятiемъ всякое знанiе, становившееся имъ на пути. Здѣсь имъ оказывала не малую поддержку и свѣтская власть. Рѣшено было наложить печать молчанiя на уста всѣхъ философвъ. Всѣ рукописи, попадавшiеся подъ руку, были сожжены. На всемъ востокѣ доведенные до ужаса люди уничтожали свои библiотеки изъ боязни, чтобы какое-либо несчастное выраженiе въ одной изъ книгъ не повело къ гибели ихъ и семей ихъ. Общепринятое мнѣнiе ^{Развитiе характера и суевѣрiя.} признавало справедливымъ принуждать людей вѣрить въ то, что большинство общества считало истинною, и наказывать невѣрующихъ. Никто изъ членовъ господствующей партiи не возвышалъ голоса въ защиту умственной свободы. Таинственность вещей, возвышавшихся надъ разумомъ, заставляла принимать ихъ на вѣру; признавалось большимъ достоинствомъ для человѣка, если онъ можетъ привести себя въ такое умственное состоянiе, когда вѣра предшествуетъ пониманiю.

Смертельный ударъ язычеству нанесенъ былъ императоромъ ^{Оеодосiей.} Оеодосiемъ, испанцемъ, который, благодаря оказаннымъ имъ въ этомъ отношенii услугамъ, былъ награжденъ титуломъ Великаго. Признавъ всѣ волшебныя дѣйствiя и разсматриванiе внутренностей уголовными преступленiями, онъ воспретилъ приношенiе жертвъ (391 г.), а затѣмъ даже и посѣщенiе языческихъ храмовъ. Онъ отнялъ доходы у многихъ храмовъ, конфисковалъ имущество другихъ, разрушилъ третьи. Весталки были распущены имъ, и всякiй домъ, оскверненный куренiями, признавался конфискованнымъ въ пользу казны. Разъ собственность какого-либо религiознаго учрежденiя признается навсегда отнятою у него, бесполезно признавать этотъ культъ уголовнымъ преступленiемъ.

Но правительство не только дѣйствовало, такимъ образомъ, въ качествѣ ревностнаго помощника новой религiи, но и старалось обезпечить ее отъ новыхъ внутреннихъ разногласiй. Вѣротетупники были лишены права завѣщать свое собственное имущество. Учреждены были инквизиторы вѣры; то были одновременно ищiоны и судьи, прототипы грозныхъ судовъ послѣдующихъ временъ. Оеодосiй, которому мы обязаны приведенiемъ этихъ мѣръ въ исполненiе, нашелъ удобнымъ учредить какъ бы живыя эмблемы своей личной вѣры и объявилъ лишеннымъ гражданскихъ правъ и изгнаннымъ изъ отечества всѣхъ, кто не будетъ согласенъ съ вѣрою Дамаса, епископа римскаго, и Петра, епископа александрийскаго. Всѣхъ, кто позволилъ себѣ праздновать Пасху въ одинъ день съ евреями, онъ осуждалъ на смертную казнь. «Мы желаемъ», пишетъ онъ въ своемъ указѣ, «чтобы всѣ, исповѣдывавшие эту вѣру, могли носить названiе католическихъ христанъ», — всѣ же остальные были признаны еретиками.

Безпристрастная исторiя должна признать, что всѣ эти скандальныя и тираническiя дѣйствiя гражданской власти обязаны своимъ происхожденiемъ власти духовенства и что послѣднее отвѣтственно за нихъ. Оно виновно и во влиянii, какимъ пользовались у самодержавной власти беззавѣстные, безсовѣстные женщины, евнухи, паразиты, грубые солдаты. Тѣмъ не менѣе человѣческая природа не можетъ при какихъ бы то ни было условiяхъ окончательно пасть. Хотя система, при которой людямъ приходилось въ то время жить, и подстрекала ихъ къ такого рода беззаконiямъ, но индивидуальное чувство добра и зла иногда одерживало верхъ. На этихъ страницахъ мы постоянно будемъ встрѣчать это единичное возстанiе противъ безобразныхъ послѣдствiй системы. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые епископы смѣло вступались за жертвы передъ притѣснителемъ и употребляли сокровища церкви на выкупъ рабовъ изъ рабства. По этой же причинѣ, быть можетъ, грядущiя поколѣнiя простятъ многое Амвросiю, епископу миланскому, когда вспомнятъ, какъ онъ, ставъ лицомъ къ лицу съ Оеодосiемъ Великимъ, призвалъ его къ отвѣтственности за истребленiе семи тысячъ народу, убитыхъ имъ изъ мести въ оессалоникiйскомъ цркви, и неумолимо потребовалъ отъ царственнаго преступника, которому онъ и его партiя были столькимъ обязаны, чтобъ онъ искупилъ это преступленiе подлиннымъ наказанiемъ, научая своего государя, что «хотя онъ и принадлежитъ церкви и находится въ церкви, но не стоитъ выше церкви», что грубая сила должна уступить разуму и что даже самое ничтожное человѣческое существо имѣетъ права передъ лицомъ Бога.

Такимъ образомъ, политическiя событiя приняли направленiе, губное для человѣческаго знанiя. Возникла необходимость, чтобы лица, получившия, въ силу обстоятельствъ, право контроля надъ общественною вѣрою, получили такое же право контроля и надъ знанiемъ. Нравственное состоянiе общества пришло, слѣдовательно, въ антагонизмъ съ научнымъ прогрессомъ. То же происходило за нѣсколько вѣковъ до того въ Индiи, гдѣ было признано, что свя-

ценныя Писанія заключаютъ въ себѣ все, что для чело-
вѣка необходимо или полезно знать. Вопросы астрономіи,
географіи, этнологіи, исторіи или какихъ-либо другихъ отраслей
человѣческаго знанія, занимавшіе или забавлявшіе до того времени
человѣческіе умы, были переданы на рѣшеніе новаго судилища, а
для философа не осталось ничего больше дѣлать. Откровеніе науки
не совмѣстимо съ ея прогрессомъ: изслѣдователь исчезаетъ, остается
только скромный комментаторъ.

Такимъ-то образомъ случилось, что первые церковные писа-
тели считались превосходившими всѣхъ другихъ людей не только
въ благочестіи, но и въ мудрости. Рѣшенія ихъ признавались окон-
чательными. Такое выдающееся положеніе они занимали въ теченіе
многихъ столѣтій; только около періода реформаціи они лишились
его. Появившіеся въ это время великіе критики, подвергая произ-
веденія церковныхъ писателей высшему анализу, сравнивая ихъ
другъ съ другомъ и указывая на ихъ взаимныя противорѣчія, от-
вели имъ заслуженное ими мѣсто. Привычка постоянно цитировать
ихъ вышла изъ употребленія, какъ только было доказано, что ни
одинъ изъ этихъ писателей не обладаетъ достаточными правами,
чтобы говорить авторитетно о научныхъ фактахъ. Многіе изъ нихъ
даже не стѣснялись съ презрѣніемъ относиться къ такимъ дѣламъ,
о которыхъ они брались судить. Такъ, Евсевій говоритъ: «Если мы
такъ мало думаемъ объ этихъ вещахъ и обращаемъ наши души къ
лучшей дѣятельности, то вовсе не по незнанію тѣхъ вещей, кото-
рыя возбуждали удивленіе философовъ, но изъ презрѣнія къ такого
рода бесполезной работѣ». Въ такомъ же духѣ и Лактанцій гово-
рить, когда называетъ всю философію «пустою и ложною». Разсуждая
объ еретическомъ ученіи, утверждавшемъ, что земля шарообразна,
онъ говоритъ: «Возможное ли дѣло, чтобы люди были такъ безумны
и вѣрили, что хлѣба и деревья висятъ по другую сторону неба
внизъ и что люди держатъ ноги выше головы? Если вы спросите
ихъ, какъ они могутъ защищать такіа нелѣпости, какъ предметы,
находящіеся по ту сторону земли, не падаютъ внизъ — они отвѣ-
чаютъ на это, что, въ силу природы вещей, тяжелья тѣла стре-
мятся къ центру такъ, какъ спицы колеса, между тѣмъ какъ легкія
тѣла, въ родѣ облаковъ, дыма, огня, стремятся изъ центра къ неба-
самъ во всѣ стороны. Я, право, нахожусь въ недоумѣніи, что ска-
зать о лицахъ, которыя, впавъ въ заблужденіе, упорно стоятъ на
своёмъ, защищая свое собственное безуміе, и поддерживаютъ одно
нелѣпое мнѣніе за другимъ». По вопросу объ антиподахъ св. Авгу-
стинъ утверждаетъ слѣдующее: «Невозможно, чтобы существовали
обитатели земли по другую ея сторону, такъ какъ въ Писаніяхъ
не упоминается, чтобы среди потомковъ Адама находилась такая
человѣческая раса».

Невѣжество, властвовавшее въ то время, считало необходи-
мымъ стоять за ложную и непрогрессивную науку, забывая, что
раньше или позже должна была наступить невозможность поддер-
живать неподвижныя идеи въ мірѣ, находящемся постоянно въ дви-
женіи. То обстоятельство, что въ систему, навязанную такимъ обра-

зомъ людямъ, не была включена возможность умственного прогресса,
составляетъ великое и роковое заблужденіе той эпохи. Каждое но-
вое столѣтіе все съ большею силою доказывало ея несостоятель-
ность. Векорѣ проявилось напряженіе въ дѣятельности этой си-
стемы, которое постоянно увеличивалось. Сдѣлалось очевиднымъ,
что навязанныя идеи не будутъ въ состояніи долго держаться.
На одной изъ слѣдующихъ страницъ мы увидимъ, при какихъ
обстоятельствахъ эта система окончательно рушилась.

Въ царствованіе Θεодосія Великаго языческая религія и язы-
ческое знаніе были окончательно уничтожены. Никакія сомнѣ-
нія не удерживали этого императора, человѣка искренняго и стро-
гаго. Одно изъ раннихъ его мѣропріятій гласитъ, что дѣятельность
кто изъ правителей Египта вступить въ языческой храмъ,
тотъ долженъ платить штрафъ въ пятнадцать фунтовъ золотомъ.
За этимъ послѣдовало разрушеніе храмовъ въ Сиріи. Въ это время
александрійскимъ епископомъ былъ Θεофилъ, бывший монахъ въ
Питріи. Это происходило около 390 г. Именно тогда велся споръ
о св. Троицѣ. Для монаховъ и черни Александріи храмъ Сера-
писа и ея бібліотека были вдвойнѣ ненавистны, отчасти влѣд-
ствіе пантеистической оппозиціи, начинающей образовываться про-
тивъ новаго ученія, а отчасти потому, что въ этихъ мѣстахъ ца-
рили магія и волшебство и велись дѣятельныя сноше-
нія съ демономъ. Мы уже говорили, какъ Птоломей Фи-
ладельфъ основалъ большую бібліотеку въ аристократической части
города, называемой Брухіономъ, и дополнилъ ее разнаго рода дру-
гими научными учрежденіями. Возбужденный его примѣромъ, Эв-
менъ, царь пергамскій, устроилъ изъ соперничества такую же
бібліотеку въ своей метрополіи. Боясь, чтобы она не превзошла
современемъ египетскую, Птоломей Эпифанъ запретилъ вывозъ
папируса, на что Эвменъ отвѣтилъ изобрѣтеніемъ пергамента. Вто-
рая большая александрійская бібліотека была устроена Птоломе-
емъ Фискономъ въ Серапіонѣ, въ соседнемъ кварталѣ города. Би-
бліотека въ Брухіонѣ, содержавшая, какъ говорятъ, 400000 то-
мовъ, была случайно, а по утвержденію другихъ, нарочно сожжена
во время осады города Юліемъ Цезаремъ; но бібліотека Серапі-
она была спасена. Для того, чтобы ослабить дѣйствіе этой великой
катастрофы, Маркъ Аврелій Антоній подарилъ Клеопатрѣ
соперничающую съ александрійскою бібліотеку, при-
везенную для этой цѣли изъ Пергама. Она состояла изъ
200000 томовъ. Библіотека въ Брухіонѣ была первоначально соеди-
нена съ музеемъ, но послѣ того, какъ онъ былъ сожженъ, остатки
различныхъ учреждений, пережившихъ его паденіе, были перевезены
въ Серапіонъ, который, въ рассматриваемый мною періодъ вре-
мени, считался величайшимъ хранилищемъ челоуѣческаго знанія.
Языческіе императоры Рима съ глубокимъ уваженіемъ отно-
сились къ доврѣнному имъ сокровищу, унаслѣдованному отъ
Птолomeевъ. Храмъ Сераписа считался самымъ велико-
лепнымъ изъ всѣхъ религіозныхъ зданій въ мірѣ, если
не считать храма Юпитера капитолійскаго, которому патристиче-
ская

скіе римляне отдавали пальму первенства. Въ него подымались по большой лѣстницѣ; онъ былъ украшенъ многими рядами колоннъ; а въ его квадратномъ портикѣ, — безукоризненно художественномъ строеніи, — были поставлены чудесныя статуи. На украшенныхъ скульптурою стѣнахъ его комнатъ и на потолкахъ нарисованы были превосходныя картины. О достоинствахъ такого рода произведеній искусства греки были довольно компетентными судьями.

Серапіонъ, съ своимъ драгоценнымъ содержимымъ, былъ очень неприятенъ архіепископу Теофилу и его партіи. Для нихъ это былъ какъ бы живой упрекъ и оскорбленіе. Многія его строения были посвящены неизвѣстнымъ и, слѣдовательно, бесполезнымъ цѣлямъ. Въ его молчаливыхъ комнатахъ со сводами, по повѣрью толпы, производились самыя ужасающія таинства. Въ его портикахъ находились магические бронзовые круги и солнечные круги для предсказыванія; всѣ были увѣрены, что они нѣкогда принадлежали фараону или вохвямъ, боровшимся съ Моисеемъ. Увы, никто изъ нихъ не зналъ, что этими кругами Эратосенъ нѣкогда измѣрялъ величину земли, а Тимохарій опредѣлялъ движеніе Венеры. Фрамъ, со своими чистыми, бѣлыми мраморными стѣнами и безконечными колоннами, подымающимся къ голубому, безоблачному египетскому небу, представлялся имъ большою гробницею, полною гнили. Въ самомъ святилищѣ бога священники, какъ гласила молва, обольщали самыхъ красивыхъ и богатыхъ женщинъ Александріи, воображавшихъ, что онѣ были почтенныя вожделѣнными бога. Теофилъ направилъ на это вниманіе народа. Въ это именно время императоръ Констанцій отдалъ церкви мѣсто, на которомъ былъ нѣкогда построенъ древній храмъ Озириза; при копкѣ земли для основанія фундамента новаго зданія, открыты были случайно непристойные символы, употреблявшіеся въ былое время при богослуженіи въ старомъ храмѣ. Теофилъ, возбуждаемый ревностью, выставилъ ихъ на ярмарочной площади на посмѣяніе толпы. Ста-

Ссора между христианами и язычниками въ Александріи.

рая языческая партія въ Египтѣ рѣшилась отмстить за нанесенное оскорбленіе. Возникло возмущеніе подъ предводительствомъ философа Олимпія. Главная квартира возмущившихся находилась въ массивномъ зданіи Серапіона, изъ котораго они бросались на христианъ, захватывали ихъ, сколько могли, принуждали приносить жертвы, а затѣмъ убивали передъ алтаремъ. Споръ былъ переданъ на разсмотрѣніе императора; до разрѣшенія его язычники держались въ храмѣ, обращенномъ въ крѣпость. Ночью Олимпій, какъ говорятъ, былъ пораженъ страхомъ, услышавъ чистый голосъ, поющій христіанское аллилуйя подъ арками и колоннами. Можетъ быть, онъ, въ качествѣ язычника, принялъ это за зловѣщее предзнаменованіе, а можетъ быть побоялся тайнаго убійцы, — какъ бы то ни было, онъ бѣжалъ изъ храма, спасая свою жизнь. Какъ только полученъ былъ приказъ Θεодосія, язычники немедленно сложили оружіе, не ожидая извѣщенія о томъ, что заключается въ немъ. Императоръ повелѣлъ немедленно разрушить зданіе, поручивъ это дѣло Теофилу. Послѣдній началъ свои дѣйствія разрушеніемъ и

уничтоженіемъ библіотеки. Онъ вошелъ въ святилище бога, — въ то святилище, которое являлось видимымъ знакомъ пантеизма на востокъ, напоминая о связи, существующей между древнимъ, первобытнымъ Египтомъ и свободомыслищею Греціею, памятникомъ дѣятельности полководцевъ Александра. Среди царившаго вокругъ торжественнаго молчанія нападающіе увидѣли передъ собою статую Сераписа. Въ такую именно минуту подвергается испытанію значеніе данной религіи: богъ, который не можетъ защитить себя, признается идоломъ, не стоящимъ вниманія. Теофилъ смѣло приказалъ одному старому солдату ударить статую своимъ боевымъ топоромъ. Безпомощная статуя не оказала никакого сопротивленія. Другой ударъ отсѣкъ у идола голову, которая покатила на полъ. Говорятъ, что изъ внутренности ея выбѣжала цѣлая куча испуганныхъ крысъ. Всѣ продѣлки, помощью которыхъ цари и жрецы обманывали народъ въ теченіе семисотъ лѣтъ, весь этотъ торжественный обманъ, были разоблачены. Бога разбили на куски, члены его влчили по улицамъ. Изслѣдованы были всѣ тайники Серапіона. Потомство узнало, какія штуки продѣлывали жрецы, чтобы поддержать свою власть. Между прочими чудесами, увидѣли колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, которая была привѣшена къ потолку помощью магнита, положеннаго на колесо; какъ только магнитъ былъ снятъ однимъ изъ христіанъ, колесница упала на землю, и обманъ былъ открытъ. Историкъ этихъ событій, указывая на физическую невозможность такихъ вещей, замѣтилъ вполне справедливо, что легче выдумать ложную исторію, чѣмъ поддерживать на практикѣ обманъ. Находявшіеся въ храмѣ золото и серебро были тщательно собраны, мѣнѣе драгоценныя вещи разбиты на части или брошены въ огонь. Теофилъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не разрушилъ зданія до самыхъ его основаній, — дѣло, требовавшее не мало труда, — и не воздвигъ на его мѣстѣ церкви. Наибольше сильно было, повидимому, разрушенъ храмъ. Напротивъ того, зданіе, въ которомъ помѣщалась библіотека, было, по всей вѣроятности, нѣсколько пощажено, потому что двадцать лѣтъ спустя Орозій положительно утверждаетъ, что онъ видѣлъ пустыя ящики или полки. Но дѣятельность Теофила этимъ не кончилась. За этимъ послѣдовало разрушеніе храма въ Канонѣ и произведено было нападеніе на всѣ подобнаго рода зданія въ Египтѣ.

Такъ кончился Серапіонъ. Его разрушеніе иллюстрируетъ положеніе дѣлъ того времени.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого достопамятнаго событія умеръ Теофилъ. Престолъ его занялъ племянникъ его, Св. Кириллъ. Кириллъ, приготовившійся къ исполненію этой важной и ответственннй обязанности пятилѣтнимъ пребываніемъ среди монаховъ Нитріи. Онъ былъ представленъ требовательнымъ александрійцамъ съ должными предосторожностями и признанъ ими хорошимъ проповѣдникомъ. Городское населеніе дѣлилось въ то время на три партіи — христіанъ, язычниковъ и евреевъ, которые вели между собою непрестанную борьбу. Число послѣднихъ, какъ говорятъ, до-

ходило до сорока тысячъ. Самое епископство обратилось не столько въ религиозное, сколько въ важное гражданское учрежденіе, обладавшее муниципальною властью черезъ посредство параболановъ, которые, подъ видомъ городскихъ миссіонеровъ, обязанныхъ отыскивать больныхъ и обездоленныхъ, составляли въ дѣйствительности настоящую полицейскую силу или, скорѣе, милицію. Безцеремонность, съ какою пользовались этою силою, отвлекая ее отъ предназначенной ей цѣли, доказана была тѣмъ, что императоръ вынужденъ былъ отнять у архіепископа обязанность уплачивать параболанамъ жалованіе и сократить число ихъ до пяти или шестисотъ человекъ. Нѣкоторые мѣстные обстоятельства усилили вра-

Столкновенія
въ городѣ.

дебныя отношенія между евреями и христианами, и первыя столкновенія между ними произошли въ театрахъ. За ними послѣдовала болѣе серьезная борьба на улицахъ, и евреи, получившіе временно перевѣсъ надъ своими противниками, оскорбили и умертвили многихъ изъ нихъ. Но это было не надолго, потому что христиане, возбуждаемые Кирилломъ, возмутились, разграбили синагоги и дома евреевъ и сдѣлали было попытку изгнать ихъ совсѣмъ изъ города. Префектъ Орестъ былъ вынужденъ вмѣшаться, чтобы остановить распри, но справиться оказалось не такъ-то легко. Пятьсотъ монаховъ изъ Питріи, бывшихъ сотоварищей архіепископа, спустились въ городъ изъ пустыни. Префектъ подвергся нападенію и былъ раненъ камнемъ, брошеннымъ ему въ голову однимъ изъ монаховъ, Аммоніемъ. Болѣе почтенные изъ гражданъ, встревоженные оборотомъ, принятымъ дѣлами, вмѣшались. Аммонія схватили, и онъ былъ убитъ рукою диктора. Кириллъ заставилъ перенести его тѣло въ Кесарій, положилъ его въ гробницу и похоронилъ съ необыкновенными почестями. Онъ приказалъ переименовать имя Аммонія на Томазія или Чудеснаго, и въ послѣдствіи канонизировалъ его.

Во время этихъ безпорядковъ язычники, несомнѣнно, симпатизировали евреямъ и поэтому навлекли на себя мнѣніе Кирилла.

Гипатія. Среди лицъ, занимавшихся разработкою платоновой философіи и пощаженныхъ временемъ, находилась молодая, прекрасная женщина, Гипатія, дочь математика Теона, прославившаяся не только изложеніемъ ученій неоплатониковъ и перипатетиковъ, но и искусствомъ, съ какимъ она комментировала произведенія Аполлонія и другихъ геометровъ. Каждый день передъ ея дверями стояли вереницы колесницъ; въ ея аудиторіи толпились цвѣтъ александрійской молодежи, богатый и фэшнбельный міръ Александріи. Ея аристократическая аудиторія какъ бы соперничала съ собраніемъ слушающимъ проповѣди архіепископа. Невозможно было допустить, чтобы языческая волшебница дѣлила влияние въ городѣ съ перво-священникомъ, невозможно было допустить, чтобы богатые, благородные и молодые ея слушатели увлекались чарами дьявольской колдуньи. Александрія была слишкомъ драгоценною добычею, чтобы уступать ее безъ борьбы. Она могла соперничать съ самымъ Константинополемъ. Съ желтыхъ песчаныхъ холмовъ пустыни тянулись длинныя вереницы верблю-

Городъ
Александрія.

довъ, направлявшіяся въ александрійскія улицы, а безчисленные лодки привозили обильную жатву съ береговъ Нила. Каналь соединялъ гавань Эвностъ съ озеромъ Маретисъ. Гавань представляла цѣлый лѣсъ мачтъ. Со стороны моря, надъ голубымъ Средиземнымъ моремъ, возвышался большой маякъ Фаросъ, считавшійся однимъ изъ чудесъ міра; а чтобы защитить корабли отъ сѣверныхъ вѣтровъ, устроенъ былъ молъ въ три четверти мили длины съ подъемными мостами — чудо искусства македонскихъ инженеровъ. Двѣ большія улицы пересѣкали другъ друга подъ прямымъ угломъ, — одна въ три мили длины, другая въ одну. На образцовомъ ими прямоугольникѣ стоялъ мавзолей съ тѣломъ Александра. Въ городѣ было множество прекрасныхъ зданій — дворецъ, казначейство, кесарій, суды. Наболѣе выдающимся изъ храмовъ были храмы Пана и Нептуна. Посѣтитель города проходилъ мимо массы театровъ, церквей, храмовъ, синагогъ. Было время, до Теофила, когда къ Серапіону можно было подойти съ одной стороны по наклонной плоскости, устроенной для экипажей, а съ другой — по лѣстницѣ въ сто мраморныхъ ступеней. Надъ ними возвышался большой портикъ съ колоннами и крытыми корридорами, окружающими залъ безъ крыши; рядомъ съ заломъ находилась библиотека, а посрединѣ поднимался высочайшій столбъ, видимый далеко съ моря. По одну сторону города помѣщались царскіе доки, по другую — гипподромъ, а также некрополь, ярмарочная площадь, гимназія съ стоей въ стадію длиною, амфитеатръ, роши, сады, фонтаны, обелиски и безчисленныя общественныя зданія съ золочеными крышами, сіяющими на солнцѣ. Здѣсь можно было видѣть христианскихъ дамъ, разгуливающихъ на улицахъ въ платьяхъ, съ вышитыми на нихъ изреченіями изъ священнаго Писанія, съ евангеліями, висящими на золотой цѣпи, спускавшейся съ шеи, съ мальтейскими собачками, прыгавшими вокругъ нихъ, и съ рабами, несущими ихъ вѣера и зонтики. Здѣсь же видѣлись вѣчно торгующіе и вѣчно занятые евреи, идущіе изъ верфей или дѣятельно обсуждавшіе новые займы. Но, что было хуже всего, тутъ же катились колесницы съ любопытными или погруженными въ думы язычниками, сбѣжавшими въ академію Гипатіи, чтобы слушать обсужденіе вопросовъ, на которые никогда не бываетъ отвѣта: «гдѣ я?», «кто я?», «что я могу знать?» — слушать пренія о существованіи до рожденія или, по увѣреніямъ черни, чтобы предсказывать будущее помощью чернаго искусства, помощью халдейскихъ талисмановъ, награвированныхъ на драгоценныхъ камняхъ, заклинаній на стеклѣ и водѣ, луннаго свѣта на стѣнахъ, отраженія сапфира, рѣшетъ или кимваль, наконецъ, помощью жилъ на рукахъ или помощью звѣздъ.

Наконецъ, рѣшено было устранить всѣ эти безобразія и уничтожить единственное препятствіе для неограниченной власти архіепископа надъ городомъ. Мы имѣемъ теперь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ моментовъ въ жизни общества, когда великіе общіе принципы воплощаются въ отдѣльныхъ личностяхъ. Греческая философія воплощалась въ Гипатію, церковное честолюбіе — въ Кириллъ. Гипатія отправлялась въ свою академію, когда александ-

Убийство
Гипатіи.

Драперья. — Пет. умств. разв. Европы.

дрійская чернь напала на нее. Среди ужасающихъ криковъ разъяренной толпы, дѣвушку потащили голою по городскимъ улицамъ, затѣмъ смертельно испуганную завели въ одну изъ ближайшихъ церквей, гдѣ ее убилъ дубиною Петръ Чтець. Тотъ, кто разжигаетъ страсти фанатической толпы, не всегда бываетъ въ силахъ предупредить излишества по достиженіи намѣченной имъ цѣли. Благодаря удару, нанесенному Петромъ, цѣль враговъ Гипатіи была достигнута, но безпощадные палачи ея не насладились еще достаточно своею мстью. Они оскорбляли голое тѣло, разсѣкли его на части, и, даже трудно повѣрить, закончили свое адское преступленіе тѣмъ, что содрали мясо съ костей устричными раковинами и бросили остатки его въ огонь.

Такимъ-то образомъ, на 414 г. нашей эры, положеніе философіи въ умственной метрополиі міра было опредѣлено; съ этихъ ^{Уничтоженіе} поръ наука ^{александрійской} отходитъ на задній планъ и занимаетъ ^{науки.} чиненное мѣсто. Ея открытаго существованія не допускаютъ больше. Можно сказать, что она совершенно исчезаетъ на нѣсколько столѣтій. Въ римскомъ мірѣ свободной мысли больше не было мѣста. Говорили, что эти событія доказывали ничтожество греческой философіи, которая, подобно другимъ ничему не стоящимъ вещамъ, исчезла съ лица земли, такъ какъ не могла противостоятъ истинѣ. Такого рода утвержденія могли еще раздаваться, когда побѣдители властвовали въ Александріи, но они сдѣлались совсѣмъ неумѣстными, какъ только сарацины завоевали городъ. Какъ бы то ни было, въ Александріи воцарился умственный застой, невидимая атмосфера притѣсненія, гнета, готовая паразитически или нравственно все, что противилось ея тяжести. И это состояніе продолжалось въ теченіе слѣдующихъ двухъ тяжелыхъ, долгихъ столѣтій, пока притѣсненія и насилия не были прекращены благодаря иностранному вторженію. Хорошо было для міра, что арабскіе завоеватели признавали своимъ единственнымъ аргументомъ мечъ и не заявляли никакихъ притязаній на сверхчеловѣческую мудрость. Такимъ образомъ, имъ дана была полная возможность разрабатывать науку, не останавливаясь передъ какими-либо метафизическими противорѣчійми, и сдѣлать Египетъ самую знаменитую страню въ мірѣ, освободивъ его отъ фанатизма, невѣжества и варварства, въ которые онъ былъ погруженъ. На берегахъ Чермнаго моря была измѣрена еще часть земной поверхности и опредѣлена ея величина,—только на этотъ разъ это было сдѣлано магометанскимъ астрономомъ. Въ Александріи оживились воспоминанія о бывшихъ славныхъ дняхъ, благодаря открытію движенія солнечной апогеи, сдѣланному Альбатеніемъ и открытію третьяго неравенства луны и ея измѣненій, сдѣланному Абуль Веомъ; и то и другое было шестью столѣтіями позже открыто въ Европѣ Тихо де-Браге. Канальъ фараоновъ, соединяющій Нилъ съ Чернымъ моремъ и расчищенный въ прежніе вѣка Птоломееями, былъ вновь очищенъ отъ псковъ. Повеселѣвшая пустыня опять прислушивалась среди ночной тиши къ веселымъ оживленнымъ возгласамъ погонщиковъ каравановъ.

Г Л А В А XI.

Преждевременный конецъ вѣка вѣры на востокъ.

ТРИ НАПАДЕНІЯ—ВАНДАЛОВЪ, ПЕРСОВЪ И АРАБОВЪ.

Нападеніе вандаловъ приводитъ къ потерѣ Африки.—Завоеваніе вновь этой провинціи Юстиніаномъ послѣ большихъ бѣдствій.

Персидское нападеніе приводитъ къ потерѣ Сиріи и къ паденію Іерусалима.—Древо креста увозится, какъ трофей.—Нравственное вліяніе этихъ нападеній.

Нападеніе арабовъ.—Рожденіе, миссія и ученія Магомета.—Быстрое распространеніе его ученія въ Азіи и Африкѣ.—Паденіе Іерусалима.—Ужасающія потери христіанства, отступающаго передъ магометанствомъ.—Арабы дѣлаются ученою націею.

Пересмотръ Корана.—Разсужденія о потеряхъ, понесенныхъ христіанствомъ въ Азіи и Африкѣ.

Теперь мнѣ предстоитъ описать конецъ вѣка вѣры на востокъ. Византійская система, положившая ему начало, была ^{Три нападенія,} разрушена тремя ^{сдѣланныя на} нападеніями: 1) вторженіемъ вандаловъ въ Африку, 2) военными дѣйствіями Хозроя, персидскаго царя, 3) магометанствомъ. ^{византійскую систему.}

Изъ этихъ трехъ нападеній вандалское было успѣшно прекращено въ военномъ смыслѣ побѣдами Юстиніана, но въ политическомъ побѣды эти повлекли за собою обезлюденіе и разореніе имперіи, въ особенности южной и западной ея части. Второе, персидское, хотя и встрѣтило въ послѣдніе годы блестящій отпоръ со стороны императора Гераклія, но оставило на всемъ востокѣ глубокое нравственное впечатлѣніе, оказавшее роковымъ во время нападенія магометанъ.

Ни одна ересь не привела къ такимъ важнымъ политическимъ результатамъ, какъ ересь Арія. Когда она была еще живымъ ученіемъ, она навлекла ужасающія бѣдствія на имперію, а много лѣтъ спустя, уже совершенно забытая, она продолжала опустошать самыя прекрасныя части земного шара. Когда графъ Бо- ^{Нападеніе вандаловъ.} нифацій, побуждаемый къ тому интригами патриція Эція, пригласилъ Гензериха, царя вандаловъ, въ Африку, варваръ этотъ нашелъ себѣ ревностныхъ помощниковъ въ лицѣ недовольныхъ сектантовъ. Иначе ему никогда не удалось бы завоевать страны съ 50000 человекъ, привезенныхъ имъ изъ Испаніи въ 429 г. Триста донагискихъ епископовъ и нѣсколько тысячъ священниковъ, доведенныхъ до отчаянія преслѣдованіями императора, увлекли за собою значительную часть ^{Завоеваніе Африки.} населенія, исповѣдывавшую арійское ученіе, и отнесли къ вторгнувшемуся неприятелю какъ къ освободителю, съ радостью оказывая ему поддержку. Въ результатѣ получилась для имперіи потеря Африки.

Нечего удивляться, конечно, что однимъ изъ первыхъ дѣйствій Юстиніана, послѣ того, какъ онъ почувствовалъ себя прочнымъ на константинопольскомъ престолѣ, было стремленіе прекратить эти бѣдствія. Тѣ же принципы, которые внушали ему его царство Юстиніана. конодательные планы, заставили его поощрять развитіе промышленныхъ интересовъ помощью обработки шелка, открывать старинныя дороги въ Индію, чтобъ избѣгать транзита черезъ персидскія владѣнія, заботиться объ обезпеченіи за греками перевозной торговли Европы и т. д., внушили ему также мысль и о завоеваніи вновь Африки. Къ этому важному шагу его побуждало католическое духовенство. Царство его ознаменовалось печальнымъ, хотя вполне послѣдовательнымъ образомъ, закрытіемъ философскихъ школъ въ Афинахъ, подъ предлогомъ связи ихъ съ язычествомъ, а въ дѣйствительности потому, что онъ лично ненавидѣлъ ученія Аристотеля и Платона, а затѣмъ отъѣздомъ консульства въ Римъ, закрытіемъ римскаго сената въ 552 г., пятикратнымъ завоеваніемъ и потерю Вѣчнаго города. Исчезновеніе римской расы ознаменовалось, такимъ образомъ, уничтоженіемъ орудій древней философіи и власти.

Негодваніе католиковъ было совершенно справедливо возбуждено жестокостями, совершаемыми въ Африкѣ вандалскими царями, дѣйствующими въ угоду арианъ; между прочимъ, они доводили свою жестокость до того, что заставляли епископовъ молчать, вырѣзывая у нихъ языки. Приводя въ исполненіе планъ Юстиніана завоевать вновь Африку, его полководецъ Велизарій выѣхалъ туда въ срединѣ лѣта 533 г., а въ ноябрѣ завоеваніе страны было завершено.

Все это сдѣлалось очень быстро, но сопровождалось за то ужасными бѣдствіями. Какъ во время этихъ войнъ, такъ и во время итальянскихъ войнъ Юстиніана, которыя были также предприняты по настоянію духовенства, человѣческій родъ видимо уменьшился. Утверждаютъ, что въ африканскую кампанію погибло пять милліоновъ обитателей Африки, что во время двадцатилѣтней войны готовъ Италия потеряла пятнадцать милліоновъ и что войны, голодъ и чума въ царствованіе Юстиніана уменьшили человѣческій родъ на невѣроятную цифру — сто милліоновъ.

Не удивительно, поэтому, что при такомъ бѣдственномъ положеніи люди искали избавителя и въ своемъ отчаяніи были совершенно равнодушны къ тому, кто онъ и откуда придетъ. Духовныя распри сдѣлали свое дѣло. Когда Хозрой II, персидскій имперіи. царь, напалъ на Европу въ 611 г., преслѣдуемые сектанты Малой Азіи, Сиріи и Египта послѣдовали примѣру африканскихъ арианъ во время вандалскаго вторженія и измѣнили еретикъ никогда не стѣняется передъ средствами для мщенія. Какъ и можно было ожидать, азиатскіе города сдались персамъ. Послѣдніе взяли приступомъ Иерусалимъ, а вмѣстѣ съ нимъ и древо креста; девяносто тысячъ христіанъ было умерщвлено; и христіанство въ мѣстѣ своего

рожденія было вытѣснено магізмомъ. Въ настоящее время трудно себя представить, какъ силенъ былъ ударъ, нанесенный этимъ событіемъ религіознымъ людямъ. Всякое довѣріе къ апостольской власти азиатскихъ епископовъ было потеряно; никто изъ нихъ не произвелъ ни одного чуда для собственнаго спасенія въ этой ужасающей крайности. Завоеватели прошли по всему Египту до Эіопіи; казалось, что дни Камбиза повторились. Александрійскій архіепископъ нашелъ болѣе безопаснымъ для себя бѣжать въ Кипръ. Берега Средиземнаго моря были покорены до Триполи. Десять лѣтъ знамена персовъ развивались въ виду Константинополя. Одно время Гераклій даже рѣшился покинуть городъ и основать свою столицу въ Карсагенѣ. Его намѣреніе не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе противодѣйствія патріарха, боявшагося лишиться своего положенія, вслѣдствіе вліянія аристократіи, предвидѣвшей свою гибель, и народа, который, въ случаѣ перенесенія столицы, лишился бы вспомошествованія и зрѣлищъ. Африка была болѣе римскою провинціею, чѣмъ всѣ другія: въ ней долѣе всего употреблялся латинскій языкъ. Но какъ только мщеніе еретиковъ было удовлетворено, оказалось, что они только перемѣнили тирановъ, но не были избавлены отъ тирановъ. Величина ихъ измѣны доказывается тою легкостью, съ какою Гераклій изгналъ персовъ, какъ только они начали поддерживать его.

Послѣ этихъ событій прежнее очарованіе исчезло безъ слѣда. Магіанскій огонь сжегъ церкви Константина и Елены; драгоценныя дары благочестивыхъ людей перешли во владѣніе персовъ и евреевъ. Трудно было вѣрѣ возродиться въ прежнемъ видѣ. Лица, ожидавшія набожно, что земля разверзнется, молнія упадетъ съ неба или внезапная смерть достигнетъ дерзкаго завоевателя святыхъ мѣстъ, увидѣли, что ничего подобнаго не произошло, и сразу перешли къ полному безвѣрію. Азія и Африка совершенно погибли нравственно. Мечъ арабовъ скоро пересѣкъ сохранившіеся еще узы.

Черезъ четыре года послѣ смерти Юстиніана, въ 569 г., родился въ Меккѣ, въ Аравіи, человѣкъ, который оказалъ наибольшее вліяніе на человѣческій родъ — Магометъ, прозванный европейцами «обманщикомъ». Онъ возвысилъ свою націю, освободивъ ее отъ фетишизма, отъ поклоненія метеорному камню и отъ самаго низменнаго идолопоклонства; онъ проповѣдовалъ монотеизмъ, который вскорѣ прекратилъ споры арианъ и католиковъ и отнялъ безвозвратно у христіанства больше чѣмъ половину самыхъ лучшихъ его владѣній, такъ какъ въ составъ отнятыхъ частей вошла Святая земля, мѣсто рожденія нашей вѣры, и Африка, придавшая ей латинскую ея форму. Этотъ материкъ и значительная часть Азіи, по истеченіи болѣе тысячи лѣтъ, остаются попрежнему привязанными къ арабскому ученію. Сама Европа спаслась отъ него почти чудомъ, съ величайшимъ затрудненіемъ.

Въ Магометѣ соединялись тѣ качества, которыя не разъ уже рѣшали судьбы государствъ. Солдатъ-проповѣдникъ, онъ былъ равно краснорѣчивъ на каедрѣ и доблестенъ на полѣ битвы.

Теологія его была проста: «существуетъ только одинъ Богъ». Извѣ-
женный сиріецъ, затерявшійся въ монофелическихъ и монофизиче-
скихъ таинствахъ, аонасіецъ и арианецъ, осужденные исчезнуть
передъ нимъ, были уже, быть можетъ, готовы воспринять его уче-
ніе. Утверждая эту вѣчную истину, онъ не пускался въ пустую
метафизику, но старался улучшить общественныя условія своего
народа, вырабатывая разнаго рода правила для вседневнаго оби-
хода, правила о чистотѣ, умѣренности, постѣ и молитвѣ. Выше
всего ставилъ онъ милостыню и милосердіе. Съ терпимостью, чуж-
дою послѣдующимъ временамъ, онъ допускалъ возможность спасенія
для людей помимо исповѣдываемой ими религіи, подъ единствен-
нымъ условіемъ, чтобъ они были добродѣтельны. Къ заявленію о
существованіи только единаго Бога онъ прибавилъ: «и Магометъ—
пророкъ его». Тотъ, кто пожелалъ бы узнать, соответствовало ли
и титулъ апо- данное положеніе дѣлѣ смѣлости подобнаго заявленія,
стола. долженъ посмотреть на современную намъ карту земли.
Онъ увидитъ на ней слѣды чего-то превышающаго простой обманъ.
Быть духовнымъ главою многихъ государствъ, направлять повсе-
дневную жизнь одной трети человѣческаго рода значить, быть мо-
жетъ, оправдывать титулъ посланника Божія.

Подобно многимъ христіанскимъ монахамъ, Магометъ уда-
лился въ уединеніе пустыни и, посвятивъ себя размышленіямъ,
посту и молитвѣ, сдѣлался жертвою умственнаго разстройства. Его
Его безуміе. посѣщали таинственные видѣнія; таинственные голоса.
здороваясь съ нимъ, называли его пророкомъ божіимъ; даже камни
и деревья шептались съ нимъ. Самъ онъ подозрѣвалъ истинный
характеръ своей болѣзни и выразилъ женѣ своей Хадиджѣ опасеніе,
что онъ сходитъ съ ума. Говорятъ, что въ ту минуту, какъ они
сидѣли одни, тѣнь вошла въ комнату. «Видишь ли ты привидѣніе?»—
спросила Хадиджа, которая, по обычаю арабскихъ женщинъ, носила
покрывало. «Вижу»,—отвѣтилъ пророкъ. Затѣмъ она открыла лицо и
спросила: «А теперь ты видишь его?»—«Нѣтъ, не вижу».—«Радостнымъ
вѣсти тебѣ, Магометъ»,—вскричала Хадиджа,—«это ангелъ, потому
что онъ отнесся съ уваженіемъ къ моему незакрытому лицу; злой
духъ никогда не сдѣлалъ бы этого». По мѣрѣ развитія его болѣзни,
эти иллюзіи сдѣлались болѣе частыми; черезъ одно изъ приви-
дѣній онъ получилъ и полномочія отъ Бога. «Я буду первою твоею
послѣдовательницею»,—сказала ему жена, и они оба стали на колѣни
для совмѣстной молитвы. Съ этого дня, девять тысячъ миллионовъ
человѣческихъ существъ признали его пророкомъ божіимъ.

Хотя въ ранній періодъ своей дѣятельности Магометъ отно-
сился съ большою терпимостью къ христіанству, тѣмъ не менѣе,
по мѣрѣ распространенія его вліянія, между ними не могла не воз-
никнуть ожесточенная вражда. Онъ, повидимому, никакъ
не могъ понять, какъ это Богъ одинъ, а Троица въ
Постепенно раз- вѣщающійся въ немъ антаго- низмъ съ хри- стіанствомъ. трехъ лицахъ; а недавно лишь введенное поклоненіе
Богородицѣ Дѣвѣ также не могло, съ его точки зрѣнія, примириться
съ его идеею объ единствѣ Бога. Осуждая евреевъ, учившихъ, что
Эзра сынъ Божій, онъ вскорѣ присоединилъ къ этому горькіе упреки

по адресу восточныхъ церквей за ихъ языческіе обряды. Коранъ
полонъ такого рода замѣчаніями. Магометъ презиралъ всякаго рода
метафизическія разсужденія о характерѣ божества или о проис-
хожденіи и существованіи грѣха,—предметы, надъ которыми долго
изощрялось остроуміе востока. Онъ отбросилъ ученіе о превосход-
ствѣ дѣвственности, утверждая, что бракъ—естественное
состояніе человѣка. Аскетизму онъ противопоставилъ ^{Установленіе}
^{полигаміи.} полигамію, разрѣшая ее въ этой жизни и обѣщая самыя слад-
острастныя развлеченія въ раю послѣ смерти, особенно для тѣхъ,
кто заслужитъ вѣнецъ мученичества или побѣды.

Успѣхъ въ этомъ мѣрѣ часто принимается за критеріумъ
истины. Магометане ссылаются на быстроту и успѣшность карьеры
Магомета, выставляя ее на видъ, какъ доказательство ^{Результаты его}
его божественной, апостольской миссіи. Но, быть мо- ^{жизни.}
жетъ, философу, желающему говорить съ полнымъ уваженіемъ о
вѣрѣ такой значительной части человѣческаго рода, разрѣшено бу-
детъ разсмотрѣть, каковы были нѣкоторыя изъ второстепенныхъ
причинъ, обуславливавшихъ столь великій политическій результатъ.
Христіанство было навсегда изгнано изъ наиболѣе знаменитыхъ,
прославленныхъ мѣстъ: изъ Палестины, арены его наиболѣе свя-
щенныхъ воспоминаній, изъ Малой Азіи, мѣстонахожденія его пер-
выхъ церквей, изъ Египта, гдѣ возникло великое ученіе о св.
Троицѣ, изъ Карфагена, передавшаго Европѣ свою вѣру.

Совершенно ошибочно мнѣніе, что арабскій прогрессъ былъ
обязанъ своею успѣшностью одному мечу. Мечъ можетъ ^{Причины его}
измѣнить признанную національную вѣру, но не можетъ ^{успѣха.}
затронуть совѣсти человѣка. Какъ ни глубокомысленъ этотъ аргу-
ментъ, но нужно было нѣчто еще болѣе глубокомысленное для того,
чтобы магометанство проникло собою домашнюю жизнь Азіи и
Африки, и для того, чтобъ арабскій языкъ сдѣлался языкомъ столь-
кихъ различныхъ народовъ.

Всѣ политическія явленія объясняются общественнымъ поло-
женіемъ завоеванныхъ странъ. Вліяніе на нихъ религіи ^{Слабость госу-}
давно прекратилось; она замѣнена была теологіею,— ^{дарства, вы-}
теологіею столь непонятною, что даже удивительныя ^{званная демо-}
свойства греческаго языка не могли заставить ее удовлетворить ^{рализациею ду-}
требованіямъ народа; о латинскомъ языкѣ и о варварскихъ діалек- ^{ховенства.}
тахъ нечего было уже и говорить. Какъ возможно, чтобы безгра-
мотные люди, которые съ трудомъ понимали очевидныя для всѣхъ
вещи, могли проникнуть въ смыслъ таинствъ? Но они учили, что
отъ ихъ ученій зависитъ спасеніе или осужденіе человѣческаго рода.
Они видѣли, что духовенство отказалось руководить индивидуаль-
ною жизнью своей паствы, что личныя добродѣтели и пороки не
принимались болѣе въ расчетъ, что грѣхъ измѣряется не дур-
ными дѣлами, а степенью ереси. Они видѣли, что церковные вожди
въ Римѣ, Константинополѣ и Александріи вели отчаянную борьбу
между собою за главенство, добываясь своей цѣли помощью ору-
жія и окольными путями, возмущающими совѣсть людей. Какой
примѣръ давали епископы, обвиняемые въ убійствахъ, отравлені-

яхъ. адюльтерахъ, бунтахъ, дракахъ, измѣнѣ, гражданской войнѣ? Патріархы и примасы, отлучающіе другъ друга отъ церкви и предающіе другъ друга анаемѣ во время борьбы за первенство, подкупающіе евнуховъ золотомъ, а придворныхъ и королевскихъ любимицъ своими ласками? Что же удивительнаго, если грозный боевой крикъ «единъ Богъ», раздавшійся среди этой сумятицы религиозныхъ партій, среди борьбы арианъ, несторианъ, еutihianъ, моноелитовъ, монофизитовъ, маріоларистовъ и т. д., имѣлъ громадный успѣхъ? Что удивительнаго, если при этомъ Азія и Африка отдѣлились отъ Европы? Въ лучшія времена патриотизмъ часто подчиняется религіи; теперь же онъ совершенно замеръ.

Какъ только Магометъ былъ похороненъ, обнаружилась неизбежная судьба его религіи—перейти за предѣлы Аравіи. Самъ про-
Завоеваніе Африки. человекъ, двинулся на Дамаскъ, но дурное состояніе его здоровья помѣшало успѣшности его предпріятія. Преемникъ его, Абу-Бекръ, первый калифъ, напалъ одновременно на римлянъ и персовъ. Вторженіе въ Египетъ произошло въ 638 г.,—при чемъ арабы дѣйствовали по приглашенію коптовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ магометанскій генералъ Амру написалъ своему господину, калифу: «Я взялъ Александрію, великій городъ запада». Измѣна сдѣлала свое дѣло, и Египетъ былъ покоренъ. Но для окончательнаго завоеванія христіанской Африки требовалось еще много паденій. Абдаллахъ проникъ къ Триполи, сдѣлавъ девятьсотъ миль, но затѣмъ вернулся. Послѣ того, въ теченіе двадцати лѣтъ, дѣла находились въ застоѣ изъ-за споровъ по поводу наслѣдства калифата. Моавія послалъ своего адъютанта Акбаха, который проложилъ себѣ путь до Атлантическаго океана, но затѣмъ оказался не въ силахъ удерживать въ своемъ владѣніи такую длинную полосу страны. Новыя военныя дѣйствія предприняты были Абдальмакомъ, шестымъ изъ династіи Омайядовъ, въ 698 г.; военачальникъ его, Гассанъ, взялъ штурмомъ Каррагенъ и разрушилъ его; завоеваніе это было завершено Музою, который пользовался двойною репутациею, храбраго полководца и краснорѣчиваго проповѣдника. Такимъ-то образомъ, эта область, такъ много отличившаяся на теологическомъ поприщѣ, страна, которой современная Европа такъ много обязана, замолкла навсегда подъ давленіемъ меча. Она перестала проповѣдывать и научилась молиться на новый ладъ.

Этотъ политическій результатъ,—завоеваніе арабами Африки,—былъ, несомнѣнно, достигнутъ благодаря содѣйствію того самаго элемента, который оказалъ такое пагубное влияние во время нашествія вандаловъ и теперь вновь проявилъ свое дѣйствіе. Но если измѣна ввела непріятели въ эту страну, полигамія обезпечила ему побѣду. Въ Египтѣ греческое населеніе было православное, туземное икобитское, болѣе склонное принять монотеизмъ Аравіи, чѣмъ выносить тиранію ортодоксовъ. Арабы, проводя до ея крайнихъ послѣдствій свою политику уничтоженія старой метрополіи и устройства новой, лишили Александрію ея прежняго значенія, развѣнчали ее. Такимъ образомъ, патріархатъ этого города утратилъ какое бы то

ни было значеніе въ христіанской системѣ, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ некажалась цѣлымъ рядомъ интригъ и насилій. Непреодолимое дѣйствіе полигаміи въ дѣлѣ упроченія новаго порядка вещей не замедлило сказаться. Прошло немногимъ больше одного поколѣнія, и все дѣти сѣвера Африки говорили на арабскомъ языкѣ.

Въ царствованіе калифовъ Абу-Бекра и Омара, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Магомета, арабы завоевали Завоеваніе Сиріи и Персіи. тридцать шесть тысячъ городовъ, замковъ и укрѣпленій въ Персіи, Сиріи, Африкѣ и разрушили четыре тысячи церквей, замѣнивъ ихъ тысячею четырьмястами мечетями. Прошло немного лѣтъ, и они расширили свою власть на тысячи миль въ восточномъ и западномъ направленіи. Въ Сиріи и Африкѣ ихъ первоначальныя успѣхи обусловливались главнымъ образомъ измѣною. Дамаскъ былъ взятъ послѣ годовой осады. Въ сраженіи при Анзадинѣ, въ 633 г., Калидъ, «мечъ Бога», одержалъ побѣду надъ арміею Гераклія, при чемъ римляне потеряли пятьдесятъ тысячъ человекъ; за этимъ послѣдовало вскорѣ паденіе великихъ городовъ,—Иерусалима, Антиохіи, Алеппо, Тира, Триполи. Калифъ Паденіе Иерусалима. Омаръ явился изъ Медины на рыжемъ верблюдѣ, который везъ мѣшокъ пшеницы и мѣшокъ финиковъ, деревянную посуду и кожаный мѣхъ для воды, и принялъ въ свое владѣніе Иерусалимъ. Онъ въѣхалъ въ святой городъ верхомъ, рядомъ съ христіанскимъ патріархомъ Софроніемъ, который, капитулируя, доказалъ всецѣло свое малодушіе. Преемникъ Магомета и римскаго императора понималъ, какую громадную важность въ глазахъ націй представляетъ владѣніе Иерусалимомъ. Омаръ даже думалъ, что оно можетъ служить доказательствомъ достовѣрности магометанства, и потому приказалъ сарацнскимъ войскамъ завладѣть имъ во что бы то ни стало.

Завоеваніе Сиріи и захватъ портовъ Средиземнаго моря доставили арабамъ власть надъ моремъ. Они вскорѣ взяли Родосъ и Кипръ. Битва при Кадезии и разграбленіе Ктезифона, метрополіи Персіи, рѣшили судьбу этого царства. Сирія была покорена всецѣло при Омарѣ, второмъ калифѣ, Персея при Отоманѣ третьемъ.

Арабы сожгли александрійскую бібліотеку, и существовала одно время опасность, что они слѣдуютъ византійской системѣ; но калифы лишь на время увлеклись этою пагубною по-
Арабы дѣлаются ученою націею. литикою и вскорѣ сдѣлались просвѣщенными покровителями знанія. О нихъ говорили, что они съ такою же быстротою овладѣли областями знанія, съ какою овладѣли царствами своихъ сосѣдей. Вошло въ обычай довѣрять важнѣйшія должности государства ученымъ людямъ. Нѣкоторые изъ правилъ арабовъ доказываютъ, какъ высоко цѣнились у нихъ наука и литература. «Чернила ученаго должны цѣниться наравнѣ съ кровью мученика». «Рай существуетъ въ равной степени и для того, кто палъ подъ ударами меча». «Міръ поддерживается только четырьмя вещами: знаніемъ мудреца, справедливостью великаго, молитвами добраго и доблестью храб-

раго». Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Магомета, при четвертомъ калифѣ, Али, покровительство знанію сдѣлалось установленнымъ принципомъ магометанской системы. При багдадскихъ калифахъ этотъ принципъ всегда старательно проводился. Дворъ Альманзора былъ полонъ людьми, посвятившими себя изученію математики, астрономіи, медицины и литературы; Альманзоръ приглашалъ всѣхъ философовъ, предлагая имъ свое покровительство, каковы бы ни были ихъ религіозныя мнѣнія. Преемникъ его, Альрашидъ, никогда не путешествовалъ безъ свиты въ сто ученыхъ. Этотъ великій государь издалъ указъ, воспрещающій строить мечети безъ школы. Онъ поручилъ надсмотръ за всѣми школами несторіанцу Масюэ. Преемникъ его, Альмаймонъ, воспитывался среди греческихъ и персидскихъ математиковъ, философовъ и медиковъ. Они всю жизнь оставались съ нимъ. Эти государи непрестанно заботились объ устройствѣ библиотекъ и организовали, какъ слѣдуетъ, собраніе и списываніе рукописей. Во всѣхъ большихъ городахъ школъ было множество; въ одной Александріи ихъ насчитывалось не меньше двадцати. Какъ и можно было ожидать, такой образъ дѣйствій калифовъ не могъ не возбудить негодованія старой фанатической партіи, которая не только дѣлала упреки Альмаймону, но и угрожала ему мщеніемъ Бога за нарушеніе вѣры народа. Тѣмъ не менѣе то, что было начато въ интересахъ политики, вошло въ нравы общества, и съ тѣхъ поръ замѣчено было, что какъ только какой-либо эмиръ добивался независимости, онъ сейчасъ же открывалъ академію.

Арабы доставляютъ намъ поразительный примѣръ послѣдовательнаго развитія національной жизни. Прежде всего они появляются намъ въ видѣ фетишистовъ, переживающихъ свой періодъ легковѣрія, когда предметомъ ихъ поклоненія былъ черный камень въ Меккѣ. Они проходятъ затѣмъ черезъ вѣкъ изслѣдованія, доставляющій возможность появленія Магомета. Затѣмъ слѣдуетъ вѣкъ вѣры, слѣпой фанатизмъ котораго быстро заставлялъ ихъ распространиться по всѣмъ смежнымъ странамъ; наконецъ, наступаетъ ихъ періодъ зрѣлости, вѣкъ разума. Выдающимися чертами этого движенія является быстрота, съ какою они переходятъ черезъ эти послѣдовательныя фазы развитія, и интенсивность ихъ національной жизни.

Необыкновенной быстротѣ развитія національной жизни способствовало благоприятное стеченіе обстоятельствъ. Продолжительныя и опустошительныя войны Гераклія и Хозроя совершенно уничтожили торговыя сношенія между государствами римскимъ и персидскимъ и передали всю восточную и африканскую торговлю въ руки арабовъ. Самъ Магометъ появился вначалѣ въ видѣ торговца. Первое, что мы слышимъ о немъ, это рассказы о его путешествіяхъ въ качествѣ фактора богатой Хадиджи. Во время этихъ экспедицій съ караванами въ Дамаскъ и другіе сирійскіе города, онъ приходилъ въ сношенія съ евреями и дѣловыми людьми, которые, уже вслѣдствіе своихъ занятій, обладали болѣе широкими взглядами, чѣмъ простые арабскіе военачальники или мелкіе тор-

говцы арабскихъ городовъ. Они-то и дали ему первый толчокъ. Что же касается до быстрыхъ успѣховъ новаго ученія, то причины ихъ объясняются такъ же просто. Не удивительно, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ писалъ Абдеррахманъ калифу, не только прекратилась дань со всей сѣверной Африки, вслѣдствіе перехода всего населенія въ магометанскую вѣру, но и мавры начали хвалиться своимъ арабскимъ происхожденіемъ, считая это величайшею для себя честью. Потому что, кромѣ вражды сектъ, на которую я уже указывалъ, какъ на причину, облегчившую первое завоеваніе Африки, и кромѣ ужаснаго удара, нанесеннаго христіанству взятіемъ и сожженіемъ гробницы Спасителя и увезеніемъ въ качествѣ трофея древа креста, существовали и другія причины, вліявшія въ томъ же направленіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ налоги, взимаемые императорами Константинополя съ своихъ подданныхъ въ Азіи и Африкѣ, были не только чрезвычайно отяготительны, но и очень сложны. Калифы замѣнили ихъ точно опредѣленною данью гораздо меньшей величины. Такъ, въ Кипрѣ сумма, уплачиваемая калифу, равнялась всего половинѣ той, которая давалась императору; и въ самомъ дѣлѣ, низшіе классы общества не чувствовали горечи завоеванія: удары падали на духовенство, а не на населеніе, мало симпатизировавшее первому. Въ глазахъ невѣжественнаго народа престижъ патріарховъ и епископовъ былъ совершенно разрушенъ полною безпомощностью, обнаруженною ими во время взятія и оскверненія святыхъ мѣстъ. За уплату ничтожной суммы завоеватель гарантировалъ христіанамъ и евреямъ абсолютную безопасность богослуженія. Безопасность доставалась за уплату опредѣленной цѣны. Религіозная свобода покупалась за деньги. Можно привести множество примѣровъ необыкновенной честности и добросовѣстности арабовъ въ дѣлѣ исполненія договора. Примѣру, данному Омаромъ на ступеняхъ церкви Воскресенія, послѣдовалъ Моавія, который перестроилъ церковь въ Эдессѣ для своихъ христіанскихъ подданныхъ, и Абдумалекъ, который, начавъ перестраивать церковь въ Дамаскѣ въ мечеть, тотчасъ отказался отъ своего намѣренія, какъ только убѣдился, что христіане имѣли право воспротивиться этому въ силу условій капитуляціи. Если такого рода вещи дѣлались въ первое время увлеченія побѣдою, то начала, обусловливавшія ихъ, получали все большее и большее значеніе по мѣрѣ того, какъ арабы подчинялись вліянію несторіанъ и евреевъ и становились ученымъ народомъ. Говорятъ объ Али, зятѣ Магомета, четвертомъ калифѣ, вступившемъ на престолъ, что онъ занимался литературою. Среди его поговорокъ сохранились, между прочимъ, слѣдующія: «Превосходство въ наукѣ высочайшая изъ почестей». «Тотъ не умираетъ, кто даетъ жизнь знанію». «Величайшее украшеніе чело-
вѣка—ученость». Разъ государь такъ чувствовалъ и такъ выражалъ свои чувства, не могло быть въ его государствѣ и другой политики, кромѣ либеральной.

Но кромѣ этихъ причинъ существовали и другія, не менѣе могущественныя. Человѣку, не придававшему особеннаго значенія

вѣрѣ или цѣлнвшему ее не выше уплачиваемой имъ дани, достаточно было пропнзность коротенькую сентенцію объ единствѣ Бога и о признаніи божественной миссіи пророка, и онъ тотчасъ дѣлался другомъ и равнымъ завоевателю, хотя бъ и былъ раньше плѣнникомъ или рабомъ. Несомнѣнно, что при такихъ обстоятельствахъ многія тысячи увлекались общимъ теченіемъ. Что же касается женскаго пола, то арабская система была далеко не притѣвнительна; иные утверждали, что «женщины нашли въ сералѣ восхижительное убѣжище». Но больше всего способствовала упроченію новой системы полигамія: созданныя ею многочисленныя семьи, — въ нѣкоторыхъ число дѣтей превышало сто восемьдесятъ, — совершили въ немного лѣтъ столько дѣлъ, что для исполненія ихъ потребовались бы при другихъ обстоятельствахъ цѣлыя поколѣнія. Дѣти эти гордились своимъ арабскимъ происхожденіемъ и, научившись говорить на языкѣ своихъ завоевателей-отцовъ, стали чистокровными арабами и по цѣлямъ, и по стремленіямъ. Распространенію языка способствовало до нѣкоторой степени издание эдиктовъ калифами; такъ, Альвалидъ I воспретилъ употребленіе греческаго языка, повелѣвая употреблять вмѣсто него арабскій.

Распознавая, такимъ образомъ, безъ затрудненія причины, обусловливавшія быстрое распространеніе арабской власти, мы такъ же легко найдемъ и тѣ, которыя привели къ ея неудачѣ и, наконецъ, къ ея распаденію. Арабское завоеваніе, въ виду размѣровъ, въ которыхъ оно производилось, обусловливало необходимость движенія впередъ всей націи. Оно могло быть совершено и поддержано временно постояннымъ и сильнымъ истощеніемъ туземнаго арабскаго населенія. Неподвижность эта или, скорѣе этого, медленный прогрессъ, выказанный націею въ теченіе столѣтій вѣковъ, пришли къ концу; общество было потрясено до самыхъ основаній, фанатическій бредъ овладѣлъ имъ, оно смѣло пускалось въ самыя обширныя и отважныя предприятия, дѣйствуя въ этомъ случаѣ безъ колебаній; самыя дикія надежды или страсти людей быстро удовлетворялись, богатство и красота служили осязательными наградами за доблесть въ этой жизни, не говоря уже о раѣ въ будущей жизни. Но такого рода раскидываніе націи во всѣхъ направленіяхъ подразумевало быстрое возникновеніе различныхъ интересовъ и противоположной политики. Необходимымъ послѣдствіемъ арабской системы было подраздѣленіе и распаденіе. Обстоятельства, сопровождавшія ея развитие, указывали съ полною очевидностью, что разложеніе произойдетъ въ политическомъ направленіи, а не въ теологическомъ, какъ это происходило въ римской церковной системѣ. Все это доказывается какъ раннею, такъ и позднею исторіею сарацинъ.

Война заставляетъ народъ быстро проходить черезъ различныя фазисы своего существованія. Если бъ арабы, какъ нація, пользовались глубокимъ миромъ, потребовалось бы нѣсколько тысячелѣтій, чтобы довести ихъ до того умственнаго состоянія, какое было достигнуто ими въ теченіе одного столѣтія. Они не ограничились тѣмъ, что сбросили съ себя ту ужасную тя-

Причины остановки въ распространеніи магометанства.

Необходимость распаденія арабской системы.

Вліяніе на ншіе классы арабовъ.

жесть, которая препятствуетъ свободнымъ движеніямъ націи, — инертность массы простого народа; они обратили эту массу въ живую силу. Національный прогрессъ является суммою прогресса индивидуальнаго, національная неподвижность — результатомъ индивидуальнаго спокойствія. Арабская жизнь быстро протекала, потому что передъ каждымъ человѣкомъ открывалось свободное поприще; между тѣмъ, какъ ни быстро совершалось это движеніе, оно обнаруживало все тѣ же неизбѣжныя фазисы, черезъ которые должно неизбѣжно переходить человѣчество, каковы бы ни были его движенія, быстрыя или медленныя.

Арабское вліяніе, распространившееся, такимъ образомъ, по Азіи и Африкѣ благодаря военнымъ успѣхамъ и угрожавшее даже Константинополю, покоилось главнымъ образомъ на умственномъ основаніи, значеніе котораго намъ необходимо теперь же разсмотрѣть. Коранъ, который именно и служитъ этимъ основаніемъ, оказалъ громадное вліяніе на судьбы человѣчества и служить и до сихъ поръ правиломъ жизни для значительной части нашего рода. Принимая во вниманіе предполагаемое происхожденіе этой книги, — непосредственно отъ самого Бога, — мы могли бы съ полною справедливостію ожидать, что она въ состояніи выдержать какое бы то ни было мѣрило, примѣняемое къ ней человѣкомъ, и что она будетъ въ состояніи доказать свою истинность и свое превосходство передъ судомъ человѣческой критики. Оцѣнивая ее, мы должны постоянно помнить, что она не составляетъ ряда послѣдовательныхъ откровеній, едѣланннхъ въ извѣстные промежутки времени и при различныхъ обстоятельствахъ, а представляетъ собою цѣльное произведеніе, сообщенное одному человѣку. Поэтому мы должны ожидать отъ нея цѣльности, полноты и совершенства. Мы должны надѣяться встрѣтить въ ней вполне точныя свѣдѣнія относительно характера и положенія того міра, въ которомъ мы живемъ, и думать, что, чего бы она ни касалась, матеріальныхъ или духовныхъ предметовъ, но сужденія ея о нихъ должны пристыдить самыя знаменитыя произведенія человѣческаго гения, подобно тому, какъ великолѣпный механизмъ небесъ и прекрасныя живыя формы земли превосходятъ все лустыя ухищренія человека. Высказанные въ этой книгѣ взгляды и языкъ, которымъ она написана, должны вполне гармонировать съ величіемъ разсматриваемыхъ предметовъ и оставлять далеко за собою все, что было написано мудрецами Индіи или философами Греціи по поводу происхожденія, природы и судьбы вселенной.

Мы могли бъ ожидать, что это произведеніе авторитетно и окончательно разрѣшитъ важныя задачи, занимавшія умы столькихъ талантливыхъ людей Азіи и Европы въ теченіе столькихъ столѣтій и лекація въ основаніи всякой вѣры и всякой философіи; что оно вполне ясно и точно расскажетъ намъ, что такое Богъ, что такое міръ, что такое душа, и обладаетъ ли человѣкъ критеріумомъ истины; что оно объяснитъ намъ, какимъ образомъ существуетъ зло въ мірѣ, Творецъ котораго всемогущъ и всеблагъ;

Пересмотръ Корана.

Его предполагаемая однородность и полнота.

Характеръ, которымъ онъ долженъ быть отличаться.

что оно откроетъ намъ, какія дѣйствія человѣка опредѣляются судьбою, какія доброю волею; что оно научитъ насъ, откуда мы пришли, какаѣ цѣли нашего существованія, что должно быть съ нами послѣдствіи. И такъ какъ писанное произведеніе, притязующее на божественное происхожденіе, должно обязательно внушать довѣріе даже тѣмъ лицамъ, которые меньше всего склонны принимать его,—такъ, чтобъ его внутренняя очевидность дѣлалась все сильнѣе, а не слабѣе, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась бы строгость изслѣдованія, которому его подвергали бы,—то оно должно обсуждать такіе предметы, которые могутъ быть доказаны усиленіемъ человѣческаго знанія и человѣческаго гения, и превосходить его заключенія. Такого рода произведеніе, какъ бы благородно ни было его происхожденіе, должно не уклоняться отъ провѣрки его натуральною философіею, а, напротивъ, желать ея, относиться къ ней не какъ къ врагу, а какъ къ своей лучшей поддержкѣ. По мѣрѣ того, какъ годы будутъ идти и человѣческое знаніе будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе точнымъ и всеобъемлющимъ, заключенія этого произведенія должны совпасть съ нимъ. Затрогивая астрономію и геологію, оно должно давать намъ хотя бы превосхищенія великихъ истинъ, открытыхъ этими науками, а не забавлять насъ дикими измышленіями старыхъ временъ, изобрѣтеніями человѣчества въ періодъ младенчества. Что касается человѣка, то оно должно объяснить намъ его отношенія къ другимъ живымъ существамъ, его мѣсто среди нихъ, его привилегіи, его отвѣтственность. Оно не должно было допускать, чтобы человѣкъ безпомощно пробирался по слѣдамъ греческой философіи и подъ конецъ утратилъ истину: оно должно было указать ему, въ чемъ состоитъ истинное знаніе, превосходящая физическую науку, физическую силу и физическое благосостояніе нашихъ временъ и даже открывая для нашей пользы вещи, о которыхъ мы не имѣемъ теперь ни малѣйшаго понятія. Обсужденіе столь многочисленныхъ и высокихъ предметовъ не выходитъ за предѣлы сочиненія, изъясняющаго такія высокія притязанія. Способъ его обработки этихъ вопросовъ является единственнымъ критеріумомъ, который онъ можетъ предложить послѣдующимъ временамъ въ доказательство своей достовѣрности.

Примѣняя такое мѣрило къ Корану, мы видимъ, что оно оказывается совершенно несостоятельнымъ. Его философія несравненно ниже произведенія Шакіа Мунни, основателя буддизма, его наука совершенно не выдерживаетъ критики. Онъ много распространяется объ умозрительныхъ или сомнительныхъ вещахъ, но терпитъ неудачу, какъ только дѣлаетъ провѣрку представляемыхъ имъ свѣдѣній. Даваемые имъ свѣдѣнія по части философіи, астрономіи, космогоніи и физиологіи до такой степени ребячески, что они возбуждаютъ нашъ смѣхъ. Они принадлежатъ къ древнему времени существованія міра, къ разсвѣту человѣческаго знанія. Земля, по его увѣренію, держится въ равновѣсіи тяжестью своихъ горъ; небо виситъ надъ нею на подобіе свода, и для доказательства мудрости и силы Бога намъ предлагаютъ найти

Недостатки Ко-
рана.

на немъ хотя бы одну трещину. Небеса раздѣляются на этажи, числомъ семь; въ самомъ верхнемъ обитаетъ Богъ, престолъ котораго,—потому что Коранъ не отвергаетъ ассирійскихъ идей,—поддерживается крылатыми животными. Падающія звѣзды—это куски раскаленныхъ докрасна камней, бросаемыхъ ангелами въ нечистыхъ духовъ, какъ только они слишкомъ близко подходятъ къ нимъ. Коранъ наполненъ похвалами Богу, подчасъ довольно образно превозносящими его величіе. Хотя онъ горько возстаетъ противъ лицъ, признающихъ кого-нибудь равнымъ Богу, и за-Богъ по Корану. являетъ, что они никогда не получаютъ прощенья за этотъ грѣхъ, что въ день страшнаго суда они должны будутъ отвѣтить на ужасный вопросъ: «Гдѣ же товарищи мои, о которыхъ вы спорили?»—хотя онъ признаетъ человѣка всецѣло зависящимъ отъ милосердія Бога и называетъ преступниками всѣхъ, торгующихъ религіею, но его понятія о божествѣ чисто антропоморфическія. Это просто гигантъ-человѣкъ, обитающій въ раю. Въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, 114 главъ Корана, по прочтеніи ихъ, оставляютъ въ концѣ концовъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ внушилъ намъ низменныя и недостойныя мысли. Не удивительно, что одна изъ магометанскихъ сектъ прочла Коранъ такъ, что вывела изъ него слѣдующее описаніе Бога: «Отъ вѣнца головы до груди Богъ пустой, а отъ груди внизъ—плотный; у него черные курчавые волосы, и онъ рычитъ подобно льву въ каждый часъ ночи». Единство Бога, провозглашаемое Магометомъ, совершенно противорѣчитъ христіанскому ученію о св. Троицѣ. Онъ никогда не называетъ Спасителя сыномъ Божіимъ, а всегда сыномъ Маріи. Что касается человѣка, то Магометъ достаточно Взгляды Корана на человѣка. говоритъ о будущей жизни, совершенно ясно разсказываетъ о воскресеніи, о страшномъ судѣ, о раѣ, о мученіяхъ ада, о червѣ, который никогда не умираетъ, и о нескончаемыхъ страданіяхъ; но, несмотря на это точное описаніе будущаго, много есть въ немъ ошибокъ относительно прошлаго. Если бы скромность не препятствовала намъ говорить здѣсь о такихъ предметахъ, можно было бы показать, какъ слабъ былъ Магометъ въ области физиологіи, въ особенности когда онъ затрогиваетъ вопросъ о происхожденіи человѣка. Онъ едва опередилъ въ этомъ отношеніи Фалеса. Тотъ, кто является такимъ плохимъ руководителемъ относительно прошлаго, не можетъ никакъ считаться хорошимъ относительно будущаго.

Что же касается до литературнаго выполненія Магометомъ своего произведенія, то объ этомъ врядъ ли можно судить по переводу. Говорятъ, что это самое древнее произведеніе, появившееся на арабскомъ языкѣ, и арабы восхваляютъ его недостижимое превосходство, но нельзя отрицать, что между ними много есть весьма ученыхъ людей, основанныхъ къ нему слегка. Наиболѣе знаменитыя его мѣста,—напр., тѣ, гдѣ онъ разсуждаетъ о природѣ Бога, въ главахъ II, XXIV,—невозможно сравнивать съ подходящими мѣстами въ книгѣ псалмовъ и книгѣ Іова. Въ повѣствовательномъ отношеніи исторія

Литературное
существованіе Ко-
рана въ сравненіи
съ Библиею.

Иосифа въ главѣ XII, по сравненіи съ такимъ же разсказомъ въ книгѣ Бытія, оказывается гораздо ниже. Магометъ, кромѣ того, украсилъ свою книгу многими христіанскими легендами, взятыми, по всей вѣроятности, изъ апокрифическаго евангелія Варнавы; онъ примышиваетъ къ этому, дополняя ихъ собственными измышлениями, рассказы изъ Библии объ искушеніи Адама, о потопѣ, объ Ионѣ и китѣ, обогащая все разсказами въ духѣ позднѣйшей исторіи *Тысячи и одной ночи*, — напр., исторіи о семи спящихъ, о Гогѣ и Магогѣ и о всевозможныхъ чудесахъ, духахъ и чарахъ.

Безпристрастный читатель Корана будетъ, несомнѣнно, удивляться, какъ подобное славное произведеніе могло служить такъ хорошо своей цѣли. Но теорія религій одно, а практика — другое. Въ Коранѣ множество превосходныхъ нравственныхъ внушеній и правилъ; онъ составленъ такъ отрывочно, что мы не можемъ перевернуть страницы безъ того, чтобы не найти правила, которое могло бы быть одобрено всѣми людьми. Это отрывочное изложеніе заключаетъ въ себѣ много текстовъ, изреченій, правилъ, вполнѣ выработанныхъ и пригодныхъ для обыкновенныхъ людей, во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни. Коранъ постоянно наставляетъ на необходимости молитвы, проповѣдуетъ необходимость милосердія, милостыни, справедливости, постовъ, пилгримства и другихъ добрыхъ дѣлъ; говоритъ объ учрежденіяхъ, относящихся къ общественной и домашней жизни, о долгахъ, свидѣльствахъ, бракахъ, дѣтяхъ, винѣ и т. п., но чаще всего упоминается въ немъ о борьбѣ съ невѣрнымъ и богохульникомъ. При той жизни, какую ведутъ въ Азій люди, трудно представить себѣ положеніе, для котораго статьи изъ Корана не были бы пригодны въ смыслѣ поученія, увѣщанія, утѣшенія, поощренія. Для азіатовъ и африканцевъ такого рода религіозныя отрывки гораздо болѣе полезны, чѣмъ какое бы то ни было связное теологическое ученіе. Умственные свойства Магомета не позволяли ему разработать важныхъ философскихъ вопросовъ съ уравновѣшеннымъ искусствомъ греческихъ и индусскихъ писателей, но никто не умѣлъ лучше его примѣняться къ духовнымъ потребностямъ простой жизни: онъ даже пользовался для этого своимъ ужаснымъ фатализмомъ. Безжалостная судьба ожидаетъ насъ; даже пророкъ не знаетъ, что будетъ съ нами. «Каждой націи суждено жить опредѣленное время. Смерть достигнетъ насъ даже въ высокихъ замкахъ, но одинъ Богъ знаетъ, гдѣ намъ предстоитъ умереть». Послѣ многихъ наставленій о воскресеніи и о страшномъ судѣ, послѣ многихъ обещаній рая и угрозъ адомъ, онъ жалобно признается: «Я не знаю, что будетъ послѣ смерти съ вами или со мною».

Коранъ невольно выдаетъ свое человѣческое происхожденіе, при томъ не особенно высокое въ умственномъ отношеніи. Отсюда, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы авторъ его, какъ часто утверждали, былъ простымъ обманщикомъ. Онъ постоянно повторяетъ, что онъ не болѣе какъ проповѣдникъ. Онъ защищаетъ, не безъ горечи, свое дѣло отъ тѣхъ, которые, даже при его жизни, называли его смутною кучею фантазій или, что

Причины его удивительнаго влияния.

хорошо своей цѣли. Но теорія религій одно, а практика — другое.

еще хуже, обманомъ. Онъ не первый человѣкъ, вообразившій, что ему дѣлаются разнаго рода божественныя и сверхъестественныя сообщенія, потому что это болѣзнь, которой можетъ быть подверженъ каждый, въ случаѣ слишкомъ долгаго поста или умственной тревоги.

Говоря о произведеніи, которое пользуется такимъ почетомъ среди миллионнвъ людей, признавшихъ его откровеніемъ божіимъ, я старался относиться къ нему съ уваженіемъ и въ то же время свободно, постоянно помня, какъ много обязаны этой книгѣ Азія и Африка въ смыслѣ руководства всѣми явленіями будничной жизни и какъ много Европа и Америка обязаны ему свѣтомъ науки.

Какъ и слѣдовало ожидать, къ ученію Корана сдѣлано было съ теченіемъ времени много фиктивныхъ добавленій и сектантскихъ толкованій. Въ народномъ суевѣріи ангелы и духи играютъ значительную роль. Послѣдніе болѣе грубаго состава, ѣдятъ, пьютъ, размножаются и раздѣляются на два рода, добрыхъ и злыхъ: они существовали задолго до человѣка, живя на землѣ до рожденія Адама. Немедленно послѣ смерти два темныхъ ангела, Монкиръ и Неккаръ, разматриваютъ каждаго покойника, изслѣдуя степень его вѣры въ Бога и Магомета; но душа, отдѣленная отъ тѣла ангеломъ смерти, вступаетъ въ переходное состояніе въ ожиданіи воскресенія. Существуетъ, впрочемъ, большое различіе во мнѣніяхъ относительно точнаго опредѣленія ея состоянія до страшнаго суда: иные думаютъ, что она витаетъ около могилы, другіе — что она спускается въ источникъ Земенъ, третьи — что она удаляется въ трубу ангела воскресенія; трудность опредѣленія являлось какъ бы предвосхищеніемъ этого великаго событія, если не дѣлало бы его совершенно бесполезнымъ. Что же касается до воскресенія, то нѣкоторые признавали его чисто духовнымъ, другіе тѣлеснымъ; послѣдніе утверждали, что *os sossugis*, или послѣдняя кость спиннаго хребта, будетъ служить въ качествѣ зародыша, и что она-то, оживленная сорокадневнымъ дождемъ, дастъ начало тѣлу, которое вырастетъ изъ нея. Однимъ изъ признаковъ скорого воскресенія будетъ служить солнце, которое встанетъ съ запада. Воскресеніе будетъ возвѣщено тремя трубными звуками: первый, извѣстный подъ именемъ звука сокрушенія, потрясетъ землю до ея центра и потушитъ солнце и звѣзды; второй, звукъ истребленія, уничтожитъ всѣ матеріальныя предметы, кромѣ рая, ада и престола Бога. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ ангелъ Израиль будетъ трубить звукъ воскресенія. Изъ его трубы вылетятъ тѣ безчисленныя міриады душъ, которыя нашли въ ней пріютъ и лежали спрятанными. Наконецъ, наступитъ день суда. Тутъ Коранъ противорѣчитъ самому себѣ относительно опредѣленія продолжительности его; въ одномъ мѣстѣ онъ равняется тысячѣ годамъ, въ другомъ пятидесяти тысячамъ. Большинство магометанъ склоняются въ пользу болѣе длиннаго періода времени, такъ какъ судиться должны не только люди, но и ангелы, гении и животныя. Что касается до людей, то они возстанутъ въ своемъ естественномъ со-

стоянии, но голые. Бѣлые крылатые верблюды, съ золотыми сѣдлами, будутъ стоять въ ожиданіи спасенныхъ. Какъ только судъ кончится, злые будутъ страдать отъ невыносимой жары, причиняемой солнцемъ, которое, будучи вновь создано, приблизится къ землѣ на разстояніе одной мили, вызывая на тѣлѣ людей потъ; послѣдній, увеличивающійся сообразно съ ихъ грѣхами, затопитъ ихъ отъ щиколды до рта; но добродѣтельные будутъ защищены отъ жары тѣнью божьяго престола. Судья будетъ сидѣть въ небесахъ, съ раскрытою книгою передъ собою, и всѣ будутъ призываться къ нему, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Чтобы скорѣе совершить судъ, ангелъ Гавриилъ будетъ держать вѣсы, одна чашка которыхъ будетъ висѣть надъ раемъ, другая надъ адомъ. На этихъ вѣсахъ будутъ взвѣшены дѣла всѣхъ. Какъ только приговоръ будетъ произнесенъ, все собраніе длиною вереницею перейдетъ черезъ мостъ Аль-Сиратъ. Мостъ этотъ такой же острый, какъ лезвіе меча, и лежитъ надъ входомъ въ адъ. Магометъ и его послѣдователи успѣшно пройдутъ черезъ это опасное испытаніе; но грѣшники, приведенные въ неистовый ужасъ, упадутъ въ мѣсто мученія. Блаженные впервые вкусятъ блаженство изъ пруда, наполняемаго серебряными трубами изъ рѣки Аль-Кавторъ. Земля рая изъ мускуса. Его рѣки спокойно протекаютъ по дну изъ рубиновъ и изумрудовъ. Изъ палатокъ, выстроенныхъ изъ жемчуга, выйдутъ гуріи, или дѣвы рая, въ сопровожденіи толпы прекрасныхъ мальчиковъ. У каждаго святого будетъ восемьдесятъ тысячъ слугъ и семьдесятъ двѣ дѣвушки. Къ этимъ дѣвамъ нѣкоторые изъ жалостливыхъ мусульманъ прибавятъ женъ, съ которыми они жили на землѣ; но суровые правовѣрные утверждаютъ, что адъ уже почти переполненъ женщинами. И какъ же можетъ быть иначе, разъ имъ не дозволено молиться въ мечетяхъ, на землѣ? У меня нѣтъ времени, чтобъ описать шелковыя ткани, роскошныя одежды, мягкіе ковры, пиры, постоянную музыку и пѣсни, составляющіе особенность рая. Всѣ нечистоты будутъ выходить изъ тѣлъ блаженныхъ не такъ, какъ это было при жизни, а помощью выпотѣнія камфорой и мускусомъ. Никто не будетъ жаловаться на усталость или скорбѣть о томъ, что онъ боленъ.

Противорѣчія, ребячества и несообразности, указанные нами въ предыдущихъ параграфахъ, заставляютъ насъ заранѣе притти къ заключенію, что вѣра Магомета должна была необходимо рас-
Магометанскія секты.
 пасться на множество сектъ. Говорятъ, что ихъ насчитываютъ семьдесятъ три. Нѣкоторые, какъ, напр., самниты, руководятся традиціями; нѣкоторые посвящаютъ себя разрѣшенію трудныхъ философскихъ вопросовъ, какъ, напр., вопросъ о существованіи зла въ мірѣ, о свойствахъ Бога, объ абсолютномъ назначеніи и вѣчномъ осужденіи, о невидимости и безтѣлесности Бога, его способности къ передвиженію; всѣ эти и многія другія положенія доставляютъ обильные поводы для сектантскихъ споровъ. Какъ бы для того, чтобы доказать, что существенные принципы Корана могутъ быть отвергаемы тѣми, кто продолжаетъ увѣрять, что они все еще руководятся ими, между шитами суще-

ствуютъ лица, вѣрующія, что Али—воплощеніе Бога, что онъ существовалъ до сотворенія міра, что онъ никогда не умиралъ, что онъ вошелъ на небо и вернется опять въ облака, чтобы судить міръ. Но великіе магометанскіе философы, принимая за достовѣрное только одно ученіе о единствѣ Бога, считаютъ все остальное нелѣпыми баснями, пригодными только въ политическомъ отношеніи, какъ доставляющія матеріалъ для споровъ и, слѣдовательно, для занятій сектантамъ и утѣшеніе для невѣжественныхъ умовъ.

Такимъ-то образомъ блестящій арабскій полумѣсяцъ утвердился на сѣверѣ Африки: одинъ рогъ его достигалъ Босфора, а другой заходилъ за Пиренеи. Одно время казалось, что блестящій метеоръ достигнетъ полнаго своего развитія и овладѣетъ всею Европою. Христіанство потеряло навсегда наиболѣе интеллигентныя для него страны, на которыхъ распространялось нѣкогда его влияние: Африку, Египетъ, Сирію, Святую землю, Малую Азію, Испанію. Оно должно было, въ концѣ концовъ, потерять такимъ же образомъ и свою восточную метрополию. Въмѣсто этихъ древнихъ и славныхъ областей, оно получило Галлію, Германію, Британію, Скандинавію. Что могли дать эти дикія страны взамѣнъ за великія столицы, знаменитыя какъ въ церковной исторіи, такъ и въ лѣтописяхъ человѣческаго рода, — Карфагенъ, Александрію, Иерусалимъ, Антиохію, Константинополь? Это были плохой обмѣнъ. Труды, умственные и физическіе, производившіеся въ этихъ городахъ, проповѣди, молитвы и покаянія, расточаемыя въ нихъ въ такомъ изобиліи, не доставили предполагаемыхъ результатовъ. Въ дѣлѣ теологіи и нравственности народъ пошелъ назадъ. Патріотизмъ заглохъ. Люди пожертвовали государствомъ, чтобы сохранить свою секту; измѣна ихъ была вознаграждена завоеваніемъ.

Эти грустные событія показываютъ намъ, что принципы, руководящіе нравственнымъ міромъ, аналогичны съ тѣми, руководящими которыми господствуютъ въ мірѣ физическомъ. Если мы видимъ брени въ послѣдовательномъ ходѣ историческихъ событій, то причину этого надо искать не въ сверхъестественной силѣ; ходъ историческихъ событій опредѣляется не чудесами, а одно событіе слѣдуетъ за другимъ во взаимномъ отношеніи причины и дѣйствія. Максимальное развитіе первобытнаго христіанства совпало съ границами римской имперіи; церковныя условія находились въ зависимости отъ политическихъ и въ самомъ дѣлѣ являлись непосредственнымъ послѣдствіемъ ихъ. Потеря Африки и Азій была подобнымъ же образомъ тѣсно связана съ арабскимъ движеніемъ, хотя предупредить катастрофу было бы легко помощью какого-либо чуда,—только этого чуда не произошло. Я не знаю ни одного историческаго событія, которое могло бы доставить столько поводовъ для размышленія мыслящему человѣку, какъ эта потеря Азій и Африки. Такое размышленіе устранить изъ его ума много ошибочныхъ понятій и заставить его съ болѣе возвышенной, болѣе философской и, слѣдовательно, болѣе правильной точки зрѣнія судить о ходѣ земныхъ дѣлъ.

ГЛАВА XII.

ВѢКЪ ВѢРЫ НА ЗАПАДѢ.

ВѢКЪ ВѢРЫ на западѣ обозначается язычествомъ.—Военныя нападенія арабовъ обуславливаютъ изолированіе и независимость римскаго епископа. Григорій Великій организуетъ идеи своего вѣка, материализируетъ вѣру, заставляетъ ее вступить въ союзъ съ искусствомъ, отвергаетъ науку и создаетъ итальянскія формы религіи.

Союзъ папства съ Франціею распространяетъ эту форму.— Политическая исторія соглашения и заговора франкскихъ королей и папы.— Въ результатѣ получается упроченіе новой династіи во Франціи и распространеніе римскихъ идей.— Обращеніе Европы.

Значеніе итальянской формы религіи опредѣляется біографіею папъ.

Отъ вѣка вѣры на востокъ я обращаюсь теперь къ вѣку вѣры на западѣ. Первый, какъ мы говорили, преждевременно кончился благодаря перевороту, произведенному въ населеніи военными дѣйствіями, завоеваніями, полигаміею; послѣдній проходилъ постепенно, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, черезъ необходимыя фазы развитія, и, по истеченіи многихъ столѣтій, перешелъ въ вѣкъ разума.

Если столько глубоко интересныхъ воспоминаній соединяется вокругъ Иерусалима, «Святого города» востока, то много едва ли менѣе значительныхъ тѣсно связано съ Римомъ, «Вѣчнымъ городомъ» запада.

Византійская система, будучи порождена политикою честолю- биваго солдата, борившагося за верховную власть, и ухищреніями духовенства, не выносившаго соперниковъ, распространилась по всеѣмъ восточнымъ и южнымъ частямъ римской имперіи и, со своею ненавистью къ человѣческому знанію, со своими религіозными идеями и обычаями, была, наконецъ, принята даже въ Италіи, но не римлянами, потому что они перестали существовать, а смѣсью готовъ и выродившагося мѣстнаго населенія, проживающаго на этомъ полуостровѣ. Григорій Великій представляетъ воплощеніе идей этого выродившагося населенія. Эта система, тщательно поддерживаемая Константиномъ и любимая всеми восточными епископами, была уничтожена мечомъ вандаловъ, персовъ, арабовъ въ своемъ мѣсторожденіи, но отпрыскъ ея былъ посаженъ въ Римъ и далъ тамъ роскошныя ростки, бросавшія тѣнь на цѣлую Европу въ теченіе многихъ столѣтій. Тотъ, кто зналъ, чѣмъ было христіанство въ дни апостоловъ, долженъ былъ съ безграничнымъ удивленіемъ смотрѣть на то, что награвировано было на немъ и извѣстно было теперь подъ его именемъ.

Въ послѣдней главѣ мы видѣли, какъ вторженіе вандаловъ привело къ потерѣ Африки для имперіи. Это было тяжелое бѣдствіе, потому что изъ всеѣхъ провинцій Африка была наименѣе разорительна и наиболѣе производительна: она доставляла людей, деньги и, что представляло величайшую

Какъ потеря Африки повлияла на итальянскія событія.

важность, хлѣбъ. Внезапный перерывъ въ обыкновенномъ подвозѣ обусловилъ невозможность обычной раздачи хлѣба въ Римѣ, Равеннѣ, Миланѣ. Въ Италіи начался голодъ, приводя за собою неизбѣжное уменьшеніе населенія. Къ довершенію несчастья, Аттила, царь гунновъ, или, какъ его называли, «бичъ божій», вторгнулся въ имперію. Шалонская битва, конвульсивное предсмертное движеніе римской имперіи, остановила его побѣдоносное шествіе въ 451 г.

Черезъ четыре года послѣ этого событія, вслѣдствіе интригъ въ средѣ императорской семьи, Гензерихъ, царь вандаловъ, былъ приглашенъ прибыть въ Римъ изъ Африки. Ужасы, которымъ съ давнихъ временъ подвергали Кароагенъ подвліяніемъ римскаго сената, получили теперь достойное ихъ возмездіе: въ теченіе двухъ недѣль вандалы опустошили городъ, совершая неизомѣримныя звѣрства. Корабли ихъ, вѣхавъ въ Тибръ, дали имъ возможность произвести болѣе дѣйствительнымъ образомъ грабидіи. Сокровища Рима, со множествомъ знатныхъ плѣнниковъ, были перевезены въ Кароагенъ. Черезъ двадцать одинъ годъ послѣ этого времени западная имперія рухнула, въ 476 г.

Такимъ образомъ, измѣна африканскихъ арианъ не только доставила вандаламъ самую значительную изъ всеѣхъ провинцій Италіи, но и дала имъ въ руки орудіе для разрушенія Рима. Впрочемъ, какъ только императоръ Юстиніанъ завоевалъ Африку, онъ сдѣлалъ попытку покорить и готовъ, владѣвшихъ Италіею. Военачальникъ его, Велизарій взялъ Римъ 10 декабря 556 г. Во время послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ дѣйствій съ Витигесомъ, Италія была опустошена, населеніе ея пало подъ ударами меча, чумы, голода. Все славные остатки древности были разрушены; статуи бросались на осаждавшихъ городъ,—напр., статуя Адриана. Военныя дѣйствія закончились тѣмъ, что Витигесъ сдался Велизарію при взятіи Равенны.

Но какъ только прекратился военный гнетъ, тотчасъ же вспыхнуло возмущеніе. Римъ былъ вновь взятъ готами; стѣны его были сравнены съ землею; обитатели его выбрались изъ города на сорокъ дней, и эта эмиграція доказываетъ всю величину его разоренія. Императоръ послалъ вновь Велизарія на мѣсто военныхъ дѣйствій; онъ вошелъ въ городъ, но не въ силахъ былъ удержать его. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Италія была опустошаема франками и готами. Наконецъ, Юстиніанъ отправилъ въ Италію внука Нарзеса съ превосходнымъ войскомъ. Остготская монархія была разрушена, и отнынѣ императоръ управлялъ Италіею черезъ посредство экзарховъ, жившихъ въ Равеннѣ.

Но какую цѣною все это было достигнуто? Отвергая приведенное выше исчисленіе, — что Италія потеряла пятнадцать милліоновъ жителей,—на томъ основаніи, что такого рода исчисленія не могли быть составлены вѣрно въ то время, можно изъ приведеннаго числа вывести заключеніе о громадныхъ размѣрахъ приключившейся катастрофы. Остатки цивилизаціи быстро исчезали:

Дунайская долина впала вновь въ варварское состояніе; африканскіе берега одичали, Италия обратилась въ ужаснѣйшую пустыню, и необходимымъ послѣдствіемъ истребленія туземныхъ итальянцевъ войною и замѣны ихъ варварскими истребителями приключеній было то, что рѣдкое населеніе Италии впало въ самое грубое психическое состояніе. Оно было готово для послѣдовавшей затѣмы матеріализаціи религіи. Будущій вѣкъ вѣры носилъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ. Востокъ и западъ въ равной степени доказали несостоятельность духовнаго управленія. И здѣсь и тамъ священные города пали: Иерусалимъ былъ взятъ персами и арабами, а Римъ былъ опустошенъ вандалами и готами.

Но, для болѣе точнаго описанія положенія дѣлъ, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Къ важнымъ политическимъ событіямъ, совпадающимъ со смертью Льва Великаго и съ учрежденіемъ королевства Италии варваромъ Одоакромъ въ 476—490 г., епископы Рима, повидимому, относились съ большимъ равнодушіемъ. Несомнѣнно, что они, съ одной стороны, понимали переходной характеръ такого рода событій, а съ другой—ясно видѣли, какимъ путемъ они сами могли достигнуть духовнаго владычества. Христіане повсюду выражали полное равнодушіе къ судьбѣ древняго Рима, и среди его развалинъ папы постоянно заботились о томъ, чтобъ основать и упрочить свою власть. Хотя для нихъ было рѣшительно все равно, кто былъ временнымъ владыкою Италии, но они обнаруживали большую энергію и ловкость въ сношеніяхъ съ своими великими, могущественными соперниками—епископами константинопольскимъ и александрийскимъ. Христіанство должно было, очевидно, имѣть главу; и разъ это главенство было окончательно установлено, оно должно было привести, несомнѣнно, и къ контролю надъ свѣтскою властью. А изъ всѣхъ предметовъ человѣческаго честолюбія не было ни одного, который стоилъ бы большей борьбы, чѣмъ такого рода главенство.

Пользуясь постоянно всякаго рода преимуществами, представляющимися ему, Римъ настоятельно требовалъ, чтобы рѣшенія его исполнялись въ Константинополѣ. Это стало особенно замѣтно въ дѣлѣ епископа этого города, Акакія, который получилъ сначала выговоръ за свои дѣйствія отъ Феликса, епископа римскаго, а затѣмъ былъ отлученъ имъ отъ церкви. Возникло затрудненіе относительно того, какъ привести въ исполненіе это отлученіе, но одинъ ловкій монахъ привѣсилъ его къ одеждѣ Акакія въ то время, какъ онъ входилъ въ церковь. Акакій, нисколько не смутившись, продолжалъ службу и, послѣ нѣкотораго размышленія, приказалъ изъ списка епископовъ, находящихся въ общеніи съ востокомъ, вычеркнуть Феликса, епископа римскаго. Такимъ образомъ, Римъ и Константинополь взаимно отлучили другъ друга. Намекая на это дѣло, папа Геласій, обращаясь къ императору, говоритъ: «Двѣ

Его отношеніе къ императору. Вы—государь человѣческаго рода, но и вы преклоняете голову передъ тѣми, которые должны въ день страшнаго суда да-

вать отчетъ за дѣйствія королей». Это языкъ не слабаго сановника церкви, а первосвященника, сознающаго свою власть.

Завоеваніе Италии остготомъ Теодорихомъ въ 493 г. дало римскимъ епископамъ арианскаго государя и представило міру аномалію—еретика, назначающаго намѣстника Бога на землѣ. Вскорѣ начался споръ по поводу однихъ выборовъ, при чемъ соперничающіе кандидаты, подражая примѣру востока, наполнили городъ кровью. Готскій государь приказалъ признать того папою, кто получитъ наибольшее число голосовъ и будетъ раньше посвященъ. Такимъ-то образомъ былъ выбранъ папою Симмахъ.

Гормисдасъ, наслѣдовавшій Симмаху, возобновилъ попытку принудить восточнаго императора, Анастасія, признать низложеніе Акакія и его партіи и вынудить у духовенства согласіе на всѣ свои постановленія,—но его попытка кончилась фіаско. При вступленіи Юстина на императорскій престолъ, Римъ, наконецъ, добился того, чего желалъ: всѣ его условія были приведены въ исполненіе; расколъ прекратился, закончившись униженіемъ епископа константинопольскаго, — какъ говорили, благодаря ортодоксіи государя. Но скорѣ стало очевидно, что эта религіозная побѣда уравнивалась свѣтскими выгодами. Въ Римѣ открыты были заговоры противъ Теодориха, готскаго короля; ходили слухи, что оружіе Константинополя скорѣ освободитъ Италію отъ еретическаго ига арианъ. Теодорихъ, несомнѣнно, открылъ измѣну. Она показала ему плохую наградою за его безпристрастіе. Прежде онъ славился своимъ милосердіемъ, теперь онъ выказалъ себя очень жестокимъ государемъ. Во время смуты погибли жертвами его гнѣва Боэцій, философъ, и Симмахъ, сенаторъ. Самъ папа Иоаннъ былъ безжалостно брошенъ въ тюрьму, и тамъ умеръ въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ своихъ упрекахъ Юстину, великій государь варваровъ высказываетъ чувства, ставившія его головою выше его современниковъ, а между тѣмъ эти чувства всегда руководили его дѣйствіями. «Притязать на господство надъ совѣстью значитъ узурпировать прерогативы Бога. Въ силу природы вещей, власть государей ограничивается политическимъ правленіемъ. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная изъ ересей—ересь того государя, который отдѣляетъ себя отъ части своихъ подданныхъ, потому что послѣдніе вѣрують не такъ, какъ вѣруетъ онъ».

Не успѣлъ Теодорихъ умереть, — одинъ правовѣрный видѣлъ, какъ его душу несли черти по направленію къ вулкану Липари, считавшемуся входомъ въ адъ, — какъ вторженіе въ Италію Юстиніана доказало основательность его подозрѣній. Римъ, впрочемъ, далеко не получилъ ожидаемыхъ имъ выгодъ. Многія дурныя стороны Константинополя были перенесены теперь въ Италію. Папа Сильверій, сынъ папы Гормисдаса, былъ сверженъ съ престола Теодорою, женою императора. Эта женщина, бывшая проституткою, продала папство Вигилію за двѣсти фунтовъ золота.

Ея соучастница, Антонина, легкомысленная жена Велизарія, сняла съ Сильверія его одежды и одѣла его монахомъ. Затѣмъ его изгнали въ старое мѣсто ссылки, на островъ Пандатарія, гдѣ онъ и умеръ. Вигилій, какъ говорятъ, принялъ евътихѳанизмъ, убилъ одного изъ своихъ секретарей и велѣлъ бить до смерти сына своей сестры. Вигилій испыталъ на себѣ, что значитъ для епископа очутиться въ рукахъ императора и пить изъ чаши, такъ часто подносимой константинопольскимъ прелатамъ; онъ могъ воочию убѣдиться, какое уваженіе питаетъ его государь къ намѣстнику Бога на землѣ. На требованіе отправиться въ метрополию, чтобы принять теологическіе взгляды Юстиніана, онъ три раза соглашался и три раза бралъ слово назадъ, затѣмъ отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха и былъ самъ, въ свою очередь, отлученъ имъ. Во время личныхъ споровъ папы съ представителями императорской власти, послѣдніе насильно выволокли его изъ церкви за ноги, бросили въ тюрьму и держали тамъ на хлѣбѣ и водѣ. Умеръ онъ въ изгнаніи въ Сициліи. Непосредственнымъ слѣдствіемъ завоеванія Италіи было низведеніе папъ до того униженнаго положенія, въ какомъ находились константинопольскіе патріархи. Таковы были горькіе плоды ихъ измѣны готскому королю. Духовенство обезпечило успѣхъ вторженію Юстиніана, но наградою ему было разореніе, навлеченное имъ на страну, и безжалостная тиранія, навлеченная имъ на самого себя.

Среди разоренія и униженія началъ мало по малу выясняться въкъ въры въ Италіи. Вторженіе въ религію языческихъ элементовъ, которому правительство покровительствовало на востокѣ изъ политическихъ видовъ, сдѣлалось необходимымъ и на западѣ. Для такого человѣка, какъ Григорій Великій, который родился въ положеніи, дававшемъ ему возможность судить обо всемъ съ весьма общей точки зрѣнія, было совершенно ясно, что въ виду психическаго состоянія низшихъ слоевъ общества требовались уступки, согласовавшіяся съ ихъ взглядами. Суевѣріе народа должно было наложить свой отпечатокъ и на въру мыслящихъ людей.

И въ самомъ дѣлѣ, все произошло согласно съ вышеизложеннымъ. Для того, чтобы дать ясное понятіе о разсматриваемыхъ мною событіяхъ, я буду говорить сначала о дѣйствіяхъ Григорія Великаго, который организовалъ идеи своего вѣка и далъ имъ видъ, соответствующій современнымъ ему требованіямъ,—объ отношеніяхъ папъ къ французскимъ королямъ, помощью которыхъ дѣло Григорія было упрочено, поддержано и распространено по всей Европѣ. Не мало интереса приобрѣтаютъ эти факты благодаря тому, что созданныя такимъ путемъ вліянія пережили породившія ихъ причины, и, послѣ промежутка болѣе чѣмъ въ тысячу лѣтъ, составляютъ и теперь препятствіе на пути прогресса націй, несмотря на то, что они успѣли за это время сгнить и заплѣснѣть.

Раздѣленіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Григорій Великій былъ внукомъ папы Феликса. Его аристократическое происхожденіе и выдающіяся способности рано привлекли на него вниманіе императора Юстиніана, назначившаго его префектомъ Рима. Отвлеченный церковью отъ удовольствій свѣтской жизни, онъ еще въ санѣ діакона былъ посланъ въ Константинополь въ качествѣ нунція. Исполнивъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и твердостью свои обязанности, онъ, по возвращеніи домой, зажилъ вновь монашескою жизнью, при чемъ его блестящая репутація съ каждымъ днемъ возрастала. Когда въ 590 г. духовенство, сенатъ и римскій народъ избрали его папою, онъ очень удачно притворился, что не желаетъ вступать на папскій престолъ, умоляя императора отказаться утвердить его желаніе, и, наконецъ, убѣжалъ изъ города, спрятавшись въ корзины. Говорятъ, что убѣжище, въ которомъ онъ скрывался, было открыто благодаря особенному небесному свѣту, показавшему надъ этимъ мѣстомъ и указавшему вѣрнымъ убѣжище ихъ папы. Это происходило во время голода и чумы.

Какъ только этотъ суровый монахъ сдѣлался папою, онъ принялъ вновь прежній свой характеръ и проявилъ качества великаго государственнаго дѣятеля. Онъ выработалъ римскую литургію, сочинилъ календарь праздниковъ, опредѣлилъ порядокъ процессій, фасонъ церковныхъ облаченій; самъ онъ служилъ мессы, придумалъ множество торжественныхъ и пышныхъ обрядовъ и изобрѣлъ пѣніе, извѣстное подъ его именемъ. Онъ устроилъ школы музыки, завѣдывалъ церковными доходами съ замѣчательною аккуратностью и справедливостью и подалъ примѣръ милосердія и милосердія,—а въ то время это было очень важно, потому что даже римскія матроны принимали подаяніе отъ церкви. Онъ разрѣшилъ отчужденіе церковной собственности для выкупа изъ рабства какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ.

Непокорное духовенство и распущенное населеніе скоро почувствовало надъ собою твердую руку. Онъ зорко слѣдилъ за низшимъ духовенствомъ, выказывая относительно него большую справедливость и строго наказывая всякія его провинности. Онъ принудилъ итальянскихъ епископовъ признать его своимъ митрополитомъ. Онъ распространилъ свое вліяніе на Грецію, воспретилъ симонію въ Галліи, принялъ въ лоно церкви Испанію, отказавшуюся отъ аріанизма, послалъ миссіонеровъ въ Британію и обратилъ въ христіанство язычниковъ этой страны, искоренилъ язычество въ Сардиніи, сопротивлялся Іоанну, патріарху константинопольскому, осмѣлившемуся принять титулъ вселенскаго епископа, объяснилъ императору, какое разореніе приноситъ государству духовенство своимъ честолюбіемъ, своею гордостью и непокорностью, и оказалъ ему сопротивленіе, какъ только поднятъ былъ вопросъ объ изданіи закона, воспрепятствующаго солдатамъ поступать въ монахи. Не въ природѣ такого человѣка было уклоняться отъ вѣдѣнія политическихъ дѣлъ: онъ назначалъ трибуновъ и руководилъ дѣйствіями войскъ.

Никто не можетъ освободиться изъ-подъ вліянія системы, доставившей ему власть; никто не можетъ избавиться отъ окраски того времени, представителемъ котораго онъ является. Несмотря на то, что Григорій во многихъ отношеніяхъ опередилъ свое время, онъ былъ и неискреннимъ, и крайне суевѣрнымъ. Человѣческое знаніе возбуждало его ненависть въ гораздо большей степени, чѣмъ у кого-либо изъ византійцевъ. Часто выражаемое имъ убѣжденіе въ близости конца міра опровергалось постоянно его дѣйствіями, клонившимися непрестанно въ пользу основанія въ будущемъ папской имперіи. При немъ получило свое освященіе то мноолическое христіанство, которое въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій образовывало господствующую въ Европѣ религію; при немъ распространилось поклоненіе св. Дѣвѣ помощью иконъ и изображеній, произведены были многочисленныя чудеса, рассказывалось о постоянномъ вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла ангеловъ и злыхъ духовъ, сочинялись легенды, превосходившія о своей романтичности и невѣроятности рассказы изъ греческой мѣологии; небу было отведено пространство, находящееся на нѣсколько миль надъ нами въ воздухѣ, а аду—мѣсто во внутренностяхъ земли, со входомъ черезъ кратеръ вулкана Липари. Самъ Григорій искренно вѣрилъ въ чудеса, въ привидѣнія и т. п. И вотъ эти дикія фантазіи сплелись самымъ тѣснымъ образомъ съ религіею Европы. Раздѣляя ненависть церковнаго міра ^{Его ненависть къ знанію;} къ наукѣ и настаивая на правилѣ, что «невѣдѣніе—мать благочестія», онъ изгналъ изъ Рима всѣ математическія знанія и сжегъ Палатинскую бібліотеку, основанную Августомъ Цезаремъ и представлявшую большое значеніе по количеству рѣдкихъ рукописей, которыя въ ней хранились. Онъ воспретилъ изъ ^{преслѣдованіе классическихъ авторовъ.} преслѣдованіе ученіе классиковъ, испортилъ многія статуи, разрушилъ многіе храмы. Онъ ненавидѣлъ всѣ остатки классическаго знанія, преслѣдовалъ съ мстительнымъ фанатизмомъ сочиненія Ливія, противъ котораго онъ былъ особенно сильно раздраженъ. Про него совершенно вѣрно говорили: «онъ такой непримиримый врагъ знанія, какого никогда еще не существовало на свѣтѣ», или: «ни одинъ свѣтлый лучъ не освѣщаль никогда его суевѣрную душу». Онъ хвалился, что его сочиненія были написаны безъ соблюденія грамматическихъ правилъ, и выразилъ свое неудовольствіе священнику, преподававшему этотъ предметъ. Ему хотѣлось замѣнить языческія произведенія другими, которыя, по его мнѣнію, представляли меньше опасности для ортодоксіи, и онъ до такой степени успѣлъ искоренить въ Италіи ея знаменитыхъ языческихъ авторовъ, что когда одинъ изъ его преемниковъ, Павелъ I, послалъ Пепину французскому всѣ «книги, которыя онъ могъ собрать», то оказалось, что это были: «Антифонъ, грамматика и сочиненія Діонисія Ареопагита». Григорій Великій былъ самымъ настоящимъ воплощеніемъ византійскаго принципа невѣдѣнія.

Если, такимъ образомъ, бѣдствія, разразившіяся надъ Италіею, доставили ей грубое населеніе, потребности котораго могли быть удовлетворены только введеніемъ языческихъ элементовъ въ

религію, то и болѣе счастливые классы общества съ давнихъ поръ уже обнаруживали то же направленіе. Тотъ, кто пожелаеъ слѣдить за развитіемъ христіанскаго общества съ раннихъ поръ его существованія, замѣтитъ, что въ результатъ должны были неизбѣжно получиться разрывъ съ серьезною наукою и союзъ съ искусствомъ. Намъ стоитъ только сравнить бѣдность и простоту первыхъ учениковъ и крайности, проявлявшіяся въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Кипріанъ жалуется на жадность, гордость, расточительность и свѣтское направленіе христіанъ, въ томъ числѣ и духовенства. Были такіе, которые не стѣнялись вступать въ браки съ язычниками. Климентъ Александрійскій горько возстаеъ «противъ пороковъ богатой и роскошной христіанской общины, противъ великолѣпныхъ одеждъ, золотой и серебряной посуды, богатыхъ пировъ, золоченыхъ носилокъ, экипажей и частныхъ бань. Дамы держатъ при себѣ индійскихъ птицъ, индійскихъ пѣтуховъ и мальтійскихъ собакъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать вдовъ и сиротъ; у мужчинъ множество рабовъ». Въ религію было введено много обрядовъ, напоминающихъ языческіе. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше увеличивалось число ихъ. Не только легкомысленные классы общества, но даже историческія личности питали слабость къ обрядамъ исчезнувшей вѣры, къ ея стариннымъ церемоніямъ и, быть можетъ, религіозное равнодушіе къ новой. Это замѣчаніе особенно примѣнимо къ царствованію Юстиніана. Боэцій былъ въ сущности языческимъ философомъ; Трибоніанъ, великій законникъ, авторъ Юстиніановскаго кодекса, былъ заподозрѣнъ въ атеизмъ.

На востокѣ роскошь обстановки епископовъ возбуждала удивленіе даже у тѣхъ, кто привыкъ посящать императорскій дворъ. Превосходно устроенная свита епископовъ и великолѣпные пиры, задававшіеся въ ихъ дворцахъ, возбуждали особенно много похвалъ. Самые удивительныя взгляды на бракъ давно уже высказывались наиболѣе благочестивыми людьми, съ неохотою допускавшими вообще бракъ. «Я хвалю брачное состояніе, но главнымъ образомъ потому, что оно доставляетъ дѣвственницъ», говорилъ св. Иеронимъ. Многіе изъ священниковъ, которые, въ силу такого рода взглядовъ общества на бракъ, находили полезнымъ воздерживаться отъ него, заводили себѣ любовницъ, какъ видно изъ законовъ и обвиненій противъ нихъ. Онѣ выдавались за сестеръ священниковъ, при чемъ изящество вкуса послѣднихъ часто доказывалось необыкновенною красотою ихъ избранницъ. Гоноріемъ изданъ былъ законъ, воспрещающій такого рода беззаконіе. Дѣти, родившіяся отъ такого союза, не возбуждали, повидимому, особеннаго скандала. Во время вѣнчанія пѣли попрежнему гимны Венерѣ. Музыка привлекла къ себѣ около этого времени вниманіе многихъ великихъ церковныхъ дѣятелей: Павла Самосата, Арія, Хризостома. На первыхъ молитвенныхъ собраніяхъ всѣ присутствующіе, повидимому, хоромъ распѣвали гимны и псалмы. Но мало по малу введены были болѣе искусные исполнители, и хоры греческой трагедіи выступили на сцену подъ

Постепенно
подготавливавшееся
униженіе
религіи.

Пашность и
испорченность
епископовъ.

Христіанство
соединяется съ
искусствомъ.

видомъ антифоннаго пѣнія. Амвросіанское пѣніе смѣнилось благороднымъ римскимъ пѣніемъ Григорія Великаго, котораго, по всей справедливости, считаютъ основателемъ всего великаго и возвышеннаго въ современной музыкѣ.

Постигшее Италію опустошеніе совершенно уничтожило латинскій языкъ. Но римская литература никогда не обращалась въ христіанство. Изъ лучшихъ писателей церкви ни одинъ не былъ римляниномъ, всѣ были провинціалами. Основаніемъ литературы служили еврейскія книги Библии и Новый Заветъ, при чемъ поэтическая часть церковныхъ произведеній была въ большинствѣ случаевъ заимствована у пророковъ.

Въ историческихъ сочиненіяхъ замѣчается недостатокъ правдивости и искренности, превышающій всякое вѣроятіе; такъ, Евсевій наивно признается, что въ своей исторіи онъ будетъ выпускать ^{и опровергаетъ науку.} все, что можетъ клониться къ униженію церкви, и, напротивъ, будетъ особенно распространяться о томъ, что можетъ прославить ее. Тотъ же принципъ проводился въ безчисленныхъ легендахъ, изъ которыхъ многія представляли вымышленныя басни; между тѣмъ общество относилось къ нимъ съ невѣроятнымъ довѣріемъ, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ оскорбляли здравый смыслъ людей. Чего же можно было ожидать отъ поклѣній, которыя вѣрили, что слѣды фараоновой колесницы до сихъ поръ еще замѣтны на пескахъ Чермнаго моря и не могутъ быть стерты, не смотря на вѣтеръ и волны? Тотъ, кто осмѣлился бы оскорбить общественное мнѣніе, усомнившись въ достовѣрности такого рода разсказовъ, рисковалъ бы навлечь на себя гнѣвъ общества и прослыть за невѣрующаго. Въ толкованіяхъ священнаго Писанія и въ комментаріяхъ къ древнимъ знаменитымъ писателямъ замѣчается постоянно стремленіе къ фантастической мистификаціи и къ открытію тайнаго значенія данныхъ явленій, при извлеченіи котораго обнаруживалось иногда много остроумія и трудолюбія, но какъ эти герменевтическія сочиненія, такъ и полемическія скучны до невыносимаго; что касается до послѣднихъ, то вся ихъ энергія и озлобленіе не въ силахъ спасти ихъ отъ презрѣнія.

На отношеніе церкви къ этимъ родственнымъ искусствамъ, ^{живопись и скульптура} живопись и скульптурѣ, указываетъ въ послѣдующее время второй никейскій соборъ, 787 г.; онѣ вновь выступили на сцену. Скульптура, впрочемъ, никогда не забывала предпочтенія, оказаннаго ей сестрѣ. До сихъ поръ она продолжаетъ оставаться языческою, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру благороднѣйшей изъ наукъ, астрономіи, которая все еще помнитъ оскорбленія, нанесенныя ей нѣкогда церковью, и вмѣсто того, чтобы называть открываемые ею міры именами святыхъ, обозначаетъ ихъ именами древнихъ боговъ, посвящая ихъ Урану, Нептуну, и т. п. Среди духовенства было всегда много даже выдающихся лицъ, которыя возставали противъ соединенія искусства съ религіею; такъ, Тертуліанъ издавна выражалъ свое неудовольствіе противъ Гермогена, по причинѣ двухъ смертельныхъ грѣховъ, въ которыхъ онъ провинился—женитбѣ и живописи; но гностическое христіан-

ство одобрило ихъ союзъ, что сдѣлало вполнѣтвѣн и римское. Гностики начали первые употреблять священные иконы. Лица нашего Спасителя, вмѣстѣ съ изображеніями Писагора, Платона, Аристотеля, появляются на нѣкоторыхъ изъ ихъ рѣзныхъ печатей. Другіе ранніе церковные писатели, Юстинъ, Мартинъ и Тертуліанъ, вообразили, что наружность нашего Спасителя была невзрачна, что онъ былъ маленькаго роста и т. д. Но всѣ эти странныя предположенія были исправлены въ четвертомъ вѣкѣ, когда ^{вырабатывается типическое изображение Спасителя} было признано, что Богъ не могъ имѣть такой наружности. Принятый типъ, быть можетъ, подходилъ къ тому, который былъ описанъ въ подложномъ письмѣ Лентула къ римскому сенату: «Онъ былъ человѣкомъ высокаго роста, хорошо сложенный; у него было серьезное лицо, производящее сильное впечатлѣніе и внушавшее при первомъ взглядѣ любовь и страхъ. Волоса его были янтарнаго цвѣта, блестящіе, но не испускающіе лучей; они доходили до ушей, затѣмъ были зачесаны вверхъ и распадались по плечамъ; на верхушкѣ головы они были раздѣлены, по обычаю назарянъ. Лобъ у него былъ высокій и открытый, цвѣтъ лица бѣлый, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, видъ открытый и пріятный, носъ и ротъ красиво очерченъ, борода густая, раздвоенная и одного цвѣта съ волосами, глаза голубые, чрезвычайно блестящіе».

Сначала крестъ не имѣлъ никакихъ украшеній, затѣмъ у подножія его стали изображать агнца, а позже онъ принялъ форму теперешняго распятія, съ изображеніемъ на немъ умирающаго Христа. Дѣва Марія, доставившая вполнѣтвѣн столько пре- и Богоматери. красныхъ типовъ женской красоты и прелести, изображалась вначалѣ съ покрываломъ. Св. Августинъ говоритъ, что наружность ея была неизвѣстна; существуетъ, впрочемъ, древнее христіанское преданіе, что она была брюнетка. Художники мало по малу отбросили покрывало и стали изображать Богоматерь во весь ростъ, рисуя ее то съ ея божественнымъ Младенцемъ, то съ восточными волхвами и съ разными другими подробностями, взятыми изъ священнаго Писанія.

Между тѣмъ какъ папство подготавливалось, такимъ образомъ, къ союзу съ искусствомъ, оно не забывало пользоваться тѣми обширными преимуществами, которыя доставлялись ему вмѣнательствомъ въ частную, домашнюю жизнь, — вмѣнательствомъ, которое больше чѣмъ оправдывалось общественной деморализаціею того времени. Громадный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ принятіемъ въ вѣдѣніе духовенства браковъ и опредѣленіемъ безчисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ по поводу его. Разъ открывши, ^{упроченіе папской власти на западѣ.} какое большое вліяніе получается этимъ способомъ, папы не выпускали уже изъ рукъ пріобрѣтенной власти; нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ событій послѣдующей исторіи были обусловлены ихъ дѣйствіями въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, еще болѣеую власть получили папы благодаря принятію въ свое вѣдѣніе и завѣщаній и присвоенію себѣ права разрѣшать связанныя съ завѣщаніями вопросы. Хотя во многихъ отношеніяхъ папство въ раз-

смаатриваемый нами періодъ времени далеко не отличалось нравственностью и, соединившись съ монашествомъ, подготовлялось къ будущему союзу съ политическими вліяніями и военною силою, хотя его негодование и его осужденія были направлены не столько противъ личной безнравственности, сколько противъ ереси въ мнѣніяхъ, къ которой оно относилось съ безпощадною строгостью, но оно оказало хорошее вліяніе своими взглядами на домашнюю жизнь, особенно въ дѣлѣ возвышенія женскаго пола. Возникшая такимъ образомъ власть усиливалась благодаря увеличивавшейся строгости

Римская церковь впадаетъ въ антропоморфизмъ и дѣлается все болѣе и болѣе нетерпимою.

въ примѣненіи наказаній. Такъ какъ съ теченіемъ времени умственный базисъ, на которомъ зиждилась эта власть, становился все болѣе и болѣе сомнительнымъ и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе подвергался открытому нападенію, то и папство начало обнаруживать болѣшую чувствительность и болѣшую требовательность. Подчиняясь вліянію низшихъ классовъ общества, оно впало въ антропоморфизмъ.

Отъ дѣйствій папы Григорія Великаго и организаціи, данной имъ идеямъ своего времени, отъ вторженія въ религію языческихъ элементовъ въ Италиі и союза религіи съ искусствомъ мы обратимся теперь ко второму предмету, которому посвящена настоящая глава, къ отношеніямъ, возникшимъ между папствомъ и королями Франціи, — отношеніямъ, которыя поддерживали, упрочили и распространили дѣло, начатое Григоріемъ Великимъ.

Возникновеніе союза между папствомъ и Франціею.

Арміи сарацинъ отторгнули отъ христіанства западную, южную и восточную области Средиземнаго моря; флоты ихъ господствовали на моряхъ. Церковная политика претерпѣла настоящий переворотъ. Карфагенъ, Александрія, Иерусалимъ, Антиохія исчезли изъ христіанской системы; ихъ епископы болѣе не существовали. Оставались нетронутыми только великіе епископскіе престолы, константинопольскій и римскій. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, паденіе ихъ казалось неизбѣжнымъ, завісящимъ только отъ времени.

Воинныя послѣдствія арабскихъ войнъ.

Споры епископа римскаго съ его африканскими и азіатскими соперниками были, такимъ образомъ, преждевременно прекращены. Ничего болѣе не оставалось дѣлать съ ними; сношенія же папы съ константинопольскимъ государемъ зависѣли всецѣло отъ магометанскихъ кораблей. Императорская власть была парализована. Папа былъ силою обстоятельствъ вынужденъ вести изолированную жизнь; эту изолированность онъ обратилъ въ независимость.

Независимость папы.

Но какъ трудно было пріобрѣсть и поддержать эту независимость! Въ Италиі лангобарды, повидимому, прочно утвердились, но это были аріанскіе еретики. Ихъ присутствіе и власть были несовмѣстимы съ его властью. Въ политическомъ смыслѣ онъ даже находился въ зависимости отъ нихъ.

Одно только движеніе оставалось открытымъ для него, — и понималъ ли онъ ясно свое положеніе или нѣтъ, сила обстоятельствъ принуждала его идти по этому пути. Это былъ союзъ съ франками

которые успѣшно сопротивлялись магометанскому вторженію и были ортодоксами.

Одинъ честолюбивый франкскій сановникъ рѣшился лишитъ короны своего государя, если только папа одобритъ его дѣйствія. Они пришли къ соглашенію. Узурпація была совершена однимъ и освящена другимъ. Интересы новой династіи монарховъ, Условія его союза съ франками. навязанной странѣ, требовали, чтобъ они возвеличивали своего итальянскаго союзника. Распространеніе римскихъ принциповъ обусловливало упроченіе новой франкской власти. Желательно было принудитъ невѣжественныя германскія племена признать въ папѣ намѣстника Бога, хотя бъ и приходилось для этой цѣли въ теченіе тридцати лѣтъ работать мечомъ.

Папа возсталъ противъ своего византійскаго государя по вопросу объ иконахъ, но это былъ фиктивный исходъ. Онъ не возсталъ противъ своего новаго союзника, впаиваго въ ту же ересь. Онъ порвалъ всякую связь со своимъ слабымъ и жестокимъ властелиномъ и соединился съ своимъ союзникомъ, ставъ на равную ногу съ нимъ. Его будущее вліяніе, его власть были заранѣе обезпечены. Представитель безсмертной системы долженъ былъ въ концѣ концовъ одержать верхъ надъ индивидуумами и семьями, подлежащими смерти.

Хотя нельзя не отдать справедливости трудамъ монаховъ, обратившихъ въ христіанскую вѣру многія части Европы, но переходъ центра континента къ его вѣку вѣры обусловливался, въ общирномъ, политическомъ смыслѣ, учрежденіемъ франкской имперіи. Рѣшеніе Карла Великаго наложило на него отпечатокъ, который онъ носитъ и по настоящее время. Онъ обратилъ церковную фикцію въ политическій фактъ.

Обращеніе Европы.

Для того, чтобы понять это важное событіе, необходимо описать: 1) психическое состояніе средней Европы; 2) положеніе папы и его договоръ съ франками; необходимо также опредѣлить истинное религіозное значеніе представляемой имъ системы, а это лучше всего можетъ быть достигнуто—3) біографіею папы.

Три пункта, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе.

1) То, что происходило съ арабами, происходило и съ варварами въ Европѣ. Они переходятъ изъ своего вѣка въ вѣкъ вѣры, не останавливаясь долго на промежуточномъ вѣкѣ изслѣдованія. Вѣкъ изслѣдованія подразумевает самоизслѣдованіе и отсутствіе авторитетнаго учителя. Но у арабовъ были несторіанцы и евреи, а у германцевъ—уроки монаховъ, которые получали убѣдительное подкрѣпленіе въ видѣ меча Карла Великаго.

Психическое извѣщеніе Европы.

За военныя нашествія варваровъ съ юга было заплачено миссіонерскими нашествіями съ сѣвера. Цѣлью первыхъ было завоеваніе, цѣлью ихъ противниковъ, — если только можно называть противниками тѣхъ, кто занимается обращеніемъ, — самую густую лѣсную чащу безъ оружія, безъ всякой защиты; онъ мирно прокладываетъ себѣ путь къ крѣпости варваровъ. Ничто не

Труды и успѣхи монаховъ.

трогаетъ въ такой сильной степени сердце дикаря, какъ величіе молчаливаго мужества.

Среди взятыхъ съ юга плѣнныхъ попадались нерѣдко знатныя женщины большой красоты и душевной чистоты, а иногда и епископы; вѣрные своимъ религіознымъ принципамъ, они часто оказывали благотѣльное вліяніе на племена, среди которыхъ ихъ забрасывала судьба. Европейскіе народы одинъ за другимъ обращались въ христіанскую вѣру: вандалы и геллы въ четвертомъ вѣкѣ, готы нѣсколько раньше, франки въ концѣ пятого столѣтія, алеманы и лангобарды въ началѣ шестого, баварцы, гессенцы и тюрингенцы—въ седьмомъ и восьмомъ. Всѣ они приняли арійскую форму религіи, за исключеніемъ франковъ, обращенныхъ католическимъ духовенствомъ. На дѣлѣ эти народы были обращены въ христіанство самымъ поверхностнымъ образомъ: ихъ обращеніе выражалось преимущественно умѣнѣемъ дѣлать крестное знаменіе. Громадное вліяніе во всѣхъ этихъ движеніяхъ оказывали женщины; такъ, Клотильда, королева франковъ, обратила въ свою вѣру супруга своего, Клодвига; Берта, королева кентская, и Гизелла, королева венгерская, также точно первыя подали въ своихъ странахъ примѣръ обращенія въ христіанство; при такихъ же вліяніяхъ былъ обращенъ въ христіанство герцогъ польскій и царь Ярославъ. Такимъ образомъ, Европа больше всего обязана была введеніемъ христіанства женщинамъ, хотя первоначальныя религіозныя формы, воспринятыя ею, состояли всего изъ символа вѣры и молитвы Господней. Говорилось совершенно вѣрно, что для подобнаго обращенія требовались три условія: набожная женщина при дворѣ, народное бѣдствіе и монахъ. Что же касается до народа, то онъ, повидимому, всегда слѣдовательно примѣру своего властелина, нисколько не заботясь о томъ, какова новая вѣра. Обращеніе правителя принимается всегда наивными историками за обращеніе цѣлаго народа. Какъ и слѣдуетъ ожидать, вѣра, принимаемая такъ легко по волѣ или капризу государя, весьма часто отвергалась впоследствии: такъ, шведы, чехи и венгерцы снова впали въ язычество.

Интересный примѣръ такого отступничества представляютъ жители Британіи, среди которыхъ христіанство было впервые введено римскими легіонами и которые могли бы похвалиться,—если только Константинъ Великій и мать его Елена были дѣйствительно родомъ изъ Британіи,—что страна ихъ оказала не малое вліяніе на религію міра. Біографія Пелагія показываетъ, съ какою тонкостью обсуждались въ этихъ отдаленныхъ областяхъ теологическія ученія. Послѣ паденія римскаго государства, это многообѣщающее положеніе дѣлъ рушилось, и языческіе завоеватели вытѣснили духовенство въ недоступныя части Уэльса, Шотландіи и Ирландіи. Но однажды, при взглядѣ на англійскихъ дѣтей, выставленныхъ для продажи на невольничьемъ рынкѣ въ Римѣ, папа Григорій Великій возымѣлъ мысль сдѣлать вновь попытку обратитъ въ христіанство островъ Великобританію. Вступивши на папскій престолъ, онъ отправилъ для этой цѣли монаха Августина:

помощью благоприятнаго вліянія Берты, франкской принцессы, и послѣ обычныхъ колебаній, вѣра постепенно проложила себѣ путь во всей странѣ. Небольшая оппозиція была оказана стариннымъ духовенствомъ, которое продолжало твердо держаться своихъ древнихъ традицій, въ особенности по вопросу о празднованіи Пасхи. Но въ концѣ концовъ и это исчезло; съ Римомъ завязаны были самыя тѣсныя сношенія, и у духовенства и богатыхъ дворянъ вошло въ обыкновеніе посѣщать этотъ городъ.

Выказывая тѣ же благородныя качества, которыя и въ наше время обнаруживаются имъ, британское христіанство проявляло въ то же время и духъ прозелитизма. Подобно тому, какъ въ концѣ шестого столѣтія Колумбанъ, ирландскій монахъ изъ Банхора, прошелъ въ качествѣ миссіонера черезъ Францію, Швейцарію и за границы древней римской имперіи, Бонифаций, англичанинъ изъ Девоншира, столѣтіемъ позже отправился въ Германію, съ рекомендаціями отъ Карла Мартеда и папы, и началъ работать среди гессенцевъ и саксонцевъ; онъ рубилъ ихъ священные дубы, ниспровергалъ ихъ алтари, воздвигалъ церкви, основывалъ епископства и получилъ, наконецъ, мученичeskій вѣнецъ отъ рукъ дикарей. Эти миссіонеры съ запада получали большое облегченіе въ своихъ трудахъ благодаря сходству ихъ языка съ языкомъ странъ, въ которыя они отправлялись.

Папа Формозъ, тотъ самый, тѣло котораго было подвергнуто посмертному суду, прославился обращеніемъ болгаръ,—народа, поселившагося на берегахъ Волги. Тотъ фактъ, что это событіе совершилось благодаря картинѣ, изображавшей страшный судъ, показываетъ, какія пустыя обстоятельства обусловливали всѣ эти успѣхи. Славяне были обращены греческими миссіонерами; монахъ Кириллъ изобрѣлъ для нихъ алфавитъ, подобно тому, какъ Ульфилъ изобрѣлъ его для готы. Жадные норманны, грабившіе даже церкви во время своихъ нападений, приняли христіанство послѣ переселенія въ Нормандію, подобно тому, какъ это дѣлали готы при подобныхъ же обстоятельствахъ. Скандинавы были обращены св. Ансхаромъ.

Итакъ, отчасти вслѣдствіе проповѣди миссіонеровъ, отчасти по примѣру монаховъ, отчасти подъ вліяніемъ женщинъ, отчасти помощью меча франкскихъ государей, Европа была, наконецъ, номинально обращена въ христіанство. Такъ называемыя религіозныя войны Карла Великаго, длившіяся больше чѣмъ тридцать лѣтъ и сопровождавшіяся жестокостями, всегда сопутствующими такого рода предпріятіямъ, отличались, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ насколько это касалось его, какъ политическимъ, такъ и теологическимъ характеромъ. Онѣ представляли собою какъ бы воплощеніе соглашенія, состоявшагося между Пепиномъ и папою; Карлъ Великій превосходно понималъ положеніе и функціи церкви, онъ никогда не допустилъ бы вмѣшательства ея въ дѣла государства. Признавая, что она доставляетъ связывающее звено не только для различныхъ націй и племенъ, изъ которыхъ состояла его имперія, но и для отдѣльных семей и индивидуумовъ, онъ

всегда оказывалъ ей мудрое и щедрое покровительство. Его умственное состояніе мѣшало ему примѣнять ея ученія къ собственной жизни, которая часто запятывалась насильственными и безправственными дѣйствіями. Съ своей точки зрѣнія онъ, несомнѣнно, приходилъ къ заключенію, что религіозныя правила предназначены для поученія и утѣшенія лицъ, занимающихъ низшее положеніе въ обществѣ, но что для государя необходимо только поддерживать извѣстныя политическія сношенія съ церковью. Для него крещеніе было признакомъ не спасенія, но покоренія народа, а основаніе церквей и монастырей, учрежденіе епископствъ и усиленіе духовенства — болѣе вѣрнымъ способомъ управления, чѣмъ военныя учрежденія. Священникъ долженъ былъ обязательно искать поддержки въ немъ, военачальникъ могъ легко возстать противъ него.

Если Европа была благодѣтельствована Римомъ обращеніемъ въ христіанство, Римъ отплатилъ ей за это обязательство возвышеніемъ нравственнаго характера латинскаго христіанства, которое давно нуждалось въ этомъ. Серьезное отношеніе къ духовнымъ вопросамъ составляетъ одно изъ свойствъ дикой жизни.

Разладъ между нравственностью и вѣрою, испытываемый южными націями, былъ совершенно не возможенъ среди новообращенныхъ. Если они и сообщили латинской вѣрѣ многія изъ своихъ варварскихъ и языческихъ понятій, если они внушили ей стремленіе усвоивать, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, языческія формы, то во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ нельзя никакъ признать безусловно дурнымъ, потому что, унижая уровень общественной вѣры, они возвышали уровень частной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, принесенный имъ вредъ часто изображался въ преувеличенномъ видѣ. Введеніе язычества въ религію происходило въ гораздо большей степени подъ вліяніемъ классическихъ странъ. Жители Италіи и Греціи никогда не покидали въ сущности обрядовъ древней языческой религіи. Въ лучшемъ случаѣ, они только наружно обращались въ христіанъ. Но Карлъ Великій, который въ этомъ отношеніи являлся истиннымъ представителемъ франкскихъ и германскихъ чувствъ, совершенно не одобрялъ этого идолопоклонства.

Отъ разсмотрѣнія психическаго состоянія тогдашней Европы я обращусь теперь къ изслѣдованію положенія папства и его договора съ франками.

Едва арабы успѣли упрочить завоеваніе Африки, какъ они перешли въ Испанію, и въ скоромъ времени, какъ будетъ разсказано въ одной изъ послѣдующихъ главъ, покоривъ полуостровъ, начали готовиться къ вторженію въ Европу. Они ставили себѣ цѣлью для своего честолюбія — проповѣдывать единство Бога въ Римѣ, и постоянно грозили этимъ: Дойдя до центра Франціи, они были разбиты въ сраженіи при Турѣ Карломъ Мартеломъ, герцогомъ франкскимъ, въ 732 г. Битва эта опредѣлила религіозныя судьбы Европы. Тѣмъ не менѣе сарацины не отказались отъ своего намѣренія. Три года спустя они вернулись

Отраженіе дѣйствіе обращеніи Европы.

Заговоръ между папою и франками.

Положеніе франковъ и сарациновъ.

въ Провансъ, и Карлъ былъ самъ вынужденъ отступить. Но около этого времени владычество ихъ слишкомъ расширилось, такъ что не могло никакъ упрочиться. Замѣтны были въ немъ и явные слѣды разложенія. Едва успѣлъ Муза, завоеватель Испаніи, закончить свою экспедицію, какъ онъ былъ арестованъ въ то время, какъ шелъ во главѣ своей арміи, и получилъ приказъ вернуться въ Дамаскъ, чтобы дать тамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такого рода споры и столкновенія среди испанскихъ сарациновъ и помѣшали имъ завоевать Францію. Карлъ Мартелъ разрѣшилъ Хильперіку II и Тьерри IV удерживать титулъ короля; но, насколько онъ предвидѣлъ грядущія событія, видно изъ того, что послѣ смерти послѣдняго онъ не назначилъ ему никакого преемника. Самъ онъ умеръ въ 741 г., внушивъ церкви ненависть къ своей памяти вслѣдствіе того, что онъ, для содержанія арміи, вынужденъ былъ присвоить себѣ часть ея имущества. Для этой цѣли онъ былъ поставленъ въ необходимость взимать десятину съ доходовъ церквей и монастырей. Невѣжественное духовенство, заботившееся только о собственныхъ интересахъ и не придававшее никакой цѣны принесенной имъ громадной пользѣ — спасенію имъ страны, никакъ не могло простить ему его проступка. Его жадность была такъ велика, что оно не могло выносить уплаты налоговъ даже для собственной своей защиты. «Потому что принцъ Карлъ», заявилъ соборъ въ Кіерси одному изъ его потомковъ, «былъ первый изъ всѣхъ королей и принцевъ франковъ, который раздѣлилъ и расчленилъ имущество церкви, онъ былъ за это одно преступленіе осужденъ на вѣчное мученіе. Извѣстно, что епископъ орлеанскій св. Евхерій во время молитвы былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и тамъ Господь, между прочимъ, показалъ ему Карла, мучившагося въ самой глубинѣ ада. Когда онъ спросилъ ангела, сопровождавшаго его, что это значитъ, ангелъ отвѣтилъ ему, что на страшномъ судѣ тѣло и душа того, кто захватилъ или раздѣлилъ принадлежащее церкви имущество, будутъ еще до окончанія міра преданы вѣчнымъ мученіямъ по приговору святыхъ, сидящихъ рядомъ съ Господомъ и изрекающихъ свой судъ. Это святотатственное дѣйствіе прибавитъ къ его собственнымъ грѣхамъ грѣхи всѣхъ тѣхъ, которые купили себѣ искупленіе, отдавъ изъ любви къ Богу свое имущество святымъ мѣстамъ, пожертвовавъ его на покупку свѣчъ при богослуженіи, на милостыню служителямъ Христа». Эта забавная, но поучительная цитата показываетъ, какъ быстро полуварварское франкское духовенство усвоило методы Рима въ дѣлѣ защиты своихъ свѣтскихъ владѣній.

Пепинъ, сынъ Карла Мартела, вводитъ насъ въ эпоху и политику, сильно напоминающія время Константина Великаго; онъ вскорѣ убѣдился, что союзъ съ церковью даетъ ему полную возможность смѣстить своего государя и достигнуть королевской власти. Между Пепиномъ и папою произошло соглашеніе. У каждаго изъ нихъ были свои нужды. Одинъ желалъ французской короны, другой — освобожденія отъ Константинополя и лон-

гобардовъ. Пепинъ началъ дѣло тѣмъ, что обогатилъ духовенство, надѣлилъ его щедрыми дарами и отвелъ епископамъ мѣсто въ народномъ собраніи. Упрочивъ такимъ образомъ церковную власть, онъ произвелъ громадный общественный переворотъ, какъ это обнаружилось введеніемъ въ общественныхъ собраніяхъ латинскаго языка,

Его заговоръ съ папою.

смотря въ теологическія собранія. Между тѣмъ папа Захарій, съ своей стороны, приготовился къ исполненію даннаго имъ обязательства, при чемъ посредникомъ въ переговорахъ между нимъ и Пепиномъ былъ капелланъ послѣдняго. На обращенное къ нему формальное требованіе послѣдняго, папа заявилъ, что «тотъ король, кто дѣйствительно обладаетъ королевскою властью». Затѣмъ, въ мартѣ 752 г., Пепинъ заставилъ солдатъ поднять себя на щитъ и провозгласить королемъ франковъ. Чтобы придать этому дѣйствию большую торжественность, онъ заставилъ епископовъ помазать его миромъ. Низверженный король Хильдерикъ III былъ заключенъ въ монастырь св. Омера. На другой годъ папа Стефанъ, доведенный до крайности, обратился къ Пепину съ просьбою защитить его отъ лонгобардовъ. Во время этихъ переговоровъ онъ придумалъ подкрѣпить свое требованіе письмомъ, яко бы написаннымъ св. Петромъ къ франкамъ. Кромѣ того, посѣтивъ Францію, папа, въ доказательство своей дружбы и въ знакъ исполненія имъ своей части договора, возложилъ въ монастырь Сенъ-Дени діадему на голову Пепина и помазалъ короля, его жену и его дѣтей, возстановляя этимъ еврейскую систему помазанія на царство королей и передачи имъ этимъ путемъ «божественнаго права».

Результаты этого.

Пепинъ окончательно разбилъ лонгобардовъ и отвелъ папѣ часть завоеванной имъ территоріи. Такимъ образомъ, счастливый въ своихъ начинаніяхъ военачальникъ совершилъ два важныя событія: произвелъ переворотъ во Франціи, сопровождаемый перемѣною династіи, и переворотъ въ христіанствѣ—римскій епископъ обратился въ свѣтскаго государя. Съ тѣхъ поръ ключи св. Петра были такъ крѣпко привязаны къ мечу Франціи, что, несмотря на множество завоевателей, великихъ королей и государственныхъ людей, державшихъ этотъ мечъ, никто изъ нихъ не былъ до настоящаго времени въ состояніи порвать этой связи, подчасъ сильно отягочительной.

Наслѣдовавъ своему отцу Пепину Короткому, Карлъ Великій продолжалъ слѣдовать его политикѣ. По настоянію папы Царствопачіе Карла Великаго. Стефана III, онъ отправился въ Италію, покорилъ лонгобардовъ и присоединилъ лонгобардскую корону къ французской. Язычники саксонцы сожгли церковь въ Девентерѣ, — онъ началъ съ ними войну, длившуюся тридцать три года и закончившуюся принудительнымъ обращеніемъ ихъ въ христіанство. По мѣрѣ расширенія его владычества, онъ основывалъ повсюду церкви и устраивалъ епископства, обогащая ихъ поземельными владѣніями. Мелкимъ государямъ, подчинявшимся послѣдовательно его власти, онъ разрѣшалъ носить титулъ графовъ. Оставаясь вѣрнымъ своему и отцовскому соглашенію съ папою, онъ постоянно настаивалъ на

крещеніи, какъ на знакъ покорности, наказывая съ безпощадною жестокостью всякое сопротивленіе; такъ, напримѣръ, послѣ возмущенія 782 г., когда онъ совершенно хладнокровно заставилъ обезглавить 4500 лицъ въ Верденѣ въ одинъ день. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ клерикальное вліяніе быстро распространилось; но какъ ни быстро было его развитіе, развитіе власти Карла Великаго совершалось еще быстрѣе.

Въ церкви св. Петра въ Римѣ, на Рождество, въ 800 г., папа Левъ III, послѣ совершенія великихъ таинъ, Онъ коронуется императоромъ запада запно возложилъ на голову Карла Великаго корону и провозгласилъ, среди громкихъ восклицаній присутствующаго народа: «Многія лѣта и побѣда Карлу, благочестивѣйшему Августу, коронованному Богомъ, великому и миролюбивому императору римлянъ!» Затѣмъ его голова и тѣло были помазаны миромъ, и, какъ это бывало при цезаряхъ, самъ первосвященникъ преклонился передъ нимъ. Во время присяги при коронаціи, Карлъ Великій поклялся поддерживать привилегіи церкви.

Величественный титулъ «императоръ запада» былъ данъ по достоинству, потому что Карлъ властвовалъ надъ Франціею, Испаніею, Италіею, Германіею, Венгріею. Всякаго другого и выполняетъ своей договоръ съ папствомъ. рода титулъ былъ бы ниже его заслугъ. Щедрость его къ престолу св. Петра была достойна происшедшаго событія, и даже въ самыхъ ничтожныхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ никогда не забывалъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ относительно папы. Онъ производилъ въ своихъ владѣніяхъ такія преобразования въ церковной организаціи, какія требовались итальянскою политикою, замѣняя, напримѣръ, амвросіанское пѣніе григоріанскимъ и, въ случаѣ сопротивленія со стороны священниковъ, отнимая у нихъ слою ихъ антифонарій. Въ примѣръ непокорнымъ, онъ, по настоянію папы, велѣлъ сжечь нѣсколькихъ пѣвцовъ съ ихъ книгами.

Быстрое развитіе владычества Карла Великаго, его грозное могущество и подчиненное положеніе папы, сдѣлавшагося въ дѣйствительности намѣстникомъ императора въ Италіи, обнаруживаются самымъ положительнымъ образомъ въ дѣлѣ о поклоненіи иконамъ на западѣ. Какъ мы увидимъ въ другой главѣ, папы встали противъ своихъ иконоборческихъ государей въ Константинополѣ. Второй никейскій соборъ разрѣшилъ поклоненіе иконамъ, но Карлъ Великій не согласился съ нимъ. Онъ открыто высказалъ свое несогласіе и даже составилъ сочиненіе, Онъ отвергаетъ поклоненіе иконами. направленное противъ собора, — каролингскія книги. Велѣдствіе этого папа очутился въ странной диллемѣ: поклоненіе иконамъ было возстановлено въ самомъ Константинополѣ, и первоначальная причина раздора была, такимъ образомъ, устранена, какъ вдругъ новый его покровитель, Карлъ Великій, сталъ на сторонѣ иконоборцевъ. Папа, впрочемъ, не безъ причинъ избѣгалъ въ это время споровъ: возникла выгодная торговля реликвіями, собираемыми въ римскихъ катакомбахъ. Варварскіе народы съвера съ удовольствіемъ покупали ихъ, и во всякомъ случаѣ такого рода торговля была мѣтѣ позорна, чѣмъ торговля дѣтьми крестьянъ и вассаловъ, кото-

рую папы вели съ евреями и магометанами. Подобно всѣмъ другимъ великимъ государственнымъ дѣателямъ древности, которые не въ силахъ были понять, какъ возможно высоко цивилизованному обществу существовать безъ рабства, Карлъ Великій допускалъ ^{но разрѣшаетъ поклоиіе ико- намъ.} это ужасное условіе, какъ политическую необходимость, но старался въ то же время извлекать изъ него сколько возможно больше пользы для государства. Онъ ввелъ систему ученичества, въ силу которой нѣкоторые классы рабовъ были предназначаемы къ изученію разнаго рода искусствъ и ремеслъ. А между тѣмъ именно эта система рабства и войны, дѣлавшая невыгодною обладаніе частною мелкою собственностью, и подготовила путь для быстраго разложенія его имперіи, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ его смерти.

Но хотя Карлъ Великій считалъ существованіе рабства необходимымъ политическимъ зломъ, онъ, очевидно, желалъ въ то же время по возможности смягчить и прекратить злоупотребленія имъ.

^{Европейская торговля рабами.} Когда итальянскіе герцоги обвинили папу Адриана въ томъ, что онъ продаетъ своихъ вассаловъ въ рабство сарацинамъ, Карлъ Великій устроилъ слѣдствіе, и, узнавъ, что такого рода торги происходили въ Чивита-Веккія, онъ отказался поддерживать папу, хотя предпочелъ не разглашать такого скандальнаго дѣла. Въ это время производилась вообще усиленная торговля дѣтьми съ сарацинами, черезъ посредство евреевъ, при чемъ какъ духовныя лица, такъ и бароны продавали дѣтей своихъ рабовъ.

Хотя Карлъ Великій не научился читать, но никто не умѣлъ лучше его цѣнить значеніе знанія. Онъ много трудился надъ просвѣщеніемъ своего народа, собиралъ ученыхъ людей, приказывалъ духовенству обращать особенное вниманіе на литературу, открывалъ школы для обученія церковной музыкѣ, строилъ дворцы, церкви, мосты, перевезъ, для украшенія своей столицы Ахена, статуи изъ Италіи, организовалъ ремесла въ своихъ городахъ и даже учредилъ въ нихъ полицію.

^{Улучшеніе въ психическомъ состояніи народа.} Онъ былъ вполнѣ правъ, заботясь о томъ, чтобъ его духовенство было не только болѣе набожно, но и болѣе учено. Лишь немногіе изъ его членовъ умѣли читать, рѣдко кто умѣлъ писать. О первой половинѣ восьмого столѣтія, представляющей громадный интересъ въ виду того, что въ это именно время происходило вторженіе сарацинъ во Францію и изгнаніе ихъ изъ нея, сохранились лишь крайне скудныя лѣтописи: духовенство умѣло лучше обращаться съ мечомъ, чѣмъ съ перомъ. Школы Карла Великаго не удались, не потому, чтобъ онъ былъ въ этомъ виновенъ, а потому, что въ его вѣкъ не было спроса на знаніе и что римскіе папы и ихъ духовенство, если только они удостоивали выразить свое мнѣніе по этому предмету, находили, что знаніе приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы.

^{Частная жизнь Карла Великаго.} Частная жизнь Карла Великаго отличалась большою безнравственностью и множествомъ преступленій. Онъ предавался полигаміи не меньше, чѣмъ любой изъ калифовъ: у него было девять женъ и множество любовницъ. Впослѣдствіи

онъ пожелалъ увеличить еще больше число первыхъ, или, быть можетъ, принимая во вниманіе его государственную мудрость, — соединить западную имперію съ восточною женитьбою на императрицѣ Иринѣ. Это была та самая Ирина, которая въ пурпуровой комнатѣ въ Константинополѣ выколола глаза своему сыну. Слава Карла Великаго распространилась и въ Азію.

Калифъ Гарунъ Аль-Рашидъ, въ знакъ своего уваженія, прислалъ въ 801 г. изъ Багдада ключи изъ гробницы Спасителя, отъ повелителя правовѣрныхъ къ величайшему изъ христианскихъ королей. Впрочемъ, въ этомъ было столько же политики, сколько и уваженія, потому что азіатскіе калифы поняли преимущества добраго согласія съ представителемъ власти, которая могла оказывать сильное влияніе на эмировъ въ Испаніи. Никогда не забывая своихъ обязательствъ относительно папы, между прочимъ, обязательство ввести римское христіанство во всѣхъ странахъ, въ какія проникало его влияніе, онъ безпощадно приводилъ въ исполненіе смертную казнь, назначенную имъ за слѣдующія преступленія: 1) отказъ отъ крещенія; 2) ложное показаніе о крещеніи; 3) возвращеніе къ идолопоклонству; 4) убійство епископа или священника; 5) человѣчески жертвоприношенія; 6) употребленіе мяса во время великаго поста. Для языческихъ германцевъ мечъ его былъ суровымъ, но убѣдительнымъ миссіонеромъ. Онъ до конца сохранилъ вѣрность данному слову и умеръ въ 814 г.

Таковъ былъ договоръ, заключенный между церковью и государствомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдующіе договоры указываютъ на преобладаніе той и другой стороны, и въ концѣ концовъ на разложеніе обѣихъ. Едва успѣлъ умереть Карлъ Великій, какъ глупость его сына и преемника, Людовика Благочестиваго, доставила церкви удобный случай захватить власть. Онъ изгналъ многочисленныхъ сожительницъ и любовницъ своего отца и тѣмъ обнаружилъ передъ обществомъ скандальную жизнь дворца. У меня нѣтъ времени подробно рассказать, какъ этотъ государь унижалъ себя передъ церковью, какъ при его слабомъ правленіи возросла торговля рабами; какъ на всѣхъ берегахъ и во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыя возможно было проникнуть по судоходнымъ рѣкамъ, производились постоянные грабежи пиратовъ, и какъ норманны простирали свою дерзость до того, что брали приступомъ даже большіе города; какъ, въ противоположность общественному разложенію, проявившемуся въ Европѣ, Испанія, подъ руководствомъ магометанскихъ правителей, сдѣлалась богатою, многолюдною и могущественною; какъ на востокѣ гунны и авары, прекращая свои грабежи, приняли христіанство и какъ, въ силу различія въ интересахъ, націи, связанные нѣкогда Карломъ Великимъ въ одну обширную имперію, распались на два народа — франкскій и германскій, и какъ между ними начались гражданскія войны; какъ, вслѣдствіе безумія духовенства, преклонявшагося передъ реликвіями, вмѣсто того, чтобъ искать себѣ защиты въ мечѣ, сарацины захватили весь югъ и едва не овладѣли Римомъ; какъ Франція въ теченіе этого времени

обратилась въ теократію въ буквальный смыслъ этого слова, такъ какъ духовенство захватило въ свои руки все, что стоило захватить; какъ папа, трепещущій дома, сохранялъ тѣмъ не менѣе вѣдущую власть, вмѣшиваясь въ домашнюю жизнь,—напримѣръ, въ ссору короля Лотаря съ его женою; какъ Италия, Франція и Германія, какъ нѣкогда Африка и Сирія, наполнились чудесами; какъ церковь этимъ путемъ получила такое большое значеніе, что Іоаннъ VIII считалъ возможнымъ заявить о своемъ правѣ располагать императорскою короною въ дѣлѣ Карла Лысаго (владычество, приобретенное Карломъ Великимъ, въ дѣйствительности подразумевало владычество и верховную власть папы); какъ случай, представившійся для возстановленія западной имперіи при Карлѣ Толстомъ, былъ выпущенъ изъ рукъ по глупости этого государя, — глупости, которая была такъ велика, что его дворяне нашли необходимымъ низложить его; какъ вслѣдъ за этимъ возникъ цѣлый рядъ новыхъ королевствъ и какъ, въ силу неизбежной необходимости, Европа впала въ хаотическое состояніе; какъ, въ виду отсутствія охраняющаго все правительства, каждый землевладелецъ былъ поставленъ въ необходимость защищать самого себя и какъ отсюда возникло право вести частныя войны; какъ, несмотря на эти неблагоприятныя условія, получился страшный результатъ въ видѣ значительнаго возрастанія населенія,—результатъ, объясняющійся тѣмъ, что каждому владѣльцу было выгодно имѣть на своей землѣ возможно большее количество крестьянъ, и онъ, вслѣдствіе этого, предлагалъ желающимъ свои земли за личныя услуги; выгодно же это было потому, что цѣнность всякаго помѣстья опредѣлялась количествомъ вассаловъ, которыхъ онъ могъ представить,—отсюда развилась феодальная система; какъ монархическій принципъ, получившій вновь преобладаніе, утвердился въ Германіи въ лицѣ Генриха Птицелова и его потомковъ, трехъ Оттоновъ; какъ эти великіе монархи довершили завоеваніе Италіи, и нравственное чувство германцевъ было поддержано ими благодаря попыткамъ реформировать папство, которое дошло до послѣдней степени униженія, сдѣлавшись въ концѣ концовъ собственностью графовъ Тускулумъ, такъ что, къ стыду сказать, на папскій престолъ начали входить, по назначенію проститутокъ, ихъ любовники или незаконныя дѣти, и иногда мальчики, рано начавшіе вести развращенную жизнь. Вскорѣ, въ 1045 г., папскій престолъ былъ проданъ за деньги.

Общественное положеніе Европы. Мы теперь приблизились къ концу тысячелѣтія нашей эры; пагубный союзъ между церковью и государствомъ, ихъ соперничество, ихъ интриги, ихъ ссоры привели къ тому же результату на западѣ, къ какому они раньше приводили на востокѣ: къ дезорганизации политической системы, закончившейся всеобщою общественною деморализаціею. Поглощеніе мелкой собственности крупными имѣніями способствовало увеличенію количества рабовъ; тамъ, гдѣ прежде было много свободныхъ семей, существовалъ теперь только одинъ богатый человѣкъ. Но даже и этотъ классъ все уменьшался въ количествѣ, благодаря тому же процессу поглощенія, пока, наконецъ, остались только тамъ и сямъ немногіе

графы и аббаты, съ громадными помѣстьями, на которыхъ работали цѣлыя толпы рабовъ; число ихъ,—такъ какъ были магнаты, обладавшіе болѣе чѣмъ 20000 людей,—могло бы привести насъ въ заблужденіе, если не принять въ расчетъ громадное пространство, на которомъ они были разбѣяны. Весь западъ Европы былъ покрытъ лѣсами, среди которыхъ возвышались мѣстами аббатства или замки, монастыри или города. Изъ этихъ странъ, когда-то наполненныхъ роскошными памятниками римской цивилизации, человѣчество быстро исчезало. До послѣдняго времени, когда феодальная система начала развиваться, не было причины, которая могла бы способствовать размноженію человѣчества. Какъ только устанавливался гдѣ-либо миръ, тотчасъ же исчезала причина, заставлявшая желать увеличенія населенія, если не считать желанія извлечь изъ него возможно больше пользы,—условіе, обусловившее его уничтоженіе. Вскорѣ прекратилась и надобность въ законодательствѣ; дѣламъ было предоставлено идти своимъ чередомъ. Подъ влияніемъ монаховъ военный духъ ослабѣлъ; индивидуальное благочестіе заключалось въ обоготвореніи фиктивныхъ реликвій, производящихъ чудеса во всѣхъ направленіяхъ. Тотъ, кто умиралъ, не завѣщая церкви части своей собственности, умиралъ безъ причащенія и исповѣди и лишался христіанскаго погребенія. Судъ посредствомъ поединка, испытанія огнемъ и кипяткомъ опредѣлялъ виновность или невинность обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Сообщенія прекратились даже между мѣстами, недалеко отстоявшими другъ отъ друга, или поддерживались, какъ во время троянской войны, посредствомъ странствующихъ пѣнкомъ разносчиковъ.

Въ эти тяжкіе дни было полное основаніе вѣрить народному предположенію, что конецъ всего близокъ и что 1000 г. Ожидаемый конецъ міра. увидитъ разрушеніе міра. Общество разлагалось, человѣческой родъ исчезалъ и грустные остатки цивилизации сохранились лишь въ очень небольшомъ числѣ. Таково было слѣдствіе второй попытки устроить союзъ между политической и церковною властью. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что происходило на востокѣ, теперь мы увидали, какое положеніе приняли дѣла на западѣ. Задуманный эгоизмомъ, союзъ этотъ усиливается помощью насилія, поддерживается невѣжествомъ и приводитъ, какъ къ своему послѣднему результату, къ общественному разоренію.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ подготовлялось крушеніе государства, положеніе церкви было нисколько не лучше. Зловѣщій союзъ между ними принесъ только одинъ возможный результатъ — несчастье для обѣихъ сторонъ, торжественное предостереженіе будущимъ поколѣніямъ.

Это приводитъ меня къ третьему, оставшемуся предмету, который я рѣшился разсмотрѣть въ настоящей главѣ, Значеніе новой системы съ точки зрѣнія жизни папъ. для опредѣленія дѣйствительнаго религіознаго значенія системы, готовящейся захватить въ свои руки всю Европу; съ этою цѣлью мы обратимся къ частной жизни папъ.

Принимая во вниманіе интересы одной религіи, многіе нашли бы излишнимъ передавать біографическія подробности о папахъ; Извиненіе за то, что и приношу біографію папъ. но упускать ихъ нельзя, не повредивши изложенію записанной мающаго насъ предмета. Основной принципъ папства, что римскій первосвященникъ—наибѣтникъ Христа на землѣ, заставляеть насъ необходимо интересоваться его личными отношеніями. Какъ можемъ мы имѣть ясное представленіе объ его вѣрѣ, если не будемъ имѣть яснаго представленія о его жизни, въ которой отражается эта вѣра? И въ самомъ дѣлѣ, безобразная жизнь, которую вели папы, была побудительною причиною всѣхъ движеній въ Германіи, Франціи и Англій, движеній, которые закончились уничтоженіемъ политическаго значенія папства и которые могутъ быть поняты только помощью достаточнаго знанія частной жизни и мнѣній папъ. Слѣдуетъ всегда, насколько возможно, остерегаться того, чтобы не взывать на системы несовершенства отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ случаѣ они оказываются неразрывно сплетенными вмѣстѣ. Отличительною особенностью папства является слѣдующее: хотя его исторія бываетъ иногда величественною, но біографія папъ возмутительна. Я, впрочемъ, буду говорить объ этомъ лишь настолько, насколько это будетъ необходимо для уясненія моихъ мыслей; я буду обходить молчаніемъ многіе изъ такихъ случаевъ, которые должны глубоко возмущать моихъ религіозныхъ читателей, и ограничусь временемъ между половиною восьмого и половиною одиннадцатаго вѣка, извиняя себя въ глазахъ безпристрастнаго критика тѣмъ, что это были именно тѣ годы, о которыхъ я больше всего распространялся въ настоящей главѣ.

По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 г., Папа отъ 757 г. герцогъ Неви принудилъ нѣсколькихъ епископовъ избрать папою Константина, одного изъ его братьевъ; но затѣмъ произошло собраніе болѣе законныхъ избирателей, въ 768, которые, избравъ Стефана IV, строго наказали узурпатора и его приверженцевъ: Константину выкололи глаза, а епископу Теодору ампутировали языкъ, затѣмъ заключили въ тюрьму, гдѣ онъ умеръ отъ жажды. Племянники папы Адріана схватили его въ ближайшую церковь, сдѣлали попытку выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ; когда, нѣсколько позже, этотъ первосвященникъ попробовалъ подавить возбужденное противъ него возстаніе, Римъ превратился въ сцену возмущенія и убійствъ. Преемникъ его, Стефанъ V, въ 816 г. былъ съ позоромъ изгнанъ изъ города: его, преемникъ, Пасхалій I, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ ослѣпилъ и убилъ двухъ духовныхъ лицъ въ Латеранскомъ дворцѣ; императорскіе комиссары должны были изслѣдовать это дѣло, но онъ умеръ, очистивши себя присягою передъ тридцатію епископами. Іоаннъ VIII въ 872 оказался не въ силахъ противиться магометанамъ и былъ принужденъ платить имъ дань; епископъ неаполитанскій, поддерживая съ ними тайный союзъ, получалъ свою долю въ собранной ими добычѣ. Іоаннъ отлучилъ его и не отмѣнялъ своего отлученія до тѣхъ поръ

пока епископъ не измѣнитъ главнымъ магометанамъ и не убьетъ самъ другихъ. Духовныя лица вступили въ заговоръ, чтобы убить папу; нѣкоторые изъ церковныхъ сокровищъ были захвачены; ворота св. Панкратія были открыты фальшивымъ ключемъ для того, чтобы впустить въ городъ сарацинъ. Формозъ, принимавшій участіе въ этихъ переговорахъ и отлученный за участіе въ заговорѣ противъ Іоанна, составленнаго съ цѣлью убить его, былъ въслѣдствіи избранъ папою, въ 891 г.; ему настѣдовалъ Бонифацій VI, въ 896 г., который былъ лишенъ сначала діаконскаго сана, а затѣмъ и священническаго за свою развратную, безнравственную жизнь. Настѣдовавшій ему Стефанъ VII велѣлъ вырыть изъ могилы тѣло Формоза, одѣть въ папское облаченіе, посадить на стулъ, судить соборомъ, и вся эта возмутительная и неприличная сцена закончилась тѣмъ, что отъ тѣла отрѣзали три пальца и бросили его въ Тибръ; но самъ Стефанъ долженъ былъ послужить примѣромъ глубокаго униженія, до котораго было доведено папство: его заключили въ тюрьму и задушили. Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 896 по 904 г., избраны были пять папъ. Левъ V, вступившій на престолъ въ 904 г., былъ заключенъ въ тюрьму черезъ два мѣсяца Христофоромъ, однимъ изъ его капеллановъ, который захватилъ его мѣсто, но затѣмъ и самъ былъ, въ свою очередь, изгнанъ изъ Рима Сергіемъ III; съ помощью военной силы послѣднему удалось захватить папскій престолъ въ 905 г. Человѣкъ этотъ, по свидѣтельству современниковъ, находился въ любовной связи съ знаменитою проституткою Теодорою, которая со своими дочерьми, Мароціею и Теодорою, также проститутками, обладала громаднымъ вліяніемъ надъ нимъ. Теодора надѣялась своею любовью и Іоанна X; она дала ему сначала епископство равенское, а затѣмъ, въ 915 г., перевела въ Римъ на папскій престолъ. Іоаннъ подходилъ вполне къ своему времени; онъ организовалъ союзъ, помѣшавшій сарацинамъ завладѣть Римомъ, и міръ былъ пораженъ и тронуть при видѣ этого воинственнаго первосвященника во главѣ своихъ войскъ. Любовь Теодоры, какъ мы уже говорили выше, поддерживала его на престолѣ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, но интриги и ненависть дочери ея, Мароціи, низвергли его. Она захватила его врасплохъ въ Латеранскомъ дворцѣ, убила, на глазахъ папы, брата его Петра, и самого папу заключила въ тюрьму, гдѣ онъ, какъ говорятъ, былъ задушенъ подушкою. Послѣ короткаго промежутка времени Мароція сдѣлала папою своего собственнаго сына, подъ именемъ Іоанна XI, въ 931 г. Многіе утверждали, что отцомъ его былъ папа Сергій, но сама она склонна была приписывать его происхожденіе отъ ея супруга Альберика, за брата котораго, Гвидо, она въслѣдствіи вышла замужъ. Другой изъ ея сыновей, Альберикъ, названный по имени своего предполагаемаго отца, завидуя брату своему Іоанну, бросилъ его и мать его, Мароцію, въ тюрьму. Нѣсколько времени спустя сынъ Альберика былъ избранъ папою, въ 956 г.; онъ принялъ имя Іоанна XII. Много любившая Мароція посадила, такимъ образомъ, на папскій престолъ сына и внука. Іоанну было всего девятнадцать лѣтъ, когда онъ занялъ мѣсто главы христіан-

ства. Царствованіе его отличалось самою возмутительною безправностью, такъ что германское духовенство побудило императора Оттона I вмѣшаться. Въ церкви св. Петра созванъ былъ синодъ, чтобы судить папу; оказалось, что Іоаннъ получилъ взятки за посвященіе въ епископы, что онъ назначилъ епископомъ десятилѣтняго мальчика и совершилъ церемонію посвященія его въ коношіи; что онъ виновенъ былъ въ кровосмѣшеніи съ одною изъ любовницъ своего отца и въ столькихъ прелюбодѣяннѣхъ, что Латеранскій дворецъ представлялъ собою настоящій публичный домъ; что онъ выкололъ глаза одному духовному лицу, кастрировалъ другое, предавался пьянству, игрѣ и призывалъ постоянно Юпитера и Венеру. Когда ему отравили приглашеніе явиться на соборъ, онъ отвѣтилъ, «что пошелъ на охоту»; а когда отцы начали увѣщевать его, онъ съ угрозою замѣтилъ имъ: «Иуда, наравнѣ съ другими учениками, получилъ отъ отца власть связывать и развязывать, по какъ только онъ оказался измѣнникомъ общему дѣлу, единственное право, предоставленное ему, было право завязать веревку на своей шеѣ». Его низложили и выбрали на его мѣсто Льва VIII, въ 963 г.; но впоследствии онъ одержалъ верхъ, захватилъ своихъ противниковъ, одному отрѣзалъ руку, другимъ носъ, пальцы, языкъ. Наконецъ, онъ былъ убитъ мужемъ одной женщины, которую соблазнилъ.

Послѣ такихъ подробностей излишнимъ было бы приводить біографіи послѣдовавшихъ папъ, рассказывать, что Іоаннъ XIII былъ задушенъ въ тюрьмѣ; что Бонифацій VII, заключенный въ тюрьму Бенедиктомъ VII, былъ уморенъ голодомъ, что Іоаннъ XIV былъ тайно умерщвленъ въ тюрьмѣ крѣпости св. Ангела, что чернъ тащила по улицамъ тѣло Бонифація. Чувство благоговѣнія передъ первосвященникомъ и даже чувство самаго простого уваженія исчезло въ Римѣ; духовенство во всей Европѣ было приведено въ такое негодованіе возмутительнымъ положеніемъ дѣлъ, что начало относиться съ одобреніемъ къ намѣренію императора Оттона отнять у итальянцевъ привилегію назначать преемника св. Петру и передать ее своей семьѣ. Но родственникъ его Григорій V, поставленный имъ на папскій престолъ, былъ вскорѣ обращенъ въ бѣгство римлянами; его отлученія и религіозныя угрозы возбуждали лишь одинъ смѣхъ у римлянъ: они слишкомъ хорошо знали настоящую цѣну этихъ ужасовъ, живя постоянно за кулисами. Ужасное наказаніе ожидало антипапу Іоанна XVI. Оттонъ вернулся въ Италію, захватилъ его, отрѣзалъ ему носъ и языкъ и заставилъ провезти по улицамъ города верхомъ на ослѣ лицомъ къ хвосту, съ мѣхомъ для вина на головѣ. Казалось возможнымъ представить себѣ худшее положеніе дѣлъ: между тѣмъ Риму пришлось увидѣть еще Бенедикта IX, который въ 1033 г., въ возрастѣ двѣнадцати лѣтъ, былъ возведенъ на престолъ. Одинъ изъ преемниковъ этого папы, Викторъ III, заявляетъ, что жизнь его была такъ постыдна, такъ безумна, что онъ не въ силахъ ее описать. Онъ правилъ скорѣе какъ предводитель бандитовъ, чѣмъ какъ прелать. Наконецъ, на-

Папство куплено съ аукціона Григоріемъ VI въ 1045 г.

родъ, будучи не въ силахъ выносить его прелюбодѣяннѣй, его убійствъ и его возмутительнаго образа жизни, возсталъ противъ него. Убѣдившись въ невозможности сохранить свое положеніе, онъ объявилъ продажу папства съ аукціона. Оно было куплено въ 1045 г. священникомъ по имени Іоаннъ, который переименовалъ себя въ Григорія VI при вступленіи на престолъ.

Прошло больше чѣмъ тысяча лѣтъ со времени рожденія нашего Спасителя, и вотъ въ какомъ положеніи очутился Римъ. Понятно, если историкъ съ отвращеніемъ закрываетъ лѣтописи этого времени; понятно, если сердце христіанина замираетъ, когда онъ видитъ передъ собою такой нескончаемый рядъ самыхъ грязныхъ преступленій. Онъ имѣетъ полное право спросить, неужели это были намѣстники Бога на землѣ,—эти люди, перешедшіе за предѣлы человѣческой злобы и непорочности?

Прошло еще нѣсколько столѣтій, прежде чѣмъ человѣческая мысль пришла къ истинному и философскому заключенію, пока она совершенно отвергла божественныя притязанія папства. Одно время все зло приписывалось методу избранія папъ, какъ будто была какая-нибудь возможность вліять на переходъ изъ однихъ рукъ въ другія власти, заявлявшей притязанія на сверхъестественное происхожденіе и находившейся въ посредственной зависимости отъ Бога. Методъ избранія былъ слѣдующій. Римское духовенство представляло кандидата коллегіи кардиналовъ; выборъ ихъ долженъ былъ получить утвержденіе со стороны римской черни, а затѣмъ и со стороны императора. Такимъ образомъ, соглашеніе должно было состояться между махинаціями низшаго духовенства, интригами кардиналовъ, криками римской черни и политикою императора. Такая система должна была обязательно рушиться въ силу собственной несостоятельности. Хотя можно удивляться тому, что люди не поняли, что все это было дѣло рукъ человѣческихъ, но понятно и то, что императоры увидѣли, наконецъ, необходимость взять въ свои руки дѣло назначенія папъ, и что Григорій VII рѣшился поручить дѣло избранія коллегіи кардиналовъ, минуя императора, римскій народъ и даже остальное христіанство,—попытка, въ которой онъ успѣлъ.

Нельзя изучать развитія итальянской церковной власти, не убѣдившись въ ея полной зависимости отъ человѣческихъ дѣйствій, а слишкомъ часто и отъ человѣческихъ страстей и интригъ, въ полномъ отсутствіи въ немъ какого-либо признака божественной заботы и попеченія; папство — истинное произведеніе людей, а не Бога, произведеніе, отражающее, поэтому, на себѣ человѣческія страсти, человѣческія добродѣтели и человѣческіе пороки.

Вытекающее изъ этой біографіи заключеніе.

Философское заключеніе, которое можетъ быть выведено отсюда.

Недостатки, приписываемые методу избранія папъ.

Человѣческое происхожденіе папства.

ства. Царствованіе его отличалось самою возмутительною безправственностью, такъ что германское духовенство побудило императора Оттона I вмѣшаться. Въ церкви св. Петра созданъ былъ синодъ, чтобы судить папу; оказалось, что Іоаннъ получалъ взятки за посвященіе въ епископы, что онъ назначилъ епископомъ десятилѣтняго мальчика и совершилъ церемонію посвященія его въ конпошнѣ; что онъ виновенъ былъ въ кровосмѣшеніи съ одною изъ любовницъ своего отца и въ столькихъ прелюбодѣніяхъ, что Латеранскій дворецъ представлялъ собою настоящій публичный домъ; что онъ выкололъ глаза одному духовному лицу, кастрировалъ другое, предавался пьянству, игрѣ и призывалъ постоянно Юпитера и Венеру. Когда ему отравили приглашеніе явиться на соборъ, онъ отвѣтилъ, «что пошелъ на охоту»; а когда отцы начали увѣщавать его, онъ съ угрозою замѣтилъ имъ: «Іуда, наравнѣ съ другими учениками, получилъ отъ отца власть связывать и развязывать, но какъ только онъ оказался измѣнникомъ общему дѣлу, единственное право, предоставленное ему, было право завязать веревку на своей шеѣ». Его низложили и выбрали на его мѣсто Льва VIII, въ 963 г.; но впослѣдствіи онъ одержалъ верхъ, захватилъ своихъ противниковъ, одному отрубилъ руку, другимъ носъ, пальцы, языкъ. Наконецъ, онъ былъ убитъ мужемъ одной женщины, которую соблазнилъ.

Послѣ такихъ подробностей излишнимъ было бы приводить біографіи послѣдовавшихъ папъ, рассказывать, что Іоаннъ XIII былъ задушенъ въ тюрьмѣ; что Бонифацій VIII, заключенный въ тюрьму Бенедиктомъ VIII, былъ умеренъ голодомъ, что Іоаннъ XIV былъ тайно умерщвленъ въ тюрьмѣ крѣпости св. Ангела, что чернь тащила по улицамъ тѣло Бонифація. Чувство благоговѣнія передъ первосвященникомъ и даже чувство самаго простого уваженія исчезло въ Римѣ; духовенство во всей Европѣ было приведено въ такое негодованіе возмутительнымъ положеніемъ дѣлъ, что начало относиться съ одобреніемъ къ намѣренію императора Оттона отнять у итальянцевъ привилегію назначать преемника св. Петру и передать ее своей семьѣ. Но родственникъ его Григорій V, поставленный имъ на папскій престолъ, былъ вскорѣ обращенъ въ бѣгство римлянами; его отлученія и религиозныя угрозы возбуждали лишь одинъ смѣхъ у римлянъ: они слишкомъ хорошо знали настоящую цѣну этихъ ужасовъ, живя постоянно за кулисами. Ужасное наказаніе ожидало антипапу Іоанна XVI. Отгонъ вернулся въ Италію, захватилъ его, отрубилъ ему носъ и языкъ и заставилъ провезть по улицамъ города верхомъ на осла лицомъ къ хвосту, съ мѣхомъ для вина на головѣ. Казалось невозможнымъ представить себѣ худшее положеніе дѣлъ; между тѣмъ Риму пришлось увидѣть еще Бенедикта IX, который въ 1033 г., въ возрастѣ двѣнадцати лѣтъ, былъ возведенъ на престолъ. Одинъ изъ преемниковъ этого папы, Викторъ III, заявляетъ, что жизнь его была такъ постыдна, такъ безумна, что онъ не въ силахъ ее описать. Онъ правилъ скорѣе какъ предводитель бандитовъ, чѣмъ какъ прелать. Наконецъ, на-

родъ, будучи не въ силахъ выносить его прелюбодѣній, его убійствъ и его возмутительнаго образа жизни, возсталъ противъ него. Убѣдившись въ невозможности сохранить свое положеніе, онъ объявилъ продажу папства съ аукціона. Оно было куплено въ 1045 г. священникомъ по имени Іоаннъ, который переименовалъ себя въ Григорія VI при вступленіи на престолъ.

Прошло больше чѣмъ тысяча лѣтъ со времени рожденія нашего Спасителя, и вотъ въ какомъ положеніи очутился Римъ. Понятно, если историкъ съ отвращеніемъ закрываетъ лѣтописи этого времени; понятно, если сердце христіанина замираетъ, когда онъ видитъ передъ собою такой нескончаемый рядъ самыхъ грязныхъ преступленій. Онъ имѣетъ полное право спросить, неужели это были намѣстники Бога на землѣ,—эти люди, перешедшіе за предѣлы человѣческой злобы и испорченности?

Прошло еще нѣсколько столѣтій, прежде чѣмъ человѣческая мысль пришла къ истинному и философскому заключенію, пока она совершенно отвергла божественныя притязанія папства. Одно время все зло приписывалось методу избранія папъ, какъ будто была какаля-нибудь возможность вліять на переходъ изъ однихъ рукъ въ другія власти, заявлявшей притязанія на сверхъестественное происхожденіе и находившейся въ посредственной зависимости отъ Бога. Методъ избранія былъ слѣдующій. Римское духовенство представляло кандидата коллегіи кардиналовъ; выборъ ихъ долженъ былъ получить утвержденіе со стороны римской черни, а затѣмъ и со стороны императора. Такимъ образомъ, согласеніе должно было состояться между махинаціями низшаго духовенства, интригами кардиналовъ, криками римской черни и политикою императора. Такая система должна была обязательно рушиться въ силу собственной несостоятельности. Хотя можно удивляться тому, что люди не поняли, что все это было дѣло рукъ человѣческихъ, но понятно и то, что императоры увидѣли, наконецъ, необходимость взять въ свои руки дѣло назначенія папъ, и что Григорій VIII рѣшился поручить дѣло избранія коллегіи кардиналовъ, минуя императора, римскій народъ и даже остальное христіанство,—попытка, въ которой онъ успѣлъ.

Нельзя изучать развитія итальянской церковной власти, не убѣдившись въ ея полной зависимости отъ человѣческихъ дѣйствій, а слишкомъ часто и отъ человѣческихъ страстей и интригъ, въ полномъ отсутствіи въ немъ какого-либо признака божественной заботы и попеченія; папство — истинное произведеніе людей, а не Бога, произведеніе, отражающее, поэтому, на себѣ человѣческія страсти, человѣческія добродѣтели и человѣческіе пороки.

Вытекающее изъ этой біографіи заключеніе.

Философское заключеніе, которое можетъ быть выведено отсюда.

Недостатки, приписываемые методу избранія папъ.

Человѣческое происхожденіе папства.

Папство куплено съ аукціона Григоріемъ VI въ 1045 г.

Г Л А В А XIII.

Отступленіе: Переходъ арабовъ въ ихъ вѣкъ разума.

влияніе медицинскихъ идей черезъ посредство несторіанъ и евреевъ.

Умственное развитіе арабовъ находится подъ руководствомъ несторіанъ и евреевъ и получаетъ медицинское направленіе.—Основаніе этого союза геологическое.

Антагонизмъ между византійскою системою и научною медициною.—Уничтоженіе асклепіоновъ.—Замѣна ихъ чудеснымъ лѣченіемъ.—Возникшее отсюда невѣжество и суевѣріе.

Союзъ арабовъ съ несторіанцами и евреями.

1. Несторіане, преслѣдованіе ихъ и распространеніе ихъ идей.—Они наследуютъ древнія медицинскія знанія грековъ.

Отступленіе: О греческой медицинѣ.—Асклепіоны.—Философское значеніе Гипократа, который отдѣляетъ медицину отъ религіи. Школа въ Книдѣ.—Закрѣпа Константиномъ.

Отступленіе: Объ египетской медицинѣ.—Она основывается на анатоміи и физиологіи.—Вскрытіе труповъ людей и животныхъ.—Великіе александрійскіе медики.

2. Еврейскіе медики.—Освобождаются отъ суевѣрій.—Основываютъ школы и двигаютъ впередъ науку и литературу.

Современное стремленіе къ магіи, некромантіи, чернокнижью.—Философскій камень, жизненный элексиръ и т. д.

Арабы основываютъ научную химію.—Открываютъ кислоты, фосфоръ и т. д.—Ихъ геологическія идеи.—Примѣненіе химіи къ медицинской практикѣ.—Приближеніе столкновенія между сарацинскою матеріальною и европейскою сверхъестественною системами.

Военныя дѣйствія арабовъ, описанныя въ главѣ XI, уничтожили византійскую политическую систему, преждевременно закончивши вѣкъ вѣры на востокѣ; ихъ умственная дѣятельность привела къ такому же важному результату, такъ какъ она, въ концѣ концовъ, прекратила вѣкъ вѣры на западѣ. Сарацины не только разрушили итальянскую отрасль, но и наложили свой особенный отпечатокъ на вѣкъ разума въ Европѣ.

Въ виду важности этихъ событій, я поставленъ въ необходимость прекратить на время описаніе европейскаго прогресса и отклониться въ сторону, — рассказать о переходѣ арабовъ къ своему вѣку разума. Невозможно для насъ понять влияніе ихъ на великую драму, которую я намѣренъ изложить, не получивъ болѣе точныхъ свѣдѣній о пріобрѣтенномъ ими характерѣ.

Въ нѣсколько столѣтій магометане-фанатики совершенно преобразились. Среди нихъ возникли великіе философы, медики, математики, астрономы, алхимики, грамматикки, усердно разрабатывавшіе науку и литературу во всѣхъ ихъ отрасляхъ.

Нация, возбужденная въ сильнѣйшей степени военною эмиграціею и, слѣдовательно, готовая, въ моментъ достиженія

Учителями ихъ были не-

покоя, быстро пойти впередъ по пути умственнаго прогресса, избираетъ направленіе этого пути по желанію лицъ, которыя могутъ указать ей его или быть ея учителями. Учителями сарацинъ были несторіане и евреи.

Я уже говорилъ раньше, что арабская наука развилась изъ медицины и что во главѣ лицъ, занимавшихся ея разработкою, стояли медики, а начало ея коренилось въ изслѣдованіяхъ алхимиковъ. Въ этой главѣ я намѣренъ описать происхожденіе этихъ фактовъ, а слѣдовательно долженъ изслѣдовать положеніе греческой и египетской медицины и пояснить, что повсюду, гдѣ только дѣйствовала византійская система, истинно медицинская философія замѣнялась чудесными ищѣніями, и что въ то время, какъ европейскія идеи повсюду опирались на сверхъестественномъ основаніи, сарацинскія обладали болѣе существенною матеріальною опорой.

Когда арабы покорили Египетъ, они вели себя какъ самыя ярые фанатики; поведеніе ихъ оправдывало взведенное на нихъ обвиненіе, будто они употребили александрійскую бібліотеку на подтопку своихъ бань. Но не успѣли они осѣсть въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, какъ обнаружили необыкновенную перемѣну. Они сразу сдѣлались любителями знанія и ретивыми работниками на полѣ науки.

Арабское владычество распространялось въ двухъ направленіяхъ и подвергалось двойкаго рода влияніямъ. Въ Азіи на него влияли несторіане, въ Африкѣ евреи; и тѣ и другіе терпѣли преслѣдованія со стороны византійскаго правительства, по всей вѣроятности, за тѣ же мнѣнія, которыя утверждались теперь мечомъ Магомета. Ученіе о единствѣ Бога составляло для нихъ общую точку соприкосновенія. На этомъ они соединялись, возставая противъ принципа, провозглашаемаго въ Константинополѣ. Тотъ, кто терпитъ наказанія во имя закона; какъ еретикъ, или подвергается судебному преслѣдованію за то, что вѣритъ не такъ, какъ слѣдуетъ, отъ всей души присоединится къ тѣмъ, кто придерживается тѣхъ же заблужденій. Вступивъ въ союзъ въ Африкѣ съ александрійскими евреями, а въ Азіи съ несторіанцами, арабы сдѣлались горячими поклонниками знанія.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы всѣ эти три стороны обнаруживали полную гармонію въ теологическомъ смыслѣ; хотя несторіане и евреи охотно принимали половину арабскаго догмата, касающагося существованія единого Бога, они не соглашались со второю его частью, гласившею, что Магометъ—пророкъ его. Можетъ быть, это разногласіе повело бы къ отчужденію, если бы не случилось одного замѣчательнаго обстоятельства, обусловившаго возможность полнаго соглашенія между ними. Съ самаго начала несторіане посвящали себя изученію медицины, и обращали особенное вниманіе на строеніе и болѣзни людей; много знаменитыхъ медиковъ вышло изъ евреевъ. Вотъ эта именно медицинская наука и представила ту нейтральную почву, на которой могли сойтись умственно всѣ три партіи, не нарушая

сторіане и евреи.

Въ основаніи ихъ научнаго прогресса лежить медицина.

Причины ихъ союза съ несторіанцами и евреями.

Медицина дѣлается нейтральною почвою для нихъ.

гармоніи, и арабы до такой степени слились въ этомъ отношеніи со своими учителями, что приобрѣли отъ нихъ совершенно особенную умственную физіономію. Ихъ медики были въ то же время и ихъ величайшими философами; ихъ медицинскія школы представляли самыя важныя умственные центры. Между тѣмъ какъ византійцы пренебрегали наукою и подавляли ее, сарацины развивали ее и расширили помощью медицины.

Когда Константинъ Великій и его преемники, подъ вліяніемъ ^{Запрещеніе} духовенства, объявили себя врагами свѣтской науки, ^{медицины} духовенство было поставлено въ необходимость принять на себя обязанность заботиться какъ о религіозномъ, такъ и о физическомъ благоденствіи своего народа. При томъ положеніи дѣлъ медицины, философскія стремленія которыхъ влекли ихъ въ сторону языческой партіи, не могли быть болѣе терпимы. Образование, полученное ими въ асклепіонахъ, внушало имъ идеи, неблагоприятныя для новой политики. Указомъ Константина Великаго эти учрежденія были закрыты, и сдѣланы были приготовленія для замѣны ихъ другими, болѣе подходящими къ духу христіанства. Въ главныхъ городахъ основаны были госпитали и другія благотворительныя учрежденія, щедро надѣленные деньгами и землею. Въ этихъ благотворительныхъ предпріятіяхъ принимала особенно большое участіе императрица-мать Елена, а примѣру ея слѣдовали многія знатныя дамы. Сердце женщины, всегда отзывающееся на страданія и несчастія, часто сопровождаетъ свое сочувственное отношеніе активной помощью, когда оно, вдобавокъ, подкрѣплено христіанскою вѣрою. Въ этомъ законномъ своемъ направленіи христіанство вскорѣ высказалось во всей силѣ своего милосердія и доброты. Открыты были самыя обширныя и разнообразныя учрежденія; одни изъ нихъ были предназначены для помощи сиротамъ, другія для помощи найденышамъ, третьи для помощи бѣднымъ. Мы уже говорили о параболанахъ, или посѣтителяхъ, и о томъ, какъ они отклонились отъ своей первоначальной цѣли.

Но какъ ни были благотворны эти учрежденія, они отличались однимъ существеннымъ недостаткомъ: образованные медики замѣнены были въ нихъ благомыслящими, но не искусными духовными лицами. Разрушеніе асклепіоновъ не сопровождалось какими-либо дѣйствительными мѣрами, обезпечивающими возможность ^{Постепенный} получения профессиональнаго образования. Больные, по- ^{переходъ къ} мѣщенныя въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, пользо- ^{чудотворству.} вались скорѣе уходомъ хорошихъ сидѣлокъ, чѣмъ попеченіями и совѣтами врачей, и въ результатъ получилось постепенное увеличеніе легковѣрія и обмана въ послѣдующіе годы, пока, наконецъ, все не начали полагаться исключительно на чудотворное вмѣшательство.

Какъ только асклепіоны были закрыты, философскія школы ^{Закрытіе} воспрещены, библіотеки разбѣяны или разрушены, зна- ^{школы медици-} ные заклеяны, какъ магія, или подвергнуто наказанію, ^{ны и философіи.} какъ измѣна религіи, философы изгнаны или истреблены, переставъ

образовать отдѣльный классъ въ обществѣ,—тогда стала очевидна пустота, которую побѣдители должны были обязательно заполнить. Но кто же изъ прелатовъ могъ стать на мѣсто людей, открытія которыхъ прославили человѣчскій родъ? Кто могъ заступитъ мѣсто Архимеда, Гиппарха, Евклида, Герофила, Эратосѣена? Кто могъ наследовать Платону и Аристотелю? Все заблужденія, которыми увлекались въ то время, должны были затмить геній Гиппократъ, и почти двѣ тысячи лѣтъ протекло между Архимедомъ и Ньютономъ, почти тысяча семьсотъ между Гиппархомъ и Кеплеромъ. Громадный промежутокъ почти въ двадцать столѣтій отдѣляетъ Герона, первая паровая машина котораго стояла въ Серапѳонѣ, отъ Джемса Уатта, произведшаго настоящій переворотъ во всемирной промышленности. Что за ужасная пустота! Впрочемъ, назвать это пустотою нельзя, потому что и у этого времени были свои произведенія, — сотни метафизическихъ сочиненій, наполненныхъ пустыми умозрѣніями, стояли, покрытыя пылью, на полкахъ старинныхъ библіотекъ, поджидая червей.

Никогда еще свѣтъ не видѣлъ болѣе пагубной политики, какъ воспрещеніе Византіи заниматься свѣтскою наукою. Для ^{Плательство ого} насъ теперь трудно даже представить себѣ, какъ великъ ^{результата.} былъ умственный упадокъ, порожденный этою системою, послѣ достиженія ею апогея своего развитія. Многія изъ самыхъ возвышенныхъ и научныхъ произведеній исчезли на томъ языкѣ, на которомъ они были написаны, и стали извѣстными много лѣтъ спустя по переводамъ, сдѣланнымъ сарацинами на арабскій языкъ. Дерзкое притязаніе на мудрость со стороны лицъ, работавшихъ мечомъ, подавило всякое умственное стремленіе. Тѣмъ не менѣе, хотя эта политика временно получила преобладаніе, но она заключала въ себѣ сѣмена собственнаго разрушенія. Неизбѣжно было наступленіе дня, когда такой страшный вредъ, принесенный человѣческому роду, долженъ былъ быть выставленъ на показъ, заклеяны и наказаны, — дня, когда поэмы Гомера были вновь все перечитаны, безсмертныя статуи греческихъ скульпто- ^{Небезопасность} ровъ нашли себѣ поклонниковъ, а доказательства Эв- ^{византійской} клида — понимающіе ихъ умы. Разъ эта злосчастная, эта смѣлая ^{система.} политика узурпаціи была усвоена, никакого отступленія не могло больше быть. По самому характеру своему дѣйствіе подразумевает принужденіе, обладаніе властью, а вся политика обезпечивала взрывъ въ тотъ самый моментъ, когда средства притѣненія окажутся слишкомъ слабыми.

Говорятъ, что когда сарацины взяли Александрію, ихъ побѣдоносный полководецъ отправилъ къ калифу гонца съ запросомъ, что дѣлать съ библіотекою. Отвѣтъ соответствовалъ духу своего времени. «Если книги подтверждаютъ Коранъ, онѣ из- ^{Халхество пер-} лишни; если онѣ противорѣчатъ ему, онѣ вредны. Со- ^{вѣтъ сарацинъ.} жгите ихъ». Въ это время магометанскій автократъ былъ, по-видимому, наготовѣ присоединиться къ пагубной политикѣ византійскаго государя. Но, къ счастью, это была лишь временная вспышка, вскорѣ прекратившаяся и уступившая мѣсто болѣе благород-

ному образу дѣйствій. Арабъ далъ проникнуть въ свою литературу мудрости лицъ, побѣжденныхъ имъ. Предоставивъ, такимъ образомъ, зомъ, знанію широкой и свободный путь и не только не подавляя, но, напротивъ, поощряя всякаго рода знания, потерпѣлъ ли самъ Коранъ отъ этого какой-либо вредъ? Здѣсь мы видимъ проявленіе великой государственной мудрости, которая съ самаго начала импульса, проявившагося въ Меккѣ, связывала вѣру съ узкимъ, легко понятнымъ и легкимъ для выраженія догматомъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ представляла человѣческому уму полную свободу дѣйствій.

Въ предыдущихъ параграфахъ я критиковалъ ходъ событій, осуждая или восхваляя дѣйствія или дѣйствующихъ лицъ, смотря по обстоятельствамъ, и слѣдуя въ этомъ отношеніи по обычному пути, который подразумеваетъ, что люди могутъ управлять дѣлами и что каждый дѣятель долженъ быть самъ отвѣтственъ за свои дѣла. Намъ стоитъ разсмотрѣть нашу собственную жизнь, чтобъ убѣдиться, какъ ограниченно это правило. Мы часто оказываемся созданными обстоятельствами. Въ этомъ выраженіи кроется болѣе высокая философія, чѣмъ можно заподозрить съ перваго взгляда. Наши дѣйствія вовсе не являются чистыми и непосредственными результатами нашихъ желаній; они обуславливаются сплошь и рядомъ многими разнообразными и смѣшанными условиями. Въ томъ, что кажется намъ добровольнымъ рѣшеніемъ, скрывается часто много совершенно невольнаго, гораздо больше, чѣмъ мы предполагаемъ. Подобнымъ же образомъ люди, о которыхъ мы думали, что они оказывали самопроизвольное и рѣшающее вліяніе на общественныя дѣла и тѣмъ опредѣляли судьбу націй, окажутся, при ближайшемъ разсмотрѣніи, зависящими отъ обстоятельствъ, совершенно самостоятельныхъ и не зависящихъ, въ свою очередь, отъ нихъ,—обстоятельствъ, которыя они никогда не создавали, но на которыя опирались въ своихъ дѣйствіяхъ. Они попали въ потокъ, который неудержимо увлекъ ихъ за собою.

Съ этой именно болѣе точной точки зрѣнія мы и должны разсматривать историческія событія, признавая принципъ, что дѣла человѣческія идутъ опредѣленнымъ путемъ, расширяясь и развиваясь. Отсюда мы видимъ, что то, о чемъ мы говоримъ какъ о вещахъ, подлежащихъ свободному выбору, было въ дѣйствительности навязано дѣйствующимъ лицамъ силою обстоятельствъ. Эти событія слѣдуетъ считать представленіями или олицетвореніями извѣстной фазы въ жизни націй, черезъ которую послѣднія должны раньше или позже переходить. Относительно людей мы знаемъ, что умѣренность, спокойствіе и важность въ поведеніи свойственны зрѣлому возрасту, что переходъ отъ веселья и своенравія юности можетъ ускориться благодаря разнаго рода случайнымъ обстоятельствамъ: у одного вслѣдствіе потери состоянія, у другого вслѣдствіе строя домашней жизни, у третьяго вслѣдствіе дурного здоровья. Мы совершенно правильно приписываемъ такого рода событіямъ эти перемѣны въ характерѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но въ то же время не обманываемъ себя мыслью, что онѣ никогда не про-

изошли бы, если бѣ этихъ случайныхъ обстоятельствъ не было вовсе. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ замѣчается дѣйствіе неизбежной судьбы.

Поэтому мы можемъ смѣло сказать, что, какова бы ни была особенная форма разсматриваемыхъ нами событій, преемственность ихъ зависѣла отъ судьбы и не находилась въ зависимости отъ вліянія того или иного индивидуума. Мы можемъ осуждать византійскихъ монарховъ или восторгаться арабскими калифами,—но наше порицаніе и наша похвала не должны переходить за извѣстныя границы. Европа вступала въ вѣкъ вѣры изъ вѣка изслѣдованія. При такомъ переходѣ добровольное часто покрываетъ собою predetermined. Существуетъ аналогія между жизнью націи и жизнью отдѣльныхъ индивидуумовъ; хотя послѣдніе и могутъ въ извѣстномъ отношеніи считаться виновниками своей судьбы, которую они направляли къ счастью или несчастью, къ добру или злу, хотя они остаются или уходятъ въ другое мѣсто, смотря по своимъ желаніямъ, хотя они дѣлаютъ ту или другую извѣстную вещь или воздерживаются отъ нея, смотря по своей доброй волѣ, тѣмъ не менѣе они находятся въ рукахъ неумолимой судьбы,—судьбы, которая произвела ихъ на свѣтъ помимо ихъ воли, заставляя ихъ переходить черезъ извѣстныя ступени развитія, остающіяся всегда неизмѣнными,—младенчество, дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость, со всѣми ихъ характеристическими дѣйствіями и страстями, и устраняетъ ихъ со сцены въ назначенное время, часто противъ ихъ воли. То же происходитъ и съ націями: добровольное является лишь виѣшною видимостью, покрывающею, но врядъ ли скрывающею predetermined. Мы можемъ вліять на событія жизни, но не на законы прогресса. Къ націямъ можетъ также примѣняться геометрія, уравненіе кривой, по которой онѣ двигаются впередъ. Ни одинъ смертный не можетъ измѣнить ея направленія.

Теперь мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ мерцающій свѣтъ знанія былъ поддержанъ въ ту минуту, какъ онъ готовился погаснуть. Онъ былъ переданъ намъ арабами. Причудливыя формы, какія приняли лица, поддерживающія этотъ огонь, чрезвычайно интересны. Они представляютъ странную смѣсь неоплатонизма, пантеизма, магометанства и христіанства. Въ такія неблагоприятныя времена было, можетъ быть, полезно, чтобы сильнѣйшія страсти людей возбуждались и наука усердно разрабатывалась помощью изслѣдованій, дѣлающихся съ цѣлью обратить свинецъ въ золото или продолжить до безконечности жизнь. Теперь намъ придется имѣть дѣло съ философскимъ камнемъ, съ жизненнымъ элексиромъ, съ магическими зеркалами, съ вѣчными, неугасаемыми лампами, съ превращеніемъ металловъ. Въ дымныхъ пещерахъ подъ землею, гдѣ тайкомъ производилось великое дѣло, алхимики и ихъ помощники работаютъ надъ своими перегонными кубами и ретортами, поддерживая свои огни въ теченіе столькихъ лѣтъ, что возникло повѣріе, будто въ нихъ зарождались самандры.

Такимъ образомъ, экспериментальная наука вновь подверглась разрабѣ со стороны арабовъ, но приняла весьма странную форму. Она уже обнаруживала свою связь съ медициною,—связь, возникшую влѣдствіе вліянія несторіанъ и евреевъ. Теперь необходимо разсмотрѣть вкратцѣ отношенія тѣхъ и другихъ къ наукѣ, и прежде всего отношенія несторіанъ.

Въ главѣ IX мы уже рассказали о соперничествѣ Кирилла, епископа александрійскаго, съ Несторіемъ, епископомъ константинопольскимъ. Въ теологическомъ отношеніи они расходились по вопросу о томъ, Божья ли матеръ Дѣва Марія. Мы уже описывали исходъ эфесскаго собора: египетская партія одержала верхъ при помощи женщинъ, пользовавшихся вліяніемъ при дворѣ, и Несторій, лишившись своего сана, былъ изгнанъ вмѣстѣ со своими друзьями. Философскія стремленія побѣжденныхъ можно было вскорѣ распознать изъ ихъ дѣйствій. Между тѣхъ какъ вождя ихъ мучили на одномъ изъ африканскихъ оазисовъ, многіе изъ нихъ эмигрировали на Евфратъ и основали тамъ халдейскую церковь. Подъ ихъ руководствомъ устроена была коллегія въ Эдессѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими связанными съ нею школами. Здѣсь были переведены на сирійскій языкъ многія греческія и латинскія произведенія, напр., сочиненія Аристотеля и Плинія. Несторіане, въ соединеніи съ евреями, основали медицинскую школу въ Джюндесабурѣ, и первые установили систему ученыхъ степеней, сохранившуюся и по настоящее время. Калифы не только разрѣшили несторіанамъ свободно исповѣдывать ихъ религію, но даже довѣрили имъ воспитаніе дѣтей знатныхъ магометанскихъ семей, — терпимость, составляющая поразительный контрастъ съ фанатизмомъ Европы. Калифъ Аль-Рашидъ дошелъ до того, что передалъ всѣ общественныя школы въ вѣдѣніе Іоанна Мазуе, одного изъ членовъ этой секты. Подъ вліяніемъ этихъ ученыхъ людей арабскія академіи снабжались переводами греческихъ авторовъ, а въ Азіи собирали обширныя библіотеки.

Благодаря этой связи съ арабами, несторіанскіе миссіонеры нашли средство распространить свою форму христіанства по всей Азіи, до Малабарскаго берега и Китая. Успѣшныя интриги египетскихъ политиковъ въ Константинополѣ и Эфесѣ не оказывали никакого вліянія на эти отдаленныя страны, и азіатскія церкви несторіанскаго и яковитскаго вѣроисповѣданія превосходили численностью своихъ членовъ всѣ христіанскія церкви Европы латинскаго и греческаго вѣроисповѣданія. Въ послѣднее время папское правительство старалось притти въ соглашеніе съ ними, но совершенно напрасно.

Изгнаніе этой партіи изъ Константинополя было произведено тѣми же лицами и помощью той же политики, которая содѣйствовала разрушенію философіи въ Александріи. Тотъ же духъ, который умертвилъ Гипатію, измучилъ до смерти и Несторія. Одна изъ борющихся партій была весьма почтенна и хоть нѣсколько украшена знаніемъ, другая—невѣжественная, смѣло

прибѣгающая къ грубой силѣ, изгнанію, убійствамъ. А между тѣмъ послѣдней-то партіи суждено было одержать верхъ.

Несторіане унаслѣдовали медицинскія знанія древнихъ грековъ, глубоко почитая великихъ дѣятелей этой науки. Они съ большимъ стараніемъ собирали все, что осталось изъ медицинскіхъ сочиненій греческаго или александрійскаго происхожденія, начиная съ сочиненій Гиппократа, котораго его преемники съ почитательною любовью называли «божественнымъ старцемъ», и кончая произведеніями Птолемея школы.

Греческая медицина возникла въ храмахъ Эскулапа, куда больные прибѣгали, чтобъ исцѣлиться отъ своихъ болѣзней помощью этого бога. Повидимому, за божественный совѣтъ не требовалось вознагражденія, но благодарность пациента часто выражалась въ поднесеніи даровъ, какъ бы въ жертву богу; кромѣ того, въ храмъ приносились таблицы съ описаніемъ разнаго рода обстоятельствъ, сопровождавшихъ болѣзнь и представлявшихъ значеніе для лицъ, намѣреющихся посвятить себя изученію медицины. Такимъ образомъ, асклепіоны сдѣлались одновременно госпиталями и школами. Въ виду своего положенія, они выказывали стремленіе соединять въ одно медицинскія и церковныя цѣли. Въ то же время распространено было повѣрье, что всѣ болѣзни происходятъ влѣдствіе гнѣва какого-либо оскорбленнаго бога, въ особенности же приписывались такого рода причинъ разнаго рода эпидеміи и моровья извы. Подобное парализующее понятіе по необходимости препятствовало оказывать обществу помощь принятіемъ необходимыхъ санитарныхъ мѣръ. Даже въ наше время трудно устранить изъ умовъ невѣжественныхъ классовъ общества это старое мнѣніе или убѣдить ихъ, что, въ случаѣ такого рода несчастій, мы должны прежде всего полагаться на самихъ себя и строго слѣдить за чистотою отдѣльныхъ индивидуумовъ, ихъ жилищъ и города или села, въ которомъ они обитаютъ, заботиться о чистомъ воздухѣ, о свѣтѣ. Гиппократу принадлежитъ слава уничтоженія этихъ понятій и замѣны ихъ болѣе практическими и матеріальными идеями: помощью таблицъ болѣзней, преданій и другихъ источниковъ и своихъ собственныхъ замѣчательныхъ наблюдений, онъ положилъ основаніе медицинской наукѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ его успѣховъ въ этомъ отношеніи было отдѣленіе цѣлей, преслѣдуемыхъ врачомъ, отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ жрецомъ. Но нельзя сказать, чтобы такой великій переворотъ, подразумевающий отвлеченіе прибыльныхъ доходовъ отъ прежняго руслу, совершился безъ борьбы. Мы должны почитать память Гиппократа за ту полную побѣду, которую онъ одержалъ въ этомъ отношеніи.

Изъ сочиненій, приписываемыхъ Гиппократу, многія были, несомнѣнно, составлены кѣмъ-нибудь изъ его семьи, изъ его потомковъ или учениковъ. Влѣдствіе стремленія къ фальсификаціи книгъ, которое проявилось во времена Птолемея благодаря высокому цѣнамъ, уплачиваемымъ имъ за книги

наслѣдуютъ древне-греческія медицинскія знанія.

Происхожденіе греческой медицины—асклепіоны.

Гиппократъ уничтожаетъ теологическую теорію болѣзни.

Происхожденіе Гиппократа.

Начинаютъ разрабатывать медицину.

Арабы соединяются съ ними.

Они сильно распространяются на востока.

знаменитостей, сдѣлалось чрезвычайно труднымъ опредѣлить вопросъ объ авторствѣ. Книги, безспорно написанныя самимъ Гиппократомъ, обнаруживаютъ обширность знаний, соответствующихъ славіи его имени; никто не могъ превзойти его по живости описаній, и врядъ ли кто даже могъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Данное Гиппократомъ описаніе умирающаго и теперь воспроизводится въ медицинскихъ сочиненіяхъ его же собственными словами, безъ малѣйшихъ измѣненій.

Въ своемъ медицинскомъ ученіи Гиппократъ исходитъ изъ Его желанія. посылки, что тѣло состоитъ изъ четырехъ элементовъ. Помощью ихъ образуются четыре главныя жидкости. Онъ думаетъ, что эти жидкости подвергаются измѣненіямъ; что здоровье состоитъ въ ихъ правильномъ устройствѣ и въ должномъ распредѣленіи соответственно необходимому количеству, болѣзнь—въ ихъ нечистотѣ и неравенствѣ; что приведенныя въ разстройство жидкости претерпѣваютъ самопроизвольныя измѣненія или перевариваются,—процессъ, требующій извѣстнаго времени,—отсюда объясненіе критическихъ дней и критическихъ выдѣленій. Первоначальное разстройство жидкостей онъ приписываетъ различнымъ причинамъ, главнымъ образомъ вліянію физическихъ обстоятельствъ, каковы тепло, холодъ, воздухъ, вода. Въ противоположность своимъ современникамъ, онъ не приписывалъ всѣхъ страданій людей гнѣву боговъ. Рядомъ съ изученіемъ разнаго рода внѣшнихъ вліяній, онъ изучалъ и особенности человѣческаго организма, измѣненія, которыя онъ претерпѣваетъ сообразно съ климатомъ и образомъ жизни, различныя предрасположенія, выказываемыя имъ въ различныя времена года. Онъ думалъ, что врожденная теплота тѣла измѣняется вмѣстѣ съ годами, что она наибольшая въ дѣтствѣ и наименьшая въ старости. вслѣдствіе чего болѣзнетворныя силы дѣйствуютъ на насъ съ большею или меньшею легкостью, смотря по нашему возрасту. По этой причинѣ врачъ долженъ тщательно наблюдать за условіями жизни своихъ пациентовъ, за ихъ пищею, ихъ тѣлесными упражненіями, потому что такого рода наблюденія даютъ ему возможность не только регулировать общую воспримчивость человѣческаго организма, но и вліять на самый ходъ болѣзней.

Приписывая вообще всѣ болѣзни данному состоянію или разстройству жидкостей, считая, напр., что воспаленіе происходитъ вслѣдствіе того, что кровь переходитъ въ такія части тѣла, въ которыя она обыкновенно не заходитъ, онъ говорилъ, что, пока эти жидкости занимаютъ въ системѣ неестественное или извращенное положеніе, болѣзнь продолжается, но какъ только онѣ начинаютъ бродить или перевариваться, появляются разнаго рода характеристическія симптомы, и когда дѣло переработки заканчивается, эти жидкости выдѣляются помощью выпотѣнія, испражнения и т. д. Но когда такое общее облегченіе системы отсутствуетъ, испорченныя жидкости локализируются въ какомъ-нибудь особенномъ органѣ или части тѣла, и въ результатъ получается рожистое воспаленіе, омертвѣніе или какое-либо другое болѣзнетворное явленіе. Врачъ и доказываетъ свое искусство, помогая выдѣленію этихъ веществъ

изъ организма. Его умѣніе выказывается гораздо болѣе въ это время, чѣмъ во время процесса перевариванія. Онъ можетъ прибѣгать или къ дѣйствию чемерицы, бѣлой или черной, или къ elaterium. Критическіе дни, соответствующіе періодамъ процесса перевариванія, должны подвергаться самому тщательному наблюденію, съ цѣлью установить соотношеніе между даннымъ положеніемъ пациента и тѣми различными состояніями, которыя должны проявиться у него въ различные періоды времени. На основаніи этого врачъ получить возможность предсказать вѣроятный ходъ болѣзни и составить себѣ вѣрное понятіе о средствахъ, къ которымъ слѣдуетъ ему прибѣгать для того, чтобы помочь природѣ въ ея операціяхъ.

Отсюда видно, что практическая медицина у Гиппократа имѣла дѣло скорѣе съ ходомъ болѣзни, чѣмъ съ ея ха- Характеръ его практической дѣятельности. рактеристическими особенностями. Одна эта гениальная постановка вопроса даетъ намъ понять, какъ велика была сила его знания. Онъ наблюдаетъ за тѣмъ, какъ жидкости бродятъ и перевариваются, слѣдитъ за явленіями, представляющимися въ день кризиса, за видомъ и характеромъ критическихъ выдѣленій. Онъ не дѣлаетъ попытки остановить текущій процессъ, а лишь старается помочь природѣ въ ея дѣйствіяхъ.

Если мы примемъ во вниманіе время, въ которое жилъ Гиппократъ, 400 г. до Р. Х., и обстоятельства, при которыхъ онъ изучалъ медицину, мы не можемъ не преклониться передъ значительными успѣхами, сдѣланными имъ. На его значеніе указываетъ то, что онъ отвергалъ суевѣрныя стремленія своего времени и научалъ своихъ учениковъ придавать должное значеніе физическимъ причинамъ. Онъ совершенно отвергалъ воображаемыя вліянія, которымъ придавали въ то время такое большое значеніе. Боговъ онъ замѣчательно удачно замѣнилъ безличною природою. Лица, завѣдывавшія храмами Эскулапа, были заинтересованы въ томъ, чтобы приписывать каждое страданіе людей гнѣву кого-либо изъ оскорбленныхъ боговъ, которые и могли силою своей власти вернуть здоровье больному. Всякое противорѣчіе этимъ ученіямъ, всякая замѣна сверхъестественнаго вещественнымъ должны были задѣвать ихъ интересы и, понятно, встрѣтить отпоръ со стороны заинтересованныхъ. Но эта оппозиція не оказывала, повидимому, никакого дѣйствія на великаго врача, который развивалъ свою теорію и проводилъ ее на практикѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своихъ противниковъ. Онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ слѣдовать его примѣру и научилъ ихъ, ради блага истины, не колебаться при встрѣчѣ съ современными имъ предразсудками и страстями, а ждать себѣ награды отъ оцѣнки потомства.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что медицинская философія Гиппократа достойна самаго глубокаго нашего удивленія, Его ученіе такъ какъ она представляетъ въ себѣ научныя условія истинно научно. дедукціи и индукціи. Сама теорія вполне ясна и сжата; черты ея совершенно греческія. Для того, кто при знакомствѣ съ нею будетъ принимать во вниманіе эпоху, въ которой она создавалась, теорія

эта представляетъ характеристическія черты греческаго ума — проицательность, быстроту соображенія и воспріятія, вполне оправдывая прозвище, данное Гиппократу его европейскими преемниками, «отецъ медицины», и, быть можетъ, заставляя насъ согласиться до нѣкоторой степени съ восторженнымъ заявленіемъ Галена, что мы должны относиться къ словамъ Гиппократа съ глубокимъ почтеніемъ, какъ къ голосу Бога.

Школа Гиппократа въ Косѣ получила соперницу въ лицѣ школы въ Книдѣ, которая не только разсматривала болѣзнь съ иной точки зрѣнія, но и клала другой принципъ въ основаніи своего лѣченія. ^{Школа въ Книдѣ.} Послѣдователи этой школы обращали больше вниманія на спеціальныя симптомы разнаго рода индивидуальныхъ случаевъ и слѣдовали менѣе дѣятельному способу лѣченія, отвергая сильныя слабительныя, кровопусканія или другого рода энергическія мѣры. Какъ и слѣдовало ожидать, профессиональная дѣятельность этихъ школъ привлекла къ нимъ многихъ способныхъ людей, и въ результатѣ получилось много выдающихся произведеній: такъ, Филостонъ писалъ о дѣтѣхъ для здоровыхъ людей, Діоклесъ о гигиенѣ и гимнастикѣ, Праксагоръ — о пульсѣ, доказывая, что можно на основаніи его судить о силѣ бо- ^{Разрушенъ Константиноплъ.} лѣзни. Асклепionъ книдскій существовалъ до времени Константина, когда онъ былъ разрушенъ вмѣстѣ съ другими языческими учрежденіями. Союзъ между жреческою и медицинскою профессіею становился съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе слабымъ, и когда послѣдняя отдѣлилась, въ ней возникли подраздѣленія, какъ относительно предмета занятій, напр., фармацевты, хирурги и т. д., такъ и относительно общественнаго положенія разрабатывающихъ науку лицъ: одни занимались ею какъ чистою наукою, другіе какъ профессіею, какъ не столько научнымъ, сколько доходнымъ занятіемъ. Въ тѣ времена, какъ и въ наши, многія лица, не обладающія состояніемъ, вынуждены были попасть въ ряды постѣднихъ дѣятелей. Такъ, Аристотель, который больше, чѣмъ кто-либо другой, оказалъ громадное уметвенное вліяніе на человечество, держалъ въ Афинахъ аптекарскій магазинъ, постѣ того, какъ разстратилъ свое состояніе на научныя занятія. Аристотель-аптекарь, продававшій за своею конторкою лѣкарства случайнымъ покупателямъ, есть въ то же время Аристотель великій писатель, слова котораго имѣли рѣшающее значеніе въ глазахъ ученыхъ дѣятелей среднихъ вѣковъ. Можно сказать вообще, что медики принадлежали къ философскому классу. Въ всѣхъ этихъ подраздѣленій находились люди, отвергаемые медицинскимъ міромъ, но непрестанно вертящіеся вокругъ него: цѣлая толпа мошенниковъ и обманщиковъ; они не переведутся до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будутъ существовать слабоумные и пустые люди, которыхъ легко вводить въ обманъ, и тщеславныя и легкомысленныя женщины, которыя готовы всегда вѣрить всякимъ пустякамъ.

При основаніи александрійскаго музея Птоломеемъ Филадельфомъ, преподававшіяся въ немъ науки распредѣлены были между четырьмя факультетами: литературнымъ, математическимъ, астро-

номическимъ и медицинскимъ. Впрочемъ, эти отдѣлы ^{Египетская медицина. Музей.} были очень обширны; такъ, напр., въ медицинскій факультетъ включались и такія науки, какъ естествознаніе. Врачами, получившими первое назначеніе въ музей, были Клеомбротъ, Герофилъ и Эразистратъ; среди второстепенныхъ профессоровъ находился Фило-Стефанъ, преподававшій естественную исторію и получившій порученіе написать книгу о рыбахъ. Возвышенныя идеи основателя школы лучше всего выражаются въ томъ, какъ онъ организовалъ свою медицинскую школу. Въ основаніи ея была положена анатомія. Герофилъ и его товарищи получили разрѣшеніе прибѣгать къ разсѣченію труповъ и удостовѣряться ^{Филадельфъ основываетъ медицину на анатоміи.} помощью этого единственнаго достовѣрнаго метода въ дѣйствительномъ строеніи человѣческаго тѣла. Сильная рука Птолемея энергически приводила въ исполненіе его намѣренія, несмотря на то, что народныя чувства въ его странѣ возставали противъ такого рода изслѣдованій. Трогать трупъ считалось въ Египтѣ возмутительнымъ.

Но этотъ великій человѣкъ стремился не только къ тому, чтобы изучить строеніе человѣческаго тѣла, но и къ тому, чтобы открыть способъ отпращенія различныхъ его функций. Для этой цѣли онъ разрѣшилъ анатомамъ дѣлать живосѣченія на живыхъ животныхъ и преступникахъ, осужденныхъ на смерть, проложивъ себѣ ту дорогу въ физиологію, которой, по словамъ Эвклида, сказаннымъ на обѣдѣ въ музеѣ, не существуетъ въ геометріи, и защищая такого рода дѣйствія противъ нападковъ съ точки зрѣнія нравственнаго критицизма тѣмъ, что преступники уже лишились по закону права на жизнь и что нѣтъ ничего преступнаго въ томъ, чтобы заставлять ихъ слу- ^{Разрѣшаетъ диссекцію и разсѣченіе живыхъ людей.} жать на пользу человечества. Герофилъ воспитывался въ Косѣ; онъ придерживался въ патологическомъ отношеніи взглядовъ, извѣстныхъ подъ именемъ гуморализма, лѣчилъ энергическими мѣрами по методу Гиппократа, на сочиненія котораго онъ написалъ комментаріи. Его собственныя изслѣдованія крайне многочисленны; они излагались вмѣстѣ съ его оригинальными взглядами въ трактатахъ о практической медицинѣ, объ акушерствѣ, о глазахъ, о пульсѣ, который онъ совершенно вѣрно приписываетъ сокращеніямъ сердца. Онъ зналъ о существованіи млечныхъ сосудовъ и объ ихъ анатомическомъ отношеніи къ брыжеечнымъ железамъ. Эразистратъ, его товарищъ, былъ ученикомъ Теофраста и Хризиппа; онъ также занимался анатоміею. Онъ описывалъ строеніе сердца, его связь съ артеріями и венами, но ошибался относительно того, что первые сосуды служатъ только для провода воздуха, а послѣдніе для провода крови. Онъ зналъ о существованіи двухъ родовъ нервовъ — движенія и ощущенія. Онъ приписывалъ всѣ лихорадки воспалительнымъ процессамъ, и на практикѣ его методъ лѣченія отличался отъ метода Гиппократа тѣмъ, что онъ употреблялъ менѣе сильно дѣйствующія средства.

Эти врачи положили въ основаніи практической медицины Александрій анатомію. Кромѣ нихъ существовало еще много дру-

Улучшенія въ хирургіи и фармакологіи. гихъ преподавателей по разнымъ специальностямъ медицины, и, въ самомъ дѣлѣ, храмъ Сераписа былъ обращенъ въ госпиталь, гдѣ больные принимались и куда допускались и лица, занимающіяся медициною, — допускались для того, чтобъ освоиться съ видомъ болѣзней, совершенно такъ, какъ это дѣлается и теперь во многихъ подобныхъ заведеніяхъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ отдѣлы хирургіи и фармакологіи были значительно улучшены и произвели, въ свою очередь, много способныхъ людей. Среди этихъ улучшеній упомянемъ о новыхъ операціяхъ надъ камнедробленіемъ, объ инструментахъ для раздробленія камней, для вправленія вывиховъ и т. д. Дѣятельная торговля Египта доставляла множество удобныхъ случаевъ для распространенія медицинскихъ средствъ помощью введенія громаднаго количества новыхъ травъ и лѣкарствъ.

Медицинская школа Александріи, основанная, такимъ образомъ, на диссекціи, съ теченіемъ времени утратила въ значительной степени свой научный духъ. Но влияние первыхъ ея учителей можетъ быть прослѣжено въ теченіе еще долгаго времени. Такъ, Галенъ дѣлилъ медиковъ своего времени на герофилійцевъ и эрализратійцевъ. Съ теченіемъ времени возникло множество сектъ, напр., секта догматистовъ, утверждавшихъ, что болѣзни возможно лѣчить правильно только при помощи знанія строенія организма и его функций, знанія дѣйствія лѣкарствъ и переменъ, произведенныхъ болѣзною въ зараженныхъ ею частяхъ тѣла. Они настаивали, поэтому, на необходимости анатоміи, физиологіи, терапіи и патологіи и называли себя послѣдователями Гиппократа. Противники ихъ, эмпирики, осмѣивали такого рода знанія, называя ихъ фантастичными и недостижимыми, и опирались только на опытъ. Ихъ подраздѣленія не ограничивались сектами, а принимали иногда форму школъ. Даже Эрализратъ къ концу жизни, вслѣдствіе различныхъ споровъ и недоразумѣній, оставилъ музей и открылъ школу въ Смирнѣ. Изученіе различныхъ отраслей медицины производилось и другими лицами, не принадлежащими къ медицинской корпораціи. Такъ, напр., Митридатъ, царь понтійскій, посвятилъ себя изученію яда и отыскиванію противоядій.

Какое паденіе отъ этой чисто научной медицины къ чудотворнымъ исцѣленіямъ, вскорѣ замѣнившимъ ее! Какая пропасть отдѣляетъ Гиппократа и великихъ александрійскихъ медиковъ отъ исцѣлителей среднихъ вѣковъ!

Къ предыдущему очерку положенія греческой медицины въ Еврейскіе врачи. ея періодъ славы я долженъ прибавить изслѣдованіе успѣховъ, сдѣланныхъ въ этой же наукѣ евреями во второмъ столѣтіи. Это необходимо намъ для того, чтобы понять происхожденіе сарацинской науки.

Евреи освободились постепенно въ философіи отъ вліянія древнихъ традицій; ихъ прогрессъ въ этомъ отношеніи доказывался дѣятельною помощью, оказанною ими въ дѣлѣ развитія неоплатонизма. Послѣ разрушенія Иерусалима вся Сирія и Месопотамія были наполнены еврейскими школами;

Ихъ эмансипація отъ сверхъестественнаго.

какъ великіе философы, такъ и крупные торговцы этой націи жили въ Александріи. Преслѣдованія и выселенія если и не принесли никакой другой пользы, то, во всякомъ случаѣ, ослабили вліяніе духовенства среди евреевъ. Быть можетъ, не мало способствовало этому и разочарованіе въ скоромъ пришествіи національнаго мессіи, — разочарованіе, заставившее лицъ, двинувшихся впередъ по пути умственного прогресса, дѣлать болѣе вѣрную оцѣнку древнимъ традиціямъ. Во главѣ этой умственной эмансипаціи стали еврейскіе врачи. Пока ихъ наука находилась въ младенчествѣ, къ нимъ относились съ большою враждою левиты, врачевавшіе помощью молитвъ, искупительныхъ жертвъ и чудесъ, а иногда, въ томъ случаѣ, когда они прибѣгали къ менѣе сверхъестественнымъ мѣрамъ, употреблявшимъ такіа лѣкарства, которые во всѣ времена пользовались популярностью среди простого народа. Такъ, въ случаѣ укушенія бѣшеною собакою, они заставляли пострадавшаго ѣсть діафрагму собаки. Въ примѣръ того класса людей, который долженъ былъ вскорѣ играть громадную роль въ дѣлѣ направленія умственного прогресса человѣчества, можно привести Ганнина, жившаго въ 205 г., о которомъ его преемники часто упоминаютъ, какъ о самомъ древнемъ еврейскомъ врачѣ; Самуила, извѣстнаго какъ акушера, астронома и окулиста, изобрѣтателя глазной прищипки, носящей его имя; Раба, анатома, написавшаго трактатъ о строеніи человѣческаго тѣла на основаніи данныхъ, полученныхъ изъ разсѣченія, и пріобрѣтшаго тѣмъ такую громкую извѣстность, что народъ послѣ его смерти употреблялъ въ лѣкарство землю съ его могилы; Абба-Умна, ученіе котораго о безуміи ясно показываетъ, что онъ придавалъ матеріальное толкованіе народному повѣрію объ одержаніи злыми духами и замѣнилъ это странное заблужденіе научнымъ объясненіемъ обуславливавшаго его тѣлеснаго разстройства. Этотъ почтенный медикъ ставилъ себѣ за правило никогда не брать денегъ съ бѣдныхъ и не дѣлать различія въ уходѣ за богатыми и бѣдными. Эти люди могутъ считаться типичными представителями своихъ преемниковъ въ седьмомъ вѣкѣ, когда восточныя школы были разрушены вслѣдствіе военныхъ движеній арабовъ. Въ талмудической литературѣ встрѣчаются указанія на переходное состояніе медицины; сверхъестественное замѣняется въ ней, повидимому, физическимъ, церковное смѣшивается съ точнымъ: такъ, въ ней говорится, что раввинъ можетъ исцѣлять болѣзни духовнымъ средствомъ — наложеніемъ рукъ, и въ то же время дается точное, хотя и ошибочное описаніе лихорадочныхъ разстройствъ, а параличъ заднихъ ногъ животнаго приписывается совершенно вѣрно давленію опухоли на спинной хребетъ. Нѣкоторыя изъ афоризмовъ Талмуда довольно забавны: «Пусть будетъ любая болѣзнь, лишь бы кишки не были засорены, любое страданіе, лишь бы сердце оставалось незатронутымъ, любое нездоровье, лишь бы голова не была задѣта, любое бѣдствіе — лишь бы это была не злая женщина».

Вначалѣ, послѣ паденія александрійской школы, еврейскіе медики могли сдѣлать только одно — сохранять переданное имъ зна-

Арабы соединя-
ются съ инд-
иіе. Но какъ только прошла сумятица, вызванная арабскимъ завоеваніемъ, они выступаютъ въ роли со-
вѣтниковъ коронованныхъ особъ и, благодаря своему высокому по-
ложенію, своему воспитанію и своимъ широкимъ взглядамъ, ока-
зываютъ весьма значительное вліяніе на умственный прогрессъ
человѣчества. Мазеръ Джайба, врачъ Калифа Моавія,
былъ знаменитъ какъ поэтъ, критикъ и философъ; Га-
рунъ, одинъ александрійскій врачъ, написалъ пандекты, —
сочиненіе, къ сожалѣнію, затерянное, въ которомъ находилось ма-
стерское описаніе оспы и метода ея лѣченія. Исаакъ бенъ-Эмранъ
написалъ оригинальное сочиненіе о ядахъ и о симптомахъ отра-
вленія ими; другіе слѣдовали его примѣру. Калифъ Аль Рашидъ,
поддерживавшій политическія сношенія съ Карломъ Великимъ по-
мощью еврейскихъ пословъ, далъ послѣднему примѣру,
которому тотъ не замедлилъ послѣдовать, оказывая са-
мую дѣятельную помощь и покровительство медицинской школѣ въ
Джиддесабурѣ и основавъ университетъ въ Багдадѣ. Онъ запрети-
лъ практиковать въ качествѣ медика всѣмъ, кто не выдержитъ
удовлетворительно экзамена въ этихъ факультетахъ. На востокъ
теологическая теорія болѣзней и ихъ лѣченія вскорѣ исчезла. Са-
мымъ знаменитымъ профессоромъ багдадской школы былъ, какъ
говорятъ, Юсуфъ бенъ-Нунъ; сама же школа дѣятельно занималась
переводами на арабскій языкъ греческихъ произведеній, — работъ
не только медицинскихъ, но и общаго характера. Такимъ-то
образомъ были сохранены сочиненія Платона и Аристотеля; гово-
рятъ, что почти каждый день въ ворота Багдада въѣз-
жали верблюды, нагруженные книгами. Прибавимъ къ
этому, что императоръ Михайль III былъ въ силу договора обя-
занъ доставлять греческія книги. Результатомъ такого умственного
движенія должно было быть обязательно распространеніе свѣта.
Основаны были школы въ Бассорѣ, Испаніи, Самаркандѣ, Фецѣ,
Марокко, Сициліи, Кордовѣ, Севильѣ, Гренадѣ.

Благодаря несторіанамъ и евреямъ, арабы познакомились съ
медицинскою наукою Греціи и Александріи; но къ ней они примѣ-
няли другія знанія болѣе мрачнаго свойства, вышедшія
изъ Персіи или, быть можетъ, возникшія изъ халдей-
скихъ источниковъ, такъ какъ несторіане основали въ Мессопота-
міи много важныхъ церковныхъ учрежденій, а евреи давно уже
были знакомы съ этою странюю; и въ самомъ дѣлѣ изъ нея-то и
вышли ихъ предки. Ея идеи не разъ видоизмѣняли ихъ націо-
нальную религію. Это чужеземное значеніе отличалось астрологи-
ческимъ характеромъ и выражалось въ видѣ заклинаній, амулетовъ,
чаръ и талисмановъ. Основнымъ его принципомъ было
вліяніе, оказываемое планетами на земныя вещи. Такъ
какъ въ то время извѣстны были всего семь планетъ
и семь металловъ, — солнце, луна, Марсъ, Меркурій, Венера, Юпи-
теръ, Сатурнъ, считавшіеся планетами астрологіи, — то имъ припи-
сывали особенное значеніе. Золото было посвящено солнцу, се-
ребро лунѣ, желѣзо Марсу и т. д. Даже подраздѣленія времени

были такимъ же образомъ посвящены; семь дней недѣли счита-
лись принадлежащими семи планетамъ астрологіи. Имена, данныя
различнымъ днямъ, и порядокъ ихъ расположенія, очевидно, тѣсно
связаны съ астрономическою гипотезою Птолемея: каждая изъ пла-
нетъ появлялась въ опредѣленную часть, и та планета, ^{Проникновеніе}
которая появлялась въ первый часть даннаго дня, да-
вала ему названіе. Устроенная такимъ образомъ недѣля, предста-
вляетъ поразительный примѣръ долговѣчности учрежденія, приспо-
собленнаго къ потребностямъ человѣка. Она пережила всевозмож-
ныя перемѣны въ политическомъ строѣ, была принята и церков-
ною системою Европы, которая, будучи не въ состояніи измѣнить
ея языческаго характера, стала поощрять народное заблужденіе о
заимствованіи недѣли изъ священнаго Писанія, — заблужденіе, опро-
вергающееся блестящимъ образомъ языческими названіями дней
недѣли, а также порядкомъ ихъ распредѣленія.

Эти понятія о сверхъестественныхъ свойствахъ частей ма-
теріи или времени были выведены изъ ученія о всемірномъ духѣ
или душѣ міра, распространеннаго въ сильнѣйшей степени на вос-
токъ. Они, какъ мы видѣли въ главѣ III, лежатъ въ основа-
ніи всей восточной философіи и являются въ одно и то же
время очень древнимъ и довольно философскимъ понятіемъ. Мно-
гіе предполагали, что духъ человѣка составляетъ такую же часть
всемірной души, какъ и искра пламени. Всѣ другіе предметы, оду-
шевленные и неодушевленные, животныя, растенія, камни, даже
естественныя формы, рѣки, горы, каскады, гроты, обладали каж-
дый своимъ духомъ, живущимъ въ нихъ и одушевляющимъ ихъ.

Поэтому амулеты и чары получали свою чудодѣйственную силу
не отъ вещественной субстанціи, составляющей ихъ, а отъ обни-
тающаго въ нихъ духа. Относительно, напр., человѣка признава-
лось, что невещественный принципъ его соотвѣтствуетъ его личной
тѣлесной формѣ. Изъ двухъ большихъ сектъ, на которыя дѣлилась
еврейская нація, одна, фарисеи, принимала ассирійское ученіе, но
другая, садукее, отрицавшая существованіе какого-либо духа, хва-
сталась, что она-то именно исповѣдуетъ древнюю Моисееву вѣру, и
обвиняла своихъ противниковъ въ томъ, что они были совращены
съ пути истиннаго во время вавилонскаго плѣненія, потому что,
по ея словамъ, до этой катастрофы объ этихъ ученіяхъ въ Иеру-
салимѣ не имѣли никакого понятія. Наболѣе выдающіеся дѣятели
Александріи были приверженцами этихъ мнѣній. Такъ, ^{Александрій-}
Плотинъ написалъ книгу о союзѣ демоновъ съ людьми, ^{ская покровле-}
а его ученикъ Порфирій доказалъ на практикѣ возможность такого
рода союза: исправляя храмъ Изиды вмѣстѣ съ Плотиномъ и однимъ
египетскимъ священникомъ, онъ, для доказательства своей сверхъ-
естественной силы, предложилъ представить въ видимой формѣ
духъ Плотина. Очерченъ былъ на землѣ магической кругъ, при по-
мощи обычныхъ астрологическихъ знаковъ; началось заклинаніе,
духъ появился, и Плотинъ сталъ лицомъ къ лицу со своею собствен-
ною душою. Лишне говорить, сколько въ этомъ экспериментѣ при-
надлежало некромантику и сколько пылкому воображенію зрителей.

Но разъ можно было вызвать душу живого человѣка, то настолькоъ легче было вызвать души умершихъ.

Въ дѣйствительности эти дикія ученія были связаны съ пантеизмомъ, которому вѣрили повсюду тайкомъ; хотя, вѣра ^{Пропекожденіе этихъ идей изъ пантеизма.} ражаясь грубымъ языкомъ, и устанавливалось, повидимому, различіе между духомъ и веществомъ, или между душою и тѣломъ, но посвященные предполагали, что вещество—простая тѣнь духа, а тѣло—обманчивая видимость души.

Въ восьмомъ столѣтіи накопилось много естественныхъ явленій, удивительныхъ, но въ то же время совершенно необъяснимыхъ, какъ бы рассчитанныхъ на то, чтобы произвести глубокое впечатлѣніе на лицъ, видѣвшихъ ихъ. Это были явленія, хорошо знакомыя современнымъ химикамъ. Плотны закупоренные сосуды, поставленные на огонь, раскрывались, какъ бы открытые невидимою силою; неосызаемые пары сгущались въ твердыя вещества; безцвѣтныя жидкости давали внезапно осадки; отдѣлялось пламя безъ всякой видимой причины; внезапно происходили взрывы. Столько было неожиданнаго и необъяснимаго въ этихъ явленіяхъ, что они вполне оправдывали данное имъ названіе «тайной науки» или «чернокнижія». Факты эти, существовавшіе вначалѣ въ видѣ отдѣльныхъ чудесъ, были затѣмъ связаны въ одно. Халдейскія понятія о міровой душѣ и о духахъ, обитающихъ внутри насъ, доставили нить, на которую всѣ эти измышленія фантазіи могли быть нанизаны.

Съ жадностью, — потому что сверхъестественное обладаетъ всегда чарующею силою, — восприняли арабы отъ своихъ несторіанскихъ и еврейскихъ учителей эти таинственные толкованія ^{Арабы увлекаются этими заблужденіями.} вѣра рядомъ съ дѣйствительными знаніями, но они не удовлетворились свѣдѣніями, сообщенными имъ ихъ учителями, а начали разрабатывать и совершенствовать полученные знанія. Они подвергли всевозможныя вещества разнаго рода операціямъ, значительно улучшая экспериментальные процессы, воспринятые ими. Подвергая различныя тѣла дѣйствію огня, они получили возможность выдѣлить изъ нихъ болѣе утонченныя части, концентрировавшія въ себѣ, повидимому, качества, разсѣяныя въ веществахъ, изъ которыхъ они были извлечены дѣйствіемъ огня. Такъ какъ эти частицы, при первомъ своемъ извлеченіи, были часто невидимы, хотя и способны разрывать самыя сильныя сосуды, а иногда исчезать безслѣдно во взрывахъ и пламени, то арабы выводили отсюда заключеніе о существованіи въ тѣлахъ особыхъ духовъ, изгнанныхъ изъ нихъ огнемъ. Это была какъ бы реализація халдейскаго ученія. Такъ получены были духи вина, соли, селитры. Эти названія до сихъ поръ удержались въ торговлѣ (*esprit de vin*), хотя значеніе ихъ было совершенно утрачено. Когда же они были впервые введены, ихъ понимали въ буквальномъ смыслѣ слова. Алхимія со своими эссенціями, квинтэссенціями и духами была материализованнымъ пантеизмомъ. Богъ виденъ былъ повсюду, какъ въ отвлеченномъ, такъ и въ конкретномъ, какъ въ числахъ, такъ и въ дѣйствительныхъ предметахъ.

Предвосхищая то, что я намѣренъ въ послѣдующихъ главахъ разсмотрѣть подробно, я замѣчу здѣсь, что не одни ^{А также и христіане.} магометане предавались этимъ ошибочнымъ мистическимъ заблужденіямъ; христіане также были подготовлены къ воспринятію ихъ. По мнѣнію ихъ, земли, воздухъ, море были наполнены невидимыми формами. Христіане еще больше язычниковъ вѣрили въ сверхъестественную силу изображеній боговъ и приписывали ее вліянію демоновъ. Сумасшедшіе считались также одержимыми діаволомъ. Если какой-либо источникъ періодически покрывался пѣною отъ наполненія его углекислымъ газомъ, то предполагали, что онъ былъ возмущенъ ангеломъ; если какой-нибудь несчастный опускался въ колодезь и тамъ задыхался отъ вредныхъ газовъ, говорили, что его задушилъ демонъ; если факель рудокоповъ давалъ взрывъ, его объясняли тѣмъ, что какой-либо злой духъ, хранившій сокровище, метилъ за нарушеніе его одиночества. Не было конца подобнымъ рассказамъ, подтвержденнымъ наилучшими свидѣтельствами, о случайномъ появленіи духовъ въ видимыхъ формахъ; не было грота или прохладныхъ лѣсныхъ рощъ, въ которыхъ нельзя было увидѣть ангеловъ или гениевъ, не было пещеръ безъ демоновъ. Хотя именъ этихъ существъ не приводилось, но для всѣхъ было ясно, что въ воздухѣ были свои сифры, въ землѣ свои гномы, въ огнѣ свои саламандры, въ водѣ свои ундины; у дня были свои видѣнія, у ночи свои волшебства. Испорченный воздухъ стоячихъ болотъ принималъ видъ демоновъ самой возмутительной наружности; взрывчатые газы рудниковъ принимали видъ блѣдныхъ злыхъ карликовъ съ длинными ушами, висѣвшими до плечъ, и въ одеждахъ изъ сѣраго сукна. Философскія понятія не могутъ быть совершенно отдѣлены отъ социальныхъ идей; мысли человѣка всегда получаютъ окраску той умственной среды, въ которой ему приходится жить.

У христіанства разсматриваемой нами эпохи суевѣрія были также въ ходу. Въ Европѣ, какъ и въ Месопотаміи, существовали свои талисманы и амулеты, обладавшіе сверхъестественною силою. Они служили вѣрною охраною противъ злыхъ духовъ и вѣрнымъ спасеніемъ въ болѣзнь.

Особенная сила придавалась этимъ мистическимъ идеямъ вслѣдствіе оригинальнаго направленія, случайно принятаго ими. Такъ какъ въ землѣ существуютъ вены, разносящія воду, и отверстія для прохода воздуха, то проводили аналогію между строеніемъ земли и строеніемъ животнаго, и выводили отсюда сходство отправления у земли и животныхъ. Отсюда возникла теорія ^{Превращеніе жемчуга изъ металловъ внутри земли подъ вліяніемъ пламени.} превращенія металловъ въ жемчугъ: беременная земля самопроизвольно производила золото и серебро, перерабатывая ихъ изъ низшихъ веществъ послѣ определеннаго числа лунныхъ кругообращеній. Впрочемъ, изъ ученія о превращеніи металловъ было ясно, что для природы время ничто, а для человѣка—все. Что значать для природы тысяча лѣтъ, которая она употребляетъ для превращенія ничего не стоящаго металла въ лучшій? Для человѣка полстолѣтіе обнимаетъ весь періодъ

его умышленной дѣятельности. И вотъ цѣль стремленій всѣхъ изслѣдователей священнаго искусства была сократить естественный срокъ переработки матеріи внутри земли; и разъ мы видимъ, что тепло способствуетъ созрѣванію фруктовъ, то не можемъ ли мы заключить отсюда, что правильно регулируемый огонь будетъ соотвѣтствовать предполагаемой цѣли, и, подвергая низшіе материалы дѣйствію огня на извѣстное время, не ускоримъ ли мы наступленіе желаемого превращенія? Императоръ Калигула, пробовавшій нѣкогда превратить силою огня желтый арсеникъ въ золото, былъ одинъ изъ тысячи изслѣдователей, стремившихся къ той же цѣли. Нѣкоторые думали помочь огню въ дѣлѣ извлеченія низшаго матеріала изъ даннаго вещества прибавленіемъ къ нему какой-либо нижней субстанціи. Отсюда возникло ученіе о взрывчатомъ порохѣ и о философскомъ камнѣ.

Это ученіе о возможности превращенія вещей въ формы существенно различныя постоянно развивалось и привело въ матеріальномъ отношеніи къ алхиміи, къ искусству выдѣлыванія золота и серебра изъ низшихъ металловъ, а въ теологіи къ трансубстанціи. Эти два ученія приобрѣли всемірную знаменитость: одно изъ нихъ соединилось съ наукою Мекки, а другое съ теологіею Рима.

Между тѣмъ какъ арабы разрабатывали алхимию, ихъ медицинскія стремленія побуждали ихъ увлекаться другимъ стариннымъ заблужденіемъ — открытіемъ всемірной панацеи, или элексира, который могъ бы излѣчить отъ всякихъ болѣзней и prolongировать навѣки жизнь. Мистическіе экспериментаторы въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій изслѣдовали природу, начиная отъ желтыхъ цвѣтовъ, посвященныхъ солнцу, и отъ золота, его эмблемы и представителя на землѣ, и кончая самыми грязными испражненіями человѣческаго организма. Что касается до золота, то этому металлу придавали много фиктивныхъ качествъ, рядомъ съ дѣйствительными достоинствами, отличающими его; воображали, что при нѣкоторыхъ его переработкахъ можетъ получиться жизненный элексиръ. Это служитъ объясненіемъ безпрестанныхъ попытокъ добыть растворенное золото, потому что повсюду было распространено повѣріе, что стоитъ только растворить золото, и желаемое средство будетъ добыто. Казалось также возможнымъ настолько увеличить силу воды, чтобы придать ей новыя качества и, такимъ образомъ, сдѣлать ее способною растворить золото. Развѣ не существовали естественныя воды, обладающія самыми разнообразными качествами? Развѣ не было такихъ, которые могли укрѣпить память, и такихъ, которые могли уничтожить ее? Однѣ изъ нихъ придавали мужество, другія внушали грустное расположеніе духа, а третьи, цѣвившіяся очень высоко, могли обезпечить возвратъ утраченной любви. Давно уже было извѣстно, что какъ естественныя, такъ и искусственныя воды могутъ оказать прочное дѣйствіе на здоровье и что можно устроить инструменты, которые въ состояніи будутъ опредѣлять ихъ качества. Панополитанецъ Зосимъ составилъ описаніе способа производить перегонку,

помощью которой очищается вода; арабы называли аппаратъ, посредствомъ котораго производился этотъ опытъ, алембикомъ. Трактатъ Зосимы о качествахъ и составѣ воды былъ написанъ въ формѣ сна, въ которомъ изображались въ фантастическихъ образахъ сѣдоволосые жрецы, приносившіе жертвы передъ алтарями; котлы съ кипящею водою, въ которыхъ прохаживались крошечные люди, одѣтые въ мѣдныя латы войны, молча читавшіе свинцовыя книги, и сфинксы съ крыльями. Подъ такими непонятными фикціями скрывалось намѣренно знаніе, а случайно — невѣжество.

Практическіе арабы не долго занимались этими увлекательными, но странными изслѣдованіями, какъ уже показали результаты ихъ работъ, результаты, представлявшіе громадное значеніе. Съ научной точки зрѣнія открытіемъ сильныхъ кислотъ положено было начало настоящей химіи; съ политической точки зрѣнія открытіе пороха произвело настоящій переворотъ въ мірѣ.

Существовало много различныхъ взрывчатыхъ смѣсей. Пламя получалось самопроизвольно изъ соединенія въ одно различныхъ частей сѣры, селитры и сѣрнистой сурьмы, истолченныхъ въ порошокъ и вымѣшанныхъ въ видѣ тѣста вмѣстѣ съ равными частями сока изъ черной смоквицы и черной жидкой смолы, съ добавленіемъ небольшого количества негашеной извести. Предписывалось предохранять составъ отъ солнечныхъ лучей, которые могли произвести взрывъ.

У насъ нѣтъ точнаго описанія жидкаго или греческаго огня, такъ какъ умѣніе производить его составляло въ Константинополѣ государственную тайну. Есть, впрочемъ, основаніе предполагать, что онъ добывался изъ сѣры и азотнокислаго поташа, смѣшанныхъ съ нефтью. О порохѣ Маркъ Грекъ, жившій, по всей вѣроятности, въ концѣ восьмого вѣка, даетъ самое подробное описаніе. Онъ велитъ истолочь въ порошокъ въ мраморной ступкѣ одинъ фунтъ сѣры, два фунта угля и шесть фунтовъ селитры. Если мы вышлемъ туго такого рода порошокъ въ длинную узкую трубку, запаянную съ одной стороны, и затѣмъ положимъ ее на огонь, то трубка взлетитъ вверхъ: это была, очевидно, ракета. Онъ говоритъ дальше, что можно подражать грому, положивъ порошокъ въ какую-нибудь обертку и крѣпко связавши ее, — это шутиха. Отсюда видно, что фейерверки предшествовали огнестрѣльному оружію. Тотъ же авторъ даетъ указанія, какъ сдѣлать кожу несгораемою, такъ, чтобы мы могли дотрогиваться къ огню, не чувствуя ожоговъ. Этимъ можно, несомнѣнно, объяснить легенды того времени, упоминавшія о чудотворцахъ, которые мыли руки въ расплавленной мѣди и сидѣли совершенно спокойно среди горящей соломѣ.

Среди сарацннскихъ ученыхъ, занимавшихся алхиміею, можно упомянуть Эль-Рази, Эбидъ-Дюрра, Джафара или Гебера, Тограге, написавшаго поэму объ алхиміи, и Джильдеги, одно изъ сочиненій котораго носитъ многозначительное на-

Дрәперъ.—Ист. умств. разв. Европы.

звание *Фонарь*. Определеніе алхимии нѣкоторыми изъ этихъ авторовъ поразительно: наука о равновѣсїи, наука о тяжести, наука о горѣнїи.

Мы остановимъ теперь наше вниманіе на одномъ изъ этихъ химиковъ, Джафаръ. Онъ жилъ къ концу восьмого вѣка и признается учителемъ великими арабскими врачами Разесомъ, Авиценною и Калидомъ. Имя его пользуется громадною извѣстностью въ химїи, потому что имъ обозначается въ этой наукѣ эпоха, равная по значенію съ эпохою Пристлея и Лавуазье. Онъ первый описалъ азотную кислоту и царскую водку. До него не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ концентрированная уксусная. Мы не можемъ представить себѣ химїи безъ кислотъ. Роджеръ Бэконъ говоритъ о немъ какъ о *magister magistrorum*. У него были совершенно точныя понятія о характерахъ спиртовъ или газовъ, какъ мы ихъ называемъ; такъ, онъ говоритъ: «О, сынъ науки, когда духи поселяются въ тѣлѣ, они теряютъ свои формы; по природѣ своей они уже больше не то, чѣмъ были. Когда вы заставляете ихъ выдѣлиться вновь изъ тѣла, то происходитъ слѣдующее: или одинъ духъ ускользаетъ въ воздухъ, а тѣло остается въ аламбикѣ, или духъ и тѣло исчезаютъ вмѣстѣ». Его ученіе о свойствахъ металловъ хотя и заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, но обладаетъ въ то же время и не малымъ научнымъ значеніемъ. Металлы онъ считаетъ смѣсью сѣры, ртути и мышьяка и выводитъ отсюда заключеніе, что превращеніе возможно при измѣненїи пропорцій, въ которой эти вещества берутся. Онъ знаетъ, что накаленный металлъ вѣситъ больше, чѣмъ обыкновенный,—открытіе громаднаго значенія, такъ какъ оно способствовало впоследствии разрушенію ученія о флогистонѣ Стала; это открытіе приписывали европейцамъ и относили его къ гораздо болѣе позднему времени. Джафаръ описываетъ способы перегонки, сублимаціи, фильтрованія, описываетъ различнаго рода химическіе аппараты, водяныя ванны, песочныя ванны, пробирныя чашечки, и въ необыкновенно ясныхъ выраженїяхъ рассказываетъ о способахъ ихъ употребленія. Каждый химикъ прочтетъ съ удовольствїемъ у Джафара о древнемъ способѣ добыванія азотной кислоты, перегоняя въ ретортѣ кипрекой купоросъ, квасцы и селитру. Онъ указывалъ на развѣдающую силу этой кислоты, на ея способность растворять даже золото, постъ прибавленія къ ней части нашатыря. Поэтому можно признать, что Джафаръ разрѣшилъ великую задачу алхимїи о полученїи золота въ растворенномъ видѣ. Конечно, сдѣлано было много опытовъ для опредѣленія вліянїя этого раствора на животную систему, вліянїя, которому придавали такое чудодѣйственное значеніе. Послѣдовавшее за этимъ разочарованіе было, вѣроятно, причиною того, что до насъ дошло такъ мало свѣдѣній объ этихъ опытахъ.

Рядомъ съ Джафаромъ надо упомянуть Разеса, родившагося въ 860 г., главаго врача въ большомъ госпиталѣ въ Багдадѣ. Ему мы обязаны описаніемъ приготовленія и свойствъ сѣрной кислоты. Онъ приготовлялъ ее такъ, какъ при-

Джафаръ открываетъ азотную кислоту и царскую водку.

И свойство металловъ увеличиваться въ вѣсѣ отъ накаленїя.

Онъ разрѣшаетъ задачу о растворенїи золота.

готовляется и теперь нордгаузенскій видъ ея,—помощью перегонки сухого зеленого купороса. Ему же обязаны мы первыми указанїями на приготовленія сухого спирта помощью перегонки виннаго спирта, полученнаго изъ негашенной извести. Какъ на любопытное открытіе, сдѣланное сарацинами, укажемъ на опытъ Ахильда Бехилиа, который, перегоняя одновременно экстрактъ изъ мочи, глины, известки и истолченнаго каменнаго угля, получилъ искусственную красную веннеу, сіяющую въ темнотѣ, «подобно дунѣ». То былъ фосфоръ.

Съ этого времени у арабскихъ медиковъ образовалась поразительная правильность мыслей и нирота взглядовъ. Можно подумать, что нижеслѣдующія строки были написаны кѣмъ-нибудь изъ нашихъ современниковъ, а между тѣмъ онѣ принадлежатъ Авиценнѣ и взяты изъ его главы о горахъ. Авторъ этотъ родился въ десятомъ столѣтїи. «Могла существовать двоякая причина образованія горъ. Онѣ произошли или отъ поднятїя земной коры, которое могло быть произведено сильнымъ землетрясенїемъ, или отъ дѣйствїя водъ, которыя, пролагая себѣ новый путь, оставляли долины и просачивались сквозь слои, представляющїе разныя степени плотности, иногда очень мягкіе, иногда очень твердые. Вѣтры и воды разлагали одни изъ этихъ слоевъ, а другїе оставляли неприкосновенными. Большинство земныхъ возвышенїй произошло вышеописаннымъ образомъ. Требовался продолжительный періодъ времени для производства всѣхъ этихъ переменъ, во время которыхъ сами горы могли нѣсколько уменьшиться въ объемѣ. Но то, что главною причиною такого рода переменъ была вода, доказывается существованїемъ ископаемыхъ остатковъ водныхъ и другихъ животныхъ, находимыхъ на многихъ горахъ». Авиценна объясняетъ также свойства окаменяющихся или всасывающихся водъ и упоминаетъ объ аэролитахъ: онъ говоритъ, что изъ одного изъ нихъ былъ сдѣланъ клинокъ меча, но что металлъ былъ слишкомъ хрупокъ для употребленія. Простой перечень нѣкоторыхъ изъ сочиненїй Авиценны покажетъ намъ успѣхи, сдѣланные около этого времени арабами: 1) О пользѣ и важности науки. 2) О здоровьи и лѣкарствахъ. 3) Законы физики. 4) Объ астрономическихъ наблюденїяхъ. 5) Математическія теоремы. 6) Объ арабскомъ языкѣ и его особенностяхъ. 7) О происхожденїи души и о воскресенїи тѣла. 8) Указанїе параллельныхъ линїй на шарѣ. 9) Сокращенїе Евклида. 10) О конечномъ и безконечномъ. 11) О физикѣ и метафизикѣ. 12) Энциклопедїя человѣческаго знанія, въ 20 томахъ, и т. д., и т. д. Читанїя такого каталога достаточно, чтобы возбудить наше вниманіе, въ особенности, если мы примемъ въ расчетъ современное состояніе Европы.

Отыскиваніе жизненнаго элексира оказало сильное вліянїе на арабскую экспериментальную науку, подтверждая справедливость медицинскаго примѣненія ея. Въ основанїи этого примѣненія положенъ былъ принципъ о возможности излеченія болѣзней человѣческаго тѣла чисто матеріальными сред-

Бехиль открылъ фосфоръ.

Геологическіе взгляды Авиценны.

Въ его сочиненїяхъ выражается прогрессъ того времени.

Вліянїе, производимое на практическую медицину отыскиванїемъ элексира.

ствами. По мѣрѣ развитія науки, она постепенно освобождалась отъ своего фетишизма, духовное становилось на задній планъ, а матеріальное все болѣе и болѣе смѣло выступало впередъ. Впрочемъ, не безъ большого затрудненія пролагался путь для великаго ученія— что въліяніе веществъ на строеніе человѣка чисто матеріальнаго свойства и не находится въ зависимости отъ какого-либо духа, обитающаго въ тѣлѣ или оживляющаго его; что нѣтъ никакой пользы въ произнесеніи заклинаній надъ лѣкарствами или молитвъ надъ сосудами, въ которыхъ приготовляются эти лѣкарства, такъ какъ дѣйствіе получится одно и то же, будетъ ли это сдѣлано или нѣтъ; что нѣтъ никакой пользы въ амулетахъ, а также въ чарахъ, и что хотя всѣ эти предметы могутъ возбуждать воображеніе невѣжественныхъ людей, они не достойны вниманія философа.

Это послѣднее чувство привело къ умственному столкновению между Африкою и Европою. Сарацинскіе и еврейскіе врачи сдѣлались совершенными матеріалистами. Во всемъ христіанскомъ мірѣ медицинская практика отличалась сверхъестественнымъ характеромъ. Она находилась въ рукахъ духовенства, и всякаго рода исцѣленія доставляли духовнымъ лицамъ источникъ громаднхъ выгодъ. На слѣдующихъ страницахъ я опишу обстоятельства столкновения, происходившаго между матеріалистическою философіею, съ одной стороны, и сверхъестественнымъ колдовствомъ—съ другой, и покажу, какъ арабская система одержала верхъ и какъ изъ этой побѣды возникла промышленная жизнь Европы. Византійская политика, проводимая въ Константинополѣ и Александріи, была въ конецъ разрушена, къ счастью для вселенной. На этихъ же будущихъ страницахъ я дамъ и описаніе громаднхъ успѣховъ, достигнутыхъ арабами въ самый расцвѣтъ ихъ вѣка разума. Въ то время, когда Европа по своему просвѣщенію едва могла равняться съ теперешнею землею каффровъ, сарацины разрабатывали и даже создавали науку. Успѣхи, достигнутые ими въ области философіи, математики, астрономіи, химіи и медицины, оказались болѣе выдающимися, болѣе продолжительными и, слѣдовательно, болѣе значительными, чѣмъ ихъ военныя дѣйствія.

ГЛАВА XIV.

ВѢКЪ ВѢРЫ НА ЗАПАДѢ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ПОКЛОНЕНІЕ ИКОНАМЪ И МОНАХИ.

Происхожденіе поклоненія иконамъ.—Дѣйствіе, оказанное на поклоненіе иконамъ сарацинскими войнами въ Азіи и Африкѣ.—Возникновеніе иконоборства.

Императоры воспрещаютъ поклоненіе иконамъ.—Монахи защищаютъ его.—Побѣда послѣднихъ.

Поклоненіе иконамъ на западѣ поддерживается папами.—Споръ между императоромъ и папою.—Папа, въ союзѣ съ монахами, встаетъ и соединяется съ франками.

Монахи.—Исторія возникновенія и развитія монашеской жизни.—Пустытники и монахи общежитій (сенобиты).—Распространеніе монашества изъ Египта въ Европѣ. Монашескія чудеса и легенды.—Гуманизация монашескихъ учрежденій.—Они материализируютъ религію и налагаютъ на Европу отпечатокъ своихъ идей.

Арабское въліяніе, соединившись съ философіею, привело не къ однимъ только военнымъ результатамъ. Къ потерѣ Африки и Азіи присоединились теперь волненія въ самой Европѣ, закончившіяся разложеніемъ христіанства на двѣ формы, греческую и латинскую, и тремя крупными политическими событиями: освобожденіемъ папы изъ-подъ власти константинопольскихъ императоровъ, узурпаціею власти во Франціи новою династіею и возстановленіемъ римской имперіи на западѣ.

Къ этимъ важнымъ событіямъ привелъ споръ относительно поклоненія иконамъ. Ближайшими причинами спора были дѣйствія магометанскихъ калифовъ и иконоборческихъ императоровъ.

Трудно представить себѣ болѣе плачевное состояніе, чѣмъ то, въ какое попала южная Европа, почувствовавъ впервые умственное въліяніе арабовъ. Ея древнія греческія и латинскія населенія совершенно исчезли; выступившія на смѣну имъ смѣшанныя племена были погружены въ фетишизмъ. Религіозная жизнь состояла изъ соблюденія нѣкоторыхъ вышнихъ обрядовъ. Міръ былъ наполненъ разнаго рода чудесами, производимыми воображаемыми реликвіями. Старыя языческія понятія, очевидно, не вымерли, и выродившееся населеніе охотно воспринимало религіозныя представленія своихъ великихъ предшественниковъ. Древнѣйшіе христіане предполагали, что живопись и скульптура были воспрещены священнымъ Писаніемъ, что это вредныя искусства, и хотя на второмъ никейскомъ соборѣ было заявлено, что употребленіе иконъ всегда допускалось церковью, но существовало много фактовъ, доказывавшихъ, что поклоненіе имъ началось только съ четвертаго вѣка, когда, по случаю появленія его въ Испаніи, со-

боръ въ Иллибернѣ воспретилъ поклоняться иконамъ. Въ теченіе пятого столѣтія употребленіе изображеній въ церкви усилилось, а въ шестомъ стало повсюду господствовать. Простой народъ, который, въ силу своего неразвита, не въ состояніи былъ понять таинства религіи, находилъ удовлетвореніе своимъ религіознымъ потребностямъ, обращаясь къ иконамъ. Народъ вѣрилъ, что святой присутствуетъ въ дѣйствительности въ своемъ изображеніи, хотя сотни такого рода изображеній существовали повсюду.

Разнаго рода священные предметы христіанства замѣнили собою амулеты и чары древнихъ временъ; они могли изгонять злыхъ духовъ, и даже самого сатану. Послѣдній былъ низведенъ съ того пьедестала, на который онъ былъ поставленъ восточными представлениями, и обратился въ глупое, злое существо, боявшееся не только деревянной формы креста, но даже знака креста, сдѣланнаго пальцами въ воздухъ. Векоръ вмѣсто простого креста введено было распятіе, на которомъ изображенъ былъ умирающій Искупитель, а затѣмъ введены были въ церкви изображенія Богоматери, апостоловъ, святыхъ и мучениковъ. Болѣе развитые люди относились къ этимъ изображеніямъ какъ къ пособію при отправленіи религіозныхъ обязанностей и считали, что для народа, не умѣвшаго читать, они полезны въ томъ отношеніи, что напоминаютъ ему священные событія. Но простой народъ, монахи и женщины приписывали имъ чудодѣйственную силу; у нѣкоторыхъ изображеній раны истекали кровью, у другихъ глаза были одарены способностью двигаться, у третьихъ члены тѣла могли подниматься и опускаться. Въ древнія времена статуи Минервы могли махать копыями, а статуи Венеры—плакать.

Въ дѣйствительности населеніе греческихъ и латинскихъ странъ обратилось въ христіанство лишь номинально, поверхностно. Старыя традиціи и обычаи не были забыты ими. Склонность къ язычеству казалась необходимымъ спутникомъ климата этихъ странъ. Приверженцы духовенства не безъ основанія утверждали, что поклоненія изображеніямъ требовалъ народъ и что церковь была только вынуждена допустить идеи, искоренить которыя она была не въ силахъ. Оказалось, что, послѣ семисотъ лѣтъ проповѣдничества, народы Греціи и Италіи очутились въ прежнемъ состояніи, точно никакой перемѣны въ нихъ не произошло; новые пришельцы пошли по стопамъ своихъ предшественниковъ. Часто говорилось, что возстановленіе поклоненія изображеніямъ произошло вслѣдствіе уничтоженія цивилизаціи сѣверными варварами. Но это неправда. У германскихъ народностей не замѣчается наклонностей къ идолопоклонству. Въ своихъ собственныхъ странахъ они не поощряли его и очень быстро отвергли. Виною случившагося измѣненія были не они, а народы Средиземнаго моря.

Этихъ варваровъ нельзя винить за такъ называемое разрушеніе цивилизаціи въ Италіи. Римская раса преждевременно вымерла; она пришла къ безвременному концу.

вслѣдствіе своей распущенной, бурной жизни. Ея цивилизація заглохла бы несомнѣнно даже въ томъ случаѣ, если бы никакихъ варваровъ не было на свѣтѣ; и если вторгнувшіяся въ Европу племена и произвели вначалѣ разрушительное дѣйствіе, то они дали за то и вознагражденіе. Когда свѣжій уголь подбавляется къ потухающему огню, можетъ произойти временное потуханіе пламени, такъ что намъ можетъ показаться, что огонь грозитъ погаснуть; но въ должное время, при отсутствіи другихъ препятствій, новый матеріалъ загорится и вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Европейскіе дикари, заброшенные въ потухающіе очаги греческаго и римскаго свѣта, быть можетъ, уменьшили на нѣкоторое время общую теплоту, но мало по малу огонь распространился въ ихъ массѣ, и въ результатъ получилось яркое пламя современной цивилизаціи. Пусть тѣ, кто оплакиваетъ вторженіе этихъ лицъ въ классическія страны, обсудятъ результаты, къ которымъ должно было обязательно привести данное положеніе дѣлъ: безъ нихъ послѣднія некра цивилизаціи потухла бы и осталась бы одна только зола.

Три причины породили иконоборство, или возстаніе противъ поклоненія изображеніямъ: 1) указанія и насмѣшки магометанъ; 2) здравый смыслъ великаго государя Льва Исаврійскаго, который, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, вышелъ изъ ничтожества и сдѣлался основателемъ новой династіи въ Константинополѣ; 3) доказанная неспособность этихъ изображеній защитить своихъ приверженцевъ или самихъ себя противъ невѣрующаго врага. Кромѣ того, среди интеллигентныхъ классовъ общества мало по малу появилось убѣжденіе, что религія должна быть очищена отъ такихъ суевѣрій. Политика Льва въ этомъ отношеніи привела къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ, что нѣкоторые увѣряли, будто въ его царствованіе сдѣлана была попытка поставить теологію въ зависимость отъ политики, и слѣдовательно, относили къ этому времени основаніе византійской имперіи, какъ я уже имѣлъ случай говорить раньше. Въ теченіе ста двадцати лѣтъ шесть императоровъ посвящали свои силы этой реформѣ. Но она была преждевременна. Они были побуждены черной и монахами, римскими епископами и суевѣрною и злою женщиною.

Любимымъ аргументомъ противъ язычниковъ было то, какъ мало могутъ сдѣлать ихъ боги въ случаѣ бѣдствій, когда ихъ статуи и изображенія подвергаются оскорбленіямъ и разрушенію, и, слѣдовательно, какъ нецѣлесообразно поклоненіе этимъ богамъ, какъ нелѣпы сами эти понятія о богахъ. Когда Африка и Азія пали передъ напоромъ магометанъ, побѣдители стали разсуждать съ той же точки зрѣнія, стараясь поколебать религіозныя понятія побѣжденныхъ.

Говорятъ обыкновенно, что непосредственнымъ своимъ происхожденіемъ иконоборство обязано было калифу Іезеду, довершившему разрушеніе сирійскихъ изображеній, и двумъ евреямъ, побудившимъ Льва Исаврійскаго приняться за это дѣло. Какъ бы то ни было, но Левъ издалъ въ 726 г. указъ, воспрещавшій поклоненіе иконамъ. За этимъ послѣд-
Императоръ воспрещаетъ поклоненіе изображеніямъ.

валъ другой указъ, предписывавшій ихъ разрушеніе и побѣлку церковей, украшенныхъ ими. Духовенство и монахи возстали противъ этого; императора стали громогласно называть магометаниномъ и евреемъ. Онъ повелѣлъ удалить изъ части города, называемой Халкопратіей, статую Спасителя, въ результатъ чего произошло возстаніе. Одинъ изъ его офицеровъ взлѣзъ на лѣстницу и ударилъ статую. Толпа женщинъ вмѣшалась, возмущаясь поступкомъ офицера; народъ опрокинулъ лѣстницу и убилъ офицера; возмущеніе не прекращалось, пока на помощь правительству не яви-

Монахи поддерживаютъ его.

лись войска и не произвели большого кровопролитія. Монахи распространили возмущеніе во всѣхъ частяхъ имперіи и сдѣлали даже попытку провозгласить новаго императора. Льва называли повсюду магометаниномъ, врагомъ Божьей Матери, но онъ съ неумолимою рѣшительностью упорствовалъ въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ въ теченіе всей своей жизни.

Его сынъ и преемникъ, Константинъ, продолжалъ слѣдовать той же иконоборческой политикѣ. Благодаря тому обстоятельству, что онъ случайно запачкалъ купель во время своего крещенія, ему дали имя Копронимъ. По словамъ монаховъ, его послѣдующая жизнь

Они обвиняютъ императора въ атеизмѣ. соотвѣтствовала вполне святотатственному началу. Было

открыто заявлено, что онъ атеистъ. И, въ самомъ дѣлѣ, его біографія доказываетъ во многихъ отношеніяхъ, что высшіе классы Константинополя были заражены невѣріемъ. Патріархъ показалъ подъ присягою, что Копронимъ дѣлалъ ему на исповѣди самыя нерелигіозныя признанія, говорилъ, будто нашъ Спаситель вовсе не Богъ, а простой человѣкъ, рожденный самымъ обыкновеннымъ образомъ. Справедливость подобныхъ заявленій доказывается, быть можетъ, ужаснымъ мщеніемъ, которому императоръ подвергнулъ патріарха за его нескромныя разоблаченія. Его схватили, выкололи ему глаза, провели по всему городу верхомъ на ослѣ, спиною къ хвосту, а затѣмъ, какъ бы для того, чтобы показать свое глубокое презрѣніе ко всякаго рода религіи, императоръ съ злорадствомъ назначилъ его вновь на прежнюю должность.

Если таково было религіозное направленіе императора, то религіозное направленіе высшаго духовенства было не лучше. Въ 754 г. Константинъ созвалъ въ Константинополѣ соборъ, на которомъ присутствовало 388 епископовъ. Онъ при- Константинопольскій соборъ воспрещаетъ поклоненіе иконамъ. своилъ себѣ названіе седьмого вселенскаго собора и постановилъ единогласно, что всѣ видимые символы Христа, за исключеніемъ евхаристіи, святотатственны и еретичны, что поклоненіе иконамъ составляетъ извращеніе христіанства и новую форму язычества, и повелѣлъ уничтожить всѣ статуи и картины въ церквахъ, лишиая званія всѣхъ духовныхъ и отлучая всѣхъ свѣтскихъ, которые будутъ уличены въ томъ, что они вновь поставили иконы на мѣсто. Соборъ закончилъ свои дѣйствія молитвами за императора, уничтожившаго идолопоклонство и водворившаго миръ въ церкви.

Но это рѣшеніе было принято далеко не спокойно. Монахи Возстаніе монаховъ. возстали; одинъ изъ нихъ въ церкви св. Мамма оскор-

билъ въ лицо императора, назвавъ его вторымъ вѣроотступникомъ Юліаномъ. Ничего не могъ подѣлать съ нимъ императоръ, какъ онъ ни бичевалъ ихъ, ни вѣшалъ, ни топилъ. Въ своемъ гнѣвѣ Копронимъ, понявшій, наконецъ, что вопросъ тутъ идетъ о борьбѣ между правительствомъ, съ одной стороны, и монахами— съ другой, рѣшилъ искоренить зло, уничтоживши самый корень его, разрушивши монашество. Онъ заставилъ свѣтскихъ людей покинуть свои кельи и монастыри, заставилъ дѣвственницъ, посвятившихъ себя Богу, выйти замужъ, отдалъ зданія монастырей для свѣтскихъ цѣлей, сжегъ изображенія, статуи и всякаго рода реликвіи, лишилъ патріарха его сана, бичевалъ его, обрилъ ему брови, выставилъ его на посмѣяніе въ циркѣ въ рубахѣ безъ рукавовъ и затѣмъ обезглавилъ. На его мѣсто онъ велѣлъ посвятить внука. Несомнѣнно, что эти возмутительныя жестокости утвердили римскихъ епископовъ въ ихъ намѣреніи искать себѣ защитника отъ властелина въ лицѣ какого-либо изъ варварскихъ царей запада.

Константину Копрониму наследовалъ его сынъ, Левъ Хозарскій, который въ теченіе своего короткаго пятилѣтняго Возстаненіе царствованія продолжалъ иконоборческую политику. По его смерти жена его, Ирина, стала во главѣ правленія, какъ бы отъ лица своего сына. Она рѣшила возстановить почитаніе иконъ, заставила патріарха отказаться отъ своей должности, назначила на его мѣсто одного изъ своихъ приближенныхъ, Тарасія, и созвала новый соборъ. На этомъ второмъ никейскомъ соборѣ константинопольскій былъ названъ соборомъ безумцевъ и атеистовъ, а поклоненіе иконамъ объявлено согласнымъ съ св. Писаніемъ и съ обычаями и преданіями церкви.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Ирина, отказавшись передать сыну принадлежавшую ему по праву власть, велѣла его схватить и выколоть ему глаза въ той же порфировой комнатѣ, въ которой она его родила. Константинополь, издавна привыкшій къ ужаснымъ злодѣйствамъ, пришелъ, тѣмъ не менѣе, въ ужасъ отъ этого неестественнаго преступленія.

Во время послѣдующихъ царствованій, вплоть до воцаренія Льва Армянина, дѣла оставались безъ переменъ. Онъ Иконоборческая политика послѣдующихъ императоровъ. воспретилъ указомъ поклоненіе иконамъ и изгналъ константинопольскаго патріарха, убѣждавшаго его, что апостолы дѣлали изображенія Спасителя и Божьей Матери и что въ Римѣ находилась картина Преображенія, написанная по приказу св. Петра. Послѣ убійства Льва, его преемникъ, Михаилъ, не покровительствовалъ ни той, ни другой партіи. Говорятъ, что онъ позволялъ себѣ богохульственные шутки, не вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ, въ существованіе дьявола, относился съ глубокимъ равнодушіемъ къ тому, поклоняются ли иконамъ или нѣтъ, и приказывалъ патріархамъ оставлять въ забвеніи декреты какъ никейскаго, такъ и константинопольскаго соборовъ. Его сынъ и преемникъ не обнаруживалъ, впрочемъ, такого безпристрастія. Сарацинскіе

вкусы, выказанные имъ при постройкѣ дворца, напоминавшаго дворецъ калифа,—любовь къ поэзи, проявившаяся у него въ станцахъ, которыя онъ сочинилъ противъ своихъ враговъ, поклонявшихся иконамъ, музыкальныя и вокальныя произведенія и распѣваніе ихъ въ качествѣ любителя въ хорѣ, механическія знанія, обнаруженныя имъ, разнаго рода гидравлическія сооружеія, постройка музыкальныхъ инструментовъ, органовъ, автоматическихъ поющихъ птицъ, сидящихъ на золотыхъ деревьяхъ,—онъ соединилъ съ ненавистью къ монахамъ и съ рѣшительною наклонностью къ иконоборству. Въмѣсто того, чтобы просто побѣлить стѣны церквей, онъ украшалъ ихъ изображеніями птицъ и звѣрей. Иконоборство обратилось теперь въ борьбу между императорами и монахами.

Послѣ смерти Теофила поклоненіе иконамъ восторжествовало, и восторжествовало вновь совершенно такъ же, какъ и прежде. Вдова его, Теодора, испугавшись за безопасность своей души и души своего мужа, купила ему разрѣшеніе отъ грѣховъ цѣною возстановленія поклоненія иконамъ.

Таковъ былъ исходъ иконоборства на востокѣ. Монахи оказались сильнѣе императоровъ, и послѣ 120-лѣтней борьбы иконы были окончательно возстановлены. На западѣ борьба эта привела къ гораздо болѣе важнымъ послѣдствіямъ.

Италія была глубоко предана поклоненію иконамъ. Когда первый указъ Льва былъ обнародованъ экзархомъ, онъ вызвалъ возстаніе, которымъ папа Григорій II воспользовался, чтобы прекратить платежъ дани со стороны Италіи. Въ письмахъ своихъ къ императору онъ защищалъ народное повѣріе, заявляя, что первые христіане также рисовали изображенія Спасителя, его брата Іоанна, Стефана и другихъ мучениковъ, и посылали ихъ по всему свѣту; если Богъ Отецъ не изображался, то только потому, что наружность Его была неизвѣстна. Въ этихъ письмахъ выказывается самое дерзкое предположеніе о невѣжествѣ императора относительно событій священнаго Писанія, и въ то же время возбуждается сомнѣніе въ основательномъ знакомствѣ самого папы съ священными книгами. Онъ указываетъ на различіе, существующее между статуями древности, которыя являются лишь олицетвореніями фантастическихъ представлений, и изображеніями Христа въ церквахъ, которыя многочисленными чудесами доказали, что они въ дѣйствительности производятъ наружность нашего Спасителя, его Матери и его святыхъ. Относительно же статуи св. Петра, которую императоръ повелѣлъ разбить на куски, папа заявилъ, что западные народы почитаютъ этого апостола, какъ земного бога, и пригрозилъ мщеніемъ набожныхъ варваровъ, если статуя эта будетъ разрушена. Въ этой защитѣ иконъ Григорію оказалъ много помощи сиріецъ Іоаннъ Дамаскинъ, который видѣлъ, съ какимъ гнѣвомъ калифы обрушивались противъ изображеній въ его собственной странѣ и рука котораго, отрѣзанная этими тиранами, была чудотворнымъ

Окончательное возстановленіе поклоненія иконамъ императоромъ Теодорою.

Поклоненіе иконамъ на западѣ.

Поддерживается папою

образомъ излѣчена волею иконы Божьей Матери, къ которой онъ обращался съ молитвою.

Но Григорій не остался одинокимъ въ своей политикѣ, а Іоаннъ Дамаскинъ въ своихъ спорахъ. Король лонгобардскій и лонгобард-Луитпрандъ также понялъ, какъ выгодно для него выступать въ качествѣ защитника иконъ и взывать къ итальянцамъ, чтобы заставить ихъ, пользы своей ради, изгнать грековъ изъ страны. Папа дѣйствовалъ на томъ основаніи, что ересь государя оправдываетъ отказъ отъ подданства, а лонгобардъ на томъ—что она оправдываетъ захватъ владѣній провинциальнаго. На основаніи этого Луитпрандъ предпринялъ завоеваніе Равенны. Громадная добыча, составленная изъ сокровищъ, накопленныхъ императорами, готскими королями и экзархами и взятая при штурмѣ этого города, одновременно вознаградила Луитпранда за благочестіе и привлекла на него вниманіе его врага, императора, котораго онъ ограбилъ, и его союзника, папы, котораго онъ въ этомъ отношеніи опередилъ.

Таково было положеніе дѣлъ. Если бы лонгобардамъ, которые были арианами, слѣдовательно, еретиками, удалось распространить свою власть на всю Италію, то вліяніе и въ это время. благоденствіе папства сразу бы рушились. Дѣятельность папъ по вопросу объ изображеніяхъ была чисто эфемернаго и обманчиваго свойства, потому что всѣ сѣверныя націи предпочитали простое поклоненіе первобытныхъ временъ и не выказывали никогда особенной привязанности къ поклоненію формамъ. Если бы, съ другой стороны, папы продолжали подчиняться Константинополю, они должны были бы также нести отвѣтственность за ужасное преслѣдованіе, которому тираническіе властелины подвергали патриарховъ этого города. А между тѣмъ разрывъ связи ихъ съ Константинополемъ не лишалъ ихъ въ дѣйствительности никакихъ особенныхъ преимуществъ, такъ какъ императоръ былъ слишкомъ слабъ, чтобы оказать имъ покровительство противъ нападений лонгобардовъ.

Благодаря преобладанію сарацинъ на Средиземномъ морѣ, отправленіе изъ Константинополя вспомогательныхъ отрядовъ сопровождалось большими затрудненіями. За на-Сарацины вла-Средиземномъ морѣ. логи, уплачиваемые государю, не получалось въ дѣйствительности никакого эквивалента; и Римъ, доведенный до полнаго униженія, былъ вынужденъ подчиниться покорно, точно маленькой провинціальной городѣ, приказамъ восточнаго двора. Кроме того, въ глазахъ ихъ императоръ казался еретикомъ въ виду его иконоборческой политики. Но если союзъ съ лонгобардами и подчиненіе грекамъ были въ равной степени неприятны, то существовалъ еще третій исходъ. Одинъ майордомъ франк-Принципы союза между франками и папами. скихъ королей успѣшно велъ войну противъ испанскихъ арабовъ и одержалъ большую побѣду при Турѣ. Если франки, подъ вліяніемъ своего климата и генія своей расы, не были склонны поощрять поклоненіе изображеніямъ, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они были ортодоксами, такъ какъ обратили-то ихъ въ хри-

стианство католическіе миссіонеры; короли ихъ были по большей части лишены какого бы то ни было значенія, но Карлъ Мартель выказывалъ большія военныя способности и былъ, кромѣ того, весьма честолюбивымъ человѣкомъ. Въ священномъ Писаніи существовали данныя, на основаніи которыхъ можно было оправдывать возвышеніе подчиненнаго въ званіе государя; пророки израильскіе посвящали, вѣдь, царей на царство помазаніемъ. И если бы мечъ Франціи былъ мирно вынутъ изъ царственной руки, слишкомъ слабой, чтобы держать его, и переданъ герою, доказавшему, что онъ можетъ быть по временамъ страшенъ, и если бы это могло быть сдѣлано властью папы, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ въ качествѣ представителя Бога, какая большая выгода получилась бы отсюда для папства! Тысячелѣтія было бы недостаточно для того, чтобъ отдѣлить монархію Франціи отъ теократіи Италіи.

Сопrotивленіе, вызванное императорскимъ указомъ, повелѣвшимъ разрушеніе изображеній, опредѣлило дальнѣйшій ходъ событій. Папа возмутился, императоръ сдѣлалъ попытку схватить его и умертвить. Страхъ передъ тѣмъ, что папа будетъ увезенъ въ Константинополь, и опасенія, что императоръ разрушитъ изображенія въ церквахъ, соединили всю Италію въ одномъ общемъ чувствѣ. Въ Римѣ былъ созванъ соборъ, который предалъ проклятію иконоборцевъ. Тогда императоръ, въ видѣ мести, конфисковалъ сицилійскія и другія владѣнія церкви. Императору былъ брошенъ вызовъ. Флотъ, отправленный имъ для поддержки экзарха, погибъ во время бури. Это положило конецъ вліянію Константинополя въ Италіи, но сейчасъ же наступила неминуемая опасность, что папа вынужденъ будетъ признать верховенство лонгобардовъ. Въ своемъ отчаяніи Григорій обратился къ Карлу Мартелу. Онъ отправилъ ему ключи гробницы св. Петра и попросилъ помощи. Жребій былъ брошенъ. Папскій Римъ возмутился противъ своего государя и вступилъ въ неразрывный союзъ съ варварскими королевствами. Новая династія дана была Франціи, папа получилъ свѣтскую власть, а западная Европа—фиктивную Римскую имперію.

Итакъ, монахи одержали верхъ надъ иконоборческими императорами,—результатъ, доказавшій, какою громадною властью пользовались они уже въ государствѣ. Для того, чтобы понять великія событія, къ которымъ они имѣли соприкосновеніе, необходимо описать происхожденіе монаховъ и ихъ исторію.

Во время иконоборческой борьбы на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на представителей простого народа, въ отличіе отъ духовенства; и, въ самомъ дѣлѣ, они часто представляютъ собою чернь, со всѣми ея инстинктами суевѣрія и фанатизма.

Имъ суждено было наложить свой отпечатокъ на практическую жизнь Европы,—смѣсь христіанства съ язычествомъ, порожденную политическими событіями Италіи и Греціи. Но, принимая, такимъ образомъ, участіе въ общемъ ходѣ

событій, они выказывали во всей силѣ законъ постояннаго измѣненія въ мнѣніяхъ и обычаяхъ, которому должны подчиняться всѣ общества людей, существующія продолжительное время. Отличаясь вначалѣ суевѣріемъ и грубостью, они переходятъ, наконецъ, къ роскоши, утонченности и учености. Исторія ихъ весьма поучительна.

Съ самыхъ раннихъ временъ существовали въ Индіи ревнители религіи, которые, руководясь желаніемъ избавиться отъ искушеній общества и подготовиться къ другой жизни, удалялись въ уединенныя мѣста. Таковы были іессеяне среди евреевъ и терапевты въ Египтѣ. Плиній говоритъ о безукоризненной жизни первыхъ: «они были сотоварищами палымъ», и не скрываетъ своего удивленія передъ безсмертнымъ обществомъ, въ которомъ никто не рождается. Примѣръ ихъ не прошелъ безслѣдно для болѣе набожныхъ христіанъ, въ особенности послѣ того, какъ вліяніе магіанизма дало себя чувствовать. Хотя говоритъ обыкновенно, что первыми изъ этихъ пустынниковъ были Антоній и Павелъ, но несомнѣнно только одно: что они своею духовною святостью отличались среди своихъ предшественниковъ и современниковъ. Обычай удаляться отъ міра проявился впервые среди христіанъ во второмъ или третьемъ вѣкѣ, но вскорѣ затѣмъ сдѣлался всеобщимъ. Иларіонъ жилъ около 328 г., Василій—около 360 г. Считаая молитву единственнымъ занятіемъ, которому люди могутъ съ пользою предаваться, они обращали на тѣло лишь столько вниманія, сколько было абсолютно необходимо для удовлетворенія его естественныхъ потребностей. Немного сухого хлѣба или фруктовъ для пищи, немного воды для питья было достаточно для поддержанія ихъ существованія; иногда къ этому присоединялось еще немного соли, но употребленіе теплой воды считалось уже излишнею роскошью. Побудительныя причины нѣкоторыхъ изъ ихъ правилъ къ жизни могли бы вызвать улыбку, если бы можно было смѣяться надъ дѣйствіями серьезныхъ людей. Нѣкоторые, какъ, напр., невинные іессеяне, ничего не дѣлавшіе въ субботу, держали постъ и наканунѣ этого дня, воздерживаясь отъ пищи и питья, чтобъ умертвить свою плоть и не дать ей внести себя въ грѣхъ на другой день. Нѣкоторые считали пассивныя мѣры воздержанія недостаточными для того, чтобъ удерживаться отъ грѣха или принудить тѣло къ покорности, хотя голоданіе составляетъ антитезу желанія; они присоединяли къ воздержанію и болѣе дѣйствительныя средства періодическихъ бичеваній и тѣлесныхъ истязаній.

Нѣкоторые изъ восточныхъ сектъ вѣрятъ, что верховное существо занято постоянно созерцаніемъ самого себя, и считаютъ поэтому, что чѣмъ больше человѣкъ приближается къ состоянію полнаго бездѣйствія, тѣмъ больше походить онъ на Бога. Подъ вліяніемъ такого рода идей, въ V вѣкѣ св. Симеонъ Столпникъ, котораго въ юности нѣсколько разъ спасали отъ самоубійства, построилъ себѣ столбъ вышиною въ шестьдесятъ футовъ и величиною въ одинъ квадратный

Возстаніе папы
противъ импе-
ратора.

Ихъ первоначальное положе-
женіе.

Послѣдующее
улучшеніе ихъ.

Первые пустын-
ники.

Глубокое созер-
цаніе Бога.

Воздушныя му-
шкетки.

футъ наверху и взомель на него, освобождаясь, насколько было возможно, отъ всякихъ земныхъ узъ и приближаясь къ небу. На этомъ возвышеніи, къ которому онъ былъ прикрѣпленъ цѣпью, онъ проведетъ, если только можно принять на вѣру эту невѣроятную исторію, тридцать лѣтъ, претерпѣвая лѣтніе лучи солнца и зимніе морозы. Проходящіе еще издали впадали въ благоговѣйное настроеніе, глядя на неподвижную фигуру святого человѣка, который или простиралъ къ верху руки, сложивъ ихъ на подобіе креста,—его любимая поза во время молитвы,—или выражалъ свою благодарность небу за испытанныя имъ благодѣянія, быстро ударяя лбомъ по своимъ колѣнямъ. Историки разсказываютъ, что одинъ любопытный зритель насчиталъ тысячу двѣсти сорокъ четыре такихъ поклоновъ, и затѣмъ отъ усталости пересталъ считать, хотя зрѣлище это все еще продолжалось. Этотъ «святѣйшій воздушный мученикъ», какъ его называлъ Евагрій, получилъ, наконецъ, свою награду, и на горѣ Телениссѣ торжественно шла громадная процессія, провожая въ могилу его бранные останки.

Но большею частью пустынники предпочитали не выставляться на показъ, подобно этимъ «святымъ птицамъ», какъ ихъ называли свѣтскіе люди, и, удаляясь въ какую-нибудь пещеру въ пустынь, предавались покаянію и молитвѣ. Люди, возвысившіеся, такимъ образомъ, надъ требованіями плоти, подавившіе ихъ, ^{Монахи настаиваютъ на безбрачій.} должны были съ крайнею нетерпимостью относиться къ ея прихотямъ. Изъ ихъ принциповъ вытекали грѣховность брачныхъ отношений и превосходство цѣломудрія. На такого рода заявленія возражали обыкновенно тѣмъ, что, въ случаѣ принятія ихъ всѣми, человѣчскій родъ уничтожится и не останется ни одного человѣка, чтобы воздавать хвалы Богу; но ревнители, вспоминая испытанныя ими самими искушенія, отвѣчали на это вполне справедливо, что на свѣтѣ будетъ всегда довольно грѣшниковъ, чтобы избѣгать этого несчастья, и что изъ ихъ дурныхъ начинаній могутъ возникнуть добрыя дѣла. Св. Иеронимъ прибавляетъ при этомъ, что если путемъ браковъ наполняется земля, то путемъ дѣвственности наполняется небо.

Биографіи этихъ пустынниковъ, составлявшія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ источникъ утѣшенія для правовѣрныхъ въ ихъ искушеніяхъ, представляютъ историческое значеніе, хотя и изобилуютъ описаніями сверхъестественныхъ событій и даютъ начало демонологіи среднихъ вѣковъ. Весь міръ представлялся ареною демоническихъ приключеній и разнаго рода чудесъ. Это вовсе не произведенія фантазіи, а дѣйствительныя событія, которыя ^{Причины галлюцинацій.} могутъ повторяться во всякое данное время, при соответствующихъ обстоятельствахъ. Въ мозгу человѣка накапливаются слѣды всего, что онъ видѣлъ или слышалъ или что было обнаружено ему другими его внѣшними чувствами, даже слѣды его прежнихъ мыслей. Слѣды эти сначала очень живы, но мало по малу сила ихъ ослабѣваетъ, хотя они, по всей вѣроятности, никогда не исчезаютъ вполне. Во время нашего бодрствованія эти слѣды отступаютъ на задній планъ, въ виду новыхъ впечатлѣній, по-

янно получаемыхъ нами отъ окружающихъ насъ вещей, и вслѣдствіе этого не могутъ привлекать къ себѣ вниманіе нашего ума. Но въ періодъ сна, когда внѣшнія вліянія прекращаются, они вновь выступаютъ впередъ, и умъ нашъ вводится въ обманъ и группируетъ ихъ въ фантастическія формы сновъ. Благодаря употребленію опиума и другихъ лѣкарствъ, внѣшнія чувства наши притупляются и перестаютъ воспринимать окружающія явленія, и тогда на сцену являются опять фантастическія видѣнія. Они представляются также и во время горячечнаго бреда, и въ часъ смерти.

Для насъ все равно, какимъ образомъ не притупляется впечатлительность наша къ окружающимъ предметамъ, ^{Сверхъестественная видѣнія.} по-мощью ли лѣкарствъ, или сна, или болѣзни; но какъ только внѣшніе предметы оказываютъ на насъ не болѣе дѣйствіе, чѣмъ тѣ формы, которые уже запечатлѣлись въ нашемъ умѣ, эти формы выступаютъ немедленно на первый планъ, и въ результатѣ получаютъ сны или видѣнія. Нашъ умъ такъ склоненъ заблуждаться, что лишь съ большимъ трудомъ сознаетъ это заблужденіе. Ни одинъ человѣкъ не можетъ долго воздержаться отъ пищи безъ того, чтобы не впасть въ галлюцинаціи, и чѣмъ сильнѣе истощаетъ онъ свой организмъ, чѣмъ больше ослабляетъ свои органы чувствъ, тѣмъ сильнѣе галлюцинація, тѣмъ глубже иллюзіи. Въ его ушахъ можетъ непрестанно раздаваться голосъ, изрекающій шепотомъ зловѣщій приговоръ; передъ его устремленными неподвижно вдаль, какъ бы очарованными, глазами могутъ постоянно появляться какія-либо отвратительныя, чудовищныя формы. Пустыннику, сидящему въ уединеніи своей кельи, будутъ, при неясномъ свѣтѣ лампы, часто представляться дьявольскія видѣнія самаго возмутительнаго вида; ему придется часто вести борьбу съ врагами, съ чудовищами, сатирами, вступать въ торжественные споры съ самимъ сатаною, который появляется то въ образѣ старика, то въ образѣ человѣка, одареннаго громаднымъ умомъ, а иногда въ образѣ женщины чудной красоты. Св. Иеронимъ, которому удалось съ величайшимъ трудомъ одержать верхъ надъ своими плотскими желаніями, разсказываетъ самымъ простодушнымъ образомъ, какому сильному искушенію подвергъ его врагъ въ этомъ послѣднемъ образѣ и какъ старое пламя чуть было не вспыхнуло. Что же касается до дѣйствительности этихъ явленій, то какъ могло пустыннику притти въ голову, что они не болѣе, какъ результатъ естественной работы его мозга? Людямъ никогда не снится, что они видятъ сны.

Полное уединеніе сопровождается всегда страшною тоскою. Одинъ изъ монаховъ первобытныхъ временъ патетически разсказываетъ объ этомъ, говоря, какъ часто онъ выходилъ изъ своей кельи, чтобы посмотреть, скоро ли, наконецъ, сядетъ солнце. Но и такому ужасному уединенію наступаетъ конецъ. Даже убѣгая въ пустыню, мы не можемъ оставаться одни. Будучи отрѣзанъ отъ людскаго общества, человѣкъ самъ создаетъ себѣ общество, создаетъ себѣ товарищей, похожихъ на тотъ ужасный мракъ, который ихъ порождаетъ. Такъ, одинъ изъ пустынниковъ видѣлъ духа блуда, по-

явившагося ему въ образѣ развращеннаго негритенка; множество демоновъ самыхъ ужасныхъ видовъ били его почти до смерти, но храбрый старикъ вызывалъ ихъ до конца на бой и говорилъ имъ, что онъ не желаетъ избѣгать ни одного изъ ихъ ударовъ; ночью они все съ ужающимъ смѣхомъ вторглись въ его келью, въ образѣ львовъ, змѣй, скорпионовъ, ящерицъ, ужей, пантеръ и волковъ, нападая на него каждый на свой ладъ; доведенный до крайности, онъ поднялъ глаза вверхъ: потолокъ раскрылся и онъ увидѣлъ ликъ Спасителя, глядѣвшій на него сверху, озаренный лучами свѣта; потомъ сатана далъ ему очарованное серебряное блюдо, которое исчезло въ дыму, какъ только онъ прикоснулся къ нему; къ нему приходили гигантскіе центавры, а два льва помогли выкопать могилу для Павла.

Изображенія, вызываемыя въ мозгу, были причислены физиологами къ числу явленій вторичнаго или мозгового зрѣнія. Въ другомъ мѣстѣ я далъ подробное описаніе свойствъ этого зрѣнія (*Физиологія человека*, гл. XXI) и, убѣжденный въ томъ, что оно играло въ человѣческихъ дѣлахъ большую роль, чѣмъ обыкновенно

важные результаты мозгового зрѣнія. всехъ частей свѣта, среди самыхъ отвратительныхъ и варварскихъ націй, упорно вѣрять не только въ существованіе одушевляющаго насъ духа, но и въ его безсмертіе. Многие изъ нихъ были далеки отъ всякихъ сношеній съ цивилизованными странами, никогда не получали откровенія и въ умственномъ отношеніи оказывались неспособными находить аргументы для поддержанія этихъ великихъ истинъ. При такихъ обстоятельствахъ трудно предположить, чтобы смутныя преданія, наслѣдіе древнихъ временъ, могли служить для нихъ руководствомъ, потому что преданія скоро исчезаютъ, если они не находятся въ тѣсной связи съ требованиями ежедневной жизни. Можетъ ли быть, съ философской точки зрѣнія, что-нибудь интереснѣе того способа, помощью котораго устранены были эти недостатки, устранены благодаря тому, что организмъ каждаго человѣка былъ снабженъ необходимыми орудіями для напоминанія съ достаточною силою объ этихъ фактахъ, раньше, чѣмъ они успѣютъ совершенно исчезнуть изъ виду? Возьмемъ самаго неразвитаго, нецивилизованнаго дикаря, отрѣзаннаго отъ всякихъ сообщеній съ націями, которыя были поставлены Провидѣніемъ въ болѣе благоприятное положеніе: у него та же организація, что и у насъ, и онъ подчиняется тѣмъ же физиологическимъ случайностямъ, что и мы. Подобно тому, какъ это бываетъ

съ нами, и ему въ его видѣніяхъ представляются смутныя формы пейзажей, связанныхъ, быть можетъ, съ самыми пріятными для него воспоминаніями,—и какое же другое заключеніе можетъ онъ вывести изъ этихъ видѣній, кромѣ того, что они являюся предвѣстниками другой страны, лежащей далеко отъ той, въ которую его забросила судьба? И онъ, какъ и мы, видитъ иногда привидѣнія лицъ, которыхъ онъ любилъ или ненавидѣлъ при ихъ жизни, и такого рода вещи, несмотря на варварское состояніе, въ которомъ онъ находится, внушаютъ ему

Безсмертіе души.

твердое убѣжденіе въ существованіи и безсмертіи души. Даже при самыхъ утонченныхъ социальныхъ условіяхъ, мы не можемъ избавиться отъ впечатлѣнія, производимаго на насъ такого рода явленіями, и постоянно выводимъ изъ нихъ тѣ же заключенія, что и наши нецивилизованные предки. Болѣе возвышенныя условія нашей жизни не освобождаютъ насъ отъ неизбѣжныхъ послѣдствій нашей собственной организаціи, равно какъ они не освобождаютъ насъ отъ страданій и болѣзней. Въ этомъ отношеніи все, обитающее земной шаръ, поставлены въ равныя условія. Въ какомъ бы мы ни были состояніи, въ дикомъ или цивилизованномъ, но внутри насъ находится всегда механизмъ, обязанный напоминать намъ самые торжественные факты, съ которыми мы приходили въ соприкосновеніе, и исторія гласитъ, что этотъ механизмъ никогда не измѣнялъ своему назначенію. Для того, чтобы высказаться во всей силѣ, ему необходимы минуты покоя или болѣзни организма, когда влияніе вѣбшихъ предметовъ ослабѣваетъ, — это именно тотъ моментъ, когда мы наилучше подготовлены для воспріятія истинъ, внушаемыхъ имъ. Такой механизмъ вполне соответствуетъ теченію природы и носитъ на себѣ отпечатокъ неизмѣнимости дѣйствій. Онъ не обращаетъ вниманія на лица. Онъ не оставляетъ безъ своихъ внушеній и самаго высокаго человѣка, и въ то же время не лишаетъ и самаго смиреннаго утѣшенія—увѣренности въ существованіи другой жизни. Не идущій ни на какіе компромиссы, не поддающійся никакимъ смягченіямъ или сокращеніямъ со стороны заинтересованныхъ или злонамѣренныхъ лицъ, не требующій для своего дѣйствія никакихъ цѣлей со стороны человѣческой воли, но всегда сопутствующій всякому человѣку, куда бы онъ ни шелъ, механизмъ этотъ чудеснымъ образомъ извлекаетъ изъ слѣдовъ прошлыхъ впечатлѣній убѣдительныя доказательства въ дѣйствительности будущаго, и, черпая новыя силы изъ того, что казалось совершенно неподходящимъ источникомъ, онъ незамѣтно ведетъ насъ, кто бы мы ни были и гдѣ мы бы ни находились, отъ видѣній, готовыхъ разсыпаться въ прахъ, какъ только появляется, къ глубокой вѣрѣ въ безсмертное и безконечное».

Такія-то начала породили монастырскую систему Европы,—ту систему, которая даетъ намъ ученость на мѣсто грубого невежества, великодушную любовь къ человѣчеству ^{Улучшенію монашества.} вмѣсто злобной ненависти къ обществу. Полный аббатъ на статномъ конѣ, съ соколомъ въ рукѣ, врядъ ли покажется намъ потомкомъ по прямой линіи пустынника, доводящаго себя до полнаго истощенія голоданіемъ. Какая глубокая бездна отдѣляетъ монаха третьяго столѣтія отъ монаха тринадцатаго,—пещеры Оиванды отъ величественныхъ монастырей, любовно хранящихъ остатки древняго знанія и надежды современной философіи,—монастырскаго эконома, приводящаго въ рядокъ обильно снабженный погребъ, отъ прежняго хозяйства отшельника, состоящаго изъ кружки холодной воды и куска хлѣба. Тысячелѣтіе обратило голодъ въ роскошь и, увы, если вѣрять проповѣдникамъ ^{Его непероченность.} реформации, обратило чудныя видѣнія въ дѣйствитель-

ныя существа, оказывающія гораздо большее очарованіе, чѣмъ прежнія привидѣнія.

Намъ слѣдуетъ описать здѣсь вкратцѣ послѣдовательныя стадіи развитія монашеской жизни, приведшія къ такому концу. Вокругъ кельи какого-либо отшельника, въ родѣ Антонія, устроившаго себѣ убѣжище на горѣ Кользимѣ, собиралось нѣсколько скромныхъ подражателей, ревнителей его суровой жизни и его благочестія. Подобное же чувство побуждало ихъ соблюдать опредѣленные часы для молитвъ. Необходимость добывать средства для поддержанія существованія вызывала известнаго рода занятія, напр., плетеніе корзинъ или цыновокъ. Такъ сильно у человѣка инстинктивное стремленіе къ ассоціаціи, что даже общины сумасшедшихъ могутъ организоваться. Говорятъ, что Иларіонъ первый устроилъ монастырское общежитіе. Онъ отправился въ пустыню въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ. Такимъ-то образомъ отшельничество положило начало общежитію, и бѣдствія одинокой жизни были устранены. Но все же оставалось не мало суровыхъ анахоретовъ, упорно отказывавшихся присоединиться къ своимъ братьямъ, подобно тому, какъ они отказывались жить въ мірѣ, — и вотъ вокругъ монастыря образовывался цѣлый рядъ одинокихъ келій и появлялась лавра. Въ Египтѣ песчанья пустыни по обѣимъ сторонамъ богатой долины рѣки представляли много удобствъ для такого рода жизни: долина Нитрій была полна монаховъ, такъ какъ климатъ ея былъ мягкій и потребности человѣка легко удовлетворялись. Говорятъ, что одно время въ этой странѣ жило множество такихъ отшельниковъ, не менѣе семидесяти шести тысячъ мужчинъ и двадцати семи тысячъ женщинъ. Какъ только вокругъ какого-либо знаменитаго отшельничества образовывался монастырь, члены его тотчасъ подчинялись правиламъ братства. Пища, которую они поглощали въ глубокомъ молчаніи, состояла изъ хлѣба и воды, масла и немного соли. Связка папируса, служившая монаху сидѣніемъ въ теченіе дня, пока онъ плелъ свои корзины или цыновки, служила ему ночью подушкою. Звукъ рога дважды пробуждал его отъ сна, призывая къ молитвѣ. Жизнь шла по известнымъ, строго опредѣленнымъ правиламъ. Тотъ, кто нарушалъ ихъ, подвергался строгимъ наказаніямъ въ видѣ заключенія, поста, бичеванія, а въ позднѣйшее время и изувѣченія.

Изъ Египта и Сиріи монашество распространилось повсюду, Распространеніе монашества изъ Египта. точно эпидемія. Въ Италіи оно было введено впервые Афанасіемъ, которому помогали нѣкоторые изъ учениковъ Антонія, а Иеронимъ, жившій въ Палестинѣ, прославился тѣмъ, что убѣдилъ множество людей искать уединенія. Подъ вліяніемъ его рѣчей многія изъ знатныхъ дамъ Рима предалися монашеской жизни; насколько это было возможно для нихъ, онѣ удалялись въ разныя тайныя убѣжища около города, или въ развалины храмовъ, и даже въ Форумъ. Нѣкоторые уѣхали въ Святую землю, раздавши все свое имущество на благотворительныя цѣли. Монахъ молча проникалъ въ частную жизнь семей, съ цѣлью добыть себѣ

тайкомъ прозелитовъ. Вскорѣ на Средиземномъ морѣ не оказалось ни одного удлиннаго острова, ни одного пустыннаго берега, ни одной мрачной долины, ни одного лѣса, ни одного вулканическаго кратера, которые не были бы свидѣтелями чудовищнаго эгонизма, обратившагося въ правило жизни. На пустынныхъ берегахъ Чернаго моря существовало множество такихъ отшельниковъ. Ихъ можно было найти въ большомъ количествѣ какъ на холодномъ Танаисѣ, такъ и на жаркомъ Табеннѣ. По суровости личной жизни и по сверхъестественной силѣ западъ не уступалъ ни въ чемъ востоку; подражатели послѣдняго могли съ гордостью указывать ему на Мартина Туркаго, спрашивая, можетъ ли даже Фиваидская пустыня создать что-либо подобное. Уединенный анахоретъ вскорѣ уступилъ мѣсто общежитію-монастырю. Среди богатыхъ вошло въ обычай давать все, что они имѣли, этимъ учрежденіямъ, для спасенія своей души. Теперь незачѣмъ уже было заниматься плетениемъ корзинъ и цыновокъ. Братства съ каждымъ годомъ увеличивались въ количествѣ. Кто желалъ избавиться отъ нападеній варваровъ или избѣгнуть тягостей службы въ императорской арміи, кто былъ недоволенъ своими мірекими дѣлами или не чувствовалъ въ эти мрачныя времена никакого желанія обзаводиться своимъ домомъ и своею семьею, находилъ въ монастырѣ вѣр- Увеличеніе количества монастырей. ное убѣжище. Число этихъ религіозныхъ учрежденій сдѣлалось очень велико. Они были обыкновенно расположены на самыхъ красивыхъ и выгодныхъ мѣстахъ; прочность и роскошь ихъ построекъ указывали на необходимость возводить основательныя жилища для обществъ, которыя были безсмертны. Случалось иногда, что церковь заявляла притязанія на услуги со стороны кого-либо изъ прославившихся монаховъ. Было вообще замѣчено, что путь къ церковному возвышенію велъ черезъ монастырскія ворота, и часто честолюбивый человѣкъ смиренно надѣвалъ на себя власяницу, чтобы тѣмъ съ большою увѣренностью схватиться за тѣмъ за митру.

Хотя монастырская система востока включала въ число своихъ необходимыхъ правилъ трудъ, но она была въ томъ Различіе между восточными и западными монахами. отношеніи значительно ниже западной. Восточный монахъ, обратившій себялюбіе въ правило жизни и ставшій величайшею цѣлью въ жизни собственное спасеніе, хотя бы при этомъ весь остальной міръ погибалъ, въ дальнѣйшіе періоды своего развитія сосредоточивалъ свои умственные силы на утонченныхъ теологическихъ спорахъ. Онъ слишкомъ часто выказывалъ и свои физическія силы въ бѣшеныхъ схваткахъ, возбуждаемыхъ имъ на улицахъ большихъ городовъ. Это былъ фанатикъ, не знающій удержа. Съ другой стороны, западный монахъ выказывалъ гораздо меньше расположенія къ обсужденію вопросовъ, стоявшихъ выше его разума, и тратилъ свои силы на полезную и почетную работу. Подъ его руками пустыни обращались въ сады. Различіе это въ значительной степени обязано было своимъ происхожденіемъ физиологическимъ особенностямъ, но нужно признать, что не мало вліянія оказывали въ этомъ отношеніи и внѣш-

нія обстоятельства. Древнія страны востока, съ ихъ обветшалою цивилизаціею и истощенною почвою, представлялись далеко не такою благотворною ареною для дѣятельности, какъ варварскій, но молодой и плодоносный западъ, гдѣ духовныя лица находили самыя привлекательныя мѣста для примѣненія своихъ силъ. И тѣ, и другіе соглашались въ томъ, что считали всѣ событія настоящей жизни стѣдствіемъ постоянного вмѣшательства провиденціальной или, скорѣе, сверхъестественной силы, — ангелы и демоны вели непрестанную борьбу за душу каждаго человѣка, которая или дѣлалась счастливою наградою для одного, или обращалась въ несчастную добычу для другого. Эти духовныя силы постоянно руководили теченіемъ природы и давали начало множеству чудесъ. Степень святости даннаго лица опредѣлялась количествомъ чудесъ, произведенныхъ имъ. Такъ, о жизни св. Бенедикта разсказываютъ, что кормилица его, Кирилла, разбила каменный сосудъ, но что ея горе было обращено въ радость молитвами святаго ребенка, благодаря которымъ разбитыя части соединились и сосудъ сдѣлался опять цѣлымъ; что однажды во время полученія имъ пиши въ корзинѣ, которая спускалась на веревкѣ къ нему въ пещеру, — единственный способъ пробираться въ недоступную келью, — демонъ сдѣлалъ попытку подразнить его, разорвавъ веревку; что другой разъ сатана, принявъ форму черной птицы, чуть было не ослѣпилъ его, хлопая крыльями по его глазамъ; что разъ тотъ же искуситель появился ему въ образѣ прекрасной римской дѣвушки, въ которую онъ былъ влюбленъ въ дни своей юности и отъ которой теперь съ трудомъ избавился, бросившись въ колючій кустарникъ. Однажды, когда введенныя имъ строгія и суровыя правила возбудили неудовольствіе монаховъ въ монастырѣ, котораго онъ былъ настоятелемъ, и они задумали его отравить, — потому что въ монастыряхъ происходили и такія вещи, — чаша съ ядомъ распалась на части, какъ только онъ взялъ ее въ руки. Когда же въ другой разъ разсерженный на него священникъ Флоренцій, котораго онъ лишилъ сана, сдѣлалъ попытку совершить такое же преступленіе помощью отравленнаго хлѣба, воронъ выхватилъ этотъ хлѣбъ изъ рукъ св. Бенедикта. Наученный дьяволомъ, тотъ же Флоренцій рѣшилъ изгнать изъ своего сосѣдства святаго человѣка, пригласивъ въ смежный съ монастыремъ садъ семь голыхъ дѣвушекъ; но едва святой спасся бѣгствомъ отъ искушенія, какъ комната, въ которой жилъ его преслѣдователь, обрушилась и погребла виноватаго подъ своими развалинами, хотя весь остальной домъ остался цѣль и невредимъ. Подъ руководствомъ двухъ видимыхъ ангеловъ, указывавшихъ ему дорогу, св. Бенедиктъ продолжалъ свой путь въ Монте Казино, гдѣ онъ воздвигъ прекрасный монастырь; но и здѣсь чудеса не прекращались: сатана околдовалъ камни, такъ что невозможно было поднять ихъ съ земли, не произнося надъ ними могущественной молитвы. Мальчикъ, убѣжавшій изъ монастыря на свиданіе со своими родными, былъ пораженъ отъ Бога смертію за свой проступокъ, но освященная земля отвергла его тѣло, когда сдѣлали было попытку похоро-

Легенды западныхъ святыхъ.

нить его; тѣло покойника могло быть погребено только послѣ того, какъ на него положили освященный хлѣбъ. Двѣ болтливыя монахини, отлученныя св. Бенедиктомъ за свою злую болтовню, были случайно погребены въ церкви. Но въ первый же разъ, когда въ церкви совершали таинства, и діаконъ повелѣлъ всѣмъ, кто не могъ принять причащенія, оставить церковь, покойницы встали изъ своихъ гробовъ и вышли вонъ изъ церкви.

Можно наполнить цѣлые тома этими чудесами, передъ которыми преклонялись религіозные люди того времени, безусловно довѣряя имъ и считая ихъ такими же авторитетными, какъ и священное Писаніе.

Хотя монастырская жизнь основывалась на принципѣ отреченія отъ общества, монашество представляло странное противорѣчіе этому, такъ какъ заключало въ себѣ принципъ организаціи. Въ 370 г. св. Василій, епископъ кесарійскій, соединилъ отшельниковъ и монаховъ изъ общекитайского своего прихода въ одинъ орденъ, названный по его имени Василійскимъ. Полтораста лѣтъ спустя св. Бенедиктъ ввелъ болѣе правильную организацію въ этомъ орденѣ, подчинилъ его болѣе мягкимъ правиламъ и нашелъ членамъ его подходящія занятія, какъ умственныя, такъ и физическія. Въ девятомъ вѣкѣ другой Бенедиктъ пересмотрѣлъ правила ордена и придалъ имъ больше суровости. Вскорѣ возникли отрасли этого ордена, напр., клонійскій орденъ въ 900 г., картезіанскій въ 1084 г., цистерційскій въ 1098 г. Такъ какъ любимымъ ихъ занятіемъ былъ литературный трудъ, то они ввели большое улучшеніе въ кошировкѣ рукописей; въ сдѣланныхъ ими на рукописяхъ рисункахъ мы находимъ зачатки возстановленія жизни; они же изобрѣли и скоропись. Св. Бенедиктъ предписывалъ своему ордену собирать книги. Къ счастью, онъ забылъ указать, какія книги слѣдуетъ собирать, предполагая, конечно, что вопросъ идетъ только о книгахъ съ религіознымъ содержаніемъ. Августинскій орденъ былъ основанъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Члены его считали свой орденъ возстановленіемъ общины, основанной за нѣсколько вѣковъ до того св. Августиномъ.

О вліяніи, достигнутомъ монашествомъ, можно судить изъ похвалы бенедиктинцевъ, что «папа Іоаннъ XXII, Бенедиктинца, умершій въ 1334 г., послѣ тщательнаго изслѣдованія, нашелъ, что, со времени основанія ордена, изъ него вышло 24 папы, почти 200 кардиналовъ, 7000 архіепископовъ, 15000 епископовъ, 15000 извѣстныхъ аббатовъ, больше 4000 святыхъ, и что онъ основалъ болѣе 37000 монастырей. Къ этому ордену принадлежало также 20 императоровъ и 10 императрицъ, 47 королей и больше 50 королевъ, 20 сыновей императоровъ и 48 сыновей королей, около 100 принцессъ, сыновей королей и императоровъ и, кромѣ того, безчисленное количество герцоговъ, маркизовъ, графовъ, графинь и т. д. Орденъ произвелъ множество писателей и ученыхъ. Его Рабанъ основалъ германскую школу, его Алкуинъ основалъ парижскій университетъ, его Діонисій Малый усовершенствовалъ церковное лѣ-

Характеръ этихъ чудесъ.

Возникновеніе и развитіе монастырскихъ орденовъ.

тосчисленіе, его Гвидо изобрѣлъ музыкальную скалу, его Сильвестръ усовершенствовалъ органъ. Бенедиктинцы хвалились еще тѣмъ, что изъ ихъ рядовъ вышли Ансельмъ, Илдефонсъ и достопочтенный Бедъ».

Мы слишкомъ часто относимъ время введенія христіанства въ данной странѣ ко времени обращенія ея государя, но это неправильно, потому что такого рода событіе не можетъ сразу измѣнить сердца людей. Что за польза можетъ быть отъ того, если варварскій полководецъ силою заставитъ толпу подчиненныхъ ему дикарей погрузиться въ воду и слишкомъ скоро и насильственно креститься? Такія внѣшнія принятія религіи представляютъ лишь весьма мало значенія. Путь къ цивилизаціи былъ указанъ крестьянскимъ классамъ Европы главнымъ образомъ монастырями. Молитва и милостыня, суровое житіе братьевъ, ихъ воздержная пища, ихъ скудное одѣяніе, самое дешевое, какое можно было достать въ данной странѣ, ихъ бритья головы или капюшонъ, скрывающій отъ нихъ видъ грѣховныхъ предметовъ, длинная палица въ ихъ рукахъ, ихъ голыя руки и ноги, ихъ странствованія вдвоемъ, при чемъ каждый изъ странниковъ наблюдалъ за своимъ сотоварищемъ; запрещеніе имъ ѣсть внѣ стѣнъ своего монастыря, у котораго были своя собственная мельница, своя хлѣбопекарня и все, что нужно для удовлетворенія скромныхъ потребностей ихъ хозяйства; ихъ молчаливое гостепріимство для путника, котораго угощали въ отдѣльной комнатѣ; земли вокругъ ихъ учрежденія, обращенныя изъ пустыни въ сады; трудъ, перевозимый ими и производимый ихъ святыми руками; безбрачіе, которое въ глазахъ народа составляло доказательство отдѣленія ихъ отъ міра и жертвы, приносимой ими Богу,—таковы были явленія, привлекавшія вниманіе европейскихъ варваровъ и ведущія ихъ къ цивилизаціи. Даже въ нашъ матеріальный вѣкъ приверженцы монастырской жизни и защитники ихъ жалобно восклицали: гдѣ найдетъ иначе пріютъ грѣшникъ, уставшій отъ міра, человекъ, полюбившій въ старости созерцательную жизнь, или государственный дѣятель, утомившійся отъ дѣлъ? Благодаря досугу, доставляемому богатствомъ монастырей, они получили возможность произвести столько людей, прославившихся на литературномъ поприщѣ, и передать намъ столько литературныхъ остатковъ древняго времени. Счастливымъ это былъ день, когда монахи перестали ткать цыновки и начали копировать рукописи, — счастливый день, когда они начали сочинять тѣ благородные гимны и музыкальныя произведенія, которыя будутъ вѣчно жить. Изъ ихъ *Dies irae* звучитъ высокая поэзія, хотя это произведеніе написано на монастырской латыни. Постоянныя движенія монастырскихъ орденовъ придали жизнь церкви. А протестанты должны признать, что реформація обязана своимъ происхожденіемъ рѣшительному монаху.

Рядомъ съ этими выдающимися качествами, монастырскія учрежденія обладали и многими недостатками. Благодаря имъ распространилась по свѣту та ужасающая ма-

Они матеріализируютъ религію.

теріализація религіи, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ унижала священные предметы. Благодаря имъ поддерживались суевѣрія. Благодаря имъ развивался тотъ страшный эгоизмъ, который, не колеблясь, жертвуетъ настоящимъ и прошедшимъ для обезпеченія себѣ блаженства въ будущей жизни,—эгоизмъ и себлюбіе, которые съ точки зрѣнія того времени признавались благочестіемъ, такъ что степень униженія, которому подвергалось достоинство даннаго лица, являлось мѣриломъ достоинства монаха.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

Дж. Ст. Милль.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ,

съ некоторыми примѣненіями къ общественной философи.

Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія Е. И. Остроградской,
подъ ред. приватъ-доцента О. И. Остроградскаго.

К. 1896 г. Подписная цѣна 2 руб.

Экономическая сторона всегда занимала первенствующее мѣсто въ человѣческой жизни и оказывала могущественное вліяніе на отношенія отдѣльных лицъ и цѣлыхъ народовъ. Исторія показываетъ намъ, что въ основѣ важнѣйшихъ политическихъ событій и явленій лежали хозяйственные и имущественные интересы и стремленія извѣстныхъ общественныхъ классовъ и государствъ. Отсюда наука, опредѣляющая какіе экономическіе принципы должны быть установлены обществомъ для того, чтобъ обезпечить ему наибольшее количество полезностей, распредѣляя ихъ справедливо и потребляя разумно, приобретаетъ огромное значеніе какъ для государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и для частныхъ лицъ, желающихъ уяснить себѣ тѣ отношенія, которыя возникаютъ изъ стремленія къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей.

Въ своемъ классическомъ трудѣ Джонъ Стюартъ Милль стремился соединить практическій методъ изслѣдованія съ развившимися нынѣ знаніями въ области экономическихъ теорій и представить экономическія явленія общественной жизни въ связи съ лучшими социальными идеями нашего времени. При своей трудной задачѣ—написать практическое и, насколько позволяетъ предметъ, популярное сочиненіе, онъ, тѣмъ не менѣе, нигдѣ не жертвуетъ въ пользу котораго-нибудь изъ этихъ качествъ научнымъ изложеніемъ. Съ замѣчательной ясностью проводитъ онъ свои взгляды, основанные на жизненныхъ примѣрахъ, и съ неумолнимою логической силой разбиваетъ ложныя теоріи, господствовавшія долгое время въ политической экономіи.

Выпуская въ свѣтъ сочиненіе знаменитаго англійскаго ученаго, изданное на русскомъ языкѣ въ шестидесятыхъ годахъ и давно уже ставшее библиографической рѣдкостью, издатель имѣлъ въ виду новымъ переводомъ съ послѣдняго, исправленнаго англійскаго изданія, предлагаемымъ по общедоступной цѣнѣ, внести извѣстную ленту въ экономическую литературу, сильно развившуюся въ послѣднее время.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Товарищества М. О. Вольфа
24 ИЮЛЯ 1897

Г. Фр. Кольба.

ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ,

съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ.

Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго, пѣм. изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта.

К. 1896. Подписная цѣна 2 руб. 50 к.

Все издание, въ 2 т., около 1000 стр. въ 8 долю, выйдетъ въ 8-ми вып.

Капитальный трудъ Г. Фр. Кольба, извѣстнаго статистика и демократическаго дѣятеля, постепенно подвергался исправленіямъ и въ послѣднемъ изданіи, съ котораго сдѣланъ предлагаемый русской публикѣ новый переводъ, былъ значительно переработанъ восьмидесятилѣтнимъ авторомъ, сообразно новѣйшимъ успѣхамъ знанія и требованіямъ исторической науки. Какъ извѣстно, въ различныя эпохи вопросъ о существенномъ содержаніи исторіи рѣшался въ зависимости отъ данной культурной и соціальной сферы. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ историографія выдвинула на первый планъ описаніе «нравовъ и духа» народовъ, т. е. нравственный и умственный прогрессъ человѣчества; послѣ великой французской революціи выступили политическія формы и государственныя перевороты; въ наше время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе—обращено особенное вниманіе на формы матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта. Исторія перестаетъ отдавать преимущество изображенію событій и біографій вождей и ихъ приключеній, отрѣшается отъ такъ-называемыхъ патріотическихъ легендъ и, удѣляя значительное мѣсто народнымъ массамъ, обращается къ изученію—экономической, государственной, общественной, умственной, нравственной, религіозной и эстетической сторонъ прошедшей жизни рода человѣческаго. Такая культурная исторія составляетъ задачу и стремленіе большинства историковъ нашего времени,—цѣль ея не только знакомить съ судьбами и дѣятельностью народовъ, примкнувшихъ къ государственному и духовному развитію, но и возбудить научный интересъ и принести практическую пользу—быть дѣйствительною «наставницею жизни». Конецъ девятнадцатаго вѣка вполне подтвердилъ, что государства болѣе всего могутъ крѣпнуть и развиваться на почвѣ экономической и духовной, помимо захватовъ достоинства слабѣйшихъ народовъ, и, такимъ образомъ, предстоящее преобладаніе исключительно культурныхъ началъ въ политической жизни, естественно, дастъ мѣсто только культурной исторіи.

Дж. В. Дрэперъ.

ИСТОРИЯ

УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

М. В. Лучицкой,

подъ редакціей

проф. И. В. Лучицкаго.

ИЗДАНИЕ 2-е.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Іогансона.

Кіевъ—Харьковъ.

Дж. В. Дрэперъ.

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ

Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія М. В. Лучицкой,
подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго.

К. 1895 г. Цѣна за 2 тома 1 руб. 50 к.

Новый переводъ блестящаго произведенія проф. Дж. В. Дрэпера, появившагося на многихъ иностранныхъ языкахъ и выдержавшаго 4 изданія на русскомъ, съдѣланъ съ послѣдняго, тщательно пересмотрѣннаго и дополненнаго изданія англійскаго подлинника. Оригинальная и смѣлая попытка новаго освѣщенія культурной исторіи, попытка привести данныя, представляемыя умственной жизнью Европы, въ согласіе съ физиологическими принципами и этимъ объяснить правильный ходъ цивилизаціи обратила на себя серьезное вниманіе и завоевала прочную почву въ наукѣ. Благодаря такому способу изслѣдованія, исторія представляется намъ въ совершенно новомъ видѣ; мы получаемъ болѣе справедливую и точную оцѣнку мыслей и побужденій человѣчества въ послѣдовательные ряды вѣковъ. Талантливый историкъ задается вопросомъ, движется ли процессія народовъ, подобно фантазмагоріямъ сна, безъ причины и порядка, или же это заранѣе опредѣленное, торжественное шествіе, къ которому все должны присоединиться, которое ни на минуту не останавливается, а неудержимо подвигается впередъ, встрѣчая на своемъ пути и претерпѣвая непреодолимый рядъ событий. Отвѣтъ получается—что социальный прогрессъ находится всецѣло подъ управленіемъ естественнаго закона, подобно физическому развитію организма. Жизнь отдѣльнаго индивидуума представляетъ въ миниатюрѣ жизнь націи—человѣкъ является прототипомъ общества, индивидуальное его развитіе типичнымъ образцомъ социальнаго. Народы въ физическомъ и духовномъ отношеніи, представляя собой агрегаты отдѣльныхъ единицъ, подобно имъ, подвергаются соответственнымъ измѣненіямъ и проходятъ черезъ фазы: младенчество, дѣтство, юность, зрѣлость, старость и смерть. Авторъ, посвятившій много лѣтъ жизни излагаемому имъ предмету, съ критической тонкостью проводитъ свои взгляды, хотя они, по его словамъ, и являются оскорбительными для гордости нашего вѣка, задѣваютъ многіе его предразсудки и интересы.

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА I.

Вѣкъ вѣры на западѣ.

ТРИ НАПАДЕНІЯ: СѢВЕРНОЕ ИЛИ ПРАВСТВЕННОЕ, ЗАПАДНОЕ ИЛИ УМСТВЕННОЕ,
ВОСТОЧНОЕ ИЛИ ВОЕННОЕ.

СѢВЕРНОЕ, ИЛИ ПРАВСТВЕННОЕ, НАПАДЕНІЕ НА ИТАЛЬЯНСКУЮ СИСТЕМУ И ВРЕ-
МЕННОЕ ОТРАЖЕНІЕ ЕГО.

Географическія границы итальянскаго христіанства.—Нападенія на него. СѢвѣрное, или нравственное, нападеніе.—Германскій императоръ настаиваетъ на преобразованіи папства.—Гербертъ, представитель этихъ идей, избирается папою.—Ихъ обоимъ отравляютъ итальянцы.

Начало умственнаго отрицанія итальянской системы.—Оно исходитъ изъ арабскаго ученія о верховенствѣ разума надъ авторитетомъ.—Вопросъ о пресуществленіи.—Возникновеніе и развитіе схоластики.—Возстаніе ереси монаховъ.

Григорій VII самопроизвольно соглашается на церковную реформу и проводить ее.—Одерживаетъ верхъ надъ германскимъ императоромъ.—Готовится учредить европейскую теократію.—Благодаря крестовымъ походамъ папы распоряжаются денежными и военными ресурсами Европы.

Царство идеи можетъ быть часто опредѣлено геометрическими линиями.

Если мы изъ Рима, какъ изъ центра, проведемъ двѣ линіи—одну въ восточномъ направленіи, къ азіатскимъ берегамъ Босфора, а другую въ западномъ, черезъ Пиренеи, то въ разсматриваемую нами эпоху все страны, лежація къ югу отъ этихъ линій, признавали слѣдующій догматъ: «нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его»; по страны, лежація къ сѣверу, переняли, вмѣстѣ съ ортодоксальнымъ ученіемъ о св. Троицѣ, поклоненіе Богородицѣ, поклоненіе иконамъ, призваніе святыхъ и благоговѣйную привязанность къ реликвіямъ и мощамъ.

Я расскажу теперь, какъ эти линіи были подвигаемы въ Европѣ, въ восточномъ направленіи военною силою, въ западномъ—умственною. Въ Римѣ онѣ двигались точно на стержнѣ, то расходясь, то суживаясь, то угрожая сойтись своими конечными точками, окружить со всехъ сторонъ римское христіанство и сдавить его; но затѣмъ, благодаря судорожнымъ движеніямъ замкнутыхъ ими націй, онѣ отдѣлились другъ отъ друга,

дрожа на всемъ своемъ протяженіи, но отдѣлились только на время, чтобъ еще тѣснѣе сблизиться.

Казалось, что изъ жаркихъ песковъ Африки простирались впередъ невидимыя руки, охватывая своими объятіями Европу и стараясь соединиться, чтобы сжать въ своихъ объятіяхъ христіанство и на смерть поразить его. Происходила крупная борьба и оказано было сильное сопротивленіе, но руки, наконецъ, сошлись.

Крайне трудно описать эту конвульсивную борьбу націй такъ, чтобы дать читателю ясное представленіе о силахъ, обусловливавшихъ ее. Я намѣренъ посвятить этимъ событіямъ нѣсколько безъинтересныхъ и поучительныхъ главъ.

Настоящая глава будетъ посвящена описанію послѣдствій вышеизложеннаго положенія дѣлъ — религіознаго рвенія обращенной Германіи и безнравственности папъ.

Германцы настаивали на необходимости реформировать папство, заставить его вести жизнь, соответствующую требованіямъ религіи. Это нравственное нападеніе соверждалось и умственнымъ, исходящимъ отъ другого источника и вызвавшимъ возстаніе среди самой церкви. Въ теченіе ряда столѣтій, и въ особенности въ болѣе недавнія тяжелыя времена, произошелъ постепенный разладъ между теологіею и нравственностью, къ великому неудовольствію немногихъ мыслящихъ людей, которые то здѣсь, то тамъ, въ уединеніи монастырей, сравнивали догматы теологіи съ предписаніями разума. А среди тѣхъ, которымъ приходилось проживать у арабовъ въ Испаніи и число которыхъ ежегодно возрастало, лишь немногіе не заразились любовью къ философіи.

Сравнивая X и XII столѣтія, нельзя не замѣтить, какой большой шагъ впередъ сдѣланъ былъ Европою въ дѣлѣ умственнаго развитія. Измѣнились идеи, занимавшія умы христіанъ, измѣнился даже ихъ образъ мышленія. Религіозная ревность германцевъ, соединенная съ познаніями магометанъ, не могла надолго отвлекаться въ сторону густымъ туманомъ теологическихъ споровъ, изъ которыхъ мало по малу появилась на свѣтъ философія, но не въ греческой классической одеждѣ, въ которой она исчезла въ Александріи, а въ странномъ одѣяніи пещеннаго постомъ монаха, наряженнаго въ клобукъ. Она смиренно вернулась назадъ въ свѣтъ въ образѣ схоластики, убѣждая людей изслѣдовать, при свѣтѣ собственнаго разума, тотъ догматъ, который, повидимому, расходится съ правилами обыкновенной житейской мудрости, — догматъ о трансубстанціи. Едва ея голосъ былъ разслышанъ въ рядахъ духовенства, какъ началось возстаніе противъ авторитета, и такъ какъ необходимо было бороться съ этимъ мятежемъ его же собственнымъ оружіемъ, то церковь была принуждена оказывать поддержку схоластической теологіи.

Великій дѣятель того времени Гильдебрандъ, желая удовлетворить требованіямъ нравственности и въ то же время не отказываться всецѣло отъ участія въ умственномъ прогрессѣ, устроилъ реформу въ церковныхъ дѣлахъ. Онъ возвысилъ папство до апогея

Германцы настаиваютъ на необходимости реформировать папство.

Познаніе иновѣрческой философіи.

его власти и подготовилъ для своихъ преемниковъ возможность захватить въ свои руки матеріальныя средства Европы посредствомъ крестовыхъ походовъ.

Таковъ абрисъ событій, съ которыми намъ придется теперь имѣть дѣло. Подробный разборъ ихъ показываетъ, что Римъ подвергнулся тройному давленію, съ трехъ различныхъ сторонъ. Съ запада и востока производилось давленіе магометанскаго міра. Въ результатъ получилось давленіе съ сѣвера, — главнымъ образомъ христіанское. Тѣ давленія были чужеземныя, послѣднее было домашнее. Для насъ все равно, въ какомъ порядкѣ мы ни будемъ разсматривать ихъ; но планъ, на основаніи котораго я разрабатывалъ занимавшій меня вопросъ, заставляетъ меня заняться изученіемъ сначала сѣвернаго давленія, затѣмъ западнаго и, наконецъ, восточнаго.

Необходимо было сдѣлать что-нибудь для реформированія папства. Преступленія его, описанныя нами въ главѣ XII, возмущали религіозныхъ людей. Слѣдуетъ теперь разсмотрѣть господствующій духъ движенія, стремившагося къ преобразованіямъ. Онъ является представителемъ вліяній, которыя должны были оказать такое сильное дѣйствіе.

Въ свѣтѣ императора Оттона III, рѣшившагося прекратить всѣ эти злоупотребленія, находился Гербертъ, французскій священникъ, родившійся въ Оверни. Въ дѣтствѣ, въ школѣ аббатства Орильякъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей и начальниковъ, между прочимъ, графа Барселонскаго, который увезъ его съ собою въ Испанію. Будучи помѣщенъ въ магометанскую школу, онъ сдѣлалъ большіе успѣхи по математикѣ, астрономіи и физикѣ и занялъ выдающееся мѣсто. Онъ говорилъ по-арабски съ легкостью сарацина. Его пребываніе въ Кордовѣ, гдѣ калифъ покровительствовалъ всѣмъ наукамъ и искусствамъ своего времени, и послѣдовавшее затѣмъ пребываніе его въ Римѣ, гдѣ онъ засталъ поразительное невѣжество и безнравственность, оказались не безъ вліянія на всю его послѣдующую жизнь. Онъ устроилъ въ Реймсѣ школу, гдѣ преподавалъ логику, музыку, астрономію, изъяснялъ Virgilіа, Стаций, Теренція и ввелъ то, что относилось въ то время къ области чудесъ, — глобусъ и счеты. Онъ старался убѣдить своихъ соотечественниковъ, что ученіе надо предпочитать забавамъ охоты. Онъ наблюдалъ звѣздами въ трубки, изобрѣлъ часы и органъ, игравшій помощью пара, и написалъ сочиненіе о риторикѣ. Назначенный аббатомъ въ Боббіо, онъ вступилъ въ пререканіе съ монахами и долженъ былъ бросить свое мѣсто. Удалившись сначала въ Римъ, онъ затѣмъ переѣхалъ въ Реймсъ, гдѣ вновь принялся руководить своею школою. Во время политическихъ событій, связанныхъ съ возвышеніемъ Гуго Капета, онъ опять началъ играть выдающуюся роль. Рѣчь епископа орлеанскаго на реймскомъ соборѣ, сочиненная имъ, показываетъ, что его магометанское воспитаніе внушило ему совершенно особенный взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ христіанствѣ: «Въ Римѣ, какъ всѣмъ извѣстно, — говоритъ онъ, — нѣтъ ни

Три давленія на Римъ.

Чужеземныя вліянія на форму папства.

Жизнь Герберта.

Его арабское воспитаніе.

Его упреки церкви.

**

одного человѣка, который знаетъ достаточно писаніе, чтобы занять мѣсто привратника; какъ же можетъ рѣшиться обучать тотъ, кто самъ ничего не знаетъ?» Онъ, не колеблясь, указываетъ на продажность папъ и на ихъ преступленія: «Если бы послы короля Гуго дали взятки папѣ и Кресценцію, дѣла короля приняли бы совершенно иной оборотъ». Онъ рассказываетъ проступки и преступленія, совершавшіеся папами: какъ Іоаннъ XII отрѣзалъ носъ и языкъ Іоанну Кардиналу, какъ Бонифацій задушилъ Іоанна XIII, какъ Іоаннъ XIV умеръ голодною смертію въ тюрьмѣ замка св. Ангела. Онъ спрашиваетъ затѣмъ: «Неужели этимъ чудовищамъ, опозорившимъ себя своимъ поведеніемъ, лишеннымъ всякаго знанія божественнаго и человѣческаго, должны подчиняться служители Бога,—люди, составившіе себѣ блестящую репутацію своими знаніями и своею святою жизнью? Папа, прегрѣшавшій въ такой сильной степени противъ своего брата, папа, который отказывается слушать увѣщанія благоразумныхъ людей,—мытарь и грѣшникъ». Съ пророческимъ воодушевленіемъ, какъ бы предвосхищая обвиненія реформации, онъ спрашиваетъ: «не антихристъ ли онъ?» Онъ говоритъ о папѣ, какъ о «человѣкѣ грѣха» и какъ о «тайнствѣ беззаконія». О Римѣ онъ говоритъ съ увѣренностью, усиленную, несомнѣнно, его магометанскимъ опытомъ. «Онъ уже лишился своихъ восточныхъ владѣній: Александрія, Антиохія, Африка и Азія отдѣлились отъ него, Константинополь разорвалъ свою связь съ нимъ, внутренность Испаніи не имѣетъ никакого понятія о папѣ». И онъ продолжаетъ: «Какъ могутъ ваши враги утверждать, что, низлагая Арнульфа, мы должны были ждать рѣшенія римскаго епископа? Неужели они хотятъ этимъ сказать, что его рѣшеніе выше рѣшенія Бога, провозглашаемаго нашимъ синодомъ? Князь римскихъ епископовъ и самихъ апостоловъ сказалъ, что Бога нужно слушать скорѣе, чѣмъ людей; а Павелъ, учитель язычниковъ, предалъ анаоемъ всякаго, хотя бъ и ангела, кто будетъ проповѣдывать ученіе, отличное отъ того, которое было возвѣщено. Неужели, если папа Марцеллій принесъ жертву Юпитеру, то и всѣ епископы должны дѣлать то же въ подражаніе ему?» Во всемъ этомъ проявляется, очевидно, мятежный духъ противъ папства или, скорѣе, противъ его безчинствъ.

Во время политическихъ волненій, Гербертъ былъ назначенъ реймскимъ архіепископомъ. Небезынтересно наблюдать ^{Его позваніею въ церковной іерархіи.} при этомъ за проявленіемъ его житейской мудрости. Для него было прежде всего желательно примирить со своимъ выборомъ духовенство, — быть можетъ, самымъ легкимъ средствомъ для достиженія этого было одобреніе брака. Онъ жилъ при полигамическомъ дворѣ калифа, семья котораго состояла болѣе чѣмъ изъ сорока сыновей и сорока дочерей. Поэтому неудивительно, если онъ сказалъ: «Я не воспреещаю брака. Я не осуждаю второго брака. Я не порицаю употребленія мяса». Назначеніе его архіепископомъ не только оказалось неудачнымъ, но дѣло дошло до того, что, благодаря вѣроломной политикѣ того времени, его отрѣшили отъ его епископскихъ функций и подвергли интердикту. Рѣчь римскаго легата

Льва, предѣдательствующаго при его осужденіи, дастъ намъ понятіе, въ чемъ состояла сущность его преступленія; показываетъ, что Римъ намѣревался упорствовать въ своемъ невѣжествѣ и суетвѣрїи и составляетъ любопытный образчикъ церковной аргументаціи. «За то, что викарій св. Петра и ихъ ученики не желаютъ имѣть своими наставниками Платона, Виргилія, Теренція и остальную толпу философовъ, которые носятся въ воздухъ, подобно птицамъ, и погружаются въ глубину, подобно морскимъ рыбамъ, вы говорите, что они недостойны быть привратниками, недостойны потому, что они не умѣютъ писать стиховъ. Петръ, конечно, привратникъ, но только привратникъ небесъ!» Онъ не отрицаетъ систематическаго подкуна папскаго правительства, но оправдываетъ его. «Развѣ Спаситель не получалъ даровъ отъ мудрецовъ?» Онъ не отрицаетъ и преступленій папъ, хотя протестуетъ противъ тѣхъ, которые стали бы выставлять ихъ наружу, напоминая, что «Хамъ былъ проклятъ за то, что не скрылъ наготы своего отца». Во всемъ этомъ замѣтно начало той борьбы между магометанскою наукою и этикою, съ одной стороны, и итальянскимъ невѣжествомъ и преступленіемъ—съ другой стороны, которая привела къ такимъ важнымъ результатамъ для Европы.

Гербертъ опять удаленъ ко двору императора. Это было въ то время, когда Оттонъ III замыслилъ преобразовать имперію и реформировать церковь. Онъ понялъ, насколько Гербертъ можетъ быть полезенъ его политикѣ, и назначилъ его архіепископомъ равеннскимъ, а по смерти Григорія V издалъ декретъ объ избраніи Герберта папою. Французскій священникъ низкаго происхождения, занявшій высшій постъ, доступный человѣческому честолюбію, принялъ имя Сильвестра II.

Но Римъ никакъ не соглашался отказаться отъ своихъ грязныхъ интересовъ — онъ возсталъ. Тускулумъ, позоръ папства, возмущился. Императору пришлось прибѣгнуть къ оружію, чтобы поддержать своего папу. Одно время казалось, что реформация будетъ предвосхищена нѣсколькими столѣтіями раньше, что христіанская Европа будетъ избавлена отъ ожидающихъ ее возмутительныхъ папскихъ беззаконій. На папскомъ престолѣ сидѣлъ ученый и честный папа, на императорскомъ — молодой и талантливый государь; но итальянское мнѣніе въ лицѣ Стефанія, жены убитаго Кресценція, уничтожило всѣ эти надежды. Ничего не подозревающій императоръ принялъ ядъ изъ рукъ этой оскорбленной, но благородной преступницы, которая, съ чисто римскою рѣшительностью и твердостью, промѣняла намѣренно свою добродѣтель на мнѣніе; онъ выѣхалъ изъ Рима только для того, чтобъ умереть въ возрастѣ двадцати двухъ лѣтъ. Здоровье Сильвестра было также безвозвратно разрушено отравою, примѣ- ^{Отравленіе императора и папы.} шиваемою тайно въ его пищѣ. Онъ вскорѣ послѣдовалъ въ могилу за своимъ покровителемъ. Его паровые органы, физическіе опыты, механическія изобрѣтенія, его иностранное происхожденіе и недостаточекъ ортодоксіи какъ бы подтверждали возбуждаемое противъ него страшное обвиненіе въ некромантіи. Уста всѣхъ были на-

полнены разсказами о тайнствахъ и магін, въ которыхъ Гербертъ игралъ значительную роль. Въ отдаленныхъ уголкахъ Европы, сиди вечеромъ у очага, крестьяне, испуганные мыслями о домовомъ, разсказывали другъ другу шепотомъ, что въ одномъ самомъ тайномъ помѣщеніи римскаго дворца скрывается нечестивый карликъ, носящій тюрбанъ и обладающій кольцомъ, которое можетъ или сдѣлать его невидимымъ, или придать ему въ одно и то же время два различныя лица; что въ полночь слышатся странные звуки въ той комнатѣ, въ которой сидитъ одинъ только папа; что во время своего пребывания въ Испаніи среди невѣрующихъ будущій папа отдалъ свою душу сатанѣ подъ условіемъ, что сатана сдѣлаетъ изъ него викарія Христа на землѣ, и теперь, очевидно, обѣ партіи остались вѣрны заключенному условію. А изнеможенные монахи, запертые въ кельяхъ, шептали другъ другу подъ своими клубками: «*Nonagium diabolo fecit et male finivit*».

Такой-то дурной оборотъ приняли дѣла, — оборотъ почти непоправимый. Прегрѣшенія папъ воспроизводились почти въ одинаковой степени во всѣхъ рядахъ духовенства. Симонія и конкубинатъ получили такое громадное распространеніе, что грозили уничтожить авторитетъ церкви даже надъ самыми грубыми умами. Церковныя должности получались повсюду помощью купли; вездѣ встрѣчались священники, хваставшіеся незаконными семьями. Но, тѣмъ не менѣе, среди самой церкви находились люди безупречной жизни, которые, подобно Петру Даміани, возвысили свои голоса противъ царившихъ въ церкви злоупотребленій. Это онъ доказалъ, что почти каждый священникъ въ Миланѣ купилъ свою должность и жилъ съ наложницею. Безнравственность, обратившая на себя вниманіе набожныхъ людей, начала вскорѣ приводить къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя отъ нея ожидалось. Отъ осужденія нравственности къ критикѣ вѣры — только одинъ шагъ. Благодаря увеличившейся степени развитія, Европа не въ силахъ была болѣе выносить дѣйствій и мыслей, которымъ до сихъ поръ покорно подчинялась. Догматъ пресуществленія привелъ къ возстанію.

Старые отцы церкви съ радостью указывали на согласіе, которое существуетъ между ученіями, вытекающими изъ первоначальнаго согласія между философіею и теологіею. Давно уже утверждали, что существуетъ соотвѣтствіе между вѣрою и разумомъ; но по мѣрѣ того, какъ вводился одинъ догматъ за другимъ, при чемъ каждый послѣдующій былъ болѣе непонятный и таинственный, чѣмъ предыдущій, а данныя вѣры не могли ужиться съ заключеніями разума, — пришлось по необходимости поставить разумъ въ подчиненное положеніе. Въ виду важныхъ политическихъ интересовъ, задѣтыхъ этими вопросами, оказалось полезнымъ и даже необходимымъ принудить разумъ къ такому подчиненію помощью разнаго рода мѣропріятій со стороны гражданской власти. Такимъ-то образомъ, какъ мы уже описывали выше, въ царствованіе Константина Великаго философскія пренія о религіозныхъ вопросахъ вышли изъ

Возникновеніе протеста противъ грѣховъ церкви среди нея самой.

Первоначальное согласіе между философіею и теологіею.

Ихъ постепенное отчужденіе.

употребленія; требовалась безусловная вѣра въ рѣшенія духовныхъ властей. Философія была покорена и порабощена теологіей. Посмотримъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело ее возмущеніе.

Въ глуши монастырей лица, утомившіяся вѣчными самонаблюденіями, получили полную возможность заняться изученіемъ вѣшняго міра. Здѣсь они нашли поле для безконечныхъ занятій, доставившее имъ матеріалъ для достойнаго упражненія своей наблюдательности и проницательности. Но они не могли сдѣлать перваго шага, не нарушая постановленій высшей власти. Два альтернативы представлялись имъ: дѣйствовать тайно или открыто возмутиться; но до наступленія мятежа мы видимъ смѣну двухъ періодовъ — періодъ частныхъ дѣйствій и другой періодъ болѣе широкаго обузденія. Такимъ образомъ, германскій монахъ Готтвалькъ въ девятомъ столѣтіи занялся рѣшеніемъ глубокой задачи о предопредѣленіи, и за свои мнѣнія перенесъ бичеваніе и умеръ въ тюрьмѣ. Присутствіе сарацинъ въ Испаніи постоянно подстрекало къ запрещеннымъ занятіямъ умы запада, горизонтъ которыхъ все болѣе и болѣе расширялся. Арабская философія незамѣтно и молча распространялась во Франціи и Европѣ, и духовныя лица нерѣдко искали убѣжища отъ своихъ враговъ среди невѣрныхъ. Доведенный до крайности, Абеляръ также попросилъ приюта у сарацинъ, въ надеждѣ найти у нихъ защиту отъ церковныхъ преслѣдованій.

Въ борьбѣ, перенесенной Готтвалькомъ по вопросу о предопредѣленіи, замѣчается уже попытка противопоставить разумъ авторитету. Иоаннъ Эригена, служившій у Гинкмара, архіепископа реймскаго, отправился въ 825 г. къ мѣсторожденію Платона и Аристотеля, предаваясь надеждѣ соединить философію и религію такъ, какъ это было предложено духовными лицами, обучавшимися въ Испаніи.

Иоаннъ Эригена почерпнулъ изъ восточныхъ источниковъ ученія о вѣчности матеріи и даже о сотвореніи міра, къ которымъ онъ примѣшалъ и понятіе о самомъ божественнѣ. Онъ былъ, слѣдовательно, пантеистомъ, принимающимъ восточныя идеи объ эманациіи и поглощеніи не только въ отношеніи къ душѣ человѣка, но и въ отношеніи ко всѣмъ матеріальнымъ вещамъ. Въ своемъ сочиненіи *О природѣ вещей* онъ провозглашаетъ слѣдующее ученіе: «Такъ какъ всѣ вещи заключались первоначально въ Богѣ и произошли отъ него, образуя различныя классы, которыми онъ теперь отличается другъ отъ друга, то онъ долженъ въ концѣ концовъ вернуться къ нему и быть поглощеннымъ тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго произошли; другими словами, подобно тому, какъ до сотворенія міра существовалъ только одинъ Богъ, въ которомъ заключались причины всѣхъ вещей, — по окончаніи міра будетъ существовать также только одинъ Богъ, и причины всѣхъ вещей будутъ также заключаться въ немъ». Это финальное заключеніе онъ называлъ обожествленіемъ или теозисомъ. Онъ даже сомнѣвался въ вѣчности ада, говоря съ увѣренностью сарацина: «Нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ Бога». При такихъ об-

который противопоставляетъ разумъ авторитету.

Иоаннъ Эригена впадаетъ въ пантеизмъ.

стоятельствѣхъ, онъ долженъ былъ обязательно подвергнуться осужденію со стороны церкви.

Новые философы напали прежде всего на ученіе о трансубстанціи, такъ какъ, изъ всѣхъ ортодоксальныхъ ученій, послѣднее было труднѣе всего примирить съ разумомъ. То, что сначала казалось только простою шуткою со стороны магометанскаго сарказма, ^{Столкновеніе начинается по вопросу о трансубстанціи.} сдѣлалось предметомъ торжественнаго церковнаго осужденія. Эригена съ жаромъ поддерживалъ ученіе стеркористовъ, названіе которыхъ происходило отъ ихъ утвержденія, что часть священныхъ предметовъ выводится изъ тѣла совершенно такъ же, какъ и остальная пища; ортодоксы же нападали на это ученіе, заявляя, что священникъ «дѣлаетъ Бога» и что потребляемое при евхаристіи не подлежитъ пищеvarенію.

Затѣмъ въ 1050 г. Беренгаръ Турскій выдвинулъ впередъ ^{Мнѣнія Беренгара Турскаго.} споръ о дѣйствительномъ присутствіи. Вопросъ этотъ былъ формулированъ Радбертомъ подъ названіемъ трансубстанціи и мнѣнія относительно священныхъ даровъ сильно расходились: одни держались матеріалистическихъ понятій, другіе—самыхъ трансцендентальныхъ идей. Въ противоположность Радберту и ортодоксальной партіи, утверждавшей, что всѣ эти элементы перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ они представляются нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, и дѣйствительно превращаются въ тѣло и кровь Христову, Беренгаръ утверждалъ, что хотя въ нихъ и есть дѣйствительное присутствіе, но это присутствіе духовнаго рода. Эти ереси были осуждены цѣлымъ рядомъ соборовъ, и Беренгару было предложено на выборъ—смерть или отреченіе отъ своихъ взглядовъ. Онъ избралъ благоразумно послѣднее, но затѣмъ, освободившись изъ рукъ своихъ преслѣдователей, вновь началъ проповѣдывать прежнее свое ученіе. Мнѣнія Беренгара, повидимому, произошли изъ мнѣній Эригены и оказали громадное дѣйствіе на высшіе чины ^{Папа италийскій принимаетъ ихъ.} церковной іерархіи; даже папа Григорій VII раздѣлялъ, повидимому, осуждаемыя имъ ученія, какъ можно заключить по мягкому обращенію его съ ересіархомъ.

Но наиболѣе яркимъ представителемъ мятежнаго духа того времени является Петръ Абеляръ. Любовь къ нему ^{Петръ Абеляръ среди возставшихъ.} Элоизы оправдывается въ нашихъ глазахъ необыкновенною силою его ума. Въ его ораторіи *Параkletъ* ученія вѣры и таинства религіи осуждаются безъ всякихъ стѣненій. Не было предмета, слишкомъ глубокаго и слишкомъ священнаго для его созерцанія. Благодаря могущественному ортодоксальному вліянію св. Бернара, «суроваго и изнеможеннаго монаха», мнѣнія Абеляра были осуждены церковными властями. Напрасно апеллировалъ онъ въ санскій соборъ въ Римѣ; власть св. Бернара въ Римѣ была ^{Св. Бернаръ нападаетъ на него.} слишкомъ велика. «Онъ обращаетъ въ ничто всю христіанскую вѣру, стараясь понять свойства Бога помощью человеческого разума. Онъ подымается на небеса и спускается въ адъ. Ничто не можетъ ускользнуть отъ его наблюденія, ни въ высь, наверху, ни въ нѣдрахъ земли внизу. Его ученіе распростра-

нилось по всей землѣ. Онъ хвастаетъ, что ученики его находятся повсюду, даже въ Римѣ, даже въ коллегіи кардиналовъ. Онъ увлекаетъ за собою всю землю. Поэтому пора наложить на него молчаніе силою апостольской власти». Таковъ былъ докладъ санскаго собора въ Римѣ въ 1140 г.

Быть можетъ, осужденіемъ своимъ Абеляръ былъ обязанъ не столько открытому обвиненію его въ томъ, что онъ отрицаетъ существованіе св. Троицы, сколько его утвержденію, что верховенство принадлежитъ разуму,—въ этомъ ясно обнаруживалось съ его стороны намѣреніе уничтожить рабочіе передъ авторитетомъ. Невозможно было ограничить возникшій вѣдъ за этимъ споръ извѣстною областью или держать его вдали отъ опасной почвы церковной исторіи. Абеляръ въ своемъ сочиненіи *Sic et Non* выставилъ на видъ противоположныя мнѣнія отцевъ ^{Книга Sic et Non.} церкви, ихъ споры и пререканія по поводу наиболѣе важныхъ вопросовъ, и тѣмъ какъ бы намекаетъ на отсутствіе единства въ церкви. Въ этомъ сочиненіи подразумевалось гораздо больше того, что говорилось; оно не могло не навлечь на его автора негодованія лицъ, интересы которыхъ были затронуты.

Споры, послѣдовавшіе за этими важными событіями, дали начало знаменитымъ ученіямъ о номинализмѣ и реализмѣ, хотя названія эти были, повидимому, введены только къ концу ^{Возникновеніе схоластической философіи.} XII в. Реалисты думали, что общіе типы вещей существуютъ въ дѣйствительности; номиналисты же утверждали, что эти общіе типы представляютъ лишь умственные, отвлеченныя понятія, выраженные словами. Такимъ-то образомъ возобновился древне-греческій споръ. Наиболѣе выдающимся защитникомъ ^{Номинализмъ и реализмъ.} ученія номиналистовъ былъ Росцелинъ Компъенскій (незадолго до 1100 г.); его матеріалистическіе взгляды навлекли на него, какъ и можно было ожидать, порицаніе церкви. Во время этого спора Ансельмъ, архіепископъ кантерберійскій, старался устроить примиреніе, подчинивъ разумъ вѣрѣ, но своимъ примѣромъ только еще разъ доказалъ необходимость подчинить всѣ эти вопросы рѣшенію человеческого разума.

Развитіе схоластической философіи, возникавшей во времена Эригены, ускорило благодаря двумъ отдѣльнымъ причинамъ: ужасающей матеріализаціи, которой подверглись въ Европѣ ^{Арабы въ Испаніи возбуждаютъ эти споры.} всѣ священныя предметы, и примѣру магометанъ, которые своими открытіями въ области физики положили начало новому роду дѣятельности, приведшему къ блестящимъ результатамъ. Испанскіе университеты были наполнены духовными лицами, которые стекались въ нихъ со всѣхъ концовъ Европы. Петръ Достопочтенный, другъ и покровитель Абеляра, провелъ много лѣтъ въ Кордовѣ и не только свободно говорилъ по-арабски, но и переводилъ Коранъ на латинскій языкъ; онъ говоритъ, что при первомъ пріѣздѣ своемъ въ Испанію онъ засталъ въ ней нѣсколькихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ даже изъ Англіи и занимавшихся изученіемъ астрономіи. Согласованіе многихъ изъ догматовъ церковнаго авторитета со здравымъ смысломъ было невозможно для людей обра-

зованных и развитых. Могъ ли, при своемъ ясномъ умѣ, такой государственный дѣятель, какъ Гильдебрандъ, хоть на минуту признать учение о трансубстанціи въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось тогда? Ему предстояла трудная задача примирить то, что церковный авторитетъ призналъ ортодоксальнымъ, съ внушениями разума или даже съ тѣмъ уваженіемъ къ священнымъ предметамъ, которое таится въ глубинѣ души каждаго интеллигентнаго человѣка. Это объясняетъ намъ причину мягкаго обращенія этого суроваго представителя церкви съ еретикомъ Беренгаромъ. Онъ видѣлъ невозможность найти оправданіе для многихъ изъ догматовъ того времени, получившихъ слишкомъ матеріалистическую окраску, но въ то же время онъ зналъ, что эти догматы были признаны абсолютно истинными церковью. Настало время, когда разумъ и теологія разошлись; но итальянскіе государственные дѣятели не желали покориться этому исходу, не сдѣлавъ послѣдней попытки примиренія, и вотъ съ ихъ разрѣшенія схоластическая теологія, порожденная схоластическою философіею Эригены и его послѣдователей, попробовала дать болѣе прочное научное основаніе для христіанства страннымъ соединеніемъ въ одно священнаго Писанія, аристотелевой философій и пантеизма. Съ ересью сражались оружіями еретиковъ, надѣясь добиться примиренія между авторитетомъ и разумомъ. Получившая такой характеръ схоластическая философія проникла собою въ школы, доставила нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. парижскому университету, совершенно незаслуженную репутацию, и привела къ основанію другихъ школъ въ другихъ городахъ. Она вдвойнѣ удовлетворяла желаніямъ политическихъ дѣятелей, покровительствовавшихъ ей: съ одной стороны, она окружала ортодоксальную теологію громадною и непроницаемою стѣною яко бы глубокой учености, а съ другой—отвлекала пробуждавшіеся умы западной Европы къ такого рода занятіямъ, которыя, несмотря на свою бесполезность, отличались возбуждающимъ характеромъ и въ то же время не представляли никакой опасности для существующаго положенія дѣлъ. Такимъ-то образомъ отерочень былъ хоть на время неизбежный день, когда должно было произойти столкновение на жизнь и смерть между философіею и теологіею. Гильдебрандъ и его послѣдователи должны были несомнѣнно видѣть, что хотя Беренгаръ первый подалъ примѣръ протеста противъ принципа, гласящаго, что рѣшеніе большинства голосовъ собора или какого-либо другого коллективнаго учрежденія должно признаваться абсолютною истинною, тѣмъ не менѣе такъ велика была шаткость принциповъ, на которыхъ основывалась схоластическая философія, такъ неопредѣ-
Ея преимуще-
ства при су-
ществующемъ
положеніи
церкви. ленна была ея умственная дѣятельность, такъ недѣйствительны достигнутые ею результаты, что она никакъ не могла нарушить надолго единства церковнаго ученія. Между тѣмъ какъ люди разсуждали, кружась въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ, не находя шгдѣ исхода и даже не отыскивая его, радуясь ловкости своихъ движеній, но не заботясь о дѣй-

ствительномъ движеніи впередъ, нечего было и думать о томъ, что успѣхъ схоластики можетъ представить какое-либо неудобство.

Въ этомъ и заключалось затрудненіе. Рѣшенія церкви были объявлены непогрѣшимыми и неизмѣнными; ея философія, если можно такъ называть, носила характеръ неподвижности, философская
дилемма, пред-
ставлявшаяся
церкви. какъ и должно быть со всякою философіею, основывающеюся на началахъ конечнаго откровенія. Но пробудившійся умъ запада выказывалъ безспорно наклонность къ движенію впередъ. Подобно тому какъ человѣкъ, объѣзжающій непокорную лошадь, заставляетъ ее иногда сворачивать съ дороги, по которой она должна бѣжать и на которой онъ не въ силахъ ее сдержать, и принуждаетъ кружиться на одномъ мѣстѣ, истощая ея силы и смиряя такимъ образомъ ея непокорный духъ, такъ и своевольные порывы ума должны были направлены, если сдержать ихъ нельзя. Эти политическія правила соотвѣтствовали своей цѣли до того времени, пока метафизическіе споры не уступили мѣста физическимъ. Тогда ужъ сдѣлалось невозможнымъ остановить движеніе впередъ, и при первомъ великомъ вопросѣ, который былъ возбужденъ,—вопросѣ о фигурѣ и положеніи земли, вопросѣ въ высшей степени важномъ, такъ какъ имъ опредѣлялось въ то же время и положеніе человѣка во вселенной, теологія потерпѣла сильное пораженіе. Теперь для нея и для философій былъ одинъ только исходъ—борьба на жизнь и смерть.

Хотя истиннымъ основателемъ схоластики является Эригена, но многіе признавали заслуживающимъ это названіе и Ходъ развитія
схоластики. Росцелина, о которомъ мы уже упоминали, говоря, что онъ возобновилъ вопросъ объ универсаліяхъ Платона. Послѣ него на сцену выступилъ Уильямъ Шампо, который открылъ школу логики въ Парижѣ въ 1109 г., послѣ чего университетъ начинаетъ усердно заниматься логикою. Ведѣдъ за основаніемъ нищенскихъ орденовъ, схоластика сильно подвинулась впередъ, быть можетъ, потому, какъ увѣряли нѣкоторые, что схоластическіе споры подходили какъ нельзя лучше къ ихъ невѣжеству; доминиканецъ Тома Аквинатъ и францисканецъ Дунесъ Скотъ основали двѣ соперничающія школы, которыя вели борьбу другъ съ другомъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій. Въ Италіи схоластика никогда не пользовалась такимъ преобладающимъ значеніемъ, какъ во Франціи и въ другихъ мѣстахъ, и, наконецъ, исчезла; ея бесполезность была очень скоро признана,—единственный результатъ, къ которому она привела, былъ результатъ политическій, — о немъ мы уже упоминали выше.

Средина XI в. представляетъ начало цѣлой эпохи для папства и для Европы. Она ознаменовывается попыткою Реакція въ пап-
ствѣ противъ
этихъ дилеммъ. реформировать церковь въ нравственномъ отношеніи,— борьбою для обезпеченія независимости папы какъ со стороны императора германскаго, такъ и со стороны сосѣднихъ итальянскихъ дворянъ,— превращеніемъ временныхъ владѣній церкви, зависимыхъ отъ нея косвенно, въ полныя владѣнія, путемъ прикрѣпленія территорій, отданныхъ «церкви, блаженному Петру и

римской республикѣ», за первымъ изъ этихъ владѣтелей, съ исключеніемъ послѣдняго. Съ теченіемъ времени эти второстепенныя дѣла слились въ одно, и изъ ихъ сліянія возникла великая борьба за верховную власть между императоромъ и папою. Та же политика, которая сумѣла устранить римскій народъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ назначенія папы, которая секуляризировала церковь въ Италіи и захватила на время и всѣ матеріальныя средства Европы благодаря устройству крестовыхъ походовъ,—добилась и утвержденія во всей Европѣ папской автократіи. Мы должны обратить особенное вниманіе на эти факты, такъ какъ они дали начало другимъ событіямъ, представляющимъ громаднѣйшій интересъ въ умственномъ отношеніи.

Второй латеранскій соборъ, созванный Николаемъ II, возложилъ на кардиналовъ обязанность избирать папу, что составляло въ высшей степени важную перемену. Этотъ соборъ и предоставилъ Беренгару на выборъ смерть или отреченіе отъ своихъ мнѣній. Въ этотъ именно періодъ времени въ Италіи боролись за первенство три партіи: приверженцы императора, церковная партія и итальянское дворянство. Желая сдержать послѣднее,—такъ какъ оно стояло ближе всѣхъ къ папѣ, то на него и было обращено особенное вниманіе,—Гильдебрандъ совѣтовалъ папамъ, ближайшимъ своимъ предшественникамъ, воспользоваться услугами норманновъ, поселившихся на югѣ полуострова и опустошавшихъ помѣстья дворянъ. Въ виду затруднительнаго положенія, занимаемаго папами, послѣднимъ пришлось возобновить свою старую политику: подобно тому, какъ въ старинныя времена папы искали покровительства у франкскихъ королей, такъ теперь они начали искать покровительства у норманновъ. Но среди разногласій и смутъ того времени значительную роль игралъ одинъ великій человекъ — Гильдебрандъ, который съ почти сверхчеловѣческимъ самоотверженіемъ много разъ отказывался отъ папскаго званія. По смерти Александра II наступилъ, наконецъ, и его чередъ, и онъ былъ возведенъ въ это званіе въ 1073 г.

Какъ только Гильдебрандъ сдѣлался папою Григоріемъ VII, онъ началъ энергически проводить политику, которую внушалъ своимъ предшественникамъ. Во многихъ отношеніяхъ время очень благоприятствовало ему. Нравственная жизнь германскихъ папъ набросила какъ бы покрывало забвенія на преступленія ихъ итальянскихъ предшественниковъ. Гильдебрандъ рѣшился уничтожить всѣ слѣды симоніи и наложничества; эта задача должна была быть закончена прежде, чѣмъ онъ могъ надѣяться привести въ исполненіе свой грандіозный планъ установленія церковной автократіи во всей Европѣ съ папою во главѣ и съ духовенствомъ, независимымъ отъ гражданской власти, какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Понятно, помимо всѣхъ нравственныхъ соображеній, что при такой системѣ верховная власть Рима приводила обязательно къ безбрачію духовенства.

Разъ бракъ былъ разрѣшенъ духовнымъ лицамъ, что могло помѣшать имъ передавать въ чужія руки, въ качествѣ наслѣдственнаго достоянія, приобретенныя ими богатства и достоинства? При такомъ положеніи дѣлъ центральное правитель-ство въ Римѣ находилось, очевидно, въ самомъ враждебномъ отношеніи къ мѣстнымъ интересамъ отдѣльнаго лица, въ особенности если нѣсколько отдѣльныхъ лицъ соединились вмѣстѣ для защиты сообщая однихъ и тѣхъ же интересовъ. Но совершенно иное положеніе дѣлъ получалось въ томъ случаѣ, когда возвышеніе зависѣло только отъ Рима,—совершенно иное по отношенію къ вліянію церкви на общественное мнѣніе, если бы переходъ наслѣдства отъ отца къ сыну воспрещался, если бы возможность устроить блестящую карьеру открывалась въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ, независимо отъ занимаемаго ими общественнаго положенія. Для церкви было въ высшей степени важно, чтобы каждый человекъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ ей, а не предкамъ. Несомнѣнно, что въ виду испытаній, которыя ей постоянно приходилось переносить, лишь вполне зависимые отъ нея люди могли лучше всего служить ея интересамъ.

Эти-то обстоятельства и побудили Григорій VII энергично взяться за дѣло. Синодъ, собранный въ Римъ въ первый годъ его папства, воспретилъ бракъ духовенства, подкрѣпивъ свой декретъ ученіемъ, что дѣйствительность св. Тайнъ зависитъ всецѣло отъ того, насколько совершающіе ихъ руки непорочны въ этомъ отношеніи, и что въ случаѣ грѣховности священника всѣ причащающіеся дѣлаются участниками въ ней. Предвидя оппозицію со стороны своихъ подчиненныхъ, Григорій VII началъ преслѣдовать ту политику, которую онъ преподávalъ своимъ предшественникамъ, онъ старался расположить въ свою пользу норманновъ, живущихъ на югѣ Италіи, хотя оказалъ имъ, при помощи графини Матильды, рѣшительное сопротивленіе, какъ только они осмѣлились затронуть владѣнія церкви. Потворствуя норманнамъ, онъ одобрилъ нашествіе ихъ на Англію при Вильгельмѣ Завоевателѣ, отправилъ послѣднему освященное знамя и кольцо съ волосомъ св. Петра и разрѣшилъ назначить норманновъ на мѣста саксонскихъ епископовъ и другихъ сановниковъ церкви. Папа помнилъ, какъ много выгоды получило папство отъ перемены франкской династіи, и такимъ-то образомъ политика одного итальянскаго города наложила свой отпечатокъ на дальнѣйшую исторію Англіи. Гильдебрандъ предвидѣлъ, что итальянско-норманнскій мечъ будетъ необходимъ для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей. Онъ, не колеблясь, разрѣшилъ франко-норманнамъ ниспровергнуть саксонскую династію, чтобъ обезпечить за собою ихъ преданность. Если бы не поддержка папы, норманнамъ никогда не удалось бы упрочить своей власти или даже долго продержаться въ Англіи.

Эти дѣйствія папы привели къ столкновенію съ германскими императорами по поводу инвеституръ. Епископъ миланскій, который, повидимому, нарушилъ присягу, наложивъ на него налогъ, былъ отлученъ Александромъ II, Имперскій сеймъ назначилъ

Столкновение по поводу инвеституры. преемникомъ ему нѣкоего Годфрея; папа же назначилъ Атто. Въ отвѣтъ на это Александръ приказалъ императору явиться къ нему на судъ по обвиненію въ симоніи и въ пожалованіи инвеституръ безъ его разрѣшенія. Пока это дѣло шло, Александръ умеръ, но Григорій продолжалъ споръ. Собранный синодъ постановилъ, что, въ случаѣ принятія къ кому-либо инвеституры отъ свѣтскаго лица, отлученію подвергнутся оба—и дающій, и принимающій. Синодъ возсталъ противъ свѣтской инвеституры на томъ основаніи, что это была узурпація папскихъ правъ, приводившая къ назначенію дурныхъ и невѣжественныхъ людей; въ дѣйствительности же подъ этимъ скрывалось желаніе расширить папскую власть, сдѣлавъ Римъ источникомъ доходовъ. Такимъ образомъ, Григорій своими дѣйствіями приобрѣлъ трехъ враговъ: императора, итальянскихъ дворянъ и женатое духовенство. Последнее, приведенное въ бѣшенство и не отличавшееся совѣстливостью, противопоставило папѣ его же собственное оружіе, оклеветавъ его дружбу съ графинею Матильдою. По всей вѣроятности, оно участвовало и въ оскорбленіи, нанесенномъ папѣ въ Римѣ дворянами.

Оскорбленіе, нанесенное Гильдебранду. Въ рождественскую ночь въ 1075 г., въ ужасный дождь, толпа солдатъ ворвалась въ церковь, схватила Григорія у алтара, сорвала съ него его облаченіе, подвергла бичеванію и изранила его; затѣмъ папу посадили на лошадь позади одного изъ солдатъ и привезли въ крѣпость, изъ которой онъ былъ освобожденъ народомъ. Но это не произвело никакого дѣйствія на неустрашимого папу: онъ продолжалъ съ прежнимъ упорствомъ борьбу съ императорскою властью, требуя отъ Генриха, чтобы онъ явился въ Римъ и далъ отчетъ въ своихъ преступленіяхъ, и угрожая ему отлученіемъ въ случаѣ, если онъ не прійдетъ въ назначенный день. Въ Вормсѣ собранъ былъ поспѣшно синодъ подъ предѣлательствомъ короля; на синодѣ предъявлены были обвиненія противъ папы въ безпутной жизни, подкупности, чародѣйствѣ, симоніи, убійствѣ, атеизмѣ, и произнесенъ былъ приговоръ о низложеніи его. Съ своей стороны, и Григорій созвалъ третій латеранскій соборъ въ 1076 г., наложилъ на короля Генриха интердиктъ, освободилъ его подданныхъ отъ вѣрноподданческой присяги и низложилъ его съ престола. Изданъ былъ рядъ постановленій, яено опредѣлявшихъ новыя основанія папской системы. Вотъ что въ нихъ было, между прочимъ, сказано: «Одинъ только римскій первосвященникъ можетъ быть названъ вселенскимъ; онъ одинъ имѣетъ право низлагать епископовъ; его легаты имѣютъ право предѣлательствовать надъ всеми епископами въ соборѣ; онъ можетъ низлагать отсутствующихъ прелатовъ; онъ одинъ имѣетъ право носить императорскія регалии; государи обязаны цѣловать его ногу, и только его; онъ имѣетъ право низлагать съ престола императоровъ; ни одинъ синодъ и ни одинъ соборъ, созданный безъ его полномочія, не можетъ быть названъ вселенскимъ; ни одна книга не можетъ быть названа каноническою безъ его разрѣшенія; его приговоры не могутъ быть никѣмъ отмѣнены,

онъ же можетъ отмѣнять постановленія всѣхъ; римская церковь всегда была и будетъ непогрѣшимою; тотъ, кто не соглашается съ этимъ, перестаетъ быть католическимъ христіаниномъ, и подданные могутъ быть освобождены отъ присяги въ вѣрности дурнымъ государямъ». Власть, которая могла издавать такого рода постановленія, близка была къ апогею своего могущества.

Теперь обнаружилось съ очевидностью превосходство духовной власти надъ свѣтскою. Споръ съ Генрихомъ продолжался; послѣ тяжелой борьбы и напрасныхъ усилій привлечь на свою сторону норманновъ, монархъ этотъ былъ вынужденъ покориться: и одержавъ въ самый разгаръ зимы онъ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, перешелъ черезъ снѣжные Альпы, чтобы получить отпущеніе грѣховъ отъ своего противника. Затѣмъ послѣдовала сцена въ Каноссѣ: кающійся въ бѣлой одеждѣ, въ ужасный снѣгъ, стоялъ три зимнихъ дня въ январѣ 1077 г. передъ воротами папскаго жилища, изнемогая отъ холода и голода, умоляя о прощеніи и примиреніи у неумолимаго папы; этотъ кающійся былъ императоръ германскій. Затѣмъ послѣдовала драматическая сцена при совершеніи обряда причащенія, когда сѣдовласый первосвященникъ просилъ небо убить его на мѣстѣ, если онъ виновенъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, и приглашалъ преступнаго монарха сказать то же самое.

Разсуждая объ этихъ интересныхъ событіяхъ, нельзя не замѣтить двухъ важныхъ заключеній, вытекающихъ изъ заключеніе, которое можно вывести изъ значительное измѣненіе въ направленіи мыслей цѣлой Европы; появились на сцену новыя идеи, возникли новыя ученія или оспаривались старыя, зарождалась новая политика, представлявшая значительный шагъ впередъ по сравненію съ прежнею. Умственное развитіе какъ духовенства, такъ и мірянъ сдѣлало большіе успѣхи. Выяснился и особенный характеръ папской власти, — свѣтскій, являющійся результатомъ человѣческой политики. Оскорбленіе, нанесенное Гильдебранду, показываетъ, что папская власть въ ея центрѣ уменьшилась, но побѣда его надъ Генрихомъ доказываетъ, что она сохранила всю свою силу на разстояніи. Естественныя силы уменьшаются по мѣрѣ увеличенія разстоянія; эта же неестественная сила выказала совершенно противоположныя свойства.

Григорій настоялъ на своемъ. Онъ не только отразилъ нападеніе съ сѣвера, но и установилъ верховенство духовной власти надъ свѣтскою, и эту цѣль онъ преслѣдовалъ съ непоколебимою рѣшимостью, несмотря на гражданскую войну, вызванную въ послѣдствіи въ Германіи его дѣятельностью. Хотя онъ проявлялъ большую неуступчивость въ дѣлѣ свѣтской политики, но можно предположить, что въ дѣлѣ религиозныхъ вѣрованій онъ отличался меньшимъ упорствомъ. Во время войны между Генрихомъ и его соперникомъ Рудольфомъ Григорій сначала объявилъ себя нейтральнымъ и всецѣло предался спору объ евхаристіи. Въ это именно время онъ сошелся съ Беренга- Дружба между Гильдебрандомъ и Беренгаромъ.

ромъ, который прожилъ съ нимъ цѣлый годъ. Папа не счелъ недостойнымъ себя сослаться въ извиненіе еретика на видѣніе, въ которомъ Дѣва Марія яко бы подтвердила ортодоксію Беренгара, но такъ какъ его споръ съ королемъ Генрихомъ привелъ къ новымъ отлученіямъ и низложеніямъ, то синодъ епископовъ осудилъ его, какъ приверженца Беренгара и чародѣя. Послѣ избранія антипапою Джильбера Равеннского, Григорій безъ малѣйшихъ колебаній довелъ свои принципы до ихъ крайнихъ слѣдствій, назвалъ королевскую власть нечестивою и дьявольскою узурпаціею, нарушеніемъ ^{возобновленіе спора съ Германіею.} челоуѣческаго равноправія. Тогда Генрихъ рѣшилъ либо погубить папу, либо самому погибнуть; спустившись вновь въ Италию въ 1081 г., онъ въ теченіе трехъ лѣтъ осаждалъ Римъ. Напрасно влюбленная Матильда, съ преданностью, превышающей преданность обыкновенной союзницы, пыталась притти на помощь своему осужденному другу. Городъ сдался Генриху на Рождество 1084 г. Онъ вступилъ въ Римъ со своимъ антипапою, и получилъ изъ его рукъ императорскую корону. Но тутъ подошли норманнскіе союзники Гильдебранда со значительными силами. Императоръ былъ вынужденъ отступить. Онъ сдѣлалъ было слабую попытку удержать за собою городъ, но норманны захватили его врасплохъ и освободили Григорія изъ заключенія въ замкѣ св. Ангела. За этимъ послѣдовала ужасающая сцена. Произошло нѣсколько столкновеній между гражданами и норманнами; они привели къ уличной битвѣ, и Римъ былъ разграбленъ, опустошенъ, сожженъ. Улицы, церкви, дворцы — все было обращено въ груды дымящагося пепла. Народъ убивали тысячами. Сарацины, которыхъ было очень много въ норманнской арміи, появились, ^{Магометано поддерживаютъ} конецъ, въ Вѣчномъ городѣ, появились въ качествѣ наемныхъ защитниковъ викарія Христа. Матери семействъ, монахини, молодые женщины были обезчещены. Цѣлыя толпы ^{Гильдебранда грабятъ Римъ и смерти папы.} мужчинъ, женщинъ и дѣтей были увезены и проданы въ рабство. Съ городомъ обращались такъ, какъ будто онъ былъ взятъ штурмомъ. Сильно опечаленный папа удалился вмѣстѣ со своими невѣрными освободителями изъ своей разоренной столицы въ Салерно, гдѣ и умеръ въ 1085 г.

Черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, новая политика была принята папствомъ, — политика, доставившая ему больше ^{Крестовые походы.} могущества, чѣмъ всѣ ухищренія Григорія. Французскій папа Урбанъ II организовалъ крестовые походы. Не пользуясь популярностью въ Италиі, по всей вѣроятности, благодаря его чужеземному происхожденію, онъ поднялъ свою родную страну для освобожденія Святой земли. Началь онъ свою карьеру довольно обыкновеннымъ для того времени образомъ: онъ вмѣшался въ ссору Филиппа французскаго съ его женою, принявъ сторону послѣдней, что, какъ доказалъ опытъ, было весьма благоразумнымъ дѣйствіемъ со стороны папы. Вскорѣ, впрочемъ, онъ обратилъ вниманіе на дѣла, представлявшія болѣе значенія, чѣмъ супружескія ссоры. Повидимому, европейскій крестовый походъ былъ впервые задуманъ ^{Гильдебранда} основательнымъ образомъ Гербертомъ, понявшимъ все его

глубокое значеніе: это пониманіе внушено ему было знаніемъ магометанскихъ дѣлъ. Въ первый годъ своего папства онъ написалъ отъ имени іерусалимской церкви посланіе къ вселенской церкви, убѣждая христіанскихъ воиновъ притти къ ней на помощь деньгами или оружіемъ. Эту мысль питалъ и Григорій VII. Въ теченіе многихъ лѣтъ пилигримство въ Палестину все усиливалось; весьма выгодная вывозная торговля реликвіями изъ этой страны все возрастала; въ послѣднее время со всѣхъ концовъ Европы отправлялись въ Іерусалимъ толпы народа съ странною цѣлью присутствовать при страшномъ судѣ, который яко бы на основаніи пророчества долженъ былъ проходить въ Исафатовой долинѣ. Магометане сильно притѣняли этихъ набожныхъ людей, не понимая цѣли и смысла такого рода необыкновенныхъ странствованій и считая, вѣроятно, необходимымъ положить предѣлъ прибытію такого несмѣтнаго количества людей. Петръ Пустынникъ, видѣвшій варварское обращеніе, которому подвергались его братья по Христу, и оскверненіе святыхъ мѣстъ, попавшихъ въ руки невѣрныхъ, фанатизировалъ своими проповѣдями Европу; а Урбанъ, на ^{Клермонтскій соборъ благословляетъ крестовый походъ.} клермонскомъ соборѣ въ 1095 г., освятилъ своимъ авторитетомъ священную войну. «Это воля Божія», единогласно провозглашали соборъ и народъ. 25-го апрѣля появился цѣлый дождь необыкновенно блестящихъ и періодически падающихъ звѣздъ; соборъ призналъ его небеснымъ указаніемъ на то, что христіане должны подобнымъ же образомъ поспѣшить на востокъ. Этотъ случай показываетъ намъ, какъ мало было истиннаго вдохновенія въ этихъ взбалмошныхъ и бурныхъ духовныхъ собраніяхъ; стоить подвергнуть ихъ научному критицизму, и истинный ихъ характеръ немедленно обнаруживается. Въ видѣ подготовительнаго упражненія, вепыхнуло бѣшеное преслѣдованіе французскихъ евреевъ, и кровь и мученія громадной массы этихъ людей представляли запоздалое искупленіе преступленій, совершавшихся ихъ предками при распятіи Іисуса Христа въ Іерусалимѣ болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ.

Въ планъ моего сочиненія не входитъ подробное описаніе крестовыхъ походовъ. Достаточно сказать, что хотя духовенство и обѣщало покровительство Бога всѣмъ, кто приметъ участіе въ его защитѣ, — большую награду за благочестивыя дѣла въ этой жизни и небесное блаженство въ будущей, — но Урбановскій ^{Первый крестовый походъ.} крестовый походъ рушился самымъ ужаснымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ, насколько это касается невѣжественныхъ массъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Петра Пустынника и Вальтера Безденежнаго. Тѣмъ не менѣе при другихъ, лучше организованныхъ экспедиціяхъ, векорѣ послѣдовавшихъ за первою, Іерусалимъ былъ взятъ 15-го іюля 1099 г. Длинный, ужасный рядъ костей, блѣвшихъ по дорогѣ изъ Венгріи на востокъ, показываетъ, какъ велико было различіе между мирнымъ, уединеннымъ пилигримомъ съ его палкою, котомкою и коробочкою изъ раковинъ, въ которую онъ собиралъ по дорогѣ милостыню, и безпорядочною толпою тысячъ людей, которые въ безпорядкѣ, безъ малѣйшей дис-

циплины или организаціи, стремились впередъ, возлагая всѣ надежды на божье Провидѣніе. Авангардъ крестоносцевъ состоялъ изъ 275000 людей, сопровождаемыхъ восемью лошадьми и предшествуемыхъ козломъ и гусемъ, въ которомъ, по словамъ нѣкоторыхъ, обиталъ св. Духъ. Доведенные до сумасшествия постоянными разочарованіями и голодомъ, ожидая, въ своемъ невѣжествѣ, что каждый городъ, черезъ который имъ приходилось проходить, Иерусалимъ,—они въ своей крайности клали руку на все, что могли захватить. Путь ихъ обозначался разбоемъ, кровопролитіями и пожарами. Въ первый крестовый походъ погибло болѣе полумилліона людей. Онъ оказался гораздо болѣе гибельнымъ, чѣмъ отступленіе изъ-подъ Москвы.

Но все же въ военномъ отношеніи первый крестовый походъ достигъ своей цѣли. Взятіе Иерусалима сопровождалось, какъ и можно было ожидать, самыми ужасающими жестокостями, превосходящими всякое вѣроятіе. Что за контрастъ съ поведеніемъ арабовъ! Когда калифъ Омаръ взялъ Иерусалимъ въ 637 г., онъ въѣхалъ въ городъ рядомъ съ патриархомъ Софроніемъ, бесѣдуя съ нимъ о древностяхъ Иерусалима. Въ часъ молитвы онъ отказался выполнять свои обряды въ церкви Воскресенія, въ которой его засталъ этотъ часъ, и помолился на ступеняхъ церкви Константина, «потому что,—сказалъ онъ патриарху,—стоитъ мнѣ это сдѣлать, и магометане въ будущемъ могли бы нарушить договоръ подъ тѣмъ предлогомъ, что они подражаютъ моему примѣру». Когда же Иерусалимъ былъ взятъ крестоносцами, они разбивали о стѣны головы маленькихъ дѣтей, сбрасывали съ укрѣпленій младенцевъ, насиловали всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку женщинъ, жарили мужчинъ на огнѣ; многихъ рѣзали, чтобы посмотреть, не проглотили ли оно золото; евреевъ загнали въ синагогу и сожгли въ ней живьемъ; убито было около 70000 душъ, и «въ этомъ торжествѣ принималъ участіе и папскій легатъ».

Политики, составившіе впервые планъ этихъ войнъ, надѣялись помощью ихъ уничтожить раздѣленіе церквей на латинскую и греческую и дать начало европейской республикѣ подъ духовнымъ предѣлательствомъ папы. Въ этомъ отношеніи они потерпѣли неудачу. Сами папы, повидимому, лично мало вѣрили въ возможность достиженія подобнаго результата. Ни одинъ изъ нихъ никогда не участвовалъ въ крестовыхъ походахъ, и церковь, какъ корпоративное учрежденіе, старалась возможно меньше жертвовать на эти предпріятія. Но хотя крестовые походы не привели къ намѣченной цѣли, они значительно усилили папскую власть. Благодаря представляемымъ ими благодѣтельнымъ предлогамъ, папа получалъ верховную власть надъ каждымъ христіаниномъ, отъ самаго высшаго до самаго низшаго класса. Разъ крестъ былъ надѣтъ, всякая гражданская власть надъ крестоносцемъ прекращалась,—онъ отдавался въ исключительное вѣдѣніе церкви. При такихъ обстоятельствахъ церковь пріобрѣтала незамѣтно право взимать доходы во всѣхъ частяхъ Европы; даже духовенство могло подвергнуться обложенію.

Взятіе Иерусалима.

Политическіе результаты крестовыхъ походовъ.

Они доставляютъ церкви власть надъ людьми и деньгами Европы.

Такимъ образомъ получалась возможность извлекать доходы изъ самыхъ отдаленныхъ странъ для такихъ цѣлей, противъ которыхъ никто не смѣлъ возражать подъ страхомъ прослыть за невѣрнаго или атеиста. Образовался непрерывный притокъ денегъ въ Италію. Но не одно только это обложеніе всѣхъ христіанскихъ націй, безъ какого бы то ни было разрѣшенія со стороны ихъ правительствъ,—образованія какъ бы государства внутри государства,—доставляло громадное богатство устроителямъ крестовыхъ походовъ; пока религиозное возбужденіе поддерживалось, богатство церкви возрастало вълѣдствіе уменьшенія цѣны на земли. Громадные владѣнія продавались на рынкѣ и единственнымъ почти покупателемъ ихъ была церковь. Другія обширныя владѣнія приносились ей въ даръ напуганными грѣшниками или умирающими, жаждавшими спасти свои души. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, крестовые походы хотя и не произвели ожидаемаго отъ нихъ дѣйствія, но принесли громадную пользу церкви, доставивъ ей такое могущество, какого она раньше никогда не имѣла.

Защищаясь отъ нападеній со стороны Германіи, папы не брезгали никакими средствами. Они поощряли принца Генриха возстать противъ ихъ заклятаго врага, его отца; они вмѣшались не для того, чтобы сдержать его, а для того, чтобы подстрекнуть, когда онъ заперъ отца въ тюрьму и лишилъ его необходимыхъ для жизни средствъ. Они не прекращали своего мнѣнія и за гробомъ. Когда старый императоръ, съ разбитымъ сердцемъ, избѣжалъ ихъ преслѣдованій и былъ съ почетомъ погребенъ епископомъ лютихскимъ, этотъ прелатъ былъ отлученъ отъ церкви и принужденъ выкопать изъ могилы тѣло погребеннаго. Но такого рода преступленія, противъ которыхъ возстаетъ человѣческая природа, получили возмездіе. Тотъ же принцъ Генрихъ, сдѣлавшійся Генрихомъ V, былъ вынужденъ силою обстоятельствъ возобновить споръ своего отца и отказаться уступить свое право на пожалованіе инвеституръ. Онъ двинулся на Римъ и силою меча принудилъ своего противника, папу Пасхалія II, уступить ему всѣ владѣнія и королевскія прерогативы церкви и короновать его императоромъ, но только послѣ того, какъ папа былъ заключенъ въ тюрьму и подвергся осужденію со стороны своей собственной партіи.

Все приводило, повидимому, къ гибели Рима, и таковъ и былъ бы неизбѣжно исходъ, если бы не поразительное вліяніе Бернара Кларвосскаго, къ которому вся Европа относилась какъ къ разрушителю ересей, теологическихъ и политическихъ. Онъ былъ ученикомъ Вильяма Шампо, побѣжденнаго соперника Абеяра, и ненавидѣлъ Абеяра лично и религиозною ненавистью. Бернара считали чародѣемъ. Онъ отлучалъ мухъ, наполнявшихъ церковь, и онъ падали мертвыми на полъ и выносились корзинами изъ церкви. Его описывали какъ «методичаго доктора, сочиненія котораго не отличаются научнымъ характеромъ, но полны благочестія». Онъ не допускалъ принциповъ, лежавшихъ въ основаніи философіи Абеяра,—утвержденія верховенства разума. Онъ обвинилъ и наказалъ Арнольда изъ Бремни,

Сопrotивленіе Генриха V.

Бернаръ Кларвосскій возбуждаетъ второй крестовый походъ.

который довелъ этотъ принципъ до его крайнихъ политическихъ послѣдствій и объявилъ, что богатства и могущества духовенства не соотвѣтствуютъ его положенію и его занятіямъ. Бернаръ началъ проповѣдывать новый крестовый походъ, и въ удостовѣреніе справедливости своихъ словъ производилъ чудеса, которые, какъ говорятъ, мало въ чемъ уступали чудесамъ Спасителя; онъ объявлялъ, что каждый, убившій невѣрнаго, будетъ пользоваться счастьемъ ^{Его неудача.} здѣсь, на землѣ, и тамъ, въ будущей жизни. Во главѣ этого второго крестоваго похода стояли короли; среди крестоносцевъ находились и фанатизированныя дамы, наряженныя въ военные доспѣхи; но походъ этотъ кончился неудачею.

Единственному англичанину, достигшему папской власти, пришлось наложить на Римъ то наказаніе, которому онъ такъ часто подвергалъ другихъ. Николай Брикспиръ, Адрианъ IV, наложилъ на Вѣчный городъ интердиктъ и разрушилъ республику, учрежденную приверженцами Арнольда изъ Бремни. Но въ этомъ отношеніи ему оказала значительную помощь перемена въ чувствахъ многихъ изъ жителей Рима, которые дошли сами, личнымъ опытомъ, до убѣжденія, что для города выгоднѣе служить центромъ христіанства, чѣмъ столицею фантастической республики. Въ награду за коронованіе его Адрианомъ, Фридрихъ Барбаросса согласился выдать церкви Арнольда Бремнянскаго. Церковь поступила въ этомъ ^{Убитіе Арнольда Бремнянскаго.} случаѣ съ самою неприличною поспѣшностью: овладѣвъ своимъ смертельнымъ врагомъ, она убила его,—она не предала его, согласно обычаю, въ руки свѣтской власти, а собственноручно казнила. Прошло семь столѣтій, и кровь Арнольда все еще взываетъ къ мщенію. Несмотря на новый, третій крестовый походъ, положеніе дѣлъ въ святой землѣ все ухудшалось. Саладинъ вновь взялъ Иерусалимъ въ 1187 г., Барбаросса утонулъ въ рѣкѣ Писидіи. Ричардъ англійскій былъ коварнымъ образомъ заключенъ въ тюрьму, а папа не высунулъ въ защиту ^{Рожденіе Фридриха II.} этого храбраго крестоносца. Между тѣмъ германскіе императоры приобрѣли Сицилію путемъ брачнаго союза,—событіе, получившее немаловажное значеніе въ исторіи Европы, потому что, по смерти въ Мессинѣ Генриха VI, сына его, Фридрихъ, двухлѣтній ребенокъ, былъ оставленъ для воспитанія на этомъ островѣ. Мы вскорѣ увидимъ, что изъ этого произошло.

Обозрѣвая событія, разсказанныя въ этой главѣ, мы находимъ, что идолопоклонство и безправственность, въ которыя впалъ Римъ, были тѣсно связаны съ матеріальными интересами, достаточно могущественными, чтобъ обезпечить свое существованіе; что обращенная въ христіанство Германія требовала реформы и производила потому нравственное нападеніе на итальянскую систему, стараясь произвести требуемую реформу помощью гражданской власти. Нападеніе это было въ сущности чисто нравственнаго свойства, такъ какъ сопровождавшій его умственный элементъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ западнымъ или арабскимъ влияніямъ, какъ мы увидимъ изъ слѣдующей главы; папство не только успѣшно сопротивлялось этому нападенію,

но и сумѣло отплатить ему достойнымъ образомъ, одержавъ верхъ надъ германскими императорами и готовясь учредить европейскую автократію, во главѣ которой стоялъ бы папа. Среди этихъ-то событій возникла реформація, хотя обстоятельства задержали ея развитіе вплоть до лютеровской эры. Съ этихъ поръ все болѣе и болѣе ясно опредѣляется положеніе, въ какое папство вынуждено было стать благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ: положеніе противника всякаго рода умственнаго развитія. Но мы оставимъ изложеніе этого факта неоконченнымъ, пока не опишемъ давленія, производимаго магометанскими влияніями на западъ и востокъ.

ГЛАВА II.

Вѣкъ вѣры на западѣ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ЗАПАДНОЕ, или УМСТВЕННОЕ, НАПАДЕНІЕ НА ИТАЛЬЯНСКУЮ СИСТЕМУ.

Умственное состояніе христіанства въ противоположность арабской Испаніи.

Распространеніе умственныхъ арабскихъ влияній во Франціи и Сициліи.—Примѣръ сарацинской науки въ Альгазевѣ, а философіи въ Альгаццали.—Инокентій III готовится бороться съ этими влияніями.—Результатъ, къ которому привело въ западной Европѣ взятіе Константинополя католиками.

Распространеніе легкой магометанской литературы приводитъ къ ереси.—Подавленіе ереси на югѣ Франціи вооруженною силою.—Инквизиція, нищенскіе ордена, устная исповѣдь и казуистика.

Возбужденное чувство недовольства олицетворяется въ Фридрихѣ II въ Сициліи.—Его столкновеніе съ папою и побѣда надъ шимъ папы.—Распространеніе мятежа среди нищенствующихъ орденовъ.

Между тѣмъ на западѣ началось давленіе на итальянскую систему. Своимъ началомъ оно обязано было присутствію арабовъ въ Испаніи. Поэтому необходимо разсказать обстоятельство ихъ вторженія въ эту страну и завоеванія ея, и сравнить ихъ общественное и умственное положеніе съ современнымъ имъ положеніемъ христіанства.

Отъ варварства туземныхъ обитателей Европы, которые, можно сказать, только что вышли изъ дикаго состоянія,—грязные ^{Давленіе съ запада на Римъ.} сѣ виду, стоящіе на самой низкой степени умственнаго развитія, обитающіе въ хижинахъ, гдѣ признакомъ богатства служили камышъ, разостланный на полу, и соломенные цыновки, развѣшенные на стѣнахъ, скудно питавшіеся бобами, горохомъ, кореньями и даже древесною корою, покрытые одеждами изъ невыдѣланной кожи или въ лучшемъ случаѣ изъ мѣха—одеждами, превосходными въ смыслѣ прочности, но не способствовавшими тѣлесной чистотѣ, находившіеся на той ступени общественнаго развитія, когда пышность, окружающая королевскій санъ, обнаруживается въ вполне удовлетво-

рительной степени въ экипажъ государя — телѣгъ, запряженной двумя парами воловъ, которыхъ подгоняли пѣшіе рабы съ ногами, обернутыми соломой, — отъ народа, вѣрившаго глубоко во всякаго рода дикія выдумки о чудесахъ и реликвіяхъ, отъ средневѣковой теологіи, впавшей въ самое жалкое состояніе, и отъ споровъ за власть честолюбиваго духовенства пріятно обратиться къ юго-западному уголку материка, гдѣ начинали распространяться лучи свѣта, подчиняясь совершенно другимъ вліяніямъ. Полумѣсячъ на западъ долженъ былъ скоро перейти на востокъ въ полнолуніе.

Но я долженъ вернуться назадъ за четыре столѣтія и описать вкратцѣ прогрессъ въ умственномъ развитіи арабовъ со времени подчиненія Африки, рассказаннаго мною въ главѣ XI.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло завоеваніе Испаніи арабами. Въ этой странѣ арианскій символъ вѣры былъ

Вторженіе арабовъ въ Испанію. вытѣсненъ ортодоксальнымъ, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали обычныя преслѣдованія. Со времени императора

Адріана, который переселилъ въ Испанію 50000 еврейскихъ семей, еврейское племя сильно размножилось и, какъ можно было ожидать, много терпѣло отъ ортодоксовъ. Девяносто тысячъ евреевъ были насильно окрещены и подведены, такимъ образомъ, подъ жестокій католическій законъ, гласившій, что всѣ крещенные обязаны выполнять обряды христіанской религіи. Готская монархія была избирательною, и на престолъ ея сѣлъ Родерикъ, въ ущербъ наслѣдникамъ своего предшественника. Это былъ храбрый воинъ, но въ то же время безнравственный человѣкъ, любившій роскошь и удовольствія. У него былъ обычай посылать своихъ дѣтей на воспитаніе въ Толедо; ради этого проживала въ этомъ городѣ и одна молодая дѣвушка чудной красоты, дочь графа Юліана, губернатора Сеуты въ Африкѣ. Король Родерикъ страстно влюбился въ нее, но, будучи не въ состояніи преодолѣть силою убѣжденія ея добродѣтельнаго сопротивленія, прибѣгнулъ къ насилію. Молодая дѣвушка нашла средство увѣдомить отца о случившемся. «Клянусь Богомъ!» вскричалъ графъ въ пароксизмѣ бѣшенства, «я буду отомщенъ!» Но, скрывая свою злобу, онъ отправился въ Испанію, вступилъ въ соглашеніе съ Оппасомъ, архіепископомъ толедскимъ, и другими недовольными духовными лицами, и обманувъ разными ухищреніями подозрѣнія Родерика, увезъ тайкомъ свою дочь. Вернувшись домой, онъ вступилъ въ переговоры съ эмиромъ Мусою, убѣждая его начать завоеваніе страны и предлагая свою помощь для руководства предпріятіемъ. Условія соглашенія были выработаны, калифъ далъ на нихъ свое согласіе. Тарикъ, одинъ изъ военачальниковъ эмира, былъ отправленъ впередъ съ авангардомъ. Онъ переѣхалъ проливъ и высадился на скаль, которая была названа по его имени Гибралтаромъ (апрѣль 711 г.). Въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ часть войскъ Родерика, вмѣстѣ съ архіепископомъ толедскимъ, выполняя свой измѣнническій договоръ, перешла на сторону арабовъ, остальные разбѣжались, охваченныя паникою. Во время бѣгства самъ Родерикъ утонулъ въ водахъ Гвадалквивира.

Тогда Тарикъ быстро двинулся впередъ къ сѣверу; вскорѣ къ нему присоединился и начальникъ его, эмиръ Муса, съ завистью видѣвшій успѣшныя дѣйствія своего подчиненнаго. По словамъ арабскихъ историковъ, Всемогуцій предалъ въ ихъ руки идопоклонниковъ, позволивъ имъ одержать надъ ними одну побѣду за другою. По мѣрѣ того, какъ города переходили во владѣніе арабовъ, послѣдніе отдавали ихъ въ вѣдѣніе евреевъ; желаніе послѣднихъ отомстить христіанамъ въ значительной степени способствовало побѣдѣ арабовъ, такъ что завоеватели могли вполне довѣриться имъ. Арабы, не останавливаясь, двигались впередъ, пока не перешли черезъ французскую границу и не достигли Роны. Муса намѣревался пройти европейскій материкъ до Константинополя, покоряя по пути франкскихъ, германскихъ и итальянскихъ варваровъ. Франція, казалось, не могла никакимъ образомъ избѣжать судьбы, постигнувшей Испанію; стоило ей пасть, и исполнились бы угрозы Мусы, что онъ вскорѣ будетъ въ Ватиканѣ проповѣдывать единство Бога. Но между нимъ и Тарикомъ возникъ споръ: Тарика заключили въ тюрьму, а затѣмъ подвергли бичеванію. Впрочемъ, при дамасскомъ дворѣ у него не было недостатка въ друзьяхъ. Вскорѣ прибылъ посоль отъ калифа Альвалида съ приказомъ Мусѣ не продолжать начатаго предпріятія, а вернуться въ Сирію, чтобъ оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Муса купилъ посла и продолжалъ походъ. Тогда разгнѣванный калифъ отправилъ второго посла, который передъ лицомъ мостемовъ и христіанъ смѣло арестовалъ Мусу, схвативъ за узды его лошадь въ то время, какъ онъ ѣхалъ во главѣ своего войска. Побѣдитель Испаніи былъ вынужденъ вернуться. Его заключили въ тюрьму, оштрафовали въ 200000 золотомъ, подвергли публичному бичеванію и едва не предали казни. То, что рассказано о Велизаріи, можетъ быть примѣнено и къ Мусѣ: онъ былъ вынужденъ, какъ нищій, просить милостыню, и сарацинскій побѣдитель Испаніи кончилъ жизнь въ горѣ и сильной нуждѣ.

Раздоры между арабами въ гораздо большей степени помѣшали покоренію Франціи магометанами, чѣмъ мечъ Карла Магометане остановлены въ своемъ движеніи на западную Европу. Мартела. Арабскіе историки признаютъ сильную неудачу, перенесенную ими въ битвѣ при Турѣ, въ которой Абдеррахманъ былъ убитъ; они называютъ это поле битвы Мѣстомъ мучениковъ; но ихъ свѣдѣнія не сходятся съ данными христіанскихъ авторовъ, утверждавшихъ, что магометанъ пало 375000, а христіанъ только 1500. Пораженіе было вовсе не такъ велико, какъ видно изъ того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ арабы получили возможность возобновить свое наступленіе, и ихъ движеніе впередъ было остановлено только благодаря возобновленію раздоровъ между ними, — раздоровъ не только между предводителями арабовъ въ Испаніи, но и между разными претендентами на калифатъ въ Азіи, при чемъ послѣдніе несогласія представляли еще большее значеніе, чѣмъ первыя. Послѣ низверженія дома Омайядовъ, Абдеррахманъ, одинъ изъ членовъ этой семьи, убѣжалъ въ Испанію, которая въ награду за покровительство, оказанное имъ завоеванію,

признала его своимъ государемъ. Онъ объявилъ Кордову столицю своего государства. Ни онъ и ни одинъ изъ его ближайшихъ премниковъ не носилъ другихъ титуловъ, кромѣ титула эмира, изъ уваженія къ калифу, резиденціей котораго былъ Багдадъ, метрополия ислама, хотя между государями Испаніи и Багдада было постоянное соперничество въ дѣлѣ покровительства наукамъ и литературѣ. Абдеррахманъ усилилъ свое могущество, вступивъ въ споръ съ Карломъ Великимъ.

Какъ только арабы утвердились въ Испаніи, передъ ними открылось блестящее поприще. Усвоивъ политику, принятую съ давнихъ поръ повелителями правовѣрныхъ въ Азіи, кордовскіе эмиры играли всегда роль покровителей знанія и давали примѣръ утонченности, представлявшій рѣзкій контрастъ съ положеніемъ туземныхъ европейскіхъ государей. Кордова во время ихъ управления достигла апогея своего развитія; въ ней находилось 200000 домовъ и жило болѣе чѣмъ миллионное населеніе. Послѣ захода солнца можно было идти десять миль по прямой линіи при свѣтѣ общественныхъ фонарей. Семьсотъ лѣтъ спустя въ Лондонѣ имѣлся только одинъ общественный фонарь. Улицы Кордовы были превосходно вымощены. Въ Парижѣ нѣсколько столѣтій тому назадъ въ дождливые дни передъ порогами домовъ ноги погужались въ грязь по самымъ лодыжки. Другіе города, напр., Гренада, Севилья, Толедо, соперничали съ Кордовою. Дворцы калифовъ были великолѣпно декорированы. Эти государи съ нѣсколько высокоумнымъ презрѣніемъ смотрѣли на жилища правителей Германіи, Франціи и Англій, которыя были едва ли лучше хлѣбовъ,—безъ трубъ, безъ оконъ, съ дырою въ потолокъ для пропуска дыма, подобно индѣйскимъ вигвамамъ. Испанскіе магометане привезли съ собою всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ резиденціи или устремлялись вверхъ къ

яному голубому небу, или были окружены лѣсами. У нихъ дворцы и сады.
 нихъ были полированные мраморные балконы, возвышавшіеся надъ померанцевыми садами, дворы съ каскадами воды, тѣнистыя убѣжища, располагавшія ко сну въ душные, жаркіе дни, комнаты для отдыха со сводами изъ цвѣтныхъ стеколъ, испещренныхъ золотомъ, по которымъ струились потоки воды; стѣны и полы были разукрашены превосходною мозаикою. Здѣсь фонтанъ изъ ргуги выпускалъ блестящую струю, сверкающія частицы которой падали внизъ съ нѣжнымъ звукомъ, подобнымъ звуку маленькихъ колокольчиковъ; тамъ находились помѣщенія, въ которыхъ холодный воздухъ изъ цвѣтниковъ вводился лѣтомъ помощью вентиляторовъ, а зимою черезъ посредство глиняныхъ трубъ или теплопроводовъ, вдѣланныхъ въ стѣны,—черезъ эти скрытые проходы духовыя печки, находившіяся въ нижнихъ сводахъ, проводили въ комнаты тепло и надушенный воздухъ. Стѣны были покрыты не панелями, а арабесками, рисунками сценъ земледѣльческой жизни и видами рай. Съ потолокъ, разукрашенныхъ чеканнымъ золотомъ, свѣшивались канделябры, изъ которыхъ одинъ былъ такъ великъ, что заключалъ въ себѣ 1084 лампы. Повсюду видѣлось множество нѣжныхъ

мраморныхъ колоннъ, поражающихъ наблюдателя громадною тяжестью, которую онѣ поднимали. Въ будуарахъ султаннѣ колонны эти дѣлались иногда изъ вердантика, съ инкрустаціею изъ яшмы-лазури. Мебель была изъ сандалеваго и лимоннаго дерева, разукрашеннаго жемчугомъ, слоновою костью, серебромъ или же рельефами изъ золота и драгоцѣннаго малахита. Въ красивомъ безпорядкѣ разставлены были вазы изъ горнаго хрустала, китайскій фарфоръ и столы съ превосходной мозаикою. Зимнія комнаты были увѣшаны дорогими затканными матеріями, полы покрыты вышитыми персидскими коврами. По всей комнатѣ, накуреной ладаномъ, разставлены были диваны изящной формы и разложены подушки. Стараясь отбѣснить на задній планъ внѣшній ландшафтъ, сарацинскій архитекторъ хотѣлъ сосредоточить все вниманіе на своемъ произведеніи; и такъ какъ изображеніе человѣческихъ формъ воспрещалось религіею и этотъ источникъ украшеній печезаль, то онъ давалъ волю своему воображенію въ дѣлѣ изобрѣтенія всевозможныхъ сложныхъ арабесковъ и пользовался всякимъ случаемъ замѣнить запрещенныя произведения искусства разнаго рода чудесами и рѣдкостями сада. По этой причинѣ у арабовъ не было художниковъ; религія отращала ихъ отъ прекраснаго и образовала изъ нихъ солдатъ, философовъ и дѣловыхъ людей. Великолѣпные цвѣты и рѣдкія экзотическія растенія украшали дворы и даже внутреннія комнаты. Особенное вниманіе обращалось на чистоту, на занятія и развлеченія обывателей. Черезъ металлическія трубы проводилась въ мраморныя ванны горячая и холодная вода, смотря по времени года; въ нишахъ, куда могъ быть искусственно направленъ токъ воздуха, были повѣшены влажныя алькаранцы. Существовали шепчущіяся галереи для увеселенія женщинъ, лабиринты и мраморные дворы для игръ дѣтей, а для самого хозяина большія библіотеки. Библіотека калифа Альакама была такъ обширна, что каталогъ ея состоялъ изъ сорока томовъ. У него были отдѣльныя помѣщенія для переписки книгъ, переплета и орнаментики ихъ. Любовь къ калиграфіи и къ великолѣпно разрисованнымъ рукописямъ отличала, повидимому, калифовъ Азіи и Испаніи, подобно тому, какъ страсть къ вапнію и живописи составляла впоследствии отличительную черту римскихъ папъ.

Таковы были дворецъ и сады Зеры, гдѣ жила любимая султанна Абдеррахмана III. Зданіе это заключало въ себѣ 1200 колоннъ изъ греческаго, итальянскаго, испанскаго и африканскаго мрамора. Приемный залъ былъ инкрустированъ золотомъ и жемчугомъ. По длиннымъ корридорамъ серала молча расхаживали черныя евнухи. Жительницы гарема, жены и наложницы, принадлежали къ числу самыхъ красивыхъ женщинъ страны. Въ одномъ гаремѣ находилось около 6300 прислуживающихъ лицъ. Корпусъ тѣлохранителей султана состоялъ изъ 12000 всадниковъ, сабли и перевязи которыхъ были покрыты золотомъ. И этотъ самый Абдеррахманъ, послѣ славнаго царствованія въ пятьдесятъ лѣтъ, началъ однажды считать число прожитыхъ имъ счастливыхъ

дней и могъ насчитать только четырнадцать. «О, человекъ», вскричалъ жалобно калифъ, «не довѣрайся этому міру!»

Ни одинъ народъ не превосходилъ испанскихъ арабовъ по общественнымъ красотѣ и роскоши садовъ. Имъ мы обязаны введеніемъ ^{общественные права мауровъ.} многихъ изъ нашихъ наиболее цѣнныхъ фруктовъ, напр., персиковъ. Сохранивъ любовь своихъ предковъ къ прохладящему дѣйствию воды въ жаркомъ климатѣ, они не щадили усилій и средствъ для устройства фонтановъ, разнаго рода гидравлическихъ сооружений и искусственныхъ озеръ, гдѣ они разводили рыбу для стола. Въ одно изъ такихъ озеръ возлѣ кордовскаго дворца бросали ежедневно много хлѣба для вскармливанія рыбы. Въ Кордовѣ находились и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, птичники для рѣдкихъ птицъ, фабрики, въ которыхъ искусные рабочіе, вывезенные изъ чужихъ странъ, выказывали свое искусство въ тканьи шелковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ и др. чудесныхъ издѣлій ткацкаго станка, въ ювелирной и филигранной работѣ, которою они льстили гордости султановъ и наложницъ. Подъ тѣнью кипарисовъ скрывались фонтаны; среди цвѣтущихъ кустарниковъ извивались дорожки; повсюду видѣлись то бесѣдки изъ розъ, то скамейки, высѣченныя въ скалахъ, то гроты. Нигдѣ не умѣли такъ хорошо украшать сады, потому что художникъ-садовникъ не только старался доставить удовольствіе глазамъ красивымъ сочетаніемъ красокъ и растительныхъ формъ, но и умѣлъ удовлетворить чувство обонянія искуснымъ подборомъ запаховъ при разсадкѣ цвѣтовъ.

Тѣмъ же сарацинамъ мы много обязаны и своимъ домашнимъ ^{Ихъ домашняя жизнь.} комфортомъ. Соблюдая чистоту влѣдствіе требованій своей религіи, они не могли одѣваться такъ, какъ одѣвались европейскіе туземцы, не снимавшіе одежды до тѣхъ поръ, пока она не разваливалась въ лохмотья, составляя отвратительную массу наскѣкомыхъ, грязи и вони. Министромъ и помощникомъ или противникомъ своего государя не могъ быть арабъ, тѣло котораго по смерти представило бы такое зрѣлище, какъ трупъ Томаса Бекета, когда съ него сняли его волосяную рубашку. Они научили насъ употреблять часто мѣняемое и часто вымываемое бѣлье изъ льна или бумаги, которое все еще извѣстно подъ своимъ древнимъ арабскимъ прозвищемъ. Но къ чистотѣ они часто присоединяли и украшеніе. У женщинъ высшихъ сословій любовь къ нарядамъ нерѣдко обращалась въ страсть. Ихъ верхняя одежда была часто шелковая, вышитая, разукрашенная драгоценными камнями и затканная золотомъ. Мавританскія женщины обнаруживали такое пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ и къ блеску хризолитовъ, гіацинтовъ, изумрудовъ и сапфировъ, что можно сказать смѣло, что внутренность общественныхъ зданій, въ которыя имъ разрѣшено было показываться, походила на цвѣтуцій лугъ осенью, съ каплями блистающей на немъ росы.

Среди всей этой роскоши, на которую историкъ не можетъ ^{Они занимаютъ сеи литературу, музыку,} не обратить вниманія, въ виду того, что она привела къ самымъ важнымъ результатамъ для юга Франціи, испанскіе калифы, подражая примѣру своихъ азіатскихъ собратьевъ

и составляя въ этомъ отношеніи полную противоположность римскимъ папамъ,—были не только покровителями вѣсѣхъ отраслей человеческого знанія, но и сами разрабатывали ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ самъ авторомъ сочиненій о политической литературѣ въ пятьдесятъ томовъ, другой писалъ сочиненіе объ алгебрѣ. Когда Заріабъ, музыкантъ, прибылъ съ востока въ Испанію, калифъ Абдеррахманъ выѣхалъ навстрѣчу ему. Училище музыки въ Кордовѣ поддерживалось лишь благодаря щедрымъ даваніямъ правительства и выпустило много знаменитыхъ профессоровъ музыки.

Арабы никогда не переводили на свой языкъ великихъ греческихъ поэтовъ, хотя въ то же время тщательно собирали и переводили греческихъ философовъ. Ихъ религіозное чувство заставляло ихъ отворачиваться съ презрѣніемъ отъ раз- ^{но не одобряютъ европейской мѣологии.} врата нашей классической мѣологии и отвергать съ негодованіемъ всякую связь между развратнымъ, нечестымъ олимпійскимъ Юпитеромъ и Всемогущимъ Богомъ, считая это непристойнымъ, возмутительнымъ богохульствомъ. Гарунъ-аль-Рашидъ удовлетворилъ свое любопытство переводомъ Гомера на сирійскій языкъ, но онъ не рѣшился передать великую эпопею на арабскій языкъ. Несмотря на такое недоброжелательное отношеніе къ чудной, но не безукоризненной древней поэзіи, среди арабовъ возникли тенсопы, или поэтическіе диспуты, доведенные впоследствии до совершенства трубадурами; у нихъ же провансальцы научились употреблять жонглеровъ. Черезъ Пириней постоянно переходили литературные, философскіе и военные искатели приключеній; такимъ-то образомъ роскошь, вкусъ и главнымъ образомъ рыцарскіе обычаи и изящное обращеніе мавританскаго ^{Югъ Франціи переимяетъ ихъ, вкусъ.} общества проложили себѣ дорогу изъ Гренады и Кордовы въ Провансъ и Лангедокъ. Французскіе, германскіе и англійскіе дворяне переняли любовь арабовъ къ лошадямъ и научились гордиться искусною верховою ѣздою. Охота, простая и соколиная, сдѣлалась любимымъ времяпрепровожденіемъ высшего сословія; члены его старались подражать искусству арабовъ, которые произвели знаменитую породу андалузскихъ лошадей. Это была эпоха величія и утонченности рыцарскихъ нравовъ; времяпрепровожденіями служили турниры. Утонченное общество Кордовы гордилось своею вѣжливостью и вылощенностью. Веселая зараза распространилась отъ прекрасныхъ невѣрныхъ мавритянокъ къ ихъ сестрамъ, обитавшимъ по ту сторону горъ; югъ Франціи былъ полонъ разнаго рода ухищреніями женскаго кокетства и танцами при звукахъ лютни и мандолины. Даже въ Италіи и Сициліи любовныя пѣсни сдѣлались любимымъ родомъ литературы, и эти геніальныя, но не ортодоксальныя начала породили изящную литературу современной Европы. Эта пріятная эпидемія распространилась по- ^{Легкая литература распространяется въ Сициліи и Италіи.} степенно по вѣсѣмъ холмамъ и долинамъ. Въ монастыряхъ голоса лицъ, посвятившихъ себя безбрачію, напѣвали стансы, врядъ ли заслужившіе бы одобреніе св. Иеронима; не одинъ жизнерадостный аббатъ умѣлъ воспѣвать въ веселыхъ стихахъ, подобно веселымъ грѣшникамъ Малаги и Хереса, пре-

лести женщинъ и вина, хотя одно было воспрещено магометанамъ, а другое монахамъ. Степенные сѣдобородые граждане Кордовы много разъ уже обращались къ верховному судѣ съ просьбою воспретить пѣсни испанскаго еврея Абрагама ибнъ-Сагала, потому что въ городѣ не было ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не умѣли бы пѣть ихъ наизусть. Ихъ безнравственное направленіе составляло настоящий общественный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отражалась и на болѣе грубыхъ нравахъ сѣверныхъ странъ. Одинъ оxfordскій архидіаконъ пѣлъ нѣсколько времени спѣты:

„Mihi sit propositum in taberna mori,
Vinum sit appositum morientis ori,
Ut dicant, cum venerint angelorum chori;
Deus sit propitius huic potatori“, и т. д.

Уже въ X в. лица, питавшія склонность къ наукѣ и къ изящнымъ удовольствіямъ, стекались въ Испанію изъ всѣхъ прилежащихъ странъ; обычай этотъ распространился еще больше въ послѣдующіе годы, благодаря блестящему успѣху Герберта, который изъ университета невѣрныхъ въ Кордовѣ перешелъ въ Римъ въ качествѣ папы.

Калифы запада привели въ исполненіе наставленія Али, четвертаго преемника Магомета, относительно покровительства литературѣ. Они устроили библіотеки во всѣхъ главныхъ городахъ; говорятъ, что такихъ библіотекъ существовало не меньше семидесяти. При каждой мечети находилась общественная школа, въ которой дѣти бѣдняковъ обучались чтенію и письму и изучали Коранъ. Для лицъ болѣе состоятельныхъ существовали академіи, состоявшія болѣею частью изъ 25—30 комнатъ, при чемъ каждая изъ нихъ была разсчитана на помѣщеніе четырехъ студентовъ. Во главѣ академіи стоялъ ректоръ. Въ Кордовѣ, Гренадѣ и другихъ большихъ городахъ находились университеты, чаще всего подъ управленіемъ евреевъ; магометане держались вообще того мнѣнія, что истинныя знанія человѣка представляютъ для общества гораздо болѣе значенія, чѣмъ какія бы то ни было религіозныя мнѣнія, исповѣдываемыя имъ. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали примѣру азіатскаго калифа Гаруна-аль-Рашида, который довѣрилъ управленіе своими школами Иоанну Мазуэ, несторіанскому христіанину. Терпимость магометанъ представляла рѣзкую противоположность съ нетерпимостью тогдашней Европы. И въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можно было въ то время найти хотя бы одну европейскую націю, достаточно развитую, чтобы слѣдовать этому примѣру. Въ университетахъ нѣкоторые изъ профессоровъ изящной литературы читали лекціи объ арабскихъ классическихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или сочиненіе, или математику, или астрономію. Изъ этихъ учреждений переняты были многіе изъ обычаевъ, существующіе теперь въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они устраивали бесѣды, во время которыхъ читались поэмы или говорились рѣчи въ присутствіи

Арабская
школьная система.

публики. Въ дополненіе къ этимъ общеобразовательнымъ школамъ, у нихъ были и спеціальныя, въ частности медицинскія.

Съ извинительною, быть можетъ, гордостью арабы хвалились своимъ языкомъ, увѣряя, что это самый лучший изъ всѣхъ языковъ, на которыхъ говорить человѣчество. Самъ Магометъ, когда его просили произвести чудо въ доказательство дѣйствительности его миссіи, указывалъ всегда на Коранъ, утверждая, что его неподражаемое превосходство служить наилучшимъ доказательствомъ того, что онъ внушенъ свыше. Правовѣрные мослемиты, —мослемитами называли тѣхъ, кто безпрекословно подчинился божьей волѣ,—увѣряли обыкновенно, что каждая страница этой книги—явное чудо. Поэтому не удивительно, что въ арабскихъ школахъ главное вниманіе обращалось на изученіе языка и что эти школы выпустили столько знаменитыхъ грамматиковъ. Эти ученые составляли словари, подобныя тѣмъ, которые сочиняются и въ настоящее время; обширность и полнота этихъ словарей видны изъ того, что одинъ изъ нихъ состоялъ изъ шестидесяти томовъ, при чемъ значеніе каждаго слова объяснялось или доказывалось цитатами изъ арабскихъ авторовъ, пользовавшихся извѣстностью. У нихъ были также словари греческіе, латинскіе, еврейскіе и такія энциклопедіи, какъ *Историческій словарь наукъ* Магомета ибнъ-Абдаллаха изъ Гренады. Несмотря на самую высокую степень цивилизаціи и на всю окружающую ихъ роскошь, арабы не забывали любимой забавы ихъ предковъ—слушать сказочниковъ, которые съ такимъ радушіемъ принимались въ арабскихъ палаткахъ. Вечеромъ передъ пылающимъ огонькомъ въ Испаніи странствующіе поэты выказывали всю силу пылкаго восточнаго воображенія, поучая жадныхъ слушателей разсказами въ родѣ тѣхъ, которые дошли и до насъ въ видѣ *Тысячи и одной ночи*. Образованные классы употребляли все усилія, чтобы развить краснорѣчіе по примѣру великихъ восточныхъ калифовъ, освященному образомъ дѣйствій самого пророка. Ихъ поэтическія произведенія обнимали все современныя мелкія формы поэзіи—сатиры, оды, элегіи и т. д.; но они ни разу не произвели ничего въ высшихъ областяхъ поэзіи—въ трагедіи или эпопее. Быть можетъ, недостатокъ ихъ это произошло благодаря ихъ ошибочному взгляду на значеніе механической обработки произведенія. Имъ принадлежитъ честь изобрѣтенія и введенія рѣмы, и таково было богатство ихъ языка, что даже въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе длинныхъ поэмъ одна и та же рѣма употреблялась все время, отъ начала до конца. Разъ только такого рода механическія побѣды пользуются популярностью, можно смѣло предположить, что духъ и планъ произведеній оставляютъ желать очень многого. Даже нѣкоторые изъ испанскихъ женщинъ, напр., Велада, Айеша, Лабана, Альгассанія, пріобрѣли себѣ блестящую репутацію такого рода произведеніями; между этими женщинами находились и дочери калифовъ. Все вышесказанное представляетъ для насъ большой интересъ потому, что провансальская поэзія, непосредственная наслѣдница этихъ усилій и стремленій, дала начало европейской литературѣ. Въ концѣ концовъ со-

Разработка
грамматики и
риторики.

Недостатки ихъ
литературы.

наты и романы выгѣснили сурово-ортодоксальныя произведенія скучныхъ и невѣжественныхъ церковныхъ писателей.

Если фикція пользовалась у испанскихъ арабовъ популярностью, то не меньшее значеніе придавали они и исторіи. У каждаго калифа была свой собственный историкъ. Инстинкты расы проявляются самымъ блестящимъ образомъ и среди нихъ; то были историки не только повелителей правовѣрныхъ, но и знаменитыхъ коней и верблюдовъ. Въ связи съ исторіею разрабатывалась и статистика, сначала подъ вліяніемъ необходимости,—такъ какъ сарацинскіе чиновники, при распредѣленіи подати среди покореннаго населенія, должны были узнать предварительно численность его, а затѣмъ изъ любви къ этой наукѣ. Несомнѣнно, подобнаго же рода ^{Любовь ихъ къ практическимъ знаниямъ.} необходимость, обусловленная ихъ положеніемъ, и придавала такой необыкновенно практической характеръ всей вообще арабской наукѣ. Многие изъ арабскихъ ученыхъ были въ то же время путешественниками, находящимися постоянно въ движеніи, для приобрѣтенія или распространенія знаній, при чемъ повсюду, гдѣ они ни появлялись, ученость служила имъ какъ бы паспортомъ, помощью котораго они легко получали доступъ къ любому африканскому или азиатскому двору. Такимъ образомъ, они постоянно приходили въ сношенія съ дѣловыми людьми, искателями приключеній, съ государственными дѣятелями и проникались ихъ практическимъ духомъ; отсюда необыкновенно романтической характеръ, отличающій біографіи многихъ изъ этихъ людей, чудесныя переменныя счастья, насильственные смерти. Обширность ихъ литературныхъ произведеній достойна вниманія и составляетъ поразительный контрастъ съ невѣжествомъ, царившимъ въ то время въ остальной Европѣ. Одни изъ нихъ писали о хронологіи, другіе о нумизматикѣ, третьи о религіозномъ краснорѣчьи теперь, когда воинственное краснорѣчіе сдѣлалось ненужнымъ, четвертые о земледѣліи и о связанныхъ съ нимъ отрасляхъ знанія, напр., объ орошеніи. Не упускались изъ виду и чисто математическія науки, ни смѣшанныя, ни чисто практическія. Списокъ этихъ ученыхъ слишкомъ длинный, чтобы привести его въ подробности: я упомяну лишь о нѣсколькихъ именахъ. Ассамхъ, писавшій о топографіи и статистикѣ, храбрый воинъ, убитый во время вторженія во Францію въ 720 г.; Авиценна, великій физикъ и философъ, умершій въ 1037 г.; Аверроесъ, изъ Кордовы, лучший комментаторъ Аристотеля, умершій въ 1193 г. Онъ хотѣлъ привести ученіе Аристотеля въ соглашеніе съ ученіемъ Корана. Ему же приписываютъ открытіе солнечныхъ пятенъ. Руководящею идеею его философіи было численное единство душъ человѣчества, несмотря на распредѣленіе ихъ среди миллионныхъ живущихъ индивидуумовъ. Онъ умеръ въ Марокко. Абу Отманъ писалъ о зоологіи; Альберуни—о драгоценныхъ камняхъ; онъ путешествовалъ по Индіи, чтобы добыть себѣ нужныя свѣдѣнія; Разесъ, аль-Аббасъ и аль-Бейтаръ, писали о ботаникѣ; послѣдній побывалъ во всѣхъ частяхъ свѣта въ поискахъ за растительными экземплярами для своихъ работъ. Эбнъ Зоаръ, извѣстный больше подъ именемъ

Авензоара, считается авторитетомъ въ мавританской фармакологіи. Школы издавали фармакопеи, представлявшія значительный шагъ впередъ сравнительно съ несторіанскими: имъ мы обязаны введеніемъ въ фармакологию многихъ арабскихъ словъ, какъ, напр., сиропъ, элексиръ, до сихъ поръ еще употребляющихся въ аптекахъ. Компетентный ученый могъ бы составить не только интересную, но и цѣнную книгу о сохранившихся остаткахъ арабскаго словаря; потому что, куда бы мы ни взглянули, на ^{Остатки арабскаго словаря.} военныя или мирныя занятія, на область литературы или науки, повсюду мы встрѣчаемъ слѣды сарациновъ. Наши словари говорятъ намъ, что таково именно происхожденіе словъ: адмиралъ, алхимія, алкоголь, chemise (рубашка), cotton (бумага) и сотни другихъ. Сарацины первые начали примѣнять химию какъ къ теоріи, такъ и къ практикѣ медицины, при объясненіи функций человеческого тѣла и при лѣченіи его отъ болѣзней. Хирургія ихъ не ^{Ихъ медицина и хирургія.} уступала медицинѣ. Альбуказисъ изъ Кордовы рѣшается на самыя смѣлыя операціи, какъ чисто хирургическія, такъ и акушерскія; теперешнія прижиганія и ножъ были употребляемы имъ безъ колебанія. Онъ оставилъ намъ подробное описаніе тогдашнихъ хирургическихъ инструментовъ; отъ него мы узнаемъ, что при операціяхъ надъ женщинами, требующихъ особенно деликатнаго отношенія, прибѣгали къ услугамъ женщинъ, специально обучавшихся этому. Какъ это было непохоже на положеніе дѣлъ въ остальной Европѣ! Христіанскій крестьянинъ, заболѣвшій лихорадкою или пораженный какимъ-нибудь несчастіемъ, бѣжалъ къ ближайшей святынѣ и ждалъ чудесъ; испанскій мавръ довѣрялъ предписаніямъ или ланцету своего врача или же бандажу и ножу своего хирурга.

Въ математикѣ арабы признаютъ себя обязанными двумъ источникамъ, греческому и индусскому, но они въ то же время сильно улучшили ихъ. Азиатскіе калифы стали ^{Недростъ азиатскихъ калифовъ.} достать переводы Эвклида, Аполлонія, Архимеда и другихъ греческихъ геометровъ. Аль-Маймонъ въ письмѣ къ императору Теофилу говоритъ, что онъ съ радостью посѣтилъ бы Константинополь, если бы его общественныя обязанности позволили ему это. Онъ проситъ его разрѣшить математику Льву прибыть въ Багдадъ, чтобы подѣлиться съ арабами своими знаніями, обязываясь честнымъ словомъ въ скорости вернуть его обратно въ полной безопасности. «Не откажите въ моей просьбѣ», писалъ дальнѣе калифъ, «изъ-за различія въ религіи или въ странахъ. Поступайте согласно правиламъ дружбы. Взамѣнъ этого предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ». Вѣрный инстинктамъ своей расы и традиціямъ своего города, византіецъ дерзко и надменно отказалъ въ просьбѣ калифу, говоря, что «знаніе, прославившее римское имя, не должно передаваться варвару».

Отъ индусовъ арабы научились ариметикѣ, особенно тому изобрѣтенію первыхъ, которое извѣстно у насъ подъ ^{Значительныя улучшения, введенныя ими въ математику.} именемъ арабскихъ цифръ, но которое у нихъ называется по имени источника его, а именно «индусскими

цифрами». Свои трактаты по этому отдѣлу знанія они именовали: *Системы индусской ариметики*. Это замѣчательное счисленіе, основанное на девяти цифрахъ и нулѣ, произвело полный переворотъ въ ариметическихъ вычисленияхъ. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, арабы и въ этомъ отношеніи наложили свой отпечатокъ; наше слово цифра и другія слова, составленные изъ него, напоминаютъ арабское слово *tsaphara* или *ciphra*,—слово, которымъ называли нуль и которое обозначало вообще все, что черно или пусто. Магометъ бенъ-Муса, который, какъ говорятъ, былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ сарацинскихъ писателей по алгебрѣ и ввелъ большое улучшеніе въ тригонометрію, замѣнивъ въ ней хорды синусами, писалъ также и объ этой индусской системѣ. Онъ жилъ въ концѣ IX ст.; и еще до конца X в. эта система счисления вошла во всеобщее употребленіе среди африканскихъ и испанскихъ математиковъ. Эбнъ Джунисъ въ 1008 г. употреблялъ ее въ своихъ астрономическихъ сочиненіяхъ. Изъ Испаніи она перешла въ Италию: необыкновенное удобство, представляемое ею при торговыхъ вычисленияхъ, ускорило принятіе ея въ крупныхъ торговыхъ городахъ. Мы все еще употребляемъ слово «algorithm» въ примѣненіи къ вычислениямъ. Изученіе алгебры дѣятельно производилось арабами, давшими ей то имя, которое она до сихъ поръ носитъ. Бенъ-Муса, о которомъ мы недавно говорили, изобрѣлъ извѣстный методъ рѣшенія квадратныхъ уравненій. Въ приложеніи математикѣ къ астрономіи и физикѣ арабы давно уже успѣли прославиться. Аль-Маймонъ опредѣлилъ съ удивительною точностью наклонность эклиптики. Вотъ къ какому результату онъ пришелъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сарацинскими астрономами:

По Р. X.	830 г.	Аль-Маймонъ	23° 35' 52"
» » »	879 »	Аль-Батеніусъ, въ Аракте	23° 35' 00"
» » »	987 »	Абуль Вефа, въ Багдадѣ	23° 35' 00"
» » »	995 »	Абуль Риго съ квадратн. въ 25 ф. рад.	23° 35' 00"
» » »	1080 »	Арзагаель	23° 34' 00"

Аль-Маймонъ опредѣлилъ размѣръ земли, измѣривъ одинъ градусъ на берегу Чернаго моря; онъ далъ при этомъ самое точное понятіе о формѣ земли, въ противоположность константинопольскимъ и римскимъ ученіямъ. Между тѣмъ какъ послѣднія доказывали, несмотря на всю его нелѣпость, справедливость ученія о томъ, что земли имѣетъ плоскую форму, испанскіе мавры преподавали въ своихъ школахъ географію при помощи глобуса. Въ Африкѣ хранился съ почти религіознымъ почитеніемъ, въ кипрской библіотекѣ, мѣдный глобусъ, принадлежавшій, какъ говорятъ, Птоломею, великому астроному. Аль-Идриси сдѣлалъ серебряный глобусъ для Рожера II Сицилійскаго. Гербертъ пользовался своимъ глобусомъ, привезеннымъ имъ изъ Кордовы, въ школѣ, которую онъ открылъ въ Реймсѣ. Цѣлое столѣтіе продолжалась борьба, среди которой были и мученики своего дѣла, прежде чѣмъ уничтожены были ученія Лактанція и Августина. Среди интересныхъ задачъ,

которыми были въ то время разрѣшены, упомянемъ о длинѣ года, опредѣленной Аль-Батеніусомъ и Тебитомъ бенъ-Коррахомъ, а точность астрономическихъ наблюденій была увеличена открытіемъ атмосфернаго преломленія, сдѣланнымъ Аль-Газеномъ. Нѣкоторые изъ астрономовъ составляли таблицы, другіе писали объ измѣреніи времени, третьи объ улучшеніи часовъ (для этой цѣли они первыя привѣсили маятникъ), четвертые о разныхъ инструментахъ, какъ, напр., объ астролябии. Говорятъ, что астрономія проникла въ христіанскую Европу благодаря переводу сочиненій Магомета Фаргани. Первыми, построившими въ Европѣ обсерваторію, были также арабы; Джиральда или Севильская бання была воздвигнута для этой цѣли въ 1196 г. подъ наблюденіемъ математика Гебера. Судьба этой банни очень характеристична. Послѣ изгнанія мавровъ она была обращена въ колокольню, такъ какъ испанцы рѣшительно не знали, къ чему бы ее примѣнить.

Европейская литература, къ сожалѣнію, систематически старалась скрыть то, какъ много обязаны мы магометанамъ въ научномъ отношеніи. Но, конечно, скрывать этого долгие нельзя. Несправедливость, основанная на религіозныхъ расприхъ и національной враждѣ, не можетъ вѣчно продолжаться. Что сказалъ бы современный астрономъ, который имѣя точное понятіе о варварскомъ состояніи тогдашней Европы, узналъ бы, что арабъ Абуль Гассанъ говоритъ о трубахъ, къ оконечностямъ которыхъ прикрѣплены были глазные и предметные диоптры, быть можетъ, телескопы, когда онъ прочиталъ бы о попыткахъ Абдеррахмана Суфи улучшить измѣреніе свѣта звѣздъ? Развѣ астрономическія таблицы Эбнъ Джуниса (1008 г.), называемыя гакемитскими таблицами, или ильканійскія таблицы Насеръ Эддина Тази, составленныя на большой обсерваторіи Мерага, около Таурна, въ 1259 г., или измѣреніе времени помощью колебанія маятника и способы исправленія астрономическихъ таблицъ помощью систематическихъ наблюденій—не служатъ достаточными доказательствами высокаго умственного развитія арабовъ? Арабы оставили свой умственный отпечатокъ на Европѣ,—этого нельзя долгие оспаривать; они неизгладимыми чертами начертали свое имя на небесахъ, какъ можетъ убѣдиться всякій, читающій названіе звѣздъ на обыкновенномъ небесномъ глобусѣ.

Но еще больше, чѣмъ въ высшихъ областяхъ знанія, обязаны мы арабамъ въ сферѣ промышленныхъ искусствъ, быть можетъ, потому что наши предки были лучше подготовлены къ пользованію открытіями, связанными съ обычнымъ теченіемъ жизни. Они дали намъ примѣръ искуснаго земледѣлія, производство котораго опредѣлялось закономъ. Они заботились не только о культивировкѣ растений, вводя многіе новые сорта, но и обращали много вниманія на воспитаніе скота, особенно овецъ и лошадей. Имъ мы обязаны введеніемъ такихъ важныхъ продуктовъ, какъ рисъ, сахаръ, хлопчатая бумага, а также, какъ мы уже замѣтили выше, почти всѣхъ тонкихъ сортовъ садовыхъ и огородныхъ растений и фруктовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

маловажными растеніями, напр., шпинатъ и шафранъ. Имъ Испанія обязана введеніемъ шелководства; они же прославили Хересь и Малагу за ихъ вина. Они ввели въ Испаніи египетскую систему ирригаціи, основанную на плюзахъ, колесахъ и помпахъ. Они также дали толчокъ развитію многихъ важныхъ отраслей промышленности, улучшили производство ткацкихъ фабрикъ, глиняныхъ, желѣзныхъ, стальныхъ; толедскіе клинки пользовались повсюду блестящею репутациею. Послѣ изгнанія изъ Испаніи, арабы перевезли въ Марокко производство особаго рода кожъ, которыми славились; впоследствии кожи эти начали называться именемъ послѣдней страны. Арабы ввели и другія изобрѣтенія, гораздо болѣе зловѣщаго свойства, — порохъ и артиллерію. Употребляемые ими пушки дѣлались, повидимому, изъ кованаго желѣза. Но, быть можетъ, арабы съ избыткомъ вознаградили за зловѣщій характеръ этихъ изобрѣтеній введеніемъ морскаго компаса.

Упомянутое о морскомъ компасѣ наводитъ насъ на мысль, что ихъ торговля испанскіе арабы были сильно заинтересованы торговлею, — заключеніе, къ которому мы пришли бы и при разсмотрѣніи доходовъ нѣкоторыхъ изъ калифовъ. Такъ Абдеррахманъ III получалъ доходъ въ пять съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — громадная сумма, если перевести ее на современные деньги, и превосходящая въ значительной степени то, что могло быть извлечено изъ земли налогами на произведенія почвы. Доходъ этотъ, по всей вѣроятности, превосходилъ доходы всѣхъ христіанскихъ государей, взятыхъ вмѣстѣ. Барселона и др. порты поддерживали громадную торговлю съ востокомъ, но она находилась преимущественно въ рукахъ евреевъ, которые, со времени перваго вторженія въ Испанію Мусы, были всегда непоколебимыми союзниками и сотоварищами арабовъ. Они участвовали вмѣстѣ въ опасностяхъ вторженія, вмѣстѣ раздѣляли блестящій успѣхъ предпріятія, вмѣстѣ относились съ презрѣніемъ и насмѣшкою къ поклонникамъ женщины и къ политенстическимъ дикарямъ, живущимъ по ту сторону Пиринеевъ, — какъ они сами шуточно называли тѣхъ, долго-откладываемое мнѣніе которыхъ дало себя, наконецъ, почувствовать: вмѣстѣ же были они и изгнаны. Противъ евреевъ, отставшихъ отъ своихъ товарищей, направлены были отвратительныя преслѣдованія инквизиціи. Но во время своего процвѣтанія они содержали морскую флотъ изъ тысячъ судовъ и больше. У нихъ были факторіи и консульства на Танаисѣ. Они одни вели обширную торговлю съ Константинополемъ; она развѣтвлялась на торговлю Чернаго моря и восточной области Средиземнаго, направлялась во внутренность Азіи, достигала до портовъ Индіи и Китая и распространялась вдоль африканскаго берега до самаго Мадагаскара. Даже въ этихъ предпріятіяхъ выказывается оригинальный характеръ евреевъ и арабовъ. Въ срединѣ X в., когда Европа находилась почти въ такомъ же плачевномъ состояніи, какъ и земли каффровъ въ настоящее время, просвѣщенные арабы, въ родѣ Абуль-Кассема, писали цѣлые трактаты о промышленности и торговлѣ. Они и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, оставили свои слѣды.

Наименьшимъ вѣсомъ, употребляемымъ ими въ торговлѣ, было ячменное зерно: четверо такихъ зеренъ равнялись одному зерну сладкаго гороха, носившему у арабовъ названіе каратъ. Мы до сихъ поръ пользуемся этимъ ячменнымъ зерномъ, какъ единицею вѣса, и говоримъ о золотѣ, что оно вѣситъ столько-то каратовъ.

Таковы были калифы запада; таковы были ихъ роскошь, ихъ богатства, ихъ знанія; таковы были услуги, оказанныя ими намъ, хотя христіанская Европа, съ странною неискренностью, всегда старалась это скрыть. Негодованіе ^{обязательствъ} ^{наши отно-} ^{тельно запад-} ^{ныхъ калифовъ.} противъ невѣрныхъ пережило крестовые походы. Въ виду очаровательной страны, надъ которой имъ приходилось царствовать, калифы не безъ основанія приказывали вырѣзать слѣдующую надпись на государственной печати: «Слуга Милосерднаго довольствуется повелѣніями Бога». Чего же большаго могъ дать имъ рай? Но, принимая во вниманіе плачевный конецъ всего этого счастья и величія, мы по достоинству оцѣнимъ торжественную истину, высказанную этими монархами въ дни ихъ гордости и могущества, когда они писали на красивыхъ мозаичныхъ стѣнахъ своихъ дворцовъ, какъ бы въ предупрежденіе тому, кто обязанъ своею властью мечу: «нѣтъ завоевателя, кромѣ Бога».

Значеніе философской или политической системы опредѣляется ее результатами. На этомъ основаніи я, разсматривая въ гл. XII итальянскую систему, опредѣлялъ ее религіозное ^{Опредѣленіе} ^{значенія маго-} ^{метанской на-} ^{уки.} значеніе біографіями папъ, доставляющими наилучшій критеріумъ въ этомъ отношеніи. Подобнымъ же образомъ умственное состояніе магометанскихъ народовъ въ послѣдовательныя эпохи ихъ развитія можетъ быть опредѣлено тѣмъ, что составляетъ наиболѣе подходящій для нихъ критеріумъ — состояніемъ современной имъ науки.

Въ то время, когда мавританское вліяніе начало оказывать давленіе на итальянскую систему, въ Испаніи существовало нѣсколько ученыхъ писателей, сочиненія которыхъ уцѣлѣли въ видѣ стрывковъ. Подобно тому, какъ архитекторъ можетъ судить объ искусствѣ древнихъ египтянъ, изучая пирамиды, такъ и на основаніи этихъ остатковъ учености сарацинъ мы можемъ опредѣлить умственное состояніе магометанскаго народа, хотя многія изъ этихъ ученыхъ сочиненій были затеряны, а еще большее число ихъ на рочно уничтожено.

Такимъ писателемъ былъ Аль-Газенъ, родившійся около 1100 г. Онъ жилъ, повидимому, и въ Испаніи, и въ Египтѣ, но ^{Обзоръ произво-} ^{деній Альгазена.} подробности его біографіи представляются крайне смутными. Онъ больше всѣхъ другихъ писателей извѣстенъ былъ Европѣ благодаря своимъ сочиненіямъ объ оптикѣ, переведеннымъ на латинскій языкъ. Онъ первый исправилъ ошибочныя воззрѣнія грековъ на зрѣніе, доказавъ, что лучи свѣта исходятъ ^{Онъ неправи-} ^{ель теорію зрѣ-} ^{ній.} отъ вѣршинныхъ предметовъ и направляются къ глазу, а не исходятъ изъ глазъ и запечатлѣваются на вѣршинныхъ предметахъ, какъ думали до тѣхъ поръ. Его объясненіе не представляетъ собою простой гипотезы или предположенія, а основано какъ на

анатомическомъ изслѣдованіи, такъ и на геометрическомъ обсужде-
опредѣляетъ функцию стѣчатой оболочки глаза. ній. Онъ утверждаетъ, что стѣчатая оболочка глаза глав-
 ный очагъ зрѣнія и что впечатлѣнія, производимыя на
 нее свѣтомъ, проводятся зрительнымъ нервомъ въ мозгъ.
 Хотя въ то время, когда жилъ Аль-Газенъ, и опасно было дѣлать
 такія заключенія, но никто не могъ притти къ подобнымъ выводамъ,
 не могъ знать ничего объ этихъ фактахъ, не занимаясь анатоми-
 ческими изслѣдованіями надъ трупами, — изслѣдованіями, которыя
объясняетъ, почему мы видимъ только одно изображеніе. въ то время строго воспрещались. Аль-Газенъ объясни-
 етъ, почему мы видимъ одно только изображеніе, хотя
 смотримъ обоими глазами, говоря, что это зависитъ отъ
 образованія зрительныхъ изображеній на симметрическихъ частяхъ
 обѣихъ стѣчатыхъ оболочекъ. Для современнаго фзіолога простое
 упоминаніе о подобныхъ вещахъ такъ же многозначительно, какъ
 многозначительно было бы для архитектора, если бы онъ увидалъ
 арку внутри пирамиды. Но Аль-Газенъ доказываетъ дальше, что
 наше чувство зрѣнія далеко не можетъ быть достовѣрнымъ руко-
 водителемъ и что обманчивыя впечатлѣнія возникаютъ отъ направ-
 ленія свѣтовыхъ лучей во время ихъ отраженія или преломленія.
 Его научное величіе выступаетъ особенно ярко при обсужденіи
 именно такого рода физическихъ задачъ. Онъ замѣтилъ, что плотно-
 сть атмосферы уменьшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ высоты;
 отсюда онъ выводитъ заключеніе, что лучъ свѣта, проникающій въ
прослѣживаетъ за направлени- емъ луча свѣта черезъ воздухъ. воздухъ косвенно, идетъ далѣе по кривому пути, вогну-
 тому относительно земли; и такъ какъ умъ судитъ о по-
 ложеніи даннаго предмета по направленію, которому слѣ-
 дуетъ лучъ свѣта, исходящій изъ него и попадающій въ глазъ, то
 въ результатъ получается иллюзія относительно звѣздныхъ тѣлъ:
Астрономическое предположеніе. они кажутся намъ, по арабскому выраженію, ближе къ
зениту, чѣмъ въ дѣйствительности, и не на своемъ
 мѣстѣ. Мы видимъ ихъ въ направленіи касательной къ кривой
 преломленія въ ту минуту, когда данный лучъ свѣта достигаетъ
 глазъ. Благодаря этому, — говоритъ Аль-Газенъ, — мы видимъ звѣзды,
 солнце и луну раньше, чѣмъ они встаютъ, и послѣ ихъ захода, —
 странная иллюзія. Онъ показываетъ, какъ во время прохода че-
 резъ воздухъ кривизна луча увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ
 плотности и какъ его путь зависитъ не отъ паровъ, случайно ско-
 пившихся въ мѣстѣ его прохожденія, а отъ измѣненія въ плотно-
 сти проходящей имъ среды. Этому преломленію Аль-Газенъ совер-
 шенно основательно приписываетъ укороченіе вертикальнаго діа-
 метра солнца и луны, находящихся на горизонтѣ; его измѣненіямъ
 онъ приписываетъ сверканіе неподвижныхъ звѣздъ. Кажущееся
 увеличеніе размѣра солнца и луны во время нахождения ихъ на
Солнце и луна на горизонтѣ. горизонтѣ онъ приписываетъ обману зрѣнія, происходя-
 щему благодаря присутствію земныхъ предметовъ. Онъ
 показываетъ, что преломленіе сокращаетъ продолжительность ночи
 и темноты, задерживая солнечный свѣтъ, и, принимая во вниманіе
 отражающее дѣйствіе воздуха, онъ выводитъ изъ него то прѣ-
 красное объясненіе сумерекъ, свѣта, замѣчаемаго нами предъ вос-

хожденіемъ солнца или послѣ него, которое признается Объясняетъ су- мерки.
 и теперь вполне достовѣрнымъ. Затѣмъ онъ съ необык-
 новенною проникательностью и остроуміемъ прилагаетъ вырабо-
 танная имъ начала къ опредѣленію высоты атмосферы опредѣляетъ высоту атмо- сферн.
 и рѣшаетъ, что она доходитъ приблизительно до 58¹/₂ миль.

Всѣ эти построенія поражаютъ своимъ величіемъ. Можно ли
 сравнивать ихъ съ современными монашескими чудесами и съ мо-
 нашескою философіею Европы! Они произвели бы громадное впе-
 чатлѣніе и теперь, если бы кто сообщилъ ихъ впервые въ какомъ-
 либо научномъ обществѣ. Но его заслуги этимъ не заканчиваются.
 Если книга *О вѣсахъ мудрости*, переводомъ которой мы обязаны
 г. Ханыкову, русскому генеральному консулу въ Тавризѣ, написана
 Аль-Газену (предположеніе, подтверждающееся разнаго рода внут-
 ренними доказательствами), то она свидѣтельствуетъ о необыкно-
 венной яности его механическихъ понятій, какой трудно было
 ждать въ то время; если же эта книга не его, она во всякомъ случаѣ
 доказываетъ важность научныхъ успѣховъ его времени. Въ ней со-
 вершенно ясно выставляется на видъ связь между вѣсомъ атмосферы
 и увеличеніемъ ея плотности. Слѣдовательно, понятіе о Вѣсъ воздуха.
 вѣсѣ атмосферы существовало задолго до Торричелли. Авторъ
 книги *О вѣсахъ мудрости* доказываетъ, что данное тѣло Начала гидро- статич.
 имѣетъ различный вѣсъ, смотря по большей или мень-
 шей плотности атмосферы, что чѣмъ плотнѣе будетъ воздухъ, тѣмъ
 больше будетъ потеря въ вѣсѣ. Онъ разсматриваетъ силу, съ ка-
 кою погруженныя тѣла всплываютъ на поверхность черезъ болѣе
 плотную среду, въ которую они были брошены, и обсуждаетъ во-
 просъ о погруженіи въ воду плавающихъ по ней тѣлъ, — напр., ко-
 раблей на морѣ. Онъ имѣетъ понятіе о центрѣ тяжести Теорія вѣ- совъ.
 и примѣняетъ это понятіе къ изслѣдованію вѣсовъ и
 безменовъ, доказывая связь, существующую между центромъ тя-
 жести и центромъ прикрѣпленія, и показывая, когда эти инстру-
 менты будутъ находиться въ равновѣсіи и когда они будутъ вибри-
 ровать. Онъ признаетъ тяжесть силою, увѣряетъ, что она умень-
 шается по мѣрѣ увеличенія разстоянія, но ошибочно утверждаетъ
 при этомъ, что уменьшеніе равно разстоянію, а не квадрату его.
 Онъ считаетъ тяжесть землею силою и не замѣчаетъ, что это сила
 міровая, — это объяснить суждено было Ньютону. Онъ имѣетъ вполне
 точныя свѣдѣнія объ отношеніи между скоростью, пространствомъ
 и временемъ паденія тѣлъ и такія же ясныя понятія Тяжесть; ка- пиллярное при- тяженіе; гидро- метръ.
 о капиллярномъ притяженіи. Онъ усовершенствовалъ
 устройство того древняго александрійскаго изобрѣтенія,
 гидрометра, о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ своей прекрас-
 ной, но языческой пріятельницѣ Гипатіи добрый епископъ итоле-
 майскій Синезій, поручая ей заказать ему такой гидрометръ, такъ
 какъ онъ намѣренъ пробовать имъ свои вина въ виду слабости
 своего здоровья. Данныя Аль-Газену опредѣленія плотности тѣлъ
 приближаются къ нашимъ; опредѣленіе плотности ртути Таблица тяже- сти разныхъ тѣлъ.
 даже болѣе точно, чѣмъ то, которое было дано въ по-

слѣднемъ столѣтїи. Я присоединяюсь (и моему примѣру, надѣюсь, послѣдуютъ и всѣ другіе философы естествоиспытателя) къ набожной молитвѣ Аль-Газена, чтобы въ день суда Всемилостивѣйшій скалился надъ душою Абуръ-Райхана, такъ какъ онъ первый составилъ таблицу удѣльнаго вѣса, и я буду просить о томъ же и для Аль-Газена, такъ какъ онъ первый опредѣлилъ кривизну пути свѣтового луча, проходящаго черезъ воздухъ. Хотя болѣе семи столѣтїи отдѣляютъ его время отъ нашего, но современные намъ фізіологи могутъ признать его своимъ товарищемъ, такъ какъ онъ принялъ и защищалъ ученіе о прогрессивномъ развитїи животныхъ формъ, которое все болше и болше пробиваетъ себѣ дорогу. Онъ подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, кто говоритъ, что человѣкъ въ своемъ развитїи проходитъ постепенно черезъ различныя, заранѣе опредѣленныя стадїи; отсюда не слѣдуетъ, впрочемъ, что онъ «сначала былъ быкомъ, потомъ измѣнился въ осла, затѣмъ въ лошадь, затѣмъ въ обезьяну и, наконецъ, сдѣлался человѣкомъ». Это лишь ложное толкованіе «простымъ народомъ» того, что дѣйствительно подразумѣвалось. «Простой народъ», возставшій противъ Аль-Газена, имѣетъ представителей и среди насъ, похожихъ на тотъ экземпляръ міровой фауны, переходную стадїю которыхъ они такъ громко отрицаютъ. Въ лучшемъ случаѣ они прошли лишь черезъ нѣсколько изъ тѣхъ переходныхъ ступеней развитїя, на которыя намекаетъ набожный магометанинъ въ вышеприведенной цитатѣ.

Но, несмотря на всѣ свои физическія знанія, арабы, повидимому, не имѣли понятїя о термометрѣ, хотя понимали важное значеніе измѣренїя температуры, употребляя для этой цѣли ареометръ. Они открыли измѣненіе въ плотности жидкостей подъ вліяніемъ теплоты, но не измѣненїя въ объемѣ ея. Измѣренїя времени они производили болѣе успѣшно; у нихъ были разнаго рода водяные часы. Такого рода часы описаны въ сочиненїи, изъ котораго я привожу выписки. Но наиболѣе важныя улучшенїя въ хронометрахъ были произведены великимъ арабскимъ астрономомъ

Эбнъ-Джунисомъ. Онъ первый примѣнилъ маятникъ къ измѣренїю времени. Лапласъ, въ пятомъ примѣчанїи къ

своей *Système du Monde*, основывается на наблюденїяхъ этого философа, равно какъ и на наблюденїяхъ Аль-Батегнїуса и другихъ арабовъ, какъ на неоспоримомъ доказательствѣ уменьшенїя эксцентриситета земной орбиты. Онъ утверждаетъ, кромѣ того, что Эбнъ-Джунисъ наблюдалъ наклонность эклиптики и, принимая во вниманїе данныя, извѣстныя относительно параллакса и преломленїя, даетъ для 1000 г. результатъ, близко подходящїй къ теоретическому. Онъ упоминаетъ также и о другомъ наблюденїи Эбнъ-Джуниса, отъ 31 октября 1007 г., говоря, что оно представляетъ большое значенїе для объясненїя большихъ неравенствъ Юпитера и Сатурна. Я уже говорилъ, что въ произведенїяхъ этихъ великихъ арабовъ часто употребляются арабскїя числа и наши четыре арифметическія дѣйствїя. Изъ Африки и Испанїи они перешли въ Италїю, встрѣтивъ

Арабскїя циф-
ры.

самый благопрїятный прїемъ у торговыхъ людей, которые сразу оцѣнили ихъ по достоинству; они, по выраженїю Уильяма Мальмберри, доставили удивительное облегченїе, для «погнѣющихся счетчиковъ»,—выраженїе, меткость котораго будетъ вполне ясна для того, кто попробуетъ рѣшить самую обыкновенную задачу на умноженїе или дѣленїе помощью старыхъ римскихъ цифръ. Говорятъ, что Гербертъ—папа Сильвестръ—первый ввелъ знанїе этихъ цифръ въ Европѣ; онъ научился имъ въ Кордовѣ въ магометанскомъ университетѣ. Намекая на цифру, которая слѣдуетъ за 9 и, будучи прибавленною къ другимъ цифрамъ, увеличиваетъ ихъ въ десять разъ, онъ въ писемѣ къ своему патрону императору Оттону III, скромно выражается о себѣ такъ: «Я похожъ на послѣднюю изъ всѣхъ цифръ».

Замѣна римскаго счисленїя арабскимъ предвозвѣщаетъ гораздо болѣе важный результатъ—политическїй, борьбу между этими соперничающими именами. Но, прежде чѣмъ показать, какое давленїе производила арабская цивилизація на римскую и какую отчаянную, судорожную борьбу велъ Римъ, чтобы про- Арабскїя фи-
лософія.

тивостоять ей, надо изслѣдовать ее съ другой точки зрѣнїя и поговорить о сарацинской философіи. Въ этомъ отношенїи моимъ руководителемъ будетъ Аль-Гаццали. Онъ родился въ 1058 г. Пусть онъ самъ говоритъ за себя. Вотъ что онъ рассказываетъ о своей попыткѣ освободиться отъ мнѣній, вос- Произведенїя
Аль-Гаццали.

принятыхъ имъ въ дѣтствѣ: «Я сказалъ себѣ, цѣль моя узнать истину обо всемъ; слѣдовательно мнѣ необходимо прежде всего удостовѣриться въ томъ, что такое знанїе. Отсюда для меня стало очевидно, что истиннымъ можетъ называться только такое знанїе, которое объясняетъ данный предметъ такъ, что не оставляетъ въ умѣ никакого сомнѣнїя относительно его, такъ что всякія ошибки и предположенїя дѣлаются въ будущемъ невозможными. Тогда разуму не только не нужно было бы дѣлать усилїя для убѣжденїя въ истинѣ, но безопасность отъ возможности ошибокъ находилась бы въ такой тѣсной связи съ знанїемъ, что, даже Достоверность
знанїя.

когда кто-либо привелъ бы намъ доказательство ошибочности нашего знанїя, то и это не возбудило бы въ насъ никакого сомнѣнїя, такъ какъ всякое подозрѣнїе въ ложности нашего знанїя было бы невозможно. Такъ, напр., разъ я призналъ, что десять больше трехъ, а кто-нибудь сказалъ бы мнѣ: «ты ошибаешься: три больше десяти, и въ доказательство своего заявленїя я обращаю эту палку въ змѣю», и дѣйствительно бы обратилъ ее, мое убѣжденїе въ ошибочности его заявленїя осталось бы попрежнему непоколебимымъ. Его дѣйствїя возбудили бы во мнѣ только удивленїе въ его ловкости, но я никогда не сталъ бы сомнѣваться въ своихъ знанїяхъ.

«Затѣмъ я убѣдился, что знанїе, которымъ я не обладалъ бы въ такой именно формѣ и относительно котораго у меня не было бы такой увѣренности, не могло бы внушить мнѣ ни довѣрїя, ни увѣренности; а знанїе безъ увѣренности не заслуживаетъ названїя знанїя.

«Разматривая состояніе моихъ собственныхъ знаній, я увидѣлъ ихъ лишенными всего, что походило бы на эти качества, если не считать ощущеній высшихъ чувствъ и неоспоримыхъ истинъ. Тогда я сказалъ себѣ: теперь, когда я доведенъ до такого отчаянія, единственная надежда приобрести безспорныя убѣжденія основывается на воспріятіяхъ чувствъ и на безспорныхъ истинахъ. Достоверность ощущеній казалась мнѣ неопровержимою. Поэтому я началъ разсматривать дѣйствующіе на наши ощущенія предметы и умозрѣнія, чтобы убѣдиться, не могутъ ли они подвергнуться сомнѣнію? Тогда сомнѣнія градомъ посыпались на меня, такъ что моя неувѣренность сдѣлалась полною. Откуда вытекаетъ довѣріе къ предметамъ, дѣйствующимъ на мои чувства? Самое сильное изъ нашихъ чувствъ—зрѣніе; и вотъ, глядя на тѣнь и замѣчая, что она неподвижна, мы приходимъ къ заключенію, что она лишена возможности движенія; тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ намъ, что если мы вернемся на то же мѣсто черезъ часъ, тѣнь перемѣстится,—потому что она исчезаетъ не внезапно, а постепенно, мало по малу, такъ что никогда не остается въ покоѣ. Когда мы смотримъ на звѣзды, намъ кажется, что онѣ такъ же малы, какъ монеты; но математическія доказательства убѣждаютъ насъ, что звѣзды больше земли. Объ этихъ предметахъ и другихъ мы судимъ на основаніи показаній чувствъ, но разумъ отвергаетъ эти сужденія, какъ ложныя. Поэтому я отказался отъ чувствъ, такъ какъ все довѣріе мое къ нимъ было поколеблено.

«Можетъ быть, говорилъ я, нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ понятій разума, т. е. главнѣйшихъ началъ, въ родѣ того, что десять болѣе трехъ; одна и та же вещь не можетъ быть въ одно и то же время созданною и существовать отъ вѣка вѣковъ; существовать и не существовать одновременно невозможно.

«На это, чувства возражали: Почему вы думаете, что ваше довѣріе къ разуму не такъ же обманчиво, какъ и ваше довѣріе къ намъ? Вы довѣряли намъ, но разумъ вмѣшался и доказалъ вамъ, что мы лжемъ; если бы не разумъ, вы продолжали бы вѣрить намъ. Хорошо. Но развѣ не можетъ быть гдѣ-либо другого судьи, высшаго, чѣмъ разумъ, который сумѣлъ бы такъ же побѣдоносно опровергнуть данныя разума, какъ разумъ опровергъ наши? Непоявленіе такого судьи вовсе не служитъ доказательствомъ его несуществованія.

«Я напрасно старался опровергнуть эти возраженія, и мои затрудненія ушлились, когда я перешелъ къ разсужденію о снѣ. Я говорилъ себѣ: «Во время сна видѣнія его кажутся вамъ вполне реальными, положительными, и въ васъ не возникаетъ сомнѣнія въ ихъ недостоверности. Пробуждаясь, вы замѣчаете, что это были все видѣнія. На какомъ же основаніи вы убѣждены, что все, что вы видите и чувствуете во время бодрствованія, существуетъ въ дѣйствительности? Все это вѣрно относительно вашего настоящаго состоянія, но весьма возможно, что вамъ можетъ представиться другое состояніе, которое будетъ находиться въ такомъ отношеніи къ вашему бодрствующему состо-

Обманчивость
чувствъ.

Обманчивость
разума.

Характеръ
сновъ.

янію, въ какомъ послѣднее находится относительно сна; такъ что относительно этого высшаго состоянія ваше бодрствование будетъ только сномъ».

Невозможно найти въ какомъ-либо европейскомъ сочиненіи болѣе яснаго изложенія скептицизма, къ которому приводитъ философія, чѣмъ какое даетъ намъ этотъ арабъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе наглядную аргументацію. Его ясность изложенія составляетъ поразительный контрастъ съ темнотою многихъ метафизическихъ писателей.

«Разсуждая о своемъ положеніи, я увидѣлъ, что меня привязываютъ къ этому міру тысячи узъ, что со всѣхъ сторонъ мною овладѣваютъ искушенія. Тогда я началъ обдумывать свои дѣйствія. Лучшія изъ нихъ относились къ воспитанію и обученію, но даже и въ этомъ отношеніи я, оказалось, предавался незначительнымъ занятіямъ, бесполезнымъ въ другомъ мірѣ. Разсуждая о цѣли моего ученія, я убѣдился, что оно не исполнѣ чисто относительно Господа. Я увидѣлъ, что всѣ мои усилія направлены къ приобретенію славы лично для себя. Тогда, раздавъ свое состояніе, я оставилъ Багдадъ и удалился въ Сирію, гдѣ провелъ два года въ уединеніи, въ борьбѣ со своею душою, подавляя свои страсти и стараясь очистить свое сердце и подготовить себя къ переходу въ другой міръ».

Это прекрасная картина умственной борьбы и дѣйствій искренняго, умнаго, серьезнаго человѣка. Во всемъ этомъ христіанскій философъ можетъ симпатизировать набожному магометанину. Въ сущности между ними нѣтъ ужъ такого большого различія. Аль-Гаццали не единственный человѣкъ, къ которому приходили такого рода мысли, но онъ нашелъ лучшія слова для выраженія своихъ чувствъ, чѣмъ кто-либо другой. И къ какому же заключенію пришелъ онъ наконецъ? Жизнь человѣка,—сказалъ онъ,—распадается на три послѣдовательныя ступени развитія: «первая ступень или младенчество, періодъ чистыхъ ощущеній; вторая, начинающаяся съ семилѣтняго возраста, ступень пониманія; третья ступень есть ступень разума, когда разумъ прозрѣваетъ и различаетъ необходимое, возможное, абсолютное и всѣ высшіе предметы, недоступные пониманію. Но за этою ступеню находится четвертая, когда у человѣка открывается другое зрѣніе, помощью котораго онъ видитъ предметы, невидимые для другихъ,—видитъ все, что будетъ,—видитъ предметы, ускользающіе отъ разума подобно тому, какъ предметы, воспринимаемые разумомъ, ускользаютъ отъ пониманія, а понимаемые предметы ускользаютъ отъ способности ощущенія. Это—пророчество». Аль-Гаццали находитъ, такимъ образомъ, философское основаніе для правилъ жизни, и примиряетъ религію и философію.

А теперь отъ цивилизованной жизни арабовъ, ихъ науки, ихъ философіи мы обратимся къ другому, отвратительному порядку вещей. Съ великою неохотою возвращаюсь я назадъ къ итальянской системѣ, уникавшей священное имя религіи своими интригами, кровопролитіями, подавленіемъ человѣческой мысли, ненавистью

Умственною
отчаянію.

Періоды жизни
человѣка по
мнѣнію Альгаццали.

Возстановленіе магометанскаго вліянія. къ уметвенному развитію. Особенное вниманіе обращу я на двѣ страны, служившія ареною важныхъ событій,— страны, въ которыхъ магометанское вліяніе начало сказываться и производить давленіе на Римъ. Этими странами были югъ Франціи и Сициліи.

Иннокентій III былъ избранъ папою въ раннемъ возрастѣ, 37 лѣтъ, въ 1198 г. Папская власть достигла своего кульминаціоннаго пункта. Церковь приобрѣла наибольшую силу. Въ Италіи, въ Германіи, во Франціи и въ Англіи интердикты и отлученія отъ церкви поддерживали папскую власть, какъ въ случаяхъ съ герцогомъ Равеннскимъ, императоромъ Оттономъ, Филиппомъ-Августомъ французскимъ, королемъ Иоанномъ англійскимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ спорные вопросы разрѣшались не въ пользу великихъ нравственныхъ началъ или правъ человѣчества, а въ пользу временныхъ политическихъ интересовъ папства,— интересовъ, которые въ Германіи поддерживались цѣною продолжительной борьбы и цементировались убійствомъ; во Франціи же эти интересы усилились благодаря вмѣшательству Франціи, въ супружескую ссору короля и королевы по поводу Агнесы Меранской. «Ахъ, счастливый Саладинъ», сказалъ оскорбленный Филиппъ, когда на его королевство наложенъ былъ интердиктъ: «надъ нимъ нѣтъ папы! Я также хочу обратиться въ магометанина».

Подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ Иннокентій и въ Испаніи: онъ вмѣшался въ супружескую ссору короля леонскаго. Безстыдство Испаніи и Португаліи. и подкупность папскаго правительства давали себя всюду чувствовать. Португалія уже переименовалась въ королевство съ условіемъ уплачивать ежегодную дань Риму. Земли короля арагонскаго находились какъ бы въ ленномъ владѣніи у папы.

Вмѣшательство Иннокентія въ дѣла Англіи носило совершенно иной характеръ. Онъ пожелалъ установить свою власть надъ церковью вопреки королю и наложилъ на весь народъ интердиктъ за то, что Иоаннъ не разрѣшилъ Стефану Лэнгтону сдѣлаться архіепископомъ кентерберійскимъ. При существованіи, такимъ образомъ, государства внутри государства дѣла не могли никомъ образомъ идти. За свое непослушаніе Иоаннъ подвергся отлученію; несмотря на свою трусость, онъ четыре года упорствовалъ. Но вслѣдъ затѣмъ его подданные были освобождены отъ присяги, а его королевство предложено тому, кто пожелаетъ завоевать его. Доведенный до крайности англійскій король, какъ говорятъ, отправилъ въ Испанію посла, предлагая перейти въ магометанство. Въ то время религіозное чувство было у него не больше развито, чѣмъ у короля французскаго, который подвергся такому же наказанію и обратился къ той же мысли. Но, притѣняемый Иннокентіемъ, Иоаннъ былъ, наконецъ, вынужденъ подчинить свое королевство папѣ и уплачивать послѣднему, кромѣ лепты св. Петра, еще 1000 марокъ въ годъ въ знакъ подчиненія. Когда прелаты, которыхъ онъ отказался назначить на мѣста или изгнать, вернулись, онъ былъ принужденъ на колѣняхъ принять ихъ,—уни-

женіе, возбуждившее негодованіе гордыхъ англійскихъ бароновъ и придавшее новыя силы движеніямъ, закончившимся изданіемъ Великой Хартіи. Никогда, впрочемъ, Иннокентій не ошибался такъ сильно, какъ въ характерѣ Стефана Лэнгтона. Иоаннъ во второй разъ передалъ формально во власть папы свое королевство и принялъ присягу въ вѣрности папскому легату; тогда Стефанъ Лэнгтонъ первый на собраніи вождей возстанія, состоявшемся въ Лондонѣ 25 августа 1213 г., потребовать возобновленія хартіи Генриха I. Это предложеніе положило начало Великой Хартіи. Среди чудесъ того времени онъ былъ самымъ великимъ изъ всѣхъ; его патриотизмъ былъ сильнѣе его профессіи. Гнѣвъ папы былъ безпредѣленъ, когда онъ узналъ о дарованіи Великой Хартіи. Въ своей буллѣ онъ назвалъ ее низкой и безчестною, предалъ анаемѣ короля, соблюдавшаго ее, объявилъ ее лишенною всякаго значенія. Въ политику римскаго двора не входило допущеніе такой свободы. Назначеніе Стефана Лэнгтона архіепископомъ іоркскимъ было отменено. На мѣсто его былъ поставленъ де-Грѣ. Образчикомъ симоніи, царившей среди папскаго правительства, служить фактъ, что де-Грѣ задолжалъ Риму десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ дѣйствительности, благодаря крестовымъ походамъ, Притокъ денегъ. вся Европа уплачивала дань папѣ. У него были фис- со всѣхъ странъ. кальныя агенты во всѣхъ метрополіяхъ, они странствовали во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ странахъ, собирая доходы продажей отпущеній за всякаго рода преступленія и проступки, дѣйствительные или воображаемые, продажей назначеній на высшія и низшія мѣста,—все это составляло громадный притокъ денегъ изъ cadaго королевства. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того времени, о которомъ мы говоримъ, Робертъ Гростетъ, епископъ линкольскій и другъ Роджера Бэкона, опредѣлили количество денегъ, полученныхъ въ Англіи иностранными духовными. Оказалось, что доходы ихъ въ три раза превышали доходы самого короля. Это вычисленіе было сдѣлано по случаю требованія Иннокентія IV, просившаго у англійской церкви выдавать на содержаніе тремъ стамъ добавочнымъ членамъ итальянскаго духовенства и предоставить одно мѣсто въ линкольскомъ кафедральномъ соборѣ его племяннику, еще маленькому мальчику.

Но, вмѣшиваясь въ дѣла всѣхъ дворовъ, постоянно интригуя и заставляя всѣ народы платить себѣ дань, Иннокентій III въ то же время не отвлекалъ ни на минуту своего вниманія отъ крестовыхъ походовъ, отлично понимая важныя преимущества, доставляемая ими папству. Они обезпечили папѣ верховную власть надъ всею Европою, право контроля надъ всѣми ея военными и денежными ресурсами. И это вовсе не потому, чтобы такой человѣкъ, какъ Иннокентій III, предавался какому-нибудь иллюзіямъ или надѣялся на успѣхъ. Крестовые походы должны были неизбежно окончиться неудачей, насколько это относилось къ ихъ признанной цѣли. Христіане, обитающіе Палестину, были доведены до самой сильной степени униженія и деморализаціи. Ряды ихъ все уменьшались вслѣдствіе пе-

рехода ихъ въ магометанство. Въ Европѣ не только свѣтскіе люди начали догадываться, что деньги, собираемые для войнъ въ Святой землѣ, не служатъ для намѣченной цѣли, а какимъ-то непонятнымъ образомъ прокладываютъ себѣ путь въ Римъ,—но и духовенство не могло скрыть своихъ подозрѣній, что провозглашеніе крестоваго похода есть не болѣе, какъ подготовленіе къ обману. Тѣмъ не менѣе Иннокентій торопилъ осуществленіемъ своихъ плановъ, возбуждая христіанъ разказами о насмѣшкахъ надъ ними сарацинъ. «Гдѣ же,—говорятъ они,—вашъ Богъ, если онъ не можетъ освободить васъ изъ нашихъ рукъ? Посмотрите, мы осквернили ваше святилище, мы распространили и далѣе свою власть; при первомъ же нападеніи мы, вопреки вамъ, взяли штурмомъ дорогія вамъ мѣста, гдѣ находится начало вашего суевѣрія. Гдѣ же вашъ Богъ? Пусть онъ встанетъ и защититъ себя и васъ». «Если ты сынъ Божій, спаси себя, ес и можешь; вырви изъ нашихъ рукъ мѣсто твоей родины. Возврати отнятый нами крестъ поклонникамъ креста». Впрочемъ, лишь съ большими затрудненіями удалось Иннокентію подготовить четвертый крестовый походъ въ 1202 году. Венеціанцы согласились дать свой транспортный флотъ. Но экспедиція вскорѣ отклонилась отъ своей первоначальной цѣли; венеціанцы употребили крестоносцевъ для того, чтобы отнять Зару у венгерскаго короля. Но, что еще хуже и позорнѣе, вскорѣ послѣ того, отчасти изъ жажды грабежа, отчасти благодаря махинаціямъ духовенства, экспедиція опять отклонилась въ сторону, для нападенія на Константинополь, и взяла этотъ городъ штурмомъ въ 1204 г.: въ метрополісѣ восточнаго христіанства установилось латинское, но, къ несчастію, въ сопровожденіи кровопролитія, грабежей и пожаровъ. Въ день осады сожжено было больше домовъ, чѣмъ сколько можно было бы насчитать въ трехъ самыхъ большихъ городахъ Франціи. Даже христіанскіе историки со стыдомъ сравниваютъ взятіе Константинополя католіками со взятіемъ Иерусалима Саладиномъ. Самъ папа Иннокентій былъ вынужденъ протестовать противъ возмутительныхъ дѣйствій крестоносцевъ, превзошедшихъ его намѣренія. Онъ говоритъ: «Они предавались блуду, кровосмѣшенію, прелюбодѣянію на глазахъ людей. Они предоставляли женщинъ и дѣвушекъ, посвященныхъ Богу, разврату своихъ слугъ. Они подымали руки на сокровища церквей и, что еще возмутительнѣе, на священные сосуды, срывая серебро съ алтарей, разбивая въ куски самыя священные вещи, унося кресты и реликвіи». Въ церкви св. Софійи серебро срывалось съ каедръ; чудный и очень дорогой жертвенникъ былъ разбитъ вдребезги; святыя чашы были обращены въ кубки; золотая бахрама была сорвана съ занавѣсѣ алтаря. Ослы и лошади были введены въ церковь, чтобъ увезти награбленную добычу. Одна проститутка взошла на патриаршее мѣсто и запѣла распутную пѣснь, сопровождая пѣніе непристойными жестами. Могилы императоровъ были разрыты, и византійцы съ ужасомъ и прискорбіемъ увидѣли, какъ тѣло Юстиніана, остававшееся нетлѣннымъ въ теченіе шести столѣтій, было выставлено на поруганіе

Крестоносцы захватываютъ Константинополь.

Грабежъ этого города католіками.

толпы. Лица, подстрекавшія къ этимъ возмутительнымъ дѣйствіямъ, думали, что реликвіи будутъ собраны вмѣстѣ и затѣмъ самымъ справедливымъ образомъ раздѣлены между завоевателями, а между тѣмъ каждое духовное лицо захватывало и запрягивало что могло. Такъ, аббатъ Мартенъ получилъ для своего монастыря ^{Найденныя также реликвіи} въ Эльзасѣ слѣдующіе безцѣнные предметы: 1) остатокъ крови Спасителя; 2) часть истиннаго креста; 3) руку апостола Іакова; 4) часть скелета Іоанна Крестителя; 5) (миѣ неприятно писать такое богохульство!)—бутылку молока Божьей Матери! Въ противоположность приобрѣтеннымъ такимъ образомъ сокровищамъ, можно привести реликвіи совершенно иного рода, остатки разрушеннаго древняго искусства: 1) бронзовыя колесницы изъ ипподрома; 2) волчицу, вскармливающую Ромула и Рема; 3) группу, ^{и предметы искусства уничтожены.} составленную изъ сфинкса, бегемота и крокодила; 4) орла, растерзывающаго змѣю; 5) осла и его погонщика, едѣланнаго, по приказанію Августа, въ память побѣды при Акціумѣ; 6) Беллерофона и Пегаса; 7) бронзовый обелискъ; 8) Париса, предлагающаго Венерѣ яблоко; 9) чудную статую Елены; 10) геркулеса Лнесипа; 11) Юнону, взятую первоначально изъ самосскаго храма; бронзу выливали въ монеты, а тысячи рукописей и пергаментовъ были сожжены. Съ этихъ поръ произведенія многихъ древнихъ авторовъ исчезли безслѣдно.

Лицемерно высказывая сожалѣніе о случившемся, Иннокентій поспѣшилъ взять подъ свое покровительство новый порядокъ вещей въ Константинополь. Наконецъ, римскій епископъ назначалъ константинопольскаго. Духовная власть папы была признана безпрекословно. Римъ и Венеція раздѣлили между собою дурно нажитую добычу, доставленную имъ ихъ предпріятіемъ. Если ^{Папа и дожъ дѣлятъ добычу.} было нужно было что-нибудь, чтобъ открыть глаза Европѣ, то того, что произошло, было совершенно достаточно. Папа и дожъ,—торговецъ человѣческимъ легковѣріемъ и торговецъ на Адриатическомъ морѣ,—раздѣлили добычу крестоваго похода, ^{Предметы искусства, присвоенные въ Венецію.} который устраивался набожными людьми для освобожденія гроба Христова. Бронзовые кони, привезенные нѣкогда изъ Александріи Августомъ, послѣ его побѣды надъ Антоніемъ, и перевезенные изъ Рима въ Константинополь его основателями, были теперь поставлены передъ церковью св. Марка. Они являлись вѣншинымъ и видимымъ признакомъ другихъ, менѣе бросающихся въ глаза, событій, потому что рядомъ съ ними были привезены въ Венецію и остатки литературныхъ сокровищъ, избѣжавшихъ огня и разрушенія; между тѣмъ какъ сотоварищи ея по грабежу удовлетворялись, въ своемъ невѣжествѣ, мнимыми реликвіями, Венеція завладѣла несчастными остатками славныхъ произведеній искусства, литературы и науки. Это ускорило умственный прогрессъ запада.

Такимъ-то образомъ палъ Константинополь, палъ отъ братоубійственныхъ рукъ христіанъ. Приближались дни возмездія за проклятіе, наложенное имъ на западную цивилизацію. ^{Наказаніе Константинополя.} Эти событія составляли только начало его наказаній. За

триста лѣтъ до того историкъ Луптирандъ, посланный императоромъ Оттономъ I ко двору Никифора Фоки, говоритъ о Константинополѣ слѣдующее, въ качествѣ очевидца: «Этотъ городъ, когда-то такой богатый, такой цвѣтущій, теперь голодный, лживый, клятвопреступный, обманчивый, жадный, хищный, трусливый, тщеславный»; а со времени Луптиранда онъ не переставалъ падать все ниже и ниже. Можно было ожидать, что сосредоточеніе всѣхъ литературныхъ и научныхъ сокровищъ римской имперіи въ Константинополѣ произведетъ сильный умственный подъемъ, что городъ ^{ничтожность этого города въ литературномъ отношеніи.} этотъ сдѣлается для Европы блестящимъ фокусомъ свѣта. Но если не считать юридическихъ произведеній Трибониана, написанныхъ при Юстиніанѣ, то что же останется? Остаются Стефаній, грамматикъ, составившій словарь, и Прокопъ, историкъ, служившій у Велизарія секретаремъ во время его походовъ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный промежутокъ времени почти безъ всякихъ литературныхъ дѣятелей, вплоть до Θεοφιλαкта Симокатта *Льстницы Рая* Іоанна Климаха. Умственное возбужденіе, вызванное спорами иконоборцевъ, даетъ намъ Іоанна Дамаскина, а въ IX в. порождаетъ *Миріобибліонъ* и *Номоканонъ* Фотія. Затѣмъ слѣдуетъ Константинъ Багрянородный, оставившій много пустыхъ и многословныхъ сочиненій; а Василій II, несомнѣнно, вѣрно выражаетъ мнѣніе своихъ современниковъ и приговоръ потомства относительно научныхъ произведеній своей страны, когда говоритъ, что ученость—безполезный и излишній хламъ. *Алексиада* Анны Комнени и *Исторія византійскихъ дѣлъ* Никифора Бриеннія врядъ ли искупаютъ ничтожность восточнаго знанія. Эта пустота и бесплодность являются результатомъ системы, введенной Константиномъ Великимъ. Длинный рядъ императоровъ упорно преслѣдовалъ одну и ту же политику репрессій или изгнанія философіи, а между тѣмъ изъ единогласнаго свидѣтельства того времени видно, что восточные монастыри были наполнены тайными послѣдователями Платона, что ученія послѣдняго втайнѣ хранились въ кельяхъ азіатскихъ монаховъ. Византійцы обладали лучшими образцами въ мірѣ по части искусства и литературы, а тѣмъ не менѣе за тысячу лѣтъ не произвели сами ничего выдающагося, оригинальнаго. Милліоны грековъ не двинулись ни на шагъ впередъ въ области философіи или науки, не сдѣлали ни одного практическаго открытія, не сочинили ни одной поэмы, ни одной трагедіи, достойной упоминанія. Духъ ихъ поверхностной литературы,—если ее можно назвать литературою,—выказывается въ исторіи патріарха Фотія, который сочинилъ въ Багдадѣ, на большомъ разстояніи отъ своей бібліотеки, анализъ 280 книгъ, прочтенныхъ имъ передъ тѣмъ. ^{Нельзность его умственныхъ занятій.} Позднее время существованія города ознаменовалось спорами ваарламитовъ относительно свѣта, видимаго на горѣ Фаворѣ, относительно возможности производить чудесныя видѣнія и доказать, помощью непрестаннаго наблюденія, днемъ и ночью, пупа, существованіе двухъ вѣчныхъ принциповъ, видимаго и невидимаго Бога!

Что же произвело эту умственную пустоту въ Константинополѣ, что вызвало это умственное паденіе? Тиранія ^{Причина всего этого.} теологіи надъ мышлею.

Но вмѣстѣ со взятіемъ Константинополя латинами произошли и другія важныя событія. Повсюду возбуждена была ненависть къ папской власти. Ею заразились и монастыри, и даже ^{Ересь сдѣлаетъ за литературу.} свята уста монаховъ произносили слова, имѣющія зловѣщее значеніе. Умственное возстаніе началось раньше всего на югѣ Франціи. Здѣсь стало обнаруживаться влияние ^{Распространеніе изъ Испаніи восточной литературы.} гометанъ и евреевъ, обитавшихъ за Пиренеями. Любовныя пѣсни, тенсоны или поэтическія состязанія менестрелей, веселія сатиры, соперничество въ дѣлѣ восхваленія дамъ, серенады, пасторали, редонды, въ родѣ тѣхъ, которыя навлекли уже на себя осужденіе со стороны важныхъ мусульманъ Кордовы, постепенно распространились по Испаніи и встрѣтили самый радушный пріемъ и во Франціи. Трубадуры распѣвали ^{Трубадуры и труверы.} ихъ на *langue d'Oc* на югѣ, труверы на *langue d'Oil* на сѣверѣ. Отсюда эта веселая эпидемія распространилась по Сициліи и Италіи. Люди почувствовали начало облегченія отъ суроваго церковнаго ига. Короли, герцоги, графы, рыцари гордились своею любовью и своими любовными подвигами. Скромные менестрели находили покровительство у дамъ и при дворѣ: злая сатира противъ духовенства и любовныя пѣсни обезпечивали имъ благопріятный пріемъ у населенія. Когда у поэта не хватало голоса, ему для пѣнія сопутствовалъ жонглеръ; часто къ этому присоединялся пріятный аккомпаниментъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Провансальскій языкъ или *langue d'Oc*, такимъ образомъ, сильно распространился; онъ оказалъ большія услуги лицамъ, незнакомымъ съ латынью, и доставилъ итальянцамъ образцы для мышленія и для версификаціи, а для Европы—зародыши многихъ изъ ея будущихъ мелодій. Между тѣмъ какъ молодые пѣли, старые размышляли; между тѣмъ какъ веселая молодежь увлекалась романами, серьезные важные старики впадали въ ересь. Но церковь, вѣрная своимъ традиціямъ и инстинктамъ, выказала ^{Начало контрреволюціи Риму.} мѣрнѣе сурово расправиться со всѣми этими движеніями. Уже въ 1134 г. Петръ де-Брюссъ былъ сожженъ въ Лангедокѣ за отрицаніе обряда крещенія надъ дѣтьми, поклоненія кресту и догмата о пресуществленіи. Уже Генрихъ Діаконъ, ученикъ Петра, былъ лишенъ своего сана св. Бернардомъ. Уже долины Пьемонта были наполнены вальденсами. Уже «бѣдные люди» въ Лионѣ превозносили многозначительное ученіе, что святость священника заключается не въ его санѣ, а въ его образѣ жизни. Они указывали на богатства церкви, на вмѣшательство епископовъ въ войны и кровопролитіе, отрицали пресуществленіе, молитвы къ святымъ и чистилище и выражали свою ненависть главнымъ образомъ противъ продажи индульгенцій. Богатые города Лангедока были наполнены невѣрующими. Они съ увлеченіемъ занимались поэзіею, музыкаю, танцами. Многіе изъ жителей участвовали въ крестовыхъ походахъ въ Испанію, видѣли тамъ сарацинъ, и вотъ удивленіе къ

нимъ заступило мѣсто прежней ненависти. Сопровожаемые взрывами хохота, трубадуры расхаживали по странѣ и, качая головами и хитро подмигивая, распѣвали насмѣшливыя пѣсни о любовныхъ похожденияхъ священниковъ, заслуживая вполне обвинения въ богохульствѣ и атеизмѣ, которыми ихъ осыпали. Образовалось положеніе дѣлъ, требовавшее внимательнаго отношенія къ себѣ со стороны Иннокентія. Но способъ, помощью котораго онъ захотѣлъ исправить, навлекъ на него проклятіе потомства. Онъ отправилъ посланіе графу Тулузскому, — уже наказанному отлученіемъ за посягательство на права духовенства, — обвиняя его въ доставленіи убѣжища еретикамъ и раздачѣ выгодныхъ должностей евреямъ. Графъ велъ веселый образъ жизни; у него было не болѣе, не менѣе, какъ три жены, по призыву его сосѣдей за Пиренеями. Но всѣ эти преступленія затмѣвались тѣми, въ которыхъ его теперь формально обвиняли. Вдобавокъ, во время послѣдовавшихъ за этимъ пререканій папскій легатъ былъ убитъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Раймондъ участвовалъ въ этомъ преступленіи. Но возмущенный папа возложилъ на него отвѣтственность за это убійство; тотчасъ объявлено было повсюду объ его отлученіи, и западное христианство получило приглашеніе участвовать въ крестовомъ походѣ противъ него, при чемъ предлагались тому, кто пожелаетъ захватить его, богатства и владѣнія преступника. Проповѣди разосланныхъ повсюду монаховъ оказали такое сильное дѣйствіе, что полмилліона людей взялись за оружіе.

Графу оставалось только покориться. Онъ сдалъ всѣ свои владѣнія, и былъ вынужденъ признать себя виновнымъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ и сознаться, что ему было назначено справедливое наказаніе. Онъ поклялся, что никогда больше не будетъ покровительствовать еретикамъ. Его раздѣли на голо до половины туловища, навязали на шею веревку и привели въ такомъ видѣ къ алтарю, гдѣ подвергли бичеванію. Но собранная папою громадная армія не могла удовлетвориться мщеніемъ надъ однимъ индивидуумомъ, хотя, можетъ быть, это мщеніе и удовлетворило бы папу. Всѣ эти войны пришли для кровопролитія и грабежа, и теперь требовали того и другого. И вотъ начались ужаснѣйшія сцены, подобныя которымъ врядъ ли когда видѣлъ свѣтъ. Во главѣ арміи стояли римскіе и французскіе прелаты, генералами ея были епископы и инженеромъ архидіаконъ. Когда, при взятіи Безье, одинъ солдатъ, болѣе милосердный или болѣе жестокий, со- утомившійся отъ кровопролитій, спросилъ аббата Арнольда, папскаго легата, какъ распознавать католиковъ отъ еретиковъ, чтобы спасти первыхъ, легатъ воскликнулъ: «убивай ихъ всѣхъ; Богъ узнаетъ своихъ». Въ церкви св. Маріи Магдалины 7000 человекъ было убито; взбѣшенные крестоносцы были доведены до неистовства увѣреніемъ, что эти несчастные были виновны въ богохульствѣ, что они распѣвали во время своихъ увеселеній: «S. Mariam Magdalenam fuisse concubinam Christi». Ихъ увѣренія въ своей невинности не принесли имъ никакой

пользы. 20000 было убито въ городѣ, и онъ былъ сожженъ — какъ живой памятникъ папскаго мщенія. Во время лаворской рѣзни сожжено было на одномъ кострѣ 400 человекъ; замѣчено было при этомъ, «что они горѣли очень ярко и отправились горѣть вѣчно въ адъ». Нашъ языкъ не въ силахъ выразить жестокостей, происходившихъ при взятіи различныхъ городовъ. Мщеніе духовенства достигло своего апогея. На трупахъ убитыхъ женщинъ, изуродованныхъ дѣтей и изъ пепла разоренныхъ городовъ возникла инквизиція, ужасное учрежденіе. Ея основатели намѣревались положить конецъ не только общественному образованію, но и частной мысли. Среди этихъ-то ужасающихъ событій Иннокентій былъ призванъ въ другой трибуналъ, чтобы дать отчетъ въ своей жизни. Онъ умеръ въ 1216 г.

Во время правленія этого-то великаго преступника учреждены были нищенствующіе ордена. Съ теченіемъ времени общественное богослуженіе сдѣлалось непонятнымъ. Старые діалекты вышли изъ употребленія, образовались новые языки. Среди все болѣе и болѣе увеличивавшагося числа людей, умы которыхъ пробуждались къ дѣятельности, возникло серьезное желаніе учиться, заниматься. Толпы слушателей собирались въ университеты во время философскихъ преній, и ересь быстро распространялась. Но распространеніе это не ограничивалось одними интеллигентными классами. Низшіе классы доставляли также еретиковъ и фанатиковъ. Для того, чтобы противодѣйствовать трудамъ этихъ лицъ, — которыя, дѣйствуя безпрепятственно, быстро распространили бы свое ученіе во всѣхъ классахъ общества, — основаны были ордена доминиканскій и францисканскій. Устройство ихъ соотвѣтствовало вполне возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Они должны были вращаться постоянно среди народа, проповѣдая ему на его собственномъ языкѣ повсюду, гдѣ можно было устроить сборище. Скандалъ, возбужденный богатствами церкви, не затрогивалъ этихъ лицъ, содержавшихъ себя прошеніемъ милостыни. Пѣль, къ которой они стремились, заключалась не въ обезпеченіи собственного спасенія, а въ обезпеченіи спасенія другихъ людей.

Св. Доминикъ родился въ 1170 г. Его рожденіе и его жизнь были украшены разными фантастическими разсказами. Чтобы произвести впечатлѣніе на западный міръ, необходимы были чудеса. Рожденіе его было непорочное, онъ явился на свѣтъ Божій свободнымъ отъ первороднаго грѣха. Его считали приемнымъ сыномъ Божіей Матери, многіе готовы были признать за нимъ еще болѣе высокое достоинство. Онъ началъ свою дѣятельность въ Лангедокѣ, но затѣмъ, когда она расширилась, удалился изъ этой мало обѣщающей области въ Римъ, центръ всѣхъ предпріятій подобнаго рода. Здѣсь онъ усовершенствовалъ основанное имъ учрежденіе, завелъ монаховъ, монахинъ и терціаріевъ и придалъ больше силы своимъ притязаніямъ производствомъ многихъ чудесъ. Онъ дѣлалъ заклинанія надъ тремя женщинами, выгнавъ изъ нихъ сатану въ образѣ черной кошки, которая сбѣжала по веревкѣ колокола и исчезла. Одна прекрасная монахиня пожелала покинуть

монастырь. Но разъ, сморкавшись, она оставила свой носъ въ платкъ, и только благодаря усерднымъ молитвамъ св. Доминика онъ вновь очутился на прежнемъ мѣстѣ. Это такъ подѣйствовало на молодую женщину, что она, отчасти изъ страха, отчасти изъ благодарности, осталась въ монастырь. Св. Доминикъ могъ также и воскрешать мертвыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ самъ умеръ въ 1221 г., заслуживъ вполне данное ему прозвище сожигателя и убійцы еретиковъ. Ему же приписываютъ славу или преступленіе учрежденія «святой инквизиціи». Не прошло и нѣсколько лѣтъ, какъ его орденъ владѣлъ уже 500 монастырями, разсыянными по Европѣ, Азій и Африкѣ.

Св. Францискъ, собратъ св. Доминика, родился въ 1182 г. Св. Францискъ. Его приверженцы любили доказывать сходство между событіями, сопутствующими его рожденію, и событіями, сопутствующими рожденію Иисуса Христа. Одна пророчица предрекала его рожденіе, онъ родился въ хлѣбѣ, ангелы цѣли на воздухъ пѣнь мира и благоволенія; нѣкто, въ образѣ Симона, несъ его къ купели, чтобы крестить. Въ ранніе годы жизни онъ видѣлъ видѣнія и впадалъ временами въ экстазъ. Отецъ его, Петръ Бернардини, почтенный торговецъ, старался сдержать эту эксцентричность сначала путемъ убѣжденія, а затѣмъ болѣе насильственнымъ образомъ, призывая къ себѣ на помощь и епископа, чтобы послѣдній помѣшалъ юношѣ раздать все свое имущество бѣднякамъ и нищимъ. Когда епископъ началъ кротко увѣщевать его, указывая ему сыновнія его обязанности, Францискъ мигомъ раздѣлся передъ народомъ донага, восклицая: «Петръ Бернардини былъ моимъ отцомъ; но теперь у меня одинъ только отецъ: онъ на небесахъ». При этомъ громогласномъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ и земныхъ узъ, присутствующіе не могли сдержать своихъ слезъ, а добрый епископъ набросилъ на его наготу свою мантию. Когда человекъ доходитъ до такого состоянія, то нѣтъ ужъ ничего, чего онъ не могъ бы совершить.

Говорятъ, что когда къ Иннокентію обратились впервые съ просьбою разрѣшить учрежденіе ордена, онъ сначала ^{Разрѣшеніе}отказался, но, замѣтивъ скорѣе громадную выгоду, доставляемую имъ, ^{отнхъ орденовъ.}взялъ его подъ свое покровительство. Развитие ордена шло такъ быстро, что въ 1219 г. въ немъ состояло не меньше 5000 братьевъ. Основанъ онъ былъ на началахъ цѣломудрія, бѣдности, послушанія. Францисканцы должны были жить милостынею, но не имѣли права получать денегъ. Послѣ цѣлой жизни неунышной преданности церкви, св. Францискъ получилъ, наконецъ, свою награду въ 1226 г. За два года до его смерти оказались напечатлѣнными чудеснымъ образомъ на его тѣлѣ знаки, соответствующіе ранамъ Спасителя. Это были знаменитые стигматы. Черные наросты, похожіе на гвозди, показались на ладоняхъ его рукъ и на ногахъ; сбоку открылась рана, изъ которой сочилась кровь и вода. Нечего удивляться, что всѣ эти чудеса возбуждали общее довѣріе. Это же поколѣніе признало драгоцѣнными реликвіями полученные черезъ Андрея Венгерскаго черепа св. Сте-

фана и св. Маргариты, руки св. Варооломея и св. Оомы, кусокъ жезла Аарона и одинъ изъ сосудовъ, служившихъ при бракѣ въ Канѣ Галилейской.

Папское правительство быстро поняло громадные преимущества, доставляемыя ему учрежденіемъ нищенствующихъ орденовъ. Цѣлыя толпы босоногихъ монаховъ, посвятившихъ ^{Вліяніе, при-}себя бѣдности и живущихъ милостыней, ^{обрѣтенное бла-}наполняли Европу, ^{годаря этимъ}приходя въ сношенія, при самыхъ благоприятныхъ ^{орденамъ.}обстоятельствахъ, съ самыми низкими слоями общества. Они жили и дѣйствовали среди народныхъ массъ, а между тѣмъ считались священными. Обвиненія въ расточительности и роскоши, раздававшіяся противъ блага духовенства, не могли никоимъ образомъ возбуждаться противъ этихъ голодающихъ фанатиковъ, опоясанныхъ бичевкою. Черезъ ихъ посредство итальянское правительство овладѣло всею Европою. Пышность богослуженія на неизвѣстномъ языкѣ, великолѣпныя торжества церкви больше чѣмъ вознаграждались проповѣдью этихъ миссіонеровъ, которые держали рѣчи на народномъ языкѣ повсюду, гдѣ могли собрать себѣ слушателей. Нѣкоторые изъ первыхъ подвижниковъ этихъ орденовъ привыкли вести бродячую жизнь. Братъ Пацификусъ, ученикъ св. Франциска, былъ знаменитымъ труверомъ. Въ дѣйствительности они не только помогли устранить надвигавшуюся на церковь опасность, но благодаря только имъ церковь удержала въ своихъ рукахъ ^{Значеніе}вліяніе надъ рабочими классами въ теченіе цѣлаго ряда послѣдовавшихъ столѣтій. Папа могъ совершенно основательно хвалиться что «бѣдные люди» церкви могутъ выдержать любое сравненіе съ «бѣдными людьми» Ліона. Вліяніе ихъ уменьшилось лишь тогда, когда они отказались отъ своихъ существенныхъ принциповъ увлеклись общео всѣмъ жаждою наживы и приобрѣли несмѣтныя богатства.

Великія историческія событія часто объясняются лучше всего характеристикою выдающихся людей той эпохи. То же ^{Значеніе}можно сказать и относительно разсматриваемаго нами ^{Инно-}времени. Съ одной стороны, мы видимъ Иннокентія, вѣрнаго штеинктамъ своей партіи, вмѣшивающагося во всѣ дѣла европейскихъ націй, изрекающаго интердикты и отлученія, плавающаго въ крови французскихъ еретиковъ, не останавливающагося ни передъ какою жестокостью, даже передъ оскорбленіемъ или убійствомъ женщинъ и дѣтей, передъ гибелью цвѣтущихъ городовъ, а заботящагося только о выполненіи намѣченныхъ имъ плановъ, вытягивающаго изъ Европы деньги со всѣхъ сторонъ и подъ разными предлогами призывающаго къ себѣ на помощь цѣлыя толпы нищенствующихъ братій, выдвигающаго впередъ живыя чудеса и, въ довершеніе всего, учреждающаго инквизицію.

Съ другой стороны, мы имѣемъ Фридриха II, императора германскаго. Первые годы своей жизни, какъ мы уже ^{Значеніе}говорили выше, онъ провелъ въ Сициліи, въ постоянномъ ^{Фридриха II.}общеніи съ евреями и арабами, и Сицилія сдѣлалась любимой частью его владѣній. Ко многимъ другимъ своимъ познаніямъ онъ

присоединять умѣше такъ же бѣгло говорить по-арабски, какъ природный сарацинъ. Онъ очень любилъ общество магометанскихъ дамъ, которыхъ было много при его дворѣ. Враги его увѣряли, что его цѣломудріе не мало страдало отъ постояннаго общенія съ не-
Его магометан-
скимъ стреленія. софья научили его смѣяться надъ притязаніями церкви. Въ это время испанскіе магометане заразились въ значительной степени невѣріемъ; ихъ величайшіе философы оказались невѣрными въ своей невѣрности. Говорятъ, что два сына Аверросса Кордовскаго проживали при дворѣ Фридриха. Отецъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ людей своего народа, будучи выдающимся астрономомъ: онъ перевелъ *Алмагесту* и, какъ утверждаютъ, первый наблюдалъ за проходомъ Меркурія черезъ солнце; онъ былъ многословнымъ комментаторомъ произведеній Платона и Аристотеля, но отказывался вѣрить въ какое-бы то ни было откровеніе. Даже о магометанствѣ онъ говорилъ, намекая на запрещеніе пророка употреблять въ пищу свиное мясо: «Эта форма религіи лишена всего, что могло бы заслужить одобреніе у понимающихъ людей,—однѣ только свиньи должны относиться къ ней одобрительно». Итакъ, характеръ молодого принца образовался при сицилійскомъ дворѣ, благодаря дѣйствію всевозможныхъ нечестивыхъ вліяній. Итальянская поэзія, которую ожидало такое блестящее будущее, здѣсь впервые возвысила свой голосъ на чудномъ сицилійскомъ нарѣчій. Императоръ и его канцлеръ способствовали процвѣтанію легкой литературы и ереси. Императоръ и его канцлеръ способствовали процвѣтанію легкой литературы и ереси. Императоръ и его канцлеръ способствовали процвѣтанію легкой литературы и ереси. Императоръ и его канцлеръ способствовали процвѣтанію легкой литературы и ереси.

Желая завоевать Святую землю, Гонорій III заставилъ Фридриха жениться на Юлиидѣ Лузиньянской, наслѣдницѣ іерусалимскаго королевства. Поэтому не удивительно, что легкомысленное поведеніе Фридриха возбудило негодованіе въ мрачномъ папѣ Григоріѣ IX, который, при вступленіи на престолъ, прежде всего заговорилъ о новомъ крестовомъ походѣ. Ко всѣмъ увѣщаніямъ и приказаніямъ престарѣлаго папы молодой императоръ относился съ пренебреженіемъ, откладывая со дня на день свой отъѣздъ и проводя время въ сомнительныхъ переговорахъ съ египетскимъ султаномъ черезъ посредство своихъ магометанскихъ друзей. Наконецъ, онъ выѣхалъ, но черезъ три дня вернулся обратно. Восьмидесятилѣтній папа не такъ-то легко сносилъ насмѣшки, и отлучилъ императора отъ церкви. Фридрихъ отнесся съ презрѣніемъ къ этому отлученію и обратился съ званіемъ ко всему христіанскому міру, обвиняя Римъ въ жадности и скупости. Римскіе агенты,—говорилъ онъ,—странствуютъ по всѣмъ направленіямъ, но не для того, чтобы проповѣдывать слово Божіе, а чтобы вымогать деньги. «Первобытная церковь, основанная на простотѣ и бѣдности, насчитывала множество святыхъ. Теперь же римляне купаются въ богатствѣ. Не удивительно, если стѣны церкви подкопаны до основанія и грозятъ разрушиться». За эти слова папа произнесъ противъ него

еще болѣе грозное отлученіе; но его приверженцы въ Римѣ, возбудивъ возстаніе, выгнали папу. Тогда Фридрихъ, по собственному почину, устроилъ новый крестовый походъ. По прибытіи въ Святую землю, императоръ былъ встрѣченъ съ радостью рыцарями и пилигримами, но духовенство держалось отъ него въ сторонѣ, какъ отъ отлученнаго. Папа отправилъ впередъ быстроходное парусное судно, чтобы запретить вѣрнымъ вступать въ сношенія съ Фридрихомъ. Его частные переговоры съ египетскимъ султаномъ дали теперь плоды. Христіанскій лагерь былъ наполненъ де-
Его дружба съ
султаномъ, легатами отъ невѣрныхъ: иные изъ нихъ приходили
обсуждать философскіе вопросы, другіе—подносили дары. Слоны и толпы молодыхъ танцовщицъ были любезно присланы султаномъ его другу, который, какъ говорятъ, не былъ нечувствителенъ къ прелестямъ этихъ восточныхъ красавицъ. Онъ одѣвался въ сарацинское платье. Въ частныхъ разговорахъ онъ смѣло заявлялъ: «Я пришель сюда вовсе не съ тѣмъ, чтобы освободить святой городъ, а чтобы поддержать уваженіе къ себѣ франковъ». Наконецъ, онъ обратился къ султану съ слѣдующею просьбою: «Сдѣлайте милость, сдайте мнѣ Іерусалимъ такъ, какъ онъ есть, чтобы я вновь могъ поднять голову среди королей христіанскаго міра». Просьба его была исполнена: городъ былъ сданъ ему. Цѣль экспедиціи была достигнута. Но папу нельзя было обмануть такого рода достижками. Онъ совершенно отвергъ договоръ и принялъ мѣры для наложенія интердикта на Іерусалимъ и на гробъ Спасителя, и это въ глазахъ магометанъ. Между тѣмъ какъ императоръ сообщилъ въ Европу о своихъ успѣхахъ, папа объявлялъ, что эти успѣхи происходятъ отъ союза Христа
Папа обвиняетъ
Фридриха. съ Велиаломъ и выставилъ противъ Фридриха четыре обвиненія: 1) онъ далъ мечъ, преподнесенный ему у алтаря св. Петра для защиты вѣры, въ даръ вавилонскому султану; 2) онъ разрѣшалъ преподавать Коранъ въ самомъ святомъ храмѣ; 3) онъ исключилъ изъ договора христіанъ Антиохіи; 4) онъ обязался, въ случаѣ, если бы христіанская армія сдѣлала попытку очистить храмъ и городъ отъ магометанскихъ полчищъ, присоединиться къ сарацинамъ.

Фридрихъ самъ короновался въ Іерусалимѣ, потому что не нашелъ ни одного священника, согласнаго выполнить надъ нимъ эту церемонію, и уѣхалъ изъ Св. земли. Уѣхать было уже пора, потому что Римъ интриговалъ дома противъ него, и ложное свидѣтельство о его смерти находилось повсюду въ обращеніи. Фридрихъ началъ дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ папою. Его сарацинскія колоніи въ Ночерѣ и Лучеріи, въ Италіи, могли Фридрихъ доставить ему 30000 мусульманскихъ солдатъ, съ кото-
утреждаетъ въ
Италіи сарацин-
скіе посты. рыми врагамъ его не легко было сладить. Онъ старался привлечь на свою сторону Европу и предлагалъ публично уличить папу въ переговорахъ съ невѣрными; но его врагъ, побуждаемый внезапнымъ ужасомъ передъ кровопролитіемъ, уступилъ, и миръ между обѣими сторонами былъ, наконецъ, заключенъ. Онъ продолжался почти девять лѣтъ.

Въ этотъ періодъ времени блистательно выразились какъ умственное величіе Фридриха, такъ и окружающія его ^{Его политическія учрежденія.} вліянія. Въ началѣ своей дѣятельности онъ посвятилъ себя политическимъ преобразованіямъ въ Сициліи. Онъ установилъ представительный парламентъ, ввелъ новую систему законодательства, провозгласилъ принципъ равныхъ правъ и равныхъ повинностей и верховенства закона надъ всѣми, даже надъ дворянами и церковью. Онъ стоялъ за терпимость всѣхъ ея вѣроисповѣданій, какъ еврейскаго и магометанскаго, такъ и христіанскаго; освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ въ своихъ владѣніяхъ; установилъ дешевый судъ для бѣдняковъ; воспретилъ частныя войны; регулировалъ торговлю, — развивая при этомъ нѣкоторыя изъ тѣхъ началъ, которыя только въ наше время были признаны истинными; устроилъ ярмарки и базары; собралъ громадныя бібліотеки; велѣлъ перевести такія сочиненія, какъ Аристотеля и Птоломея; построилъ звѣринцы, какъ вспомогательное средство для изученія естествознанія; основалъ въ Неаполѣ университетъ; покровительствовалъ медицинской коллегіи въ Салернѣ; принималъ мѣры для воспитанія многообшачающихъ бѣдныхъ юношей. По всей странѣ воздвигались великолѣпныя зданія: архитектура торжествовала. При немъ итальянскій языкъ впервые возвысился надъ положеніемъ провинціального нарѣчія. При немъ скульптура, живопись и музыка пользовались покровительствомъ. Его канцлеръ, какъ говорятъ, былъ авторомъ самаго древняго сонета.

Съ точки зрѣнія Рима все это было возмутительно. Неужели человѣческіе законы одержать верхъ надъ божескими? Неужели духовенство будетъ поставлено на одинъ уровень съ свѣтскими людьми? Неужели евреямъ и магометанамъ будетъ разрѣшено безпрепятственно производить свои возмутительные обряды? Неужели это поворожденное чадо дерзости человѣческаго ума, — такъ-называемая наука, — будетъ противопоставлено теологіи, снизшедшей къ намъ съ небесъ? Фридрихъ и его парламенты, его законы и университеты, его бібліотеки, его статуи, его картины и его сонеты подверглись обвиненію. Во всемъ этомъ пронизательный взоръ церкви усмотрѣлъ евреевъ и сарацинъ и выставилъ ихъ на видъ, возбуждая въ Европѣ отвращеніе къ нимъ. Но Григорій былъ въ то же время не прочь показать, какъ много самъ онъ можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи. Онъ велѣлъ издать компіляцію декреталій, поручивъ это дѣло Раймонду Пеннафорте, который получилъ громадную извѣстность въ качествѣ литературнаго оппонента сарацинъ. Забавно видѣть, что даже такое простое дѣло не могло быть приведено въ исполненіе безъ обычныхъ прикрасъ. Рассказывали, что ангелъ стоялъ за спиною Пеннафорте все время, пока онъ писалъ.

Между тѣмъ духовенство строго слѣдило за опасными послѣдствіями, къ которымъ должны были обязательно привести дѣйствія Фридриха. Въ Римѣ многіе еретики были сожжены, многіе осуждены на пожизненное заключеніе. Ссора между императоромъ и папою возобновилась; первый вновь под-

вергся отлученію, а его тѣло было выдано сатанѣ, для спасенія его души. Фридрихъ опять обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ государямъ христіанскаго міра. Онъ обвинялъ папу, называя его недостойнымъ викаріемъ Христа, «который сидитъ на своемъ престолѣ точно кулець, выдавая въ обмѣнъ на золото индульгенціи, — онъ самъ пишетъ и подписываетъ свои буллы, быть можетъ, самъ считаетъ и деньги. У него одна только причина вражды противъ меня — мой отказъ женить на его племянницѣ моего побочнаго сына Энцио, теперь короля сардинскаго». «Во главѣ церкви стоитъ изступленный пророкъ, живой человѣкъ, развращенный свищенникъ». Григорій далъ на это отвѣтъ. Характеръ этого отвѣта виденъ изъ вступительныхъ словъ: «Изъ глубины моря вышелъ звѣрь, имя котораго Клевета». «Онъ лжеть, когда говоритъ, что я разсердился на него за отказъ женить его побочнаго сына на моей племянницѣ. Онъ еще болѣе нагло вретъ, когда утверждаетъ, что я продалъ ломбардамъ свою вѣру». «Въ дѣйствительности этотъ зловредный король утверждаетъ, выражаясь его собственными словами, что міръ былъ обманутъ тремя обманщиками — Иисусомъ Христомъ, Моисеемъ и Магометомъ; что изъ нихъ два умерли въ почетѣ, а третій былъ повѣшенъ на деревѣ. Даже теперь онъ увѣрялъ, открыто и во всеуслышаніе, «что безумны тѣ, что вѣрять, что Богъ, всемогущій Творецъ міра, былъ рожденъ женщиною». Это былъ намекъ на знаменитую и таинственную книгу *De tribus Impostoribus*, относительно которой говорили, будто Фридрихъ участвовалъ въ ея сочиненіи.

Папа затронулъ Европу за живую струну. Нищенствующіе братья, странствуя повсюду, подкрѣпляли эти обвиненія. «Онъ называлъ св. Дары обманомъ; онъ спрашивалъ, сколько боговъ можно сдѣлать изъ куска хлѣба; онъ увѣрялъ, что стоило бы только свѣтскимъ государямъ поддержать его, и онъ легко далъ бы міру лучшую религію и лучшія правила жизни; онъ провозглашалъ правило невѣрныхъ: «Богъ не требуетъ отъ человѣка, чтобъ онъ вѣрилъ во что-нибудь, не находящее подтвержденія въ разумѣ». Общественное мнѣніе христіанства возстало противъ Фридриха; его чувство набожности было задѣто. Папа объявилъ Фридриха низложеннымъ и предложилъ его корону Роберту французскому. Но мусульманскія войска императора превосходили силами нищенствующихъ братьевъ папы. Его сарацины проли свои сарацинскія войска. Фридрихъ пускаетъ въ ходъ свои сарацинскія войска. Самъ папа попалъ бы неизбѣжно въ руки своего смертельнаго врага, если бы не былъ во время освобожденъ отъ грозившей ему опасности смертью въ 1241 г. Фридрихъ заявилъ, что не будетъ щадить его священной особы, а въ случаѣ побѣды заставитъ его понять абсолютное верховенство свѣтской власти. Очевидно, онъ не имѣлъ намѣренія выказывать уваженіе къ религіи, которую смѣло называлъ «чистою нелѣпностью».

Каковы ни были намѣренія Иннокентія IV, — который, послѣ кратковременнаго правленія Целестина IV — и затѣмъ короткаго

промежутка, наслѣдовалъ папство, — но онъ вынужденъ былъ непреоборимою силою обстоятельствъ придерживаться той же политики. Возобновилась борьба на жизнь и смерть съ императоромъ. Избѣгая гнѣва послѣдняго, Иннокентій убѣжалъ во Францію, и здѣсь, въ безопасности, созвалъ лионскій соборъ. Въ рѣчи, сказанной имъ на этомъ соборѣ, онъ возобновилъ прежнія обвиненія въ ереси и святотатствѣ, въ заселеніи итальянскихъ городовъ сарацинами съ цѣлью изгнанія викарія Христа помощью этихъ невѣрныхъ, въ дружбѣ съ египетскимъ султаномъ, въ содержаніи при дворѣ африканскихъ куртизанокъ, въ клятвопреступленіи и богохульствѣ. Волѣдъ за этимъ провозглашенъ былъ приговоръ объ

Отлученію Фридриха.

отлученіи и низложеніи императора. Папа и епископы, по выходѣ изъ собранія, потушили факелы, которые они держали въ рукахъ, со слѣдующими словами: «Да погаснетъ такъ и онъ!» Императоръ опять обратился къ Европѣ къ воззваніемъ, но на этотъ разъ напрасно. Европа не могла простить ему его богохульства. Несчастія градомъ посыпались на него; его друзья начали избѣгать его; любимый сынъ его, Энціо, былъ взятъ въ плѣнъ; самъ онъ никогда больше не улыбался съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что самый близкій его приближенный, Пьетро де-Виней, котораго онъ вывелъ изъ состоянія нищеты, обѣщала монахамъ отравить его. Наступилъ конецъ борьбы, послѣ того, какъ пущены были въ ходъ всевозможныя средства, законныя и незаконныя, хорошия и дурныя. Тридцать лѣтъ боролся Фридрихъ съ церковью и гвельфскою партією, но, наконецъ, палъ въ этой борьбѣ. Когда Иннокентій узналъ о смерти своего врага, онъ, по всей вѣроятности, рѣшилъ, что сказанныя имъ нѣкогда слова оправдаются: «Мы уже не смертные, мы заняли мѣсто Бога на землѣ». Въ своемъ воззваніи къ духовенству Сициліи онъ восклицаетъ: «Да возрадуются небеса и да возвеселится земля: потому что гроза и буря, которыми Всемогущій такъ давно угрожалъ вамъ, превратились, благодаря смерти этого человѣка, въ освѣжающіе зефиры и оплодотворяющую росу». Это именно то нечеловѣческое мнѣніе, которое не останавливается передъ нанесеніемъ ударовъ трупу. Римъ никогда не прощаетъ тому, кто уличаетъ его лицомъ къ лицу въ обманъ; онъ никогда не прощаетъ тому, кто затрогиваетъ его имущество.

Могущество, достигнутое въ это время церковью.

Такимъ образомъ, влияніе сарациновъ, затронувъ многіе классы общества, высказалось какъ на югѣ Франціи, такъ и въ Сициліи, то въ образѣ «бѣдныхъ людей» Ліона, то въ лицѣ императора германскаго; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно было подавлено удивительною организаціею и энергією церкви, не знающей удержу. Она съ необыкновеннымъ искусствомъ владѣла своимъ оружіемъ и сумѣла одержать побѣду вопреки униженію и пораженіямъ, которыя ей приходилось переносить. Со времени императора Константина, у нея были приверженцы въ каждомъ городѣ, каждой деревнѣ, каждой семьѣ. Теперь же казалось, что ею вдобавокъ нанесенъ окончательный ударъ и что міръ, возрадовавшись, долженъ подчиниться ея волѣ. Ей опять

удалось придавить своимъ желѣзнымъ каблукомъ знаніе, возбудить противъ него ненависть христіанства и унижить его, какъ чудовищное, но законное дѣтище ненавистнаго магометанства.

Но судьба людей далеко не служитъ указаніемъ судьбы принципозъ. За паденіемъ императора Фридриха не послѣдовало уничтоженіе представляемыхъ имъ вліяній. Они не только пережили его, но въ концѣ концовъ пересилили власть, временно подавившую ихъ. Теперь мы переходимъ къ исторіи періода, который представляетъ не только внѣшнюю противоположность господствовавшимъ въ то время ученіямъ, но и внутреннее несогласіе съ ними, а это является гораздо болѣе зловѣщимъ признакомъ. Несмотря на ужасающія преслѣдованія на югѣ Франціи, несмотря на установленіе устной исповѣди, этого орудія всевѣднія и инквизиціи, этого орудія наказанія еретиковъ, несмотря на вліяніе французскаго короля Людовика св., канонизированнаго благодарною церковью, ересь не только не была подавлена, но распространилась среди народа, а также проникла и въ ряды духовенства. Людовикъ св., представитель іерархической партіи, приобрѣлъ значительное вліяніе только благодаря своимъ отношеніямъ къ церкви, фанатическимъ защитникомъ которой онъ былъ. Что же касается до внутренняго управления своимъ государствомъ, то въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящимъ простакомъ. Онъ зналъ только одно средство для того, чтобы задержать распространеніе ереси,—насилія, костеръ и мечъ. По его мнѣнію, «съ невѣрующимъ можно спорить только посредствомъ меча, погружая его возможно дальше во внутренности еретика». Главная слава его царствованія заключалась въ томъ, что онъ обезпечилъ Франціи владѣніе неоцѣнимою реликвіею — терновымъ вѣнкомъ. Это драгоцѣнное напоминаніе о страданіяхъ Спасителя онъ купилъ въ Константинополѣ за громадную сумму. Но Франція была этимъ вдвойнѣ и самымъ завиднымъ образомъ обогащена, потому что аббатство св. Дениса уже владѣло другимъ вѣнкомъ, за достовѣрность котораго ручалось! Кромѣ этого вѣнка, Людовикъ св. приобрѣлъ губку, которая была омочена въ укусу, копье римскаго солдата, а также пеленки, въ которыя обернули Спасителя, когда клали его въ ясли, жезлъ Моисея и часть черепа Іоанна Крестителя. Эти сокровища онъ сложилъ въ «Святой часовнѣ» въ Парижѣ.

Подъ покровительствомъ папы, Людовикъ св. рѣшилъ устроить новый крестовый походъ, но ничто, исключая того, о чемъ мы уже упоминали, не въ силахъ лучше доказать низкую степень его умственныхъ способностей, какъ его невниманіе ко всякому рода необходимымъ для похода приготвеніямъ. Онъ думалъ, что стоить его войскамъ вести религиозную жизнь, и все пойдетъ какъ нельзя лучше; Богъ самъ будетъ руководить битвами, даваемыми во имя его, и всякаго рода военные или съѣстные припасы окажутся излишними. Надѣясь, такимъ образомъ, на поддержку Бога, онъ въ іюнѣ 1249 г. прибылъ со своею арміею въ Египетъ. Храбрыя французскія войска могли

стойко держаться во время сраженія, но не въ силахъ были устоять противъ голода и заразы. Въ мартѣ слѣдующаго года, какъ и слѣдовало ожидать, король Людовикъ былъ взятъ въ плѣнъ султаномъ и избѣгнувъ безславія и позора участвовать въ торжественномъ триумфальномъ шествіи побѣдителей въ магометанскихъ городахъ только благодаря громадному выкупу, опредѣленному сначала въ милліонъ византійцами, а затѣмъ уменьшенному великодушнымъ султаномъ добровольно до одной пятой. Людовикъ, впрочемъ, пробылъ еще нѣкоторое время на востокѣ, повидимому, приведенный въ полное изумленіе тѣмъ, что Богъ, такимъ образомъ, покинулъ человѣка, пришедшаго къ нему на помощь. Никогда еще ни одинъ крестовый походъ не кончался такимъ позорнымъ образомъ.

Но, несмотря на поддержку, которую Людовикъ св. оказывалъ Инквизиція платается остатковъ уметвопное возбужденіе. церкви въ своихъ владѣніяхъ, умственное возмущеніе распространилось во всѣхъ направленихъ, и не только во Франціи, но и во всей католической Европѣ. Напрасно инквизиція старалась устрашить еретиковъ,—а что могло быть ужаснѣе формы судопроизводства. Засѣданія ея совершались въ глубокой тайнѣ; ни свидѣтели, ни адвокаты не присутствовали на нихъ; обвиняемаго просто увѣдомляли, что его подозрѣваютъ въ ереси, но имени обвинителя ему не выдавали. Его заставляли затѣмъ клястися, что онъ скажетъ правду относительно себя, а также относительно другихъ лицъ, родныхъ, дѣтей, друзей, чужихъ. Въ случаѣ сопротивленія, его приводили въ уединенную тюрьму, мрачную и наполненную миазмами; ему давали уменьшенные раціоны пищи; дѣлалось все возможное, чтобы довести его до умопомѣшательства. Затѣмъ слуги святого судилища или другія лица, дѣйствующія въ ихъ интересахъ, старались мало по малу убѣдить его исповѣдаться въ своихъ преступленіяхъ или обвинить въ нихъ другихъ. Но этотъ ужасный трибуналъ навлекъ вскорѣ на себя всеобщее негодованіе. Жертвы его, осуждаемыя за ересь, погибали массами повсюду. Обыкновенныя орудія смерти, висѣлица и костры, оказывались не подходящими, въ виду безпощаднаго мщенія, не знающаго раскаянія. Обвиняемыхъ было такъ много, что для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора приходилось устраивать цѣлыя загородки, наполненныя соломой. Такъ, напр., передъ реймскимъ архіепископомъ и семнадцатью другими прелатами сожжено было живьемъ восемьдесятъ три еретика съ ихъ учителямъ. Такое попираніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ не могло продолжаться, не вызывая, наконецъ, достойнаго возмездія. Въ другихъ странахъ негодованіе возбуждалось, кромѣ того, и внѣшними причинами,—такъ, напр., въ Англіи вслѣдствіе постоянныхъ посягательствъ итальянскихъ духовныхъ на самыя богатыя ея бенефиціи. Нѣкоторые изъ этихъ иностранцевъ были еще совершенныя дѣти; многіе не жили въ Англіи; были и такіе, которые никогда не видѣли страны, доставившей имъ такія громадныя богатства. Архіепископъ Йоркскій былъ отлученъ при колокольномъ звонѣ и при свѣтѣ факеловъ за отказъ доставлять гро-

мадные доходы своей церкви пришельцамъ изъ-за Альпъ; но «народъ благословилъ его» за отказъ. Архіепископство кентерберійское было передано въ 1241 г. по Р. Х. Бонифацію Савойскому, которому папа пожаловалъ первые плоды со всѣхъ бенефицій его провинціи. Жадность Бонифація была безгранична. Изъ всѣхъ церковныхъ учреждений и отъ всѣхъ духовныхъ, состоявшихъ подъ его покровительствомъ, онъ вымогалъ громадныя суммы. Тѣ, кто сопротивлялся ему, какъ, напр., деканъ св. Павла, были отлучены; другихъ онъ билъ собственными руками, напр., престарѣлаго пріора церкви св. Варфоломея. Отличаясь военными наклонностями,—онъ часто носилъ подъ одеждою кирассу,—онъ присоединился къ своему брату, архіепископу лионскому, осаждавшему Туринъ, и тратилъ доходы своей англійской епархіи на разнаго рода интриги и на устройство военныхъ предпріятій противъ своихъ враговъ въ Италиі.

Но не среди однихъ только свѣтскихъ людей возникло негодованіе противъ такого положенія дѣлъ. Возстаніе произошло и въ рядахъ церкви. И это вовсе не потому, чтобы среди низшихъ классовъ общества уменьшилось чувство набожности. Пастухи, подъ предводительствомъ «властилина Венгріи», десятками тысячъ бродили по Франціи, приглашая духовенство возстать и притти на помощь доброму королю Людовику, находившемуся въ плѣну у мусульманъ. Они увѣрили, что получили свои полномочія отъ пресвятой Дѣвы, и снабжались таинственнымъ образомъ пицею своимъ предводителемъ. Возникшіе въ Италиі «бичующіеся» проходили по два въ каждомъ городѣ, предавая себя бичеванію въ теченіе 33 дней въ память лѣтъ, прожитыхъ на землѣ Спасителемъ. Эти энтузіасты возбуждали другъ друга и являлись соперниками нищенствующихъ братьевъ по своей ненависти къ духовенству. Нищенствующіе братья начали теперь оправдывать недовѣріе, съ какимъ Иннокентій относился къ нимъ вначалѣ, когда онъ колебался разрѣшать учрежденіе нищенствующихъ орденовъ. Папство много получало пользы отъ этихъ орденовъ,—но теперь отъ нихъ происходило, съ его точки зрѣнія, и страшно много зла. Они сдѣлались учеными людьми, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться опасными изувѣрами. Они завладѣли многими учеными постами того времени, считаясь одними изъ самыхъ образованныхъ людей своей эпохи. Въ парижскомъ университетѣ изъ 12 кафедръ теологіи только три были заняты регулярнымъ духовенствомъ. Нищенствующие братья вступили на опасный путь ереси. Духъ броженія, перешедшій изъ Испаніи, захватилъ и ихъ, и возмущеніе между ними вспыхнуло.

Руководясь безотчетнымъ инстинктомъ, Римъ прослѣдилъ возстаніе до его истинныхъ источниковъ. Посмотримъ на мѣры, принятыя папами,—это поможетъ намъ понять ихъ мнѣніе объ этомъ. Такъ, Иннокентій III въ 1215 г. по Р. Х. ввелъ регламентъ въ парижскихъ школахъ чрезъ посредство своего легата, разрѣшивъ изученіе діалектики Аристотеля, но воспре-

Возстаніе въ церкви.

Пастухи и бичующіеся.

Нищенствующія братья затрунута ересью.

Римъ воспрещаетъ занятіе наукой.

тивъ чтеніе его физическихъ и метафизическихъ сочиненій и ихъ комментарій, такъ какъ они, по его мнѣнію, происходили изъ арабскаго источника. Рескриптомъ Григорія XI отъ 1231 г. воспрещены были сочиненія, трактующія о натуральной философіи, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ очищены теологами церкви. Эти регламенты были подтверждены Клементомъ IV въ 1265 г.

ГЛАВА III.

ВѢКЪ ВѢРЫ НА ЗАПАДѢ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

РАЗРУШЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ДРУЖНЫМЪ НАПАДЕНІЕМЪ СО СТОРОНЫ
РАЗУМА И НРАВСТВЕННОСТИ.

- Развитіе безвѣрія среди нищенствующихъ орденовъ.—Изданіе еретическихъ книгъ.—„Вѣчное Евангеліе“ и комментарій Апокалипсиса.
- Столкновеніе между Филиппомъ Красивымъ и Бонифаціемъ VIII.—Оскорбленіе, нанесенное папѣ, и его смерть.
- Французскій король увозитъ папу изъ Рима въ Авиньонъ.—Посмертный судъ надъ папою по обвиненіямъ въ атеизмъ и безнравственности.—Причины и послѣдствія атеизма папъ.
- Тамплиеры впадаютъ въ нечестіе.—Провисведенный надъ ними судъ, приговоръ и наказаніе.
- Безнравственность папскаго двора въ Авиньонѣ.—Возвращеніе папы въ Римъ.—Причины, вызвавшія великій расколъ.—Дезорганизация итальянской системы.—Разложеніе папства.—Трое папъ.
- Констанцскій соборъ старается превратить папскую самодержавную власть въ конституционную монархію.—Онъ провозноситъ смертный приговоръ надъ Иоанномъ Гусомъ и Иеронимомъ Пражскимъ.—Папа Николай V.—Конецъ уметвеннаго вліянія итальянской системы.

Приблизительно въ срединѣ XII в. появилось среди нищенствующихъ братьевъ то зловѣщее сочиненіе, которое «Вѣчное Евангеліе» подъ заглавіемъ *Вѣчное Евангеліе* поразило ужасомъ всю латинскую іерархію. Утверждали, что ангелъ принесъ его съ неба награвированнымъ на мѣдныхъ таблицахъ и вручилъ его священнику по имени Кириллъ, который, въ свою очередь, передалъ его аббату Іоакиму. Аббатъ успѣлъ уже умереть 50 лѣтъ тому назадъ, когда въ 1250 г. появилось вѣрное изложеніе этой книги, составленное въ формѣ введенія, какъ подозрѣвали и утверждали, Іоанномъ Пармскимъ, генераломъ францисканскаго ордена. Несмотря на ересь, проявлявшуюся въ этомъ сочиненіи, въ немъ высказывалось обширное и мастерское пониманіе человѣческаго прогресса. Въ этомъ введеніи Іоаннъ Пармскій указывалъ, что аббатъ Іоакимъ, который не только ѣздилъ въ Святую землю поклоняться гробу Христову, но и пользовался почетомъ какъ пророкъ и какъ чело- вѣкъ, безупречный по своей ортодоксіи, и былъ возведенъ въ санъ

святыхъ, признавалъ основнымъ положеніемъ своего сочиненія то, что римское христіанство закончило свое дѣло и пришло теперь къ неизбѣжному концу. Онъ доказывалъ, что въ божественномъ управленіи міромъ существуютъ эпохи или вѣка, что во время господства еврейскаго закона міръ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бога Отца, во время господства христіанскаго закона, онъ находился подъ вліяніемъ Бога Сына; но наступаетъ время, когда онъ будетъ находиться подъ вліяніемъ Бога Святого Духа, когда не будетъ больше надобности въ вѣрѣ, когда все будетъ совершаться согласно мудрости и разуму. Такого рода взгляды указывали на появленіе новаго времени. Такъ говорилъ, въ довольно смутныхъ выраженіяхъ, аббатъ Іоакимъ и то же повторялъ болѣе яснымъ образомъ генераль францисканцевъ въ своемъ введеніи. Приверженцы *Вѣчнаго Евангелія* заявили, что оно замѣняетъ собою Новый Заветъ подобно тому, какъ послѣдній замѣнилъ Ветхій; эти три книги составляютъ тройственное откровеніе, соответствующее Троицѣ божества. Появленіе *Вѣчнаго Евангелія* вызвало крикъ негодованія во всей іерархіи. Папа Александръ IV тотчасъ принялъ мѣры для его уничтоженія. Всякій, Попытки уничтожившій у себя или скрывавшій копию этой книги, ^{чужить книгу.} подвергался отлученію. Но среди нищенствующихъ орденовъ, спиритуалистовъ, какъ ихъ называли, сочиненіе это пользовалось громаднымъ почетомъ. Оно заняло у нихъ мѣсто Священнаго Писанія. Оно не только не было уничтожено, а сорокъ лѣтъ спустя, въ 1297 г., за нимъ послѣдовало толкованіе Апокалипсиса, Толкованіе Апокалипсиса. составленное Иоанномъ Петромъ Оливою, проживавшимъ въ Сициліи; онъ признавалъ существованіе трехъ эпохъ или вѣковъ и раздѣлялъ средній, христіанскій, на семь стадій: вѣкъ апостоловъ, вѣкъ мучениковъ, вѣкъ еретиковъ, вѣкъ пустынниковъ, вѣкъ монастырской системы, вѣкъ пораженія антихриста и вѣкъ наступающаго тысячелѣтія. Онъ соглашался со своими предшественниками относительно предстоящаго уничтоженія римскаго христіанства, бранилъ эту церковь и утверждалъ вмѣстѣ съ ними, что папа и вся его іерархія сдѣлались излишними, Распространеніе этихъ учений среди духовенства. обетшались изнестись». Его ревностные приверженцы заявили, что таинства св. церкви въ настоящее время совершенно бесполезны, такъ какъ лица, совершающія ихъ, лишены теперь всякой юрисдикціи. Инквизиція тысячами сжигала этихъ «fratricelli», но не въ силахъ была уничтожить ересь. Впослѣдствіи, по наступленіи реформации, они смѣшались съ послѣдователями Лютера.

Во внутреннимъ и духовнымъ смутамъ, волновавшимъ церковь, присоединились вскорѣ матеріальныя и внѣшнія первостепенной важности. Теперь только вполне выяснилась истинная причина затрудненій, Затрудненія, угрожающія церкви. угрожающихъ папству. Для него было абсолютно необходимо притягивать въ Римъ возможно больше денегъ, а государи западныхъ королевствъ, Франціи и Англіи, изъ которыхъ до сихъ поръ доставались въ изобилии требуемыя суммы, рѣшили твердо положить этому конецъ. Они также нужда-

лись въ возможно большемъ количествѣ денегъ. Во Франціи еще при Людовикѣ Святомъ рѣшено было ограничить папскую власть въ дѣлѣ выбора духовныхъ лицъ; жалуясь на постоянное вымогательство денегъ изъ королевства со стороны Рима, король этотъ прибѣгнулъ къ единственному дѣйствительному средству: воспретилъ на будущее время обложение подобнаго рода.

Теперь мы дошли до времени избранія папою Бонифація VIII, составившаго эпоху въ уметвенной исторіи Европы. На папскій престолъ подѣ именемъ Целестина V сѣлъ пустыльникъ-духовидецъ, Петръ Морроне — духовидецъ, потому что Петръ Морроне (таково было его имя) съ раннихъ лѣтъ видѣлъ ангеловъ и слышалъ въ воздухѣ звуки воображаемаго колокола. Но векорѣ оказалось, что жизнь анахорета не можетъ служить подготовленіемъ къ исполненію обязанностей папы. Конклавъ кардиналовъ избралъ его не потому, что считалъ его пригоднымъ для этого мѣста, а потому, что кардиналы раздѣлились на партіи, которыя ни за что не хотѣли уступать другъ другу. Вслѣдствіе этого они были вынуждены остановить свой выборъ на первомъ попавшемся. Но векорѣ его неспособность сдѣлалась очевидною и его удаленіе настоятельно необходимымъ. Говорятъ, что друзья Бенедетто Гаэтани, самаго способнаго изъ кардиналовъ, черезъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ комнаты папы, въ полночь глухимъ голосомъ объявили ему, что онъ рискуетъ душою, сохраняя свое званіе, и отъ имени Бога приказали ему отречься. Такъ онъ и сдѣлалъ, несмотря на всѣ затрудненія. Многие набожные люди увидѣли въ его отреченіи смертельный ударъ, нанесенный папской непогрѣшимости.

Во время его правленія совершилось чудо въ Лоретто. Домъ, Чудо Лоретто. въ которомъ жила Пресвятая Дѣва послѣ зачатія, былъ обращенъ по смерти Святой Семьи въ часовню, а св. Лука подарилъ въ эту часовню изображеніе, вырѣзанное его собственными руками и извѣстное и теперь подѣ именемъ Лореттской Богородицы. Нѣсколько ангеловъ, бывшихъ въ Назаретѣ во время приближенія сарациновъ-завоевателей, побоялись, чтобъ эта священная реликвія не попала въ ихъ руки, и, поднявъ домъ, пронесли его черезъ воздухъ; сдѣлавши нѣсколько остановокъ, они, наконецъ, опустили его въ Лоретто, въ Италію.

Итакъ, Бенедетто Гаэтани такими-то мошенническими путями Бонифація VIII или инымъ образомъ сдѣлался въ 1294 г. папою Бонифаціемъ VIII. Выборомъ своимъ онъ былъ обязанъ, по всей вѣроятности, королю Карлу, который владѣлъ двѣнадцатую избирательными голосами, такъ что личная вражда Колонны была или нейтрализована, или побѣждена. Первою работою Бонифація было упрочить свою власть и отдѣлаться отъ своего соперника. Многие держались мнѣнія, что папа не можетъ отречься. Заключение въ тюрьму (1296 г.) разрѣшило этотъ спорный вопросъ. Одинъ монахъ увидѣлъ, какъ душа Целестина подымалась на небо, которое разверзлось, чтобы принять ее; великолѣпныя похороны сообщили врагамъ Бонифація, что они

должны теперь безспорно признать его папою. Но могущественные Колонны, предводители гиббелиновской партіи въ Римѣ, противившіеся всѣми силами отреченію Целестина и считавшіеся смертельными врагами Бонифація, возмутились. Онъ издалъ См. Бонифація съ Колонной. противъ нихъ буллу, а затѣмъ отлучилъ. Зловѣщимъ образомъ предвсказывая будущее, — потому что они превосходно знали условия, окружающія папскую власть, и понимали, что можетъ сильнѣе всего затронуть ее, — они обратились съ воззваніемъ къ «всеобщему собору». Такъ какъ сверхъестественныя средства не дѣйствовали, то Бонифацію провозгласилъ противъ нихъ крестовый походъ. Исходъ отвѣчалъ его ожиданіямъ. Палестрина, одна изъ ихъ крѣпостей, данная ими въ минуту слабости, была разрушена до основанія, и мѣсто, гдѣ она стояла, посыпано солью. Колонны бѣжали; нѣкоторые изъ нихъ направили свои шаги во Францію. Тамъ они нашли друга въ лицѣ Филиппа Красиваго, которому суждено было отомстить за нанесенныя имъ оскорбленія и нанести папству ударъ, отъ котораго оно никогда больше не оправилось.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ спора между Филиппомъ и Бонифаціемъ. Крестовые походы заставили всю Европу платить дань Риму, и отовсюду слышались горькія жалобы на вымогательство денегъ, ухидившихъ въ Италію. Векорѣ Денежныя затрудненія въ Римѣ. дѣла пришли въ такое положеніе, что невозможно было продолжать крестовыхъ походовъ, не прибѣгнувъ къ обложенію самого духовенства, — что и было причиною вилаго его отношенія къ дѣлу и даже сопротивленія. Но потокъ денегъ, приливающій въ Италію, породилъ привычки къ роскоши и расточительности. Что бы это ни стоило, а деньги должны были притекать въ Римъ. Денежныя затрудненія, испытываемыя королями Франціи и Англійи, — необходимость увеличить доходы для приведенія въ исполненіе разнаго рода свѣтскихъ плановъ ихъ, — могли быть удовлетворены только путемъ обложенія. А между тѣмъ богатство этихъ государствъ незамѣтно ускользало въ руки церкви. Въ Англійи Эдуардъ I увеличилъ обложеніе духовенства. Оно сначала воспротивилось, но этотъ государь нашелъ превосходное и дѣйствительное средство для усмиренія его. Англійскій король принуждалъ духовенство платить налогъ. Онъ приказалъ судьямъ не разсматривать дѣлъ, въ которыхъ истцами будутъ духовныя лица, и удовлетворять немедленно всѣ жалобы противъ нихъ, — утверждая, что тотъ, кто отказывается нести повинности государства, не имѣетъ права на покровительство закона. Духовенство вынуждено было въ концѣ концовъ покориться. Это средство, оказавшееся такимъ дѣйствительнымъ, впервые указываетъ на вліяніе новаго класса дѣятелей, которые векорѣ должны были играть большую роль въ государствѣ, — класса законниковъ, юристовъ.

Во Франціи Филиппъ Красивый сдѣлалъ такую же попытку. Нельзя было предположить, что Римъ будетъ равнодушно сносить нарушеніе того, что онъ считалъ своимъ правомъ; и, въ Король Франціи издалъ буллу «Clericis laicos», чуждую дѣласть

попытку въ томъ же духѣ. отлучавшую отъ церкви королей, которые стануть взимать субсидіи съ духовенства. Тогда Филиппъ рѣшилъ, что развѣ французское духовенство не платитъ ничего ему, то и Франція не должна ничего платить папѣ, и издалъ эдиктъ, запрещавшій вывозить изъ Франціи безъ его разрѣшенія золото и серебро. Но онъ прибѣгнулъ къ этой крайней мѣрѣ только послѣ того, какъ испыталъ другія мѣры, казавшіяся ему менѣе опасными. Онъ ограбилъ евреевъ, конфисковалъ ихъ имущество и изгналъ ихъ самихъ изъ принадлежащихъ имъ владѣній. Теперь на очереди стала церковь. Нищенствующіе ордена низшаго класса, заразившіеся духомъ

Встрѣчаетъ одобрѣніе у нищенствующей братии *Въчнаго Евангелія*, громко возмущались ея богатствомъ, приписывая ему царившую въ то время религіозную деморализацію. Они указывали на примѣръ Спасителя и

Его учениковъ, а когда противники возражали имъ, говоря, что онъ также удостоивалъ употреблять деньги, то злостные фанатики продолжали стоять на своемъ при громкихъ аплодисментахъ смѣющейся толпы, отвѣчали, что не св. Петръ, а Іуда былъ уполномоченъ вѣдать кошелекъ, и что папа заслуживаетъ горькаго упрека, съ которымъ Іисусъ Христосъ обратился нѣкогда къ его прототипу Петру, говоря: «Отойди отъ Меня, сатана, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что Человѣческое» (Маркъ, VIII, 33). На основаніи этого авторитета, они утверждали, что имѣютъ полное право обвинять такого великаго преступника. Тогда король рѣшился наложить руку на имущество церкви, и она въ отвѣтъ громогласно прокляла его. За этимъ послѣдовала вначалѣ литературная война: папа издалъ буллу, король—отвѣтъ на нее. Поли-

и поддерживается искусно законниками. тика, которой слѣдовалъ Филиппъ, и искусство, съ которыми онъ ее поддерживалъ, доказывали, что онъ успѣлъ привлечь на свою сторону новую силу, оказавшую уже не мало услугу английскому королю,—силу, сдѣлавшуюся скорѣе смертельнымъ врагомъ духовенства,—законниковъ. Между тѣмъ Римъ страшно нуждался въ деньгахъ. Тогда-то возникла счастливая мысль о празднованіи юбилейнаго года въ 1300 г.,—и значительныя суммы начали вновь стекаться въ Италію.

У Бонифація оказалось, такимъ образомъ, 4 противника: король Франціи, Колонны, законники и нищенствующая братія. Послѣдніе, какъ высшіе, такъ и низшіе, отъ души ненавидѣли его. Такъ въ Англіи высшій францисканскій орденъ былъ въ бшенствѣ на папу за то, что онъ не позволилъ ему владѣть землею. Они попробовали подкупить его взятою въ 40000 дукатовъ, но онъ захватилъ эти деньги въ банкѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что нищенствующіе братья, давшіе обѣты бѣдности, не могутъ имѣть имущества. Что касается низшихъ францисканскихъ орденовъ, то ересь начинала быстро распространяться среди нихъ. Они не только заразились ученіями *Въчнаго Евангелія*, но еще зашли дальше по пути невѣрія, поставивъ св. Франциска на мѣсто нашего Спасителя. Они безустанно толковали свѣтскимъ людямъ, что папа—«антихристъ», «человѣкъ грѣха». Споръ между Филиппомъ и Бонифаціемъ съ каждою минутою об-

острялся. Первый схватилъ и засадилъ въ тюрьму папскаго нунція, потому что онъ былъ посланъ во Францію, несмотря на то, что король его лично не любилъ; папа отомстилъ ему, издавши рядъ буллъ, въ которыхъ протестовалъ противъ такого оскорбленія, вмѣшивался въ отношенія французскаго короля къ французскому духовенству и приглашалъ послѣднее явиться къ нему въ Римъ, гдѣ оно узнаетъ о всѣхъ проступкахъ своего государя. Къ монарху было также прислано приглашеніе присутствовать при этомъ и выслушать свой приговоръ. Въ послѣдней буллѣ,—если она только достоверна,—и въ отвѣтъ на нее короля, обѣ партіи, повидимому, вышли изъ терпѣнія. За этимъ послѣдовала знаменитая булла «Ausculta Fili». Король странно разгнѣвался; онъ повелѣлъ публично

сжечь ее въ Парижѣ при звукахъ трубъ, созвалъ генеральные штаты и, по совѣту своихъ законниковъ, свелъ искусство пренія на слѣдующій вопросъ: отъ кого держитъ король французское королевство, отъ Бога или отъ папы. Можно было легко предвидѣть рѣшеніе на этотъ счетъ французскаго духовенства: такъ какъ многіе изъ духовныхъ держали лены отъ короля, то они всѣ боялись захвата своихъ богатыхъ бенефицій со стороны итальянскихъ духовныхъ. Поэтому Франція поддержала своего государя. Со своей стороны Бонифацій въ буллѣ «Unam Sanctam» продолжалъ защищать свои права, заявивъ, что для спасенія

необходимо вѣрять, что «все люди подчинены римскому первосвященнику». Филиппъ, предвидя, что предстоитъ борьба на жизнь и смерть, и стараясь привязать къ себѣ народъ, выставляя себя его покровителемъ противъ тираніи духовенства, вновь искусно воззвалъ къ его чувствамъ, заявивъ, что инквизиція варварское учрежденіе, оскорбляющее все человѣческія права, нарушающее все законы, прибѣгающее къ неслыханнымъ пыткамъ и совершающее дѣла, которые приводятъ въ содроганіе человѣческіе умы. На югѣ Франціи эти рѣчи встрѣтили повсюду откликъ. Законники, среди которыхъ наиболѣе выдающуюся роль игралъ Вильгельмъ Ногаре, оказывали Филиппу весьма искусную поддержку; вообще во всемъ этомъ движеніи выказывается выдающійся умъ

его совѣтниковъ. Увѣряютъ, что отецъ Ногаре былъ сожженъ инквизиціею. Великій легатъ жаждалъ мщенія. По его внушенію, генеральные штаты пришли къ слѣдующему заключенію: 1) Бонифацій не истинный папа; 2) онъ еретикъ; 3) онъ виновенъ въ симоніи; 4) это человѣкъ, отягощенный преступленіями. Ногаре, выучившійся у Колоннъ, какъ задѣвать папство заживо, потребовалъ, чтобы весь этотъ споръ былъ перенесенъ въ соборъ, который долженъ быть немедленно созванъ королемъ. Состоялось второе засѣданіе генеральныхъ штатовъ. Вильгельмъ де Плезанъ, владѣтель Везенобля, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ папы. Изъ громаднаго списка этихъ преступленій, изъ которыхъ многія положительно невѣроятны, приведемъ нѣкоторые: Бонифацій не вѣрилъ ни въ безсмертіе, ни въ нетлѣнность души, ни въ буду-

щую жизнь, ни въ дѣйствительное присутствіе при евхаристіи; онъ не соблюдалъ церковныхъ постовъ, даже великаго; онъ называлъ кардиналовъ, монаховъ и нищенствующихъ братьевъ лицемѣрами; Святая земля была потеряна по его винѣ; средства, собранныя для ея освобожденія, были истрачены имъ; его святой предшественникъ, Целестинъ, умеръ благодаря его безчеловѣчному обращенію; онъ говорилъ, что любодѣіе и другіе возмутительныя поступки не грѣховны; онъ содомитъ и приказывалъ умерщвлять клириковъ въ своемъ присутствіи; онъ виновенъ въ симоніи; жена его племянника родила ему двухъ незаконныхъ сыновей. Всѣ эти и другія еще болѣе возмутительныя обвиненія были подтверждены присягою на Евангелии. Король воззвалъ къ «собору и къ законному папѣ».

Завязалась борьба на жизнь и смерть. Бонифацію оставался только одинъ исходъ — отлучить короля, что онъ и сдѣлалъ. Онъ лишилъ Филиппа престола и предалъ анаемѣ его потомковъ до четвертаго колѣна. Булла эта должна была быть привѣшена у дверей кафедральнаго собора въ Ананьи 8 сентября; но Вильгельмъ Ногаре и одинъ изъ Колоннъ еще до того проникли въ Италию. Они наняли толпу бандитовъ и 7 сентября напали на папу въ его дворцѣ въ Ананьи. Защищавшія его церковныя двери были сильны, но онъ уступилъ огню. Храбрый старикъ встрѣтилъ нападающихъ сидя на престолѣ въ своемъ первосвященническомъ облаченіи, съ крестомъ въ одной рукѣ и ключами св. Петра въ другой. Его кардиналы убѣжали черезъ водосточную трубу. Намѣстникъ Бога на землѣ внушалъ такъ мало уваженія, что Скарра Колонна поднялъ уже руку, чтобы убить его на мѣстѣ, но ударъ былъ остановленъ Ногаре, который съ горькою насмѣшкою заявилъ ему, что здѣсь, въ его собственномъ городѣ, онъ обязанъ жизнью слугѣ французскаго короля, — челоѣку, отецъ котораго былъ схваченъ. Папу пощадилъ только для того, чтобы посадить на клячу, спиною къ хвосту, и перевезти въ тюрьму. Враги его хотѣли отвезти его во Францію въ ожиданіи рѣшенія собора, но онъ былъ вскорѣ освобожденъ и вернулся въ Римъ; здѣсь онъ опять былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму. Тамъ онъ и умеръ 11 октября.

Такимъ-то образомъ погибъ Бонифацій VIII, послѣ девятилѣтняго правленія, полнаго событиями. Его преемникъ, Бенедиктъ XI, недолго пользовался властью, но достаточно, впрочемъ, чтобъ узнать, что ненависть короля Франціи не исчезла со смертью Бонифація и что онъ рѣшился не только преслѣдовать и за могилою память скончавшагося первосвященника, но и произвести радикальныя реформы въ самомъ папствѣ. Окутанныя вуалью женщины поднесли однажды Бенедикту корзину съ винными ягодами, говоря, что онѣ присланы ему аббатиссою монастыря св. Петра вонизіи. Папа не принялъ обыкновенныхъ мѣръ предосторожности и покушалъ ягоды. Увы, каково было нравственное состояніе Итали! Началась диссентерія, и черезъ нѣсколько дней папа умеръ. Но Колонны научили короля, какъ дол-

женъ поступать тотъ, кто желаетъ одержать верхъ надъ папствомъ; вышеописанное событіе дало ему удобный случай привести ихъ совѣты въ исполненіе. Король пришелъ въ соглашеніе съ Бернардомъ Готскимъ, архіепископомъ бордосскимъ. Они выработали слѣдующія шесть условій: 1) примиреніе между церковью и королемъ; 2) прощенье для всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ Бонифація; 3) уплата духовенствомъ десятины въ теченіе пяти лѣтъ; 4) осужденіе памяти Бонифація; 5) возстановленіе правъ Колоннъ; 6) тайная статья; въ чемъ она состояла, показало скоро время. Отправленъ былъ посольство къ сторонникамъ короля въ коллегіи кардиналовъ, и Бернардъ сдѣлался Климентомъ V. «Много пройдетъ времени, прежде чѣмъ мы увидимъ другаго папу въ Римѣ» вскричалъ кардиналъ Маттео Орсини, съ пророческимъ предвидѣніемъ того, что должно было наступить, когда заговоръ достигнетъ апогея своего развитія. Его пророчество вскорѣ оправдалось. Шестая тайная статья, заключенная между королемъ Филиппомъ и де Готомъ, была обнародована. Климентъ избралъ резиденцію Авиньонъ. Гробница апостоловъ была оставлена. Вѣчный городъ пересталъ быть метрополіею христіанства.

Но французскій прелатъ не могъ вступитъ въ сдѣлку съ французскимъ королемъ для полученія высочайшаго достоинства, на которое можетъ претендовать европеецъ, не доставивши и королю соответственныхъ выгодъ. Исполняя условіе на столько добросовѣстно, насколько позволяло ему это его высокое положеніе, Климентъ V приступилъ къ исполненію своей обязанности. Король Филиппъ увлекался своею непримиримою враждою къ умершему врагу, который, какъ онъ считалъ, ускользнулъ у него изъ рукъ, но въ то же время имъ руководило и искреннее желаніе совершить реформу въ церкви помощью радикальнаго ея переустройства. Онъ рѣшилъ, что первосвященники должны отвѣчать за свои дѣйствія передъ королями Франціи или что Франція должна имѣть болѣе непосредственное вліяніе на ихъ поведеніе. Для того, чтобы примирить съ этимъ христіанъ, онъ счелъ нужнымъ объяснить, съ притворнымъ отвращеніемъ, нравственное и религиозное положеніе Рима. Поэтому въ 1310 году приступлено было къ суду надъ умершимъ Бонифаціемъ. Консисторія открыта была въ Авиньонѣ 18 марта. Судебное разбирательство продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; выслушано было много свидѣтелей. Старались путемъ ихъ показаній утвердить гласнымъ образомъ слѣдующіе обвинительные пункты: «Бонифацій заявилъ, что, по его мнѣнію, божественнаго закона не существуетъ; то, что считается такимъ простымъ выдумка людей, для того, чтобъ ужасами вѣчныхъ наказаній держать въ страхѣ простой народъ; ложь утверждать, что Троица существуетъ, и глупо вѣрить въ это; ложь утверждать, что хлѣбъ превращается въ тѣло Христа; ложь утверждать, что Дѣва родила, потому что это невозможно; христіанство — ложь, потому что оно признаетъ будущую жизнь, о существованіи

которой у него нѣтъ никакихъ доказательствъ, кромѣ показаній мечтателей». Доказано было, что папа говорилъ: «пусть Богъ дѣлаетъ со мною все, что хочетъ въ будущей жизни; я вѣрю такъ, какъ вѣритъ всякій образованный человѣкъ; простой народъ вѣритъ иначе. Мы должны говорить такъ, какъ говоритъ народъ, а вѣритъ должны съ немногими». Люди, слышавшіе, какъ онъ спорилъ съ нѣкоторыми парижанами, говорили, что онъ утверждалъ, будто «ни тѣло, ни душа не могутъ воскреснуть». Другіе свидѣтельствовали, что «онъ не вѣрилъ ни въ таинства церкви, ни въ воскресеніе и что онъ отрицалъ грѣховность плотскихъ наслажденій». Примицерій церкви св. Иоанна въ Неаполѣ показывалъ, что Бонифацій, еще въ бытность свою кардиналомъ, сказалъ однажды въ его присутствіи: «Пусть Богъ предоставитъ мнѣ хорошее въ этой жизни, а о будущей я ни мало не забочусь. У людей столько же души, сколько у звѣрей. Видѣли ли вы хоть разъ въ жизни человѣка воскресшаго изъ мертвыхъ?» Онъ находилъ удовольствіе въ осмѣиваніи Божіей Матери, «потому что,—говорилъ онъ,—Она столько же дѣва, какъ и моя мать». Что же касается до присутствія Христа въ евхаристіи, то онъ говорилъ: «Это не больше, какъ тѣсто». Три рыцаря изъ Лукки свидѣтельствовали, что когда нѣсколько почтенныхъ пословъ, имена которыхъ приводились тутъ же, были у папы во время юбилея, и одинъ капелланъ попросилъ у Иисуса помилованія только что умершаго лица, Бонифацій обратилъ на себя общее вниманіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Что за глупость просить помилованія у Христа! Онъ не могъ помочь себѣ,—какъ же можно думать, что онъ въ состояніи спасти другихъ? Онъ не былъ вовсе Сыномъ Бога, а просто ловкимъ человѣкомъ и великимъ лицемеромъ!» Трудно было сказать что-нибудь болѣе богохульное; но свидѣтели привели еще одинъ разговоръ папы съ храбрымъ сицилійскимъ адмираломъ, Рожеромъ Лорія. Этотъ набожный морякъ замѣтилъ въ присутствіи папы, что въ случаѣ его смерти онъ надѣется, что Христосъ скажется надъ нимъ. На это Бонифацій возразилъ: «Христосъ! Онъ не былъ Сыномъ Божіимъ; это былъ человѣкъ, ѣвшій и пившій подобно намъ; Онъ никогда не воскресалъ изъ мертвыхъ; ни одинъ человѣкъ никогда не воскресалъ. Я гораздо болѣе могучъ, чѣмъ Онъ. Я могу раздавать королевства и унижать королей». Другіе свидѣтели слышали, какъ онъ говорилъ: «Въ симоніи нѣтъ ничего дурного. Въ прелюбодѣянн такъ же мало дурного, какъ и въ пожатіи руки». Нѣкоторые приводили такіе безнравственные и пошлые факты изъ его частной жизни, что страницы современной книги не могутъ быть загрязнены передачею ихъ.

Между тѣмъ Климентъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы спасти оклеветанную память своего предшественника. Онъ пускалъ въ ходъ все вліяніе, которымъ могъ располагать, для обузданія метительнаго или политичнаго короля и, наконецъ, его усиленія увѣнчались успѣхомъ. Можетъ быть, Филиппъ по- нялъ, что достигъ своей цѣли. Онъ не имѣлъ намѣренія уничтожить папства. Его цѣль была реформировать пап-

Филиппъ согла- шается отка- заться отъ пре- слѣдованій.

ство, доставить французскимъ королямъ право контролировать его; а для достижения этой цѣли необходимо было показать, въ какое состояніе пришло оно, благодаря господствовавшей въ то время системѣ. Къ какому бы заключенію ни пришелъ соборъ, противъ папы приведены были такіе факты, что, несмотря на ихъ взаимныя противорѣчія и кажущуюся несостоятельность, они производили глубокое впечатлѣніе на каждого мыслящаго человѣка. Въ политику короля входило прекратить на этомъ свои наступательныя дѣйствія. Поэтому онъ остановилъ процессъ. Благодарность Климента выразилась въ буллѣ, въ которой онъ превозносилъ до небесъ Филиппа, приписывая его дѣйствія набожности, снимая съ него всякое порицаніе, уничтожая всѣ предшествовавшія буллы, составленныя во вредъ Филиппу, отменяя наказанія для всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Бонифація, за исключеніемъ пятнадцати душъ, на которыхъ налагались легкія и номинальныя наказанія. Въ ноябрѣ 1311 г. собрали соборъ въ Вьеннѣ. Въ слѣдующемъ году на немъ явилось три кардинала, выступавшихъ въ роли защитниковъ страданій и святой жизни папы Бонифація. Два рыцаря бросили перчатки, вызывая на поединокъ всякаго, кто станетъ возражать противъ невинности папы. Ни одного обвинителя не явилось, никто не принялъ вызова, и соборъ могъ свободно принять такое рѣшеніе, какое ему казалось наиболѣе удобнымъ.

Насколько покойный первосвященникъ былъ виновенъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, никогда не было разъяснено. Но многозначительнымъ былъ уже тотъ фактъ, что такого рода обвиненія могли быть подняты, а еще болѣе важно было то обстоятельство, что его преемникъ долженъ былъ выслушивать эти обвиненія и приписывать ихъ набожности обвинителя. Безнравственности, въ которыхъ обвинялся Бонифацій, не возбуждали въ Италіи такого отвращенія, какъ среди болѣе нравственнаго населенія, живущаго за Альпами; ересь успѣла уже проникнуть въ церковь. Мы уже видѣли, какое глубокое впечатлѣніе произвело *Вѣчное Евангеліе*, сколько у него было постѣдователей и мучениковъ. То, что приписывалось Бонифацію, показывало только, что онъ спустился еще ниже по пути безвѣрія. Винна его заключалась въ томъ, что въ злосчастную минуту онъ далъ волю своимъ мыслямъ, вмѣсто того, чтобы скрывать ихъ въ глубинѣ своей души. Что же касается до остального, то если онъ былъ скупъ и собралъ громадныя сокровища, захваченныя, какъ говорятъ, бандитами Колоннъ въ то время, какъ они захватили и папу, то въ этомъ отношеніи онъ нисколько не былъ хуже многихъ другихъ папъ. Преемникъ его, Климентъ V, умеръ странно богатымъ, и, что еще хуже, не побоялся скандализировать Европу своею щедростью относительно красавицы Бруншвары, графини Талейранъ, своей любовницы.

Религиозное состояніе Бонифація, хотя и не заслуживаетъ похвалы, легко объяснимо. Крестовые походы возбудили Причины ихъ. во всей Европѣ фантастическія ожиданія, которыя, естественно, привели къ разочарованію. Они доставили панетву громадныя пре-

Религиозныя условия, окружающія папу Бонифація.

имущества какъ въ отношеніи денегъ, такъ и въ отношеніи власти. Теперь же оно должно было испытать и величайшія несчастія. Оно обѣщало награды въ этой жизни, а также и въ будущей для всѣхъ, надѣвшихъ крестъ; оно обдуманно подстрекало христіанъ противъ магометанъ и заявляло, что исходъ борьбы докажетъ правоту той или другой изъ борющихся религій. Передъ лицомъ всего міра оно доказывало, что истинный критеріумъ религій—владѣніе святыми мѣстами, освященными жизнью, страданіемъ, смертью и воскресеніемъ Спасителя. Какovy бы ни были результаты, но обстоятельство борьбы нельзя было ни скрыть, ни показать. Въ Европѣ не было семьи, которая не принесла бы матеріальныхъ жертвъ для крестовыхъ походовъ; быть можетъ, мало было и такихъ, которыя не доставили и крестоносцевъ. Что же удивительнаго, если повсюду народъ, привыкшій къ рѣшенію старыхъ дѣлъ судомъ Божиимъ, приходилъ въ ужасъ, получивъ извѣстіе о результатѣ похода? Что же удивительнаго, если еще болѣе ужасныя ереси стали постѣ этого возникать и распространяться? Если были папы, искренно провозглашавшіе этотъ критеріумъ, то могъ, конечно, появиться въ концѣ концовъ и такой папа, который былъ искренно невѣрующимъ. Понятно, что при этомъ долженъ былъ потеряться и папскій престижъ. Папство, преслѣдуя свои цѣли, добровольно привело свои дѣла въ такое ужасное положеніе и теперь заслуживало вполнѣ наказанія. Оно пользовалось набожнымъ настроеніемъ Европы для своихъ собственныхъ мрачныхъ цѣлей; оно высасывало изъ континента его кровь, и то, что цѣнилось еще выше крови,—его деньги; оно установило ложное заключеніе, дало недѣйствительный критеріумъ, а теперь наступило время терпѣть совершенно иного рода послѣдствія—умственное возстаніе среди народа, ересь среди духовенства. Но грѣхи папъ раздѣлялись и знатными ихъ соотавцами. Тамплиеры, на обязанности которыхъ лежала защита пилигримовъ во время путешествія ихъ въ Иерусалимъ,—которые, слѣдовательно, были хорошо знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Иерусалимѣ,—пошли по тому же пути, что и папы. Мрачные слухи начали ходить по Европѣ: говорили, что они, эта охрана христіанства, не только измѣнили своему знамени, но и перешли въ магометанство. По изгнаніи ихъ изъ Святой земли послѣ окончанія крестовыхъ походовъ, они разсѣялись по Европѣ, тайно распространяя свои ужасныя ереси и наслаждаясь богатствами, приобретенными ими на службѣ у тѣхъ, кому они измѣнили. Люди находятъ особенное наслажденіе въ томъ, когда имъ открываютъ таинственно и секретно, что такъ долго лелѣяныя ими мнѣнія составляютъ не больше, какъ заблужденіе. Было что-то чарующее въ разказахъ лицъ, имѣвшихъ основаніе говорить авторитетно, что Магометъ, въ сущности, вовсе не обманщикъ, но основатель чистаго и благороднаго деизма; что Саладинъ не вѣроломный убійца, не возмутительный лжецъ, а необыкновенно доблестный, вѣжливый и благородный рыцарь. Въ своихъ дѣйствіяхъ противъ тамплиеровъ Филиппъ Красивый, повидимому, воодушевился лишь желаніемъ оставить зловерное распространеніе

этихъ ученій; но Вильгельмъ Ногаре, бывшій главнымъ его совѣтникомъ какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ дѣлѣ Бонифація, руководился и личною ненавистью. Говорятъ, что онъ относился съ одинаковою ненавистью и къ тамплиерамъ, и къ папѣ Бонифацію. Они были отчасти виновны въ сожженіи его отца, и онъ рѣшился отомстить имъ. Подъ предлогомъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, всѣ жившіе во Франціи тамплиеры были арестованы Они арестованы и подвергнуты суду. въ одинъ и тотъ же день на разсвѣтѣ, 31 октября 1307 г.,—такъ хорошо были приняты мѣры для ихъ ареста. Гросмейстеръ дю Мола былъ также схваченъ, но не безъ вѣроломства. Послѣ этого открыто взведены были на нихъ обвиненія, возбуждающія ужасъ во всей Европѣ. Большинство обвиненій подтверждалось свидѣтелями, а дальнѣйшія подтвержденія были получены посредствомъ пытки. Гросмейстеръ дю Мола первый признался во всѣхъ приписанныхъ ему преступленіяхъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, папа издалъ буллу, предписывавшую англійскому королю поступить по примѣру короля французскаго—арестовать всѣхъ тамплиеровъ и захватить ихъ имущество. Заявленіе его, что одинъ изъ членовъ общества, человекъ высокаго происхожденія, признался ему въ своей преступности, произвело глубокое впечатлѣніе на англійскаго короля и многихъ другихъ лицъ, отказывавшихся вѣрить тому, что говорилось о тамплиерахъ. Парижскіе парламентъ и университетъ заявили себя удовлетворенными представленными доказательствами. Устроены были новые вопросы, получены были новыя доказательства. Папа издалъ буллу, адресованную всему христіанскому міру, въ которой заявлялъ, какъ медленно, но, увы, какъ несомнѣнно вынужденъ онъ былъ убѣдиться въ вѣроотступничествѣ ордена, и повелѣвая учреждать повсюду суды надъ нимъ. 7 августа 1309 г. собралась въ Парижѣ папская комиссія. Въ нее былъ приведенъ гросмейстеръ. Онъ заявилъ, что вѣрить въ истинность католической вѣры и отрицать виновность ордена во всѣхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ; такъ же поступили и многіе другіе тамплиеры. За то появились новые свидѣтели, утверждавшіе, что они вышли изъ ордена, возмущившись его безобразными дѣйствіями. У воротъ св. Антонія Вильгельмъ Ногаре провелъ въ слѣдующемъ маѣ много пріятныхъ вечеровъ, наслаждаясь отмищеніемъ тѣни своего отца. Сто тридцать тамплиеровъ было Найдены виновники и осуждены на сожженіе. послѣдовательно сожжено на кострахъ. Безжалостный законникъ платилъ церкви ея же монетою. Но всѣ эти страдалцы умерли, протестуя въ своей невинности; ни одинъ не призналъ себя вѣроотступникомъ. Несмотря на этотъ многозначительный фактъ,—потому что эти люди, готовившіеся разстаться съ жизнью и съ непоколебимою твердостью шедшіе навстрѣчу огню, были несомнѣнно самыми храбрыми изъ рыцарей, и ихъ предсмертныя заявленія заслуживаютъ самаго почтительнаго отношенія,—положеніе дѣла было таково, что оставалось только заявить объ уничтоженіи ордена: это и было исполнено. Самъ папа былъ, повидимому, убѣжденъ, что преступленія тамплиеровъ были совершены ими по внушенію сатаны; но люди съ болѣе просвѣщенными

взглядами пришли, повидимому, къ заключенію, что хотя тамплиеры были невинны въ возмутительныхъ проступкахъ противъ нравственности, въ которыхъ ихъ обвиняли, но знакомство ихъ съ другими формами религіи на Востокъ несомнѣнно подорвало ихъ вѣру. Послѣ тяжкаго шестилѣтняго тюремнаго заключенія, ожесточенный жестокостями, которымъ онъ подвергался, гроемейстеръ дю Мола былъ приведенъ, наконецъ, въ судъ, для выслушанія приговора. Онъ былъ найденъ виновнымъ. Испускаемая послѣднее дыханіе, онъ заявилъ «передъ небомъ и землею, на краю могилы, когда послѣдняя ложь камнемъ ложится на душу», что орденъ его невиненъ такъ же, какъ и онъ. Вечерній колоколъ звучалъ, когда дю Мола и другой осужденный тамплиеръ были возведены на костеръ, устроенный на одномъ изъ сенскихъ острововъ. Присутствовалъ при этой казни и Филиппъ. Среди дыма и пламени, окружавшихъ ихъ, тамплиеры продолжали утверждать свою невинность. Нѣкоторые увѣряютъ, что изъ пламени слышенъ былъ голосъ дю Мола, говорившій: «Климентъ, злой и несправедливый судья, я призываю тебя на судъ Божій черезъ сорокъ дней!» Нѣкоторые утверждали, что онъ призывалъ и короля. На слѣдующій годъ король Филиппъ Красивый и папа Климентъ V умерли.

Иоаннъ XXII, избранный послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго промежутка, проведеннаго въ соперничествахъ и интригахъ между французскими и итальянскими кардиналами, продолжалъ жить въ Авиньонѣ. Онъ придавалъ своей дѣятельности болѣе практической характеръ, затѣявши съ виконтомъ де Ломени процессъ о возвратѣ богатства, принадлежавшаго Клименту. Это была только часть имущества покойнаго папы, но оно простиралось до милліона семьсотъ пятидесяти тысячъ флориновъ золотомъ. Инквизиція энергически истребляла вѣрующихъ въ *Вѣчнос Евангеліе* и остатокъ альбигойцевъ и вальденсовъ. Но все это привело только къ одному результату—къ изслѣдованію достоинства и законности папской власти. Инстинктивно чувствуя, гдѣ находится источникъ распространявшагося повсюду безвѣрія, папа издавалъ буллы противъ евреевъ, возбуждая противъ нихъ кровавыя преслѣдованія, и приказалъ сжечь ихъ талмудъ и др. священныя книги. Одинъ докторъ Марсиліо, изъ Падуи, издалъ сочиненіе *Защитникъ мира*. Это было философское изслѣдованіе принциповъ правленія и характера и границъ церковной власти. Его демократическая тенденція высказывается въ доказательствахъ, помощью которыхъ онъ подрѣплялъ мнѣніе, что христіанскіе законы основываются не на словахъ папы, но на рѣшеніи вселенскаго собора; отвергалъ свѣтскія притязанія папъ; утверждалъ, что никто не можетъ быть по праву отлученъ однимъ папою и что онъ не имѣетъ права производить давленіе на человѣческую мысль; что свѣтскія льготы духовенства должны быть отмѣнены; что ихъ характеристическимъ удѣломъ должны быть бѣдность и смиреніе; что общество должно снабжать ихъ приличнымъ содержаніемъ, но и только; ихъ роскошь, пышность, расточительность и разнаго рода узур-

паціи, особенно сборъ десятины, должны быть уничтожены; что ни Спаситель, ни священное Писаніе не давали св. Петру верховной власти надъ другими апостолами; что по исторіи св. Павелъ, а не св. Петръ, былъ римскимъ епископомъ,—и, въ самомъ дѣлѣ, сомнительно, чтобы послѣдній пріѣзжалъ въ этотъ городъ, такъ какъ въ *Дѣянїяхъ Апостоловъ* ни слова не упоминается объ этомъ. На основаніи этихъ и многихъ другихъ соображеній, Марсиліо вывелъ сто сорокъ одно заключеніе противъ политическаго и церковнаго верховенства папъ.

Намъ незначѣмъ разсматривать отношенія Іоанна XXII къ Людовику Баварскому или къ антипапѣ Николаю; они принадлежатъ къ области политической исторіи. Но какъ развивалось умственное движеніе, видно изъ того, что и самъ папа не избѣжалъ обвиненія въ ереси. Несмотря на множество свѣтскихъ дѣлъ, которыми онъ долженъ былъ заниматься, Іоаннъ не поколебался поднять великій вопросъ о «божественномъ лицезрѣніи». По его мнѣнію, мертвые, даже святые, могутъ лицезрѣть Бога только послѣ страшнаго суда. Тотчасъ среди правовѣрныхъ поднятъ былъ вопросъ: «Какъ, неужели апостолы Іоаннъ, Петръ и даже св. Богородица не находятся въ присутствіи Бога?» Папа поручилъ наиболѣе выдающимся теологамъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, и самъ дѣятельно вмѣшался въ споръ. Въ нихъ былъ запутанъ и парижскій университетъ. Король Франціи заявилъ, что его королевство не должно быть осквернено такими еретическими ученіями. Одинъ вопросъ покажетъ намъ, какое практическое направленіе принялъ этотъ догматъ и насколько онъ затронулъ интересы церкви: «Если святые не лицезрѣютъ Бога, какой смыслъ имѣетъ ихъ заступничество? Къ чему обращаться къ нимъ съ молитвами?» Безумныя дѣйствія папы извиняются нѣсколько его возрастомъ. Ему было уже около девяноста лѣтъ. Но что онъ не руководился правиломъ низшихъ религіозныхъ орденовъ, которые считали бѣдность существенно необходимою для спасенія, оказалось послѣ его смерти, въ 1334 г. Онъ оставилъ восемнадцать милліоновъ золотомъ и семь милліоновъ въ посудѣ и драгоценностяхъ.

Преемникъ его, Бенедиктъ XII, слѣдующимъ образомъ рѣшилъ вопросъ о «божественномъ лицезрѣніи». «Только объявляется Божіе свѣтѣ немедленно лицезрѣютъ Бога, которые не проходятъ черезъ чистилище». Правленіе Бенедикта, отличавшееся многими хорошими чертами, врядъ ли заслуживаетъ словъ, которыми онъ встрѣтилъ избравшихъ его кардиналовъ: «Вы выбрали осла». Онъ велъ веселую жизнь. Говорятъ, что ему обязана своимъ происхожденіемъ поговорка: «пьянъ, какъ папа».

Въ правленіе послѣдовавшаго за этимъ папы, Климента VI (1342 г.), авиньонскій дворъ сдѣлался самымъ веселымъ и распущеннымъ во всемъ христіанскомъ мѣрѣ. Онъ былъ наполненъ рыцарями и дамами, живописцами и другими артистами. Роскошь его пировъ была просто волшебная. Самъ папа очень любилъ женское общество, но, по слабости, позволялъ своей любовницѣ, графинѣ Тюреннъ, исторгать громадные

доходы изъ продажи духовныхъ должностей. Петрарка, жившій въ то время въ Авиньонѣ, называетъ его обширнымъ домомъ разврата. Его собственная сестра была соблазнена святымъ отцомъ Иоанномъ XXII. Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ римляне дѣлали напрасно всевозможныя усилія, чтобы вернуть папскій дворъ въ свой городъ. Съ удаленіемъ папъ исчезли и всѣ ихъ доходы. А роковая политика избранія французовъ въ коллегію кардиналовъ уничтожила всякую надежду на это возвращеніе. Обнаруживаемая при этомъ беззащитность папъ доказывается, напр., тѣмъ фактомъ, что Климентъ назначилъ кардиналомъ своего родственника,

Ріенци. восемнадцатилѣтняго мальчика. Въ теченіе нѣкотораго времени слава Ріенци какъ бы окружила мимолетнымъ блескомъ Римъ; но Ріенци былъ только демагогомъ-обманщикомъ. Глубокое впечатлѣніе, производимое на Европу тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдствіе перенесенія резиденціи въ Авиньонъ могила св. Петра оставалась покинутою, принудило папу Урбана V вернуться въ Римъ. Это рѣшеніе было усилено желаніемъ избавиться отъ вліянія французскихъ королей и отъ вымогательствъ войскъ, требовавшихъ крупныхъ денежныхъ суммъ во избѣжаніе ограбленія Авиньона. Онъ выѣхалъ изъ Авиньона въ 1369 г., несмотря на недовольство кардиналовъ, не желавшихъ разстаться съ этимъ веселымъ, роскошнымъ городомъ и страшившихся воспоминаній о Римѣ и его населеніи. Они были отчасти правы: не только въ Римѣ, но и во всей Италіи религія не пользовалась уваженіемъ, а церковная дисциплина часто подвергалась осмѣянію. Такъ, напр., когда Урбанъ послалъ Барнабѣ Висконти, возбуждавшему смуты

Непочтительность Барнаба Висконти. въ Тоскані, буллу отъ отлученія съ двумя легатами, Барнаба заставилъ ихъ въ своемъ присутствіи съѣсть пергаментъ буллы съ свинцовою печатью и съ шелковымъ шнуркомъ, выразивъ надежду, что ихъ желудки съ такою же легкостью переварятъ эту буллу, какъ и его, и затѣмъ отправилъ ихъ обратно къ папѣ. Вскорѣ,—прошло всего два года,—отсутствіе изъ Франціи

Папа возвращаются въ Римъ. сдѣлалось невыносимымъ для папы, и онъ вернулся въ Авиньонъ, гдѣ и умеръ. Его преемнику, Григорію XI, суждено было окончить такъ называемое, вслѣдствіе семидесяти лѣтъ его продолженія, вавилонское плѣненіе папъ и вернуть ихъ въ Вѣчный городъ въ 1376 г.

Но хотя папы вернулись въ Римъ, послѣдствія политики Филиппа Красиваго давали себя попрежнему чувствовать. По смерти Григорія XI конклавъ, собравшись въ Римъ,—онъ долженъ собираться всегда въ томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ папа,—избралъ Урбана VI, подъ угрозами римскаго населенія, твердо рѣшившагося удержать въ своемъ городѣ папъ. Убѣжавъ затѣмъ въ Фонди, кардиналы раскаялись въ своемъ выборѣ, кассировали его и провозгласили папою Климента VII. Одно время они даже хотѣли избрать папою французскаго короля. Такимъ-то образомъ возникъ великій расколъ. Это была, въ сущности, борьба за вліяніе между Франціею и Италіею. Первая пользовалась имъ въ теченіе семидесяти лѣтъ, вторая желала вернуть его себѣ. Но, начавшись

на политической почвѣ, расколъ усилился, несомнѣнно, благодаря поведенію Урбана VI, державшаго себя надменно и просто невыносимо со своими приверженцами. Онъ не исправился и тогда, когда его положеніе упрочилось. Въ 1385 г., подозрѣвая своихъ кардиналовъ въ намѣреніи захватить его, объявить еретикомъ и сжечь, онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергъ пыткѣ въ своемъ присутствіи, читая молитвенникъ. Убѣжавъ изъ Ночеры, гдѣ его осадили, онъ на дорогѣ велѣлъ убить епископа аквилейскаго. Другихъ онъ приказывалъ зашивать въ мѣшокъ и бросать въ Генуэзскій заливъ. Предполагали, не безъ основанія, что онъ былъ помѣшанъ.

Если и прежде существовали денежные затрудненія для поддержанія общаго папскаго двора, то эти затрудненія, Денежныя нужды папы. усилились, когда папскихъ дворовъ оказалось два. Все болѣе и болѣе увеличивавшіяся смуты привели, наконецъ, къ политическимъ движеніямъ. Необходимы были, во что бы то ни стало, деньги для Рима и для Авиньона. Празднованіе юбилея было переходною и недостаточною мѣрою, хотя даже при условіи празднованія его черезъ каждые тридцать три года, соотвѣтственно годамъ земной жизни Спасителя. Въ Авиньонѣ финансовыя затрудненія Климента, человѣка съ ласковымъ и утонченнымъ обращеніемъ, обрушились со всею силою на французскую церковь, вынужденную поддерживать его; поэтому не удивительно, что французскіе духовные были недовольны поселеніемъ среди нихъ папы, такъ какъ присутствіе его во Франціи лишало ихъ лучшихъ бенефиций. При такихъ обстоятельствахъ для соперничающихъ папъ и ихъ преемниковъ оставался одинъ только исходъ: реорганизация папской финансовой системы, а именно сильное развитіе Организація симоніи. симоніи, индульгенцій и другихъ нечистыхъ источниковъ дохода. Такъ, Бонифацій IX устроилъ аннаты на папскихъ книгахъ. Установлены были ростовщики или маклера въ качествѣ посредниковъ между покупателями бенефиций и папскимъ казначействомъ, и говорятъ, что, въ случаѣ настоятельной нужды, бенефиции продавались въ одну недѣлю одновременно нѣсколькимъ покупателямъ. Болѣе поздній покупатель могъ получить преимущество, уплативъ добавочные 25 флориновъ: шансы его увеличивались, если онъ платилъ пятьдесятъ флориновъ. Вскорѣ вошло въ употребленіе отправлять королямъ и прелатамъ просьбы о субсидіяхъ,—доказательство, какъ сильно ослабѣло папство благодаря событіямъ послѣдняго времени.

Но религіозная Европа не могла примириться съ такими скандалами, усиливающимися съ каждымъ годомъ. Соперничающіе папы постоянно упрекали другъ друга Негоднованіе религіозной Европы. во лжи и разнаго рода низкихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, волновавшій общество чувства нашли выраженіе въ видѣ пизанскаго собора, созваннаго кардиналами подъ ихъ собственную отвѣтственность. Соборъ этотъ призвалъ къ себѣ на судъ обонхъ папъ, Бенедикта XIII и Григорія XII, объявилъ ихъ виновными во взводныхъ на нихъ преступленіяхъ, низложилъ ихъ и назначилъ на

Три папы. ихъ мѣсто Александра V. Такимъ образомъ существовало уже три папы. Но, ухудшивъ этимъ положеніе дѣлъ, соборъ вдобавокъ принялъ одну необыкновенную мѣру—уничтожилъ самодержавіе папы. Силою обстоятельствъ онъ былъ вынужденъ уничтожить начала, на которыхъ зиждилось латинское христіанство, присвоивъ себѣ верховную власть надъ намѣстникомъ Христа. Теперь всѣ мыслящіе люди могли убѣдиться въ человѣческой природѣ папства. Оно рушилось. Теологическіе споры предыдущихъ лѣтъ породили, очевидно, политическій принципъ, развили демократическій духъ и іерархія возстала противъ своего государя.

Но это великое движеніе не ограничивалось духовенствомъ. Повсюду въ немъ принимали участіе и свѣтскіе люди, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ причиною его служили финансовыя вопросы. Дѣла пришли въ такое положеніе, что личный характеръ папы пересталъ представлять какое-либо значеніе: сила обстоятельствъ неустойчиво заставляла его прибѣгать къ постыднымъ средствамъ для пополненія своей кассы. Такъ, когда послѣ смерти Александра ему наследовалъ Балтазаръ Косса, злой, но способный человѣкъ, подъ именемъ Иоанна XXIII, онъ оказался вынужденнымъ не только расширить дѣятельность своихъ маклеровъ въ отношеніи симоніи, но и получать доходы съ разрѣшенія проституціи, съ игорныхъ домовъ и съ ростовщиковъ. Въ Англіи, служившей въ теченіе долгихъ лѣтъ источникомъ богатства для Рима, направленіе дѣлъ выказывалось фактами вродѣ возраженій палаты общинъ на занятіе

всѣхъ высшихъ должностей духовными; указанія, дѣлаемые «Хорошимъ парламентомъ», на количество денегъ, вымогаемыхъ въ королевствѣ Римомъ. Они убѣдили, что эта сумма превосходитъ въ пять разъ налоги, взимаемые королемъ, и что доходы, получаемые папою въ Англіи, болѣе доходовъ любого государя христіанскаго міра. Недовольство выказывалось и такими фактами, какъ статуты *Mortmain*, *Provisors* и *Praemunire* и всеобщимъ негодованіемъ на нищенствующіе ордена. Это недовольство на духовенство сопровождалось жаждою знанія. Тысячи людей толпились въ университетахъ континента и Англіи. Въ такомъ хорошо подготовленномъ обществѣ Виклефу было не трудно распространить свое ученіе. Онъ во многихъ отношеніяхъ перенималъ ученіе Бернгара. Онъ говорилъ, что хлѣбъ въ евхаристіи не истинное тѣло Христа, а только его изображеніе; что римская церковь не имѣетъ права на главенство надъ другими церквями; что ея епископъ не имѣетъ больше власти, чѣмъ всякій другой епископъ; что справедливо лишать виновную церковь ея свѣтскихъ владѣній; что ни одинъ епископъ не имѣетъ права держать тюремъ для наказанія лицъ, не покоряющихся ему, и что только одно священное Писаніе служитъ достаточнымъ руководителемъ для хри-

стіанина. Его переводъ Библии на англійскій языкъ является практическимъ послѣдствіемъ такого взгляда, на пользу его соотечественниковъ. Всѣ классы общества заразились проповѣдуемою имъ ересью. Говорили, что половина англи-

чанъ — долларды, т. е. послѣдователи Виклефа. Но церковь въ концѣ концовъ убѣдила правительство позволить ей испробовать свои силы, и статутъ *De haeretico comburendo* прошелъ въ 1400 г. Уильямъ Сотре, священникъ, сдѣлавшійся послѣдователемъ Виклефа, былъ первымъ англійскимъ мученикомъ. Джонъ Бадби, портной, отрицавшій пресуществленіе, былъ обвиненъ въ Сожженіе англійскихъ еретиковъ. томъ, будто бы онъ говорилъ, что если это правда, то на каждомъ хлѣбномъ полѣ Англіи 20000 боговъ, былъ также сожженъ на площади въ присутствіи принца Уэльскаго. Лордъ Кобгэнъ, глава доллардовъ, называвшій папу антихристомъ и сыномъ гибели, былъ заключенъ въ тюрьму; но онъ убѣжалъ изъ нея, принялъ участіе въ политическихъ движеніяхъ и въ концѣ концовъ претерпѣлъ двойное наказаніе за ересь и измѣну: его повѣсили, а подъ ногами его разложили костеръ. Интересно замѣтить общественное положеніе этихъ трехъ первыхъ мучениковъ. Ересь проникала собою всѣ классы общества, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ.

Соборъ констанцкій былъ созванъ въ 1415 г. У него была тройная цѣль: 1) соединеніе церкви подъ властью одного папы, 2) преобразование духовенства и 3) уничтоженіе ереси. Политика его сразу опредѣлилась. Онъ объявилъ себя обладающимъ верховною церковною властью, потребовалъ отреченія папы Констанцкій соборъ низлагаетъ папу Иоанна XXIII, выставилъ противъ него обвиненія, между которыми были ужасныя, превосходившія всякое вѣроятіе и оправдывающія данное ему прозвище «воплощенный дьяволъ». Способъ подачи голосовъ на соборѣ былъ измѣненъ. Принять былъ новый планъ подачи голосовъ по націямъ, что сводило все участіе итальянцевъ въ соборѣ къ одному голосу. Всѣ эти факты показываютъ намъ, что на соборѣ присутствовали люди, умѣющие обращаться съ механизмомъ такихъ собраний, и что замѣчаніе Энея Сильвія, впоследствии папы Пія II, относительно базельскаго собора могло съ полнымъ успѣхомъ быть примѣнено къ констанцкому: именно, что соборъ столько же подчинялся руководствамъ св. Духа, сколько и вліянію человѣческихъ страстей. Вліяніе, оказываемое теперь законниками на общественныя дѣла, ихъ умѣніе устраивать вездѣ соглашенія, ихъ интриги обнаруживаются поразительнымъ образомъ въ дѣйствіяхъ этихъ собраний; искусство легистовъ передалось духовенству, а отчасти и народу. Но какая глубокая перемена произошла въ папствѣ въ періодъ времени, протекшій между добровольнымъ отреченіемъ Целестина и вынужденнымъ отреченіемъ Иоанна Гуса!

На этотъ соборъ явился и Иоаннъ Гусъ подъ защитою охранной грамоты императора Сигизмунда. Едва, впрочемъ, и убиваетъ Иоанна Гуса. успѣлъ онъ прибыть, какъ его заключили въ тюрьму; въ извиненіи этой измѣны приводили необходимость уступить въ этомъ отношеніи партіи реформы. 5-го іюня 1416 года Гусъ былъ приведенъ на соборъ въ цѣпяхъ. Объявлено было обязательнымъ держать слово относительно еретика. Его соотечественники, богемскіе владѣтели, присутствовавшіе на соборѣ, протест-

стования противъ такого вѣроломства и громко требовали освобожденія Гуса. Представлены были обвинения противъ него, основанныя на его соглашеніяхъ. Онъ призналъ себя готовымъ защищать свои мнѣнія. Возбужденіе было такъ велико, что соборъ оказался вынужденнымъ отсрочить свои засѣданія. Черезъ два дня засѣданія были возобновлены. Имъ предшествовало солнечное затменіе, которое, какъ говорятъ, было полное въ Прагѣ. Ни одинъ изъ жаждущихъ крови духовныхъ не принялъ къ сердцу торжественнаго указанія, заключавашагося въ этомъ, что постъ величайшей темноты солнце вновь начало свѣтить прежнимъ своимъ блескомъ. Императоръ присутствовалъ на судѣ со всѣми отцами церкви. Первое обвиненіе касалось вопроса о пресуещствленіи. При обвиненіи этого вопроса и многихъ другихъ императоръ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ и, между прочимъ, заявилъ, что, по его мнѣнію, подсудимый достоинъ смерти. Постъ продолжительнаго изслѣдованія взводимыхъ на Гуса обвиненій, для него приготовлена была форма отреченія. Онъ съ скромною твердостью отказался подписать ее, закончивъ свой благородный отвѣтъ слѣдующими словами: «Взываю къ Іисусу Христу, единственному, всемогущему и всеправедному Судѣ. На Его судъ отдалъ я свое дѣло, на судъ того, кто будетъ судить всѣхъ людей не на основаніи ложныхъ свидѣтельствъ и заблуждающихся соборовъ, а по истинѣ и по заслугамъ каждаго». 1-го іюля соборъ сошелся въ полномъ составѣ. Прочитано было тридцать обвинительныхъ пунктовъ противъ Гуса. Между прочимъ, его обвиняли въ томъ, будто онъ считаетъ, что вещественный хлѣбъ постъ освященія не претерпѣваетъ измѣненія. Доведенный до крайности, подсудимый поведеніе Гуса. Благородное поведеніе Гуса. смогъ въ упоръ на измѣнника Сигизмунда и торжественно воскликнулъ: «Я пришелъ сюда какъ свободный человѣкъ, подъ защитой охранной грамоты императора». Совѣсть заговорила въ императоръ, и онъ покраснѣлъ. Тогда Гуса заставили преклонить колѣни и въ такомъ положеніи выслушать приговоръ. Его сочиненія и его тѣло были присуждены къ смерти на кострѣ.

Затѣмъ его лишили священническаго званія. Нѣкоторые изъ епископовъ смѣялись надъ нимъ, другіе, болѣе сострадательные, умоляли его отречься. Ему обрѣзали волосы такъ, что на головѣ образовался крестъ, надѣли ему на голову бумажную корону съ нарисованными на ней демонами. «Мы предаемъ твою душу дьяволамъ въ аду». «А я предаю свою душу милосерднѣйшему Господу Іисусу Христу». Затѣмъ его увели. Процессія прошла мимо епископскаго дворца, гдѣ предавали сожженію книги Гуса. Когда его прикрѣпляли цѣпями къ позорному столбу, разрисованная корона спала съ головы, но солдаты опять надѣли ее ему. «Пусть онъ сожженъ. онъ и его черти сгорятъ вмѣстѣ!» Пламя окружило его, но онъ продолжалъ пѣть псалмы и молиться Искупителю. Можетъ ли быть истиннымъ то, что требуетъ для своей поддержки убійства искренняго человѣка?

Такъ-то единодушно дѣйствовалъ констанцскій соборъ. Онъ опасался распространенія ереси, но не боялся или, быть можетъ,

не принималъ во вниманіе того высокаго судилища, неумолимымъ приговорамъ котораго должны подчиняться и соборы, и папы, и императоры,—суда потомства. Соборъ выставяли какъ бы вдохновеннымъ свыше св. Духомъ. Онъ позволилъ себѣ возмутительное вѣроломство, велъ себя какъ собраніе убійць, заглушивъ голосъ серьезнаго человѣка, торжественно протестовавшаго противъ ученія, осмѣиваемаго теперь всею образованною Европою. Переживаемый послѣднею переворотъ былъ запечатлѣнъ кровью не только Иоанна Гуса, но и Иеронима Пражскаго. Мученики эти Онъ убиваетъ также Иеронима Пражскаго. не были обыденными людьми. Поджіо Броччюлони, Его необходимо краснорѣчіе. свидѣтель этихъ событій, говоритъ въ письмѣ къ Леонардо Аретино о краснорѣчии Иеронима слѣдующее: «Когда я подумаю, какой у него былъ замѣчательный подборъ словъ, какъ сильно дѣйствовали его голоса, его движенія, то, какъ глубоко я ни уважаю древнихъ, я прихожу къ заключенію, что въ этомъ отношеніи никто еще не подходилъ ближе его къ ихъ лучшимъ образцамъ краснорѣчія».

Іоаннъ XXIII былъ вынужденъ отречься. Григорій XII умеръ. Нѣсколько времени спустя ему наследовалъ Бенедиктъ XII. Соборъ избралъ Мартина, и нашелъ въ немъ человѣка, способнаго справиться съ созданнымъ имъ положеніемъ дѣлъ. Соборъ низложилъ одного государя и возвелъ новаго; онъ Чего достигъ соборъ. цементировалъ новую вѣру кровью; онъ провозгласилъ ужасное ученіе о томъ, что различіе въ религиозныхъ мнѣніяхъ оправдываетъ нарушеніе клятвы между людьми; онъ сдѣлалъ попытку продолжать свою власть, повелѣвшій созывать каждыя пять лѣтъ соборъ; но онъ не добился главной своей цѣли—церковной реформы.

Въ комнатѣ, находящейся рядомъ съ базельскимъ соборомъ, съ дубовымъ потолкомъ и раскрашенными кирпичами Базельскій соборъ. на полу, современный путешественникъ можетъ прочесть слѣдующую надпись: «Комната, гдѣ засѣдалъ знаменитый базельскій соборъ. Въ этой комнатѣ папа Евгений IV былъ низложенъ и замѣненъ Феликсомъ V, герцогомъ Савойскимъ и кардиналомъ Репайскимъ. Соборъ открылся въ 1431 г. и закрылся въ 1448 г.». Комната эта была свидѣтельницаю великихъ событій.

Демократическія вліянія, проникающія собою церковь, не ослабѣвали. За судьбу Гуса богемскій мечъ отомстилъ кровью и огнемъ. Евгений IV, папа, боялся, чтобы свѣтское правительство не вступило въ переговоры съ гуситскими вождями. Такого рода переговоры, утверждалъ онъ, были бы богохульствомъ противъ Бога и оскорбленіемъ для папы. Поэтому онъ склонялся въ пользу того, чтобы отложить засѣданіе, и не щадилъ средствъ для достиженія своей цѣли. По наружности соборъ стремился реформировать духовенство; въ дѣйствительности онъ желалъ превратить папскую автократію въ самодержавную монархію. Съ этою цѣлью онъ призвалъ къ себѣ на судъ папу, и когда послѣдній не явился на приглашеніе, соборъ провозгласилъ виновными его и семнадцать Онъ объявляетъ папу виновнымъ. кардиналовъ. Папа назвалъ соборъ синагогою сатаны; соборъ же принялъ на себя функціи сената христіанства.

Онъ приготовилъ большую печать и заявилъ, что, въ случаѣ смерти папы, право выбора ему преемника принадлежитъ собору. Онъ твердо вознамѣрился не допускать, чтобы конклавъ, вѣчно интригующихъ итальянскихъ кардиналовъ рѣшилъ такой великій вопросъ, а постановилъ передать обсужденія его представителямъ соединеннаго христіанства. Давши папѣ нѣкоторую отсрочку послѣ обвиненія, соборъ затѣмъ отрѣшилъ его и, медленно подвигаясь къ своей цѣли, избралъ преемникомъ ему Амедея Савойскаго, Феликса V. Необходимо было, чтобы папа былъ богатый человѣкъ, такъ какъ соборъ не могъ предложить ему значительной денежной поддержки. Амедей удовлетворялъ этому условію. Кромѣ того, немаловажное, можетъ быть, значеніе представляло для многихъ то обстоятельство, что папа былъ нѣкогда женатъ и что у него были дѣти. Сквозь цѣлый рядъ интригъ того времени ясно проглядываетъ ^{дѣйствительная} одна и та же мысль: германская іерархія рѣшилась ^{его намеренія.} отнять у итальянцевъ право выбора папы и передать его Европѣ, ограничить власть папы, не признавать его больше безответственнымъ наместникомъ Божіимъ на землѣ, а считать его главнымъ и отвѣтственнымъ служителемъ христіанства, дать духовенству право вступать въ бракъ. Всѣ эти идеи несомнѣнно тевтонскаго происхожденія.

Мы рассказали исторію этихъ событій настолько подробно, насколько это требуется для цѣлей нашей книги. Поэтому ^{Причины этихъ смутъ и ихъ прекращеніе.} мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ новаго раскола. Онъ не возбудилъ почти никакого интереса въ Европѣ. Эней Сильвій, одинъ изъ талантливейшихъ людей того времени, въ двухъ словахъ опредѣляетъ намъ блестящимъ образомъ тогдашнее положеніе дѣлъ: «Вѣра умерла». По низложеніи Евгенія IV, ему послѣдовалъ Николай V. Въ интересахъ собора устроено было соглашеніе съ нимъ. Соборъ былъ распущенъ. Феликсъ V отрекся. Современная нравственность улучшилась. Антипапа не былъ ни ослѣпленъ, ни убитъ. Расколъ прекратился.

Итакъ, мы видѣли, что личная безнравственность папы и ихъ ^{Конецъ умственного вліянія папства.} ереси привели къ вмѣшательству королей Франціи, которые не только потрясли до основанія папскую систему, но и уничтожили ея престижъ, выказывая папамъ самое глубокое презрѣніе. Римъ на цѣлыхъ 70 лѣтъ лишился своей привилегіи, и соперничество между Италіей и Франціей привело къ великому расколу, который долженъ былъ оказаться крайне пагубнымъ для папской власти. Мы уже видѣли, какъ, пользуясь денежными затрудненіями папства, умственный духъ, проявившійся въ Европѣ, одержалъ надъ папою верхъ и совершенно низложилъ его. Напрасно было бы отвергать авторитетность такого собора,—фактъ былъ на лицо. Въ то время итальянской системѣ предстоялъ, по видимому, только одинъ исходъ: полная гибель. А между тѣмъ къ всеобщему удивленію, ей дана была временная помощь и поддержка съ той стороны, съ какой никто ее никогда не ожидалъ. Спасителями папства оказались турки.

Это и былъ настоящій конецъ папской системы, той системы, которая угнетала Европу точно кошмаръ. Великіе люди того времени,—государственные дѣятели, философы, купцы, юристы, правящіе классы,—всѣ тѣ лица, мнѣнія которыхъ пользуются значеніемъ у простаго народа, сбросили съ себя этотъ кошмаръ и открыли глаза. Духовенство начало прозрѣвать истину относительно новаго положенія дѣлъ. Папство не могло вновь съ прежнею энергіею властвовать надъ человѣческою мыслью и руководить европейскими дѣлами. Оно могло вступать въ судорожную борьбу, но это была только агонія. Государь, первосвященникъ долженъ былъ снискать съ положенія автократа, занимаемаго имъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, и обратиться въ мелкаго владѣльца, терпимаго королями въ этомъ подчиненномъ положеніи только въ виду того жалкаго остатка вліянія, которое онъ оказывалъ еще на необразованную народную массу и на слабые умы.

ГЛАВА IV.

Вѣкъ вѣры на западѣ.

(к о н е ц ъ).

дѣйствія восточнаго или военнаго нападенія.—общій обзоръ вѣка вѣры.

- Паденіе Константинополя.—Дѣйствіе его на итальянскую систему.
 Общій обзоръ умственнаго состоянія вѣка вѣры.—Супернатурализмъ и его логика распространены по всей Европѣ.—Разрушены еврейми и арабами.—Полное ихъ уничтоженіе.
 Еврейскіе медики.—Ихъ знанія и ихъ вліяніе.—Ихъ столкновенія съ обманною медициною Европы.—Ихъ дѣйствіе на высшіе классы.—Оппозиція ихъ.
 Нравственный и умственный импульсы, оказывавшіе давленіе на средневѣковый порядокъ вещей.—Паденіе итальянской системы благодаря умственному импульсу, шедшему съ запада, и нравственному, шедшему съ сѣвера.—Дѣйствіе перваго черезъ посредство астрономіи.—Происхожденіе нравственнаго импульса.—Ихъ совмѣстное неудержимое дѣйствіе.—Разоблаченіе положенія дѣлъ въ Италиі.—Сочиненія Макіавели.—Что было сдѣлано въ дѣйствительности церковью.
 Все движеніе итальянской системы опредѣляется разсмотрѣніемъ четырехъ нападеній, направленныхъ противъ нея.

Отъ запада я долженъ теперь обратиться къ востоку и описать давленіе, произведенное съ этой стороны маго- ^{Восточное давленіе.}метанствомъ. Оно ознаменовано многими важными событіями, и больше всего паденіемъ Константинополя. Греческая церковь, потерянная нами изъ виду, теперь вновь выступаетъ на сцену.

Кочующее племя турокъ проложило себѣ путь въ Малую Азію и, подъ руководствомъ своего предводителя Ер- ^{Вторженіе турокъ.}тогула и сына его, Османа, упрочилось тамъ и начало

расширять свое влияние, отвоевывая владения у иконийских султанов и у византийской империи. Третьей государю этого племени учредить яничаровъ, представлявшихъ замѣчательную военную силу, и началъ вытѣснять грековъ изъ Малой Азии. Сынъ его, Сулейманъ, переправился черезъ Геллеспонтъ и, захвативъ Галлиполь, сталъ, такимъ образомъ, одною ногою въ Европѣ въ 1358 г.

Послѣ этого турецкое влияние начало быстро расширяться. Расширеніе ихъ власти въ Европѣ. Оракія, Македонія и Сербія были покорены. Сигизмундъ, царь венгерскій, былъ разбитъ Баязетомъ въ сраженіи при Никополѣ. Южная Греція и страны, лежащія вдоль течения Дуная, были покорены, и самъ Константинополь попалъ бы въ его руки, если бы не внезапное нашествіе Тамерлана, который разбилъ Баязета и взялъ его въ плѣнъ. Царствованіе наслѣдовавшаго ему Магомета I занято было упорядоченіемъ турецкихъ дѣлъ. При Амуратѣ II турки завладѣли берегами Эвксина, взяли штурмомъ укрѣпленія, расположенныя вдоль Коринѣскаго перешейка, и вступили въ Пелопонезъ.

Въ 1451 г. султаномъ турокъ сдѣлался Магометъ II. Вступивши на престолъ, онъ обратилъ немедленно всѣ свои силы на завоеваніе Константинополя. Государя византийскіе давно уже предвидѣли это неизбежное событіе и принимали всевозможныя мѣры, чтобъ обезпечить себѣ помощь съ запада. Они готовы были даже

Византийскіе государи вывалятъ къ западу. отказаться отъ своей вѣры. На этомъ основаніи одинъ монахъ, Варлаамъ, былъ отправленъ къ Бенедикту XII съ порученіемъ предложить соединеніе церквей латинской и греческой, какъ это деликатно называли, и добиться, взаимно этой уступки, помощи со стороны франкской арміи. Когда опасность сдѣлалась болѣе настоятельною, Иоаннъ Палеологъ I попросилъ свиданія у папы Урбана V, и, очистившись отъ своихъ ересей относительно верховнаго значенія папы и двойственнаго происхожденія св. Духа, былъ представленъ папѣ въ церкви св. Петра. Греческій государь, послѣ трехъ колѣнопреклоненій, получилъ разрѣшеніе поцѣловать ногу святого отца и вести за поводъ его мула. Но хотя папы, быть можетъ, и желали оказать ему помощь, они потеряли всякую власть и значеніе, такъ что вся покорность императора не привела ни къ чему. Черезъ тридцать лѣтъ сынъ и наслѣдникъ Палеолога, Мануилъ, пошелъ по болѣе вѣрному пути. Онъ отправился въ Парижъ и Лондонъ, чтобъ изложить свое бѣдственное положеніе передъ королями Франціи и Англіи; но получилъ въ отвѣтъ только состраданіе, помощи же никакой. На констанцскій соборъ прибыли и византийскіе посланники, но переговоры по поводу Византіи начались только на соборахъ феррарскомъ и флорентинскомъ. Второй сынъ Иоанна Палеолога опять отправился въ 1438 г. въ Италію и, между тѣмъ какъ базельскій соборъ низлагалъ Евгенія, Иоаннъ совершалъ въ флорентинскомъ соборѣ соединеніе церквей восточной и западной.

Греческая церковь соединяется съ латинскою. На кааедрѣ этого зданія 6-го іюля того же года римскій кардиналъ и греческій архіепископъ обняли другъ друга передъ народомъ; те Деумъ былъ пропѣтъ по-гречески, месса была

совершена на латинскомъ языкѣ, а символъ вѣры прочтенъ вмѣстѣ съ «Filioque». Преемникъ Константина Великаго отказался отъ своей религіи, но не получилъ взаимно помощи. Положеніе церкви, ея безпорядки и расколы дѣлали невозможною какую бы то ни было общность дѣйствія на западѣ.

Наконецъ, пробилъ неизбежный часъ. Магометъ II былъ, говорятъ, ученый человѣкъ, умѣвшій выражаться на пяти различныхъ языкахъ, искусный въ математикѣ, особенно въ дѣлѣ ея примѣненія къ инженерному искусству, поклонникъ изящныхъ искусствъ, щедрый покровитель итальянскихъ художниковъ. Какъ въ Испаніи, такъ и въ Малой Азии среди учениковъ пророка царило свободомысліе. Говорятъ, что въ минуты откровенности султанъ часто осмѣивалъ религію своей страны, называя ее мошенничествомъ. Его сомнѣнія въ этомъ отношеніи вознаграждались его рѣшеніемъ привести въ исполненіе намѣренія многихъ изъ его магометанскихъ предшественниковъ—завоевать Константинополь.

Въ это время почтенный городъ такъ сильно палъ, что заключалъ въ себѣ всего 100000 жителей, изъ которыхъ Осада Константинополя. только 4970 были способны или готовы носить оружіе. Осаждающая сила состояла изъ болѣе чѣмъ четверти милліона людей. Магометъ подвигался впередъ со своими осадными орудіями, а доведенный до отчаянія императоръ напрасно ждалъ съ запада обѣщанной помощи. Несмотря на крайность ея положенія, въ метрополіи сильно было раздѣленіе на партіи вслѣдствіе ея религиозныхъ распрей; когда католическій священникъ служилъ въ св. Софіи, многие восклицали, что имъ пріятнѣе было бы видѣть тюрбанъ султана, чѣмъ тиару папы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ осада Константинополя обозначала конецъ стараго времени и начало новаго. Стѣны его потрясались таранами стараго фасона и разрушались пушками, только что вошедшими въ употребленіе. Въ самую темную ночь корабли были перевезены по доскамъ въ открытое поле на разстояніи десяти миль. Осадныя работы приблизились къ самымъ стѣнамъ, такъ что расхаживающіе на стѣнахъ часовые могли слышать, какъ перекликались турки, сидѣвшіе у ночныхъ огней. Доносились возгласы: «Богъ есть Богъ, и нѣтъ никого, кромѣ Бога».

29 мая 1453 г. войска пошли на приступъ. Константинъ Палеологъ, послѣдній изъ римскихъ императоровъ, снялъ съ себя свою пурпуровую мантию, чтобы никто не могъ узнать его въ случаѣ катастрофы и оскорбить его тѣло, и палъ на брени, какъ и слѣдовало римскому императору. Послѣ его смерти Паденіе города. противленіе прекратилось, и побѣжденные турки вторгнулись въ городъ. Смѣшанныя толпы женщинъ и дѣтей, священниковъ, монаховъ, монахинъ и мужчинъ бросились къ церкви св. Софіи. Сувѣрные до конца, они ждали исполненія пророчества, по которому турки должны были быть остановлены въ своемъ движеніи, какъ только дойдутъ до площади передъ церковью, потому что ангель съ мечомъ въ рукѣ спустится съ неба и спасетъ городъ Господа. Турки вторгнулись на площадь, но ангель не явился.

Болѣе чѣмъ двѣ трети жителей Константинополя были отправлены въ плѣнъ въ турецкій лагерь—мужчины въ рабство, женщины для еще болѣе горькой участи. Церкви были разграблены. Съ купола св. Софіи сняты были все украшенія. Божественныя изображенія, ради которыхъ христіанство вступало въ такія распри въ прежнее время, пострадали отъ благочестиваго гнѣва магометанъ и, лишеныя своихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, были отправлены въ кухни и конюшни для самаго низкаго употребленія. Въ тотъ же день муэдзинъ взшелъ на самую высокую башню св. Софіи и провозгласилъ съ нея единство Бога. Султанъ совершилъ свои молитвы передъ главнымъ алтаремъ, приказалъ очистить зданіе отъ всякихъ христіанскихъ украшеній и посвятить его поклоненію Богу по правиламъ магометанской религіи. Затѣмъ онъ отправился во дворецъ и, разсуждая о непрочности человѣческаго благополучія, повторилъ при входѣ въ него персидскій стихъ: «Паукъ сплелъ паутину въ императорскомъ дворцѣ, сова запѣла свою сторожевую пѣсню на башняхъ Афрасиаба».

Какъ только свершилось это великое событіе—паденіе Константинополя, устранена была всякая необходимость въ примиреніи между церквами греческой и латинской. Мечъ Магомета разрѣшилъ споръ. Константинополь подчинился судьбѣ Антиохіи, Иерусалима, Александріи, Карфагена. Христіанство было объявлено ужасомъ. Теперь турки стали быстро подвигаться въ Европу. Коринѣъ и Аѳины пали, и покореніе всей Греціи было завершено. Въ 1461 г. турки придвинулись къ границамъ Италіи. Магометанскій флагъ развивался противъ

этого полуострова на всемъ побережьи Адриатическаго моря. Прошло еще двадцать лѣтъ—и турки вторгнулись въ Италію. Отранто былъ взятъ, его епископъ былъ убитъ у воротъ своей церкви. Въ это время пѣхота и кавалерія турокъ считались лучшими въ мірѣ.

Успѣхъ турокъ. Въ 1520 г. Сулейманъ Великолѣпный взялъ Вѣлградъ. Девять лѣтъ спустя турки осадили Вѣну, но были отиснуты. Сулейманъ уже дѣлалъ приготовленія для завоеванія Италіи, когда одно случайное обстоятельство заставило его обратить свое оружіе противъ жителей венеціанской области. Только битвой при Лепанто движеніе впередъ турокъ было остановлено. Но даже при такомъ положеніи дѣлъ европейскіе государи не могли довѣрять другъ другу вълѣдствіе своей неустойчивой политики и постоянныхъ интригъ; общая имъ вѣра перестала составлять общую между ними связь; у нѣкоторыхъ она была ослаблена, у другихъ совершенно уничтожена. Эней Сильвій, говоря о христіанствѣ, выражается такъ: «Это тѣло безъ головы, республика безъ законовъ и судей. Папа и императоръ могутъ блистать въ качествѣ пустыхъ титуловъ или великолѣпныхъ изображеній; но они неспособны повелѣвать, и никто не согласится повиноваться имъ». Если бы въ этотъ періодъ турецкаго нашествія религіозныя распри христіанства не успокоились, Европѣ грозилъ бы неминуемая опасность обратиться въ магометанство. Горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ, равно какъ и настоящихъ, научилъ христіанъ, что римская церковь совер-

шенно неспособна противиться такимъ нападеніямъ. Безопасности нужно было искать въ знаніяхъ и въ денежныхъ средствахъ, употребленныхъ на организацію армій и флотовъ.

Турецкое вторженіе привело къ вспыхнѣ христіанскихъ демократическихъ чувствъ въ нѣдрахъ самой церкви—къ дѣйствию турецко-воздержанію въ теченіе извѣстнаго времени отъ дальнѣйшаго итѣнненія. нѣйшаго подкopa подъ папскую власть. Разъ невозможно было прекратить церковныя распри, нужно было хоть на время отерочить ихъ; и такъ въ дѣйствительности и случилось, пока прежніе раздоры не вспыхнули вновь въ видѣ реформаціи. Итакъ, какъ мы уже говорили выше, благодаря магометанскому знанію на западѣ, папское христіанство едва не было разрушено; но въ то же время, по странному стеченію обстоятельствъ, магометанскій мечъ на востокѣ придалъ ему вновь политическую силу, хотя не влилъ въ него прежней жизни.

Николаю V, ученому и талантливому папѣ, константинопольская катастрофа нанесла смертельный ударъ. Онъ былъ близкимъ другомъ Козьмы Медичи и у него заразился страстью къ искусству и наукѣ, но, подобно своему патрону, не любилъ свободы. Торговля научила папъ цѣнить и уважать искусство. Дальнѣйшее развитіе Европы обуславливалось торговлею верхней Италіи, а не вліяніемъ церкви. Флорентинскіе государственные дѣятели были изобрѣтателями теоріи равновѣсія власти. Николай, большой любитель литературы, основалъ ватиканскую бібліотеку. Онъ ясно понималъ, какое направленіе должна была принять римская система: она была несовмѣстима съ наукою, но могла дѣйствовать за одно съ искусствомъ. Вліяніе ея на разумъ было утрачено, но чувства были попрежнему подчинены ей. Пролонгация политики Николая V, его преемники-папы дѣйствовали вполнѣ благо разумно. Среди досуга, доставляемаго монастырской жизнью, монахи находили себѣ благодарное занятіе въ разрисовываніи рукописей. Начавши съ миниатюръ, они постепенно возвысились и до болѣе утонченныхъ произведеній искусства. Такимъ-то образомъ живопись возникла въ Италіи въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Скульптура, въ началѣ сливавшаяся съ архитектурою, освободилась отъ нея лишь въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Нищенствующіе ордена, пріобрѣвшіе большія богатства, сдѣлались покровителями искусства. Между каллиграфическими иллюстраціями и произведеніями Микель Анджело и Рафаэля существуетъ громадное различіе, громадный шагъ впередъ, хотя для него потребовался крайне непродолжительный срокъ.

Я довелъ исторію европейскаго вѣка вѣры до того времени, которое было необходимо для цѣлей моей книги. Вѣкъ вѣры обнимаетъ періодъ болѣе чѣмъ въ тысячу лѣтъ, считая отъ царствованія Константина. Намъ остается разсмотрѣть умственные особенности цѣлаго этого періода и очертить вкратцѣ силы, оказавшія вліяніе на него и приведшія его къ такому концу.

Самую замѣчательною его особенностью въ философскомъ отношеніи было употребленіе ложной логики и полное непониманіе характера достовѣрности. Онъ ознаменовывается вѣрою въ чудесныя доказательства, въ Божьи суды и въ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, иногда совершенно безцѣльно вмѣшивающихся въ жизнь людей. На основаніи этой логики, въ случаѣ необходимости доказать извѣстную вещь или извѣстное мнѣніе, ссылались на что-нибудь другое, не имѣющее никакаго непосредственной связи съ разсматриваемымъ спорнымъ вопросомъ. Если кто-либо нападалъ на репутацію какой-нибудь принцессы, она выставила за себя бойца; разъ онъ побѣждалъ, она считалась

свободною отъ всякихъ нареканій. Если народное собраніе, постѣ долгихъ преній, никакъ не могло притти къ соглашенію по вопросу о томъ, «могутъ ли дѣти наследовать

собственность своего отца при жизни дѣда», то съ обѣихъ сторонъ избиралось равное число бойцовъ; они начинали борьбу; бойцы дѣтей, напр., одерживали побѣду, и законъ рѣшалъ въ ихъ пользу. Могущественное и обширное учрежденіе требуетъ безусловнаго повиновенія со стороны подвѣдомственныхъ имъ людей. Оно оправдываетъ свои притязанія не прошлою своею исторіею, а обѣщаніями и угрозами относительно будущаго. Дряхлая старуха подозрѣвается въ колдовствѣ. Ее раздѣваютъ донага и бросаютъ въ ближайшій прудъ; если она потонетъ, она невинна, если всплыветъ—она находится въ общеніи съ дьяволомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ съ необыкновенною ясностью выступаетъ наружу особенность, присущая этой логикѣ: она указываетъ на полное непониманіе характера очевидности. А между тѣмъ такого рода разсужденія господствовали въ Европѣ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтій, порождая эти удивительныя и сверхъестественныя

объясненія физическихъ явленій и событий, на которые мы теперь смотримъ съ удивленіемъ; мы съ трудомъ вѣримъ, что у нашихъ предковъ могли быть такого рода мнѣнія. Этой-то странной логикѣ и нанесли впервые ударъ магометане и евреи. Мы уже слышали, что говорилъ арабъ Аль-Гаццали по поводу волшебника, который предложилъ доказать, что три больше чѣмъ десять обращеніемъ палки въ змѣю. Теперь разсмотримъ обстоятельство, при которыхъ пришлось дѣйствовать еврейскимъ врачамъ.

Для насъ будетъ бесполезно посвятить нѣсколько строкъ разсмотрѣнію вѣры въ чудесное. Это дастъ намъ возможность показать, какъ могутъ распространяться ложныя понятія, какъ они могутъ олицетвориться въ законахъ и проникать собою жизнь и какъ они, наконецъ, могутъ самопроизвольно исчезнуть изъ виду, подобно тому какъ исчезаютъ ночныя видѣнія при первыхъ лучахъ свѣта, хотя ничего не было сдѣлано для разрушенія ихъ. Теперь мы встрѣчаемъ эти суевѣрія только среди крестьянскихъ классовъ или среди лицъ, которыхъ намѣренно держатъ въ состояніи самаго унижительнаго невѣжества. Меньше чѣмъ столѣтіе тому назадъ испанское духовенство пожелало воспрепятствовать оперу на томъ

основаніи, что это безбожное развлеченіе вполю бездождія; но теперь въ странѣ, столь отсталой въ умственномъ отношеніи.—одна колдунья была сожжена въ Испаніи въ 1781 г. Такая попытка возбудила бы всеобщія насмѣшки, и мадридская чернь заподозрила бы архіепископа въ томъ, что онъ изнываетъ въ соперничествѣ съ примадонною и прибѣгаетъ къ заржавѣлому церковному оружію для того, чтобы постоять за себя.

Въ дни своего могущества духовныя лица поддерживали это заблужденіе. Вначалѣ они находили его полезнымъ для своихъ интересовъ, а затѣмъ, убѣждая вѣровать въ это, они и сами увѣровали. Магометане и евреи первые напали на него, пуская въ ходъ сарказмъ, но окончательная его гибель была достигнута благодаря дружному дѣйствію членовъ двухъ другихъ профессій—юристовъ и врачей. Юристы или законники, приобрѣвшіе большое значеніе при Филиппѣ Красивомъ и съ тѣхъ поръ чрезвычайно быстро возвысившіеся, вынуждены были ввести настоящіе способы доказательствъ; доктора же во время своихъ научныхъ изслѣдованій постоянно наталкивались на естественныя материалистическія объясненія явленій, въ противоположность мистическимъ. Нужно сказать, къ чести обѣихъ этихъ профессій, что члены ихъ никогда не дѣлали попытки захватить въ свои руки власть путемъ обширной организаціи, никогда не старались ввести въ заблужденіе человечество ложными измышленіями, никогда не заставляли его воздерживаться отъ выраженія своихъ мыслей и даже отъ самаго мышленія путемъ союза съ гражданскою властью. Они не только не выступали впередъ въ качествѣ противниковъ человѣческаго знанія, а, напротивъ того, покровительствовали ему и защищали его въ дни испытаній. Законниковъ ненавидѣли, потому что они разрушили выгодную, но лживую систему чудесныхъ исцѣленій.

Но для церкви существуютъ извиненія. Въ теченіе всей ея разнообразной исторіи ей невозможно было освободиться отъ принциповъ, которые съ самаго начала вошли въ ея политическую организацію.

Что бы изъ этого ни вышло, добро или зло, справедливость или нѣтъ, но она должна была выступать впередъ въ качествѣ владѣтельницы всего знанія, доступнаго человѣческому уму, въ качествѣ непогрѣшимаго судьи всѣхъ недоразумѣній, возникающихъ между людьми. Конечно, это былъ грандіозный обманъ, но онъ могъ одно время привести къ важнымъ результатамъ, хотя раньше или позже долженъ былъ быть неминуемо разоблаченъ. Рано открывъ антагонизмъ къ себѣ со стороны науки, которая должна была раньше или позже подвергнута изслѣдованію ея притязанія, духовенство вводило въ систематическій обманъ невѣжественныхъ людей и старалось отдалить тотъ роковой день, когда понятія, порожденныя во мракѣ, будутъ разсмотрѣны при свѣтѣ знанія, безопасно поддерживая свою попытку, часто даже кровавыми руками. Поэтому-то, когда наступило неизбежное время испытаній, церковь не могла найти себѣ защиты въ умственномъ

Философскія
особенности
вѣры.

Вліяніе духо-
венства, закон-
никовъ и докто-
ровъ.

Соединяется съ
супернатурал-
измомъ.

Евреи и сара-
цины уничто-
жаютъ суперна-
турализмъ.

Положеніе
церкви.

Она никакъ не можетъ освободиться отъ этого ложнаго положенія. Оружія, а должна была прибѣгнуть къ физическому и политическому принужденію. Но при данныхъ обстоятельствахъ такого рода принужденіе служить не только доказательствомъ внутренней слабости лицъ, прибѣгающихъ къ нему, но и вѣрнымъ признакомъ того, что эти лица утратили всякую вѣру въ силу системы, поддерживаемой ими, и что эта система быстро подходитъ къ своему концу.

Разсматривая факты, связанные съ тѣми заблужденіями, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить, читатель замѣтитъ, что они подчиняются закону постоянного измѣненія и воплощаются въ разныя формы сообразно съ данными условіями, въ какія поставленъ человѣческой умъ въ ту или иную эпоху. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вѣру въ нихъ раздѣляли всѣ классы общества, затѣмъ немногіе,—но число ихъ постоянно возрастало,—стали считать ихъ плодомъ фантазіи. Наконецъ, человѣчество пробудилось вполне отъ своего вѣкового заблужденія, отъ своего сна. Окончательное отрицаніе всего, вопреки удивительному числу свидѣтельствъ, накопившихся въ теченіе столькихъ столѣтій, происходитъ самопроизвольно, внезапно, какъ только психическое развитіе достигло извѣстнаго пункта. Трудно представить болѣе поразительный примѣръ развитія человѣческаго ума. Такъ, мальчикъ, приходящій въ ужасъ, когда его оставляютъ въ темной комнатѣ, нечувствительно утрачиваетъ свой страхъ по мѣрѣ того, какъ изъ ребенка обращается въ мужчину.

Климентъ Романусъ и Анастасій Синаита, рассказывая о Сивомъ Волхвѣ, говорятъ, что онъ могъ дѣлаться невидимымъ; что онъ разъ создалъ человѣка изъ воздуха; что онъ могъ проходить сквозь горы безъ всякихъ затрудненій; могъ летать; могъ сидѣть въ полной безопасности въ пламени; что онъ устраивалъ воодушевленные статуи и самодвижущіеся экипажи и не только умѣлъ измѣнять свою фізіономію, придавая ей сходство со многими другими людьми, но и могъ всему своему тѣлу придавать форму козы, овцы, змѣи; что, гуляя по улицамъ, онъ бросалъ тѣнь въ разныя стороны; что онъ могъ заставить деревья внезапно расти на пустынныхъ мѣстахъ; что онъ однажды заставилъ заколдованный серпъ отправиться въ поле и нажать въ одинъ день вдвое больше того, что онъ могъ бы сдѣлать, если бы имъ руководила человѣческая рука. Объ Апполоніи Тианскомъ рассказываютъ, что послѣ непрерывнаго пятилѣтняго молчанія онъ началъ понимать языки всѣхъ животныхъ и людей; что, при весьма живописно рассказанныхъ обстоятельствахъ, онъ открылъ духа чумы въ Эфесѣ и, поймавъ, заставилъ его признать себя виновнымъ передъ цѣлымъ народомъ; что на свадебномъ обѣдѣ у Мениппа, онъ заставилъ исчезнуть всѣ блюда со стола, и тѣмъ принудилъ невѣсту признать себя вампиромъ и заявить, что она намѣревалась въ эту же ночь ѣсть мясо и пить кровь своего мужа; что онъ могъ находиться въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ; что онъ воскресилъ одну мертвую женщину и что онъ, наконецъ, усталъ жить и вознесся живьемъ на небо.

По мѣрѣ того какъ арабское вліяніе распространялось, выступали на сцену и восточныя идеи. Появились пери, Введеніе арабско-живущія благоуханіями, и дивы, отравляемыя ими, за-скаго элемента. колдованные дворцы, движущіеся статуи, покрытые покрывалами пророки, въ родѣ Моканны, мѣдные летающіе кони, очарованныя стрѣлы, дервиши, могущіе переносить свою душу въ тѣла мертвыхъ животныхъ и оживлять ихъ на время, заколдованные кольца, которые могли сдѣлать человѣка невидимымъ или дать ему въ одно и то же время два различныхъ тѣла, вампиры, живущіе на кладбищахъ и выходящіе ночью, чтобъ ѣсть тѣла мертвыхъ людей. Какъ противовѣсь этимъ арабско-персидскимъ идеямъ, у европейцевъ имѣлись феи, которые танцуютъ при лунѣ, уносятъ дѣтей у пораженныхъ ужасомъ матерей и подбрасываютъ имъ Введеніе европейскаго волшебства и колдовства. взамѣнъ чужихъ. Всѣ вѣрили, что дождь и вѣтеръ могутъ быть куплены у колдуновъ. Богатства и выдающагося въ обществѣ положенія можно достигнуть, вступивъ въ договоръ съ сатаной и подписавъ на немъ свое имя кровью. Глава церкви, Сильвестръ II, сдѣлалъ мѣдную голову, которая произносила пророчества. Онъ находитъ подземныя сокровища въ подземномъ волшебномъ дворцѣ подъ горою. Протестаторъ греческаго императора обвиняется въ заговорѣ противъ своего государя на томъ основаніи, что онъ дѣлаетъ людей невидимыми. Робертъ Большоголовой, епископъ линкольнскій, устраиваетъ другую говорящую голову, а Альбертъ Магнусъ идетъ дальше: онъ устраиваетъ цѣлаго мѣднаго человѣка и заставляеть его служить себѣ въ качествѣ слуги. Это было въ то время, когда Фома Аквинатъ жилъ съ нимъ. Домашніе раздоры, возбуждаемые невыносимо болтливою этою манекеною, сдѣлались до такой степени невыносимыми,—потому что онъ постоянно возбуждалъ другъ противъ друга остальныхъ обитателей дома,—что Фома потерялъ терпѣніе, взялъ молотокъ и разбилъ его на части. Этотъ почтенный отецъ, извѣстный среди своихъ современниковъ подъ именемъ серафимоподобнаго доктора, выказалъ не мало опытности въ таинственномъ искусствѣ колдовства. Такъ какъ частая ѣзда противъ его дома сильно беспокоила его, то онъ устроилъ себѣ мѣднаго коня и закопалъ его на дорогѣ; съ этихъ поръ ни одно животное не соглашалось переступать черезъ это мѣсто. Наибольшею славою среди мѣдныхъ головъ пользовалась голова, устроенная двумя монахами, Бэкономъ и Бонги. Оракуль этотъ возвѣщала: «время есть; время было; время прошло!» Быть можетъ, это было нѣчто въ родѣ часовъ. У алхимика Петра д'Апоно закупорено было въ стеклянныхъ бутылкахъ семь духовъ. Онъ захватилъ ихъ помощью дистиллированной росы и благополучно загналъ въ бутылки, закупоривъ ихъ затѣмъ пробками. Онъ обладалъ однимъ секретомъ, котораго, къ сожалѣнію, не передалъ своимъ преемникамъ—химикамъ, именно: всѣ деньги, которые онъ давалъ, черезъ часъ возвращались обратно въ его карманъ. Это было даже лучше, чѣмъ философскій камень.

Эти понятія о сверхъестественномъ видоизмѣнились благодаря двумъ элементамъ, пришедшимъ извнѣ: первымъ изъ нихъ было

персидско-арабское вліяніе, о которомъ я только что говорилъ, а второе возникло на сѣверѣ Европы. Элементомъ этимъ было колдовство; потому что задолго еще до того, среди евреевъ, грековъ и римлянъ дряхлыя женщины извѣстны были какъ колдуньи; возьмемъ, напр., ессалійскую старуху, которая заставила мертваго воскреснуть, ударивъ по немъ змѣею,—но только въ разсматриваемый нами періодъ времени этотъ элементъ былъ удовлетворительнымъ образомъ разработанъ. Въ буллѣ папы ^{Преслѣдованіе за колдовство.} Иннокентія VIII, изданной имъ въ 1484 г., говорится: «До нашего слуха дошло, что многія лица обоего пола не пренебрегаютъ сношеніями съ нечистою силою и что благодаря ихъ колдовству приносится много вреда людямъ и животнымъ. Они оскверняютъ брачное ложе, вредятъ родамъ женщинъ и размноженію скота, уничтожаютъ хлѣбъ на поляхъ, виноградъ въ виноградникахъ, плоды на деревьяхъ и траву на лугахъ». Слѣдовательно, въ это время глава церкви вѣрилъ въ эти заблужденія. Послѣдствія предписаннаго имъ наказанія были ужасны. Въ альпійскихъ долинахъ многія сотни пресарѣлыхъ женщинъ были сожжены по обвиненію въ отрицаніи Христа, въ обезчещеніи распятія и въ празднованіи дьявольскаго шабаша совмѣстно съ дьяволомъ. Такія преслѣдованія, начатыя подъ покровительствомъ папы, продолжались невѣжественными ревнителями религіи вплоть до недавняго времени и, какъ извѣстно, производились даже въ Америкѣ. Многіе сильные умы поддались этому заблужденію. Такъ, Лютеръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что онъ вступалъ въ совѣщаніе съ дьяволомъ по этому поводу и провелъ въ этихъ совѣщаніяхъ много безсонныхъ ночей и безпокойныхъ и тяжелыхъ часовъ, что однажды сатана пришелъ къ нему на разсвѣтѣ, когда онъ только что проснулся отъ сна. «Дьяволъ»,—говоритъ Лютеръ,—^{Опытъ Лютера.} «прекрасно умѣетъ излагать свои доводы и мастерски располагаетъ ими. Онъ говоритъ торжественнымъ и въ то же время пронзительнымъ голосомъ. Онъ никогда не уклоняется въ стороны и не ищетъ лазеекъ, а отличается необыкновенно сильною логикою и быстротою въ возраженіяхъ. Я не удивляюсь, что лица, на которыхъ онъ нападаетъ такимъ образомъ, оказываются иногда мертвыми на своихъ постеляхъ. Онъ способенъ давить васъ и души, и не разъ онъ такъ сильно нападалъ на меня самого и загноялъ въ уголь мою душу, что мнѣ казалось, будто она должна въ слѣдующую же минуту покинуть мое тѣло. Я держусь того мнѣнія, что Геснеръ и Эколампидій умерли именно такимъ образомъ. Дьяволъ начинаетъ бесѣду всегда очень пріятнымъ образомъ, но затѣмъ весьма скоро задаетъ своему собесѣднику такую массу вопросовъ, что послѣдній вскорѣ оказывается въ невозможности давать на нихъ удовлетворительные отвѣты».

Высокое общественное положеніе не спасаетъ отъ общественныхъ заблужденій. Якову I было заявлено, что двѣсти ^{Англійское колдовство. Шотландскія колдуньи.} шотландскихъ вѣдьмъ вмѣстѣ съ Агнесою Сампсонъ переслыли на рѣшеткахъ изъ Лейта въ церковь Сѣвернаго Бервика, чтобы пировать вмѣстѣ съ дьяволомъ; король повелѣлъ

предать пыткѣ несчастную женщину и забавлялся тѣмъ, что задавалъ ей подходящіе вопросы послѣ того, какъ пытка была произведена достаточно продолжительное время. Оказалось, что двѣсти старухъ окрестили и потопили черную кошку, и тѣмъ подняли страшную бурю, въ которой чуть было не погибъ корабль, вмѣстѣ съ ѣхавшимъ на немъ королемъ. На основаніи этого Агнеса была осуждена на сожженіе. Она умерла, увѣряя въ своей невинности и жалобно умоляя Иисуса Христа оказать ей милосердіе, въ которомъ христіане отказывали ей. По вступленіи на англійскій престолъ, Іаковъ заставилъ парламентъ издать актъ противъ всѣхъ, уличенныхъ въ колдовствѣ, волшебствѣ, чародѣйствѣ или общеніи съ дьяволомъ. Благодаря этому чудовищному статуту, много лицъ пострадало. Въ это время Англія находилась на очень низкой ступени развитія. Статутъ оставался неотмѣненнымъ до 1736 г. Французы раньше англичанъ прекратили эти жестокости, по-^{Французскіе и англійскіе законы.} тому что Людовикъ XIV въ 1672 г. приказомъ совѣта воспретилъ судамъ приговаривать къ наказаніямъ по обвиненіямъ въ волшебствѣ.

Можетъ ли читатель предыдущихъ параграфовъ не остановиться тутъ и не спросить себя, какое же значеніе ^{Полное почтеніе этихъ заблужденій.} представляютъ всѣ человѣческія свидѣтельства? Всѣ эти заблужденія, занимавшія умы нашихъ предковъ, не исключая самыхъ умныхъ и развитыхъ изъ нихъ, теперь совершенно исчезли. При лунномъ свѣтѣ феи больше не танцуютъ, уединеніе не скрываетъ больше геніевъ, а темнота—привидѣній или домовыхъ. Нѣтъ больше некромантиковъ, которые могли бы воскрешать людей и заставлять мертвыхъ подыматься изъ могилъ; никто больше не продаетъ души черту и не подписываетъ кровью своего договора съ нимъ; никакое привидѣніе не является больше, чтобы выругать старуху, напрасно вызывавшую и безпокоившую его. Отгадываніе, агромантика, пиромантика, гидромантика, хиромантика, предсказываніе, толкованіе сновъ, оракулы, волшебство, астрологія—все это исчезло. Прошло уже 350 лѣтъ со времени нахождения послѣдней могильной лампы, и она была найдена въ Римѣ. Нѣтъ больше горгонъ, гидръ, химеръ; нѣтъ больше домовыхъ; нѣтъ больше инкубовъ или суккубовъ. Голландскія женщины не вызываютъ больше выкидышей сидѣніемъ надъ горящими печками. Капитаны не покупаютъ больше у лапландскихъ женщинъ благопріятныхъ вѣтровъ; въ нашихъ церквяхъ не раздаются больше молитвы противъ зловреднаго вліянія кометъ, хотя въ нѣкоторыхъ изъ обрядовъ сохранились слѣды о прежнемъ воспоминаніи. Аптекаря не произносятъ больше молитвъ надъ ступкою съ лѣкарствами, призывая на нихъ божественную силу. Всѣ эти заблужденія исчезли безвозвратно вмѣстѣ съ тѣмъ мракомъ, изъ котораго они вышли, но тѣмъ не менѣе они просуществовали цѣлыхъ полторы тысячи лѣтъ. Для поддержанія ихъ можно привести большее число человѣческихъ свидѣтельствъ, чѣмъ сколько можетъ быть приведено относительно всѣхъ другихъ вѣрованій человѣчества; а между тѣмъ мы пришли въ девятнадцатомъ вѣкѣ къ заключенію, что все это заблужденіе,

Значеніе чело- отъ начала до конца. Пусть же тотъ, кто склоненъ про-
вѣческаго свидѣ- тивопоставлять свидѣтельства прошлаго времени велѣ-
тельствъ. ніямъ своего собственного разума, хорошенъко раздумаетъ надъ
этою странною исторією; пусть тотъ, кто основываетъ свои мнѣнія
на авторитетѣ челоѣческаго свидѣтельства, обсудитъ теперь само-
стоятельно вопросъ, чего стоятъ челоѣческія свидѣтельства.

Но хотя, съ одной стороны, исторія эта весьма унижительна
для философа, съ другой—она полна интереса для него. Вѣра въ
сверхъесте- сверхъестественное, какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ,
ственно принад- такъ и въ обществѣ, принадлежитъ опредѣленному пе-
лежитъ наѣст- риоду жизни. Она покидаетъ людей и націи по мѣрѣ
ному периоду ріоду жизни. Она покидаетъ людей и націи по мѣрѣ
жизни. приближенія къ зрѣлому возрасту. Дѣтя и молодежь населяютъ
удиненіе и мракъ разными фантастическими представленіями.
Взрослый челоѣкъ, обсуждая результаты своего опыта, не столько
убѣждаетъ себя въ фиктивномъ характерѣ этихъ понятій, сколько
вырастаетъ изъ нихъ, подобно тому какъ вырастаетъ изъ нихъ
общество. Тѣмъ не менѣе его освобожденіе отъ нихъ ускоряется,
когда онъ находится среди лицъ, которыя могутъ удовлетворить
его любознательность или осмѣять его страхи. Такимъ-то образомъ,
упадокъ вѣры въ сверхъестественное на западѣ былъ ускоренъ
благодаря еврейскимъ врачамъ. Они больше, чѣмъ законники, спо-
собствовали искорененію этихъ заблужденій. Привидѣнія, какъ и
свойственно ихъ природѣ, исчезли, какъ только заглѣлъ эскулапов-
скій пѣтухъ, возвѣщавшій наступленіе умственнаго раз-
свѣта Европы. Въ рукахъ евреевъ сосредоточивалась въ
значительной степени міровая торговля; они находились
въ постоянномъ движеніи, въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ.
А постоянныя передвиженія,—таковы ужъ ихъ свойства,—сильно
способствовали ихъ умственному развитію. Престѣдованія, отъ ко-
торыхъ имъ приходилось столько страдать, связывали въ одно ихъ
разсѣянные по всему свѣту общества. Испанскіе евреи отлично
знали, что происходило у нихъ единовѣрцевъ за Евфратомъ. По
словамъ Кабаниса: «они были нашими факторами и банкирами
раньше, чѣмъ мы научились читать; они были также и нашими
первыми врачами». Къ этому можно прибавить, что они были един-
ственными людьми въ Европѣ, которые смотрѣли на ходъ челоѣ-
ческихъ дѣлъ съ самой широкой точки зрѣнія.

Еллинизированные еврейскіе врачи привили арабамъ знаніе
при первой ихъ встрѣчѣ въ Александріи; получивъ
большое частное и личное вліяніе на калифовъ, они съ
этого центрального пункта власти дѣйствовали на все сарацин-
ское движеніе, придавая ему умственный характеръ. Мы уже ви-
дѣли, что въ этомъ отношеніи имъ благоприятствовала близость
ихъ понятія о единомъ Богѣ съ понятіемъ магометанъ. Умствен-
ная дѣятельность азіатскихъ и африканскихъ евреевъ скоро дала
толчокъ умственной дѣятельности и европейскихъ ихъ собратій.
На еврейскаго доктора невѣжественная толпа смотрѣла съ суетѣр-
нымъ страхомъ и съ удивленіемъ; не было невѣроятной вещи, ко-
торой нельзя было приписать ему. Такъ, о Седекіи, врачѣ Карла

Лысаго, говорилось, что онъ за однимъ столомъ съѣлъ въ присут-
ствіи двора цѣлый возъ съ сѣномъ вмѣстѣ съ лошадыми и ку-
черомъ. Заглавія нѣкоторыхъ изъ сочиненій заслуживаютъ вним-
анія, потому что они указываютъ на сильный коп- Сочиненія
трасть съ мистическими обозначеніями, бывшими тогда еврейскихъ вра-
чѣй.
въ такомъ большомъ употребленіи. Такъ, Исаакъ бенъ-Сулейманъ,
египтянинъ, писалъ книги: *О михорадкахъ, О медицинѣ, О пищѣ
и мѣкарствахъ, О пульсѣ, О философіи, О меланхоліи, Введе-
ніе къ лошкѣ*. Простота этихъ заглавій выказываетъ умственную
ясность и точность мысли, которыя составляли вообще всегда отли-
чительную черту израильтянъ. Достаточно взглянуть на эти заглавія,
чтобъ убѣдиться въ сильномъ здоровомъ смыслѣ, который эти люди
вносили незамѣтно въ литературу западной Европы въ годы та-
инственности и мистификаціи. Роджеръ Бэконъ, гораздо позже далъ
одному изъ своихъ сочиненій заглавіе *Зеленый левъ*, а другому
Трактатъ о трехъ словахъ.

Такъ какъ евреи дѣйствовали подѣ зашитою и покровитель-
ствомъ сарацинъ, то не удивительно, что они во мно- Основаніе
гихъ своихъ произведеній употребляли арабскій языкъ. школы.
Впрочемъ, обыкновенно дѣлали переводы на еврейскій языкъ, а
позже и на латинскій. Въ теченіе всего девятаго столѣтія азіат-
скія школы поддерживали свою славу относительно нѣкоторыхъ
отраслей знанія. Такъ, еврей Шабтай Доноло былъ вынужденъ от-
правиться въ Багдадъ для довершенія своихъ трудовъ по астро-
номіи. По мѣрѣ того, какъ арабское вліяніе распространялось въ
Сициліи и Италіи, за нимъ по пятамъ слѣдовало и еврейское,
основывая школы въ Тарентѣ, Салерно, Барі и другихъ мѣстахъ.
Здѣсь восточные арабы и евреи впервые слились съ истинно-евро-
пейскимъ элементомъ, съ греками, какъ видно изъ того обстоятель-
ства, что въ салернской школѣ обученіе происходило на трехъ
языкахъ въ одно и то же время. Понтъ преподавалъ греческій
языкъ, Абдаллахъ арабскій, а Елиша еврейскій. Благодаря подоб-
ному же соединенному вліянію арабовъ и евреевъ, основанъ былъ
университетъ въ Монпелье.

Послѣ основанія медицинскихъ школъ, медицина сдѣлала
среди евреевъ большіе успѣхи. Но съ нашей теперен- Паученіе меди-
ней точки зрѣнія нѣкоторыя изъ ихъ понятій предста- цины еврейскіи.
вляются весьма странными. Такъ, напр., хирургію они считали
чисто механическимъ дѣломъ и, слѣдовательно, унижительнымъ. На-
ми можетъ быть приведенъ длинный списокъ знаменитыхъ именъ,
относившихся къ десятому и одиннадцатому вѣкамъ. Мы находимъ
здѣсь и Гаруна Кордовскаго, и Гехуда изъ Феца, и Амрама изъ Толедо.
Было уже очевидно, что сарацинское движеніе окажетъ содѣйствіе
умственному развитію варварской западной Европы черезъ посред-
ство еврейскихъ докторовъ, вопреки сопротивленію, которое оказы-
валось ему со стороны теологическихъ идей, вынесенныхъ изъ Кон-
стантинополя и Рима. Магометанство все время покровительство-
вало физической наукѣ; извращенное языческими представленіями
христіанство не только отвергало ее, но выказывало относительно

ея чувства глубокаго презрѣнія и ненависти. Вслѣдствіе этого церковь смотрѣла на докторовъ съ неприязненнымъ чувствомъ, а народъ считалъ ихъ атеистами; онъ твердо держался убѣжденія, что всѣ исцѣленія должны совершаться чудотворнымъ образомъ и что каждая часть человѣческаго тѣла находится подъ особннымъ духовнымъ покровительствомъ: о первомъ суставѣ праваго большого пальца заботится Богъ Отець, о второмъ Богородица, и такъ дальше о всѣхъ частяхъ тѣла. Для каждой болѣзни былъ свой святой. Человѣкъ съ больными глазами зывалъ къ св. Кларѣ, а въ случаѣ воспаления обращался къ св. Антонію; при лихорадкѣ обращались къ помощи св. Пернели. Получать исцѣленіе можно было только цѣною уплаты извѣстной суммы денегъ, и, такимъ образомъ, обманъ сдѣлался обильнымъ источникомъ дохода.

Во всемъ этомъ обнаруживалось только намѣреніе вымогать возможно больше денегъ у невѣжественныхъ людей. У людей съ образованіемъ и положеніемъ дѣло обходилось иначе. Епископы, короли, принцы и папы держали у себя еврейскихъ врачей, хотя всѣ они знали, что это контрабандная роскошь, запрещенная во многихъ странахъ закономъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ почти всѣ медики Европы были евреями. Это объясняется двумя различными причинами: во-первыхъ, католическая церковь не терпѣла вмѣшательства въ ея методъ исцѣленія болѣзней, доставлявшій ей обильный источникъ дохода, а во-вторыхъ—изученіе медицины было формально введено въ раввинскія школы. Монаху воспрещалось занятіе, доставляющее раввину честное вознагражденіе. Болѣе старыя учрежденія дали отъ себя весьма быстро отпрыски, въ особенности во Франціи. Такъ, школа въ Нарбоннѣ находилась подъ предсѣдательствомъ доктора рабби Абу. Въ Арль существовала также блестящая школа. Въ этихъ учрежденіяхъ преподаваніе велось на еврейскомъ и арабскомъ языкахъ,—греческій языкъ, употреблявшійся въ Салерно, здѣсь отсутствовалъ. Въ французскихъ школахъ къ предыдущимъ языкамъ присоединились латинскій и провансальскій. Разнообразіе знаній, которыми отличались врачи, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія, обнаруживается какъ у испанскихъ, такъ и у французскихъ евреевъ. Нѣкоторые, какъ, напр., Джана, уроженецъ Кордовы, приобрѣлъ репутацію большого знатока въ грамматикѣ, критикѣ, астрономіи; другіе отличались въ области поэзіи или теологіи.

Если, такимъ образомъ, общественное положеніе раввиновъ, не извлекавшихъ доходовъ изъ исполненія своихъ религиозныхъ обязанностей, побуждало ихъ сочетать практику медицины съ ихъ научными занятіями, основаніе столькихъ школъ способствовало умственной культурѣ Европы. Вслѣдствіе этого еврейскій врачъ, по общему признанію, соединялъ профессиональное искусство съ глубокимъ знаніемъ теологіи, математики, астрономіи, философіи, музыки, закона. Онъ, страннымъ образомъ, стоитъ совершенно отдѣльно среди варварскихъ обществъ, въ которыхъ ему приходится жить; онъ съ высоты своего величія, какъ философъ,

смотреть на ихъ идолопоклонство, разрѣшая или даже извиняя его въ качествѣ государственнаго дѣятеля. Изъ лицъ, украсившихъ такимъ образомъ одиннадцатое столѣтіе, назовемъ раввина Соломона бенъ-Исаака, извѣстнаго болѣе подъ сокращеннымъ именемъ Раши и названнаго своими соотечественниками княземъ комментаторовъ. Онъ одинаково хорошо писалъ комментаріи на Талмудъ и давалъ инструкціи, какъ производить большія хирургическія операціи, въ родѣ кесарскаго сѣченія. Это былъ величайшій французскій медикъ своего времени. Испанія въ то же столѣтіе произвела достойнаго ему соперника, эбнъ-Эзира, медика при севильскомъ дворѣ. Онъ писалъ на еврейскомъ, арабскомъ и сирійскомъ языкахъ, писалъ и стихами, и прозою. Онъ составилъ трактатъ объ излѣченіи болѣзней и два трактата о лихорадкахъ. Въ противоположность суевѣрнымъ понятіямъ его времени, онъ обнаруживалъ самые правильные взгляды на болѣзнетворный характеръ болотныхъ миазмъ. За нимъ слѣдовалъ бенъ-Эзра, одинъ толедскій еврей, который былъ одновременно медикомъ, философомъ, математикомъ, астрономомъ, критикомъ, поэтомъ. Онъ путешествовалъ по всей Европѣ и Азіи и нѣсколько времени жилъ въ плѣну въ Индіи. Среди его трудовъ по медицинѣ находится одно сочиненіе о теоретической и практической медицинѣ, озаглавленное: *Книга доказательствъ*. Во время войнъ, возникшихъ въ Испаніи между магометанами и христианами, многіе ученые евреи вынуждены были переселиться во Францію и дали, такимъ образомъ, этой странѣ новый умственный толчокъ. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть о Абенъ Тиббонѣ, который придалъ своей профессіи фармацевтическое направленіе, настаивая на необходимости изучать ботанику и искусство готовить лѣкарства. Бенъ Кимхи, нарбоннскій докторъ и грамматикъ, написалъ комментаріи на Библию, священные и нравственные поэмы и еврейскую грамматику. Несмотря на сопротивленіе духовенства, Вильямъ, сеньоръ Монпелье, издалъ эдиктъ, разрѣшающій всѣмъ желающимъ обоего пола, безъ исключенія, заниматься медициною въ его городѣ. Эдиктъ этотъ былъ изданъ специально съ цѣлью помочь евреямъ, но составленъ былъ въ общихъ выраженіяхъ. Хотя Испанія потеряла многихъ изъ своихъ ученыхъ людей, она продолжала производить другихъ, которыми могла съ полнымъ правомъ гордиться. Мусса бенъ-Маймонъ, извѣстный всей Европѣ подъ именемъ Маймонида, признавался своими соотечественниками «докторомъ, великимъ мудрецомъ, славою запада, свѣтомъ востока, вторымъ послѣ Моисея». Его часто обозначаютъ четырьмя инициалами: Р. М. Б. М., т. е. раввинъ Мозесъ бенъ-Маймонъ, или кратче Рамбамъ. Его біографія весьма интересна. Онъ родился въ Кордовѣ, въ 1135 г., и въ ранней молодости написалъ комментаріи на вавилонскій и іерусалимскій Талмудъ, а также сочиненіе о календарѣ; но послѣ принятія магометанства онъ переселился въ Египетъ и здѣсь сдѣлался докторомъ знаменитаго султана Саладина. Среди его сочиненій находятся медицинскіе афоризмы, составленные по греческимъ, еврейскимъ, латинскимъ и

арабскимъ источникамъ; сокращеніе Галена; а изъ его оригинальныхъ произведеній, которыя чрезвычайно многочисленны, можно упомянуть: *О немморродахъ*, *О ядѣ и противоядіяхъ*, *Объ астмѣ*, *О сохраненіи здоровья*,—послѣднее было написано для сына Саладина,—*Объ укушеніи ядовитыми животными*, написанное по приказу султана,—*Объ естественной исторіи*. Его *Морехъ Невохимъ*, или *Учитель огорченныхъ*, составляетъ попытку примирить ученія Ветхаго Завета съ разумомъ. Въ добавленіе къ этимъ произведеніямъ онъ написалъ одну книгу объ идолопоклонствѣ, а другую о Христѣ. Кромѣ Маймонида, у султана былъ еще другой врачъ, Эбнъ-Джани, авторъ сочиненія о медицинской топографіи города Александріи. Изъ біографій этихъ ученыхъ людей двѣнадцатаго столѣтія видно, что религія ихъ не особенно беспокоила. Они нерѣдко обращались въ магометанство.

Было бы слишкомъ скудно перечислять имена и сочиненія ученыхъ европейскихъ евреевъ XII и XIII столѣтій, ^{Послѣдующіе еврейскіе врачи.} періода, болѣе изобилующаго этими великими людьми, чѣмъ какое бы то ни было другое время. Но я не могу оставить изученіе этихъ столѣтій, не упомянувъ объ альфонсинскихъ таблицахъ, вычисленныхъ для Альфонса, короля кастильскаго, Машою, его еврейскимъ докторомъ. Нерелигіозное направленіе того времени выражается замѣчательно ярко хорошо извѣстнымъ сарказмомъ этого испанскаго монарха относительно несовершенства строенія неба, согласно гипотезѣ Птолемея. Давно уже, впрочемъ, евреи занимались свободомыслящими умозрѣніями. Такъ, Абенъ Тиббонъ, о которомъ мы уже говорили выше, предвосхищая ту отрасль знания, которая принесла ему самому, въ дальнѣйшіе годы, столько зла, написалъ сочиненіе, заключающее въ себѣ трактатъ о причинахъ, препятствующихъ водамъ моря разливаться по сушѣ. Абба Мари, марсельскій еврей, перевелъ *Альмагесту* Птолемея и комментаріи Аверроеса. Салернская школа продолжала попрежнему производить докторовъ. Въ Римѣ еврейскіе врачи были очень многочисленны; самъ папа обращался къ нимъ. У Бонифація VIII былъ врачомъ раввинъ Исаакъ. Въ это время Испанія и Франція кишѣли учеными евреями; и отчасти, быть можетъ, потому, что они оказывали на высшіе классы общества слишкомъ большое вліяніе,—такъ, напр., врачъ христіанскаго принца выступалъ часто въ качествѣ соперника его исповѣдника,—а отчасти потому, что лѣченіе ими больныхъ уменьшало доходы церкви, духовенство встревожилось и заставило возстановить и даже усилить старые законы. Совѣтъ въ Безе въ 1246 г. и совѣтъ въ Альби въ 1254 г. воспретили всѣмъ христіанамъ пользоваться услугами израильскихъ медиковъ. Но или эти узаконенія считались слишкомъ устарѣлыми, или ихъ не удалось ввести въ употребленіе. Парижскій факультетъ, усмотрѣвши, наконецъ, опасность, заставилъ въ 1301 г. издать декретъ, запрещающій всѣмъ мужчинамъ или женщинамъ Моисеева закона лѣченіе католическихъ лицъ. Подобный же оборотъ приняли дѣла и въ Испаніи. Въ это время евреи стояли во главѣ французской медицины.

Назначеніе одного изъ ихъ единовѣрцевъ, Профация, деканомъ факультета въ Монпелье въ 1300 г. возбудило негодованіе парижскаго факультета. Этотъ ученый человѣкъ былъ очень искуснымъ астрономомъ; онъ составилъ таблицы луны, таблицы долготы многихъ изъ азіатскихъ и африканскихъ городовъ; онъ опредѣлилъ наклонность эклиптики, при чемъ полученный имъ результатъ обыкновенно приписывался Копернику. Вражда французскаго духовенства къ еврейскимъ медикамъ привела въ концѣ концовъ къ изгнанію всѣхъ евреевъ изъ Франціи въ 1306 г. «Возмущительно было видѣть», говорятъ историки этого событія, ^{Парижскій университетъ заставлялъ изгнать евреевъ изъ Франціи.} «какъ изгонялись изъ Франціи столько ученыхъ людей, украшавшихъ ее и принесшихъ ей столько пользы, а теперь странствовавшихъ по міру безъ родины, безъ пріюта. Нѣкоторые изъ нихъ умерли на дорогѣ отъ горя. Абба Мари даетъ въ своемъ сочиненіи трогаящія до глубины души подробности изгнанія евреевъ изъ Монпелье, евреевъ, во главѣ которыхъ стояли профессоръ и доктора факультета».

Но хотя эти чужеземцы и были изгнаны, они исполнили то, что было имъ предназначено. Они незамѣтно распространили во Франціи свои идеи. Они уничтожили легковѣріе ^{Достигнутые ими результаты.} высшихъ классовъ въ Европѣ и научили ихъ относиться съ недоувѣріемъ къ суевѣріямъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи была понята: она привлекла вниманіе бдительной инквизиціи, благодаря чему они сдѣлались жертвою ея тираніи.

Изъ испанскаго полуострова проникло черезъ Пиренеи умственное вліяніе, подѣйствовавшее на простой народъ подъ видомъ освѣжающаго и пріятнаго литературнаго чтенія, а на высшіе классы—помощью новыхъ, но неортодоксальныхъ идей. Носителями этихъ идей были въ значительной степени евреи. Въ результатъ получилось уничтоженіе вѣры въ сверхъестественное. Мы врядъ ли согласимся съ увѣреніями добрыхъ католиковъ, что феи исчезли благодаря реформациі, будучи не въ силахъ выносить сопровождающій ее суровый духъ сектантства, или съ еще болѣе матеріалистическимъ объясненіемъ простого народа—что введеніе ^{Уничтоженіе полноты табака.} табака уничтожило ихъ. Какъ бы то ни было, но домохозяйкой не исполняетъ теперь разнаго рода домашнихъ обязанностей, какъ въ доброе старое время; злые духи не сидятъ больше ночью у очаговъ въ образѣ лягушекъ послѣ того, какъ семья легла спать. Много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ прекратились чудеса. Даже Римъ, мастерская всѣхъ этихъ фокусовъ, пересталъ быть центромъ этого промысла.

Принципъ, вложенный въ основаніе всякаго рода человѣческихъ учреждений и тѣсно сплетенный съ ними, никогда не можетъ быть устраненъ. Онъ выкажется при первомъ удобномъ случаѣ. Вражда между духовною системою и свѣтскою мудростью была неискоренима, несмотря на то, что она была совершенно ^{Причины оппозиціи со стороны духовенства.} чужда христіанству. Насилія императоровъ навязали ее народамъ, и она проявлялась съ неудержимою силою черезъ извѣстные промежутки времени. Тотъ же дурной инстинктъ,

который заставил разорвать на куски несчастную Гипатию въ александрийской церкви, привести и Галилея въ тюрьму римской инквизиции. Необходимымъ послѣдствіемъ поддержки, которую сила оказывала, такимъ образомъ, невѣжеству, было появленіе идей, все болѣе и болѣе извращенныхъ. Тотъ, кто захочетъ сравнить религиозное состояніе Италіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ съ состояніемъ ея въ четвертомъ, т. е. современнаго итальянца съ древнимъ римляниномъ, найдетъ, что низшіе классы общества остались безъ переменъ. У нихъ не существовало никогда возвышенныхъ идей о священныхъ предметахъ. Изъ обыкновенныхъ обрядовъ благочестія Богъ совѣмъ исчезъ; Спаситель былъ замѣненъ св. Дѣвою; а сама Богородица была покинута ради обоготворенія людей, называемыхъ святыми.

Въ Европѣ старыя формы поклоненія и старыя празднества смѣшались съ христіанскими; мѣстные боги и богини были замѣнены святыми; канонизація заступила мѣсто обоготворенія. На сцену выступила цивилизація, отличительною чертою которой была необыкновенная нетерпимость. Какъ только человѣка заподозривали въ томъ, что онъ не раздѣляетъ господствующихъ вѣрованій, его имущество, его тѣло, его жизнь подвергались сейчасъ же опасности. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было отсутствіе великихъ законодателей, философовъ, поэтовъ. Общество было проникнуто систематическимъ лицемеріемъ. Эта тиранія надъ другими приводила иногда къ страннымъ результатамъ. Она заставила евреевъ открыть способъ сдѣлать богатство невидимымъ помощью изобрѣтенія векселей и тому подобныхъ средствъ, такъ чтобы деньги могли быть незамѣтно и быстро перемѣщаемы.

Такимъ образомъ, послѣ исчезновенія греческой науки среди новыхъ населеній, появилась умственная неподвижность, которая вскорѣ сдѣлалась центромъ разрастающихся интересовъ, быстро и твердо кристаллизующихся вокругъ нея. Для нихъ было крайне важно, чтобы не существовало больше никакихъ переменъ, никакого движенія впередъ. Среди постоянного столкновения этихъ интересовъ условіе это поддерживалось какъ бы по инстинкту, всѣми ими. При этомъ было совершенно безразлично, насколько устарѣлыми были тѣ формы, на которыхъ настаивали, или насколько онѣ оскорбляли здравый смыслъ. Новая жизнь придавалась исчезающимъ иллюзіямъ, и взаимныя того почерпалась изъ нихъ новая сила. Богиня Изиды, съ луною у ея ногъ, была водворена подъ новымъ именемъ на берегахъ Тибра и на Босфорѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ о литературѣ не могло быть и рѣчи. Политическія комбинаціи не только установили разъ навсегда опредѣленный предѣлъ для умственнаго прогресса, за который невозможно было перешагнуть, но и протянули какъ бы рельсы, по которымъ могли производиться умственные экскурсіи безъ возможности уклоненій въ ту или другую сторону; въ томъ случаѣ, когда разрѣшалось какое-либо уклоненіе.

на поворотномъ пунктѣ стоялъ на стражѣ тонзурованный человѣкъ, руководившій движеніями. Если исключить теологическія сочиненія, можно сказать, что въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій литература совершенно отсутствовала. Жизнь проводилась въ физическихъ развлеченіяхъ, при томъ самаго низкаго свойства. Когда на югѣ Франціи и въ Сициліи начался разсвѣтъ литературы, она носила вначалѣ чисто любовный характеръ—этого не нужно забывать: а любовь самая сильная изъ страстей. При первомъ своемъ появленіи западная литература отличалась животнымъ, а не умственнымъ характеромъ. Но какъ только возбудилась страсть къ наукѣ, на сцену явился немедленно старыя произведенія, написанныя тысячу лѣтъ тому назадъ,—*Элементы* Евклида, *Географія* Птолемея. Послѣ реформаціи долгое еще время царило умственное убожество, которое могло бы вызвать нашъ смѣхъ, если бы оно не было указателемъ стадіи развитія, черезъ которую долженъ обязательно проходить человѣческой умъ. Весьма часто при этомъ приходится наблюдать сплетеніе старыхъ идей съ новыми. Если сочиненія по металлургіи начинаются съ Тувала Каина, сочиненія по музыкѣ начинаются съ Ювала. Исторія каждой страны описывается со временъ сыновей Ноя или, по крайней мѣрѣ, со времени бѣгства изъ-подъ Трои, послѣ осады. Можно, конечно, извинить поклоненіе классическимъ авторамъ. Оно, между прочимъ, выражалось забавнымъ образомъ въ примѣшиваніи ко всякаго рода сочиненіямъ греческихъ и латинскихъ цитатъ. Это было время литературной невинности, когда не существовало легенды, слишкомъ невѣроятной, когда никто даже не подозрѣвалъ, что тотъ, кого любили называть Туллиемъ, не великій философъ, а Вергилій не великій поэтъ.

Объ этихъ тяжеловѣсныхъ, объемистыхъ фолиантахъ, которые трактуютъ о церковныхъ дѣлахъ и, составляя продуктъ своего времени, въ то же время представляютъ его, не зачѣмъ много распространяться. Ихъ авторы считали свои произведенія высшими усиліями человѣческаго ума; они заявили притязаніе на непоколебимый авторитетъ; многие считали ихъ чуть ли не словами Бога. Но если мы станемъ измѣрять ихъ внутреннее значеніе соотвѣтственно ихъ притязаніямъ, а ихъ притязаніе соотвѣтственно ихъ теперешнему употребленію, то что намъ придется сказать? Давно уже прошло ихъ время, давно уже они сдѣлались обвешталыми. У нихъ нѣтъ больше читателей. Такова должна быть судьба всякой литературы, возникшей изъ неподвижнаго, неспособнаго къ развитію основанія,—всякаго произведенія мысли, подчиненной политическимъ формуламъ, или всякаго произведенія умственной силы, которая была сдавлена, заглушена.

Римская церковная система, подобно византійской, стояла въ оппозиціи съ умственнымъ развитіемъ. Заявляя притязаніе на совершенствованіе нравственности, она въ то же время подавляла умъ. Тѣмъ не менѣе это положеніе дѣлъ съ теченіемъ времени прекратилось благодаря дѣйствію другихъ началъ, столь же устойчивыхъ и еще болѣе могущественныхъ. Они образуютъ то, о чемъ мы уже говорили подъ названіемъ арабскаго

Возникновеніе
новой обще-
ственной си-
стемы.

Вліяніе этой
новой системы

и упадокъ
африканскихъ
идей.

Отсутствіе ли-
тературы въ
вѣкѣ вѣры.

Патристическія
книги больше не
употребляются.

Распространеніе
науки во
Франціи.

элемента. На предыдущихъ страницахъ было уже сказано, что когда сарацины завоевали Египетъ, они подпали влиянію несторіанъ и эллинизированныхъ евреевъ, заимствуя у нихъ любовь къ философіи, которая вскорѣ обнаружилась съ полною силою на всемъ пространствѣ отъ береговъ Евфрата до береговъ Гвадалквивира. Молоть Карла Мартела могъ сразить ряды сарацинъ въ битвѣ при Турѣ, но онъ оставилъ незатронутымъ то, что было въ нихъ неосязаемаго, неразрушимаго,—съ этимъ французское рыцарство не могло справиться. Для церкви это служило плохимъ предзнаменованіемъ. Въ провансальской поэзіи встрѣчаются благородные взрывы религиозныхъ чувствъ, но ихъ сопровождаетъ всегда глубокое презрѣніе къ духовенству.

Біографія нѣкоторыхъ изъ медиковъ или алхимиковъ тринадцатаго столѣтія показываетъ бдительность церкви, дурное положеніе университетовъ, косвенное покровительство, оказываемое еретикамъ выдающимися людьми, занимающими высокое общественное положеніе, и способъ приготовления къ конечной борьбѣ обѣихъ соперничающихъ властей—клерикализма и философіи. Чтобы объяснить это примѣромъ, приведу біографію Арнольда де

Біографія Арнольда.

Вилла Нова, род. около 1250 г. Онъ пользовался громадною репутаціею за свое знаніе медицины и алхиміи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ служилъ врачомъ у короля арагонскаго. Вслѣдствіе обвиненія въ недостаткѣ ортодоксіи, онъ долженъ былъ отказать отъ своей придворной должности, и его наказаніе сдѣлалось еще болѣе ощутительнымъ для него, потому что къ лишенію мѣста присоединилось и отлученіе отъ церкви. Надѣясь встрѣтить въ Парижѣ болѣе либерализма, чѣмъ въ Испаніи, онъ бѣжалъ въ этотъ городъ, но духовенство и здѣсь продолжало преслѣдовать его, возбуждая противъ него обвиненіе въ томъ, что онъ продалъ душу дьяволу, и обратилъ мѣдное блюдо въ золото. Въ Монпелье, куда Арнольдъ затѣмъ удалился, онъ нашелъ болѣе симпатичную ему атмосферу и очень долго занималъ мѣсто декана медицинскаго факультета. Впослѣдствіи онъ жилъ послѣдовательно то во Флоренціи, то въ Неаполѣ, то въ Палермо, пользуясь покровительствомъ императора Фридриха II,—занятаго въ то время попыткою объединить Италію, составить изъ нея одно королевство и установить въ ней одинъ языкъ. Фридрихъ оказывалъ ему особенное вниманіе за его необыкновенныя познанія въ медицинѣ. Даже папа Климентъ V, несмотря на несчастное отношеніе Арнольда къ церкви, приглашалъ его къ себѣ въ надеждѣ получить облегченіе отъ каменной болѣзни, мучившей его. Отправившись въ путь, чтобы сдѣлать необходимую для папы операцію, Арнольдъ потерялъ кораблекрушеніе и утонулъ. Его тѣло было похоронено въ Генуѣ. Папа издалъ окружное посланіе, въ которомъ просилъ всѣхъ доставить ему, въ случаѣ находженія, трактатъ Арнольда *О примѣненіи на практикѣ медицины*, который былъ или затерянъ или скрытъ. Повидимому, самыя важныя преступленія Арнольда противъ церкви были слѣдующія: онъ предсказалъ, что міръ кончится въ 1335 г.; онъ называлъ буллы папъ человѣческими

произведеніями и говорилъ, что милосердіе выше молитвъ и даже обѣденъ. Если онъ въ дѣйствительности былъ авторомъ *De tribus Impostoribus*, какъ говорятъ, то не удивительно, что за нимъ такъ строго слѣдили и что его такъ часто подвергали дисциплинарнымъ наказаніямъ. Подобно многимъ своимъ современникамъ, онъ вносилъ въ свои сочиненія очень много мистицизма, требуя, чтобы тотъ, кто занимается алхимическими операціями, произносилъ въ то же время исалмы, такъ какъ послѣдніе придаютъ особенную силу даннымъ веществамъ. Между прочимъ, онъ описываетъ печать, украшенную фразами изъ священнаго Писанія, и говоритъ, что она служитъ предохраненіемъ отъ внезапной смерти. Но, повидимому, печать эта утратила свои особенности въ ту ночь, когда корабль Арнольда пошелъ ко дну и когда самъ онъ больше всего нуждался въ помощи.

Такимъ-то образомъ два враждующіе между собою принципа, церковный и умственный, очутились лицомъ къ лицу. Дѣйствіе двухъ Имъ уже случалось вступать и раньше въ столкновеніе ^{интуитивнаго—} ^{умственнаго и} при другихъ обстоятельствахъ, какъ, напр., во время ^{правственнаго.} спора по поводу иконъ, спора, который начался обвиненіемъ со стороны магометанъ и закончился распаденіемъ христіанства на двѣ партіи.

Новая коллизія произошла нѣсколько столѣтій позже, когда испанскіе мавры и евреи начали оказывать влияніе на высшіе европейскіе классы. Среди подпавшихъ этому ^{Борьба между} ^{клерикализмомъ} ^{и умственнымъ} ^{началомъ.} влиянію епископовъ, государей и даже папъ, находились многіе люди, обладавшіе широкимъ кругозоромъ и понимавшіе затрудненія, съ которыми церкви приходилось бороться. Для нихъ была уже очевидна необходимость ограничить импульсъ, возбужденный энергическою и быстрою дѣятельностью сарацинъ, устроить дѣла такъ, чтобы современное состояніе вѣры въ Европѣ могло соответствовать или гармонировать съ этими философскими понятіями, которыя, очевидно, должны были раньше или позже подчинить себѣ весь континентъ. Какъ мы уже видѣли выше, этимъ объясняется введеніе схоластики изъ арабскихъ школъ и ея приспособленіе къ христіанскому кодексу, на что власти смотрѣли вначалѣ такъ благопріятно. Но едва эта попытка была сдѣлана, какъ стало очевиднымъ, что рискъ, сопутствующій лѣкарству, такъ же великъ, какъ и предполагаемая опасность. Поэтому церкви оставалось только пойти назадъ по тому же пути, по какому она шла, разрѣшая схоластическую литературу, но отвергая схоластическую теологію. Благодаря этому она навела на путь бесплодныхъ и пустыхъ изслѣдованій дѣятельные умы, пробуждавшіеся повсюду въ университетахъ. Эта политика вдобавокъ заставила церковь приняться за систему репрессій, единственный возможный для нея путь; тѣмъ не менѣе она вступила на него съ отвращеніемъ. Мы отнесли бы несправедливо къ великимъ дѣятелямъ, руководившимъ церковною политикою того времени, если бы представляли ихъ себѣ въ видѣ беззащитныхъ людей, принимающихъ безъ зарѣвнѣ совѣсти насильственные и неопозволительныя мѣры. Они

дѣлали попытку положить начало другого рода политикѣ, но эта попытка оказалась не только неудачною, но даже вредною. Тогда они были поставлены въ необходимость остановить распространѣніе знанія. Виноваты въ этомъ были не они; виновниковъ надо искать еще со времени Константина Великаго, и невозможность исправить вину или нейтрализовать ее можетъ служить только примѣромъ того, какъ общій принципъ, разъ введенный, преодолеваетъ всѣ лучшія стремленія лицъ, пытающихся бороться противъ него. Для того, чтобы лучше поднять ложное положеніе, занятое этими государственными дѣятелями, слѣдуетъ сравнить, какъ они вели себя, въ частной жизни и какъ въ общественной. Часто лица, занимающія самое высокое положеніе, жили въ тѣсной дружбѣ съ евреями-докторами, которыхъ законъ признавалъ врагами общества; часто люди, стоявшіе въ первыхъ рядахъ дѣятелей науки, поддерживали дружескія отношенія частнаго свойства съ главами своихъ преслѣдователей. Системы были въ антагонизмѣ, а не люди. Арнольдъ де Вилла Нова, несмотря на свое отлученіе, былъ докторомъ одного изъ папъ; Роджеръ Бэконъ, несмотря на свое заключеніе въ тюрьму, былъ другомъ и корреспондентомъ другого. Этихъ случаевъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ состраданіемъ, которое истинно великіе люди выказываютъ иногда по отношенію къ заблуждающимся гениямъ. Они служатъ примѣромъ того, что мы можемъ часто видѣть и въ наши дни, когда люди, участвующіе въ великихъ политическихъ дѣлахъ въ качествѣ членовъ великой политической партіи, честно доводятъ ея принципы до ихъ крайнихъ послѣдствій, хотя внутренне часто не сочувствуютъ этимъ послѣдствіямъ. Свои частныя возраженія они благоразумно оставляютъ при себѣ ради блага того общаго принципа, который кажется имъ практически полезнымъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда арабскій элементъ, проникнувши во Францію и Италію, произвелъ впервые умственное нападеніе. Можно было почти предвидѣть, какимъ образомъ будетъ произведено это нападеніе и какой характеръ оно приметъ. Наиболѣе развитою и старинною изъ всѣхъ наукъ была астрономія.

Начало ея можетъ быть отнесено къ доисторическому періоду и какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ ея общіе принципы были уже давно установлены. Сарацины усердно разрабатывали обѣ ея вѣтви—наблюденія и математическія вычисленія. Очевидно, что относительно одного пункта, фигуры и положенія земли, у нихъ не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія. Нужно прибавить къ этому, что и въ Европѣ ни одинъ образованный государственный дѣятель и ни одно образованное духовное лицо не могли опровергнуть доказанныхъ ими истинъ. А между тѣмъ столкновеніе произошло именно по поводу этого пункта. Въ Индіи брамины благополучно прошли черезъ это испытаніе,—потому что различныя націи ходятъ обыкновенно по однѣмъ и тѣмъ же дорогамъ,—успокоивъ народное неудовольствіе заявленіемъ, что нѣтъ ничего несоумѣстимаго между астрономическою теоріею о шарообразной формѣ земли и ея движеніемъ и мифоло-

Умственный толчокъ приводитъ свое нападеніе черезъ посредство астрономіи.

гическимъ догматомъ, что она опирается на цѣлый рядъ животныхъ, изъ которыхъ самое нижнее—черепаша. Но сильный здравый смыслъ западной Европы не легко было успокоить. Не трудно замѣтить точку соприкосновенія астрономіи съ церковью, пунктъ, на который преимущественно направлялось давленіе съ ея стороны. Отвлеченный вопросъ не интересовалъ ее; она заботилась главнымъ образомъ о его послѣдствіяхъ. Достопамятная борьба началась изъ-за слѣдующаго вопроса: представляетъ ли земля движущійся шаръ, небольшое тѣло среди солнцевъ и безчисленной міриады міровъ или земля центральная и величайшій по объему предметъ вселенной, предметъ плоскій, ограниченный сверху голубымъ сводомъ, неподвижный въ то время, какъ все вокругъ него движется? Разъ споръ начался, исходъ его долженъ быть таковъ, какого слѣдуетъ всегда ожидать въ томъ случаѣ, когда защищающаяся сторона въ одно и то же время горячится и сознаетъ свою слабость. Никогда нравственные интересы, какъ бы церковь терпѣла, чисты они ни были, не могутъ противостоять разуму, ^{пораженію.} выступающему въ защиту истины. И вотъ церковь рѣшилась вступить въ борьбу относительно этого именно злобѣщаго для нея вопроса и потерпѣла пораженіе.

Хотя эта великая борьба олицетворяется въ исторіи Галилея, который сдѣлался ея историческимъ представителемъ, ^{Нравственный толчокъ.} но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія первичной причины всего этого. Изъ-за Пиренеевъ появилось въ Европѣ вліяніе, заразившее собою всѣхъ ученыхъ ея людей. Направленіе его было чрезвычайно неблагоприятно для церкви. Кромѣ того, низшіе классы были затронуты, хотя и въ другомъ родѣ. Первому дѣйствию можно придать названіе умственнаго толчка, послѣднему—нравственнаго. Нужно при этомъ замѣтить, что относительно ихъ направленій оба эти толчка сходились. Мы уже видѣли, какъ дѣйствовалъ умственный импульсъ черезъ посредство сарацинъ и еврей-^{Происхожденіе его.} евѣ. Нравственный импульсъ зародился инымъ путемъ: онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ отчасти крестовымъ походамъ, отчасти положенію дѣлъ въ Римѣ. Намъ слѣдуетъ теперь остановиться на разсмотрѣніи этихъ причинъ.

Будемъ говорить прежде всего о крестовыхъ походахъ. У христіанства отняты были его самыя прекрасныя, самыя лучшія части. Отторгнуты были Испанія, сѣверъ Африки, Египетъ, Сирія, Малая Азія. Магометане постоянно появлялись подъ стѣнами Константинополя; паденіе его представлялось лишь вопросомъ времени. Они были видны и на улицахъ Рима; Италію они пересѣкали во всѣхъ направленіяхъ. Но географическія потери, какъ онѣ ни были тяжелы, не казались такими ужасными, какъ взятіе ^{Потери святыхъ мѣстъ.} мусульманами святыхъ мѣстъ: мѣстороженія нашего Спасителя, мѣста его страданій, Масличной горы, Галилейскаго озера, Геосиманскаго сада, Голговы, св. Града. Многихъ искреннихъ людей эти ужасныя событія должны были навести на злобѣщія разсужденія. Въ западной Европѣ существовалъ сильно развитый здравый смыслъ, который быстро схватывалъ истинное по-

ложение дѣль,—здравый смыслъ, который невозможно было ни ослѣпить, ни заглушить. Несмотря на всю хитрость итальянскихъ политиковъ, они не могли скрыть великаго факта, хотя имъ удалось затемнить на время истинное его значеніе. Европа тѣхъ временъ сильно отличалась отъ Европы нашего времени. Она переживала своей вѣкѣ вѣры. Будучи недавно обращенною, она, какъ и всѣ новообращенные, видѣла въ своей вѣрѣ жизненное правило всѣхъ своихъ дѣйствій. Въ наше время нѣтъ на нашемъ материкѣ ни одной націи, которая въ своихъ практическихъ сношеніяхъ съ другими доводила бы до ихъ крайнихъ послѣдствій признанныя правила своей религіи. Католики, протестанты, магометане, лица греческаго вѣроисповѣданія, всѣ безразлично дѣйствуютъ совместно, смотря по требованіямъ даннаго времени. Политика давно отдѣлилась отъ религіи,—фактъ, представляющій громадное значеніе для будущаго. Не то было въ средніе вѣка. Люди вѣрили тогда въ свою форму вѣры съ такою же силою, съ такою же искренностью, какъ и въ собственное существованіе или какъ въ дѣйствительное присутствіе вещей, имѣющихся у нихъ передъ глазами. Ученія церкви были не безразличною вещью, къ которой можно относиться равнодушно, а абсолютною, настоящею дѣйствительностью, живою и страшною вещью. Они даже и представить себѣ не могли, что наступитъ время, когда христіанская Европа могла бы однимъ мановеніемъ руки устранить скандалъ, образуемый присутствіемъ въ святыхъ мѣстахъ невѣрныхъ пришельцевъ, и въ то же время не сдѣлаетъ и шага для этого, считая такого рода дѣйствіе не стоящимъ труда. Насколько иначе поступали люди въ тѣ отдаленные вѣка! Когда Петръ Пустынникъ и его товарищи, получившіе сигналъ изъ Рима, рассказали въ своихъ проповѣдяхъ, какому позору подвергнулся Иерусалимъ и какія страданія переносятъ пилигримы, простой, но прямой здравый смыслъ ихъ слушателей тотчасъ подсказалъ имъ, какія средства слѣдуетъ употребить для искорененія зла, и они начали сейчасъ же примѣнять ихъ,—и вотъ христіанскій міръ, устремившійся въ Свя-^{Дѣйствіе крестовыхъ походовъ.} тую землю, очутился лицомъ къ лицу съ магометанствомъ. Но какое зрѣлище ожидало ревностныхъ религіозныхъ варваровъ,—потому что такими именно варварами они и были,—когда ихъ взорамъ представился Константинополь съ его неподражаемымъ великолѣпіемъ! Что за зрѣлище увидали они, когда перенли въ Малую Азію, въ этотъ садъ міра, усеянный городами, съ цѣлою массою дворцовъ и зданій—гордость двадцати столѣтій! Какимъ неожиданнымъ оказался для нихъ характеръ сарацинъ сравнительно съ тѣмъ, чему ихъ учили лица, подстрекавшія ихъ начать завоеваніе Св. земли: имъ говорили, что это кровожадные враги, а они оказались храбрыми, милосердными, справедливыми! Когда Ричардъ Львиное Сердце, король Англии, лежалъ въ жару въ своей палаткѣ, въ лагерь прибыли нагруженные снѣгомъ верблюды, посланные султаномъ Саладиномъ доблестному врагу для облегченія его страданій,—данъ уваженія одного храбраго воина другому. Но когда Ричардъ вернулся

Перемѣна въ мнѣніяхъ крестоносцевъ.

Перемѣна въ мнѣніяхъ крестоносцевъ.

въ Англию, христіанскій принцъ измѣнически захватилъ его и посадилъ въ тайное заключеніе. Это былъ, несомнѣнно, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которыми изобиловало разсматриваемое нами время. Даже самые ничтожные солдаты, и тѣ не могли не замѣтить различія, существовавшего между тѣмъ, что они ожидали, и тѣмъ, что они нашли. Они увидали непобѣдимое мужество, рыцарское обращеніе, умственное развитіе, значительно превышавшее ихъ собственное. Они посѣтили страны, наполненныя чудесами человеческого искусства. Они не могли, возвратившись на родину, не передать своимъ соотечественникамъ глубокаго впечатлѣнія, которое они сами испытали и которое должно было съ теченіемъ времени дать себя такъ сильно почувствовать.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію второй причины—положенія дѣль въ Римѣ. Движеніе, возбужденное во всей Европѣ этими войнами, освѣтило въ нравственномъ отношеніи истинное положеніе дѣль въ Италиі. Передвиженіе населенія сопровождается всегда усиленнымъ умственнымъ развитіемъ. Старое положеніе дѣль въ Европѣ закончилось крестовыми походами. Національное движеніе породило лучшую наблюдательность, болѣе старательное изученіе, что подѣйствовало возбуждающимъ образомъ на народный разумъ, способствуя его развитію. И хотя, говоря о европейскомъ населеніи, мы не можемъ не признать, что оно въ нѣкоторомъ отношеніи находилось въ варварскомъ состояніи, но это было нравственное населеніе, глубоко вѣровавшее въ истинность преподаннаго ему ученія и совершенно искренно ожидающее, что эти ученія будутъ примѣнены на практикѣ и что религіозная профессія должна обязательно сопровождаться и религіозною жизнью. Сами римляне составляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Они слишкомъ долго прожили за кулисами. Можно сказать, что весь итальянскій полуостровъ освободился отъ этого заблужденія, какъ и нѣкоторые классы Франціи, ознакомившіеся съ истиннымъ положеніемъ дѣль во время пребыванія папъ въ Авиньонѣ. Южной Франціи было предназначено судьбою испытать въ маломъ размѣрѣ тѣ же вліянія и проявить тѣ же результаты, какіе въ концѣ концовъ выказались и во всей Европѣ.

Теперь же посмотримъ, что увидала пробуждающаяся Европа, когда обратила свои взоры на Италию. Я не буду рассказывать біографій папъ, потому что это значило бы повторять описаніе безконечныхъ сценъ позора и грѣха. Подобнымъ же образомъ я не могу, не погрѣшая противъ истины, говорить объ общественномъ положеніи жителей этого полуострова, не передавая фактовъ, которые заставятъ моихъ читателей съ краскою стыда перевернуть страницу. Поэтому я предпочитаю изложить правила политической жизни, которымъ слѣдовали въ теченіе многихъ столѣтій и которыя были впервые оповѣщены свѣту однимъ изъ величайшихъ людей Италиі въ сочиненіи (1513 г.), называемомъ совершенно справедливо литературнымъ чудовищемъ. И, въ самомъ дѣль, врядъ ли можно найти что-нибудь превосходящее по жестокости изложенныя въ этой книгѣ правила.

Маккиавелли говоритъ намъ въ этомъ сочиненіи, что у людей существуютъ три степени способностей. Одни понимаютъ вещи собственнымъ умомъ, другіе только послѣ данныхъ имъ объясненій, а третьи совершенно ничего не понимаютъ. Послѣдній классъ, гораздо болѣе многочисленнѣй, такъ слабъ и такъ простъ, что его очень легко ввести въ обманъ. Если его члены перестаютъ вѣрить по собственному побужденію, ихъ слѣдуетъ принудить къ тому силою; если во время примѣненія послѣдней и встрѣчаются вначалѣ затрудненія, то, разъ они преодолѣны съ достаточною долею беззащитности, въ результатѣ получится уваженіе, спокойствіе, безопасность и счастье. Если государю предоставляется на выборъ, чтобъ его любили или чтобъ его боялись, онъ лучше сдѣлаетъ, если изберетъ послѣднее; онъ долженъ помнить, что всѣ люди неблагоприятны, измѣнчивы, робки, лицемерны и эгоистичны, что любовь зависитъ отъ нихъ, а страхъ отъ него, вслѣдствіе чего лучше избрать послѣдній, такъ какъ онъ постоянно находится у него въ рукахъ. Величайшею цѣлью политики должна быть устойчивость, постоянство, которыя представляютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ свобода. Если данное лицо желаетъ погубить государство, оно должно вовлечь его въ смѣлыя предпріятія, о которыхъ можно сказать съ увѣренностью, что они кончатся неудачею. Люди всѣ отъ природы злы, и склоняются въ пользу добра только тогда, когда ихъ принуждаютъ къ этому; они думаютъ гораздо болѣе о настоящемъ, чѣмъ о прошломъ, и никогда не желаютъ переменъ, пока имъ живется хорошо.

Маккиавелли совѣтуетъ правителю постоянно помнить, что между тѣмъ какъ низшіе классы народа могутъ только бросить его, высшіе могутъ не только бросить, но и вступить въ заговоръ противъ него. Слѣдовательно, если нельзя рассчитывать съ полною увѣренностью на ихъ дружбу, то необходимо лишить ихъ возможности выступать въ качествѣ враговъ. Такъ, мы видимъ, что постоянныя возстанія въ Испаніи, Греціи и Галліи противъ римлянъ возбуждались мелкими вождями, обитавшими въ этихъ странахъ, и прекратились, какъ только этихъ вождей казнили. Конечно, главнымъ правиломъ каждаго мудраго правительства до извѣстной степени должно быть слѣдующее: удовлетворять народъ своимъ управленіемъ и жить въ дружбѣ съ высшими классами; но такъ какъ ненависть поддерживается съ одинаковымъ успѣхомъ хорошими и дурными дѣйствіями, то случайно можетъ возникнуть необходимость быть злымъ, чтобъ обезпечить за собою власть, и въ такомъ случаѣ всякія колебанія должны быть отброшены въ сторону; потому что хотя полезно идти по пути правды, пока этотъ путь не представляетъ никакихъ неудобствъ, то необходимо уклониться отъ него, какъ только обстоятельства требуютъ этого. Благоразумный государь никогда не будетъ держать своего слова во вредъ себѣ; онъ долженъ помнить, что тотъ, кто въ своихъ дѣйствіяхъ всегда сообразуется съ долгомъ, только обезпечиваетъ собственную гибель; что новыя обязательства никогда не уничтожаютъ въ умахъ людей высшаго порядка воспоминанія о нанесенныхъ раньше обидѣхъ,

что щедрость въ концѣ концовъ создаетъ намъ больше враговъ, чѣмъ друзей; что въ природѣ челоуѣка привязываться столько же къ тѣмъ, которымъ онъ самъ оказываетъ благодѣнія, сколько къ тѣмъ, которые получаютъ отъ него эти благодѣнія; что когда вопросъ идетъ о лишеніи жизни или конфискаціи собственности, слѣдуетъ помнить слѣдующее правило: люди забываютъ смерть своихъ родственниковъ, но никогда не забываютъ потери состоянія; что разъ жестокости должны быть совершены, онѣ должны совершаться во всемъ объемѣ и разъ навсегда, — неполитично откладывать ихъ до другого раза; что существуютъ три способа рѣшить какой-либо споръ: обманъ, насиліе или законъ, и что мудрый челоуѣкъ всегда сумѣетъ сдѣлать подходящій выборъ; что существуютъ три способа поддержанія власти во вновь завоеванныхъ государствахъ, пользовавшихся нѣкогда свободою, — разорить ихъ, поселиться самимъ въ нихъ или разрѣшить имъ сохранить свои собственные законы за уплату извѣстной, опредѣленной дани. Первый изъ этихъ способовъ оказывается чаще всего наилучшимъ, какъ можно видѣть изъ исторіи римлянъ, которые были лучшими судьями въ такого рода дѣлахъ. Что же касается до семьи соперничающаго, но побѣжденнаго государя, то нужно употребить всѣ усилія, чтобы совершенно истребить ее; какъ изъ исторіи, такъ и изъ многочисленныхъ сказочныхъ преданій видно, къ какимъ опаснымъ политическимъ послѣдствіямъ приводитъ случайное помилованіе хотя бы самаго темнаго и незначительнаго члена такой семьи; люди самаго высшаго разряда, обладающіе большою основательностью сужденія и руководящіеся въ своихъ дѣйствіяхъ дѣйствительными общественными истинами, а не фантастическими образами, будутъ всегда подчиняться рѣшеніямъ разсудка, а не вліянію чувствъ, если только изъ временнаго выраженія этихъ чувствъ нельзя извлечь какой-либо побочной выгоды; мы должны давать настоящую оцѣнку заблужденіямъ, которыми обыкновенно предается чернь, отбрасывая въ сторону такъ называемое вмѣшательство божественнаго Провидѣнія: они въ дѣйствительности представляютъ только сплетеніе извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя слѣдуютъ обыкновенному закону причины и слѣдствія, но, взаимно дѣйствуя другъ на друга, принимаютъ направление, совершенно неожиданное даже для самыхъ мудрыхъ изъ людей.

Европа осыпала проклятіями великаго политическаго писателя, рекомендованнаго эти жестокія правила; она забывала, что его преступленіе состояло не въ изобрѣтеніи ихъ, а въ распространеніи. Его сочиненія представляютъ, поэтому, чистѣйшій примѣръ физической политики. Они совершенно безстрастны. Онъ смотритъ на управленіе государствомъ совершенно такъ, какъ на постройку машины, предлагая ввести то или иное колесо, тотъ или иной рычагъ, и заботясь только о томъ, чтобы достигнуть намѣченной имъ цѣли. Что же касается до несчастій, которыя изъ этого воспослѣдуютъ, то до этого ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, если только они не входятъ въ его расчеты. Онъ самъ вы-

терпѣть пытку по обвиненію въ заговоръ и мужественно перенесъ ее. Прежде чѣмъ Макіавелли изложилъ свои принципы, они уже примѣнялись на практикѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, не трудно представить многочисленныя примѣры въ доказательство того, что они въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій служили въ Италіи путеводною нитью управленія.

Таково было нравственное состояніе Италіи, открытое въ ней пробудившеюся Европою; эти нравственныя правила съ непонятною жестокостью проводились какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни; такимъ образомъ, разсмотрѣнныя нами причины, — сопрیکосновеніе съ сарацинами въ Сиріи и пониманіе истиннаго положенія дѣлъ въ Римѣ, — произвели совмѣстно то, что

Совмѣстное дѣйствіе нравственнаго и умственнаго импульса. можетъ быть названо нравственнымъ толчкомъ, а этотъ толчокъ, въ свою очередь, соединился съ умственнымъ.

Соединеніе ихъ не предвѣщало ничего хорошаго для церковнаго авторитета, положеніе котораго благодаря ему сильно ухудшилось. Хотя этотъ авторитетъ, съ самаго своего возникновенія, находился въ постоянной оппозиціи къ умственному движенію, онъ могъ бы, несомнѣнно, еще долгое время успѣшно вести борьбу, если бѣ окружающія условія оставались неизмѣненными. До того времени главная его сила основывалась на его нравственныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ лицамъ, умственное развитіе которыхъ доставляло имъ возможность понимать истинное положеніе дѣлъ, онъ могъ всегда указать, и, дѣйствительно, указывалъ на Европу, выведенную изъ состоянія варварства и начавшую идти по пути славной цивилизаціи. И вотъ церковь этотъ успѣхъ приписывала себѣ. Если она была права въ этомъ отношеніи, то нужно было признать, что весь успѣхъ достигнутъ исключительно благодаря дѣйствію ея нравственной силы; умственное влияніе не оказывало ей никакой помощи и даже инстинктивно отвергалось ею со времени Константина Великаго до Реформаціи. Когда же нравственная сила потеряла теперь такой сильный ударъ и была готова не только соединиться съ умственною, но даже дѣйствительно соединилась съ нею, церковный авторитетъ очутился въ крайне опасномъ положеніи. Поэтому мы не должны удивляться, если у наиболѣе проникательныхъ и мыслящихъ людей того времени зародилась мысль, что этотъ авторитетъ уже выполнилъ свою функцію введеніемъ въ Европѣ полувивилизованнаго положенія, достигнутаго ею въ то время, и что естественный ходъ событій клонился въ пользу устраненія этого авторитета, какъ активнаго элемента въ новообразующейся европейской системѣ. Такого рода лицамъ

Взвѣщенія клерикаловъ. церковь могла торжественно возразить, указывая на блестящіе и выдающіеся результаты, добытые ею, и представляя на видъ ужасныя бѣдствія, которыя должны были неизбежно возникнуть, если ея установившіяся отношенія будутъ поколеблены. Потому что слѣдуетъ вполне уяснить себѣ, что изъ коалиціи элементовъ умственнаго и нравственнаго должно было произойти утвержденіе права частнаго сужденія отдѣльныхъ индивидуумовъ, — условіе, совершенно несовмѣстимое съ преобладающимъ

вліяніемъ авторитета. Реформація затѣяла въ послѣдствіи борьбу на основаніи этого именно принципа. Церковь могла указать, — потому что для этого не требовалось пророческаго вдохновенія, — что разъ въ этомъ принципѣ будетъ сдѣлана уступка, христіанству будетъ предстоять только одинъ исходъ — разложеніе; что хотя раздѣленіе можетъ на первое время ограничиться нѣсколькими главными исповѣданіями, но что, подѣ влияніемъ принципа, Ея слабое сопротивленіе. эти главныя исповѣданія будутъ, въ свою очередь, разлагаться и что все это закончится неминуемо полною анархіею сектъ. Съ одной стороны, можно сказать, что церковь поступила благоразумно, утвердившись на этомъ пунктѣ и сдѣлавъ его основой своего сопротивленія, а съ другой — приходится сказать, что ея дѣйствія были неблагоразумны, такъ какъ она, очевидно, уже утратила инициативу дѣйствій, и самое ея сопротивленіе составляло лишь первую ступень ея процесса разложенія.

Европа сдѣлала большой шагъ впередъ въ теченіе своего вѣка вѣры. Она перешла за юношескій возрастъ; и Современныя перемены, происходившія въ Европѣ. итальянцы, снабдившіе ее многими изъ своихъ идей, снабдили ее и многими своими формами жизни. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ оказать имъ справедливость. Когда Римъ порвалъ свою связь съ Константинополемъ, настоящая кимврійская тьма окутывала Европу. По ней бродили толпы дикарей. Въ теченіе шестисотъ лѣтъ эти дикари организовались въ семьи, поселенія, города. При началѣ этихъ шести столѣтій Европа была полна крѣпостными; въ концѣ ихъ не осталось ни одного раба. При началѣ ихъ Европа представляла арену насилій, грабежа, разврата; въ концѣ ихъ она сдѣлалась мѣстожителемъ богобоязненныхъ людей. Тамъ, гдѣ прежде простирались непроходимые лѣса, блистали теперь на солнцѣ безчисленныя колокольни; тамъ, гдѣ нѣкогда кровожадные вожди пили изъ череповъ своихъ враговъ, теперь дѣйствовали важныя духовныя лица, глубокомысленно обсуждавшія вопросы о свободной волѣ, о предопредѣленіи, объ избраніи. Надѣливъ духовенство таинственною верховною властью, церковь утверждала равенство всѣхъ свѣтскихъ людей передъ Богомъ, начиная съ короля и кончая самымъ послѣднимъ нищимъ. Она оставляла безъ вниманія богатство и происхожденіе и открывала широкую дорогу впередъ для всѣхъ. Вліяніе ея на семейныя и домашнія дѣла чувствовалось во всѣхъ классахъ общества. Она опредѣляла отцовство предварительною церемоніею; она провозгласила правило, по которому жена переходитъ въ семью своего мужа, изъ чего слѣдовало, что законное дитя принадлежитъ отцу, а незаконное матери. Она заставила женщину замкнуться въ домашней жизни, отстранила ее отъ отправленія духовныхъ обязанностей и употребляла все усилія, чтобы лишить ее права участія въ управленіи странною. Въ свѣтскомъ отношеніи Римъ сдѣлалъ слѣдующую крупную ошибку: онъ старался установить умственную неподвижность среди непрестанно развивающагося общественнаго состоянія. Онъ не понялъ, что общество такъ же

невозможно остановить въ его прогрессѣ простымъ заявленіемъ, что оно не смѣетъ двигаться впередъ, какъ невозможно остановить землю въ ея обращеніи утвержденіемъ, что она находится въ состояніи неподвижности. Римъ пробовалъ, сначала путемъ убѣжденія, а затѣмъ и силою, остановить прогрессивное движеніе общества, но неудержимо рвавшійся впередъ потокъ увлекъ и его самого, несмотря на его яростное сопротивленіе. Дѣла приняли бы совершенно иное положеніе, если бы итальянскіе государственные дѣятели смѣло стали на путь прогресса и, вмѣсто того, чтобы утверждать неизмѣнность и непогрѣшимость своихъ догматовъ и правилъ, измѣнили бы ихъ согласно съ требованіями данныхъ обстоятельствъ. Тогда Европа могла бы, можетъ быть, обойтись безъ помощи арабовъ и евреевъ.

Описывая эти разнообразныя факты, я старался показать, какимъ образомъ церковь, полная вначалѣ энергіи и силы, содержала сама въ себѣ сѣмена раздора и неизбежнаго упадка. Съ того времени, какъ она вступила въ столкновеніе съ умственными и нравственными элементами, происхожденіе которыхъ мы опи-

Церковныя организации утрачиваютъ свою силу.

сали и которые дружно работали надъ ниспроверженіемъ ея могущества, она выказывала постепенно все большій и большій упадокъ; прежде всего она утратила свое вліяніе на народы и перестала служить для нихъ импульсомъ общественной дѣятельности; затѣмъ, послѣ отчужденія отъ нея высшихъ и образованныхъ классовъ, процессъ отчужденія продолжался, спускаясь все ниже и ниже по общественной лѣстницѣ; церковь возвращалась по тому самому пути, по которому больше руководить международными дѣлами и была замѣнена въ этомъ отношеніи дипломатіею, докторъ сдѣлался въ замкѣ больше, чѣмъ соперникомъ духовнику, а меръ началъ пользоваться въ городахъ большимъ значеніемъ, чѣмъ аббатъ. У церкви оставалось еще вліяніе надъ отдѣльными индивидуумами, не успѣвшими возвыситься надъ понятіемъ, что она можетъ властвовать надъ ними и послѣ смерти. Этотъ упадокъ ея бывшаго вліянія долженъ былъ радовать всѣхъ интеллигентныхъ людей, потому что соединеніе церкви съ политической властью никогда не приноситъ пользы. Мы уже видѣли, какъ въ Америкѣ церковь была совершенно от-

Возвращеніе ко времени окончанія вѣка вѣры дѣла приняли благоприятный оборотъ, быстро приближаясь назадъ къ тому положенію, въ какомъ они находились въ первое время христіанства, когда честолюбивые люди еще не пытались добиться политическихъ успѣховъ и богатства организациею лицемѣрія,—когда правила нравственности, милосердія и доброты служили правилами жизни для отдѣльныхъ индивидуумовъ,—когда требованіямъ совѣсти слѣдовали безъ всякихъ вышнихъ внушеній, производимыхъ часто заинтересованными и хитрыми людьми,—когда отдѣльныя лица не жили еще подъ бдительнымъ надзоромъ и подавляющею властью могущественной іерархической организаци, окружающей

дѣлена отъ государства. Поэтому можно сказать, что со времени окончанія вѣка вѣры дѣла приняли благоприятный оборотъ, быстро приближаясь назадъ къ тому положенію, въ какомъ они находились въ первое время христіанства, когда честолюбивые люди еще не пытались добиться политическихъ успѣховъ и богатства организациею лицемѣрія,—когда правила нравственности, милосердія и доброты служили правилами жизни для отдѣльныхъ индивидуумовъ,—когда требованіямъ совѣсти слѣдовали безъ всякихъ вышнихъ внушеній, производимыхъ часто заинтересованными и хитрыми людьми,—когда отдѣльныя лица не жили еще подъ бдительнымъ надзоромъ и подавляющею властью могущественной іерархической организаци, окружающей

ихъ со всѣхъ сторонъ, думающей за нихъ, руководящей всѣми ихъ дѣйствіями, а когда они просто, смиренно и искренно сообразовали свою жизнь съ преподанными имъ правилами и отправляли обязанности этой тяжелой и временной жизни «такъ, какъ будто очи великаго Учителя были все еще направлены на нихъ».

Скажемъ еще кое-что въ извиненіе и оправданіе постепеннаго упадка, обнаруженнаго римскою церковью въ періодъ вѣка вѣры. Маккиавелли въ своей книгѣ *Исторія Флоренціи*,—сочиненіе, которое хотя и уступаетъ его *Государю* по силѣ философской проницательности, но представляетъ громадное значеніе какъ литературное произведеніе,—разсказываетъ, что римлянинъ Оспорко, сдѣлавшись папою, перемѣнилъ свое непоказное имя на болѣе классическое Сергія, и что его преемники съ тѣхъ поръ постоянно держались правила перемѣнять имя при вступленіи на папскій престолъ. Этотъ инцидентъ служитъ превосходнымъ объясненіемъ психическаго прогресса римской церкви. Въ теченіе разсмотрѣнныхъ нами пятнадцати столѣтій, считая и періодъ времени, предшествовавшій христіанской эрѣ, населеніе Италіи постоянно мѣнялось. Древній римскій элементъ уничтожился отчасти влѣдствіе республиканскихъ и императорскихъ войнъ, а отчасти благодаря системѣ рабства. Выродившіяся помѣи, которыми былъ полонъ полуостровъ, влѣдствіе постоянныхъ иммиграцій съ сѣвера, все болѣе и болѣе вырождались. Послѣ того, какъ примѣсь посторонней крови прекратилась, потребовалось еще много времени, прежде чѣмъ низшіи этническій элементъ, порожденный ею, сталъ въ полное соотвѣтствіе въ фізіологическомъ отношеніи къ странѣ, потому что человѣкъ медленно приспосабливается къ новымъ климатическимъ условіямъ, и для этого приспособленія требуется много времени.

Но вырожденіе крови подразумѣваетъ и вырожденіе мысли. Совершенно естественно, если въ этой смѣшанной расѣ нравы, обычаи, языкъ перемѣнились,—если рѣки, люди, города получили новыя наименованія. По замѣчанію великаго государственнаго дѣятеля, о которомъ я только что упоминалъ, Цезарь и Помпей исчезли; мѣсто ихъ заступили Іоаннъ, Матвій и Петръ. Варварскія имена являются вышними и видимыми знаками варварскихъ идей. Первые римскіе епископы, достойныя дѣйствія которыхъ возбуждаютъ въ насъ почтительное къ нимъ чувство, были истыми римлянами, воодушевленными истинно латинскими чувствами, но послѣдующіе папы, которые вели такую позорную жизнь и міросозерцаніе которыхъ было такъ низменно, были по происхожденію лицами смѣшанной крови. Только тогда, когда итальянское населеніе стало въ соотвѣтствующія фізіологическія отношенія къ обитаемой имъ странѣ, когда оно перешло первыя ступени національной жизни, выступили вновь на сцену благородныя мысли и правильныя понятія.

Идеи и догматы, которые не могли бы просуществовать и минуты среди чистой, древней, однородной римской расы, были

восприняты этою новою, выродившеюся порою людей. Это и послужило истинною причиною упадка латинскаго христіанства. Составивъ списокъ религіозныхъ понятій, постепенно выступавшихъ на сцену, можно понять, какъ велика была ихъ связь съ физиологическимъ положеніемъ современнаго имъ итальянскаго этническаго элемента. Грустное и унижительное зрѣлище представляютъ эти вѣрованія. Обоготвореніе Мадонны; преувеличенное значеніе, придаваемое дѣвственности, производство чудесъ помощью реликвій; искупленіе преступленій помощью жертвованія деньгами и имуществомъ въ пользу духовенства; чистилище; продажа бенефцій; матеріализація Божества; запрещеніе свѣтскимъ лицамъ имѣть Библію; фетишизмъ; ученіе, что человекъ можетъ сбѣжать больше, чѣмъ обзаванъ, и можетъ, поэтому, заявлять нѣкоторыя притязанія на Бога; продажа священниками за деньги отпущенія грѣховъ и т. д.

Но мы должны смотрѣть на церковь еще съ другой, совершенно различной, точки зрѣнія. Несмотря на окружавшее его зло, истинно христіанскій принципъ, положенный въ ее основаніе, постоянно выступалъ впередъ, давая начало безчисленному количеству добра несмотря на упадокъ и испорченность людей. Какъ я уже говорилъ въ своей книгѣ *Физиологія*, «гражданскій законъ оказывалъ вѣднее дѣйствіе на человѣческія отношенія; христіанство породило внутреннія и нравственныя измѣненія.

Идея о посмертной отвѣтственности за грѣхи, о которой древніе европейцы имѣли лишь крайне смутныя понятія, получила особенную силу и опредѣленность. Чувство всемирной любви выражалось не въ однихъ только индивидуальныхъ дѣйствіяхъ, воспоминаніе о которыхъ быстро проходитъ, а въ болѣе прочныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ для облегченія страданій, для распространенія знаний и проповѣди истины. Многіе изъ великихъ церковныхъ дѣятелей вышли изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, и эти люди, вѣрные своему демократическому происхожденію, часто выступали въ качествѣ непоколебимыхъ защитниковъ права противъ силы. Являясь хранителями существовавшаго въ то время знанія, они противопоставляли разумъ животной силѣ, дѣйствуя во многихъ случаяхъ вполне успѣшно и показывая, на примѣрѣ организаціи церкви, какъ представительныя системы могутъ быть введены въ государство. Но церковь обнаруживала свою власть не надъ одними только обществами и націями. Никогда еще не существовало въ свѣтѣ подобной системы. Изъ ея центрального пункта въ Римѣ ея всевидящее око, подобно оку самого Провидѣнія, обозрѣвало однимъ взоромъ все полушаріе и въ то же время проникало и въ частную жизнь отдѣльныхъ индивидуумовъ. Безграничное вліяніе Рима распространилось на королей въ ихъ дворцахъ и одновременно съ этимъ оказывало помощь и послѣднему нищему, стоящему у воротъ монастыря. Во всей Европѣ не было человека, слишкомъ ничтожнаго, слишкомъ незначительнаго для нея или слишкомъ нечастнаго. Каждый новорожденный получалъ отъ нея свое имя помощью торжественной

Объясненіе того, что было сдѣлано церковью.

Разсмотрѣніе дальнѣйшаго развитія церкви.

Четыре возстанія противъ итальянской системы.

Возстаніе альбигойцевъ.

церемоніи, совершаемой передъ ея алтаремъ; ея колокольчики звучали при ея вѣчаніи, а колоколь ея раздавался при ея похоронахъ. Она исторгала у него тайну его жизни въ своихъ исповѣдальныхъ и наказывала за его проступки, палагая на него покаяніе. Въ часы болѣзни и горя ея слуги посѣщали его, научая его чудными ея молитвами и литаніями возлагать все свои надежды на Бога или укрѣпляя его въ часы испытаній примѣрами ея святыхъ и праведныхъ. Ея молитвы успокаивали души его умершихъ друзей и родныхъ. А когда послѣ смерти его безжизненное тѣло становилось въ тягость его друзьямъ, церковь во имя Бога принимала его въ освященную землю и подъ ея сѣнью онъ покоился въ ней до страшнаго суда. Жену его она возвысила изъ положенія чуть ли не рабыни въ положеніе равной ему подруги и, запретивъ ему имѣть больше одной жены, получила въ награду за свои благородныя дѣйствія вѣрнаго друга у каждаго очага. Отвергая всякую нечистую любовь, она соединила вокругъ этого очага дѣтей одной матери и сдѣлала эту мать священною въ ихъ глазахъ. Въ годы беззаконія и грабежа, среди народа, едва возвышавшагося надъ состояніемъ дикарей, она защищала неприкосновенность своихъ принциповъ противъ посягательствъ силы и обращала свои храмы въ убѣжища и святилища для притѣвненныхъ и обездоленныхъ. Ее можно вполне справедливо назвать «тѣнью великой скалы для многихъ усталыхъ путниковъ!»

Этою эпохою заканчивается итальянская система въ качествѣ живой силы, обуславливающей ходъ развитія европейскаго прогресса; дальнѣйшія ея дѣйствія направлены на чувства, а не на умъ человека; поэтому для насъ будетъ нелишнимъ распространить нашъ обзоръ на дальнѣйшія времена и на обстоятельства, выходящія, строго говоря, изъ рамокъ нашей книги, стараясь, насколько возможно лучше выяснитъ положеніе церкви, въ особенности потому, что многимъ набожнымъ людямъ кажется, будто она ничего не утратила изъ своего прежняго имущества.

Возстанія противъ итальянской церковной системы происходили четыре раза: 1) въ тринадцатомъ вѣкѣ возстали альбигойцы; 2) въ четырнадцатомъ послѣдователи Виллеффа; 3) въ шестнадцатомъ вѣкѣ реформація и, наконецъ, 4) въ восемнадцатомъ вѣкѣ — французская революція. При каждомъ изъ этихъ обстоятельствъ церковный авторитетъ пользовался всею наступательною и оборонительною властью, которою обладалъ. Его дѣйствія могутъ служить превосходными показателями даннаго положенія дѣлъ. Астрономы могутъ опредѣлить орбиту кометы или другаго небеснаго метеора помощью трехъ наблюденій надъ его положеніемъ, насколько оно видно со стороны земли, при чемъ эти наблюденія должны производиться черезъ извѣстные промежутки времени.

1. Объ альбигойскомъ возстаніи. Мы уже говорили, что происхожденіе его можно прослѣдить до магометанскаго вліянія въ Испаніи; затѣмъ, черезъ посредство кордовской и гренадской школы, оно распространилось по Лангедоку и Про-

вансу. Если бѣ эти вліянія въ матеріальномъ отношеніи приводили только къ веселымъ сценамъ рыцарскихъ временъ, а въ умственномъ отношеніи къ сочиненію воинственныхъ балладъ, сатиръ и любовныхъ пѣсенъ, то мы ихъ оставили бы въ покоѣ; но рядомъ съ этими изящными пустяками проявлялось и нѣчто другое, гораздо болѣе серьезное. Народныя пословицы часто указываютъ на существованіе особаго національнаго вѣрованія, а въ Провансѣ была въ ходу слѣдующая пословица: «хуже священника». Для назиданія монаховъ сектанты также цитировали нѣкоторые тексты, клонившіеся все въ пользу разсужденія: «если человекъ не хочетъ работать, пусть онъ не ѣстъ». А событія, случившіеся по милости Симона де Монфора, должны были убѣдить ихъ, что ложное толкованіе священнаго Писанія можетъ повести къ вѣрной гибели.

Какъ поступила церковь съ альбигойскою ересью? Она поступила такъ, какъ поступаютъ лица, обладающія неограниченною властью. Она не подавила ея—это было бы слишкомъ милосердно, она совершенно уничтожила ее. Понимая, къ какимъ необходимымъ послѣдствіямъ должно было повести распространеніе такого рода мнѣній, она безощадно, огнемъ и мечомъ, разорила мѣсто-рожденіе ихъ; и боясь, чтобы кто-нибудь не спасся и не ускользнулъ отъ ея всевидящаго ока или чтобъ ересь не всплыла впоследствии наружу, она организовала инквизицію съ ея отрядами служителей и шпионовъ. Черезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ этихъ событий югъ Франціи все еще не могъ оправиться отъ нанесеннаго ему удара.

Это было преслѣдованіе, достойное государя съ итальянской точки зрѣнія,—преслѣдованіе, которое велось на основаніи настоящихъ итальянскихъ правилъ политики,—цѣль всегда ясно имѣлась въ виду и для достиженія ея употреблялись наиболѣе пригодныя средства, не обращая вниманія на ихъ свойства. Но такое преслѣдованіе подразумевало обладаніе неограниченною и неотвѣтственной властью.

2. О возстаніи Виклефа. Мы уже изложили положеніе дѣлъ, вызвавшее сопротивленіе Виклефа. Оно обнаруживается вполнѣ ясно въ законодательныхъ постановленіяхъ начала XIV в., запрещающихъ духовнымъ лицамъ ходить вооруженными, соединяться съ ворами, играть въ кости, посѣщать таверны, публичные дома, монахинь, держать наложницъ,—въ парламентскомъ биллѣ 1376 г., заявлявшемъ, что налогъ, уплачиваемый папѣ за церковныя должности, въ четыре раза превосходитъ сумму, получаемую королемъ со всего королевства, что чужеземное духовенство, никогда не видящее и не желающее видѣть своей паствы, уносить изъ страны все ея сокровища,—въ проповѣдяхъ Джона Болли, доказывавшаго, что все люди равны передъ лицомъ Господа. Оппозиція Виклефа была направлена не только противъ заблужденій въ ученіи. Его догматы: «Богъ не приказываетъ, чтобы человекъ вѣрилъ тому, что его разумъ не въ силахъ постигнуть» является яснымъ воплощеніемъ правъ разума, и благородная цѣль, къ которой онъ стремился и которую достигъ переводомъ Библии

Возстаніе Виклефа.

съ Вульгаты, показываетъ, какое направленіе онъ намѣревался дать примѣненію своего ученія. Благодаря вліянію жены Ричарда II, королевы англійской, уроженки Богеміи, ученія его нашли откликъ въ этой странѣ: Гусъ не только усвоилъ его теологическіе взгляды, но и присоединился къ сопротивленію, оказываемому имъ деспотизму римскаго двора, и началъ, подобно ему, указывать на испорченность духовенства. Это возстаніе въ Англій противъ римскаго двора выразилось въ политическомъ отношеніи отказомъ Эдуарда III принести присягу въ вѣрности папѣ (по внушенію Виклефа), а въ религіозномъ отношеніи переводомъ Библии.

Несмотря на папскую буллу, присланную въ Лондонъ и требовавшую, чтобъ архіепископъ былъ немедленно схваченъ и закованъ въ цѣпи, Виклефъ умеръ на своей постели, и кости его спокойно лежали въ могилѣ въ теченіе сорока пяти лѣтъ. Но церковное мнѣніе, наконецъ, достигло ихъ: прахъ его былъ сожженъ и разсыянъ по вѣтру.

Несмотря на всю энергію, съ какою дѣйствовала церковная власть, слѣпому герою, Иоанну Жижкѣ, удалось одержать надъ нею нѣсколько побѣдъ. Послѣ смерти этого великаго воина,—тѣло котораго было оставлено на дорогѣ на съѣденіе волкамъ и воронамъ, между тѣмъ какъ изъ кожи его сдѣланъ былъ барабанъ,—католическая церковь напрасно прибѣгала ко всему, что можетъ быть внушено вѣроломствомъ и выполнено жестокостью, напрасно огонь и мечъ опустошали Богемію, а въ Англій безсильное мнѣніе дѣлало послѣднее усиліе,—еретики не могли быть истреблены и переводъ Библии не могъ быть уничтоженъ.

3. О возстаніи Лютера. Такъ какъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ намъ придется разматривать причины, ^{Возстаніе Лю-} обусловившія появленіе реформации, то здѣсь лишнее ^{тера.} будетъ подробно распространяться о нихъ. Потребности римскаго казначейства, внушившія ученіе о *supergrogatio* и продажу индульгенцій, какъ самаго вѣрнаго средства искупить грѣхи, вызвали только раньше кризисъ, который иначе былъ бы надолго отсроченъ, такъ какъ исходною точкою его было право личнаго толкованія священнаго Писанія.

Церковь не ограничивала своего сопротивленія употребленіемъ только одного церковнаго орудія, ея пускались въ ходъ и оружіе матеріальное, физическое. Но напрасно стали бы мы искать теперь той концентрированной энергіи, съ какою она уничтожила альбигойцевъ, или той возмутительной политики, которую она противопоставила гуситамъ. Духъ времени не позволялъ болѣе пускаться въ ходъ такіа средства. Тѣмъ не менѣе борьба продолжалась непрестанно сто тридцать лѣтъ и закончилась вестфальскимъ миромъ, обнаружившимъ вполнѣ ясно результатъ борьбы. Церковь потеряла весь сѣверъ Европы.

4. О возстаніи философовъ. Но кромѣ окончательной потери націй, открыто принявшихъ протестантизмъ, нанесенъ ^{Возстаніе философовъ.} былъ серьезный ущербъ церкви и у другихъ націй, номинально оставшихся вѣрными католицизму. Фактъ отпаденія отъ

церкви или соединенія съ нею зависѣлъ въ монархіи отъ личнаго желанія или политики ея государя, такъ что его нельзя никомъ образомъ считать истиннымъ показателемъ мѣнъ или отношеній подданныхъ; и вотъ оказалось, что въ различныхъ странахъ, гдѣ существовало вѣннее согласіе съ церковью, если судить о положеніи дѣлъ на основаніи политики правительства, происходитъ въ дѣйствительности полный разрывъ съ нею, если брать во вниманіе настроеніе образованныхъ и мыслящихъ классовъ. Таково было положеніе дѣлъ главнымъ образомъ во Франціи.

Когда кругосвѣтныя путешествія Магеллана разрѣшили развѣ навсегда вопросы о формѣ земли и о существованіи антиподъ, принципы, служившіе основаніемъ спора между столкнувшимися партіями, сдѣлались очевидными при самомъ бѣгломъ просмотрѣ любой исторіи физики. Наука получила право свободнаго мышленія, но это былъ не миръ, а только вооруженное переміріе.

Но если вѣкорѣ возникли новыя смуты, то вина была не на сторонѣ которой-либо изъ борющихся доселѣ партій,—виною тому былъ новый классъ, быстро получившій большое значеніе, классъ литераторовъ. Съ начала предыдущаго столѣтія до середины его эти философы обнаруживали все больше и больше смѣлости въ нападеніи. Въ противоположность научнымъ дѣятелямъ, которые если и касались теологии, то лишь мимоходомъ, косвенно, философы смѣло нападали на самое основаніе вѣрованія. Случившаяся какъ разъ въ это время американская революція, выставившая на видъ общественное зло и политическіе методы, способствующіе его исклѣнью, дала практическое примѣненіе европейскому развитію, и католическая церковь поставлена была въ невозможность оказать этому развитію какое бы то ни было сопротивленіе.

Это изложеніе развитія церкви въ различные періоды ея существованія даетъ намъ возможность опредѣлить ея дальнѣйшее движеніе. У нея было время избытка силы и энергіи, время слабости, время поражений и потерь и время полнаго истощенія. Какая глубокая разниця между XI и XVIII столѣтіями! Это развѣтъ и сумерки одного дня владычества!

Итоги итальян-
ской системы.

ГЛАВА V.

Приближеніе вѣка разума въ Европѣ.

ЕМУ ПРЕДШЕСТВУЮТЪ МОРСКІЯ ОТКРЫТІЯ.

Указаніе опредѣленныхъ эпохъ въ общественной жизни.

Экспериментальная философія возникаетъ изъ вѣка вѣры.

Вѣкъ разума возникаетъ благодаря морскимъ открытіямъ и развитію европейской критики.

Морскія открытія.—Три великія путешествія.

Колумбъ открываетъ Америку.—Де-Гама объѣзжаетъ вокругъ мыса Доброй Надежды и достигаетъ Индіи.—Магелланъ совершаетъ кругосвѣтное путешествіе.—Матеріальные и умственные результаты каждаго изъ этихъ путешествій.

Отступленіе о социальномъ положеніи Америки.—Въ изолированныхъ человѣческихъ обществахъ процессъ мышленія и цивилизаціи всегда одинокъ и тотъ же.—Люди проходятъ черезъ послѣдовательный рядъ идей и воплощаютъ ихъ въ опредѣленные учрежденія.—Положеніе Мексики и Перу доказываетъ вліяніе закона на развитіе человѣка.

Теперь мы дошли до послѣдняго отдѣла моей книги, до періода національной жизни, соответствующаго зрѣлости человѣка. Вопросы, подлежащіе теперь нашему разсмотрѣнію, сильно отличаются отъ тѣхъ, которые до сихъ поръ привлекали наше вниманіе. Теперь мы увидимъ, какъ ^{Особенности} ^{вѣка разума.} человеческая власть будетъ споспѣшествовать всѣми силами умственному прогрессу и принимать за правило, что судьба каждаго человѣка улучшается, его власть и значеніе усиливается по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлается способнымъ понять механизмъ вселенной, дѣйствіе естественныхъ законовъ и употреблять въ свою пользу физическія силы.

Время, когда произошелъ этотъ переходъ изъ вѣка вѣры въ вѣкъ разума въ европейской жизни, будетъ, безъ сомнѣнія, ^{Естественные} ^{періоды слива-} ^{ются одинъ съ} ^{другимъ.} опредѣляться различно различными исследователями, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія они будутъ смотрѣть на него. Въ дѣйствительности въ національной жизни не существуетъ никакой настоящей эпохи, такъ какъ въ ней не бываетъ ничего внезапнаго. Какъ бы ни были важны и неожиданныя событія, они являются всегда лишь послѣдствіями продолжительныхъ приготовленій. Въ этомъ отношеніи существуетъ полное сходство съ теченіемъ національной и индивидуальной жизни. Въ индивидуумѣ одна стадія незамѣтно переходитъ въ другую, при чемъ начало и конецъ ея невозможно различить. Никто не можетъ сказать, когда онъ пересталъ быть ребенкомъ и сдѣлался юношею, или въ какой моментъ онъ перешелъ отъ юношескаго возраста въ возрастъ возмужалости. Если на каждое изъ этихъ состояній смотрѣть черезъ достаточные промежутки времени, то каждое изъ нихъ будетъ выказывать точно опредѣленные, характеристическія черты!

но на мѣстѣ своего соприкосновенія онѣ сливаются и переходятъ одна въ другую, подобно смѣшенію тѣни и свѣта, вслѣдствіе чего начало и конецъ этихъ состояній могутъ опредѣляться различно.

Въ виду отсутствія точной естественной эпохи въ индивидуальной жизни, общество придумало исходъ, назначивъ, Искусственная эпоха. напр., такую искусственную гранью двенадцатидолѣтній возрастъ. Такого же рода фикціями могутъ быть удовлетворены и требованія исторіи. Классическій критикъ вполне основательно избралъ бы такую гранью время основанія Константинополя, считая его эпохою, съ которой начинается вѣкъ вѣры, и закончилъ бы его взятіемъ Константинополя турками. Нужно признаться, что значительное число историческихъ событій вполне гармонируютъ съ такого рода распределеніемъ. Политическій писатель, быть можетъ, отсрочилъ бы послѣднюю эпоху до времени заключенія вестфальскаго договора, такъ какъ съ этого времени теологическій элементъ перестаетъ играть выдающуюся роль и выступать въ качествѣ признанной силы, а протестанты, магометане и католики вступаютъ въ союзы или ведутъ совместно войны, руководясь исключительно требованіями данныхъ обстоятельствъ. Кромѣ этого можно указать и на другія искусственныя эпохи, изъ которыхъ каждая достойна вниманія. Но главная особенность разсматриваемой нами эпохи достаточно очевидна: это постепенный упадокъ системы, дѣйствовавшей въ теченіе многихъ вѣковъ и постепенно замѣняемой другою.

Какъ и въ вѣкѣ разума въ Греціи, такъ и въ вѣкѣ разума въ Европѣ существовалъ подготовительный періодъ, ознаменованный постепеннымъ развитіемъ здравой философіи: истинная логика замѣнила собою сверхъестественную, опыты заняли мѣсто умозрѣнія. Весьма интересно прослѣдить слабыя зачатки современной науки въ алхіміи и магіи въ такихъ странахъ, въ которыхъ никто не могъ понимать произведеній Аль-Газена или арабскихъ философовъ. Многія изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, заслуживаютъ упоминанія.

Альбертъ Магнусъ род. въ 1193 г. О немъ говорятъ, что онъ «былъ великъ въ магіи, еще болѣе великъ въ философіи и болѣе всего великъ въ теологіи». По религіозной профессіи Альбертъ Магнусъ доминиканецъ. своей онъ былъ доминиканецъ. Отклоняя отъ себя искушенія, связанныя съ высокимъ духовнымъ постомъ, онъ добровольно отказался отъ званія епископа, чтобы жить частною, болѣе чистою жизнью. По обыкновенію того времени, его обвинили въ незаконныхъ сношеніяхъ съ сатаною и рассказывали много нелѣпныхъ исторій о произведенныхъ имъ чудесахъ. Однажды, на одномъ пруду, въ зимній день, онъ вызвалъ всѣ красоты весны: деревья, покрытыя зеленью, цвѣты, издающіе благоуханія, луга, поросшіе свѣжею травою; затѣмъ, по одному его слову, призракъ исчезъ, и это видѣніе замѣнилось новымъ: передъ глазами зрителей простиралась равнина, покрытая снѣгомъ. Это былъ преувеличенный рассказъ о празднествѣ, данномъ имъ 6 января 1259 г. въ теплицѣ монастырскаго сада. Онъ интересовался отправлениями

растеній, былъ хорошо знакомъ съ такъ-называемымъ спомъ цвѣтовъ, изучалъ ихъ открытіе и закрытіе. Онъ зналъ, что сокъ уменьшается въ количествѣ вслѣдствіе испареній черезъ листья. Онъ первый употребилъ слово «средство» въ современномъ значеніи этого слова. Его химическія работы представляютъ не мало интересныхъ подробностей. Онъ зналъ, что побѣлка мѣди мышьякомъ не есть превращеніе металла, а только сплавъ, такъ какъ мышьякъ можетъ быть удаленъ помощью теплоты. Онъ потангъ называлъ щелочью; описываетъ различныя искусственныя соли и намекаетъ на то, что можно придать кожѣ черный цвѣтъ помощью азотнокислаго серебра.

Современникомъ его былъ Роджеръ Бэконъ, род. въ 1214 г. Его родина и до сихъ поръ не воздала ему должной Открытие Роджера Бэкона. чести, хотя современники совершенно справедливо называли его «удивительнымъ докторомъ». Великій монахъ XIII в. былъ поставленъ на задній планъ недостойнымъ его однофамильцемъ. Его права на вниманіе потомства еще болѣе усиливаются перенесенными имъ страданіями и десятию годами заключенія за истину.

Его исторію можно разсказать въ краткихъ чертахъ, насколько она извѣстна. Онъ род. въ Ильчестерѣ, въ Соммерсетширѣ, и учился въ оксфордскомъ университетѣ. Оттуда онъ оправился въ парижскій, гдѣ получилъ званіе доктора теологіи. Онъ былъ знакомъ съ языками латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ и арабскимъ. Онъ говоритъ о математикѣ вполне справедливо, что это «первая изъ всѣхъ наукъ; и, въ самомъ дѣлѣ, она предшествуетъ всѣмъ другимъ наукамъ и подготовляетъ насъ къ нимъ». Опережая свой вѣкъ, онъ отрицалъ авторитетъ Аристотеля и совѣтовалъ замѣнить его авторитетомъ опыта. Лучшимъ доказательствомъ его астрономическихъ познаній служить его совѣтъ папѣ Клименту IV исправить календарь такъ, какъ онъ былъ дѣйствительно исправленъ впоследствии. Если это правда, что онъ изобрѣлъ очки, то человѣческой родъ многимъ ему обязанъ. Онъ далъ описаніе теоріи микроскоповъ и телескоповъ, говори, что стекла могутъ быть гранены и расположены такъ, чтобы дать возможность читать самое мелкое письмо на невѣроятно большомъ разстояніи и считать песчинки и пылинки, что все это находится въ зависимости отъ величины угла, подъ которымъ мы разсматриваемъ предметы. Онъ предвидѣлъ величайшія изобрѣтенія въ практической астрономіи—примѣненіе оптическихъ законовъ къ устройству инструментовъ, предназначенныхъ для измѣренія угловъ. Онъ предлагалъ двигать суда на водѣ и экипажи до дорогамъ помощью простыхъ механическихъ средствъ. Онъ обдумывалъ способъ постройки летательной машины. Допуская истину алхіміи, онъ совѣтовалъ изслѣдователю открыть сначала методъ, помощью котораго природа создаетъ металлы, и затѣмъ подражать ему. Онъ зналъ, что существуетъ различнаго рода воздухъ, и заявлялъ, что есть воздухъ, который тушитъ пламя. Это весьма ясные взгляды для того времени, которое принимало газы за духовъ. Онъ предупреждаетъ насъ быть осторожными, прежде чѣмъ рѣшиться, что мы уже нашли способъ пре-

вращать металлы, заявляя, что существуетъ большое различіе между побѣленной мѣдью и чистымъ серебромъ. Онъ говоритъ, что воздухъ необходимъ для поддержанія огня, и въ доказательство этого придумалъ хорошо извѣстный опытъ: поставитъ зажженную лампу подъ колоколь и наблюдать за тѣмъ, какъ она будетъ гаснуть.

Не малое значеніе представляетъ выраженіе Бэкона, что невѣжественный умъ не въ силахъ выдержать истины. Его обвинили въ волшебствѣ и въ сношеніяхъ съ сатаною, но при жизни папы Климента IV ему удалось избѣжать преслѣдованій. Этотъ папа обратился къ нему съ просьбою доставить отчетъ объ его различныхъ изобрѣтеніяхъ. Повинуясь этому приказу, Бэконъ отправилъ папѣ *Opus Majus* и другія свои произведенія вмѣстѣ съ нѣкоторыми математическими инструментами, сдѣланными его собственными руками. Но послѣ вступленія на папскій престолъ Николая III обвиненія въ магіи, астрологіи и въ продажѣ души чорту возобновились; однимъ изъ пунктовъ обвиненія было его намѣреніе составить астрономическія таблицы для предсказанія будущаго. Ожидая самаго худшаго, онъ попробовалъ защитить себя своимъ произведеніемъ *De Nullitate Magiae*. «Такъ какъ эти вещи выше вашего пониманія, то вы называете ихъ созданіями дьявола; ваши канонисты и теологи ненавидятъ ихъ, какъ порожденіе магіи, и считаютъ недостойными христіанъ». Но все это было напрасно. Сочиненія его были осуждены, какъ содержащія опасныя и подозрительныя новости, а самъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Въ ней онъ оставался десять лѣтъ; пока здоровье его совсѣмъ не разстроилось и онъ не былъ освобожденъ благодаря заступничеству нѣсколькихъ могущественныхъ лицъ, сжалившихся надъ нимъ. Онъ умеръ въ возрастѣ семидесяти восьми лѣтъ. На смертномъ одрѣ онъ произнесъ слѣдующую грустную жалобу: «Я раскаиваюсь теперь, что такъ много трудился изъ любви къ наукѣ». Если въ его сочиненіяхъ встрѣчаются мысли, болѣе приличныя вѣку, въ которомъ онъ жилъ, чѣмъ нашему, то нужно помнить то, что онъ говорилъ въ своемъ третьемъ письмѣ къ Клименту: «Вслѣдствіе невѣжества тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось имѣть дѣло, я не могъ достигнуть большаго».

За Бэкономъ слѣдуетъ рядъ менѣе выдающихся, но все же довольно извѣстныхъ дѣятелей: Раймондъ Люлли, котораго, какъ говорятъ, заперли въ Лондонѣ въ Тоуэрѣ, съ приказомъ дѣлать золото для короля Эдуарда II; Гвидонъ де Монтаноръ, изобрѣтатель философскаго бальзама; Клопинель, авторъ *Романса Розы*; Ричардъ Англичанинъ, сдѣлавшій многозначительное замѣчаніе, что тотъ, кто не соединяетъ теоріи съ практикою, похожъ на осла, который ѣсть сѣно и не думаетъ о томъ, что дѣлаетъ; Ортоланъ, прекрасно описавшій производство азотной кислоты и чуть было не приготовившій чистый алкоголь подъ именемъ квинтъ-эссенціи вина; Бернаръ Тревскій, прославившійся любовными напитками, которые онъ готовилъ для Карла V Французскаго, при чемъ дѣйствительность ихъ пробѣрялась опы-

Его преслѣдуютъ и заключаютъ въ тюрьму.

Менѣе важные алхимики Англіи, Франціи и Германіи.

тами надъ служанками; Варооломей Англичанинъ, описавшій методъ кристаллизаціи и очищенія сахара; Экъ де Сульцбахъ, научившій насъ, какимъ образомъ получать металлы въ кристаллизованномъ видѣ, въ родѣ «дерева Діаны». Онъ доказалъ на опытѣ, что металлы при окисленіи увеличиваются въ вѣсѣ, и говоритъ, что въ ноябрѣ 1489 г. онъ нашелъ, что шесть фунтовъ серебряной амальгамы, нагрѣваемыхъ въ теченіе недѣли, увеличились въ вѣсѣ на три фунта. Числа эти, конечно, неточны, но его объясненіе просто удивительно. «Это увеличеніе въ вѣсѣ происходитъ оттого, что съ металломъ соединяется духъ; присутствіе духа доказывается тѣмъ, что когда эта искусственная киповатъ подвергается перегонкѣ, духъ изъ нея выдѣляется». Онъ былъ на волоскѣ отъ того, чтобы предвосхитить открытія Пристлея и Лавуазье, сдѣланныя триста лѣтъ спустя.

Алхимики XVI в. занимались не одними только опытами, но и поэзіею, какъ, напр., одинъ изъ нихъ, Авгурелли. Онъ предпринялъ описать въ латинскихъ стихахъ искусство дѣлать золото. Книга его, озаглавленная *Chrysopoëia*, была посвящена Льву X, — фактъ, указывающій на гораздо болѣе либерализмъ въ мнѣніяхъ сравнительно съ прошлымъ. Говорятъ, что авторъ ожидалъ получить отъ папы хорошую награду, но что святой отецъ отправилъ ему большой пустой мѣшокъ, говоря, что тотъ, кто умѣетъ такъ хорошо готовить золото, нуждается только въ кошелькѣ, чтобы прятать его.

Знаменитое сочиненіе Василія Валентина, озаглавленное *Civius triumphalis Antimonii*, ввело въ практическую медицину антимоній. Василій Валентинъ—алхимикъ-поэтъ. Внимание автора было обращено впервые на терапевтическое значеніе этого металла наблюденіемъ за нѣсколькими свиньями, которыя съ поразительною быстротою начали жирѣть, какъ только имъ дали его. Въ сѣдствіе съ нимъ жило нѣсколько монаховъ, которые во время поста довели себя до крайняго изнеможенія голоданіемъ и бичеваніями. Василій избралъ ихъ, чтобы попробовать силу металла. Къ его удивленію, монахи не только не вернули себѣ прежняго здоровья и жиру, а все умерли; отсюда и названіе, данное въ народѣ этому металлу, — антимоній (*antimoine*), такъ какъ онъ оказался неподходящимъ для монаховъ. До того времени онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ стибіума. Къ такому же результату привело и примѣненіе антимонія къ производству типографскаго шрифта. Данный внутрь или употребляемый механически, металлъ этотъ оказался одинаково вреднымъ для духовныхъ лицъ.

Я считаю излишнимъ продолжать описаніе этихъ научныхъ мелочей. Намъ было сказано достаточно для объясненія быстраго распространенія страсти къ опытному изслѣдованію. Теперь я перейду къ описанію болѣе важныхъ вещей.

Въ виду ограниченнаго объема этой книги я долженъ рассмотреть эти предметы не такъ, какъ я разсматривалъ бы ихъ съ философской точки зрѣнія, а такъ, какъ это

Новая эпоха.

Затрудненіе, представляемое научнымъ изслѣ-

женіемъ этого предмета. Допускается обстоятельствами. Но даже при этомъ поверхностномъ изложеніи, описаніе получаетъ почти драматическую форму, такъ какъ факты, передаваемые мною, поражаютъ насъ своимъ величіемъ. Съ одной стороны, изложеніе наше касается самыхъ возвышенныхъ предметовъ, съ другой — самыхъ обыкновенныхъ, будничныхъ; съ одной стороны, оно возвышаетъ намъ умъ, сосредоточивая его на взаимныхъ отношеніяхъ солнцевъ и міриады вѣковъ, съ другой — оно опускается до будничныхъ дѣлъ нашей домашней, индивидуальной жизни; съ одной стороны, оно обращаетъ наши мысли на безконечный рядъ вѣковъ, теряющихся во мракѣ времени, съ другой — оно придаетъ значеніе временнымъ занятіямъ одного какого-нибудь мимолетнаго часа. Зная, что требуется, чтобы справиться съ предметомъ, и сознавая свою несостоятельность, я со страхомъ берусь излагать эту часть моей книги. Я съ большими колебаніями принимаю за дѣло, разсчитывая въ гораздо большей степени на снисходительность читателя, чѣмъ на свое умѣніе.

Излагая исторію философской жизни Греціи (гл. II), мы видѣли, какое громадное значеніе имѣли морскія открытія и возникновеніе критики. Они совместно замыкаютъ собою вѣкъ вѣры въ Греціи. Теперь, на этомъ поворотномъ пунктѣ европейской жизни, они вновь выступаютъ впередъ. Такъ какъ связанныя съ ними обстоятельства весьма многочисленны и представляютъ большое значеніе, то я буду разсматривать ихъ отдѣльно въ этой главѣ и въ слѣдующей. Прежде всего мы обратимся къ морскимъ предпріятіямъ, съ которыхъ начинается вѣкъ разума въ Европѣ. Они положили начало тремъ большимъ путешествіямъ — открытію Америки, объѣзду мыса Доброй Надежды и кругосвѣтному путешествію.

Въ разсматриваемый нами періодъ времени торговли Средиземнаго моря производилась главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Порты Чернаго моря доставляли хоронія складочныя мѣста для товаровъ, привозимыхъ по Дунаю и по другимъ рѣкамъ, и для той значительной части индійскихъ товаровъ, которая доставлялась черезъ Каспійское море. Центромъ этой торговли была Генуя.

Другое направленіе было юго-восточное. Самый короткій путь къ Индіи шелъ по Евфрату и Персидскому заливу; но Арабское море и Черное доставляли болѣе дешевый и безопасный путь. Поэтому въ портахъ Египта и Сирии можно было найти большую часть товаровъ, отправляемыхъ изъ Индіи. Эта торговля концентрировалась въ Венеціи. Обширное развитіе было дано ей крестовыми походами: венеціанцы нашли, повидимому, болѣе выгоднымъ заняться перевозкою войскъ въ Святую землю, чѣмъ перевозкою индійскихъ товаровъ.

Около второй половины XIV в. сдѣлалось очевиднымъ, что торговое соперничество между Генуею и Венеціею оканчивается ко вреду первой. Вторженіе татаръ и нашествіе турокъ совершенно перемѣстили ея азіатскія линіи торговли, а во

время войнъ со своею соперницею Генуѣ пришлось не мало пострадать. Отчасти по этой причинѣ, а отчасти благодаря выгоднымъ трактатамъ, заключеннымъ Венеціею съ султаномъ и доставившимъ ей право на устройство консульствъ въ Александріи и Дамаскѣ, республика эта достигла вкорѣ преобладанія надъ всѣми своими соперниками. Генуэзскія поселенія на берегахъ Чернаго моря утратили всякое значеніе.

Предвидя неминуемую гибель и не желая поступиться своими восточными связями, генуэзскіе купцы попробовали исправить свои дѣла войною; но практическіе моряки Генуи видѣли, что ея власть можетъ быть восстановлена инымъ образомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были знакомы съ шарообразною формою земли, съ тѣмъ, что было сдѣлано магнетанскими астрономами для опредѣленія ея окружности путемъ измѣренія одного градуса на берегу Краснаго моря. Эти люди первые возбудили мысль достигнуть Индіи моремъ съ запада.

Ихъ планы были встрѣчены неблагоприятно двумя партіями — партіею купцовъ и партіею духовенства. Первые относились къ этимъ планамъ враждебно влѣдствіе того, что они противорѣчили установленнымъ порядкамъ, а вторые не одобряли ихъ, считая ихъ нечестивыми. Шарообразная форма земли опровергалась такими писателями церкви, какъ Лактанцій и Августинъ. Патристическая географія представляла землю въ видѣ плоской поверхности, окруженной водами морей и поддерживающей хрустальный сводъ неба. Эти ученія подтверждались главнымъ образомъ ложно толкуемыми мѣстами изъ священнаго Писанія. Такъ, Козьма Индикопластъ, патристическая географія котораго считалась авторитетною въ теченіе почти восьмисотъ лѣтъ, побѣдоносно отвергалъ шарообразность земли, спрашивая у ея защитниковъ, какимъ образомъ люди, находящіеся по ту сторону земли, увидятъ въ день страшнаго суда Господа, нисходящаго съ небесъ по воздуху.

Среди генуэзскихъ моряковъ, желавшихъ обезпечить благосостояніе роднаго города, находился одинъ, имени котораго суждено было сдѣлаться безсмертнымъ, — Христофоръ Колумбъ.

Отецъ его былъ ткачемъ по шерсти, но возвышался, повидимому, надъ уровнемъ людей своего состоянія. Сыну своему онъ доставилъ знаніе ариметики, рисованія и живописи; кромѣ того, Колумбъ, какъ говорятъ, имѣлъ замѣчательно красивый почеркъ. Нѣкоторое время онъ посѣщалъ университетъ въ Павіи, но въ четырнадцать лѣтъ поступилъ на морскую службу. Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ сирійскою торговлею, онъ совершилъ нѣсколько путешествій въ Гвинею, употребляя свободное время на рисованіе для продажи географическихъ картъ и тѣмъ добывая средства для своего существованія, для содержанія старика отца и для воспитанія младшихъ братьевъ. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ основательныя познанія въ географіи, и хотя, при современномъ ему состояніи общественнаго мнѣнія, запрещалось открыто исповѣдывать такія мнѣнія, онъ думалъ, что море повсюду доступно для судоходства, что земля круглая, а

не плоская, что существуютъ антиподы, что жаркій поясъ обитаемъ и что земля распредѣлена пропорціонально въ обоихъ полушаріяхъ, въ сѣверномъ и южномъ. Прибѣгая къ патристической логикѣ, когда она подкрѣпляла его мнѣніе, онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ земля создана для человѣка, то невозможно допустить, чтобы большая часть ея поверхности была покрыта водою, а если земли существуютъ, то онѣ должны быть обитаемы, такъ какъ послѣ потопа повторено было повелѣніе, чтобы земля наполнилась людьми. Онъ спрашивалъ: «Возможно ли, чтобы солнце освѣщало ничто или чтобы звѣзды сторожили ночью непроходимыя моря и пустынные земли?» Но къ такого рода разсужденіямъ онъ присоединилъ и болѣе положительныя доводы. Нѣкто Мартинъ Винцентъ, плававшій на много миль разстоянія къ западу отъ Азорскихъ острововъ, разсказывалъ ему, что онъ нашелъ плавающимъ по морю кусокъ дерева, очевидно, тесанный желѣзнымъ орудіемъ. Другой морякъ, Педро Корреа, его зять, встрѣтилъ на пути громадный тростникъ. На берегахъ Флоресъ море выбросило двухъ мертвецовъ страннаго вида, съ большими лицами. Колумбъ, повидимому, еще въ 1474 г. составилъ свою теорію, что можно достигнуть восточной Индіи, если плыть все время по направлению къ западу. Онъ въ это время находился въ перепискѣ съ Тосканелли, флорентинскимъ астрономомъ, который придерживался такого же самаго мнѣнія, и прислалъ ему географическую карту, составленную на основаніи изысканій Марко Поло. Колумбъ прежде всего предложилъ свои услуги своему родному городу, затѣмъ Португаліи, затѣмъ Испаніи и, черезъ посредство своего брата, Англіи. Главнымъ его доводомъ при каждомъ этомъ предложеніи была необходимость обезпечить за данною страною богатства Индіи. Въ Лиссабонѣ онъ женился. Однажды ночью, когда онъ лежалъ большимъ около Белема, неизвѣстный голосъ во снѣ шепнулъ ему: «Богъ желаетъ, чтобы имя твое прославилось на всей землѣ, и хочеть дать тебѣ ключи отъ воротъ океана, которыя теперь заперты тяжелыми цѣпями». Смерть его жены порвала послѣднюю связь его съ Португаліею, гдѣ онъ жилъ съ 1470 г. Вечеромъ осенью 1485 г. можно было видѣть человѣка величественной наружности, блѣднаго, истощеннаго, съ головою, покрытою преждевременною сѣдиною, держащаго за руку маленькаго мальчика и просящаго милостыни у воротъ францисканскаго монастыря около Палоса—не для себя, но для того, чтобы добыть хлѣба и воды для своего ребенка. Это былъ Колумбъ, которому предстояло открыть для Европы цѣлый новый міръ.

Доведенный до крайней бѣдности, онъ все же успѣлъ пробраться въ Испанію. Послѣ многихъ утомительныхъ отсрочекъ, его предложеніе было отдано на разсмотрѣніе совѣта въ Саламанкѣ, который опровергъ его ученія на основаніи псалмовъ, пророчествъ, Евангелій, посланій и сочиненій отцевъ церкви—св. Хризостома, св. Августина, св. Иеронима, св. Григорія, св. Василія, св. Амвросія. Кромѣ того, ученія эти были объявлены несоотвѣтствующими разуму, такъ какъ, если бы

Его аргументы въ пользу нахожденія земель на западѣ.

Совѣтъ въ Саламанкѣ отвергъ его доводы.

онъ выѣхалъ изъ Испаніи, «нарообразная форма земли образовала бы передъ нимъ какъ бы громадную гору, черезъ которую онъ не могъ бы переплыть даже при самомъ попутномъ вѣтрѣ». Великій кардиналъ Испаніи указалъ при томъ и на нечестивый характеръ этого ученія, и Колумбъ началъ бояться, что онъ не получитъ помощи для приведенія въ исполненіе своего предпріятія, но еще подвергнется преслѣдованію, какъ еретикъ. Королева Изабелла въ убѣжденности въ справедливости его взглядовъ. Впрочемъ, послѣ многихъ лѣтъ униженій и неудачъ, ему удалось убѣдить въ справедливости своихъ мнѣній королеву Изабеллу, и 17 апрѣля 1492 г. на полѣ передъ Гранадою, только что исторгнутою изъ рукъ магометанъ войсками Фердинанда и Изабеллы, ему дано было требуемое полномочіе. Онъ отказался отъ всякаго вознагражденія въ случаѣ неудачи, но въ случаѣ удачи поставилъ условіе, чтобы ему данъ былъ титулъ адмирала и вице-короля и чтобы ему передана была въ собственности десятая часть всего, что онъ откроетъ,—условія, показывающія, какого рода человѣкъ былъ великій морякъ. Онъ обязался внести одну восьмую часть расходовъ по предпріятію, что онъ сдѣлалъ помощію Пинзоновъ изъ Палоса, древней и богатой семьи моряковъ. Какъ только договоръ былъ заключенъ, Колумбъ немедленно принялся за приготовленія для своей экспедиціи. Онъ былъ уполномоченъ королевскою властью брать,—если нужно, силою,—суда и матросовъ. Но даже и при такой власти ему врядъ ли удалось бы привести въ исполненіе свое намѣреніе, если бы не помощь Пинзоновъ, которые присоединились къ нему, раздѣляя опасности и трудности его путешествія. Подготовка экспедиціи.

Солнце, при своемъ пути къ западу, наконецъ, встаетъ и въ Индіи. 3 августа 1492 г. тяжкая борьба и неудачи, длившіяся цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, наконецъ, прекратились, и на развѣтѣ Колумбъ выѣхалъ изъ Палоса съ тремя небольшими кораблями, увозя съ собою карты, составленныя на основаніи той, которая была прислана ему раньше Тосканелли, а также письмо къ великому хану Татаріи. 9 онъ подъѣхалъ къ Канарскимъ островамъ, остановился тамъ на три недѣли, чтобы запастись провизіею и исправить свои корабли. 6 сентября онъ опять пустился въ путь, удачно избѣгнувъ преслѣдованія нѣсколькихъ судовъ, отправленныхъ Португаліею съ цѣлью изловить его. Онъ ѣхалъ прямо на западъ. Ничего интереснаго не произошло до вечера 13 сентября, когда онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что магнитная стрѣлка, которая наканунѣ указывала прямо на сѣверъ, отклонилась теперь на полградуса къ западу, при чемъ это отклоненіе все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ. Онъ выѣхалъ теперь въ ту область океана, въ которую не проникалъ еще ни одинъ изъ прежнихъ изслѣдователей, и единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ у него были звѣзды. Небо было повсюду, и повсюду вода. 18, въ воскресенье, онъ встрѣтилъ много плавучей травы, и поднялъ на ней наѣкомое, показавшееся ему кузнечикомъ. Съ каждымъ днемъ количество плавучей

Путешестіе черезъ Атлантическій океанъ.

чей травы все возрастало, затрудняя плаваніе судовъ. До сихъ поръ дулъ восточный вѣтеръ, но 20 сентября онъ перемѣнился на юго-западный; показалось въ воздухѣ много птичекъ, «похожихъ на тѣ, которыя плещутъ въ нашихъ огородахъ». Его команда начала роптать, упрекая короли и королеву въ довѣріи «къ этому смѣлому итальянцу, который желаетъ сдѣлаться важнымъ господиномъ цѣною ихъ жизни».

25 сентября Пинзонъ сообщилъ ему, что онъ видитъ землю: но это оказалась туманъ. Съ большимъ трудомъ удалось Колумбу справиться со своимъ мятежнымъ экипажемъ. 2 октября онъ замѣтилъ, что морская трава плыветъ съ востока на западъ. Пинзонъ на кораблѣ «Пинтъ» увидѣлъ стаю попугаевъ, летѣвшихъ на юго-западъ, и направленіе кораблей было измѣнено 7 октября на западо-юго-западъ; до сихъ поръ они находились на параллели 24 с. ш. Вечеромъ 11 октября близость земли сдѣлалась такъ очевидна, что Колумбъ послѣ вечерней молитвы обратился къ матросамъ съ поздравленіями, совѣтуя имъ усилить свою бдительность.

Открытие Аме- Теперь корабли его плыли прямо на западъ. За нѣ-
риши. сколько минутъ до полуночи Колумбъ, находившійся на носу корабля, увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи движущій свѣтъ; два часа спустя съ «Пинты» раздался ружейный выстрѣлъ. Одинъ изъ матросовъ, Родриго де Триана, увидѣлъ землю. Корабли направились къ ней. На разсвѣтъ оказалось, что передъ ними простирается зеленый островъ. На немъ видѣлись голые индѣйцы, тщательно слѣдившіе за всѣми движеніями новопрішельцевъ. Съ восходомъ солнца 12 октября 1492 г. спущены были съ кораблей лодки съ вооруженнымъ экипажемъ, и Колумбъ былъ первый европеецъ, ступившій ногою на землю Новаго Свѣта.

Главные событія путешествія Колумба были слѣдующія: 1) Открытіе линіи отсутствія магнитнаго склоненія, что, какъ мы увидимъ дальше, повело къ кругосвѣтнымъ путешествіямъ. 2) Открытіе возможности для судовъ плыть по морю до самаго отдаленнаго запада, такъ какъ плавучія травы не представляли непреодолимаго препятствія. Когда корабли выѣхали изъ Палоса, всѣ были твердо убѣждены, что границу земли то ей мѣсто, гдѣ западное небо опирается на море, и что воздухъ и облака, туманъ и воды смѣшаны. Но этой границы невозможно достигнуть, потому что въ этомъ мѣстѣ море такъ сильно заросло травой, что суда не въ силахъ пробраться черезъ нее. Легенда эта, быть можетъ, обязана своимъ происхожденіемъ разсказамъ предприимчивыхъ моряковъ, которыхъ вѣтры занесли въ Саргасское море, гдѣ они видѣли ниже острова плавучей травы, простирающіеся на нѣсколько сотенъ квадратныхъ миль,—зеленые дуга, плавающіе на океанѣ. 3) Что же касается до новаго материка, то Колумбъ умеръ, не имѣя понятія о томъ, что было открыто имъ. Онъ умеръ въ полной увѣренности, что увидѣнный имъ берегъ какая-либо часть Азіи. Америко Веспуччи раздѣлялъ это мнѣніе. Ихъ непосредственные преемники предполагали, что Мексика — Квинзей въ Китаѣ, описанный Марко Поло. Поэтому я не думаю,

чтобы строгій упрекъ, будто «названіе Америки можетъ служить памятникомъ человѣческой несправедливости», былъ вполне заслуженъ. Если бы истинное положеніе дѣлъ было извѣстно, произошло бы нѣчто совершенно другое. Названіе Америки появилось впервые въ изданіи Птоломеевской географіи, на картѣ, составленной Гелакомилою.

Два другіе инцидента, представлявшіе не малый интересъ, послѣдовали за этимъ успѣшнымъ путешествіемъ: пер-^{Конечъ патри-}вымъ былъ разрушеніе патристической географіи, вто-^{стической гео-}рымъ—слѣдствіе полета попугаевъ Пинзона. Хотя, какъ мы теперь знаемъ, заключеніе, что Индія была достигнута, не было подтверждено фактами, но за то со всѣхъ сторонъ признавалось, что старое ученіе разрушено и что адмиралъ, слѣдуя западному направленію, добѣхалъ до Азіи. Отсюда вытекла, по необходимости, шарообразная форма земли. Что же касается до втораго инцидента, то никогда еще не было предзнаменованія столь достопамятнаго, какъ это событие опредѣлило распредѣленіе латинскаго и германскаго христіанства въ Новомъ Свѣтѣ.

Открытие Америки Лейфомъ, сыномъ Эрика Краснаго, не можетъ ослабить славы Колумба. Странствующіе сканди-^{Предвдущія}навы достигли береговъ Америки сначала въ окрестно-^{скандинавскія}стихъ Нангукета, и дали названіе Винланда области, простирающей отъ Бостона къ югу до Нью-Йорка. Но воспоминаніе объ этихъ путешествіяхъ, повидимому, совершенно исчезло, а, можетъ быть, страны эти были смѣшаны съ Гренландіею, куда Николай V назначилъ епископа въ 1448 г. Если бы эти преданія были извѣстны или если бы они обратили на себя вниманіе Колумба, онъ, навѣрное, направилъ бы свои корабли немного болѣе къ сѣверу.

15 марта 1493 г., немедленно послѣ возвращенія Колумба, король и королева Испаніи отправили посла къ папѣ ^{Папское пожа-}Александру VI, съ цѣлью обезпечить за собою права на ^{лованіе земель}эти новыя территоріи на томъ же самомъ основаніи, на какомъ Маргинъ V уже отдалъ во владѣніе короля португальскаго всѣ земли, которыя онъ откроетъ между мысомъ Боядоромъ и Остѣ-Индіею, съ дарованіемъ индульгенціи душамъ всѣхъ, погибнувшихъ во время завоеванія этихъ странъ. Поступокъ папы былъ основанъ на томъ принципѣ, что язычники и невѣрные не имѣютъ законныхъ правъ на свои земли и собственности и что дѣти Бога имѣютъ законное право отнять у нихъ все, что они имѣютъ. Изданная папою була помѣчена маемъ 1493 г. Она основана на томъ, что всѣ освѣщаемыя солнцемъ страны подвѣдомственны папѣ, который можетъ располагать ими. Въ силу своей апостольской власти, папа пожаловалъ Испаніи всѣ земли къ югу и западу отъ линіи, проведенной отъ арктическаго полюса къ антарктическому, въ ста милахъ къ западу отъ Азорскихъ острововъ. Въ этотъ даръ, волею всемогущаго Бога, включались всѣ земли, лежація по направленію къ Индіи, съ сохраненіемъ, впрочемъ, существующихъ правъ каждаго изъ христіанскихъ государей. Папа воспрещалъ,

подъ страхомъ отлученія, какую-либо торговлю въ этомъ направленіи, угрожая гнѣвомъ всемогущаго Бога и Его святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Онъ предписывалъ покорить варварскія націи и не щадить усилій и трудовъ для обращенія индійцевъ въ христіанство.

Понятіе о линіи, гдѣ магнитное склоненіе отсутствуетъ, принадлежитъ Колумбу, который впалъ въ крупную ошибку, Линія отсутствія магнитнаго склоненія. вообразивъ эту линію неподвижною, и такъ какъ непогрѣшимость папы не простиралась на научные вопросы, то онъ сдѣлалъ ту же ошибку. Черезъ нѣсколько лѣтъ открыли, что линія отсутствія склоненія медленно подвигается къ востоку. Она совпала съ меридіаномъ Лондона въ 1662 г.

Препятствія, нагроможденныя, такимъ образомъ, патристическою географіею на пути морскихъ предпріятій, окончательно пали, Патристическія этнологическія идеи. но патристическая этнологія привела къ ужаснѣйшей трагедіи. Съ поразительнымъ отсутствіемъ критики, люди оставляли безъ вниманія физическія невозможности и соціальныя затрудненія, и приписывали происхожденіе націй легендарнымъ героямъ или патриархамъ Библии. Французы происходили отъ Франка, сына Гектора, бритты отъ Брутуса, сына Энея; генеалогія саксонскихъ королей доводилась до Адама; но, къ нашему удивленію, добросовѣстные испанскія хроники не идутъ дальше Фувала, правнука Ноя. Части Стараго Свѣта, Азія, Африка и Европа, были распределены между тремя сыновьями Ноя—Симомъ, Хамомъ и Иафетомъ, а родство между этими материками объяснялось родствомъ патриарховъ. Такимъ образомъ, всѣ люди находились въ родственныхъ отношеніяхъ, всѣ были потомками Адама, участниками его грѣха и его паденія. Пока всѣ думали, что страны, открытыя Колумбомъ, составляли часть Азіи, все шло еще хорошо; но когда узнали объ истинномъ положеніи дѣлъ и объ отношеніяхъ американскаго материка къ матеріку Стараго Свѣта, когда убѣдились въ томъ, что онъ отдѣленъ отъ Азіи обширными водными пространствами, простирающимися на много тысячъ миль, возникло непреодолимое затрудненіе: куда слѣдовало причислить новопришельцевъ, такъ неожиданно появившихся на сцену? Отцы церкви дружно возражали противъ возможности происхожденія ихъ отъ Адама. Св. Августинъ отрицалъ шарообразную форму земли

Отрицаніе, что существованіе антиподовъ; невозможно было, чтобы индійцы—люди. и существованіе антиподовъ; невозможно было, чтобы индійцы—люди. существовали люди на томъ, что называли легкомысленно другою стороною земли, потому что въ Писаніяхъ объ этомъ не упоминается. Жажда золота заставила людей охотно искать себѣ оправданія для такого рода заключенія, необходимо вытекающаго изъ этой посылки, и испанцы съ ужасающею жестокостью начали дѣйствовать противъ этихъ несчастныхъ такъ, какъ будто они не принадлежали человѣческому племени. Ихъ земли и имущество были уже отняты у нихъ въ силу апостольской власти папы. Затѣмъ они сами были схвачены подъ предлогомъ, что язычники отданы въ наслѣдіе христіанамъ, которымъ переданы во владѣніе и крайнія оконечности земли. Начался возмутительный, нескон-

чаемый грабежъ, безпримѣрное разореніе, безъ различія Американская трагедія. половъ и возрастовъ. Кто не умиралъ подъ ударами бича, подъ палящими лучами солнца, погибалъ во мракѣ рудниковъ. Изъ отдаленныхъ песчаныхъ береговъ, гдѣ фламинго ловить рыбу на разсвѣтѣ, изъ густыхъ чащъ, заражающихъ лихорадкою, изъ глубины непроницаемыхъ лѣсовъ, изъ потайныхъ мѣстечекъ въ расщелинахъ скалъ и изъ уединенія невидимыхъ пещеръ, съ вѣчныхъ снѣговъ Андъ, гдѣ не было другихъ свидѣтелей, кромѣ всевидящаго солнца,—отовсюду возносился къ Богу крикъ человѣческаго отчаянія. Крикъ этотъ срывался съ устъ миллионовъ и миллионовъ людей, потому что цѣлыя расы и націи безпошадно истреблялись. Епископъ чіанскій утверждаетъ, что въ его время истреблено было болѣе пятнадцати миллионовъ людей. Въ Мексикѣ и Перу уничтожена была цивилизація, которая могла бы многому научить Европу. Не даромъ Испанія обратилась въ Преступленія Испаніи. отвратительный скелетъ среди живущихъ націй, представляя грозное зрѣлище для всего міра. Если бы наказаніе не постигло ея, люди бы, навѣрное, сказали: «нѣтъ возмездія, нѣтъ Бога». Ей было предоставлено злосчастною судьбою уничтожить двѣ цивилизаціи. При возмутительно варварскихъ обстоятельствеяхъ она изгнала мавровъ, которые сдѣлались дѣтьми ея почвы, такъ какъ прожили въ ней столько лѣтъ, сколько лѣтъ живутъ норманны въ Англіи отъ Вильгельма Завоевателя до нашихъ дней. Въ Америкѣ она истребила націи, болѣе цивилизованныя, чѣмъ она сама. Изгнаніе и эмиграція лишили ее лучшей ея крови; ея большіе города утратили всякое значеніе; тѣ города, въ которыхъ числилось нѣкогда болѣе миллиона жителей, теперь едва насчитываютъ нѣсколько тысячъ.

Открытіе Америки глубоко взволновало Европу. Всѣ классы общества были встревожены этимъ. Народъ возгорѣлся жаждою золота и страстью къ приключеніямъ. Не даромъ Помпоній Лютусъ, находившійся подъ судомъ въ Римѣ за свои философскія убѣжденія, пролилъ слезы радости при полученіи этого извѣстія. Не даромъ Левъ X нѣсколько лѣтъ спустя просиживалъ далеко за полночь, читая своей сестрѣ и своимъ кардиналамъ *Океанику Ангіера*.

Если Колумбъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ намѣреніи достигнуть Индію съ запада, то Васко де Гама успѣлъ въ Васко де-Гама. Путешествія вдоль Африканскаго берега. этомъ, направляясь въ Индію съ юга. Онъ объѣхалъ мысъ Доброй Надежды и поѣхалъ затѣмъ по тому же пути, по которому ѣздили корабли фараона Нехао за двѣ тысячи лѣтъ до того. Португальцы давно уже занимались изслѣдованіемъ береговъ Африки вслѣдствіе буллы Мартина V, который признавалъ возможнымъ достигнуть Индіи, обогнувъ африканскій материкъ. Любопытнымъ примѣромъ научныхъ открытій, дѣлаемыхъ по контракту, былъ договоръ, заключенный королемъ Альфонсомъ съ Фердинандомъ Гомезомъ въ Лиссабонѣ, для изслѣдованія африканскаго берега: Гомезъ обязывался открывать ежегодно не менѣе трехсотъ миль, при чемъ исходнымъ пунктомъ считалась Сіера Ліона.

Мы уже видѣли, какъ увѣренность въ неподвижности линій отечества магнитнаго склоненія побудила папу Александра VI установить постоянную границу между испанскими и португальскими владѣніями и мѣстами изысканій. Эта линія считалась естественною границею между западнымъ и восточнымъ полушаріями. Точное опредѣленіе долготы представлялось, вслѣдствіе этого, не только вопросомъ важнымъ для мореходства, но и чисто національнымъ. Колумбъ основывался въ своихъ заключеніяхъ на астрономическихъ методахъ; Джильтбертъ нѣсколько позже предложилъ опредѣлить долготу помощью магнитныхъ наблюдений. Измѣненіе въ склоненіи магнитной стрѣлки нельзя было объяснить ходячимъ народнымъ понятіемъ, что магнетизмъ есть жидкое истеченіе изъ хвоста Малой Медвѣдницы; оно было объяснено, хотя и ошибочно, гипотезою Джильтберта, что земное вещество обладаетъ притягательною силою, что игла, приближающаяся къ матеріку, отклоняется въ его сторону; и такъ какъ на срединѣ Атлантическаго океана она находится на равномъ разстояніи отъ Европы и Америки, то она въ этомъ мѣстѣ должна стоять прямо, безъ отклоненій.

Педро де Ковильо послалъ сказать Иоанну II изъ Каира, черезъ посредство двухъ евреевъ, рабби Авраама и рабби Иосифа, Извѣстіе, что Африку возможно об- ѣхать. что на югѣ Африки находится мысъ, который легко обогнуть. Они привезли съ собою арабскую карту африканскаго побережья. Это было около того времени, когда Варооломей Диасъ доѣхалъ до мыса Доброй Надежды въ двухъ маленькихъ судахъ въ пятьдесятъ тоннъ каждое. Онъ поѣхалъ дальше въ августѣ 1486 г., и вернулся въ декабрѣ 1487 г. съ отчетомъ о своемъ открытіи. Ковильо узналъ отъ африканскихъ моряковъ, превосходно изучившихъ восточный берегъ, что они часто посѣщали югъ Африки и что нѣтъ ничего легче, какъ обѣхать матеріку этимъ путемъ.

Путешествіе на югъ сопровождалось еще болѣе дурными предзнаменованіями, чѣмъ путешествіе на западъ. Небеса, къ которымъ человѣкъ привыкъ, какъ бы опускаются, и ночью появляются новыя звѣзды. Васко де Гама Успѣшное путешествие до Гама. выѣхалъ 9 іюля 1497 г. съ тремя кораблями и 160 человѣками, имѣя съ собою арабскую карту. Король Иоаннъ поручилъ своимъ еврейскимъ врачамъ, Родериго и Иосифу, наблюдать за звѣздами. Они примѣнили астролябію къ мореплаванію и составили таблицы. Это были тѣ самые врачи, которые говорили королю, что Колумбъ, навѣрное, достигнетъ Индіи, и совѣтовали ему отправить втайнѣ экспедицію съ тѣмъ, чтобы предупредить Колумба. Совѣтъ ихъ былъ приведенъ въ исполненіе, но предпріятіе не удалось вслѣдствіе нерѣшительности капитана. Послѣ обыкновенныхъ трудностей, бурной погоды, возстанія экипажа и т. д. де Гамъ удалось 20-го ноября обогнуть мысъ Доброй Надежды. 1-го марта онъ встрѣтилъ нѣсколько небольшихъ арабскихъ кораблей и удивился, замѣтивъ, что они употребляютъ компасъ, квадранты, морскія карты и знаютъ «разнаго рода морскія тайны, не уступающія португальскимъ». Съ боль-

шою радостью увидѣлъ онъ опять сѣверныя звѣзды, Онъ достигаетъ Индіи. такъ долго имъ не виданныя. Онъ повернулъ тогда къ сѣверо-востоку и 19 мая 1498 г. доѣхалъ до Калькутты, на Малабарскомъ берегу.

Путешествіе это привело къ самымъ важнымъ послѣдствіямъ. Торговья отношенія Европы совершенно измѣнились; Въ результатѣ получается торговая перепродажа. Венеція утратила свое торговое преобладаніе; ненависть Генуи была удовлетворена; итальянскіе города лишились своего благосостоянія; Египетъ, который до того времени игралъ выдающуюся роль, какъ лучшая торговая дорога въ Индію, внезапно утратилъ свое привилегированное положеніе; торговая монополія, которая такъ долго находилась въ рукахъ евреевъ, была уничтожена. Открытіе Америки и объѣздъ мыса Доброй Надежды были первыми шагами на пути грандіознаго развитія мореходства, проявившагося вскорѣ въ западной Европѣ. И такъ какъ за торговымъ процвѣтаніемъ слѣдуетъ всегда увеличеніе населенія и концентрація богатствъ, а также усиленное умственное развитіе, то вскорѣ оказалось, что три центра населенія, богатства и умственнаго развитія стали быстро отодвигаться на западъ. Видъ Европы мгновенно измѣнился. Британскіе острова, занимавшіе до того времени уединенное, эксцентрическое положеніе, оказались теперь захваченными новымъ движеніемъ.

Такимъ образомъ, торговое соперничество перешло отъ Венеціи и Генуи къ Испаніи и Португаліи. Кругосвѣтное путешествіе обязано было своимъ происхожденіемъ спору между этими двумя королевствами относительно Молуккскихъ острововъ, съ которыхъ получались мускатный орѣхъ, гвоздика и т. д. Фердинандъ Магелланъ вступаетъ на испанскую службу; Фердинандъ Магелланъ состоялъ на службѣ короли португальскаго; но когда просьба его о прибавленіи ему полудуката въ мѣсяцъ жалованья не была уважена, онъ перешелъ на службу испанскаго короля вмѣстѣ съ своимъ другомъ Рюи Фалеро, который пользовался въ народѣ репутаціею мага и заклинателя, а въ дѣйствительности обладалъ обширными астрономическими познаніями и посвятилъ себя открытію улучшенныхъ средствъ для опредѣленія положенія корабля на морѣ. Магелланъ убѣдилъ испанское правительство: 1) что Молуккскіе острова могутъ быть достигнуты, если плыть постоянно на западъ, такъ какъ португальцы уже доѣзжали къ нимъ, отправляясь на востокъ; 2) что, въ случаѣ успѣха задуманнаго плана, Испанія получить такое же право на нихъ, какъ Португалія, согласно буллѣ Александра VI. Въ виду этого снаряжено было пять кораблей, и 10-го начинаетъ свое большое путешествие. августа 1519 г. Магелланъ выѣхалъ изъ Севильи. На суднѣ «Троица» ѣхалъ самъ адмиралъ, но безсмертіе было предназначено судну «Санъ-Витторія». Магелланъ смѣло направился на юго-западъ, не перерѣзывая океанъ, какъ это сдѣлалъ Колумбъ, а плывя вдоль его, потому что цѣлью его путешествія было найти какой-либо проходъ въ американскомъ материкѣ, черезъ который можно было бы пробраться въ Великій Южный океанъ. Семьдесятъ дней онъ выносилъ на экваторѣ штиль и не могъ сдвинуться съ

мѣста. Онъ потерялъ тогда изъ виду полярную звѣзду, но мужественно продолжалъ двигаться впередъ къ «антарктическому полюсу». Онъ чуть не погибъ во время шторма, «который не прекратился, пока не появились на снастяхъ кораблей три огня, называемые св. Еленою, св. Николаемъ и св. Claroю». Въ новооткрытой землѣ, получившей наименованіе Патагоніи, онъ нашелъ гигантовъ «превосходнаго сложенія», одѣтыхъ въ шкуры; одинъ изъ нихъ, приятный и обходительный гигантъ, ужаснулся при видѣ собственнаго лица въ зеркалѣ. Матросы, встревоженные проплывшимъ ими разстояніемъ, подняли бунтъ, но Магеллану удалось подавить его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Несмотря на его бдительный надзоръ, одинъ изъ кораблей дезертировалъ и вернулся на родину. Упорство и рѣшительность Магеллана были, наконецъ, вознаграждены открытіемъ пролива, названнаго имъ Санъ-Витторіею, въ честь любимаго его корабля, но переименованнаго впоследствии другими моряками въ Магеллановъ проливъ. 28 ноября 1520 г., послѣ года съ четвертью трудовъ, онъ выѣхалъ изъ пролива въ Великій Южный океанъ, проливая, по словамъ одного очевидца, Пигафетти, слезы радости при видѣ необозримаго пространства, — слезы глубокой радости, потому что Богу угодно было привести его, наконецъ, въ это мѣсто, для борьбы съ неизвѣстными опасностями. Восхищаясь спокойною и безграничною поверхностью океана и предвидя близость предстоящихъ опасностей, онъ далъ этому океану имя, которое навсегда осталось за нимъ — «Тихій океанъ». Отыскивая выходъ въ него, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ октябрѣ ночи длятся всего четыре часа; ему также бросилось въ глаза, что у южнаго полюса нѣтъ такой выдающейся, большой звѣзды, какъ у сѣвернаго, но что у него имѣются два туманные пятна изъ маленькихъ звѣздъ, нѣсколько темныхъ посрединѣ, а также крестъ изъ прекрасныхъ яркихъ звѣздъ, и что здѣсь магнитная стрѣлка такъ медленно двигается, что ее приходится передвигать, чтобъ она указывала вѣрно».

Теперь великій морякъ, достигнувъ своей цѣли и объѣхавъ стараясь добратъся до экватора. Три мѣсяца и двадцать дней ѣхалъ онъ по Тихому океану, не встрѣчая нигдѣ обитаемой земли. Голодъ принудилъ его отрѣзывать кожу, покрывавшую мѣстами снасти, и ѣсть ее, вымачивая въ морѣ и затѣмъ размячая теплою водою, пить воду, совершенно сгнившую отъ долгаго стоянія; а между тѣмъ онъ упорно подвигался впередъ, несмотря на ежедневныя потери людей, умиравшихъ отъ истощенія. Говорятъ, что «десны покрыли у нихъ зубы и что они не могли ѣсть». Онъ высчиталъ, что по этому бездонному морю ему пришлось проплыть не менѣе 12000 миль.

Во всей исторіи человѣческихъ предпріятій нѣтъ ничего, превосходящаго это путешествіе Магеллана, если вообще его можно съ чѣмъ-нибудь сравнивать. Путешествіе Колумба ничто въ сравненіи съ нимъ. Сверхъестественное мужество и упорство высказы-

ваются въ этомъ предпріятіи, — сверхъестественная рѣшимость и энергія, которыя не могли быть отвлечены отъ цѣли никакими страданіями. Неудивительно, если матросы Магеллана, пришедшіе въ отчаяніе, рѣшили, что они вѣхали въ необозримое пространство воды, которое не имѣло конца и откуда не могло быть возврата. «Но хотя церковь постоянно твердила, на основаніи Писанія, что земля обширная равнина, окаймленная водами, онъ утѣшалъ себя слѣдующимъ соображеніемъ: при затменіяхъ луны тѣнь, бросаемая луною, круглая; а какова тѣнь, таковъ долженъ быть и предметъ, бросающій ее». Только мужественный человѣкъ, съ желѣзнымъ сердцемъ, могъ такимъ образомъ противиться авторитету, противопоставляя ему непоколебимую увѣренность, основанную на тѣни.

Эта безпримѣрная рѣшимость была, наконецъ, вознаграждена. Магелланъ доѣхалъ до группы острововъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ экватора, — до Разбойничьихъ острововъ. Черезъ нѣсколько дней онъ убѣдился, что его труды увѣнчались успѣхомъ: онъ встрѣтился съ моряками изъ Суматры. Но хотя онъ и достигъ намѣченной имъ цѣли, ему не было дано довершить кругосвѣтнаго своего плаванія. На островѣ Зебу или Мутанъ онъ былъ убитъ, либо, какъ уже было сказано выше, во время бунта его людей, либо, — какъ они увѣрили, — во время столкновенія съ дикарями, а, можетъ быть, его вѣроломнымъ образомъ отравили. «Генералъ, — говорили его матросы, — былъ очень храбрый человѣкъ, и получилъ смертельную рану въ лобъ; дикари же ни за какой выкупъ не согласились выдать его тѣла». Весьма вѣроятно, что онъ палъ жертвою мщенія или измѣны, потому что это былъ очень суровый человѣкъ: только суровый, твердый человѣкъ могъ совершить такой смѣлый подвигъ. Тотчасъ послѣ смерти Магеллана, экипажъ его узналъ, что находится въ сосѣдствѣ Молуккскихъ острововъ и что цѣль путешествія достигнута. Утромъ 8 ноября 1521 г., послѣ путешествія, длившагося два года и три мѣсяца, они вѣхали съ восходомъ солнца въ Тидоръ, главный портъ Молуккскихъ острововъ. Король Тидора поклонился на Коранъ въ вѣрности королю испанскому.

Я не буду перечислять удивительныхъ предметовъ, — знакомыхъ всѣмъ, путешествующимъ по Индійскому архипелагу, — которыя встрѣчались имъ на пути: вооруженные слоны, вазы и сосуды изъ фарфора, райскія птицы, которыя «не летаютъ, а сосются вѣтромъ», неисчерпаемые запасы драгоценныхъ приностей, мункатнаго орѣха и гвоздики, и т. д. Вскорѣ они начали готовиться къ отплытію въ Испанію, горя нетерпѣніемъ сообщить о своихъ успѣхахъ. Лейтенантъ Магеллана, Себастьянъ д'Элькано, направился къ мысу Доброй Надежды, преодолевая опять самыя ужасныя трудности. Во время переѣзда погибли двадцать одинъ человѣкъ изъ его многочисленнаго экипажа. Наконецъ, онъ объѣхалъ мысъ; а 7 сентября 1522 г. доблестный корабль «Санъ-Витторія» сталъ благополучно на якорѣ въ портъ Санъ-Кругосвѣтноое путешествіе.

Лукара, около Севильи. Величайшее изъ человѣческихъ предприятий было совершено: корабль объѣхалъ вокругъ земли.

Итакъ, Магелланъ лишился жизни въ этомъ предприятий, сдѣлавъ завидный обмѣтъ. Онъ былъ дважды безсмертный и трижды счастливый, потому что ему удалось запечатлѣть неизгладимо свое имя на землѣ и на небесахъ, на проливѣ, соединяющемъ два великіе океана, и на туманахъ звѣздныхъ міровъ, виднѣвшихся на небесахъ юга. Его лейтенантъ, Себастьянъ д'Элькано, получилъ всѣ почести, какія только могли быть даны королемъ. Изъ всѣхъ знаменъ отличія, которые когда-либо жаловались за совершение великихъ и смѣлыхъ дѣлъ, полученный имъ былъ самый славный и самый благородный—изображеніе земного шара съ надписью: *Primus circum de disti me!*

Хотя кругосвѣтное путешествіе Магеллана не привело къ такимъ великодушнымъ матеріальнымъ результатамъ, какъ открытіе Америки и объездъ мыса Доброй Надежды, но нравственные его послѣдствія были еще болѣе значительны. Колумбу не хотѣли давать средствъ на выполнение его плана, считая этотъ планъ нечестивымъ. Къ несчастью, церковь считала себя окончательною рѣшительницею всѣхъ философскихъ вопросовъ, и въ особенности въ вопросѣ о формѣ земли высказалась противъ ея шарообразности. Непогрѣшимость никогда не можетъ исправиться, и какъ же ей исправиться, когда она не можетъ быть неправой! Римъ никогда не отказывается отъ своихъ мнѣній и никогда не уступаетъ, каковы бы ни были послѣдствія. Такимъ-то образомъ теологическій догматъ—непогрѣшимость—примѣнялся къ географической задачѣ, къ задачѣ, которая могла всегда получить точно опредѣленное рѣшеніе. Пока она не выходила за предѣлы умозрѣнія или могла подвергаться мистификаціи, истинное положеніе дѣлъ еще могло ускользнуть отъ всѣхъ людей, кромѣ наиболѣе интеллигентныхъ; но послѣ того, какъ кругосвѣтное путешествіе было совершено и стало извѣстно всѣмъ, говорить болше было нечего. Теперь лишнее было ссылаться на авторитеты Лактанція, св. Августина и другихъ отцовъ и говорить, что утверждать шарообразную форму земли могутъ только нечестивые люди и еретики. Передъ лицомъ факта отступалъ всякій авторитетъ, и дальнѣйшія разсужденія на эту тему могли только усилить скандалъ. Оставалось придать споръ забвенію; но и это не могло случиться безъ того, чтобы наблюдательные люди не замѣтили, какой перевѣсъ получаетъ физическая наука надъ клерикальными понятіями, и не увидѣли неоспоримыхъ признаковъ того, что она въ скоромъ времени должна уничтожить своего древняго противника.

Говоря объ этихъ безсмертныхъ дѣлахъ, врядъ ли стоитъ упоминать о менѣе значительныхъ. Два столѣтія произвели громадный переворотъ въ географическихъ идеяхъ западной Европы. Путешествіе Марко Поло въ 1295 г. доставило впервые кое-какія понятія объ отдаленномъ Востока, интересъ къ которому несомнѣнно увеличился вслѣдствіе вторженія монголовъ. Сэръ Джонъ Мандевилъ провелъ многіе годы внутри Азии въ первой половинѣ

Элькано, лейтенантъ Магеллана.

Послѣдствія кругосвѣтнаго путешествія.

слѣдующаго столѣтія. Конти путешествовалъ въ Персію и Индію между 1419 и 1444 гг. Кадамосто, венеціанецъ, въ 1455 г. изслѣдовалъ западный берегъ Африки. Себастьянъ Кабо открылъ вновь Ньюфаундлендъ и, упорствуя въ своей попыткѣ найти сѣверо-западный проходъ въ Индію, проложилъ себѣ дорогу черезъ льды до 67° 30' с. ш. Въ 1525 г. американская береговая линія была опредѣлена отъ Огненной Земли до Лабрадора. Открыты были Новая Гвинея и часть Австраліи. Флоръ Кабрали сдѣлалъ въ 1500 г. попытку объѣхать мысъ Доброй Надежды, но былъ отнесенъ къ Бразиліи. Въ Португалію былъ посланъ корабль съ этимъ извѣстіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что если бы даже Колумбъ не отправился въ путь, то открытіе Америки было бы лишь не на долго отложено. 25 сентября 1513 г. Бальбоа увидѣлъ Великій Южный океанъ. 25 сентября 1513 г., погрузившись по колѣни въ воду, съ мечемъ въ одной рукѣ и испанскимъ флагомъ въ другой, онъ объявилъ этотъ обширный океанъ собственностью Кастиліи. Теперь ничто не могло помѣшать полному изученію географіи земнаго шара.

Я не могу закончить описанія этихъ морскихъ предприятий, не сказавъ, что они изложены мною съ европейскою точки зрѣнія. Западные націи наивно воображали, что неизвѣстное имъ было совершенно неизвѣстно и другимъ. Мы уже видѣли, что арабы отлично знали, что Африку можно объѣхать, знали это и съ теоретической и съ практической стороны; географія Восточной Индіи была превосходно извѣстна буддійскому духовенству, которое въ теченіе двадцати пяти вѣковъ занималось проповѣдничествомъ въ этихъ областяхъ. Но, несомнѣнно, наиболѣе совершенныя географическія познанія существовали среди евреевъ, этихъ космополитныхъ торговцевъ, которые вели коммерческія сношенія между Азорскими островами и внутренностью Китая, между Балтійскимъ моремъ и Мозамбикскимъ берегомъ. Черезъ ихъ посредство существованіе мыса Доброй Надежды сдѣлалось впервые извѣстно въ Европѣ. За пятьдесятъ лѣтъ до Колумба скандинавскіе моряки открыли Америку, но уровень развитія Европы былъ такъ низокъ, что самое воспоминаніе объ этихъ путешествіяхъ было утрачено. Но, впрочемъ, кругосвѣтное путешествіе было впервые совершено западомъ. Я сдѣлалъ настоящіе замѣчанія въ этомъ параграфѣ, потому что они могутъ быть примѣнены и къ другому событію, къ введенію того, что называется Бэконовскою философіею, начала которой были не только поняты, но и приложены къ дѣлу на востокъ, за восемнадцать столѣтій до рожденія Бэкона.

Врядъ ли мнѣ нужно представлять извиненіе за намѣреніе посвятить нѣсколько страницъ положенію дѣлъ въ Мексикѣ и Перу. Нѣтъ ничего, что бы могло лучше изъяснить ученіе, составляющее предметъ настоящей книги.

Общественное положеніе Америки при ея открытіи показываетъ, что одинаковыя идеи и одинаковыя обычаи появились одновременно во время развитія цивилизаціи въ различныхъ странахъ, показывая, какъ мало они развились совершенно такъ

Человѣкъ развивается къ Новаго Свѣта совершенно такъ

же, какъ и въ старомъ. еять отъ случайности, а какъ тѣсно связаны съ организаціею, а слѣдовательно, и съ потребностями человѣка. Начиная отъ важнѣйшихъ идей и величайшихъ учреждений и кончая самыми пустыми подробностями домашней жизни, параллель между американскими туземцами и европейцами такъ велика, что мы съ трудомъ освобождаемся отъ впечатлѣнія, что между ними должны были непременно существовать какія-либо сношенія. И тѣ и другіе развивались самостоятельно, отдѣльно, а между тѣмъ картина жизни въ Новомъ Свѣтѣ соответствуетъ вполне картинѣ жизни въ Старомъ. Мексиканскій монархъ жилъ, окруженный варварскою роскошью, и носилъ на головѣ золотую корону, сияющую драгоценностями; тайный совѣтъ помогалъ ему въ управленіи его обязанностей; знатныя лица получали отъ него земли съ обязательствомъ нести военную службу. Въ немъ сосредоточивалась законодательная власть, хотя онъ былъ въ то же время подчиненъ законамъ королевства. Судьи получали свои должности независимо отъ него и не могли быть отстранены имъ. Законы были изложены письменно, и хотя письма представляли систему іероглифовъ, они такъ хорошо служили своей цѣли, что испанцы вынуждены были сообразоваться съ ними и назначить ученыхъ для того, чтобы сохранить знаніе этой системы. Бракъ признавался важнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Разводъ допускался съ трудомъ. Рабами могли дѣлаться только военнопленные, должники и преступники, но никто не могъ родиться рабомъ въ Мексикѣ. Различія кастъ не существовало. Правительственные распоряженія и письма передавались изъ одного мѣста въ другое, прекрасно организованно, почтою курьеровъ, дѣлавшихъ въ день двѣ сотни миль. Военная профессія составляла главное занятіе дворянства; военныя учрежденія, какъ дѣйствительная служба на полѣ битвы, такъ и гарнизоны въ большихъ городахъ, поддерживались налогами на производство или мануфактуру. Арміи раздѣлялись на корпуса въ 10000 человѣкъ каждый, а эти послѣдніе на полки въ 400 человѣкъ. Флаги и знамена были въ употребленіи; войска совершали свои упражненія при звукахъ военной музыки и были снабжены госпиталями, военными хирургами и медицинскимъ персоналомъ. Въ человѣческихъ ульяхъ Европы, Азии и Америки пчелы устранились одинаково и инстинктивно одинаково строили свои ячейки.

Религіозное состояніе Мексики представляло какъ бы отраженіе состоянія Европы и Азии. Богослуженіе совершалось съ большою торжественностью, съ пышнымъ церемоналіемъ. Простой народъ поклонялся многимъ богамъ, но высшіе классы признавали единого Бога, всемогущаго, невидимаго Творца. Главнымъ изъ народныхъ божествъ былъ богъ войны. Онъ родился отъ дѣвы и былъ зачатъ таинственнымъ образомъ отъ шара изъ яркихъ цвѣтныхъ перьевъ, носящагося по воздуху. Жрецы совершали надъ дѣтми какъ бы обрядъ крещенія, съ цѣлью очистить ихъ отъ грѣховъ, и учили, что въ будущей жизни предстоять награды и наказанія: рай для добрыхъ и мрачный адъ для злыхъ.

Ея религія, духовенство и обряды.

Иерархія представляла разныя градации, спускаясь постепенно отъ главныхъ жрецовъ, почти равныхъ государю по власти, до самыхъ низшихъ церковныхъ служителей. Бракъ разрывался духовенству. У нихъ были монастырскія учрежденія, при чемъ обитатели ихъ молились трижды въ день и однажды ночью. Они совершали омовенія, проводили ночи въ бдѣніи, бичевали себя въ наказаніе или кололи себя алоэ. Они заставляли народъ устно исповѣдываться, налагали на него наказанія, давали ему отпущеніе. Ихъ церковная система достигала такой силы, какой не имѣла никогда въ Европѣ, такъ какъ отпущеніе, данное священникомъ за гражданскія преступленія, составляло въ глазахъ закона оправданіе преступника. Общепризнаннымъ было ученіе, что люди грѣшатъ не по собственной грѣховной волѣ, а потому, что они вынуждены къ тому влияніемъ планетъ. Жрецы съ ревностью сосредоточивали въ своихъ рукахъ заботу о народномъ образованіи, держа этимъ общество въ рукахъ. Они писали на бумажныхъ тканяхъ или на Ея литература. кожахъ, или на папирусѣ, сдѣланномъ изъ алоэ. При завоеваніи собраны были громадныя коллекціи этихъ литературныхъ произведеній, но первый архіепископъ Мексики, говорятъ, велѣлъ сжечь на площади цѣлую гору этихъ рукописей, называя ихъ продуктами колдовства. Около того же времени и при такихъ же обстоятельствахъ кардиналъ Хименесъ сжегъ громадное число арабскихъ рукописей въ Гренадѣ.

Состояніе астрономіи въ Мексикѣ обнаруживается, какъ и въ Египтѣ, ея календаремъ. Годъ состоялъ изъ восемна- Раздѣленіе времени: недѣли, мѣсяць и годъ. дцати мѣсяцевъ, каждый мѣсяць изъ двадцати дней, при чемъ прибавлялось еще пять дополнительныхъ, чтобы составить полный комплектъ дней—триста шестьдесятъ пять. Въ мѣсяцѣ было четыре недѣли, въ недѣлѣ пять дней; послѣдній день, вмѣсто того, чтобы служить религіознымъ цѣлямъ, считался рыночнымъ днемъ. Для того, чтобы вознаграждать недостающіе 5 часовъ въ году, черезъ каждыя 52 года прибавляли къ послѣднему году 12½ дней. При завоеваніи Мексики ея календарь стоялъ гораздо выше испанскаго. Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, духовенство пользовалось для своихъ церковныхъ цѣлей луннымъ дѣленіемъ времени. День состоялъ изъ 16-ти часовъ и начинался съ восходомъ солнца. У мексиканцевъ существовали солнечныя часы, опредѣляющіе время, а также инструменты для опредѣленія солнцестоянія и равноденствія. Они имѣли понятіе о шарообразной формѣ земли и о наклонности эклиптики. Конецъ 52 года сопровождался большими религіозными празднествами; всѣ огни въ странѣ тушились и должны были вновь зажигаться треніемъ палочекъ. Земледѣліе мексиканцевъ стояло на гораздо болѣе высокой степени развитія, чѣмъ европейское: ничто въ Старомъ Свѣтѣ не могло сравниться со звѣринцами и ботаническими садами въ Гуакстепекѣ, Хапултепекѣ, Истапалапанѣ и Тезкуко. Мексиканцы съ неподражаемымъ искусствомъ выполняли самыя тонкія механическія работы и отличались особенно въ ювелирномъ мастерствѣ и въ эмалировкѣ. Изъ алоэ они выдѣлы-

Частная жизнь, механическія искусства, торговля.

вали иголки и булавки, нитки, веревки, бумагу, пицу и спиртуозный напитокъ. Они дѣлали глиняную посуду, умѣли полировать дерево и употребляли для окраски тканей кошениль. Они прекрасно ткали самое тонкое сукно и умѣли дѣлать изъ перьевъ необыкновенно искусныя издѣлія; матеріалъ для нихъ доставляли имъ чудно-расцвѣченныя птицы. Въ металлургіи они отстали отъ жителей Старога Свѣта, не зная даже употребленія желѣза; но вмѣсто него они употребляли бронзу, какъ то было раньше и въ Старомъ Свѣтѣ. Они умѣли сдвигать громадныя скалы; ихъ громадный календарный камень изъ порфира, вѣсившій болѣе 80 тоннъ, былъ перевезенъ на разстояніе нѣсколькихъ миль. Торговля ихъ производилась не въ лавкахъ, а на базарахъ или ярмаркахъ, собиравшихся каждый пятый день недѣли. Они употребляли вмѣсто денегъ золотой песокъ, куски олова и мѣшки какао. Что же касается до ихъ домашняго быта, то хотя полигамія разрѣшалась, но на дѣлѣ она была распространена только среди богатыхъ. Женщины не работали внѣ дома, а занимались тканьемъ, вышиваньемъ, работами изъ перьевъ, музыкою. Омовеніе производилось какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ ѣды; духи употреблялись для туалета. Мексиканцы доставляли Европѣ курительный и нюхательный табакъ, индѣекъ, шоколадъ и кошениль. Подобно намъ, и у нихъ подавались за столомъ различныя блюда, приправленныя разнаго рода приностями, мясными подливками, соусами, и десерты изъ пирожныхъ, конфетъ, фруктовъ, какъ свѣжихъ, такъ и консервовъ. У нихъ были жаровни изъ золота и серебра. Они, подобно намъ, знали употребленіе спиртныхъ напитковъ, подобно намъ, часто не въ мѣру пользовались ими, подобно намъ, сопровождали свои празднества танцами и музыкою. У нихъ были театральныя и пантоминныя представленія. Въ Тезкуко существовалъ музыкальный совъѣтъ, который, кромѣ того, цензировалъ философскія сочиненія, какъ, напр., по астрономіи и исторіи. Въ этомъ городѣ сѣверо-американская цивилизація достигла апогея своего развитія. Королевскій дворецъ представлялъ чудное произведеніе искусства. Говорятъ, что 200000 человекъ занято было его постройкою. Гаремъ цари былъ украшенъ великолѣпными коврами изъ перьевъ, въ его саду находились фонтаны, каскады, купальни, статуи, кедровыя рощи, лѣса и цѣлыя заросли цвѣтовъ. Въ уединенномъ мѣстѣ города стоялъ храмъ со сводомъ изъ полированного чернаго мрамора, украшеннымъ золотыми звѣздами на подобіе неба. Онъ былъ посвященъ всемогущему, невидимому Богу. Въ этомъ храмѣ жертвы не приносились, а на алтари возлагали только пахучіе цвѣты и благовонія. Преобладающія религіозныя чувства лучше всего высказываются въ слѣдующихъ словахъ одного изъ мексиканскихъ королей (короли въ Мексикѣ часто отличались поэтическимъ даромъ): Ихъ монотеизмъ «Будемъ»,—говорилъ онъ,—«стремиться къ этому небу, и философія гдѣ все вѣчно и гдѣ нѣтъ мѣста злу». Онъ училъ своихъ дѣтей не вѣрить въ идоловъ, а только внѣшнимъ образомъ поклоняться имъ изъ уваженія къ общественному мнѣнію.

Къ предыдущему описанію состоянія Мексики я прибавлю такое же описаніе состоянія Перу, потому что заключенія, которыя могутъ быть выведены изъ сравненія Перу Перу незначительна Мексика. самопроизвольнаго развитія цивилизаціи въ этихъ двухъ странахъ съ процессомъ развитія ея въ Европѣ, представляютъ глубокое значеніе для выработки правильнаго понятія о развитіи человѣческаго рода. На основаніи самыхъ компетентныхъ авторитетовъ можно признать за достовѣрное, что мексиканцы и перуанцы не знали о существованіи другъ друга.

Положеніе Перу представляетъ особенный интересъ въ одномъ отношеніи. Онъ сходенъ съ Верхнимъ Египтомъ, Его географическія особенности. этою колеблемою цивилизаціи Старога Свѣта, въ томъ отношеніи, что его песчаный берегъ—бездождная область. Эта песчаная береговая область имѣетъ шестьдесятъ миль въ ширину и окаймлена съ востока большими горными цѣпями, понижающимися по мѣрѣ приближенія къ Панамскому перешейку; такъ какъ вся длина перуанской имперіи равнялась приблизительно 2400 мильмъ, то она простиралась на сѣверъ отъ экватора до страны, извѣстной теперь подъ именемъ Чили. Ширина ея не одинакова въ различныхъ мѣстахъ. Восточный вѣтеръ, переносимый черезъ океанъ и насыщаясь въ это время влажностью, вынужденъ затѣмъ подыматься вверхъ вълѣдствіе высоты южно-американскаго материка и въ особенности благодаря встрѣчѣ съ цѣпью Андъ; такимъ образомъ, онъ утрачиваетъ значительную часть своей влаги, которая возвращается обратно въ Атлантическій океанъ въ видѣ громадныхъ рѣкъ, обращающихъ страну къ востоку отъ Андъ въ наилучше орошенную область цѣлаго свѣта; но какъ только этотъ вѣтеръ переваливаетъ за горную цѣпь и спускается на западный ея склонъ, онъ дѣлается сухимъ и бездожднымъ, Бездождная страна въ родѣ Египта. вълѣдствіе чего въ области, граничащей съ Тихимъ океаномъ, встрѣчается лишь очень немного рѣкъ. Склоны этой великой горной цѣпи казались совершенно неподходящими для земледѣлія, а между тѣмъ о состояніи перуанской цивилизаціи можно судить по тому, что эти горныя склоны представляли обширный садъ: повсюду, гдѣ только нужно было, проведены были громадныя террасы, и орошеніе ихъ производилось еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Египтѣ, благодаря обширной системѣ гигантскихъ каналовъ и водопроводовъ. Перуанцы умѣли пользоваться различными средними температурами на различныхъ высотахъ для того, чтобы воздѣлывать разнообразныя растенія, потому что различіе въ высотѣ соотвѣтствуетъ топографически различію въ географической широтѣ, такъ что перуанцы на небольшомъ пространствѣ обладаютъ большимъ разнообразіемъ въ температурѣ, соотвѣтствующей какъ самымъ жаркимъ областямъ южной Европы, такъ и Лапландіи. Въ горахъ Перу, какъ говорили, можно видѣть «всѣ звѣзды небесъ и всѣ виды растеній». На плоскогоріяхъ, расположенныхъ высоко надъ моремъ, находились деревни и даже города; напр., равнина, на которой стоитъ Квито, у экватора, имѣетъ почти десять тысячъ футовъ высоты. Такъ велико было тру-

долюбіе перуанцевъ, что у нихъ были сады и огороды надъ облаками, а на еще большихъ высотахъ паслись стада ламъ, въ областяхъ, граничащихъ съ вѣчными снѣгами.

Во всю длину имперіи устроены были двѣ большія военныя дороги, одна на плоскогоріи, а другая вдоль берега. Первая, тянущаяся приблизительно на протяженіи двухъ тысячъ миль, пересѣкала сіерры, покрытыя снѣгами, перебрасывалась черезъ самыя глубокія пропасти или проходила черезъ скалы, образуя въ нихъ тоннели. Гдѣ было возможно, тамъ уцѣпля въ скалахъ, по которымъ должна была пролегать дорога, заполнялись камнями; въ противномъ случаѣ употреблялись висячіе мосты, при чемъ канаты дѣлались изъ волоконъ пвы. Нѣкоторые изъ этихъ канатовъ были толщиною въ человѣка и длиною въ двѣсти футовъ. Гдѣ не было возможности перебросить такихъ мостовъ или гдѣ внизу долины протекала рѣка, тамъ переѣздъ совершался помощью лодки или плота. Что касается до дороги, то она была шириною въ двадцать футовъ и вымощена камнями, покрытыми черною смолою, а по сторонамъ ея стояли камни, указывающіе число пробѣжанныхъ миль. Наше удивленіе передъ такимъ громаднымъ инженернымъ искусствомъ еще болѣе усиливается, когда мы вспоминаемъ, что все эти сооруженія возводились безъ помощи желѣза и пороха. Береговая дорога была построена на насыпи, съ глинянымъ парапетомъ съ обѣихъ сторонъ, и окаймлена деревьями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было необходимо, употребляли столбы. Черезъ каждыя пять миль находилась станція. Курьеры, какъ и въ Мексикѣ, могли, въ случаѣ необходимости, дѣлать по двѣсти миль въ день. Объ этихъ дорогахъ Гумбольдтъ говоритъ, что это были самыя полезныя и самыя удивительныя изъ всѣхъ, созданныхъ человѣческими руками. Читателю врядъ ли нужно говорить, что въ Испаніи ничего подобнаго по искусству не существовало. Въ Перу не было такихъ быстрыхъ животныхъ, какъ лошадь или верблюдъ; ширина перуанскихъ дорогъ была совершенно достаточна, такъ какъ онъ, по необходимости, предназначались исключительно для пѣшеходовъ.

Въ столицѣ Перу, Кузко, находилась резиденція инки и храмъ Солнца. Въ ней были зданія, возбуждившія въ сильнѣйшей степени удивленіе испанскихъ искателей приключеній: улицы, скверы, мосты, крѣпости, окруженные валами съ башнями, подземныя галереи, черезъ которыя гарнизонъ могъ пройти въ важнѣйшія части города. И, въ самомъ дѣлѣ, большія дороги, о которыхъ мы только что говорили, могутъ считаться частями громадной системы военныхъ сооружений, разсѣянныхъ по всей странѣ, съ центромъ въ Кузко.

Званіе императора было наследственно и передавалось отъ отца къ сыну. Какъ и въ Египтѣ, монархъ перѣдко бралъ себѣ въ жены сестеръ. Его діадема состояла изъ пурпуровой бахромы вокругъ лба, украшенной кистями, съ двумя перьями по бокамъ. Въ ушахъ его блестяли очень тяжелыя серьги. Его одежда изъ матовой шерсти была окрашена въ алыіи цвѣтъ,

Его большія
дороги и инже-
нерное искус-
ство

и курьеры.

Кузко—военный
центръ.

Инки—владе-
лици государ-
ства.

заткана золотомъ и покрыта драгоценными камнями. Къ нему приближались не иначе, какъ съ легкою тяжестью на плечахъ, въ знакъ рабства, и безъ обуви. Инкъ былъ представителемъ не только свѣтской, но и духовной власти. Санъ его былъ важнѣе сана верховнаго первосвященника, потому что онъ считался потомкомъ Солнца, бога народа. Онъ давалъ законы, облагалъ налогами, набиралъ войска, назначалъ и удалялъ судей по своему усмотрѣнію. Онъ путешествовалъ въ носилкахъ, украшенныхъ золотомъ и изумрудами; дорогу передъ нимъ очинчали, усыпали цвѣтами и благоуханіями. Его дворецъ въ Юкѣ описывался испанцами, какъ нѣчто волшебное. Онъ былъ наполненъ произведениями индійскаго искусства; изображенія животныхъ и растений украшали ниши его стѣнъ; онъ состоялъ изъ безконечнаго лабиринта великолѣпныхъ комнатъ, а мѣстами встрѣчались таинственные гроты для отдыха. Его ванны представляли большіе золотые бассейны. Дворецъ былъ окруженъ искусственно разведенными лѣсами. Жены императора и его наложницы проводили время въ прекрасно убранныхъ комнатахъ или въ садахъ, наполненныхъ каскадами и фонтанами, гротами и бесѣдками. Немногія страны могли похвалиться такимъ климатомъ: это была область умѣреннаго климата въ тропическомъ поясѣ.

Религія Перу состояла изъ поклоненія Солнцу, но высшіе классы успѣли освободиться отъ такихъ материалистиче-скихъ понятій, и признавали существованіе одного всемогущаго, невидимаго Бога. Они вѣрили въ воскресеніе тѣла и въ будущую жизнь для души. Они думали, что и въ будущей жизни мы будемъ заниматься тѣмъ же, чѣмъ и въ этой. Подобно египтянамъ, доработавшимся до тѣхъ же идей, перуанцы бальзамировали трупы, а муміи своихъ инковъ клали въ храмъ Солнца въ Кузко—императоровъ направо, императрицъ налево; ихъ одѣвали въ торжественныя одѣянія, складывали имъ руки на груди и садили на золотые стулья, въ ожиданіи того дня, когда душа вернется для оживленія тѣла. Муміи знатныхъ лицъ погребались въ сидячемъ положеніи подъ земляными насыпями. Только одинъ храмъ былъ посвященъ Верховному Существому. Онъ находился въ священной долинѣ, куда стекались богомолцы. Въ перуанской мѣологии небо было расположено надъ небосклономъ а адъ—внутри земли; то было царство злого духа, называемаго Кулай. Сходство этихъ ученій съ ученіями египтянъ убѣждаетъ насъ, что именно такого рода идеи обязательно занимаютъ чело-вѣческой умъ во время процесса его развитія. Какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, образованные классы общества находились на гораздо болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ простой народъ, только что выпшедшій изъ состоянія фетишизма, преданный и долопоклонству и обоготворявшій людей. Тѣмъ не менѣе правитель-ство находило необходимымъ потворствовать народнымъ заблужденіямъ; и, въ самомъ дѣлѣ, вся дѣйствующая политическая система была основана на нихъ. Но перуанцы опередили европейцевъ въ томъ отношеніи, что не преслѣдовали лицъ, умственно эмансипи-

Религія Перу;
ея постановле-
нія и обряды.

рававшихся. Поклоняясь не только солнцу, видимому богу, но и другимъ небеснымъ тѣламъ, въ качествѣ второстепенныхъ боговъ, перуанцы вѣрили въ присутствіе духовъ въ вѣтрѣ, молніи, громѣ; они населяли гениями горы, рѣки, источники и гроты. Въ большомъ храмѣ Солнца въ Кузко изображеніе этого божества было такъ поставлено, что получало лучи небеснаго свѣтила при его восходѣ; подобный же фокусъ производился и въ Сераціонѣ въ Александріи. Существовало святилище, посвященное солнцу, на островѣ Титикаха и, какъ говорятъ, отъ 300 до 400 менѣ значительныхъ храмовъ въ Кузко. При большомъ храмѣ находилось не менѣ 400 жрецовъ и 1500 весталокъ; послѣднимъ поручалась забота о священномъ огнѣ, и самыя красивыя изъ нихъ поступали въ сераль инки. Народная вѣра имѣла много своихъ торжественныхъ обрядовъ и отличалась пышнымъ цереміаломъ; день лѣтняго солнцестоянія праздновался, какъ большой народный праздникъ. Лучи солнца собирались въ вогнутое зеркало, и ими зажигали вновь огонь, или же это дѣлалось помощью тренія кусковъ дерева.

Что касается до общественнаго строя, то полигамія разрѣшалась, но существовала въ сущности только у высшихъ классовъ. Общественная субординація проводилась во всей полнотѣ. Инкъ Тупакъ Юпанки говоритъ: «Знаніе никогда не предназначалось для народа, а только для лицъ благородной крови». Высшій классъ состоялъ изъ двухъ разрядовъ: изъ политическихъ потомковъ инковъ, составлявшихъ главную поддержку государства, и изъ усыновленныхъ вельможъ завоеванныхъ націй. Что же касается до народа, то нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не существовало такого тщательно организованнаго надзора за нимъ. Народъ дѣлился на группы въ 10, 50, 100, 500, 1000, 10000 человекъ, и во главѣ послѣдней группы стоялъ какой-нибудь потомокъ инка. Вслѣдствіе этой системы обезпечена была строгая централизація; все сосредоточивалось въ инкѣ, на разрѣшеніе котораго передавались всѣ общественныя дѣла. Это было абсолютизмъ, достойный восхищенія многихъ европейскихъ народовъ. Вся территория дѣлилась на три части: одна принадлежала солнцу, одна инку, одна народу. По закону передѣлъ производился ежегодно, но на дѣлѣ участки постоянно оставались въ рукахъ прежнихъ владѣтелей. Вся страна обрабатывалась народомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала земля солнца, затѣмъ земля слабыхъ и недужныхъ, затѣмъ земля народа и, наконецъ, земля инка. Солнцу и инку принадлежали всѣ овцы въ странѣ, ихъ стригли, и шерсть раздавалась народу или вмѣсто нея раздавалась хлопчатая бумага. Чиновники инки наблюдали, чтобы вся шерсть была выткана и чтобы никто не лѣнился. Ежегодно дѣлался осмотръ страны, ея земельныя и минеральнаго производства, и представлялся отчетъ правительству. Составлялся списокъ всѣхъ рожденій и смертей; периодически дѣлалась общая перепись. Инкъ, бывший одновременно императоромъ и папою, въ силу этой своей двойной способности, пользовался строго патріархальною властью надъ своимъ народомъ:

Общественный строй, — двойственность, на роль.

палась, но существовала въ сущности только у высшихъ классовъ. Общественная субординація проводилась во всей полнотѣ. Инкъ Тупакъ Юпанки говоритъ: «Знаніе никогда не предназначалось для народа, а только для лицъ благородной крови».

онъ обращался со своими подданными, какъ съ дѣтьми, которыхъ нельзя притѣснять, но которыхъ нужно заставлять работать, потому что, — фактъ, не встрѣчавшійся ни въ одной другой націи — трудъ признавался здѣсь не только средствомъ, но и цѣлью. Въ Перу нельзя было возвыситься надъ своимъ общественнымъ положеніемъ, — кто какъ родился, такъ и умиралъ, въ силу закона, не допускавшаго переменъ. Нельзя было сдѣлаться ни болѣе богатымъ, ни болѣе бѣднымъ; но эта система могла похвалиться тѣмъ, что всѣ подчиненные ей были избавлены отъ общественныхъ страданій, — всѣ жили въ достаткѣ.

Армія состояла изъ 200000 человекъ. Она была вооружена луками, палками, пращами, боевыми топорами, мечами; Военная система: ей ресурсы. ея средствами защиты служили щиты, шлемы и одежда изъ стеганой ваты. У каждаго полка было свое знамя, но на императорскомъ знамени изображена была національною эмблемою радуга, отпрыскъ солнца. Мечи и многое изъ домашней утвари дѣлались изъ бронзы; стрѣлы были съ наконечниками изъ кварца или кости, изъ золота или серебра. Во время походовъ соблюдалась строжайшая дисциплина; на опредѣленныхъ разстояніяхъ устраивались по дорогамъ хлѣбныя магазины и склады. Неумолимо проводилась слѣдующая политика: боги завоеванныхъ странъ перевозились въ Кузко, а побѣжденные принуждались поклоняться солнцу; дѣти ихъ обязаны были изучать перуанскій языкъ, а правительство доставляло имъ для этой цѣли учителей. Для большого поощренія, знаніе перуанскаго языка ставилось непремѣннымъ условіемъ занятія любой государственной должности. Чтобы хорошенько слить завоеванныя области, жители ихъ брались по десяткамъ тысячъ и перевозились въ отдаленныя части страны, не для того, чтобы умирать въ нихъ отъ истощенія за рабскими работами, а для того, чтобы обратиться въ перуанцевъ; равное число туземцевъ посылалось на ихъ мѣсто, и въ награду за ихъ переселеніе имъ давались особенныя привилегіи. Всегдашнюю политикою имперіи было поддержаніе глубокаго спокойствія внутри страны и постоянной войны на границахъ.

Философское развитіе перуанцевъ было сильно задержано ихъ несовершеннымъ методомъ письма, — методомъ, значительно уступающимъ египетскому. Вербка изъ раскрашенныхъ нитокъ, называемая квипусъ, лишь весьма плохо годилась для печисленій и не могла сравниться съ іероглифами въ способѣ выраженія общихъ фактовъ. Но это была ихъ единственная система письма. Несмотря на отсталость въ этомъ отношеніи, у нихъ была литература, состоявшая изъ поэтическихъ, драматическихъ и т. под. произведеній. Ихъ научныя свѣдѣнія значительно уступали мексиканскимъ. Годъ дѣлился у нихъ на мѣсяцы, а мѣсяцы на недѣли. У нихъ были инструменты, указывающіе на солнцестояніе. Одинъ, въ формѣ обелиска, стоялъ въ центрѣ круга на которомъ были начерчены западныя и восточныя линіи: онъ указывалъ равноденствіе. Эти инструменты были разрушены испанцами, воображавшими, что они служатъ цѣлямъ идолопоклонства,

Перуанская литература, квипусъ.

потому что во время національных празднествъ ихъ разукрашивали листьями и цвѣтами. Такъ какъ національная религія состояла изъ поклоненія солнцу, то Кви́то не безъ причины признавали священнымъ мѣстомъ въ виду его положенія на экваторѣ.

Искусство перуанцевъ выступаетъ особенно ярко въ тѣхъ ^{Земледѣліе доведено до совершенства.} обыкновенныхъ мѣрахъ, которые они принимали для улучшения земледѣлія. Благодаря быстрому повышенію страны отъ уровня моря до горныхъ высотъ, Перу представляла на небольшомъ пространствѣ громадное разнообразіе въ климатѣ, и перуанцы отлично умѣли этимъ пользоваться. Они устраивали террасы на склонахъ горъ и покрывали ихъ плодородною землею. Въ пескѣ они рыли ямы, окружали ихъ крѣпкими стѣнами и наполняли удобренною землею. Въ низкихъ мѣстахъ они воздѣлывали бананы и кассавы, надъ ними, на террасахъ, — мансъ и квиноа, еще выше табакъ, а выше всего картофель. На сравнительно небольшомъ пространствѣ они собирали обильную жатву, благодаря хорошему удобренію почвы рыбою и въ особенности гуано. По примѣру ихъ, и европейцы начали пользоваться для удобренія гуано. Весь цивилизованный міръ перенялъ у нихъ обработку картофеля. Перуанская кора — одно изъ самыхъ лучшихъ врачебныхъ средствъ. Громадныя пространства Сѣверной Америки были бы совершенно необитаемы, если бы не получаемый изъ нея алкалоидъ хининъ, который не мало понижаетъ смертность въ Соединенныхъ штатахъ.

Неизбѣжнымъ условіемъ ихъ земледѣльческой системы были большія водяныя сооружения. Въ Испаніи не встрѣчалось ничего подобнаго. ^{Большой водопроводъ Кондесуя.} Водопроводъ Кондесуя былъ приблизительно въ 500 миль длины. Строившіе его инженеры преодолевали трудности, которые могутъ повергнуть въ изумленіе нашихъ современниковъ. Распределеніе воды совершалось согласно предписаніямъ законовъ, за соблюденіемъ которыхъ слѣдили специально назначенные для этого чиновники. По этимъ громаднымъ водопроводамъ и по перуанскимъ дорогамъ можно судить о степени искусства перуанцевъ въ дѣлѣ архитектуры. Они строили зданія изъ порфира, гранита, кирпича; но эти зданія были большею частью низкія; высокими ихъ нельзя было строить вѣдѣствие того, что Перу часто подвергался землетрясеніемъ.

Я остановился подольше на изложеніи внутренней исторіи Мексикки и Перу въ виду ея тѣсной связи съ однимъ изъ философскихъ началъ, которое должно быть уяснено этою книгою, а именно, что человѣческій прогрессъ подчиняется неизмѣнному закону и идетъ, поэтому, по опредѣленному пути. Мелкія подробности, указанныя въ предыдущихъ параграфахъ, могутъ, быть можетъ, показаться незначительными или утомительными, но именно ихъ обыденность, ихъ незначительность и дѣлаетъ ихъ особенно интересными, если судить о нихъ съ правильной точки зрѣнія. Въ этихъ мелкихъ подробностяхъ нѣтъ ничего, что не казалось бы намъ совершенно естественнымъ съ европейской точки зрѣнія. Они могли бы войти въ рассказъ о прогрессѣ какой-либо европейской или азиатской націи, если бы не

были воспоминаніями о самопроизвольномъ развитіи народа, отрѣзаннаго отъ остальнаго міра непроходимыми океанами. Обыватель Америки шелъ по тому же пути развитія, какъ и обыватель Стараго Свѣта, основывая тѣ же учрежденія, руководясь тѣми же намереніями, побуждаемый тѣми же желаніями. Отъ самыхъ крупныхъ чертъ его соціальной системы до мельчайшихъ подробностей его домашней жизни, мы видимъ полное сходство съ тѣмъ, что происходило въ Азій, Африкѣ, Европѣ. Но одинаковые результаты заставляютъ подозрѣвать существованіе и одинаковыхъ причинъ. Что же было общаго между китайцами, индусами, египтянами, европейцами и американцами? Конечно, не климатъ, не одинаковыя потребности, не одинаковыя обстоятельства. Конечно, одно только: одинаковая организація ихъ тѣла, ихъ строенія. Подобно тому, какъ одинаковымъ образомъ устроенные автоматы будутъ всегда дѣлать одно и то же, такъ и въ органическихъ формахъ однородности въ дѣйствіяхъ. Одинъ и тотъ же здравый смыслъ управляетъ людьми цѣлаго міра, а здравый смыслъ составляетъ отправленіе одинаковой организаціи. Вся естественная исторія наполнена такого рода примѣрами. Это можетъ быть оскорбительно для нашей гордости; тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ соціальномъ прогрессѣ свободная воля, которою человѣкъ такъ гордится въ индивидуальной жизни, совершенно исчезаетъ, какъ дѣйствующее вліяніе, а взамѣнъ этого обнаруживается дѣйствіе непоколебимыхъ законовъ. Свободная воля отдѣльныхъ индивидуумовъ замѣняется расовымъ инстинктомъ и автоматизмомъ. Передъ каждой отдѣльной пчелою открывается свободный путь: она можетъ пробовать тотъ цвѣтокъ и избѣгать этого; она можетъ трудиться въ саду или предаваться лѣнивому бездѣлю въ воздухѣ; но исторія ^{Аналогія между обществомъ людей и обществомъ животныхъ.} каждого улья тождественна съ исторіею другого; улей представляетъ заранѣе опредѣленную организацію: королеву, трутней, рабочихъ пчелъ. Изъ тысячъ непредвидѣнныхъ, нерасчитанныхъ, измѣчивыхъ дѣйствій вытекаетъ съ безошибочною достовѣрностью одинъ опредѣленный результатъ: соты строятся по заранѣе опредѣленнымъ правиламъ и, наконецъ, наполняются медомъ. Человѣкъ только тогда узнаетъ, что онъ собственно такое, когда изучаетъ жизнь пчелъ, осъ и птицъ, когда изучаетъ всю ту животную жизнь, къ которой относится обыкновенно съ такимъ высокоумнымъ презрѣніемъ.

У меня была еще другая причина остановиться на этихъ подробностяхъ. Громадное преступленіе, совершенное Испаніей и заключающееся въ разрушеніи этой цивилизаціи, никогда не было оцѣнено по достоинству въ Европѣ. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія фактовъ, относящихся къ этому событію, я соглашаюсь съ Карли, что во время завоеванія перуанцы стояли выше европейцевъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Развѣ было въ Испаніи или даже въ цѣлой Европѣ что-нибудь подобное тому, что мы видимъ въ Перу? Была ли у нихъ политическая система, выработанная

до мельчайшихъ подробностей будничной жизни и отражавшаяся въ великихъ общественныхъ работахъ? Единственной соперницею этой системы является итальянская, которая въ теченіе долгаго времени дѣятельно стремилась уничтожить всякое умственное развитие человѣка. Напрасно испанцы стараются оправдать себя, говоря, что такой народъ, какъ мексиканскій, которому разрѣшалось людоедство, не можетъ не считаться дикимъ, и что такого же названія заслуживаютъ и перуанцы, приносившіе въ жертву тысячи людей при торжественныхъ похоронахъ своихъ вельможъ. Вспомнимъ, что нѣтъ ни одной цивилизованной націи, у которой народные обычаи не отстаивали бы отъ уровня обычаевъ ея интеллигентныхъ классовъ; вспомнимъ, что въ этомъ отношеніи не мало грѣшила и Испанія. Въ Америкѣ приношеніе въ жертву людей составляло часть религіозной церемоніи и не было запятано страстью. Напротивъ того, аутодафэ Европы представляли ужасающую жестокость; это была не жертва небу, а удовлетвореніе злобы, ненависти, страха, мести, самыхъ возмутительныхъ чувствъ на землѣ. Въ Америкѣ мы не встрѣчаемъ ни одного зрѣлища, при видѣ котораго справедливый человѣкъ долженъ былъ бы такъ сильно покраснѣть за свою расу, какъ при видѣ зрѣлища, доставляемаго западною Европою, при видѣ еретика, у котораго пыткой вырываютъ сознаніе и который шелъ на смерть въ рубашкѣ безъ рукавовъ, съ изображеніями на ней пламени и фигуръ самаго ужаснаго лица. Вспомнимъ, что инквизиція съ 1481 по 1808 г. подвергла наказаніямъ 340000 лицъ,—изъ нихъ сожгла около 32000. Вспомнимъ, что происходило на югѣ Франціи. Вспомнимъ, что, въ виду ничтожности человѣческаго тѣла, дѣлающагося въ концѣ концовъ добычею червей, и громаднаго значенія безсмертной души, за искушеніе которой Сынъ Божій претерпѣлъ страданія и смерть,—вредъ, нанесенный тѣлу, несравненно меньше возмутительный, чѣмъ страданія, нанесенныя душѣ. Тотъ, кто станетъ выступать обвинителемъ противъ Мексики и Перу, хорошо сдѣлаетъ, если вспомнитъ, что именно въ это время вся власть въ Европѣ была направлена на извращеніе и даже полное подавленіе мысли,—на порабощеніе ума и на обращеніе благороднѣйшей части человѣческой природы въ ничего не стоящую машину. Вѣтъ человѣческое мясо меньше преступно въ глазахъ Бога, чѣмъ подавлять человѣческую мысль.

Наконецъ, существуетъ еще и другая сторона вопроса, на которую я хочу вкратцѣ указать. Часто выражали мнѣніе, что перуанская и мексиканская цивилизаціи недавняго происхожденія, что онѣ возникли всего за два или три столѣтія до завоеванія. Это было бы равносильно тому, если бы мы сказали, что въ Индіи не было никакой цивилизаціи до македонскаго нашествія, потому что въ странѣ не существуетъ историческихъ документовъ, предшествующихъ этому событію. Мексиканцы и перуанцы не были героями романовъ, для которыхъ чудесныя событія представляютъ обиденное дѣло, жизнь которыхъ опредѣляется законами, непримѣнимыми къ остальному человѣческому

Древность американской цивилизаціи.

роду, и которые могутъ въ одинъ часъ добиться результатовъ, требующихъ для своего достиженія тысячелѣтій. Это были мужчины и женщины, подобные намъ, медленно и съ трудомъ, послѣ многихъ неудачъ, выработавшіе себѣ цивилизацію. Выраженное о нихъ легкомысленное мнѣніе напоминаетъ намъ забавное отношеніе народной хронологіи къ громаднымъ лѣтописямъ Египта и Китая. Оставляя въ сторонѣ несовершенные методы записыванія событій, употребившіеся лѣтописцами западнаго свѣта, всякій, кто замѣтитъ медленность, съ какою человѣкъ подвигается впередъ по пути прогресса, и въ то же время вспомнитъ грандіозныя произведенія искусствъ, оставленныя этими двумя націями,—прочное доказательство достигнутой ими степени развитія,—будетъ вынужденъ отбросить въ сторону такія нелѣпыя заявленія, какъ не стояція не только обсужденія, но даже вниманія.

ГЛАВА VI.

Приближеніе вѣка разума въ Европѣ.

ему предшествуетъ возникновеніе критики.

Возрожденіе греческой литературы и философіи въ Италиі.—Развитіе современныхъ языковъ и возникновеніе критики.—Неминуемая опасность для латинскихъ идей.

Изобрѣтеніе книгопечатанія.—Оно производитъ настоящій переворотъ въ сообщеніи знаній, оказываетъ особенное дѣйствіе на общественное богослуженіе и заставляеть отступить на второй планъ церковную каедрю.

Реформація.—Теорія суперраціи и употребленіе индальгенцій.—Утвержденіе права частнаго сужденія.—Политическая исторія происхожденія, апогея развитія и задержки реформаціи.—Ея дѣйствіе на Италию.

Причины остановки въ развитіи реформаціи.—Внутреннія причины, корнившіяся въ протестантизмъ.—Внѣшнія—въ политикѣ Рима.—Контрреформація.—Инквизиція.—Иезуиты.—Отношеніе великихъ критиковъ.—Апогей развитія реформаціи въ Америкѣ.—Возникновеніе изъ мысленія индивидуальной свободы.

Оцѣнивая вліяніе литературы въ періодъ приближенія къ вѣку разума, отмѣтимъ слѣдующія событія: выходъ изъ употребленія латинскаго языка для изложенія ученыхъ предметовъ, образованіе современныхъ языковъ изъ народныхъ діалектовъ, изобрѣтеніе книгопечатанія, упадокъ вліянія церковной каедрю и замѣна ея вліяніемъ прессы. Всѣ эти событія, соединившіеся съ нравственными и умственными вліяніями, преобладавшими въ то время, привели къ великому движенію, извѣстному подъ именемъ реформаціи.

Какъ бы для того, чтобъ указать міру истинную причину умственнаго упадка Италиі, обновленіе ея началось вѣдѣ эпоха умственнаго движенія. за изгнаніемъ намъ въ Авиньонъ. Во время ихъ от-

суетствія, процессъ возрожденія продвигался такъ быстро впередъ, что невозможно было оказать ему успѣшнаго сопротивленія или водворить прежнее положеніе дѣлъ по возвращеніи папъ въ Римъ. Какъ только свинцовое облако, которымъ они окутали страну, разсѣялось, молнія ударила съ неба, и полуостровъ ожилъ.

Единство церкви и, слѣдовательно, ея могущество требовали употребленія латинскаго языка въ качествѣ языка священнаго. Благодаря этому Римъ сдѣлался какъ бы центромъ Европы и получилъ возможность стать во главѣ международныхъ сношеній. Латинскій языкъ придавалъ Риму гораздо больше значенія, чѣмъ его предполагаемая небесная власть, и какъ бы Римъ ни утврждалъ, что онъ очень много сдѣлалъ, но онъ подлежить отвѣтственности за то, что, имѣя въ рукахъ такое важное преимущество, не сдѣлалъ гораздо большаго. Если бы папы не заботились такъ много о томъ, чтобы сохранить свои доходы и свою свѣтскую власть въ Италіи, они могли бы заставить весь материкъ двинуться впередъ, какъ одинъ человѣкъ. Ихъ должностныя лица могли безъ затрудненія проникать во все страны и свободно сообщаться между собою—отъ Ирландіи до Чехіи, отъ Италіи до Шотландіи. Обладаніе общимъ языкомъ сосредоточивало въ ихъ рукахъ управленіе международными дѣлами и доставляло имъ развитыхъ сторонниковъ, говорившихъ повсюду на одномъ и томъ же языкѣ.

Слѣдовательно, Римъ не безъ причины относился съ ненавистью къ возрожденію греческаго языка и къ введенію еврейскаго, и волновался при видѣ образованія новыхъ языковъ изъ народныхъ нарѣчій. Преобладаніе латинскаго языка составляло одно изъ условий, поддерживающихъ власть Рима: упадокъ его являлся мѣриломъ ея упадка, его выходъ изъ употребленія служилъ сигналомъ ограниченія этой власти предѣлами небольшого итальянскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе европейскихъ языковъ служило орудіемъ паденія Рима. Они обусловливали возможность сношеній между нищенствующими братьями и невѣжественнымъ народомъ, и не было ни одного изъ этихъ языковъ, въ раннихъ произведеніяхъ котораго не выказывалось бы глубокое презрѣніе къ Риму. Мы уже видѣли, что происходило съ провансальскою поэзіею Лангедока.

Возникновеніе многоязычной европейской литературы совпало, слѣдовательно, съ упадкомъ папскаго христіанства. Европейская литература была невозможна при владычествѣ католицизма. Великое, торжественное и внушительное религиозное единство обусловливало и литературное единство, вытекающее изъ употребленія одного языка. Такъ же невозможно воплотить мысль въ мертвый языкъ, какъ невозможно заставить двигаться трупъ. Принципъ неподвижности, который Италія надѣялась передать Европѣ, основывался главнымъ образомъ на принудительномъ употребленіи мертваго языка. Первымъ признакомъ умственной эмансипаціи было возбужденное великими поэтами движеніе, во главѣ котораго стоялъ Данте и которое раз-

рушило чары. Единство религіи подразумеваетъ единство священнаго языка, откуда вытекаетъ отсутствіе отдѣльныхъ національныхъ литературъ.

Даже послѣ того, какъ Римъ потерпѣлъ пораженіе въ дѣлѣ разрѣшенія научнаго вопроса о движеніи земли, побѣдившая партія охотно выражала свои мысли на латинскомъ языкѣ, отчасти потому, что она этимъ обезпечивала себѣ болѣе многочисленный кругъ интеллигентныхъ читателей, а отчасти потому, что церковная власть склонна была пропускать мимо ушей то, что въ противномъ случаѣ она считала бы преступнымъ, такъ какъ тотъ, кто писалъ на латинскомъ языкѣ, давалъ этимъ доказательство, что онъ не обращается со своею рѣчью къ народу. Введеніе новыхъ языковъ повело къ уменьшенію сообщеній между учеными.

Въ движеніи человѣчества, которое долгое время совершалось молча и незамѣтно, наконецъ наступилъ кризисъ. Сдѣлано было воззваніе къ эмоціямъ и нравственнымъ чувствамъ, лежавшимъ въ основаніи системы, исторіею которой мы такъ долго занимались, но оно оказалось неэффективнымъ. Наступило время для такого же воззванія къ мысленію. У каждаго возраста своя логика. За логикою чувства слѣдуетъ въ свое время логика разума. Вѣра бываетъ двухъ родовъ—вѣра согласія и вѣра убѣжденія,—и наступаетъ неизбежно время, когда эмоциональная вѣра замѣняется умственной.

Какъ бы для того, чтобы доказать, что наступившій кризисъ не былъ порожденъ человѣческими наклоненіями и произведенъ единичнымъ лицомъ, хотя бъ этимъ лицомъ былъ самъ папа, Николай V напелъ въ дѣлѣ покровительства наукъ и литературѣ соперника и друга въ лицѣ Козьмы Медичи. Стѣдующій случай показываетъ, какая глубокая перемѣна произошла въ настроеніи высшихъ классовъ: Козьма, самый богатый изъ итальянцевъ, тратившій свое состояніе на постройку дворцовъ, церквей, госпиталей, библиотекъ, на своемъ смертномъ одрѣ получилъ утѣшеніе не отъ представителей религіи, какъ это было бы въ прежнее время, а отъ Марселия Фичина, платониста, который изложилъ ему доводы въ пользу существованія будущей жизни и утѣшилъ умирающаго примѣрами и учениями греческой философіи, научая его смѣнить вѣру надеждою, забывая при этомъ, что надежда является часто лишь дневнымъ сномъ и такъ же несущественна и пуста, какъ и ея ночной собратъ. Фичина, быть можетъ, пришелъ къ убѣжденію, что философія только болѣе высокая ступень теологіи, а философъ очень просвѣщенный теологъ. Онъ былъ представителемъ платонизма, который, со времени своего паденія въ Александріи, скрывался отъ лица людей въ восточныхъ монастыряхъ, а теперь вышелъ на свѣтъ въ благоприятной ему атмосферѣ Италіи. Его школа съ наслажденіемъ и даже съ благоговѣніемъ взирала на славныя языческія времена, празднуя пиршествомъ день рожденія Платона, 13 ноября. Афинская академія воскресла вновь въ садахъ Медичи во Флоренціи.

Употребленіе латинскаго языка въ качествѣ священнаго.

употребленія латинскаго языка въ качествѣ языка священнаго. Благодаря этому Римъ сдѣлался какъ бы центромъ Европы и получилъ возможность стать во главѣ международныхъ сношеній. Латинскій языкъ придавалъ Риму гораздо больше значенія, чѣмъ его предполагаемая небесная власть, и какъ бы Римъ ни утврждалъ, что онъ очень много сдѣлалъ, но онъ подлежить отвѣтственности за то, что, имѣя въ рукахъ такое важное преимущество, не сдѣлалъ гораздо большаго. Если бы папы не заботились такъ много о томъ, чтобы сохранить свои доходы и свою свѣтскую власть въ Италіи, они могли бы заставить весь материкъ двинуться впередъ, какъ одинъ человѣкъ. Ихъ должностныя лица могли безъ затрудненія проникать во все страны и свободно сообщаться между собою—отъ Ирландіи до Чехіи, отъ Италіи до Шотландіи. Обладаніе общимъ языкомъ сосредоточивало въ ихъ рукахъ управленіе международными дѣлами и доставляло имъ развитыхъ сторонниковъ, говорившихъ повсюду на одномъ и томъ же языкѣ.

Причина ненависти Рима къ греческому языку

ненавистью къ возрожденію греческаго языка и къ введенію еврейскаго, и волновался при видѣ образованія новыхъ языковъ изъ народныхъ нарѣчій. Преобладаніе латинскаго языка составляло одно изъ условий, поддерживающихъ власть Рима: упадокъ его являлся мѣриломъ ея упадка, его выходъ изъ употребленія служилъ сигналомъ ограниченія этой власти предѣлами небольшого итальянскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе европейскихъ языковъ служило орудіемъ паденія Рима. Они обусловливали возможность сношеній между нищенствующими братьями и невѣжественнымъ народомъ, и не было ни одного изъ этихъ языковъ, въ раннихъ произведеніяхъ котораго не выказывалось бы глубокое презрѣніе къ Риму. Мы уже видѣли, что происходило съ провансальскою поэзіею Лангедока.

и опасность, представляемая новыми языками.

Возникновеніе многоязычной европейской литературы совпало, слѣдовательно, съ упадкомъ папскаго христіанства. Европейская литература была невозможна при владычествѣ католицизма. Великое, торжественное и внушительное религиозное единство обусловливало и литературное единство, вытекающее изъ употребленія одного языка. Такъ же невозможно воплотить мысль въ мертвый языкъ, какъ невозможно заставить двигаться трупъ. Принципъ неподвижности, который Италія надѣялась передать Европѣ, основывался главнымъ образомъ на принудительномъ употребленіи мертваго языка. Первымъ признакомъ умственной эмансипаціи было возбужденное великими поэтами движеніе, во главѣ котораго стоялъ Данте и которое раз-

Дѣйствіе, произведенное современными языками.

Приближеніе кризиса въ Европѣ.

Козьма Медичи. Флоренція.

Появленіе вновь платонизма въ Италіи.

Но Фичина не слѣдуетъ считать рабскимъ подражателемъ великому философу. Онъ слышалъ ученія Платона съ другими учениями, почерпнутыми изъ менѣе опаснаго источника, съ теоріею магометанина Аверресса, который считалъ непреложнымъ фактомъ существованіе души человечества; благодаря сношеніямъ съ нею индивидуальныя души получаютъ возможность составлять общія понятія, потому что таково, по словамъ Аверресса, необходимое послѣдствіе теоріи эманации.

При такихъ-то обстоятельствахъ и въ такой-то критическій моментъ произошло возрожденіе греческой литературы въ Италіи. Ею пренебрегали въ теченіе болѣе чѣмъ шестисотъ лѣтъ. Если нѣкоторымъ лицамъ и приписывалось иногда знаніе этого языка, то оно состояло, по всей вѣроятности, лишь въ умѣншіи переводить нѣкоторыя «небольшія патристическія произведенія». Первые проблески этого оживленія появляются въ XIII в. и нѣсколько яснѣе обозначаются въ XIV в. Взятіе Константинополя латинскими крестоносцами повело лишь къ распространенію на западъ немногихъ рукописей и произведеній искусствъ вмѣстѣ съ наиболѣе почитаемыми монашескими реликвіями. Гнетъ турокъ, которые, какъ предвидѣли всѣ мыслящіе греки, долженъ былъ привести неизбежно къ паденію византійской системы, побудилъ многихъ ученыхъ людей и писателей искать безопасности и средствъ существованія въ Италіи.

Во время Петрарки, 1304—1374 г., прогрессъ былъ не особенно великъ. Этотъ знаменитый поэтъ говоритъ, что врядъ ли можно насчитать въ Италіи десять лицъ, умѣющихъ цѣнить Гомера. Какъ Петрарка, такъ и Боккаччо не щадили трудовъ, чтобы познакомиться съ утраченнымъ языкомъ. Боккаччо удалось доставить калабрійцу Леонтію Пилату мѣсто профессора греческаго языка во Флоренціи. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ этого греческаго преподавателя: одѣтъ онъ въ мантию философа; его наружность отвратительна, его лицо обросло черными волосами, борода у него длинная и нечесаная, обращеніе грубое, характеръ мрачный и непостоянный, но умъ одаренъ цѣлыми зокровнищами знанія. Леонтій съ отвращеніемъ уѣхалъ изъ Италіи, но, возвращаясь въ нее, былъ убитъ ударомъ молніи во время бури на морѣ, когда онъ стоялъ на палубѣ, привязанный къ мачтѣ корабля. Авторъ, изъ котораго я беру эти свѣдѣнія, прибавляетъ многозначительно, что Петрарка оплакиваетъ его судьбу, но съ раздраженіемъ спрашиваетъ, «нельзя ли добыть у матросовъ какой-нибудь оставленной имъ копій Эврипида или Софокла».

Возрожденіе греческаго языка въ Италіи началось съ 1395 г., когда Хризолоръ началъ преподавать его. Нѣсколько лѣтъ спустя Аврисиа привезъ въ Италію 238 греческихъ рукописей, между прочимъ, Платона и Пиндара. Сдѣлана была попытка перевести эти произведенія на латинскій языкъ. Религіозная вражда противъ греческой литературы въ значительной степени уменьшилась; изученіе ея нашло покровителя въ лицѣ самого папы Евгенія IV. По

мѣрѣ того, какъ намѣреніе турокъ овладѣть Константинополемъ становилось болѣе очевиднымъ, эмиграція ученыхъ грековъ въ Италію сдѣлалась болѣе частою. А между тѣмъ, за исключеніемъ Петрарки, а онъ врядъ ли составлялъ исключеніе, ни одинъ изъ итальянскихъ ученыхъ не принадлежалъ къ членамъ духовенства.

Лоренцо Медичи, внукъ Козьмы, употребляетъ всѣ успія, чтобы развитъ вкусъ къ греческой наукѣ, великодушно разрѣшая копировать свои рукописи. Но онъ оказывалъ покровительство не одной только литературѣ. Въ его прекрасной виллѣ въ Физволѣ воскресла вновь древняя философія; его ботаническій садъ въ Кареджи былъ наполненъ восточными тропическими растениями. Вліяніе его продолжалось съ 1470 г. по 1492 г., годъ его смерти. Онъ увидѣлъ еще до конца своей жизни, какъ древній платонизмъ одержалъ верхъ надъ платонизмомъ Александріи, и какъ чистое ученіе Аристотеля изгнало низменное аристотелевское ученіе школы.

Вторая половина XV столѣтія открыла западной Европѣ два міра—старый и новый: первый благодаря путешествію Колумба, второй благодаря взятію Константинополя; одно должно было произвести переворотъ въ промышленномъ мірѣ, другое—въ религіозномъ. Греческая литература, стиснутая въ Италіи турецкимъ оружіемъ, произвела чудеса; латинская Европа съ удивленіемъ увидѣла, что древняя половина христіанства не имѣла понятія объ ученіи и о святыхъ запада. Теперь открылась тайная причина горькой вражды католическаго духовенства къ греческой наукѣ. Иногда предпологали, что дурно скрываемая нелюбовь къ сочиненіямъ Аристотеля зависѣла отъ арабской одежды, въ которую были облечены его сарацинскіе комментаторы; теперь же оказалось, что подъ этою нелюбовью скрывается нѣчто болѣе важное, болѣе глубокое. Это былъ страхъ передъ греческимъ духомъ. Въ скоромъ времени обнаружилось направленіе, къ которому клонилось неизбежно данное положеніе дѣлъ; новые языки, быстро развиваясь, сдѣлали латинскій языкъ ненужнымъ, обветшалымъ, а политическія событія доставили ему соперника въ видѣ греческаго языка, который могъ легко получить надъ нимъ преобладаніе; и соперникъ этотъ являлся не въ одиночку, потому что къ греческому языку долженъ былъ, очевидно, вскорѣ прибавиться и еврейскій, приносимый съ собою всѣ прелести глубокой древности и опасную науку евреевъ. Съ свойственною ему ревнивою подозрительностью, духовенство вскорѣ научилось отличать еретика по его знанію греческаго и еврейскаго языковъ, подобно тому, какъ въ наше время его узнаютъ по знанію физическихъ наукъ. Авторитетъ Вульгаты, этого краеугольнаго камня итальянской системы, долженъ былъ, по мнѣнію Рима, обязательно рушиться; и въ дѣйствительности, судя по тому, что Вульгата вскорѣ утратила часть своего значенія вслѣдствіе появленія въ Италіи языковъ греческаго и еврейскаго, объявлено было, съ болѣею восторженностью, чѣмъ правдою, что произошло второе распятіе Христа между двумя ворами. Но еще долго

послѣ того времени, о которомъ мы говоримъ, парижскій университетъ противился введенію греческаго языка въ курсъ преподаванія, не изъ нелюбови къ наукѣ, а изъ увѣренности, что языкъ этотъ можетъ оказать вредное вліяніе на латинскую теологію.

Куда мы ни взглянемъ, повсюду мы видимъ примѣры удивительныхъ переменъ въ мнѣніяхъ людей. вмѣсто склонности опираться на привилегированное посредствующее сословіе, склонности, составлявшей нѣкогда характеристическую черту всѣхъ свѣтскихъ классовъ въ Европѣ, проявилось стремленіе къ самостоятельности. Лучшимъ доказательствомъ этого является популярность, какою пользовалась книга, написанная, какъ говорили, Омою Кэмпійскимъ и озаглавленная: *Пображаніе Христу*. Говорятъ, что эта книга имѣла больше читателей, чѣмъ какая-либо другая, за исключеніемъ Библии. Ея распространеніе служило неопровержимымъ доказательствомъ глубокаго уцербанія, нанесеннаго вліянію духовенства, потому что главною ея цѣлью было доставить набожнымъ людямъ возможность развить въ себѣ религіозныя чувства помимо вмѣшательства духовенства. Если бы такое сочиненіе было написано теперь, ему можно было бы дать слѣдующее названіе: «каждый человекъ самъ для себя священникъ». Нѣтъ основанія предполагать, чтобы состояніе, въ какое были приведены люди въ это время, благодаря дѣятельности итальянскаго христіанства, было состояніемъ громаднаго себялюбія, какъ утверждали нѣкоторые: популярность этой книги находилась скорѣе въ зависимости отъ глубокаго недоувѣрія, которое чувствовалось повсюду къ духовенству, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Что удивительнаго, если таково было отношеніе свѣтскаго сословія, когда образъ дѣйствій самого духовенства доказывалъ, что оно не довѣряетъ собственной силѣ? Оно не могло скрыть своего страха передъ вторженіемъ греческаго языка, не могло говорить безъ ужаса о вліяніи еврейскаго, громко протестовало противъ изученія языческой философіи и осмѣивало и осуждало свѣтскую науку. Оно видѣло, что фиктивное единство, которымъ оно такъ хвалилось, приходитъ къ концу, что люди начинаютъ знакомиться съ существованіемъ и исторіей болѣе древнихъ и, слѣдовательно, болѣе почтенныхъ церквей, чѣмъ римская,—церквей, основывающихъ свою достовѣрность на безукоризненныхъ доказательствахъ. Но стоило западу узнать о существованіи другихъ столь значительныхъ церквей, стоило отнять у латинской церкви отличавшій ее видъ неприкосновеннаго единства,—и тогда уже ничто не могло воспрепятствовать процессу ея самопроизвольнаго разложенья. Церковь должна была распасться на секты, которыя, въ свою очередь, должны были притти къ индивидуальной свободѣ мысли. Гнетущая рука церковной тираніи должна была быть устранена, въ результатъ чего должна была получиться индивидуальная свобода мысли. Это не были пустыя предположенія, а таковъ былъ ходъ, принятый событиями. Какъ только появилась реформація, тотчасъ начались сектантскія подраздѣленія, и въ наше время мы видимъ,

Направленіе книги: «О подражаніи Христу».

Опасность для единства церкви.

что анархія сектъ является неизбежнымъ спутникомъ индивидуальной свободы мысли.

Какъ мы уже сказали, на что бы мы ни посмотрѣли во вторую половину XV столѣтія, повсюду мы замѣчаемъ удивительныя переменны. Было, очевидно, бесполезно утверждать неподвижность человечества, когда люди стояли лицомъ къ лицу съ новыми формами, принятыми имъ. Новыя идеи вытѣснили старыя. Естественныя явленія не могли больше сравниваться съ человѣческими дѣйствіями, а потребности людей перестали считаться причинами, обуславливающими движеніе вселенной. Возникла лучшая оцѣнка очевидности. быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ законниковъ, а отчасти благодаря развитію критики. Въ Италіи, гдѣ денежные интересы народа были, очевидно, тождественны съ интересами церкви, незамѣтно сильное невѣріе.

А теперь произошло событіе, результаты котораго невозможно преувеличить. Книгопечатаніе было, повидимому, изобрѣтено въ Европѣ около 1440 г. Для насъ не важно входить въ подробности его исторіи, изслѣдовать, слѣдуетъ ли приписать его изобрѣтеніе Костеру гарлемскому или Гутенбергу майнцкому, или признать, что книгопечатаніе было вывезено венецианцами изъ Китая, гдѣ оно было извѣстно уже въ теченіе 2000 лѣтъ. Въ 1441 г. въ Венеціи былъ изданъ декретъ, указывающій, повидимому, что искусство это было извѣстно тамъ уже нѣсколько лѣтъ. Костеръ, говорятъ, напечаталъ *Speculum Humanae Salvationis* въ 1440 г., а Гутенбергъ и Фаустъ издали въ Майнцѣ Библию безъ даты въ 1455 г. Искусство достигло сразу совершенства; Библия ихъ возбуждаетъ и теперь удивленіе своею прекрасною печатью. Среди наиболѣе раннихъ образчиковъ печатанія встрѣчается увѣщаніе поднять оружіе противъ турокъ, 1454 г.; имѣются еще двѣ индульгенціи Николая V отъ того же года. Вначалѣ каждая страница гравировалась на деревѣ, но скорѣе былъ введенъ подвижной шрифтъ. Книги, напечатанныя первымъ способомъ, продавались вначалѣ какъ рукописи. Два рабочіе Фауста открыли типографію въ Италіи, но не раньше 1465 г.; они выпустили тамъ одно изданіе Лактанція, одно Цицерона *De Officiis*, одно Августина *De Civitate Dei*. Искусство это было привезено во Францію въ 1469 г. и распространилось черезъ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ. Типографички сами и продавали свои книги: число экземпляровъ каждаго изданія равнялось приблизительно тремъстамъ. За фоліантами послѣдовали изданія in-4, а въ 1501 г. введены были дюдесимы. Вскорѣ цѣна книгъ понизилась на $\frac{4}{5}$, и въ виду существующихъ потребностей понадобилось установить правила какъ насчетъ цѣны, такъ и насчетъ содержанія книгъ. Такъ, напр., парижскій университетъ установилъ таксу на продажу книгъ и подвергалъ ихъ цензурѣ, охраняя интересы церкви и государства. Сразу было очевидно, что книгопечатаніе будетъ оказывать громадное вліяніе на одновременное ему умственное движеніе.

Высшія требованія очевидности.

Нѣмнѣе распространяется въ Италіи.

Изобрѣтеніе книгопечатанія; ранніи его исторіи.

Первыя книги и книгопродавцы.

Нѣкоторые авторы пробовали опредѣлить умственное состоя-
 ние различныхъ странъ въ Европѣ въ концѣ XV ст.
 литературною дѣятельностью, обнаруженною ими въ дѣлѣ
 печатанія книгъ. Хотя такого рода оцѣнка врядъ ли
 можетъ быть правильною, такъ какъ печатаніе книгъ находится
 въ зависимости не только отъ умственнаго развитія общества, но
 и отъ условій торговли и промышленности, вслѣдствіе чего коли-
 чество печатаемыхъ книгъ можетъ быть больше въ той мѣстности,
 гдѣ торговая дѣятельность велика; тѣмъ не менѣе эта оцѣнка, быть
 можетъ, самая вѣрная изъ всѣхъ, какія мы можемъ сдѣлать; она
 приводитъ насъ къ очень интереснымъ и неожиданнымъ результа-
 тамъ, представляющимъ громадное значеніе именно по ихъ связи
 съ этою важною эпохою. Оказывается, что во всей Европѣ, между
 1470 и 1500 г., напечатано было болѣе 10000 изданій книгъ и
 памфлетовъ; изъ нихъ большая часть печаталась въ Италіи; отсюда
 видно, что Италія находилась во главѣ умственнаго движенія. Изъ
 этого большого числа изданій напечатано было: въ Венеціи—2835,
 въ Миланѣ—625, Болдавѣ—298, Римѣ—925, Парижѣ—751, Кель-
 нѣ—530, Нюрнбергѣ—382, Лейпцигѣ—531, Базель—320, Страс-
 бургѣ—526, Аугсбургѣ—256, Лувенѣ—116, Майницѣ—134, Девен-
 терѣ—159, Лондонѣ—130, Оксфордѣ—7, Сентъ-Альбанѣ—4.

Слѣдовательно во главѣ этого движенія стояла Венеція. Ан-
 глія сильно отстала въ этомъ отношеніи. Заключение
 это подтверждается многими другими обстоятельствами,
 оправдывающими заявленіе, что Италія въ 1400 г. на-
 ходилась на той ступени умственнаго развитія, какой Англія до-
 стигла только въ 1500 г. Парижъ 6 разъ превосходилъ Лондонъ,
 а въ слѣдующія 10 лѣтъ это неравенство еще болѣе увеличилось,
 потому что въ Парижѣ было напечатано за это время 430 изданій, а
 въ Лондонѣ 26. Свѣтъ знанія ослабѣвалъ соответственно своему
 удаленію отъ его итальянскаго фокуса. До 1550 г., черезъ цѣлое
 столѣтіе послѣ открытія этого искусства, въ Шотландіи напечатано
 было всего 7 произведеній, и среди нихъ ни одного классическаго.
 Интереснымъ доказательствомъ того, какъ при выпускѣ книгъ со-
 образовались съ мѣстными вкусами, служитъ слѣдующее: первая
 книга, изданная въ Испаніи въ 1474 г., была озаглавлена: *Зача-
 тіе св. Дѣвы*.

Изобрѣтеніе книгопечатанія подѣйствовало въ двухъ совер-
 шенно различныхъ направленіяхъ: 1) оно умножило и
 удешевило книги, 2) оно замѣнило церковныя проповѣди
 чтеніемъ.

Что касается до умноженія и удешевленія книгъ, то нѣтъ
 основанія предполагать, чтобы число ихъ было когда-
 либо недостаточно. Подобно тому, какъ при Птоломеевѣхъ
 книжное производство сосредоточивалось въ Александріи и удовле-
 творяло всѣмъ требованіямъ, такъ во всѣхъ большихъ аббатствахъ
 существовала особая комната—*Scriptorium*—для копировки и про-
 изводства книгъ. Такое сидячее занятіе не могло не быть прият-
 нымъ лицамъ, ведущимъ спокойную созерцательную жизнь. Но

Масштабъ со-
 временнаго ум-
 ственнаго состо-
 янія народовъ.

Италія по
 сравненію съ
 остальною
 Европою.

Дѣйствіе книго-
 печатанія на ли-
 тературу и цер-
 ковь.

Удешевленіе
 книгъ.

Греція, Римъ, Египетъ,—вообще всѣ древнія правительства, кромѣ
 китайскаго, были основаны на такихъ элементахъ, среди которыхъ
 не было мѣста самому важному классу нашего времени—читаю-
 щему. Свѣдѣнія передавались изъ устъ въ уста, а не помощью
 глазъ. При ограниченномъ спросѣ вознагражденіе копировщику
 было достаточно велико, а цѣна, уплачиваемая покупателемъ, умѣ-
 ренна. Ошибочно было бы предполагать, что методы и преимуще-
 ства печатанія были неизвѣстны. Разные виды печатанія были въ
 употребленіи повсюду, гдѣ это требовалось. Для того, чтобы убѣ-
 диться въ этомъ, незачѣмъ вспоминать о римскихъ штем- Недостатокъ въ
 пеляхъ,—примѣромъ можетъ служить каждый вавилон- бумага. Бумага
 ской кирпичъ или каждое вавилонское кольцо съ печатью. Дѣй- изъ Дамаска.
 ствительное затрудненіе представляетъ недостатокъ бумаги. Она
 выдѣлывалась въ Европѣ сначала испанскими маврами изъ тон-
 каго льна Валенціи и Мурціи. Бумага изъ хлопчатой бумаги, про-
 даваемая подъ названіемъ *Charta Damascena*, сначала производи-
 лась въ Дамаскѣ, а разныя другія ея разновидности выдѣлывались
 въ Китаѣ.

Было бы больше читателей, и бумага начала бы произво-
 диться въ большемъ количествѣ, и больше было бы переписчиковъ,—
 да, были бы даже и типографщики. Усиленному спросу отвѣчало
 бы усиленное удовлетвореніе. Какъ только такое требованіе воз-
 никло въ Европѣ, возникла въ ней и пресса, какъ то было тысячу
 лѣтъ назадъ въ Китаѣ.

Что касается до общества, то печать доставляла ему только
 выгоду; не то было съ авторами. Долговѣчность книгъ ^{Долговѣчность}
 сильно пострадала,—грустное заключеніе для честолю- <sup>книгъ умно-
 биваго ума. Продолжительность существованія многихъ ^{женна.}
 древнихъ книгъ, благополучно пережившихъ цѣлыя столѣтія, немислима для
 современныхъ книгъ. Этому сокращенію времени существованія
 книгъ способствуетъ въ значительной степени чрезвычайное раз-
 множеніе ихъ. Быстрое слѣдованіе книгъ другъ за другомъ дѣлаетъ
 устарѣлыми многія изъ нихъ, считавшіяся прежде выдающимися, а
 затѣмъ предаетъ ихъ забвенію. Никто не можетъ теперь надѣяться
 на безсмертіе. Единственное, чего можетъ ждать современный пи-
 сатель,—это чтобы книга пережила на нѣкоторое время его самого.</sup>

Съ печатью произошло то же, что и съ другими дѣлами на
 рынкѣ: усиленный спросъ породилъ усиленное предло- ^{Умноженіе}
 женіе, которое, реагируя, въ свою очередь, еще больше ^{книгъ.}
 усилило спросъ. Дешевыя книги порождаютъ читателей. Когда мо-
 нахи, покинувъ свою бесполезную и лишнюю жизнь и переставъ
 повторять по двѣнадцать разъ въ день молитвы, начали списы-
 вать и раскрашивать рукописи, въ результатъ получилось повыше-
 ніе умственнаго состоянія всего сословія, увеличилось число мона-
 ховъ, умѣющихъ читать. И по мѣрѣ того, какъ увеличилось ко-
 личество книгъ благодаря ихъ печатанію, возрастало и число лицъ,
 нуждавшихся въ нихъ.

Во-вторыхъ, что касается до перемѣны въ способѣ сообщенія
 свѣдѣній, то эта перемѣна дала себя почувствовать ^{Способъ сооб-}

ценія знаній
памятается. прежде всего въ церковномъ мірѣ, а затѣмъ въ политическомъ. Вся система общественнаго богослуженія основывалась на неграмотности народа; отсюда чтеніе молитвъ и проповѣдей. Кто станеть внимательно сравнивать XIII ст. съ XIX, не можетъ не замѣтить, какъ существенно важно было устное преподаваніе въ первомъ и какую второстепенную роль играетъ оно во второмъ. Изобрѣтеніе книгопечатанія доставило немедленно могущественнаго соперника церковной каюедрѣ. Оно сдѣлало возможнымъ то, что было невозможно раньше въ христіанской Европѣ, — непосредственное сообщеніе правительства съ народомъ помимо всякаго религіознаго посредничества, и послужило первымъ шагомъ въ той важной перемянѣ, которая была впоследствии проведена въ Америкѣ, — къ отдѣленію церкви отъ государства. Хотя въ этомъ отношеніи получился желаемый эффектъ, но въ другомъ добыты результаты были сомнительнаго свойства, потому что церковь держалась своей старой системы и послѣ того, какъ утратила свою дѣйствительную силу, держалась ей, несмотря на то, что рисковала дойти до совершенно неподвижнаго, безжизненнаго состоянія.

Но мы не должны придавать слишкомъ малаго значенія ^{Вліянію церков- ной службы на народъ.} вліянію, оказываемому на неграмотную общину устнымъ и сценическимъ поученіемъ. Что могло лучше поучать ее, какъ не это торжественное собраніе всѣхъ прихожанъ по воскресеньямъ, съ цѣлью слушать молча, не задавая никакихъ вопросовъ? Въ этихъ громаднѣхъ церквахъ, архитектурное величіе которыхъ возбуждаетъ и теперь наше удивленіе, было соединено все, что могло произвести впечатлѣніе на богомольца. Громадное зданіе съ его башнями и шпилями, возносящимися къ небесамъ; его крутая, наклоненная крыша; его стѣны съ нишами и статуями; его звучные колокола; его расцвѣченныя чудными красками окна всевозможныхъ формъ, въ видѣ овала, круга или розы, черезъ которыя проникалъ въ церковь разноцвѣтный свѣтъ; его ряды высокихъ стройныхъ колоннъ; его своды, возвышавшіеся другъ надъ другомъ; священникъ, выступающій изъ своего таинственнаго убѣжища; его чаша и запретное вино; покрытый дискосъ, потиръ, дароносица. Среди облаковъ оміама изъ кадилницъ, при свѣтѣ лампъ, факеловъ и блестящихъ люстръ, при звукѣ серебряныхъ колокольчиковъ, игрѣ драгоценныхъ каменьевъ на чашахъ и среди пышныхъ одеждъ, фіолетовыхъ и сѣрыхъ, затканыхъ золотомъ, пронеслись съ пышнымъ церемоніаломъ черезъ ряды колѣно-преклоненныхъ богомольцевъ хоругви и кресты по всѣмъ боковымъ придѣламъ храма. Пѣніе литаній и псалмовъ заставляло предвкушать небесныя мелодіи, а голоса хора и звуки органа то гремѣли, прославляя Бога въ высотѣ, то шептали, успокаивая упавшихъ духомъ.

Если таково было вліяніе, оказываемое соборами, то не меньше было и вліяніе, оказываемое небольшими деревенскими церквами. Крестьянину церковь была дорога воспоминаніями о наиболѣе трогательныхъ моментахъ его жизни.

Въ ея купели родители нарекли ему имя; у ея алтаря онъ принесъ супружескую клятву; подъ маленькими земляными насыпями на ея кладбищѣ ожидали воскресенія дорогія ему лица, преждевременно унесенныя смертью. Церковная каюедра, связанная, такимъ образомъ, съ самыми глубокими и святыми чувствами человечества, была единственнымъ средствомъ просвѣщенія. Ничего подобнаго не существовало во времена язычества. Неправильное, несвоевременное, случайное краснорѣчіе греческихъ республиканскихъ ораторовъ не можетъ никоимъ образомъ выдержать сравненія съ такимъ постояннымъ и прочнымъ, систематическимъ учрежденіемъ.

Какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ смыслѣ общественныя власти признавали его значеніе. Королева Елисавета была не единственнымъ государемъ, умѣвшимъ дѣйствовать на народъ черезъ посредство тысячи каюедръ.

Въ теченіе долгаго времени, какъ и можно было ожидать, принимая во вниманіе ея значеніе и случайныя благо- ^{Каюедра усту- паетъ прессѣ.} пріятствующія ей обстоятельства, церковная каюедра успѣшно выдерживала соперничество съ прессою. Тѣмъ не менѣе ея подчиненіе представлялось только вопросомъ времени. Если методъ приобрѣтенія знаній посредствомъ чтенія обладаетъ нѣкоторыми недостатками, за то у него есть и свои достоинства, потому что хотя на печатной страницѣ молчаливы буквы пѣмы и не окружены сценическою обстановкою, но часто — странное противорѣчіе! — онѣ дышатъ такимъ могущественнымъ краснорѣчіемъ, что заставляютъ сердце биться въ волненіи или зажигаютъ краску стыда на щекахъ. Сила убѣжденія свойственна не одной только рѣчи. Сильный часто безмолвствуетъ. Богъ никогда не говоритъ.

Есть еще другое условіе, придающее большое преимущество чтенію надъ слушаніемъ. Какая глубокая разница су- ^{Слушаніе и чтеніе.} ществуетъ въ дѣлахъ жизни между тѣмъ, дѣлаемъ ли мы сами данное дѣло или дѣлаемъ за насъ кто-нибудь другой? Въ послѣднемъ случаѣ какъ сильно возбуждается нашъ интересъ, насколько мы внимательнѣе слѣдимъ, насколько лучше знакомимся! Слушаніе означаетъ пассивную дѣятельность ума, чтеніе — активную. Но послѣдняя гораздо болѣе хороша.

Въ виду этого соображенія и цѣлаго ряда другихъ, можно было заранѣе предвидѣть, что печать въ концѣ концовъ ^{Упадокъ вліянія церковной каюедры.} лишитъ церковную каюедру ея преобладанія, сдѣлаетъ ее недѣйствительною или обратитъ въ крайнемъ случаѣ въ вспомогательное орудіе. Ясно было, что скоро должно наступитъ время, когда проповѣдь, хотя и украшенная краснорѣчіемъ великихъ и добрыхъ людей, потеряетъ возможность двигать народныя массы или руководить общественною мыслью.

Эта перемяна отразилась какъ на церковной, такъ и на свѣтской власти. Во время турецкой войны 1563 г. ^{Газеты; ихъ происхожденіе.} газеты появились впервые въ Венеціи. Сначала онѣ были рукописныя. *Gazette de France* начала издаваться въ 1631 г. Есть сомнѣніе относительно дѣйствительности первыхъ англійскихъ

газетъ, которыя были яко бы напечатаны во время нападенія испанской армады; копіи ихъ хранятся въ Британскомъ музеѣ. Только во время гражданскихъ войнъ газеты окончательно утвердились въ Англии подъ именемъ *Mercuries, Intelligences* и т. д.

То, что я сказалъ относительно вліянія прессы на религиозную жизнь, можетъ быть примѣнено и къ гражданской жизни. Ораторское искусство пало, заняло второстепенное положеніе и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вытѣснялось журналистикою. Какъ бы прекрасно оно ни было въ своей сферѣ дѣйствій, но по существу своему оно ограничено и совершенно не въ силахъ вліять на массы людей такъ, какъ того требуетъ современная намъ социальная система. Какое значеніе имѣли бы безъ газетъ самыя краснорѣчивыя парламентскія нападенія? Газеты дѣлаютъ изъ нихъ могущественное орудіе, придаютъ имъ политическую силу, которая выводитъ ихъ изъ небольшого круга образованныхъ слушателей и дѣлаетъ изъ нихъ достойныя массы.

Таково было литературное положеніе западной Европы, такова была новая, выступившая на сцену сила въ образѣ прессы. Это былъ только прологъ къ начинающейся теперь великой драмѣ. Мы уже видѣли, что одновременно съ этимъ умственнымъ импульсомъ выступалъ на сцену и нравственный. Они были въ гармоніи между собою. Въ занимающее насъ время нравственный импульсъ имѣлъ полную возможность проявиться подѣ несколькими разнообразными формами. Характеръ его проявленія опредѣляется денежными потребностями Италіи. Впрочемъ, въ скоромъ времени нравственный импульсъ принялъ болѣе обширныя размѣры и обратился въ такъ-называемую реформацію. Движеніе противъ Рима, замершее было въ теченіе цѣлаго столѣтія, снова возобновилось.

Измѣненія въ человѣческой мысли происходятъ непрерывнымъ образомъ, новыя идеи вытекаютъ изъ старыхъ, или исправляя ихъ, или развивая, но никогда не возникаютъ самопроизвольно. Подобно органическимъ формамъ, онѣ требуютъ каждая зародышеваго зерна, сѣмени. Умственная фаза развитія человѣчества, наблюдаемая въ тотъ или иной моментъ, является поэтому воплощеніемъ многихъ различныхъ вещей. Она связана съ прошлымъ и съ настоящимъ и заключаетъ въ себѣ зародышъ будущаго.

Отсюда слѣдуетъ, что человѣческія мнѣнія должны обязательно претерпѣвать превращенія. Что принимается за несомнѣнное однимъ поколѣніемъ, можетъ показаться до такой степени ложнымъ послѣдующему, что будетъ возбуждать удивленіе всѣхъ людей, не понимающихъ закона психическаго развитія. «Какъ могли принимать это за истину!» станутъ они восклицать. Эти фазы превращенія не только слѣдуютъ другъ за другомъ хронологически, такъ что бросаются намъ въ глаза при разсмотрѣніи идей общества въ опредѣленные промежутки времени, въ нѣсколько лѣтъ или столѣтій, но и существуютъ одновременно у различныхъ націй

или среди различныхъ общественныхъ классовъ одной и той же націи, смотря по степени умственнаго ихъ развитія.

Несмотря на увѣренія Рима, болѣе существенныя идеи итальянской системы подверглись неизбѣжнымъ измѣненіямъ. Неграмный народъ, которому легко было импонировать, принялъ на вѣру утвержденіе, что со времени апостола не произошло никакихъ перемѣнъ. Но наступило время, когда эта фикція не могла долѣе продержаться, когда несогласіе не могло долѣе быть скрыто. При новомъ положеніи не могло никакъ удержаться понятіе, находившееся въ полномъ противорѣчій съ разумомъ. Схоластическая теологія и схоластическая философія устарѣли, хотя университеты и поддерживали ихъ. Въстѣ съ возрожденіемъ чистаго латинства и введеніемъ греческаго положены были основанія болѣе правильной критики. Наступилъ неизбѣжно вѣкъ эрудиціи, въ которомъ все, что не могло поддержать своихъ правъ передъ лицомъ критики, должно было необходимо пасть.

Итакъ, мы дошли до великаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ реформаціи. Этотъ терминъ примѣнялся обыкновенно къ протестантскимъ націямъ, и поэтому не вполне ясенъ, такъ какъ въ сущности вся Европа затронута была реформаціоннымъ процессомъ. Ясное пониманіе его происхожденія, его послѣдствій развитія и его послѣдствій можно лучше всего получить при изслѣдованіи положенія сѣверныхъ и южныхъ націй и исхода этого событія въ каждой изъ нихъ.

Германія была всегда искренняя, а слѣдовательно и набожна. Она давала много доказательствъ своего настроенія еще съ того времени, какъ императоръ Оттонъ спустился въ Италію: его экспедиція, какъ говорятъ, состояла изъ вооруженной процессіи духовныхъ, рѣшившихся уничтожить скандаль въ нѣдрахъ церкви. Соборы константскій и базельскій могутъ считаться также олицетвореніями тѣхъ же чувствъ. Рѣшимость ограничить папскую власть и поставить кого-нибудь выше папы возникла изъ глубокаго убѣжденія въ необходимости такой мѣры. Эти соборы были предшественниками наступающей реформаціи. И въ другихъ странахъ происходили событія, принимающія то же направленіе: въ Сициліи и Италіи дѣйствія Фридриха II, во Франціи дѣятельность Филиппа Красиваго. Образованные классы отшатнулись отъ римской церкви подѣ вліяніемъ сарацинъ и евреевъ, энгузиасты—благодаря дѣйствию такихъ сочиненій, какъ *Вѣчное Евангеліе*; набожныя были возмущены рѣчами тамплиеровъ и открытою безнравственностью Рима; патриоты были приведены въ негодованіе заносчивыми притязаніями папы и его постояннымъ вмѣшательствомъ въ политическія дѣла; низшіе, не разсуждающіе классы общества были доведены до неистовства постоянными, навязчивыми вымогательствами денегъ. Въ Англии, напр., несмотря на низкую степень ея умственнаго развитія, начало реформаціи можетъ быть отнесено къ царствованію Эдуарда III, который, по внушенію Виклефа, отказался присягнуть въ

вѣрности папѣ; но за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ болѣе слабыхъ преемниковъ, и начатое имъ движеніе могло продолжаться только въ царствованіе Генриха VII. Въ этой странѣ непосредственныя причины, возбуждавшія къ возстанію противъ папства, были, несомнѣнно, чисто матеріальнаго свойства, какъ, напр., жадность и безнравственность духовенства, громадное количество денегъ, которое оно вымогало изъ страны, вторженіе иностранныхъ духовныхъ. На югѣ Франціи и въ Италіи, гдѣ умственное развитіе было болѣе велико, движеніе приняло также болѣе умственный оттѣнокъ. Этому различію между сѣверомъ и югомъ слѣдуетъ приписать не только поразительное географическое распредѣленіе зарождавшагося въ то время вѣрованія, но также и быстрое и внезапное ограниченіе реформации, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Незадолго до того, подъ влияніемъ финансовой неурядицы, Римъ началъ утверждать, что безконечныя заслуги нашего Спасителя вмѣстѣ съ добрыми дѣлами праведниковъ, превосходившими то, что требуется отъ человѣка (*supererogatio*), создали, такъ сказать, фондъ, изъ котораго можно черпать отпущенія за всякаго рода грѣхи, какъ для мертвыхъ, такъ и для живыхъ, какъ для тѣхъ, кто находится въ чистилищѣ, такъ и для насъ, оставшихся на землѣ. Фондъ этотъ, отданный на храненіе св. Петру и его преемникамъ, можетъ быть пополненъ, въ случаѣ траты, продажей за деньги индульгенцій. И вотъ торговля индульгенціями начала производиться въ громадныхъ размѣрахъ черезъ посредство монаховъ, получавшихъ доходъ съ прибыли. Понятно, что такого рода сдѣлки не могли не вызвать критики со стороны религіознаго чувства,—онѣ, вѣдь, означали не болѣе, не менѣе, какъ торгъ такою святою вещью, какъ заслуги нашего Искупителя. Но это было только наружное объясненіе, которое считалось необходимымъ представить искренно набожнымъ людямъ; за нимъ скрывалась дѣйствительная причина политическаго характера. Для папскаго Рима было необходимо управлять доходами, значительно превышающими тѣ, которые онъ могъ добыть законнымъ путемъ. Подобно тому, какъ римскій сенатъ и цезари вымогали деньги у всего міра для поддержанія республиканской или имперской власти, такъ и теперь Римъ вымогалъ деньги на пользу папѣ. Собираніе фондовъ часто возбуждало споры между свѣтскою и духовною властью, а въ нѣкоторыхъ болѣе рѣшительныхъ странахъ встрѣчало самое энергичное сопротивленіе. Собирать прямой налогъ бываетъ часто затруднительно; но такова человѣческая природа: человѣкъ, котораго трудно заставить уплатить налогъ, утвержденный закономъ, часто охотно отыскиваетъ средства для покупки индульгенціи, освобождающей его отъ грѣховъ. Принимая во вниманіе полуварварское и въ то же время набожное населеніе, съ которымъ церкви приходилось имѣть дѣло, очевидно было, что такой способъ дѣйствій представлялъ большія преимущества, такъ какъ за полученные деньги давался эквивалентъ, представлявшій абсолютную гарантію противъ ада.

Говорятъ, что Мартинъ Лютеръ, бывшій монахъ августинскаго ордена, обратилъ впервые вниманіе на этотъ предметъ влѣдствіе того, что торговля индульгенціями, которая производилась въ обширныхъ размѣрахъ Львомъ X, собиравшимъ средства для постройки церкви св. Петра въ Римѣ, была поручена не его ордену, а доминиканскому въ 1517 г. Но это были все клеветы со стороны противниковъ Лютера, потому что онъ опровергается его дальнѣйшимъ поведеніемъ. Онъ впервые выступилъ на арену общественной дѣятельности, выставивъ 95 тезисовъ противъ продажи индульгенцій. Онъ наклеилъ ихъ на дверяхъ виттенбергскаго собора и развивалъ ихъ въ своихъ проповѣдяхъ, выказывая въ то же время полное повиновеніе папской власти. Слухъ о его дѣйствіяхъ быстро распространился въ публикѣ, возбуждая среди нея такое волненіе, что папа, принявшій все это сначала за выходку монаха, жаждущаго дохода, веко-рѣ, въ виду быстрого распространенія волненія, убѣдился въ необходимости положить конецъ дѣятельности Лютера. Онъ призвалъ Лютера въ Римъ на отвѣтъ; но, благодаря влиянію нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и послѣ полученія письма съ изъявленіемъ покорности со стороны обвиняемаго, папа передалъ все дѣло на разсмотрѣніе кардинала Каэтана, его легата въ Германіи. Кардиналъ, обсудивъ дѣло, велѣлъ Лютеру отнестись; но, вспомянувъ Іоанна Гуса и боясь, что данная ему императоромъ охранная грамота не въ силахъ будетъ защитить его, Лютеръ тайно вернулся въ Виттенбергъ, воззвавъ предварительно къ папѣ, который сначала яко бы получилъ невѣрныя свѣдѣнія объ его дѣлѣ, а теперь будетъ лучше освѣдомленъ. Въ отвѣтъ на это папа осудилъ Лютера, какъ еретика. Онъ продолжалъ, не смущаясь, защищать свои мнѣнія; но, боясь опасности, прибѣгнувъ къ тому средству, которое со времени Филиппа Красиваго считалось наиболѣе дѣйствительнымъ противъ папѣ: воззвалъ къ собору, какъ къ истинному представителю церкви, стоящему, слѣдовательно, выше папы, который такъ же мало непогрѣшимъ, какъ и самъ св. Петръ. Къ этому отрицанію папской власти онъ веко-рѣ прибавилъ отрицаніе ученій о чистилищѣ, устной исповѣди, отпущеніи. Теперь только всплыла на поверхность великая идея, скрывавшаяся до сихъ поръ въ глубинѣ всего этого движенія,—право частнаго осужденія, подъ видомъ догмата, что не папская власть должна быть руководительницею въ жизни, а Библия, и что Библия подлежитъ частному толкованію. До сихъ поръ признавалось, что Библия получаетъ свою достовѣрность и авторитетъ отъ церкви; теперь же было признано, что церковь получаетъ свою достовѣрность и авторитетъ отъ Библии. Послѣ этого для итальянскаго двора оставался только одинъ исходъ: расправиться съ дерзкимъ противникомъ, потому что это новое ученіе о правѣ частнаго сужденія въ дѣлахъ вѣры было крайне опасно и не могло быть ни минуты терпимо. Влѣдствіе этого отъ Лютера потребовали, чтобъ онъ отрекся, подъ страхомъ отлученія въ случаѣ неповиновенія и передачи во власть сатаны.

Отлученіе Лю-
тера. Въ изданной имъ буллѣ папа приказывалъ всѣмъ госу-
дарямъ схватить Лютера и наказать за содѣянные имъ
преступленія.

Но Лютера не такъ-то легко было устранить,—онъ не толь-
ко не испугался, но началъ мстить. По примѣру Фрид-
риха и Фратричелли, онъ объявилъ папу челоѣкомъ
грѣха, антихристомъ. Онъ воззвалъ ко всѣмъ христіанскимъ госу-
дарямъ, приглашая ихъ сбросить съ себя его иго. Въ присутствіи
значительной толпы аплодировавшихъ ему зрителей, онъ бросилъ
въ пламень книги каноническаго права и буллу о его отлученіи.
Тогда папа издалъ новую буллу, изгоняющую Лютера изъ церкви.
Это было въ январѣ 1521 г. Это отдѣленіе отъ церкви развязало
Лютеру руки. Онъ приступилъ къ изслѣдованію итальянской сис-
темы теологіи и политики, въ чемъ ему оказали помощь многіе
талантливые люди, раздѣлившіе его взгляды. Императоръ Карлъ V
счелъ необходимымъ пустить въ ходъ все свое вліяніе, чтобы за-
держать распространеніе реформации. Но было уже поздно: Лю-
теръ заручился поддержкою многихъ вліятельныхъ лицъ, а его
ученіе имѣло защитниковъ среди самыхъ способныхъ людей
Европы.

Поэтому созданъ былъ въ Вормѣ имперскій сеймъ; Лютера
призвали на судъ; онъ явился, но никакія убѣжденія не могли
заставить его отречься отъ своихъ мнѣній. Изданъ былъ указъ,
изгонявшій его изъ имперіи. Но курфюрстъ саксонскій
и возстаніе рас-
пространяется. скрылъ его въ своемъ замкѣ Вартбургѣ. Пока онъ на-
ходился въ этомъ убѣжищѣ, ученіе его быстро распространилось:
между прочимъ, и монахи августинскаго ордена въ Виттенбергѣ, не
колебаясь, перемѣнили свои церковные обряды, уничтожили част-
ныя мессы и начали причащать мірянъ не только хлѣбомъ, но и
виномъ.

Между тѣмъ какъ Германію овладѣвало глубокое волненіе,
Швейцарская
реформация. Цвингли. подобное же возстаніе противъ итальянскаго владыче-
ства вспыхнуло въ Швейцаріи. Оно также началось
по вопросу объ индульгенціяхъ и нашло себѣ предводителя въ лицѣ
Цвингли.

Даже въ этотъ ранній періодъ неизбѣжный ходъ событій на-
чалъ обнаруживаться въ распаденіи на секты, потому что въ то
время, какъ германскіе и швейцарскіе реформаторы соглашались
насчетъ отношеній своего къ папской власти, они расходились
по разнымъ важнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ по вопросу
о причащеніи. Германцы предполагали, что тѣло и кровь Христа
присутствуютъ таинственнымъ образомъ въ хлѣбѣ и винѣ; швей-
царцы же думали, что эти вещества — только символы, эмблемы.
И тѣ, и другіе совершенно отвергали ученіе о пресуществленіи.
Старыя идеи Беренгара вновь бродили среди людей. Подъ покрови-
тельствомъ ландграфа гессенскаго, сдѣлана была попытка прими-
рить противниковъ на конференціи въ Марбургѣ; но послѣ долгихъ
прений оказалось, что ни одна партія не хочетъ поступиться

своими взглядами, и они разстались съ чувствомъ христіанскаго
милосердія другъ къ другу, но не съ чувствомъ братства.

На первомъ сеймѣ въ Шпейерѣ, въ 1526 г., сдѣлана была
попытка привести въ исполненіе приговоръ надъ Лютеромъ, но
партія реформации оказалась слишкомъ сильною для католиковъ.
На второмъ сеймѣ, собранномъ въ томъ же городѣ 3 года спустя,
рѣшено было не производить никакихъ измѣненій въ установлен-
ной религіи, пока не будутъ обнародованы рѣшенія собора, избран-
наго обоими сеймами. При этомъ удобномъ случаѣ католическіе
интересы получили достаточное преобладаніе, чтобы добиться отмѣны
власти, данной имперскимъ князьямъ, — власти упра-
влять самими церковными дѣлами своихъ владѣній. Про-
тивъ этого дѣйствія сейма нѣкоторые изъ государей *протесто-
вали*,—это было причиною имени протестантовъ, даннаго впослед-
ствіи реформаторамъ. На сеймѣ, собранномъ въ слѣдующемъ году
въ Аусбургѣ, представлено было изложеніе ученій реформаторовъ,
составленное Лютеромъ и Меланхтономъ; въ немъ затрогивались
слегка и заблужденія и суевѣрія церкви. Изложеніе это стало из-
вѣстно подъ именемъ аусбургскаго исповѣданія. Сеймъ, впро-
чемъ, не только отвергъ эти ученія, но и осудилъ большую часть
ихъ. Протестанты, впрочемъ, въ собраніи въ Смаль-
кальде, составили договоръ для общей защиты,—такъ
что это время слѣдуетъ считать эпохою организациі реформациі.
Въ этотъ союзъ не вошли реформаторы Швейцаріи: послѣдніе
по совѣсти не могли принять аусбургскаго исповѣданія, которое
легло въ основаніи союза. Такимъ образомъ, сакраментаріи, какъ
ихъ называли, отдѣлились политически отъ лютеранъ. Кромѣ того,
въ Швейцаріи процессъ разложенья продолжался: Кальвинъ осно-
валъ новую секту, отличавшуюся тѣмъ, что она настаивала на уче-
ніяхъ августинцевъ о предопредѣленіи и избраніи, отмѣняя въ
празднества и церковные обряды. Послѣ послѣдователи Цвингли
и Кальвина слились въ одно.

Политическія комбинаціи, возникавшія по мѣрѣ того, какъ
протестантизмъ быстро пріобрѣталъ свѣтскую власть, *Апогей ея раз-
витія. Вестфаль-
скій миръ.* породили войны, какъ и слѣдовало ожидать. Аусбург-
скій миръ, 1555 г., доставилъ реформаторамъ ожидаемыя ими важ-
ныя преимущества: освобожденіе изъ-подъ церковной власти Ита-
ліи, право для всѣхъ германцевъ частнаго сужденія въ религіоз-
ныхъ вопросахъ, равенство съ католиками въ дѣлѣ гражданскихъ
привилегій. Черезъ 64 года вспыхнула новая война, тридцатилѣт-
няя, и споръ былъ окончательно улаженъ вестфальскимъ миромъ.
Это время можно считать апогеемъ развитія реформации. Миръ
былъ заключенъ вопреки интригамъ и оппозиціи Рима.

Ученія реформации съ жадностью воспринимались во всей
сѣверной Европѣ и утвердились на время во Франціи *Развѣръ дог-
жепія.* и Италіи. Въ своемъ докладѣ 1558 г. венеціанскій по-
сланникъ утверждаетъ, что католики составляютъ въ Германіи
только одну десятую часть населенія. Въ теченіе двадцати лѣтъ

ни одинъ студентъ вѣнскаго университета не вступалъ въ духовное сословіе.

Такова была реформація среди германскихъ націй. Трудно, впрочемъ, понять это великое движеніе, не составивъ себе яснаго понятія о ходѣ событий въ Италіи, потому что и этотъ полуостровъ былъ затронутъ реформаціею, хотя совершенно различнымъ образомъ. Въ умственномъ отношеніи онъ далеко опередилъ остальную Европу, какъ доказывается обстоятельствомъ въ родѣ тѣхъ, на которыя мы указывали, говоря о печатаніи книгъ. Между Италіею и народами, о которыхъ мы говорили, существовала большая разница и въ матеріальныхъ интересахъ. Всемъ, что вымогалось у послѣднихъ, пользовалась первая. Умственное и матеріальное состояніе Италіи векорѣ положило предѣлъ развитію реформаціи.

Итальянцы давно уже глядѣли съ презрѣніемъ на трансальпійскія націи. На томъ основаніи, что умственно сильныя могутъ законнымъ образомъ пользоваться услугами умственно слабыхъ, они систематически высасывали у нихъ все ихъ богатство. Подобно тому, какъ мы поступаемъ съ дикарями, давая имъ взаимно золота бусы, зеркальца, гвозди, такъ и они вели выгодный для себя мѣшовой торгъ съ доблестными, но невѣжественными варварами, вымѣнивая жизнь на небѣ за богатство на землѣ и продавая за деньги индульгенціи или отпущенія грѣховъ. Но, съ другой стороны, они со страхомъ смотрѣли на трансальпійскихъ жителей, испытывъ уже на себѣ силу французскаго лезвія и германскаго меча. Образованные классы хотя и старались обезпечить себѣ полную свободу мысли, не обнаруживали никакой склонности пропагандировать свои мнѣнія, сознавая, какъ это было бы невыгодно для финансовыхъ интересовъ ихъ страны. Вѣра ихъ давно перестала быть дѣломъ убѣжденія, а обратилась въ чисто виѣшнее патріотическое соглашеніе съ господствующими религіозными мнѣніями. Даже тѣ, кто позволялъ себѣ самый широкій образъ мыслей, никогда не возражали, когда какой-либо изъ пылкихъ сторонниковъ ихъ мнѣній оказывался вынужденнымъ бѣжать за Альпы въ силу церковнаго давленія. Ни одна часть Европы не была такъ полна невѣрующими, какъ Италія. Невѣріе доходило въ высшихъ классахъ до философскаго отрицанія; въ среднихъ и менѣе образованныхъ оно принимало форму аріанства, — а у низшихъ высказывалось въ видѣ полного равнодушія, не дающаго себѣ даже труда не вѣрить. Университеты и ученые академіи были наполнены еретиками; такъ, падуанскій университетъ считался уже давно центромъ атеизма, а многія ученые академіи, какъ, напр., моденская и венеціанская, нѣсколько разъ закрывались по обвиненію въ ереси. Девизъ линцейской академіи слишкомъ ясно указывалъ на духъ этихъ учреждений: это была рысь, которая, обративъ глаза на небо, когтями разрывала трехглаваго Цербера. Такое тревожное состояніе не ограничивалось одною Италіею, и Франція также издавна обнаруживала его. Изъ парижскаго уни-

Возстаніе въ Италіи.

Положеніе итальянцевъ.

Состояніе университетовъ.

Состояніе академій.

верситета, этой сторожевой башни церкви, часто раздавалась тревога то противъ людей, то противъ книгъ. Однажды, по его внушенію, чтеніе физики и метафизики Аристотеля было воспрещено; воспрещено было и чтеніе философскихъ сочиненій, пока они не будутъ исправлены теологами церкви. Физическія ереси Галилея, пантеизмъ цизальпийцевъ находили себѣ противовѣсъ во Франціи. Даже глава церкви Левъ X при началѣ реформаціи не могъ избѣжать неприятныхъ для него толковъ; много ходило разсказовъ относительно его вступленія на папскій престолъ, разсказовъ, затрогивавшихъ какъ его нравственность, такъ и его вѣру.

При такомъ зловѣщемъ положеніи дѣлъ, необходимость проводить дальше политику, которой Италія такъ долго придерживалась, постоянно принуждая папское правительство къ дѣйствіямъ, возмущавшимъ просвѣщенные умы его собственныхъ чиновниковъ. Пронесла непрестанная борьба между обязанностью и убѣжденіемъ. Зачѣмъ признано было необходимымъ запретить Коранъ, напечатанный въ Венеціи въ 1530 г.? Зачѣмъ, когда папа Павелъ IV издалъ въ 1559 г. Index Expurgatorius запрещенныхъ книгъ, оказалось нужнымъ включить въ него не менѣе 48 изданій Библии, изгнать 61 типографіка и запретить все ихъ изданія? Зачѣмъ къ Галилею относились въ одно и то же время и съ такимъ уваженіемъ, и съ такою злобой? Очевидно, что терпимость, какъ относительно людей, такъ и относительно книгъ, была совершенно несовмѣстна съ принципами папскаго престола и что, въ виду его суровыхъ требованій, первые подвергались преслѣдованіямъ, а послѣдніе воспрещались или сжигались, не принимая въ расчетъ ни чувствъ, ни личныхъ склонностей, которыя могли стоять на пути. Разъ началось бы колебаніе при исполненіи этого рѣшенія, власть Рима надъ человѣческимъ умомъ подверглась бы неминуемой опасности.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи въ началѣ реформаціи и въ періодъ ея активной дѣятельности: старая система производила неумолный гнетъ на передовыхъ дѣятелей, понуждая ихъ къ дѣйствіямъ, противъ которыхъ возставалъ ихъ разумъ. Они были связаны съ интересами своей страны, а эти интересы были тѣсно сплетены съ условіями, которымъ они не могли сочувствовать съ умственной точки зрѣнія. Для людей этого закала германская и швейцарская реформаціи были недостаточны. Они утверждали, что реформація оставила дѣла въ томъ же положеніи, несогласномъ съ разумомъ, какъ и прежде. Конечно, они всегда руководились тѣмъ соображеніемъ, что отмѣна отпущенія грѣховъ за деньги, отмѣна индульгенцій, избавленіе отъ папскихъ налоговъ и отъ вторженія чужеземнаго духовенства наносятъ ущербъ денежнымъ интересамъ Италіи. Они утверждали, что ученія, провозглашаемыя реформаціею, прокладываютъ себѣ путь не въ силу своей разумности, а помощью воззваній къ невѣжественнымъ людямъ и даже къ женщинамъ; что ничего не было сдѣлано, чтобъ ослабить старый нетерпимый догматизмъ, гнетъ, тяготѣвшій надъ свободою мысли. Левъ X, какъ из-

Ложное положеніе папства.

Задерзка, оказанная реформаціи въ Италіи.

Левъ X; его характеръ. Вѣстно, вначалѣ составилъ себѣ совершенно ложное представленіе о характерѣ реформации. Это былъ человекъ съ утонченными вкусами, любившій удовольствія, пышныя празднества и слишкомъ часто скандализировавшій набожныхъ людей своими нескромными разговорами и легкомысленнымъ поведеніемъ. Онъ гордился ролью покровителя ученыхъ, которую игралъ, ревностно слѣдилъ за успѣхами литературы и искусства и былъ большимъ знатокомъ древности. Онъ никакъ не думалъ, чтобы пріятное теченіе его жизни совершеннаго джентльмена могло быть нарушено. Ему и въ голову не приходило, чтобы грубый германскій монахъ могъ превратиться въ противника, достойнаго его, папы. Веселые итальянцы съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣли на Лютера: по ихъ мнѣнію, онъ проповѣдывалъ идеи гораздо болѣе нелѣпныя, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ возставалъ, и, что было еще болѣе важнымъ преступленіемъ, проповѣдывалъ ихъ на плохой латыни. Они увѣряли, что находятъ признаки безумія въ борьбѣ реформатора съ дьяволомъ, но что въ его безуміи былъ методъ, такъ какъ онъ твердо рѣшилъ завести себѣ жену. Они говорили, что германское движеніе окажется чрезвычайно пагубнымъ для знанія и должно привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, возбуждая въ простомъ народѣ революціонный и разрушительный духъ. Въ этой нелюбви къ Лютеру было, правда, нѣкоторое основаніе. Каррикутуры, которыя этотъ великій человекъ позволялъ себѣ рисовать, слишкомъ грубы, чтобы ихъ можно было описывать современному читателю. Они могли бы вполне заслуженно возбудить наше отвращеніе и негодованіе, если бы ихъ нельзя было извинить грубостью того времени и того общества, среди котораго ему приходилось дѣйствовать. Левъ только тогда понялъ свою ошибку, когда было уже поздно: оказалось, что онъ насмѣхался легкомысленно надъ тѣмъ, противъ чего долженъ былъ всѣми силами бороться.

Теперь прошло больше трехъ столѣтій со времени начала реформации, такъ что мы можемъ съ достаточною точностію опредѣлить ея вліяніе. Основанная на правѣ личнаго толкованія священнаго Писанія, она ввела лучшія правила жизни и сдѣлала большой шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія умственной свободы. Она принудила людей сдѣлаться болѣе нравственными и позволила имъ быть болѣе учеными. Традиціи еувѣрія она замѣнила предписаніями здраваго смысла, и положила конецъ мнимымъ чудесамъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ скандализировавшимъ Европу. Утвержденіе итальянцевъ, что она принесла большой вредъ наукѣ, не выдерживаетъ критики. Хотя самаго Лютера нельзя считать ученымъ человекомъ, но онъ одобрялъ изученіе греческаго языка и еврейскаго, которые обѣ партіи признавали опасными для латинской системы. И если признать даже справедливость обвиненія, что онъ покровительствовалъ имъ не изъ любви знанію, а изъ ненависти къ Риму, то и тогда міръ оказывался въ выигрышѣ. Къ концу его жизни казалось, что папству предстоитъ только одинъ исходъ—конечная гибель; но въ то

Остановка въ развитіи реформаци въ Европѣ.

время, о которомъ мы говоримъ, изъ 300000000 христіанъ болѣе половины подчинились Риму. И вдругъ, какъ бы по волшебству, реформация перестала двигаться впередъ. Римъ, оказалось, не только задержалъ ея распространеніе, но даже вернулъ себѣ часть утраченныхъ приверженцевъ. Причину этого результата, который можетъ показаться намъ сначала удивительнымъ, не слѣдуетъ искать въ сверхъестественныхъ вліяніяхъ, какъ это дѣлали многіе. Когда естественныхъ причинъ достаточно, незачѣмъ останавливаться на сверхъестественныхъ.

Хотя могли быть государи, которые, какъ, напр., Генрихъ VIII, имѣли личныя причины быть недовольными папскимъ дворомъ; хотя были и такіе, которые пытались узурпировать власть и прерогативы папъ; хотя могли быть дворяне, которые, какъ писалъ сэру В. Паджету опекунъ принца Уэльскаго, «были похожи на волковъ и способны проглотить хоры, соборы, университеты и еще 1000 вещей кромѣ того», которые желали ограбить древнія учрежденія, созданныя благочестивымъ духомъ предковъ, и пускали въ ходъ все свое вліяніе, чтобы добиться этого; но среди нихъ и выше такого рода дѣятелей стоялъ тотъ не-большой, но важный классъ людей, который смотритъ на человѣчскія дѣла съ самой общей точки зрѣнія. Къ какой бы націи эти люди ни принадлежали, для нихъ было очевидно, что разложеніе вѣры, если только оно будетъ идти впередъ безъ поддержки, должно неминуемо привести къ анархіи сектъ. По ихъ мнѣнію, германская реформация не сдѣлала всего, что должна была сдѣлать. Она въ дѣйствительности не затронула вопроса о зависимости государства отъ церкви. Въ южныхъ народахъ континента она только разбередила великія европейскія раны, между тѣмъ какъ слѣдовало ампутировать всю гниль. По ихъ мнѣнію, лучше было оставить дѣла въ томъ же положеніи, пока не получится возможность искоренить зло, что въ данное время было очевидно невозможно. Не понимая, впрочемъ, въ какой мѣрѣ вліяетъ на человѣчскія дѣла законъ и какъ мало зависятъ они отъ воли данныхъ индивидуумовъ, они заявляли, что католицизмъ былъ цивилизующею силою въ Европѣ и, къ лучшему или худшему, тѣснымъ образомъ сплелся съ социальнымъ строемъ. Теперь невозможно было вырвать католицизмъ изъ этого строя, не подвергнувъ его всего разрушенію. Кромѣ того, мантя папской власти, окутывавшая всю Европу въ свои широкія складки, съежилась благодаря послѣднимъ событіямъ и протянулась поперекъ континента, отдѣляя другъ отъ друга сѣверныя и южныя націи. Южныя народы видѣли на ея расшитой поверхности только полезныя и прекрасныя формы, сѣверные—смѣсь безсмысленно расположенныхъ нитей. Но тѣ немногіе, которые охватывали взглядомъ ее всю, прекрасно знали, что одно является необходимымъ спутникомъ другого и что такъ же бесполезно искать объясненій, какъ и оправдывать вѣщныя проявленія даннаго явленія. Для нихъ было совершенно ясно, что спокойствіе и счастье христіанства будутъ гораздо лучше обезпечены, если мнѣнія, возбудившія уже столько волненій и заклю-

Обуславливаютъ ли не сверхъестественными причинами.

Вліяніе государственныхъ людей и философовъ.

чающія въ себѣ начала общественной дезорганизаци, не встрѣ-
тить поощренія.

Причина, почему реформація такъ быстро потеряла свою
Вліяніе харак-
тера реформа-
ціи. силу распространенія, коренится въ ней самой, въ ея
сущности. Начало разложения, представляемое ею и
тѣсно сплетенное съ нею, обуславливаетъ необходимость борьбы.
Въ теченіе короткаго времени все вниманіе протестантизма было
сосредоточено на папской власти, отъ которой онъ только недавно
отдѣлился; но по мѣрѣ того, какъ силы его возрастали, а незави-
симость утверждалась, цѣль эта перестала занимать его и мало
по малу отступила на задній планъ. Вниманіе всѣхъ различныхъ
его школъ было сосредоточено на второстепенныхъ подраздѣле-
ніяхъ, возникшихъ изъ нихъ и имѣющихъ общій съ ними источ-
никъ—католицизмъ. Горечь нападеній, направленныхъ нѣкогда про-
тивъ папства, не утратила своей силы, когда объектомъ нападенія
сдѣлались ближайшіе соперники его или враги. Разногласія воз-
буждались не только между болѣе крупными сектами, какъ, напр.,
между церквами англійскою и шотландскою, гдѣ они основывались
на существенныхъ и важныхъ пунктахъ; они возбуждались и между
всевозможными мелкими сектантскими комбинаціями, но мѣрѣ ихъ
Дѣйствіе сек-
тантскихъ ре-
формъ. и къ преслѣдованію слабыхъ сильными тамъ, гдѣ пере-
вѣсъ силы былъ на одной сторонѣ. Вскорѣ процессъ разложения
настолько усилился, что мелкія секты начали возникать по самымъ
несущественнымъ поводамъ. Но и между этими мелкими корпора-
ціями было столько же горечи, столько же ненависти, какъ и между
большими. Эти разногласія проникали и въ гражданскую жизнь:
каждая секта образовывала самостоятельное общество и воздержива-
лась, насколько это было возможно, отъ сношеній съ соперни-
ками. Необходимымъ результатомъ такого положенія дѣлъ была
слабость, и, въ случаѣ отсутствія другихъ причинъ, этой одной
было достаточно, чтобы лишить протестантизмъ его агрессивной силы.
Разъединенная внутренно армія не въ состояніи вести войны про-
тивъ дѣлительнаго и энергическаго врага.

Но это было еще не все. Протестантизмъ съ самаго начала
не обнаружилъ создающей силы. Въ противополож-
ности своему великому противнику, у него не было
основного принципа, который могъ бы соединять въ одно далекія
общины и чужеземныя страны. Началомъ ему послужило разно-
гласіе, а воплотился онъ въ разъединеніи. Онъ не обладалъ силою
концентраціи и не признавалъ человѣка, облеченнаго апостольскою
властью, который могъ бы едерживать его раздоры, приводить въ
гармонію его силы, руководить цѣлыми массами. Для достиженія
этихъ цѣлей у протестанта были только желанія, а у католика
воли. Церковь Англій, Шотландіи или какой-либо другой протес-
тантской страны превосходно исполняла свои обязанности относи-
тельно той общины, во главѣ которой стояла, но въ большинствѣ
случаевъ представляла собою чисто мѣстное учрежденіе, совер-
шенно незначительное сравнительно съ тою великою старою цер-

ковью, древнею, убѣленною сѣдинами, которая присутствовала при
возникновеніи всѣхъ европейскихъ правительствъ и всѣхъ евро-
пейскихъ учреждений, при чемъ многія изъ нихъ созданы были
по ея приказу, которая истребила язычество въ римской имперіи,
принудила цезарей повиноваться ея повеленіямъ, заставила всю
бѣлую расу двинуться на Святую землю,—съ этою великою старою
церковью, которая стояла нѣкогда во главѣ христіанства и въ
сравненіи съ которою самая почтенная національная церковь была
только частью части.

Совершенно иное положеніе занималъ католицизмъ. Онъ обла-
далъ организациею, которая сосредоточивала въ рукахъ Положеніе ка-
толицизма. одного человѣка непобѣдимую власть, и обнимала всѣ
южныя страны Европы, не перешедшія въ руки магометанъ. Онъ
могъ проводить свою политику, опираясь на арміи и флоты пови-
нующихся ему королей. Принимая во вниманіе это положеніе дѣлъ,
не удивительно, что распространеніе реформаціи ограничилось пер-
вою ея вѣтвью,— что люди, видѣвшіе ея начало, увидели и ея
конецъ. Не удивительно, что, съ одной стороны, при политической
слабости, возникающей изъ стремленія къ разъединенію и распа-
денію, а съ другой стороны—при доведенной до совершенства
организаци противъ угрожающей опасности, долженъ былъ полу-
читься вышеизложенный исходъ.

Сознавъ, наконецъ, угрожающую ей опасность, реформація
встрѣтила ее четырьмя орудіями: контръ-реформаціею, Средства сопро-
тивленія, къ ко-
торымъ прибѣ-
гнулъ Римъ. усиленіемъ инквизиціи, учрежденіемъ ордена іезуитовъ
и украшеніемъ своего богослуженія. Сѣверные народы
склонны были упрощать богослуженіе, а южные возможно больше
украшать его, чтобы лучше дѣйствовать на чувства. Ранке утвер-
ждаетъ, что сочиненная Палестриною въ 1560 г. месса Марцелла
сильно способствовала оживленію религіознаго чувства; нельзя со-
мнѣваться, что она создала цѣлую эпоху въ дѣлѣ благоустоя. Но
лучше всего поддѣйствовала нравственная перемѣна, пре-
кращенная въ нѣдрахъ самой церкви. Она рѣшила не
допускать больше на престолъ св. Петра атенстовъ, отравителей,
воровъ, убійцъ, клятвопреступниковъ, прелюбодѣевъ, а только та-
кихъ людей, которые, быть можетъ, принимая во вниманіе сла-
бости человѣчества, будутъ иногда не въ силахъ справиться съ
предстоящими имъ важными искушеніями, но все же останутся
достойными глубокаго уваженія по своей нравственной чистотѣ,
безукоризненной жизни и чистосердечнымъ намѣреніямъ. Тѣ скан-
далы, которые до сихъ поръ позорили ее, начали исчезать; на
всѣхъ ступеняхъ духовнаго званія пропознала настоящая рефор-
мація, настоящее преобразование, но только не расколъ. Если бы
протестантизмъ привелъ только къ этому результату, и это было
бы хорошо.

Итальянская власть старалась обезпечить себѣ владычество
еще другимъ способомъ, помощью усиленія дѣятельно- Усиленіе дѣ-
тельности ин-
квизиціи. сти инквизиціи. Трудно понять, какъ могли умные люди
оправдывать существованіе этого возмутительнаго учрежденія. Этого

оправданія нельзя основывать ни на правилахъ христіанской нравственности, ни на правилахъ высшей политики. Для того, чтобы достигнуть своей цѣли, инквизиція должна была быть всевидящею, какъ Провидѣніе, и немоллимою, какъ могила; она должна была не наказывать такъ, чтобы преступникъ помнилъ свои страданія, а немилосердно убивать; не утруждать себя опредѣленіемъ достовѣрности даннаго случая, доставляя обвиняемому шансъ сомнѣнія, а признавать подозрѣніе и достовѣрность синонимами. Дѣйствуя съ безжалостною, безстрастною рѣшительностью макіавелизма, это орудіе угнетенія человѣческаго ума должно было достигнуть цѣли. Оно совершенно уничтожило протестантизмъ въ Испаніи и Италіи и въ этихъ странахъ поставило предѣлъ прогрессивному развитію человѣческаго ума.

Но самымъ дѣйствительнымъ изъ всѣхъ орудій, къ которымъ прибѣгло папство, было учрежденіе ордена иезуитовъ. Онъ былъ учрежденъ буллою Павла III въ 1540 г.; члены его должны были повиноваться такъ, какъ Богу, генералу ордена, избравшемуся пожизненно; они должны были также приносить клятву бѣдности, цѣломудрія, послушанія и идти повсюду, куда бы ихъ ни посылали; повиновались они папѣ, а не церкви, — весьма политичное различіе, потому что этимъ путемъ обезпечивалась полная отвѣтственность ихъ. У нихъ не было правильныхъ часовъ молитвы; обязанность ихъ состояла въ проповѣди, въ руководствѣ совѣстью своей паствы, въ воспитаніи юношества. Помощью иезуитовъ Римъ проникалъ въ самые отдаленные уголки земли, устанавливалъ сообщенія съ католиками, оставшимися вѣрными своей религіи въ центрѣ протестантскихъ странъ, и, заботясь дальновидно о будущемъ, тихонько сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ воспитаніе юношества. Въ исповѣдальныхъ онъ выштыгивалъ у женщинъ тайны ихъ жизни и ихъ семей, руководилъ религиозными обрядами набожныхъ людей и въ то же время игралъ важную роль въ фешенебельномъ обществѣ, участвуя въ его удовольствіяхъ и излншествахъ. Не было переодѣванія, подъ которымъ не скрывался иезуитъ: босопогій инцій, одѣтый въ лохмотья; ученый профессоръ, читающій даровыя лекціи въ ученыхъ собраніяхъ; свѣтскій человѣкъ, живущій въ изобиліи и позволяющій себѣ княжескія траты; даже среди коронованныхъ лицъ встрѣчались иезуиты. Не было мѣсть, куда бы они не сумѣли пробить себѣ дорогу: посѣтитель любой старинной англійской семьи никогда не могъ быть увѣренъ въ томъ, что какой-нибудь иезуитъ не скрывается въ чуланѣ или за занавѣсками спальни. Они были совѣтниками выдающихся дѣятелей своего времени, засѣдали въ кабинетахъ королей и были ихъ духовниками. Обнаруживая глубокое повиновеніе приказамъ своего начальника, подобно хорошему солдату, иезуитъ исполнялъ безпрекословно всякое повелѣніе, какое бы оно ни было. По первому знаку онъ отправлялся въ самый центръ языческихъ или протестантскихъ возставшихъ странъ, гдѣ его присутствіе наказывалось смертью, и исполнялъ возложенную на него миссію. Удавалось — хорошо, не удавалось — тоже хорошо.

Учрежденіе
ордена иезуи-
товъ.

Онъ былъ учрежденъ буллою Павла III въ 1540 г.;

Вліяніе ихъ
на міръ.

его удовольствіяхъ и излншествахъ.

Всѣ средства были хороши для достиженія общей цѣли — блага церкви. Его обязанностью было слѣдить за тѣмъ, чтобы порученное ему дѣло было возможно скорѣе исполнено, — прибѣгая къ законнымъ средствамъ, если они оказывались достаточными, въ противномъ случаѣ къ незаконнымъ; пользуясь духовнымъ орудіемъ, но держа про запасъ и обыкновенное физическое; жертвуя чистосердечіемъ, если того требовали обстоятельства, а если нужно, такъ и истинною; помня всегда, что цѣль оправдываетъ средства, если цѣль — благо церкви.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые монашескіе ордена требовали, какъ непремѣннаго условія, уединенія и старались усовершенствоваться лично вдаль отъ людей, иезуитамъ предписывалось вмѣшиваться въ дѣла людей и набираться опытности и житейской мудрости, участвуя въ общественной жизни. И такъ какъ, по слабости человѣческой природы, люди часто быстро охлаждаются, несмотря на то, что сначала воодушевлялись самыми лучшими намѣреніями, и начинаютъ дѣйствовать спустя ракава, то ревность иезуитовъ подстрекала тѣмъ, что изъ каждаго иезуита дѣлали инціона своего собрата, подъ присягою сообщать все своему начальнику. Такимъ образомъ, во всѣхъ частяхъ свѣта устанавливался контроль надъ членами ордена. Въ Европѣ они въ весьма короткое время сумѣли овладѣть мало по малу воспитаніемъ юношества, принимали участіе во всевозможныхъ общественныхъ дѣлахъ, руководили всѣми интригами, давая чувствовать свою власть благодаря вліянію, оказываемому ими на государей, министровъ и придворныхъ дамъ, — на послѣднихъ черезъ посредство исповѣдальни, или помощью болѣе естественнаго и одинаково дѣйствительнаго пути — удовлетворенной любви. Они быстро поняли, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользуется торговля въ дѣлѣ распространенія и развитія религіи, и сдѣлались великими миссіонерами и великими торговцами. Съ восточною и западною Индіею они вели обширную торговлю и имѣли склады въ различныхъ частяхъ Европы. Во время этихъ занятій они, конечно, освобождались отъ клятвы бѣдности и дѣлались несмѣтно богатыми. Въ южной Америкѣ они стали твердою попою въ Парагваѣ и начали цивилизовать индійцевъ, соединяя ихъ въ общества, научая ихъ общественнымъ порядкамъ, земледѣлію и объявляя имъ, какъ много пользы имъ и ихъ обществу доставитъ трудъ. Они ввели у нихъ военную организацію, раздѣлили ихъ войско по европейскому образцу на пѣхоту, кавалерію и артиллерию и снабдили ихъ военными запасами. Они надѣялись распространить отсюда власть церкви на Америку, какъ то было сдѣлано въ предыдущіе вѣка въ Европѣ.

Невыносимое сознаніе ихъ невидимаго присутствія повсюду побудило въ концѣ концовъ Европу уничтожить ихъ. Причины уничтоженія ихъ. Прелесть утонченнаго обращенія, ухищренія, постоянного лицемѣрія не могутъ надолго обманывать. Люди находили, цѣною горькаго опыта, что подъ шелковою перчаткою скрывается желѣзная рука. Начиная отъ генерала въ Римѣ, который былъ неограниченнымъ властелиномъ ихъ личности и безконтрольнымъ

распорядителемъ ихъ несмѣтныхъ богатствъ, до самаго смиреннаго миссіонера, проводившаго жизнь или на Андахъ, или на берегахъ Гаанго, или въ уединенныхъ преріяхъ Миссури, или подъ палищимъ солнцемъ Абиссиніи,—исповѣдывалъ ли онъ изящныхъ дамъ Парижа, или нашептывалъ дьявольскіе совѣты испанскому королю, или утѣшалъ умирающаго крестьянина въ прландской хижинѣ, или бесѣдовалъ съ мандаринами во дворцѣ китайскаго императора, или увлекалъ сердца подрастающаго поколѣнія въ низшихъ школахъ и академіяхъ, или возбуждалъ восторгъ ученыхъ обществъ глубиною своей философіи или блескомъ своихъ научныхъ открытій,—показывался ли онъ на рынкахъ и биржахъ большихъ столицъ, наблюдая за торговыми операціями, обширностью которыхъ онъ превосходилъ даже евреевъ,—сидѣлъ ли онъ въ англійской тюрьмѣ по обвиненію въ бродяжничествѣ или возсѣдалъ на престолѣ Франціи,—выступалъ ли онъ въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, обладателя громадныхъ земель въ отдаленныхъ частяхъ Индіи или южной Америки, или смѣшивался съ толпою на улицахъ Лондона и нашептывалъ протестантамъ о правѣ подданныхъ возстать противъ своихъ государей и даже низложить ихъ, или проповѣдывалъ въ деревняхъ Кастиліи и Леона, что первая обязанность добраго христианина безпрекословно повиноваться приказамъ своего короля,—кто бы ни былъ іезуитъ и что бы онъ ни дѣлалъ, люди всегда чувствовали, что все его дѣйствія подчинены высшей, скрытой цѣли. Эта скрытность, молчаливость и сила сдѣлались, наконецъ, до такой степени невыносимыми, что іезуиты были изгнаны изъ Франціи, Испаніи, Португаліи и другихъ католическихъ странъ. Но такова была ихъ жизненность, что хотя орденъ и былъ уничтоженъ папскою буллою въ 1773 г., они вновь заставили его возродиться.

Хотя часто говорили, что Риму, помощью цѣлага ряда удивительныхъ комбинацій и чрезвычайно искусныхъ движеній, удалось, наконецъ, остановить реформацію, но при большемъ знакомствѣ съ фактами оказывается, что утвержденіе это можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Онъ вышелъ изъ борьбы гораздо менѣе могущественнымъ, чѣмъ прежде. Приписывая его политикѣ все, на что онъ можетъ по справедливости заявить притязаніе, мы должны приписывать извѣстное вліяніе и причинамъ, надъ которыми онъ не имѣлъ никакой власти. Реформація обязана своимъ происхожденіемъ до нѣкоторой степени духу критики, который продолжалъ попрежнему развиваться и приносить плоды. Латинскій языкъ утратилъ свое первенствующее положеніе; новые языки развивались и распространялись по всемъ направленьямъ; печатный станокъ подарилъ міру не только греческую науку, но и безконечное число переводовъ и комментариевъ. Ученіе, съ такимъ успѣхомъ утвержденное Лютеромъ и его товарищами,—право частнаго толкованія и сужденія,—означало въ дѣйствительности примѣненіе органическаго закона критики къ величайшимъ дѣламъ, приковавшимъ къ себѣ вниманіе людей,—къ дѣламъ религіи. Сама реформація съ философской точки зрѣ-

дѣйствіе, произведенное на понятіи въ мнѣніяхъ ученыхъ людей.

нія означала въ дѣйствительности отверженіе авторитета, установленіе индивидуальнаго изслѣдованія и права личнаго мнѣнія. Если критика, опираясь на священномъ Писаніи, начала смѣло обсуждать общественную вѣру, и на основаніи этого выработала новыя правила нравственности, то нельзя было ожидать, что она начнетъ колебаться, когда ей придется затрогивать менѣе важные вещи, что она пощадитъ философію, политику, древнюю литературу. И вотъ она дѣйствительно начала сравнивать однихъ классическихъ авторовъ съ другими, однихъ писателей церкви съ другими, часто одного и того же писателя съ самимъ собою. Противорѣчія были подчеркнуты, ошибки указаны, слабости замѣчены, и новыя взгляды изложены почти относительно всего, входившаго въ область литературы.

Изъ этого испытанія вышла неприкосновенною только одна книга—Библія. Она самопроизвольно получила то, чего требовали для нея Вилкельфъ въ болѣе раннія времена, а Лютеръ позже. И она не только сохранила свое прежнее значеніе, но сдѣлалась несравненно болѣе могущественною, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Пресса размножила ее безъ конца на всехъ языкахъ, такъ что врядъ ли въ реформированной Европѣ существовала хотя бы одна хижина, куда бы не проникъ одинъ экземпляръ Библіи.

Но если критика была возбуждающимъ началомъ, породившимъ реформацію, она оказала не мало вліянія и на остановку въ ея распространеніи: и вотъ это именно то вліяніе, надъ которымъ Римъ не имѣлъ никакой силы, какъ я говорилъ выше. Фазы развитія, переживаемыя реформаціею, зависѣли отъ современнаго имъ прогресса знанія. Сначала она опиралась на священномъ Писаніи, которое было постоянно самою прочною ея опорой, затѣмъ она начала обращать въ орудіе своей защиты и церковныхъ писателей. Но тщательное изученіе послѣднихъ привело многихъ ученыхъ протестантовъ постепенно къ прежнему образу мыслей. Къ ихъ числу принадлежалъ, между прочимъ, Эразмъ, который мало по малу отшатнулся отъ реформаторовъ, а также Гроцій, сочиненіе котораго *De jure belli et pacis*, изданное въ 1625 г., создало цѣлую эпоху въ политической системѣ Европы. Этотъ великій человекъ почувствовалъ мало по малу отвращеніе къ реформаціи, считая, что она, въ сущности, принесла больше вреда, чѣмъ добра; онъ пришелъ къ заключенію, что лучше ради мира предать забвенію все разногласіе и заставить молчать свои убѣжденія, чѣмъ ожидать, что церковь будетъ вынуждена припорочиться къ нимъ. Если такіе люди, какъ Эразмъ, Казобонъ и Гроцій, были приведены къ такой дилеммѣ своими глубокими философскими размышленіями, то ихъ заключенія встрѣтили охотно подтвержденіе со стороны менѣе мыслящихъ людей, выведенныхъ изъ терпѣнія нетерпимостью какъ старой, такъ и новой церкви. Люди спрашивали себя, какаа же разница существуетъ между мстительностью, проявленною Римомъ относительно Антонія де Доминиса, который перешелъ было

дѣйствіи критики на религію и литературу.

Библии.

Упадокъ значенія патристической папск.

въ протестантизмъ, а затѣмъ покаялся и имѣлъ неосторожность прѣхать въ Римъ, гдѣ его арестовали и сожгли, въ то самое время, когда онъ готовился испустить духъ,—и суровостью Кальвина, который, воспользовавшись случайнымъ проѣздомъ черезъ Женеву Сервета, автора *Christianismi Restitutio*, открывшаго отчасти кровобращеніе, велѣлъ схватить его и предать пламени.

Такимъ образомъ, критика на ранней ступени развитія привела къ очень важнымъ результатамъ. Она не утратила своей власти и послѣ того. Низвергнувъ съ престола патристическую теологію, она отняла теперь у нея и скипетръ. Въ сочиненіяхъ Далье она показала, что церковными писателями невозможно пользоваться, потому что они на каждомъ шагу противорѣчатъ другъ другу; даже Іеремія Тэйлоръ говоритъ объ ихъ репутаціи и авторитетѣ, какъ объ исчезнувшихъ навѣки. Въ нѣсколько лѣтъ они были совершенно забыты, раздѣляя въ этомъ отношеніи участь многихъ классическихъ писателей, мнѣнія которыхъ цитируются теперь лишь съ почитательною улыбкою. Преклоненіе передъ древнимъ міромъ уменьшалось подъ влияніемъ изслѣдованія. Начали появляться книги, подымавшія на смѣхъ древнихъ историковъ за ихъ легковѣріе. Смерть Сервета принесла міру не мало пользы. Во всей реформированной Европѣ не было ни одного надежнаго и мыслящаго человѣка, который не пришелъ бы въ ужасъ при извѣстіи объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ казнь несчастнаго медика въ Женевѣ,—казнь, совершенную по приказу Кальвина. Два часа его поджаривали на медленномъ огнѣ, несмотря на его просьбы подложить, ради Христа, немного больше дровъ или какимъ-либо инымъ образомъ прекратить его мученія. Всѣ спрашивали, съ ужасомъ и негодованіемъ, неужели жестокости инквизиціи будутъ возобновлены. Со всѣхъ сторонъ возбуждался вопросъ, законно ли наказывать смертью различіе въ мнѣніяхъ. Глаза людей открылись, и они поняли, что, несмотря на всѣ труды ихъ и усилія, характеристическою чертою цивилизаціи, среди которой они жили, была нетерпимость. Въ 1546 г. венеціанскій посланникъ при дворѣ Карла V доложилъ своему правительству, что въ Голландіи и Фрисландіи болѣе 30000 лицъ были казнены по суду за анабаптизмъ. При такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ терпимость могла развиваться лишь съ большимъ трудомъ. Она обязана своимъ возникновеніемъ не милосердію, но прекращенію вражды между все болѣе и болѣе умножающимися сектами и доказанной невозможности для нихъ обуздывать одна другую.

Исторія реформаціи не заканчивается, какъ думали многіе европейскіе писатели, окончательнымъ распредѣленіемъ сѣвера и юга между протестантами и католиками. Предопредѣленнымъ исходомъ сектантскихъ разногласій и раздоровъ является индивидуальная свобода мысли. Пока существовала обширная, всемогущая, нетерпимая корпорація, каждый человѣкъ долженъ былъ обуздывать свой разумъ и думать только такъ, какъ ему разрѣшалось свыше. Но какъ только различныя вѣроисповѣданія получили достаточно военной силы, чтобы постоять за свое

Конецъ патристизма.

Сожженію Сервета Кальвина.

право существованія, какъ только новыя секты начали вырабатываться изъ нихъ, терпимость сдѣлалась не только возможною, но и неизбежною,—и именно до этого пункта и дошло, повидимому, движеніе въ тогдашней Европѣ. Но Маколей и другіе, писавшіе о реформаціи, судили о ней съ слишкомъ узкой точки зрѣнія, признавая, что она на этомъ и остановилась. Но она сдѣлала еще громадный шагъ впередъ, когда, послѣ американской революціи, государство и церковь торжественно и открыто раздѣлились. Теперь, казалось, зловіщія предсказанія пророковъ должны были исполниться; великій народъ безвозвратно порвалъ связь между своею политикою и своею теологіею; теперь можно было ожидать, что ничѣмъ не сдерживаемые интересы, инстинкты и страсти увлекутъ его въ пропасть анархіи. Но что же находимъ мы, живущіе почти черезъ 50 лѣтъ послѣ того? Распаденіе на секты, доходящее до крайности, есть именно тотъ процессъ, помощью котораго зарождается и поддерживается умственная индивидуальная свобода. Величественное, внушительное религиозное единство обуславливаетъ существованіе тираніи надъ индивидуумомъ; умноженіе сектъ доставляетъ индивидууму свободу мысли и придаетъ его мысленію большую ширину. Въ этомъ отношеніи единство и свобода стоятъ въ оппозиціи другъ къ другу: по мѣрѣ того какъ одна ослабляется, другая усиливается. Реформація уничтожила единство, она дала массамъ людей свободу группироваться въ количествѣ, достаточномъ, чтобъ обезпечить имъ прочное положеніе; и теперь незамѣтно, но неудержимо подвигается впередъ, не останавливаясь въ своемъ шествіи до тѣхъ поръ, пока не наступитъ для человѣка полной умственной эмансипаціи.

Великія революціи часто сопровождаются большими страданіями и многими преступленіями. Многіе до этого событія предполагали, что разложеніе вѣры должно принести ущербъ личной набожности. Но Америка, гдѣ реформація достигла наибольшей степени развитія, доказываетъ ошибочность такого рода мнѣнія. Города ея наполнены церквами, построенными на добровольныя пожертвованія, ея духовенство содержится на частныя деньги и повсюду принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ благочестія, воспитанія, милосердія. Какая разница между его частною жизнью и частною жизнью духовенства до реформаціи! Свѣтскій человѣкъ уже не смотритъ на духовныхъ лицъ какъ на проклетіе для общества; они его вѣрные совѣтники, его уважаемые друзья, по внушенію и подъ наблюденіемъ которыхъ устраиваются воспитательныя заведенія, коллегіи, госпитали,—все, что можетъ быть полезно человѣку въ этой жизни и обезпечить ему счастье въ будущей.

Американское духовенство.

Реформація продолжается въ Америкѣ.

ГЛАВА VII.

Отступленіе: о положеніи Англіи къ концу вѣка вѣры.

РЕЗУЛЬТАТЫ, КЪ КОТОРЫМЪ ПРИВЕЛЪ ВѢКЪ ВЪРЫ.

Положеніе Англіи во время закрытія монастырей.

Положеніе Англіи къ концу XVII в.—Средства сообщенія, литература, бібліотеки.—Общественная и частная жизнь свѣтскихъ лицъ и духовенства.—Грубость при выполнении законовъ.—Распущенность литературы.—Театръ; три его фазы.—Мистеріи, правоучительныя представленія и реальныя.

Оцѣнка успѣховъ, сдѣланныхъ въ вѣкъ вѣры.—Сравненіе съ успѣхами, сдѣланными въ вѣкъ разума.

Теперь, при началѣ вѣка вѣры, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть общественное положеніе странъ, предназначенныхъ играть выдающуюся роль при новомъ порядкѣ вещей. У меня нѣтъ достаточно времени, чтобы настолько подробно излагать этотъ вопросъ, насколько онъ того заслуживаетъ; поэтому я долженъ ограничить свои замѣчанія той націею, которая представляетъ наибольшее интереса для читателя,—именно Англіею, какъ стоящую во главѣ цивилизаціи: ея университеты основаны были много столѣтій тому назадъ; ея хартіи и законы, служащіе опорой индивидуальной, а слѣдовательно и общественной свободы, считались древнѣйшими привилегіями государства; ея народъ былъ умный, мыслящій народъ, любитель свободы и ревностный ея защитникъ. Въ теченіе значительной части послѣдняго періода она была католическою, но затѣмъ примкнула къ реформаціонному движенію,—а въ томъ и въ другомъ случаяхъ она отличалась религиозностью. Правильная оцѣнка ея національной и индивидуальной жизни покажетъ намъ все, что было сдѣлано въ вѣкъ вѣры. Ея положеніе дастъ намъ понять, какъ можетъ прогрессировать человѣкъ, который руководится такими теологическими идеями, какими руководилась она.

Слѣдующіе параграфы дадутъ намъ поучительный урокъ. Они разрушатъ кое-какія романтическія заблужденія; они произнесутъ приговоръ надъ политической системою на основаніи ея практическихъ результатовъ. Какое глубокое различіе съ удивительнымъ развитіемъ, достигнутымъ въ немногo лѣтъ въ началѣ вѣка разума! Какъ сильно напоминаетъ это намъ непослѣдовательныя, бесплодныя дѣйствія юности и обдуманныя, прочныя предпріятія зрѣлаго возраста!

Многіе изъ приводимыхъ мною здѣсь фактовъ читатель можетъ найти въ сочиненіяхъ лорда Маколея и Фруда объ исторіи Англіи, гдѣ они всецѣло подтверждаются. Мое собственное изученіе другихъ историческихъ произведеній убѣждаетъ меня, что описанная мною картина представляетъ истинное положеніе дѣлъ.

Во время закрытія монастырей въ Англіи вліянія, дѣйствовавшія въ ней въ теченіе столькихъ столѣтій, рушились. Но хотя бы они просуществовали еще 1000 лѣтъ, они ничего болѣе совершить не могли. Состояніе человѣческой жизни показывается, въ какомъ отношеніи они были полезны и въ чемъ заключались ихъ недостатки. Лѣса покрывали цѣлыя громады области; болота въ 40 или 50 миль длины распространяли миазмы и лихорадки, хотя внутри стѣвъ аббатствъ и могли существовать прекрасныя сады, зеленныя лужайки, тѣнистыя аллеи и много журчащихъ ручьевъ. Въ непроходимыхъ лѣсахъ вмѣсто людей видѣлись стада пасущихся оленей; песчаные холмы оживлялись кроликами, долины — стадами дрохвъ. Хижина крестьянина строилась изъ камыша или прутьевъ и обмазывалась грязью. Въ печкѣ у него не было трубъ. По своимъ правамъ и образу жизни онъ лишь немного возвышался надъ трудолюбивымъ бобромъ, строящимъ себѣ пріютъ въ сосѣдней рѣчкѣ. Дороги кишѣли разбойниками, воды пиратами, а одежды обывателей и ихъ кровати — наскочными. Обыкновенною пищею служили: горохъ, выка, корни папоротника и даже древесная кора. Не существовало торговли, которая могла бы предупредить или прекратить голодъ. Человѣкъ зависѣлъ всецѣло отъ погоды. Населеніе, и безъ того скудное, ежегодно уменьшалось вслѣдствіе чумы и нужды. Положеніе горожанина было не лучше положенія сельскаго жителя; постелью ему служилъ мѣшокъ съ соломою, съ твердымъ круглымъ полѣномъ вмѣсто подушки. Если онъ пользовался достаткомъ, то одежда его дѣлалась изъ кожи; если же онъ былъ бѣденъ, то клокъ соломы, обернутый вокругъ тѣла, защищалъ его отъ холода. Грустное состояніе переживало общество, когда не было никакого перехода отъ камышевыхъ хижинъ на болотахъ, жалкихъ лачугъ въ деревняхъ къ бросающимся въ глаза стѣнамъ замковъ и монастырей. Понятно, если современники оплакивали судьбу несчастнаго крестьянина, погибающаго отъ заразы, и не безъ негодованія указывали на толпы пилигримовъ, нищихъ, кающихся и духовныхъ вещей сословій, бродившихъ вокругъ церкви, на ночныя пиришества и возмутительное пьянство въ залѣ замка, который находился въ полной безопасности за своими окопами и рвами, охраняемыми часовыми. Мѣстными центрами, сосредоточившими въ своихъ рукахъ все общественныя дѣла, являлся баронъ, съ руками, обгренными кровью, который освоился со всякаго рода насилиями и грабежами, и аббатъ, который утопалъ въ роскоши, облеченный въ великолѣпныя одежды, и забавлялся своимъ иноходцемъ, своими соколами и своими собаками. Сельская жизнь мало въ чемъ улучшилась со времени цезарей; физическая ея сторона находилась въ пренебреженіи. Что же касается до ремесленника, то какъ онъ могъ существовать въ то время, когда въ окнахъ не было не только стекла, но даже бумаги, когда мастерская не согрѣвалась очагомъ? Для бѣдныхъ не было врача, для умирающаго былъ монахъ. Онъ могъ только облегчить страдальцу переходъ въ лучшей міръ, но не спасти его для этой жизни. Санитарныя мѣры были

совершенно неизвѣстны. Въ городахъ эпидеміи дѣйствовали безпрепятственно, и торжество ихъ узнавалось по числу жертвъ, выкрикиваемыхъ на улицѣ, да по звону колоколовъ за отходящую душу.

Мы лучше всего оцѣнимъ вліяніе системы, регулировавшей въ то время дѣйствія людей и сдерживающей ихъ страсти, если займемся разсмотрѣніемъ такого рода явленій, какъ распространеніе сифилиса и способъ веденія войны. Для этой цѣли мы должны бросить бѣглый взглядъ на континентъ.

Вниманіе всей Европы было внезапно обращено на болѣзнь, вспыхнувшую вскорѣ послѣ открытія Америки. Она свѣдѣствовала съ особенною силою во французской арміи Карла VIII при осадѣ Неаполя въ 1495 г. и распространялась на подобіе эпидеміи. Это была сифились. Хотя нѣкоторые медицинскіе писатели утверждали, что это было только усиленіемъ болѣзни, извѣстной еще въ древности, но это мнѣніе не выдерживаетъ критики послѣ ученыхъ изысканій Аструка. Въ то время болѣзнь эта признавалась чѣмъ-то совершенно инымъ, какъ видно изъ того, что различные народы обвиняли другъ друга, приписывая другъ другу зарожденіе ея. Вскорѣ, впрочемъ, правда обнаружилась. Сифились былъ привезенъ матросами Колумба изъ западной Индіи. Истинный характеръ болѣзни и исторія ея распространенія были вполне успѣшно установлены Фернелемъ.

Теперь, принимая во вниманіе тотъ фактъ, что сила болѣзни бываетъ наибольшею при первомъ ея появленіи, но помня при этомъ, что въ исторіи сифилиса нѣтъ ничего, что могло бы заставить считать эту болѣзнь эпидемическою, такъ какъ она передается однимъ лицомъ другому только помощью соприкосновенія, и помня также особенныя обстоятельства передачи этой болѣзни, можно смѣло сказать, что быстрота распространенія ея служить явнымъ доказательствомъ ужасающей безправственности того времени. Если вѣрить современнымъ писателямъ, не было ни одного класса, ни женатыхъ, ни холостыхъ, ни духовныхъ, ни свѣтскихъ, отъ святого отца Льва X до нищаго на большой дорогѣ, которые не были бы заражены этою болѣзью. Она прошла надъ Европою не такъ, какъ азиатская холера, которая распространялась по большимъ торговымъ путямъ, оставляя нетронутыми обширныя области, опустошая одни города и шая другіе. Сифились распространялся равномерно, непрерывно, повсюду, отъ мѣста своего появленія на юго-западѣ, упорно и быстро овлаждая всѣмъ материкомъ и доставляя явное доказательство и мѣрило тайной испорченности общества.

Если, такимъ образомъ, при внезапномъ и случайномъ выставленіи наружу грѣховъ человѣка, получалось доказательство слабости контроля какой-либо системы надъ человѣческими страстями, то это грустное заключеніе еще разъ подтвердится, если мы обратимся къ изслѣдованію преступленій, совершаемыхъ открыто. Военные обычаи во время гражданскихъ распрей XV ст. или религіозныя столкновенія XVI и XVII вв. были просто ужасны: лѣтописи того времени наполнены возмутительными

и способомъ веденія войны.

и безцѣльными варварствами, отказами въ помилованіи, хладнокровными убійствами, убійствами крестьянъ. Вторгнувшіеся арміи сожигали и уничтожали все на пути; захватъ добычи и выкупъ считались вполне законными источниками богатствъ. Цвѣтущія страны обращались въ «огненное море»; съ возмутительными жестокостями испанцевъ въ Америкѣ соперничали жестокости, совершаемыя въ Европѣ; отдавались прямо приказы обращать цѣлыя области въ «пустыни». Дѣлались постоянно попытки ввести улучшения въ веденіи войны, то воспрещеніемъ военныхъ дѣйствій на нѣкоторое опредѣленное время,—это называлось «божьимъ миромъ», и поддерживалось духовенствомъ,—то введеніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ чести, составлявшихъ славу и украшеніе рыцарства; но, судя по результатамъ, достигнутымъ хотя бы даже въ XVIII в., попытки эти оказывались совершенно неудачными.

Англія къ концу вѣка вѣры была уже съ давнихъ поръ главною денежною данницею Италіи, источникомъ громад- Отстаесть Англіи. ныхъ доходовъ для нея, цвѣтущимъ пастбищемъ, на которомъ паслись стада итальянскаго духовенства. Не въ далекомъ будущемъ должна была произойти удивительная перемена. Въ началѣ XVI ст. островъ отсталъ гораздо больше въ умственномъ и политическомъ отношеніи, чѣмъ можно было предполагать. Его населеніе едва достигало пяти милліоновъ и не увеличивалось, не столько вслѣдствіе гражданскихъ и внѣшнихъ войнъ, сколько благодаря дѣйствію обыкновенныхъ экономическихъ причинъ. Не было повода желать увеличенія населенія. Признавалось благоразумнымъ удерживать одну и ту же норму его. Муниципальная политика соотвѣтствовала національной; она была ниже даже современной ей политики въ Перу. Цѣлыя толпы празднаго духовенства доставляли такой пагубный примѣръ, что нерасположеніе народа къ работѣ представляло просто непреодолимое затрудненіе. Въ каждой деревнѣ существовали колоды для наказанія упорныхъ нищихъ, какъ ихъ называли. Актомъ 1531 г. бродяги, «здоровые и сильные тѣломъ», пойманные на прошеніи милостыни, въ первый разъ наказывались розгами, во второй разъ имъ отрубывали уши; актомъ 1546 г. нищие, пойманные въ третій разъ, подвергались смертной казни. Большіе города приходили повсюду въ упадокъ,—несчастіе, приписываемое обыкновенно лѣности низшихъ классовъ, но въ дѣйствительности обусловленное совершенно иными причинами. До сихъ поръ земля считалась представительницею власти и источникомъ силы. Общество было организовано на этомъ несовершенномъ началѣ; образована была цѣлая градація землевладѣльцевъ, и въ этой системѣ каждый человѣкъ занималъ опредѣленное мѣсто, подобно тому, какъ это было въ Перу, только въ менѣе совершенномъ видѣ. Это была система организованнаго труда; земля считалась не собственностью, а какъ бы чѣмъ-то даннымъ на храненіе. Но теперь торговля начала испровергать основанія, которыми поддерживалось все это устройство, и требовать новаго распредѣленія населенія; основаны были торговля общества; люди взволновались при извѣстии или

упадкомъ ея благосостояніи.

при видѣ громаднѣхъ состояній, которыя такъ быстро наживались въ чужихъ земляхъ. Морекія предприятия не только произвели переворотъ въ обществѣ, но и измѣнили его духъ, замѣнивъ государственные интересы личнымъ эгоизмомъ. Народъ былъ до такой степени невѣжественный, что многіе изъ его цѣровъ въ парламентѣ не могли ни читать, ни писать; поэтому онъ врядъ ли былъ въ состояніи изслѣдовать причину несчастнаго положенія дѣлъ, и все зло приписывается духовенству. Всѣ зло приписывается духовенству. Единоголосно приписывали ее дурному примѣру и недостаткамъ духовенства. Еще задолго до Генриха VIII Англія готова была закрыть у себя монастыри. Она считала ихъ истинною причиною своего несчастія. Постоянно раздавались жалобы противъ духовенства за его скандальный образъ жизни, за личные пороки, о которыхъ невозможно упоминать въ современной книгѣ, за вымогательство имъ громаднѣхъ суммъ денегъ, за пренебреженіе своими обязанностями и т. д. По мнѣнію общества, безривственностъ эта достигала такихъ громаднѣхъ размѣровъ, что въ Англіи существовало 10000 женщинъ, развращенныхъ духовенствомъ. Извѣстно было, что многіе публичные дома содержались духовными на ихъ средства. Говорили, что священники безсовѣстно эксплуатируютъ исповѣдальню и благодаря ей пользуются громаднѣмъ влияніемъ надъ женщинами, что самое ужасное преступленіе духовнаго лица могло быть снято съ нихъ за уплату 6 шилл. и 8 пене. Кромѣ этихъ общихъ причинъ, существовали и менѣе важныя, дѣйствующія не менѣе раздражающимъ образомъ,—напр., завѣщанія имѣній церкви, подарокъ тѣла, т. е. право на погребенію одежду, которую носили люди, принесенные на погребенію къ священнику, или слинкомъ высокая плата за похороны.

Таково было состояніе деморализаціи англійской церкви, и обвиненія противъ духовенства со стороны палаты общинъ. Обвиненія противъ духовенства со стороны палаты общинъ. таково ея возмутительное отношеніе къ народу, въ чемъ убѣждаютъ насъ самыя достовѣрныя и внушительныя доказательства. Палата общинъ представила королю жалобу на духовенство. Когда парламентъ собрался вновь въ 1529 г., первымъ его дѣйствіемъ было заявленіе государю, что возмущеніе и ересь господствуютъ во всей странѣ и что необходимо принять мѣры противъ нихъ. Онъ утверждалъ, что въ смутахъ, проявившихся въ странѣ, виновато одно духовенство, что главное основаніе, поводъ и причина ихъ заключаются въ параллельной юрисдикціи церкви и государства, что на днѣ всего зла находится несовмѣстное съ законодательною властью право конвокаціи. Среди многихъ другихъ пунктовъ обвиненія, палата представляла слѣдующіе: конвокаціи создавали законы безъ испрашиванія на нихъ согласія короля и безъ согласія или даже безъ увѣдомленія народа; такіе законы никогда не публиковались на англійскомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе народъ подвергался наказанію за несоблюденіе ихъ; деморализація захватывала все духовенство, отъ архіепископа кентерберійскаго до самаго младшаго представителя церкви, такъ какъ самъ первосвященникъ получалъ взятки во время отправления имъ правосудія въ арческомъ судѣ; пасторы, vicarіi,

священники и кураты отказывали въ причастіи, если имъ не платили за это извѣстной суммы денегъ; бѣдняки должны были вѣчно являться въ духовные суды безъ всякаго повода, только затѣмъ, чтобъ у нихъ можно было выманить побольше денегъ; въ засвидѣтельствованіи завѣщаній отказывали, пока прелатамъ и ихъ помощникамъ не вручалось желаемое вознагражденіе; высшія духовныя лица вымогали громадныя суммы за введеніе во владѣніе бенефиціями, между тѣмъ какъ они сами ежедневно раздавали эти бенефиціи «молодежи», племянникамъ и родственникамъ, хотя бѣ и не совершеннолѣтнимъ, съ цѣлью не упускать изъ рукъ связанныхъ съ ними выгоды; епископы незаконно заключали въ тюрьмы различныхъ лицъ, иногда на годъ и больше, не увѣдомляя ихъ о причинѣ заточенія или объ имени обвинителя; простые, безграмотные люди, хотя бы даже и разумные, ловились на удочку въ духовныхъ судахъ: они отвѣчали, не понимая смысла задаваемыхъ имъ тонкихъ вопросовъ, и затѣмъ обвинялись въ ереси и подвергались соотвѣтствующему наказанію.

Это были все серьезныя обвиненія. Они доказывали, что церковь сильно пала и дошла до положенія учрежденія, устроеннаго для грабежа. Палата общинъ просила короля издать законы, которые исправили бы существующее зло. Король передалъ петицію епископамъ и потребовалъ отъ нихъ отвѣта.

Въ этомъ отвѣтѣ ясно выступаетъ наружу образъ мыслей духовенства. Епископы настаиваютъ на томъ, чтобы за- Отвѣтъ епископовъ на это обвиненіе. государству уступили мѣсто каноническому праву или были измѣнены такъ, чтобы подходить къ нимъ; они отождествляютъ нападенія на нихъ съ нападеніями на ученіе церкви, осященное временемъ и опытомъ; они утверждаютъ, что не питаютъ никакой вражды къ свѣтскимъ лицамъ, «своимъ духовнымъ дѣтямъ», а только къ зачумленному яду ереси; ихъ авторитетъ въ дѣлѣ создаванія законовъ основанъ на священномъ Писаніи, съ которымъ законы королевства должны сообразоваться; они не могутъ по совѣсти испрашивать у короля согласія на законъ, потому что это значило бы ставить его на мѣсто Бога, по чьему внушенію они дѣйствуютъ; что же касается до того, что они тревожатъ бѣднѣшковъ, то это Духъ Святой внушилъ имъ дѣйствія, помощью которыхъ должно было увеличиться благосостояніе избранныхъ имъ людей; но если кто-либо изъ духовенства и погрѣшилъ бы въ этомъ отношеніи, то, хотя «in multis offendimus omnes», какъ сказалъ св. Іоаннъ, онъ долженъ самъ отвѣчать за свои грѣхи, а не церковь; протестанты, ихъ противники — низкіе, лѣнивые люди, которые переняли возмутительныя мнѣнія, недавно возникнувшія въ Германіи; есть много выгодъ въ замѣнѣ церковныхъ наказаній денежными штрафами; десятина—божественное учрежденіе, и долги Богу могутъ быть истребованы по простетвіи ста или даже семисотъ лѣтъ, такъ какъ Богъ никогда не теряетъ своихъ правъ; но, впрочемъ, не хорошо дважды собирать десятину: священники имѣютъ полное право заниматься нѣкоторыми свѣтскими дѣлами; наказанія, налагаемыя ими на мірянъ, имѣютъ цѣлью спасти души

послѣднихъ, и вообще духовныя лица обладаютъ властью, на которую простые смертныя не имѣютъ права.

Завязалась горячая борьба между палатою общинъ и епископ-
Палата общинъ. Пами; но палата стояла на своемъ и издала цѣлый рядъ
 подаетъ актъ биллей, между прочимъ, актъ о дисциплинѣ духовенства.
 о дисциплинѣ духовенства. Онъ составленъ былъ съ цѣлью урѣзывать доходы духо-
 венства: обязанности его относительно завѣщаний были опредѣлены; право завѣщать имѣніе духовенству ограничено; вымогательство денегъ за погребеніе прекращено; духовенству воспрещено было заниматься фермерствомъ, выдѣлкою кожъ, пивоварствомъ или покупкой товаровъ для перепродажи ихъ. Объявлено было незаконнымъ соединять въ однихъ рукахъ 8 или 9 бенефицій, или покупать себѣ право не исполнять своихъ обязанностей. Предписано было духовнымъ жить обязательно въ приходахъ, за службу въ которыхъ имъ платили, подъ угрозой штрафа въ 10 ф. ст. въ мѣсяцъ; назначены были строгія наказанія за полученіе изъ Рима разрѣшенія не исполнять нѣкоторые изъ постановленій этого акта.

Врядъ ли что-нибудь могло бы лучше уяснить положеніе пар-
Церковь вынуждена смириться. тій, чѣмъ высокоумная, консервативная умѣренность этихъ актовъ. А между тѣмъ епископы покорились не безъ борьбы. Повсюду съ каедръ раздались крики объ «атеизмѣ», «недостаткѣ вѣры», «ересѣ». Но палата упорно стояла на своемъ. Болѣе того: она послала своего предѣдателя къ королю съ жалобою на епископа рочестерскаго, оемѣлившагося назвать ее «скопницею невѣрныхъ». Епископъ вынужденъ былъ взять свои слова назадъ и извиниться.

Англійская нація и ея король дѣйствовали совмѣстно въ дѣлѣ
Король поддерживаетъ пародомъ. закрытія монастырей; они дѣйствовали совмѣстно и въ дѣлѣ введенія церковныхъ реформъ. Только эта гармонія и образумила такъ быстро духовенство и побудила его въ 1532 г. опередить парламентъ и народъ предложеніемъ отдѣлиться отъ Рима. На слѣдующій годъ король уничтожилъ обширную власть, которою пользовались въ теченіе столькихъ лѣтъ церковныя учрежденія, и принудилъ духовенство покориться. Теперь ужъ нечего было бояться, что оно монополизировать все вліятельныя и доходныя мѣста въ королевствѣ; теперь власть его стала уменьшаться изъ года въ годъ. Главный предметъ его занятій, теология, все болѣе и болѣе отдѣлялась отъ политики. Составляя нѣкогда въ палатѣ пѣровъ половину всѣхъ членовъ, духовныя составляли теперь въ ней лишь самое ничтожное меньшинство.

На основаніи вышесказаннаго, Генриха VIII не слѣдуетъ считать виновникомъ паденія церковнаго владычества въ Италіи, хотя онъ послужилъ орудіемъ этого паденія. Недѣйствительность папскихъ буллъ, отлученій, воспрещеній доказываетъ, что старый образъ мыслей исчезъ безслѣдно. Это забвеніе прежнихъ чувствъ, волновавшихъ общество, это пренебреженіе къ старымъ порядкамъ составляли выдающееся явленіе не въ одной только Англійи. На континентѣ нападенія Эразма на монаховъ встрѣчались повсюду жаркими аплодисментами. Въ 1527 г. одинъ типографщикъ вы-

пустилъ изданіе въ 24 томахъ *Разговоровъ* Эразма и распродал ихъ всѣ. Онъ понималъ духъ своего времени.

Изложивъ положеніе партій и политики въ Англійи, вернемся теперь обратно къ специальнымъ подробностямъ и за-
Положеніе Англіи къ концу XVII в. глянemъ для этой цѣли въ XVII в. Долгое время Лондонъ считался самою населенною столицею Европы, но онъ былъ грязенъ, дурно построенъ, безъ какихъ бы то ни было санитарныхъ приспособленій. Умиралъ ежегодно одинъ изъ 23; теперь же, при гораздо болѣе тѣсномъ и скученномъ населеніи, умираетъ всего одинъ на сорокъ. Большая часть страны была покрыта зарослями, болотами, лѣсами. Почти въ виду города находилась область въ 25 миль въ окружности въ чисто первобытномъ состояніи; Дикое состояніе страны. только три дома насчитывалось въ ней. Мѣстами бродили дикіе звѣри. Говорятъ, что королева Анна, путешествуя въ Портсмутъ, встрѣтила стадо изъ пятисогъ оленей. Такія мелкія животныя, какъ куница и барукъ, встрѣчались повсюду, а иногда попадались на глаза и дикій быкъ.

Ничто не показываетъ такъ ясно положеніе общества, какъ способы передвиженія. Въ дождливую погоду дороги Пути сообщенія: дороги и экипажи. были совершенно непроѣзжія, оправдывая часто примѣнявшееся къ нимъ выраженіе, что онѣ находятся въ ужасномъ состояніи. Экипажи тащились черезъ рытвины, наполненные грязью, часто помощью воловъ; если же употреблялись лошади, то ихъ впрягалось не меньше полудюжины, не для парада, какъ въ городѣ, а въ видахъ необходимости. Въ открытой мѣстности дорогу легко было потерять, и вотъ путникамъ случалось иногда блудить и проводить ночи на воздухѣ. Даже тѣ дороги, которыя соединяли между собою значительныя мѣста, бывали часто весьма мало извѣстны, и переѣздъ въ колесныхъ экипажахъ представлялъ такія громадныя затрудненія, что главнымъ способомъ передвиженія служили вьючныя лошади, на которыхъ пассажиры усаживались между своими тюками багажа. Мы, по всей вѣроятности, не будемъ возражать на ихъ жалобы, что этотъ способъ переѣзда былъ слишкомъ жарокъ лѣтомъ и холоденъ зимою. Обыкновенная плата за провозъ была 15 пенсовъ за тонну. Къ концу столѣтія устроены были «летающія кареты», проѣзжавшія въ день отъ 30 до 50 миль. Многіе считали настолько рискованнымъ ѣхать въ нихъ, что не рѣшались искушать Провидѣнія. Почта перевозилась вер-
Почта; пелюбовъ къ почтѣ въ 1 пенни цѣною. хомъ по 5 миль въ часъ. Въ столицѣ учреждена была почта цѣною въ 1 пенни, но съ большими затрудненіями, потому что многіе проницательные люди, отлично понимавшіе, что они говорятъ, называли ее коварною «папскою выдумкою».

Лишь за нѣсколько лѣтъ до разсматриваемаго нами періода, парламентъ постановилъ «сечь въ королевской коллекціи всѣ картины, изображающія Иисуса Христа или Божью Матерь, а греческія статуи передать скульпторамъ, съ просьбою придать имъ болѣе приличный видъ». Нѣсколько раньше Льюисъ Мэглтонъ выдавалъ себя за послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, имѣющаго право, по желанію, спасать или осуждать на вѣчныя муки. Ему открыто было

свыше, что Богъ ростомъ въ 6 футовъ, и что солнце отстоитъ отъ земли всего на 4 милл. Страна за Трентомъ находилась еще въ варварскомъ состояніи, а около истоковъ Тайна жилъ народъ, не уступающій по дикости сѣверо-американскимъ индійцамъ: ихъ «полуголыя женщины напѣвали дикіи мелодіи, между тѣмъ какъ мужчины, размахивая оружіемъ, совершали военную пляску».

Въ началѣ XVIII ст. въ 34 графствахъ не было еще ни одного типографіи и типографщика. Единственная типографія въ Англіи къ сѣверу отъ Трента находилась въ Юркѣ. Что касается до частныхъ библиотекъ, то ни одна не заслуживала этого названія. «Эквэйръ считался большимъ ученымъ, если у него въ залѣ на окнѣ лежали *Гудибрасъ*, *Хроника Бэкера*, *Шутка Тэрлтона* и *Семь защитниковъ христіанства*». Можно себя представить, какъ невѣжественны были женщины, когда лишь немногіе мужчины умѣли писать, если не правильно, такъ хоть разборчиво.

Общественный строй далеко не заслуживалъ названія нрав- ственнаго. Мастеръ былъ своего подмастерья, педагогъ ученика, мужъ жену. Общественныя наказанія отличались крайнею жестокостію. Для толпы было большимъ праздникомъ смотрѣть на преступника, какъ его ставили къ позорному столбу и забрасывали черенками, печеными яйцами и дохлыми кошками, любоваться на женщинъ, которыхъ привязывали за ноги къ колодѣ на рыночной площади, или на вора, котораго сбкли, прогоняя по городу, при чемъ зрители роптали, если удары были не настолько сильны, чтобы «заставить его выть». При наказаніи важныхъ преступниковъ эти сѣченія были просто ужасны; такъ, Титъ Оатсъ былъ дважды привязанъ къ позорному столбу и сѣченъ, а по истеченіи двухъ дней опять высѣченъ. Одинъ зритель подобнаго наказанія увѣряетъ, что онъ насчиталъ 1700 ударовъ. Общество не только не возмущалось такимъ зрѣлищемъ, а, повидимому, соглашалось съ изреченіемъ: «разъ нельзя заставить покрасить его лицо, надо заставить покрасить его спину». Такое огрубѣніе сердца не въ малой степени увеличивалось ужасными наказаніями государственныхъ преступниковъ; такъ, послѣ обезглавленія Монтроза и Аргила, головы ихъ украсили верхъ Тольбута; а послѣ возстанія Монмута джентльменовъ предупреждали вести себя болѣе осторожно, приковывая цѣпями къ воротамъ ихъ парковъ трупы бунтовщиковъ и оставляя ихъ гнить на воздухѣ.

Такому низменному уровню общественной жизни соответство- вала и частная. Дома сельскихъ жителей состояли изъ различныхъ классовъ обще- ства. Частная жизнь различныхъ классовъ обще- ства. доставить себя хоть разъ въ недѣлю мясную пищу, они считались состоятельными. Половина семей въ Англіи не могла позволить себѣ такой роскоши. Шестилѣтнихъ дѣтей нерѣдко засаживали за работу. Властелинъ замка проводилъ время въ сельскихъ занятіяхъ, охотно вступалъ въ товарищество съ мелкими торговцами или гуртовщиками, умѣлъ подковывать лошадь и вдѣвать въ позд्री свиный кольцо; его жена и дочери «шили и пряли, варили вино изъ крыжовника, заготавливали ноготки и приготавливали пироги

изъ дичи». Гостепріимство выражалось въ неумѣренной ѣдѣ и въ питьѣ пива; гость считался не сдѣлавшимъ чести угощенію, если не свалился подъ столъ послѣ пира. Столовая не была устлана коврами, но была выкрашена смѣсью изъ «сажи и пива». Стулья были съ камышевыми сидѣніями. Въ Лондонѣ дома были большею частью деревянные, опуткатуренные, улицы грязны до невозможнаго. Послѣ наступленія ночи ходить по улицамъ было опасно, потому что окна отворялись и ведра съ помоями выливались пока церемоніи на головы проходившихъ. Улицы не освѣщались, пока мастеръ Гемшигъ не устроилъ своихъ общественныхъ фонарей. Необходимымъ послѣдствіемъ темноты было множество воровъ, разбойниковъ и мошенниковъ.

Что же касается до нравственнаго состоянія, то оно было ужасно. Кто бы ни умиралъ, сейчасъ же являлось по- дозрѣніе въ отравленіи, что указываетъ, какой низкій уровень нравственности преобладалъ среди высшихъ классовъ. Послѣ этого можно представить себѣ, каковъ былъ характеръ общественныхъ развлеченій. Трудно повѣрить, до чего доходили нескромность и развращенность театральныя представленія. Мы сочли бы немыслимымъ то, что рассказывается о нихъ, если бы не вспомнили, что современное имъ общество имѣло совершенно другія понятія о женской скромности, чѣмъ мы. Актрисы произносили самыя нескромныя шутки, а танцы ихъ никогда не могли бы заслужить нашего одобренія. Сельское духовенство не могло никоимъ образомъ остановить этого потока безнравственности. Общественное его положеніе въ послѣднія сто лѣтъ сильно ухудшилось, потому что хотя среди церковныхъ дѣятелей встрѣчались великіе писатели и великіе проповѣдники, но лица низшаго духовнаго званія, отчасти вслѣдствіе смутъ, воцарившихся въ государствѣ, отчасти вслѣдствіе сектантскаго ожесточенія, были доведены до очень низкаго положенія. Капелланъ бо- гатаго владѣльца былъ обязанъ, для того, чтобы при- дать больше важности обѣду, произнести въ началѣ его молитву въ полномъ облаченіи, но затѣмъ онъ служилъ мишенью остротъ для обѣдающихъ. «Молодой левитъ»,—такова была употребительная въ то время фраза,—могъ наполнить свой желудокъ говядиною и морковью, но какъ только на столѣ появлялись торты и пирожныя, онъ вставалъ со стула и стоялъ вдали, пока его не призывали для произнесенія благодарственной молитвы за обѣдъ, лучшей половины котораго онъ не пробовалъ. Въ случаѣ нужды, его заставляли «числить лошадей», «носить посылку за десять миль» или «писать счетъ кузнецу». «Жалованье» приходского священника едва спасало его отъ голодной смерти. Униженное положеніе духовенства выказывается въ приказѣ королевы Елисаветы, воспрепятствуемъ священнику жениться на служанкѣ, безъ согласія ея господина или госпожи.

Но духовенство отчасти заслуживало низменное положеніе, въ какое впало. Время его было слишкомъ занято преслѣдованіемъ чуританъ и другихъ сектантовъ; оно съ радостью поступило бы

съ ними такъ, какъ съ евреями, которымъ отъ XIII ст. до Кром-
 веля воспрещалось имѣть общественное богослуженіе. Оксфордскій
 университетъ велѣлъ публично съечь на своемъ дворѣ
 политическія сочиненія Буханана, Мильтона и Бакстера.
 Безсмертный странникъ Бонніанъ былъ брошенъ въ
 тюрьму за то, что проповѣдывалъ о спасеніи простому народу, и
 оставался въ ней одиннадцать лѣтъ, отказываясь дать обѣщаніе не
 повторять своего преступленія. Съ кафедры проповѣдывалась, какъ
 самое важное ученіе, покорность свѣтской власти. Людей учили,
 что возмущеніе такой же смертный грѣхъ, какъ и колдовство. Об-
 ществу, жаждущему живого слова, подносились скучныя проповѣди
 о мелочахъ богослуженія, — чѣмъ наносился ударъ прямо въ сердце
 ненависти длинноволосымъ пуританамъ, которые, съ сжатыми на
 груди руками, съ лицомъ, некаженнымъ религиознымъ
 изступленіемъ, съ глазами, обращенными закатившимися бѣлками
 къ небу, подымаясь то на пятки, то на носки, отправляли въ слад-
 кой молитвѣ, произнесенной въ носъ, всѣ эти мерзости вавилоп-
 ской блудницы къ дьяволу, какъ дѣло его рукъ.

Примѣненіе закона, какъ относительно религиозныхъ, такъ и
 относительно политическихъ преступленій, отличалось
 неслыханною жестокостью. Въ Лондонѣ старый, ветхій
 мостъ надъ Темзою былъ разукрашенъ некаженными, сгнившими
 головами преступниковъ, въ надеждѣ, что эти страшныя зрѣлища
 удержатъ простой народъ отъ нарушенія закона. О терпимости
 того времени можно судить по закону, изданному шотландскимъ
 парламентомъ 8 мая 1685 г., на основаніи котораго тотъ, кто бу-
 детъ проповѣдывать или слушать проповѣдь въ тайномъ собраніи,
 осуждается на смерть, а все его имущество конфискуется. Понят-
 но, что при господствующемъ настроеніи эти возмутительные за-
 коны не оставались мертвыми буквами, а всецѣло примѣнялись на
 дѣлѣ. Одинъ простой земледѣлецъ, забравши въ голову, что онъ
 по совѣсти не можетъ присутствовать на богослуженіи епископаль-
 ной церкви, былъ схваченъ солдатами; «его быстро допросили, убѣ-
 дились въ его разногласіи съ церковью и приговорили къ смер-
 ти въ присутствіи жены, которая вела за руку одного ребенка и
 должна была вскорѣ разрѣшиться другимъ. Его застрѣлили на ея
 глазахъ, при чемъ вдова въ отчаяніи кричала: «Хорошо, господа,
 хорошо, день возмездія наступитъ!» Кричащихъ шотландскихъ ко-
 венантеровъ подвергали пыткамъ, раздробляя имъ колѣни въ тискахъ;
 женщинъ, за отказъ присутствовать на епископальномъ богослуже-
 ніи, привязывали къ столбамъ у песчаныхъ береговъ моря и то-
 пили въ медленно подвигающемся впередъ приливѣ, или же имъ
 клеймили щеки и затѣмъ отправляли въ Америку; раненыхъ сол-
 датъ вѣшали въ Шотландіи, изъ боязни, что они умрутъ раньше,
 чѣмъ добудутъ до Англіи. Во время смутъ, связанныхъ съ возста-
 ніемъ Монмута, въ одномъ только графствѣ Сомерсетширъ было
 повѣшено, утовлено и четвертовано 233 лица, не говоря уже о
 военныхъ экзекуціяхъ, потому что солдаты забавлялись тѣмъ, что
 вѣшали на каждый тостъ по одному преступнику и заставляли

бить въ барабаны и трубить, аккомпанируя, какъ они говорили,
 его пляскѣ. Незачѣмъ говорить о такихъ явленіяхъ, какъ, напр., о
 жестокости ягнать Кирка (этимъ именемъ называли солдатъ этого
 полковника въслѣдствіе того, что на ихъ знамени изображенъ былъ
 пасхальный агнецъ), или объ исторіи Тома Бойльмана, прозваннаго
 такъ потому, что эти ветераны заставили его связать остатки сво-
 ихъ четвертованныхъ друзей въ растопленной смолѣ. Женщинъ за
 самыя пустыя слова, такъ часто срывающіяся съ женскихъ устъ,
 приговаривали къ сѣченію на всѣхъ базарныхъ площадяхъ Дор-
 сета. Одною мальчишка, по имени Тегать, приговорили сѣчь каждыя
 двѣ недѣли въ теченіе семи лѣтъ. 841 человекъ были присуждены
 къ ссылкѣ на Вестъ-индскіе острова; ихъ посадили на невольни-
 чій корабль, гдѣ они терпѣли адскія муки; имъ ни разу за все
 переѣздъ не позволяли выйти на палубу», а все время держали
 внизу, «гдѣ царилъ темнота, смрадь, вопли, болѣзни и смерть». Од-
 на пятая часть ссыльныхъ была выброшена за бортъ на събде-
 ніе акуламъ прежде, чѣмъ они достигли мѣста назначенія, а осталь-
 ныхъ пришлось откармливать, раньше чѣмъ продавать ямайскимъ
 плантаторамъ. Придворныя дамы и даже сама королева Англіи
 были до такой степени лишены чувства состраданія и человѣко-
 любія, что принимали участіе въ этой дьявольской торговлѣ. Коро-
 лева потребовала, чтобы сто осужденныхъ были отданы ей. «При-
 быль, полученная ею отъ этого товара, за вычетомъ тѣхъ, кто
 умеръ отъ голода и лихорадки во время переѣзда, равняется при-
 близительно тысячѣ гинеямъ».

Остается сказать еще нѣсколько словъ о положеніи литера-
 туры. Къ концу XVII ст. она сдѣлалась странно рас-
 распространенною, и такъ какъ умѣніе читать далеко не было
 распространено, то изъ литературныхъ произведеній главную роль
 играли тѣ, которыя предназначались для театральныя пред-
 ставленій. Поэтому драматическія произведенія лучше всего вознагра-
 дились, если исключить выгоду, получаемую однимъ способомъ, кото-
 рый до нѣкоторой степени практикуется и въ настоящее время,
 хотя, конечно, нечезъ позорный его мотивъ, — а именно выгоду,
 получаемую отъ посвященія книгъ богатымъ людямъ для полученія
 отъ нихъ вознагражденія. Говорятъ, что многія книги печатались
 именно ради этой цѣли. При представленіи драматическихъ пьесъ
 старались угодить извращенному вкусу общества нескромными вы-
 раженіями или грубыми и смѣлыми намеками. Авторъ находился
 въ полной зависимости отъ аудиторіи, очень разборчивой на этотъ
 счетъ; если ему не удавалось угодить, онъ сейчасъ же подвергался
 строжайшей критикѣ и мигомъ осуждался вмѣстѣ со своимъ про-
 изведеніемъ. Эти замѣчанія непримѣнимы къ сочиненіямъ Мильтона,
 въ которыхъ не встрѣчается ни одного грязнаго мѣста. «Потерянный
 Рай» Мильтона. А между тѣмъ потомство, быть можетъ, скажетъ вполне
 справедливо, что *Потерянный Рай* принесъ больше вреда въ ум-
 ственномъ отношеніи, чѣмъ современныя ему низменныя сочине-
 нія, такъ какъ онъ заставилъ образованные умы освоиться съ
 представленіями, которыя, съ одной стороны, положимъ, высоки, а

съ другой — въ высшей степени недостойны, и научилъ публику ужасающей матеріализаціи великаго и невидимаго Бога. Это было въ сущности манихейское произведеніе, а его приняли за христіанскую поэмю.

Развитіе англійской литературы не только представляет по-
Англійскій театръ. разительное доказательство вліянія, оказаннаго на нее театральными представленіями, но и даетъ намъ интересный примѣръ того направленія, которое уметвенное развитіе должно было обязательно принять. Намъ, живущимъ въ читающемъ обществѣ, трудно даже понять вліяніе, оказываемое нѣкогда каедрою и сценою на образованіе неграмотнаго народа.

До XVI в. это были единственныя средства уметвеннаго доступа къ публикѣ, и, занявшись подробнымъ изслѣдованіемъ любой изъ нихъ, мы увидимъ, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается уметвенное состояніе народа. Предоставляя другимъ интересный изслѣдованіе англійской каедры, я обращаю вниманіе читателей на театральныя представленія.

Существуютъ три фразы послѣдовательнаго развитія драмы, соотвѣтствующія столькимъ же фазамъ въ процессѣ уметвеннаго развитія. Это — мистеріи, соотвѣтствующія періоду дѣтства, нравственныя представленія, соотвѣтствующія юности, и реальныя — соотвѣтствующія періоду возмужалости. Въ нихъ преобладаютъ послѣдовательно сверхъестественныя, теологическія и положительныя элементы. Первые вышли изъ употребленія въ половинѣ XV в., вторые продолжались еще 150 лѣтъ, а третьи существуютъ до сихъ поръ. Подъ названіемъ «мистерій» чудесныя представленія (miracle plays), подразумеваются представленія событій изъ священной исторіи, изображаемыхъ, впрочемъ, безъ всякаго соотношенія къ мѣсту, къ времени, къ дѣйствию; считались подходящими такіе сюжеты, какъ сотвореніе міра, паденіе человѣка, потопъ, и въ эти сцены, безъ всякаго вниманія къ хронологіи, вводились и разныя другія лица, напр., папа или Магометъ, или Богородица съ повязкою французской крестьянки на головѣ, или Виргилій, преклоняющійся передъ Спасителемъ. Наши предки не отличались историческою критикою, а, напротивъ того, были странно легковѣрны. Они безъ всякаго затрудненія вѣрили, что Магометъ былъ первоначально кардиналомъ, а затѣмъ обратился въ еретика со злобы на то, что его не избрали папою; что со времени взятія турками истиннаго креста все христіанскія дѣти рождаются съ 22 зубами, вмѣсто 33, какъ прежде, до этого событія; и что у мужчинъ однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у женщинъ, такъ какъ одно ребро было взято у Адама. Нравственныя представленія олицетворяли добродѣтели, пороки, страсти, доброту, мужество, честность, любовь. Реальныя представленія выводятъ человѣческихъ дѣятелей, освобождаютъ дѣйствіе отъ сверхъестественныхъ началъ и, насколько можно меньше, нарушаютъ правдоподобіе. Превосходство ихъ состоитъ въ болѣе совершенномъ способѣ изображенія человѣческаго характера и человѣческихъ дѣйствій.

Мистеріи были впервые введены церковью; первыя драмы, какъ говорятъ, сочинены были Григоріемъ Назіензенцемъ. Онѣ были привезены изъ Константинополя крестоносцами; византійцы всегда увлекались театральными зрѣлищами. Роли въ этихъ драмахъ разыгрывались часто духовными лицами, и представленія проходили у воротъ аббатства. Итальянскія власти такъ высоко цѣнили вліяніе этихъ представленій на народъ, что папа объявилъ прощеніе грѣховъ за тысячу дней всемъ, кто будетъ присутствовать на этихъ зрѣлищахъ. Все аргументы, приводимые въ защиту поклоненія иконамъ, были примѣнимы и къ этимъ представленіямъ; изображались даже страданія Спасителя, воскресеніе его и восшествіе на небо. На невѣжественныя умы они производили благотворно, хотя и нѣсколько грубое, впечатлѣніе; получалось воспоминаніе, если не пониманіе священныя предметовъ. Въ драмѣ *Паденіе Люцифера* вводятся и это лицо, согласно народному представленію, съ рогами, хвостомъ и раздвоенными коньками; борода его, впрочемъ, была рыжая. — предки наши, повидимому, питали странное отвращеніе къ этому цвѣту волосъ. Сохранились отчеты о расходахъ на эти представленія; грубая ихъ причудливость не только забавна, но и указываетъ на низменныя понятія того времени. Напр., относительно «мистерій», даваемыхъ въ Ковентри, сохранились такіе счета: «уплачено за пару перчатокъ для Бога», «уплачено за позолоту платія Бога», «расходы на украшеніе Отца небеснаго». Для драмы *Пастухи* дѣлался запасъ зеленого сыра и эльтонаго пива для угощенія пастырей, послѣ ихъ долгаго путешествія къ мѣсту рожденія Спасителя. «Уплачено актерамъ за репетиціи: во-первыхъ, Богу — 2 шил. 3 пен., жегѣ Пилата — 2 ш., также на поддержаніе огня при входѣ въ адъ — 3 пенса». Соблюденія хронологіи не требовалось; Иродъ клянется Магометомъ и обѣщаетъ одному изъ своихъ совѣтниковъ сдѣлать его папою. Жена Ноя, которая, повидимому, была порядочно сварлива, клянется Дѣвою Марією, что ни за что не войдетъ въ ковчегъ, и принуждается къ этому патриархомъ, задающимъ ей хорошую тренку, при чемъ слушатели поучаются, что такого рода побои должны производиться палкою не толще большого пальца супруга. Чувство скромности было, повидимому, не особенно требовательно, такъ какъ Адамъ и Ева появляются совершенно нагими; однимъ изъ главныхъ инцидентовъ пьесы является прикрѣпленіе фиговыхъ листьевъ. Можно привести много такихъ примѣровъ, которые могли бы внушить намъ мысль, что въ то время царилъ большое безстыдство и богохульство, но врядъ ли это заключеніе было бы правильнымъ. По мѣрѣ возвышенія уровня общественнаго развитія, наиболѣе мыслящіе изъ духовныхъ начали возражать противъ этихъ зрѣлищъ и отказывать актерамъ въ облаченіяхъ; наконецъ, имъ удалось изгнать эти зрѣлища изъ священныя мѣста. Падая все ниже и ниже, эти представленія перенесли въ балаганы рыночной площади, гдѣ они давались по базарнымъ днямъ; церковь передала ихъ гильдіямъ различныхъ ремеслъ, а эти, въ свою очередь, уступили ихъ фокусникамъ. Такъ они мало

по малу исчезли со сцены. Исторія ихъ является внѣшнимъ и видимымъ знакомъ переворота, происшедшаго въ умственномъ состояніи общества.

За мистеріями послѣдовали нравственные представленія. Нѣкоторые писатели, изучивше исторію англійскаго театра, думали, что эти представленія — результатъ реформациі, такъ какъ популярность ихъ совпадаетъ съ наиболѣе усиленною ея дѣятельностью. Но, быть можетъ, читатель, проникнувшійся принципомъ того опредѣленнаго порядка социальнаго развитія, на который я такъ часто ссылаюсь въ этой книгѣ, согласится со мною, что такого рода отношенія причины и дѣйствія врядъ ли могутъ быть допущены, и что какъ на релігіозные обряды, такъ и на народныя развлечения вліяютъ предшествовавшія имъ обстоятельства. Изъ нравственныхъ представленій остался одинъ очень характеристическій образчикъ подъ именемъ *Everyman* (каждый). Личности и аллегоріи очерчены въ нихъ нерѣдко съ необыкновенною силою. Эта фаза англійской театральной дѣятельности заслуживаетъ гораздо больше вниманія, чѣмъ сколько было на нее обращено, такъ какъ она оставила неизгладимый слѣдъ на англійской литературѣ. Ей, въ ея періодъ упадка, обязаны мы въ значительной степени появленіемъ сочиненія Бонниана — *Странствованія Пилигрима* (*Pilgrim's Progress*). Сравнивая это произведеніе съ такими сочиненіями, какъ *Everyman* и *Lusty Juventus*, нельзя не поразиться ихъ сходствомъ. Такія личности, какъ «Добрый свѣтникъ», «Возмутительное житіе», «Ханжество», играющія роль въ драмѣ, — одного происхожденія съ героями «Странствованія». Бодрый, энергичный протестантизмъ ихъ въ одно и то же время поучаетъ насъ и умиляетъ. Всѣ они воодушевлены глубокимъ презрѣніемъ къ особенностямъ католицизма, къ «святымъ палкамъ и святымъ камнямъ, святымъ тряпкамъ и святымъ костямъ». Врядъ ли можно сомнѣваться, что безсмертный медикъ, въ тѣ дни, когда онъ игралъ въ конку и мышку и танцевалъ на дугу своей деревни въ Эльстовѣ, забавлялся созерцаніемъ этихъ драматическихъ представленій.

Что же касается до перехода отъ этой драматической фазы къ реальной, въ которой изображаются съ необыкновенною точностью характеръ и дѣйствія людей, причемъ сверхъестественное исключается или играетъ второстепенную роль, то мы лишь вкратцѣ упомянемъ о немъ: и въ самомъ дѣлѣ намъ необходимо упомянуть только одно имя — Шекспира. Онъ занимаетъ такое же положеніе въ англійской литературѣ, какое занимали въ древнемъ искусствѣ великіе греческіе скульпторы, олицетворявшіе съ неподражаемымъ искусствомъ понятія челоуѣчества въ ихъ различныхъ атрибутахъ и соблюдавшіе при этомъ необыкновенную вѣрность природѣ.

Немалое значеніе представляетъ то обстоятельство, что мы находимъ мистеріи на сценѣ и мистеріи на каедрѣ. И тѣ, и другія принадлежатъ дѣтскому состоянію общества. Такія драмы, какъ тѣ, о которыхъ я упоминалъ, и многія другія,

которыхъ я не могъ привести за недостаткомъ мѣста, вполне отвѣтствовали своему времени. Аббатства хвалились наперерывъ обладаніемъ такихъ сокровищъ, какъ французскій головной уборъ Бородицы, ея рубашка, ясли, въ которыхъ былъ положенъ Христосъ, копье, пронзившее ему бокъ, терновый вѣнокъ. Переходъ отъ этой стадіи развитія къ послѣдующей сопровождался и политическими особенностями: запрещеніемъ интермедій, заключающихъ въ себѣ что-нибудь противъ римской церкви, появленіемъ пуританина на національной сценѣ, усиленіемъ строгости нравовъ и суровости, серьезности въ обращеніи.

Поэтому мы можемъ опредѣлить умственное состояніе Англій съ необыкновенною легкостью, изслѣдуя состояніе страны. То же можетъ быть достигнуто при изслѣдованіи каедръ. Тотъ, кто начнетъ сравнивать результаты этихъ изслѣдованій, поразится ихъ сходствомъ.

Таково было состояніе увеселительной литературы; что же касается политической, то даже въ концѣ разсматриваемаго нами періода о процвѣтаніи ея не могло быть и рѣчи, разъ Газеты и кофейни. объявлено, что никто не имѣетъ права обнародовать политическихъ извѣстій безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны правительства. Газеты, впрочемъ, начали выходить периодически. Кромѣ того, нѣкоторые предприимчивые люди начали писать изъ столицы письма съ новостями и разсылать ихъ богатымъ людямъ, подписавшимся на нихъ; они передавались изъ рукъ въ руки и, несомнѣнно, пользовались привилегіею, которой были лишены ихъ печатные собратья, — они не утрачивали такъ скоро своего интереса. Авторы сочиняли ихъ на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ имъ болтовней въ кофейняхъ. Кофейни въ неграмотномъ обществѣ представляли важное учрежденіе какъ въ политическомъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ. Онѣ были всевозможнаго рода: прелатскія, папекія, пуританскія, научныя, литературныя, вигскія и торійскія. Каковы бы ни были мнѣнія даннаго лица, оно всегда могло найти себѣ въ Лондонѣ подходящую кофейню. Даже въ весьма значительныхъ городахъ требованія на литературныя произведенія были очень ничтожны; такъ, напр., говорятъ, что отецъ д-ра Джонсона, лекенкографа, велъ торгъ книгами, которыя переносилъ изъ города въ городъ, устранивая обыкновенно въ Бирмингемѣ свою лавочку въ ярмарочные дни; при этомъ прибавляютъ, что это предложеніе книгъ совершенно удовлетворяло спросъ на нихъ.

Свобода прессы медленно развивалась. Какъ только книгопечатаніе было изобрѣтено, тотчасъ оказалось необходимо ограничить его какими-либо правилами, какъ Медленное обзаченіе прессы. это было, напр., сдѣлано въ Римѣ изданіемъ *Index Expurgatorius* запрещенныхъ книгъ и объявленіемъ внѣ закона типографчиковъ, нарушившихъ запрещеніе; подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ и парижскій университетъ, какъ уже говорили выше. Въ Англій прессы подчинилась вначалѣ общимъ законамъ; коронныя судьи сами опредѣляли преступленіе и наказывали преступника штра-

вомъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже смертію. Въ теченіе послѣдняго столѣтія это право опредѣленія было отнято у нихъ и передано суду присяжныхъ, который долженъ былъ постановить приговоръ не только относительно факта, но и относительно характера изданій, рѣшить, принадлежали ли они къ числу пасквильныхъ, мятежныхъ или преступныхъ въ какомъ-либо другомъ родѣ.

Ея теперешнее состояние. Пресса сдѣлалась теперь какъ бы рефлекторомъ общественнаго мнѣнія, отбрасывая свой свѣтъ на публику; но, какъ при всякомъ отраженіи, часть освѣщающей силы утрачивалась. Ограниченія, которымъ она подчинилась, обуславливались не столько страхомъ, что свобода векорѣ перейдетъ въ своеволие,—потому что общественное мнѣніе скоро справилось бы съ этимъ,—сколько требованиями общественнаго мнѣнія.

Исслѣдуя положеніе Англіи въ послѣдовательные періоды ея Протиположность между прогрессомъ въ вѣкъ вѣры и въ вѣкъ разума. перехода черезъ вѣкъ вѣры, мы видимъ, какъ медленно она подвигалась впередъ, и, быть можетъ, удивимся тому, какъ мало она подвинулась впередъ къ концу этого вѣка. Идеи, руководившія ею въ теченіе столькихъ столѣтій, скорѣе заграждали ей дорогу, чѣмъ облегчали путь. Но, исслѣдуя затѣмъ, чего она достигла послѣ вегупленія въ вѣкъ разума, мы замѣтимъ поразительный контрастъ. Произошелъ прогрессъ не только въ физическихъ условіяхъ,—въ дѣлѣ снабженія лучшей пищею, лучшей одеждою, лучшимъ кровомъ, доставленія большей скорости сообщеній, продленія срока жизни,—произошло и сильное движеніе впередъ въ нравственномъ отношеніи. Жестокости, о которыхъ упоминалось въ предыдущихъ параграфахъ, теперь невозможны, и до такой степени не подходятъ къ нашимъ теперешнимъ нравамъ, что мы читаемъ о нихъ съ недоувѣріемъ, не въ силахъ вѣрить, что такъ могли поступать наши предки. Какая разница между медленностью прошлаго времени, его безцѣльными усиліями и его неудовлетворительнымъ исходомъ и энергіею и цѣлесообразными дѣйствіями нашего времени, достигнуваемаго результатовъ, напоминающихъ сказочныя чудеса!

ГЛАВА VIII.

Европейскій вѣкъ разума.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ АВТОРИТЕТА И ТРАДИЦИИ И ПРИЗНАНИЕ НАУЧНОЙ ИСТИНЫ.—ОТКРЫТІЕ ИСТИННАГО ПОЛОЖЕНІЯ ЗЕМЛИ ВО ВСЕЛЕННОЙ.

- Попытка духовенства поддержать геоцентрическое ученіе, гласившее, что земля—центръ вселенной и самая важная ея часть.
- Мало по малу выступаетъ впередъ гелиоцентрическое ученіе, признающее солнце центромъ солнечной системы, а землю небольшою планетою.
- Борьба между партіями церковною и астрономическою.—Дѣятельность инквизиціи.—Сожженіе Бруно.—Заключеніе въ тюрьму Галилея.
- Изобрѣтеніе телескопа.—Полный переворотъ въ церковной идеѣ.—Возникновеніе физической астрономіи.—Ньютонъ.—Быстрое и безпрепятственное развитіе всѣхъ отраслей натуральной философіи.
- Окончательное утвержденіе ученія, что вселенная находится подъ властью математическихъ, а слѣдовательно необходимыхъ законовъ.
- Переходъ чловѣка отъ антропоцентрическихъ идей къ открытію своего истиннаго положенія и незначительности вселенной.

Вѣкъ разума въ Европѣ начался астрономическимъ споромъ. Что такое наша земля? Величайшее и благороднѣйшее тѣло вселенной, вокругъ котораго, какъ вокругъ неподвижнаго центра, вращаются солнце, различныя планеты и звѣзды, удовлетворяющія своимъ свѣтомъ и нѣкоторыми другими своими качествами желанія чловѣка и его потребности,—или это незначительный шаръ, простая точка, покорно вращающаяся вмѣстѣ съ цѣлою толпою равныхъ себѣ и высшихъ тѣлъ вокругъ центрального солнца? Первый изъ этихъ взглядовъ былъ рѣшительно провозглашаемъ церковью; послѣдній, сначала робко выражавшійся черезъ посредство немногихъ мыслящихъ и религіозныхъ людей, въ концѣ концовъ одержалъ верхъ.

За этимъ физическимъ вопросомъ—простою научною задачею—скрывается нѣчто чрезвычайно важное: опредѣленіе положенія чловѣка во вселенной. Столкновеніе вспыхнуло по этому вопросу, но каждый видѣлъ, въ чемъ заключается истинная причина борьбы.

Переходя къ исторіи европейскаго вѣка разума, которому должны быть посвящены оставшіяся у насъ страницы вѣка разума. этой книги, я принужденъ начать ее съ изложенія этого астрономическаго спора, вслѣдствіе чего вынужденъ закончить обзоръ цѣлаго періода съ той же научной точки зрѣнія. Много различныхъ способовъ изложенія представляются намъ на выборъ; но такъ обширенъ разсматриваемый мною предметъ, такъ многочисленны его отношенія, и такъ ограниченъ объемъ моего произведенія, что я вынужденъ отдать преимущество тому изъ методовъ, который соединяетъ точность съ полнотою. Разсматривая ходъ умственнаго развитія Европы, насколько онъ выразился до сихъ поръ, мы видимъ, что онъ связанъ съ исслѣдованіемъ трехъ великихъ во-

просовъ: 1) опредѣленіе положенія земли во вселенной; 2) исторія земли во времени; 3) положеніе человѣка среди живыхъ существъ. Этотъ послѣдній вопросъ обнимаетъ все, что было сдѣлано человѣкомъ въ области научныхъ открытій, и все тѣ изобрѣтенія, которыя явятся характеристическими чертами современнаго намъ промышленнаго вѣка.

Что я? Гдѣ я? Таковы должны были быть, повидимому, первыя восклицанія перваго человѣка, пробудившагося къ сознательному существованію. Тѣ же мысли занимаютъ и насъ въ вѣкѣ разума. Онъ же, какъ мы видѣли, наполняли собою и умственную жизнь Греціи.

Когда комета Галлея появилась въ 1456 г., видѣвшіе ее Присія астрономическія идеи. ворили, что она «неслыханной величины»; ея хвостъ, посылающій внизъ на землю «болѣзни, моровую язву и войну», покрывалъ третью часть неба. Ее ставили въ связи съ успѣхами Магомета II, который какъ разъ въ это время завладѣлъ Константинополемъ. Панической ужасъ охватилъ все народы. Съ своего престола въ Италіи, невидимаго для кометы, папа Калликстъ III посылалъ проклятія; но комета такъ же безмятежно продолжала свое шествіе по небесамъ, какъ продолжалъ его султанъ по землѣ. Напрасно отданъ былъ приказъ звонить по Европѣ во все колокола, чтобы прогнать ее; напрасно ее проклинали; напрасно возносились повсюду молитвы. Повинуясь только закону времени, комета пунктуально возвращается изъ глубины безконечнаго пространства подчиняясь только матеріальнымъ силамъ.

Но нѣкоторые изъ членовъ духовенства придерживались Большія правильныя идеи среди нѣкоторыхъ духовныхъ. болѣе правильныхъ космическихъ идей, чѣмъ Калликстъ. За столѣтіе до Коперника кардиналъ де Куза принялъ отчасти геліоцентрическую теорію въ томъ видѣ, какъ ее излагали въ прежнее время Филолай, Пифагоръ и Архимедъ. Онъ говорилъ, что земля шарообразна, обращается на своей оси, а, кромѣ того, движется въ пространствѣ; онъ думалъ, что она движется вокругъ солнца и что оба они обращаются вокругъ полюса вселенной.

Подъ геоцентрическую теорію подразумевается ученіе, утверждающее, что земля—неподвижный центръ вселенной; Теорія геоцентрической и геліоцентрической. подъ геліоцентрическую—ученіе, признающее солнце центромъ нашей планетарной системы и, вълѣдствіе этого, считающее, что земля—весьма небольшое и подчиненное тѣло, вращающееся вокругъ солнца.

Я уже достаточно подробно описалъ, какъ римская церковь, въ силу своего положенія, вынуждена была признать геоцентрическое ученіе. Она начала считать его абсолютно необходимымъ для ея системы: по ея мнѣнію, умственное основаніе ея системы будетъ поколеблено, если ученіе это рухнетъ. Отсюда ея тревога, когда ученые стали утверждать, что земля похожа на шаръ, и отсюда громадная важность успѣшнаго путешествія Магеллана. Это бесспорное доказательство шарообразной

формы земли доставило прочную опору для научной партіи въ приближавшейся злобѣйшей борьбѣ.

Научный переворотъ подготовлялся молча въ различныхъ направленияхъ. Пять мемуаровъ кардинала Алліакуса «О Подготовленіи къ геліоцентрическому ученію. согласіи астрономіи съ теологією» показываютъ новое направленіе, принятое мыслью. Его *Imago Mundi* было издано въ 1460 г. и пользовалось особымъ расположеніемъ Колумба. Въ флорентинскомъ соборѣ Тосканелли построилъ свой знаменитый гномонъ въ 1468 г., и солнечный лучъ (важный знак!) былъ пропущенъ черезъ мѣдную пластинку въ фонарь купола. Иоаннъ Моллеръ, извѣстный больше подъ именемъ Региомонтана, издалъ сокращеніе *Альмагесты* Птолемея въ 1520 г. Эвклидъ былъ напечатанъ съ рисунками на мѣди еще до 1482 г., и напечатанъ второй разъ въ Венеціи двадцать три года спустя. Оптика Вителло была издана въ 1533 г. Фернель, врачъ Генриха II, французскаго короля, рѣшился, основываясь на путешествіи Магеллана, измѣрить въ 1527 г. величину земли; для этого онъ опредѣлилъ высоту полярной звѣзды въ Парижѣ и затѣмъ отправился дальше на сѣверъ. пока она не повысилась ровно на одинъ градусъ, и измѣрилъ разстояніе между станціями количествомъ оборотовъ, которые дѣлало колесо его экипажа. Онъ заключилъ, что окружность земнаго шара равняется 24480 итальянскимъ милямъ. Послѣдняя попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана калифомъ Аль-Маймономъ за 700 лѣтъ до того на берегу Краснаго моря и привела почти къ тѣмъ же результатамъ. Математическія науки быстро подвигались впередъ. Рептикъ издалъ свои тригонометрическія таблицы; Карданъ, Тарталья, Сципионъ Феррео и Стефель значительно подвинули впередъ алгебру.

Первое формальное провозглашеніе геліоцентрической теоріи было сдѣлано очень робко, что ясно указываетъ на Коперникъ; его сочиненіе. оживившуюся оппозицію. Коперникъ, пруссакъ по происхожденію, первый заговорилъ въ 1536 г. объ обращеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Въ его предисловіи, посвященномъ папѣ Павлу III, написанномъ или имъ самимъ, или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, Андреемъ Осандеромъ, онъ жалуется на несовершенства существующей системы и заявляетъ, что онъ искалъ у древнихъ писателей лучшей системы и, такимъ образомъ, познакомился съ геліоцентрической теорією. «Тогда я началъ размышлять о движеніи земли, и хотя это мнѣніе могло показаться нелѣпнымъ, но такъ какъ я знаю, что въ прежнія времена другимъ изслѣдователямъ разрѣшалось предполагать произвольные круги для объясненія занимающаго ихъ явленія, то я рѣшилъ, что и я могу позволить себѣ попытку найти лучшее, чѣмъ прежде, объясненіе вращенія небесныхъ свѣтилъ, основывая свои заключенія на предположеніи о движеніи земли».

«Принявъ, такимъ образомъ, какъ фактъ, движеніе земли, которое будетъ ниже объяснено мною, я, послѣ долгихъ и трудолюбивыхъ наблюденій, нашелъ, что если сравнить съ вращеніемъ земли движенія другихъ планетъ, то это предположеніе не только объясняетъ эти явленія, но и получается такая стройная связь

между отдѣльными мірами и всею системою, что ни одна точка не можетъ быть перемѣщена, не нарушая общей гармоніи и не вводя безпорядка во всей вселенной».

Извинительный тонъ его предисловія замѣчается и въ его заявленіи, что онъ 36 лѣтъ хранилъ свою книгу и напечаталъ ее только теперь по настоянію кардинала Шомберга. Кардиналъ попросилъ у него копію рукописи. «Хотя я зналъ, что мысли философа не зависятъ отъ сужденія большинства, такъ какъ цѣль его узнать истину, насколько Богъ разрѣшилъ это человѣческому уму, но, принимая во вниманіе, какъ нелѣпно должно было показаться мое ученіе, я долго колебался издавать свою книгу, думая, не лучше ли будетъ послѣдовать примѣру пинагорейцевъ и другихъ философовъ, открывавшихъ свои ученія только друзьямъ и передававшихъ ихъ изъ устъ въ уста по преданію». Въ заключеніе онъ говоритъ слѣдующее: «Если найдутся пустые болтуны, которые, ничего не смысли въ математикѣ, позволятъ себѣ судить меня и, на основаніи нѣкоторыхъ ложно истолкованныхъ мѣствъ св. Писанія, осуждаютъ мое предпріятіе и нападаютъ на него, я не буду обращать на нихъ вниманія, а стану съ презрѣніемъ относиться къ ихъ сужденіямъ, считая ихъ слишкомъ поспѣшными и неосновательными».

Коперникъ имѣлъ совершенно ясное понятіе не только объ относительномъ положеніи земли, но и объ ея относительной величинѣ. Онъ говоритъ, что вселенная такъ велика, что разстояніе отъ земли къ солнцу ничто сравнительно со сферою неподвижныхъ звѣздъ.

Коперникъ приписывалъ землѣ тройное движеніе: суточное вращеніе вокругъ ея оси, годичное вокругъ солнца, движеніе наклоненія оси. Последнее представлялось необходимымъ для уясненія постояннаго направленія полюса; но оно оказалось вскорѣ недоразумѣніемъ, и теорія Коперника была отъ него освобождена. Съ этою поправкою ученіе Коперника представляетъ громадный шагъ впередъ, хотя въ томъ видѣ, въ какомъ великій астрономъ его предлагалъ, онъ вынужденъ былъ сохранить механизмъ эпицикловъ и эксцентритетовъ, такъ какъ онъ воображалъ, что планеты движутся по кругу. Его ввелъ въ заблужденіе понятіе, что такъ какъ кругъ самая простая изъ всѣхъ геометрическихъ формъ, то онъ въ то же время и самая естественная. Сочиненіе его было издано въ 1543 г. Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ увидѣлъ первый экземпляръ его.

Въ виду встрѣченной ею оппозиціи, гелиоцентрическая теорія сначала крайне медленно подвигалась впередъ. Изъ привѣдшихъ ее лицъ нѣкоторые только задерживали ея распространеніе, одни вслѣдствіе крайности ихъ взглядовъ, другіе вслѣдствіе сомнительности ихъ общественаго положенія. Таковъ былъ Бруно, который много содѣйствовалъ введенію этой теоріи въ Англию и былъ авторомъ сочиненія *О множествѣ міровъ*; ему же принадлежитъ понятіе, что каждая звѣзда—солнце, вокругъ котораго кружатся темныя, непрозрачныя планеты,—понятіе, къ ко-

торому приводитъ система Коперника. Бруно родился черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Коперника. Онъ сдѣлался доминиканцемъ, но, подобно многимъ другимъ мыслителямъ своего времени, впасть въ ересь по поводу ученія о пресущественіи. Не скрывая своихъ мнѣній, онъ навлекъ на себя преслѣдованія, бѣжалъ, и велъ въ чужеземныхъ странахъ бродячую жизнь; по его словамъ, повсюду, гдѣ онъ бывалъ, онъ встрѣчалъ скептицизмъ подъ маскою лицемерія, такъ что ему приходилось бороться не противъ дѣйствительныхъ вѣрованій, а противъ мнимыхъ, лицемѣрныхъ. За пространство ученія о вращеніи земли онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Швейцарію, а оттуда въ Англию; Онъ преподавалъ гелиоцентрическую теорію. въ Оксфордѣ онъ началъ читать лекцію о космологіи. Изгнанный послѣдовательно изъ Англии, Франціи и Германіи, онъ вернулся въ Италію, доведенный до крайности, и былъ арестованъ въ Венеціи, гдѣ его шесть лѣтъ держали въ заточеніи въ Пюлмби, безъ книгъ, безъ бумагъ, не допуская къ нему друзей. Между тѣмъ инквизиція потребовала его къ себѣ на судъ по обвиненію въ сочинительствѣ еретическихъ произведеній. Его перевезли въ Римъ, гдѣ послѣ двухлѣтняго заключенія, суда и отлученія, его передали свѣтскимъ властямъ, для наказанія «насколько возможно милосердно, безъ пролитія крови»,—возмутительная формула для сожженія заживо. Онъ собралъ всѣ наблюденія, сдѣланныя относительно новой звѣзды въ Кассіопеи въ 1572 г., говорилъ, что пространство безконечно и наполнено самосвѣтящимися и непрозрачными тѣлами, изъ которыхъ многія обитаемы,—главное его преступленіе. Онъ вѣрилъ, что міръ одаренъ разумною душою, которая служитъ причиною формъ, но не вещества; что она живетъ во всѣхъ вещахъ, даже въ такихъ, которыя, повидимому, не живутъ; что все готово организоваться; что вещество—мать формъ и въ то же время ихъ могила; что вещество и душа міра составляютъ совмѣстно Бога. Его идеи были, слѣдовательно, пантеистичны: *Est Deus in nobis*. Въ его *Cena de le Cenere* онъ настаиваетъ на томъ, что св. Писаніе должно преподавать не науку, а нравственность. Строгость, съ какою съ нимъ обращались, онъ навлекъ на себя завлеченіемъ, что онъ борется съ ортодоксіею, въ которой нѣтъ ни нравственности, ни вѣры. Эта мысль составляетъ главное содержаніе его сочиненія *Торжествующій змѣрь*. Онъ былъ сожженъ въ Римѣ 16 февраля 1600 г. Когда ужасный приговоръ былъ произнесенъ, онъ отвѣтилъ съ достоинствомъ: «Быть можетъ, вы съ большимъ страхомъ произносите этотъ приговоръ надо мною, чѣмъ я его выслушиваю». Его мучители въ шутку замѣтили, когда пламя скрыло его отъ ихъ глазъ, что онъ отпавился въ воображаемый міръ, столь богохульно изображенный имъ.

Это энергичное, хотя и спазмодическое, рѣшеніе церкви защитить себя оказалось не безъ дѣйствія. Оно доставило ей возможность удержать въ своей власти всѣхъ робкихъ, поверхностныхъ людей, угрожающихъ духу времени. Между этими лицами слѣдуетъ упомянуть лорда Бэкона, который никогда не

признавалъ системы Коперника. Онъ говоритъ: въ системѣ Коперника много важныхъ затрудненій, потому что тройное движеніе, которымъ онъ утруждаетъ землю, представляетъ серьезное неудобство, а отдѣленіе солнца отъ планетъ, съ которыми у него столько общаго, также весьма рискованный шагъ; введеніе же въ природу столько неподвижныхъ тѣлъ, напр., когда онъ объявляетъ неподвижными солнце и звѣзды, тѣла особенно свѣтлыя и лучистыя, и его заявленіе, что луна обращается вокругъ земли, а также многія другія его заключенія показываютъ, что это былъ человѣкъ, не останавливающийся передъ допущеніемъ какихъ бы то ни было фикцій, лишь бы онѣ не противорѣчили его вычислениямъ». Чѣмъ старательнѣе изучаемъ мы произведенія лорда Бэкона, тѣмъ болѣе недостойными кажутся они той блестящей репутаціи, которая досталась имъ на долю. Народное заблужденіе, которому онъ обязанъ ею, возникло въ то время, когда исторія науки была совершенно неизвѣстна. Лица, впервые обратившія на него вниманіе, не имѣли никакого понятія о древней александрійской школѣ. Этотъ хваленый основатель новой философіи не могъ понять и не соглашался признать величайшаго изъ всѣхъ научныхъ ученій, какъ ясно ни излагалось оно ему.

Говорили, что изобрѣтеніе истиннаго метода физической науки служило Бэкону забавою въ часы отдыха отъ болѣе трудныхъ занятій правомъ и отъ его обязанностей придворнаго. Главные его поклонники были люди литературнаго склада ума, воображавшіе, что научныя открытія совершаются помощью механически-умственныхъ процессовъ. Бэконъ самъ не достигалъ никогда большихъ практическихъ результатовъ, и ни одинъ великій физикъ не пользовался его методомъ. Онъ находится въ такомъ же отношеніи къ развитію современной науки, въ какомъ изобрѣтатель планетника находится по отношенію къ открытію механизма вселенной. Ни одно изъ всѣхъ важныхъ физическихъ открытій не было сдѣлано съ помощью Бэкона. Ньютонъ, повидимому, ничѣмъ не былъ обязанъ ему. Архимедъ, александрійцы, арабы и Леонардо да Винчи работали съ успѣхомъ задолго до его рожденія; открытіе Америки Колумбомъ и кругосвѣтное путешествіе Магеллана врядъ ли могутъ быть приписаны его вліянію; тѣмъ не менѣе они являются послѣдствіями истинно философскаго разсужденія. Но изслѣдованіе природы—дѣло генія, а не правилъ. Никто не можетъ сочинить органа, который сталъ бы писать трагедіи и эпическія поэмы.

Немногіе претенденты на званіе ученаго надѣлали столько ошибокъ, какъ лордъ Бэконъ. Онъ отвергъ систему Коперника и дерзко отозвался о ея великомъ авторѣ; онъ осмѣлился критиковать трактатъ Джильберта *De Magnete*; онъ занимался осужденіемъ всякаго изслѣдованія конечныхъ причинъ какъ разъ въ то время, когда Гарвей выводилъ фактъ кругообращенія крови изъ открытія клапановъ въ венахъ, сдѣланнаго Аквантенденте; онъ сомнѣвался въ томъ, приносятъ ли инструменты какую-либо пользу, и это тогда, когда Галилей изслѣдовалъ небеса

Безполезность его философіи.

Его научныя заблужденія.

помощью телескопа. Совершенно невѣжественный въ математикѣ, онъ считалъ ее бесполезною въ научномъ отношеніи всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Ньютонъ совершилъ при ея помощи свои безсмертныя открытія. Пора отдѣлится священное ими философіи отъ имени того, кто былъ претендентомъ на науку, угодливымъ политикомъ, вѣроломнымъ законникомъ, подкупнымъ судьей, лицемернымъ другомъ и дурнымъ человѣкомъ.

Но не всѣ были такъ тупоумны, какъ Бэконъ. Джильбертъ, одинъ изъ лучшихъ и первыхъ англійскихъ изслѣдователей, превосходный писатель о магнетизмѣ, принялъ взгляды Коперника. Милтонъ въ *Потерянномъ Раѣ* излагаетъ языкомъ, свойственнымъ только ему, возраженія противъ системы Птолемея и доводы въ пользу системы Коперника. Нѣкоторые изъ наиболѣе либеральныхъ духовныхъ также примкнули къ нимъ. Епископъ Уилькинсъ не только изложилъ ее самымъ популярнымъ образомъ, но и далъ нѣсколько объясненій относительно предполагаемаго противорѣчія ея съ священнымъ Писаніемъ. Но наибольшую поддержку она встрѣтила у геометровъ, какъ Нэпиръ, Бриггсъ, Горроксъ. На материкѣ ученіе это ежедневно пріобрѣтало себѣ новыхъ сторонниковъ и получало особенную силу влѣдствіе согласія таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, вычисленныхъ на основаніи его принциповъ съ дѣйствительными наблюденіями.

Интересно замѣтить, какъ различны были классы людей, среди которыхъ эта теорія пріобрѣтала себѣ ежедневно сторонниковъ. Опытные философы, республиканскіе поэты, епископальные духовные, шотландскіе лорды, учителя западной Англии, итальянскіе физики, польскіе педанты, трудолюбивые нѣмцы, каждый съ своей особой точки зрѣнія, постепенно, воспринимали ея свѣтъ, и несомнѣнно, что, при такихъ разнообразныхъ вліяніяхъ, ученіе это въ концѣ концовъ завоевало бы себѣ почетное мѣсто, хотя этого пришлось бы, можетъ быть, долго ждать. Но внезапно произошло счастливое событіе, которое доставило цѣлый рядъ блестящихъ доказательствъ для подтвержденія этой теоріи, и сдѣлало этотъ вопросъ понятнымъ для всѣхъ. Этимъ великимъ и счастливымъ событіемъ было изобрѣтеніе телескопа.

Незачѣмъ входить въ изслѣдованіе того, кому принадлежитъ это изобрѣтеніе. Для нашей цѣли достаточно знать, что Липпершей, голландецъ, сдѣлалъ одинъ инструментъ къ концу 1608 г. и что Галилей, узнавъ объ этомъ обстоятельстве, но не зная особенностей постройки, въ маѣ или апрѣлѣ слѣдующаго года изобрѣлъ такой же инструментъ. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы разсматривать въ телескопъ земные предметы, онъ употребилъ его для наблюденія за небомъ. Обративъ телескопъ на луну, Галилей увидѣлъ, что на ней находятся горы, бросающія тѣни, и долины, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ на землѣ. Открытіе безчисленнаго количества неподвижныхъ звѣздъ,—онъ насчиталъ не менѣе сорока въ хорошо извѣстной группѣ плеядъ,—невидимыхъ до сихъ поръ для человѣка, доставило неоспоримый аргументъ противъ мнѣнія, что

Принятіе системы Коперника.

Изобрѣтеніе телескопа.

Галилей строитъ телескопъ.

Астрономическія открытія, сдѣланныя помощью телескопа.

тѣла эти созданы только для того, чтобы свѣтить намъ ночью; и, въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что это нанесло смертельный ударъ антропоцентрической системѣ. Раздался возгласъ негодованія противъ Галилея и громкія обвиненія его въ безбожии. 7 января 1610 г. онъ открылъ три сателлита Юпитера, а нѣсколько дней спустя и четвертый. Онъ далъ имъ названіе Медисейскихъ звѣздъ, и въ своемъ *Звѣздномъ Вѣстникѣ* напечаталъ отчетъ о фактахъ, добытыхъ имъ изъ наблюдений. Такъ какъ оказалось, что планета эта представляетъ въ миниатюрѣ прекрасное доказательство идей Коперника о солнечной системѣ, то это открытіе было принято астрономическою партіею съ живѣйшимъ удовольствіемъ, а у церковной вызвало самую ожесточенную оппозицію: одни утверждали, что это простой оптический обманъ, другіе, что это преднамѣренное мошенничество, третьи, что это богохульство, а четвертые, наконецъ, доводя до ея крайнихъ послѣдствій нелѣбую философію того времени, увѣряли, что такъ какъ предполагаемые сателлиты невидимы для простаго глаза, то они бесполезны, а такъ какъ они бесполезны, то не могутъ существовать. Продолжая свои наблюденія, Галилей нашелъ, что Сатурнъ страннымъ образомъ отличается отъ другихъ планетъ, но употребленный имъ телескопъ былъ недостаточно силенъ для того, чтобы увидѣть кольцо Сатурна, вѣдѣствіе чего онъ впалъ въ ошибку, вообразивъ, что эта планета тройная. За этимъ послѣдовало вскорѣ открытіе фазъ Венеры, что установило неоспоримо фактъ ея обращенія вокругъ солнца и, такимъ образомъ, превратило одно изъ самыхъ вѣскихъ возраженій противъ коперниковой теоріи въ самую вѣскую для нея поддержку. «Если ученіе Коперника вѣрно, планета Венера должна показывать фазы, подобныя фазамъ луны, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ», такъ гласило возраженіе. Коперникъ самъ понималъ затрудненіе и старался опровергнуть его соображеніемъ, что планета можетъ быть прозрачною. Телескопъ Галилея навсегда разрѣшилъ этотъ вопросъ, доказавъ дѣйствительное существованіе такого рода фазъ.

Въ саду кардинала Бандини въ Римѣ Галилей впервые въ 1611 г. показалъ пятна на солнцѣ. Онъ замѣтилъ ихъ ^{Начало оппозиціи противъ Галилея.} въ предыдущемъ году. Подстрекаемый оппозиціею, которую его астрономическія открытія навлекли на него, онъ обратился въ 1614 г. съ письмомъ къ аббату Каstellи съ цѣлью доказать, что св. Писаніе нельзя никоимъ образомъ признавать научнымъ авторитетомъ. Это значило итти по стопамъ Бруно. Доминиканцы, встревожившись, начали съ каедрой нападать на него. Но насколько неохотно и неувѣренно высшее духовенство вступало въ эти пререканія, видно изъ того, что генералъ доминиканцевъ, Мараффи, принесъ Галилею извиненія за случившееся. Тогда астрономъ напечаталъ другое письмо, въ которомъ повторялъ свои прежнія мнѣнія, утверждая, что св. Писаніе предназначено служить только для нашего спасенія, приводя разныя другія доказательства въ защиту свою и ссылаясь, наконецъ, на то обстоятельство, что Коперникъ посвятилъ свою книгу Павлу III.

По совѣту доминиканцевъ, Галилей былъ опять призванъ въ Римъ, чтобы дать передъ инквизиціею отчетъ за свое ^{Его призываютъ въ Римъ.} поведеніе и свои мнѣнія. Его обвинили въ томъ, что онъ училъ, будто земля движется, а солнце неподвижно, и въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку примирить эти ученія съ св. Писаніемъ. Приговоръ гласилъ слѣдующее: Галилей долженъ отказаться отъ своихъ еретическихъ мнѣній и обязаться не распространять ихъ въ будущемъ и не защищать. Въ случаѣ отказа дать ^{осудити инквизиціею,} такого рода обѣщаніе, онъ приговаривается къ тюремному заключенію. Помня судьбу Бруно, онъ согласился отречься и далъ требуемое обѣщаніе. Тогда инквизиція занялась системою Коперника и осудила ее, какъ еретическую. Письма Галилея, возбудившія все это дѣло, были воспрещены; а также Кеплерово сокращеніе коперниковой теоріи и сочиненіе Коперника. ^{которая осуждаетъ и систему Коперника.} Въ своемъ декретѣ, воспрещающемъ это сочиненіе, *De Revolutionibus*, конгрегация индекса 5 марта 1616 г. объявила новую систему вселенной «ложною пифагорейскою системою, противорѣчащую священной Писанію».

При этомъ опять обнаружилось, съ какою неохотою вмѣшивались римскія власти, и какъ только одна сила необходимости заставляла ихъ поступать такъ, какъ онѣ поступали. Послѣ всего, что произошло, папа Павелъ V принялъ Галилея на аудіенціи, гдѣ увѣрялъ его въ горячей къ нему симпатіи и обезпечилъ ^{личную безопасность папы.} ему безопасность. Когда на папскій престолъ сѣлъ Урбанъ VIII, Галилей получилъ шесть аудіенцій; папа далъ ему много подарковъ и обѣщаль даже пенсію его сыну. Въ письмѣ къ герцогу флорентинскому его святѣйшество выражалось самымъ либеральнымъ образомъ: онъ увѣрялъ, что отъ души любитъ Галилея, обнималъ его заочно и просилъ герцога оказать ему всевозможное вниманіе.

Можетъ быть, въ виду этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ Галилей подумалъ, что онъ можетъ безнаказанно нарушить данное обязательство, а можетъ быть, инстинктивная ненависть ко всякаго рода умственному деспотизму и лицемѣрью, тяготѣвшимъ ^{Галилей падаетъ въ «Систему міра».} надъ Европою, слишкомъ сильно заговорила въ немъ,—какъ бы то ни было, но въ 1632 г. онъ рѣшился издать сочиненіе подъ заглавіемъ: *Система міра*, съ намѣреніемъ доказать истину ученія Коперника. Это произведеніе написано въ формѣ діалога, который ведется между тремя ораторами: два изъ нихъ философы, а третій возражаетъ имъ. Каково бы ни было личное мнѣніе папы, но его обязанность заставляла его дѣйствовать. Галилея опять потащили на судъ инквизиціи, несмотря на возраженія тосканскаго посланника, утверждавшаго, что безчеловѣчно обращаться такимъ образомъ со слабымъ, больнымъ старикомъ. Но ни на какія возраженія не было обращено вниманія, и въ февралѣ 1633 г. Галилей вынужденъ былъ явиться въ Римъ и предаться въ руки инквизиціи. Племянникъ папы пустилъ все въ ходъ, чтобы поддержать достоинство церкви и въ то же время пощадить до-

стоинство науки. Онъ обратилъ особенное вниманіе на личный комфортъ обвиняемаго. Когда наступило время посадить Галилея въ одиночное заключеніе, онъ старался возможно больше облегчить его, но, замѣтивъ дурное дѣйствіе, оказанное заключеніемъ на состояніе духа маститаго философа, онъ освободилъ его подъ собственною отвѣтственностью и позволилъ ему жить въ домѣ тосканскаго по-^{вполнѣ осужденъ инквизиціею.} сланика. По окончаніи суда, Галилея призвали 22 іюня для объявленія ему приговора. Онъ выслушалъ его одѣтый въ платье кающагося грѣшника. Определены были его еретическія заблужденія, повторены данныя имъ обязательства; объявлено было, что онъ навлекъ на себя сильныя подозрѣнія въ ереси и, слѣдовательно, подлежитъ наказанію; но не подвергнется ему, если вполнѣ искренно откажется отъ своихъ ересей и проклянетъ ихъ. Но все же его преступленія не должны были оставаться безнаказанными, и дабы его наказаніе могло послужить примѣромъ для другихъ, онъ былъ осужденъ на безерочное тюремное заключеніе, пока инквизиція угодно будетъ освободить его; его діалоги были воспрещены эдигтомъ, а самъ онъ долженъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ семь разъ въ недѣлю повторять семь покаянныхъ псалмовъ.

Маститаго философа, одѣтаго въ позорное платье, заставили ^{Его униженіе и наказаніе.} стать на колѣни передъ собравшимися кардиналами, съ Евангеліемъ въ рукѣ отречься отъ гелиоцентрическаго ученія и дать требуемыя обязательства. Затѣмъ его заперли въ тюрьму инквизиціи; лица, участвующія въ печатаніи его сочиненій, были накааны; а приговоръ и отреченіе были формально опубликованы вмѣстѣ съ приказомъ прочесть ихъ публично въ университетахъ. Во Флоренціи приверженцамъ Галилея приказано было присутствовать въ церкви Санта Кроче, чтобы видѣть его униженіе. Послѣ кратковременнаго заключенія въ тюрьмѣ инквизиціи, Галилея перевели въ Арчетри и заперли въ его собственномъ домѣ. Здѣсь его ожидало много несчастій: его любимая дочь умерла; онъ впалъ въ меланхолію; просьба его разрѣшить ему отправиться во Флоренцію, чтобы посоветоваться съ врачами, была отвергнута. Очевидно было намѣреніе относиться къ нему съ неумолимою строгостью. Послѣ пятилѣтняго заключенія, ему разрѣшено было здоровья ради вернуться во Флоренцію, но съ воспрещеніемъ выходить изъ дому, принимать друзей или даже слушать мессу въ Страстную недѣлю безъ особеннаго разрѣшенія. Великій герцогъ старался смягчить этотъ суровый приговоръ, ссылаясь на почтенный возрастъ и слабое здоровье безсмертнаго обвиняемаго и заявляя, что было полезно дать ему возможность сообщить нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ имъ научныхъ открытій другимъ лицамъ, напр., брату Кастелли. Но и это было разрѣшено подъ условіемъ, чтобы свиданіе состоялось обязательно въ присутствіи чиновника отъ инквизиціи. Вскорѣ послѣ того Галилея перевезли опять въ Арчетри. Онъ проводилъ время въ сочиненіи своего произведенія о мѣстномъ движеніи, которое, благодаря хлопотамъ его друзей, было напечатано въ Голландіи. Его нездоровье и неудачи еще бо-

лѣе увеличились. Въ 1637 г. онъ совершенно ослѣпъ. Въ одномъ письмѣ онъ говорить жалобно, ссылаясь на свое ^{Несчастія его старости.} несчастье: «Такъ угодно было Богу, слѣдовательно такъ угодно будетъ и мнѣ». Утонченное мщеніе духовенства преслѣдовало его неуклонно и дало ему возможность повидаться съ друзьями только тогда, когда онъ не могъ ихъ больше видѣть. Въ это именно время его жизни знаменитый авторъ *Потерянаго Рая* посѣтилъ его. Вскорѣ послѣ того онъ совершенно оглохъ, но до конца жизни занимался изслѣдованіями надъ перкуссіею. Онъ умеръ ^{Его смерть: ему отказываютъ въ погребеніи.} въ 1642 г. плѣнникомъ инквизиціи. Вѣрное своимъ инстинктамъ, это адское учрежденіе преслѣдовало его и за гробомъ, оспаривая у него право дѣлать завѣщаніе, отказываясь погребать его въ освященномъ мѣстѣ. Папа также воспретилъ его друзьямъ поставить ему памятникъ въ церкви Санта Кроче во Флоренціи. Только въ XIX в. возведенъ былъ достойный его памятникъ.

Открытія Галилея и Коперника привели къ тому, что земля была поставлена въ надлежащее подчиненное положеніе ^{Упѣлки копериципловой системы.} и выработана была болѣе высокая точка взгляда на вселенную. Мѣстлинъ выражаетъ совершенно правильно положеніе дѣлъ, когда говорить: «Что такое земля и окружающій воздухъ сравнительно съ обширностью пространства? Это точка, точка и даже нѣчто еще меньшее». Она была низведена до положенія члена одной общей семьи—солнечной системы. И такъ какъ ее перестали считать тѣломъ, которое держитъ всѣ остальные тѣла въ повиновеніи и управляетъ ихъ движеніями, то было кое-какое основаніе предположить, что она находится къ нимъ въ соотношеніи равной или подчиненной,—другими словами, что вскорѣ должны быть открыты общія отношенія, показывающія, какимъ образомъ всѣ планеты, входящія въ составъ солнечной системы, совершаютъ свои движенія вокругъ солнца.

Среди лицъ, занятыхъ разработкою этой идеи, Кеплеръ занимаетъ особенно выдающееся мѣсто. Принимая во вниманіе ^{Кеплеръ, его способъ изслѣдованія.} направленіе мыслей того времени, не удивительно, что онъ разсматриваетъ свой предметъ съ нѣсколько мистической точки зрѣнія. Тѣ, которые стануть осуждать его за это, не понимаютъ достаточно хорошо умственнаго состоянія поколѣнія, среди котораго ему приходилось жить. Что бы мы ни говорили объ этомъ, нельзя отказывать ему въ удивительномъ терпѣніи и почти въ сверхчеловѣческомъ трудолюбіи. Онъ подвергалъ безконечно труднымъ вычисленіямъ одну догадку за другою, одну гипотезу за другою, и высказываетъ грустную истину, когда говорить: «Я разсматривалъ и разсуждалъ, пока не доходило чуть ли не до сумасшествія». Тѣмъ не менѣе онъ среди постоянно повторяющихся разочарованій держался съ истинно философскимъ упорствомъ убѣжденія, что между различными частями солнечной системы должна обязательно существовать связь и что эта связь будетъ доказана открытіемъ законовъ, руководящихъ разстояніями, временемъ обращенія и скоростью планетъ. Этими умозрѣніями онъ занимался еще до изданія сочиненій Галилея. Въ своей *Mysterium*

Cosmographicum онъ говоритъ: «Въ 1595 г. я со всеѣмъ напряженіемъ своихъ умственныхъ силъ занимался обсужденіемъ системы Коперника».

Въ 1609 г. онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *O de revolutionibus sphaerae Martis*. Это результатъ попытки, сдѣланной имъ еще въ началѣ столѣтія, примирить движенія планетъ съ гипотезою объ эксцентрикахъ и эпициклахъ. Закончилъ онъ оставленіемъ этой гипотезы и открытіемъ двухъ великихъ законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ перваго и втораго закона Кеплера. Они доказываютъ, что планеты совершаютъ свой путь по эллипсису и что площадь, описанная линією, проведенною отъ планеты къ солнцу, пропорціональна времени.

Въ 1617 г. его усилія были вознаграждены открытіемъ новаго закона, извѣстнаго подъ именемъ третьаго кеплеровскаго закона: онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе между среднимъ разстояніемъ планетъ отъ солнца и временемъ ихъ обращенія: «квадраты періодическихъ временъ прямо пропорціональны кубу разстояній»: Въ своемъ *Сокращеніи коперниковой астрономіи*, изданномъ въ 1622 г., онъ доказалъ, что этотъ законъ такъ же точно примѣнимъ и къ отношеніямъ сателлитовъ Юпитера къ послѣднему.

Гумбольдтъ, говоря о движеніи спутниковъ Юпитера, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Это побудило Кеплера въ его *Harmonices Mundi* утверждать, со всею увѣренностію и философскою независимостію германскаго ума, лицамъ, мнѣнія которыхъ господствовали за Альпами: «Восемьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ученія Коперника о движеніи земли и неподвижности солнца распространяются безпрепятственно, потому что было признано позволительнымъ обсуждать явленія природы и объяснять дѣло Бога, и вотъ теперь, когда найдено новое доказательство, подтверждающее истину этихъ ученій,—доказательство, неизвѣстное духовнымъ судьямъ, вы хотите помѣшать обнаруженію истинной системы строенія вселенной!»

Итакъ, мы видимъ, что геліоцентрическая теорія, предложенная Коперникомъ, подверглась измѣненіямъ и исправленіямъ. Допущенныя ею круговыя движенія, внесенныя безконечную путаницу въ нее, несмотря на свою кажущуюся простоту, оказались невѣрными. Ихъ измѣнили дѣйствительными движеніями—эллиптическими. Кеплеръ, по обыкновенію, весьма остроумно описалъ свои попытки и разочарованія. Намекая однажды на нихъ, онъ сказалъ: «Первая моя ошибка заключалась въ предположеніи, что планеты при своемъ движеніи описываютъ кругъ,—мнѣніе, которое украло у меня тѣмъ больше времени, что оно поддерживалось авторитетомъ всеѣхъ философовъ и было очевидно пріятно и метафизикамъ».

Философское значеніе кеплеровыхъ открытій не было вначалѣ понято церковною партією. Значеніе это заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они представляютъ важнѣйшій шагъ для установленія ученія объ управленіи міра за-

кономъ. Но невозможно признавать эти законы, не изслѣдуя ихъ причинъ. Результатъ, къ которому привело это изслѣдованіе, не только объяснилъ ихъ происхожденіе, но и доказалъ, что, по природѣ вещей, они, какъ законы, должны необходимо существовать. Можно сказать совершенно справедливо, что математическое изложеніе ихъ происхожденія составляетъ самый великолѣпный памятникъ умственной силы человѣка.

Прежде чѣмъ геліоцентрическая теорія могла быть настолько разработана, чтобы доставить ясное изложеніе солнечной системы, которое очевидно составляетъ первый шагъ для правильнаго пониманія вселенной, необходимо было значительно улучшить науку механики или, вѣрнѣе, создать ее, потому что въ вѣкъ умственнаго застоя, послѣдовавшій за установленіемъ византийскаго могущества, не было ничего сдѣлано для выработки правильныхъ взглядовъ на статику и динамику. Европѣ, при низкомъ уровнѣ ея развитія, невозможно было произвести людей, способныхъ продолжать то дѣло, которое оставлено было неоконченнымъ Архимедомъ. Для этого надо было ждать приближенія ея вѣка разума.

И вотъ даровитый человѣкъ, наконецъ, явился. Леонардо да Винчи родился въ 1452 г. Историкъ Галламъ, перечисляя нѣкоторыя изъ его произведеній, замѣчаетъ: «Его знанія были почти сверхъестественны». Многія изъ его сочиненій до сихъ поръ не изданы. Задолго до Бэкона онъ высказалъ истину, что опытъ и наблюденіе должны служить основаніемъ всякаго разсужденія въ наукахъ, что опытъ—единственный толкователь природы и существенно необходимъ для опредѣленія законовъ. Въ противоположность Бэкону, совершенно невѣжественному въ математикѣ, онъ доказывалъ ея громадныя преимущества. Черезъ семь лѣтъ послѣ путешествія Колумба, этотъ великій человѣкъ,—великій какъ художникъ, математикъ и инженеръ,—изложилъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ теорію силъ, дѣйствующихъ косвенно на рычагъ; нѣсколько лѣтъ спустя онъ вполне ознакомился съ годовымъ движеніемъ земли. Онъ зналъ законы тренія, доказанные впоследствии Амонтономъ, и принципъ мертвой силы. Онъ описывалъ камеру-обскуру до опытовъ Баптиста-Порта, понималъ воздушную перспективу, свойства цвѣтовыхъ тѣней, пользу радужной оболочки и дѣйствіе продолжительныхъ впечатлѣній на глаза. Онъ писалъ очень хорошо о фортификаціи, предупредилъ Каstellи въ вопросѣ о гидравликѣ, занимался изученіемъ паденія тѣлъ на основаніи гипотезы о вращеніи земли, говорилъ о времени паденія тѣлъ по наклонной плоскости и круговымъ линіямъ и о свойствахъ машинъ. Онъ обсуждалъ съ необыкновенною ясностью дыханіе и горѣніе и предвидѣлъ одну изъ величайшихъ гипотезъ геологіи—возвышеніе материковъ.

Это положило начало прогрессу натуральной философіи: за этимъ послѣдовало изданіе сочиненія о началахъ равновѣсія, написаннаго Стевиномъ въ 1586 г. Въ немъ авторъ устанавливаетъ основныя свойства наклонной

Необходимость
позиционенія
науки меха-
ники.

Леонардо
да Винчи.

Стевинъ спо-
собствуетъ раз-
витію нату-
ральной фило-
софіи.

плоскости и разръшаетъ съ общей точки зрѣнія вопросъ о силахъ, дѣйствующихъ косвенно. Шестъ лѣтъ спустя появился трактатъ Галилеи о механикѣ, котораго одного было бы достаточно для того, чтобъ обезпечить ему безсмертную славу, даже если бы онъ не сдѣлалъ своихъ блестящихъ астрономическихъ открытій.

Динамическая часть механики больше всего обязана Галилею. Онъ установилъ три закона движенія. По словамъ Открытие законовъ движенія. Ньютона, законы эти состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Каждое тѣло остается въ прежнемъ положеніи покоя или продолжаетъ совершать прежнее движеніе по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока оно не окажется вынужденнымъ измѣнить свое состояніе благодаря дѣйствію какихъ-либо внѣшнихъ силъ.

2) Перемѣна движенія прямо пропорціональна движущей силѣ, и производится въ направленіи прямой, по которой производится давленіе.

3) Каждому движенію оказывается равное же противодѣйствіе, иначе сказать, взаимныя дѣйствія обоихъ тѣлъ другъ на друга всегда равны и направлены въ противоположныя стороны.

До того времени думали, что движеніе поддерживается только постояннымъ приложеніемъ, давленіемъ или тратою силы. Самъ Галилей въ теченіе многихъ лѣтъ придерживался этого заблужденія, но въ 1638 г. онъ ясно излагаетъ въ *Диалогахъ о механикѣ* истинный законъ однообразія и постоянства движенія. Такой взглядъ подразумѣваетъ, очевидно, правильное и ясное пониманіе характера сопротивленія. Ни одинъ опытъ, сдѣланный руками человѣка, не бываетъ безпрепятственнымъ. Но понятіе объ однообразіи и постоянствѣ движеній лежитъ въ основаніи физической астрономіи. Истинная идея была понята съ большимъ трудомъ. То же можно сказать и относительно прямолинейнаго направленія, потому что многіе думаютъ, что однообразное движеніе можетъ происходить только въ круговомъ направленіи.

Установленіе перваго закона движенія было необходимо для Установленіе перваго закона движенія открытія законовъ падающихъ тѣлъ, на основаніи которыхъ паденіе производится подъ давленіемъ постоянно дѣйствующей силы, а скорость увеличивается въ зависимости отъ послѣдней. Галилей видѣлъ ясно, что, какое бы положеніе ни приняло тѣло, будетъ ли оно двигаться скоро или медленно, оно всегда будетъ одинаково подчинено тяжести. Принципъ этотъ съ трудомъ принимался нѣкоторыми учеными, склонными думать, что быстро двигающееся тѣло не будетъ настолько подчиняться закону тяжести, насколько подчиняется ему тѣло, движеніе котораго происходитъ медленно. Съ такимъ же трудомъ исправлено было древнее заблужденіе Аристотеля, что тяжелое тѣло падаетъ быстрѣе, чѣмъ легкое.

Второй законъ движенія былъ также установленъ и объясненъ Галилеемъ. Въ своихъ *Диалогахъ* онъ показываетъ, что тѣло, брошенное въ горизонтальномъ направленіи, будетъ имѣть горизонтальное движеніе, но что къ этому присоединяется еще ускоренное движеніе внизъ. Здѣсь опять мы видимъ

необходимость постоянно помнить объ этомъ смѣшеніи силъ, не сопровождающемся измѣненіемъ или ослабленіемъ ихъ, и хотя намъ это понятіе можетъ показаться совершенно простымъ, но много было въ то время выдающихся людей, ни за что не соглашавшихся съ нимъ. Особенный случай, предположенный Галилеемъ, связанъ теоретически съ путемъ полета военныхъ снарядовъ, хотя на дѣлѣ путь ихъ значительно уклоняется отъ параболы, потому что они двигаются по сопротивляющейся средѣ — по воздуху. Криволинейныя движенія, возникающія необходимо вслѣдствіе постоянного дѣйствія центральной силы и заставляющія тѣло уклоняться отъ прямолинейнаго пути, по которому оно должно бы было иначе слѣдовать, представляютъ особенный интересъ при изученіи движеній небесныхъ тѣлъ, какъ мы увидимъ дальше.

Точное изложеніе третьяго закона движенія было предоставлено Галилеемъ его преемникамъ, обратившимъ и третьяго. особенное вниманіе на опредѣленіе законовъ соприскосновенія. И въ самомъ дѣлѣ, весь предметъ былъ вполне выясненъ и истина трехъ законовъ доказана во многихъ различныхъ случаяхъ благодаря изслѣдованію явленій свободно падающихъ тѣлъ, часового маятника, снарядовъ и т. п. Среди лицъ, занимавшихся такого рода изслѣдованіями, слѣдуетъ упомянуть Торричелли, Кастелли, Вивіани, Борелли, Гассенди. Благодаря изслѣдованію этихъ ученыхъ и другихъ, итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ натуръ-философовъ, принципы механики были прочно установлены, и сдѣланы были нужныя приготовленія для примѣненія ея къ астрономіи. Къ этому времени почти всѣ готовы были признать, что движенія планетъ могутъ быть объяснены на основаніи этихъ принциповъ.

Сдѣланъ былъ первый шагъ для объясненія движенія планетъ въ криволинейномъ направленіи: Примѣненіе механики къ движенію небесныхъ тѣлъ. устранено было старое заблужденіе, что тѣло можетъ продолжать свое движеніе по прямой линіи только при постоянномъ приложеніи силы, — первый законъ движенія доказалъ несостоятельность такого мнѣнія. Затѣмъ необходимо было составить себѣ ясныя и точныя понятія о комбинаціи или составѣ силъ, такъ чтобы каждая оказывала свое вліяніе, не извращаясь или не измѣняясь подъ дѣйствіемъ другой. Пришло, наконецъ, время доказать, что постоянное движеніе планетъ составляетъ послѣдствіе перваго закона движенія, — а ихъ эллиптической путь, опредѣленный Кеплеромъ, послѣдствіе второго. Много лицъ почти одновременно пришли къ этому заключенію, но ни одно изъ нихъ не было въ состояніи рѣшить вполне занимающую ихъ задачу. Такъ, Борелли въ 1666 г., разсматривая движенія спутниковъ Юпитера, ясно показываетъ, какъ можетъ возникнуть круговое движеніе подъ вліяніемъ центральной силы; онъ даже часто приводитъ въ примѣръ вращеніе камня, привязаннаго къ веревкѣ. Въ томъ же году въ Королевское общество представленъ былъ Гукомъ докладъ, «объясняющій переходъ изъ прямого движенія въ круговое благодаря дѣйствію притягательной силы». И Гюйгенсъ также въ своемъ *Horologium Oscillatorium* изложилъ нѣсколько теоремъ о круговыхъ движеніяхъ, но ни одинъ

изъ нихъ не былъ въ состояніи доказать, какимъ образомъ могутъ при этомъ получаться эллиптическія орбиты, хотя многіе были убѣждены, что разрѣшеніе этого вопроса не заставитъ себя долго ждать.

Въ апрѣлѣ 1686 г. *Principia* Ньютона были представлены въ Королевское общество. Это безсмертное произведение не только положило основаніе физической астрономіи, но и довело ее почти до совершенства. Въ немъ давалась механическая теорія всеобщаго тяготѣнія на основаніи принципа, по которому всѣ тѣла стремятся сблизиться другъ съ другомъ съ силою, прямо пропорціональною ихъ массѣ и обратно пропорціональною квадрату ихъ разстоянія.

Силѣ, производящей въ тѣлахъ стремленіе сблизиться другъ съ другомъ, дается названіе тяготѣнія или тяжести, или притяженія. Всѣ тяжелыя тѣла падаютъ на землю въ направленіи ея центра.

Ньютонъ доказалъ, что именно по этому направленію они и должны двигаться подъ влияніемъ взаимнаго притяженія каждой изъ частицъ, составляющихъ землю, причѣмъ притяженіе шара дѣйствуетъ такъ, какъ будто всѣ его частицы сосредоточиваются въ центрѣ.

Галилей уже разсмотрѣлъ, какъ дѣйствуетъ тяжесть на тѣла, какъ она ускоряетъ ихъ движеніе, и опредѣлилъ связь между паденіемъ и временемъ. Онъ объяснилъ эти факты на опытѣ, употребляя наклонныя плоскости, помощью которыхъ быстрота могла быть надлежащимъ образомъ уменьшена безъ измѣненія характера результата въ другихъ отношеніяхъ. Онъ доказалъ также, что притяженіе земли дѣйствуетъ одинаково на всѣ тѣла. Это онъ доказалъ, заключивъ различныя вещества въ пустые шары и заставивъ ихъ колебаться на веревкахъ равной величины: время колебанія было равно для всѣхъ. Послѣ изобрѣтенія воздушнаго насоса, дано было еще болѣе ясное доказательство этого факта: для опыта положили въ безвоздушное пространство золотую монету и перо, и оказалось, что быстрота ихъ паденія не зависитъ вовсе отъ ихъ тяжести. Свою теорію Галилей доказывалъ опытомъ съ наклонной башни въ Пизѣ, за что былъ изгнанъ изъ города.

Со времени Ньютона существовали только смутныя понятія о томъ, что притяженіе земли простирается на большія разстоянія. Ньютонъ былъ приведенъ къ открытію разсужденіемъ, что на всѣхъ высотахъ, доступныхъ человѣку, тяжесть дѣйствуетъ съ равною силою и что, поэтому, она можетъ достигнуть до самой луны и быть именно тою силою, которая заставляетъ ее уклониться отъ прямолинейнаго пути и вращаться по орбитѣ вокругъ земли. Допуская истину закона объ обратной пропорціональности квадрату разстоянія, легко вычислить, упала ли бы луна съ касательной, которую она должна описывать вокругъ земли, если бы послѣдняя перестала притягивать ее съ силою, пропорціональною той, которая замѣчается въ случаяхъ паденія тѣлъ недалеко отъ поверхности. Въ первыхъ исчисленіяхъ, сдѣланныхъ Ньютономъ, онъ нашелъ, что луна уклоняется отъ касательной

Ньютонъ, изда-
ше «Principia».

Провозгла-
шаетъ теорію
всеобщаго тя-
готѣнія.

Приготовленія
изъ ученію
Ньютона.

Причина кепле-
ровыхъ зако-
новъ.

Непреодолимое
распространеніе
гелиоцентриче-
ской теоріи.

Уклоненія.

тринадцать футовъ въ каждую минуту; но если бы гипотеза тяготѣнія была истинна, ея отклоненіе равнялось бы пятнадцати футамъ. Видно, насколько добросовѣстно относился великій философъ къ своей наукѣ, что онъ послѣ этого отложилъ на нѣсколько лѣтъ свое изслѣдованіе, правда, не отказываясь совершенно отъ него. Наконецъ, въ 1682 г., узнавъ результатъ измѣренія градуса, полученный Пикаромъ во Франціи,—результатъ, добытый помощью его вычисленія размѣра земли, а слѣдовательно и разстоянія ея отъ луны, онъ вновь взялся за свои вычисленія на основаніи исправленныхъ данныхъ. Говорятъ, что «онъ вернулся домой, вынулъ свои старыя бумаги и снова взялся за работу. По мѣрѣ того, какъ вычисленія приходили къ концу, онъ такъ сильно волновался, что былъ вынужденъ попросить одного пріятеля окончить ихъ». Ожидаемый результатъ былъ добытъ. Оказалось, что луна удерживается въ своей орбитѣ и вынуждена обращаться вокругъ земли въ силу земного притяженія.

Эти вычисленія были основаны на гипотезѣ, что луна движется по круговой орбитѣ съ одинаковою всегда скоростью. Но въ *Principia* доказано, что когда тѣло движется подъ влияніемъ притягательной силы, обратно пропорціональной квадрату разстояній, оно должно описывать эллипсисъ, съ фокусомъ въ центрѣ силы и при обстоятельствахъ, обозначенныхъ въ кеплеровыхъ законахъ. Ньютонъ, слѣдовательно, не только доставилъ ожидаемое объясненіе задачи движенія по эллипсису, но достигъ еще большаго: теперь очевидно было существованіе вышеупомянутыхъ законовъ, такъ какъ они являлись существенно необходимыми.

Разъ это было установлено, то отсюда выходило безспорно слѣдующее: подобно тому, какъ луна должна обращаться вокругъ земли благодаря влиянію на нее притягательной силы послѣдней, и каждая изъ планетъ вынуждена двигаться по эллипсису вокругъ солнца благодаря притягательной силѣ послѣдняго. На этомъ пунктѣ развитія гелиоцентрическая теорія доставляла физическія доказательства своей истинны. Было очевидно, что сила, называемая нами тяготѣніемъ, должна быть приписана солнцу и всѣмъ планетамъ наравнѣ съ землею. А Ньютонъ приписывалъ ее и всѣмъ веществамъ.

Но необходимымъ послѣдствіемъ этой теоріи являются многочисленныя неправильности и уклоненія въ движеніи тѣлъ, входящихъ въ составъ солнечной системы, — неправильности и уклоненія, вытекающія изъ взаимнаго притяженія ихъ. Если бы вокругъ солнца обращалась одна планета, ея орбита могла бы представлять совершенный эллипсисъ, но какъ только вводится вторая планета, тотчасъ же происходитъ различное уклоненіе, смотря по измѣненію положенія тѣлъ и ихъ разстояній. Если число тѣлъ велико, то послѣдствіемъ этого должно быть чрезвычайное усложненіе. И въ самомъ дѣлѣ, такъ непобѣдимы трудности эти, что математическое разрѣшеніе общаго вопроса о солнечной системѣ было бы совершенно безнадежно, если бы не то обстоятель-

ство, что планеты находятся на большомъ разстоянн другъ отъ друга и что ихъ масса въ сравненн съ массою солнца очень велика.

Принимая теорю тяготѣнн въ ея общемъ примѣненн, Нью-
Результаты те-
орн тяготѣнн. тонъ, какъ бы вдохновенный свыше, доказалъ блиста-
 тельнымъ образомъ главныя неправильности луны и
 планетъ, опредѣлилъ фигуру земли,—что она не совершенный шаръ,
 а продолговатый сфероидъ,—и объяснилъ предваренн равноден-
 ствнй и приливы на океанахъ. Позднѣнше математики довели до
 такого совершенства его теорю, что наиболѣ сложные и непра-
 вильныя движенн въ солнечной системѣ были удовлетворитель-
 нымъ образомъ объяснены и вычислены. На основанн этихъ прин-
 циповъ оказалось возможнымъ, зная массу данной планеты, не
 только опредѣлить уклоненн, которыя она можетъ произвести въ
 сосѣднихъ съ нею тѣлахъ, но и рѣшнть задачу въ обратномъ смы-
 слѣ, а именно на основанн уклоненн опредѣлнть мѣстонахожденн
 и массу неизвѣстной дотолѣ планеты. Такимъ-то образомъ, вслѣд-
 ствнн уклоненн Урана отъ мѣста, которое онъ долженъ былъ зани-
 мать на основанн теорнн, предсказана была необходимость суще-
 ствованн другой планеты, дѣйствующей на него, и нашему вре-
 мени суждено было видѣть умственное торжество математиковъ,
 указавшихъ, куда слѣдуетъ направить телескопъ, чтобы найти но-
 вую планету. Такимъ-то образомъ былъ открытъ Нептунъ.

Наше удивленн передъ необыкновенными умственными си-
 ламн Ньютона еще болѣе усилнтся, когда мы вспомнмъ, что ма-
 тематическимъ оруднемъ для него служила древняя геометрн. Толь-
 ко впослѣдствнн начали ученые прибѣгать къ аналитическому ме-
 тоду и развивать его. Этотъ методъ обладаетъ громаднымъ пре-
 имуществомъ: онъ освобождаетъ насъ отъ умственнаго напряженн,
 которое могло бы оказаться намъ не подъ силу. Совершенно вѣр-
 но было замѣчено, что символы думаютъ за насъ. Увелль дѣлаетъ
Principia; не-
сравненнн до-
стоинства этого
произведенн. слѣдующее замѣчанн: «Никто въ теченн шестидесяти
 лѣтъ послѣ изданн *Principia* и никто до сихъ поръ,
 даже пользуясь методомъ Ньютона, не прибавилъ ни-
 чего цѣннаго къ его выводамъ. Мы знаемъ, что онъ вычислилъ
 всѣ главныя лунныя неравенства; во многихъ случаяхъ онъ далъ
 намъ самыя вычисления, въ другихъ только результаты ихъ. Но
 что же было добавлено къ его прекрасной геометрн или выведено
 изъ его простыхъ принциповъ относительно неправильностей, ко-
 торыя онъ оставилъ нетронутыми? Могушественное орудн синтеза,
 столь сильно дѣйствующее въ его рукахъ, никогда больше не упо-
 треблялось другими для подобныхъ же цѣлей, и мы гляднмъ на
 него въ полномъ изумленн, какъ на какое-то гигантское военное
 орудн, которое стоитъ безъ употребленн среди памятниковъ ста-
 рнны и заставляетъ насъ удивляться и спрашивать себя, какого
 рода люди могли потрясать этимъ оруднемъ въ свою защиту, когда
 мы еле въ силахъ подымать его».

Если таково было физическое значенн открытнй Ньютона, то
 ихъ философское значенн было еще больше. Съ поразительною

ясностью выступала впередъ главная истина:—что упра-
 вленн солнечною системою подчинено законамъ и что Философское
значенн откры-
тнй Ньютона. математически невозможно для существующихъ законовъ быть дру-
 гими, чѣмъ они есть.

Такимъ образомъ, оказывается, что законъ тяготѣнн прово-
 днтся во всей нашей солнечной системѣ. Но гелнцентрическая те-
 орн, въ ея наиболѣ общемъ примѣненн, разматриваетъ каж-
 дую неподвижную звѣзду какъ планетный центръ, по-
 добный солнцу. На основанн этого, прежде чѣмъ утвер-
 ждать, что теорн тяготѣнн дѣйствнтельно примѣнима ко всей все-
 ленной, слѣдуетъ доказать, что то же существуетъ и во всѣхъ дру-
 гихъ системахъ. Доказательства, подтверждающн это предположе-
 нн, основаны на работахъ обоихъ Гершелей относительно движе-
 нн двойныхъ звѣздъ. Нѣкоторыя изъ звѣздъ такъ близко распо-
 ложены одна возлѣ другой, что сэръ Джонъ Гершель нашелъ воз-
 можнымъ, помощью наблюденн надъ ними, опредѣлнть звѣздный
 параллаксъ. Трудясь надъ этими изслѣдованнми, которыми онъ зани-
 мался въ теченн многихъ лѣтъ, онъ открылъ, что многн изъ
 этихъ звѣздъ не только оптически близки другъ къ другу, нахо-
 дясь случайно на одной и той же линн зрѣнн, но и связаны ме-
 жду собою физически, вслѣдствнн своего обращенн одна вокругъ
 другой по правильнымъ орбитамъ. Впрочемъ, движенн нѣкоторыхъ
 изъ этихъ двойныхъ звѣздъ такъ медленно, что требуется много
 лѣтъ для удовлетворительнаго ихъ опредѣленн. Поэтому сэръ Джонъ
 Гершель продолжалъ изслѣдованн своего отца и вмѣстѣ Тяготѣнн двой-
ныхъ звѣздъ. съ другими математиками наблюдалъ за характеристи-
 ческими особенностями этихъ движеннй. Первый случай опредѣле-
 нн правильного эллипснса въ орбитѣ двойной звѣзды принадле-
 житъ Савари, который сдѣлалъ это относительно ϵ Большой Медвѣ-
 дицы, совершающей свой путь по эклиптической орбитѣ въ тече-
 нн 58 лѣтъ. Но періодъ обращенн другихъ звѣздъ еще болѣе про-
 должительный; такъ σ Короны, по наблюденн Гинда, требуется для
 своего обращенн 736 лѣтъ. Такъ какъ звѣзды эти обращаются
 другъ около друга по эллипсису, то онѣ, слѣдовательно, подчиня-
 ются закону тяготѣнн, по которому быстрота обращенн обратно
 пропорциональна квадрату разстоянн. Принимая во вниманн гро-
 мадныя разстоянн этихъ тѣлъ и уклоненн въ строенн ихъ си-
 стемъ отъ условнй, господствующихъ въ нашей солнечной системѣ,
 мы имѣемъ основанн утверждать господство закона тяготѣнн во
 всей вселенной.

Если, въ связи съ этими двумя солнцами,—иногда, впрочемъ,
 они тройныя,—а, напр., въ ϵ Лирѣ четверныя,—суще-
 ствуютъ темныя планеты, то такня солнечныя системы Цѣльной
ннѣтъ двойныхъ
звѣздъ. отличаются отъ нашей не только тѣмъ, что у нихъ нѣсколько
 солнцъ вмѣсто одного, но и тѣмъ, что испускаемый ими свѣтъ бы-
 ваетъ различныхъ цвѣтовъ: одна звѣзда свѣтитъ карминовымъ
 цвѣтомъ, другая голубымъ; это должно привести къ необыкновен-
 ному разнообразн въ явленняхъ, особенно въ органическомъ мнрѣ
 потому что органическня формы, какъ растительныя, такъ и жи-

вотныя, зависягь больше всего отъ соотношенія цвѣтовыхъ лучей. Какъ разнообразны должны быть дѣйствія, когда солнце восходитъ три или даже четыре раза въ день, когда столько же разъ бываетъ полдень и когда часы обозначаются красными, пурпуровыми или голубыми цвѣтами.

Нельзя оглянуться на исторію теоріи тяготѣнія, не испытывая чувствъ удивленія и даже гордости. Какъ необыкновенно удаченъ былъ способъ, помощью котораго объяснили неравенства спутника, подобнаго лунѣ,—неравенства, происходящія подъ вліяніемъ солнца, соотношеніе между вычисленными и дѣйствительными величинами этихъ неравенствъ, распространеніе этого ученія на спутниковъ другихъ планетъ, напр., Юпитера, опредѣленіе фигуры земли, причины приливовъ, различной силы тяготѣнія въ различныхъ широтахъ и множества другихъ явленій. Теорія выказывала такую авторитетность, которая принадлежитъ только неоспоримой истинѣ. Она дала математикѣ возможность указывать на факты, еще не подвергшіеся наблюденіямъ, и предсказывать будущее.

А между тѣмъ какъ трудно истинѣ прокладывать себѣ путь, когда суетвѣріе противодѣйствуетъ ей. Въ 1771 г. университетъ въ Саламанкѣ, на требованіе преподавать физическія науки, отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его слѣдующимъ образомъ: «Ньютонъ не преподаетъ ничего такого, что способствовало бы выработкѣ хорошаго логика или метафизика, а Гассенди и Декартъ не настолько согласуются съ откровенною истиною, какъ Аристотель».

Между прочими интересными результатами ньютоновой теоріи можно упомянуть о примѣненіи ея къ вѣковымъ неравенствамъ, напр., къ ускоренію средняго движенія луны, которая движется теперь немного быстрѣе, чѣмъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Лапласъ объяснилъ это явленіе вліяніемъ солнца на луну, соединеннымъ съ вѣковымъ измѣненіемъ эксцентриситета земной орбиты. Кроме того, онъ показалъ, что это вѣковое неравенство въ движеніи луны періодично, что оно требуетъ милліоновъ лѣтъ для возстановленія движенія въ первоначальномъ его видѣ и что послѣ почти непостижимо долгаго періода времени ускореніе переходитъ въ замедленіе. Тотъ же математикъ объяснилъ подобнымъ же образомъ замѣченное имъ ускореніе въ среднемъ движеніи Юпитера и замедленіе движенія Сатурна, говоря, что они происходятъ отъ взаимнаго притяженія обѣихъ планетъ, и доказавъ, что для этого вѣкового неравенства требуется періодъ въ $929\frac{1}{2}$ лѣтъ. Рядомъ съ такими медленными движеніями слѣдуетъ упомянуть объ измѣненіи въ наклоненіи эклиптики, которое продолжается уже нѣсколько столѣтій, но достигнетъ извѣстнаго предѣла и затѣмъ начнетъ опять увеличиваться.

Эти вѣковыя движенія должны были представлять интересъ для того, кто отказывался поддерживать суетвѣрія того времени, когда считали, что земля существуетъ лишь 6000 лѣтъ и должна прекратить свое существованіе черезъ тысячу лѣтъ. Соглашаясь съ этими заблужденіями, они должны будутъ признать и всѣ выте-

кающія изъ нихъ послѣдствія, а именно, что вселенная была такъ плохо построена и представляетъ такую неудовлетворительную машину, что она перестанетъ вскорѣ существовать, если нѣкоторые изъ ея колесъ не начнутъ опять вращаться. Астрономія доставляетъ намъ много хорошихъ примѣровъ масштаба, по которому построенъ міръ относительно времени, равно какъ и относительно пространства.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующее заключеніе: общіе законы, управляющіе землею, примѣнимы и ко всѣмъ другимъ частямъ вселенной,—заключеніе, поддерживаемое не только механизмомъ движеній въ родѣ размотрѣнныхъ нами, но и физическими доказательствами, доступными намъ. Обстоятельства, при которыхъ наше солнце испускаетъ свѣтъ и тепло и, такимъ образомъ, оживляетъ принадлежащія къ его системѣ планеты, безспорно тѣ же, какія наблюдаются и на всякой неподвижной звѣздѣ, изъ которыхъ каждая представляетъ самосвѣтящееся солнце. Такимъ образомъ, въ строеніи всѣхъ системъ вселенной проявляется однородность, которую иные считали доказательствомъ однообразія плана, а слѣдовательно доказательствомъ существованія первичной идеи, но которая скорѣе всего служитъ доказательствомъ существованія неизмѣннаго и непреложнаго закона.

Что же сдѣлалось теперь съ ученіемъ, которое поддерживалось съ такою авторитетностью, господствовало въ те- Паденіе антропоцентрической идеи.
ценіе столѣтій и гласило, что земля не только центральное тѣло вселенной, но и самое благородное, а что солнце и другія звѣзды созданы исключительно на пользу человѣка? Намѣсто этихъ въ высшей степени ошибочныхъ и недостойныхъ взглядовъ должны были появиться другія понятія, совершенно отличныя отъ нихъ. Когда человѣкъ смотритъ на безчисленное количество звѣздъ, когда онъ подумаетъ, что все видимое имъ—только небольшая часть существующаго, но что каждая изъ этихъ звѣздъ является солнцемъ, дающимъ свѣтъ и жизнь множеству темныхъ и въ слѣдствіе этого невидимыхъ планетъ, когда онъ приметъ во вниманіе громадную величину этихъ различныхъ тѣлъ и ихъ неизмѣримыя разстоянія другъ отъ друга,—онъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о масштабѣ, по которому построенъ міръ, и понять отсюда, какъ незначителенъ онъ самъ.

Во время одного удара маятника солнечный лучъ восемь разъ могъ бы обойти вокругъ земли. Итакъ, мы можемъ взять Пособія для измѣренія вселенной.
береть своей аршинъ, и помощью его измѣрить вселенную. Для солнечнаго луча потребовалось бы больше трехъ лѣтъ, чтобы дойти отъ насъ до α Центавровъ, девять съ четвертью лѣтъ отъ β созвѣздія Лебедей, а до α Лиры—болѣе двадцати лѣтъ. Параллаксъ этихъ звѣздъ былъ опредѣленъ, такъ какъ онъ ближе всего отстоятъ отъ насъ.

Солнцъ, видимыхъ простымъ глазомъ, около 8000, но съ помощью телескопа, можно отличить въ Млечномъ пути болѣе восемнадцати милліоновъ, при чемъ число ихъ увеличивается по мѣрѣ

Группы звездъ. улучшенія инструментовъ наблюденія. Наша группа звездъ—кругъ, раздѣленный на двѣ вѣтви почти на $\frac{1}{3}$ его длины. Солнце недалеко отъ мѣста раздвоенія и почти въ срединѣ толщины. За плоскостью Млечнаго пути наша группа имѣла бы видъ кольца, а на еще болѣе далекомъ разстояніи—туманнаго круга.

Изъ наблюденія отдѣльныхъ солнцъ и соединенія звездъ мы пришли къ удивительной задачѣ о распредѣленіи вещества и силы въ пространствѣ и къ объясненію тѣхъ видимыхъ явленій самосвѣтящагося пара, круговыхъ и эллиптическихъ дисковъ, спиральныхъ вѣнковъ, колецъ и вѣровъ, края которыхъ исчезаютъ незамѣтно во мглѣ, двойныхъ и тройныхъ фосфорическихъ пятенъ, связанныхъ между собою нитями свѣта и причудливыми формами невѣроятной сложности. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ явленій мы видимъ происхожденіе вселенной, въ другихъ ея исчезновеніе. На небесахъ нѣтъ ничего неподвижнаго. Во всѣхъ направленіяхъ происходитъ грандіозныя превращенія, и въ то же время всѣ явленія доказываютъ вѣчность вещества и никогда не уменьшающееся постоянство силы.

Теорія тиготвнн, провозглашенная Ньютономъ, приводитъ насъ къ познанію математическаго строенія солнечной системы, а помощью ея—и другихъ системъ, но она оставляетъ безъ объясненій значительное количество другихъ странныхъ фактовъ. Она объясняетъ существующія условия равновѣсія небесныхъ тѣлъ, но ничего не говоритъ намъ объ ихъ происхожденіи; или въ крайнемъ случаѣ все сводится къ волѣ Божіей.

Но и приведенные здѣсь факты приводятъ насъ къ другой, болѣе возвышенной, точкѣ зрѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ исчислены слѣдующимъ образомъ Лапласомъ: 1) всѣ планеты и ихъ сателлиты движутся по эллипсисамъ настолько мало удлинненнымъ, что они представляютъ почти кругъ; 2) движенія планетъ совершаются всегда въ одномъ и томъ же направленіи, и почти въ одной и той же плоскости; 3) движенія спутниковъ совершаются въ томъ же направленіи, какъ и движенія планетъ; 4) вращательныя движенія этихъ различныхъ тѣлъ совершаются въ томъ же направленіи, какъ и ихъ движенія по орбитамъ, но въ нѣсколько различныхъ плоскостяхъ.

Гипотеза о туманныхъ пятнахъ заставляетъ насъ предположить, что весь плотный матеріалъ, составляющій теперь различныя части солнечной системы, находился нѣкогда въ разбѣженномъ или туманномъ и вращательномъ состояніи, за предѣлами самой отдаленной изъ планетъ. Разъ эта послышка будетъ принята, изъ нея могутъ быть выведены математически строеніе и теперешнее состояніе системы.

По мѣрѣ того, какъ громадный вращающійся сфероидъ терялъ свою теплоту помощью лучеиспусканія, онъ съеживался, и скорость его обращенія необходимо усиливалась; такимъ образомъ, отъ его экваторіальнаго пояса, благодаря центробѣжной силѣ, отдѣлялись вращающіяся кольца, и тотъ же результатъ повторялся опять и опять періодически. Кольца эти должны были лежать въ

одной плоскости. Они могли разбиться на части, слиться въ одинъ вращающійся сфероидъ, въ планету или во многіе астеронды, или сохранить свою кольцеобразную форму. Отъ большихъ изъ этихъ вторичныхъ вращающихся сфероидовъ могли отдѣляться другія кольца, подобно тому, какъ они отдѣлялись отъ первичнаго тѣла; послѣднія, въ свою очередь, разбивались на части или образовывали сфероиды, спутники, движенія которыхъ соответствовали движенію планетъ.

Можно сдѣлать еще шагъ впередъ и показать, какъ, благодаря лучеиспусканію теплоты изъ неподвижнаго туманнаго пятна, возникло вращательное движеніе въ опредѣленномъ направленіи, и какъ, на основаніи началъ, существованіе которыхъ подразумевается существованіемъ туманныхъ пятенъ, и на основаніи неизмѣнности теперешнихъ законовъ и силъ природы, можно вывести способъ происхожденія солнечной системы, объяснить всѣ странные факты, на которые мы указывали выше и, кромѣ того, указать на причины многихъ менѣе значительныхъ особенностей, не упомянутыхъ нами.

Изъ гипотезы о туманныхъ пятнахъ слѣдуетъ, что большія планеты движутся быстрѣе, а меньшія медленнѣе. Факты, объясняющіе это, объясняютъ ея.

Изъ спутниковъ Сатурна самый крайній—самый большій; изъ спутниковъ Юпитера самый большой—самый крайній, за исключеніемъ одного. Изъ самихъ планетъ, Юпитеръ самая большая, за исключеніемъ трехъ. Это не можетъ быть объяснено случайными совпаденіями, а должно происходить въ силу закона. Число спутниковъ каждой планеты, за сомнительнымъ исключеніемъ Венеры, могло быть предугадано такъ, какъ присутствіе спутниковъ и число ихъ опредѣляется центробѣжною силою планеты, отъ которой они зависятъ. Эта гипотеза указываетъ также на время обращенія планетъ по ихъ орбитамъ, а также и ихъ спутниковъ; она доставляетъ объясненіе происхожденія и существованія колецъ Сатурна, которыя являются ея неизмѣнными свидѣтелями, такъ какъ ихъ движенія и положеніе соответствуютъ вполнѣ ея требованіямъ. Она объясняетъ физическое положеніе солнца, а также физическое положеніе земли и луны, указанное ихъ геологіею. Она также доставляетъ объясненія существованія кометъ, какъ членовъ нашей солнечной системы; ихъ особеннаго физическаго состоянія; эксцентрической, почти параболической орбиты многихъ изъ нихъ; того факта, что многія изъ нихъ обладаютъ какъ прогрессивнымъ, такъ и ретрограднымъ движеніемъ; причины, почему онѣ чаще встрѣчаются въ оси солнечной системы, чѣмъ въ ея плоскости, и ихъ общихъ антигетическихъ отношеній къ планетамъ.

Если эти и многіе другіе, повидимому, безсвязные факты вытекаютъ въ качествѣ механической необходимости изъ существующихъ допущеній существованія туманнаго пятна съ силою действительнаго наблюденія, существованіе и другихъ подобныхъ формъ и въ другихъ частяхъ вселенной. Наблюденіе черезъ телескопъ за

такими явлениями и привело Гершеля къ теоріи о туманныхъ пятнахъ. Онъ рѣшилъ, что существуютъ два различныхъ рода туманныхъ пятенъ: одни состоятъ изъ группъ звѣздъ, настолько отдаленныхъ другъ отъ друга, что ихъ нельзя различить простымъ глазомъ, а лишь помощью очень сильныхъ телескоповъ; другія же совершенно неясны и не могутъ быть раздѣлены на составныя части. Туманные пятна не разбросаны въ безпорядкѣ по небу: ихъ больше всего въ тѣхъ частяхъ небосклона, гдѣ наименьше звѣздъ; ихъ очень мало въ плоскости нашей солнечной системы, но очень много у ея полюсовъ,—въ этомъ отношеніи они соответствуютъ появленію кометъ въ солнечной системѣ. Разложеніе многихъ изъ этихъ неясныхъ полосъ свѣта на звѣзды не опровергаетъ нисколько туманнаго состоянія многихъ другихъ.

Къ счастью, впрочемъ, существуютъ и другіе способы разрѣшенія этого вопроса, кромѣ телескопическихъ наблюдений. Въ 1846 г. авторъ настоящей книги открылъ, что спектръ зажженного плотнаго тѣла постояненъ, т. е. что въ немъ нѣтъ ни яркихъ, ни темныхъ опредѣленныхъ линий. Фраунгоферъ доказалъ передъ тѣмъ, что спектръ зажженныхъ газовъ прерывистъ. Это даетъ способъ опредѣлить, исходитъ ли свѣтъ даннаго туманнаго пятна изъ горящаго газа или изъ цѣлой группы горящихъ плотныхъ тѣлъ, звѣздъ или солнцъ. Если спектръ его непрерывенъ, значитъ это истинное туманное пятно или газъ, если прерывистъ значитъ оно состоитъ изъ группы звѣздъ.

Въ 1864 г. Гэггинсъ сдѣлалъ это наблюдение надъ туманнымъ пятномъ въ созвѣздіи Дракона. Оно оказалось газообразнымъ.

Послѣдующія наблюдения показали, что изъ шестидесяти наблюдаемыхъ туманныхъ пятенъ девятнадцать дали прерывистые или газообразные спектры, остальные—непрерывные.

На основаніи этого можно сказать, что получены были доказательства существованія обширныхъ массъ газообразныхъ тѣлъ, температура которыхъ равнялась накаленію до бѣла. Такимъ образомъ, гипотеза Лапласа получила прочное обоснованіе.

Несмотря на громадный авторитетъ астрономовъ, которые ввели эту гипотезу, она встрѣтила много противниковъ; не столько, впрочемъ, вслѣдствіе присущихъ ей научныхъ недостатковъ, какъ, напр., невозможности объяснить случаи съ Ураномъ и Нептуномъ, сколько вслѣдствіе нравственныхъ и другихъ соображеній. Одна строчка у Аристофана точно опредѣляетъ это затрудненіе:

‘Ο Ζῆς οὐκ ὄν, ἀλλ’ ἀντ’ αὐτοῦ Δίος νονὶ βασιλεύων.

Нежеланіе признать господство закона въ существующемъ строеніи и движеніяхъ солнечной системы уступило мѣсто нежеланію признать господство закона въ ея происхожденіи. А между тѣмъ тотъ, кто захочетъ поразмыслить надъ этимъ вопросомъ, придетъ непременно къ заключенію, что принципъ, положенный въ его основу, былъ уже разрѣшенъ въ дѣйствительности Ньютономъ въ его *Principia*,—т. е. съ тѣхъ поръ, какъ было доказано, на

основаніи геометріи, что кеплеровы законы коренятся въ математической необходимости.

При теперешнемъ положеніи дѣлъ, гипотеза о туманныхъ пятнахъ можетъ считаться первымъ поверхностнымъ, а слѣдовательно несовершеннымъ проблескомъ цѣлаго ряда величайшихъ задачъ, которыя должны были вскорѣ подлежать разрѣшенію,—математическаго распредѣленія вещества и силы въ пространствѣ и измѣненія этого распредѣленія во времени.

Такова исторія спора о положеніи земли во вселенной. Поэтому я не безъ основанія назвалъ владычество Николая V ^{умственное паденіе клерикализма.} истиннымъ предѣломъ умственнаго господства церкви.

Съ этого времени скипетръ перешелъ въ другія руки. Природа изслѣдовалась во всѣхъ направленіяхъ, и повсюду новые методы изслѣдованія приносили неожиданные и блестящіе результаты. На развалинахъ поросшихъ мхомъ соборовъ клерикалы, испуганные и ослабленные наступающимъ днемъ, торжественно возсѣдали, закрывая глаза при видѣ окружающей ихъ жизни и блеска, и погружались въ воспоминанія о прошедшей ночи, мечтая о возвращеніи прежнихъ видѣній и заблужденій и злобно ударяя ногами всѣхъ нападающихъ, осмѣлившихся слишкомъ близко подойти къ нимъ. У меня нѣтъ достаточно мѣста, чтобъ описывать научную дѣятельность, закипѣвшую во всѣхъ направленіяхъ; для этого потребовались бы цѣлые томы. Математика, химія, физика, анатомія, медицина,—всѣ отрасли человѣческаго знанія получили значительный толчокъ впередъ. Одновременно съ описанными мною великими событіями, каждая изъ отраслей знаній подвергалась усиленному развитію. Віета ввелъ важное улучшеніе въ математику, употребивъ въ алгебрѣ буквы въ качествѣ общихъ символовъ и примѣнивъ эту науку къ геометріи. ^{Удивительное развитіе научной дѣятельности.}

Тихо, подражая Гиппарху древнихъ временъ, составилъ новый каталогъ звѣздъ; онъ опредѣлилъ, что кометы находятся за луною, дальше ея, и что онѣ перерѣзываютъ древній хрустальный сводъ во всѣхъ направленіяхъ. Джильбертъ написалъ свою замѣчательную книгу о магнитѣ; Геснеръ указалъ путь зоологій, начавъ свое изслѣдованіе съ того пункта, до котораго сарацины довели изслѣдованія Аристотеля, и издавъ свое сочиненіе объ исторіи животныхъ. Белонъ въ это самое время (1540 г.) занимался изслѣдованіемъ рыбъ и птицъ. Фаллопій и Евстахій, Арантіи и Варолій обезмертили себя своими вскрытіями; первый напоминаетъ намъ времена Птолемея Филладельфія, когда наивно признается, что «герцогъ тосканскій былъ настолько любезенъ, что посылалъ намъ живыхъ преступниковъ, которыхъ мы убивали и затѣмъ вскрывали». Пикколomini положилъ основаніе всеобщей анатоміи своимъ описаніемъ ткани клѣточекъ. Коитеръ создалъ патологическую анатомію, Просперъ и Альпинусъ—діагностику, Платеръ—классификацію болѣзней, а Амброазъ Паре—современную хирургию. Таковы были научныя занятія и прогрессъ науки къ концу XVI в.

Едва началось XVII столѣтіе, какъ сдѣлалось очевиднымъ, что движеніе не только не утратило своей силы, а еще болѣе уси-

Движеніе ста- лилось. Это было время Галилея. Декартъ ввелъ теорію
повится болѣе эфира и вихрей; но, услышавъ о преслѣдованіи Га-
энергичнѣе. лилея, чуть не сжегъ всѣхъ своихъ бумагъ. Нѣсколько лѣтъ спу-
стя его удержало отъ печатанія *Космоса* «набожное желаніе не
обращаться непочтительно съ декретами святого престола противъ
планетарнаго движенія земли». Это было въ 1633 г., когда при-
говоръ инквизиціи сдѣлался извѣстнымъ. Онъ также развилъ идею
Vieta о примѣненіи алгебры къ геометріи и обратилъ вниманіе
на механическое явленіе, которому суждено было получить важное
примѣненіе въ физической астрономіи, а именно, что криволиней-
ное уклоненіе обязано своимъ происхожденіемъ вліянію какой-ни-
будь другой силы. Онъ первый изъ европейцевъ далъ правильное
объясненіе повышенію воды въ безвоздушномъ пространствѣ: «тя-
жесть воды уравниваетъ тяжесть воздуха». Непиръ усовер-
шенствовалъ свое важное и полезное изобрѣтеніе логарифмовъ.
Гидравлика была создана Кастелли, гидростатика—Торричелли, ко-
торый открылъ также барометрическія колебанія: оба были учени-
ками Галилея. Фабрицій изъ Аквапенденте открылъ клапаны въ
венахъ; Серветъ почти что открылъ кровообращеніе. Гарвей попол-
нилъ то, что Серветъ оставилъ неоконченнымъ, и описалъ весь
ходъ кровообращенія; Азеллій открылъ млечные сосуды; Ванъ Гель-
монсъ ввелъ теорію жизненной силы въ медицинѣ и заявилъ,
что искусство медицины состоитъ въ регулированіи помощью діеты
Архея, находящагося, по его увѣренію, въ желудкѣ. Въ противо-
положность этой фантазіи, Санкторіо положилъ основаніе совре-
менной физиологіи введеніемъ вѣсовъ въ свои изслѣдованія. Пас-
каль, путемъ опыта, установилъ ученія о вѣсѣ и давленіи воздуха
и издалъ нѣсколько величайшихъ философскихъ трактатовъ сво-
его времени: «его *Провинціальныя письма*, болѣе чѣмъ что-либо
другое, покрыли позоромъ имя іезуитовъ». Направленіе это зара-
зило и юристовъ; въ 1672 г. появилось сочиненіе Пуффендорфа
о *Законѣ природы и націи*. Флогистическая теорія, введенная Бе-
херомъ и усовершенствованная Сталемъ, создала химію въ про-
тивоположность арабской алхиміи. Отгонъ Герике изобрѣлъ воз-
душный насосъ, а Бойль усовершенствовалъ его. Гукъ, между мно-
гими другими открытіями, опредѣлилъ существенныя условія гор-
нѣнія. Превосходя всѣхъ своихъ современниковъ по математи-
ческимъ знаніямъ и умѣнію дѣлать опыты, Ньютонъ обратилъ
свое вниманіе «на отраженіе, преломленіе, уклоненіе и цвѣта лу-
чей свѣта» и ввелъ въ физіку понятіе о притяженіи. Рэй проло-
жилъ путь сравнительной анатоміи въ своемъ описаніи четвероно-
гихъ; Шваммерданъ улучшилъ искусство диссекціи, примѣнивъ его
къ общей исторіи насѣкомыхъ; Листеръ издалъ описаніе раковинъ;
Турнефоръ и Мальпиги посвятили себя ботаникѣ; Грю открылъ
полы растений, Броунъ — пятерное строеніе цвѣтвъ. Геологія по-
рвала связь съ теологією, державшею ее въ подчиненіи, и «Свя-
щенная теорія земли» Бернета не могла устоять противъ болѣе
тщательныхъ изслѣдованій. Арабское ученіе о движеніи земной
коры начало находить себѣ приверженцевъ; Листеръ доказалъ су-

ществованіе пластовъ на большихъ протяженіяхъ; Вудвордъ улуч-
шилъ минералогію; величайшій математикъ, Лейбницъ, соперникъ
Ньютона, провозгласилъ теорію о постепенномъ охлажденіи земли,
опусканіи ея пластовъ отъ сжатія, отложеніи на ней твердыхъ
осадныхъ породъ и ихъ отвердѣніи. Изъ физиковъ Уиллисъ по-
святилъ себя изученію мозга, прослѣдилъ путь нервовъ, класси-
фицировалъ ихъ, и ввелъ ученіе о локализациі функций мозга.
Мальпиги и Левенгекъ примѣнили микроскопъ къ анатоміи; по-
слѣдній открылъ сперматозоа. Граафъ изучилъ функции половыхъ
органовъ: Борелли сдѣлалъ попытку примѣнить математику къ му-
скульнымъ движеніямъ; Дюверне писалъ о слухѣ, Мейо—о дыха-
ніи; Рюиншъ усовершенствовалъ искусство инъектированія сосудовъ
и ввелъ улучшенія въ микроскопическую анатомію.

Но я нахожу излишнимъ продолжать. Иначе пришлось бы по-
святить остальную часть моей книги на перечисленіе труженни-
ковъ науки, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и
на оцѣнку ихъ произведеній. Умъ человѣческой, наконецъ, вышель
на свѣтъ изъ мрака, столько лѣтъ окружавшаго его. Умственные
атомы кружились въ солнечномъ лучѣ, дѣлая его видимымъ ото-
всюду.

Не будучи въ состояніи воздать должное отдѣльнымъ фило-
софамъ и отдѣльнымъ открытіямъ, я хочу упомянуть учрежденіе науч-
здѣсь объ одномъ важномъ событіи, на которое я на- ныхъ обществъ.
мекалъ и раньше. Я говорю объ основаніи научныхъ обществъ.
Подражая примѣрамъ академіи Secretorum Naturae, учрежденной
въ Неаполѣ въ 1560 г. Баптистою Порта, и линнейской академіи,
основанной въ 1603 г. принцемъ Фредерикомъ Цези въ Римѣ для
распространенія натуральной философіи, основаны были во Фло-
ренци въ 1637 г. Academia del Cimento, королевское общество
въ Лондонѣ въ 1645 г. и королевская академія наукъ въ Парижѣ
въ 1666 г.

Теперь, когда мы закончили описаніе этой первой великой
побѣды научной истины надъ авторитетомъ преданія, Обзоръ антро-
полезно будетъ на время остановиться и оглянуться на поцентрической
философіи.
успѣхи, сдѣланные человѣкомъ отъ первыхъ ошибочныхъ заключе-
ній его зрѣлаго возраста,—отъ антропоцентрическихъ идей, оди-
наковыхъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, до откры-
тія его настоящаго положенія и ничтожной роли, отведенной ему
во вселенной.

Мы находимся въ мірѣ, окруженномъ иллюзіями. Ежеднев-
ныя явленія нашей жизни и окружающіе насъ предме- Видимая свой-
ты въ одинаковой степени вводятъ насъ въ обманъ. ства неба.
Бросимъ взглядъ на землю, и намъ кажется, что она существуетъ
только для того, чтобъ удовлетворить нашимъ желаніямъ и потреб-
ностямъ. Обратимъ наше вниманіе на небесный сводъ, края кото-
раго опираются не на плоскую землю или на море, —ледяной
сводъ, который, по мнѣнію Эмпедокла, состоятъ изъ замерзшаго
воздуха, а по мнѣнію церковныхъ писателей составляетъ самый
нижній изъ семи концентрическихъ слоевъ неба,—и мы находимъ

тысячи причинъ предполагать, что все, что онъ покрываетъ собою, было создано высшимъ Существомъ для нашей пользы. Всѣ живыя существа, живущія съ нами внизу его, низшаго достоинства сравнительно съ нами, и созданы всѣ какъ бы для насъ. Заключение, къ которымъ мы, такимъ образомъ, приходимъ, подтверждается еще болѣе чувствомъ тщеславія, коренящимся въ нашемъ сердцѣ и постоянно шепчущимъ намъ, что это пріятное жилище приготовлено было для того, чтобы принять насъ, и было снабжено всѣмъ и разукрашено ради насъ.

Но разсужденіе учитъ насъ, что мы пришли сюда не по своей волѣ и что, несомнѣнно, то самое благое Существо, которое Антропологическія понятія о Богѣ. приготовило намъ это восхитительное жилище, привело насъ сюда въ качествѣ его хозяевъ. Фактъ нашего собственнаго существованія нечувствительно и неизбѣжно приводитъ насъ къ мысли о существованіи Бога; благоприятныя обстоятельства, окружающія насъ на землѣ, доказываютъ намъ его благость; а сила, обнаруживаемая иногда явленіями природы, служитъ намъ указаніемъ его могущества. Какое же другое объясненіе можемъ мы дать бурямъ на морѣ или молніи на небесахъ? Кромѣ того, только въ теченіе одной части нашего времени, — во время нашего бодрствованія, — приходимъ мы въ сношенія съ этими матеріальными вещами; когда же мы спимъ, — а мы проводимъ во снѣ третью часть нашей жизни, — мы живемъ среди другихъ зрѣлищъ, другихъ существъ, другого міра. Отсюда мы заключаемъ, что существуютъ въ мірѣ дѣятели, сотканые изъ неосознаемаго, болѣе эфирнаго общества, быть можетъ, по своей природѣ болѣе подходящія къ Нему, перенесенному насъ въ этотъ міръ, быть можетъ, Его подчиненные или Его послы. Откуда они происходятъ и куда идутъ? Не существуетъ ли выше видимаго неба области, куда наше несовершенное зрѣніе не можетъ проникнуть, но которая можетъ быть доступна для нихъ съ вершины высокиихъ горъ или при помощи крыльевъ? Такимъ образомъ, мы начинаемъ рисовать себѣ въ воображеніи небо, отдѣленное отъ земли, со всѣми ея грѣхами и работами, безмятежнымъ и непроницаемымъ небеснымъ сводомъ, — мѣсто свѣта и отдыха, освѣщенное солнцемъ и безчисленнымъ количествомъ другихъ сіяющихъ тѣлъ, — мѣсто покоя, но также и мѣсто власти.

Но изъ тысячи случайностей нашей жизни мы видимъ, что О злыхъ существахъ и адѣ. мы подчинены вліянію не одного только добра, но и зла. Какъ часто во время сна намъ случается трепетать отъ ужаса при видѣ ужасныхъ видѣній, съ отвратительными лицами, отъ которыхъ мы тщетно стараемся убѣжать! «Не естественно ли приписывать все дурное въ мірѣ послѣднимъ, а все хорошее первымъ? И такъ какъ мы не можемъ представить себѣ существованіе какихъ бы то ни было духовъ безъ назначеннаго для нихъ мѣстожительства, то гдѣ же должно находиться жилище этихъ злыхъ духовъ? Не находится ли оно въ мрачной области подъ землею, далеко отъ царства свѣта, — въ области, откуда выбрасываются иногда на землю, черезъ посредство вулкановъ, дымъ

и горящая сѣра, — въ мѣстѣ вѣчнаго огня и непроницаемой тьмы, ворота котораго ведутъ въ подземелья и уединенныя, невыразимо мрачныя мѣста».

Поставленный, такимъ образомъ, на границѣ между такими противоположными силами, человекъ дѣлается игрушкой О челоѣчкѣ, сверхъестественное. обстоятельствъ, поддерживаемый существами, желающими его счастья, и искушаемый другими, желающими его погубить. Что же удивительнаго, если, руководясь такими мыслями и разсужденіями, онъ дѣлается суевѣрнымъ, если онъ ищетъ въ каждой тѣни духа и населяетъ невидимыми существами каждое уединенное мѣсто, если онъ бросаетъ умоляющіе взоры на добрыя существа, которыя могутъ покровительствовать ему, если онъ старается своими молитвами обезпечить себѣ ихъ помощь и умолилъ ихъ добровольно приносимыми жертвами предметовъ, пріятныхъ и цѣнныхъ для него? Разъ онъ подвергается самъ такимъ вліяніямъ, почему ему не повѣрить въ дѣйствительность молитвъ? Увѣренность въ своемъ личномъ превосходствѣ заставляетъ его считать себя достойнымъ предметомъ для борьбы между противоположными силами, — заключеніе, подтверждаемое внутреннею борьбою, которую ему приходится испытывать, равно какъ и испытаніями, которымъ онъ подвергается въ жизни.

Но ночные сны, а иногда и дневныя видѣнія, заставляютъ его предположить, что жизнь не ограничивается нашимъ Его безсмертіе и переходнымъ состояніемъ здѣсь, а продолжается и за будущаю жизнь. гробомъ. Какъ часто ночью видимъ мы знакомыя черты лицъ, умершихъ задолго до того, и слышимъ почти уже забытые голоса! Они наводятъ насъ на самыя торжественныя мысли, заставляютъ насъ предполагать, что мертвые продолжаютъ существовать и что то, что они испытали, испытаетъ современемъ и мы и что и мы также рождены для безсмертія. Быть можетъ, мы невольно связываемъ эти заключенія съ другими, и думаемъ, что въ будущей жизни добрые люди будутъ пользоваться обществомъ существъ, такихъ же добрыхъ, какъ они, а злые будутъ отправлены въ области тьмы и отчаянія. И такъ какъ челоѣческій опытъ внушаетъ намъ, что окончательная судьба наша можетъ быть опредѣлена лишь высшею силою, то мы ожидаемъ, что тотъ, кто былъ нашимъ Создателемъ, будетъ также и нашимъ Судьею; что въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ окончательная участь всѣхъ живущихъ будетъ опредѣлена, и вѣчное правосудіе воздастъ намъ должное, распредѣливъ между нами награды и наказанія.

Отсюда возникаетъ для насъ побужденіе вести добродѣтельную жизнь, воздерживаясь отъ всего злого и дурнаго, Побужденіе къ нравственности. отдѣлять группу людей, которые могутъ служить намъ посредниками передъ высшимъ Существомъ, и учить насъ своими примѣромъ и поученіями, какъ слѣдуетъ вести себя, посвящать особыя мѣста, напр., пещеры и храмы, для того, чтобы служить обителями Божества, къ которому мы всѣ должны прибѣгать.

Таковы главныя ученія естественной теологіи первобытныхъ людей Стараго и Новаго Свѣта. Они являются результатами дѣя-

тельности человеческого ума, рассуждающего о пригодности окружающих его предметов.

Подобно тому, какъ мы разсматриваемъ въ сравнительной геологии строеніе различныхъ животныхъ, устанавливая ихъ тождество и различія; подобно тому, какъ мы въ сравнительной физиологии сравниваемъ другъ съ другомъ отправления органическихъ существъ съ цѣлью вывести изъ нихъ соотношенія ихъ,—такъ изъ ^{Развитіе нравственной теологіи.} мисологіи различныхъ расъ людей можно выработать сравнительную теологию. Только помощью такой науки можно получить правильныя заключенія относительно самаго важнаго изъ умственныхъ отравленій человѣка—относительно опредѣленія процесса развитія его религіозныхъ мнѣній. Но нужно помнить при этомъ, что сравнительная теологія показываетъ только результатъ или дѣйствіе извѣстнаго фазиса жизни, а вовсе не служить его причиною.

По мѣрѣ того, какъ человѣкъ приобретаетъ больше знаній, ^{Исправленіе антропоцентрическихъ понятій.} онъ узнаетъ, что многія изъ первыхъ его заключеній были совершенно ошибочны, а что другія требуютъ лучшихъ доказательствъ для того, чтобы признать ихъ достоверными. Болѣе продолжительное и внимательное наблюденіе даетъ ему поводъ измѣнить свои мнѣнія относительно многихъ важныхъ частныхъ. Онъ видитъ, что земля, на которой онъ живетъ, не есть звѣздный сводъ, какъ онъ нѣкогда думалъ, а шаръ, носящійся въ пространствѣ. Хрустальный сводъ или небо признается оптическимъ обманомъ. Онъ нигдѣ не опирается на землѣ, и ничѣмъ не ограниченъ: надъ нимъ не существуетъ вовсе царства счастья, а только безграничное пространство, усѣянное планетами и солнцами. А подъ землею, по другую ея сторону, вмѣсто царства тьмы и горя, въ глубинѣ живутъ такіе же люди, какъ мы, наслаждающіеся въ Австраліи или Новой Зеландіи такими же невинными удовольствіями, какъ и мы, и проводящіе жизнь въ такомъ же трудѣ. Помощью свѣта, доставляемаго знаніемъ, человѣкъ, наконецъ, узнаетъ, что это наше земное жилище не избранное, священное мѣсто, а лишь одинъ изъ міриады міровъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ песокъ въ морѣ, и щедро разсѣянныхъ по всему пространству.

Никогда еще, быть можетъ, не открывалась болѣе важная ^{Послѣдствія открытія формы земли.} истина. Все видимое находилось въ очевидномъ противорѣчій съ нею. Земля, которая до сихъ поръ считалась эмблемою неподвижности, оказалась движущеюся двойнымъ движеніемъ по небесамъ, и при томъ съ громадною скоростью; восходъ и заходъ звѣздъ были признаны обманомъ зрѣнія; а что касается ^{Открытіе ея ничтожности.} до величины земного шара, то она оказалась совершенно незначительною по сравненію со множествомъ другихъ сосѣднихъ міровъ,—незначительною вдвойнѣ, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и вслѣдствіе безчисленнаго количества другихъ міровъ, одинаковыхъ формъ съ нею и несомнѣнно населенныхъ множествомъ различныхъ существъ.

Итакъ, оказывается, что наша земля—шаръ приблизительно двадцати пяти тысячъ миль въ окружности. Путешественникъ, совершающій кругосвѣтное путешествіе, долженъ употребить не малую часть своей жизни на исполненіе своей задачи. Земля обращается вокругъ солнца въ годъ времени, но такъ велико разстояніе ея отъ этого свѣтила, что если бы стали смотрѣть на нее съ солнца, она показалась бы намъ небольшою искрою, пронесенною по небу. Она признается въ то же время однимъ изъ ^{Другія солнечныя системы.} другихъ членовъ нашей солнечной системы. Другія подобныя же тѣла—одни большія, другія меньшія, вращаются подобнымъ же образомъ вокругъ солнца въ опредѣленные періоды времени.

Если величина земли кажется намъ слишкомъ большою, чтобы составить себѣ о ней опредѣленное понятіе, то что же мы должны сказать о величинѣ всей солнечной системы? Въ человеческомъ разумѣ есть недостатокъ, который отымаетъ у насъ ^{Величина вселенной.} возможность понимать разстоянія и періоды времени слишкомъ обширные или слишкомъ минимальные. Мы неясно представляемъ себѣ это, когда говоримъ, что данная комета можетъ путешествовать въ теченіе тысячелѣтій, не переходя за предѣлы системы. Такого рода разстоянія и періоды превышаютъ наше пониманіе. Они доказываютъ намъ, насколько человеческій разумъ выше человеческого воображенія: первый измѣряетъ и сравниваетъ вещи, о которыхъ второй не можетъ составить себѣ даже понятія, а теряется и путается при одной попыткѣ сдѣлать это.

Но подобно тому, какъ существуютъ другіе шары, похожіе на нашу землю, существуютъ и другіе міры, похожіе на ^{Беззаконность міровъ.} нашу солнечную систему. Размѣры нашей земли кажутся совершенно ничтожными по сравненію съ размѣрами солнечной системы, а эта система, въ свою очередь, является лишь невидимою точкою по отношенію къ безчисленнымъ міриадамъ другихъ системъ, образующимъ вмѣстѣ съ нею группы звѣздъ. Наша солнечная система не только не одна во вселенной, но составляетъ одинъ изъ членовъ обширнаго братства, связанныхъ общими законами и подчиненныхъ одинаковымъ вліяніямъ. Даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ вселенной, въ ея верхнихъ частяхъ, гдѣ наше воображеніе отводитъ мѣсто царству хаоса, мы видимъ неопровержимыя доказательства порядка и правильности въ расположеніи неодушевленныхъ вещей, заставляющія насъ думать, что тамъ живутъ другія разумныя существа, подобныя намъ, обладатели этихъ острововъ въ глубинѣ пространства.

Хотя лучъ свѣта долженъ употребить миллионы лѣтъ, чтобы дойти до насъ изъ этихъ отдаленныхъ міровъ, конецъ еще не пришелъ. Далеко, далеко, въ глубинѣ пространства, мы замѣчаемъ смутное сіяніе другихъ группъ звѣздъ, подобныхъ нашей. Палецъ человѣка можетъ скрыть ихъ, такъ они далеки отъ насъ. Громадныя разстоянія, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга, обратились въ ничто. Онѣ вмѣстѣ со своими движеніями утратили всякую индивидуальность; безчисленныя солнца, составляющія ихъ, сливаются весь ихъ свѣтъ въ одно блѣдное молочное сіяніе.

Переносъ наши взоры отъ земли къ солнечной системѣ, отъ ^{Незначитель- постъ человѣка.} солнечной системы къ мириадамъ звѣздныхъ группъ, къ цѣлую серію гигантскихъ туманныхъ пятенъ, возникающихъ одно за другимъ и образующихъ все большія и большія колоніи міровъ. Никакое число не въ силахъ выразить ихъ, потому что они обращаютъ небесный сводъ въ туманъ звѣздъ. Однообразіе, хотя бы это было однообразіе величія, въ концѣ концовъ утомляетъ, и мы перестаемъ обзрѣвать небо, потому что глаза наши видятъ только одно безконечное пространство, а наше сознание шепчетъ намъ о нашей собственной неимовѣрной ничтожности.

Но что же стало съ посвященнымъ временемъ учениемъ о существованіи вселенной ради пользы человѣка, — съ торжествомъ ^{Торжество на- учной истины.} тѣмъ учениемъ, изъ-за котораго возникъ споръ, описанный мною въ этой главѣ? Оно исчезло. Напрасно Бруно былъ сожженъ, а Галилей заключенъ въ тюрьму; истина пробила себѣ дорогу, несмотря на все сопротивленіе. Борьба закончилась полнымъ отрицаніемъ авторитета и преданія и признаніемъ научной истины.

ГЛАВА IX.

Европейскій вѣкъ разума.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ. ЕЯ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ.

Восточныя и западныя ученія о происхожденіи земли во времени.—Постепенное паденіе послѣднихъ благодаря открытіямъ въ области астрономіи и возникновенію научной геологіи.

Безличный способъ разрѣшенія этой задачи, главнымъ образомъ благодаря фактамъ, связаннымъ съ теплотою.

Доказательства безграничнаго продолженія жизни на основаніи фактовъ изъ неорганической природы.—Огненные породы и наносныя.

Доказательства того же самаго, взятыя изъ органическаго міра.—Послѣдовательное созданіе и исчезновеніе живыхъ формъ и ихъ распредѣленіе.

Доказательства медленнаго, а слѣдовательно продолжительнаго пониженія температуры.—Ходъ событій путемъ катастрофъ и путемъ законовъ.—Аналогія между индивидуальнымъ развитіемъ и расовымъ.—Оба опредѣляются неизмѣнными законами.

Заключеніе: планъ вселенной указываетъ на существованіе множества міровъ въ безконечномъ пространствѣ и на преемственность міровъ въ безконечномъ времени.

Нельзя представить себѣ болѣе совершенной побѣды и болѣе блестящаго торжества, чѣмъ тѣ, которыя были одержаны наукою въ борьбѣ относительно положенія земли.

Древность земли.

Хотя вслѣдъ за этимъ началось изслѣдованіе почти столь же важное—относительно древности земли, но древній авторитетъ потерпѣлъ такое сильное умственное крушеніе, что онъ оказался въ невозможности силою поддерживать идею, что наша планета не старше шести тысячъ лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы не было никакого сопротивленія, но это сопротивленіе отличалось ковеннымъ характеромъ. Споръ походилъ скорѣе на партизанскую войну, чѣмъ на обдуманныя дѣйствія правильныхъ армій подъ командою признанныхъ начальниковъ. Въ его исторіи мы не встрѣчаемъ такой центральной фигуры, какъ Галилей, мы не встрѣчаемъ ни одного представителя, ни одного знаменательнаго и блестящаго открытія, въ родѣ изобрѣтенія телескопа. Вопросъ приближается безлично къ своему разрѣшенію. То тотъ, то другой дѣлаетъ небольшой шагъ впередъ. Война кончилась, но ни одного большого сраженія не было дано. Поэтому въ настоящей главѣ мы не встрѣтимъ того драматическаго интереса, которымъ отличалась послѣдняя. Вопросъ былъ разрѣшенъ безлично, и я буду разматривать его безлично.

Въ восточныхъ странахъ, гдѣ народныя вѣрованія относятъ созданіе человѣка къ весьма древнему времени, и даже ^{Восточныя и западныя ученія о древности земли.} утверждаютъ, что нѣкоторыя государства существовали нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ, не встрѣчается никакихъ затрудненій относительно опредѣленія времени происхожденія земли: тамъ отводилось достаточно времени для каждаго событія, открытаго человѣческимъ изслѣдованіемъ. Но на западѣ, гдѣ ученіе, гласившее, что не только земля, но и вся вселенная были созданы ради человѣка, доводилось до его крайнихъ послѣдствій, обстоятельства воспрещали признавать существованіе бесполезнаго промежутка времени между подготовленіемъ для человѣка жилища и поселеніемъ его въ немъ въ качествѣ хозяина. Они также навязываютъ намъ заключеніе, что немногія столѣтія составляютъ значительный періодъ времени въ человѣческомъ существованіи, потому что если мы примемъ ученіе о почти безграничномъ періодѣ времени, мы впадемъ въ затрудненіе при объясненіи того, что стало съ безконечными мириадами поколѣній, жившими въ давно прошедшія времена, и, принявъ во вниманіе, что конецъ свѣта близокъ и долженъ ожидаться черезъ нѣсколько лѣтъ, мы будемъ какъ бы отрицать благость Бога, утверждая, что Онъ отдалъ на волю судьбы безконечно большую часть человѣческаго рода и ограничилъ свое милосердіе нами одними, живущими въ сумеркахъ умирающаго міра.

Но тщательное изученіе фактовъ приводитъ насъ, какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущемъ случаѣ, къ безспорному заключенію, что мы пришли къ недостойному и невѣрному разрѣшенію вопроса; что наше понятіе о вселенной — жалкое заблужденіе; что время существованія вселенной такъ же безгранично, какъ и ея протяженіе; что, въ частности, время происхожденія нашей планеты настолько отдаленное, что нашъ умъ не въ силахъ его охватить; что мириады столѣтій потребовались

Неправленіе европейскаго ученія.

для того, чтобы привести земной шаръ въ его теперешнее состояніе; что онъ развивался медленно, переходя отъ одной ступени развитія къ другой; что онъ долгое время былъ необитаемъ и что, въ силу тогдашнихъ его условій, на немъ не могло жить ни одно живое существо; что за тѣмъ онъ былъ заселенъ органическими породами послѣдовательно, въ опредѣленные промежутки времени, и что значительное большинство этихъ породъ,—а число ихъ такъ велико, что мы почти не въ состояніи даже вообразить его,—исчезли и вымерли; и что, наконецъ, въ теченіе сравнительно недавняго времени, человѣкъ сдѣлался обладателемъ земли.

О намѣреніяхъ Бога намъ слѣдуетъ, поэтому, говорить съ почтеніемъ и сдержанностью. Въ тѣ времена, когда не существовало человѣка на землѣ, какова была цѣль созданія міра? Неужели сумерки устроены были только для того, чтобы волкъ могъ удобнѣе преслѣдовать свою добычу, а звѣзды для того, чтобы королевскій тигръ могъ лучше проводить свои хищническіе планы? Что за польза была отъ всего этого порядка и этой красоты, когда не было ни одного разумнаго существа, которое могло понимать ее и наслаждаться ею? Даже теперь, когда мы склонны считать другіе міры пригодными для жилища мыслящихъ и ответственныхъ существъ, подобныхъ намъ, полезно будетъ вспомнить, что сама земля въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ представляла вмѣстѣлице зловредныхъ испареній и служила берлогою для хищныхъ звѣрей.

Изъ заключеній, къ которымъ мы пришли, какъ относительно Оно скорѣе воз- но положенія земли, такъ и относительно ея возраста, вынаестъ, чѣмъ унизаетъ, подожаніе человека. дѣлаютъ изъ него существо, недостойное вниманія Бога. Но тутъ мы опять впадаемъ въ ошибку. Правда, мы унизили его значеніе въ ряду другихъ животныхъ и научили его понимать, какъ онъ мало значить, какъ незначительны горести его жизни и какъ пусты радости. Но что же скажемъ мы объ его разумѣ? Какимъ образомъ могъ онъ измѣрить земной шаръ и взвѣсить его на вѣсахъ? Кто поднялся на солнце и отмѣтилъ орбиты и границы солнечной системы? Кто спустился въ безконечныя глубины пространства, изслѣдовалъ заключавшіеся въ нихъ безчисленные міры и сравнилъ и противопоставилъ ихъ другъ другу? Кто осмѣлился прослѣдить исторію вещей чуть ли не до начала вѣчности и оказался въ силахъ наблюдать съ одинаковымъ успѣхомъ переходные моменты и безконечныя времена? Тотъ, кто въ силахъ сдѣлать это, не только не унижается, а возвышается передъ нами съ видомъ сверхъестественнаго величія и необыкновеннаго достоинства. Это разумъ человѣка.

Отъ фактовъ, приведенныхъ въ послѣдней главѣ относительно Отношенія зе- но отношенія земли къ пространству, мы перейдемъ те- мли во времени. перь къ ея отношеніямъ во времени.

Пока наука находилась подъ давленіемъ ученія о созданіи Антропоген- вселенной для человѣка, ученія, которое обращало зе- трическія идеи млю въ великое центральное тѣло и возвышало чело-

вѣка на степень верховнаго владыки, трудно было раз- о началѣ и кон- рѣшить вопросъ о времени происхожденія земли. Исторія земли цѣль міра. представляла вначалѣ дикую и сказочную космогонію. Научная космогонія возникла не изъ теологическихъ соображеній, а изъ телескопическихъ наблюденій надъ сжатіемъ у полюсовъ планеты Юпитера, и вытекающего отсюда опредѣленія Ньютона, что земля—вращающаяся сферондъ. Вмѣстѣ съ истинною космогоніею явилась и лучшая хронологія. Древнее ученіе гласило, что земля возникла всего пять тысячъ лѣтъ тому назадъ съ небольшимъ, и къ этому присоединилось народное повѣріе, долго существовавшее, что конецъ ея весьма близокъ. Отъ времени до времени различные авторитеты опредѣляли періоды, когда слѣдовало ждать послѣдняго событія, и такъ какъ истинное знаніе не существовало, то рѣшили, что конецъ земли наступитъ въ 1000 г. Въ виду этого не мало лицъ начинали свое завѣщаніе слѣдующими словами: «Въ ожиданіи приближенія кончины міра»... Но ужасная минута прошла, а солнце продолжало вставать и садиться; времена года попрежнему смѣнялись и природа сохраняла свой первоначальный видъ. Тогда предсказали другой день, и опять наступило разочарованіе, пока здравомыслящіе люди не замѣтили, что священное Писаніе никогда не предназначалось для того, чтобы давать свѣдѣнія о такихъ предметахъ, и вотъ предсказанія о кончинѣ міра лишились довѣрія и принимались на вѣру одними только невѣждами, которые до сихъ поръ прислушиваются къ нимъ.

То, что происходило по вопросу о началѣ нашей планеты, происходило и по вопросу объ ея происхожденіи. Мало Возникновеніе ученія о беско- по малу возникали доказательства, подвергавшія сомнѣ- нечному вре- нію недавнее происхожденіе земли, и эти доказательства мени. дѣлались все болѣе и болѣе убѣдительными. Не мало помогало достиженію этого результата установленіе гелиоцентрической теоріи, вмѣстѣ съ телескопическими открытіями. Какъ я говорилъ выше, это совершенно опровергло ученіе о первенствующей роли человѣка во вселенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ рухнули и всея аргументы, помощью которыхъ человѣкъ признавался мѣриломъ всего. Вскорѣ первенство получили идеи о грандіозныхъ масштабахъ вселенной, оказались предвѣстниками такихъ же идей относительно времени. Наконецъ, лица, стоявшія во главѣ движенія, поняли, что Библия никогда не предназначалась для того, чтобы доставить хронологическое ученіе относительно начала и конца вещей, и что тѣ блгонамѣренныя люди, которые занимались отклоненіемъ ея отъ предначертанной ей цѣли, даромъ тратили свое время, потому что такого рода стремленіе могло только повредить защищаемому ими дѣлу. Тѣмъ не менѣе такъ сильны были укоренившіеся предразсудки, что это ученіе не безъ борьбы проложило себѣ путь, — и эта борьба о древности земли, по своимъ доводамъ, своимъ стремленіямъ и своимъ результатамъ, удивительнымъ образомъ напоминала предшествующую ей борьбу о положеніи земли. Но въ концѣ концовъ истина одержала верхъ надъ авторитетомъ и оппозицію, и

ученіе о крайне древнемъ происхожденіи нашей планеты перестало подвергаться спорамъ.

При научномъ представленіи природы безконечныя пространства были, по необходимости, связаны съ безконечными временами.

Открытие прогрессивнаго движенія свѣта доставило средство для доказательства неопровержимости этой связи. Лучи, испускаемые извѣстнымъ предметомъ и заставляющіе насъ обратить на него вниманіе, доходятъ до насъ не тотчасъ послѣ своего появленія, а требуютъ для этого извѣстнаго промежутка времени.

Въ случаѣ какого-нибудь внезапнаго измѣненія въ солнцѣ, мы не будемъ видѣть этого измѣненія въ самый моментъ его появленія, а спустя восемь минутъ и тринадцать секундъ, такъ какъ это время требуется для того, чтобы лучъ свѣта прошелъ промежуточное пространство. Все явленія происходятъ въ дѣйствительности за нѣсколько моментовъ до того времени, когда мы ихъ замѣчаемъ, и тѣмъ раньше, чѣмъ больше раздѣляющее ихъ отъ насъ пространство.

На небѣ нѣкоторые предметы такъ далеки отъ насъ, что требуется нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ, чтобы ихъ свѣтъ дошелъ до насъ. Но такъ какъ мы ихъ видимъ, то отсюда слѣдуетъ, что они были созданы за много сотенъ тысячъ лѣтъ до насъ.

Скорость свѣта была впервые опредѣлена датскимъ астрономомъ Рэмеромъ, благодаря наблюденію надъ затмѣніемъ спутниковъ Юпитера въ ноябрѣ 1675 г. Онъ опредѣлилъ скорость отраженнаго солнечнаго свѣта въ безвоздушномъ пространствѣ въ 198000 миль въ секунду. Въ 1727 г. Брайлей опредѣлилъ скорость звѣзднаго свѣта помощью своего великаго открытія — аберраціи неподвижныхъ звѣздъ. Опыты Фуко и Физо въ болѣе недавнее время подтвердили эти астрономическія наблюденія помощью вращающихся зеркалъ или колесъ, при чемъ опредѣленіе скорости Физо приближалось къ опредѣленію скорости Рэмеромъ. Быть можетъ, впрочемъ, самое правильное опредѣленіе сдѣлано Струве—191514 миль въ секунду.

Этотъ астрономическій аргументъ, служащій общимъ введеніемъ, подтверждается многочисленными физическими и физиологическими фактами. Но изъ всѣхъ методовъ, служащихъ для опредѣленія времени прохожденія земли, я предпочитаю методъ, основанный на явленіяхъ тепла. Такой способъ разрѣшенія задачи склонилъ на ея сторону многихъ мыслящихъ людей.

Когда правильныя астрономическія понятія получили преобладаніе, замѣчено было, что все тепло на поверхности нашей планеты исходитъ отъ солнца. Въ виду того, что ось вращенія наклонена къ плоскости ея годоваго движенія, или въ виду того, что ея шарообразная форма заставляетъ воспринимать солнечныя лучи въ болѣе или менѣе наклонномъ положеніи, сообразно съ ея широтами, и слѣдовательно получать ихъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, происходятъ

Указанія, зависящія отъ прогрессивнаго движенія свѣта.

Опредѣленіе древности земли по явленіямъ тепла.

Астрономическое тепло является только на поверхности земли.

мѣстныя или временныя измѣненія въ теплѣ. Но они не уничтожаютъ основнаго принципа, по которому количество получаемой въ годъ солнечной теплоты должно быть однимъ и тѣмъ же.

Термометрическое равновѣсіе существуетъ не только на поверхности земли, но можетъ быть доказано и относительно всей ея массы. День не укоротился и на $\frac{1}{200}$ секунды со времени Гиппарха, и слѣдовательно теплота не могла понизиться даже на $\frac{1}{300}$ градуса Фаренгейта, на основаніи той гипотезы, по которой среднее расширеніе всѣхъ земныхъ тѣлъ равняется расширенію стекла, $\frac{1}{180000}$ для одного градуса. Если произошло пониженіе во внутренней теплотѣ земли, то должно было бы произойти измѣненіе и въ ея величинѣ, а какъ необходимое послѣдствіе этого, день сдѣлался бы короче. Слѣдовательно земля достигла полнаго равновѣсія относительно температуры.

Много, впрочемъ, есть доказательствъ, устанавливающихъ вполне достоверно, что на нашей планетѣ существовала въ древнія времена гораздо болѣе высокая температура, — не та температура, которая можетъ выказаться въ какой-нибудь долѣ градуса, не та, которая выходитъ за предѣлы нашей термометрической скалы. Математическая фигура земли доставляетъ неопровержимое доказательство ея прежняго жидкаго состоянія, т. е. ея первоначальной высокой температуры. Но какъ же это связать съ только что упомянутымъ заключеніемъ? А просто признаніемъ факта долгихъ, почти безконечныхъ періодовъ времени. Какъ только начало обозначаться истинное положеніе дѣлъ, замѣчено было, что древность земли не есть вопросъ авторитета или преданія, а рѣзко опредѣленная математическая задача; опредѣлить время охлажденія шара извѣстнаго діаметра и извѣстной проводимости черезъ лученосканіе въ пустомъ пространствѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ могло ли быть что-нибудь бессмысленнѣе попытки навязать извѣстное мнѣніе помощью авторитета? Какъ неудаченъ оказался такой же образъ дѣйствій при обсужденіи вопроса о шарообразной формѣ земли, которая перестала быть простою математическою отвлеченностью, а была доказана и на дѣлѣ кругосвѣтнымъ путешествіемъ Магеллана! Было бы такъ же неблагоприятно и въ этомъ вопросѣ о древности земли руководиться древними заблужденіями, — заблужденіями, возникшими, быть можетъ, изъ нравственныхъ соображеній, но не оказавшими никакого вліянія на разрѣшеніе научной задачи.

Цѣлый рядъ фактовъ выступилъ на сцену, имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Доказано было, что суточное измѣненіе температуры, въ теченіе дня и ночи, простирается лишь на нѣсколько дюймовъ въ глубину земли, а измѣренія, связанныя съ временами года, — на нѣсколько футовъ; но ниже этого найденъ былъ слой земли съ неизмѣнною температурою, за которымъ теплота, по мѣрѣ углубленія, увеличивается въ количествѣ 1° Ф. на каждые пятьдесятъ или семьдесятъ футовъ. Въ виду этого даже на незначительныхъ глубинахъ должна существовать всегда весьма высокая температура. Справедливость

Равновѣсіе внутренней теплоты.

Ея древнее пониженіе.

Указаніе на внутреннюю теплоту земли.

такого заключения доказывається такими, напр., фактами, что вода, исходящая изъ глубины 1794 ф. въ артезианскомъ колодцѣ въ Гренеллѣ, имѣетъ температуру въ 82° Ф. Средняя температура Парижа равняется 51° Ф. Это даетъ среднимъ числомъ 1° на каждыя пятьдесятъ восемь футовъ. Если, слѣдовательно, увеличеніе тепла равняется 100° на милю, то на глубинѣ десяти миль все должно быть раскалено до красна, а на глубинѣ двадцати или тридцати миль все должно быть въ расплавленномъ видѣ. Доказано было, что возвышеніе температуры, по мѣрѣ увеличенія глубины, существуетъ повсемѣстно, на всей земной поверхности. Общее заключеніе, доставленное такого рода фактами, доказывається еще болѣе существованіемъ вулкановъ: ихъ не слѣдуетъ считать чисто мѣстными явленіями, которыя могутъ существовать только въ определенныхъ мѣстахъ, потому что только въ нихъ могутъ снабжаться достаточнымъ количествомъ расплавленнаго матеріала,—они встрѣчаются повсюду на землѣ и подъ водою, внутри материковъ и около береговъ, у экватора и въ полярныхъ странахъ. Вычислено было, что каждое столѣтіе происходятъ двѣ тысячи вулканическихъ изверженій. Нѣкоторые вулканы, какъ, напр., Этна, въ теченіе тысячелѣтій извергаютъ свою лаву, а все еще не исощили своего запаса. Общій источникъ доказывається однообразнымъ составомъ извергаемыхъ матеріаловъ. Тотъ фактъ, что линія вулканическихъ изверженій мѣняется, указываетъ на глубокой источникъ; періодическія усиленія и ослабленія изверженій объясняются тѣми же причинами. Вулканы существовали и въ доисторическія времена. Вулканы средней Франціи относятся къ эоценовому періоду; сила ихъ увеличивается въ миоценовый періодъ и они продолжаютъ дѣйствовать и въ пліоценовый; вулканы Каталоніи принадлежатъ, по всей вѣроятности, пліоценовому періоду. Связанныя съ вулканами землетрясенія, съ ихъ вертикальными, горизонтальными и круговыми движеніями, обнаруживающими скорость въ 20—30 миль въ минуту, указываютъ на существованіе причины, скрытой въ значительной глубинѣ. Большое лиссабонское землетрясеніе ощущалось отъ Норвегіи до Марокко, отъ Алжира до Востъ-Индіи, отъ Тюрингіи до Канадскихъ озеръ. Оно подняло все ложе сѣвернаго Атлантическаго океана. Источникъ его происхожденія никакъ не возможно искать на поверхности земли.

Еще болѣе общимъ доказательствомъ высокой температуры всей внутренней массы земли является небольшая средняя плотность земли,—плотность лишь въ 5,66 больше плотности воды, при чемъ средняя плотность материка 2,7, а материка и морской поверхности совмѣстно — 1,6. Но эта плотность не соответствуетъ той, которую земля должна была бы имѣть въ силу взаимнаго притяженія ея частицъ. Это подразумеваетъ существованіе какого-то дѣятеля, разрывающаго и расширяющаго ее,—и такимъ дѣвателемъ является теплота. Хотя законъ усиленія плотности по направленію отъ поверхности къ центру не извѣстенъ, но при сравненіи сжатія земли со скоростью ея вращенія видно, что существуетъ усиленіе плотности слоевъ по мѣрѣ

Доказательства, основанныя на средней плотности.

увеличенія глубины. Впрочемъ, главный фактъ, останавливающій на себѣ наше вниманіе, это внутренняя теплота.

Такимъ образомъ, не только получаютъ доказательства существованія высокой температуры, а слѣдовательно и древности земли, на основаніи теперешняго состоянія земного шара, но и все слѣды этого прежняго состоянія, разсмотрѣнные настоящимъ образомъ, доставляютъ подобныя же указанія, такъ что древнія доказательства идутъ рука объ руку съ новыми. И векоръ оказывается, что это относится равнымъ образомъ и къ органическому, и къ неорганическому міру.

Что же касается неорганическаго міра, то какое другое объясненіе можно дать повсемѣстному распространенію огненныхъ породъ, изъ которыхъ однѣ возвышаются въ видѣ огромныхъ горныхъ крижей, другія какъ бы извергаются снизу, прокладывая себѣ извилистый путь черезъ сопротивляющіеся имъ нагроможденные другъ на друга слои? Какъ объяснить иначе жилы различныхъ минеральныхъ составовъ и, какъ видно изъ ихъ взаимныхъ отношеній, совершенно различныхъ датъ? Какъ иначе объяснить послѣдовательные слои лавы, расположенные надъ другими, часто съ разными посторонними примѣсями между ними? А тѣ многочисленные вулканы, которые не выказывали никакой дѣятельности въ историческіе періоды времени, хотя нерѣдко встрѣчаются въ такихъ странахъ, какъ Франція, принадлежащихъ къ числу историческихъ? Какое значеніе придавать всемъ этимъ перемѣщеніямъ, пониженіямъ и подъемамъ, представляемымъ корою земли во всехъ странахъ, на все эти доказательства потери тепла, на сжатіе діаметра и, какъ необходимое послѣдствіе его, на растрескиваніе вышней отвердѣвшей коры по линіи наименьшаго сопротивленія? И хотя было доказано, что катастрофы, свидѣтелями которыхъ они являются, были произведены силами, обнаружившими немовѣрную энергію и немолкаемую дѣятельность,—немовѣрную по сравненію съ тѣми земными силами, къ которымъ мы привыкли,—но это нисколько не уменьшало достовѣрности объясненія, потому что въ природѣ не могло произойти внезапнаго уменьшенія интенсивности этихъ силъ, которыя должны были ослабѣвать постепенно, въ теченіе долгаго времени. И такъ, самое это ослабленіе дѣятельности указывало на долгій промежутокъ времени. Изъ всего хода развитія природы видно, какъ постепенны и медленны были ея дѣйствія; въ нихъ не встрѣчается быстрыхъ переходовъ отъ прошедшаго къ настоящему: одно незамѣтно переходитъ въ другое, настоящее вытекаетъ незамѣтно изъ прошлаго. Если вулканическія явленія и всякаго рода огненныя явленія, — если перемѣненія, изверженія, просачиваніе расплавленныхъ матеріаловъ между слоями повторялись одно время чаще и отличались болѣе рѣзкимъ характеромъ, — если въ древности міровыя силы обнаруживали большую энергію, чѣмъ теперь, и если все это сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что въ теченіе тысячи лѣтъ, во все продолженіе историческаго времени, они существовали неизмѣнно въ томъ видѣ,

Неорганическаго доказательства бывшей высокой температуры.

Это подразумеваетъ продолжительное время дѣятельности.

какой представляеть теперь,—то какъ безконечно давно должны были протекать эти древнія времена! Такимъ образомъ, замѣчена была необходимость координировать масштабъ времени съ масштабомъ пространства, и такого рода взгляды на физическую исторію земли были распространены и на небесныя тѣла, которые считались претерпѣвшими такія же измѣненія, какъ и земля. Въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, это утвержденіе не истекало изъ простаго умозрѣнія, а изъ дѣйствительнаго наблюденія. Неровная поверхность луны, ея вулканическіе кратеры и конусы, ея горы, съ ихъ склонами, покрытыми лавою и изверженными камнями, блестящими на солнцѣ, указывали на цѣлый рядъ событій, подобныхъ тѣмъ, которые переживались землею, и подтверждали существованіе планетарной геологіи рядомъ съ землею; въ то же время они свидѣтельствовали о томъ, что и нашъ спутникъ подвергался первоначально страшно высокой температурѣ, постепенно ослабѣвавшей и требовавшей для завершения процесса значительнаго промежутка времени. Быть можетъ также, принимая во вниманіе количество теплоты, получаемой Венерою отъ солнца вслѣдствіе близости ихъ разстояній, блѣдный свѣтъ, замѣченный, какъ говорятъ, на ея неосвѣщенной части, является исчезающимъ признакомъ ея собственной внутренней теплоты, сохранившейся до сихъ поръ.

Если астрономы начнутъ искать въ систематическихъ причинахъ объясненія этого факта,—если, напр., они захотятъ изслѣдовать, насколько измѣненія въ наклонности эклиптики связаны съ нимъ, — то необходимо прежде всего признать, что время, въ теченіе котораго происходитъ это событіе, громадной величины, такъ какъ процессъ измѣненія подвигается въ столѣтіе всего на 45,7. Такимъ образомъ, со времени Гиппарха, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, плоскость эклиптики приблизилась къ плоскости экватора всего на четверть градуса. Если же они стануть разсматривать уменьшеніе эксцентриситеты земной орбиты, они должны признать тотъ же фактъ и имѣть дѣло съ тысячами столѣтій. Слѣдовательно, съ какой бы точки зрѣнія мы ни начали разсматривать эту теорію, но разъ признана въ прошломъ высокая температура и замѣчено отсутствіе сколько нибудь значительныхъ измѣненій во все время существованія человѣка, то безразлично, какое бы объясненіе мы ни давали этому факту, чисто геологическое или чисто астрономическое: движеніе тепла въ массѣ земли совершается такъ медленно, перемѣна, происшедшая за это время, такъ велика, и измѣненія въ наблюдаемыхъ отношеніяхъ солнечной системы производится такъ постепенно, что, съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на это явленіе и какъ ни толковали бы этотъ фактъ, является неизбежная необходимость признанія безчисленныхъ столѣтій.

Для астронома такое признаніе не представляетъ ничего страннаго. Не время заставляеть его сомнѣваться въ томъ, что солнце и его система вращаются вокругъ отдаленнаго центра тяжести въ девятнадцать милліоновъ лѣтъ или что годъ ꝛ Леры равенъ полу-

милліону нашихъ лѣтъ. Онъ ожидаетъ въ будущемъ того отдаленнаго дня, когда Сиріусъ исчезнетъ съ нашего небосклона, а Южный Крестъ появится, и когда Вега займетъ мѣсто полярной звѣзды. Онъ оглядывается на то время, когда звѣзда γ въ созвѣздіи Дракона занимала такое выдающееся мѣсто и когда строители великой пирамиды въ 3970 г. до Р. X. придавали ея подземному проходу наклонъ въ $26^{\circ} 15'$, соответственно нижней кульминаціи этой звѣзды. Онъ говоритъ намъ, что Южный Крестъ сдѣлался невидимымъ на $52^{\circ} 30'$ с. ш., за 2900 лѣтъ до нашей эры, и что онъ первоначально достигалъ высоты больше чѣмъ въ 10° . Онъ исчезъ съ горизонта балтійскихъ странъ уже тогда, какъ пирамида Хеопса просуществовала болѣе тысячи лѣтъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ множество доказательствъ, представляемыхъ измѣненіями, которые совершались помощью воды на поверхности земли, хотя они подтверждаютъ ученіе о древности земли. Засореніе озеръ, образованіе дельты, разлагающая сила текущей воды, осадки известняковъ, смываніе пластовъ земли на громадныхъ протяженіяхъ, сносъ этихъ обломковъ въ море, измѣненіе береговъ подъ влияніемъ приливовъ и волнъ, образованіе новыхъ напластованій въ сотни миль длины и зарытіе въ нихъ окаменѣлостей даютъ безчисленное количество интересныхъ и важныхъ фактовъ. Изъ нихъ многіе доставили средства для вычисленій. Не трудно было бы опредѣлить дату для такихъ географическихъ событій, какъ образованіе Каспійскаго и Мертваго морей, на основаніи изслѣдованія количества соли въ ихъ водахъ или на днѣ по сравненіи съ годовымъ количествомъ ея, которое доставляется впадающими въ нихъ рѣками. Такія вычисленія были сдѣланы относительно Нижняго Египта и отступленія Ниагарскаго водопада, и хотя эти вычисленія и могутъ подвергнуться критикѣ, но ихъ взаимное совпаденіе доставляетъ доказательство, которое не легко опровергнуть. Постоянное нагроможденіе такого рода доказательствъ не можетъ не оказать вліянія на того, кто склоненъ относиться небрежно къ значенію геологическихъ фактовъ въ дѣлѣ раскрытія истины.

Къ этимъ фактамъ были прибавлены другіе, которыми можно было бы наполнить цѣлые томы и которые доказываютъ, и въ движеніяхъ, что земная кора повсемѣстно движется,—напр., пласты, первоначально горизонтальные, теперь наклонены подъ всевозможными углами,—рядъ доказательствъ, достаточно сильныхъ и удовлетворительныхъ: они показываютъ, на основаніи громадности результатовъ, какъ медленно совершалась эта работа.

Возможно ли себѣ представить, чтобы работа толщиною въ нѣсколько тысячъ футовъ могли внезапно отложиться въ водѣ? Механическое состояніе ихъ подразумеваетъ медленное разрушеніе и оголеніе другихъ мѣстъ, для доставленія въ новое нужныхъ матеріаловъ; въ содержимомъ ихъ не замѣчается и слѣда наслія; отложеніе, повидимому, произошло совершенно спокойно. Какое же толкованіе можно было бы дать многочисленнымъ фактамъ, въ родѣ, напр., тѣхъ, которые наблюдаются на юго-вос-

токъ Англїи, гдѣ наносы изъ свѣжей прѣеной воды въ тысячу футовъ толщины покрыты другими наносами въ столько же футовъ толщины, но морского происхожденія? Что сказать о фактахъ, число которыхъ все увеличивается и которые происходятъ въ сѣверной Англїи, гдѣ массы, возвышавшіяся нѣкогда на тысячу футовъ надъ уровнемъ моря и во время своего возвышенія представлявшія пропасти и скалы громадной высоты,—что доказывается расщелинами и углублениями въ существующихъ слояхъ—были удалены съ прежняго мѣста, и поверхность его обращена въ равнину? Въ южномъ Уэльсѣ встрѣчаются мѣста, гдѣ такимъ образомъ были смыты водою слои въ 11000 футовъ толщины. Что бы мы ни разсматривали, тотъ ли слой, который образовался заново и поражаетъ насъ своею грандіозною массою, или тѣ напластованія, которыя были разрушены, оставивъ безспорные слѣды своего присутствія,—но изъ всего этого можно вывести только одно заключеніе: какъ процессъ разрушенія, такъ и процессъ осажденія требуютъ обязательно большихъ промежутковъ времени. Подтачиваніе скалъ морскими волнами, плескавшими у подножїи ихъ, осажденіе песка и ила на днѣ океановъ, смываніе слоевъ земли со скалъ дождевою водою, перенесеніе ихъ рѣками въ моря, растрескиваніе земли подъ вліяніемъ морозовъ, вывѣтриваніе скалъ подъ вліяніемъ углекислоты и раствореніе известняка водою при помощи того же газа,—все эти явленія ничего почти не значатъ въ теченіе жизни человѣка. Даже тысячелѣтіе не приноситъ осязаемыхъ результатовъ.

Мы уже намекали на другую точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ разсматривать эти механическія вліянія. Уровень земли и воды несомнѣнно измѣнился. Внутри материковъ возвышаются горы, часто на десять или пятнадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; на этихъ горахъ разсыяны въ большомъ количествѣ раковины и другіе морскіе продукты. И хотя, принимая во вниманіе вошедшую въ пословицу неподвижность земли и подвижность воды, мы склонны вначалѣ предположить, что скорѣе море опустилось, чѣмъ земля поднялась, но при болѣе критическомъ изслѣдованіи этого вопроса, мы вынуждены измѣнить первоначальное мнѣніе. На нашихъ глазахъ происходятъ въ нѣкоторыхъ странахъ возвышенія и пониженія, иногда крайне медленно, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ, напр., въ Швеціи и Норвегїи, гдѣ полуостровъ на сѣверѣ повышается, а на югѣ понижается, но съ такою скоростью, что для измѣненія его положенія на семь тысячъ футовъ требуется болѣе чѣмъ двадцать семь тысячъ лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., на юго-западномъ берегу Южной Америки, движеніе происходитъ пароксизмами, береговая линія подымается внезапно на протяженіе ста тысячъ миль, а затѣмъ перестаетъ измѣнять свое положеніе на нѣсколько лѣтъ. Въ Морѣ также существуютъ нѣсколько рядовъ древнихъ приморскихъ скалъ; изъ нихъ нѣкоторыя достигаютъ болѣе тысячи футовъ въ высоту, съ террасами у подножїи каждой; но Морея была хорошо извѣстна въ послѣднія двадцать пять столѣтїи и не претерпѣла за это время никакихъ мате-

риальныхъ перемѣнъ. Въ Сициліи встрѣчаются также подобныя приморскія скалы, у подножїи которыхъ мы находимъ закопанныя въ мусорѣ кости гиппопотама и мамонта, служащія доказательствами громаднѣхъ измѣненій, происшедшихъ въ климатѣ страны съ тѣхъ поръ, какъ океанъ омывалъ свои бывшіе берега. Италия, историческая страна по преимуществу, въ которой на людской памяти не произошло никакихъ матеріальныхъ перемѣнъ со времени плейстоценоваго періода, весьма недалекаго съ геологической точки зрѣнія, возвысилась на тысячу пятьсотъ футовъ. Семь римскихъ холмовъ относятся къ пліоценовому періоду, съ рѣчными наносами морскихъ раковинъ на двѣсти футовъ надъ Тибромъ. Между древнимъ пліоценовымъ и болѣе новымъ періодомъ лежитъ громадный промежутокъ времени, что доказывается значительными измѣненіями, происшедшими за это время; и въ самомъ дѣлѣ, это можно сказать относительно рѣзко различающихся другъ отъ друга пластовъ. Требовалось немовѣрное время, чтобъ измѣнить горизонтальное положеніе данныхъ пластовъ на днѣ моря въ наклонное; требовалась также и громадная сила. Подъемъ земли и ея осѣданіе замѣчаются во всѣхъ наслоенїяхъ: движенія эти происходятъ часто пароксизмами, но часто они бывають спокойнаго характера и продолжаютъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Каменноугольные пласты, постепенно погружаясь, достигли въ южномъ Уэльсѣ толщины 12000 футовъ, а въ Новой Шотландїи—14570 футовъ; однообразіе процесса погруженія и его постоянство и медленность доказываются находженіемъ на различныхъ уровняхъ деревьевъ въ стоячемъ положенїи: можно насчитать семнадцать такихъ повтореній въ толщинѣ 4515 футовъ. Лѣта деревьевъ доказываются ихъ величиною: нѣкоторыя имѣють четыре фута въ діаметрѣ. По мѣрѣ своего погруженія, они обростали каламитами одно за другимъ. Въ Сидней въ каменноугольныхъ залежахъ встрѣчаются пятьдесятъ девять рядовъ такихъ ископаемыхъ лѣсовъ.

Таково заключеніе, къ которому мы приходимъ при наблюденїи за неорганическою природою. Оно подтверждается ^{Доказательствами} фактами изъ органическаго міра, потому что существуетъ ^{большой высокой температурой въ органической природѣ.} тѣсная связь между существованіемъ и благосостояніемъ животныхъ и растений и температурою, которой они подвержены. Почему лимонное и апельсинное деревья не растутъ въ Нью-Йоркѣ? Что случилось бы съ этими экзотическими растениями, если бы ихъ подвергнуть суровой зимѣ? Что произойдетъ, если во Флоридѣ или другихъ южныхъ странахъ настанетъ необыкновенно суровая погода? Развѣ тепло не ограничивается, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени распространеніе этихъ растений? А какъ часто встрѣчаются растения, которыя роскошно процвѣтають въ умѣренномъ климатѣ, но тотчасъ пропадаютъ, какъ только переносятся подъ лучи тропическаго солнца. Для каждаго существуетъ климатъ, наиболѣе подходящий къ условїямъ его жизни, и извѣстныя границы холода и тепла, за предѣлами которыхъ существованіе его невозможно.

Если бы средняя годовая температура земли постепенно повышалась, и если бы, съ течениемъ нѣсколькихъ столѣтій, температура, существующая теперь во Флоридѣ, существовала въ Нью-Йоркѣ, апельсиновые и лимонныя деревья навѣрное встрѣчались бы тамъ. Въмѣстѣ съ усиленіемъ теплоты, растенія начали бы подвигаться дальше на сѣверъ, смотря по обстоятельствамъ. Если бы дѣло приняло противоположный оборотъ и тепло тропическаго пояса понизилось бы до температуры холода нью-йоркской зимы, постепенно завоевывая себѣ все пространство до самаго экватора, то лимонныя и апельсиныя деревья отступали бы все въ болѣе и болѣе узкія области и, наконецъ, совершенно исчезли бы, такъ какъ условія ихъ жизни на воздухѣ были бы несовмѣстимы съ ихъ внутренними особенностями. Изъ этихъ разсужденій явствуетъ, что тепло не только опредѣляетъ предѣлы распространенія растеній, окружая ихъ границами, которыя, несмотря на свою невидимость, еще болѣе непроходимы, чѣмъ мѣдная стѣна; оно регулируетъ ихъ путь, и даже самое ихъ существованіе, и опредѣляетъ срокъ жизни отдѣльнымъ родамъ, видамъ и индивидуумамъ.

Такія разсужденія примѣнимы не къ однимъ только растеніямъ; животное царство представляетъ такого же рода примѣры. Почему бѣлый медвѣдь радуется свинцовому небу полюсовъ и своимъ туземнымъ ледянымъ горамъ? Почему тигръ живетъ главнымъ образомъ въ Джунгли Индіи? Можно ли сомнѣваться, что, если бы только средняя годовая температура понизилась, полярный медвѣдь спустился бы съ своихъ ледяныхъ горъ до соответствующихъ южныхъ широтъ, а въ случаѣ повышения температуры тигръ началъ бы подвигаться дальше на сѣверъ? Развѣ онъ не проникаетъ каждое лѣто на сѣверъ въ Азію до широты Берлина и не удаляется вновь по мѣрѣ наступленія зимы? Почему, по данному сигналу, перелетныя птицы переселяются, побуждаемыя къ этому весною теплотою, а осенью холодомъ? Ежегодное переселеніе птицъ объясняетъ причины геологическихъ зарожденій и исчезновеній. Не узнаемъ ли мы въ этомъ силу, опредѣляющую распредѣленіе животныхъ? Мы не должны вводить себя въ заблужденіе воображаемыми земными препятствіями или ограниченіями. Пусть тепло повысится хотя бы на нѣсколько градусовъ, и сарычъ, для могущественныхъ крыльевъ котораго разстоянія не представляютъ значенія, покажется парящимъ надъ Нью-Йоркомъ; пусть тепло падетъ на нѣсколько градусовъ, и онъ исчезнетъ съ улицъ Чарльстоуна; еще нѣсколько градусовъ ниже, и сарычъ исчезнетъ съ лица земли. Морскія раковины, проживавшія нѣкогда въ британскихъ водахъ, удалились въ теченіе ледяного періода въ Средиземное море, а вмѣстѣ съ возвращеніемъ тепла и сами возвратились на сѣверъ.

Животныя управляются теплотою прямымъ и косвеннымъ образомъ: косвеннымъ—потому, что, въ случаѣ уменьшенія количества ихъ пищи, они должны искать себѣ болѣе изобильныхъ источниковъ существованія, въ противномъ слу-

Границы, по-
стащенные для
организмовъ
теплымъ.

Животныя до-
казываютъ
такъ же, какъ
и растенія.

Вліяніе пищи
на животныхъ.

чаѣ имъ угрожаетъ смерть. Несомнѣнно, что причиною исчезновенія гигантскаго мастодонта, встрѣчавшагося такъ часто въ Соединенныхъ штатахъ послѣ наноснаго періода, былъ недостатокъ въ пищѣ въ соединеніи съ установленіемъ болѣе суроваго климата. Такія большія слонообразныя формы не могли достать себѣ достаточнаго запаса пищи въ теченіе значительной части года. Исчезновеніе животныхъ съ лица земли было, по удостовѣренію палеонтологій, опредѣленнымъ процессомъ, условіемъ ихъ существованія, либо присутствіемъ имъ лично, либо коренящимся въ ихъ окружающемъ. Доказано, что существующія теперь формы составляютъ лишь незначительную часть безчисленныхъ породъ, жившихъ въ былое время. Земли служила ареною длиннаго ряда появленій и исчезновеній, созданий и разрушеній, происходившихъ съ незапамятныхъ временъ. Въ плейстоценовый періодъ въ Сициліи исчезло ^{35/124} ископаемыхъ раковинъ; въ костяныхъ пещерахъ Англіи изъ тридцати семи млекопитающихъ исчезло восемнадцать. Но, судя по продолжительной жизни современныхъ намъ породъ, жизни, продолжающейся нѣсколько тысячелѣтій, причѣмъ длинный рядъ послѣдовательныхъ поколѣній смѣняетъ въ должное время своихъ предшественниковъ, не нарушая естественнаго хода развитія, мы опять приходимъ неминуемо къ тѣмъ же заключеніямъ, на которыя указывали предыдущіе факты, а именно, что со времени введенія животной жизни на землѣ прошли значительныя періоды времени.

Благодаря дѣйствию этого закона разрушенія и возсозданія, одушевленная природа претерпѣла чудесныя измѣненія какъ на материкѣ, такъ и на моряхъ. Въ моряхъ лѣсовыхъ и оолитовыхъ преобладали морскіе ящеры, цетіозавры и крокодилы, подобно тому, какъ въ наше время преобладаютъ дельфины и киты; первые исчезли, а послѣдніе возникли. Рядомъ съ китообразными появились мягкочешуйчатая рыба, заступившія мѣсто ганондовъ и плакоидовъ мезозойческаго періода. Одна за другою появлялись породы дышащихъ воздухомъ гадовъ, которые, просуществовавъ извѣстное время, вымирали. Развитіе происходило постепенно; амфибіи, триконодоны и спалакотеріи мезозойческаго періода были замѣнены вышними третичными формами. И эти превращенія произошли не внезапно. Если млекопитающія являются преобладающими формами третичнаго періода, то зачатковъ ихъ слѣдуетъ искать гораздо раньше; въ триасовыхъ и оолитовыхъ формаціяхъ встрѣчаются многіе экземпляры вышенаго порядка, боровшіеся за преобладаніе. Видъ одушевленной природы совершенно измѣнился. Камелопардъ не странствуетъ болѣе по Европѣ, какъ въ миоценовый и люценовый періоды; большіе слоны не водятся болѣе въ американскихъ лѣсахъ, какъ не водятся гишпопотамы въ Англіи, а носороги въ Сибири. Человѣкъ переселилъ въ Новый Свѣтъ лошадей Старого, но американская лошадь, носившаяся по великимъ равнинамъ одновременно съ мегатеріемъ и мегалониксомъ, исчезла уже десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ. Даже океаны и рѣки не составляютъ исключеній изъ этихъ переменъ.

Какимъ же образомъ произошла эта безчисленная вереница формъ? Часто бываетъ достаточно увидѣть ясно часть плана, чтобы судить съ нѣкоторой степенью достовѣрности объ общемъ устройствѣ цѣлаго; часто бываетъ достаточно быть знакомымъ основательно съ частью жизни даннаго лица, чтобы догадаться объ его образѣ дѣйствія въ томъ или другомъ случаѣ и опредѣлить его долю участія въ предшествовавшихъ событіяхъ. Достаточно знать стиль мастера, чтобы опредѣлить съ достовѣрностью подлинность приписываемой ему картины. Подобнымъ же образомъ въ дѣлахъ вселенной достаточно бываетъ опредѣлить образъ дѣйствія извѣстной части, чтобы установить образъ дѣйствія цѣлаго. Слѣдовательно, когда узнали, какъ происходитъ исчезновеніе извѣстныхъ формъ съ земной поверхности,—когда убѣдились, что не можетъ быть и рѣчи о внезапномъ и грандіозномъ вмѣшателствѣ въ дѣла природы, что все совершается согласно обыкновеннымъ законамъ природы, медленно и незамѣтно, но упорно, что холодъ и тепло, недостатокъ въ птицѣ, сухость, излишняя влага являются дѣйствительными причинами всѣхъ явленій,—то относительно новопрішельцевъ сдѣлалось очевиднымъ, что они возникли вслѣдствіе благоприятныхъ вѣдѣній обстоятельствъ и что эти же обстоятельства, сдѣлавшись неблагоприятными для нихъ, повлекутъ за собою и ихъ гибель. Измѣненія въ составѣ воздуха или въ его давленіи, въ составѣ моря или его глубинѣ, въ блескѣ свѣта и въ количествѣ тепла, въ неорганическомъ матеріалѣ окружающей среды,—вотъ причины, которыя видоизмѣняютъ старыя формы въ новыя или уничтожаютъ ихъ. Рожденіе и смерть идутъ рука объ руку; созданіе и разрушеніе—неразлучные спутники. Измѣненіе органическихъ формъ непрерывно; оно зависитъ отъ преемства матеріальныхъ событій; возникновеніе и угасанія управляются общими законами: они находятся въ связи съ неудержимымъ ходомъ великихъ міровыхъ событій. Геологи должны были неминуемо притти къ заключенію, что такого рода явленія являются послѣдствіями чисто физическихъ вліяній. Развитіе органической жизни не идетъ никогда скачками; оно слѣдуетъ процессу развитія физическихъ событій; и такъ какъ невозможно возстановить въ прежнемъ видѣ исчезнувшія физическія условія или возстановить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, то отсюда слѣдуетъ, что ни одна органическая форма не можетъ появиться вновь послѣ своего исчезновенія,—разъ она угасла, она исчезла навсегда.

Въ теченіе жизни каждаго отдѣльнаго человѣка части, образующія его систему, претерпѣваютъ ежеминутно измѣненія; сегодняшній уже не тѣ, что вчерашній; а завтра онѣ будутъ замѣнены новыми. Ежеминутно происходитъ смерть всѣхъ составныхъ частицъ человѣческаго организма и удаленіе тѣхъ изъ нихъ, которыя исполнили свою обязанность. На мѣсто удаляющихся частицъ появляются новыя, промежуточные рожденія и смерти происходятъ непрестанно. Въ физиологій давно уже установлено, что все это совершается опредѣленнымъ образомъ благо-

даря дѣйствию опредѣленныхъ принциповъ, неизмѣнныхъ законовъ. Алхимики не прибѣгали къ политическому вымыслу, когда говорили о микрокосмѣ и утверждали, что система человѣка можетъ служить эмблемою системы міра. Введеніе новой молекулярной частицы въ живомъ существѣ соотвѣтствуетъ введенію новой формы во всемірныхъ органическихъ серияхъ. Требуется столько же силы для того, чтобы вызвать къ существованію живую молекулу, сколько для того, чтобы произвестъ живое существо. И то, и другое совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ, и этотъ законъ не есть непрестанное вмѣшателство сверхъестественной силы, а непрестанное дѣйствіе неизмѣннаго закона. Физическіе дѣятели, работая черезъ посредство физическихъ законовъ, устраняютъ изъ организма такія молекулы, которыя уже закончили свое дѣло, и создаютъ новыя; въ то же время физическіе дѣятели, дѣйствуя черезъ посредство законовъ, управляютъ вымираніемъ и созданіемъ формъ въ жизни вселенной. Разница только во времени. То, что въ одномъ случаѣ дѣлается во мгновеніе ока, въ другомъ требуетъ для своего выполнения тысячелѣтій.

Измѣненіе органическихъ формъ, въ силу вѣдѣній обстоятельствъ, связано, такимъ образомъ, съ безчисленнымъ рядомъ живыхъ существъ, открытыхъ геологіею. Это вмѣстѣ съ другими доказательствами заставляетъ предположить значительный промежутокъ времени. Такого рода взгляды вовсе не являются несомнѣтельными съ понятіемъ объ управленіи вселенной Провидѣніемъ. Какъ бы человѣкъ ни былъ набоженъ и ученъ, онъ не всегда бываетъ истиннымъ истолкователемъ путей Божіихъ. Рѣшная вопросъ о томъ, насколько то или иное ученіе совмѣстимо съ атрибутами Бога, мы слишкомъ скоро судимъ объ этихъ атрибутахъ по собственному конечному и несовершенному масштабу, забывая, что единственное мѣрило—удостовереніе въ истинѣ даннаго ученія. Если оно истинно, оно согласно съ понятіемъ о Богѣ. Быть можетъ, лица, отвергавшія понятіе объ измѣнчивости органическихъ формъ вмѣстѣ съ вытекающимъ изъ него выводомъ—безгранично долгое существованіе,—могли забыть о величій вселенной и объ ея отношеніяхъ къ пространству и времени; быть можетъ, они забываютъ и систему, которую она управляется. Подобно антропоморфическимъ монахамъ Нила, они представляютъ себѣ Бога въ видѣ человѣка-великана; иначе, какъ могли бы они усомниться въ томъ, что Великому Творцу больше всего подобаетъ проводить свои намѣренія помощью дружнаго дѣйствія законовъ? При слабости и невѣжествѣ человѣка вполне естественно, что онъ требуетъ допущенія личнаго вмѣшателства для исполненія своихъ плановъ, но развѣ это именно не есть слѣдствіе его невѣжества? Развѣ абсолютное знаніе не обусловливаетъ своихъ дѣйствій существованіемъ заранѣе составленныхъ и неизмѣнныхъ законовъ? Развѣ ежеминутное вмѣшателство не противорѣчитъ идеѣ о полномъ и абсолютномъ владычествѣ Бога? Астрономическое вычисленіе предыдущихъ событій и предсказываніе будущихъ основано существеннымъ образомъ на томъ, что ни въ разсматриваем-

Защита ученія
объ управленіи
міра законамъ.

мыя времена, ни въ будущія не будетъ никакихъ проявленій причудливой или сумасбродной воли. Краугольный камень астрономіи, то, что солнечная система или, скорѣе, весь міръ управляются необходимою. Человѣкъ дѣйствуетъ помощью всевозможныхъ средствъ и ухищреній, Создатель—помощью закона; ученіе, что все въ мірѣ создается и вымираетъ по заранѣ предвидѣннымъ и опредѣленнымъ законамъ,—система, дѣйствующая сама по себѣ, безъ всякой нужды въ постороннемъ вмѣшательствѣ,—не только не есть недостойное и унижительное понятіе, а, напротивъ того, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ непреодолимыми движеніями механизма вселенной, съ порядкомъ, симметріею и красотою, которыя царятъ на землѣ, и съ ужасающимъ величіемъ небесъ.

Въ Италіи начали впервые обращать особенное вниманіе на историческія органическіе остатки. Леонардо да Винчи утверждаетъ, что они представляютъ собою настоящія раковины, и что, слѣдовательно, суша и море измѣнили свое относительное положеніе. Въ то время на ископаемыхъ смотрѣли какъ на любопытную рѣдкость; никому не приходило въ голову, что они такъ многочисленны, и много фантастическихъ гипотезъ предлагалось для объясненія ихъ появленія и ихъ существованія. Иные относили ихъ ко времени потопа, упомянутому въ св. Писаніи; другіе приписывали ихъ образованіе какой-то пластической силѣ, принадлежащей землѣ; третьи думали, что они порождены солнечнымъ свѣтомъ, тепломъ и дождемъ. Да Винчи первый опредѣлилъ ихъ дѣйствительное происхожденіе, сказавъ, что они—остатки органическихъ существъ. Вскорѣ этимъ вопросомъ начали заниматься и другіе выдающіеся итальянцы. Фракастеръ писалъ объ окаменѣлостяхъ Вероны; Сиццла, сицилиецъ, о морскихъ тѣлахъ, обратившихся въ камень, и приложилъ къ своей книгѣ гравюры. Нѣсколько позже, въ 1721 г., Валлиснери издалъ письма о морскихъ тѣлахъ, найденныхъ въ скалахъ, стараясь помощью ихъ опредѣлить морскіе наносы въ Италіи. Эти первые пионеры геологіи вскорѣ замѣтили пользу, доставляемую устройствомъ музеевъ и изданіемъ каталоговъ. Первый музей былъ устроенъ, повидимому, Джономъ Кентманомъ,—примѣръ, которому послѣдовали Кальцеолари и Валлиснери. Впослѣдствіи Фонтанелль предложилъ составить карты, согласныя съ ископаемыми остатками; но принципъ, лежащій въ основаніи этого, не примѣнялся бы въ большомъ размѣрѣ, въ качествѣ истиннаго геологическаго опыта, пока не былъ введенъ Смитомъ въ связи съ англійскими пластами.

Датчанину Стено обязаны мы описаніемъ доорганическихъ горныхъ породъ въ противоположность органическимъ,—различіе въ выраженіяхъ, которое само по себѣ предполагаетъ идею о времени. Вскорѣ всѣ признали единодушно, что слои, въ которыхъ встрѣчаются органическіе остатки, болѣе поздняго происхожденія сравнительно съ тѣми, которые лишены ихъ, такъ что доорганическія породы указываютъ на доорганическое время. Кромѣ того, по мѣрѣ накопленія фактовъ сдѣлалось очевиднымъ, что существуетъ важная разница въ отношеніяхъ ископаемыхъ и что,

хотя въ Италіи тѣ же виды раковинъ, которыя живутъ въ соседнихъ моряхъ, встрѣчаются и на горахъ, но это наблюдается далеко не повсюду. Наконецъ, начала выясняться истина, что чѣмъ древнѣе происхожденіе разсматриваемаго пласта, тѣмъ рѣзче и различна между органическими остатками и живущими въ настоящее время видами. Открыто было также, что одни и тѣ же виды часто распространены на поверхности громадныхъ областей, но что въ вертикальномъ направленіи одинъ видъ быстро появляется за другимъ въ нисходящемъ порядкѣ,—въ порядкѣ, который можетъ быть прослѣженъ вопреки измѣненіямъ, расщелинамъ и перегибамъ пластовъ. Изъ этого вытекаетъ весьма важное теоретическое заключеніе: въ виду того, что чѣмъ древнѣе была горная порода, тѣмъ быстрѣ смѣнялись другъ друга различныя органическія формы, такого рода факты не могли быть объяснены какою-либо внезапною катастрофою, въ родѣ всемірнаго потопа, къ которому ихъ обыкновенно относили. Очевидно было, что толщина пласта, въ которомъ они лежали, и неизвѣстное количество, въ которомъ они встрѣчались, соотвѣтствовали до нѣкоторой степени періоду жизни этихъ ископаемыхъ, такъ какъ всѣ они, и малыя, и большія, должны были имѣть свой періодъ рожденія, жизни и смерти. Когда, слѣдовательно, невозможно было болѣе сомнѣваться, что пласты въ нѣсколько сотъ футовъ толщины наполнены такимъ рода остатками, сдѣлалось совершенно невозможнымъ приписывать ихъ происхожденіе какой-либо катастрофѣ, потому что все указывало на правильный и послѣдовательный порядокъ дѣйствій. Это доказательство сдѣлалось еще болѣе очевиднымъ, когда ископаемыя подверглись всестороннему изученію и было доказано, что нѣкоторыя пласты прѣсноводнаго происхожденія, а другіе морского, при чемъ они сплетены другъ съ другомъ подобно листамъ книги. Этому факту слѣдуетъ приписать окончательное опроверженіе ученія о катастрофѣ и замѣну его ученіемъ о періодическихъ перемѣнахъ.

Изъ этихъ показаній ясно, что организмы претерпѣвали послѣдовательное измѣненіе отъ своихъ первоначальныхъ формъ къ тѣмъ, которыя существуютъ и по настоящее время, при чемъ процессъ этотъ совершался такъ медленно, что для него невозможно опредѣлить болѣе короткихъ сроковъ, чѣмъ нѣсколько тысячелѣтій. Кромѣ того, оказывается, что условія, управлявшія вѣковыми измѣненіями организаціи, были тѣ же, которыя и теперь опредѣляютъ возможность существованія и распредѣленія жизни. Премственность органическихъ формъ указываетъ на послѣдовательное пониженіе температуры. Растенія древнихъ временъ—растенія ультратропическаго климата, и эта первобытная растительность указываетъ, повидимому, на однообразіе климата на землѣ въ древнія времена, на существованіе во всемъ земномъ шарѣ климата высокой температуры. Въ каменоломныхъ залежахъ Новой Шотландіи встрѣчаются тѣ же роды и виды, что и въ Европѣ, и до такой степени ясно выказывается связь между пониженіемъ температуры въ послѣдовательные вѣка и раститель-

ностью, что дѣлались попытки опредѣлить эры преобладающими въ нихъ организмами; такъ, Броньяръ располагаетъ эти эры слѣдующимъ образомъ: первичные пласты — вѣкъ споровыхъ растений; вторичные, за исключеніемъ мѣловой формаціи, вѣкъ голосѣмянныхъ; третичные, со включеніемъ мѣловой формаціи, — вѣкъ сосу-досѣмянныхъ. Нужно замѣтить, что флора мѣловой формаціи, въ общемъ, соединяетъ въ себѣ предшествующіе и послѣдующіе періоды, доказывая, что перемѣна произошла не благодаря внезапному кризису или катастрофѣ, а мало по малу, такъ что новыя формы послѣдовательно и постепенно развивались изъ старыхъ. Послѣ эоценоваго періода преобладаніе получили двусѣмянодольныя сосу-досѣмянныя растения, и съ этого времени до плейстоценоваго періода получаютъ неопровержимыя доказательства постоянного охлажденія.

Дѣлая сравненія между наиболѣе древними и позднѣйшими временами, мы находимъ указанія на постепенное измѣненіе климата, на переходъ его въ полярныхъ широтахъ изъ ультратропическаго черезъ тропическій и умѣренный въ теперешній холодный, въ широтахъ приближающихся къ тропическимъ и въ тропическихъ процессъ пониженія останавливается въ своемъ развитіи гораздо раньше. Такимъ образомъ, оказывается, что въ климатѣ произошли измѣненія въ порядкѣ времени и порядкѣ мѣстности, при чемъ величайшія перемѣны произошли въ холодныхъ поясахъ, перешедшихъ черезъ все средней температуры, среднее измѣненіе въ умѣренныхъ поясахъ и минимальное въ тропическихъ. Въ общемъ результатъ получился на одной и той же планетѣ цѣлый рядъ поверхностей, приспособленныхъ къ различнымъ организаціямъ и представляющихъ болѣе великолѣпное зрѣлище, чѣмъ поверхность многихъ планетъ, если бы мы могли изслѣдовать ее, — потому что между ихъ формами жизни могла бы не существовать тѣсная связь, которую мы замѣчаемъ на нашей планетѣ и которая такъ сильна, что мы могли бы позабавиться, вставивъ между животными и растениями, знакомыми намъ, гипотетическія формы, которыя дополнили бы серію и подтвердили бы выработанныя нами начала послѣдовательнымъ открытіемъ ихъ въ глубокихъ слояхъ земли.

Развѣ это развитіе жизни на нашей планетѣ не указываетъ на такое же развитіе жизни на солнечной системѣ, которая во всей своей совокупности проходитъ въ міриады лѣтъ черезъ все органическія фазы? А затѣмъ не можемъ ли мы, на основаніи явленій, наблюдаемыхъ на нашей солнечной системѣ, возвыситься до подобныхъ же понятій относительно всей вселенной?

Для того, чтобъ уяснить себѣ вполне послѣдствія этихъ перемѣнъ, мы должны остановиться на двухъ весьма важныхъ предметахъ: 1) механизмъ пониженія температуры; 2) дѣйствіе его на органическій міръ.

1) Однообразно высокая температура не могла быть вызвана на поверхности нашей планеты однимъ только дѣйствіемъ солнца. Высокая и однообразная температура ука-

Характеръ пониженія земной температуры.

зываетъ несомнѣнно на внутреннюю причину, а постепенное появленіе климатовъ, обнаруживавшихъ сравнительное усиленіе силы солнца, указываетъ на слабое уменьшеніе внутренней теплоты. Такого рода заключеніе и выставлялось, какъ конечный выводъ изслѣдованія земли съ чисто физической точки зрѣнія. Пока ея внутренняя теплота пересиливала солнечную, никакихъ климатовъ на ней не могло проявиться, и пока не было достигнуто нѣкотораго охлажденія помощью лучеиспусканія, теплота должна была быть сравнительно однообразною во всехъ широтахъ; но разъ достигнуто извѣстный предѣлъ охлажденія, тотчасъ начинается распределеніе поясовъ извѣстныхъ температуръ или, другими словами, появляются климаты, при чемъ процессъ этого измѣненія крайне медленный и все болѣе и болѣе замедляется по мѣрѣ потери теплоты. Наконецъ, когда земля перестаетъ терять теплоту, устанавливается равновѣсіе въ распределеніи климатовъ, сходное съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Какъ чисто физическія соображенія, такъ и геологическія побудили философовъ притти въ этомъ пунктѣ къ одному и тому же заключенію, — къ тому заключенію, которое столь часто повторялось, — о древнемъ существованіи земли.

2) Дѣйствіе пониженія на органическій міръ. Ни одно существо не можетъ жить въ температурѣ выше точки кипѣнія воды, потому что условія жизни требуютъ, чтобъ изъ одной части живого механизма въ другую обращались жидкость, сокъ или кровь. Отсюда слѣдуетъ, что разъ планета обладаетъ температурою, превосходящею извѣстный предѣлъ, она должна быть необитаемою. Этимъ объясняется доорганическій періодъ, о которомъ мы упоминали выше. Кромѣ того, когда температура понижается настолько, что обуславливаетъ возможность существованія живыхъ организмовъ, ея однообразіе на всей поверхности планеты производитъ тождество въ организаціи. Тождество это было бы полнымъ, если бы теплота была единственнымъ регуляторомъ жизни. На этой ступени развитія солнечная теплота занимаетъ подчиненное положеніе: во всехъ широтахъ существуетъ почти однообразная температура, и единственныя возможныя органическія формы лишь тѣ, которыя могутъ жить въ высокой температурѣ: однообразіе въ физическихъ условіяхъ приводитъ по необходимости къ однообразію въ географической жизни. Но какъ только начинается распределеніе климатовъ, тотчасъ же дѣлается возможнымъ разнообразіе формъ. Тогда-то возникаетъ весьма важный результатъ — географическое распределеніе. Какъ животные, такъ и растения, жизненныя условія которыхъ несовмѣстимы съ происшедшею перемѣною, должны удалиться изъ данной мѣстности. Въ растеніяхъ это отступленіе совершается помощью постепеннаго заболѣванія и вымиранія индивидуумовъ или невозможностью для нихъ воспроизведенія; въ животныхъ дѣло принимаетъ иной оборотъ: въ виду ихъ способности передвиженія происходитъ добровольное удаленіе извѣстныхъ видовъ, и неподвижность породъ вознаграждается передвиженіемъ особей. Измѣненная область сдѣлалась неподходящею, печальною, неудобною, для нихъ, и они поки-

даютъ ее; и такъ какъ границы, которыя они въ одномъ случаѣ не могутъ, а въ другомъ не хотятъ переходить, подвигаются впередъ, то они отступаютъ передъ ними. Если бы измѣненіе произошло внезапно или было произведено внезапнымъ кризисомъ, произошло бы только переполненіе нетронутой области и обращеніе въ пустыню той, которая подверглась измѣненіямъ. Но такъ какъ клѣточка, подвергаясь дѣйствию новыхъ условій, производитъ новыя формы, и такъ какъ физическія перемѣны происходятъ съ крайнею медленностью, то отсюда слѣдуетъ появленіе измѣненнаго строенія. Такимъ образомъ, пониженіе температуры ведетъ къ двумъ совершенно различнымъ результатамъ: къ созданію органическихъ формъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что однѣ замѣняютъ другія, какъ бы превращаясь одна въ другую, и, во-вторыхъ, къ географическимъ распредѣленіямъ.

Въ своей *Физиологіи* я старался подробно объяснить изложенныя здѣсь начала. Я старался доказать, что сходство, представляемое данными животными и растеніями, не служитъ доказательствомъ ихъ неизмѣнности. Эти формы удерживаютъ и по настоящее время свой специфическій видъ, потому что условія, среди которыхъ имъ приходится жить, не мѣняются. Но пусть только средняя температура повысится, солнечныя лучи сдѣлаются ярче, составъ воздуха измѣнится, и мнѣ организмовъ также подвергнется глубокимъ измѣненіямъ. И эти перемѣны могутъ быть даже не особенно значительными, а тѣмъ не менѣе привести къ грандіознымъ результатамъ. Такъ, въ воздухѣ заключается всего $\frac{1}{2000}$ углекислоты сравнительно со всѣмъ его объемомъ. Но стоитъ удалить изъ него это, повидимому, незначительное количество, и вся поверхность земли мигомъ обратится въ пустыню, безъ всякаго признака растительной жизни.

Какъ только физическая геологія подвинулась впередъ, каменноугольный періодъ занялъ первенствующее мѣсто въ исторіи нашей планеты и началъ считаться главною ея эпохою. Благодаря слабой пониженію температуры, получила возможность роскошнаго расцвѣта растительности, насколько это допускалось существующимъ количествомъ тепла. Количество свободнаго кислорода было меньше, чѣмъ теперь, пропорціонально излишку углекислоты. Вся та громадная масса углерода, которая скрыта въ нѣдрахъ земли въ видѣ различныхъ угольныхъ породъ, существовала нѣкогда въ атмосферѣ въ видѣ углекислоты. Измѣненіе въ составѣ этой первобытной атмосферы было произведено дѣйствіемъ свѣта подѣ влияніемъ свѣта, потому что, благодаря дѣйствию солнечныхъ лучей, растенія разлагаютъ углекислоту, поглощаютъ углеродъ и выпускаютъ кислородъ. Количество углерода, которое можетъ быть, такимъ образомъ, усвоено растеніемъ, и разлагающее дѣйствіе свѣта прямо пропорціональны количеству поглощаемого свѣта, какъ видно изъ опытовъ, которые мнѣ самому приходилось дѣлать. Для образованія такого громаднаго количества горючаго матеріала требовались значительныя періоды времени,

потому что иначе солнце не могло оказать необходимаго свѣтового вліянія.

Солнечныя лучи продолжали одно столѣтіе за другимъ свое дѣло, измѣняя механическія отношенія и составъ атмосферы, составъ моря и поверхность земли. Выросли громадные папоротники, лепидодендроны, хвощи и шишконосныя растенія. Количество кислорода въ воздухѣ все увеличивалось, а количество углекислоты уменьшалось; соотвѣтственно съ этимъ уменьшалось давленіе въ воздухѣ, отчасти вслѣдствіе замѣны тяжелаго газа легкимъ, а отчасти вслѣдствіе общаго пониженія температуры, которое повлекло за собою уменьшеніе абсолютнаго количества пара. Море въ самой глубинѣ своей подвергалось также вліянію солнечнаго свѣта, не прямо, а косвенно, потому что, по мѣрѣ того, какъ происходило удаленіе изъ атмосферы углекислоты, частицы этого газа освобождались изъ океана, чтобы поддерживать равновѣсіе между его раствореннымъ газомъ и свободнымъ газомъ въ воздухѣ. Теперь тѣ большія количества углекислоты известны, которыя когда-то лежали растворенными въ водѣ, не могли дольше сохраняться въ такомъ видѣ, такъ какъ, за отложеніемъ известнаго количества угля въ землѣ, слѣдовало неизбѣжно отложеніе равнаго количества углекислаго известняка въ морѣ. Оно могло бы осѣсть въ видѣ некристаллическаго осадка, но чаще всего оно принимало форму опредѣленныхъ организацій, какъ въ большихъ известковыхъ пластахъ, современныхъ углю, такъ и въ позднѣйшихъ. Воздухъ и океанъ претерпѣвали, слѣдовательно, измѣненія вслѣдствіе дѣйствія солнца, и поверхность земли одновременно съ этимъ подвергалась еще болѣе явнымъ и, если можно такъ выразиться, еще болѣе блестящимъ измѣненіямъ. Роскошная растительность развивалась въ жаркомъ и сыромъ климатѣ, и приближалось время для появленія болѣе высокихъ типовъ, чѣмъ тѣ, которые существовали до сихъ поръ. Въ старой тяжелой атмосферѣ, наполненной вредными газами, могли существовать только медленно дышущія хладнокровныя животныя. Но какъ только произошла перемѣна въ воздухѣ, получилась возможность существованія и для быстро дышущихъ и теплокровныхъ. До сихъ поръ высшая степень развитія животной жизни обнаруживалась въ лягушечно и ящерообразныхъ организмахъ, но даже и они подверглись измѣненіямъ, ихъ объемъ и жизненная сила увеличились. Птеродактиль мѣловой формаціи, летающій ящеръ, былъ длиною въ семьдесятъ футовъ отъ одного конца крыла до другого. Воздухъ сдѣлался годнымъ для млекопитающихъ, какъ живородящихъ, такъ и зародышевыхъ, и для птицъ. Высшія позвоночныя появились, одно за другимъ, въ извѣстномъ порядкѣ: морскія, напр., китообразныя, воздушныя—летающія мышь, и сухопутныя, такъ что уже въ эоценовой періодъ попадаютъ четверорукія; но человѣкъ появился только въ пліоценовый періодъ.

Хотя съ развитіемъ геологіи могутъ подвергнуться исправленію нѣкоторыя изъ заключеній относительно перваго появленія различныхъ органическихъ формъ,—такъ, напр.,

Обширный характеръ органическаго равновѣсія.

женныя здѣсь начала. Я старался доказать, что сходство, представляемое данными животными и растеніями,

не служитъ доказательствомъ ихъ неизмѣнности. Эти формы удерживаютъ и по настоящее время свой специфическій видъ, потому что условія, среди которыхъ имъ приходится жить, не мѣняются. Но пусть только средняя температура повысится, солнечныя лучи сдѣлаются ярче, составъ воздуха измѣнится, и мнѣ организмовъ также подвергнется глубокимъ измѣненіямъ. И эти перемѣны могутъ быть даже не особенно значительными, а тѣмъ не менѣе привести къ грандіознымъ результатамъ. Такъ, въ воздухѣ заключается всего $\frac{1}{2000}$ углекислоты сравнительно со всѣмъ его объемомъ. Но стоитъ удалить изъ него это, повидимому, незначительное количество, и вся поверхность земли мигомъ обратится въ пустыню, безъ всякаго признака растительной жизни.

Каменноугольный періодъ.

менноугольный періодъ занялъ первенствующее мѣсто въ исторіи нашей планеты и началъ считаться главною ея эпохою. Благодаря слабой пониженію температуры, получила возможность роскошнаго расцвѣта растительности, насколько это допускалось существующимъ количествомъ тепла. Количество свободнаго кислорода было меньше, чѣмъ теперь, пропорціонально излишку углекислоты. Вся та громадная масса углерода, которая скрыта въ нѣдрахъ земли въ видѣ различныхъ угольныхъ породъ, существовала нѣкогда въ атмосферѣ въ видѣ углекислоты. Измѣненіе въ составѣ этой первобытной атмосферы было произведено дѣйствіемъ свѣта подѣ влияніемъ свѣта, потому что, благодаря дѣйствию солнечныхъ лучей, растенія разлагаютъ углекислоту, поглощаютъ углеродъ и выпускаютъ кислородъ. Количество углерода, которое можетъ быть, такимъ образомъ, усвоено растеніемъ, и разлагающее дѣйствіе свѣта прямо пропорціональны количеству поглощаемого свѣта, какъ видно изъ опытовъ, которые мнѣ самому приходилось дѣлать. Для образованія такого громаднаго количества горючаго матеріала требовались значительныя періоды времени,

а также на море.

За хладнокровными животными следуютъ теплокровныя.

Время происхождения организмовъ.

они могутъ быть отнесены къ болѣе раннему періоду, можетъ мѣняться, но не порядокъ. но врядь ли произойдетъ какое-либо важное измѣненіе въ ихъ порядкѣ возникновенія. Птицы, млекопитающія, гады, рыбы и безпозвоночныя могутъ быть найдены все въ самыхъ древнихъ слояхъ; организмы могутъ быть открыты даже въ тѣхъ формаціяхъ, которыя считаются лишенными ископаемыхъ. Но врядь ли преобладаніе гадовъ перестанетъ быть характеристическою чертою вторичнаго періода, а преобладаніе млекопитающихъ третичнаго, или врядь ли возникнетъ сомнѣніе относительно существованія періода, гдѣ преобладающимъ типомъ жизни были бы безпозвоночныя. Какія бы ни послѣдовали открытія, они не могутъ лишиться значенія физическое заключеніе, что, пока въ воздухѣ существовать излишекъ углекислоты, флора состояла изъ тайнобрачныхъ и голосѣмянныхъ, а въ каменноугольныхъ слояхъ находилось лишь очень мало односѣмянодныхъ и двусѣмянодныхъ сосуди-стоѣмянныхъ растений; они не могутъ опровернуть факта, что животныя той эпохи были слабыми и хладнокровныя; и что только тогда, когда кислородъ воздуха увеличился въ количествѣ, а средняя температура понизилась, показались птицы. Хотя и въ формаціяхъ, предшествовавшихъ стонфильскому шиферу, можно найти живородящихъ и двуутробныхъ животныхъ; хотя подъ лейсомъ можно найти древоидныхъ и травоядныхъ жуковъ, кузнечиковъ, стрекозъ и майскихъ жуковъ, и скорпіоновъ и таракановъ подъ каменноугольнымъ слоемъ; хотя тамъ же, подъ угольнымъ пластомъ, могутъ встрѣтиться саламандры и ящерообразныя лягушки, при-мѣромъ которыхъ можетъ служить архегозавръ; хотя присмыкающіяся, какъ, напр., телерпетонъ, могутъ быть найдены ниже древняго краснаго песчаника, — тѣмъ не менѣе связь между составомъ воздуха и формами жизни останется навсегда непоколебленною. Всегда останется нетронутымъ фактъ, что географическое распре-дѣленіе типовъ предшествовало появленію существующихъ родовъ; что организмы появлялись вначалѣ въ жидкой средѣ, въ морѣ, затѣмъ въ рѣкахъ и, наконецъ, на землѣ; что лучистые моллюски, членистые и позвоночные жили сначала въ водѣ, гдѣ лучистые и остались; что ареноу усиленной жизненной дѣятельности былъ уровень моря, гдѣ воздухъ и вода соприкасаются; что индивидуальное развитіе составляетъ повтореніе развитія мірового. Остаются еще одно важное заключеніе: что фауна млекопитающихъ распространилась быстрое, чѣмъ фауна черепокожныхъ; что теплокровныя животныя отличаются далеко не такою долговѣчностью рода, какъ хладнокровныя; что также точно и возможность мускульныхъ сокращеній подъ вліяніемъ гальванической силы существуетъ дольше у послѣднихъ, чѣмъ у первыхъ; что если теплокровныя породы отличаются меньшею долговѣчностью, за то они обладаютъ большею жизненною энергіею, — быть можетъ, впрочемъ, это именно и есть причина, а первое — дѣйствіе, что, несмотря на безчисленныя формы, обнаруженныя различными родами, продолжительность ихъ существованія такъ велика, что они переживаютъ обширныя перемѣны въ топографіи занимаемыхъ ими странъ;

что планъ индивидуальнаго развитія былъ всегда одинъ и тотъ же, какъ прежде, такъ и теперь, и что однородность вышнихъ вліяній производитъ однородность организаціи.

Въ первое время своего появленія теоретическая геологія распалась на двѣ школы: одна настаивала на ученіи Ученіе о катастрофахъ и единообразіи. о катастрофахъ, другая на ученіи о единообразіи. Первая считала, что перемѣны, происшедшія въ исторіи нашей планеты, совершались внезапно, неожиданно. Это ученіе черпало отчасти свою силу въ господствующемъ убѣжденіи, что Провидѣніе постоянно вмѣшивается въ дѣла природы. Другая школа, основывавшаяся на великомъ принципѣ неизмѣнности законовъ природы, утверждала, что дѣла шли всегда точно такъ же, какъ теперь. Послѣдователи ея оказывались стоящими въ оппозиціи съ приверженцами ученія о катастрофахъ и въ этомъ отношеніи были, пожалуй, не совсемъ вѣрны своимъ принципамъ. Всякое ученіе о единообразіи, разсмотрѣнное съ самой общей точки зрѣнія, включаетъ въ себя понятіе о катастрофѣ. Можно привести массу примѣровъ въ подтвержденіе этой истины. Башня, основаніе которой медленно осѣдаетъ, можетъ все больше и больше наклоняться въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, но наступитъ неизбѣжно день, когда ей придется упасть. Однообразіе всегда включаетъ въ себя понятіе о катастрофѣ. Хотя геологическія событія происходили, повидимому, спокойно и однообразно, много было въ ихъ исторіи и внезапныхъ кризисовъ. Кромѣ того, лица, принявшія ученіе о единообразіи въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, должны были бы обратить вниманіе на измѣненія въ интенсивности физическихъ дѣйствій, являющіяся результатомъ ихъ собственныхъ принциповъ. Однообразное охлажденіе теплаго тѣла происходитъ сначала быстро, а затѣмъ все медленнѣе и медленнѣе. А неизмѣнность химическихъ перемѣнъ обуславливаетъ болѣе сильныя и рѣзкія измѣненія при высокой температурѣ, чѣмъ при низкой.

Но хотя намъ можетъ показаться съ перваго взгляда, что ученіе о катастрофахъ гармонируетъ вполне съ уче- Послѣдовательная форма, принимаемая человекомъ. ніемъ объ управленіи вселенной Провидѣніемъ и что послѣдовательное происхожденіе различныхъ органическихъ формъ обнаруживаетъ лишь вмѣшательство Творца, которое, какъ утверждали, проявлялось отъ двѣнадцати до двадцати разъ, если не больше, мы можемъ радоваться, что эти важныя ученія получили гораздо болѣе прочное основаніе. При настоящемъ разсмотрѣніи фактовъ, они приводятъ къ совершенно различному заключенію. Физиологическія изслѣдованія открыли, что все животныя, даже человекъ, во время своего процесса развитія проходятъ черезъ послѣдовательные ряды развитія. Исходя изъ простой кліточки, они образуютъ одну форму за другою въ опредѣленномъ порядкѣ. Во время этого длиннаго процесса развитія, все индивидуумы проходятъ постепенно черезъ различныя фазы. Но никто, по всей вѣроятности, не подумаетъ, что эти перемѣны произошли вслѣдствіе вмѣшательства Провидѣнія. Напротивъ того, все эти перемѣны являются неизбѣжнымъ результатомъ того, что

произошло раньше подъ влияніемъ закона развитія, и върнымъ предвѣстникомъ того, что будетъ происходить позже. Въ органическомъ мірѣ послѣдовательные разряды, роды и виды являются какъ бы снимкомъ переходныхъ зародышевыхъ формъ индивидуума. И въ самомъ дѣлѣ, можно сказать объ этихъ послѣдовательныхъ геологическихъ организмахъ, что они простые зародыши послѣдней формы, — зародыши, получившіе способность къ воспроизведенію. Какъ намъ отдѣлать исторію индивидуума отъ исторіи цѣлаго? Развѣ судьба и прогрессъ одного не слѣдуютъ судьбѣ и прогрессу другого? Если эти формы принимаются послѣдовательно отдѣльными индивидуумами, то почему не могутъ онѣ послѣдовательно приниматься и цѣлою расою? Мы поступили бы не философски, если бы рѣшили, что ходъ развитія въ одномъ случаѣ отличается отъ хода развитія въ другомъ. Разъ въ одномъ исходѣ опредѣляется закономъ, то же должно повториться и въ другомъ. То обстоятельство, что индивидуумъ проходитъ свой циклъ развитія въ нѣсколько мѣсяцевъ, а раса въ нѣсколько вѣковъ, не представляетъ значенія. Мѣрило времени, къ которому слѣдуетъ въ этомъ случаѣ прибѣгать, — относительная продолжительность жизни. О человѣкѣ говорятъ, что онъ прожилъ долго, если онъ достигъ семидесяти лѣтъ; но весь періодъ человѣческихъ воспоминаній, обнимающій нѣсколько тысячъ лѣтъ, не доставляетъ намъ ни одного случая рожденія, зрѣлости или смерти рода. Слѣдовательно лица, усматривавшія въ преемственности родовъ, послѣдовательно смѣняющихся другъ друга въ различныя эпохи жизни земли, истинное доказательство божественнаго вмѣшательства, хорошо бы сдѣлали, если бы опредѣлили, гдѣ прекращается дѣйствіе Бога. Имъ такъ же трудно будетъ сказать это, какъ трудно опредѣлить въ радугѣ мѣсто, гдѣ кончается одинъ цвѣтъ и начинается другой. Они также хорошо сдѣлаютъ, если вспомнятъ, что въ великихъ міровыхъ событіяхъ масштабъ времени очень великъ и что не можетъ быть существенной разницы между перемежною, происшедшею въ нѣсколько дней, и перемежною, требующею для своего совершенія нѣсколько тысячелѣтій.

Одновременное существованіе различныхъ типовъ одной и той же породы служитъ неопровержимымъ доказательствомъ постепеннаго перехода отъ одной формы къ другой безъ катастрофъ; заключеніе это еще больше подтверждается такимъ, напр., обстоятельствомъ, что даже ископаемыя раковины современныхъ итальянскихъ туфовъ выказываютъ нѣкоторое сходство съ тѣми, которыя и по настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ: нѣкоторыя изъ древнихъ раковинъ въ два съ половиною раза больше теперешнихъ, а пласты, заключающіе въ себѣ семьдесятъ процентовъ теперешнихъ раковинъ, переходятъ постепенно въ пласты, заключающіе въ себѣ исключительно раковины послѣдняго времени. Это, очевидно, указываетъ на постоянно мѣняющееся впечатлѣніе, приводящее къ соответствующимъ измѣненіямъ формъ. Это служитъ доказательствомъ постепеннаго перехода къ новой формѣ, — перехода, для совершенія котораго пона-

Катастрофы опровергаются существованіемъ различныхъ типовъ.

добилось громадное количество времени. То обстоятельство, что современный сѣверный олень встрѣчается въ тѣхъ же рѣчныхъ осадкахъ, что и исчезнувшій гиппопотамъ, доказываетъ, что существовало такое положеніе дѣлъ, когда возможна была совмѣтная жизнь этихъ животныхъ въ одной и той же мѣстности, и что, въ виду медленнаго измѣненія физическихъ причинъ, одни животныя вымерли, а другія приспособились къ новымъ условіямъ и живутъ и по настоящее время. Регулированіе этихъ явленій исключительно физическими условіями доказывается тѣмъ, что въ пещерахъ Австраліи всѣ млекопитающія двуутробныя, а въ пампасахъ Южной Америки они соединяются съ чисто туземными формами, броненосцами, лѣнивицами и т. д., указывающими на наслѣдственную передачу. Многочисленные примѣры такого же рода сохранились и въ пластахъ болѣе древнихъ временъ: такъ, характеристическою чертою всего вторичнаго періода было удивительное развитіе пресмыкающихся, между тѣмъ какъ третичный періодъ отличается развитіемъ млекопитающихъ. Но млекопитающія явились на сцену задолго до исчезновенія пресмыкающихся. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднія существуютъ и по настоящее время; морскіе ящеры совершенно исчезли, но рѣчные и земные сохранились, хотя число видовъ и особей уменьшилось. Между тѣмъ такого рода совмѣтное существованіе пресмыкающихся и млекопитающихъ совершенно не согласуется съ ученіемъ о кризисѣ или катастрофѣ: оно указываетъ на связь, существующую между измѣненіями въ организмахъ и измѣненіями въ физическихъ условіяхъ.

Кювье доказывалъ свое ученіе о постоянствѣ видовъ тѣмъ, что древнѣйшія формы какъ бы не подверглись никакому измѣненію, а всѣ существующія противятся перемѣнамъ. Если бы его наблюденія ограничивались періодомъ человѣческихъ воспоминаній, они могли бы быть справедливыми, но такого рода періодъ составляетъ лишь одинъ моментъ въ безграничномъ прогрессѣ, разсматриваемомъ нами, и съ этой точки зрѣнія ученіе Кювье совершенно не выдерживаетъ критики. Можно ли придавать какое-либо значеніе тому, что наши домашнія животныя не представляютъ никакихъ измѣненій по сравненію съ соответствующими изображениями, нарисованными на иероглифическихъ памятникахъ Египта, или по сравненію съ надписями, оставленными древними авторами? Такого рода доказательства не имѣютъ никакой цѣны. Спрашиваетъ ли геологъ мнѣнія у архитектора, происходили ли въ самомъ дѣлѣ повышенія и пониженія земной коры? Развѣ не получился бы въ этомъ случаѣ отвѣтъ, что изъ разсмотрѣнія всѣхъ европейскихъ зданій очевидно, что ничего подобнаго никогда не происходило? Наклонная баня или церковь съ покосившимися стѣнами въ Италіи можетъ не быть взята въ расчетъ; даже пирамиды удостовѣряютъ, что въ Египтѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, — онѣ стоятъ прочно на своихъ основаніяхъ. Но какое значеніе представляютъ всѣ эти факты, если противопоставить ихъ массѣ доказательствъ, представляемыхъ наклонными и разорванными пластами? А между тѣмъ

Ученіе Кювье о постоянствѣ видовъ.

Бездоказательность его.

такія именно доказательства приводятся въ подтвержденіе постоянства видовъ животныхъ. Факты, съ которыми имѣеть дѣло зоологъ, подобны тѣмъ, на основаніи которыхъ разсуждаетъ архитекторъ: они не могутъ служить доказательствами, такъ какъ имъ не достаетъ времени. Земная кора двигалась—это фактъ безспорный, котораго нельзя отрицать, хотя бы всѣ здания въ мірѣ сохранили перпендикулярное положеніе; организмы подвергались измѣненіямъ, хотя въ теченіе четырехъ тысячелѣтій никакихъ ощутительныхъ перемѣнъ не замѣчалось въ нихъ.

Если даже были созданы одновременно всевозможныя органическія формы и комбинаціи, то, во всякомъ случаѣ, ^{Вліяніе на организмы физическо-окихъ условий.} многія изъ нихъ исчезли; вымерли всѣ типы, не соотвѣтствовавшіе внѣшнимъ условіямъ или средѣ, въ которыхъ имъ приходилось жить. Какъ только физическія условія подвергаются измѣненіямъ, тотчасъ образуется соотвѣтствующее измѣненіе въ формахъ, — и старательное изученіе оставшихся формъ даетъ намъ возможность опредѣлить физическія, и обратно, всестороннее знаніе физическихъ условій даетъ возможность указать на формы, которыя могутъ избѣгать исчезновенія. Факты, на которые опирались Кювье, не доказывали справедливости его ученія. Неподвижность родовъ вовсе не являлась послѣдствіемъ внутренняго сопротивленія, оказываемаго данными видами, а лишь доказательствомъ того, что внѣшнія физическія силы не подвергались большимъ измѣненіямъ въ разсматриваемый имъ періодъ времени.

То, что обозначается здѣсь подъ названіемъ измѣненій физическихъ силъ или условій, не есть внутреннее измѣненіе ихъ характера, но лишь измѣненіе ихъ образа дѣйствія, помощью котораго они вліяютъ другъ на друга, и то усиливаются, то ослабѣваютъ. Фактъ прогрессивнаго движенія свѣта, о которомъ повѣствуютъ намъ неподвижныя звѣзды, открываетъ исторію милліона прошедшихъ годовъ и доказываетъ, что силы природы не подверглись внутреннимъ измѣненіямъ, что свѣтъ распространяется съ такою же скоростью, производитъ тѣ же оптическія и химическія дѣйствія и измѣняетъ свою напряженность соотвѣтственно разстоянію, какъ прежде, такъ и теперь, что размѣры тѣль опредѣлялись всегда теплотой. Это—по самой природѣ своей абсолютно неизмѣнныя вещи. Подобнымъ же образомъ и замерзаніе воды и ея кипѣніе при извѣстномъ давленіи были всегда одни и тѣ же; существовалъ всегда высшій и низшій предѣлъ для жизни, стоявшій въ связи съ термометромъ: животныя никогда не поселились ниже 34° Ф. или выше 212° Ф.

Но изъ этой неизмѣнности естественныхъ причинъ возникаютъ измѣненія въ условіяхъ ихъ дѣйствій, и это именно ^{Вліяніе этого на организмы.} и оказываетъ свое вліяніе на органическія формы. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ оказываются не въ силахъ существовать при дѣйствіи медленнаго процесса измѣненій; другія акклиматизируются или приспособляются, или приноравливаются къ новымъ условіямъ, измѣняясь сами, въ свою очередь; это именно обстоятельство и объясняетъ удовлетворительнымъ образомъ исчез-

повеніе старыхъ формъ и появленіе новыхъ,—событій, происходившихъ медленно, въ безконечно долгіе періоды времени, скорѣе совершенно незамѣтно, чѣмъ послѣ внезапной катастрофы или кризиса.

Ученіе объ измѣненіи видовъ встрѣтило не малое сопротивленіе. Тѣ, которые отказывались признать въ немъ одну истину ^{Превращеніе видовъ.} природы, не придавали, вѣроятно, достаточнаго значенія физиологическимъ доказательствамъ. Когда они спрашиваютъ: видѣлъ ли кто превращеніе одного рода въ другой, добился ли хотя бѣ одинъ экспериментаторъ такого превращенія искусственными средствами, они не принимаютъ въ расчетъ времени. Въ одной баснѣ разсказывается слѣдующее: цвѣты вступають между собою въ разговоръ. «Нашъ садовникъ», сказала роза лиліи, «будетъ всегда жить. Я не замѣтила въ немъ никакой перемѣны. Тюльпанъ, умершій вчера, говорилъ мнѣ то же самое; онъ считалъ садовника безсмертнымъ. Я увѣрена, что онъ никогда и не родился».

Два образа дѣйствій показываютъ намъ вліяніе физическихъ силъ на органическія формы. Ихъ продолжительное вліяніе ^{Два образа дѣйствій.} на индивидуумъ можетъ вызвать нѣкоторыя измѣненія въ немъ, способствовать развитію одной части, застою другой; эти измѣненія, передаваясь наследственнымъ путемъ, могутъ, наконецъ, сдѣлаться постоянными, такъ сказать, закрѣпиться. Такъ, данное растеніе можетъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ неизмѣнно дѣйствующихъ физическихъ условій, подвергнуться коренному измѣненію и дать начало новому растенію, какъ только, вслѣдствіе повторенія этихъ измѣненій въ цѣломъ ряду послѣдовательныхъ поколѣній, они сдѣлаются настолько полными и глубокими, что будутъ постоянно передаваться въ слѣдующее поколѣніе. Быть можетъ, это именно и происходило со многими нашими огородными растеніями, отдѣльные виды которыхъ можно получить изъ сѣмянъ. Но есть еще и другой способъ достиженія того же результата, даже если бы мы отвергли ученіе св. Августина, который въ своемъ сочиненіи *De Civitate Dei* показываетъ, какъ острова могутъ быть заселены животными путемъ «самопроизвольнаго зарожденія». Всѣ органическія формы возникаютъ первоначально изъ простой клѣточки, развитіе которой, насколько это видно изъ достигнутой конечной формы, зависитъ, очевидно, отъ физическихъ условій, вліянію которыхъ она подвергалась. Разъ эти условія измѣняются, должна обязательно измѣниться и эта конечная форма; такимъ образомъ, такъ какъ всѣ органическія существа имѣютъ одно общее происхожденіе—исходятъ всѣ изъ клѣточки, а эта клѣточка подчиняется безропотно всѣмъ окружающимъ ее вліяніямъ, то исходъ таковъ, какой получился бы отъ превращенія, потому что потомокъ не похожъ уже на своихъ предковъ. Такая точка зрѣнія на эти измѣненія гармонируетъ вполне съ нашими лучшими физиологическими знаніями, такъ какъ она не ограничивается небольшою частью жизни отдѣльнаго индивидуума, но обнимаетъ весь его циклъ развитія. Для полнаго ознакомленія съ

этимъ взглядомъ, совѣтую прочесть вторую главу второй книги моей *Физиологии*.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ: зависитъ ли измѣненіе органическихъ формъ исключительно отъ вліянія внѣшнихъ условий или также и отъ силы развитія, заключающейся въ самихъ формахъ?

Будемъ ли мы разсматривать весь рядъ органическихъ серій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, или займемся изслѣдованіемъ развитія отдѣльныхъ индивидуумовъ, мы непременно придемъ къ заключенію, что все совершается подъ руководствомъ закона; во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ царитъ необыкновенный порядокъ, а порядокъ указываетъ всегда на дѣйствіе закона. Но при этомъ необходимо поступать крайне осторожно, философски, потому что обманчивая внѣшность часто можетъ ввести насъ въ заблужденіе и заставить приписывать закону развитія то, что обусловлено въ дѣйствительности физическими условиями, подчиняющимися въ свою очередь, своимъ собственнымъ законамъ. Сказанное нами поясняется фактами, которые происходятъ на обитаемой поверхности нашей планеты, претерпѣвающей послѣдовательное охлажденіе. На такой поверхности можетъ показаться послѣдовательный рядъ растительныхъ типовъ, которые будутъ въ одномъ случаѣ исчезать, въ другомъ развиваться. Говоря объ этихъ явленіяхъ, мы можемъ называть ихъ творчествами и истребленіями и приписывать дѣйствію божества; во-вторыхъ, мы можемъ приписывать ихъ внутренней силѣ развитія, свойственной каждому зародыщу, которая достигаетъ въ опредѣленное время своего максимума, а затѣмъ падаетъ и уничтожается; сравнивая каждый изъ этихъ типовъ съ предшестующими и послѣдующими, мы приходимъ къ мысли о дѣйствіи управляющаго закона; въ третьемъ случаѣ мы можемъ обратить вниманіе на внѣшнія физическія условия—пониженіе теплоты, которое само подчинено опредѣленному дѣйствію математическаго закона и обуславливаетъ собою различныя органическія измѣненія.

Первое изъ этихъ объясненій означаетъ въ дѣйствительности произвольную и неизмѣнную волю божества, которое вызываетъ къ существованію и уничтожаетъ все, что ему угодно, согласно своему желанію; а между тѣмъ замѣченный нами необыкновенный порядокъ въ развитіи служитъ доказательствомъ, что его желанія не эрратическія, а согласны съ чистымъ разумомъ. Второе предположеніе подразумеваетъ, что каждый зародышъ подчиняется закону непрестанныхъ органическихъ измѣненій, хотя бы и по волѣ божества. Третье подразумеваетъ, что послѣдовательные типы обязаны своимъ происхожденіемъ и исчезновеніемъ физическимъ вліяніямъ, которыя, въ свою очередь, мѣняются согласно математическимъ законамъ, потому что законъ охлажденія, занимающій насъ въ настоящее время, подчиненъ именно такой строго-математической необходимости.

Сравнивая всѣ эти три объясненія, мы склоняемся въ пользу послѣдняго, какъ это было съ физиологами, въ виду его строго

научнаго характера, и не удивимся, если увидимъ, что Сравнительная это предположеніе поддерживается цѣлымъ рядомъ фактовъ, основанныхъ на принципѣ, что появленіе новыхъ формъ не совершается по извѣстному неизбѣжному порядку, а находится въ извѣстномъ отношеніи ко времени. Индивидуальное развитіе показываетъ, что развитіе организма совершается такъ, что извѣстныя формы появляются одна послѣ другой въ извѣстные промежутки времени; но ошибочность такого заключенія сдѣлается очевидною, какъ только мы обратимъ вниманіе на физическія условия, которымъ подчиняется развивающійся организмъ. Переходъ черезъ данную форму въ данную эпоху происходитъ согласно отношенію къ пространству и его условиямъ, а не ко времени. То же можно сказать и относительно жизни земли: если бы развитіе происходило согласно времени, у насъ получился бы послѣдовательный рядъ послѣдовательныхъ степеней развитія по мѣрѣ того, какъ земля становилась старше, и во всѣхъ мѣстностяхъ современные въ данный моментъ организмы были бы сходны; но если бы развитіе шло согласно пространству, такой строгой послѣдовательности не было бы: вмѣсто нея получился бы рядъ прерывистыхъ серій, связь которыхъ зависѣла бы отъ непрерывныхъ вѣковыхъ измѣненій физическихъ условий.

Оказывается, что такъ оно и было. Напр., во всемъ сѣверномъ полушаріи въ теченіе третичнаго періода исчезнувшая планктарная фауна была современною съ исчезнувшею двутрубною фауною въ Австраліи. Если бы развитіе совершалось согласно времени, по врожденному стремленію, а не согласно внѣшнимъ вліяніямъ, типы для одной и той же эпохи въ обоихъ полушаріяхъ были бы одинаковы; при согласіи же съ внѣшними вліяніями, независимо отъ времени, они должны были бы быть различными, какъ оно въ дѣйствительности и есть.

Если бы хорошо идущіе часы, движущіеся благодаря дѣйствію собственнаго внутренняго механизма, были остановлены на всей землѣ въ одну и ту же минуту, бой ихъ раздался бы одновременно. Но солнечные часы, показывающіе время подъ вліяніемъ внѣшней причины, въ разныхъ широтахъ указали бы разные часы, или же, въ случаѣ отсутствія необходимаго свѣта, тѣни ихъ совершенно бы исчезли.

Что же касается до растительнаго царства, то къ нему могутъ быть примѣнимы принципы, управляющіе явленіями животнаго міра. Въ весьма ранній періодъ времени, до каменноугольнаго періода, существовали уже всѣ различныя формы растительной ткани, и съ точки зрѣнія времени ничто не мѣшало имъ соединиться по всему свѣту въ сходныя по строенію комбинаціи. И въ самомъ дѣлѣ, насколько можно судить по ботаникѣ каменноугольнаго періода, въ то время существовала гораздо большая однородность, чѣмъ теперь, просто потому, что распреденіе тепла было болѣе однообразно и разница климатовъ менѣе рѣзко обозначалась. Но затѣмъ различіе формъ, согласно климатическому рас-

предѣленію, дѣлается все болѣе и болѣе замѣтнымъ, хотя намъ приходится вернуться къ вильденской формации, чтобъ увидѣть цвѣтущія растения, за исключеніемъ голосѣмянныхъ, напр., шишковья и цикадовые. Всего этого и слѣдовало ожидать, разъ мы принимаемъ ученіе о внѣшнемъ влияніи; совершенно иначе представляется дѣло въ случаѣ принятія ученія о врожденной и внутренней силѣ развитія.

Обративъ теперь вниманіе на животное царство, мы увидимъ полное подтвержденіе своихъ мнѣній. Распределеніе углекислоты въ атмосферѣ, отложеніе угля въ землѣ, осажденіе углекислой извести въ морѣ, освобожденіе значительнаго количества кислорода въ воздухѣ и ослабленіе атмосфернаго давленія, — различныя дѣйствія, совершавшіяся одновременно, — сопроваждались появленіемъ теплокровныхъ млекопитающихъ, получившихъ, благодаря этому, возможность существовать. Быть можетъ, первыя изъ этихъ млекопитающихъ, подобно нашимъ животнымъ, подверженнымъ спячкѣ, вели неповоротливую жизнь и слабо дышали; но, по мѣрѣ улучшеній среды и пониженія температуры, возникли болѣе сильныя формы жизни, хотя намъ, по всей вѣроятности, придется вернуться къ третичному періоду, прежде чѣмъ встрѣтить птицъ, которыя изъ всѣхъ животныхъ обладаютъ наиболѣе сильнымъ дыханіемъ и наибольшею теплотою.

То, что происходило въ атмосферѣ, происходило и въ морѣ. Измѣненія въ составѣ его вліяли на живущіе въ немъ организмы, прежде чѣмъ солнечныя лучи изгнали изъ атмосферы большое количество углекислоты, разлагая ее черезъ посредство растений; въсѣ углекислой извести, растворенной въ насыщенной углеродомъ водѣ, былъ значительно больше, чѣмъ это возможно было послѣдствіи, и появленіе известняка сдѣлалось необходимымъ явленіемъ. При такой перемѣнѣ въ составѣ морской воды, обитающіе въ ней организмы подверглись сильному измѣненіямъ. А послѣдствіи, когда солнечная теплота начала преобладать на поверхности земли надъ ея внутреннею теплотою, составъ морской воды, въ отношеніи ея солёности, измѣнился вслѣдствіе различія въ испареніи въ различныхъ широтахъ, — обстоятельство, оказавшее неизбѣжно сильное вліяніе на жизнь морскихъ животныхъ.

Основываясь на только что упомянутыхъ фактахъ о послѣдствіяхъ ихъ ископаемыхъ въ Австраліи и Бразиліи и на сходствѣ ихъ съ формами, существующими и теперь въ тѣхъ же странахъ, нѣкоторые изслѣдователи настаивали особенно сильно на передачѣ строенія по наслѣдству и выводили отсюда заключеніе, что такого рода примѣры смѣшаннаго свойства, что они зависятъ отчасти отъ внѣшнихъ вліяній, а отчасти отъ силы внутренняго развитія. Отъ двутробныхъ животныхъ происходятъ двутробныя, отъ зародышевыхъ — зародышевыя. Здѣсь не бесполезно будетъ привести примѣръ изъ неорганическаго царства. Два куска углекислой извести могутъ катиться по дну какого-либо ручья, при чемъ одинъ изъ нихъ будетъ разбиваться на ромбиды, а другой на аррагонитическія призмы. Обломки будутъ отличаться

Хладно-и тепло-кровная живот-ныя.

Характеръ наследственной передачи.

другъ отъ друга не только своею кристаллическою формою, но и своими физическими качествами, напр., плотностью и твердостью, а также и оптическими. Можно сказать, что изъ кристалловъ известковаго шпата произойдутъ кристаллы известковаго шпата, а изъ аррагонитическихъ кристалловъ — аррагонитическіе. Можно сказать, что въ этомъ случаѣ наблюдается внутреннее стремленіе къ произведенію такого результата, подобно тому, какъ мы говоримъ, что у двутробныхъ существуетъ внутреннее стремленіе произвести двутробныхъ; но если въ нашемъ примѣрѣ мы начнемъ искать причину этой причины, мы увидимъ, что она заключается въ физическомъ вліяніи, дѣйствовавшемъ давнымъ давно и обуславливающимъ необходимость для углекислой извести производить аррагонитъ, когда она кристаллизуется при 212° Ф., и известковый шпатель, если процессъ кристаллизаціи совершается при болѣе жаркой температурѣ; и разъ это физическое вліяніе оказало свое дѣйствіе, хотя бы за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, оно никогда не прекращается, а постоянно обнаруживается во всей будущей исторіи тѣхъ и другихъ. То, что мы называемъ наслѣдственною передачею и приписываемъ внутреннему свойству, особенности или силѣ, можетъ быть лишь простымъ обнаруженіемъ физическаго вліянія, оказаннаго за много времени до того.

Наконецъ, идея о внутренней силѣ развитія находится въ связи съ временемъ и совершенствованіемъ и выст-
Прерванная органическая жизнь.
паетъ на сцену только тогда, когда мы обращаемся къ изслѣдованію ограниченной части или числа предметовъ, подлежащихъ нашему изученію. Какъ земля ни прекрасна, она далеко не совершенна. Видимыя нами растения и животныя составляютъ только обломки разрушенныхъ серій, и вслѣдствіе этого не могутъ служить достойными доказательствами силы Всемогущаго. Наше сужденіе о какомъ-либо великомъ писателѣ было бы далеко несовершенно, если бы отъ его произведеній остались только отрывки; подобнымъ же образомъ въ книгѣ твореній мы должны комбинировать то, что осталось, съ тѣмъ, что можетъ быть открыто изъ отдаленнаго прошлаго и что лежитъ скрытымъ подъ многими пластами, и только тогда, когда мы это сдѣлаемъ, мы будемъ въ состояніи возвыситься до пониманія великаго творенія и до умственнаго воспріятія вселенной.

Какую страницу этой книги мы ни перевернемъ, онѣ всѣ говорятъ намъ о такихъ грандіозныхъ явленіяхъ, кото-
Громадная древность земли.
рыя требуютъ для своего совершенія громадныхъ промежутковъ времени. Отдѣльные моменты этихъ явленій кажутся намъ вѣчностями. Что скажемъ мы, читая въ этой книгѣ, что существуютъ ископаемые пласты, которые были подняты на десять тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря со времени начала третичнаго періода; что пербекскіе пласты верхняго олита составляютъ сами по себѣ памятники громаднаго промежутка времени; что, такъ какъ лѣсъ можетъ въ тысячу лѣтъ произвести не болѣе, какъ два или три фута растительной почвы, то каждый слой чернозема требовалъ для своего напластованія много сотенъ лѣтъ. Что скажемъ

мы, когда узнаемъ, что дельта Миссисипи могла быть образована лишь въ нѣскольکو десятковъ тысячелѣтій, но что это время кажется лишь вчерашнимъ днемъ по сравнению съ временемъ образования внутреннихъ террасъ; что отступленіе Ниагарскаго водопада изъ Квинстона къ теперешнему его мѣсту потребовало для своего совершенія тридцать тысячъ лѣтъ; что пониженіе каменноугольныхъ пластовъ Новой Шотландіи происходитъ среднимъ числомъ на четыре фута въ столѣтіе, такъ что для его довершенія требуется 375000 лѣтъ, — движеніе, которое могло бы поднять Монбланъ, если бы имѣло другое направленіе; что для такой большой рѣки, какъ Миссисипи, требуется два милліона лѣтъ, чтобы сбросить въ Мексиканскій заливъ столько осадковъ, сколько въ немъ находится. Такого рода заявленія могли бы показаться намъ, привыкшимъ къ патристической хронологіи, дикими и невозможными, а между тѣмъ къ такимъ именно заключеніямъ пришли самые ученые и глубоко-мысленные геологи, читая книгу природы.

Итакъ, по вопросу о древности земли и ея отношеній во времени мы приближаемся къ ученію восточныхъ народовъ, которые давно уже утверждали, что масштабы времени и пространства совпадаютъ. Они были счастливы въ насъ, — они встрѣтили сопротивленіе только въ одномъ пунктѣ и встрѣтили его не открыто, а лицомъ къ лицу. Они сдѣлали попытку скрыть истинную тенденцію своего ученія, связавъ его съ явными заблужденіями. Согласно ихъ національному суевѣрію, земля поддерживается спиною слона; а послѣдній стоитъ на цѣломъ ряду животныхъ, изъ которыхъ послѣднее — черепаха. Нельзя представить себѣ, чтобы брамины, писавшіе комментаріи на Сурія Сидданта, хотя бы на минуту повѣрили въ такую нелѣпность, — это было невозможно для такихъ великихъ геометровъ; но, не желая, быть оскорблять народныя чувства, они намѣтили себѣ безнадежную задачу доказать, что ихъ глубокія философскія открытія совершенно совмѣстимы съ древними традиціями, что шарообразная и вращающаяся земля можетъ поддерживаться цѣлымъ рядомъ звѣрей. За то у нихъ было другое важное преимущество надъ нами: эти народныя традиціи позволяли имъ утверждать безграничность времени, за которую мы вели такую сильную борьбу.

Развитіе жизни на поверхности нашей планеты подчинено предуставленному и непреложному закону и связано съ матеріальными и соответственно измѣняющимися условиями. Оно внушаетъ намъ мысль, что рядъ органическихъ формъ, проявляющихся на поверхности земли въ длинныя промежутки времени, составляетъ повтореніе того, что совершается и на другихъ планетахъ солнечной системы въ теченіе мірады лѣтъ, и приводитъ насъ къ понятію о возникновеніи, развитіи и разрушеніи множества другихъ живыхъ формъ въ другихъ системахъ, на которыхъ такъ же точно происходитъ развитіе жизни и ея уничтоженіе.

Слѣдовательно величины и времена идутъ параллельно одни другимъ. вмѣстѣ съ оставленіемъ геоцентрической теоріи и уче-

Сведѣ. положе- ній обь. отно- шеніи міра ко времени.

Жизнь, вселен- ной.

нія о существованіи вселенной на пользу человѣка, исчезла и недостойная гипотеза о недавнемъ происхожденіи земли и о близкомъ ей концѣ. На мѣсто ихъ выступили болѣе благородныя идеи. Множество міровъ въ безконечномъ пространствѣ наводитъ насъ на мысль о преемственности міровъ въ безконечныя промежутки времени. Эта вселенная, со всѣмъ ея великолѣпіемъ, имѣетъ начало и конецъ; у нея были предшественники, у нея будутъ и преемники. Но всѣ происходящія въ насъ измѣненія находятся подъ вліяніемъ управляющаго ею закона, неизмѣннаго, какъ судьба. Подобно тому, какъ облако, состоящее изъ мірады дождевыхъ капель, изолированныхъ другъ отъ друга и столь малыхъ, что онѣ совсѣмъ невидимы, — въ лѣтній вечеръ исчезаетъ съ горизонта, измѣнивъ свой цвѣтъ и формы, и замѣняется затѣмъ другими облаками различнаго вида и формы, такъ и вселенная, — облако изъ звѣздъ и міровъ, — измѣняетъ въ громадные періоды времени свой видъ и форму, такъ что современное намъ составляетъ только примѣръ безчисленныхъ комбинацій подобнаго же рода, которыя въ древнія времена появились одна за другою и исчезали. Въ послѣдующіе періоды безконечная серія метаморфозъ приведетъ къ образованію новаго ряда вселенныхъ, которымъ не будетъ конца.

ГЛАВА X.

Европейскій вѣкъ разума.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

природа и положеніе человѣка.

Положеніе человѣка согласно гелиоцентрической и геоцентрической теоріямъ.

1) животной жизни. — Переходной характеръ живущихъ формъ. — Отношенія животныхъ и растений. — Животныя — агрегаты матеріи, испускающія силу, которую матерія получаетъ отъ солнца.

Органическія серіи. — Человѣкъ — членъ ихъ. — Его положеніе опредѣляется анатомическими и фізіологическими изслѣдованіями его нервной системы. — Ея тройная форма: автоматическая, инстинктивная, умственная.

То же прогрессивное развитіе замѣчается и въ индивидуальномъ человѣкѣ, и во всей серіи животныхъ, и въ жизни вѣчного шара. — Всѣ они подчиняются вѣчному, всемірному, непреложному закону.

Цѣль природы — умственное развитіе. — Человѣческія учрежденія должны съ этимъ сообразоваться.

Сводъ изслѣдованій о положеніи человѣка. — Солнце порождаетъ органическія и неорганическія формы. — Характеръ животныхъ и ихъ серіи. — Аналогія и различія между ними и человѣкомъ. — Душа. — Миръ.

Когда древнее ученіе о множествѣ міровъ было возстановлено Бруно, Галилеемъ и другими современными астрономами, встрѣченное имъ сопротивленіе объяснялось въ значительной степени новою точкою зрѣнія на природу и отношенія человѣка, выраженною въ этомъ ученіи. Если во-
Положеніе чело- вѣка согласно гелиоцентрической теоріи.

кругъ солнца, какъ вокругъ центра движется столько планетъ, подвергающихся переходамъ отъ зимы къ лѣту, отъ дня къ вечеру и ночи, столько тѣлъ, освѣщенныхъ спутниками, пользующихся и другими благами, доставшимися въ удѣлъ земли,—то не слѣдуетъ ли намъ считать ихъ жилищами отвѣтственныхъ и, быть можетъ, грѣховныхъ существъ, подобныхъ намъ? Болѣе того, если каждая изъ безчисленныхъ неподвижныхъ звѣздъ, въ родѣ нашего солнца, образуетъ центральный фокусъ свѣта и окружена темными вращающимися вокругъ нея шарообразными тѣлами, то не слѣдуетъ ли допустить, что и на нихъ имѣются свои жители? Но какъ же, среди такой массы интеллигентныхъ существъ, мы, обитатели крошечной точки во вселенной, могли одни обратить на себя вниманіе Бога?

Это именно разсужденіе и служило поддержкою для геоцентрической теоріи и возводило землю въ центръ вселенной, въ самое благородное изъ твореній, между тѣмъ какъ солнце, луна и звѣзды считались только слугами человѣка.

Но, подобно другимъ возраженіямъ, приводимымъ во время этой достопамятной борьбы, это возраженіе основывалось на недоразумѣніи или, скорѣе, на неполномъ знаніи. Множество мировъ можетъ подчиняться установленнымъ законамъ и обнаруживать вышеизложенныя нами механическія отношенія, но между ними можетъ не быть ни одного, который годился бы для мѣстожителства одушевленныхъ существъ. Физическія условія, которыя обусловливаютъ возможность возникновенія организацій, такъ многочисленны и такъ строго ограничены, что одинъ только шансъ изъ милліоновъ, чтобъ они совпали.

Съ религіозной точки зрѣнія мы очень обязаны геологій за доказательство, свѣтъ, брошенный ею на это возраженіе. Она учитъ насъ, что въ теченіе громаднаго періода времени на нашей землѣ не было ни одного живого существа. Это именно тѣ доорганическіе годы, о которыхъ мы упоминали въ послѣдней главѣ. Затѣмъ постепенно появилась возможность существованія, и одинъ типъ сталъ возникать за другимъ. Человѣкъ появился, такъ сказать, только со вчерашняго дня.

Животное можетъ существовать только при наличности всѣхъ надлежащихъ физическихъ условій. Но даже и тогда оно эфемерно. Жизнь его въ цѣломъ зависитъ отъ вымиранія его частей. Въ водопадѣ, сохраняющемъ неизмѣнно въ теченіе многихъ лѣтъ свое мѣсто и свой видъ, составныя части его, ниспадающія внизъ, исчезаютъ окончательно и навсегда. Для того, чтобы вещество образовало постоянную форму, необходимо, чтобы былъ постоянный притокъ и постоянный истокъ. Пока обрываетъ, съ котораго падаетъ вода, и принимающій ее заливъ остаются неизмѣнными, водопадъ представляетъ тотъ же видъ. Но измѣненія въ нихъ вызываютъ измѣненія и въ немъ; цвѣтъ его мѣняется, когда небо ясно или облачно; радужный отблескъ, наблюдаемый на немъ, исчезаетъ, какъ только солнце скрывается.

То же можно сказать и относительно агрегата матеріи, изъ котораго состоитъ животное; каково бы ни было положеніе послѣд-

Ошибочность
возраженій про-
тивъ этой тео-
ріи.

Доказательство,
доставленное
геологією.

Переходной ха-
рактеръ живыхъ
формъ.

няго въ царствѣ жизни, высшее или низшее, происходитъ постоянное введеніе въ организмъ новыхъ матеріаловъ и постоянное выведеніе изъ него старыхъ. Мы видимъ форму, скорѣе чѣмъ индивидуума. Ея постоянство зависитъ всецѣло отъ постоянства внѣшнихъ условій. Если они измѣняются, измѣнится и она, и въ результатѣ получается новая форма.

Животное представляетъ, слѣдовательно, форму, черезъ которую проходитъ видимое вещество, превращаясь въ новые продукты. При этомъ превращеніи освобождается сила. То, что мы называемъ жизнью организма, представляетъ способъ проявленія освобожденной силы.

Научное изслѣдованіе животной жизни должно заключать въ себѣ два первичныхъ факта. Оно должно разсматривать, откуда и какимъ образомъ возникаетъ потокъ вещества и какимъ образомъ и куда онъ направляется. И такъ какъ сила не можетъ быть создана изъ ничего и по самому свойству своему неразрушима, то слѣдуетъ опредѣлить, изъ какого источника получила та сила, которая обнаруживается животными, какое ея употребленіе и на что она обращена въ данную минуту.

Израсходуемая такимъ образомъ сила исходитъ первоначально изъ солнца. Растенія служатъ посредниками для ея передачи. Неорганическій матеріалъ, обладающій свойствами солей и входящій въ составъ растений, добывается изъ почвы, на которой они произрастаютъ, подобно тому, какъ изъ нея же извлекается и необходимая для нихъ вода; но органическія вещества происходятъ изъ окружающей атмосферы, вслѣдствіе чего можно совершенно основательно сказать, что они не болѣе, не менѣе, какъ сгущеніе воздуха.

Сдѣланныя нами замѣчанія могутъ быть достаточно объяснены и отношенія между растениями и животными достаточно опредѣлены, если мы опишемъ ходъ развитія одного изъ ингредиентов растений, взятаго ими, какъ мы говорили выше, изъ воздуха. Для этой цѣли мы изберемъ главный твердый элементъ растений, углеродъ, при чемъ то, что мы скажемъ о немъ, можетъ быть примѣнимо и къ другимъ сопутствующимъ ему элементамъ. Врядъ ли нужно затруднять краткое изложеніе растительной жизни, предположенное нами, историческими подробностями, такъ какъ послѣднія будутъ болѣе умѣстны позже. Достаточно будетъ упомянуть, что химическое объясненіе растительной физиологіи основывается главнымъ образомъ на открытіи кислорода Пристлеемъ, состава углекислоты Лавуазье и воды Кавендишемъ и Уаттомъ.

Въ то время когда солнце свѣтитъ, зеленныя части растений, особенно листья, разлагаютъ углекислоту, одну изъ составныхъ частей атмосферы. Углекислота состоитъ изъ двухъ элементовъ, кислорода и углерода: послѣдній усваивается растениями и входитъ въ составъ вырабатываемаго ими сока, изъ котораго образуются органическіе продукты, какъ, напр., крахмалъ, сахаръ, древесина, кислоты и основанія. По мѣрѣ развитія про-

Характеристи-
ческія черты
животной
жизни.

Вещество и
сила.

Сила исходитъ
изъ солнца.

Способъ добы-
тия растеніями
ихъ вещества.

Дѣйствіе расте-
ній на воздухъ.

цесса разложения, получаютъ новыя части углекислоты благодаря механическимъ движениямъ, дрожанію листьевъ, легкому вѣтерку и сквознякамъ, возникающимъ отъ того, что воздухъ, подымаясь вверхъ вслѣдствіе нагрѣванія солнцемъ листьевъ, уступаетъ мѣсто болѣе холоднымъ теченіямъ, идущимъ снизу.

Слѣдовательно дѣйствіе растений на воздухъ заключается въ выдѣленіи изъ себя горючихъ веществъ. Углеродъ получается, такимъ образомъ, изъ углекислоты, а изъ воды добывается водородъ. Жизнь растений съ химической точки зрѣнія представляетъ процессъ превращенія, потому что совершенно такимъ же образомъ амміакъ разлагается на свои составныя части—азотъ и водородъ; а фосфорная и сѣрная кислоты, которыя, подобно амміаку, могли бытъ введены въ растение черезъ корни въ видѣ солей, выдѣляютъ кислородъ, съ которымъ они были соединены, между тѣмъ какъ ихъ горючіе матеріалы, сѣра и фосфоръ, усваиваются растениями.

Каждое растеніе, отъ самаго скромнаго мха до тысячелѣтняго дуба, образуется солнцемъ изъ матеріаловъ, добытыхъ въ воздухѣ,—изъ горючихъ матеріаловъ, соединенныхъ нѣкогда съ кислородомъ, а теперь отдѣленныхъ отъ него.

Очень важно замѣтить, что въ этомъ актѣ разложенія сила, проявляющаяся въ формѣ свѣта, исчезаетъ и входитъ въ составъ горючаго, организующаго матеріала. Эта сила опять исходитъ изъ растенія, или возвращается обратно, какъ только происходитъ обратное явленіе, соединеніе съ кислородомъ.

Растительные продукты образуютъ, такимъ образомъ, запасъ, въ которомъ накапливается сила и сохраняется до востребованія. Поэтому они пригодны для пищи животныхъ и для доставленія тепла. Тепло, добываемое при горѣніи каменнаго угля въ хозяйствѣ, являлось первоначально солнечнымъ свѣтомъ, который былъ усвоенъ растениями во вторичныя геологическія времена и скрывался въ нихъ въ теченіе несказаннаго количества лѣтъ. Слѣдовательно, солнце—источникъ, изъ котораго исходитъ все то количество свѣта, которое добывается нами помощью горѣнія газа, масла, жира и т. д.

Мои собственные опыты доказали, что именно свѣтъ солнца, въ противоположность теплотѣ, производитъ разложеніе углекислоты, доставляющее углеродъ растениямъ и кислородъ атмосферѣ. Но такова связь между такъ называемыми невѣсомыми началами химіи и ихъ взаимною превратимостью, что то, что исчезаетъ, совершая свою функцію свѣта, можетъ появиться вновь въ качествѣ теплоты или электричества, или въ видѣ какого-либо механическаго эффекта.

Пища употребляется животными ради заключающейся въ ней силы, при чемъ это замѣчаніе относится равнымъ образомъ и къ травояднымъ и къ плотояднымъ животнымъ. Въ обоихъ случаяхъ источникомъ снабженія является растительное царство, прямо или косвенно. Слѣдовательно растеніе необходимо для животнаго. Это собиратель и хранитель силы, потребление которой составляетъ главное выраженіе животной жизни.

Съ этой точки зрѣнія животныя должны разсматриваться какъ машины, въ которыхъ утилизируется добытая такимъ образомъ сила. Пища, которую они принимаютъ, или ткань, образованная изъ нея, подвергается вліянію воздуха, которымъ они дышатъ, и окисляется отчасти или всецѣло, а затѣмъ появляется вновь, отчасти въ видѣ нервной силы, отчасти въ видѣ теплоты, а въ многихъ случаяхъ въ видѣ свѣта или электричества.

Существуетъ, слѣдовательно, извѣстный циклъ развитія, по которому слѣдуютъ непрерывно матеріальныя частицы, способныя къ организаціи. Онѣ существуютъ то въ видѣ неорганическихъ комбинацій въ воздухѣ и почвѣ, то въ видѣ частей растений, то въ видѣ частей животныхъ, то обращаются обратно въ воздухъ или почву, чтобы возобновить прежній циклъ движеній. Метаморфозы, о которыхъ упоминаютъ поэты древности, имѣютъ, значитъ, фактическое основаніе, и міры растительный и животный, органической и неорганической, тѣсно связаны другъ съ другомъ. Растенія—машины превращающія, животныя—машины разрушающія.

Итакъ, благодаря дѣйствію солнечныхъ лучей, углекислота атмосферы разлагается,—ея кислородъ освобождается, ея углеродъ доставляется растениямъ. Полученные продукты служатъ пищею животнымъ, и въ ихъ системахъ углеродъ вновь окисляется воздухомъ, которымъ они дышатъ, и, вновь обратившись въ углекислоту, возвращается обратно въ атмосферу помощью дыханія, готовясь вновь разложиться при первомъ лучѣ солнца и пройти вновь черезъ тотъ же циклъ измѣненій. Ростъ растений и дыханіе животныхъ зависятъ другъ отъ друга.

Матеріальныя частицы являются, слѣдовательно, проводниками силы. Онѣ претерпѣваютъ измѣненія. Говоря химически, онѣ вѣчны. Подобнымъ же образомъ и сила никогда не уничтожается и не уменьшается. Единственные измѣненія, которыя могутъ проявиться въ ней,—это измѣненія во вѣшнемъ видѣ и въ распредѣленіи: во вѣшнемъ видѣ, напр., электричество, сродство, свѣтъ, теплота, въ распредѣленіи—когда, напр., разсѣянные агрегаты многихъ солнечныхъ лучей сосредоточиваются въ одной животной формѣ.

Но мало знать измѣненія и распредѣленіе силы во вселенной. Мы не можемъ сказать, во что обращается сила, характеризующая собою жизнь животныхъ, хотя въ ея вѣчности мы убѣждены. Она такъ же мало была разрушена, какъ и матеріальныя частицы, составляющія животныхъ. Онѣ превратились въ новыя формы—приняли новый видъ. Вся сумма вещества въ мірѣ неизмѣнна; такъ же точно неизмѣнна и вся сумма силы.

Эти заключенія во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ философію Аверроеса, хотя они свободны отъ ереси, побудившей латеранскій соборъ при Львѣ X осудить ученіе великаго испанскаго магометанина. Ошибка Аверроеса заключалась въ слѣдующемъ: онъ смѣшивалъ то, о чемъ говорится здѣсь подъ именемъ силы, съ психическимъ элементомъ, и ошибочно примѣ-

нать то, что справедливо по отношенію къ животнымъ, къ человеку, котораго слѣдуетъ считать состоящимъ изъ трехъ существенно различныхъ частей: *матеріальнаго тѣла*, которое подвергается дѣйствію различныхъ *физическихъ силъ*, направляемыхъ интеллигентною, разумною *душою*.

Въ слѣдующихъ параграфахъ упомянутое мною различіе будетъ еще болѣе выяснено.

Положеніе даннаго животного въ ряду другихъ организмовъ определяется состояніемъ его нервной системы. Въ этомъ отношеніи и человекъ не составляетъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, правильные взгляды на его положеніе въ мірѣ, на свойства его ума и умственныхъ процессовъ могутъ быть получены только при помощи анатоміи. Читатель, по всей вѣроятности, замѣтилъ, что въ историческомъ очеркѣ прогресса, данномъ въ этой книгѣ, я не упоминалъ о математикѣ, психологіи или философіи. При той разработкѣ, которая была имъ дана раньше, трудно было получить отъ нихъ какіе-либо другіе результаты, кромѣ тѣхъ, которые были добыты греками. Рычагъ не есть механическая сила, пока онъ не получаетъ матеріальной поддержки. Только благодаря открытію физическихъ законовъ могутъ быть открыты метафизическіе.

Всякое опредѣленіе строенія, физическихъ силъ и умственныхъ дѣйствій человека должно быть основано на анатоміи. Методы дѣйствій можно опредѣлить только помощью изученія механизма, а вѣрное истолкованіе механизма можетъ быть получено только помощью изслѣдованія строенія его частей, наблюденія надъ образомъ ихъ развитія, сравненія съ подобными же строеніями у другихъ животныхъ, не исключая и самыхъ низшихъ, и изслѣдованія ихъ обычая и особенностей. Будучи увѣренъ, что при настоящемъ состояніи науки нельзя опираться на психологическія ученія, если они только не подтверждаются данными изъ анатоміи и физиологіи, я не счелъ нужнымъ отводить имъ много мѣста. Они не принимали участія въ послѣднихъ успѣхахъ человечества. Они принадлежатъ къ болѣе раннему обществу періоду и составляютъ въ нашъ вѣкъ анахронизмъ. Я ссылаюсь на это въ моемъ сочиненіи о физиологіи и, быть можетъ, читатель извинитъ меня за слѣдующую выписку изъ него:

«Изученіе этой части механизма человека приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ метафизическою наукою, и мы должны теперь разсмотрѣть нѣкоторые изъ ея основныхъ догматовъ. Почти всѣ философы, разработавшіе въ послѣднее время эту отрасль знанія, придавали большое значеніе развитію физиологіи: они предразрѣшеніе психологическихъ задачъ. Видѣли, что эта наука сдѣлаетъ попытку разрѣшить задачи, надъ которыми изошрилось остроуміе послѣднихъ двухъ столѣтій. Въ этомъ отношеніи они не ошиблись. Конечно, было бы желательно ввести новый методъ изслѣдованія, который придавалъ бы точность и опредѣленность метафизическимъ истинамъ и доставилъ бы намъ возможность различать, отдѣлять и устранять всякія пустыя и нелѣпыя умозрѣнія».

«Философія не только не представляетъ для физиолога запрещенной области, но, напротивъ того, можно утверждать, что теперь пришло, наконецъ, время, когда никто не имѣетъ права высказывать мнѣнія въ философіи, не изучивши предварительно физиологіи. До сихъ поръ эти способы положительнаго изслѣдованія отвергались въ ущербъ истинѣ. Но развѣ мы не выиграемъ оттого, что докажемъ существованіе души на основаніи строенія человѣческаго мозга? Много есть людей, которые убѣдятся такого рода аргументами, между тѣмъ какъ умозрительныя разсужденія или положенія, не терпящія обсужденія, не окажутъ на нихъ никакого дѣйствія. Зачѣмъ уклоняться отъ фактовъ, представленныхъ намъ матеріальными предметами? Приходя въ сообщеніе съ нами черезъ посредство вселенной, Богъ матеріализуется. Онъ говоритъ съ нами и помощью тысячи граціозныхъ органическихъ формъ, разсѣянныхъ по всей поверхности земли въ изобиліи, и помощью движенія и вида небесныхъ свѣтилъ. Наши самыя благородныя и ясныя понятія объ Его свойствахъ были получены нами черезъ посредство матеріальныхъ предметовъ. Я убѣжденъ, что единственный возможный путь къ истинѣ въ философіи заключается въ изслѣдованіи нервного механизма. Опытъ 2500 лѣтъ и сочиненія великихъ метафизиковъ доказываютъ, увѣ, тщету всѣхъ другихъ средствъ».

«Что бы ни говорили философы, по развитіе метафизики зависитъ отъ изученія физиологіи. Двинули ли бы науку оптики люди, которые для этой цѣли вынули бы свои глаза? Во что обратился бы прогрессъ астрономіи у людей, которые не удаивали бы глядѣть на небо? А между тѣмъ именно такимъ образомъ дѣйствуютъ такъ называемые философы. Они дали намъ величественныя теоріи о природѣ и свойствахъ ума, не имѣя ни малѣйшаго понятія о его матеріальной сущности. Изъ знаменитыхъ авторовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ и пользовавшихся эфемерною славою, много ли было такихъ, которые оказывались бы знакомыми съ строеніемъ человѣческаго мозга? Несомнѣнно, многіе даже ни разу не видѣли его! А между тѣмъ этотъ удивительный органъ являлся основаніемъ для ихъ умозрѣній. Добровольно устраняя отъ себя всѣ факты, которые могли служить путеводными нитями, они отправлялись плавать по безбрежному морю, вѣчно покрытому туманами. Единственный достовѣрный фактъ, который они намъ сообщаютъ,—тотъ, что они ничего достовѣрно не знаютъ. Существеннымъ затрудненіемъ ихъ метода изслѣдованія является то, что онъ приводитъ къ несущественнымъ результатамъ. Что не основано на матеріальной почвѣ, есть не болѣе, какъ воздушный замокъ».

Итакъ, я пришелъ къ заключенію, что научныя взгляды на природу человека могутъ быть получены только при изслѣдованіи его нервной системы и что истинное толкованіе способа дѣйствій этой системы зависитъ отъ руководящаго свѣта сравнительной анатоміи и физиологіи, и теперь при-

ступлю къ изложенію процесса развитія открытій, сдѣланныхъ на основаніи этихъ принциповъ.

У низшихъ представителей жизни, у которыхъ мы находимъ первые признаки нервной системы, дѣйствія ея чисто механическія. Вышнее давленіе,—напр., прикосновеніе къ животнымъ этого рода,—тотчасъ вызываетъ у нихъ движеніе, которое они совершаютъ совершенно невольно, безсознательно. Тутъ происходитъ то же явленіе, что въ машинѣ, если тронуть въ ней рычагъ,—немедленно получается движеніе.

Во всякой нервной системѣ существуютъ двѣ отдѣльныя анатомическія части. Это, во-первыхъ, волокна, во-вторыхъ—кѣлочка. Необходимо описать вкратцѣ ихъ строенія и функции. Тогда совмѣстное ихъ дѣйствіе сдѣлается понятнымъ.

1) Нервное волокно состоитъ главнымъ образомъ изъ тонкой нити,—осевого цилиндра, какъ ее называютъ,—покрытой маслянистой субстанціею, которая сгущается или высыхаетъ послѣ смерти. Это вещество, въ свою очередь, заключено въ тонкое влагалище или перепончатую трубочку. Нѣсколько соединенныхъ волоконъ такого рода образуютъ нервъ.

Отправленія такого рода нервного волокна—чисто физическаго свойства, такъ какъ оно служитъ для проведенія изъ одной части организма въ другую. Осевой цилиндръ есть та линія, вдоль которой происходитъ передача, а облегающее его вещество служитъ для изолированія его, чтобы помѣшать всякимъ уклоненіямъ въ сторону. Нѣкоторыя изъ такихъ волоконъ проводятъ вліянія извнѣ, и называются, поэтому, центробѣжными; другія проводятъ ихъ внутрь, и называются центростремительными. Но до сихъ поръ не было открыто никакого анатомическаго различія между строеніемъ тѣхъ и другихъ. Подобно тому, какъ въ проволокѣ, проводящей электричество, токъ движется прогрессивно съ опредѣленною скоростью, въ нервномъ волокнѣ вліяніе движется прогрессивно со скоростью, находящейся въ зависимости отъ температуры разсматриваемаго животнаго. Это движеніе, повидимому, совершается съ гораздо большею скоростью у теплокровныхъ, чѣмъ у хладнокровныхъ. Въ лягушкѣ оно равняется 85 футамъ въ секунду, а у человѣка—ста футамъ,—оцѣнка, повидимому, слишкомъ низкая.

Описанныя волокна принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя называются у физиологовъ мозговыми; существуютъ еще другія волокна, извѣстныя подъ именемъ симпатическихъ, отличающіяся тѣмъ, что они не облегчены мозговымъ веществомъ. По цвѣту они сѣро-желтыя; но мы не будемъ останавливаться здѣсь надъ ихъ изученіемъ.

2) Другую часть нервной системы составляютъ кѣлочки. Какъ указываетъ и самое имя ихъ, она состоитъ изъ кѣлочекъ, наполненныхъ сѣрымъ зернистымъ веществомъ. Въ каждой кѣлочкѣ находится сгущенная часть, называемая ядромъ, связанная, повидимому, съ однимъ или нѣсколькими волокнами.

Нервная система у низшихъ животныхъ автоматична.

Нервная система состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ анатомическихъ частей.

Строеніе нервного волокна.

Отправленія нервного волокна; проводимость.

Строеніе нервной системы.

Если она связана только съ однимъ, она называется полярною; если съ двумя—двухполярною, если со многими—много полярною или звѣздчатою. Каждая кѣлочка обильно снабжается кровью.

Насколько можно судить по строенію кѣлочки, она сильно отличается отъ волокна по своему отправленію. Сошлюсь здѣсь на *Физиологію*, для объясненія причинъ, внушившихъ мысль, что кѣлочки устроены для того, чтобы дать возможность вліяніямъ, передаваемымъ вдоль линій или сосредоточеннымъ въ волокнѣ, отклониться въ сторону и передаться сѣрому зернистому веществу. Въ то же время онѣ даютъ возможность вліяніямъ, проникающимъ черезъ каналы въ многополярную кѣлочку, сообщаться и соединяться, для произведенія новыхъ результатовъ. Кромѣ того, вліянія могутъ въ нихъ долго сохраняться и образовывать, такимъ образомъ, запасы силы. Соединяясь въ одно, кѣлочки образуютъ узлы или нервные центры, которыя сохраняютъ сдѣланныя на нихъ впечатлѣнія; послѣднія не исчезаютъ мимолетно, а лишь ослабѣваютъ мало по малу, съ теченіемъ времени. Такимъ-то образомъ въ нервный механизмъ вводится элементъ времени, и это важное отправленіе нервной кѣлочки лежитъ въ основаніи памяти.

Мы уже говорили, что кѣлчатая часть нервной системы изобильно снабжена кровью. И въ самомъ дѣлѣ, условіе, необходимое для отправленія ея дѣятельности,—трата пульса окисленія. Артеріи обильно снабжены для того, чтобы обезпечить необходимый притокъ насыщенной воздухомъ крови, а вены уносятъ продукты разложенія. Итакъ, помощью первыхъ приносятся матеріалы, необходимые для исправленія организма и его обновленія. При полученіи опредѣленнаго механическаго или умственнаго результата, происходитъ опредѣленная трата нервной субстанціи—матеріальная связь и условіе, на которое слѣдуетъ всегда обращать вниманіе. Отсюда ясно, что если трата и пополненіе ея не происходятъ равномерно, должны появляться періодичности въ дѣйствіи нервной системы. Это—основныя условія физическихъ теорій сна и утомленія.

Сдѣланныя здѣсь заявленія основаны на двухъ совершенно различныхъ способахъ доказательствъ: отчасти на истолкованіи анатомическаго строенія, а отчасти на опытѣ, главнымъ образомъ помощью слабого электрическаго тока. Накопленіе или сохраненіе способности къ дѣйствію, замѣчаемая въ нервномъ узлѣ, напоминаетъ дѣйствіе, получаемое отъ второстепеннаго гальваническаго столба Риттера.

Для моей цѣли достаточно изложить вкратцѣ примѣненіе вышеописанныхъ фактовъ. Когда впечатлѣніе путемъ давленія или инымъ образомъ дѣйствуетъ на вышній конецъ центростремительнаго волокна, оно передается съ вышеупомянутою скоростью въ кѣлочку, къ которой волокно было прикрѣплено, а отсюда, передаваясь вдоль центробѣжнаго волокна, оно даетъ начало движенію вълѣдствіе сжатія мускула, въ которомъ кончается это волокно. Впечатлѣніе произвело, такимъ образомъ,

Отправленія нервной кѣлочки.

Физиологическое условіе нервной дѣятельности—трата пульса.

Рефлективное дѣйствіе нервной системы.

движеніе, и этому движению дается обыкновенно названіе рефлекса. Рефлексъ этотъ происходитъ безсознательно. Три части—центробѣжное волокно, кѣточка и центростремительное волокно—образуютъ всѣ вмѣстѣ простую нервную дугу.

Рядъ такихъ дугъ, совершенно похожихъ одна на другую, постепенно представляетъ первый шагъ къ образованію сложной нервной системы. Способъ распредѣленія ихъ подчиняется необходимо общему плану строенія животныхъ, среди которыхъ оно происходитъ. Такъ, у лучистыхъ онъ кругообразенъ, у суставчатыхъ—прямолинеенъ или идетъ по оси. Но такъ какъ условія жизни требуютъ согласнаго движенія въ различныхъ частяхъ, то эти нервныя дуги не занимаютъ изолированнаго положенія, а, выражаясь анатомически, спаяны между собою: отъ одного узла къ другому идутъ нервныя волокна и каждое изъ нихъ связано со всѣми другими.

Дальнѣйшій прогрессъ съ высшей степени важенъ, потому что онъ указываетъ на общій планъ развитія нервной системы: это опредѣленіе особыхъ обязанностей для особыхъ нервовъ. Такъ, у высшихъ суставныхъ и моллюсковъ существуютъ такія сочетанія специально для цѣлей дыханія и глотанія. Дѣйствіе ихъ чисто рефлективнаго свойства; оно происходитъ безсознательно. Эти узлы служатъ для симпатическаго дѣйствія, и часто нѣкоторые изъ нихъ соединяются въ одно.

Этотъ принципъ назначенія особенныхъ нервныхъ узловъ для особенныхъ отправленій проводится и въ нервномъ узлѣ, служащемъ для проведенія свѣта, звуковъ, цвѣтовъ или запаховъ. Впечатлѣнія этихъ явленій проводятся въ узелъ его центростремительными волокнами. Такіе узлы, дѣйствующіе совместно, обыкновенно связаны другъ съ другомъ, образуя нервныя массы значительной величины. Они всегда находятся въ связи съ тѣми, которые служатъ для обыкновенныхъ движеній; дѣйствіе ихъ бываетъ рефлекторное, хотя и принадлежитъ къ числу дѣйствій высшаго порядка, такъ какъ сопровождается сознательностью.

Разъ таковъ элементарный составъ нервной системы, отсюда ясно, что животныя формы, у которыхъ онъ не существуетъ во всей сложности, должны быть чисто автоматическими. Сюда слѣдуетъ включить многихъ насѣкомыхъ, потому что выражаемый ими инстинктъ—механическаго рода, совершенно безцѣльный. Дѣйствія ихъ отличаются своимъ однообразіемъ: что дѣлаетъ одно изъ нихъ при данныхъ обстоятельствахъ, то повторяется и другими при тѣхъ же обстоятельствахъ. Они не способны къ воспитанію, они ничему не научаются по опыту и они дѣлаютъ все въ первый разъ не хуже и не лучше, чѣмъ въ послѣдующіе.

Изъ описанныхъ нами частей и изъ другихъ, болѣе высокаго порядка, которыя мы будемъ описывать ниже, состоятъ всѣ, даже самыя сложныя, нервныя системы, даже нервная система человѣка. Можно ожидать, что, для опредѣленія обязанностей каждой изъ частей этой слож-

ной системы, физиологъ долженъ обязательно прибѣгать къ опытамъ, наблюдая, какія функціи оказались поврежденными или разрушенными, когда данныя части были удалены изъ организма ножомъ. Въ лучшемъ случаѣ, впрочемъ, такого рода доказательства должны быть признаны весьма неудовлетворительными въ виду потрясенія, полученнаго всею системою во время операціи, и, слѣдовательно, искусственное доказательство можетъ быть употреблено только для подтвержденія. Но, какъ замѣчаетъ Кювье, рука природы приготовила для насъ эти опыты, устраняя это неудобство. Рядъ все болѣе и болѣе развитыхъ организмовъ животныхъ, начиная съ самыхъ низшихъ, показываетъ намъ, какое дѣйствіе производитъ послѣдовательное прибавленіе новыхъ частей къ нервной системѣ; то же наблюдается и въ отдѣльномъ индивидуумѣ въ послѣдовательные періоды его развитія. Это одно изъ самыхъ важныхъ открытій современной физиологін: оно гласитъ, что относительно нервной системы можемъ разсуждать и выводить заключенія на основаніи данныхъ, доставляемыхъ послѣдовательно все болѣе и болѣе высокими животными организмами.

Строеніе и образъ дѣйствій суставчатыхъ удивительнымъ образомъ объясняютъ намъ нервную систему человѣка. Вдоль ихъ брюшной полости тянется двойной шнуръ съ нервными узлами, подобными четкамъ; иногда шнуры лежатъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, но болѣею частью они соединяются, при чемъ каждая пара узловъ какъ бы сливается съ другою. Каждому сегменту тѣла принадлежитъ одна пара, каждая пара управляется своимъ собственнымъ сегментомъ и дѣйствуетъ относительно его автоматически, слѣдовательно всѣ они дѣйствуютъ одинаково. Но въ области головы существуетъ особая пара, мозговой узелъ, къ которому примыкаютъ волокна изъ глазъ и другихъ органовъ чувствъ. Отъ него идутъ волокна къ брюшному шнуру, устанавливая сообщенія съ каждымъ сегментомъ. Такимъ образомъ, у каждой пары свои связи—одна съ брюшнымъ узломъ, а другая съ мозговымъ.

Не трудно опредѣлить на опытѣ отправленія брюшнаго узла и мозговыхъ узловъ. Если обезглавить стоножку, тѣло не до сихъ поръ ей сохраняетъ возможность двигаться, хотя движеніе, очевидно, рефлекторнаго свойства, вытекающее изъ давленія ногъ на поверхность, на которую онъ опираются. Брюшной шнуръ, со своимъ узломъ, является, слѣдовательно, чисто автоматическимъ механизмомъ. Но если, обезглавивши тѣло, мы оставимъ часть его въ связи съ головою, мы ясно увидимъ, что мозговые узлы продолжаютъ управлять тѣломъ. Въ той части, отъ которой они были отрѣзаны, продолжается движеніе впередъ, не взирая ни на какія препятствія; тамъ же, гдѣ связь съ головою сохранилась, существуютъ совершенно иного рода движенія, зависящія отъ зрѣнія и другихъ органовъ чувствъ; препятствія старательно обходятся, и тѣло двигается по разнымъ направленіямъ. Тѣмъ не менѣе движенія не разумны, а только инстинктивны. Отсюда общій выводъ, что мозговые узлы—высшаго порядка сравни-

тельно съ брюшными; послѣдніе чисто механическіе, между тѣмъ какъ первые инстинктивные; но до сихъ поръ не замѣчается проявленія умственной дѣятельности.

Въ человѣкѣ всѣ эти типическія части присутствуютъ и управляютъ свои особыя функціи. Его хребетъ соотвѣтствуетъ брюшной нити суставчатыхъ. У него есть и свои боковыя сообщенія, совершающіяся совершенно такимъ же образомъ, и каждая сегментная часть представляетъ то же рефлективное дѣйствіе. Въ верхней части спинной мозгъ расширяется для образованія продолговатаго мозга, изъ котораго выходятъ нервы, руководящіе дыханіемъ и глотаніемъ. Дѣйствія этихъ нервовъ чисто рефлекторныя, что доказывается невольными движеніями дыханія и глотанія. Какъ только часть пищи попадаетъ въ дыхательное горло, происходитъ немедленно сокращеніе, при чемъ воля не оказываетъ никакого дѣйствія на глотаніе. Выше или впереди этого расширенія находится рядъ нервныхъ узловъ, къ которымъ сводятся нервы отдѣльных мозговыхъ узловъ, напр., у амфибій, и отправленія ихъ совершенно тѣ же. У низшихъ позвоночныхъ, напр., у амфибій, нервная система состоитъ только изъ этого. Она заключаетъ въ себѣ только двѣ части — автоматическую, приписываемую первымъ, и инстинктивную, приписываемую вторымъ.

Но по мѣрѣ того, какъ мы отъ низшихъ позвоночныхъ переходимъ къ высшимъ организмамъ, мы открываемъ новые органы; надъ продолговатымъ мозгомъ находится большой, а надъ узлами чувствъ — мозжечокъ. Какъ только у животнаго появляются эти органы, его разумъ оказывается болѣе развитымъ, при чемъ развитіе его усиливается пропорціонально развитію этихъ новыхъ органовъ.

Намъ остается опредѣлить возможно болѣе точно отправленіе функций мозга. одной изъ этихъ новыхъ частей — большого мозга; другая часть, мозжечокъ, представляетъ меньшій интересъ, такъ какъ она связана съ движущимъ аппаратомъ. По той же причинѣ мы считаемъ излишнимъ говорить о симпатическомъ нервѣ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ аппаратамъ органической жизни. Сосредоточивъ, такимъ образомъ, наше вниманіе на большомъ мозгу, мы увидимъ, что умъ животнаго вообще пропорціоналенъ относительному объему этого органа по сравненію съ чувственными узлами. Намъ поражаетъ то обстоятельство, что большой мозгъ не посылаетъ собственныхъ независимыхъ волоконъ другимъ частямъ организма и не принимаетъ самъ такихъ волоконъ отъ нихъ, а сообщается исключительно помощью описанныхъ нами частей, т. е. помощью чувственнаго и автоматическаго аппаратовъ. Слѣдовательно большой мозгъ — механизмъ высшаго порядка, а его связь съ зрительными бугорками и полосатымъ тѣломъ указываетъ на характеръ его отправленій. Онъ можетъ получать впечатлѣнія черезъ ихъ посредство и помощью ихъ дѣйствовать на тѣло. Болѣе того, переходя къ высшимъ организмамъ, мы видимъ, что

эти мозговые части не только увеличиваются въ объемъ, но даютъ, въ свою очередь, отпрыски; изъ первыхъ долей выходятъ вторыя, а изъ нихъ третьи. Пропорціонально этому развитію, умственные качества становятся болѣе разнообразными и болѣе глубокими.

Отношеніе большого мозга къ спинному обнаруживается тѣмъ, что послѣдній можетъ дѣйствовать безъ перваго. Во дѣйствіе одного только спинного мозга. время сна большой мозгъ также какъ бы засыпаетъ, но дыханіе, глотаніе и другія рефлекторныя дѣйствія продолжаютъ. Какъ только мы дотрогиваемся до ладони спящаго ребенка, рука его сжимаетъ нашу. Но хотя спинной мозгъ можетъ работать безъ большого мозга, послѣдній не можетъ дѣйствовать безъ перваго. Эта истина можетъ быть доказана на опытѣ. Животное, у котораго вырѣзали большой мозгъ, можетъ производить автоматическія и инстинктивныя движенія, но не разумныя; и что нѣтъ никакой разницы между животными и человѣкомъ — въ этомъ отношеніи доказывается многочисленными примѣрами изъ медицинской практики, приводимыми въ сочиненіяхъ по медицинѣ; въ случаяхъ болѣзни человѣческой нервной системы, получаютъ явленія, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя происходятъ искусственно во время опытовъ надъ животными. Это важное замѣчаніе показываетъ, что мы можемъ совершенно правильно пользоваться наблюденіями надъ животными для изслѣдованія человѣческой нервной системы.

Въ нервной системѣ человѣка наше вниманіе привлекается главнымъ образомъ тремя существенно различными частями: спиннымъ мозгомъ, нервными узлами оцущеній и большимъ мозгомъ. Дѣйствіе перваго, спинного мозга, чисто автоматическое; помощью его мы ходимъ, перемѣщаемся съ мѣста на мѣсто, не думая ни минуты о нашихъ движеніяхъ; помощью его мы глотаемъ невольно; помощью его мы дышимъ бессознательно. Вторая часть, нервные центры чувствъ, представляетъ сходство съ мозговыми узлами суставчатыхъ; это мѣсто воспріятія чувственныхъ впечатлѣній и сознательности. Эти нервные узлы руководятъ инстинктомъ. Отправленія ихъ нисколько не стѣняются головнымъ мозгомъ, расположеннымъ надъ ними. Третья часть, головной мозгъ, составляетъ въ анатомическомъ смыслѣ совершенно отдѣльное цѣлое. Это вмѣстѣ стилище идей. Онъ не даетъ непосредственно начала движеніямъ, такъ какъ принужденъ употреблять для этой цѣли связанный съ нимъ автоматическій аппаратъ, служащій ему посредникомъ. Въ этомъ царствѣ идей мысли возникаютъ одна за другою непрерывною цѣпью, образуя постоянный потокъ или теченіе; тѣмъ не менѣе высшая вѣтвь нервнаго механизма удерживаетъ слѣды дѣйствій тѣхъ частей, изъ которыхъ она развилась. Въ дѣйствіи бываютъ часто рефлекторными. Разсудокъ не всегда въ состояніи управлять нашими чувствами, такъ какъ мы иногда смѣемся и плачемъ противъ воли, подъ впечатлѣніемъ какого-либо внѣшняго событія. Болѣе того, возбуждающая причина можетъ быть совершенно не матеріальною — воспоминаніе, идея, а между тѣмъ и этого бываетъ совершенно достаточно. Эти явленія, быть

могутъ, ограничены передними или первыми долями мозга, и, следовательно, мы чаще всего замѣчаемъ ихъ у дѣтей и у животныхъ. Какъ только втория или третья доли начинаютъ оказывать вліяніе, явленія эти подчиняются контролю.

Существуетъ, следовательно, правильная прогрессія, определенное улучшение въ нервной системѣ животныхъ въ цѣлой ихъ серіи: планъ никогда не мѣняется, а постоянно проводится, доставляя, такимъ образомъ, сильный аргументъ въ пользу родственной связи между этими постепенно улучшающимися формами,—замѣчаніе, получающее громадный интересъ въ своемъ примѣненіи къ позвоночнымъ. У амфиокса, какъ мы уже говорили, существуетъ только одинъ спинной мозгъ; круглотельныя рыбы стоятъ всего одною ступенью выше. Настоящій мозгъ появляется впервые у рыбъ въ видѣ самаго незначительнаго органа,—условіе, встрѣчающееся и въ раннемъ зародышевомъ состояніи птицъ и млекопитающихъ. Улучшеніе замѣчается у пресмыкающихся, мозговая полушарія которыхъ больше оптическихъ долей. У птицъ замѣчается еще новый шагъ впередъ: полушарія достаточно велики, чтобы закрыть нервные центры. У низшихъ млекопитающихъ замѣчается новый шагъ впередъ, но не особенно большой. Отъ переднихъ долей, составлявшихъ до сихъ поръ весь мозгъ, мало по малу развиваются среднія доли. У грызуновъ замѣтно большее развитіе, а у жвачныхъ и толстокожихъ показываются даже извилины мозга. У высшихъ плотоядныхъ и четвероногихъ появляются заднія или третичныя доли. Переходъ отъ члвчкообразныхъ обезьянъ къ члвчку показываетъ намъ высшее развитіе, достигнутое нервной системою. Головной мозгъ достигъ высшаго своего развитія помощью непрерывнаго и постояннаго процесса.

Этотъ послѣдовательный процессъ развитія нервной системы замѣчается и въ постепенномъ развитіи отдѣльнаго члвчка. Первоначальный ея признакъ, замѣчающійся въ слабой степени въ зародышевой плевѣ, указываетъ на мѣсто, гдѣ долженъ развиваться спинной хребетъ, заключающій въ себѣ спинной мозгъ,—и на этой точкѣ развитія члвчка соответствуетъ амфиокеу. Только на двѣнадцатой недѣлѣ зародышевой жизни онъ достигаетъ состоянія, представляемаго птицами, въ это время начинаютъ уже проявляться переднія доли. Черезъ четыре или шесть недѣль среднія доли развиваются позже переднихъ, и, наконецъ, подобнымъ же путемъ образуются послѣднія или третичныя. Такимъ образомъ, оказывается, что, при сравненіи съ нервной системою животныхъ, нервная система члвчка проходитъ черезъ тотъ же циклъ развитія. Развитіе животныхъ останавливается на той или иной ступени, а развитіе члвчка идетъ дальше, до совершенства.

Но это не все. Біографія земли, жизнь цѣлага земного шара соответствуютъ этому прогрессу индивидуумовъ, этой тѣсной связи между животными серіями. Начиная съ древнихъ скаль, заключающихъ въ себѣ животныя

Прогрессивное развитіе нервовъ въ серіяхъ животныхъ.

Достигаетъ максимума въ члвчкѣ.

Тоже прогрессивное развитіе замѣчается и въ каждой отдѣльной члвчкѣ.

Оно совпадаетъ съ жизнью всего шара.

остатки, и кончая самыми недавними, мы видимъ постоянное улучшение въ строеніи, указывающее на послѣдовательное развитіе нервной системы. Первые рыбы не идутъ дальше образованія спинного мозга, которое признается эмбрионическимъ. Девонскія и силурийскія формации не имѣютъ остатковъ въ видѣ костей. Рыбы до каменноугольнаго періода имѣютъ несимметричныя хвосты, какъ это встрѣчается и теперь у зародышей костистыхъ рыбъ настоящаго времени, до извѣстнаго періода ихъ жизни. Произошла, следовательно, приостановка въ развитіи древнихъ угасшихъ формъ, а затѣмъ развитіе достигло большихъ размѣровъ у болѣе современныхъ формъ. У щитоголовыхъ рыбъ девонской формации дыхательныя и пищеварительныя органы помѣщались въ головѣ и выказывали сходство съ головоастиками или зародышами лягушекъ. Крокодилы оолитовой формации имѣли обоюдоогнутые позвонки, подобно зародышамъ современныхъ намъ крокодиловъ, которые получили возможность развиваться значительно больше. Въ геологическомъ порядкѣ пресмыкающіяся показываются вслѣдъ за рыбами, и этого и слѣдовало ожидать въ виду принципа восходящаго нервнаго развитія. Вскорѣ послѣ того появляются птицы, выказывающія большее развитіе нервной системы и проявляющія не только инстинктъ, но и умъ. Изъ млекопитающихъ первыми появляются двуутробныя, какъ и слѣдовало ожидать; но въ третичныхъ формацияхъ встрѣчается много другихъ формъ, при чемъ наиболѣе раннія, какъ травоядныя, такъ и плотоядныя, находятся въ болѣе тѣсной связи съ прототипомъ, чѣмъ существующія въ настоящее время, за исключеніемъ ихъ зародышеваго состоянія; сходство доходитъ до такихъ мелочныхъ подробностей, какъ обладаніе сорока четырьмя зубами. Біографія земли представляется, такимъ образомъ, въ большомъ масштабѣ, а смѣна видовъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ соотвѣтствуетъ превращенію одной формы въ другую у каждого даннаго индивидуума. Какъ въ постоянно мѣняющейся картинѣ, новые предметы развиваются изъ старыхъ и новыя формы самопроизвольно зарождаются безъ какихъ-либо періодическихъ творческихъ актовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, движенія члвчческаго существа чисто рефлекторныя. Дѣйствуетъ только его спинной мозгъ, такъ что всѣ дѣйствія младенца чисто автоматическія. Но вскорѣ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ начинаютъ какъ бы записываться или сохраняться въ центрахъ ощущенія, и появляется память. Первымъ признакомъ ея является выраженіе любви къ другому существу, не вслѣдствіе разумнаго пониманія родства, а просто вслѣдствіе болѣе тѣснаго знакомства. За этимъ слѣдуетъ любовь къ привычнымъ мѣстамъ и боязнь незнакомыхъ. На этомъ періодѣ развитія дитя ведетъ инстинктивную жизнь и не пошло дальше въ своемъ развитіи, чѣмъ многія изъ низшихъ млекопитающихъ. Но послѣднія на этомъ и останавливаются, между тѣмъ какъ у ребенка развитіе идетъ непрерывно впередъ. Вскорѣ дитя начинаетъ выка-

Абсолютная необходимость допустить превращеніе формъ.

Жизнь члвчка съ дѣтства до зрѣлаго возраста въ связи съ его анатоміею.

зывать высокія способности памяти, изощряет свой разумъ въ выработкѣ сужденія и въ примѣненіи различныхъ средствъ для достиженія различныхъ цѣлей.

Такимъ-то образомъ происходитъ процессъ развитія нервной системы у человѣка; таковы силы, послѣдовательно выказываемыя имъ. Наконецъ, разумъ его получаетъ преобладаніе. Его дѣйствія не опредѣляются больше одними ощущеніями; они опредѣляются въ гораздо большей степени идеями, возникшими изъ его первыхъ опытовъ. Между тѣмъ какъ животныя, ближе всего подходящія къ нему, требуютъ вѣшняго стимула, чтобы начать мыслить, человѣкъ можетъ управлять своими умственными функциями и въ этомъ отношеніи отдѣленъ отъ нихъ цѣлою пропастью. Онъ проходитъ постепенно черезъ три стадіи развитія: автоматическую, инстинктивную и умственную; у каждой свои отдѣльные аппараты, и все они дѣйствуютъ дружно, гармонически.

Но кромѣ этого инстинктивного аппарата, лежащаго надъ автоматическимъ, и умственного, расположеннаго надъ инстинктивнымъ, нервная система оказывается состоящею изъ двухъ равныхъ и симметрическихъ частей, лѣвой половины и правой половины. Можно считать, что каждое лицо состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ индивидуумовъ. Правая сторона можетъ быть парализована, лѣвая остается нетронутою; одна можетъ утратить зрѣніе и слухъ, другая сохранить ихъ. Обѣ боковыя половины ведутъ независимую другъ отъ друга жизнь. Но хотя въ этомъ смыслѣ онѣ независимы, въ другомъ онѣ тѣсно связаны. Мозгъ правой половины управляетъ лѣвою половиною тѣла, а лѣвый мозгъ наоборотъ. Въ родствѣ и антагонизмѣ двухъ половинъ головной системы слѣдуетъ искать объясненія таинственныхъ явленій двойной и перемѣнной жизни, сознанія прежняго существованія, ряда мыслей, часто двойственныхъ, но никогда не тройственныхъ, причудливыхъ фантазій—воздушныхъ замковъ, при которыхъ одна половина мозга прислушивается къ тому, что фантазируетъ другая, хотя обѣ половины знаютъ, что предметъ ихъ разсужденія—простая фикція. Строгость и точность умственныхъ отправленій зависятъ въ гораздо большей степени отъ уравновѣшенія обѣихъ половинъ, чѣмъ отъ ихъ развитія. Врядъ ли можно ожидать значительныхъ умственныхъ отправленій у человѣка, мозговья полушарія котораго неравны. Но для болѣе подробнаго ознакомленія съ этими вопросами совѣтую читателю обратиться къ моему сочиненію — *Физиологія*. Тамъ онъ найдетъ объясненіе характера записывающаго узла, физическую теорію памяти, причины измѣненія нашихъ психическихъ силъ въ разные времена, описаніе уха, какъ органа времени, глаза, какъ органа пространства, осязанія, какъ органа давленія и температуръ, обонанія и вкуса, какъ органовъ, служащихъ для химическаго опредѣленія газовъ и жидкостей.

Изъ разсмотрѣнія строенія, развитія и дѣйствія нервной системы человѣка мы приобретаемъ болѣе точныя взгля-

Каждое лицо состоитъ изъ двухъ разныхъ индивидуумовъ.

Послѣдствіе этой двойственности въ строеніи.

Заключенія, выведенныя

ды на его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ и получаемъ возможность строить болѣе вѣрныя психическія и метафизическія теоріи. Нѣтъ той однородности въ его умственномъ строеніи, которую предполагали писатели объ этихъ предметахъ. Это—тройной механизмъ. Постепенное, медленное и окончательное развитіе достигаетъ въ немъ своего максимума безъ перерыва. Тѣ части, которыя, въ виду своей сложности и цѣльности, даютъ у него такіе блестящіе результаты, замѣчаются въ зародышевомъ и бесполезномъ состояніи у другихъ организмовъ, стоящихъ неравненно ниже его. Очень многое зависитъ отъ яснаго пониманія этого зародышеваго бесполезнаго состоянія. Оно указываетъ на главный фактъ физиологіи,—фактъ, просмотрѣнный Аверроесомъ,—а именно: между тѣмъ какъ человѣкъ сходится съ низшими существами по типу своего строенія и переходитъ во время своего развитія черезъ превращенія, сходныя съ тѣми, которыя совершаются и въ нихъ, онъ одинъ обладаетъ отвѣтственною, безсмертною душою. Совершенно вѣрно, что многіе очень сходны съ нимъ по своему строенію, но существованіе строенія не подразумеваетъ необходимости отправленій. Въ мертворожденномъ ребенкѣ механизмъ дыханія, легкія, въ исправности, но воздухъ никогда не войдетъ въ нихъ, и цѣль, ради которой они были созданы, никогда не будетъ достигнута.

Болѣе того: порядокъ развитія жизни индивидуума и порядокъ развитія жизни земли одни и тѣ же; ихъ общія черты указываютъ на общій планъ. Но одно развитіе требуетъ нѣсколькихъ часовъ для своего выполнения, а другое мириады вѣковъ. Однородность ихъ прогрессивнаго движенія указываетъ на зависимость ихъ отъ незыблемаго и всемірнаго закона. Послѣдовательное появленіе животныхъ въ безконечномъ теченіи времени не совершалось случайно, но было предопредѣлено и такъ же вѣрно, какъ предопредѣлено и вѣрно появленіе послѣдовательныхъ формъ въ индивидуумѣ. Относительно послѣдняго мы не удивляемся, когда видимъ смѣну состояній, все болѣе и болѣе улучшающихся, восходящихъ все выше и выше къ тому совершенству, котораго данный индивидуумъ долженъ, наконецъ, достигнуть. Мы смотримъ на это какъ на совершенно естественное явленіе. За чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, смотрѣтъ на возникновеніе и исчезновеніе формъ какъ на нѣчто необъяснимое, какъ на результатъ внезапнаго творческаго акта или произвольнаго приговора о разрушеніи?

Въ этой книгѣ я старался изслѣдовать прогрессъ человѣчества и нашелъ, что въ немъ выказываются все фазы индивидуальнаго развитія, при чемъ доказательства, на которыя я ссылался, были чисто историческаго характера, совершенно отличныя отъ тѣхъ, на которыя опирались наши заключенія въ параллельныхъ примѣрахъ. Справедливость изложенныхъ нами идей подтверждается тѣмъ, что къ концу нашего изслѣдованія мы встрѣчаемъ полную гармонию между жизнью индивидуума, жизнью общества и жизнью земли.

Возможно ли допустить, что индивидуумы въ своемъ развитіи подчиняются закону, что планеты двигаются согласно законамъ, но что общество въ своемъ развитіи не подчиняется никакимъ законамъ?

Слѣдовательно человѣкъ заканчиваетъ собою безконечный рядъ организмовъ, которые развивались съ теченіемъ времени, подъ влияніемъ закона. Законъ управляетъ неорганическимъ міромъ и заставилъ землю перейти послѣдовательно и медленно черезъ разныя физическія ступени развитія. Пластическія формы органическихъ существъ видоизмѣнились, чтобы подойти къ измѣнившимся условіямъ. Неизмѣнность этого закона доказывается безчисленными вѣками, въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ всегда въ одномъ и томъ же направленіи, его всеобщностью, тѣмъ, что онъ одинаково дѣйствуетъ и въ жизни самага ничтожнаго существа.

Но мы изслѣдовали только часть соціологіи, изучая ея развитіе. Съ высшей философской точки зрѣнія предметъ этотъ заключаетъ въ себѣ какъ сравнительную, такъ и человѣческую соціологію. Хотя нельзя представить себѣ общества, дѣйствія котораго были бы чисто рефлективны, но можетъ существовать одно общество, дѣйствія котораго будутъ подчинены разуму. Такъ какъ существенное условіе всякаго общества—общеніе между его членами, то отсюда происходятъ необходимыя видоизмѣненія, которыя находятся въ относительной зависимости отъ осязанія или другихъ болѣе высокихъ и болѣе тонкихъ чувствъ. Такъ, существуютъ общества, напр., среди насѣкомыхъ, которыя находятся въ зависимости исключительно отъ соприкосновенія щупальцевъ. Человѣческое общество, основанное на рѣчи, слухѣ, зрѣніи, имѣетъ свои неясныя начала и зародыши на очень низкой ступени животной лѣстницы, напр., въ видѣ колоколообразнаго звука, издаваемого нѣкоторыми голожаберными брюхоногами, или полудночнаго постукиванія, какимъ щелкунъ привѣтствуетъ свою самку. Общество, основанное на инстинктѣ, отличается своею неподвижностью; оно обязательно непрогрессивно. Общество, основанное на разумѣ, всегда прогрессируетъ.

Но, оставивъ это общее изслѣдованіе соціологіи и ограничивъ наше вниманіе исключительно человѣчествомъ, мы сразу замѣчаемъ слѣдующій фактъ: направленіе нашего развитія—чисто умственное, — къ этому заключенію мы всегда приходимъ, все равно, станемъ ли мы изучать этотъ предметъ съ анатомической точки зрѣнія или съ исторической. Съ анатомической точки зрѣнія мы не находимъ въ нервной системѣ никакихъ особенныхъ органовъ для улучшения нашей нравственности, если не считать косвеннаго вліянія, черезъ посредство умственнаго, такъ какъ все развитіе совершается ради разума. Съ исторической точки зрѣнія мы видимъ, подобнымъ же образомъ, что умственное развитіе всегда опережало общественное и что нравственное было подчинено ему. Первое являлось источникомъ движенія, второе только пассивно воспринимало его.

Ошибочно было заставить прогрессъ общества зависѣть отъ того, что само оно находится подъ давленіемъ вышшаго начала. На первыхъ и низшихъ стадіяхъ индивидуальной жизни мы можемъ еще руководиться одною нравственностью. Такимъ именно образомъ мы можемъ руководить нашими дѣтми, но, имѣя дѣло съ юношею, мы должны уже обращаться къ его разуму. Система, основанная исключительно на нравственности, должна раньше или позже вступить въ антагонизмъ съ разумомъ, и, если она не заключаетъ въ себѣ данныхъ для приспособленія въ измѣнившимся обстоятельствомъ, ей грозитъ неминуемая гибель. Въ этомъ и заключалась крупная ошибка римской системы, господствовавшей въ Европѣ во время развитія ея цивилизаціи. Въ основаніи ея лежало однообразное неподвижное психологическое состояніе человѣка. Забывая, что силы ума возрастаютъ вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями знаній, система эта считала, что лица, жившія въ старину, нисколько не ниже въ умственномъ отношеніи лицъ, живущихъ теперь, хотя наши дѣти въ 16 лѣтъ обладаютъ гораздо болѣе обширными знаніями, чѣмъ наши предки въ 60. Возможность такого продолжительнаго существованія для подобной системы доказываетъ умственное неразвитіе современнаго ей общества, неразвитіе, которое мы замѣчаемъ, напримѣръ, когда умъ ребенка не возмущается противъ нравственныхъ убѣжденій, часто слабыхъ по существу, помощью которыхъ мы пытаемся вліять на него. Но было бы такъ же не философски относиться съ презрѣніемъ къ идеямъ, служившимъ руководствомъ въ первые вѣка европейской жизни, какъ относиться съ презрѣніемъ къ побужденіямъ, руководившимъ нашими дѣйствіями въ юности. Ихъ слабость и некомпетентность извиняются тѣмъ, что они какъ нельзя лучше подходили къ періоду жизни, къ которому они примѣнялись.

Но, разсматривая эти вопросы, мы видимъ, что существуютъ вещи, на которыя нельзя распространить примѣненіе такихъ методовъ. Глава семьи поступилъ бы неразумно, примѣняя къ своему двадцатидолѣтнему сыну методы, примѣнявшіеся къ нему въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Такіе методы могли бы оказаться дѣйствительными только при содѣйствіи физической силы. Въ годы, протекшіе между этими возрастамъ, произошла большая перемѣна, и идеи, нѣкогда могущественныя, не оказываютъ болѣе никакого вліянія. Нравственное начало могло остаться неизмѣннымъ; оно могло улучшиться или ухудшиться, все равно. Но что измѣнилось — это мышленіе. Въ зрѣломъ возрастѣ необходимо употреблять разсужденіе и убѣжденіе. Попытка, во что бы то ни стало, проводить абсолютную систему, проводить ее путемъ принужденія, возбудила бы только возраженія и насмѣшки.

Съ человѣчествомъ происходитъ то же, что и съ индивидуумомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народы могутъ жить при формахъ жизни, удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ и подходящихъ къ ихъ неразвитому уму; но ошибочно было бы предположить, что такого рода состояніе

можетъ продолжаться до безконечности. Критическій взглядъ сразу откроесть, что уместенныя черты даннаго поколѣнія совершенно не похожи на характеристическія черты ихъ предковъ. Новые идеи и новый образъ дѣйствій являются признаками измѣненія, происшедшаго молча, незамѣтно. Хотя въ короткіе промежутки времени измѣненіе это не можетъ достигнуть особенно большихъ размѣровъ, но съ теченіемъ времени оно должно было обязательно представить намъ общество, переросшее свои формы, свои правила жизни.

Когда недостатокъ гармоніи дѣлается замѣтнымъ, когда социальная система становится несомвѣстимою съ социальнымъ положеніемъ и представляетъ собою дѣйствительно обветшалый анахронизмъ, тогда неразумно и нелѣпо прибѣгать къ средствамъ принужденія. Какова бы ни была сила правительствъ или авторитетовъ, она не можетъ приостановить уместеннаго развитія, потому что оно пробиваетъ себѣ дорогу помощью органическаго закона, надъ которымъ никто не властенъ.

Астрономы утверждаютъ иногда, что солнце—прямая или косвенная причина всѣхъ математическихъ движеній, происходящихъ на землѣ. Физиологи утверждаютъ, что оно—производительное начало всѣхъ безчисленныхъ живыхъ формъ, населяющихъ поверхность земли.

Если бы можно было устранить свѣтъ, тепло и другія физическія вліянія солнца, случилось бы неподвижное ледяное море, окружающее молчаливые, уединенные берега. Но отдерните покрывало или верните прежнее значеніе исчезнувшимъ вліяніямъ, и ночь и тишина уступятъ мѣсто дѣятельности и перемѣнѣ. При утреннихъ лучахъ дня тропическія воды, разливаясь, будутъ направляться съ востока на западъ, слѣдя движенію солнца; каждое новое утро будетъ возобновлять импульсъ и усиливаетъ движеніе медленно, но неудержимо движущагося потока. Въ одномъ мѣстѣ текущая масса будетъ двигаться сплотнымъ образомъ; въ другомъ, подхваченная и остановленная случайно выдвинувшимися скалами, она образуетъ небольшіе водовороты и будетъ терять на нихъ часть своей силы, или, сдвленная въ узкомъ проходѣ, она неудержимо, бурно вырвется наружу. На ея поверхности будутъ играть мириады струй, или дующіе другъ противъ друга вѣтры, вызванные къ существованію подобными явлениями въ воздухѣ, подымутъ на ея поверхности волны, оглашающія берега звукомъ своихъ ударовъ о землю. Дважды въ день, благодаря совмѣстному вліянію солнца и луны, точно отъ дыханія неодоушеннаго земнаго шара, будетъ подыматься приливъ или волны въ видѣ отлива будутъ опять опускаться въ глубину.

Водовороты, струи, волны, течения,—все это случайныя формы, въ которыхъ выражается сообщенная первоначально сила. Они всѣ производятъ трату силы. Жизнь ихъ, если можно употребить такое выраженіе, не составляетъ ихъ собственности, а принадлежитъ океану, собственность котораго они составляютъ.

Вліянія, которыя метафорически придаютъ жизнь морю, придаютъ ее въ дѣйствительности землѣ. Благодаря ихъ и на органическую природу. Благодаря вліянію, она облекается зеленью и покрывается безчисленными мириадами животныхъ, которыя также, подобно водоворотамъ и струямъ моря, тратятъ часть сообщенной имъ силы. Жизнь такихъ случайныхъ формъ, черезъ которыя передается сила, принадлежитъ не имъ, но вселенной, часть которой они составляютъ.

Между волнами на океанѣ нѣтъ и двухъ сходныхъ. Вѣтры, берега, ихъ взаимное вліяніе, сотни вышнихъ вліяній образуютъ изъ нихъ эфемерныя формы. Подобнымъ же образомъ и соединенія веществъ, изъ которыхъ состоятъ воодушевленные существа, представляютъ пластическую субстанцію, способную видоизмѣняться. Число индивидуумовъ такъ же велико, какъ велико число струй въ морѣ.

По мѣрѣ измѣненія вышнихъ обстоятельствъ, измѣняются и одушевленные формы; такимъ образомъ возникаютъ сѣрии животныхъ, члены которыхъ состоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Последовательный рядъ вышнихъ обстоятельствъ выказывается въ последовательномъ рядѣ живыхъ типовъ. Изъ существующихъ уже частей или вещей образуются новыя части или вещи, при чемъ новыя не прибавляются къ старымъ или не нарастаютъ на нихъ, но связаны съ ними и развиваются изъ нихъ. Изъ однороднаго или общаго возникаетъ разнородное или особенное. Новый членъ, выработанный особо, тайно, никогда не появляется внезапно на организмѣ. Новые животныя типы никогда не проявлялись внезапно среди старыхъ, но возникали изъ нихъ путемъ последовательнаго развитія. Такъ же вѣрно, какъ то, что каждое живое существо должно умереть, оно должно достигнуть совершенства путемъ последовательнаго перехода черезъ подчиненныя формы. Индивидуумъ или даже видъ составляетъ только зоологическую фазу при переходѣ къ чему-то вышнему. Внезапно развившійся юноша представляетъ такую же физиологическую невозможность, какъ и безсмертное животное.

Этотъ постоянный переходъ отъ одного строенія къ другому, отъ одной функціи къ другой представляетъ, въ цѣломъ, видъ прогрессивнаго улучшенія, и многие смѣтрѣли на него именно такимъ образомъ. Если сравнивать низшія животныя, которыя движутся по рефлексу безсознательно, какъ только получаютъ извѣстное впечатлѣніе, съ высшими, движенія которыхъ совершаются подъ вліяніемъ предыдущихъ впечатлѣній и, слѣдовательно, управляются идеями, намъ кажется, что такое улучшеніе дѣйствительно произошло. Тѣмъ не менѣе оно чисто физическаго свойства. Каждое впечатлѣніе, сознательно полученное слономъ или собакою, подразумѣваетъ измѣненія въ нервныхъ центрахъ, а эти измѣненія лежатъ въ основаніи памяти, обнаруживаемой этими животными. Нашъ собственный опытъ доставляетъ намъ много примѣровъ для уясненія занимающаго насъ вопроса. Когда мы смотримъ пристально на ярко освѣщенный предметъ, и

затѣмъ отворачиваемся отъ него, у насъ все еще остается слабое впечатлѣніе предмета, на который мы смотрѣли; а когда искра быстро кружится, намъ кажется, что мы видимъ передъ собою огненный кругъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на съчатую оболочку, продолжается, пока искра не завершитъ своего круга. Подобнымъ же образомъ, хотя гораздо менѣе полнымъ, запечатлѣваются или накапливаются въ нервныхъ узлахъ ощущенія впечатлѣнія, призраки когда-то бывшихъ дѣйствительно ощущеній. Въ этихъ органахъ могутъ быть сложены другъ на другъ безконечное количество образовъ.

Человѣкъ во многихъ важныхъ отношеніяхъ сходенъ съ животными, приближающимися къ нему по анатомическому строенію. Онъ также представляетъ непрерывную послѣдовательность матеріи, постоянную трату силъ. Впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ скрываются въ его нервныхъ узлахъ ощущеній, чтобы въ должное время появиться наружу и образовать побудительныя причины для дѣятельности. Но онъ отличается отъ животныхъ въ томъ отношеніи, что у нихъ извѣстныя стороны существуютъ въ элементарномъ зачаточномъ состояніи, а у него въ полномъ, совершенномъ. Изъ орудія инстинкта онъ обратился въ орудіе ума. У болѣе совершенныхъ четвероногихъ требуется внѣшній стимулъ, чтобы вызвать потокъ мыслей, которыя тогда получаютъ определенное направленіе, при чемъ дѣйствія ихъ указываютъ, что при данныхъ обстоятельствахъ они разсуждаютъ совершенно такъ, какъ человѣкъ, выводя болѣе или менѣе вѣрныя заключенія изъ фактовъ, представленныхъ на ихъ усмотрѣніе. Но какъ только орудіе разума усовершенствовано, оно быстро пускается въ ходъ, ведѣтъ за чѣмъ получаютъ явленія высшаго порядка. Преемственность идей подчинена контролю. Новыя теченія мыслей возникаютъ не только благодаря дѣйствию внѣшнихъ причинъ, но также и въ силу внутреннихъ, самопроизвольныхъ вліяній. Пассивное обратилось въ активное. Животныя помнятъ, человѣкъ воспоминаетъ. Все показываетъ, что ведѣтъ за развитіемъ или усовершенствованіемъ этого орудія разума появилась прибавка новаго дѣятеля или принципа, который можетъ пускать его въ дѣло.

Существуетъ, слѣдовательно, разница между животными и человекомъ не только относительно строенія, но и относительно судьбы ихъ. Ихъ активная сила сливается съ другими мировыми силами и исчезаетъ, но специальный принципъ, положенный въ основаніе жизни человѣка, остается. Мы охотно вѣримъ, что этотъ принципъ олицетворяется и что тѣни мертвыхъ походятъ на ихъ живыя формы. Въ восточной Азіи, гдѣ философія освоилась съ абстрактною идеею силы, удовольствія, доставляемая намъ такою точкою зрѣнія, отвергались, а на сцену выступило безотрадное ученіе буддизма, удоболюбующее жизнь человѣка горящей лампѣ, а смерть ея угасанію. Усматривая въ измѣненіи вещей, насколько онъ доступенъ узкому кругозору человѣка, указаніе на измѣненія и распредѣленіе силы въ природѣ, ученіе это возвышается до величественнаго и, нужно прибавить, до ужаснаго понятія о вселенной

Но Европа, а также магометанскія націи Азіи отнеслись неблагоприятно къ этому взгляду. Онъ вѣрять въ индивидуальное воплощеніе души и въ будущую жизнь. Глаза—Человѣческая душа. то окно, черезъ которое усматривается это таинственное начало; черезъ посредство слуха доводится до его свѣдѣнія внѣшніе звуки и гармоніи; черезъ другіе органы осязательныя качества тѣлъ дѣлаются извѣстными. Изъ молчаливыхъ палатъ и извилистыхъ лабиринтовъ мозга закутанная въ покрывало чародѣйка глядитъ на внѣшній міръ и подчиняетъ своимъ чарамъ покорное ей тѣло.

Это различіе понятій о положеніи человѣка между восточными и европейскими народами выступаетъ на свѣтъ въ ихъ идеяхъ относительно характера вселенной. Одни видятъ въ ней только громадную машину, въ которой звѣзды и планеты распространяютъ силу и подвергаются предопредѣленнымъ измѣненіямъ. Другіе, воодушевляясь болѣе вѣрными философскими взглядами и лучшими знаніями, провозглашаютъ существованіе личнаго Бога, который созерцаетъ всѣ событія и располагаетъ ихъ въ одну обширную панораму, разстилающуюся передъ нимъ.

ГЛАВА XI.

Европейскій вѣкъ разума.

(конецъ).

СОЮЗЪ НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Европейскій прогрессъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія точнаго знанія.—Его сходство съ прогрессомъ въ Греціи.

Открытія относительно воздуха.—Его механическія и химическія свойства.—Его отношенія къ животнымъ и растеніямъ.—Вѣтры.—Метеорологія.—Звуки.—Акустическія явленія.—Открытія относительно океана.—Физическія и химическія явленія.—Приливы и отливы и теченія.—Облака.—Разложеніе воды.

Открытія относительно другихъ веществъ.—Успѣхи химіи.

Открытія относительно электричества, магнетизма, свѣта и тепла.

Механическая философія и изобрѣтенія.—Физическія орудія.—Результатъ, къ которому привела хлопчатобумажная мануфактура.—Паровая машина.—Вѣленіе.—Каналы.—Железныя дороги.—Улучшенія въ постройкѣ машинъ.—Общественныя перемѣны, вызванныя этимъ.—Дѣйствіе на умственную дѣятельность.—Научные вклады различнаго рода націй, особенно Италіи.

Вѣкъ разума въ Европѣ представляетъ всѣ особенности вѣка разума въ Греціи.—Изучая его, мы видимъ передъ собою новѣйшихъ представителей короля Птолемея Филархидельфскаго съ его печатями и тиглями; Гиппарха, составившаго каталогъ звѣздъ; Аристилла и Тимохара, съ ихъ камен-

Аналогія между вѣками разума въ Европѣ и Греціи.

ными квадрантами и армиллярными сферами, опредѣлявшими движенія планетъ; Эратосфена, измѣрявшаго объемъ земли; Герофила, разсѣкавшаго человѣческое тѣло; Архимеда, установившаго законы механики и гидростатики; Манефона, провѣрившаго лѣтоисчисленія древняго Египта; Эвклида и Аполлонія, усовершенствовавшихъ математику. Устраиваются ботаническіе и зоологическіе сады на подобіе александрійскихъ и совершаются экспедиціи къ источникамъ Нила. Направленіе мыслей то же; но прогрессъ принялъ болѣе широкіе размѣры и приводитъ къ болѣе блестящимъ результатамъ. Путешествія на Мадагаскаръ замѣняются кругосвѣтными путешествіями; вращающаяся паровая машина Герона — двойною паровою машиною Уатта; большая галера Птолемея, съ ея многочисленными скамьями для гребцовъ — океанскими пароходами; уединенный сторожевой огонь Фароса — тысячею маяками, съ ихъ постоянными и вращающимися огнями; курьеръ на его арабскомъ конѣ — локомотивомъ и электрическимъ телеграфомъ; скрипторій въ Серапіонѣ съ его листами папируса, — безчисленными печатными станками; *Альмагеста* Птолемея *Piscipia* Ньютона, а самъ музей — англійскими, французскими, итальянскими, германскими, голландскими и русскими философскими обществами, университетами, коллегіями и другими учеными учрежденіями.

Разработка науки производится въ такомъ обширномъ размѣрѣ, такъ много лицъ занято ею, такіе быстрые успѣхи въ дѣлѣ приоб- рѣтенія знаній. Хи дѣлаетъ она и такъ великіи получаемыя отъ нея матеріальныя выгоды, что не трудно опредѣлить въѣкъ, характеристическою чертою котораго она является. Поверхностнаго взгляда достаточно, чтобъ доказать ея сходство съ тѣмъ періодомъ греческой жизни, на который я уже ссылался. Для того, чтобы лучше выяснитъ его черты, я приведу краткій обзоръ успѣховъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія, избравъ для этой цѣли предметы, представляющіе наиболѣе общій интересъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на атмосферу и на связанія съ нею явленія.

Изъ наблюденій надъ сумерками, надъ эластичностью воздушныхъ тѣлъ, надъ сжимающимъ дѣйствіемъ холода выведено было заключеніе, установленное еще Аль-Газеномъ, что атмосфера не простирается безгранично въ пространство. Высота ея равняется приблизительно 45 милямъ. Вслѣдствіе ея сжимаемости, наиболѣе значительная ея часть заключается въ еще меньшихъ границахъ; если бы плотность ея была одинакова, она простиралась бы не больше, какъ на 29000 футовъ. Вслѣдствіе этого оказывается, что, по сравненію ея съ размѣрами земли, она представляется незначительною воздушною оболочкою, составляющею по толщинѣ восьмую часть разстоянія отъ земного центра, такъ что ея громадность — обманъ зрѣнія. Она по своей величинѣ относится къ величинѣ земли такъ, какъ пушокъ перца къ самому фрукту.

Механическая теорія атмосферы стала на твердую почву, какъ только выработаны были правильные взгляды на давленіе

жидкостей, взгляды, преподаваемые нѣкогда Архимедомъ, — изслѣдованы условія вертикальныхъ и косвенныхъ давленій, доказано равенство давленія во всѣхъ направленіяхъ и получено доказательство, что сила давленія жидкости гораздо болѣе большая на днѣ стакана, чѣмъ на ея поверхности.

Нѣкоторыя изъ этихъ заключеній были весьма скоро примѣнены къ воздушнымъ тѣламъ. Тяжесть атмосферы была доказана, ея давленіе измѣрено; затѣмъ возникъ споръ относительно дѣйствія насосовъ и уничтоженія аристотелевскаго ученія о страхахъ пустоты. Съ этимъ совпало изобрѣтеніе барометра, и вѣрность его теоріи была доказана помощью опытовъ на колокольцѣ въ Парижѣ и на горахъ въ Оверни. Изобрѣтеніе воздушнаго насоса и данное съ его помощью прекрасное объясненіе свойствъ атмосферы сильно увеличили любовь къ физикѣ.

За изслѣдованіемъ механическихъ отношеній воздуха послѣдовало вскорѣ изслѣдованіе химическаго его состава. Съ отдаленныхъ временъ его считали элементомъ, хотя признавали, что онъ можетъ портиться и гнить. Великое открытіе кислорода установило въ надлежащемъ видѣ его химическія отношенія. Одинъ за другимъ открыты были и другіе газы, какія простые, такъ и сложныя. Затѣмъ было доказано, что атмосфера составляетъ общій пріемникъ для всѣхъ газовъ и испареній, и теперь возникла задача опредѣлить, какія измѣненія произошли въ ея составѣ.

За отрицательнымъ рѣшеніемъ этой задачи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣсколькимъ послѣднимъ тысячелѣтіямъ, послѣдовало признаніе антагонизма между животными и растениями и ихъ взаимнаго уравновѣшиванія, при чемъ послѣднія исполняютъ свою обязанность подѣ влияніемъ солнца, хотя оно находится на разстояніи сотенъ тысячъ миль отъ нихъ. Отсюда выводилось заключеніе, что общая сумма животной жизни не приравливается къ растительной посредствомъ постоянного вѣднательства, но что въ этомъ отношеніи міръ управляется благодаря дѣйствію естественныхъ причинъ и закона, — заключеніе, особенно величественное потому, что оно обнимаетъ всѣ новыя существа, въ томъ числѣ и человѣка. Подробности этого изслѣдованія доказали, что органическое вещество растений происходитъ отъ сгущенія неорганическаго воздуха, къ которому, въ свою очередь, возвращаются всѣ животныя, такъ что частицы кружатся непрерывно по однимъ и тѣмъ же кругамъ, постоянно повторяя свое круговое движеніе и находясь то въ воздухѣ, то въ растеніяхъ, то въ животныхъ, то опять въ воздухѣ; импульсъ движенія дается солнцемъ, откуда получается сила, которая сосредоточивается въ растительныхъ тканяхъ и освобождается въ видѣ огня, свѣтитъ намъ изъ нашего пламени, угнетаетъ насъ во время горячекъ и смущаетъ насъ въ видѣ внезапно вспыхнувшей краски на лицѣ.

Такъ какъ органическія измѣненія въ воздухѣ помощью дыханія и роста растеній проходятъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы, то однородность ея была бы невозможна,

<sup>и харак-
теръ.</sup> если бы не дѣйствіе вѣтровъ и не распространеніе газовъ, которое, какъ оказывается, происходило бы при всякомъ давленіи. Причина вѣтровъ была, наконецъ, найдена въ вліяніи солнца, теплота котораго согреваетъ воздухъ, вслѣдствіе чего низшія его частицы стремятся вверхъ, а верхнія опускаются внизъ. Дано было объясненіе вѣтровъ, дующихъ съ суши и съ моря, а пассатные вѣтры были признаны доказательствами вращенія земли. Позже послѣдовало объясненіе муссоновъ, приписанныхъ поперемѣнному нагрѣванію и охлажденію Азіи и Африки на противоположныхъ сторонахъ линіи, и шкваловъ, представляющихъ диски воздуха, вращающіеся вокругъ переносимой оси съ диаметромъ въ сто или сто пятьдесятъ миль,—при чемъ ось движется по криволинейному пути, дѣлая прогрессивно двадцать или двадцать пять миль въ часъ такъ, что движенія эти происходятъ въ противоположныхъ направленіяхъ въ противоположныхъ полушаріяхъ.

Экваторіальные штили и пассатные вѣтры были объяснены физическими причинами; отсюда сдѣлалось ясно, что вѣтры отдаленныхъ отъ экватора широтъ, хотя и вошли въ пословицу вслѣдствіе своего непостоянства, подчиняются, тѣмъ не менѣе, физическимъ причинамъ.

Рядомъ съ этими осязательными движеніями существуютъ другія, менѣе замѣтныя. Черезъ воздухъ, помощью движенія его, передаются намъ звуки.

Александрійскіе математики любили заниматься изслѣдованіемъ <sup>о звукахъ; ихъ
скорость.</sup> ями звука. Современная акустика основывается на слѣдующемъ: звучащее тѣло ничего изъ себя не испускаетъ, только части его вибрируютъ и приводятъ въ движеніе посредствующую среду между ними и ухомъ. Не только помощью воздушнаго насоса, но и помощью изслѣдованія атмосферы высшихъ областей было установлено, что сила звука зависитъ отъ плотности воздуха. На вершинѣ горы звукъ пистолетнаго выстрѣла кажется не громче звука ракеты, пущенной внизу, въ долину. Что касается до постоянного распространенія звуковъ, то всякій разъ, когда выстрѣлъ раздавался, замѣчали, что свѣтъ появляется задолго до появленія звука пропорціонально разстоянію. Флорентинскіе академики пытались опредѣлить скорость и нашли, что она равняется 1148 фут. въ секунду. Болѣе точные и недавніе эксперименты опредѣлили ее въ 1089,42 фута при точкѣ замерзанія воды; но скорость, хотя и независимо отъ плотности, усиливается вмѣстѣ съ температурою по 1,14 фута для каждаго градуса. Въ другой средѣ скорость звука медленнѣе: въ водѣ онъ проходитъ около 4687 ф. въ секунду, въ чугунѣ—въ 10 $\frac{1}{2}$ больше, чѣмъ въ воздухѣ. Всѣ звуки, независимо отъ ихъ силы и тона, движутся съ одинаковою скоростью, при чемъ сама среда остается неподвижною. Внезапное сжатіе воздуха, сопровождающее распространеніе звука, даетъ начало временному развитію теплоты, которая усиливаетъ эластичность воздуха,—отсюда скорость больше, чѣмъ 916 футовъ въ секунду, т. е. чѣмъ выведенная изъ теоріи средняя скорость звука.

Если мы отъ звучащей среды обратимся къ звучащимъ тѣламъ, то увидимъ, что высокіе и низкіе звуки зависятъ <sup>Акустическія
явленія.</sup> отъ частоты вибрацій. Ухо не можетъ воспринять звука, состоящаго изъ меньшаго числа вибрацій, чѣмъ 32 въ секунду, или изъ большаго числа вибрацій, чѣмъ 24000. Количество вибрацій въ одной нотѣ было вычислено помощью вращающагося колеса и другими способами. Я не располагаю достаточнымъ временемъ, чтобъ излагать изслѣдованія многихъ другихъ акустическихъ фактовъ, какъ, напр., отношеніе звуковъ къ фазамъ сгущенія и разрѣженія въ эластической средѣ, происходящее въ опредѣленномъ направленіи; измѣненія въ звукѣ, въ его интенсивности и качествѣ; его передача въ криволинейномъ направленіи и обходъ имъ препятствій; возникновеніе симпатическихъ звуковъ; звуковые узлы; дѣйствіе трубъ и флейтъ и другихъ духовыхъ инструментовъ; различныя вибраціи твердыхъ тѣлъ, какъ, напр., колокольчика, или тканей, какъ, напр., барабанъ; видимыя акустическія линіи; рефлексъ волнъ на поверхности различныхъ формъ; интерференція звуковъ, заключающаяся въ томъ, что какъ бы ни были они сильны каждый въ отдѣльности, но благодаря имъ можетъ водвориться молчаніе; шепчущіяся галлерей, эхо, характеръ произносимыхъ звуковъ, строеніе говорящихъ машинъ.

Подобно воздуху, океанъ, покрывающій три четверти земной поверхности, теряетъ въ значительной степени свой <sup>Океанъ; его раз-
мѣры.</sup> внушительный видъ, какъ только мы его приведемъ въ его истинные размѣры. Лакъ, покрывающій двѣнадцатидюймовый глобусъ, довольно хорошо представляетъ его относительные размѣры.

На основаніи теоріи тяготѣнія, приливы океана объяснялись притягательною силою луны и солнца. Теченія его въ <sup>Приливы и те-
ченія.</sup> общемъ аналогичны съ теченіями воздуха. Они возникаютъ вслѣдствіе дѣйствія солнечной теплоты, при чемъ температура моря колеблется отъ 85° въ жаркомъ поясѣ до точки замерзанія у полюсовъ. Его удѣльный вѣсъ на экваторѣ опредѣляется въ 1,028; но эта плотность необходимо мѣняется соотвѣтственно количеству испареній; чистый паръ подымается и остается болѣе сгущеннымъ соляной растворъ. Это въ нѣкоторомъ отношеніи противодѣйствуетъ расширенію воды путемъ нагрѣванія, потому что солнечные лучи, которые могутъ проникать на нѣсколько футовъ въглубь поверхности, возвышаютъ соотвѣтственно температуру этой части, которая расширяется и дѣлается легче; но въ то же время испаренія съ поверхности увеличиваютъ вѣсъ воды. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе перевѣса расширенія образовались теченія; изъ нихъ самымъ поразительнымъ примѣромъ служитъ гольфстремъ.

Физическое дѣйствіе солнца, въ смыслѣ порожденія морскихъ теченій, происходитъ вслѣдствіе расширенія воды, теп- <sup>Дѣйствіе океа-
ническихъ те-
ченій.</sup> лья частицы которой подымаются вверхъ, а холодныя опускаются, чтобы занять мѣсто первыхъ. Эти теченія, какъ теплыя, такъ и холодныя, подвергаются вліянію суточного вращенія земли, при чемъ это движеніе земли вліяетъ на нихъ совершенно такъ же, какъ и на вѣтры. Они оказываютъ такое сильное дѣй-

ствие на проведение теплоты, что часто нарушаютъ обыкновенныя климатическія отношенія, зависящія отъ положенія солнца. Такимъ образомъ, гольфстремъ, рѣка горячей воды въ холодномъ океанѣ, разливаясь по поверхности Атлантическаго океана, передаетъ въ воздухъ, по достиженіи болѣе сѣверныхъ широтъ, ту теплоту, которая была вынесена имъ изъ тропическихъ поясовъ; теплота эта, переносимая юго-западнымъ вѣтромъ (который дуетъ здѣсь большую часть года) на западную часть европейскаго материка, возвышаетъ на нѣсколько градусовъ среднюю годовую температуру этихъ мѣстъ, не только регулируя распредѣленіе животныхъ и растений, но и оказывая вліяніе на человѣческую жизнь и занятія, дѣлая пріятными тѣ мѣста, которые иначе были бы суровыми, и способствуя развитію цивилизаціи. Слѣдовательно все, что можетъ дѣйствовать на теплоту, объемъ, скорость и направленіе такого потока, приводитъ къ важнымъ послѣдствіямъ для органическаго міра.

Александрійская школа пріобрѣла правильные взгляды на механическія свойства воды, какъ типа жидкостей. Но выработанныя ею знанія были, впрочемъ, совершенно потерянны для Европы на много лѣтъ, до времени Стевина и Галилея, которые выработали вновь правильные взгляды на природу давленія, какъ вертикальнаго, такъ и косвеннаго, и дали прочныя основанія наукѣ гидростатики и гидродинамики. Флорентинскіе академики, на основаніи опытовъ надъ водою, заключенною въ золотомъ шарѣ, пришли къ заключенію, что вода не подвергается сжатию; затѣмъ это заблужденіе было разсѣяно и сжимаемость воды измѣрена. Различныя стадіи этого сжатія, ледъ, вода и пары, были поставлены въ зависимость отъ количества скрытой теплоты, ея включавшейся въ нихъ. Эти изслѣдованія дали начало изобрѣтенію паровой машины, о которой можно сказать, что она произвела переворотъ во всемъ промышленномъ мірѣ. Вскорѣ за объясненіемъ причины этихъ трехъ состояній воды, послѣдовало великое открытіе, что мнѣніе нашихъ предковъ о водѣ, какъ стихіи, совершенно ошибочно. Это не простой элементъ, а составъ изъ двухъ частей, кислорода и водорода, что было доказано неопровержимо разложеніемъ и образованіемъ воды. Постепенно введены были болѣе правильные взгляды на свойства испаренія: доказано было, что газы и пары могутъ существовать совместно въ одномъ и томъ же пространствѣ, не потому, что они растворяютъ другъ друга, а изъ силу своей индивидуальной и самостоятельной эластичности. Мгновенное образованіе паровъ въ пустотѣ показываетъ, что опредѣляющее условіе—теплота и что количество паровъ, которое можетъ существовать въ данномъ пространствѣ, пропорціонально температурѣ. Вскорѣ выработаны были болѣе научныя взгляды на свойства максимальной плотности, и на этомъ основаніи устроено было улучшеніе въ низкомъ давленіи паровыхъ машинъ,—получился какъ бы парадоксъ: сгущеніе пара безъ охлажденія цилиндра.

Подобнымъ же образомъ объяснены были метеорологическія отправления воды. Доказано было, что ежедневное испареніе воды зависитъ отъ количества полученной ею

Физическія и химическія отношенія воды.

Облака и ихъ номенклатура.

теплоты; паръ подымается невидимо въ воздухъ, пока не достигаетъ верхнихъ слоевъ атмосферы, гдѣ температура ниже. Здѣсь производится сгущеніе пара въ пузырьки, имѣющіе $\frac{1}{50000}$ дюйма въ діаметрѣ, а изъ мириады такихъ пузырьковъ образуются облака. Облака, несмотря на безчисленныя ихъ формы, были классифицированы на перистыя, кучевыя, слоистыя и т. д. Сдѣлалось ясно, почему одни изъ нихъ разсѣваются и исчезаютъ, а другія спускаются внизъ въ видѣ дождя. Доказано было, что капли не могутъ быть чистыми, такъ какъ онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ пылью, съ растворимыми газами и органическими веществами, содержащимися въ воздухѣ. Опускаясь на землю, вода вновь выходитъ изъ нея въ видѣ источниковъ, захватывающихъ съ собою разныя частицы земли, съ которою они соприкасаются, и прокладываящихъ себѣ дорогу къ морю, соединяясь въ ручьи и рѣки и осушая почву. Такимъ-то путемъ возвращается вода обратно въ пріемникъ, изъ котораго вышла; теплота солнца подымаетъ ее съ поверхности океана; теплота солнца возвращаетъ ее обратно на прежнее мѣсто; и такъ какъ ежегодное количество теплоты одно и то же, то количество воды также всегда одинаково. Второстепенные результаты, не имѣющіе большого значенія, сопровождаютъ эти движенія. Каждая капля дождя, падающая на землю, разлагаетъ части почвы и передвигаетъ ихъ; каждый ручей уноситъ въ море твердыя части почвы. Обязанность геологій опредѣлить громадную массу насосовъ, показать, какъ смываются цѣлыя матеріи и какъ образуются новые и какъ вѣдливость земли подвергается постояннымъ измѣненіямъ и обновленіямъ.

Искусственное разложеніе воды составило эпоху въ химіи. Въ Европѣ эта наука, въ противоположность арабской, возникла изъ ученія о кислотахъ и алкалоидахъ и ихъ нейтрализаціи. Это было приблизительно въ 1614 г. Замѣчено было, что соединеніе тѣлъ связано съ обладаніемъ противоположными качествами, и это дало начало понятію о притяженіи въ случаѣ сродства. За этимъ послѣдовало открытіе притяженія по выбору. Затѣмъ доказано было, что это притяженіе связано съ противоположными электрическими состояніями,—такъ что химія и электричество сблизилась. За этимъ послѣдовала цѣлая рядъ блестящихъ открытій: металлы дѣлались настолько легкими, что могли плавать на водѣ и даже, повидимому, зажигать ее,—невозможность чего вошла въ пословицу. Наконецъ, было доказано, что химическая сила электричества прямо пропорціональна его абсолютному количеству. Выработаны были болѣе правильные взгляды на свойства химическаго притяженія, лучшіе взгляды на внутреннюю природу тѣлъ. Старое понятіе о четырехъ стихіяхъ было сдано въ архивъ, равно какъ и сарацинское ученіе о соли, сѣрѣ и ртути. Элементы все умножались, пока, наконецъ, не дошли до шестидесяти. Алхимія слилась съ химіею благодаря теоріи флогистона, которая объясняла измѣненіе, претерпѣваемое тѣлами отъ огня, тѣмъ, что отъ нихъ при этомъ отнимается нѣчто, — нѣчто такое, что можетъ быть восстановлено дѣйствіемъ сгораемыхъ

Возвращеніе воды въ море.

Притяженіе, элементы.

Теорія флогистона. тѣлъ. Теорія эта была замѣчательно эластична и при- мѣнялась ко многому. Она объясняла сгораніе тѣлъ, производство кислотъ, дыханіе животныхъ. Она держалась еще долго послѣ открытія кислорода, который назывался вначалѣ дефлогистированнымъ воздухомъ.

Но ложная теорія всегда заключаетъ въ себѣ зародыши собственнаго разрушенія. Слабымъ ея пунктомъ было то обстоятельство, что, пока металлъ горитъ, продуктъ его долженъ быть легче металла, а между тѣмъ онъ оказывался тяжелѣе. Наконецъ, сдѣлано Введеніе вѣсовъ въ химію. было открытіе, что теряемое металломъ переходило въ окружающій воздухъ. Это открытіе привело къ тому, что для опредѣленія тяжести и для рѣшенія физическихъ вопросовъ начали прибѣгать къ вѣсамъ. Введеніе вновь этого инструмента,—потому что сарацинскіе философы употребляли уже давно вѣсы разныхъ формъ,—обозначило собою эпоху, когда химія перестала быть исключительно наукою качества и сдѣлалась наукою количества.

На развалинахъ теоріи флогистона возникла теорія кислорода, которая поддерживалась съ удивительнымъ искусствомъ. Успѣхи ея облегчались значительно введеніемъ новой номенклатуры, согласовавшейся съ ея основными началами и отличающейся замѣчательнымъ изяществомъ и силою. Съ теченіемъ времени сдѣлалось, впрочемъ, необходимымъ измѣнить эту теорію; особенно пришлось низложить кислородъ съ господствующаго положенія, занимаемаго имъ, и присоединить къ нему нѣсколькихъ товарищей, какъ, напр., хлоръ, іодъ и т. д. Введеніе вѣсовъ сопровождалось также важными послѣдствіями въ теологической химіи, среди которыхъ самое важное мѣсто занимало установленіе законовъ сочетанія тѣлъ.

Но какъ ни величественно и ни грандіозно зданіе химіи, оно далеко еще отъ совершенства. Его окружаетъ такое множество подмостковъ, возведенныхъ его строителями, оно такъ обезображено матеріалами, употребляющимися для его возведенія, что настоящаго плана его еще невозможно составить. Въ этомъ отношеніи химія значительно отстала отъ астрономіи. Она, впрочемъ, уничтожила понятіе о разрушеніи и созданіи вещества, а, напротивъ, принимаетъ безъ колебанія ученіе о неразрушимости его; потому что хотя видъ извѣстной вещи можетъ измѣниться вслѣдствіе цѣлаго ряда разложеній и сляній, претерпѣваемыхъ его составными частями, каждый атомъ ея продолжаетъ существовать и можетъ быть отысканъ помощью разныхъ процессовъ, хотя цѣлое, повидимому, исчезло. Частица воды, поднятая съ моря, можетъ невидимо подняться въ воздухъ, носиться надъ нами въ видѣ облака, падать внизъ въ видѣ дождевой капли, опускаться на землю, выходить вновь изъ нея въ видѣ фонтана, проникать въ корни растений, подыматься въ видѣ сока къ листьямъ, разлагаться тамъ подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта на свои составныя части, кислородъ и водородъ; изъ этихъ элементовъ могутъ быть выработаны кислоты и масла

и разныя сложныя органическія тѣла; въ этомъ же видѣ или въ ихъ неразложившемся состояніи вещества эти могутъ проникать въ пищу животныхъ, обращаться въ ихъ кровь, участвовать въ работѣ мозга, выдыхаться дыханіемъ. Слеза, пролитая въ минуту отчаянія, можетъ дать начало радугѣ, эмблемѣ надежды. Каковъ бы ни былъ ходъ развитія воды, какія бы измѣненія она ни претерпѣла, какой бы силѣ ни покорялась, ея составные элементы остаются одни и тѣ же. Они не только не были уничтожены, но даже не были измѣнены; и въ періодъ времени, короткій или продолжительный, они вновь пролагаютъ себѣ въ видѣ воды путь къ морю, изъ котораго вышли.

Открытія въ химіи не только произвели глубокое впечатлѣніе на химію, но играли въ то же время не малую роль въ измѣненіяхъ мнѣнія людей относительно другихъ электрическихъ открытій. весьма важныхъ предметовъ. Во все время молніи считалась чѣмъ-то страннымъ, винушавшимъ суевѣрныя опасенія. Громъ долгое время признавался орудіемъ Божества. Съ подобнымъ же суевѣрнымъ чувствомъ относились къ сѣверному сиянію, которое во всехъ мѣстностяхъ, гдѣ оно проявлялось, признавалось отблескомъ движенія ангельскихъ силъ, знаменемъ и орудіемъ небесныхъ полчищъ. Открытіемъ физическихъ свойствъ этихъ явленій нанесенъ былъ сильный ударъ суевѣрью. Что же касается до связи этихъ явленій съ прогрессомъ цивилизаціи, то не достаточно ли будетъ указать на телеграфъ?

Однимъ изъ доказательствъ превосходства и плодотворности современныхъ методовъ являются явленія притяженія, обнаруживаемыя янтаремъ, которыя были извѣстны уже двѣ тысячи лѣтъ, но на которыя не обращали въ то время вниманія, между тѣмъ теперь они привели къ удивительнымъ результатамъ. Прежде всего было доказано, что существуетъ много другихъ тѣлъ, которыя могутъ дѣйствовать подобнымъ же образомъ; затѣмъ произошло изобрѣтеніе электрической машины, открытіе электрическихъ отгаликиваній и искры, установленіе различій въ проводимости тѣлъ, открытіе двухъ родовъ электричества, положительнаго и отрицательнаго, общаго закона притяженія и отгаликиванія, удивительнаго явленія лейденской банки и электрическаго удара, доказательство тождественности молніи и электричества; открыты были средства защитить зданія и корабли помощью громоотводовъ; скорость электрическаго движенія—громадныя пространства могутъ быть пройдены въ поразительно ничтожное время; теорія одного флюида и двухъ; подверглись математическому обсужденію все явленія, сначала на основаніи одного изъ этихъ явленій, а потомъ и всехъ; изобрѣтены были крутильные вѣсы; опредѣлено, что сила отгаликиванія и притяженія слѣдуетъ закону обратныхъ квадратныхъ пропорцій; объяснены условія распределенія проводниковъ, явленія индукціи. Наконецъ, когда эра открытій какъ бы прекратилась, заговорили въ Италіи о явленіяхъ гальванизма. До того времени думали, что самымъ вѣрнымъ признакомъ смерти животнаго была его неспо-

способность къ мускульнымъ движеніямъ; теперь же было доказано, что возможно возбуждать мускульныя движенія у мертвыхъ и даже у изувѣченныхъ. За этимъ послѣдовало быстро изобрѣтеніе вольтова столба. Кто могъ бы подумать, что судороги въ ланкѣ лягушки, во время опытовъ, производимыхъ въ Италіи, будутъ способствовать разрѣшенію вопроса о сложномъ составѣ воды, раздѣленію ея на составныя части; приведутъ къ сожженію и превращенію въ паръ металловъ, которые съ трудомъ могли плавиться въ печи; покажутъ, что твердая земля, по которой мы ходимъ, окисъ; доставятъ новые металлы, настолько легкіе, что они могутъ плавать по водѣ и даже, повидимому, могутъ зажигать ее; произведутъ самый блестящій изъ всѣхъ искусственныхъ свѣтовъ, соперничающій, если не превосходящій по своему великолѣпнѣю свѣтъ полуденнаго солнца; вызовутъ полный переворотъ въ химіи, принудивъ эту науку усвоить новыя идеи и принять новую номенклатуру; доставятъ возможность устроить магниты, всѣмнѣе больше тоны, и бросить свѣтъ на загадку вѣсковъ—на указываніе морскимъ компасомъ сѣвера и юга; объяснить взаимное притяженіе или отталкиваніе магнитныхъ иголокъ; дадутъ намъ возможность дѣлать изящныя металлическія оттиски всякаго рода предметовъ искусствъ, и доставятъ рабочимъ средство золотить и серебрить, не рискуя здоровьемъ; внушатъ злоумышленникамъ мысль поддѣлывать бумажныя деньги, драгоценныя камни и окажутъ громадную услугу въ дѣлѣ чеканки фальшивой монеты; будутъ способствовать быстротѣ торговыхъ и дружескихъ сношеній черезъ материки и океаны и «переносить вздохи отъ Инда до полюсовъ»?

А между тѣмъ это только часть того, къ чему привели итальянскіе эксперименты помощью современныхъ методовъ. Можно ли представить себѣ болѣе блестящее выраженіе ихъ силы, болѣе блестящее доказательство великой будущности матеріальной философіи?

То, что происходило съ янтаремъ, повторилось съ магнитомъ. Свойства его оставались неизслѣдованными въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ: только въ Китаѣ сдѣлано было наблюдение, что качества его могутъ передаваться стали и что небольшая намагниченная полоса или игла, плавающая на поверхности воды или подвѣшенная, будетъ непременно обращаться однимъ концомъ къ сѣверу, а другимъ къ югу. Такимъ образомъ, магнитъ былъ примѣненъ къ плаванію по морямъ и къ путешествію по пустынямъ, лишеннымъ дорогъ. Первое европейское открытіе въ области магнетизма было сдѣлано Колумбомъ, замѣтившимъ линію отсутствія отклоненій магнита къ западу отъ Азорскихъ острововъ. За этимъ послѣдовало открытіе наклоненій магнитной стрѣлки, доказательство существованія полюсовъ въ иглѣ и опредѣленіе закона притяженія и отталкиванія; предприняты были англійскимъ правительствомъ магнитныя путешествія; устроены были карты всеобщихъ отклоненій; сдѣланы были наблюдения надъ суточными отклоненіями и мѣстными пертурбаціями; опредѣлено вліяніе утренней зари, которая распространяется на всѣ три вы-

раженія магнитной силы; изучены были нарушенія въ движеніи часовъ одновременно на тысячи миль, отъ Казани до Парижа. По мѣрѣ появленія на сцену новыхъ фактовъ улучшалась и теорія магнетизма. Зародышемъ ея послужили картезианскіе вихри, мысль о которыхъ была внушена криволинейными формами желѣзныхъ опилокъ вблизи магнитныхъ полюсовъ. Послѣдующія математическія разсужденія основывались на тѣхъ же началахъ, какъ и разсужденія объ электричествѣ.

Затѣмъ на сцену явилось датское открытіе отношеній электричества и магнетизма, объясненное въ Англій вращательными движеніями, а во Франціи украшенное электродинамическою теоріею, обнимающею дѣйствіе токовъ и магнитовъ, магнитовъ и магнитовъ, токовъ и токовъ. Сначала предполагали, что магнетизмъ происходитъ изъ электричества, потомъ начали разсуждать обратно и выводили электричество изъ магнетизма; термоэлектрическія токи, возникавшіе изъ неравнаго примѣненія или распространенія теплоты, оказали услугу въ томъ отношеніи, что произвели самый чувствительный термометръ.

Ислѣдованія свойствъ и характера свѣта соперничаютъ по своему интересу и значенію съ ислѣдованіемъ электричества. Что это за сила, которая покрываетъ землѣю землю, дѣлаетъ возможною жизнь животныхъ, расширяетъ умственныя сферы челоѣка, обогащаетъ его знанія формами и цвѣтами предметовъ и указываетъ ему на существованіе безконечныхъ міриадъ міровъ? Что это за свѣтъ, который среди столькихъ реальностей доставляетъ челоѣку и столько обманчивыхъ впечатлѣній, опираетъ на облака цвѣтной лукъ,—лукъ, считавшійся орудіемъ Бога въ то время, когда люди приписывали божеству свои дѣйствія и побужденія.

Изъ оптическихъ фактовъ, которые были прочно установлены, первымъ является, всей вѣроятности, распространеніе свѣта по прямой линіи. Теорія перспективы, о которой столько писали александрійскіе ученые, подразумеваетъ именно это; но, примѣняясь къ старымъ методамъ разсужденія, когда челоѣкъ считался центромъ вселенной, ученые думали, что эти лучи исходили изъ глазъ и шли изнутри наружу, а не исходили изъ внѣшнихъ предметовъ и не проникали въ органъ зрѣнія извнѣ. Даже великій геометръ Эвклидъ держался этого обманчиваго взгляда,—заблужденіе, исправленное впоследствии арабами. Между тѣмъ открытъ былъ законъ отраженія; относительно закона преломленія Аль-Газенъ ошибся, но его ошибка была исправлена европейцами. Радуга была причислена къ естественнымъ оптическимъ явленіямъ, несмотря на всеобщее убѣжденіе въ ея сверхъестественномъ происхожденіи. Цвѣта ея, впрочемъ, не могли быть объяснены, пока не были выработаны точныя взгляды на преломленіе, разсѣяніе и составъ бѣлаго цвѣта. Изобрѣтенъ былъ отражающій телескопъ; признанная возможность ахроматизма привела къ улучшенію въ рефракторѣ. Нѣсколько раньше доказано было прогрессивное движеніе свѣта, сначала

относительно отраженного свѣта, получаемого во время затмѣній спутниковъ Юпитера, а затѣмъ относительно прямого свѣта звѣздъ. Правильная теорія цвѣтовъ возникла вмѣстѣ съ образованіемъ солнечнаго спектра; этотъ прекрасный опытъ привелъ къ открытію иррациональности разсѣянія свѣта и неподвижныхъ линий. Изслѣдовано было явленіе рефракціи, замѣчаемое въ исландскомъ шпатѣ, и данъ законъ обыкновенныхъ и необыкновенныхъ лучей. Въ то же самое время открыта была поляризація свѣта помощью двойного преломленія. Столѣтіемъ позже за этимъ послѣдовало открытіе поляризаціи помощью преломленія и простого отраженія, деполяризаціи, радужныхъ круговъ, блестящихъ и черныхъ крестовъ въ кристаллахъ и въ непрокаленномъ или сжатомъ стеклѣ, связи между оптическими явленіями и формою кристалловъ (при чемъ было найдено, что одноосевые кристаллы даютъ круглые круги и двусековые овальные); затѣмъ открыты были круговая или эллиптическая поляризація.

Прекрасные цвѣта мыльныхъ пузырей, сначала смѣшиваемые съ цвѣтами полосатыхъ и пятнистыхъ поверхностей, были, наконецъ, хорошо изслѣдованы, такъ что открыта была истинная причина ихъ—толщина. Определеніе толщины перепонки, необходимой для того, чтобы придать извѣстный цвѣтъ, послужилъ первымъ примѣромъ для точныхъ измѣреній, превосходно сдѣланныхъ. Они вскорѣ были приведены въ связь съ тѣневыми измѣненіями, и благодаря имъ определена была длина свѣтовыхъ волнъ.

Между тѣмъ выработаны были болѣе правильныя взгляды на зрѣніе. Принято было объясненіе Аль-Газена относительно цѣли существованія сѣтчатой оболочки и зрачка. Это было первое истинно научное открытіе въ области физиологіи. Дѣятельность глаза была низведена до дѣятельности камеръ-обскуры, описанной да-Винчи, а древнее понятіе объ исхожденіи свѣта изъ глазъ было совершенно отвергнуто. Оно долго держалось благодаря обманчивому объясненію волшебнаго фонаря. Самое названіе этого инструмента указываетъ на повѣріе народа о немъ. Въ разсказахъ некромантиковъ и магиковъ того времени мы находимъ свѣды его примѣненія—при воскрешеніи мертвыхъ, вызываніи привидѣній, скользящихъ по полу или танцующихъ вдоль стѣны и печекъ,—видѣній въ облакахъ дыма. Эти первые инструменты были предшественниками многихъ прекрасныхъ изобрѣтеній послѣдняго времени—калейдоскопа, производящаго формы чудной симметріи; стереоскопа, который, съ помощью фотографіи, даетъ какъ бы воплощеніе ви́шняго міра; ахроматическихъ и преломляющихъ телескоповъ, которымъ столько обязана физическая астрономія, и ахроматическаго микроскопа, который произвелъ настоящій переворотъ въ анатоміи и физиологіи.

Въ своей теоріи оптика представила поразительный контрастъ съ акустикой. Почти съ самаго начала признано было, что звукъ не матеріальное вещество, исходящее изъ звучащаго тѣла, но только волнообразное движеніе, возникающее

Зрѣніе, отраженіи глаза.

Оптическіе инструменты.

Волнообразная теорія.

въ воздухѣ. Оптики долго не приходили къ аналогичному заключенію. Развитие первой науки совершалось отъ общаго принципа къ подробностямъ, а развитіе второй отъ подробностей къ общему принципу.

Въ 1664 г. пришли впервые къ заключенію, что свѣтъ состоитъ изъ волнообразныхъ колебаній въ эластической средѣ. Вскорѣ отраженіе, преломленіе и двойное преломленіе были объяснены на основаніи этого правила. Медленный ходъ развитія этой науки объясняется, несомнѣнно, авторитетомъ Ньютона. Онъ доказывалъ во второй книгѣ своего сочиненія *Principia* (Прор. 42), что движенія волнъ должны расходитьсѣ въ неподвижной средѣ, и склонилъ въ свою пользу народное мнѣніе объясненіями въ родѣ того, что мы слышимъ звуки, несмотря на гору, отдѣляющую насъ отъ мѣста ихъ происхожденія. Думали опровергнуть теорію волнообразнаго движенія свѣта такимъ, напр., аргументомъ, что невозможно видѣть черезъ вогнутую трубу, хотя слышать можно, или что мы не можемъ видѣть за угломъ, хотя можемъ слушать изъ-за угла.

Настоящее столѣтіе окончательно утвердило эту теорію благодаря открытію интерференціи; уничтоженіе теоріи эфиръ и его истеченія свѣта сдѣлалось неизбежнымъ, какъ только было доказано, что свѣтъ, сталкиваясь съ другимъ свѣтомъ, можетъ произвестъ темноту, подобно тому, какъ звукъ, сталкиваясь съ звукомъ, можетъ произвестъ молчаніе,—результаты, вытекающіе изъ дѣйствія волнообразнаго движенія. Были не только устранены затрудненія, представляемыя поляризаціею, но этотъ классъ явленій оказалъ сильную поддержку теоріи. Открытіе, что два луча противоположнаго поляризованнаго свѣта не будутъ интерферировать между собою, привело къ открытію поперечныхъ колебаній. Для обращенія съ этимъ предметомъ требовалось большое математическое искусство, а также для разсмотрѣнія многихъ оптическихъ задачъ съ этой новой точки зрѣнія,—такъ, напр., для опредѣленія результата поперечныхъ колебаній въ средахъ различной плотности и въ различныхъ направленіяхъ. Подобно теоріи всемірнаго тяготѣнія, волнообразная теорія начала проявлять свою силу въ качествѣ физической истины, доставляя геометрамъ возможность предвидѣть результаты и опережать изслѣдователей своими заключеніями. Между наиболѣе ранними результатами этого рода было предсказаніе, что оба луча въ двусековыхъ кристаллахъ топаза не слѣдуютъ законамъ простого преломленія и что круговая поляризація можетъ бытъ произведена отраженіемъ въ стеклянномъ ромбѣ. Явленія деполяризаціи не представляли особенныхъ трудностей для объясненія, и многіе новые факты, напр., эллиптическая поляризація и коническая рефракція, подтвердили впоследствии справедливость теоріи.

Слѣдовательно свѣтъ является результатомъ волнообразныхъ колебаній эфира, запечатлѣвающихся на глазу. Въ цѣлой вселенной и среди частицъ всѣхъ тѣлъ существуетъ эластическая среда, эфиръ. Вслѣдствіе взаимнаго отталкиванія его частей онъ распространенъ равномерно въ пустотѣ. Внутри пре-

ломляющей среды онъ представляетъ меньшую степень эластичности, сравнительно съ его плотностью въ пустотѣ. Колебанія, сообщаемыя ему въ свободномъ пространствѣ, передаются внутрь такой среды частицамъ ея помощью эфира. Части свѣтящихся тѣлъ вибрируютъ, какъ и частицы звучащихъ тѣлъ, сообщая свое движеніе эфиру и возбуждая волны. Онѣ производятъ въ насъ ощущение свѣта. Чѣмъ медленнѣе вибрація, тѣмъ длиннѣе волна; чѣмъ чаще вибрація, тѣмъ короче волна. Отъ длины волнъ зависитъ цвѣтъ. Во всѣхъ случаяхъ вибраціи поперечныя. Волнообразно движеніе проходитъ со среднею скоростью 192000 миль въ секунду. Средняя длина волны 0,0000219 дюйма; крайняя красная волна дважды длиннѣе, чѣмъ крайняя фіолетовая. Желтая волна занимаетъ средину между волнами. Вибраціи, производящія свѣтъ, составляютъ среднимъ числомъ 555 въ билліонную часть секунды. Подобно воздуху, который неподвиженъ, когда звукъ проходитъ черезъ него, и эфиръ остается неподвижнымъ, хотя и пересѣкается волнами свѣта. То, что движется впередъ, не матеріальная частица вещества, а только форма; это нѣчто въ родѣ волнъ, которыя пробѣгаютъ вдоль потрясаемой струны или круговъ, образующихся въ водѣ отъ унавага въ нее камня. Волнообразная форма переходитъ въ вышнее пространство, окружающее воду, но вода остается на мѣстѣ. И подобно тому какъ на поверхности этой жидкости могутъ показаться волны незначительной величины или такія, высота которыхъ, по выраженію моряковъ, въ цѣлую гору, такъ и въ эфирѣ различіе въ величинѣ волнъ обнаруживается различіемъ въ интенсивности и яркости свѣта.

Человѣческой глазъ, несмотря на свое утонченное устройство, Человѣческой глазъ; его качества. составляетъ, тѣмъ не менѣе, несовершенный механизмъ, такъ какъ дѣйствіе его ограничено. Онъ можетъ замѣчать волны лишь опредѣленной длины, какъ и его товарищъ—ухо—можетъ различать лишь опредѣленный рядъ звуковъ. Онъ можетъ лишь замѣчать поперечныя вибраціи, подобно тому, какъ ухо воспринимаетъ только опредѣленное количество вибрацій. Въ оптикѣ замѣчается два различныхъ порядка явленій: дѣйствительное отношеніе самого свѣта и фізіологическія отношенія нашего органа зрѣнія, со всѣми его ограниченіями и несовершенствами. Свѣтъ есть всецѣло созданіе ума. Эфиръ одно, а свѣтъ другое, подобно тому, какъ воздухъ одно, а звукъ другое. Эфиръ такъ же мало состоитъ изъ цвѣтовъ свѣта, какъ атмосфера изъ музыкальных нотъ.

Много вниманія было обращено въ послѣднее время на химическое Химическое дѣйствіе свѣта. дѣйствіе свѣта. Уже въ фотографіи оно доставило намъ искусство, которое, несмотря на свое младенческое состояніе, представляетъ восхитительныя изображенія сценъ, пейзажей, прошлыхъ событий, лицъ нашихъ друзей. Точно волшебнымъ путемъ она олицетворяетъ неуловимыя впечатлѣнія и запечатлѣваетъ на бумагѣ тѣни. Но, кромѣ того, эти химическія вліянія свѣта порождаютъ весь растительный міръ, со всѣмъ его чуднымъ разнообразіемъ формъ, красокъ и свойствъ, и, какъ мы-

видѣли въ предыдущей главѣ, отъ него же зависитъ и существованіе животныхъ.

Заключенія, къ которымъ мы пришли въ оптикѣ, входятъ естественно въ видѣ основныхъ идей въ термотику, о теплѣ: отраженіе; преломленіе. или науку о теплѣ, потому что лучистая теплота также движется по прямымъ линіямъ, претерпѣваетъ отраженіе, преломленіе, двойное преломленіе и поляризацию, вслѣдствіе чего къ ней также примѣняется теорія поперечныхъ вибрацій. Тепло есть невидимый свѣтъ, а свѣтъ невидимая теплота. Правильныя понятія о лученосахъ были выработаны флорентинскими академиками, которые употребляли вогнутыя зеркала, а въ опытахъ съ холодными лучами массы льда въ пятьсотъ фунтовъ вѣсу. Преломленіе невидимой теплоты подтверждалось изобрѣтеніемъ термоэлектрическаго столба. За этимъ послѣдовали вскорѣ открытіе ея поляризаціи и деполяризаціи. Доказано уже было вліяніе физическаго состоянія лученосающихъ поверхностей и то, что теплота исходитъ нѣсколько глубже изъ-подъ нихъ. Удачное ученіе Объясн. теплоты. объ обмѣнѣ теплоты, правильныя понятія о свойствахъ теплороднаго равновѣсія и о согрѣваніи и охлажденіи тѣлъ, и доставили объясненіе многихъ явленій, напр., образованія росы. Эта влага ложится на землю послѣ захода солнца, тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ яснѣе небо; ее никогда не бываетъ въ облачныя ночи. Она никогда не испаряется изъ почвы и не опускается въ видѣ дождя. На нѣкоторые предметы она садится, на другіе нѣтъ. Всѣ эти любопытныя особенности были удовлетворительнымъ образомъ объяснены, а другія таинственныя явленія, непонятныя чудеса среднихъ вѣковъ, низведены до положенія простаго физическаго явленія.

Трудно въ краткихъ словахъ изложить удовлетворительнымъ образомъ то, что было сдѣлано относительно накалива- Накалываніе. ванія, произведенія свѣта помощью накалыванія, точнаго измѣренія проводимости тѣлъ, опредѣленія расширенія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и газовъ при постепенномъ повышеніи температуры, измѣненія того же вещества при различной температурѣ, теплоты истеченія и эластичности и удѣльной теплоты,—разсказать о громадныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ въ искусствѣ производить разнаго рода инструменты—вѣсы, термометры, телескопы, микроскопы, стереоскопы, хронометры, аэростаты, телеграфы и вообще всевозможныя машины. Во всѣхъ направленіяхъ обнаруживалось стремленіе къ практическому примѣненію. Болѣе точныя знанія подразумеваютъ увеличеніе могущества, Дѣйствіе механическихъ изобрѣтеній. богатства, добродѣтели. Нравственность человѣка улучшается вмѣстѣ съ развитіемъ его ума и его личной независимости. Нашъ вѣкъ сдѣлался раціональнымъ, промышленнымъ, прогрессивнымъ. Европа можетъ смѣло довѣрять своимъ великимъ физическимъ открытіямъ. Намъ нечего теперь бояться арабскихъ вторженій или нашествій татаръ. Азіатскія орды могли бы быть разбиты, какъ пыль вѣтромъ. Пусть тотъ, кто желаетъ составить себѣ правильное понятіе о положеніи человѣка въ настоящемъ и прошломъ,

и о предшествовавшихъ фазахъ его прогресса, поразмыслить надъ потерями христіанства въ Азіи и Африкѣ, несмотря на все сред-ства, пущенныя въ ходъ вѣкомъ вѣры, и надъ теперешнею без-опасностью Европы отъ всякаго варварскаго или чужеземнаго вторженія.

Почти все отрасли промышленности могутъ доставить намъ факты, доказывающіе значительную пользу, доставляемую примѣ-неніемъ физическихъ открытій. Въ примѣръ приведу хлопчатобумажное производство.

Въ весьма скоромъ времени послѣ того, какъ механическія искусства были примѣнены къ тканью, одинъ человекъ получилъ возможность произвести больше работы въ день, чѣмъ прежде въ годъ. Это открытіе сопровождалось еще многими другими побочными обстоятельствами, которыя произвели грандіозный переворотъ въ социальномъ строе Европы. Между ними слѣдуетъ упомянуть паровую машину, систему каналовъ, грандіозное развитіе желѣзнаго промысла, локомотивы и желѣзныя дороги; результаты эти получены не чиновниками и офицерами,—которыя такъ сильно занята исторія Европы и изображенія которыхъ наполняютъ улицы городовъ,—но людьми низшихъ классовъ общества. Такъ, ткачъ Джемсъ Уаттъ, придумавшій ткацкій станокъ, доставилъ своей странѣ больше прочихъ выгодъ, чѣмъ все договоры, въ которые она вступала, и все битвы, которыя она выигрывала. Аркрайтъ былъ циркульникомъ, Гаррисонъ плотникомъ, а Бриндлей ученикомъ мельничнаго мастера.

Благодаря трудамъ Пауля и Уатта, которые ввели придильный станокъ, усовершенствованный впоследствии Аркрайтомъ, изобрѣтенію Паулемъ чесальной машины для шерсти, а Гайгсомъ и Гартвейсомъ тонкопридильной машины, введенію водяного ткацкаго станка и придильной машины, изобрѣтенной Кромптономъ и т. д.,—хлопчатобумажное производство такъ сильно развилось, что потребовалось полное измѣненіе въ жизни рабочихъ; отсюда возникновеніе фабрикъ. Въ эту самую критическую минуту была изобрѣтена Уаттомъ паровая машина. Первый его патентъ былъ взятъ въ 1769 г., въ томъ же году, какъ и патентъ Аркрайта. Улучшеніе Уатта состояло главнымъ образомъ въ устройствѣ особеннаго холодильника и въ замѣнѣ атмосфернаго давленія паровымъ. Но все же прошло не менѣе двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ эта машина была введена на фабрикахъ, поэтому нельзя приписать ей удивительные успѣхи производства. Тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе это сдѣлано было въ удачное время, такъ какъ оно почти совпало съ изобрѣтеніемъ швейной машины Рэдклиффа и механическаго ткацкаго станка Каррайта.

Если ткацкое производство сдѣлало такіе значительные успѣхи благодаря механикѣ, то и химія оказала ему не малую услугу открытіемъ новаго способа бѣленія помощью хлора. Для того, чтобы побѣдить кусокъ хлопчатобумажной ткани помощью солнечныхъ лучей и воздуха, требовалось отъ шести до

Примѣръ изъ хлопчатобумажнаго производства.

Развитіе хлопчатобумажнаго производства въ Англии.

Первая машина Уатта.

Бѣленіе хлопчатобумажной ткани.

восми мѣсяцевъ, а также громадное пространство земли для производства бѣленія. Цѣнность земли въ большихъ городахъ представляла для этого неопредѣленное препятствіе. Хлоромъ бѣленіе производится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ сравнительно небольшомъ зданіи, причѣмъ волокна прелестно и прочно бѣлятся. Химическія усовершенствованія не ограничивались, впрочемъ, этимъ. Печатаніе колленкора,—искусство, существовавшее за тысячу лѣтъ до того у египтянъ,—было усовершенствовано введеніемъ печатанія помощью цилиндровъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что хлопчатобумажное производство было введено впервые арабами. Абдеррахманъ III въ 930 г. ввелъ это искусство въ Испанію; у него были также обширныя шелководныя и кожаныя фабрики, и онъ очень интересовался разведеніемъ сахарнаго тростника, риса и шелковицы. Однимъ изъ наилучшихъ примѣненій хлопка у испанцевъ было изобрѣтеніе писчей бумаги. Арабы изобрѣли также способъ печатанія колленкора помощью деревянныхъ досокъ, что ввело значительное усовершенствованіе въ древнее индійское искусство раскрашиванія рукою.

Слѣдуетъ извинить увлеченіе литературы о хлопчатобумажномъ производствѣ, въ которой часто приходится читать похвалы, что человекъ совершилъ дѣла, сходныя съ божьими. Бэнсъ, писавшій въ 1833 г., удостовѣряетъ, что длина нити, вытканной въ годъ, равняется приблизительно пяти тысячамъ милліоновъ миль, такъ что этою нитью можно было бы обернуть землю болѣе чѣмъ двѣсти тысячъ разъ и протянуть ее пятьдесятъ разъ отъ солнца къ намъ и обратно. Она окружила бы земную орбиту восемь съ половиною разъ. Вытканная въ одинъ годъ матерія образовала бы поясъ вокругъ земнаго шара, одиннадцать разъ обертывающій экваторъ,—разстояніе болѣе чѣмъ достаточное, чтобы пройти отъ насъ къ лунѣ. Если это было тридцать лѣтъ назадъ, то въ какихъ словахъ слѣдовало бы описать это теперь (1859), когда количество бумажныхъ тканей, вывозимыхъ изъ одной только Англии, равняется 1200 милліонамъ пудовъ?

Но такое обширное развитіе этой отрасли промышленности подразумевало и другія усовершенствованія, особенно усовершенствованія въ дѣлѣ передвиженія и передачъ извѣстій. Носильщикъ со своею ношею, ломовая лошадь и телега сдѣлались совершенно недостаточными средствами перевоза и замѣнены были послѣдовательно системою каналовъ въ послѣднемъ столѣтіи и пароходами и желѣзными дорогами въ текущемъ столѣтіи. Инженерные успѣхи Бриндлея, каналы котораго, пересѣкая долины, горы и даже рѣки, возбуждали удивленіе его современниковъ, служили только предшественниками желѣзнодорожнаго искусства нашего времени. Но мало по малу система каналовъ оказалась неудовлетворяющею потребностямъ производства, и на ея смѣну явились локомотивъ, изобрѣтенный Мурдокомъ въ 1784 г., а также дубовые рельсы, долгое время служив-

Печатаніе колленкора помощью цилиндровъ.

Размѣры хлопчатобумажной промышленности.

Усовершенствованія движенья.

Каналы Бриндлея.

ше въ каменноломныхъ и угольныхъ кояхъ. Излишне для моей цѣли говорить о томъ, какой переворотъ былъ произведенъ въ способахъ передвиженія всего цивилизованнаго міра, и произведенъ не дѣйствіями могущественнаго государя или военачальника, а скромнаго рабочаго, потому что Джорджъ Стефенсонъ былъ нѣкогда кочегаромъ на паровыхъ машинахъ: онъ изобрѣлъ трубчатый котель и продуваніе дымовыхъ трубъ, вслѣдствіе чего локомотивъ послѣдняго столѣтія, который первоначально дѣлалъ всего семь миль въ часъ, превратился въ локомотивъ настоящаго вѣка, совершающій семьдесятъ верстъ въ часъ. Я не буду останавливаться на другихъ второстепенныхъ усовершенствованіяхъ, на введеніи желѣза для постройки рельсъ, на металлическихъ мостахъ, трубчатыхъ мостахъ, виадукахъ и всѣхъ чудесахъ существующаго желѣзнодорожнаго инженернаго искусства.

Но машины, употребляемыя въ такихъ грандіозныхъ производствѣхъ, какъ хлопчатобумажное и желѣзное, за-служиваютъ нашего удивленія не только въ силу гигантской работы, производимой ими, но и въ силу необыкновенной точности и изящества ихъ постройки. Говорили совершенно справедливо, что паровыя машины только тогда могутъ быть сдѣланы совершенно хорошо, когда будутъ сами строить себя. Во всякой машинѣ точность отправленій и ихъ быстрота зависятъ отъ точности постройки. Части машинъ должны быть построены совершенно точно и работать исправно, чтобы работа шла успѣшно. Къ достиженію этихъ условій было направлено все механическое искусство послѣдняго столѣтія; и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было ждать полной удачи, пока въ работѣ участвовали однѣ человѣческія руки. Работа, произведенная самымъ искуснымъ рабочимъ, могла быть точною только приблизительно. Лишь тогда, когда введены были такія машины, какъ катальная и строгальная, работа могла достигнуть совершенства. Такого рода усовершенствованія реагировали, въ свою очередь, на первичную постройку машинъ, придавая ей больше силы, точности и прочности, а также ввели больше изящества въ планахъ машинъ, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый желающій, сравнивая неуклюжую, полужелѣзную, полуметаллическую машину прошлаго столѣтія съ легкими и изящными машинами нашего времени.

Между тѣмъ какъ классъ изобрѣтателей удовлетворялъ своей умственной дѣятельности и преслѣдовалъ въ то же время цѣль, служившую во всѣ времена стимуломъ для дѣятельности людей,—приобрѣтеніе богатствъ, потому что люди векорѣ замѣтили, что успѣхъ въ этомъ направленіи служилъ наилучшимъ средствомъ для достиженія богатства, общественнаго уваженія и почестей,—получались незамѣтнымъ и тихимъ образомъ важныя социальныя и національныя результаты. Рабочій совершенно справедливо находилъ, что машина отняла у него часть работы, и мыслящіе люди были правы, когда думали, что это усиленное введеніе машинъ способствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи

Желѣзныя дороги Стефенсона.

Желѣзнодорожная система.

Улучшенія въ постройкѣ машинъ.

Социальныя потребности, порожденныя машинами.

дезорганизаціи социальнаго экономіи. Несомнѣнно, что въ это время бѣдность и нищета были ужасны; люди принуждены были умирать съ голода или приниматься за другія занятія; семьи лишались своихъ обычныхъ средствъ существованія; такова должна быть необходимо оборотная сторона каждой великой социальнаго перемены, хотя бы дѣло шло къ улучшенію. Только тогда, когда новый порядокъ вещей достигъ значительнаго развитія, началъ вполне ясно обнаруживаться его политическій результатъ. Онъ освобождалъ рабочихъ отъ тяжести труда, замѣняя ручную работу механическою. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ, которыя раньше считались воплощеніемъ новой системы, паровыя машины исполняютъ внизу грубую работу, вертять колеса и т. д., между тѣмъ какъ рабочіе, мужчины, женщины и дѣти, стоя наверху, исполняютъ то, чего не можетъ дѣлать машина, то, что требуетъ наблюденія и разума. Вслѣдъ за такою переменою должна была неизбѣжно послѣдовать и социальная перемена, потому что освобожденіе отъ тѣлеснаго труда сопровождается всегда расположеніемъ къ умственной дѣятельности; и, не безъ нѣкоторой доли вѣроятія, филантропъ, вниманіе котораго обращено было на этотъ предметъ, утверждалъ, что судьба рабочаго теперь не лучше, чѣмъ прежде: онъ перемѣнилъ тирана, но не избавился отъ тираніи, потому что требованія ненасытной, неутомимой, неутомимой паровой машины должны быть немедленно удовлетворяемы: порванная нить должна быть сейчасъ же исправлена, желѣзные пальцы должны получить новый запасъ для труда, оконченная работа должна быть немедленно удалена изъ машины.

То, что происходило въ небольшомъ размѣрѣ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, происходило въ болѣе крупномъ масштабѣ въ государствѣ. Трудъ сравнительно уменьшился, а умственная дѣятельность усилилась. Умственные успѣхи особенно рѣзко обозначаются въ послѣднее столѣтіе, такъ что замѣчательенъ контрастъ между его началомъ и концомъ. Идеи, когда-то животрепещущія, утратили всякое значеніе; все общество въ его совокупности служитъ доказательствомъ справедливости положенія, что чѣмъ больше люди имѣютъ случаевъ разсуждать, тѣмъ болѣе будутъ они думать. Они ясно видятъ, что эта умственная дѣятельность найдетъ себѣ, наконецъ, политическое выраженіе и что сила, увеличивающаяся съ каждымъ днемъ, дастъ себя почувствовать.

Въ этихъ вещахъ ясно обнаруживается существенная разница между вѣкомъ вѣры и вѣкомъ разума. Если въ первомъ жизненно наслаждался въ покоѣ, то рядомъ съ этимъ покоемъ парилъ глубокой застои: жизнь тратилась непроизводительно, бесполезно. Какое различіе теперь! Все въ движеніи. Мы видимъ столько перемены, даже въ короткій промежутокъ времени, что никто, даже изъ самыхъ умныхъ и знающихъ людей, не можетъ предсказать будущее хотя бы на нѣсколько лѣтъ впередъ. Мы видимъ, что идеи, служившія намъ вчера руководствомъ, исчезаютъ сегодня и завтра будутъ замѣнены другими, но какими мы не знаемъ.

Умственная дѣятельность.

Различіе между прошлымъ и настоящимъ временемъ.

Все народы Европы способствовали этому научному развитию, участвовали въ современныхъ успѣхахъ науки. Многие съ гордостью притязаютъ на первенство въ этомъ отношеніи. Но, быть можетъ, каждый изъ нихъ, желая указать на страну, которой принадлежитъ второе послѣ него мѣсто, укажетъ обязательно на Италію. Въ Италіи родился Колумбъ. Въ Венеціи начали впервые издаваться газеты. Въ Италіи были впервые выработаны Галилеемъ законы паденія тѣлъ и равновѣсія жидкостей. Въ соборѣ Пизы этотъ знаменитый философъ наблюдалъ за качаніемъ люстры, и, замѣтивъ, что какъ большія ея колебанія, такъ и малыя, совершались въ одинаковыя промежутки времени, оставилъ Божій домъ, не кончивъ молитвы, и избобрѣлъ часы. Венеціанскимъ сенаторамъ онъ впервые показалъ спутниковъ Юпитера, увеличивающіяся фазы Венеры, а въ садахъ кардинала Баудина продемонстрировалъ солнечныя пятна. Въ Италіи Санкторіо избобрѣлъ термометръ, Торричелли построилъ барометръ и доказалъ давленіе воздуха. Здѣсь же Кастелли положилъ основаніе гидравликѣ и открылъ законы теченія воды. Здѣсь же была устроена первая христіанская астрономическая обсерваторія, и здѣсь же Станкари посчиталъ число вибрацій струны, издающей музыкальныя ноты. Здѣсь Гримальди открылъ преломленіе свѣта, а флорентинскіе академики доказали, что темная теплота можетъ быть отражена зеркалами черезъ пространство. Въ наше время Меллони доставилъ средства доказать, что она можетъ быть поляризована. Первыми философскими обществами были итальянскія; первый ботаническій садъ былъ устроенъ въ Пизѣ; первая классификація растений была сдѣлана Цезальпиномъ. Первый геологическій музей былъ основанъ въ Веронѣ; первые ученые, занимавшіеся изученіемъ ископаемыхъ остатковъ, были Леонардо да Винчи и Фракаста. Великія астрономическія открытія нашего вѣка были сдѣланы помощью инструментовъ, которые носятъ имена Гальвани и Вольта. Но зачѣмъ говорить объ одной наукѣ. Кто будетъ оспаривать у этого знаменитаго народа пальму первенства въ музыкѣ и живописи, въ скульптурномъ и архитектурномъ искусствахъ? Мрачное облако, въ теченіе тысячи лѣтъ висѣвшее надъ этимъ прекраснымъ полуостровомъ, прорывается мѣстами лучами свѣта. Нѣтъ области человѣческаго знанія, которая не покрыла бы славою Италію, нѣтъ искусства, процвѣтанію котораго она не способствовала бы.

Несмотря на несчастныя обстоятельства, въ которыя она была поставлена, Италія играла не малую роль въ развитіи наукъ. Къ концу сочиненія, гдѣ столь значительная часть была посвящена изложенію вліяній, политическихъ и религиозныхъ, оказанныхъ ею на Европу, меня, надѣюсь, извинятъ, если я позволю себѣ высказать надежду, что приближается, наконецъ, день, когда она устроитъ столицу въ Римѣ и займетъ въ современной системѣ то мѣсто, на которое имѣетъ право. Цѣлый рядъ столѣтій доказалъ, что церковное преобладаніе надъ другими странами несомнѣнимо съ ея національною жизнью. Это одно и было

Научные вклады различныхъ народовъ.

особенно Италіи.

Причины ея упадка.

причиною всехъ ея бѣдствій. Она присвоила себѣ юрисдикцію надъ всеми другими правительствами и добилась ея цѣною собственнаго единства. Первый, самый важный шагъ для того, чтобы приобрести его вновь, это низвести папство до положенія чисто религіознаго учрежденія. Ея старшій епископъ не долженъ быть свѣтскимъ государемъ. Римъ, всеми силами держась за свою свѣтскую власть, забываетъ, что Европа принесла гораздо большія жертвы: она уступила Визею, Гефсиманскій садъ, св. Гробъ, гору Вознесенія, Голгофу. Это жертва, съ которою невозможно сравнивать уступку фиктивныхъ даровъ, поднесенныхъ варварскими царями.

Предыдущіе параграфы были написаны въ 1859 г. Съ тѣхъ поръ Италія сдѣлалась націею, Римъ обратился въ ея столицу, Венеція принадлежитъ ей. Въ 1870—71 гг. я самъ былъ свидѣтелемъ присутствія итальянскихъ войскъ въ Вѣчномъ городѣ.

ГЛАВА XII.

Будущее Европы.—Заключение.

Сводъ доводовъ, представленныхъ въ этой книгѣ относительно будущаго умственнаго развитія Европы.

Умственное развитіе—вѣкъ индивидуальной жизни.—Оно является результатомъ социальнаго прогресса.

Народы, достигшіе зрѣлости, инстинктивно стараются создать собственную умственную организацію.—Примѣръ того, какъ это происходитъ въ Китаѣ.—Несовершенство такого образа дѣйствій.—Что было достигнуто имъ.

Организація народнаго образованія—цѣль, къ которой стремится европейская цивилизація.

Философскій принципъ только тогда получаетъ значеніе, когда можетъ служить руководствомъ для достиженія практическихъ цѣлей жизни.

Цѣль этой книги доказать, что цивилизація не развивается произвольно или случайно, а переходитъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней и въ своемъ развитіи подчинена закону.

Для этой цѣли мы разсматривали отношенія между соціальною и индивидуальною жизнью, и показали, что они неразлучны физиологически, что развитіе общества носитъ явные слѣды сходства съ развитіемъ индивидуума и что человѣкъ—первообразъ или образчикъ общества.

Затѣмъ мы разсмотрѣли умственную исторію Греціи—націи, представляющей самый лучшій и самый цѣльный примѣръ жизни человѣчества. Изъ началъ ея мнѣстологіи въ древне-индійскихъ легендахъ и ея философіи въ Индіи видно, что она перешла черезъ тѣ же фазы, черезъ которыя проходитъ каждый индивидуумъ, до періода дряхлости и смерти въ Александріи.

Общая цѣль настоящей книги.

въ умственной исторіи Греціи

Затѣмъ, обращаясь къ исторіи Европы, мы нашли, что если ^{и въ исторіи Европы.} раздѣлить ее на группы вѣковъ, то каждая группа, въ сравненіи съ другими въ хронологическомъ порядкѣ, представляетъ разительное сходство съ послѣдовательными фазами греческой жизни, а слѣдовательно съ тѣмъ, на что походить греческая жизнь,—съ индивидуальной жизнью.

Для большаго удобства описаній, мы приняли произвольныя эпохи, соответствующія періодамъ, протекающимъ отъ ^{Контрасти, представляемыя ею эпохою.} дѣтства до зрѣлости. Исторія оправдываетъ принятіе такихъ эпохъ. Существуетъ рѣзко опредѣлявшаяся разница между видомъ Европы въ теченіе ея дикихъ и міологическихъ вѣковъ и ея измѣненіемъ, ростомъ и сомнительнымъ положеніемъ въ періодъ римской республики и цезарей, ея покорнымъ смиреніемъ передъ византійскою и итальянскою властью, дѣятельностью ея зрѣлаго возраста, свободою дѣйствій и свободою мысли, характеризующими ея современное состояніе,—состояніе, украшенное великими открытіями въ наукѣ, великими изобрѣтеніями искусства, усовершенствованіями въ способахъ передвиженія и умственной дѣятельности. Наука, капиталъ и машины, дѣйствуя совмѣстно, произвели настоящія чудеса въ области промышленности. Колоссальныя проекты вырабатываются и приводятся въ исполненіе, и весь земной шаръ обращается въ буквальномъ смыслѣ слова въ арену дѣйствій для каждаго человѣка.

Націи, подобно индивидуумамъ, рождаются, растутъ и умираютъ. Однѣ умираютъ рано, преждевременно, другія—уже достигши зрѣлаго возраста. Одна исчезаетъ еще въ дѣтствѣ благодаря своей слабости, другая погибаетъ отъ гражданскихъ болѣзней, третья совершаетъ политическое самоубійство, четвертая доживаетъ до глубокой старости. Но каждая проходитъ по опредѣленному пути развитія, куда этотъ путь ни привелъ бы ее.

Разсматривая теперь послѣдовательныя фазы умственной жизни, что находимъ мы въ нихъ наиболѣе характеристичнаго? Умственное развитіе. И мы рѣшаемъ, что зрѣлость достигнута, когда разумъ дошелъ до максимальной точки своего развитія. Первые ступени развитія подготовительныя; онѣ вполне подчинены остальнымъ.

Если мы спросимъ анатома, какимъ образомъ человѣческая форма достигаетъ наибольшаго своего совершенства, онъ оставитъ въ сторонѣ все низшіе органы и скажетъ, что это совершается посредствомъ измѣненій въ нервной системѣ, которая и является орудіемъ умственнаго совершенствованія, что она проходитъ черезъ извѣстныя стадіи развитія, аналогичныя съ тѣми, которыя наблюдаются у животныхъ, съ тою разницею, что человѣкъ оставляетъ послѣднихъ позади, достигая такого умственнаго развитія, какого они никогда не могутъ достигнуть. Улучшенія органическаго развитія служатъ мѣриломъ умственнаго достоинства.

Подобнымъ образомъ физиологъ, разсматривая обширную серію животныхъ, обитающихъ теперь землю вмѣстѣ съ нами,

располагаетъ имъ по степени ихъ умственныхъ способностей. Онъ показываетъ, что ихъ нервный механизмъ развивается по тому же плану, какъ и нервный механизмъ человѣка, и что тѣмъ сильнѣе его развитіе въ одномъ опредѣленномъ направленіи, тѣмъ болѣе высокаго положенія достигаетъ животное.

Геологъ увѣряетъ, что эти заключенія могутъ быть применены и къ исторіи земли и что замѣчается постепенное усовершенствованіе въ умственной силѣ существъ, послѣдовательно обитавшихъ ее. Это обнаруживается въ ихъ нервной системѣ. Онъ утверждаетъ дальше, что циклъ развитія, переживаемый каждымъ животнымъ, составляетъ въ миниатюрѣ изображеніе развитія жизни на планетѣ. Стремленіе въ обоихъ случаяхъ одно и то же.

Науки, слѣдовательно, сходятся съ исторіею въ утвержденіи, что великая цѣль природы—умственное совершенствованіе. Онѣ провозглашаютъ, что послѣдовательныя стадіи развитія каждаго индивидуума, отъ его зарожденія до зрѣлости, безчисленныя органическія существа, живущія теперь одновременно съ нами и образующія животныя серіи,—правильное проявленіе той великой послѣдовательности, которая возникаетъ медленно, съ теченіемъ времени,—все эти три великія проявленія жизни доставляютъ не только примѣры, но и доказательства владычества закона. Во всякомъ общемъ принципѣ слѣдуетъ отдѣлить инстинктъ отъ автоматизма и затѣмъ разумъ отъ инстинкта. Въ самомъ человѣкѣ три различныя проявленія жизни характеризуютъ собою три различныя эпохи его существованія: отъ дѣтства до самаго совершеннаго состоянія. А разъ это принимается относительно индивидуума, то, въ виду невозможности отдѣлить индивидуума физиологически отъ его рода, то, что считается примѣнимымъ къ одному, должно считаться примѣнимымъ и къ другому. Владѣтельство этого человѣка слѣдуетъ считать прообразомъ общества. Его развитіе—прообразъ общественаго прогресса.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ ученій по отношенію къ общественному прогрессу большихъ обществъ? А то, что все политическія учрежденія,—видимо или невидимо, произвольно или намѣренно,—стремятся къ усовершенствованію и организациі національнаго разума.

Ожиданія отъ жизни, какъ со стороны общества, такъ и со стороны индивидуума, возрастаютъ пропорціонально тому, какъ искусственныя условія или законы, которыми они руководятся, согласуются съ естественными стремленіями. Существованіе можетъ быть поддержано на время при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ; но для устойчивости, долговѣчности и благоденствія жизни должно существовать необходимо соответствіе между искусственными условіями и естественными стремленіями.

Европа вступаетъ теперь въ зрѣлый періодъ своей жизни. Каждая изъ населяющихъ ее націй пытается создать собственную умственную организацию и достигаетъ этого съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ такъ же вѣрно, какъ то,

что пчелы строят свои ульи и наполняют их медомъ. Успѣшность результата будетъ зависеть всецѣло отъ пригодности и достоинства употребленныхъ средствъ.

Нѣкоторые историческіе примѣры бросаютъ свѣтъ на эти принципы, освѣщаютъ ихъ. Такъ, Китай за много вѣковъ назадъ вступилъ въ свой вѣкъ разума и инстинктивно принялся за свою умственную организацію. Что придавало ему его удивительную прочность? Что обезпечиваетъ благосостояніе и процвѣтаніе населенія въ триста шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ,—болѣе чѣмъ четверть человѣческаго рода,—на поверхности не больше Европы? Не географическое положеніе, потому что хотя страна и защищена съ востока моремъ, но она подверглась вторженію со стороны запада и была завоевана. Не покорность, недостатокъ мужества или склонность къ подчиненію, потому что въ странѣ часто вспыхивали кровавыя возстанія. Китайская имперія простирается на двадцать градусовъ широты; средняя годовая температура ея сѣверныхъ провинцій отличается отъ средней годовой температуры южныхъ на двадцать пять градусовъ Ф. Отсюда слѣдуетъ, что рядомъ съ удивительнымъ разнообразіемъ ея растительности должно существовать и громадное разнообразіе ея національныхъ типовъ. Но принципъ, лежащій въ основаніи ея политической системы, превозмогъ блестящимъ образомъ все эти затрудненія, одержалъ верхъ и надъ человѣческими разновидностями, и надъ революціями.

Принципомъ этимъ является организація общественнаго ума. Широкое основаніе этому было положено народнымъ просвѣщеніемъ. Всякій китаецъ умѣетъ читать и писать. Для достиженія этой цѣли выработанъ специальный планъ соревновательныхъ экзаменовъ. Путь къ общественному возвышенію открытъ для всѣхъ. Единственнымъ правомъ на подученіе любой должности является заслуга, дѣйствительная или фиктивная. Степень ея опредѣляетъ общественное положеніе cadaго. Правительство организовано на умственныхъ классификаціяхъ. Провинціи устроены по образцу всей имперіи. Разъ въ три года держатся въ каждомъ округѣ или графствѣ экзамены, съ цѣлью удостовѣриться въ знаніяхъ лицъ, пригодныхъ для занятій извѣстныхъ должностей. Бакалавры, или лица, выдержавшія экзамены, посылаются трижды для новыхъ испытаній въ главные провинціальныя города передъ двумя экзаменаторами, присланными изъ главнаго управленія народнаго просвѣщенія. Получившіе такимъ образомъ ученую степень отправляются на окончательный экзаменъ въ императорское управленіе въ Пекинѣ. Вотъ какимъ образомъ избираются въ Китаѣ подходящіе кандидаты на вакантныя мѣста. Нѣтъ ни одного чиновника, не перенесшаго такого испытанія. Какъ только открываются вакансіи, онѣ пополняются внесенными въ списки лицами, которыя постепенно возвышаются до самыхъ высокихъ почестей.

Прочность китайскихъ учреждений достигается не потому, что талантливые люди обезпечены здѣсь, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ они часто испытываютъ неудачи

И приобретаютъ прочность учреждений.

и разочарованія и обращаются въ самый опасный классъ общества,—а потому, что политическая система въ Китаѣ достигаетъ соответствія съ тѣмъ физиологическимъ состояніемъ, которое руководитъ всѣмъ общественнымъ развитіемъ. Въ Китаѣ господствуетъ стремленіе оставить преобладаніе разуму.

Методъ, помощью котораго стремятся достигнуть этого результата, далеко не совершенный, и, слѣдовательно, полнаго совпаденія между этою системою и этимъ стремленіемъ не получается; тѣмъ не менѣе прочность, достигнутая въслѣдствіе приближенія къ этому согласію, удивительна. Самъ методъ составляетъ результатъ политическихъ формъ, черезъ которыя нація проходила въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Ихъ недостаточность и несовершенство воплотились въ этомъ методѣ и обнаруживаются въ немъ.

Съ точки зрѣнія практической Европы политическая система, основанная, такимъ образомъ, на литературныхъ началахъ, кажется чистою нелѣпностью. Но слѣдуетъ отнестись съ уваженіемъ къ тому, что считала нужнымъ дѣлать четверть человѣческаго рода и за что она такъ упорно и добросовѣстно держалась въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Забывая, что въ этомъ отношеніи китайцы слѣдуютъ инстинкту человечества, который должна чувствовать каждая долго жившая нація. Европа часто утверждала, что именно система соревнованія и привела китайцевъ въ ихъ теперешнее состояніе и обратила ихъ въ народъ, лишенный чувства патриотизма или чести, вѣры или силы. Но это неправда: таковы результаты не системы, но старости. Между нами встрѣчаются восьмидесятилѣтніе старики, такіе же суровые, себялюбивые и самодовольные, какъ китайцы.

Недостатокъ яснаго пониманія нашего взаимнаго положенія портитъ всѣ наши отношенія къ этому древнему государству. Китайцы слышали о нашихъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ, о нашей нетерпимости къ лицамъ, не раздѣляющимъ наши мнѣнія, о нашемъ преклоненіи передъ богатствомъ и о почестяхъ, воздаваемыхъ нами происхожденію; они слышали, что мы иногда надѣляемъ политическою властью людей, которые настолько мало возвышаются надъ животными, что даже не умѣютъ читать и писать; что мы почитаемъ военные успѣхи и считаемъ военную профессію самымъ подходящимъ занятіемъ для джентльмена. Ихъ предки давнымъ давно дѣйствовали и разсуждали совершенно такъ, какъ мы, и въслѣдствіе этого они считаютъ себя вправѣ смотрѣть на европейцевъ какъ на людей, едва лишь вышедшихъ изъ варварскаго состоянія. Мы, съ своей стороны, предаемся заблужденію, что намъ удастся, примѣромъ или силою, заставить Китаѣ принять нашъ образъ мыслей, религіозный и политическій, и ввести въ свою застоившуюся кровь нашъ духъ предпримчивости.

Достоверный отчетъ о теперешнемъ состояніи Китая составилъ бы цѣнный вкладъ въ философію, а также и въ политическую науку. На одной изъ предыдущихъ стра-

Его литературное основаніе неудовлетворительно.

Относительно положеніе Европы и Китая.

Что совершилъ въ дѣйствительности Китай.

ницъ (гл. I т. I) и утверждалъ, что требуется величайшая государственная мудрость, чтобъ управлять населеніями, живущими въ различныхъ широтахъ. А между тѣмъ Китай не только управляетъ этими разнообразными въ климатическомъ отношеніи населеніями, но и умѣетъ придать имъ однородность, заставляя ихъ настолько приспособляться другъ къ другу, что они думаютъ и работаютъ одинаковымъ образомъ. Европа неизбѣжно стремится къ тому, чтобъ обратиться современемъ въ Китай. На примѣрѣ Китая видно, во что мы обратимся, когда состарѣмся.

Большое общество, стремящееся управляться разумомъ, а не принужденіемъ, представляетъ зрѣлище, достойное удивленія. даже если способъ приведенія имъ въ исполненіе этого намѣренія совершенно неудаченъ. Грубая сила связываетъ общество совершенно такъ же, какъ связываетъ желѣзныи гвоздь кусокъ дерева, въ который онъ вбитъ,—путемъ производства дамага имъ давленія,—давленія, зависящаго отъ силы, съ какою онъ вбитъ молоткомъ. Онъ держитъ еще съ большею силой, если немного заржавѣлъ отъ времени. Но разумъ связываетъ разрозненныя части какъ витъ. Вещи, которыя держатся имъ, должны быть тщательно пригнаны другъ къ другу. Его слѣдуетъ поворачивать нѣжно, а не вбивать, и тогда только онъ будетъ прочно удерживать приложенныя другъ къ другу части.

Несмотря на несовершенства системы, опирающейся на ложномъ основаніи, это громадное общество совершило то, что признается многими людьми главною цѣлью политики. Они думаютъ, что цѣлью этою должно быть постоянство учреждений. Но постоянство только по виду составляетъ цѣль государственной мудрости, дѣйствительною ея цѣлью является прогрессъ. Послѣдовательныя ступени такого прогресса такъ незамѣтно слѣдуютъ одна за другою, что получается обманчивый видъ постоянства. Человѣкъ такъ созданъ, что онъ никогда не замѣчаетъ постоянного движенія. Одни только внезапныя измѣненія производятъ на него впечатлѣніе.

Формы правленія, слѣдовательно, имѣютъ значеніе, хотя не въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Ихъ значеніе усиливается пропорціонально тому, насколько онѣ способствуютъ или поощряютъ удовлетвореніе естественнаго стремленія къ развитію.

Между тѣмъ какъ Азія доставила намъ примѣръ національной организаціи разума, Европа, въ меньшемъ масштабѣ, представила намъ примѣръ подобнаго же рода. Папская система открывала, правда, при особыхъ обстоятельствахъ, путь таланту. Она въ своей сферѣ дѣйствій поддерживала умственную организацію, не обращая вниманія на богатство или происхожденіе. Никто не возражалъ противъ того, что величайшіе представители церкви брались иногда изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества. И эта организація поддерживалась, несмотря на неблагоприятныя внѣшнія вліянія, въ теченіе многихъ столѣтій послѣ того, какъ ея сверхъестественныя и видимыя основанія совершенно рухнули.

Каковы бы ни были факты, при которыхъ можетъ установиться въ Европѣ подобная организація, она должна основываться на всеобщемъ и, если нужно, принудительномъ образованіи. Въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ движеніе это почти достигло кульминаціоннаго пункта. Уже признано, что государство, наравнѣ съ родителями, имѣетъ право на ребенка и должно настаивать на его образованіи, и обратно—что каждый ребенокъ имѣетъ право требовать отъ правительства образованія. Позабывшіеся самымъ щедрымъ образомъ объ этихъ условіяхъ, свободныя страны должны сдѣлать еще только одно для достиженія остальнаго.

Это одно — необходимость обезпечить умственную свободу въ такой же степени, въ какой уже обезпечены права собственности и личная свобода. Философскія мнѣнія и научныя открытія должны обсуждаться на основаніи заключающейся въ нихъ истины, а не согласно ихъ отношеніямъ къ существующимъ интересамъ. Движеніе земли вокругъ солнца, древность земного шара, происхожденіе видовъ,—все это ученія, пробившія себѣ дорогу именно тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ въ настоящей книгѣ; имъ пришлось вести борьбу не противъ философской оппозиціи, а противъ оппозиціи совершенно иного рода. А между тѣмъ интересы, противодѣйствовавшіе имъ, ничего не потеряли отъ ихъ утвержденія, исключая развѣ того, что оказанное ими сопротивление подорвало ихъ собственный кредитъ.

Нѣтъ большаго литературнаго преступленія, какъ возбужденіе ненависти социальной и особенно теологической противъ чисто научныхъ идей,—нѣтъ ни одного, которое въ такой бы сильной степени возбуждало неодобреніе каждаго образованнаго человѣка. Литературное общество ради собственного достоинства не должно терпѣть больше такихъ безобразій въ своей средѣ.

Итакъ, европейскія страны быстро приближаются къ такой именно организаціи своего національнаго ума и къ дараванію ему политической власти. Онѣ снѣшать удовольствіе своему инстинктивному стремленію. Специальная форма, въ которую онѣ облачаютъ свои намѣренія, должна, понятно, зависеть въ значительной степени отъ политическихъ формъ, подъ которыми онѣ проводятъ свою жизнь, при чемъ формы эти будутъ измѣнены въ смыслѣ установленія большей однородности, какъ непосредственнаго результата усилившихся сношеній между народами. Система каналовъ, достигшая въ Китаѣ такого совершенства, оказывала не малое вліяніе въ этомъ отношеніи—хотя это вліяніе невозможно сравнивать съ результатами, къ которымъ должна привести желѣзнодорожная система Европы.

Въ одной чрезвычайно важной частности будущее Европы свѣтло. Китай переживалъ послѣднюю ступень гражданской жизни, погруженный въ безотрадный буддизмъ; Европа приближается къ ней черезъ христіанство. Всемирная любовь должна принести лучшіе плоды, чѣмъ эгоистичная гордость. Болѣе блестящее будущее, полное надеждъ,

открывается для народовъ, воодушевленныхъ истинно религіознымъ чувствомъ, для народовъ, которые, какова бы ни была ихъ политика, всегда сходились въ одномъ, въ томъ, что они набожны, — чѣмъ у народа, который предается преслѣдованію себялюбивыхъ цѣлей и матеріальныхъ выгодъ, который потерялъ всякую вѣру въ будущее и живетъ безъ Бога.

Я закончилъ трудъ, которымъ занимался въ теченіе многихъ годовъ, и теперь, со многими извиненіями, отдаю его на снисходительный судъ публики. Я буду считать, что страницы эти написаны не напрасно, если онѣ внушатъ читателю, какъ онѣ внушили автору, глубокое убѣжденіе, что цивилизація Европы не развивалась случайно, скачками, а шла впередъ опредѣленнымъ образомъ, подчиняясь естественному закону; что процессія народовъ не двигается впередъ подобно видѣніямъ сна, безъ порядка и смысла, а шествуетъ по опредѣленному пути, торжественнымъ маршемъ, къ которому должны присоединиться всѣ, вѣчно двигаясь, безпрепятственно направляясь своею дорогою, встрѣчая и преодолевая неизбежный рядъ событий; что индивидуальная жизнь съ ея постыдовательными ступенями развитія является прообразомъ общественной жизни съ ея вѣковыми измѣненіями.

Я доказывалъ господство естественнаго закона надъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ, — господство, которое можетъ существовать одновременно съ доброю волею совершенно такъ, какъ неизбежный переходъ индивидуума отъ одного возраста къ другому — достиженіе зрѣлости и затѣмъ ослабленіе всего организма къ старости — совместимъ съ его добровольными дѣйствіями. Этотъ высшій законъ ограничиваетъ наши движенія извѣстнымъ направленіемъ и руководить ими, заставляя идти по извѣстному пути. По любимому выраженію стоиковъ, жолудь можетъ неподвижно лежать въ землѣ, не обнаруживая и признака жизненной силы, пока не получитъ тепла, влаги и другія вещи, необходимыя для его произрастанія. Во время своего роста онъ можетъ выпустить одну почку въ одномъ мѣстѣ, а другую въ другомъ; внутренняя жизненность дерева можетъ вести борьбу противъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ или процвѣтать въ случаѣ существованія благоприятныхъ; но, каковы бы ни были обстоятельства, на лицо имѣется всегда высшая сила, сдерживающая ихъ или видоизмѣняющая. Жолудь можетъ произвестъ только дубъ.

Примѣненіе этого принципа къ человѣческимъ обществамъ устанавливается самымъ непоколебимымъ образомъ помощью научнаго изученія ихъ исторіи. И чѣмъ глубже это изученіе, чѣмъ оно обширнѣе, тѣмъ лучше будемъ мы различать дѣйствіе неизмѣннаго закона среди разнообразія событий, постоянно мѣняющихся. Какъ только это будетъ вполне понятно и оцѣнено, мы получимъ въ лицѣ философіи руководителя для истолкованія прошлой дѣятельности націй, и пророческое указаніе ихъ будущаго, насколько вообще возможно пророчество въ человѣческихъ дѣлахъ.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Абба Умна, извѣстный еврейскій медикъ, I, 299.
- Аббатъ Арнольдъ, его кровожадный приказъ при взятіи Безьера, II, 366.
- Абдаллахъ проникаетъ въ Африку до Триполи, I, 248.
- Абдалмалекъ вторгается въ Африку, I, 248.
- Абдеррахманъ убить въ битвѣ при Турѣ, II, 352.
- Абдеррахманъ III, описаніе двора, II, 353.
- Абдеррахманъ Зуфи, улучшаетъ фотометрію звѣздъ, II, 361.
- Абдульмалекъ, его отношеніе къ церкви въ Дамаскѣ, I, 251.
- Абеляръ, Петръ, его характеръ и ученіе, II, 337.
- Абкахъ, его временный успѣхъ при завоеваніи Африки, I, 248.
- Абрагамъ Ибнъ Сахаль, грязный характеръ его пѣсень, II, 356.
- Абу-Бекръ, преемникъ Магомета и первый калифъ, I, 249.
- Абуль Вефа открываетъ фазы луны, I, 242.
- Абуль-Гассанъ, арабскій астрономъ, II, 361.
- Абу-Кассемъ, мавританскій писатель X в., о торговлѣ, II, 362.
- Абу Отманъ, мавританскій писатель о зоологіи, II, 358.
- Августинъ св., заставляетъ изгнать Пелагія изъ Африки, I, 228.
- Пишетъ о Божьемъ городѣ, I, 228—230.
- Характеръ его произведеній, I, 230.
- Отрицаетъ возможность антиподъ, I, 230.
- О самопроизвольномъ зарожденіи, II, 579.
- Авензоаръ, мавританскій писатель о фармацевтикѣ, II, 359.
- Аверроесъ, изъ Кордовы, главный комментаторъ Аристотеля, II, 359.
- Его теорія о душѣ, II, 478.
- Смѣшиваетъ силу съ психическимъ началомъ, II, 590.
- Его ошибочные взгляды на чело-вѣка, II, 600.
- Авиньонъ, резиденція папъ, II, 395.
- Сладострастіе и разгульная жизнь его, II, 402.
- Папы выѣзжаютъ, II, 403.
- Авиценна, его геологическіе взгляды, I, 307.
- Медикъ и философъ, II, 358.
- Австралиецъ, влияніе на него физическихъ обстоятельствъ, I, 21.
- Адриатическое море, Сѣверное, измѣненіе въ глубинѣ, I, 24.
- Адріанъ, папа, навлекаетъ на себя немилость Карла Великаго за продажу своихъ вассаловъ въ рабство, I, 278.
- Азеллій, открываетъ млечные сосуды, II, 544.
- Азовское море, въ зависимости отъ Сридиземнаго, I, 22.
- Азока, царь, покровительствуетъ буддизму, I, 53.
- Академіи, обвиненіе въ ереси, II, 492.
- Основаніе современной науки, II, 545.
- Академія, старая, основанная Платономъ, I, 132.
- Средняя, основанная Архезилаемъ, I, 132.
- Новая, основанная Карнеодомъ, I, 132.
- Четвертая, основанная Филономъ въ Ларисѣ, I, 133.
- Пятая, основанная Антиономъ Аскалонскимъ, I, 133.
- Акакій, епископъ Константинопольскій, отлученъ отъ церкви Феликсомъ, епископомъ римскимъ, I, 262.
- Аквинатъ, Фома, доминиканецъ, соперникъ Дунсъ Скота, II, 339.
- Живетъ съ Альбертомъ Магнусомъ, II, 412.
- Акустика, открытія въ ней и ея явленія, II, 611.
- Аларихъ, взятіе Рима, I, 231.
- Александрія, основаніе ея, I, 135.
- Политическое состояніе, I, 157.
- Паденіе ея школы, I, 160.
- Описаніе, I, 240—1.
- Взятіе ея, I, 249.
- Александръ, епископъ константинопольскій, его споръ съ Аріемъ, I, 221.

- Александръ II, отлучаетъ епископа миланскаго, II, 341.
 Александръ IV, папа, пробуетъ уничтожить „Вѣчно Евангеліе“, II, 384.
 Александръ Великій, его характеръ, I, 134.
 Его вторженіе въ Персію, I, 136.
 „Алексиада“, Анны Комнень, II, 374.
 Алеманы, обратившіеся въ христіанство въ началѣ шестого столѣтія, I, 272.
 Али, признававшійся шентами воплощеніемъ Бога, I, 258—259.
 Покровительство, оказываемое имъ литературѣ, продолжается его преемниками, II, 356.
 Алліакъ, кардиналъ, пять его мемуаровъ, II, 521.
 Алхимія, теорія и предметъ ея, I, 364.
 Аль-Аббасъ, мавританскій писатель о ботаникѣ, II, 358.
 Аль-Батегниусъ открываетъ движеніе солнечной апоген, I, 242.
 Опредѣляетъ длину года, ib.
 Аль-Бейтаръ, мавританскій писатель о ботаникѣ, II, 358.
 Альбертъ Великій строитъ мѣднаго человѣка, II, 417.
 Его обширныя знанія, II, 446.
 Аль-Беруни, мавританскій писатель о драгоценностяхъ, II, 358.
 Альбигойское возстаніе, II, 441.
 Альби, указъ собора противъ евреевъ-медиковъ, II, 424.
 Аль-Буказисъ, искусный хирургъ въ Кордовѣ, II, 359.
 Аль-Валидъ, I, калифъ, запрещаетъ употребленіе греческаго языка, I, 252.
 Аль-Газенъ, открываетъ атмосферную рефракцію, II, 361.
 Обзоръ, II, 363.
 Его заключенія о размѣрахъ атмосферы подтверждаются, II, 408.
 Аль-Гакемъ, калифъ, его громадная бібліотека, II, 352.
 Аль-Гаццали, его сочиненія и ученія, II, 362.
 Альквинъ, бенедиктинскій монахъ, основываетъ парижскій университетъ, I, 325.
 Альмагеста, Птоломей, описаніе ея, I, 159.
 Переведено Аверроесомъ, II, 380.
 Аль-Маймонъ, его письма къ императору Теофилу, II, 359.
 Опредѣляетъ косвенность эклиптики, II, 360.
 Также величину земли, II, ib.
 Справедливость его вычисленій подтверждается измѣреніями Фернеля, II, 521.
 Альманзоръ, покровительствуетъ ученымъ людямъ, не обращая вниманія на ихъ религіозныя мнѣнія, I, 250.
 Альпы, высота ихъ, I, 24.
 Аль-Сиратъ, мостъ, о немъ говорится въ Коранѣ, I, 285.
 Амвросій миланскій обращаетъ св. Августина, I, 204.
 Причины, извиняющія обманъ, совершенные имъ, I, 275.
 Амбрауэзъ Паре вырабатываетъ основанія современной хирургіи, II, 543.
 Амедей, избранъ папою Феликсомъ V, II, 408.
 Америка, преслѣдованія, совершавшіяся въ ней, открытіе ея, II, 418, 455.
 Первое упоминаніе о ея теперешнемъ имени, II, 455.
 Испанскія преступленія, II, 473.
 Древность ея цивилизаціи, II, ib.
 Соединенные штаты, отдѣленіе церкви отъ государства, II, 418, 503.
 Революція во время разражается, II, 444.
 Кульминаціонный пунктъ реформации, II, 502.
 Американская трагедія, II, 459.
 Аммоній св., его чудеса, I, 318.
 Аммоній Саккасъ, извѣстный авторъ ученій неоплатонизма, I, 265.
 Амру, магометанскій генералъ, беретъ Александрію, I, 248.
 Амулеты, откуда происходятъ ихъ предполагаемая сила, I, 311.
 Анабаптисты, множество ихъ подвергается смертной казни, II, 502.
 Анаксагоръ, осужденъ на смерть за безбожіе, I, 39.
 Его ученія, I, 85.
 Преслѣдованія и смерть, I, 87.
 Анаксимандръ Милетскій, его ученія, I, 84.
 Кладеть начало космогоніи и біологіи, I, 84.
 Анаксименъ Милетскій придерживается ученія, что воздухъ—первое начало, I, 77.
 Анализъ, высшій, начало его, I, 105.
 Политическія опасности его, I, 109.
 Аналогія греческой и индусской философіи, I, 164.
 Анахореты, I, 322.
 Англія, обращеніе ея, I, 273.
 Политика итальянскаго города отражается на ея исторіи, II, 504.
 Ея общественное положеніе, II, 505.
 Положеніе ея во время уничтоженія монастырей, II, 506.

- Положеніе ея къ концу XVII в., II, 511.
 Апсельмъ, архіепископъ кентерберійскій, принимаетъ участіе въ спорѣ между номиналистами и реалистами, II, 338.
 Антимоній, его употребленіе, II, 449.
 Антисөөнь, основатель цинической школы, I, 117.
 Антиохъ Аскалонскій, I, 133.
 Антиохъ, царь сирійскій, уступаетъ Риму европейскія владѣнія, I, 192.
 Антоній, де Доминисъ, оскорбленіе его тѣла, II, 500.
 Антоній св., отшельникъ, I, 318.
 Антонина, жена Велизарія, жестокое обращеніе съ нею Сильверія, I, 264.
 Антонинъ, Маркъ Аврелій, императоръ, I, 202.
 Антропоцентрическій образъ мыслей, I, 29.
 Идеи антропоцентрическія, I, 50.
 Гибель антропоцентрическихъ идей, II, 539.
 Философія этой теоріи, II, 545.
 Апеннины, поднятіе ихъ, I, 24.
 Апокалипсисъ, комментарий, II, 389.
 Аполлоній Пергейскій, сочиненія его, I, 158.
 Его геометрія, I, 236.
 Аполлоній Тіанскій, помогаетъ введенію ориентализма, I, 164.
 Его чудеса, II, 416.
 Арабское вліяніе, его значеніе, I, 286.
 Колдовство, I, 291.
 Школьная система, II, 356.
 Практическая наука, II, 358.
 Медицина и хирургія, II, 359.
 Астрономія, II, 366.
 Практическая искусства, II, 362.
 Торговля, II, ib.
 Счисленіе, II, 362.
 Арабы разрабатываютъ науку, I, 249.
 Быстрота ихъ умственнаго развитія, I, 250.
 Вторгаются въ Испанію, II, 350.
 Цивилизація и утонченные нравы испанскихъ арабовъ, II, 351.
 Вводятъ въ Европѣ хлопчатобумажное производство, II, 623.
 Изобрѣтаютъ бумагу писчую и печатаніе колленкора, II, ib.
 Арантусъ, выдающійся анатомъ, II, 543.
 Аргонавы, ихъ путешествіе, I, 32.
 Его дѣйствительный характеръ, I, 36.
 Арда Гидди, основатель буддизма, жизнь его, I, 52.
 Ариминскій соборъ, I, 223.
 Аристархъ, попытка его опредѣлить разстояніе земли отъ солнца, I, 156.
 Аристиппъ, основатель киринейской школы, I, 116.
 Аристотель, держитъ въ Афинахъ мосткильную лавку, I, 101, 296.
 Его біографія, I, 137—138.
 Сочиненія его переведены на арабскій языкъ, I, 300.
 Ученіе его въ сравненіи съ платонизмомъ, I, 139.
 Ариеметика индійская, II, 360.
 Аріій, его ересь, I, 221.
 Его смерть, I, 222.
 Политическіе результаты его ереси, I, 243.
 Арнольдъ Брешианскій, убійство его, II, 348.
 Арнольдъ де Вилла Нова, II, 428.
 Археизлай, основатель Средней академіи, I, 132.
 Архимедъ, его сочиненія, I, 152—153.
 Презрѣніе къ его механическимъ изобрѣтеніямъ со стороны патрицизма, I, 236.
 Асклепіоны, результаты изъ разрушенія, I, 288—289.
 Характеръ и организація, I, 293.
 Аспазія, значеніе ея исторіи, I, 104.
 Астролябія, извѣстна сарацинамъ, II, 361.
 Астрономія первобытная, I, 31.
 Переходитъ черезъ стадію фетишизма, I, 78—79.
 Эратосөөнь, I, 156.
 Ея отношенія къ церкви, I, 268.
 Умственный импульсъ производитъ свое нападеніе черезъ ея посредство, II, 430.
 Доставляетъ доказательства величія и древности міра, II, 538.
 Астрономическая рефракція, извѣстна Аль-Газену, II, 364.
 Атлантический океанъ, первое путешествіе черезъ него, II, 454.
 Атмосфера, вѣсъ ея, опредѣленный Аль-Газеномъ, II, 454.
 Дѣйствіе свѣта на нее, II, 373.
 Явленія ея и свойства, II, 608.
 Атомическая теорія Демокрита, I, 98.
 Атталь, царь пергамскій, дѣйствіе его завоеванія на Римъ, I, 193.
 Атилла, царь гунновъ, „бичъ Божій“, вторгается въ Африку, I, 261.
 Аугсбургскій сеймъ, II, 491.
 Африка, плаваніе вокругъ нея судовъ фараона Нехао, I, 61.
 Завоевана арабами, I, 243.
 Дѣйствіе, оказанное потерю ея на Италію, I, 261.
 Круговой объѣздъ ея моремъ, сдѣланный Васко де Гама, II, 458.
 Ахень, украшенъ Карломъ Великимъ, I, 278.

Ахерузская пещера, которая, по суровому предположенію древнихъ, вела въ адъ, I, 28.
 Ахиллесъ, его копье, сохраняемое, какъ реликвія, I, 40.
 Ахиллесово затрудненіе, выставленное Зенономъ Элеатскимъ, какъ одно изъ четырехъ доказательствъ противъ невозможности движенія, I, 96.
 Афанасій, возстаетъ противъ императора Константина, I, 223.
 Вводитъ впервые въ Италиі монастыри и монашескую жизнь, I, 322.
 Авины, ихъ философія, I, 104.
 Ихъ успѣхи въ искусствахъ, I, 104.
 Ихъ статуи, I, 40.
 Багаватъ-Гита, I, 51.
 Багдадъ, его калифы, покровительствуютъ наукъ, I, 249.
 Университетъ, основанный въ немъ калифомъ Аль-Рашидомъ, I, 360.
 Баварія, принятіе христіанства, I, 272.
 Базельскій соборъ, II, 407.
 Балль, Джонъ, его проповѣдь указываетъ на современное состояніе общества, II, 442.
 Бальбоа открываетъ Великій Южный океанъ, II, 463.
 Бальтазаръ Косса, папа Іоаннъ XXIII, II, 404.
 Байзетъ, наноситъ пораженіе Сигизмунду, царю венгерскому, въ битвѣ при Никополѣ, II, 410.
 Безбрачіе, на безбрачіи духовенства настаиваютъ монахи, I, 318.
 Необходимость его, II, 341.
 Бездождіе, I, 62.
 Безсмертіе души, I, 126.
 Безье, взятіе его аббатомъ Арнольдомъ, II, 372.
 Соборъ въ Безье, противится ерейскимъ медикамъ, II, 425.
 Беккеръ, вводитъ флогистическую теорію, II, 545.
 Бенедетто Гаэтани, кардиналъ, его участіе въ дѣлѣ отреченія отъ папскаго престола Петра Морроне, Целестина V, II, 390.
 Бенедиктинцы, число ихъ, I, 325.
 Бенедиктъ св., его чудеса, I, 325.
 Бенъ Эзра, его многочисленныя дарованія, II, 423.
 Беренгаръ Турскій, его мнѣнія, II, 336.
 Многія изъ его ученій восприняты Виклефомъ, II, 404.
 Беркли, его ученіе о существованіи вещества, I, 181.
 Бернардини, Петръ, отецъ св. Франциска, II, 478.
 Бернардъ Клерво, возбуждаетъ второй крестовый походъ, II, 347.
 Бернардъ св., нападаетъ на Абельяра, II, 336.
 Берта, королева Кентская, помогаетъ обращенію Англии въ христіанство, I, 273.
 Бехиль, открываетъ фосфоръ, I, 307.
 Библиотеки, I, 147, 237.
 Библия, переведена на итальянскій языкъ Іеронимомъ, I, 23.
 Ея превосходство надъ Кораномъ, I, 255.
 Переведена на англійскій языкъ Виклефомъ, II, 405.
 Ея характеръ и большое распространеніе, II, 501.
 Биологія начинается вмѣстѣ съ Анаксимадромъ, I, 84.
 Богородица, поклоненіе ей, I, 231.
 Различныя типы Богородицы, I, 269.
 Бодень, „De Republica“, I, 5.
 Войлманъ, происхожденіе этого шуточнаго прозвища, II, 515.
 Войль, II, 545.
 Боккачіо, добываетъ профессорское мѣсто для Леонтія Пилата, II, 428.
 Болгарія, обращеніе ея въ христіанство, I, 273.
 Бонифацій VIII, папа, „Венедетто Гаэтани“, его споръ съ Колонна, II, 390.
 Бонифацій Савойскій, архіепископъ кентерберійскій, его жадность, II, 387.
 Бонифацій, англійскій миссіонеръ VII столѣтія, I, 273.
 Борелли, о круговомъ движеніи, II, 574.
 Примѣняетъ математику къ мускульному движенію, II, 545.
 Божество, антропоморфическія идеи о немъ въ Коранѣ, I, 255.
 Бриндлей, ученикъ на мельницѣ, II, 544.
 Торжество его инженернаго искусства при постройкѣ каналовъ, II, 545.
 Бракъ, принудительный во времена Августа, I, 198.
 Его грѣховность съ точки зрѣнія монаховъ, I, 318.
 Броунъ, открываетъ пятерное устройство цвѣтовъ, II, 576.
 Браминъ, съ точки зрѣнія учрежденій Ману, I, 50.
 Попытка согласить преданіе съ современными философскими открытіями, II, 576.
 Брикспиръ, Николай, вполѣдствіи папа Адриана IV, II, 348.
 Бруно, Джорджано, его гелиоцентрическая теорія, II, 523.
 Сожженъ какъ еретикъ, II, 524.
 Брухюнъ, библиотека, I, 237.

Буддизмъ, его возникновеніе, I, 51.
 Его организація, I, 53.
 Его основные принципы, I, 54.
 Его взгляды на природу человѣка, I, 55.
 Философская оцѣнка его, I, 56.
 Бумага, изобрѣтеніе ея, II, 483.
 Буэнзъ, его взглядъ на хронологію Евсеіа, I, 155.
 Бунианъ, Джонъ, его сочиненія превосходятъ св. Августина, I, 230.
 Его заключаютъ въ тюрьму на 12 лѣтъ за проповѣдь, II, 513.
 Вѣдби, осужденъ на сожженіе за отрицаніе трансубстанціаціи, II, 405.
 Вѣконъ, лордъ, характеръ его философіи, II, 523.
 Вѣконъ, Роджеръ, заглавія его сочиненій, II, 421.
 Другъ папы, II, 436.
 Его исторія и его открытія, II, 447.
 Вѣнсь о размѣрахъ хлопчатобумажнаго производства, II, 623.
 Бернетъ, „Священная теорія земли“, II, 544.
 Вѣлградъ, взятъ Сулейманомъ Великолѣпнымъ, II, 412.
 Вѣленіе хлоромъ, II, 623.
 Вавилонъ, размѣръ астрономическихъ наблюденій, I, 151.
 Валентиніанъ, издаетъ указъ о виновности Гиларіа, I, 226.
 Никеецъ, II, 233.
 Валерій, графъ, пелагійскій вопросъ разрѣшается благодаря его вліянію, I, 229.
 Валлиснери, итальянскій геологъ XVIII в., II, 567.
 Вальтеръ Безденежный, первый изъ крестоносцевъ, II, 347.
 Нравственное состояніе Европы, указываемое обычаями войны, II, 506.
 Вандалы, обращены въ IV в., I, 272.
 Нападеніе вандаловъ, I, 243.
 Ванъ Гельмонтъ вводитъ теорію жизни въ медицину, II, 544.
 Варолій, извѣстный анатомъ, II, 543.
 Варронъ, Терентій, его скептицизмъ, I, 201.
 Василий Валентинъ, вводитъ антимоній, II, 449.
 Василий св., епископъ Цезарскій, основатель ордена монаховъ, I, 325.
 Васко де Гама, объѣзжаетъ мысъ Доброй Надежды, II, 457.
 Ватиканская библиотека, основана Николаемъ V, II, 413.
 Веданзмъ, обоготвореніе природы, его ученія, I, 45.
 Его измѣненія, I, 50.
 Велизарій, завоевываетъ вновь Африку, I, 244.
 Завоевываетъ Римъ, I, 261.
 Великая хартия, составляется по внушенію Стефана Лангтона, II, 371.
 Венера, свѣтъ планеты, II, 560.
 Венеція, торговое соперничество между нею и Генуею, II, 450.
 Стоитъ во главѣ издательскаго дѣла, II, 482.
 Верона, Фракастеръ пишетъ объ окаменѣлостяхъ, найденныхъ въ Веронѣ, II, 369.
 Учрежденіе перваго геологическаго музея, II, 626.
 Вестфалія, миръ, апогей развитія реформаціи, II, 492.
 Вещество, его неразрушимость, II, 614.
 Вигилій, продаетъ папство за двѣсти фунтовъ золота, I, 263.
 Види, ученіе Кювье о постоянствѣ видовъ, II, 529.
 Опозиція ученію о превращеніи, II, 529.
 Видѣніе, правильныя идеи относительно этого, II, 618.
 Византія, система ея принята въ Италиі, I, 260.
 Правительство преслѣдуетъ несторианцевъ и евреевъ, I, 287.
 Преслѣдованіе медицины, II, 288.
 Визиготы, распространеніе ихъ черезъ Грецію, Испанію и Италию, I, 227.
 Викторъ, епископъ римскій, требуетъ отъ византійскихъ епископовъ, чтобы они подчинялись его взглядамъ на Пасху, I, 227.
 Викторъ III, заявляетъ, что жизнь папы Бенедикта IX безумна и возмутительна, I, 284.
 Вильгельмъ Шампо открываетъ школу логики въ Парижѣ, II, 339.
 Вильгельмъ, лордъ Монпелье, его указъ относительно практики медицины, II, 423.
 Вильгельмъ Ногаретъ, помогаетъ королю Филиппу противъ папы Бонифація II, II, 393.
 Вильгельмъ Плэзанскій, составляетъ цѣлый списокъ обвиненій противъ папы Бонифація, II, 394.
 Висконти, Барнаба, его непочтительность, II, 402.
 Вителло, издаетъ въ VI в. трактатъ объ оптикѣ, II, 521.
 Винчи, Леонардо, вкладъ, внесенный имъ въ науку, II, 531.
 Первый указываетъ на истинное значеніе ископаемыхъ остатковъ, I, 566, 626.

- Сравнивает дѣятельность глаза съ дѣйствіемъ камеры obscury, II, 618.
- Виета, улучшаетъ алгебру и примѣняютъ ее къ геометріи, II, 543.
- Вѣщныя чувства, ученіе Аль-Гаццали о грѣховности, II, 368.
- Вода, ея значеніе въ Египтѣ, I, 76.
- Военная система, римская, I, 196.
- Воздухъ, современныя открытія объ отношеніяхъ его, I, 81.
- Волнообразная теорія свѣта, II, 619.
- Волшебный фонарь, II, 618.
- Вольта, чѣмъ химія обязана ему, II, 626.
- Вольтаическое электричество, II, 616.
- Воспоминаніе, ученіе Платона о немъ, I, 120.
- Время, въ немъ нѣтъ ничего абсолютнаго, I, 14.
- Вселенная, неизмѣнность ея, по словамъ Анаксагора, I, 85.
- Ея величіе и ея обширность, II, 549.
- Вѣковое геологическое движеніе въ Европѣ и Азій, I, 23.
- Неравенства сателлитовъ, II, 538.
- Вѣкъ вѣры, греческой, I, 120.
- Его задачи, I, 169.
- Европейскій, 232.
- На востокъ, конецъ его, I, 243.
- На западѣ, I, 260.
- Его литературное положеніе, II, 100.
- Результаты этого въ Англіи, II, 504.
- Противоположность между вѣкомъ вѣры и вѣкомъ разума, II, 625.
- Вѣкъ упадка въ Греціи, I, 162.
- Вѣкъ изслѣдованія, греческой, рѣшенія, къ которымъ онъ приводитъ, I, 169.
- Исторія его, въ Европѣ, I, 187, 207.
- Вѣкъ разума, въ Греціи, I, 173.
- Его задачи, I, 173.
- Приближеніе къ нему, II, 445, 475.
- Исторія его, II, 521, 550.
- Вѣкъ разума въ Греціи, I, 134.
- Вѣра въ Греціи, продолжительность ея, I, 174.
- Вѣнскій соборъ, II, 397.
- Вудвардъ, II, 544.
- Вульгата, I, 231.
- Вулканы, II, 556.
- Вульгата, получаетъ авторитетъ на западѣ, I, 231.
- Боязнъ Рима потерять авторитетъ, II, 479.
- Гадесъ, I, 31.
- Происхожденіе греческаго, I, 74.
- Газеты, ихъ происхожденіе, II, 486.
- Первое ихъ правильное появленіе въ Англіи, II, 519.
- Первое появленіе въ Италіи, II, 626.
- Галламъ, его мнѣніе о Леонардо да Винчи, II, 532.
- Галлей, комета, ея описаніе и взглядъ на нее, II,
- Галенъ, его мнѣнія, I, 203.
- Его дѣленіе медиковъ на два класса, I, 298.
- Галилей, описаніе умственнаго импульса, II, 431.
- Изобрѣтаетъ телескопъ, II, 525.
- Его астрономическія открытія, II, ib.
- Осужденъ инквизиціею, II, 528.
- Издаетъ „Систему міровъ“, II, ib.
- Его лишаютъ званія и подвергають наказанію, II, 529.
- Его смерть, II, 529.
- Его три закона движенія, II, 532.
- Галлюцинація, I, 318.
- Ганнина, I, 299.
- Гарвей, открываетъ кровообращеніе, II, 544.
- Гарпаль, Александръ пользуется его научными занятіями, I, 135.
- Гарунъ, александрійскій врачъ, первый описываетъ оспу, I, 300.
- Гарунъ Аль-Рашидъ, посылаетъ Карлу Великому ключи отъ св. Гроба, I, 279.
- Подчиняетъ всѣ общественныя школы Іоанну Масюэ, I, 292.
- Покровительствуетъ медицинской коллегіи и основываетъ университетъ, I, 300.
- Заставляетъ перевести Гомера на сирийскій языкъ, II, 355.
- Гассанъ, беретъ штурмомъ Карфагенъ, I, 248.
- Гвидо, бенедиктинскій монахъ, изобрѣтатель музыкальной скалы, I, 326.
- Геберъ или Джафаръ, алхимикъ, I, 306.
- Гезіодъ, расширяетъ теогонію Гомера, I, 34.
- Гелазій, его безбоязненное обращеніе къ императору, I, 262.
- Гелиоцентрическая теорія, ея значеніе, II, 521.
- Ея распространеніе, II, 522.
- Гемингъ, вводитъ въ Англіи уличные фонари, II, 513.
- Гензерихъ, царь вандаловъ, приглашенъ графомъ Бонифациемъ въ Африку, I, 243.

- Приглашенъ въ Римъ, I, 261.
- Генрихъ V, императоръ германскій, сопротивление, оказанное имъ папамъ, II, 345.
- Генрихъ VIII, король англійскій, имѣетъ личныя причины для недовѣрства, II, 495.
- Орудіе, не причина революціи, II, 510.
- Генрихъ Птицеловъ, утверждаетъ значеніе монархическаго принципа, I, 280.
- Генуя, ея торговля, II, 450.
- Географія, первобытная, I, 31.
- Ея союзъ съ чудеснымъ, I, 33.
- Птоломеи, I, 160.
- Конецъ патристицизма, II, 455.
- Географическія открытія, дѣйствіе ихъ, I, 35.
- Геологическія движенія въ Азій, I, 23.
- Геология, II, 550.
- Доказательства, доставленныя ею относительно положенія чловѣка, II, 586.
- Геоцентрическая теорія, принята церковью, II, 520.
- Важные результаты, къ которымъ привелъ отказъ отъ нея, II, 584.
- Гераклій, императоръ, противится второму персидскому нападенію, I, 243.
- Покидаетъ Константинополь, I, 245.
- Разбитъ въ битвѣ при Айзнадіа, I, 249.
- Дѣйствіе, произведенное на торговлю его продолжительными войнами, I, 250.
- Гераклитъ, его философская система, I, 82.
- Гербертъ, жизнь его, II, 331.
- Его сарацинское воспитаніе, II, ib.
- Его успѣхи, II, 332.
- Первый возбуждаетъ мысль о европейскомъ крестовомъ походѣ, II, 345.
- Ввелъ знаніе арабскаго счисленія въ Европѣ, II, 336.
- Геркулесъ, легенда о немъ, I, 29.
- Германцы, не склонны къ язычеству, I, 310.
- Настаиваютъ на реформѣ папства, II, 330.
- Геро, изобрѣтатель первой паровой машины, I, 160, 289.
- Геродотъ, I, 39.
- Гершелли, ихъ открытія, II, 537.
- Геснеръ, мнѣніе Лютера о его смерти, II, 418.
- Исторія животныхъ, II, 543.
- Гидрометръ, усовершенствованъ Аль-Газеномъ, II, 366.
- Гизелла, королева Венгріи, способствуетъ обращенію своихъ подданныхъ въ христіанство, I, 272.
- Гильдебрандъ, вводитъ церковную реформу, II, 336.
- Затрудненіе, встрѣченное имъ въ дѣлѣ согласованія догматовъ церкви съ внушеніями разума, II, 338.
- Дѣлается папою Григоріемъ VIII, II, 340.
- Гипиды, обращены въ IV в., I, 272.
- Гиппархъ, его сочиненія, I, 158.
- Гиппократъ, его мнѣніе о Демокритѣ, I, 99.
- Обзоръ его сочиненій, I, 293.
- Геронъ, даетъ начало гидростатикѣ, I, 153.
- Глазъ, устроенъ на основаніи самыхъ тонкихъ принциповъ оптики, I, 4.
- Отправленія его, II, 619.
- Свойства чловѣческаго глаза, II, 621.
- Гоббесъ, его философскія мнѣнія, I, 181.
- Гоби, сухой климатъ ея, I, 19.
- Характеръ ея растительности, I, 20.
- Служила нѣкогда ложемъ моря, I, 23.
- Годъ, опредѣленіе его длины Альбатеньомъ и Тебитомъ бенъ Корра, II, 360.
- Гозій Кордовскій, посланъ въ Александрію, I, 222.
- Гольфстремъ, его вліяніе на западныя страны Европы, I, 19.
- Гомеръ, его теогонія, расширена Гезіодомъ, I, 34.
- Геомеомеріи, I, 86.
- Гонорій, издаетъ законъ противъ конкубината среди духовенства, I, 262.
- Гонорій III, принуждаетъ Фридриха II жениться на Іоантѣ Лузиньянской, II, 380.
- Гормиздасъ, папа, политика его, I, 263.
- Горнеръ, его наблюденія надъ количествомъ ила, осѣдающаго отъ разлива Нила, I, 69.
- Готама, основатель буддизма, I, 52—53.
- Готшалкъ, преслѣдованія, II, 335.
- Готы окончательно поселяются въ римской имперіи, I, 227.
- Принимаютъ византійскую систему, I, 260.
- Имѣютъ владѣнія въ Италіи, I, 260.
- Дата ихъ обращенія, 272.
- Граафъ, физиологъ, II, 543.
- Греція, римское нашествіе, I, 133.
- Ея міеология, I, 29.
- Ея превращенія, I, 34.
- Причины ея паденія, I, 34—35.

- Отпаденіе отъ нея ученыхъ и философовъ, 38—39.
 Движенія, повторявшіяся въ Европѣ, I, 42.
 Философія, происхожденіе ея, I, 74.
 Сводъ всего вышесказаннаго, I, 110.
 Ея четыре большіе предметы, I, 174.
 Огонь, I, 305.
 Возрожденіе изученія греческой философіи, I, 305.
 Наука, ея оживленіе, II, 477.
 Причины нелюбви къ ней, II, 479.
 Григорій II, папа, запрещаетъ иконопочклоненіе, I, 314.
 Григорій III, папа, вызываетъ императора, 316.
 Григорій VI, папа, продаетъ папство, I, 285.
 Григорій VII, его политика, II, 340.
 Григорій IX, папа, отлучаетъ Фридриха II, 380.
 Григорій XI, папа, возвращаетъ папъ въ Римъ, II, 402.
 Григорій XII, папа, низложенъ пизанскимъ соборомъ, II, 403.
 Григорій Великій, его исторія, I, 264.
 Сжигаетъ палатинскую бібліотеку, I, 266.
 Попытки обратить Англию, I, 272.
 Григорій Назіанзенъ, его мнѣніе о соборахъ, I, 226.
 Гримальди, открываетъ диффракцію свѣта, II, 626.
 Гростетъ, Робертъ, епископъ линкольнскій, результатъ его изслѣдованія относительно чужестранцевъ-духовныхъ, II, 371.
 Дѣлаетъ говорящую голову, II, 412.
 Гроцій, его мнѣніе о реформации, II, 501.
 Грю открываетъ полъ растений, II, 544.
 Гукъ, его докладъ въ Королевскомъ обществѣ о круговомъ движеніи, II, 534.
 Опредѣляетъ существенныя условія старанія, II, 626.
 Гумбольдтъ, платитъ дань Эратосфену, I, 154.
 Его замѣчанія о движеніи спутниковъ Юпитера, II, 530.
 Далье, его взглядъ на патристицизмъ, II, 500.
 Дамазъ, мятежи при выборахъ, I, 225.
 Дамаскъ, взятъ, I, 249.
 Даміани, Петръ, его обвиненія противъ миланскихъ священниковъ, II, 334.
 Движеніе, три закона его, II, 531.
 Девкаліонъ, потопъ, I, 40.
 Декартъ, его теорія о ясныхъ идеяхъ, I, 181.
 Вводитъ теорію объ эфирѣ и клѣточкахъ, II, 544.
 Делось, невольничій рынокъ, I, 192.
 Деметрій Полиоркетъ I, 130.
 Деметрій Фалерскій, I, 147.
 Демокритъ, утверждаетъ недостовѣрность знаний, I, 98.
 „Defender of Peace“, характеръ этого произведенія, II, 400.
 Джафаръ или Герьеръ, арабскій химикъ, описываетъ царскую водку, I, 307.
 Джилъбертъ, предлагаетъ опредѣлить долготу помощью магнетическихъ наблюдений, II, 452.
 Принимаетъ взглядъ Коперника, II, 525.
 Издастъ свою книгу о магнитѣ, II, 543.
 Джилъбертъ Равенскій, избранъ антипапою, II, 344.
 Диафрагма Дикерха, I, 154.
 Диогенъ Аполлонійскій, развиваетъ ученія Анаксимена, I, 78.
 Диогенъ Синопскій, расширяетъ ученія циниковъ, I, 117.
 Диоклесь, писатель о гигиенѣ и гимнастикѣ, I, 297.
 Диоклетіанъ, положеніе дѣлъ при немъ, I, 216.
 Диоскуръ, епископъ александрійскій, низложенъ Халкедонскимъ соборомъ, I.
 Дидимъ, его удивительная молчаливость, I, 580.
 „Доброй Надежды“ мысль, II, 458.
 Дѣлается впервые извѣстнымъ въ Европѣ благодаря евреямъ, II, 463.
 Догматики, теорія ихъ объ излѣченіи болѣзней, I, 298.
 Дождь, количество его, выпадающаго въ Европѣ, I, 20.
 Максимальныя точки его, I, 20.
 Доминиканцы, противятся Галилею, II, 528.
 Доминикъ св., его чудеса, II, 377.
 Донатисты, возвращены изъ изгнанія, I, 219.
 Доцеты, ихъ взглядъ на Христа, I, 210.
 Драма, служить указателемъ на современное умственное состояніе даннаго общества, II, 518.
 Древность земли, задача, II, 551.
 Доказательства ея, II, 552.
 Друзиды, I, 188.
 Дрэнеръ, цитата изъ его „Физиологій“ о мозговомъ зрѣніи, II, 320.
 О пользѣ, доставленной церковью, II, 440.
 О необходимости обращаться къ анатоміи и физиологій, II, 590.

- Дубы, предметы поклоненія у германскихъ народовъ, I, 188.
 Духовенство, отвѣтственно за Θεσσαлоникійскую рѣзню, I, 233.
 Поддерживаетъ заблужденія супернатурализма, II, 415.
 Американское, II, 503.
 Англійское, подвергшееся обвиненію палаты общинъ, II, 508.
 Униженное положеніе нашего духовенства въ Англии, II, 513.
 Дунсъ Скотъ, Джонъ, францискапскій монахъ, соперникъ Томы Аквината, I, 339.
 Душа, индуискія идеи о ней, I, 47.
 Очищеніе ея, I, 47.
 Мнѣніе Диогена о мировой душѣ, I, 78.
 Ученіе Платона о тройномъ ея составѣ, I, 122.
 Греки, о цѣли души, I, 171.
 О безсмертіи души и ея поглощеніи, I, 179.
 О челоѣческой душѣ, II, 607.
 Дювернэ, о слухѣ, II, 545.
 Дю-Моль, сожженъ, II, 400.
 Евгений IV, папа, лишень званія по рѣшенію базельскаго собора, II, 407.
 Евреи, обращеніе ихъ, I, 210.
 Учителя сарацинъ, I, 287.
 Ихъ вліяніе на супернатурализмъ, II, 420.
 Медицинскія науки среди нихъ, II, 421.
 Изгнаніе ихъ изъ Франціи, II, 425.
 Ихъ географическія познанія и результаты ихъ, II, 463.
 Европа, описаніе ея, I, 18.
 Величайшая высота надъ уровнемъ моря, I, 18.
 Вертикальное перемѣщеніе, I, 23.
 Обращеніе, I, 272.
 Психическія перемѣны въ ней, I, 271.
 Общественное состояніе Европы послѣ Карла Великаго, I, 280.
 Варварство ея, II, 349.
 Будущее ея, II, 627.
 Европейскій климатъ, перемѣны, произведенныя въ азиатскихъ прирѣчьяхъ, I, 27.
 Древняя религія, I, 197.
 Священство, I, 188.
 Торговля рабами, I, 278.
 Евсевій, его презрѣніе къ философіи, I, 236.
 Искажаетъ хронологію, I, 155.
 Низложенъ, I, 226.
 Его апологія церковныхъ писателей, I, 236.
 Его хронологія замѣняетъ хронологію Эратосфена и Манефона, I, 236.
 Евстафій, выдается своими диссекціями, II, 543.
 Египетскіе порты, открыты, I, 60.
 Теология, I, 71.
 Египетъ, завоеванъ Камбизомъ, I, 62.
 Древность его цивилизаціи, I, 62.
 Доисторическая жизнь его, I, 63.
 Вліяніе его на Европу, I, 64.
 Древность его монархіи, I, 66.
 Геологическій вѣкъ его, I, 68.
 Его географія и топографія, I, 69.
 Присоединенъ къ Риму, I, 194.
 Единообразіе, ученіе, I, 575.
 Единство челоѣка, I, 8.
 Религиозное, подразумѣваетъ насиліе надъ индивидуумомъ, II, 503.
 Греки, мать Константина Великаго, надзираетъ за постройкою церкви, I, 232.
 Вліяніе, оказанное ею на мировую религію, I, 272.
 Основывается госпитали, I, 288.
 Поклоняется иконамъ, I, 309.
 Епископы, соперничество трехъ, I, 230.
 Ихъ судьба, I, 231.
 Обвиненія, выставленныя палатою общинъ противъ англійскихъ, II, 508.
 Ихъ отвѣтъ, II, 509.
 Ересь, петагійская, I, 226.
 Несторіанская, I, 226.
 Евтихіанская, I, 226.
 Сопровождается распространеніемъ литературы, II, 375.
 Еретики, сожженіе ихъ инквизиціею, II, 352.
 Ессенцы, секта первыхъ отшельниковъ у евреевъ, I, 317.
 Желѣзныя дороги, II, 624.
 Женщины, положеніе ихъ въ Индіи, I, 49.
 Сильно вліяютъ на обращеніе Европы, I, 272.
 Живопись, скульптура, отношеніе къ нимъ церкви, I, 268.
 Животныя, ученіе Ведъ о нихъ, I, 48.
 Локализованы наравнѣ съ растеніями, II, 564.
 Порядокъ преемственности, II, 574.
 Животныя, тепло- и хладно-кровныя, II, 582.
 Ихъ характеристики, II, 587.
 Въ низшихъ видахъ движенія автоматичны, II, 594.
 Ихъ природа, II, 605.
 Аналогія между челоѣкомъ и животными, II, 606.

- Жизнь, индивидуальная, смѣшаннаго свойства, I, 2.
Соціальная, ея характеръ, I, 5.
Первыя понятія дикой жизни, I, 3.
Разница въ скорости жизни, I, 15.
Жизнь, II, 443.
Журнализмъ мало по малу вытѣсняетъ ораторское искусство, II, 486.
- Задачи греческой философіи, I, 170.
Законники, впервые признаны, II, 391.
Ихъ власть въ антагонизмъ съ церковною, II, 392.
Ихъ оппозиція супернатурализму, II, 415.
Законъ управляетъ міромъ, I, 16.
Преимственность вещей опредѣляется имъ, I, 291.
Вѣчность и всеобщность его, II, 602.
Западная имперія рушится, I, 261.
Зарябъ, музыкантъ, честь, оказанная ему калифомъ Абдеррахманомъ, II, 355.
Затмение солнечное, предсказано Фалесомъ, I, 76.
Захарій, папа, вступаетъ въ союзъ съ королемъ Пепиномъ, I, 276.
Звѣзды, количество ихъ, I, 4.
Цвѣтной цвѣтъ двойныхъ звѣздъ, II, 536.
Звѣздопоклонство, I, 3.
Философія его, I, 71.
Звѣри, почему Диогенъ считалъ ихъ неспособными мыслить, I, 80.
Зера, великолѣпіе его двора и садовъ, II, 393.
Зедекія, врачъ Карла Лысаго, баснословный разсказъ о немъ, II, 421.
Земленъ, одна изъ фикцій магометанства, I, 257.
Земледѣліе въ странѣ, лишенной дождя, I, 67.
Земля, ея шарообразная форма, доказанная путешествіемъ Колумба, II, 455.
Доказана еще разъ затмѣніями луны, II, 460.
Она не есть неподвижный центръ вселенной, II, 538.
Древность ея, II, ib.
Ея медленное охлажденіе, II, 558.
Ея средняя плотность, II, 559.
Движеніе земной коры, II, 561.
Развитіе на ней жизни, II, 599.
Землетрясенія, I, 44.
Зенонъ Элеатскій, ученія Парменидовъ разработаны имъ, I, 126.
Зенонъ стоикъ, соперникъ Эпикура, I, 142—143.
Золото, цѣнность его въ древности, I, 197.
- Задача, разрѣшенная Джіафаромъ, I, 304.
Зосимъ, папа, уничтожаетъ рѣшеніе Иннокентія I, и объявляетъ мнѣніе Пелагія ортодоксальнымъ, I, 226.
- Идеалистическая теорія Платона, I, 120.
Критика на нее, I, 126.
Изида, поклоненіе ей, I, 147.
Измѣненіе органическихъ формъ, I, 17.
Человѣкъ не составляетъ исключенія, I, 8.
Измѣненія въ человѣкѣ лучше всего видны, если прослѣдить ихъ по линіи меридіана, I, 9.
Ихъ политическіе результаты, I, 9.
Изотермическія линіи, I, 21.
Израфилъ, ангель, I, 257.
Икоборство, I, 311.
Иконы, I, 310.
Гиларій, епископъ Арльскій, I, 327.
Иларіонъ, отшельникъ IV в., I, 317.
Первый учреждаетъ монастырь, I, 322.
- Иллиберійскій соборъ, осуждаетъ поклоненіе иконамъ, I, 310.
Инвеститура, борьба по поводу ея, II, 341.
Индія, американская, 21.
Индо-германское нашествіе, I, 26.
Индуктивная философія основана Аристотелемъ, I, 60.
Инквизиція, ея происхожденіе, II, 392.
Попытки остановить умственное движеніе, II, 378.
Ея жертвы, II, 474.
Ея дѣйствіе на протестантизмъ въ Испаніи и Италиі, II, 498.
- Инки, предки одного изъ орденовъ дворянства среди перуанцевъ, II, 470.
Иннокентій I, папа, рѣшаетъ пелагійскій споръ въ пользу африканскихъ епископовъ, I, 226.
Иннокентій III, папа, его вмѣшательство въ пользу свѣтскихъ политическихъ интересовъ, II, 370.
Его смерть, II, 392.
Запрещаетъ изученіе наукъ въ парижскихъ школахъ, II, 388.
- Ириса, ея функція, I, 4.
Ирина, императрица, выкалываетъ глаза своему сыну, I, 279.
Ея суевѣрная жестокость, I, 313.
Испанія присоединена къ Риму, I, 193.
Вторженіе въ нее арабовъ, II, 350.
Ея литература, II, 355.
Ея преступленія, II, 457.
Историки отрекаются отъ пародной вѣры, I, 39.

- Италія, ея отношенія, II, 426.
Ея униженное состояніе, II, ib.
Ея безправственность, II, 433.
Причины ея униженія, II, 438.
Научныя заслуги ея, II, 626.
Причины ея слабости, II, 627.
- Иезуиты, орденъ ихъ, учрежденіе ихъ ордена, II, 498.
Иероглифы, ихъ значеніе и происхожденіе, I, 65.
Иеронимъ изъ Праги, его мученическая смерть, II, 406.
Иеронимъ св., обвиняетъ Пелагія, I, 226.
Переводитъ Библію на латинскій языкъ, I, 231.
Его заявленія по поводу брака, I, 267, 318.
- Іерусалимъ, положеніе его, I, 61.
Епископы іерусалимскіе, I, 213.
Церковь іерусалимская, I, 224.
Паденіе и разграбленіе его, I, 246—249.
Взятіе его, II, 381.
- Іоаннъ, король англійскій, отлученъ отъ церкви папою Иннокентіемъ I, II, 371.
Іоаннъ, папа, умеръ въ тюрьмѣ, I, 263.
Іоаннъ VIII, папа, платитъ дань магометанамъ, I, 282.
Іоаннъ XVI, антипапа, жестокое и возмутительное обращеніе съ нимъ, I, 284.
Іоаннъ XXII, папа, практическій характеръ его политики, II, 400.
Іоаннъ Дамаскинъ, принимаетъ участіе въ спорѣ объ иконахъ, II, 374.
Іовійская философія, ея нелѣпости, I, 82.
Іоркъ, архіепископъ, отлученъ отъ церкви, II, 356.
Іошуа бенъ Нунъ, профессоръ въ Багдадѣ, I, 300.
- Кабанисъ, о вліяніи евреевъ, II, 420.
Кабраль открываетъ Бразилію, II, 463.
Каботъ, Себастьянъ, открываетъ вновь Ньюфаундлендъ и дѣлаетъ попытку открыть юго-западный путь въ Китай, II, ib.
Кадезія, дѣйствіе битвы при ней, I, 249.
Каузистика, ея развитіе, II, 379.
Калейдоскопъ, оптический инструментъ, II, 618.
Калигула, императоръ, приверженецъ алхиміи, I, 304.
Калидъ, „мечъ Божій“, разбиваетъ Геракла въ битвѣ при Айзнадинѣ, I, 249.
- Калликстъ III, папа, II, 520.
Каллимахъ, авторъ трактата о птицахъ, поэтъ, I, 158.
Каллисөөнъ, сопровождаетъ Александра Великаго въ его кампаніяхъ, I, 135.
Повѣшенъ по его приказу, I, 137.
Передаетъ Аристотелю свои астрономическія наблюденія, I, 151.
Кальвинъ, устанавливаетъ новую религіозную секту, II, 491.
Приказываетъ сжечь Сервета въ качествѣ еретика, II, 501.
Камбизъ завоевываетъ Египетъ, I, 62, 146.
Каналь египетскій, открыть вновь Нехао, I, 61.
Предупрежденіе амунскаго оракула заставляетъ Нехао прекратить постройку его, I, 74.
Очищены опять отъ песковъ, I, 242.
Каналы, предвѣстники желѣзныхъ дорогъ, II, 624.
Китай, ихъ вліяніе, II, 633.
Каннибализмъ Европы, I, 25.
Каноникъ Эпикура, несовершенство его, I, 25.
Каносса, императоръ германскій, испрашиваетъ прощенія у папы, II, 343.
Кантъ, его философскія ученія, I, 188.
Каракалла, отвѣтъ христіанъ язычникамъ, I, 208.
Караць, его происхожденіе и значеніе, II, 363.
Карлъ Великій, его вліяніе на обращеніе Европы, I, 271.
Не одобряетъ идолопоклонства, 274.
Развиваетъ политику своего отца, Пешина, I, 276.
Коронованъ императоромъ запада, I, 277.
Безправственность его частной жизни, I, 278.
Карлъ Мартель выигрываетъ битву при Турѣ, I, 274.
Его отношенія къ церкви, I, 275.
Папа Григорій III ищетъ его помощи, I, 316.
Карнеадъ, основатель Новой Академіи, его ученія, I, 132.
„Каролингскія книги“, изданы Карломъ Великимъ, противъ поклоненія иконамъ, I, 277.
Карагенская торговля, ея характеръ и размѣры, I, 102.
Карагенъ, описаніе его, I, 102—310.
Его завоеваніе рѣшено Александромъ Великимъ, I, 136.
Вторгается въ Африку, I, 192.
Гераклій хочетъ сдѣлать изъ него метрополію восточной имперіи, I, 245.

- Разрушена Германомъ, I, 248.
Каспійское и Мертвое моря, уровень ихъ, II, 561.
Кастелли, помогаетъ опредѣлить законы движенія, II, 533.
Создастъ гидравлику, II, 544.
Кладетъ основанія гидравлики, II, 626.
Каталогъ звѣздъ, заключающійся въ Альмагестъ Птолемея, I, 159.
Катастеризмы Эратосена, I, 154.
Катастрофа, недостаточно одной катастрофы, II, 562.
Ученіе о ней, II, 575.
Катонъ, заставляетъ изгнать изъ Рима Карнеада, I, 128.
Квинтъ Секстій, I, 202.
Квипусъ, перуанскій инструментъ для счисления, I, 471.
Квиго, почему его считали священнымъ мѣстомъ, II, ib.
Кельты, ихъ колдовство, I, 27.
Кемпистъ, Ома, авторъ „Подражанія Христу“, II, 480.
Кенлеръ, дѣйствіе, произведенное открытіемъ его законовъ, I, 3.
Его сочиненія запрещены инквизиціею, II, 527.
Его методъ изслѣдованія, II, 529.
Открытие его законовъ, II, 530.
Причины его законовъ, II, 535.
Киприанъ, его жалобы на духовенство и исповѣдниковъ, I, 267.
Киприанъ св., его замѣчанія по поводу карагенскаго собора, I, 225.
Кипръ, взятъ сарацинами, I, 249.
Кириллъ св., его дѣйствія, I, 239.
Церковный демагогъ, I, 292.
Киринейская школа, I, 116.
Китай, его политика, II, 630.
Китайскій буддизмъ, I, 57.
Кіерси, соборъ, I, 275.
Клеомедъ, астрономъ изъ Александрии, I, 159.
Клеопатра, послѣдняя изъ Птоломеевъ, I, 157.
Ей дарятъ одну изъ александрійскихъ библиотекъ, I, 232.
Клермонскій соборъ, разрѣшаетъ первый крестовый походъ, II, 345.
Климахъ, Іоаннь, авторъ „Лѣстницы въ рай“, II, 374.
Климентъ V, папа, переѣзжаетъ въ Авиньонъ, II, 395.
Климентъ Александрійскій, его нападенія на безнравственность христіанъ, I, 267.
Клотильда, королева франковъ, даетъ совѣты своему супругу Клодвигу, I, 292.
- Книги, продолжительность ихъ существованія, II, 483.
Кобгэмъ, лордъ, повѣшенъ за ересь и измѣну, II, 405.
Козьма индикопластъ, его возраженія противъ шарообразной формы земли, II, 451.
Козьма Медичи, II, 477.
Колдовство, европейское, II, 412.
Колониальная система, происхождение греческой, I, 101.
Колонія греческія слабы, I, 21.
Философское вліяніе ихъ, I, 100.
Колонна, споры ихъ съ папою Бонифаціемъ, II, 390.
Колоссъ Рамзеса II, его громадная древность, I, 68.
Колумбанъ, миссіонеръ VI в., I, 273.
Колумбъ, его жизнь, II, 451.
Встрѣчаетъ недовѣріе въ соборѣ саламанкомъ, II, 453.
Его путешествіе черезъ Атлантическій океанъ, II, ib.
Открытие Америки, II, 454.
Кононъ Александрійскій, I, 152.
Комнена, Анна, II, 394.
Константинопольскій соборъ, I, 313.
Константинополь, грабежъ его, II, 392.
Его литература, II, 373.
Осада его турками, II, 411.
Паденіе его, II, 412.
Констанційскій соборъ, II, 405.
Константинъ Великій, успѣхи его политики, I, 216.
Вліяніе его царствованія, I, 217.
Мѣняетъ метрополию, I, 218.
Его языческія стремленія, I, ib.
Его отношенія къ церкви, I, 219.
Его политика, I, 220.
Его обращеніе и смерть, I, ib.
Попытки удалить арійскій споръ, I, 222.
Объявляетъ Арія еретикомъ, ib.
Константинъ, папа, узурпаторъ, жестокое обращеніе съ нимъ, I, 282.
Константинъ Копронимъ, его иконоборческая политика, I, 312.
Константинъ Палеологъ, послѣдній римскій императоръ, II, 411.
Коперникъ, его сочиненія, II, 521.
Его ученіе, II, 522.
Копронимъ иконоборецъ, I, 312.
Коранъ, мѣста изъ него, I, 247.
Пересмотръ его, I, 253.
Кордова, описаніе ея, II, 352.
Коринѣ, механическія искусства достигаютъ совершенства, I, 103.
Его паденіе, II, 412.

- Кофейни, ихъ политическое и общественное значеніе, II, 519.
Крестовые походы, происхождение ихъ, II, 334.
Первый, II, 346.
Политическіе его результаты, II, ibid.
Жестокости на югѣ Франціи, II, 396.
Послѣдствія ихъ, II, 432.
Критеріумъ истины, Анаксагоръ сомнѣвается въ его существованіи, I, 87.
Одна изъ задачъ греческой философіи, I, 180.
Замѣчанія относительно его, I, 182.
Существованіе практическаго, I, 184—185.
Критика, дѣйствія философской, I, 37.
Возникновеніе, II, 475.
Дѣйствіе его на литературу и религію, I, 195—196.
Кротона, греческая колонія, I, 88.
Ея развѣтры, I, 101.
Кругъ, квадратура его съ точки зрѣнія Архимеда, I, 152.
Ксантинна, жена Сократа, неправильная оцѣнка ея характера, I, 115.
Ксенофонтъ, представитель значительнаго прогресса въ философіи, I, 93.
Ксерксъ, его подвиги преувеличены, I, 102.
Ктезифонъ, метрополія Персіи, I, 249.
Кузко, метрополія Перу, ея описаніе, II, 467.
Кювье, его ученіе о постоянствѣ видовъ, II, 592.
Его замѣчаніе о вивисекціи, II, 579.
Лаворъ, убійства, II, 377.
Лактанцій, его доводы противъ шарообразной формы земли, I, 236.
Лангедокъ, легкая его литература, II, 356.
Лангтонъ, Стефанъ, Magna Charta обязана ему своимъ происхожденіемъ, II, 391.
Лапландія, причины ея ничтожества, I, 10.
Лапласъ, открываетъ причины неправильностей въ движеніи луны, II, 538.
О нѣкоторыхъ явленіяхъ солнечной системы, II, 540.
Латеранскій соборъ, второй, назначаетъ однихъ кардиналовъ на постъ папы, II, 340.
Третій, опредѣляетъ новыя основанія папской системы, II, 342.
Четвертый, устанавливаетъ необходимость устнаго изслѣдованія, II, 379.
Латинскій языкъ, употребляется какъ евангельскій языкъ въ богослуженіи, II, 476.
Левенгукъ открываетъ сперматозои, II, 545.
Левиты, I, 299.
Левъ III, папа, коронуетъ Карла Великаго въ церкви св. Петра, I, 277.
Подвергается нападеніямъ со стороны племянниковъ Адриана, I, 282.
Левъ Хозарскій, продолжаетъ иконоборческую политику, I, 313.
Левъ Великій, I, 262.
Левъ Исаврійскій, основатель новой династіи въ Константинополѣ, I, 416.
Издаетъ указъ, запрещающій поклоненіе иконамъ, ib.
Левъ X, папа, II, 493.
Его характеръ, II, 494.
Былъ боленъ сифилисомъ, II, 506.
Легенды о западныхъ святыхъ, I, 324.
Легионъ, римскій, устройство его, I, 196.
Лейбницъ, его ученіе объ умѣ, I, 181.
Его вклады въ геологію, II, 545.
Лейфъ, первый открываетъ Америку, II, 455.
Лентулъ, письмо его къ римскому сенату, I, 269.
Леонтій Пилать, описаніе его Боккаччо, II, 478.
Липарскій кратеръ, ведетъ въ адъ, I, 263, 266.
Липермей, первый устраиваетъ телескопъ, II, 525.
Лиссабонъ, великое землетрясеніе, II, 563.
Вистеръ, II, 545.
Утверждаетъ непрерывность слоевъ на большомъ протяженіи, II, ib.
Листья растений, ихъ отправленія, II, 589.
Литераторы, ихъ вліяніе, II, 444.
Литература, распространеніе великой литературы изъ Испаніи, II, 395.
Распущенный ея характеръ въ Англіи, II, 515.
Литетомія или костесъченіе, александрійскіе хирурги, I, 252.
Лицей, Аристотель основываетъ въ немъ школу, I, 138.
Лициній нейтрализуетъ политику Константина, I, 217.
Лионскій соборъ, II, 383.
Логика Аристотеля, I, 139.
Характеръ средневѣковой, II, 414.
У каждого вѣка свой, II, 477.
„Логосъ“, идеи Филона, I, 164.
Идеи Мартира Юстина, I, 214.
Локомотивы, изображены Мурдокомъ, II, 624.

- Локк, его теория об источниках идей, I, 181.
- Лонгобарды, обращены в началѣ VI в., I, 230.
- Лондонъ, положеніе его къ концу XVII в., II, 510.
- Лоренцо ди Медичи, покровительствуетъ философіи и литературѣ, II, 499.
- Лоретто, чудеса, II, 390.
- Луитпрандъ, о Константинополѣ, II, 494.
- Лукрецій, нерелигіозный характеръ поэмъ, I, 257.
- Луна, измѣненія на ней, открытыя Абулемъ Вефа, I, 242.
- Вулканы на лунѣ, II, 560.
- Людвикъ XVI, приказываетъ наказывать колдовство, II, 419.
- Людвикъ св., его характеръ, II, 385.
- Лютеръ, его опыты, II, 418.
- Его возстаніе, II, 443.
- Его исторія, II, 489.
- Его отлученіе, II, 490.
- Итальянцы смотрѣли на него съ презрѣніемъ, II, 494.
- Люцій Апулейскій, I, 165.
- Мавры, ихъ политика, I, 251.
- Причина ихъ неудачи при завоеваніи Франціи, I, 275.
- Поучаются у несторіанъ и евреевъ, I, 287.
- Владычествуютъ на Средиземномъ морѣ, I, 315.
- Ихъ химія, медицина и хирургія, II, 359.
- Ихъ философія, II, 366.
- Рано разрабатываютъ астрономію, II, 430.
- Магелланъ, его путешествіе, II, 485.
- Магія и некромантика, слова Платона, I, 167.
- Магнетизмъ, открытія, II, 617.
- Магнитное склоненіе, II, 453.
- Магнитъ, Фалесъ воображаетъ, что въ немъ живетъ живая душа, I, 76.
- Магометанство, причина его распространенія, I, 251.
- Останавливается въ своемъ прогрессѣ въ западной Европѣ, II, 352.
- Литература, II, 355.
- Покровительствуетъ физическимъ наукамъ, II, 421.
- Магометъ, I, 116, 246, 245.
- Магометъ II, II, 411.
- Маймонидъ, его жизнь и сочиненія, II, 424.
- Македонская кампанія открываетъ грекамъ новый міръ, I, 36.
- Ея пагубное дѣйствіе на Грецію, I, 134.
- Ея дѣйствіе на умственный прогрессъ, I, 146.
- Македоній, епископъ константинопольскій, его ересь, I, 223.
- Макіавелли, его принципы, II, 434.
- Его „Исторія Флоренціи“, II, 438.
- Маколей, лордъ, слѣшкомъ узкій взглядъ его на реформацію, II, 503.
- Максимумъ вѣроятности, I, 185.
- Максимъ Терскій, I, 202.
- Максъ Мюллеръ о языкѣ, I, 26.
- Максъ Мюллеръ о языкѣ, I, 26.
- Мальпигій посвящаетъ себя ботаникѣ, II, 545.
- Примѣняетъ микроскопъ къ анатоміи, II, ib.
- Маркъ Грекъ, изобрѣтаетъ составъ пороха, I, 305.
- Марко Поло, II, 463.
- Марсиліо, его сочиненіе „Защитникъ міра“, II, 400.
- Малье, Іоаннъ, несторіанецъ, Гарунъ аль Рашидъ поручаетъ его надзору школы, I, 292.
- Матильда графиня, помогаетъ Григорію VI, II, 341.
- Оклеветана женатымъ духовенствомъ, II, 342.
- Машины, произведенныя ими социальныя перемѣны, II, 624.
- Мегарская школа, I, 116.
- Медицина, византийская, уничтожена, I, 288.
- Происхожденіе греческой, I, 293.
- Египетской, I, 295.
- Александрійской, I, 296.
- Мексика, ея положеніе, II, 463.
- Меланхтонъ, II, 491.
- Мелиссъ Самосекій, одинъ изъ египетской школы, I, 97.
- Меллони, первый поляризируетъ свѣтъ, II, 626.
- Мену, учрежденія, I, 49.
- Извлеченія изъ него, I, 196.
- Метафизика Аристотеля, I, 139.
- Невѣрность ея, II, 591.
- Метеоры, I, 87.
- Механическія изображенія, дѣйствія ихъ, II, 621.
- Миланъ, епископъ, отлученъ, II, 342.
- Мильтонъ, его „Потерянный рай“, манихейское произведеніе, II, 515.
- Склоняется въ пользу коперниковой системы, II, 525.
- Миссіонеры, ирландскіе и британскіе, I, 272—273.
- Митридатъ, царь понтійскій, изучаетъ яды и противоядія, I, 198.

- Михаилъ, его невѣріе, I, 313.
- Минералогія, греческая, ея происхожденіе, I, 33.
- Млечный путь, объясненіе, данное ему пнеогорейцами, I, 92.
- Митъи и разумъ, сочиненіе Парменида, I, 95.
- Моанія, калифъ, отправляетъ своего военачальника на войну въ Африку, I, 249.
- Возстановляетъ церковь въ Эдессѣ, I, 251.
- Мозговое зрѣніе, важные религіозные результаты, къ которымъ оно привело, I, 320.
- Монастыри, положеніе Европы во время закрытія ихъ, II, 505.
- Монахи, африканскіе и европейскіе, I, 186.
- Труды ихъ и успѣхи, 272.
- Ихъ происхожденіе и исторія, I, 312.
- Различіе между восточными и западными, I, 323.
- Умственное вліяніе, I, 326.
- Монашество, учрежденіе его, I, 321.
- Распространеніе изъ Египта, I, 322—323.
- Монотеизмъ, ему предшествуетъ империализмъ, I, 200.
- Римскія его границы, I, 204.
- Монтанъ, Параклетъ, I, 224.
- Моровая язва, громадная смертность, I, 196.
- Музей въ Александріи, I, 146—147.
- Науки въ немъ распределяются на четыре факультета, I, 291.
- Музыка, скала, сочиненная Гвидо, I, 326.
- Мурдохъ, изобрѣтаетъ локомотивъ, II, 626.
- Муса, довершаетъ завоеваніе Африки, I, 248.
- Арестованъ во главѣ своей арміи, I, 275.
- Мысль, смѣшивается съ ощущеніемъ у Демокрита, I, 98.
- Измѣненія человѣческой мысли, II, 486.
- Накалываніе, II, 621.
- Напиръ, изобрѣтаетъ и совершенствуетъ логарифмы, II, 544.
- Нарзесъ, евнухъ, посланъ Юстиніаномъ противъ Рима, I, 261.
- Наука александрійская упразднена, I, 242.
- Неархъ, близкій другъ Александра Великаго, I, 136.
- Націи, развитіе ихъ подобно развитію индивидуумовъ, I, 10.
- Вѣковыя измѣненія, I, 13.
- Смерть, I, 14.
- Онѣ лишь переходныя формы, I, 14.
- Насѣкомое, автоматическій механизмъ, I, 96.
- Невидимая локализациа его, 28.
- Недостовѣрность внѣшнихъ чувствъ, I, 96.
- Недѣля, ея происхожденіе, I, 311.
- Некромантія александрійская, I, 302.
- Неоплатонизмъ, его происхожденіе приписывается Антонію Саккасу, I, 165.
- Нервная система, общій взглядъ на все, II, 593.
- Три различныя части человѣческой, II, 597.
- Несторіане, ихъ происхожденіе, I, 226.
- Рано занимаются медициною, I, 287.
- Ихъ исторія и прогрессъ, I, 292.
- Нибуръ, его мнѣніе относительно сказовъ грековъ о персидскихъ войнахъ, I, 103.
- Никейскій символъ вѣры, I, 222.
- Никейскій соборъ, созванъ Константиномъ, I, ib.
- Второй соборъ, созванъ Приною, I, 313.
- Николай V, покровитель искусствъ, II, 413.
- Никомедія, церковь разрушена, I, 216.
- Ниль, наводненіе его, I, 68.
- Нирвана, конецъ послѣдовательныхъ существованій по теоріи буддизма, I, 56.
- Нищенствующіе ордена, II, 377.
- Ниагарскій водопадъ, доставляетъ доказательство относительно промежутка между дѣйствіемъ и временемъ его проявленія, II, 561.
- Доказываетъ глубокую древность земли, II, 584.
- Ногаретъ, Вильямъ, совѣтникъ Бонифація, II, 394.
- Новая академія, основанная Корнедомъ, I, 132.
- Номады, азиатскіе, I, 23.
- Номинализмъ, ученіе, возникшее изъ схоластической философіи, II, 337.
- Норвегія, глубина дождя, I, 20.
- Поднятіе и пониженіе ея уровня, II, 562.
- Норвежцы, I, 21.
- Норманны, ихъ нашествіямъ въ Англію благоприятствуетъ пана Григорій VII, II, 341.

Нравственные представления, II, 518.
 Пумений, тринитарий, I, 165.
 Ньютонъ, цитата изъ его „Principia“, I, 94.
 Пользуется учениемъ Ганнарха, I, 158.
 Ничѣмъ не обязанъ Бэкону, II, 524.
 Изданіе „Principia“, II, 534.
 Его математическія знанія и ловкость въ произведеніи опытовъ, II, 545.
 Обелиски египетскіе, изумительная ихъ высота, I, 60.
 Облака и ихъ номенклатура, II, 613.
 Обсерваторіи, введены въ Европѣ арабами, II, 361.
 Общежитія (communities), I, 10.
 Общество, умственный классъ самый вѣрный представитель его, I, 11.
 Огонь признается Гераклитомъ первымъ принципомъ, I, 82.
 Огонь жидкій или греческій, употребляемый арабами, I, 305.
 Озиризъ, ежедневная церемонія передъ могилою его, I, 70.
 Одно изъ божествъ египетской теологій, I, 71.
 Мѣстоположеніе храма, I, 238.
 Океанъ, его величина, II, 611.
 Октава, великое мѣрило гармоническихъ отношений среди пифагорійцевъ, I, 91.
 Олива, Іоаннъ Петръ, его комментарий на Апокалипсисъ, II, 389.
 Олимпийскія божества, ихъ свойства, I, 40.
 Олицетвореніе, I, 29.
 Омаръ, калифъ, беретъ Іерусалимъ, I, 249.
 Его поведеніе по сравненію съ поведеніемъ христіанъ христоносцевъ, II, 346.
 Оптика, открытія, II, 617.
 Ораторское искусство замѣнено журналистикой, II, 486.
 Организмы, ихъ постоянство, обусловленное вѣщими условіями, I, 7.
 Вліяніе на нихъ физическихъ дѣятелей, I, 8.
 Даты различныхъ организмовъ, II, 574.
 Органъ, изобрѣтенный Сильвестромъ, бенедиктинскимъ монахомъ, I, 326.
 Ордена, монашескіе, возникновеніе ихъ и развитіе, I, 323.
 Орфей, легенда о немъ, I, 30.
 Орхомень, развалины его, I, 25.
 Оспорко, мѣняетъ свое имя на Сергія, II, 438.
 Остроготская монархія, ея паденіе, I, 261.
 Отранто взятъ магометанами, II, 412.
 Оттонъ III, императоръ, намѣревается совершить церковную реформу, отправленъ Стефаніею, II, 333.
 Оттонъ Герике, изобрѣтаетъ воздушный насосъ, II, 545.
 Отшельники, I, 312.
 Ощущеніе, Демокритъ смѣшиваетъ его съ мыслью, I, 98.
 Павзаній, I, 103.
 Палеонтологія, историческій очеркъ ея, II, 575.
 Палатинская бібліотека, сожжена Григоріемъ Великимъ, I, 266.
 Папдатарія, Сильверій изгнанъ въ нее, I, 244.
 Паптензмъ, индусская теологія проникнута имъ, I, 46.
 Принятъ Парменидомъ I, 95.
 Греческій, I, 175.
 Паппусъ, александрійскій геометръ, I, 160.
 Папство, исторія его, I, 223.
 Упроченіе его власти на Западѣ, 269—270.
 Человѣческое происхожденіе его, I, 285.
 Папы, біографія ихъ съ 757 г., I, 182.
 Не вѣрятъ въ благоприятный исходъ крестовыхъ походовъ, II, 237.
 Параболане отвращены отъ своего первоначальнаго намѣренія Кирилломъ, I, 238, 286.
 „Параклиты“, II, 336.
 Парма, Іоаннъ, генераль францисканцевъ, II, 389.
 Парменидъ, его ученіе, I, 95.
 Паровая машина, изобрѣтена впервыя Герономъ, I, 160, 289.
 Характеръ усовершенствованій Уатта, II, 622.
 Паскаль, его взгляды на человѣчество, I, 15.
 Вліяніе его сочиненій, II, 544.
 Пассатный вѣтеръ подчиненъ закону, I, 4.
 Пастухи, ихъ отношеніе къ королю Людовику, II, 287.
 Патристизмъ, введеніе его, I, 236.
 Ученіе, I, ib.
 Столкновеніе съ философіею, I, 237.
 Упадокъ, II, 427.
 Конецъ его географіи, II, 455.
 Его этническія идеи, II, 456.
 Конецъ его, II, 501.

Пелагианскій споръ, его дѣйствіе на папскую власть, I, 226.
 Пелагій, его ученіе, I, 226—272.
 Пергамъ, бібліотека, перевезена въ Египетъ, I, 237.
 Переселеніе душъ, I, 47.
 Перикль, I, 39—40.
 Периодичность, I, 6.
 Перипатетики, ихъ философія, I, 139.
 Персей, возстанія, I, 193.
 Персеполисъ, сожженъ Александромъ Великимъ, I, 136.
 Персія, вторженіе грековъ, I, 134.
 Покорена Отманомъ III, I, 249.
 Пертурбаціи астрономическія, II, 535.
 Перу, его берега, бездождная страна, I, 62.
 Петрарка, его мнѣніе объ Авиньонѣ, II, 402.
 Его ревность къ наукѣ, II, 478.
 Петръ д' Апоно, алхимикъ, чудеса, приписанныя ему, II, 417.
 Петръ де Врюейсъ, его мученичество, II, 375.
 Петръ Марроне, дѣлается Целестинномъ V, I, 62.
 Петръ Пустыинникъ, II, 345.
 Петръ Достопочтенный, его знанія, II, 432.
 Св. Петра денежки, II, 370.
 Печатаніе, изобрѣтеніе его, II, 481.
 Дѣйствіе его, II, 483.
 Пизанскій соборъ, низлагаетъ соперничающихъ папъ, II, 403.
 Устройство перваго ботаническаго сада, II, 626.
 Пикколомини кладетъ основаніе общей анатоміи, II, 543.
 Пинзоны, изъ Пелоса, помогаютъ Колумбу, II, 452.
 Пирамиды, I, 59, 62, 66.
 Свидѣтельствуя о древности земли, II, 578.
 Пирронъ, основатель школы скептиковъ, I, 128.
 Пирръ, эпирскій, I, 191.
 Пицца, расселеніе животныхъ опредѣляется ею, II, 564.
 Ея свойства, II, 588.
 Пивагоръ, его біографія, I, 88.
 Оказанныя имъ услуги, I, 180.
 Платеръ, первый классифицируетъ болѣзни, II, 545.
 Платя, баснословное количество убитыхъ, I, 102.
 Платонизмъ, его сторонники, I, 164.
 Появленіе его въ Европѣ, II, 477.
 Платонъ, его глубокое знаніе челоувѣческой природы, I, 119.
 Его ученіе, I, 119—128.
 Плеяды, шуточное прозвище александрійскихъ поэтовъ, I, 158.
 Плотинъ, его сочиненіе, 166, 301.
 Плутархъ, склоняется на сторону платонизованнаго ориентализма, I, 164.
 Подземное царство, I, 31.
 „Подражаніе Христу“, II, 480.
 Полигамія, ея учрежденіе, I, 247.
 Поликратъ, епископъ, противится Виктору, епископу римскому, I, 224.
 Политизмъ, его антагонизмъ съ наукою, I, 39.
 Медленность его упадка, I, 41.
 Полуокружные каналы, ихъ функціи, I, 5.
 Поляризація свѣта, поддерживаетъ волнообразную теорію, II, 620.
 Полярная звѣзда, II, 561.
 Потопы, древніе, I, 24.
 Порсенна, беретъ Римъ, I, 191.
 Пессейдоній, I, 182.
 Порфирій, его сочиненія, I, 167.
 Праксагоръ, пишетъ о пульсѣ, I, 298.
 Превращенія, I, 46.
 Превращеніе металловъ, I, 303.
 Превращеніе видовъ, ученіе, встрѣтившее сопротивленіе, II, 589.
 Преслѣдованіе, нравственныхъ его дѣйствій, II, 501.
 Пресса, свобода ея, II, 519.
 Приливы и течения объяснены на основаніи теоріи тяготѣнія, II, 611.
 Провинціальныя письма Паскаля, вліяніе ихъ, II, 544.
 Прокль, сжигаетъ корабли Виталія, I, 168.
 Его теологія, I, ib.
 Прокопій, историкъ, секретарь Велизарія, II, 374.
 Просперъ Альпинъ, пишетъ о діагнозѣ, II, 543.
 Протестантъ, происхожденіе этого слова, II, 491.
 Профачій, еврей, назначенъ деканомъ факультета въ Монпелье, II, 425.
 Псамметихъ, ниспровергаетъ древнюю политику Египта, I, 59.
 „Псаммиты“, сочиненіе Архимеда, I, 153.
 Психологія, происхожденіе ея, I, 80.
 Разрѣшеніе вопросовъ, II, 590.
 Птоломеи, политическое положеніе ихъ, I, 146.
 Біографія ихъ, I, 157.
 Птоломей, его синтаксисъ, I, 159.
 Пуническія войны, результаты ихъ, I, 192.

Пураны, I, 51.
 Пустыни, влияние ихъ, I, 5.
 Путешествія, II, 462.
 Пьетро изъ Винчи, беретъ на себя отравить Фридриха II, 384.
 Рабъ, еврейскій анатомъ, I, 299.
 Рабанусъ, бенедиктинскій монахъ, основываетъ школу въ Германіи, I, 326.
 Рабство при Карлѣ Великомъ, I, 274. Допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, II, 464.
 Рабы, возстаніе ихъ въ Севилье, I, 193.
 Равнины, занимаются медициною, II, 422.
 Равенна, Гербертъ, назначенъ архіепископомъ въ городъ, II, 33.
 Радбертъ, его взгляды на трансубстанціацію, II, 336.
 Разумъ, ученіе Альгаццали о его непогрѣшимости, II, 368.
 Рай, у Магомета, I, 257.
 Раймондъ Люлли, II, 448.
 Раймондъ Пенафортъ, II, 382.
 Ракогисъ, Александрія устроена на томъ же мѣстѣ, I, 151.
 Рамзесъ II, его политика, I, 62.
 Расколъ, причины великаго раскола, II, 402.
 Расенія, дѣйствіе на нихъ время года, I, 5.
 Ихъ зависимость отъ воздуха, I, 80.
 Раши, его разнообразныя знанія, II, 423.
 Реализмъ, его происхождение, II, 337.
 Революція французская, II, 444.
 Рей, указываетъ путь сравнительной анатоміи, II, 544.
 Реймсъ, Гербертъ, назначенъ его архіепископомъ, II, 332.
 Реликви, вѣкъ ихъ, I, 40.
 Поклоненіе имъ, I, 309.
 Республика Платона, I, 124.
 Рефлексъ, II, 593.
 Реформація, попытка въ Греціи, I, 40.
 Ригъ Веда, I, 456.
 Ріензи, демагогъ, II, 402.
 Римское государство, его влияние, I, 41.
 Христіанство, влияние его на народъ, I, 189.
 Исторія, ея значеніе, I, ib.
 Тройственная форма, I, 190.
 Первая теократія и легенды, I, ib.
 Жестокость его рабской системы, I, 194.
 Его испорченность, I, 197.
 Женщины, I, 198.
 Исчезновеніе этническихъ элементовъ, I, 200.
 Завоеванія, I, ib.
 Римъ, причины его прочности, I, 9.
 Безпощадная тираниа, I, 209.
 Паденіе его и разграбленіе Аларихомъ I, 227.
 То же вандалами, I, 261.
 Установленіе верховной власти папъ, I, 262.
 Отношенія къ Константинополю, I, 253.
 Три давленія на него, II, 329.
 Разграбленъ и сожженъ Генрихомъ, II, 344.
 Его безнравственность, выставленная на видъ крестовыми походами, II, 433.
 Его геологическія особенности, II, 563.
 Ричардъ I, англійскій, заключенъ измѣнически въ тюрьму, II, 348.
 Обращеніе съ нимъ Саладина, въ противоположность съ обращеніемъ христіанскаго принца, II, 433.
 Родерикъ, царь готовъ, II, 350.
 Родриго де Триана, первый изъ экипажа Колумба, видитъ землю, II, 454.
 Родосъ вышель изъ моря, I, 24.
 Родосцы, ихъ морской кодексъ, I, 36.
 Ромеръ, его догадка о скорости свѣта подтверждена, II, 555.
 Роса, свойства ея, II, 621.
 Росцелинъ Компіенскій, одинъ изъ первыхъ приверженцевъ номинализма, II, 337.
 Рюингъ, совершенствуется анатомію, II, 545.
 Сакраментанцы, отдѣляются отъ лютеранъ, II, 491.
 Саладинъ, беретъ опять Иерусалимъ, II, 348.
 Его благородное обращеніе съ Ричардомъ I, II, 433.
 Саламанка, соборъ отвергаетъ предложеніе Колумба, II, 452.
 Его отвѣтъ на предложеніе преподавать физическія науки, II, 538.
 Самопроизвольное зародженіе, ученіе Анаксимандра, I, 84.
 Ученіе Анаксагора, I, 85.
 Сампсонъ, Агнеса, сожжена, какъ колдунья, II, 418.
 Санкторіо, кладетъ основаніе современной физиологіи, II, 544.
 Сансъ, соборъ, II, 337.
 Сарацины см. Мавры.
 Сардика, соборъ, I, 225.
 Сатана, I, 310.
 Сахара, пустыня, вліяетъ на распредѣленіе тепла въ Европѣ, I, 193.
 Свобода, не цѣнится въ Индіи, I, 49.
 Умственная, II, 503.

Свободная воля совмѣстима съ ученіемъ о законѣ, I, 16.
 Свободная торговля, I, 199.
 Свѣтъ, быстрота его движенія, II, 539.
 Доказываетъ древность міра, II, 563.
 Севастіанъ де Елcano, помощникъ Магеллана, II, 462.
 Севилья, башня, обсерваторія, построенная арабами, II, 361.
 Сенека, влияние его сочиненій, I, 202.
 Сералисъ, поклоненіе ему, I, 147.
 Описаніе храма, I, 237.
 Статуя его разрушена, I, 238.
 Храмъ его обращенъ въ госпиталь, I, 298.
 Серапионъ, I, 237—238.
 Серветъ, сожженъ по приказу Кальвина, II, 502.
 Почти открылъ кровообращеніе, II, 544.
 Сердце, построено по законамъ гидравлики, I, 4.
 Серебро, его сравнительная цѣнность въ Римѣ, I, 196.
 Сибаритъ, роскошный городъ, I, 101.
 Сигизмундъ, императоръ, его измѣническое поведеніе относительно Яна Гуса, II, 406.
 Сила, животная, ея источники, II, 587.
 Сильверій, папа, низложенъ женою императора, Феодорою, I, 263.
 Сильвестръ II, папа сдѣлалъ говорящую голову, II, 417.
 Сильвестръ, бенедиктинскій монахъ, изобрѣтаетъ органъ, I, 326.
 Симмахъ, сенаторъ, падаетъ жертвою Теодориха, готскаго царя, I, 263.
 Симонія, организація ея, II, 403.
 Симонъ Волхвъ, восточный магикъ, чудеса его, II, 416.
 „Syntaxis“, великое произведеніе Птолемея, I, 159.
 Сирия, важное значеніе ея завоеванія для арабовъ, I, 249.
 Сифилисъ, нравственное состояніе Европы указывается его распространеніемъ, II, 506.
 Скандинавское геологическое движеніе, I, 24.
 Открытіе Америки, II, 455, 463.
 Скелтики, I, 128.
 Скульптура, отношеніе ея къ церкви, I, 268.
 Славяне обращены греческими миссіонерами, I, 273.
 Смерть, I, 11.
 Смирна, Эразистратъ основываетъ школу, I, 298.
 Сны, мнѣніе о нихъ Аль Гаццали, II, 368.
 Снѣгъ, его распредѣленіе по Европѣ, I, 20.
 Снѣжные дни, I, 20.
 Сократъ, Аристофанъ возбуждаетъ противъ него народъ, I, 38.
 Его способъ преподаванія и его ученіе, I, 113.
 Его жизнь въ Афинахъ, I, 114—115.
 Солнечная система указываетъ на существованіе закона, I, 3.
 Солнечные часы, I, 85.
 Солнце, дѣйствіе его, I, 81.
 Аристархъ пытается опредѣлить его разстояніе, I, 156.
 Источникъ силы, II, 537.
 Вліяніе его на органическую и неорганическую природу, II, 604.
 Сопатеръ, обывиетъ въ магіи и обезглавленъ, I, 233.
 Сотри, Уильямъ, первый англійскій мученикъ, II, 405.
 Софисты, ихъ ученіе, I, 106.
 Ихъ вліяніе, I, 172.
 Соціальная война, важные результаты ея, I, 193.
 Соціологія, сравнительная, II, 602.
 Спарта, Лигуртъ уничтожаетъ частную собственность, I, 101.
 Спартакъ, гладиаторъ, I, 194.
 Спаситель, въ Коранѣ никогда не называется сыномъ Божимъ, I, 255.
 Его наружность, I, 269.
 Спинной хребетъ, II, 597.
 Спиртъ, въ химіи имѣетъ вначалѣ буквальное значеніе, I, 303.
 Средиземное море, I, 22.
 Торговля, II, 450.
 Сродство, впервые употреблено съ его настоящимъ значеніемъ Альбертомъ Магнусомъ, II, 446.
 Стевинъ, его математическія произведенія, II, 531.
 Возвращается къ правильнымъ взглядамъ на механическія свойства воды, II, 612.
 Стекло, средняя растяжимость его отъ теплоты, II, 564.
 Стено первый принимаетъ раздѣленіе скалы на двѣ части, II, 572.
 Стефанія, жена Кресцентія, отравляетъ Оттона III, II, 334.
 Стефанъ, грамматикъ Константинополя, II, 374.
 Стефанъ II, папа, миропозалъ Пелина и его семью, I, 24.
 Стефанъ III, папа, заставляетъ Карла Великаго дѣйствовать противъ логгобардовъ, I, 276.
 Стефенсонъ, Георгъ, усовершенствованіе, сдѣланное имъ въ локомотивъ, и его результаты, II, 624.

- Стереоскопъ, оптический инструментъ, II, 618.
 Стеркористы, ихъ учение, II, 336.
 Стигматы, знаки, чудеснымъ образомъ появившіеся на шеѣ Франциска святого, II, 378.
 Стиллонъ, готъ, принуждаетъ Алариха отступить, а Радогастъ сдаться, I, 227.
 Убить императоромъ, I, ib.
 Стиллитъ, св. Симонъ, воздушный мученикъ V в., I, 317.
 Стоики, экзотерическая философія, I, 144—146.
 Стоицизмъ, I, 143.
 Струве, его мнѣніе о скорости свѣта, II, 558.
 Сувеврія, исчезновение, I, 109.
 Сулейманъ Великолѣпный беретъ Бѣлградъ, II, 412.
 Сунниты, одна изъ семидесяти трехъ сектъ магометанъ, I, 258.
 Супернатурализмъ, причины его, I, 319.
 Суперрогаціи, II, 488.
 Сферы, музыка ихъ, вѣрованіе пивагорейцевъ, I, 91.
 Сфера, стоикъ, I, 148.
 Сфинксы, одно изъ чудесъ египетскихъ, I, 60.
 Схоластическая философія, II.
 Теологія, II, 338.
 Счетъ арабскій, II, 360.
 Тамплиеры, ихъ отступничество, II, 398—400.
 Тарасій, сдѣланъ патріархомъ Ирпной, I, 313.
 Таригъ, высаживается на Гибралтаръ, названномъ такъ по имени полководца Тарика, II, 351.
 Татары, почему они предпочитаютъ молочную діету, I, 22.
 Тартаръ, одно изъ отдѣленій ада, согласно Анаксимену, I, 28.
 Тацитъ, его слова о безнравственности римлянъ, I, 199.
 Театръ, англійскій, II, 516.
 Тебитъ бенъ Коррахъ, опредѣляетъ длину года, II, 360.
 Телескопъ, изобрѣтеніе его, II, 525.
 Температура, жизнь можетъ поддерживаться только на небольшихъ разницѣхъ температуры, I, 6.
 Тенсоны появляются впервые у арабовъ, II, 355.
 Теодорихъ, остготъ, дѣйствіе завоеванія имъ Италіи, I, 263.
 Измѣненіе въ его политикѣ, I, ib.
 Тепло, его вліяніе на жизнь, I, 19.
 Распредѣленіе въ Европѣ, I, 19.
 Источники его, I, 81.
 Границы организма, II, гл. IX.
 Пониженіе его на землѣ, II, гл. X.
 Свойства его, II, гл. XII.
 Тертуллианъ, его письмо къ Скапулѣ, I, 215.
 Обвиняетъ въ ереси епископа римскаго, I, 224.
 Отрицаетъ авторитетъ священнаго Писанія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, I, 266.
 Его понятія о личности Христа, I, 269.
 Тезкуко, описаніе, II, 466.
 Тетрактъ, почему число десять такъ называется, I, 90.
 Тимпанъ, I, 4.
 Типы платониковъ, I, 62.
 Тирійцы, ихъ предпріятія, I, 36.
 Тиръ, паденіе его, I, 62.
 Тихій океанъ, переправа черезъ него, II, 461.
 Тихо, составляетъ новый каталогъ звѣздъ, II, 544.
 Торричелли, тяжесть атмосферы, II, 365.
 Создаетъ гидростатику, II, 545.
 Строитъ барометръ и демонстрируетъ давленіе воздуха, II, 626.
 Тосканелли, флорентинскій астрономъ и другъ Колумба, II, 452.
 Трансубстанція, I, 304.
 Трибонианъ подозрѣвается въ атеизмъ, I, 267.
 Триумвиратъ, первый, узурпируетъ власть сената и народа, I, 194.
 Тронца, индуское ученіе, I, 51.
 Египетское ученіе, I, 71.
 Троянская война, различныя ея толкованія, I, 40—41.
 Трубадуры употребляютъ языкъ „окъ“ на сѣверѣ Франціи, II, 375.
 Труверы употребляютъ языкъ „ойль“ на югѣ Франціи, II, ib.
 Тунакъ Юпанки, Инкъ, II, 470.
 Турки, ихъ происхожденіе и успѣхи, II, 409.
 Турская битва, I, 274.
 Тутчингъ, его продолжительное и строгое наказаніе, II, 515.
 Тэйлоръ, Іеремія, II, 501.
 Уаттъ, Джемсъ, производитъ переворотъ въ міровой промышленности, I, 289.
 Его открытіе состава воды, II, 588.
 Его изобрѣтеніе паровой машины, II, 622.
 Виклефъ, переводитъ Библію, II, 405.
 Возстаніе его, II, 422.
 Уиллизъ, его изслѣдованія мозга и нервной системы, II, 548.
 Ульфила изобрѣтаетъ азбуку для готъ, I, 273.

- „Unam Sanctam“ булла, издавшая папою Бонифациемъ, II, 393.
 Урбанъ II, устраиваетъ крестовые походы, II, 344.
 Урбанъ VI, его жестокость къ кардиналамъ и епископамъ, II, 403.
 Учрежденіе Мену, I, 49.
 Уэльсъ, его отношеніе къ „Principia“ Ньютона, II, 536.
 Уэльсъ, толщина угольнаго слоя, II, 363.
 Фабрицій, открываетъ въ венахъ зазоры, II, 544.
 Фаллопій знаменитъ своими диссекціями, II, 544.
 Фараонъ Нехао, его корабли первые объѣзжаютъ мысъ Доброй Надежды, II, 458.
 Фейерверки, употребленные арабами, I, 305.
 Феликсъ, епископъ римскій, отлученъ Акакіемъ, епископомъ константинопольскимъ, I, 262.
 Феликсъ V, папа, отрекается отъ престола, II, 408.
 Феодальная система, ея происхожденіе, II, гл. XI.
 Фернелъ устанавливаетъ истинныя свойства сифилиса, II, 506.
 Мѣряетъ объемъ земли, II, 521.
 Фетиши, I, гл. XI.
 Фетишизмъ, замѣняется звѣздопоклонствомъ, I, 3.
 Трудность освободиться отъ него первымъ философомъ, I, 78.
 Физика Зенона, I, 143.
 Физиологія, проходитъ черезъ тѣ же фазы развитія какъ и физика, I, 4.
 Платона, I, 122.
 Аристотеля, I, 141.
 Филадельфъ Птоломей, I, 148.
 Филиппъ Красивый, покровительствуетъ Колоннамъ, II, 391.
 Филистонъ, писатель, I, 296.
 Филонъ еврей, считаетъ себя вдохновеннымъ свыше, I, 163.
 Сравниваетъ умъ съ глазомъ, I, 184.
 Филонъ Ларисскій, основатель пятой академіи, I, 133.
 Философія, перипатетики, I, 139.
 Греческая, I, 159.
 Аналогія между греческою и индускою, I, 185.
 Философскій камень, I, 304.
 Философы, преслѣдованіе, I, 233.
 Возстаніе, II, 443.
 613.
 Флагелланты, ихъ происхожденіе, II, 386.
 Флогистонъ, теорія его, II, 613.
 Флорентинская академія, члены ея считаютъ воду неспособною сжиматься, II, 612.
 Создаютъ правильныя понятія о лученіи теплоты, II, 621.
 Показываютъ, что темная теплота можетъ быть отражена зеркалами, II, 626.
 Флоренцій, священникъ, пробуетъ отравить св. Бенедикта, I, 325.
 Флоренція, афинская академія возрождается въ медіцейскихъ садахъ, II, 477.
 Фокеане, впервые знакомятся съ западнымъ бассейномъ Средиземнаго моря, I, 36.
 Формозъ, папа, обращаетъ болгаръ, I, 273.
 Формы, I, 18.
 Введеніе олицетвореній, I, 29.
 Фиктивное ихъ постоянство, онѣ видоизмѣняются, I, 85.
 Фотій, II, 395.
 Фотографія, II, 620.
 Франкаста, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей окаменѣлостей, II, 626.
 Франки, обращаются въ христіанство къ концу V в., I, 272.
 Францисканцы, англійскіе, ихъ противодѣйствіе папѣ Бонифацію, II, 393.
 Францискъ св., его жизнь, II, 398.
 Фратричелли, ихъ утвержденіе, I, 220.
 Сожжены инквизиціею за ересь, II, 389.
 Фридрихъ II, императоръ германскій, рожденіе его, II, 348.
 Его магометанскія стремленія, II, 379.
 Хадижда, жена Магомета, I, 246, 250.
 Хакія Муни, значеніе этого имени, I, 53.
 Основатель буддизма, I, 254.
 Хильперикъ II, ему разрѣшаютъ сохранивъ свой титулъ, I, 275.
 Хильперикъ III, низложенъ и запертъ въ монастырѣ св. Омера, I, 276.
 Химія, успѣхи ея, II, 614.
 Хлопчатобумажное производство, II, гл. XII.
 Христіанство, вліяніе римскаго, I, 189.
 Унижено въ Римѣ, I, 206.
 Различіе между христіанствомъ и церковною организаціею, I, 209.
 Первая его организація, I, 210.
 Три видоизмѣненія его, I, 211.
 Еврейское, I, ib.
 Гностическое, I, 213.
 Платоническое, I, ib.
 Распространяется изъ Сиріи, I, 215.

- Противодѣйствуетъ имперіализму, I, ib.
 Преслѣдованіе его, I, 216.
 Эллинизировано, I, 223.
 Примѣсь къ нему язычества, I, 262.
 Изгнано изъ Палестины, Малой Азіи, Египта и Каагена, I, 242.
 Соединяется съ искусствомъ, I, 267, 268.
 Хронологія Эратосѣена, I, 155.
 Цвингли, реформаторъ швейцарскій, II, 490.
 Цвѣтъ радуги, II, гл. XI.
 Цезарь, дѣлается владыкою міра, I, 194.
 Церковь, греческая и латинская, I, 224.
 Слѣдствіе ея союза съ государствомъ, I, 281.
 Что она сдѣлала, II, 440.
 Ея услуги и ея вліяніе на народъ, II, 484.
 Отдѣленіе ея отъ государства, II, 503.
 Циклопическія постройки, I, 25.
 Циническая школа, I, 117.
 Цицеронъ, его мнѣнія и принципы, I, 201.
 Человѣкъ, прототипъ общества, I, 2.
 Подчиняется физическимъ силамъ, I, 8.
 Измѣненія, которымъ онъ подвергается, II, 11.
 Первая форма его, согласно Анаксимандру, I, 84.
 Характеръ его и развитіе, I, 183.
 Его расовыя связи, ib.
 Положеніе его, согласно гелиоцентрической теоріи, II, гл. X.
 Черное море, часть Средиземнаго, I, 22.
 Чернокнижіе, I, 361.
 Число, начало міра, согласно Пифагору, I, 89.
 Чтеніе, его превосходство надъ слушаніемъ, II, 485.
 Шалонская битва, I, 261.
 Шваммердамъ, привѣщаетъ диссекцію къ естественной исторіи насѣкомыхъ, 545.
 Швеція, измѣненіе въ ея уровнѣ, II, гл. IX.
 Шиты, магометанская секта, I, 258.
 Школы, философская греческая, I, 88.
 мегарійская, киренаикская и циническая, I, 116.
 Шнейеръ, первый сеймъ, II, 490.
 Эбониты, I, 214.
 Эбнъ Джани, врачъ султана Саладина и авторъ сочиненія о меди-
- цинской топографіи Александріи, II, 424.
 Эбнъ Юнисъ, мавританскій астрономъ, II, 360.
 Астрономическая таблица, II, 361.
 Эвклидъ, александрійскій, его сочиненія, I, 152.
 Его отвѣтъ Птоломею Филадельфу, I, 292.
 Эвклидъ Мегарскій, подражатель Сократа, I, 116.
 Эвнаний, его мнѣніе о Плотинѣ, I, 165.
 Эврипидъ, ересь его, I, 38.
 Эдесская церковь, построена вновь Маовіею для христіанскихъ подданныхъ, I, 251.
 Эдуардъ I, англійскій, принуждаетъ духовенство платить налоги, II, 391.
 Эклиптика, открытіе наклонности ея, ложно приписанное Анаксимену, I, 78.
 Определена точнымъ образомъ Аль-Маймомъ, II, 360.
 Медленный процессъ ея вѣковыхъ измѣненій, II, гл. IX.
 Экстазъ, I, 162.
 Элеатская философія, I, 93.
 Вліяніе этой школы, I, 172.
 Электричество, II, гл. XI.
 Электромагнетизмъ, II, гл. XI.
 Элизіумъ, I, 28.
 Элексиръ, жизненный, I, 304.
 Вліяніе исканій этого элексира на медицину, I, 302.
 Элькано, Себастьянъ, помощникъ Магеллана, II, 462.
 Эманация, ученіе, I, 176.
 Эмпедоклъ, его біографія, I, 97.
 Эмпірики, ихъ ученіе, I, 298.
 Эпикурейцы, современные, I, 132.
 Эпикуръ, его ученіе, I, 129.
 Его невѣріе, I, 131.
 Эпициклы и эксцентрики, теорія Гиппарха, I, 158.
 Эпохи индивидуальной жизни, I, 11.
 Національной жизни, I, 11.
 Эразмъ, отчуждается отъ реформаторовъ, II, 500.
 Необыкновенная популярность его сочиненія, II, 511.
 Эратосѣенъ, сочиненія, I, 152.
 Астрономія, I, 156.
 Эригена, Иоаннъ, пантеистъ, на службѣ у архіепископа Реймсакаго, II, 335.
 Этика Плагона, I, 123.
 Этическая философія, I, 112.
 Этническій элементъ, опредѣленіе его и условія его измѣненій, I, 10.
 Эскулапъ, отецъ греческой медицины, I, 293.

- Эссенъ, секта первыхъ отшельниковъ Яксартъ, I, 23.
 у евреевъ, I, 317.
 Эхиль, осужденъ на смерть за богохульство, но спасенъ братомъ его, Амниемъ, I, 39.
 Эфиръ, его движенія, II, 620.
 Юліанъ, отступникъ, I, 233.
 Юмъ, I, 101.
 Юстиніанъ, закрываетъ философскія школы Аѳинъ, I, 169.
 Завоевываетъ вновь Африку, I, 243.
 Результаты его войнъ, I, 261.
 Завоевываетъ Италію, I, 263.
 Юстинъ, Мученикъ, его понятіе о божественномъ лучѣ, I, 214.
 Юліанъ, императоръ, дѣлаетъ попытку возстановить язычество, I, 233.
 Югуртинская война, I, 193.
 Язонъ, его путешествіе, I, 32.
 Языки современные, II, 477.
 Язычество, I, 210.
 Смертельный ударъ, нанесенный ему Θεодосіемъ, I, 234.
 Язычники, обвиненія ихъ противъ христіанства, I, 227.
 Яковъ I, его преслѣдованія колдовства, II, 418.
 Эалесъ, его философія, I, 75.
 Θεодосій, императоръ, фанатизмъ его, I, 234.
 Его жестокое мщеніе въ Θεссалоникахъ, I, ib.
 Его дѣйствія, I, 237.
 Приказываетъ разрушить Серапионъ, I, 238.
 Θεодосій, александрійскій геометръ, I, 160.
 Θεонъ, александрійскій геометръ, отецъ Гипатія, I, 160, 240.
 Θεофилъ, архіепископъ александрійскій, его характеръ, I, 239.
 Причины его нелюбви къ Серапиону, I, 238.
 Его преслѣдованія, I, 240.
 Θεофилъ, епископъ антioxійскій, первый вводитъ слово „Троица“, I, 213.
 Θεофилъ, императоръ, послѣ его смерти поклоненіе иконамъ возстановляется, I, 314.
 Тома Аквинатъ, II, 339.
 Тома Кемпійскій, знаменитый авторъ „Подражанія Христу“, II, 480.
 Фукидидъ, не вѣритъ въ троянскую войну, I, 39.

Док. Ст. Милль.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ,

съ некоторыми примѣненіями къ общественной философи.

Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія Е. И. Остроградской,
подъ ред. приватъ-доцента О. П. Остроградскаго.

К. 1896 г. Подписная цѣна 2 руб.

Экономическая сторона всегда занимала первенствующее мѣсто въ человѣческой жизни и оказывала могущественное вліяніе на отношенія отдѣльных лицъ и цѣлыхъ народовъ. Исторія показываетъ намъ, что въ основѣ важнѣйшихъ политическихъ событій и явленій лежали хозяйственные и имущественные интересы и стремленія извѣстныхъ общественныхъ классовъ и государствъ. Отсюда наука, опредѣляющая какіе экономическіе принципы должны быть установлены обществомъ для того, чтобъ обезпечить ему наибольшее количество полезностей, распредѣляя ихъ справедливо и потребляя разумно, приобретаетъ огромное значеніе какъ для государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и для частныхъ лицъ, желающихъ уяснить себѣ тѣ отношенія, которыя возникаютъ изъ стремленія къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей.

Въ своемъ классическомъ трудѣ Джонъ Стюартъ Милль стремился соединить практическій методъ изслѣдованія съ развитыми нынѣ знаніями въ области экономическихъ теорій и представить экономическія явленія общественной жизни въ связи съ лучшими социальными идеями нашего времени. При своей трудной задачѣ—написать практическое, насколько позволяетъ предметъ, популярное сочиненіе, онъ, тѣмъ не менѣе, нигдѣ не жертвуетъ въ пользу котораго-нибудь изъ этихъ качествъ научнымъ изложеніемъ. Съ замѣчательной ясностью проводитъ онъ свои взгляды, основанные на жизненныхъ примѣрахъ, и съ неумолимою логической силой разбиваетъ ложныя теоріи, господствовавшія долгое время въ политической экономіи.

Выпуская въ свѣтъ сочиненіе знаменитаго англійскаго ученаго, изданное на рускомъ языкѣ въ шестидесятыхъ годахъ и давно уже ставшее библиографической рѣдкостью, издатель имѣлъ въ виду новымъ переводомъ съ послѣдняго, исправленнаго англійскаго изданія, предлагаемымъ по общедоступной цѣнѣ, внести извѣстную лепту въ экономическую литературу, сильно развившуюся въ послѣднее время.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ,

съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія
свободы и благосостоянія народовъ.

Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго, нѣм. изд.,
подъ ред. А. А. Рейнгольда.

К. 1896. Подписная цѣна 2 руб. 50 к.

Все издание, въ 2 т., около 1000 стр. въ 8 долю, выйдетъ въ 8-ми вып.

Капитальный трудъ Г. Фр. Кольба, извѣстнаго статистика и демократическаго дѣятеля, постепенно подвергался исправленіямъ и въ послѣднемъ изданіи, съ котораго сдѣланъ предлагаемый русской публикѣ новый переводъ, былъ значительно передѣланъ восьмидесятилѣтнимъ авторомъ, сообразно повѣйшимъ успѣхамъ знанія и требованіямъ исторической науки. Какъ извѣстно, въ различныя эпохи вопросъ о существенномъ содержаніи исторіи рѣшался въ зависимости отъ данной культурной и социальной сферы. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ исторіографія выдвинула на первый планъ описаніе «правовъ и духа» народовъ, т. е. нравственный и умственный прогрессъ человѣчества; послѣ великой французской революціи выступили политическія формы и государственныя перевороты; въ наше время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе—обращено особенное вниманіе на формы матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта. Исторія перестаетъ отдавать преимущество изображенію событій и біографій вождей и ихъ приключеній, отрѣшается отъ такъ-называемыхъ патріотическихъ легендъ и, удѣляя значительное мѣсто народнымъ массамъ, обращается къ изученію—экономической, государственной, общественной, умственной, нравственной, религіозной и эстетической сторонъ прошедшей жизни рода человѣческаго. Такая культурная исторія составляетъ задачу и стремленіе большинства историковъ нашего времени,—цѣль ея не только знакомить съ судьбами и дѣятельностью народовъ, примкнувшихъ къ государственному и духовному развитію, но и возбудить научный интересъ и принести практическую пользу—быть дѣйствительною «паставницей жизни». Конецъ девятнадцатаго вѣка вполне подтвердилъ, что государства болѣе всего могутъ крѣпнуть и развиваться на почвѣ экономической и духовной, помимо захватовъ достоинства слабѣйшихъ народовъ, и, такимъ образомъ, предстоящее преобладаніе исключительно культурныхъ началъ въ политической жизни, естественно, дастъ мѣсто только культурной исторіи.

